ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLXX.

1890.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

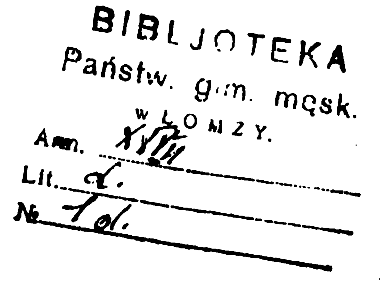
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLXX.

1890.

ІЮЛЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

Екатерининскій кан., № 80.
1915.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (24-го февраля 1890 года). **Объ учрежденіи при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ неприкосновеннаго капитала „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день февраля 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ неприкосновеннаго капитала „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“, въ количествѣ 300 руб., пожертвованныхъ названнымъ земствомъ въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 г., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на плату за право ученія въ означенномъ училищѣ бѣднѣйшихъ учениковъ всѣхъ сословій; при этомъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить.

2. (24-го февраля 1890 года). **Объ учрежденіи при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи стипендіи имени начальницы этой гимназіи Александры Акимовны Черновой.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24 день февраля 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи стипендіи имени начальницы этой гимназіи Александры Акимовны Черновой, на счетъ процентовъ съ капитала въ 1,900 руб.,

собраннаго съ этой цѣлью, по случаю 25-лѣтія служенія Черновой въ означенной должности, почитателями ея и родителями бывшихъ ученицъ сказанной гимназіи.

3. (27-го марта 1890 года). О сокращеніи числа стипендіатокъ имени Павловыхъ въ пансіонѣ Ставропольской женской гимназіи св. Александры.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 26-го февраля 1890 года, о сокращеніи числа стипендіатокъ имени Павловыхъ въ пансіонѣ Ставропольской женской гимназіи св. Александры, съ 10 на 6. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, въ присутствіи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, и не встрѣчая препятствія къ временному сокращенію числа стипендій имени Павловыхъ въ Ставропольской женской гимназіи св. Александры до предположенной министромъ народнаго просвѣщенія нормы, Комитетъ полагалъ въ видѣ временной мѣры, впредь до увеличенія пожертвованнаго коллежскимъ регистраторомъ Павловымъ благотворительнаго капитала, уменьшить число стипендій имени Павловыхъ въ названной выше женской гимназіи съ десяти на шесть (изъ коихъ: три—имени коллежскаго регистратора Лавра Ермолаевича Павлова и три—имени Евдокіи Васильевны Павловой), съ увеличеніемъ размѣра каждой стипендіи съ ста сорока руб. до двухсотъ двадцати руб. въ годъ, сверхъ тридцати руб. на первоначальное обзаведеніе каждой стипендіатки, и съ тѣмъ, чтобы изъ имѣющихъ образоваться остатковъ каждой стипендіаткѣ выдавалось, при окончаніи курса, пособіе въ размѣрѣ пятидесяти руб., а остальныя деньги причислялись къ основному капиталу для постепеннаго, по мѣрѣ возможности, увеличенія числа стипендій.

Государь Императоръ, въ 27-й день марта 1890 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

4. (17-го апрѣля 1890 года). О введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго Совѣта о введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о введеніи русскаго преподавательскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: Въ женскихъ училищахъ Дерптскаго учебнаго округа преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ, за исключеніемъ закона Божія лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій, производится на русскомъ языкѣ.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія привести означенную мѣру (ст. I) въ дѣйствіе постепенно, путемъ введенія въ отдѣльныхъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ, по ближайшему его, министра, усмотрѣнію, начиная съ низшихъ классовъ или съ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами.

5. (23-го апрѣля 1890 года). Объ учрежденіи стипендіи при Ковенской мужской гимназіи.

Въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года, Ковенскій окружный судъ, въ общемъ собраніи отдѣленій, постановилъ собрать капиталъ на учрежденіе двухъ стипендій при Ковенскихъ мужской и женской гимназіяхъ. Нынѣ капиталъ этотъ собранъ, и изъ него 700 р., заключающіеся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа и 5% банковыхъ билетахъ, предназначены на учрежденіе при Ковенской мужской гимназіи одной стипендіи, съ присвоеніемъ наименованія: „стипендія Ковенскаго окружнаго суда въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день апрѣля 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ благодарить.

6. (23-го апрѣля 1890 года). **О принятіи капитала, завѣщаннаго Егоромъ Кокоревымъ.**

Казанскій 1-й гильдіи купеческій сынъ А. В. Кокоревъ, во исполненіе воли покойнаго брата своего, инженеръ-технолога Егора Кокорева, выразившаго желаніе увѣковѣчить память отца своего В. А. Кокорева, представилъ начальству Московскаго учебнаго округа 20.000 р. въ 4°/₀ непрерывно-доходныхъ билетахъ, для употребленія процентовъ съ сего капитала на взносъ платы за ученіе бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, съ тѣмъ, чтобы на принятіе означеннаго капитала, съ присвоеніемъ ему наименованія имени отца-завѣщателя, было испрошено надлежащее разрѣшеніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 23-й день апрѣля 1890 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе означенному капиталу наименованія: „капиталъ имени умершаго коммерціи-совѣтника Василія Александровича Кокорева".

7. (24-го Апрѣля 1890 г.). **О пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго техническаго училища.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта **Михаилъ.**

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о пенсіонныхъ правахъ должностныхъ лицъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, **мнѣніемъ положилъ:**

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Должностныя лица и нижніе служители Императорскаго Московскаго техническаго училища, поступившіе на службу въ это училище до передачи онаго въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія (5-го іюля 1887 г.), сохраняютъ право на полученіе пятилѣтнихъ

прибавокъ и пенсій по правиламъ пенсіоннаго устава вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ соблюденіемъ притомъ нижеслѣдующихъ постановленій:

1) Вычеты, производимые съ означенныхъ должностныхъ лицъ и служителей, на основаніи пенсіоннаго устава вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, поступаютъ въ доходъ государственнаго казначейства. Въ тотъ же источникъ обращаются вычеты, произведенные уже съ упомянутыхъ лицъ за время съ 5-го іюля 1887 г. по день утвержденія настоящаго закона.

2) Лицамъ, пріобрѣвшимъ къ 5-му іюля 1887 г. право на полученіе половинной или полной пенсіи, выслуженные къ этому сроку пенсіонные оклады назначаются изъ средствъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи при окончательномъ оставленіи службы, или при увольненіи нижняго служителя отъ должности.

3) При выслугѣ лицами, означенными въ ст. 2, пенсіи въ высшемъ размѣрѣ противъ указаннаго тою же статьею, добавочная пенсія назначается имъ изъ государственнаго казначейства.

4) Лицамъ, не подходящимъ подъ условія, указанныя въ ст. 2, пенсіи назначаются полностью изъ государственнаго казначейства по выслугѣ сими лицами узаконенныхъ сроковъ и оставленіи службы, или при увольненіи нижняго служителя отъ должности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (1-го мая 1890 года). **О переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта **Михаилъ**.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о переводѣ реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу, **мнѣніемъ положилъ:**

1) Предоставить министерству народнаго просвѣщенія сдѣлать

распоряженіе о переводѣ четырехклассного реальнаго училища изъ г. Могилева въ г. Винницу, съ преобразованіемъ его въ шестиклассное.

2) Начиная съ 1-го іюля 1890 г., отпускать на содержаніе Винницкаго реальнаго училища по двадцать тысячъ сто пятьдесятъ восемь рублей въ годъ, обративъ на покрытіе сего расхода кредитъ, ассигнуемый на содержаніе Могилевскаго реальнаго училища; жертвуемые же Винницкимъ городскимъ обществомъ по восьми тысячъ рублей въ годъ зачислять, съ того же срока, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе сего училища.

3) Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Винницкаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городскаго общества, для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

9. (1-го мая 1890 года). Объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты положенія о Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ и штата сихъ учебныхъ заведеній поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ означенныхъ училищахъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе.

III. Открыть Маріинскія женскія училища въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ 1-го іюля 1890 года, упразднивъ съ того же срока существующія въ этихъ городахъ приходскія женскія училища.

IV. Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1891 года, на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ тринадцать тысячъ двѣсти тридцать рублей, съ обращеніемъ части сего расхода, въ размѣрѣ 2.230 рублей, на счетъ свободнаго кредита, образующагося по § 10 ст. 1 смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе упраздненія женскихъ приходскихъ училищъ въ Маргеланѣ и Самаркандѣ, и съ отнесеніемъ остальной части означеннаго расхода, въ количествѣ 11.000 рублей, на смѣту областныхъ денежныхъ земскихъ повинностей Туркестанскаго края.

V. Въ текущемъ году отпустить на изъясненную надобность (ст. IV) шесть тысячъ шестьсотъ пятнадцать рублей, съ отнесеніемъ 1.155 рублей на счетъ кредита, ассигнованнаго по § 10 ст. 1 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а 5.500 рублей—на мѣстныя средства Туркестанскаго края.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинной государственнымъ секретаремъ написано: „Государь Императоръ изволилъ разсматривать въ Гатчинѣ, 1-го мая 1890 г.“.

Подписалъ: государственный секретарь Половцевъ.

ТАБЛИЦА

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ.

	Классы.				Всего.
	I	II	III	IV	
Законъ Божій	3	3	3	3	12
Русскій и церковно-славянскій языкъ	5	5	4	4	18
Ариѳметика	2	2	2	2	8
Географія	—	2	2	2	6
Исторія	—	—	2	2	4
Чистописаніе	3	3	2	1	9
Рисованіе	2	2	2	2	8
Рукодѣліе	6	6	7	7	26
Пѣніе	2	2	2	2	8
Итого	23	25	26	25	99

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ, 1-го мая 1890 года.

Положеніе о Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ.

1. Маріинскія женскія училища въ Маргеланѣ и Самаркандѣ имѣютъ цѣлью доставлять общее элементарное образованіе дѣвицамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій.

Примѣчаніе. При училищѣ могутъ быть устраиваемы пансіоны или ученическія квартиры, на основаніи особыхъ правилъ, установляемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

2. Училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи туркестанскаго генералъ-губернатора и въ ближайшемъ завѣдываніи главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края.

3. Средства училищъ образуютъ: а) суммы, отпускаемыя на ихъ содержаніе по штату, и б) сборъ за ученіе. Суммы, собираемыя за ученіе, какъ спеціальныя средства училищъ, составляютъ ихъ собственность и расходуются на разныя ихъ нужды, а также на пособіе и награды служащимъ, по представленію главнаго инспектора училищъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора.

4. Непосредственное управленіе каждымъ училищемъ ввѣряется смотрительницѣ, при участіи педагогическаго совѣта.

5. Педагогическій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ смотрительницы, изъ законоучителя и всѣхъ прочихъ лицъ, служащихъ при училищѣ по учебной и воспитательной части. Обязанности секретаря совѣта исполняетъ, по его выбору, одна изъ учительницъ.

6. Обсужденію и рѣшенію педагогическаго совѣта подлежатъ слѣдующія дѣла: а) пріемъ ученицъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; б) выдача свидѣтельствъ ученицамъ, окончившимъ курсъ ученія; в) избраніе секретаря совѣта и библіотекаря; г) составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библіотеки; д) разсмотрѣніе годоваго отчета по учебной части, составляемаго секретаремъ совѣта; е) составленіе правилъ о взысканіяхъ съ ученицъ; ж) распредѣленіе учебныхъ занятій ученицъ въ заведеніи, а также домашняго приготовленія ими уроковъ и письменныхъ работъ; з) выборъ учебныхъ руководствъ и пособій и книгъ для ученической библіотеки изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣ-

щенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности; и) наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ училищныхъ суммъ; і) опредѣленіе размѣра платы за ученіе; к) освобожденіе отъ платы за ученіе недостаточныхъ ученицъ, но не свыше 10% всего числа учащихся въ училищѣ; л) всѣ вообще подробности, касающіяся учебной части, которыя не будутъ опредѣлены въ особой инструкціи министра народнаго просвѣщенія (ст. 12).

7. Заключенія педагогическаго совѣта, касающіяся распредѣленія учебныхъ занятій, выбора руководствъ, учебныхъ пособій и книгъ для библіотеки, размѣра платы за ученіе, а равно предположенія объ улучшеніи въ устройствѣ училища, связанныя съ увеличеніемъ расходовъ казны,—должны быть представляемы на усмотрѣніе главнаго инспектора училищъ.

8. Дѣла въ педагогическомъ совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательницы даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ несогласія съ большинствомъ членовъ педагогическаго совѣта, предсѣдательница представляетъ дѣло на усмотрѣніе главнаго инспектора училищъ, съ приложеніемъ своего заключенія и мнѣнія остальныхъ членовъ. Во всѣхъ случаяхъ разногласія, мнѣніе меньшинства, если послѣднее того пожелаетъ, доводится также до свѣдѣнія главнаго инспектора училищъ.

9. Въ училищахъ преподаются: законъ Божій для православныхъ, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика, исторія, географія, рукодѣліе, рисованіе, чистописаніе и пѣніе. Сверхъ того, по желанію родителей и на ихъ счетъ, въ училищахъ могутъ быть преподаваемы, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, въ свободное отъ классныхъ занятій время, новые иностранные языки.

10. Въ училищахъ полагается четыре класса, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Въ случаѣ надобности, при училищахъ могутъ быть открыты также приготовительные классы, съ разрѣшенія генералъ-губернатора.

Примѣчаніе. Въ каждомъ классѣ допускается не болѣе 40 ученицъ. При большемъ ихъ числѣ, должны быть открываемы параллельныя отдѣленія.

11. Въ первый низшій классъ училищъ принимаются дѣвочки 8—12 лѣтняго возраста, знающія главнѣйшія молитвы, умѣющія читать и писать по-русски, а также считать и рѣшать легкія задачи съ числами не свыше 100. Во всѣ слѣдующіе классы, если имѣются свободныя вакансіи, могутъ поступать дѣвочки соотвѣтствующаго возра-

ста, выдержавшія пріемное испытаніе по всѣмъ предметамъ пройденнаго курса.

12. Программы преподаванія предметовъ, входящихъ въ составъ учебнаго курса училищъ (ст. 9), правила объ испытаніяхъ ученицъ при пріемѣ ихъ въ училища, переводѣ изъ класса въ классъ и окончаніи курса, а равно другія подробности, относящіяся къ учебной части, опредѣляются особою инструкціею, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

13. Смотрительницы училищъ избираются главнымъ инспекторомъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней учительницы или наставницы, и утверждаются въ должности генералъ-губернаторомъ.

Примѣчаніе. Смотрительницы обязаны преподавать въ училищѣ одинъ изъ предметовъ, на преподаваніе коихъ онѣ имѣютъ право.

14. Законоучители избираются смотрительницами училищъ и утверждаются въ должности генералъ-губернаторомъ, по предварительномъ одобреніи избранныхъ кандидатовъ главнымъ инспекторомъ училищъ и епархіальнымъ начальствомъ.

15. Учительницы наукъ избираются смотрительницами училищъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней учительницы или наставницы. Учительницы чистописанія, рисованія и пѣнія избираются изъ лицъ, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства на право преподаванія сихъ искусствъ, а учительницы рукодѣлія—изъ опытныхъ въ преподаваніи этого предмета мастерицъ. Учительницы утверждаются въ должности генералъ - губернаторомъ, по представленію главнаго инспектора училищъ.

Примѣчаніе. При невозможности пріискать учительницъ чистописанія, рисованія и пѣнія, преподаваніе этихъ предметовъ поручается по найму лицамъ, преподающимъ оные въ мѣстныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

16. Смотрительницы и штатныя учительницы училищъ пользуются правомъ на полученіе пенсіи изъ особаго капитала домашнихъ учителей и учительницъ, находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія. Тѣмъ же правомъ пользуются и учительницы рукодѣлія, если онѣ имѣютъ званіе домашней учительницы или наставницы.

17. Училища имѣютъ печать утвержденнаго для уѣздныхъ установленій образца.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ. 8 мая 1890 года.

ШТАТЪ

маріинскихъ женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Маргеланѣ и Самаркандѣ.

	Число лицъ.	Жалованье въ годъ одному.	Всего.	
		Рубли.		К.
Смотрительницѣ (квартира въ натурѣ) .	1	750	900	—
Ей же добавочныхъ за преподаваніе 6 уроковъ	—	150		—
Законоучителю	1	540	540	—
Учительницамъ наукъ и искусствъ (квартира въ натурѣ)	3	600	1800	—
Учительницѣ рукодѣлія (квартира въ натурѣ	1	450	450	—
Вознагражденіе за преподаваніе пѣнія .	—	—	112	50
На учебныя пособія и канцелярскіе расходы	—	—	300	—
Содержаніе дома и прислуги.	—	—	900	—
Дѣлопроизводителю (онъ же смотритель помѣщенія	—	—	112	50
На наемъ помѣщенія	—	—	1500	—
Итого	—	—	6615	—

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

10. (8-го Мая 1890 года). Объ учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Батумѣ и Карсѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Батумѣ и Карсѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи Маріинскихъ женскихъ училищъ въ городахъ Батумѣ и Карсѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Проекты: положенія о Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карсѣ и штата сихъ учебныхъ заведеній поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

2) Таблицу числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ означенныхъ училищахъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе.

3) Открыть Маріинскія женскія училища въ Батумѣ и Карсѣ 1-го іюля 1890 года, упразднивъ съ того же срока Батумское двухклассное и Карсское трехклассное женскія училища.

4) Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1891 г., изъ государственнаго казначейства на содержаніе Маріинскаго женскаго училища въ Карсѣ по одной тысячѣ рублей въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ источниковъ. Въ текущемъ же году отпустить на изъясненную надобность пятьсотъ руб., съ отнесеніемъ сего расхода на остатки, могущіе образоваться по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинной Государственнымъ Секретаремъ написано: „Государь Императоръ изволилъ разсматривать въ Гатчинѣ, 8 мая 1890 г.“

Подписалъ: Государственный Секретарь Половцовъ.

ТАБЛИЦА

числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карсѣ.

	Классы.				Всего.
	I	II	III	IV	
Законъ Божій	3	3	3	3	12
Русскій и церковно-славянскій языкъ.	5	5	4	4	18
Ариѳметика.	4	4	} 4	5	17
Элементарная геометрія.	—	—			
Географія	—	2	2	2	[illegible]
Исторія	—	—	2	2	4
Естествовѣдѣніе	—	2	2	2	6
Чистописаніе	3	3	2	1	9
Рисованіе	4	4	4	4	16
Рукодѣліе	4	4	5	5	18
Пѣніе	2	2	2	2	8
Итого. . . .	25	29	30	30	114

Примѣчанія:

1) Число уроковъ закона Божія армяно-григоріанскаго исповѣданія и армянскаго и греческаго языковъ въ Карсскомъ училищѣ, а также распредѣленіе сихъ уроковъ по классамъ опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

2) Объемъ и предметы преподаванія въ приготовительныхъ классахъ опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ 8-го мая 1890 года.

Положеніе о маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карсѣ.

1. Маріинскія женскія училища въ Батумѣ и Карсѣ имѣютъ цѣлію доставлять общее элементарное образованіе дѣвицамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій.

2. Училища состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителя Кавказскаго учебнаго округа и въ ближайшемъ завѣдываніи подлежащихъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

3. Средства училищъ образуютъ: а) суммы, отпускаемыя на ихъ содержаніе мѣстными городскими обществами; б) плата за ученіе, и в) пожертвованія.

Примѣчаніе. Карсскому училищу, сверхъ того, отпускается пособіе изъ казны въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ.

4. Попеченіе о матеріальномъ преуспѣяніи училищъ возлагается на состоящіе при нихъ попечительные совѣты.

5. Попечительные совѣты состоятъ изъ лицъ обоего пола, избираемыхъ въ числѣ не болѣе четырехъ, на три года, тѣми обществами, которыя содержатъ училища. Члены попечительныхъ совѣтовъ избираютъ изъ среды своей предсѣдателя также на три года, причемъ лицо, занимавшее эту должность, можетъ быть избираемо и на слѣдующіе сроки. Предсѣдатель и члены попечительныхъ совѣтовъ утверждаются въ своихъ званіяхъ и увольняются отъ оныхъ попечителемъ учебнаго округа. Мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ или другое лицо вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа, а также смотрительницы училищъ состоятъ непремѣнными членами попечительныхъ совѣтовъ.

6. Вѣдѣнію попечительныхъ совѣтовъ подлежатъ: а) изысканіе средствъ къ улучшенію матеріальнаго положенія училищъ; б) составленіе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ по училищамъ; в) опредѣленіе жалованья смотрительницамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, по возможности, не ниже указаннаго въ штатѣ; г) наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ училищныхъ суммъ; д) опредѣленіе размѣра платы за ученіе; е) освобожденіе, по ходатайству педагогическихъ совѣтовъ, отъ платы за ученіе недостаточныхъ уче-

ницъ, но не свыше 10% всего числа учащихся въ училищахъ, и ж) попеченіе о бѣдныхъ ученицахъ какъ во время учебнаго курса, такъ и по окончаніи онаго.

7. Вопросы, разсматриваемые въ попечительныхъ совѣтахъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Рѣшенія попечительныхъ совѣтовъ, при несогласіи непремѣннаго члена съ мнѣніемъ большинства, приводятся въ исполненіе лишь по утвержденіи оныхъ попечителемъ учебнаго округа.

8. Непосредственное управленіе каждымъ училищемъ ввѣряется смотрительницѣ, при участіи педагогическаго совѣта.

9. Педагогическій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ смотрительницы, изъ законоучителей и всѣхъ прочихъ лицъ, служащихъ при училищѣ по учебной и воспитательной части. Обязанности секретаря совѣта исполняетъ, по его выбору, одна изъ учительницъ.

Примѣчаніе. Начальству учебнаго округа предоставляется, въ случаѣ признанной необходимости, предсѣдателемъ педагогическаго совѣта назначать инспектора мѣстныхъ мужскихъ городскихъ училищъ, или кого-либо изъ опытныхъ учителей сихъ училищъ.

10. Къ предметамъ вѣдомства педагогическаго совѣта относятся: а) пріемъ ученицъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; б) выдача свидѣтельствъ ученицамъ, окончившимъ курсъ ученія; в) составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библіотеки; г) составленіе годоваго отчета по учебной части; д) составленіе правилъ о взысканіяхъ съ ученицъ; е) равномѣрное распредѣленіе какъ занятій ученицъ въ заведеніи, такъ и домашняго приготовленія ими уроковъ и письменныхъ работъ, и ж) выборъ учебныхъ руководствъ, пособій и книгъ для ученической библіотеки изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности.

11. Вопросы, разсматриваемые въ педагогическомъ совѣтѣ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ большинства, предсѣдательствующій представляетъ дѣло на усмотрѣніе директора народныхъ училищъ, съ приложеніемъ своего заключенія и мнѣнія остальныхъ членовъ. Во всѣхъ случаяхъ разногласія, мнѣніе меньшинства, если послѣднее того пожелаетъ, доводится до свѣдѣнія директора народныхъ училищъ.

12. Постановленія педагогическаго совѣта, касающіяся выбора учебныхъ руководствъ и пособій, а также книгъ для библіотеки, должны быть представляемы на утвержденіе директора народныхъ училищъ.

13. Постановленія педагогическаго совѣта, имѣющія связь съ хозяйственною частью заведенія, сообщаются попечительному совѣту, который, равнымъ образомъ, имѣетъ право дѣлать сообщенія педагогическому совѣту по хозяйственнымъ вопросамъ, касающимся учебной и воспитательной части. Случаи разногласія въ мнѣніяхъ совѣтовъ попечительнаго и педагогическаго рѣшаются попечителемъ учебнаго округа.

14. Въ училищахъ преподаются: законъ Божій для православныхъ, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика и элементарныя свѣдѣнія изъ геометріи, географія, исторія, краткій курсъ естествовѣдѣнія, рукодѣліе, рисованіе, чистописаніе и пѣніе. Въ Карсскомъ училищѣ преподаются, сверхъ того, законъ Божій армяно-григоріанскаго исповѣданія, а также—необязательно—армянскій и греческій языки.

Примѣчаніе. Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, въ училищахъ могутъ быть преподаваемы и предметы дополнительные.

15. Въ училищахъ полагается четыре основныхъ класса, съ годичнымъ курсомъ ученія въ каждомъ, и классъ приготовительный.

Примѣчаніе. Въ каждомъ классѣ допускается не болѣе 40 ученицъ. При большемъ ихъ числѣ должны быть открываемы параллельныя отдѣленія.

16. Программы преподаванія учебныхъ предметовъ въ училищахъ, правила объ испытаніяхъ ученицъ при пріемѣ ихъ въ училища, переводѣ изъ класса въ классъ и окончаніи курса,—опредѣляются особою инструкціею, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

17. Смотрительницы училищъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы, и назначаются на должность попечителемъ учебнаго округа. Смотрительницы обязаны преподавать въ училищѣ одинъ изъ предметовъ, на преподаваніе коихъ онѣ имѣютъ право.

18. Законоучители училищъ избираются смотрительницами и утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа, по предварительномъ одобреніи избранныхъ кандидатовъ директоромъ народныхъ училищъ и епархіальнымъ начальствомъ.

19. Учительницы наукъ избираются смотрительницами училищъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней наставницы или учительницы. Учительницы чистописанія, рисованія и пѣнія избираются изъ лицъ, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства на право преподаванія сихъ искусствъ, а учительницы рукодѣлія—изъ опытныхъ въ преподаваніи этого предмета мастерицъ. Учительницы утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора народныхъ училищъ.

Примѣчаніе. При невозможности пріискать учительницъ рисованія, чистописанія и пѣнія, преподаваніе сихъ предметовъ поручается по найму лицамъ, преподающимъ оные въ мѣстныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

20. Училища имѣютъ печать утвержденнаго для уѣздныхъ установленій образца.

21. Члены попечительнаго совѣта училищъ, если не занимаютъ высшихъ должностей, считаются въ VII классѣ и имѣютъ право носить мундиръ VII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

22. Смотрительницы и штатныя учительницы училищъ пользуются правомъ на полученіе пенсій изъ особаго капитала домашнихъ учителей и учительницъ, находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, подъ условіемъ 2% вычета изъ всего получаемаго ими содержанія на усиленіе сего капитала. Тѣмъ же правомъ и на томъ же основаніи пользуются учительницы рукодѣлія, если онѣ имѣютъ званіе домашней наставницы или учительницы.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ. 1 мая 1890 года.

ШТАТЪ

маріинскихъ женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Батумѣ и Карсѣ.

	Число лицъ.	Жалованье въ годъ одному.	Всего.
		Рубли.	
Смотрительницѣ (квартира въ натурѣ)	1	500	600
Ей же добавочныхъ за преподаваніе 6 уроковъ	—	100	
Законоучителю православнаго исповѣданія	1	360	360
Учительницамъ наукъ и искусствъ (квартира въ натурѣ)	3	400	1200
Учительницѣ рукодѣлія (квартира въ натурѣ)	1	300	300
Учительницѣ приготовительнаго класса	1	500	500
Вознагражденіе за преподаваніе пѣнія	—	—	75
На учебныя пособія и канцелярскіе расходы	—	—	275
Содержаніе дома и прислуги	—	—	600
Итого	7	—	3910

Примѣчанія.

1) Сверхъ того, на наемъ помѣщенія для Батумскаго училища и на производство квартирныхъ денегъ смотрительницѣ и учительницамъ, кромѣ учительницы приготовительнаго класса, полагается 1.220 руб.

2) На вознагражденіе за уроки закона Божія армяно-григоріанскаго исповѣданія и армянскаго и греческаго языковъ въ Карсскомъ училищѣ полагается 590 руб.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

11. (14-го мая 1890 года). О промышленныхъ училищахъ имени Ѳ. В. Чижова.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о промышленныхъ училищахъ имени Ѳ. В. Чижова, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о промышленныхъ училищахъ имени Ѳ. В. Чижова, мнѣніемъ положилъ:

Проектъ положенія о промышленныхъ училищахъ имени надворнаго совѣтника Ѳедора Васильевича Чижова представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„Быть по сему".

Въ С.-Петербургѣ.
14-го мая 1890 года.

Положеніе о промышленныхъ училищахъ имени надворнаго совѣтника Ѳедора Васильевича Чижова.

1. На счетъ капитала, завѣщаннаго надворнымъ совѣтникомъ Ѳ. В. Чижовымъ, учреждаются въ Костромской губерніи пять промышленныхъ училищъ; изъ нихъ одно среднее, два низшихъ техническихъ и два ремесленныхъ, съ наименованіемъ оныхъ: „Костромскія промышленныя училища Ѳ. В. Чижова".

2. Опредѣленіе, согласно указаніямъ завѣщателя, мѣстъ, гдѣ таковыя училища должны быть открыты, и спеціальностей, которымъ они должны быть посвящены, предоставляется душеприказчикамъ покойнаго Ѳ. В. Чижова: потомственному почетному гражданину Саввѣ Ивановичу Мамонтову и статскому совѣтнику Алексѣю Дмитріевичу Полѣнову.

3. Означенныя училища учреждаются согласно Высочайше утверж-

деннымъ 7-го марта 1888 г. основнымъ положеніямъ о промышленныхъ училищахъ. Они открываются по распоряженію министра народнаго просвѣщенія и состоятъ въ вѣдѣніи попечителя Московскаго учебнаго округа.

4. Уставы и штаты этихъ училищъ составляются душеприказчиками Ѳ. В. Чижова и, по одобреніи ихъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, представляются симъ послѣднимъ на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

5. Всѣ расходы, какъ по содержанію училищъ, такъ и по общему ими завѣдыванію, относятся на проценты, въ количествѣ ста тысячъ рублей, съ завѣщаннаго Ѳ. В. Чижовымъ капитала, который вносится душеприказчиками на имя промышленныхъ училищъ Ѳ. В. Чижова въ одно изъ правительственныхъ учрежденій.

6. Капиталъ, обезпечивающій содержаніе промышленныхъ училищъ Ѳ. В. Чижова (ст. 5), оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, именуется основнымъ капиталомъ промышленныхъ училищъ Ѳ. В. Чижова.

7. Сборъ за ученіе составляетъ неотъемлемую собственность каждаго училища по принадлежности и расходуется по правиламъ о расходованіи спеціальныхъ средствъ въ соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

8. Устройство училищъ, какъ то: возведеніе для каждаго изъ нихъ потребныхъ зданій и обзаведеніе училищъ предметами, необходимыми для успѣшнаго прохожденія теоретическаго курса и практическаго обученія учениковъ, душеприказчики Ѳ. В. Чижова, согласно его завѣщанію, принимаютъ на себя и потребные на сіе расходы производятъ изъ капитала, находящагося по духовному завѣщанію въ ихъ распоряженіи, порядкомъ, который они найдутъ наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ.

9. Въ промышленныя училища имени Ѳ. В. Чижова допускаются лица всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, за исключеніемъ евреевъ.

10. Ученики училищъ Ѳ. В. Чижова носятъ форменную одежду по образцу, утвержденному для учениковъ промышленныхъ училищъ.

11. Служащіе въ промышленныхъ училищахъ Ѳ. В. Чижова пользуются всѣми правами, предоставленными служащимъ въ соотвѣтственныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ пенсіею изъ казны.

12. Для завѣдыванія промышленными училищами Ѳ. В. Чижова учреждается особая должность директора этихъ училищъ, на кото-

ромъ лежитъ забота объ успѣшномъ ходѣ обученія въ подвѣдомыхъ ему училищахъ и о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи практической подготовки учениковъ къ предстоящей имъ дѣятельности.

13. Директоръ промышленныхъ училищъ имени Ѳ. В. Чижова пользуется служебными правами наравнѣ съ директоромъ соединенныхъ средняго и низшаго техническихъ училищъ съ тремя спеціальностями и ремесленнаго, въ томъ числѣ пенсіею изъ казны.

14. Директоръ избирается душеприказчиками Ѳ. В. Чижова изъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе должности директора въ среднемъ техническомъ училищѣ, и утверждается въ должности, по представленію попечителя Московскаго учебнаго округа, министромъ народнаго просвѣщенія.

15. Подробная инструкція о правахъ и обязанностяхъ директора составляется попечителемъ Московскаго учебнаго округа по соглашенію съ душеприказчиками Ѳ. В. Чижова, и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

16. Душеприказчики Ѳ. В. Чижова: потомственный почетный гражданинъ С. И. Мамонтовъ и статскій совѣтникъ А. Д. Полѣновъ, состоятъ пожизненно почетными попечителями промышленныхъ училищъ Ѳ. В. Чижова и пользуются всѣми правами, присвоенными почетнымъ попечителямъ среднихъ техническихъ училищъ.

17. На душеприказчикахъ лежитъ главное наблюденіе за преуспѣяніемъ промышленныхъ училищъ Ѳ. В. Чижова и общее направленіе хода дѣла въ сихъ училищахъ, согласно волѣ завѣщателя. Имъ принадлежитъ право возбуждать ходатайства передъ правительствомъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ уставахъ училищъ; въ случаѣ же возбужденія таковыхъ ходатайствъ не ими, представленіе объ измѣненіи въ уставахъ не можетъ послѣдовать безъ ихъ согласія. Въ ихъ распоряженіи находятся всѣ суммы, превышающія штатныя на содержаніе училищъ назначенія, равно какъ остатки и проценты штатныхъ суммъ и другія непредвидѣнныя и случайныя поступленія. Они состоятъ членами, съ правомъ голоса, во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ училищъ Ѳ. В. Чижова и занимаютъ въ нихъ первое мѣсто. Если одинъ изъ душеприказчиковъ останется въ меньшинствѣ по какому-либо вопросу, подлежащему обсужденію сихъ коллегіальныхъ учрежденій, то означенный вопросъ представляется на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа. Душеприказчики избираютъ и представляютъ на утвержденіе, въ установленномъ порядкѣ, товарища почетныхъ попечителей, директора всѣхъ училищъ Ѳ. В. Чижова и ди-

ректоровъ техническихъ и инспекторовъ ремесленныхъ училищъ его имени.

18. Въ помощь пожизненнымъ почетнымъ попечителямъ при промышленныхъ училищахъ Ѳ. В. Чижова учреждается должность товарища почетныхъ попечителей. Онъ раздѣляетъ труды почетныхъ попечителей по училищамъ, дѣйствуя во всемъ согласно ихъ указаніямъ и замѣняетъ ихъ, въ случаѣ ихъ отсутствія, въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ училищъ.

19. Товарищъ почетныхъ попечителей избирается душеприказчиками Ѳ. В. Чижова на три года и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія наравнѣ съ пожизненными почетными попечителями. Онъ пользуется одинаковыми съ ними служебными правами.

20. Для общаго завѣдыванія училищами Ѳ. В. Чижова и вящшаго обезпеченія успѣшной ихъ дѣятельности учреждается особый попечительный совѣтъ, состоящій изъ почетныхъ попечителей (душеприказчиковъ), товарища почетныхъ попечителей, директора училищъ Ѳ. В. Чижова, директоровъ техническихъ и инспекторовъ ремесленныхъ училищъ Ѳ. В. Чижова, представителей Костромскаго губернскаго и уѣзднаго земствъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ будутъ открыты училища, по избранію земствъ, по одному отъ каждаго, и Костромскаго городскаго головы. Костромской губернаторъ, въ случаѣ, если пожелаетъ, состоитъ почетнымъ членомъ попечительнаго совѣта. Предсѣдательство въ семъ совѣтѣ принадлежитъ одному изъ почетныхъ попечителей по взаимному между ними соглашенію. При отсутствіи обоихъ почетныхъ попечителей мѣсто ихъ занимаетъ ихъ товарищъ.

21. Попечительный совѣтъ: а) заботится о наилучшей постановкѣ практическихъ занятій учениковъ по избраннымъ для училищъ спеціальностямъ, сообразно мѣстнымъ экономическимъ условіямъ Костромской и окрестныхъ губерній и спросу промышленности на извѣстнаго рода мастеровъ и техниковъ; б) обсуждаетъ возбуждаемые душеприказчиками вопросы объ измѣненіяхъ въ уставѣ училищъ; в) разсматриваетъ годовые отчеты училищъ и сообщаетъ ихъ съ своимъ заключеніемъ попечителю Московскаго учебнаго округа для представленія въ министерство народнаго просвѣщенія, и г) обсуждаетъ вообще всѣ вопросы, вносимые на его разсмотрѣніе душеприказчиками.

22. Подробное указаніе обязанностей попечительнаго совѣта составляется попечителемъ Московскаго учебнаго округа по соглашенію

съ душеприказчиками Ѳ. В. Чижова и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

23. Попечительный совѣтъ собирается въ Костромѣ не менѣе одного раза въ годъ, во время, наиболѣе свободное отъ учебныхъ занятій. Дѣлопроизводство попечительнаго совѣта возлагается на директора училищъ имени Ѳ. В. Чижова.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го мая 1890 года). **Положеніе о стипендіи при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы Екатерины II въ память столѣтія существованія сего училища.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го мая 1890 года, учреждается при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы Екатерины II, на счетъ капитала въ пятьсотъ пятьдесятъ руб., пожертвованнаго членами „Вспомогательнаго Общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ“ бывшими учениками названнаго училища, стипендія въ память столѣтія существованія этого училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключающійся въ пяти билетахъ 2-го восточнаго займа, по 100 руб. каждый, и одного билета 1-го восточнаго займа въ 50 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ означеннаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избраннаго стипендіата, а остающійся за тѣмъ излишекъ можетъ быть выданъ тому же стипендіату на учебныя принадлежности.

§ 4. Право выбора стипендіата изъ числа учениковъ означеннаго училища по преимуществу православнаго исповѣданія, предоставляется педагогическому совѣту училища. Правленіе „Вспомогательнаго Общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ“ имѣетъ право представлять педагогическому совѣту училища своихъ кандидатовъ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія

стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (19-го мая 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени бывшаго Тамбовскаго губернатора тайнаго совѣтника барона Александра Александровича Фридерикса при Моршанской женской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Моршанской женской прогимназіи одна стипендія имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника барона А. А. Фридерикса на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти шестьдесятъ два руб. пятьдесятъ коп., пожертвованныхъ съ этою цѣлью Моршанскимъ городскимъ обществомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный вѣчнымъ вкладомъ изъ 4% годовыхъ въ Моршанское отдѣленіе государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, принадлежитъ къ спеціальнымъ средствамъ Моршанской женской прогимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избранной стипендіатки, а могущій затѣмъ образоваться остатокъ выдается ей на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и прочія нужды.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ воспитанницъ Моршанской женской прогимназіи, отличающихся прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, безъ различія сословій, но преимущественно изъ постоянныхъ жителей г. Моршанска.

§ 5. Право выбора стипендіатки посредствомъ закрытой баллотировки изъ числа кандидатокъ, рекомендованныхъ педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи, принадлежитъ Моршанской городской думѣ.

§ 6. Избранная стипендіатка сохраняетъ за собой стипендію во все время нахожденія въ прогимназіи и можетъ быть ея лишена педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (23-го мая 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника барона Александра Александровича Фридерикса при Моршанскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Моршанскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ одна стипендія имени бывшаго Тамбовскаго губернатора барона А. А. Фридерикса, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто тридцать одинъ руб. двадцать пять коп., пожертвованныхъ съ этою цѣлью Моршанскимъ городскимъ обществомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный вѣчнымъ вкладомъ изъ 4% годовыхъ въ Моршанское отдѣленіе государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, принадлежитъ къ спеціальнымъ средствамъ Моршанскаго городскаго трехкласснаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе избраннаго стипендіата, а могущій затѣмъ образоваться остатокъ выдается ему на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и прочія нужды.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Моршанскаго городскаго училища, отличающихся прилежаніемъ, хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, безъ различія сословій, но преимущественно изъ постоянныхъ жителей г. Моршанска.

§ 5. Право выбора стипендіата посредствомъ закрытой баллотировки изъ числа кандидатовъ, рекомендованныхъ педагогическимъ совѣтомъ училища, принадлежитъ Моршанской городской думѣ.

§ 6. Избранный стипендіатъ сохраняетъ за собой стипендію во все время нахожденія въ училищѣ и можетъ быть лишенъ ея педагогическимъ совѣтомъ училища лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (23-го мая 1890 года). **Положеніе о стипендіяхъ имени маіора Василія Николаевича Чубровсаго при Борисоглѣбской женской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г.,

на счетъ процентовъ съ капитала въ 10,000 р., завѣщаннаго маіоромъ В. Н. Чубровскимъ, учреждаются при Борисоглѣбской женской прогимназіи девять стипендій имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственнаго банка на срокъ 5 лѣтъ одно въ 8,000 руб. и другое въ 2,000 руб., хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г. употребляются: 1) на взносъ платы за ученіе 4-хъ стипендіатокъ, по 25 р. за каждую; 2) на взносъ платы за ученіе и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для 4-хъ другихъ стипендіатокъ по 35 р. на каждую и 3) на взносъ платы за ученіе, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и содержаніе одной стипендіатки въ размѣрѣ 140 руб.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ бѣднѣйшихъ и отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами воспитанницъ прогимназіи православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, но преимущественно изъ дѣтей жителей г. Борисоглѣбска и его уѣзда.

§ 5. Право избранія стипендіатокъ, согласно волѣ завѣщателя принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи, который своевременно доводитъ до свѣдѣнія попечительнаго совѣта объ избранныхъ стипендіаткахъ.

§ 6. Стипендіатки пользуются стипендіями во все время пребыванія въ прогимназіи и могутъ быть лишены ихъ педагогическимъ совѣтомъ лишь въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ ихъ родителей, а также вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ, если причины малоуспѣшности будутъ признаны педагогическимъ совѣтомъ неуважительными.

§ 7. Полученные съ означеннаго стипендіальнаго капитала до утвержденія сего положенія проценты, а также могущіе по какимъ-либо причинамъ образоваться остатки отъ ежегодныхъ процентовъ съ сего капитала причисляются, за покрытіемъ расхода по обмѣну бумагъ, къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

5. (28-го мая 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени протоіерея Арзамасскаго Воскресенскаго собора Іоанна Дмитріевича Старогородскаго при Арзамасской Екатерининской женской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Арзамасской Екатерининской женской прогимназіи, въ память шестидесятилѣтія священства протоіерея Арзамасскаго Воскресенскаго собора І. Д. Старогородскаго, одна стипендія его имени, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто пятьдесятъ руб., собраннаго по подпискѣ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной прогимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г, употребляются на плату за ученіе избранной стипендіаткой, а остающійся за тѣмъ остатокъ—на пріобрѣтеніе нея учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіатки, по рекомендаціи попечительнаго совѣта прогимназіи, изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію ученицъ принадлежитъ о. Старогородскому, при его жизни, а по его смерти переходитъ къ преемникамъ его по званію настоятеля Воскресенскаго собора.

§ 5. Избранная стипендіатка имѣетъ право пользоваться стипендіею во все время пребыванія въ прогимназіи и можетъ быть ея лишена педагогическимъ совѣтомъ лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (29-го мая 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени англійскаго подданнаго Викентія Джіамальва при Керченской Александровской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Керченской Александровской гимназіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго умершимъ англійскимъ подданнымъ Викентіемъ Джіамальва капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ об-

лигаціи восточнаго займа, учреждается одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Завѣщанный капиталъ присоединяется къ спеціальнымъ средствамъ Керченской Александровской гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ италіанскаго происхожденія, а, при отсутствіи таковаго,—ученику другихъ христіанскихъ исповѣданій по выбору педагогическаго совѣта и почетнаго попечителя гимназіи.

§ 4. Стипендія прекращается: а) съ окончаніемъ стипендіатомъ курса гимназіи, б) съ увольненіемъ его изъ гимназіи и в) по случаю улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата.

§ 5. Проценты съ капитала, за вычетомъ изъ нихъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., поступаютъ въ уплату за право ученія стипендіата, а остатокъ употребляется въ пособіе стипендіату на пріобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій или форменной одежды, или на отправленіе въ высшее учебное заведеніе по окончаніи стипендіатомъ гимназическаго курса.

§ 6. Въ случаѣ неимѣнія соотвѣтствующаго кандидата на занятіе стипендіи педагогическому совѣту предоставляется право присоединять получаемые проценты къ стипендіальному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (29-го мая 1890 года). Положеніе о стипендіи имени д. т. сов. Виктора Александровича Бибикова при С.-Петербургской 3-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго д. т. сов. В. А. Бибиковымъ капитала, составляющаго нынѣ 8,550 руб., учреждается при С.-Петербургской 3-й гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ С.-Петербургской 3-й гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20-го мая, употребляются на содержаніе одного пансіонера.

§ 4. Стипендіею пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанни-

ковъ гимназіи, круглый сирота, отличающійся хорошими успѣхами и поведеніемъ. Въ случаѣ нѣсколькихъ равноправныхъ кандидатовъ, стипендія назначается по жребію.

§ 5. Въ случаѣ неимѣнія между воспитанниками гимназіи круглаго сироты, до поступленія таковаго, стипендія временно можетъ быть замѣщена неимущимъ полусиротою изъ достойнѣйшихъ учениковъ.

§ 6. Право избранія стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту С.-Петербургской 3-й гимназіи.

§ 7. Образовавшіеся отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки могутъ быть употребляемы на вспомоществованіе стипендіату при окончаніи курса.

§ 8. Право пользованія стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (30-го мая 1890 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу объ особыхъ преимуществахъ службы въ отдаленныхъ губерніяхъ Имперіи.

Въ ст. 2-й Положенія объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, а также въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго (Св. Зак., по прод. 1886 г., т. III) выражено, что особыми преимуществами пользуются, по всѣмъ отраслямъ государственной службы, за исключеніемъ вѣдомства министерства Императорскаго двора, какъ лица гражданскаго вѣдомства, такъ и военные чины, занимающіе гражданскія должности, если они будутъ вызваны или переведены въ отдаленныя мѣстности на службу изъ губерній или областей несмежныхъ съ ними и притомъ такихъ, которыя не признаются отдаленными (ст. 1, п. 1 ср. ст. 5). Лица, переводимыя на службу въ отдаленныя мѣстности по распоряженіямъ министровъ и главноуправляющихъ, и всѣ вообще назначаемыя на службу въ мѣстности, указанныя въ примѣчаніи 1 къ ст. 1 и въ остальныя части Приамурскаго генералъ-губернаторства, пользуются особыми преимуществами, хотя бы лица сіи были вызваны или переведены въ отдаленныя мѣстности изъ губерній или областей смежныхъ съ ними или признаваемыхъ отдаленными. Означенныя преимущества (по ст. 3 Полож.) не предоставляются уроженцамъ той мѣстности, куда они опредѣляются, за исключеніемъ однако: 1) лицъ, получившихъ высшее образованіе и 2) такихъ уроженцевъ отдаленной

мѣстности, которые пребывали внѣ ея предѣловъ не менѣе десяти лѣтъ сряду предъ поступленіемъ туда на службу. Въ слѣдующей затѣмъ ст. 4 Полож. изложены правила въ отношеніи должностей, по которымъ предоставляются особыя преимущества.

Хотя въ приведенныхъ статьяхъ Положенія сдѣланы указанія при какихъ условіяхъ лица, поступающія на службу въ отдаленные края, пользуются служебными преимуществами и при какихъ не пользуются, но, при примѣненіи оныхъ, по ст. 43 Полож. къ лицамъ русскаго происхожденія, поступающимъ на службу въ губерніи Царства Польскаго, по министерству народнаго просвѣщенія возникъ вопросъ о томъ, какъ примѣнять на практикѣ помѣщенныя въ ст. 2 Положенія выраженія „если они будутъ вызваны или переведены". Полагая, съ своей стороны, что подача прошеній объ опредѣленіи или перемѣщеніи на должность не должна служить препятствіемъ къ пользованію преимуществами по ст. 2 и 43 Положенія объ особыхъ преимуществахъ службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, а также въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго, если только лица, подавшія прошенія, послѣдующими распоряженіями мѣстнаго начальства будутъ вызваны или переведены на службу въ отдаленныя мѣстности или въ губерніи Царства Польскаго изъ губерній или областей не смежныхъ съ ними и притомъ такихъ, которыя не признаются отдаленными, я, на основаніи 211 ст. учр. мин. (Св. Зак. изд. 1857 г. т. I, ч. II), входилъ съ представленіемъ въ правительствующій сенатъ о разрѣшеніи помянутаго вопроса.

Правительствующій сенатъ, какъ видно изъ послѣдовавшаго нынѣ указа отъ 2-го мая сего года за № 6178, разсмотрѣвъ возбужденный мною вопросъ и доставленныя по оному мнѣнія министра финансовъ и государственнаго контролера, находитъ, что буквальный смыслъ ст. 2, закона 13-го іюня 1886 года даетъ основаніе предполагать, что употребленное въ ономъ выраженіе „если они будутъ вызваны или переведены" какъ бы исключаетъ изъ категоріи могущихъ воспользоваться привиллегіями службы лицъ, подавшихъ прошенія объ опредѣленіи на службу въ отдаленныя мѣстности, но такое предположеніе не согласовалось бы съ усвоеннымъ дѣйствующимъ законодательствомъ порядкомъ опредѣленія къ должностямъ вообще, по которому лица, желающія поступить на государственную службу и имѣющія на то право, обязаны обращаться съ просьбами въ то мѣсто, куда они опредѣлиться намѣрены; такимъ же порядкомъ подаются прошенія и о перемѣщеніи къ должности (ст. 181 и 192,

т. III уст. о служ. Правит. изд. 1876 г.). На обязанность всѣхъ вообще начальствъ возложено всемѣрно стараться о замѣщеніи подвѣдомственныхъ имъ должностей людьми достойными и способными (ст. 194 того же тома). Такимъ образомъ, по закону, контингентъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ къ должностямъ, составляется изъ лицъ, подавшихъ прошенія объ опредѣленіи ихъ на службу или о перемѣщеніи къ должности, причемъ подлежащими начальствами удовлетворяются прошенія такихъ только лицъ, которыя, по собраннымъ свѣдѣніямъ или по надлежащемъ испытаніи, окажутся способными и достойными. Засимъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы, при установленіи правилъ объ особыхъ преимуществахъ службы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, имѣлось въ виду отступить отъ приведеннаго общаго порядка опредѣленія и перемѣщенія къ должностямъ и лишить привиллегій службы многихъ изъ достойныхъ и способныхъ чиновниковъ на томъ только основаніи, что ими заявлено желаніе служить въ отдаленной мѣстности. Независимо отъ сего, разъясненіе ст. 2 закона 13-го іюня 1886 г, въ другомъ смыслѣ, можетъ породить затрудненіе въ замѣщеніи должностей въ означенныхъ мѣстностяхъ, и, что всего не желательнѣе, можетъ повести къ обходу закона путемъ не офиціальнаго соглашенія лицъ, желающихъ служить въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, съ подлежащимъ мѣстнымъ начальствомъ о вызовѣ ихъ на службу безъ предварительной подачи прошеній. По изложеннымъ соображеніямъ, правительствующій сенатъ пришелъ къ заключенію, что лицами, опредѣляемыми на службу въ отдаленныя мѣстности не по вызову или переводу ихъ подлежащимъ начальствомъ, слѣдуетъ считать лишь такихъ, кои прибыли въ отдаленный край по собственному желанію и впослѣдствіи поступили уже тамъ на службу. Посему правительствующій сенатъ опредѣлилъ: въ разрѣшеніе возбужденнаго мною вопроса разъяснить, что подача прошеній объ опредѣленіи или перемѣщеніи на должность не должна служить препятствіемъ къ пользованію преимуществами по ст. 2 и 43 закона 13-го іюня 1886 г., если только лица, подавшія прошенія, послѣдующими распоряженіями подлежащаго начальства, будутъ вызваны или переведены на службу въ привиллегированныя мѣстности изъ губерній или областей несмежныхъ съ ними и притомъ такихъ, которыя не признаются отдаленными.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

9. (11-го іюня 1890 г.). Положеніе о стипендіяхъ въ память событія 17-го октября 1888 года при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го іюня 1890 года, учреждаются при Чебоксарскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ стипендіи въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго съ этою цѣлью по подпискѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, составляетъ собственность Чебоксарскаго городскаго училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (12-го іюня 1890 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ имени бывшаго камердинера Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергѣя Терентьева Датскаго.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На капиталъ въ три тысячи рублей, завѣщанный умершимъ камердинеромъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, Сергѣемъ Ивановичемъ Терентьевымъ-Датскимъ, учреждается при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ числѣ спеціаль-

ныхъ средствъ названнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну суммы, слѣдующей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, обращаются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ и на выдачу имъ учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ душеприказчикамъ завѣщателя: полковнику Мошкову и коллежскому ассессору Иванову, а послѣ ихъ смерти педагогическому совѣту С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, причемъ преимущество отдается дѣтямъ лицъ, служащихъ въ придворномъ вѣдомствѣ, недостаточнаго состоянія.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣровъ стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ постановлено:

— Книжку: „Могучій Самсонъ. Разсказъ польской писательницы Елизаветы Оржешко. Москва. 1886. Стр. 48. Цѣна 7 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Робинзонъ Крузо. Его жизнь и приключенія (для народныхъ училищъ). Съ картинами. М. 1890. Стр. 62. Цѣна 10 коп."—допустить въ низшія училища, какъ городскія, такъ и сельскія.

— Книгу: „Опредѣлитель насѣкомыхъ, введеніе въ ихъ изученіе. Д. Шлехтендаля и Д. Вюнше, переводъ съ нѣмецкаго г. Ярцева, подъ редакціей профессора К. Линдемана, съ 15-ю таблицами рисунковъ, стр. 766, М. 1890. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою (если она пріобрѣтается непосредственно отъ Петровской Академіи),—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Садоводство и Огородничество для учениковъ сель-

скихъ училищъ (С.-Пб. 1890. 8°; III и 9 стр.) В. Бѣляева. Цѣна 80 копѣекъ",—одобрить для ученическихъ библіотекъ сельскихъ начальныхъ училищъ, одноклассныхъ и двуклассныхъ.

— Книгу: „Римское государственное право. Сочиненіе П. Виллемса. Переводъ съ французскаго членовъ Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики, подъ редакціей П. Н. Бодянскаго. Выпускъ II. 1890. Стр. отъ 435 по 797"—рекомендовать въ ученическія библіотеки гимназій, для старшаго возраста и для подарковъ учащимся.

— Книгу: „Книга упражненій къ греческой грамматикѣ Г. Нидерле. Составилъ И. Мейеръ. Изданіе 4-е. Москва. 1890. Стр. 264. Цѣна 85 коп."—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго языка на греческій въ V—VIII классахъ гимназій. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи, и Н. Баталинъ, преподаватель русскаго языка въ Московской 1-й гимназіи. Часть I. Синтаксическія фразы. Изданіе 3-е. Москва. 1890. Стр. 151. Цѣна 80 коп."—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку для старшихъ классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческая фразеологія для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ Ив. Семеновичъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Москва. 1890. Стр. 91. Цѣна 65 коп. (въ переплетѣ)"—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Словарь Гомеровской миѳологіи и географіи адъюнктъ-профессора Парижскаго университета Э. Леру. Перевелъ съ французскаго И. Боговскій. Кіевъ. 1890. Въ 16-ю д. л. Стр. 115. Цѣна 60 коп."—одобрить не только въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку, но и для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческіе классики. Текстъ для учащихся, провѣренный русскими учеными, подъ главною редакціей М. В. Крауве 'Ηροδότου ἱστορίαι. Herodoti historiae in usum scholarum recognitae Vol. Petropoli. 1890. Стр. 305. Цѣна 60 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: „Д. П. Булава. Собраніе ариѳметическихъ задачъ

приготовительнаго и систематическаго курса для устнаго и письменнаго рѣшенія. Составлены для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и народныхъ училищъ. Первая часть. Цѣлыя числа. 1715 задачъ. Таганрогъ. 1888. Стр. 149. Цѣна 40 коп.— Собраніе ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ и городскихъ училищъ. Вторая часть. Дроби. Таганрогъ. 1888. Стр. 222. Цѣна 50 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, и въ городскихъ училищахъ.

Книгу: „Д-ра медицины Н. Ф. Келдыша: Медицинскія бесѣды съ испытуемыми сестрами милосердія Св.-Троицкой общины. С.-Пб. 1890. Стр. 102. Цѣна 1 руб."—одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: Russische Gedichte von A. Kolzow Deutsch von M. Michelson. St.-Petersburg. 1890"—допустить въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу В. Вахтина подъ заглавіемъ „Нагрузка и измѣреніе вмѣстимости купеческихъ судовъ, Руководство для мореходныхъ классовъ. Изданіе мореходныхъ классовъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба, С.-Пб., 1890,—одобрить какъ руководство для мореходныхъ классовъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ, съ приложеніемъ статьи о подготовкѣ учителей и учительницъ къ преподаванію ручнаго труда. К. Ю. Цируль. С.-Пб. 1890. Въ 8-ку. 78+13 стр. Цѣна 1 руб."—допустить въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ выпустилъ изъ нея все то, что не относится къ исторіи и методикѣ предмета, а также уменьшилъ цѣну книги".

— Книгу: „С. М. Архангельскій. Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Выпускъ 1-й. О правахъ на имущества. Книжка для тяжущихся, волостныхъ судей и училищныхъ библіотекъ. Владиміръ (губ.) 1890. Въ 16-ю д. л., 47 стр. Цѣна 10 коп. съ пересылкою"— допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ.

— Составленная дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Михельсономъ книга, подъ заглавіемъ: „Russiche Gedichte von A. Kolzow. Deutsch von M. Michelsson St. Petersburg. 1890" допущена въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Его сіятельство господинъ министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) увеличить размѣръ платы за ученіе, съ 1890—1891 учебнаго года, въ Муромскомъ реальномъ училищѣ съ двадцати до двадцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика; 2) открыть при Новгородской гимназіи, съ 1890—1891 учебнаго года, приготовительный классъ, съ установленіемъ платы за ученіе въ размѣрѣ сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика; 3) увеличить съ 1890—1891 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Зарайскомъ реальномъ училищѣ съ двадцати пяти до тридцати пяти рублей въ годъ съ каждаго ученика; 4) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Черниговской гимназіи съ начала 1890—1891 учебнаго года съ сорока до пятидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика, и 5) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Влоцлавскомъ реальномъ училищѣ съ 1890—1891 учебнаго года съ тридцати пяти до сорока рублей въ годъ съ каждаго ученика.

Списокъ премій при Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ, существующихъ при оныхъ Ученыхъ Обществахъ и С.-Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ.

При Императорской Академіи Наукъ, Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ и существующихъ при нихъ Ученыхъ Обществахъ учреждено какъ на казенныя средства, такъ и на пожертвованія частныхъ лицъ, значительное количество премій, назначаемыхъ за лучшія ученыя изслѣдованія по разнымъ отраслямъ знанія и выдаваемыхъ отчасти въ извѣстные сроки въ видѣ денежныхъ или почетныхъ наградъ (медалей), отчасти же въ видѣ единовременной денежной преміи въ размѣрѣ всего пожертвованнаго на сей предметъ капитала.

Принимая во вниманіе, что при послѣдовательномъ учрежденіи столькихъ премій та или другая изъ нихъ легко могла ускользнуть отъ вниманія ученаго міра, хотя положенія и правила объ нихъ и доводились своевременно до всеобщаго свѣдѣнія, министерство народнаго просвѣщенія сочло долгомъ обнародовать списокъ существующихъ при подвѣдомственныхъ сему министерству учрежденіяхъ премій, съ обозначеніемъ размѣра обезпечивающихъ оныя капиталовъ, предмета назначенія, сроковъ выдачи и размѣра каждой изъ сихъ денежныхъ или почетныхъ наградъ.

При Императорской Академіи Наукъ.

Наименованіе премія.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премія.
Митрополита Макарія.	63.600 р.	Премія назначается за самостоятельные труды по всѣмъ отраслямъ наукъ и знаній, за исключеніемъ богословскихъ и церковно-историческихъ.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 1.500 р. (полная) и 1.000 р. (неполная).
Графа Д. А. Толстаго.	34.200 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по наукамъ математическимъ, естественнымъ, медицинскимъ, филологическимъ, историческимъ, статистикѣ и политической экономіи.	Преміи выдаются ежегодно (поочередно) въ видѣ золотыхъ медалей (въ 300, 250 и 150 р.) и денежной преміи въ 800 р. (или двухъ по 400 р. каждая).
Ломоносова	—	Премія назначается 1) за ученыя изслѣдованія и открытія въ области физики, химіи и минералогіи и 2) за труды по русской и славянской филологіи.	Премія выдается ежегодно (поочередно) въ размѣрѣ 1.000 руб.
Премія Симбирскаго Дворянства.	8.000 р.	Премія назначается за оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, историческія, политико-экономическія и статистическія, имѣющія предметомъ одну изъ главнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра Николаевича.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 1.500 р. (или двѣ преміи въ 700 руб. каждая).
К. М. Бэра.	13.450 р.	Премія назначается: а) за многолѣтніе труды, существенно подвинувшіе анатомію, гистологію, эмбріологію и физіологію человѣка, животныхъ и растеній, зоологію, ботанику и палеонтологію и б) за сочиненія, содержащія въ себѣ изысканія по этимъ наукамъ.	Преміи выдаются черезъ каждые три года: почетная золотая медаль (цѣною въ 200 руб.). 1.000 руб.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
Л. Л. Рклицкаго.	6.250 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по части анатомико - микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы.	Премія выдается черезъ каждые четыре года, въ размѣрѣ четырехлѣтней сложности %, наростающихъ на капиталъ въ 3.000 р.
В. Я. Буняковскаго.	7.000 р.	Премія назначается за важнѣйшія открытія по части чистаго математическаго анализа, или за сочиненія, содержащія въ себѣ возможно полное изложеніе какой либо самостоятельной отрасли высшей математики.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 500 руб.
Ѳ. Ѳ. Брандта.	3.200 р.	Премія назначается за самостоятельныя изысканія въ области зоологіи, зоографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ.	Премія выдается черезъ каждые пять лѣтъ въ размѣрѣ 500 руб.
Г. П. Гельмерсена.	3.050 р.	Премія назначается за самостоятельныя изысканія по геологіи, палеонтологіи и физической географіи Россіи и сопредѣльныхъ странъ Азіи.	Премія выдается черезъ каждые пять лѣтъ въ размѣрѣ 500 р.
Ѳ. Ѳ. Шуберта.	10.550 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по теоретической астрономіи и по анализу безконечно малыхъ величинъ.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 1000 р.
А. С. Пушкина.	21.000 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по исторіи народной словесности и русской литературы XVIII и XIX вв., за произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ и за критическія работы выдающихся произведеній русской изящной словесности.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 1.000 р. (большая) и 500 р. (малая).

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
А. М. Сибрякова.	12.900 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія о Сибири и населяющихъ этотъ край племенахъ.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 1.500 р.
Котляревскаго.	12.300 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по славянскимъ древностямъ, славянской литературѣ или нарѣчіямъ.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 1.000 р. (полная) или 500 руб. (половинная).
Графа Уварова.	10.400 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по политической исторіи, исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности и художествъ Россіи и другихъ славянскихъ странъ.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 1.500 р. (большая) и 500 р. (малая).
Графа А. А. Аракчеева.	175.800 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по исторіи царствованія Императора Александра I.	Премія будетъ выдана 12 декабря 1925 г. въ размѣрѣ 50.000 р. ассигн. съ %, накопившимися съ 1833 года.
Премія Тамбовскаго Дворянства.	7.250 р.	Премія назначается за лучшее изслѣдованіе перваго 25-лѣтія царствованія Императора Александра II.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1901 г. въ размѣрѣ 5.000 р. съ % по день присужденія преміи.
Князя Н. Б. Юсупова.	7.500 р.	Премія назначается за лучшее изслѣдованіе по исторіи царствованія Императора Александра II.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1890 г. въ размѣрѣ 6.000 руб. съ % по день присужденія преміи.
—	4.100 р.	Премія назначается за лучшее жизнеописаніе Ломоносова, съ изображеніемъ всѣхъ сторонъ его дѣятельности и оцѣнкою его трудовъ.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1890 г. въ размѣрѣ 2.000 руб. съ % по день присужденія преміи.

Наименованіе премія.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премія.
Н. И. Костомарова.	5.600 р.	Премія назначается за лучшій словарь малорусскаго нарѣчія, съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1892 г. въ размѣрѣ 4.000 р., съ % по день присужденія премія.
—	1.000 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе о В. А. Жуковскомъ (лингвистическое, критическое или литературное разсмотрѣніе его трудовъ).	Премія будетъ выдана 1 мая 1890 г. въ размѣрѣ 1.000 р., съ % по день присужденія премія.
А. Н. Неустроева.	750 р.	Премія назначается за лучшее историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, вышедшихъ въ Россіи съ 1803 по 1850 г.	Премія будетъ выдана 29 декабря 1895 г. въ размѣрѣ 500 руб., съ % по день присужденія премія.
Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иванова.	11.000 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе о премудрости и непостижимости Творца вселенной и другія по части нравственной и физической.	Когда капиталъ достигнетъ изъ %— 40.000 р., послѣдуетъ первое присужденіе премія въ размѣрѣ 7.000 р.
П. Н. Юшеновой.	36.700 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по наукамъ математическимъ, физическимъ и медицинскимъ.	Правилъ о преміи не имѣется; на основной капиталъ въ 25 т. руб. всѣ накопившіеся проценты подлежатъ въ 1890 г. передачѣ въ Медицинскую Академію, для учрежденія премія имени медико-хирурга Н. З. Юшенова, которая выдается черезъ каждые 5 лѣтъ. Затѣмъ % на основной капиталъ образуютъ при Академіи Наукъ премію генералъ-

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
			маіора П. Н. Юженова, выдаваемую также черезъ 5-ть лѣтъ за сочиненія по наукамъ математическимъ и физическимъ.
А. С. Грейга.	3.500 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по политической экономіи и государственнымъ финансамъ.	Премія выдается черезъ каждые пять лѣтъ въ размѣрѣ 1.000 р.
А. Кирѣева.	7.304 р. 59 к.	Премія назначается за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ, драматическое сочиненіе.	Правила о преміи еще не утверждены.
Итого на сумму.	466.404 р. 59 к.		

При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Н. В. Исакова.	2.000 р.	Капиталъ пожертвованъ бывшимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа Н. В. Исаковымъ. Премія назначается за лучшее сочиненіе студентовъ историко-филологическаго факультета на русскомъ и латинскомъ языкахъ.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 100 р.
Графа М. Н. Муравьева.	1.651 р. 47 к.	Премія назначается за составленіе учебника русской исторіи, примѣненнаго къ нуждамъ сѣверозападнаго края. (На соисканіе этой преміи учебника не представлено).	Премія будетъ выдана въ полномъ размѣрѣ капитала.
В. П. Боткина.	8.000 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по классической древности и непремѣнно русскому автору.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 1.200 р.
С. М. Соловьева.	25.100 р.	Премія назначается за сочиненія на темы по исто-	Премія выдается или полная (изъ всей

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
		ріи, преимущественно русской.	суммы двухлѣтнихъ процентовъ), или бóльшая (изъ $^2/_3$), или малая изъ $^1/_3$ общей суммы за вычетомъ $^1/_{20}$ части изъ каждой преміи на золотыя медали рецензентамъ.
А. Н. Разцвѣтова.	24.000 р.	Капиталъ пожертвованъ бывшимъ профессоромъ Московскаго Университета Разцвѣтовымъ. На проценты ежегодно выдаются 2 преміи: одна по медицинскому факультету, другая по другимъ факультетамъ, поочередно, со исключеніемъ и медицинскаго.	Ежегодно выдаются 2 преміи, по 600 руб. каждая.
Ю. Ѳ. Самарина.	9.550 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго быта въ Россіи.	Премія выдается черезъ каждые три года (полная или половинная).
П. В. Парначева.	18.400 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по естественнымъ наукамъ или сельскому хозяйству въ Россіи, за изобрѣтеніе самыхъ выгоднѣйшихъ способовъ для улучшенія быта бѣдныхъ тружениковъ и за изобрѣтеніе вѣрнаго способа лѣченія хроническихъ болѣзней.	Премія выдается черезъ каждые два года.
Н. Д. Брашмана.	5.200 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по математикѣ студентовъ или лицъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ (исключая членовъ математическаго факультета).	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 500 р.

Наименованіе премія.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премія.
В. А. Басова.	7.000 р.	Премія назначается за лучшія сочиненія по хирургіи.	Премія выдается чрезъ каждые три года въ полномъ или половинномъ размѣрѣ.
Итого при Университетѣ.	100.901 р. 47 к.		

При Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

—	2.400 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе „Исторія градоначальствованія въ Москвѣ свѣтлѣйшаго князя Д. В. Голицына".	Премія выдается въ полномъ размѣрѣ капитала.

При Обществѣ Испытателей Природы.

А. Г. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ.	2.700 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по ботаникѣ.	Премія выдается черезъ каждые три года.

При Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи

В. П. Мошнина.	8.000 р.	Премія назначается за лучшія изслѣдованія въ области физики и химіи (поочередно), а также за изобрѣтенія и усовершенствованія по практическому примѣненію этихъ наукъ.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 300 р.
А. П. Разцвѣтова.	7.400 р.	Премія назначается денежная, за выдающіяся изслѣдованія по антропологіи, и медаль—лицу, заявившему передъ обществомъ о своей дѣятельности по антропологіи.	Премія выдается ежегодно: деньгами 300 р. и золотая медаль.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
		При Психологическомъ Обществѣ.	
Д. А. Столыпина.	2.000 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по философіи наукъ на тему „Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленія всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству“.	Премія выдается полностью или по частямъ авторамъ. Срокъ выдачи предположенъ 1 января 1891 года.
		При Юридическомъ Обществѣ.	
В. Н. Лешкова.	491 р. 40 к.	На этотъ капиталъ будетъ учреждена премія имени покойнаго предсѣдателя Общества В. Н. Лешкова. Условія назначенія преміи вырабатываются.	
Итого при Ученыхъ Обществахъ . .	22.991 р. 40 к.		

При Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Мирзы Джафара Топчибашева.	1.000 р.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по одной изъ административныхъ наукъ.	Премія выдается черезъ каждые два года, въ размѣрѣ 100 р.
П. А. Ильенкова.	5.000 р.	Премія назначается за сочиненіе по одной изъ естественныхъ наукъ и касающееся изслѣдованія Россіи.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 500 руб.

Наименованіе премія.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премін.
Въ память 1-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.	2.000 р.	Премія назначается за лучшую изъ работъ, представленныхъ студентами и слушателями физико-математическаго факультета.	Премія выдается ежегодно (поочередно за работу по естественнымъ и математическимъ наукамъ) въ размѣрѣ 110 руб.
Въ память 50-ти лѣтняго юбилея С.-Петербургскаго Университета.	2.100 р.	Премія назначается за сочиненіе на тему, предложенную по одному изъ факультетовъ поочередно.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 210 руб.
А. Иванова.	7.148 р.	Премія назначается отличнымъ студентамъ, съ успѣхомъ окончившимъ курсъ наукъ.	% съ этого капитала пользуются поочередно: 5 лѣтъ С.-Петербургскій Университетъ, 5 лѣтъ С. - Петербургская Духовная Академія, и 5 лѣтъ — Военно-Медицинская Академія.
Итого	17.248 р.		

При Физико-Химическомъ Обществѣ.

Н. Н. Соколова.	Капитала нѣтъ. Единовременныя пожертвованія члена Общества В. Θ. Лушнина.	Премія выдается за лучшія, сдѣланныя въ Россія, экспериментальныя изслѣдованія по химія и преимущественно начинающимъ ученымъ.	Премія выдается въ размѣрѣ 500 руб.

При Обществѣ Естествоиспытателей.

	127 р. съ наросшими %.	Пожертвовано княземъ Гинглятомъ. Премія назначается за лучшее сочиненіе о птицахъ С.-Петербургской губерніи.	

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
К. Ѳ. Кесслера.	4.178 р.	Капиталъ составленъ путемъ повсемѣстной подписки. Премія назначается за лучшія сочиненія: а) по фаунистикѣ и систематикѣ позвоночныхъ Россіи и б) по сравнительной анатоміи и эмбріологіи позвоночныхъ—поочередно.	Премія выдается, начиная съ 1893 г., черезъ каждые три года, въ размѣрѣ 500 р.
Итого при Ученыхъ Обществахъ . .	14.305 р.		

При Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

—	250 р.	Премія назначается за лучшую диссертацію, представленную въ юридическій факультетъ по полицейскому праву и удостоенную серебряной или золотой медали.	Премія выдается черезъ каждыя пять лѣтъ въ размѣрѣ 50 руб.
Итого	250 р.		

При Обществѣ естествоиспытателей

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Профессора Кесслера.	Ежегодно отчисляются 50 р. изъ средствъ Общества.	Премія назначается за лучшее сочиненіе по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи съ геологіею.	Премія выдается черезъ каждые три года въ размѣрѣ 150 р.
—	То-же.	Капиталъ доставленъ въ Общество О. М. Смирновымъ, для выдачи за лучшее сочиненіе „о вырожденіи пшеницы“.	Срокъ выдачи не опредѣленъ.
Итого при Обществѣ	2.000 р.		

Наименованіе премія.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.

При Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ.

Н. И. Пирогова.	2.000 р.	Капиталъ образовался изъ частныхъ пожертвованій. Премія выдается студентамъ Кіевскаго Университета за сочиненія, удостоенныя золотой медали.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 100 р.
И. И. Рахманинова.	5.000 р.	Заслуженный профессоръ Университета Св. Владиміра И. И. Рахманиновъ. Премія выдается лицу, получившему образованіе въ Университетѣ Св. Владиміра за лучшее самостоятельное сочиненіе въ области физико-математическихъ наукъ.	Премія выдается черезъ два года: золотая медаль въ 200 р. и деньгами 300 руб.
Итого	7.000 р.		

При Кіевскомъ Отдѣленіи Общества классической филологіи и педагогики.

Н. И. Пирогова.	497 р.	Премія учреждена при Кіевскомъ Отдѣленіи Общества классической филологіи и педагогики — на пожертвованія членовъ Общества и А. А. Пироговой. Премія выдается за лучшія сочиненія учениковъ трехъ высшихъ классовъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа по древнимъ языкамъ.	Премія выдается ежегодно не деньгами, а книгами съ надписаніемъ отзыва Общества классической филологіи и педагогики.
Итого при Обществѣ.	497 р.		

При Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Ад. Хойнацкаго.	9.000 р.	Капиталъ поступилъ по записи Адама Хойнацкаго. Премія выдается за лучшія сочиненія, вліяющія на про-	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 900 р.

Наименованіе премін.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премін.
		свѣщеніе простаго народа, а тѣмъ самымъ на исправленіе нравственности и нравовъ онаго.	
Ад. Хойнацкаго.	9.000 р.	Капиталъ поступилъ по записи Адама Хойнацкаго. Премія выдается за лучшія ученыя и популярныя медицинскія сочиненія.	Премія выдается черезъ каждые два года въ размѣрѣ 900 р.
Курьерова.	3.000 р.	Премія выдается за лучшую масляную картину или рѣзьбу, по выбору Общества Художествъ.	Премія выдается черезъ каждые шесть лѣтъ въ размѣрѣ 360 р.
Итого при Университетѣ	21.000 р.		

При Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

С. Зарудняго.	1.850 р.	Капиталъ пожертвованъ чиновниками отдѣленія законовъ Государственной Канцеляріи. Премія назначается за лучшее сочиненіе по юридической части.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 101 р. 16 к.
Д. И. Каченовскаго.	933 р. (нынѣ 1.500 р.)	Капиталъ завѣщанъ бывшимъ профессоромъ Харьковскаго Университета Каченовскимъ. Премія назначается студентамъ за лучшее сочиненіе по международному праву.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 75 руб.
А. И. Палюмбецкаго.	1.000 р.	Капиталъ собранъ профессорами Харьковскаго Университета. Премія назначается за лучшее сочиненіе по юридическому факультету.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 50 р.
А. Ф. Павловскаго.	2.500 р.	Капиталъ пожертвованъ сыномъ покойнаго, Ф. А. Павловскимъ. Премія назначается студентамъ Харьков-	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 125 р.

Наименованіе преміи.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя преміи и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ преміи.
		скаго Университета за лучшее сочиненіе по физико-математическому факультету.	
Ф. И. Ланге.	212 р.	Капиталъ собранъ по подпискѣ. Премія будетъ назначена медицинскимъ факультетомъ за лучшее сочиненіе „о съуженіи кишекъ“.	Единовременно.
Итого при Университетѣ. . . .	7.062 р.		

При Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

И. Вучины.	10.600 р.	Премія назначается за лучшія драматическія произведенія, предназначенныя для русскаго народнаго театра.	Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ 500 р. или въ половинномъ размѣрѣ.
Итого при Университетѣ. . . .	10.600 р.		

При Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ.

Р. Геймбюргера.	34.000 р.	Капиталъ пожертвованъ дѣвицею Н. Геймбюргеръ. Премія назначается за подлинныя, самостоятельныя сочиненія, по пяти факультетамъ Университета поочередно.	Премія выдается ежегодно, въ размѣрѣ около 520 р.
Фонъ-Брадке.	2.400 р.	Капиталъ пожертвованъ преподавателями Университета на учрежденіе золотой медали, присуждаемой по всѣмъ факультетамъ поочередно. Медали присуждаются за удовлетворительное рѣшеніе предложенной медицинскимъ факультетомъ задачи.	Медаль выдается ежегодно.

Наименованіе премія.	Размѣръ капитала обезпечивающаго премію.	Имя учредителя премія и предметъ назначенія ея.	Срокъ выдачи и размѣръ премія.
Князя Суворова Италійскаго.	1.200 р.	Капиталъ пожертвованъ русскими фармацевтами (въ распоряженіе С.-Петербургскаго фармацевтическаго Общества), на учрежденіе золотой и серебряной медалей.	Медали выдаются ежегодно.
С. И. Креславскаго.	1.000 р.	Капиталъ пожертвованъ коллежскимъ совѣтникомъ С. И. Креславскимъ на учрежденіе золотой медали, присуждаемой студентамъ Университета за лучшее сочиненіе по фармаціи.	Медаль выдается черезъ каждые два года.
Итого при Университетѣ. . . .	38.600 р.		

При С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ.

Императора Александра II.	4.300 р.	Капиталъ составился изъ добровольныхъ приношеній служащихъ и учащихъ, а также лицъ, кончившихъ курсъ въ Институтѣ. Медали выдаются за лучшіе техническіе проекты воспитанниковъ Института.	Ежегодно выдаются двѣ золотыя медали учащимся Института.

СТОЛЫ РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА ВЪ 1668—1670 ГОДАХЪ [1]).

Вопросъ, котораго касается нижеслѣдующая статья, вопросъ мелкій, всецѣло относится къ внутренней организаціи одного изъ Московскихъ приказовъ, а именно Разряднаго, къ порядку канцелярскаго производства и техники приказа, а именно къ кругу дѣятельности „столовъ" (отдѣленій) Разряда и ихъ числу въ извѣстный моментъ XVII вѣка. Богатый архивъ бывшаго Разряднаго приказа хранится въ настоящее время въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Документы эти въ названномъ архивѣ раздѣлены на отдѣлы, носящіе названія столовъ: Московскаго, Владимірскаго, Новгородскаго, Бѣлгородскаго, Сѣвскаго, Помѣстнаго, Приказнаго, Денежнаго и Кіевскаго, съ выдѣленіемъ изъ нихъ нѣкоторыхъ видовъ документовъ, какъ то: книги и списки боярскіе, списки жилецкіе и смотрѣнные, десятни, дѣла разныхъ городовъ и вязки. Раздѣленіе дѣлъ Разряднаго архива на девять столовъ восходитъ ко времени первой разборки дѣлъ по упраздненіи приказа, около половины XVIII столѣтія [2]), и въ основаніи своемъ имѣетъ подобное же дѣленіе всего дѣлопроизводства въ самомъ приказѣ по столамъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ извѣстный кругъ дѣлъ по управленію и опредѣленную территорію. Но дѣйствительно ли распредѣленіе разрядныхъ дѣлъ, существовавшее въ XVIII вѣкѣ и уцѣлѣвшее до нашего времени, соотвѣтствуетъ вполнѣ тому распредѣленію, какое существовало въ XVII вѣкѣ въ приказѣ? А отсюда вытекаетъ второй вопросъ: можно ли изъ состава документовъ извѣстнаго стола въ настоящее время опре-

[1]) Читано на VIII Археологическомъ съѣздѣ.

[2]) „Описаніе документовъ и бумагъ Моск. архива министерства юстиціи", т. V, стр. 13—17, 25—37.

дѣлить кругъ его дѣятельности? Можно сказать съ увѣренностью, что нѣтъ, и причины этого заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ самомъ приказѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, по мѣрѣ расширенія разрядной дѣятельности, образовано было нѣсколько новыхъ столовъ, въ которые отдавалась извѣстная территорія а также передавались и прежвія дѣла изъ тѣхъ столовъ, въ которыхъ означенныя мѣстности вѣдались до того времени. Такимъ образомъ существующее въ наше время распредѣленіе развѣ только отчасти соотвѣтствуетъ раздѣленію дѣлъ въ приказѣ въ самомъ концѣ XVII столѣтія, и понятно, почему дѣла въ каждомъ изъ столовъ восходятъ къ довольно раннему времени. 2) Судьба архива въ теченіе XVIII и началѣ XIX вѣковъ, вѣчныя перемѣщенія изъ одного зданія въ другое и нѣсколько разъ начинавшаяся заново разборка дѣлъ, причемъ, конечно, ни подьячіе прошлаго столѣтія, ни позднѣйшіе канцеляристы и чиновники разныхъ наименованій не относились къ распредѣленію документовъ на отдѣлы съ достаточной осторожностью,— все это заставляетъ смотрѣть на существующее раздѣленіе документовъ по столамъ не болѣе, какъ на архивные отдѣлы, притомъ вызванные даже не единствомъ содержанія дѣлъ, а чисто внѣшнею случайностью, какъ на отдѣлы, въ которыхъ смѣшано дѣлопроизводство разныхъ столовъ приказа. Понятно такимъ образомъ, что изъ содержанія самыхъ документовъ, числящихся въ архивѣ въ томъ или другомъ столѣ, едва ли возможно опредѣлить кругъ вѣдѣнія того или другаго стола приказа въ XVII вѣкѣ и для этой цѣли необходимо искать какого-либо другаго способа, такъ-сказать, извнѣ. Между тѣмъ именно такую ошибку сдѣлалъ проф. Загоскинъ, первый коснувшійся вопроса о столахъ Разряда въ своемъ отчетѣ о занятіяхъ въ архивѣ министерства юстиціи; а положивъ въ основу неправильный взглядъ, онъ пришелъ и въ результатѣ къ невѣрнымъ выводамъ. Проф. Загоскинъ взглянулъ на архивное распредѣленіе документовъ именно какъ на историческое, шедшее отъ временъ приказа, а поэтому всѣ свѣдѣнія о каждомъ столѣ черпалъ изъ состава и содержанія его документовъ въ архивѣ. Время возникновенія стола опредѣлялъ онъ датами самыхъ раннихъ документовъ, кругъ дѣятельности — ихъ содержаніемъ [1]). Неудивительно, что при этомъ онъ натолкнулся на факты странные, необъяснимые, приведшіе его въ

---

[1]) *Загоскинъ*, „Столы Разряднаго приказа". Казань. 1879 г., стр. 22, 23 и др.

недоумѣніе. Укажу только на наиболѣе рѣзкія „странности", встрѣтившіяся автору въ книгахъ Бѣлгородскаго стола: смѣшеніе городовъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, нахожденіе въ книгахъ этого стола городовъ Гдова, Опочки, Изборска и другихъ городовъ Новгородскаго разряда, наконецъ, переписной книги самой Москвы и т. п. [1]). Повѣривши распредѣленію документовъ, проф. Загоскинъ, по необходимости, пытается объяснить себѣ факты, подобные вышеприведеннымъ, „спорностью вопроса о распредѣленіи городовъ между столами", „шаткостью распредѣленія вѣдомствъ", приходитъ къ мысли, что это „временное расширеніе вѣдомства стола" и т. п. [2]). Настоящая статья вызвана не столько надеждой точно опредѣлить кругъ дѣятельности каждаго стола, хотя бы только за намѣченный періодъ времени, сколько желаніемъ попытаться указать тотъ путь, которымъ можно было бы достигнуть болѣе вѣрныхъ результатовъ.

Средствомъ для достиженія цѣли будутъ служить: 1) старыя приказныя описи Разряда, которыхъ сохранилось двѣ: первая 1626 года [3]), и вторая, важная для насъ, 1668 года, составленная по приказанію думнаго дьяка Башмакова [4]), и 2) „Записныя книги" приказа. Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ книгахъ. Хотя о содержаніи „Записныхъ книгъ" говорится довольно подробно въ книгѣ проф. Загоскина, а также и въ IX томѣ „Русской исторической библіотеки" (изд. археографической коммиссіей), но нигдѣ не говорится о томъ, что разнообразіе ихъ содержанія частью вытекаетъ изъ разности ихъ видовъ [5]). Можно легко различить два главныхъ вида „Записныхъ книгъ": 1) общія записныя книги приказа, носящія обыкновенно заглавіе: „книга записная въ Разрядѣ отпискамъ и изъ приказовъ памятемъ при дьякѣхъ (такихъ-то) ны-

[1]) Тамъ же, стр. 25 и 26.

[2]) Замѣчанія на это высказаны были *Н. Н. Огюблинымъ*, см. „Описаніе документовъ Московск. архива министр. юстиціи", т. IV, стр. 164—166; а также см. у *Н. П. Лихачева* „Отвѣтъ суровому критику". М. 1889, стр. 43—44.

[3]) Въ книгѣ Моск. стола, № 19; см. о ней въ „Описаніи документовъ Моск. архива мин. юстиціи, т. V, стр. 2 — 3, 107 — 112; книга эта напечатана *Н. П. Лихачевымъ* въ приложеніи къ его книгѣ „Разрядные дьяки".

[4]) Въ 4-хъ томахъ; см. о ней „Описаніе документовъ Моск. ар. мин. юст., т. V, стр. 3—13, а также т. VI, стр. 1 (второй номераціи).

[5]) Указатель „Записныхъ книгъ" въ книгѣ пр. Загоскина, значительно же дополненный въ IV т. „Описанія документовъ Моск. ар. мин. юстиціи", ст. г. *Огюблина*, прилож. IV (стр. 415—416).

нѣшняго (такого-то) году"[1]). Ежегодно въ цѣломъ приказѣ велась только одна такая книга, это былъ, выражаясь канцелярскимъ языкомъ нашего времени, „реестръ входящихъ" Разряда. Второй видъ представляютъ „Записныя книги" каждаго стола въ отдѣльности, носившія заглавія: „книга записная (такого-то) стола о всякихъ дѣлѣхъ" или „всякихъ дѣлъ". Наиболѣе извѣстны изъ нихъ „Записныя книги" Московскаго стола, содержаніе которыхъ довольно обстоятельно разобрано пр. Загоскинымъ[2]). Что же касается до „Записныхъ книгъ" другихъ столовъ Разряда, то онѣ извѣстны менѣе: въ началѣ этихъ книгъ обыкновенно помѣщается роспись городовъ, вѣдавшихся въ столѣ, съ именами воеводъ и отмѣтами о времени ихъ отпуска на воеводство, смѣны и пр.; далѣе слѣдуютъ записи указовъ, разныя распоряженія, касающіяся организаціи самаго стола, выписки изъ наиболѣе важныхъ отписокъ воеводъ, и всего болѣе — отпуски грамотъ къ воеводамъ съ разными разспоряженіями и памятей въ другіе приказы. И такъ, уже изъ этого краткаго обозрѣнія очевидно, какой богатый матеріалъ даютъ вообще „Записныя книги" для изученія способовъ управленія, дѣлопроизводства и организаціи Разряда, собственно же для нашей цѣли имѣютъ гораздо болѣе значенія книги перваго вида (то-есть, общіе реестры), вторыя же могутъ служить только для подтвержденія и провѣрки результатовъ.

Всѣ поступавшія въ приказъ грамоты, памяти и отписки отъ воеводъ прежде всего подавались дьякамъ Разряда, причемъ думный или одинъ изъ простыхъ дьяковъ, безразлично, клалъ на бумагѣ со-

---

[1]) Мнѣ извѣстны слѣдующія изъ этого вида книгъ: 1) 174—1666 г. (мартъ-августъ) Бѣлгор. ст. № 72 (книга № 72 отнесена пр. Загоскинымъ къ „Записнымъ книгамъ" Бѣлгор. стола, что и вызвало недоумѣніе, выраженное въ примѣчаніи 113 (с. 33), 2) 177 — 1668 — 9 г. (сентябрь-февраль) Приказнаго стола № 19, 3) 177—1669 г. (мартъ-августъ) Приказнаго стола № 18, 4) 185—1677 г. (іюнь-августъ) Моск. ст. № 78, 5) 191—1682 — 1683 (сентябрь-августъ) Новгор. стола № 55, и наконецъ, самая ранняя 173 — 1664 — 1665 г. (цѣлый годъ, сентябрь-августъ) въ числѣ „Записныхъ книгъ" Московскаго стола № 14. Въ числѣ „Записныхъ книгъ" этого стола она и напечатана археографической коммиссіей въ XI т. Библіотеки; точно также въ числѣ „книгъ Московскаго стола" напечатана въ X т. книга Московскаго стола № 13, которая несомнѣнно есть „Записная книга" Новгородскаго стола, что ясно изъ ея содержанія; начала въ ней недостаетъ, почему она и не начинается съ обычной росписи воеводъ (любопытна въ ней опись дѣлъ Новгор. прик. избы).

[2]) „Столы Разряднаго приказа", стр. 7—16.

отвѣтствующую „помѣту" [1]), послѣ чего память или отписка сдавалась „со стола" (то-есть, дьяческаго) „къ запискѣ въ книгу". Въ „Записную книгу" отданный дьяками „со стола" документъ заносился сокращенно, съ дословной выпиской только дьячьей помѣты, послѣ чего передавался въ соотвѣтствующій столъ, подъ росписку одного изъ подьячихъ его. Росписка подьячаго обыкновенно ограничивается словами: „взялъ такой то (Агаѳошко Пиминовъ....)", но иногда подьячій въ роспискѣ дѣлаетъ прибавку „въ такой-то столъ" [2]). Эти-то оговорки и имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о столахъ Разряда, такъ какъ благодаря имъ можно составить полный списокъ подьячихъ за извѣстный годъ, съ указаніемъ, въ какомъ изъ столовъ кто изъ нихъ сидѣлъ въ данное время, чтò тѣмъ болѣе легко, что число подьячихъ, бравшихъ бумаги, было сравнительно невелико. Это были все „старые подьячіе со справою" (повытчики); если же случалось, что бралъ одинъ изъ „молодыхъ", то въ своей роспискѣ обыкновенно прибавлялъ, по чьему приказу [3]). Произведя эту мелочную и кропотливую работу, можно затѣмъ читать „Записную книгу", смѣло разнося дѣла по столамъ, смотря по именамъ подьячихъ; а группировка затѣмъ дѣлъ дастъ болѣе или менѣе точный обзоръ, смотря по количеству изученныхъ книгъ, круга дѣятельности того или другаго стола.

Что касается до старой описи 1668 года, то конечно, въ вопросѣ о столахъ Разряднаго приказа, она только въ такомъ случаѣ будетъ имѣть важное значеніе, если дѣла описаны въ ней въ порядкѣ столовъ, а не по какой-либо другой системѣ. Когда года два тому назадъ найдена была въ архивѣ эта Башмаковская опись (при составленіи

---

[1]) Помѣта обыкновенно заключаетъ въ себѣ распоряженіе, какъ долженъ подьячій поступить (послать туда-то грамоту, отпустить память и пр.); если же дальнѣйшаго исполненія не было, то помѣта выражалась словами: „къ отпуску", „въ столпъ" (соотвѣтствующими канцелярскимъ терминамъ нашего времени: „къ дѣлу", „къ наряду").

[2]) Иногда тутъ же, къ роспискѣ, прибавляется: „противъ помѣты грамоту послалъ", „память отпустилъ", „въ такой-то столпъ вклеилъ"; если выписывалось къ докладу, то — „выписано и выписка на столѣ", „выписано и положено на столъ" (дьяку). Иногда, впрочемъ очень рѣдко, отписки брались для исполненія или для немедленнаго доклада Государю самими дьяками (см., напр., кн. Приказнаго стола № 18, лл. 249—250).

[3]) См., напримѣръ, кн. Приказнаго стола № 18, л. 7: „такову отписку взялъ Иванъ Меньшой Матвѣевъ, по приказу Ѳедора Леонтьева" (слѣдовательно въ Новгородскій столъ, такъ какъ Леонтьевъ—старый подьячій этого стола).

исторіи Разряднаго архива), то тогда было предположено, что это есть собственно опись приказнаго архива, отдѣленнаго отъ текущаго дѣлопроизводства, и что произведена была эта опись независимо отъ распредѣленія дѣлъ по столамъ. Причиной для такого заключенія являлось то обстоятельство, что города, которые, по проф. Загоскину, привыкли считать въ Бѣлгородскомъ столѣ, по описи 1668 года находились въ вѣдѣніи подьячихъ Московскаго стола [1]). Въ настоящее время приходится признать высказанное въ „Исторіи Разряднаго архива" предположеніе совершенно ошибочнымъ [2]). Дѣло въ томъ, что при изученіи матеріала для настоящей статьи въ одной изъ книгъ Бѣлгородскаго стола встрѣтился документъ, изъ котораго ясно видно, что въ разсматриваемое время, къ которому относится и опись Башмакова, Бѣлгородскаго стола еще не существовало, а Бѣлгородъ и другіе города этого полка вѣдомы были въ Московскомъ столѣ [3]). Послѣ этого стало очевидно, что дѣла Разряда въ описи расположены по столамъ, что и даетъ возможность безошибочно изучить кругъ ихъ дѣятельности.

Въ разсматриваемое нами время, то-есть, въ 60—70 годахъ XVII столѣтія, въ Разрядѣ, какъ это видно изъ описи 1668 года и подтверждается вполнѣ „Записными книгами", было не девять столовъ, какъ въ настоящее время числится по архиву и принято проф. Загоски-

---

[1]) Подобная же вещь встрѣчается еще въ книгѣ Московск. стола № 61 (роспись подьячихъ) и вызвала недоумѣніе у Н. Н. Оглобина при изученіи имъ документовъ Разряда, см. т. IV-ый „Описанія документовъ Москов. арх. мин. юст." (стр. 164—165).

[2]) „Описаніе документовъ Моск. арх. мин. юст.", т. V (стр. 4—13).

[3]) „Въ приказномъ столѣ, читаемъ въ означенномъ документѣ, вѣдомы были городы Тамбовъ съ пригороды, взятъ изъ Дворца, да Бѣлогородцкого полку городы Козловъ, а къ нему пригороды Доброй, Сокольской, Челновой, Бѣльской, да въ Сокольскомъ уѣздѣ село Бѣлоколодезъ, да къ тѣмъ же городомъ въ прибавку вѣдомы были въ Приказномъ же столѣ немногіе годы Бѣлогородцкого полку городы Воронежъ, а къ нему пригороды Орловъ городокъ, Костенки, да Усмань, а въ прошломъ во 177 году, по росписке въ Розрядѣ, тѣ всѣ городы *велѣно вѣдать въ Московскомъ столѣ, Бѣлогородского полку съ городами вмѣстѣ*". Далѣе изъ того же документа видно, что въ 179 г. Тамбовъ и Козловъ съ пригородами были возвращены въ Приказный столъ, „для того что до 177 году тѣ городы издавна вѣдомы были въ томъ столѣ"; что же касается городовъ Воронежа и Усмани съ пригородами, то ихъ „велѣно вѣдать въ Московскомъ столѣ, для того что тѣ городы, Воронежъ съ пригороды и Усмань, податны къ Бѣлугороду, и службою и нарядомъ вѣдомы въ Бѣлогородцкомъ полку". Бѣлгородскаго стола кн. № 95. лл. 154—155.

нымъ, а всего только пять, а именно: Московскій, Новгородскій, Хлѣбный, Приказный и Денежный. Въ каждомъ столѣ было по нѣскольку повытій, изъ которыхъ каждое находилось въ вѣдѣніи „стараго подьячаго со справою“ [1]). Иногда, впрочемъ, одно повытье вѣдали двое подьячихъ „вопче“, каждый „за собою“, то-есть на равныхъ правахъ съ личною отвѣтственностью каждаго [2]). Что касается до вопроса, былъ ли общій начальникъ надъ цѣлымъ столомъ, то его приходится рѣшить отрицательно: каждый подьячій, вѣдавшій повытье, получалъ приказанія непосредственно отъ дьяковъ, предъ ними же онъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ за свое повытье, за неправильную „справу“ дѣлъ и пр. Каждое повытье вѣдало или извѣстный разрядъ дѣлъ, или группу городовъ, чаще же и то и другое вмѣстѣ, причемъ это распредѣленіе было болѣе или менѣе постояннымъ, но подьячіе мѣнялись гораздо чаще, вслѣдствіе чего ежегодно составлялись въ приказѣ росписи старшимъ подьячимъ, съ обозначеніемъ, какой подьячій долженъ вѣдать какое повытье въ текущемъ году [3]). Иногда, впро-

---

[1]) Въ статьѣ „Кіевскій столъ Разряднаго приказа“ (Кіевск. Стар. 1886 г. № 11, стр. 538—539) Н. П. Оглоблинъ говоритъ, что повытье—это такой терминъ, какимъ никогда не назывались отдѣленія Разряднаго приказа: какъ здѣсь, такъ и въ другихъ Московскихъ приказахъ XVII вѣка встрѣчаемъ „столы“, какъ названія административныхъ отдѣленій приказовъ, но никогда „повытья“. Мнѣніе это однако совершенно невѣрно: „повытье“ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ „столу“ а есть только подраздѣленіе послѣдняго, а потому, какъ мелкая единица внутренняго распорядка приказа, встрѣчается въ документахъ очень рѣдко. Въ одной Разрядной выпискѣ, относящейся къ 1684 г., читаемъ: „Иванъ Лобковъ (подьячій Разряда) пожалованъ во дьяки, а его *повытье* приказано было вѣдать подьячему Ивану Олсуфьеву“ (Новгородск. стола кн. № 31, л. 110).

[2]) Въ Разрядной выпискѣ, сдѣланной въ 1684 году по поводу челобитной стараго разряднаго подьячаго (повытчикъ одного изъ повытій Новгородскаго стола) Василья Текутьева, отставленнаго отъ приказа за невѣрную „справу памяти“, о принятіи его снова въ число подьячихъ, читаемъ: въ Разрядѣ, въ Новгородскомъ столѣ сидѣли старые подьячіе со справою и вѣдали замосковные городы: Иванъ Лобковъ: Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Галичъ, да къ тѣмъ городамъ въ списки: Смольнянъ, Бѣлянъ, Дорогобужанъ, итого 8; Василей Текутьевъ: Кашинъ, Бѣжецкой верхъ, Пошехонье, да къ тѣмъ городамъ списки: Романовъ, Пошехонье, Вологда, Бѣлоозеро, Дмитровъ, Угличъ, и по егожъ, в. г., указу Иванъ Лобковъ пожалованъ въ дьяки, а его повытье приказано подьячему Ивану Олсуфьеву, а нынѣ вѣдаетъ со 185 году подьячій Картерей Томиловъ, а съ 189 году съ нимъ, Картерьемъ, *въ товарищахъ былъ и за собою* вѣдалъ Емельянъ Шестаковъ...“ Новгородск. стола кн. № 31, л. 110.

[3]) Такія росписи за нѣсколько лѣтъ будутъ въ скоромъ времени напечатаны А. Н. Зерцаловымъ.

чемъ гораздо рѣже, подьячіе переводились и изъ одного стола въ другой, преимущественно же тогда, когда перечислялись изъ одного стола въ другой извѣстнаго рода дѣла или города. Переходимъ далѣе къ обзору круга дѣятельности каждаго стола.

Московскій столъ (иначе „Большой Московскій“ и даже просто „Большой“ [1])—несомнѣнно древнѣйшій изъ столовъ Разряда, изъ котораго частью выдѣлились остальные,—и ко второй половинѣ XVII столѣтія сохранилъ какъ самую обширную территорію, такъ и наиболѣе широкій кругъ дѣятельности: онъ по преимуществу „всѣмъ розряжалъ, бояры и дворяны и дьяки и дѣтьми боярскими, гдѣ куды государь роскажетъ“ [2]). Прежде всего въ Московскомъ столѣ велась подробная запись всѣхъ выдающихся событій дворцовой и государственной жизни, какъ-то: церковныхъ торжествъ, въ которыхъ участвовалъ государь, походовъ на богомолье, пріѣздовъ, пріемовъ и отпусковъ иноземныхъ пословъ,—все это съ подробными росписями участвовавшихъ высшихъ чиновъ,—записи пожалованій въ чины и назначеній, рожденій и смерти членовъ царской семьи, служенія молебновъ и панихидъ по этимъ случаямъ и т. п. Все это записывалось въ „Записныя книги“ стола; въ эти же книги записывались въ началѣ каждаго года свѣдѣнія о „начальныхъ людяхъ“ по приказамъ, о воеводахъ въ городахъ и „объѣзжихъ головахъ“ по Москвѣ. Въ Московскомъ же столѣ велись ежегодные отдѣльные списки подьячихъ всѣхъ Московскихъ приказовъ, съ обозначеніемъ ихъ денежнаго и помѣстнаго окладовъ и съ другими отмѣтками служебнаго характера [3]).

Разсматривая затѣмъ дѣятельность Московскаго стола въ цѣломъ видѣ, можно намѣтить еще три главнѣйшіе отдѣла его вѣдомства, 1) вѣданіе служилыхъ людей (Московскихъ чиновъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, исключая городовъ Новгородскаго Разряда, вѣдавшихся въ Новгородскомъ столѣ), 2) полковыя дѣла (исключая опять-таки „Новгородской полкъ“ или „полкъ Новгородскаго Разряду“) и 3) составленіе годовыхъ смѣтныхъ книгъ, то-есть отчетовъ о состояніи государства въ военномъ отношеніи.

Въ Московскомъ столѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о высшихъ классахъ служилаго сословія, здѣсь составлялись боярскія книги и списки жилецкіе, смотрѣнные, разборные, Московскихъ чиновъ людей,

---

[1]) Московскаго стола столбецъ № 120, л. 98.

[2]) *В. О. Ключевскій*, „Боярская Дума“ (2 изд.), стр. 407.

[3]) Старыя описи № 3 (т. III), л. 44; подобные списки въ книгахъ Москов. стола №№ 63, 64, 66, 70, 72—75 и проч.

пріѣздамъ ихъ на службу и отпускамъ, нѣтчикамъ, сюда же высылались служилые люди въ случаѣ прошеній объ отставкѣ, подавались челобитныя объ отпускѣ съ Москвы и проч.

Для выправки всѣхъ этихъ списковъ въ Разрядъ должны были доставляться свѣдѣнія изъ всѣхъ приказовъ о служилыхъ людяхъ, вѣдавшихся не въ Разрядѣ и служившихъ по назначенію, по „отпускамъ" изъ другихъ приказовъ [1]). Чрезъ Московскій столъ шли указы о разборѣ и верстаньи, посылались памяти въ приказы о высылкѣ ратныхъ людей, вѣдавшихся ими (напримѣръ, въ Посольскій—о новокрещенахъ, о татарахъ Ростовскихъ, Переяславскихъ и др., объ иноземцахъ въ Иноземскій и т. п.). Сюда же можно отнести и „счотныя дѣла въ отечествѣ", находившіяся также въ вѣдѣніи Московскаго стола.

Полковые воеводы назначались, получали наказы, снабжались оружіемъ, военными припасами, бумагой на канцелярію и проч. чрезъ Московскій столъ, равно и всѣ отписки полковыхъ воеводъ изъ южныхъ городовъ, независимо отъ ихъ содержанія, поступали въ этотъ же столъ (исключеніе составляли: „послужные списки", списки убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, такъ какъ свѣдѣнія по этимъ дѣламъ доставлялись въ Приказный столъ Разряда). По поводу этихъ отписокъ полковыхъ воеводъ, Московскій столъ уже отъ себя сносился съ подлежащими вѣдомствами. Полковыя дѣла составляли и въ архивѣ Московскаго стола особый отдѣлъ, носившій названіе „столповъ о полковыхъ дѣлѣхъ", изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ нарядъ полковыхъ документовъ, „столпъ" о такомъ-то походѣ,—„полку боярина" (такого-то),—„наказы полковыхъ воеводъ" и т. п.

Составленіе ежегодныхъ годовыхъ „смѣтныхъ книгъ" также входило въ кругъ обычной дѣятельности Московскаго стола. Ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, каждый городовой воевода обязанъ былъ представить въ Разрядъ „смѣтную книгу" о состояніи ввѣреннаго его управленію города (иногда съ приложеніемъ „перечня" изъ книгъ [2]).

[1]) „Послать памяти во всѣ приказы тотчасъ: кто имяны Московскихъ чиновъ и городовые нынѣ на Москвѣ и въ городѣхъ у дѣлъ и отсылкахъ, и сколь давно и по отсылкѣ ль они у тѣхъ дѣлъ, и въ отсылкахъ изъ Розряду, да тѣ росписки прислать въ Розрядъ вскорѣ для государевы службы списковъ выправки" („Агаѳошко Пиминовъ взялъ"—подъячій Московскаго стола). Книга Приказнаго стола № 18, л. 178.

[2]) См. объ этомъ, а также о порядкѣ составленія „смѣтныхъ книгъ" въ „Описаніи документовъ арх. мин. юст.", т. IV (стр. 178—228, статья *Н. Н. Оглоблина*).

Подлинныя книги передавались въ тотъ столъ, въ которомъ числился городъ, а „перечень" или, если его не было прислано, выписка, сдѣланная подьячими этого стола, передавались въ Московскій столъ, гдѣ или прямо писались въ годовую смѣту, или предварительно заносились въ „записную книгу" стола [1]). Въ извѣстное время Московскій столъ, кромѣ того, разсылалъ памяти по другимъ приказамъ о доставленіи въ Разрядъ необходимыхъ свѣдѣній для внесенія въ годовую смѣту [2]).

Что касается до территоріи Московскаго стола, то она захватывала обширную область, заключавшую въ себѣ приблизительно до 90 городовъ „Замосковныхъ", „Рязанскихъ", „Заоцкихъ", „Тульскихъ" и южныхъ „украинныхъ" Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ [3]). Всѣ

---

[1]) Особенно характерное мѣсто приведено Н. П. Оглоблинымъ изъ „Записной книги Московскаго стола № 14, теперь напечатанной Археогр. Коммиссіей (см. Описаніе документовъ арх. мин. юст. т. IV, стр. 223): изъ Торжка Жеребцовъ прислалъ „росписной списокъ"—„помѣта на отпискѣ думного дьяка Дементія Башмакова: къ отпуску и выписать. Та отписка и книги отданы Ѳедору Леонтьеву, Ѳедка Леонтьевъ взялъ (то-есть въ Новгор. столъ, такъ какъ подьячій этого стола). Изъ тѣхъ книгъ въ годовую смѣту выписано и отосла но въ Московскі столъ Ѳедору Посникову" (Русская Историческая Библіотека т. XI, стр. 2). Судя по именамъ подъячихъ въ годовыхъ „смѣтныхъ книгахъ" („справлявшихъ" отдѣльные города),—это все подьячіе Московскаго стола. Выписки изъ „смѣтныхъ книгъ" въ „Записныя"—см. „Рус. Ист. Библіотеки" т. X, стр. 9—15, 21—22 и др;

[2]) „Русская Истор. Библіотека", т. X, стр. 127—129, 218—220 и пр.

[3]) По описи 1668 года (т. 1, 2 и 3) города эти слѣдующіе: 1) Арзамасъ 2) Алексинъ, 3) Богородицкъ, 4) Боровскъ, 5) Болховъ, 6) Бѣлевъ, 7) Веневъ, 8) Владиміръ, 9) Волокъ, 10) Верея, 11) Воротынскъ, 12) Гороховъ, 13) Гремячій, 14) Дѣдиловъ, 15) Епифань, 16) Ефремовъ, 17) Зарайскъ, 18) Звенигородъ, 19) Карачевъ, 20) Кашира, 21) Козельскъ, 22) Коломна, 23) Кромы, 24) Лихвинъ, 25) Лухъ, 26) Медынь, 27) Мещовскъ, 28) Мещера, 29) Муромъ, 30) Можайскъ, 31) Мценскъ, 32) Михайловъ, 33) Нижній, 34) Новосиль, 35) Орелъ, 36) Одоевъ, 37) Переяславль Зал., 38) Переяславль Ряз., 39) Печерники, 40) Пронскъ, 41) Руза, 42) Ряскъ, 43) Сапожокъ, 44) Солова, 45) Серпейскъ, 46) Серпуховъ, 47) Суздаль, 48) Таруса, 49) Юрьевъ Польскій, 50) Чернь, 51) Шацкъ, 52) Шуя, 53) Ярославецъ Малый.—Собственно „украинные": 1) Болховой, 2) Бѣлгородъ, 3) Ахтырской, 4) Валуйка, 5) Вольской, 6) Валки, 7) Донковъ, 8) Елецъ, 9) Землянской, 10) Змѣевъ, 11) Карповъ, 12) Коротоякъ, 13) Колонтаевъ, 14) Курскъ, 15) Короча, 16) Красный кутъ, 17) Лебедянь, 18) Ливны, 19) Мояцкой, 20) Нов. Осколъ, 21) Нежегольской, 22) Обоянь, 23) Олешна, 24) Ольшанскъ, 25) Осколъ, 26) Острогожской, 27) Салтовъ, 28) Суджа, 29) Сумино, 30) Талецкой, 31) Усердъ, 32) Хотмышской, 33) Черпавскъ, 34) Царевъ-Борисовъ, 36) Яблоновъ; см. также роспись въ книгѣ Московскаго стола № 61, л. л. 496—505.

эти города подчинены были Московскому столу далеко не въ одинаковой степени. Города внутренніе, старые вѣдались столомъ (и вообще Разрядомъ, такъ какъ еще въ другомъ какомъ-либо столѣ не числились) только въ военномъ отношеніи, „службою", то-есть назначеніемъ воеводъ, которые представляли въ приказъ свѣдѣнія о состояніи городовъ, списки служилыхъ людей городовой службы, Разрядомъ же составлялись „десятни" верстальныя, разборныя и раздаточныя, которыя и хранились въ приказѣ съ прочими дѣлами городовъ, къ которымъ относились. Напротивъ, города южные Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, подчинены были Разряду вполнѣ [1]), причемъ собственно Московскій столъ вѣдалъ ихъ по всѣмъ дѣламъ, исключая: 1) хлѣбныхъ доходовъ, сборовъ и запасовъ, 2) денежныхъ—таможенныхъ, кабацкихъ и оброчныхъ доходовъ и 3) судныхъ дѣлъ (всѣ эти три вида дѣлъ относились къ другимъ столамъ приказа: Хлѣбному, Денежному и Приказному). Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ дѣлъ, какъ видно изъ указа 180—1672 года мая 17-го [2]), 44 города вѣдались въ Разрядномъ приказѣ помѣстно-вотчинными дѣлами, „землями", независимо отъ Помѣстнаго приказа, а изъ нихъ 37 городовъ собственно въ Московскомъ столѣ. Дѣла, касающіяся до раздачи земель и земельныхъ владѣній въ этой мѣстности, хранились въ особыхъ „столпахъ помѣстныхъ Бѣлгородскаго полку городовъ".

Переходимъ ко второму, также имѣвшему большую территорію столу, Новгородскому. Въ этомъ столѣ числилось болѣе 30 городовъ [3]), собственно „Новгородскаго разряду" и „Замосковныхъ".

---

[1]) Списокъ ихъ ниже при описаніи Денежнаго стола.

[2]) Указъ этотъ въ Полн. Собр. Законовъ № 516, подлинникъ его находится въ книгѣ Бѣлгородскаго стола № 95, л. 122. Привожу перечень этихъ городовъ изъ этой книги, такъ какъ въ Полн. Собр. Законовъ указъ напечатанъ съ ошибками въ названіяхъ городовъ и пропусками: „Сѣвскаго полку: Каменое, Недрыгайловъ; Бѣлогородскаго полку въ чертѣ: Обоянь, Донковъ, Талецкой, Чернавской, Землянской, Суджа, Миронолье; городы отъ Бѣлагорода по чертѣ направо: Болховой, Карповъ, Вольной, Алешня, Хотмышской, Ахтырской; городы жъ отъ Бѣлагорода по чертѣ налѣво: Короча, Яблоновъ, Новой Осколъ, Верхососенской, Усердъ, Ольшанескъ, Острогожской, Коротоякъ, Урывъ, Усмонь, Козловъ, Бѣльской, Челновой, Доброе, Сокольской; за чертою: Валуйка, Чугуевъ, Царевъ-Борисовъ, Харковъ, Нежегольской, Змѣевъ, Валки, Красный кутъ, Городной, Мурахва, Богодуховъ, Салтовъ, Булыклея, Моицкой.—Ср. также указъ Полн. Собр. Законовъ № 522.

[3]) Великій Новгородъ (съ пригородами: Ладога и Порховъ), Псковъ (пригороды: Изборскъ, Гдовъ, Опочка, Печерскій монастырь, Островъ), Лука Великія,

То, что сказано о неодинаковой степени подчиненія городовъ Московскому столу, вполнѣ распространяется и на Новгородскій столъ. Тогда какъ города „Замосковные" вѣдались столомъ исключительно въ отношеніи къ служилымъ людямъ и состоянію городовъ въ военномъ отношеніи, города собственно „Новгородскаго разряда" подчинены были Новгородскому столу въ военномъ (въ томъ числѣ и „полковыя дѣла"), административномъ, судебномъ и частью финансовомъ (въ частности—„хлѣбные запасы", исключая „дворцовыхъ") отношеніяхъ. Не останавливаясь на этомъ болѣе, перейдемъ къ описи 1668 года и посмотримъ какіе виды дѣлъ находятся по ней въ Новгородскомъ столѣ. Прежде всего, конечно, какъ и въ другихъ столахъ,— „записныя книги" стола, затѣмъ дѣла, относящіяся къ воеводскому управленію и служилымъ людямъ, каковы: росписные „списки" и „смѣтныя книги" городовъ, „десятни" разныхъ видовъ, списки смотрѣнные и полковые, книги записныя пріѣздамъ на службу, книги денежной раздачи служилымъ людямъ городовой службы, въ томъ числѣ „кормовымъ казакамъ", воротникамъ, пушкарямъ; далѣе слѣдуютъ „Новгородскаго полку полковыя всякія дѣла", въ томъ числѣ „книги записныя" нѣмецкихъ полоняниковъ и выходцевъ (собственно изъ-за нѣмецкаго рубежа), книги раненымъ и убитымъ; наконецъ, дѣла болѣе разнообразныхъ видовъ: книги Полоцкой и Невельской шляхты,—помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ,—хлѣбныхъ запасовъ („покупному", „продажному", „выдѣльному", „описному", „сборному хлѣбу" и проч.).

Перехожу къ третьему столу, вѣдавшему также болѣе или менѣе значительную территорію, простиравшуюся на югѣ и занимавшую мѣстность Сѣвскаго полка, а именно къ Хлѣбному [1]).

Область, подчиненная этому столу, заключала въ себѣ восемь городовъ, а именно: Брянскъ, Сѣвскъ, Рыльскъ, Недрыгайловъ, Пу-

---

Ржева Пустая, Невль, Тверь, Торопецъ, Торжокъ, Старица, Ярославль, Кострома, Галичъ, Смоленскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Бѣлая, Ржева, Зубцовъ Ростовъ, Романовъ, Пошехонье, Вологда, Бѣлоозеро, Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ, Бѣжецкой Верхъ.

[1]) Хлѣбный столъ указанъ впервые Н. Н. Оглоблинымъ, см. IV томъ „Описанія документовъ арх. мин. юстиціи", приложеніе II (на стр. 412—413). Въ настоящее время въ архивѣ нѣтъ дѣлъ Хлѣбнаго стола; часть ихъ (относящаяся къ территоріи) находится въ дѣлахъ Сѣвскаго стола, собственно же документы о хлѣбныхъ запасахъ и „донскомъ отпуску" отнесены, вѣроятно, къ соотвѣтствующимъ городамъ и случайно попали въ другіе столы (см. напримѣръ, книгу Моск. стола № 71).

тиль, Лебединъ, Каменное и Сумино. Эти города Хлѣбный столъ вѣдалъ по всѣмъ дѣламъ, исключая 1) денежныхъ-таможенныхъ, кабацкихъ и оброчныхъ сборовъ и 2) судныхъ дѣлъ. Кромѣ того два города, Недрыгайловъ и Каменное, вѣдались въ Хлѣбномъ столѣ и „землями". Однако Хлѣбный столъ не былъ уже въ строгомъ смыслѣ территоріальнымъ (какъ напримѣръ, Новгородскій), такъ какъ имѣлъ и свою исключительную функцію, выходившую за предѣлы его территоріи, отъ которой и получилъ свое названіе, а именно, по выраженію старой описи, вѣдѣніе „всѣхъ городовъ, опричь Новгородцкаго Разряду, хлѣбные запасы". Въ Столѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ „десятиннаго", „оброчнаго", „покупнаго" и пр. хлѣба, о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ по городамъ, о перевозкѣ хлѣба изъ одного города въ другой, гдѣ чувствовался его недостатокъ, о снабженіи войска хлѣбомъ, равно какъ и свѣдѣнія о „десятинной" пашнѣ, состояніи амбаровъ и житницъ. Кромѣ всего этого Хлѣбный столъ вѣдалъ „Донской отпускъ", а неразрывно съ нимъ и „струговое дѣло", то-есть постройку, починку и снабженіе снастями судовъ, строившихся въ Воронежѣ и другихъ южныхъ городахъ, на которыхъ отправлялся хлѣбъ на Донъ. Изъ старой описи 1668 г. видно, что, въ это по крайней мѣрѣ время, къ Хлѣбному столу принадлежали еще города „Черкасскіе", малороссійскіе. „Да подьячій же Ѳедоръ Оловенниковъ вѣдалъ Черкасскіе городы: Кіевъ, Переяславль, Нѣживъ, Черниговъ", читаемъ въ описи [1]). Разсматривая въ описи составъ документовъ по этимъ городамъ, легко замѣтить, что дѣла исключительно касаются: 1) укрѣпленія городовъ и 2) „государевыхъ" ратныхъ людей (напримѣръ, „книги строельныя Кіевскому острогу", смотры государевымъ ратнымъ людямъ и Кіевскимъ солдатамъ, Кіевскія смѣтныя книги деньгамъ и хлѣбу, десятни денежной раздачи и проч. [2]).

Остаются еще два стола, въ которыхъ спеціальное ихъ назначеніе преобладаетъ надъ территоріальнымъ.

---

[1]) Старыя описи, т. 3, л. 150.

[2]) Повидимому это и было „Кіевское повытье", которое въ началѣ XVIII в. существовало также при одномъ изъ столовъ и о документахъ котораго говоритъ уже опись начала XVIII ст. (иногда называется „Малороссійское повытье"). Что касается до книгъ, теперь числящихся въ архивѣ подъ названіемъ „книги Кіевскаго стола", то г. Оглоблинъ считаетъ ихъ не безъ основанія дѣлами приказа Малой Россіи (см. статью въ *Кіевской Старинѣ* 1886 г., № 11 (стр. 536—552).

Приказный столъ, иногда называющійся „Московскимъ приказнымъ“, а иногда „Послужнымъ“, послѣ Московскаго—былъ самымъ обширнымъ если не по кругу дѣятельности, то по количеству въ немъ дѣлъ. Въ вѣдѣніи Приказнаго стола также находились служилые люди, но преимущественно спеціальныхъ видовъ, каковы: казаки и черкасы южныхъ городовъ, станичники, сеунщики, ѣздоки, вожи; здѣсь имъ велись списки, составлялись десятни. Затѣмъ въ Приказный столъ Разряда поступали тѣ изъ отписокъ полковыхъ и городовыхъ воеводъ, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія и списки убитыхъ, раненыхъ, то-есть служилыхъ людей также находившихся въ не менѣе исключительныхъ положеніяхъ. Приказный столъ и самъ велъ особыя книги раненымъ и „полоняникамъ“, первыхъ досматривалъ, а вторыхъ допрашивалъ, и отъ него зависѣла выдача имъ денегъ „за раны, на лечбу“ и „за полонное терпѣніе“. На-ряду съ русскими полоняниками, въ Приказномъ же столѣ вѣдались плѣнные иноземцы и выходцы (исключая выходцевъ въ города Новгородскаго разряда); послѣдніе здѣсь подвергались допросу, получали „за выходъ“ (о выдачѣ этихъ денегъ Приказный столъ посылалъ памяти въ приказъ Большаго Прихода) и назначеніе на службу, преимущественно на востокъ. Особенное скопленіе дѣлъ въ столѣ происходило оттого, что въ Приказномъ столѣ сосредоточивалась вся судебная дѣятельность приказа (исключая городовъ Новгородскаго разряда); наряду же съ судными и сыскными дѣлами, какъ и естественно, Приказный столъ велъ списки опальнымъ, ссыльнымъ [1]), тюремнымъ сидѣльцамъ, какъ въ городахъ, такъ и содержавшимся при Разрядѣ [2]), заботился о состояніи тюремъ, кормѣ, покупкѣ тулуповъ для сидѣльцевъ, вѣдалъ тюремныхъ сторожей и проч. Профессоръ Загоскинъ указалъ на то, что Приказному столу принадлежала также власть полицейская, выражавшаяся въ опубликованіи чрезъ него указовъ, касавшихся общественнаго благочинія; можно еще прибавить, что дѣятельность

---

[1]) Въ томъ числѣ не мало встрѣчается любопытныхъ свѣдѣній о ссылкѣ въ монастыри умалишенныхъ „подъ начало“, чтобы тамъ они пришли „въ совершенный разумъ“ (см. напримѣръ Кн. Прик. ст. № 5, лл. 14, 82 об. и др.; кн. Прик. ст. № 18, лл. 249—250).

[2]) (177—1669 г.) „по государеву указу, Приказнаго стола подьячимъ, Борису Корѣлкину съ товарищи, въ Разрядѣ переписывать колодниковъ по вся дни и описывать имянно, какихъ они чиновъ и городовъ, и кто имяны съ отцы и съ прозвищи, и у которыхъ подьячихъ дѣла ихъ, и кто въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ свобожонъ будетъ“ (Приказн. стола кн. № 18, л. 174).

Приказнаго стола въ этомъ отношеніи была гораздо болѣе обширна: имъ дѣлались распоряженія о сыскѣ преступниковъ по тѣмъ дѣламъ, которыя производились въ Разрядѣ; наконецъ, въ самой столицѣ Приказному столу также принадлежала полицейская власть, какъ то: розыскъ разныхъ лицъ (неявившихся къ отчету головъ, служилыхъ недоставившихъ отписки и т. п.); въ Приказный же столъ подавались „объѣзжими головами" составлявшіяся ими „объѣзжія книги" г. Москвы (назначеніе же самихъ головъ вѣдалъ Московскій столъ). Въ разсматриваемое нами время въ Приказномъ столѣ числилось четыре города съ пригородами: Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ и Усмань и ихъ пригороды: Орловъ-городокъ, Костенки, Доброе, Сокольской, Челновой, Бѣльской и Лысогорской, причемъ города эти вѣдались столомъ по всѣмъ дѣламъ, исключая: 1) хлѣбныхъ запасовъ и 2) таможенныхъ, оброчныхъ и другихъ денежныхъ доходовъ. Въ томъ числѣ, какъ видно изъ указа 17-го мая 1672 года, Козловъ и пригороды Бѣльской, Челновой, Доброе и Сокольской вѣдались въ Приказномъ столѣ и „землями" [1]). „Издавна", по выраженію одного документа [2]), въ Приказномъ столѣ былъ только Козловъ съ своими пригородами, Тамбовъ былъ взятъ изъ приказа Большаго Дворца [3]), а затѣмъ „немногіе годы" передъ 1669 годомъ, вѣдались также въ Приказномъ столѣ города, переданные изъ Московскаго: Воронежъ съ пригородами (Орловъ и Костенки) и Усмань. Въ 1669 году (апрѣля 29-го) всю территорію Приказнаго стола, то-есть Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ и Усмань съ пригородами, велѣно было передать въ Московскій столъ, въ которомъ эти города и были до 179—1671 года (21-го февраля), когда предписано было Тамбовъ и Козловъ (съ ихъ пригородами) возвратить въ Приказный столъ, Воронежъ же (съ двумя пригородами) и Усмань оставить по-прежнему въ Московскомъ и вѣдать „Бѣлгородцкого полку съ городами, для того, что тѣхъ городовъ ратные люди службою и нарядомъ вѣдомы въ Бѣлгородцкомъ полку"... „и изъ приказнаго стола дѣла и списки тѣхъ городовъ служилыхъ людей взять" [4]).

---

1) Книга Бѣлгор. стола № 95 (лл. 123—125), П. С. З. № 516.

2) Кн. Бѣлгор. стола № 95 (лл. 154—155).

3) Тамъ же: „Танбовъ съ пригороды взятъ изъ Дворца". Это произошло, повидимому, въ 167—1659 году; подъ этимъ годомъ въ описи 1668 года въ Денежномъ столѣ хранился слѣдующій документъ: „Память изъ дворца, за приписью дьяка Андрея Селина, какъ велѣно вѣдать Тонбовъ въ Розрядѣ" (Стар. описи т. IV, л. 412).

4) Бѣлгор. стола кн. № 95, лл. 154—155.

Если Приказный столъ, не будучи въ строгомъ смыслѣ столомъ территоріальнымъ, имѣлъ все-таки въ своемъ вѣдѣніи хотя небольшую групну городовъ, то Денежный столъ Разряда былъ единственнымъ, который всѣ свои города вѣдалъ только въ одномъ финансовомъ отношеніи и совсѣмъ не имѣлъ городовъ, которые были бы ему подчинены болѣе широко. Въ Денежномъ столѣ въ 1668 году вѣдалось до 70 городовъ, преимущественно южныхъ, вновь возникавшихъ по мѣрѣ заселенія въ XVII вѣкѣ южной степной окраины [1]). Всѣ эти города вѣдались Денежнымъ столомъ Разряда въ отношеніи къ доходамъ таможеннымъ, кабацкимъ, оброчнымъ съ разныхъ статей, пошлиннымъ съ ссудныхъ дѣлъ и пр. [2]). Число городовъ Денежнаго стола особенно увеличилось послѣ 1665 года, когда въ Разрядный приказъ изъ приказовъ Большаго Прихода и Новой Чети передано было завѣдываніе таможенными и кабацкими доходами въ городахъ Бѣлгородскаго полка [3]). Просматривая „записныя книги отпискамъ", легко видѣть, что всѣ дѣла, касавшіяся денежныхъ доходовъ означенныхъ городовъ, поступали въ Денежный столъ, причемъ всѣ присылавшіяся деньги принимались на храненіе подьячими этого стола подъ росписки и записывались въ особыя книги и тетради. Въ Денежномъ же столѣ хранились въ особомъ

---

[1]) *„Заоцкіе"*: Мещовскъ, Масальскъ, Серпѣйскъ; *Сѣвскаго полку украинные*: Лихвинъ, Бѣлевъ, Орелъ, Волховъ, Карачевъ, Кромы; *Сѣверскіе*: Брянскъ, Рыльскъ, Сѣвскъ, Недрыгайловъ, Путивль, Каменное; *Бѣлгородскаго полку*: Мценскъ, Ливны, Новосиль, Чернь, Лебедянь, Чернавской, Осколъ, Обоянь, Суминъ, Елецъ, Курскъ, Епифань, Талецкой, Ефремовъ, Землянской, Суджа, Лебединъ; *по чертѣ*: Бѣлгородъ; *отъ Бѣлгорода на правую сторону*: Болховой, Карповъ, Хотмышской, Вольной, Алешня, Ахтырской; *отъ Бѣлгорода налѣво*: Короча, Н. Осколъ, Уеердъ, Острогожской, Урывъ, Орловъ городокъ, Усмань, Сокольской, Челновой, Танбовъ, Яблоновъ, Верхососенскъ, Ольшанскъ, Коротоякъ, Воронежъ, Костенки, Доброе, Бѣлоколодезь, село Тарбѣево, Бѣльской; *за чертою*: Валуйка, Царевъ-Борисовъ, Чугуевъ, Моякъ, Змѣевъ, Харьковъ, Нежегольской, Колонтаевъ.

[2]) Въ описи 1668 г. функціи Денежнаго стола опредѣлены такъ: „въ Денежномъ столѣ у подьячихъ, у Ѳедора Пономарева, да у Ивана Айтемирева, да у Ѳедора Кузьминцева, да у Ѳедора жъ Казарина городы вѣдомы таможеннымъ и кабацкимъ сборомъ и всякими доходы" (т. IV, л. 357).

[3]) *Неволина* т. VI, стр. 148; Указъ П. С. З. № 370. Въ описи 1668 года также сохранились слѣды этой передачи городовъ; подъ 173 годомъ находимъ: „книги въ десть, присланы изъ Большаго Приходу да изъ Новой Чети украинныхъ городовъ таможнимъ и кабакомъ, которые велѣно вѣдать въ Разрядѣ, за приписью дьяковъ Гаврила Дохтурова да Ивана Рубцова (т. IV, л. 420).

помѣщенія, „казенкѣ", „выборы" головъ и цѣловальниковъ, документы, относившіеся до отдачи на откупъ кружечныхъ дворовъ, кабаковъ, квасныхъ и проч., „поручныя записи" по откупщикамъ; по окончаніи каждаго года, всѣ эти лица высылались къ отчету въ приказъ и здѣсь учитывались Денежнымъ столомъ. Всѣ отписки, касавшіяся денежныхъ доходовъ, равно и препроводительныя при различныхъ книгахъ финансоваго характера поступали въ Денежный столъ и вклеивались въ особые „столпы" о денежныхъ доходахъ [1]). Просматривая опись 1868 года, находимъ въ ней слѣдующіе виды документовъ, характеризующіе дѣятельность Денежнаго стола: книги общія приходныя и расходныя приказа,—таможенныя и кабацкія,—отдачи на откупъ таможенъ и кабаковъ,—раздаточныя жалованья,—о доимкѣ,—лавочному оброку,—окладнымъ доходамъ,—отдаточныя десятинной пашни на оброкъ,—банныя,—отдачи на оброкъ пустовой земли,—пеннымъ деньгамъ,—сыскныя торговыхъ промысловъ, — пошлинныя съ конской записки,—полоняничнымъ деньгамъ,—дачи кормовъ и проч. Такое же разнообразіе находимъ и въ „столпахъ": кромѣ обычныхъ „приходныхъ" и „расходныхъ" разныхъ годовъ и „всякихъ дѣлъ", здѣсь есть „столпы" „зачетные", „откупные", „о нѣмецкихъ кормахъ", „выборы на кружечные дворы", „о винной продажѣ", „о вѣрныхъ головахъ и цѣловальникахъ" и проч. и проч.

Заканчивая статью, приходится еще разъ сказать, что она вовсе не имѣетъ въ виду рѣшить вопросъ въ окончательной формѣ: для этого нужна работа не такая спѣшная и гораздо болѣе обширная; цѣль же статьи—единственно указать на важность одного изъ малоизвѣстныхъ видовъ документовъ („записныя книги отпискамъ") для изученія внутренняго распорядка въ Разрядѣ, указать на возможность точнаго рѣшенія вопроса о столахъ и въ бѣгломъ очеркѣ представить нѣкоторую характеристику дѣятельности столовъ Разряда, явившуюся какъ результатъ, какъ впечатлѣніе, изученія немногихъ книгъ этого рода.

А. Голомбіевскій.

---

[1]) Въ настоящее время въ архивѣ нѣтъ столбцовъ Денежнаго стола, между тѣмъ даже въ половинѣ XVIII столѣтія ихъ числилось 752; см. Описаніе документовъ Моск. арх. мин. юст., т. V, стр. 16. Вѣроятно, нѣкоторая часть ихъ сохранилась въ столбцахъ другихъ столовъ.

КЪ ВОПРОСУ О СТРОЕНІИ МАТЕРІИ.

Не слишкомъ трудно было бы изучать матерію, еслибы въ опытѣ мы могли имѣть дѣло съ ней самой: тогда ея изученіе составило бы совершенно такую же задачу, какъ и изслѣдованіе всякаго даннаго въ опытѣ объекта. Но въ опытѣ мы встрѣчаемся исключительно лишь съ составленными изъ матеріи тѣлами: дерево, желѣзо, золото, камень, вода, ртуть, воздухъ, водородъ и т. д.—все это тѣла, а не сама матерія. Сама же матерія не можетъ быть указана въ опытѣ; она только мыслится нами, и притомъ мыслится не какъ общее понятіе или названіе, которое можно было бы употреблять взамѣнъ различныхъ тѣлъ для обозначенія существованія въ нихъ нѣкоторыхъ сходныхъ или общихъ чертъ (совокупност которыхъ можно было бы назвать матеріальностью тѣлъ), а какъ тотъ субстратъ или матеріалъ, изъ котораго возникаютъ тѣла. Но самого этого субстрата никакъ нельзя указать въ опытѣ, потому что передъ нами всегда будетъ не онъ самъ, а только какое нибудь состоящее изъ него тѣло (вода, любой газъ, кристаллъ, и т. д.), про которое однако мы все-таки съ увѣренностью думаемъ, что оно состоитъ изъ чего-то другаго, чѣмъ оно само (изъ матеріи). Вотъ эти-то два факта нашего познанія: 1) отсутствіе данности въ опытѣ самой матеріи и 2) постоянная мысль, что она, хотя изъ нея и возникаютъ тѣла, не тоже самое, что они, то-есть, мысленное обособленіе ихъ отъ нея, значительно затрудняютъ рѣшеніе вопроса о матеріи (и еще измѣняютъ его характеръ, дѣлаютъ его, какъ вопросъ о нашихъ мысляхъ, о пониманіи или о познаніи, философскимъ). Въ самомъ дѣлѣ, если мы всегда имѣемъ дѣло только съ тѣлами, а въ то же время отдѣляемъ отъ нихъ то, изъ чего они состоятъ, — матерію, или иначе, имѣя несомнѣнно ре-

альное, то-есть, соотвѣтствующее опыту, понятіе тѣлъ, мы не довольствуемся имъ и строимъ еще отличающееся отъ него понятіе матеріи, для котораго однако не можемъ указать въ опытѣ соотвѣтственнаго предмета, то спрашивается, почему же мы такъ поступаемъ и должны ли мы обособлять понятіе матеріи отъ понятія тѣлъ?

Для Аристотеля съ его дуализмомъ формы и матеріи не могло встрѣтиться здѣсь ровно никакого затрудненія: всякое тѣло состоитъ изъ двухъ принциповъ — матеріи и формы; еслибы можно было отвлечь отъ него все формальное, то-есть все то, что придаетъ ему определенный видъ существованія и что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ тѣлъ, то осталась бы чистая матерія, содержащая въ себѣ одну лишь голую возможность быть какимъ угодно тѣломъ и воспріимчивость ко всякой формѣ, такъ что для существованія того или другаго тѣла нужно, чтобы матерія была соединена съ той или другой формой. Не было бы затрудненія и для насъ, еслибы мы считали позволительнымъ для себя разсуждать въ духѣ схоластическаго реализма. Коль скоро мы подъ матеріей подразумѣваемъ всеобщій субстратъ тѣлъ (то, изъ чего состоятъ тѣла и что существуетъ въ нихъ помимо ихъ частныхъ свойствъ), то изъ всѣхъ признаковъ тѣлъ въ составъ понятія матеріи могутъ войти только самые общіе для всѣхъ тѣлъ, такъ что и само понятіе-то матерія должно быть разсматриваемо, какъ общее (родовое) понятіе тѣлъ (понятіе тѣла вообще), какъ одно изъ universalia; а такъ какъ средневѣковый реалистъ считалъ содержаніе общихъ понятій реально существующимъ помимо нашего ума, то, коль скоро мы присоединимся къ его мнѣнію, этимъ самымъ будетъ рѣшенъ вопросъ о нашемъ правѣ и обязанности обособлять понятіе матеріи отъ понятія тѣлъ; мы должны обособлять матерію такъ же, какъ обособляемъ всякую сущность отъ ея единичныхъ обнаруженій, такъ что сверхъ тѣлъ должны признавать еще существованіе матеріи.

Но не то для философовъ и натуралистовъ наканунѣ XX вѣка, особенно же при ихъ увѣренности, будто бы они, распростившись со всякой трансцендентной метафизикой, изучаютъ только то, что существуетъ въ опытѣ, и уже не руководствуются завѣдомо догматическимъ, заимствованнымъ изъ глубокой древности (возникшимъ и употребляемымъ еще задолго до Платона) принципомъ тожества бытія и мысли (сущность котораго сводится къ предположенію—„всему тому, что существуетъ и совершается въ нашемъ умѣ, должно соотвѣтствовать то, что существуетъ и совершается помимо нашего ума“,

такъ что, если въ нашемъ умѣ на раду съ единичными понятіями и представленіями существуютъ въ томъ или другомъ видѣ еще общія понятія, состоящія изъ однихъ общихъ и существенныхъ признаковъ, то помимо нашего ума сверхъ единичныхъ вещей должны быть еще ихъ общія сущности, составъ природы которыхъ соотвѣтствовалъ бы составу общихъ понятій, напримѣръ сверхъ каждаго человѣка долженъ быть еще человѣкъ вообще—самая сущность человѣка). Вѣдь мы обособленіе формы отъ того, чья она форма, отъ того, что ею обладаетъ, считаемъ существующимъ только въ нашей абстракціи: мы увѣрены, что въ предѣлахъ опыта (и наличнаго и возможнаго) форма не присоединяется извнѣ къ своему содержанію (матеріи), а всегда въ томъ или другомъ (въ болѣе простомъ или въ болѣе сложномъ) видѣ уже существуетъ вмѣстѣ съ нимъ; подъ словами присоединеніе формы мы подразумѣваемъ не дѣйствительное, хотя бы искони происшедшее, соединеніе безформеннаго содержанія съ вполнѣ безсодержательной формой, а только преобразованіе одной формы (напримѣръ, болѣе простой или же менѣе желательной) въ другую (болѣе сложную или же болѣе желательную); такъ, придать форму глинѣ значитъ измѣнить ея кучкообразную форму въ шарообразную или призматическую и т. п. Да и у самого Аристотеля понятіе матеріи сдѣлалось вполнѣ относительнымъ: безъ формы она никогда не существовала и не существуетъ; а то же самое тѣло, которое уже и сейчасъ состоитъ изъ сочетанія формы съ матеріей, играетъ роль матеріи относительно другой формы—той, которая ему будетъ придана впослѣдствіи, напримѣръ—глина есть матерія будущей статуи. Совершенно также, вопреки схоластамъ-реалистамъ, мы не рѣшаемся признавать реальность общихъ понятій (по крайней мѣрѣ эмпирическую, изученіемъ которой мы ограничиваемся, распростившись съ сверхчувственной метафизикой); напримѣръ, мы не рѣшаемся утверждать, что сверхъ единичныхъ людей существуетъ еще человѣкъ вообще. И нѣтъ никакого основанія дѣлать исключеніе для понятія тѣла вообще: мы увѣрены, что всякое общее понятіе, чего бы оно ни касалось, существуетъ лишь въ нашемъ умѣ, а не во внѣшней природѣ.

А, вопреки этому, мы все-таки обособляемъ понятіе матеріи отъ понятія тѣлъ и не считаемъ матеріи однимъ лишь общимъ понятіемъ тѣлъ, хотя въ то же время въ состояніи указать въ опытѣ не матерію, а только тѣла. Почему же мы такъ поступаемъ, и что вынуждаетъ насъ къ этому? Да имѣетъ ли понятіе матеріи реальное

значеніе, или же это простая абстракція? Поставить такой вопросъ, то-есть возбудить въ себѣ сомнѣніе въ реальности понятія матеріи, вполнѣ неизбѣжно, коль скоро мы хотимъ его сполна уяснить себѣ: вѣдь подобно тому, какъ исторія философіи замѣняетъ въ философскомъ анализѣ наблюденіе, такъ сомнѣніе играетъ въ немъ роль недоступнаго для насъ экспериментированія надъ мышленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ нужно выслѣдить связь содержанія изучаемаго понятія съ другими (въ томъ числѣ и апріорными) и съ данными опыта, выслѣдить, почему оно возникаетъ, изъ чего должно состоять, какъ отражается на немъ каждый изъ этихъ факторовъ и какимъ вліяніямъ подвергается съ его стороны наше міровоззрѣніе, то наилучшимъ средствомъ было бы удалить на время изъ нашей мысли это понятіе, а потомъ, поставивъ себя въ такія условія, при которыхъ оно возникаетъ, подмѣтить, что именно возбуждаетъ его, какъ именно оно слагается и какъ измѣняется, благодаря ему, наше міровоззрѣніе [1]); но вѣдь этого нельзя сдѣлать, а потому необходимо замѣнить этотъ желательный, но невозможный процессъ удаленія анализуемаго понятія изъ сферы всѣхъ нашихъ мыслей удаленіемъ его изъ сферы только тѣхъ мыслей, которыя мы уже признаемъ за достовѣрныя, то-есть сомнѣніемъ. Въ этомъ-то смыслѣ и надо понимать то сомнѣніе въ реальности матеріи, къ которому мы приглашаемъ читателя: оно предназначено не для того, чтобы перестать вѣрить въ существованіе сверхъ тѣлъ еще образующей ихъ матеріи, а только для того, чтобы произвесть философскій анализъ этого понятія.

И такъ намъ придется усомниться въ реальности понятія матеріи. А для этого необходимо предварительно опредѣлить, что именно мы всегда подразумѣваемъ подъ матеріей, каково содержаніе этого понятія, взятаго въ простѣйшемъ видѣ, когда оно еще даже не успѣло подвергнуться переработкѣ посредствомъ научнаго изученія матеріальныхъ явленій: вліянія послѣдняго на составъ готоваго понятія матеріи легко могутъ быть опредѣлены; но для того, чтобы узнать, что именно мы должны удалить изъ нашихъ мыслей, надо взять это понятіе уже въ такомъ видѣ, къ которому мы приходимъ даже помимо науки и логически развить его. Матеріей мы всегда считаемъ то, что, по нашему мнѣнію, существуетъ въ тѣлѣ сверхъ занятаго имъ пространства; главное же отличіе между тѣломъ и матеріей по-

---

[1]) А потомъ можно будетъ дѣлать и разныя обобщенія касательно состава и хода развитія нашего познанія.

лагается въ томъ, что матерія, по нашему мнѣнію, составляетъ какъ бы источникъ или основу всего того, что мы находимъ въ тѣлахъ и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга, то-есть, она какъ бы предшествуетъ имъ, обусловливаетъ ихъ собой и образуетъ ихъ изъ самой себя, такъ что ей приписывается, какъ это дѣлалъ и Аристотель, хотя и не временный, то все-таки логическій, prius существованія; потому-то мы и говоримъ, что тѣла состоятъ изъ нея, что она образуетъ ихъ. А съ такимъ взглядомъ неизбѣжно связывается еще одна особенность понятія матеріи. Такъ какъ матерія обусловливаетъ собой или образуетъ изъ себя тѣла и ихъ взаимныя отличія, то въ составъ ея собственнаго понятія должны входить такіе признаки, которые или совсѣмъ не содержатся и не могутъ содержаться въ понятіи тѣлъ, или же содержатся въ тѣлахъ, но могутъ быть разсматриваемы, какъ существенные для нихъ, то-есть, какъ такіе, безъ которыхъ невозможно ни одно тѣло, другими словами—только самые общіе для всѣхъ тѣлъ: безъ соблюденія этихъ условій или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, нельзя было бы ни считать матерію обусловливающей тѣла и ихъ отличія, ни обособлять ея понятіе отъ понятія тѣлъ.

И такъ нѣкоторый prius существованія и отсутствіе частныхъ признаковъ тѣлъ—таковы двѣ отличительныя черты общераспространеннаго понятія матеріи. Вотъ это-то различіе матеріи отъ тѣлъ или можетъ оказаться только продуктомъ абстракціи, которому не соотвѣтствуетъ ни одно явленіе, или же, напротивъ, оно будетъ реальнымъ, которому соотвѣтствуетъ реальное различіе явленій. Разумѣется, при этомъ можетъ возникнуть сомнѣніе — какъ матерія можетъ быть реальна, коль скоро она не дана въ опытѣ? Но это затрудненіе легко устраняется указаніемъ на всѣ тѣ явленія, которымъ мы приписываемъ реальность и которыя тѣмъ не менѣе всегда остаются скрытыми отъ насъ (прошлыя судьбы какого-либо предмета, явленія внутри земнаго шара, элементарные процессы какого либо сложнаго событія и т. п.); всѣ подобныя явленія служатъ предметомъ не наличнаго, а возможнаго опыта, то-есть, мы ихъ сейчасъ не наблюдаемъ, но могли бы наблюдать въ другомъ мѣстѣ, въ другое время, или же — даже и здѣсь и сейчасъ, но при другихъ условіяхъ, или же, наконецъ, при изощреніи нашихъ чувствъ. Въ томъ же смыслѣ должна обладать эмпирической реальностью и матерія, если она отличается отъ тѣлъ болѣе, чѣмъ логическая абстракція: она должна быть явленіемъ, которое обосновываетъ собою явленія тѣлъ

и которое мы могли бы наблюдать при изощреніи нашихъ чувствъ также, какъ мы наблюдаемъ тѣла. Какимъ же составомъ должно обладать понятіе матеріи, чтобы оно могло быть реальнымъ, то-есть, чтобы оно соотвѣтствовало явленію возможнаго опыта?

Намъ еще неизвѣстно, существуетъ ли явленіе, которое соотвѣтствовало бы реальному (не совпадающему съ одной лишь абстракціей нашего ума) понятію матеріи. Но если оно существуетъ, то оно должно отличаться отъ тѣлъ: иначе вѣдь получится, что тѣла состоятъ изъ тѣлъ, то-есть, сверхъ тѣлъ не будетъ никакой матеріи; поэтому признаки матеріи могутъ быть опредѣлены чрезъ противоположеніе ея понатія понятію тѣлъ. Этотъ путь вполнѣ возможенъ: въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ пока не о томъ понятіи матеріи, которое строитъ натуралистъ (способы его возникновенія и развитія, а также и его реальность будутъ разсмотрѣны послѣ), а о томъ, которое возникаетъ въ насъ лишь подъ вліяніемъ обыденнаго опыта и смутнаго сознанія дѣйствія законовъ и формъ мысли; а если сама матерія въ опытѣ не встрѣчается и въ то же время она противопоставляется тѣламъ, какъ ихъ основа или образующій всѣ безъ исключенія тѣла матеріалъ, то ясное дѣло, что такое отличеніе ея отъ нихъ при подобныхъ условіяхъ можетъ быть произведено только путемъ болѣе или менѣе строгаго, но все-таки неизбѣжнаго логическаго противоположенія понятія основы тѣлъ (матеріи) самимъ тѣламъ.

Послѣднія являются намъ качественно и количественно измѣнчивыми и сплошными: вѣдь нѣтъ ни одного тѣла, которое подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій не подвергалось бы химическимъ (качественнымъ) превращеніямъ (горѣнію, медленному окисленію, раствору и т. д., также измѣненіямъ состояній—твердости, упругости и т. д., что для прямаго опыта имѣетъ значеніе качественнаго измѣненія) и не было бы дѣлимымъ и сжимаемымъ; что же касается до сплошности, то въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣло обладаетъ порами, составляющія ихъ пустоты не причисляются къ тѣлу, да къ тому же онѣ оказываются лишь относительно пустыми, а въ дѣйствительности наполнены какимъ нибудь другимъ тѣломъ (воздухомъ, водой и т. д.). Итакъ тѣла характеризуются сплошностью, то-есть, наполненіемъ пространства, и всякаго рода измѣнчивостью, причемъ послѣднее свойство распространяется и на первый признакъ, ибо то же самое тѣло можетъ занимать то большій, то меньшій объемъ, такъ что занятое имъ пространство наполняется имъ то съ большей, то съ меньшей густотой. Поэтому въ составъ понятія матеріи (того, что

порождаетъ тѣла и ихъ свойства) прежде всего долженъ войти признакъ неизмѣняемости: матерія, взятая сама по себѣ—помимо образуемыхъ ею тѣлъ, должна быть неподвергающимся никакимъ измѣненіямъ (ни качественнымъ, ни количественнымъ) субстратомъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ основа тѣлъ, она должна обладать способностью порождать всѣ свойства и измѣненія тѣлъ, сама оставаясь въ это время неизмѣняемой; этого можно достичь, если приписать ей движеніе, такъ какъ при немъ самъ движущійся субъектъ (матерія) можетъ остаться неизмѣняемымъ, а то, что состоитъ изъ этого субъекта (тѣла), благодаря этому движенію можетъ подвергаться разнообразнымъ измѣненіямъ. Итакъ матерія должна быть подвижной и оставаться всегда качественно и количественно неизмѣняемой. Этого мало: если мы будемъ считать ее сплошной, то не получимъ ея обособленія отъ образуемыхъ ею тѣлъ, потому что всякое измѣненіе послѣднихъ (напримѣръ, измѣненія цвѣта, плотности, температуры и т. п.) будетъ одинаково принадлежать какъ имъ, такъ и ей. Вѣдь коль скоро и тѣло и сама матерія всегда одинаково наполняютъ то же самое пространство, то, хотя намъ и требуется обособить ихъ понятія другъ отъ друга, такъ чтобы можно было представлять себѣ матерію, какъ особый предметъ возможнаго опыта; однако это при подобныхъ условіяхъ не выполнимо, и, представляя себѣ сплошную матерію, мы неизбѣжно представляемъ ее въ видѣ образуемаго ею тѣла [1]). Для того, чтобы понятіе матеріи обособилось отъ понятія тѣла не только мысленно, но и въ представленіи, то-есть, для того, чтобы первое получило способность соотвѣтствовать особому предмету возможнаго опыта, необходимо, чтобы матерія представлялась не сплошной, а состоящей изъ дискретныхъ частицъ, и притомъ—такихъ, которыя не были бы только маленькими, до невидимости уменьшенными тѣльцами (иначе тѣла будутъ состоять не изъ матеріи, а изъ тѣлъ же, то-есть, не произойдетъ обособленія матеріи отъ тѣлъ). Поэтому частицы матеріи должны быть недѣлимыми и

[1]) При сплошности матерія будетъ отличаться отъ тѣлъ, самое большее, какъ субъектъ отъ своихъ состояній, который можно только мыслить, но не указать въ наличномъ и возможномъ опытѣ отдѣльно отъ тѣлъ: въ опытѣ же этотъ субъектъ всегда будетъ встрѣчаться съ какими-либо опредѣленными состояніями, свойствами и т. д., то-есть, не будетъ реально (а не въ одной абстракціи) отличаться отъ тѣлъ. При дискретности же матеріи каждая ея частица (атомъ) могла бы быть указана и изучаема отдѣльно отъ образуемыхъ матеріей тѣлъ.

сверхъ того или сплошными частями вещества [1]) (тѣла же будутъ тогда дискретными), или же совсѣмъ непротяженными, а состоять изъ однихъ лишь силъ. Слѣдовательно, если понятію матеріи, взятому, какъ мы должны придти къ нему даже и помимо науки, слѣдуетъ реально, а не только въ нашей абстракціи, отличаться отъ понятія тѣлъ, то она должна быть представляема состоящей или изъ вещественныхъ или изъ динамическихъ атомовъ.

Такимъ образомъ вопросъ о реальности и значеніи понятія матеріи совпадаетъ съ вопросомъ о строеніи тѣлъ. А такъ какъ въ виду того, что сомнѣніе играетъ для насъ роль эксперимента, намъ надо усомниться въ реальности матеріи, то мы неизбѣжно должны углубиться въ самыя тщательныя соображенія, обязываетъ ли насъ что-либо, и что̀ именно, признавать или отрицать существованіе атомовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ и самъ по себѣ имѣетъ огромное философское значеніе. Мы воздержимся отъ всесторонняго анализа значенія атомизма: такая задача по своей обширности можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія; для нашихъ же цѣлей достаточно будетъ охарактеризовать важность вопроса о реальности понятія атомовъ (матеріи) двумя, тремя примѣрами. Прежде всего, кому не доводилось встрѣчать приводимую для оправданія выходящихъ за предѣлы опыта, часто завѣдомо трансцендентныхъ, предположеній ссылку на то, что мы признаемъ существующими и такія вещи, которыхъ никогда не найдемъ въ опытѣ—именно атомы, такъ что, основываясь на данныхъ опыта, мы позволяемъ себѣ строить выводы о томъ, что лежитъ за его предѣлами? Но вѣдь такой аргументъ позволителенъ не иначе какъ подъ двумя условіями: необходимо убѣдиться, вопервыхъ, въ трасцендентномъ характерѣ атомизма, а вовторыхъ, въ его справедливости. Если же онъ ложенъ, то въ виду факта упомянутой ссылки на атомизмъ необходимо объяснить, на чемъ именно основывается вѣра въ атомизмъ. А такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что увѣренность въ немъ поддерживается его полезностью, то, въ случаѣ если онъ окажется трансцендентной теоріей, утверждающіе его метафизическій характеръ обязаны объяснить, какъ же она, будучи метафизической, можетъ быть все-таки полезна для эмпирическихъ изслѣдованій, то-есть, обязаны указать, на

---

[1]) Подъ веществомъ мы подразумѣваемъ абсолютно-непроницаемый протяженный субстратъ, разсматриваемый помимо принадлежащихъ ему силъ и характеризуемый только непроницаемостью.

чемъ основана пригодность атомизма какъ логическаго пріема; и несомнѣнно, что подобныя изслѣдованія должны уяснить намъ наши познавательные пріемы, то-есть, углубить наше пониманіе логики.

Мало того, значеніе философской проблеммы атомизма не ограничивается только тѣмъ, что она, будемъ ли мы въ концѣ концовъ признавать или отрицать атомизмъ, поднимаетъ новые вопросы: признаніе атомизма неизбѣжно кладетъ своеобразный отпечатокъ на все наше міровоззрѣніе. Представимъ себѣ, что намъ удалось неоспоримо доказать не полезность атомизма, а его реальность, то-есть, самое существованіе атомовъ; тогда, естественно, всякое явленіе природы надо признать только продуктомъ совершающихся по законамъ механики атомныхъ движеній. Поэтому законы физическихъ явленій слагаются только изъ суммированія, хотя бы еще не сполна извѣстнаго намъ, механическихъ законовъ, въ ихъ примѣненія къ молекуламъ (и къ атомамъ, поскольку послѣдніе играютъ роль въ такихъ явленіяхъ, при которыхъ не измѣняется составъ молекулы), такъ что физика, по существу дѣла, есть только глава механики, и если онѣ обособлены другъ отъ друга, то исключительно вслѣдствіе неполноты нашего знанія. Подобнымъ же образомъ и химическіе законы суммируются изъ физическихъ и механическихъ въ примѣненіи уже къ самимъ атомамъ, поскольку измѣняется составъ молекулъ, такъ что химія есть атомная механика. Далѣе біологическіе законы должны суммироваться изъ всѣхъ предшествующихъ, ближайшимъ же образомъ, разумѣется, изъ химическихъ, такъ что біологія должна составлять механику жизненныхъ явленій. Наконецъ, душевныя явленія имѣютъ свою физіологическую сторону, безъ сопутствованія которой они не существуютъ; и коль скоро физіологическія явленія слагаются изъ дѣйствія суммированныхъ законовъ механики, то, умѣя разложить физіологическіе законы на ихъ простѣйшіе элементы, мы достигнемъ того, что будемъ сполна вычислять ходъ физіологическихъ явленій; а зная про каждое изъ нихъ, съ какимъ именно душевнымъ явленіемъ связано оно, мы могли бы вычислять и ходъ послѣднихъ; а изъ полученныхъ всѣхъ предшествующихъ законовъ получатся законы соціальныхъ явленій. Словомъ, наше знаніе въ своемъ идеальномъ видѣ должно сдѣлаться стройной дедуктивной системой: въ его основѣ будетъ лежать механика и нѣсколько эмпирически найденныхъ фактовъ (о строеніи молекулъ, объ атомныхъ силахъ простыхъ элементовъ, о связи элементарныхъ душевныхъ явленій съ тѣлесными и т. п.); а все прочее выводится дедуктивно, совершенно такъ, какъ это дѣ-

лается въ небесной механикѣ. „Какъ астрономъ, говоритъ Дю-Буа-Реймонъ о предполагаемомъ имъ всемірномъ духѣ, умѣющемъ вычислять движенія каждаго отдѣльнаго атома,—предсказываетъ день, въ который по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ комета снова выплываетъ изъ глубины пространствъ вселенной, такъ и тотъ духъ прочелъ бы въ своихъ уравненіяхъ день, въ который греческій крестъ заблеститъ на Софійской мечети, или—въ который Англія сожжетъ свой последній уголь. А если онъ положитъ въ своей міровой формулѣ $t = -\infty$, то передъ нимъ разоблачится загадочное первичное состояніе вещей. Онъ видѣлъ бы въ безконечномъ пространствѣ матерію или движущейся, или же покоющейся и безконечно подраздѣленной (такъ какъ при равномъ раздѣленіи никогда не нарушилось бы ея неустойчивое равновѣсіе). А еслибы онъ заставилъ t безконечно возростать въ положительномъ смыслѣ, то онъ узналъ бы, чрезъ сколько времени положеніе Карно грозитъ оковать міръ ледянымъ покоемъ. Для такого духа были бы перечислены волосы на нашей головѣ, и безъ его вѣдома не упалъ бы ни одинъ воробей на землю. Для такого, сразу смотрящаго назадъ и впередъ, пророка міровое цѣлое явилось бы какъ единичный фактъ и одна великая истина" [1]), какъ одна всеобъемлющая формула универсально-атомной механики.

Конечно, мы еще очень далеки отъ обладанія подобной системой знанія; но разъ что мы допустили справедливость атомизма, то мы обязаны, а въ силу подчиненія нашей мысли законамъ логики неизбѣжно будемъ, даже незамѣтно для самихъ себя, руководиться подобными воззрѣніями и на основаніи ихъ строить соотвѣтственныя гипотезы, дабы, сравнивая ихъ съ фактами и съ другими выводами изъ атомизма (сами факты, даже въ простѣйшихъ явленіяхъ, допускаютъ почти всегда двоякое истолкованіе, такъ что въ большинствѣ, если не во всѣхъ, случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ одними фактами, а съ фактами, переголкованными въ духѣ той или другой теоріи), строить дальнѣйшія гипотезы и такимъ образомъ постепенно, связывая другъ съ другомъ научныя положенія, приближаться къ идеальному виду системы универсально-атомной механики. Здѣсь важно то, что мы уже знаемъ направленіе нашего знанія—къ чему оно должно стремиться. Собственно говоря, съ принятіемъ универсально-атомной механики прогрессъ знанія въ главныхъ своихъ пунктахъ уже заканчивается, и знаніе можетъ развиваться только въ деталяхъ—ко-

---

[1]) Ueber die Grenzen des Naturerkennens. Leipz. 1884, стр. 14.

личественно, а не качественно: намъ вѣдь уже извѣстно, въ чемъ состоитъ существенная сторона всѣхъ явленій—въ происходящихъ по законамъ механики сложеніи, раздѣленіи и взаимномъ вліяніи атомовъ и ихъ группъ; остается, слѣдовательно, только узнать, каковы должны быть силы, величины и т. д. атомовъ, чтобы они производили данныя въ опытѣ явленія, то-есть, остается только сводить всѣ уже извѣстные и вновь открываемые законы природы или къ законамъ атомной механики или же къ постулированнымъ для этой цѣли первичнымъ свойствамъ атомовъ.

Все это служитъ примѣрами прямаго вліянія атомизма. А къ нему можетъ присоединиться косвенное: онъ, уже благодаря дѣйствію ассоціаціи сходства представленій, почти съ роковой необходимостью долженъ пріучать насъ къ опредѣленному характеру мышленія, предрасполагать изъ всѣхъ одинаково возможныхъ точекъ зрѣнія предпочитать тѣ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его духу. Такъ, напримѣръ, онъ долженъ предрасполагать насъ къ чисто механическому воззрѣнію на душевныя явленія, къ попыткамъ сложить ихъ всѣ безъ исключенія (считая и ихъ основныя формы и законы сознаванія) изъ комбинацій нѣкоторыхъ простѣйшихъ факторовъ, какъ бы психическихъ атомовъ; ибо такая точка зрѣнія, какъ соотвѣтствующая духу атомизма, будетъ наиболѣе привычной для нашего ума. Сверхъ того, психологическій анализъ убѣждаетъ, что душевныя явленія всегда сопровождаются какими-то, хотя еще почти совсѣмъ неизвѣстными, физіологическими процессами въ головномъ мозгу, а послѣдніе при атомическомъ строеніи тѣлъ слагаются механически изъ движеній молекулъ и атомовъ головнаго мозга, такъ что, допуская атомизмъ, мы должны признать какъ наиболѣе, если не исключительно, соотвѣтствующую его духу, а подъ вліяніемъ ассоціація сходства почти неизбѣжно предпочитать, ту гипотезу, что всѣ безъ исключенія душевныя явленія (считая здѣсь и ихъ основныя формы и законы) слагаются чисто механическимъ путемъ изъ нѣкоторыхъ наипростѣйшихъ элементовъ, какъ бы изъ атомовъ душевной жизни, — и представленія пространства и времени, и мышленіе, и сознаваніе, все это слагается чисто механически, то-есть только путемъ присоединенія и отдѣленія этихъ психическихъ атомовъ и ихъ группъ (психическихъ молекулъ).

Такимъ образомъ, чисто механическая психологія въ случаѣ, если мы допустимъ реальность атомизма, будетъ предпочитаема всякой другой вслѣдствіе того, что она наиболѣе соотвѣтствуетъ об-

щему духу универсально-атомной механики. А если такъ, то уже непослѣдовательно остановиться только на этомъ и не дѣлать дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же духѣ. Механизмъ душевной жизни состоитъ въ ассоціированіи психическихъ атомовъ въ психическія молекулы, а молекулъ въ дальнѣйшія образованія. Ну а само-то ассоціированіе—должно-ли относиться къ нему какъ къ первичному закону, или же и его можно объяснить въ духѣ универсально-атомной механики? Механически связывать (ассоціировать) можно только то, что существуетъ и что пребываетъ раздѣльнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что психическіе атомы должны быть признаны, хотя бы на короткое время, пребывающими порознь другъ отъ друга: вѣдь смѣшно говорить о механическомъ сложеніи того, что̀ никогда не бываетъ раздѣльнымъ, кромѣ какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ отдѣлены другъ отъ друга моменты времени (въ смыслѣ теченія другъ за другомъ). Сказанное же про психическіе атомы имѣетъ мѣсто и про все, что разсматривается, какъ механически слагающееся, про представленія и ихъ группы: они должны быть признаны, хотя бы на короткое время, дѣйствительно (а не въ одной лишь абстракціи подобно моментамъ времени) пребывающими раздѣльно. А въ виду того, что каждое душевное явленіе сопровождается какимъ-либо физіологическимъ процессомъ въ головномъ мозгу [1]), всѣ эти слагающіеся элементы (будутъ-ли они психическими атомами или психическими молекулами) вслѣдствіе ихъ раздѣльности должны сопровождаться пространственно раздѣленными процессами головнаго мозга. А такъ какъ носителями этихъ процессовъ служатъ нервныя клѣтки, то слагающіеся элементы должны занимать отдѣльныя клѣтки. Все это почти навѣрное будетъ признано нами, коль скоро мы держимся механическаго воззрѣнія на ходъ и составъ душевныхъ явленій. А разъ это признано, то становится уже вполнѣ неизбѣжнымъ признать зависимость факта существованія ассоціаціи душевныхъ элементовъ (атомовъ и молекулъ)

---

[1]) Это положеніе должно быть признано независимо отъ механическаго направленія психологіи. Вѣдь Я безъ не-Я пусто, то-есть, оно не сознается отдѣльно отъ представленій внѣшняго міра, такъ что безъ нихъ нѣтъ ни одного акта сознанія; а представленіе внѣшняго предмета, *когда* оно сознается по своему *качеству*, уже ничѣмъ не отличается отъ воспріятія, слѣдовательно и отъ ощущеній; актъ же ощущенія сопровождается какими-то процессами въ головномъ мозгу; слѣдовательно, подобные же процессы должны сопровождать и каждое представленіе внѣшняго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и каждый актъ сознанія.

отъ единовременнаго или послѣдовательнаго оживленія дѣятельности нѣсколькихъ нервныхъ клѣтокъ: если, напримѣръ, оживляющая ихъ дѣятельность нервная волна послѣдовательно пробѣгаетъ по ряду клѣтокъ, въ каждой изъ которыхъ пребываетъ какое-либо представленіе, то въ душевной жизни получится возникновеніе этихъ представленій въ той же послѣдовательности, въ которой нервная волна оживляетъ нервныя клѣтки. Поэтому для объясненія факта ассоціаціи нужно только допустить гипотезу, что нервныя клѣтки, соединенныя проводящими ихъ возбужденіе нервными волокнами, обладаютъ вмѣстѣ съ послѣдними тѣмъ свойствомъ, что чѣмъ чаще проходило по нимъ какое-либо возбужденіе (нервная волна) въ опредѣленномъ направленіи, тѣмъ легче распространяется оно въ другой разъ именно по этому, а не по какому другому направленію: допустивъ это, мы дѣлаемъ понятнымъ, то-есть логически необходимымъ, тотъ фактъ, что какъ скоро воспроизводится одно изъ пережитыхъ прежде представленій, то вмѣстѣ съ нимъ воспроизводятся или, по крайней мѣрѣ, стремятся воспроизвестись и другія представленія, которыя были пережиты одновременно съ нимъ или вслѣдъ за нимъ.

Объясненіе ассоціацій уже готово, и нельзя возражать противъ него, будто бы оно ровно ничего не объясняетъ, а лишь высказываетъ ту же самую загадку въ физіологическихъ терминахъ взамѣнъ психолого-механическихъ, то-есть переводитъ ее съ одного языка (къ тому же гадательнаго) на другой (столь же гадательный). Не будемъ даже говорить о томъ, что здѣсь больше чѣмъ переводъ, а переводъ и разъясняющая его подробности гипотеза (о размѣщеніи представленій), слѣдовательно—переводъ съ комментаріемъ. Пусть будетъ одинъ переводъ; во всякомъ случаѣ при господствѣ универсально-атомной механики подобный упрекъ не есть упрекъ, а похвала. Коль скоро эта система признана, то существенная сторона всѣхъ матеріальныхъ явленій уже разгадана: они всѣ возникаютъ съ логической необходимостью изъ комбинаціи атомовъ и вліянія атомныхъ группъ другъ на друга. Поэтому, коль скоро законъ психическихъ явленій гипотетически сведенъ къ одному или нѣсколькимъ законамъ матеріальныхъ явленій, другими словами — съ психологическаго языка переведенъ на физіологическій, то этимъ самымъ уже дано возможное для настоящаго времени объясненіе явленія, ибо этимъ указывается мѣсто послѣдняго въ системѣ универсально-атомной механики и намѣчивается путь окончательнаго

рѣшенія занимающаго насъ вопроса. „Покажите, какъ атомы, организуясь въ видѣ головнаго мозга, пріобрѣтаютъ указанное нами свойство, и вы тогда покажете логическую неизбѣжность въ универсально-атомной механикѣ факта ассоціаціи душевныхъ явленій“— вотъ что говоритъ это объясненіе, которое при поверхностномъ отношеніи къ дѣлу кажется всего только переводомъ вопроса съ одного языка на другой. А вѣра въ атомизмъ тотчасъ же добавляетъ сюда еще нѣсколько словъ: „такъ какъ, говоритъ атомистъ, хотя я теперь еще во многихъ случаяхъ не въ состояніи указать, какъ именно комбинируются и движутся атомы въ томъ или другомъ явленіи, но я уже знаю, что, каково бы ни было матеріальное явленіе, оно составляетъ логически необходимый продуктъ законовъ механики и нѣкотораго первичнаго расположенія атомовъ, то я, переведя психическое явленіе съ психологическаго языка на физіологическій, сдѣлалъ его чрезъ это логически необходимымъ **слѣдствіемъ законовъ механики и нѣкотораго первичнаго расположенія атомовъ**; слѣдовательно, я уже далъ ему возможное для даннаго состоянія науки объясненіе, а требовать отъ меня большаго никто не вправѣ“.

Вотъ почему представители современной науки чувствуютъ себя обыкновенно удовлетворенными, коль скоро имъ удается, истолковавъ явленіе въ духѣ механической психологіи, гипотетически перевесть вопросъ о законахъ хода душевныхъ явленій съ языка психологическаго на физіологическій [1]): этимъ при господствѣ атомизма уже дается доступное современной наукѣ объясненіе психическихъ явленій, такъ какъ они чрезъ это превращаются въ логически необходимые продукты универсально-атомной механики, въ результатъ механическаго преобразованія нѣкотораго первичнаго расположенія

[1]) Вѣдь всѣ предположенія о размѣщеніи представленій по отдѣльнымъ *клѣткамъ* (чего не надо смѣшивать съ локализаціей разныхъ *родовъ*—зрительныхъ, слуховыхъ и т. д., представленій и воспріятій), о порядкѣ возбужденія послѣднихъ — все это гипотезы, составные факторы которыхъ остаются *ничѣмъ* непровѣренными и которыя строятся только по схемѣ истолкованія данныхъ *самонаблюденія*, а не путемъ сопоставленія случаевъ дѣйствительно наблюдаемой связи душевныхъ явленій съ дѣйствительно наблюдаемыми тѣлесными. Да иначе и не можетъ быть: вѣдь еще недостаточно утверждать, что данное душевное явленіе сопровождается какими-то процессами въ головномъ мозгѣ (ибо это и безъ того всѣ знаютъ), но надо еще какъ нибудь представить себѣ эти процессы; а теперь это невозможно безъ помощи подобныхъ гипотезъ.

атомовъ. Послѣ того единственно, что только остается атомисту психологу, это—стараться выслѣдить исторію развитія нервной системы, дабы, связавъ его съ развитіемъ организмовъ, вопросъ о происхожденіи нервныхъ клѣтокъ и опредѣленнаго (необходимаго для приведеннаго объясненія душевныхъ явленій) вида ихъ связи замѣнить вопросомъ о механическомъ происхожденіи и о преобразованіи организмовъ изъ низшихъ въ высшіе. А очевидно, что съ атомистической точки зрѣнія чисто механическое происхожденіе организмовъ составляетъ лишь вопросъ времени. Такъ именно и относится къ нему Дю-Буа-Реймонъ: „вѣдь при этомъ, напоминаетъ онъ, дѣло идетъ только о распорядкѣ атомовъ и молекулъ, о приписываніи имъ извѣстныхъ движеній (um Einleitung gewisser Bewegungen)" [1]).

И такъ, при господствѣ атомизма для объясненія психическихъ фактовъ уже достаточно гипотетически перевесть ихъ описаніе съ языка механической психологіи на физіологическій; напримѣръ, для объясненія ассоціацій достаточно размѣстить наши представленія (которыя мы предполагаемъ существующими отдѣльно другъ отъ друга) по нервнымъ клѣткамъ и предположить между ними подходящую связь. Подобнымъ же путемъ можно объяснить сужденія, умозаключенія и т. д. За подробностями подобныхъ гипотезъ отсылаемъ читателя къ книжкѣ профессора Ковалевскаго „Основы механизма душевной дѣятельности" [2]), къ книгѣ составленной имъ какъ учебникъ, при помощи котораго будущіе врачи прежде изученія душевныхъ болѣзней хоть сколько нибудь могли бы ознакомиться съ нормальнымъ ходомъ душевныхъ явленій, такъ что тамъ, разумѣется, помѣщены только самыя прочныя, наилучше обоснованныя гипотезы. Тамъ множество образчиковъ подобнаго перевода фактовъ съ одного языка на другой: кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ анатоміи и гистологіи головнаго мозга, она почти ничего другаго и не содержитъ помимо этихъ гипотезъ. Тамъ же приведено и вычисленіе (основанное на соображеніяхъ Мейнерта о числѣ клѣтокъ въ мозговой корѣ и на измѣреніяхъ Вундта о времени, которое тратится на возникновеніе одного простѣйшаго представленія, въ родѣ представленія звука) для отвѣта на очень важный вопросъ — хватитъ ли мозговыхъ клѣтокъ для помѣщенія всѣхъ представленій, которыя мы пріобрѣтаемъ втеченіе жизни,

---

[1]) См. l. c. стр. 70.

[2]) Она составляетъ отдѣльный оттискъ введенія въ его „Психіатрію".

коль скоро каждое изъ нихъ хранится въ отдѣльной клѣткѣ; а такое размѣщеніе, пожалуй что, неизбѣжно, ибо иначе ассоціація представленій могла бы происходить не вслѣдствіе описаннаго физіологическаго процесса, а какъ нибудь иначе. Оказывается, что ихъ болѣе, чѣмъ достаточно. Но всѣ эти подробности для насъ уже излишни, такъ какъ онѣ сами по себѣ мало что прибавляютъ къ характеристикѣ вліянія атомизма; а потому мы ограничиваемся приведенными примѣрами. Изъ нихъ видно, что атомизмъ отражается на нашемъ мышленіи даже тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно ожидать — въ ученіи о душевныхъ явленіяхъ; а чрезъ это становится вполнѣ возможнымъ, что онъ будетъ оказывать своеобразное вліяніе и на всѣ наши воззрѣнія. Но, возразятъ намъ, по какому же праву ставимъ мы всѣ упомянутыя гипотезы за счетъ атомизма: вѣдь ихъ авторы не выводятъ ихъ, какъ слѣдствія атомизма, и на вопросъ, какъ они пришли къ нимъ, почти навѣрное скажутъ намъ, что атомизмъ былъ ни при чемъ?

Мало ли, что скажутъ, да все ли будетъ вѣрно? Вѣдь если кто нибудь говоритъ: „Сократъ человѣкъ, слѣдовательно онъ смертенъ", то не ясно ли, что говорящій такъ руководится положеніемъ „всѣ люди смертны", какъ большей посылкой, и что онъ мыслитъ (не высказываетъ, а мыслитъ) силлогизмъ modus'a Barbara, хотя бы и отрицалъ это? Не смотря на его увѣренія, будто бы онъ не мыслитъ этого силлогизма, и все-таки понимаетъ, что говоритъ, а не произноситъ словъ механически, мы ему не повѣримъ, и попросимъ лишь повнимательнѣй наблюдать за своими мыслями. А вѣдь извѣстно, что приступающіе къ изученію логики, безпрестанно смѣшивая ходъ и порядокъ словеснаго выраженія мыслей съ ходомъ и порядкомъ мышленія, часто думаютъ, будто бы силлогизмы, представляя собой несомнѣнно правильные примѣры строго-логичнаго умозаключенія, въ дѣйствительности оказываются не при чемъ, будто бы мы помимо школъ никогда не мыслимъ силлогизмами. Почему же мы не вѣримъ ихъ показаніямъ и не приходимъ къ самому естественному при такихъ условіяхъ выводу, что часть людей, въ томъ числѣ и вновь приступающіе къ изученію логики, не мыслятъ силлогизмами, а часть мыслитъ ими? Почему мы утверждаемъ, что логика не научаетъ мышленію силлогизмами, а только описываетъ, анализуетъ и, самое большее, изощряетъ его чрезъ это? Потому что обратное мнѣніе нарушало бы основной принципъ всѣхъ психологическихъ изслѣдованій, по которому у всѣхъ людей душевная жизнь, не смотря на ея индивидуальныя особенности (зависящія отъ различія въ комбинаціи дѣйствій

тѣхъ же самыхъ законовъ), управляется одними и тѣми же законами и всякое показаніе, которое не можетъ быть примирено съ этимъ принципомъ, мы считаемъ продуктомъ неумѣлаго самонаблюденія, неумѣлаго анализа хода нашихъ мыслей и возникающаго отсюда смѣшенія словесныхъ формъ выраженія мысли съ ея собственными формами.

Тѣмъ же принципомъ должны мы руководствоваться и въ данномъ случаѣ: если мы находимъ логическую и психологическую связь между описанными воззрѣніями и атомизмомъ, а въ то же время нѣтъ достаточныхъ эмпирическихъ основаній для этихъ гипотезъ (напримѣръ, такихъ основаній, которыя существуютъ для гипотезы различной локализаціи разнородныхъ представленій), то не въ правѣ ли мы заключить, что онѣ возникаютъ не безъ вліянія атомизма? Еслибы для объясненія генезиса каждаго воззрѣнія требовалось согласіе его автора, то была бы невозможной ни исторія философіи, ни исторія литературы, ни даже вообще исторія культуры; ибо во всѣхъ подобныхъ изслѣдованіяхъ мы не только не стѣсняемся отсутствіемъ показаній авторовъ той или другой идеи, но иногда устанавливаемъ свои взгляды вопреки ихъ мнѣніямъ. И это особенно справедливо будетъ относительно тѣхъ лицъ, которыя не любятъ (не говоря уже умѣютъ-ли) углубляться въ самонаблюденіе, въ анализъ его данныхъ и всячески готовы избавиться отъ такъ-называемаго субъективнаго метода изученія законовъ мысли и вообще душевной жизни, напримѣръ — относительно г. Ковалевскаго, который самъ себя объявляетъ некомпетентнымъ въ умозрительной психологіи, употребляя слово умозрительный въ смыслѣ самонаблюдательно-аналитическій [1]). Такія лица и ихъ мысли могутъ быть сдѣланы объ-

---

[1]) Основы механизма душевной дѣятельности. 1887, стр. 1. Описанное пониманіе имъ термина „умозрительный“ ясно видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) Онъ сильно сердится на тѣхъ, кто приписывалъ его воззрѣніямъ матеріалистическій характеръ, и думаетъ, что эти лица „вѣроятно, обнаруживаютъ гиперестезіи, или иллюзіи“ (l. c., II); а было бы въ высшей степени странно признать себя некомпетентнымъ въ метафизикѣ (если допустить, что онъ, какъ это иногда дѣлаютъ, терминъ „умозрительный“ отожествляетъ съ „метафизическимъ“) и тотчасъ же черезъ 10 строкъ поднять рѣзкій споръ, до какихъ предѣловъ простирается метафизика. 2) Умозрительная точка зрѣнія ставится въ связь съ возможностью написать систематическій курсъ психологіи, и отрывочный характеръ собственной книги автора объясняется именно задачей—указать лишь „на тѣ естественнонаучныя данныя, которыя служатъ къ выясненію нѣкоторыхъ проявленій нормальной душевной дѣятельности“, (l. c., I.). 3) Психо-

ектомъ философскаго изслѣдованія безъ всякихъ заботъ и справокъ о согласіи или несогласіи ихъ авторовъ (кромѣ какъ употребляя послѣднее въ смыслѣ психологическаго документа), совершенно такъ же, какъ психіатръ изучаетъ душевно-больнаго, не заботясь о согласіи послѣдняго съ его діагнозомъ (кромѣ какъ въ смыслѣ психологиче-

логическій анализъ вполнѣ отсутствуетъ въ его книгѣ, даже тамъ, гдѣ онъ неизбѣженъ, хотя бы для того, чтобы читатель могъ понять, что хочетъ сказать авторъ. Такъ, сужденіе опредѣляется имъ, какъ процессъ сочетанія отдѣльныхъ представленій между собой, причемъ отсюда и изъ предположенія о размѣщеніи отдѣльныхъ представленій по отдѣльнымъ нервнымъ клѣткамъ тотчасъ же дѣлается постулатъ о томъ, что для процесса этого сочетанія „должны служить особые нервные пути или аппараты"—ассоціаціонные пути, такъ что „сужденіе есть актъ или процессъ дѣятельности этихъ ассоціаціонныхъ путей", l. c., 93; а представленія опредѣляются, какъ „снимки или образы тѣхъ предметовъ или явленій, которые дѣйствовали на наши органы чувствъ", l. c., 91. Казалось бы, что при такихъ воззрѣніяхъ необходимо сколько-нибудь, если не подтвердить, то пояснить свои слова хотя бы самымъ поверхностнымъ анализомъ сужденій и представленій, дабы читатель не наталкивался на недоумѣнія въ родѣ слѣдующихъ: какъ же это можетъ быть, чтобы въ сужденіи „камень протяженъ", представленіе камня и представленіе протяженности доселѣ сохранялись порознь и сочетаются только во время акта сужденія; развѣ можно представить камень непротяженнымъ? А между тѣмъ нѣтъ подобнаго анализа. О томъ, что при благомъ пожеланіи не вдаваться въ философскіе вопросы о волѣ, а ограничиться „указаніемъ на то, какъ дѣло стоитъ въ самомъ дѣлѣ", l. c., 96, взамѣнъ описанія психологической стороны волевыхъ явленій все дѣло ограничивается вопросомъ объ ея свободѣ, объ отсутствіи всякаго намека на анализъ воображенія и т. п.— мы уже не говоримъ: и безъ того ясно, что подъ словомъ умозрительная психологія г. Ковалевскій понимаетъ именно самую психологію, собираніе и анализъ фактовъ душевной жизни; въ ней-то онъ и объявляетъ себя некомпетентнымъ, воздерживается отъ нея, а тамъ, гдѣ это нужно для вывода физіологическихъ гипотезъ посредствомъ перевода фактовъ съ его психологическаго языка на физіологическій, онъ предполагаетъ свои психологическіе взгляды распространенными въ массѣ читателей. Кстати, въ предшествующихъ строкахъ мы упомянули слово метафизика. Какъ извѣстно, этотъ совершенно случайный (назначенный сперва лишь для означенія мѣста въ сборникѣ сочиненій) терминъ получилъ три различныхъ значенія: 1) теорія познанія, 2) теорія сущности вещей, 3) у англичанъ еще—психологія, что уже одно должно было содѣйствовать возникновенію множества недоразумѣній (извѣстно, напримѣръ, сильно распространенное недоумѣніе, какъ это Кантъ, разрушивъ метафизику, тотчасъ же не удержался и написалъ „Метафизическіе принципы естествознанія" и „Prolegomena ко всякой будущей метафизикѣ"). У насъ же въ Россіи многіе, совершенно незнакомые не только съ метафизикой (ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ смыслѣ), но даже съ исторіей и значеніемъ этого термина, приняли моду рекомендоваться читателямъ и слушателямъ, отругиваясь на метафизику безъ

скаго документа). А вѣдь слишкомъ много даже такихъ людей, которые прекрасно употребляютъ научные методы, приходятъ къ очень цѣннымъ выводамъ, а не въ состояніи дать отчета, какъ они все это дѣлаютъ, въ чемъ сущность этихъ методовъ и ихъ мѣсто среди другихъ и т. п.: изученіе развитія мыслей и вообще душевныхъ явленій, даже просто самонаблюденіе, требуютъ совсѣмъ другой сноровки, другихъ пріемовъ и изворотовъ для анализа, чѣмъ всякій другой предметъ знанія.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ (которые, очевидно, не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ и способовъ вліянія атомизма на наше мышленіе) видно, сколь велико значеніе этой теоріи. Чтобы покончить съ этими разъясненіями, представимъ себѣ, что мы признали сплошность тѣлъ; что же тогда произойдетъ? Атомистическая классификація наукъ окажется по меньшей мѣрѣ необязательной, или же, если она и можетъ быть признана, то не вслѣдствіе того, чтобы законы природы дѣйствительно суммировались изъ законовъ универсально-атомной механики, а благодаря лишь ея педагогическимъ или какимъ-нибудь другимъ преимуществамъ, напримѣръ—эвристическимъ. Подобнымъ же образомъ можно будетъ во многихъ случаяхъ допустить и атомизмъ, но не какъ реальное воззрѣніе, а какъ упрощающій наши изслѣдованія пріемъ — ради его полезности (напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ очевидно удобнѣй разсма-

всякихъ дальнѣйшихъ поясненій этого слова, причемъ они употребляютъ его уже для обозначенія всего того, что противорѣчитъ ихъ высиженной ими изъ самихъ себя философіи (безъ всякихъ справокъ и счетовъ съ исторически сложившимися рѣшеніями и сомнѣніями), а еще вѣрнѣе—ихъ трансцендентной метафизикѣ. Въ виду такой неопредѣленности въ словоупотребленіи, считаемъ нелишнимъ напомнить нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, въ чемъ состоитъ разрушенная и запрещаемая критицизмомъ метафизика. Она сводится не къ характеру отвѣтовъ на тѣ или другіе навязываемые наукѣ вопросы, а къ характеру самихъ навязываемыхъ ей вопросовъ, къ тому, что придается видимость научнаго рѣшенія нѣкоторымъ неразрѣшимымъ, выходящимъ за предѣлы возможнаго опыта и возможнаго знанія (трансцендентнымъ), вопросамъ, *каковъ бы ни былъ* отвѣтъ на нихъ. Такъ, метафизикъ еще не тотъ, кто *на вѣру* признаетъ существованіе Бога и отказывается вѣровать во все то, что противорѣчитъ этому убѣжденію; а тотъ, кто тужится научнымъ путемъ рѣшить вопросъ о существованіи Бога, къ какому бы рѣшенію онъ ни приходилъ — къ утвержденію или къ отрицанію Его существованія, это безразлично. Въ примѣненіи же къ вопросу о душѣ одинаково метафизическими будутъ какъ матеріалистическія, такъ и спиритуалистическія воззрѣнія, то-есть, и тѣ, изъ которыхъ якобы научнымъ путемъ вытекаетъ существованіе души, такъ и тѣ, изъ которыхъ вытекаетъ обратное.

тривать явленія съ точки зрѣнія атомистической гипотезы, то-есть, гдѣ выводы изъ нея, будучи сопоставлены съ данными опыта, даютъ возможность вычислять уже извѣстныя и предъугадывать неизвѣстныя явленія). Но при всемъ томъ всѣ наши объясненія и изслѣдованія законовъ природы должны принять иное направленіе, чѣмъ при атомизмѣ. Въ послѣднемъ каждый законъ природы разсматривается, какъ логически необходимое слѣдствіе законовъ механики и первичныхъ свойствъ (массы, силъ и т. п.) атомовъ, такъ что и объясненіе закона природы должно состоять въ механическомъ выводѣ его изъ соотвѣтсвенныхъ постулатовъ относительно первичныхъ свойствъ и расположенія атомовъ. Если же мы признали сплошное строеніе тѣлъ, то единственнымъ средствомъ для объясненія закона природы остается сведеніе его къ другимъ, болѣе общимъ законамъ (комбинированіе его изъ одновременнаго или послѣдовательнаго дѣйствія другихъ законовъ, или же указаніе, что объясняемый законъ составляетъ частный случай дѣйствія другаго закона), и притомъ — къ такимъ законамъ, которые дѣйствуютъ не въ атомахъ (ибо послѣдніе не существуютъ), а прямо въ тѣлахъ, слѣдовательно къ такимъ, существованіе которыхъ можетъ быть открыто и провѣрено исключительно путемъ сопоставленія однихъ лишь данныхъ въ опытѣ явленій какъ между собой такъ и съ уже извѣстными законами (причемъ фактъ существованія основныхъ или самыхъ общихъ изъ этихъ законовъ остается совершенно непонятнымъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отсутствіе того или другаго изъ нихъ противорѣчило бы апріорнымъ основоположеніямъ), а не посредствомъ подбора соотвѣтственныхъ предположеній о первичныхъ свойствахъ атомовъ, изъ комбинацін которыхъ съ законами механики логически вытекала бы необходимость существованія всѣхъ безъ исключенія царствующихъ надъ тѣлами законовъ и всѣхъ свойствъ тѣлъ: вѣдь если мы отрицаемъ атомы, то реальными остаются одни лишь тѣла, а не матерія, которая получаетъ лишь значеніе абстракціи, такъ что исходнымъ пунктомъ нашихъ объясненій можетъ служить сверхъ апріорныхъ идей еще только то, что мы находимъ въ тѣлахъ. Наконецъ, коль скоро мы отрицаемъ реальность атомизма и умышленно пользуемся имъ въ извѣстныхъ случахъ лишь ради его полезности, то мы тамъ, гдѣ это не приноситъ никакой замѣтной выгоды, не будемъ склоняться къ тому, чтобы разсматривать явленія непремѣнно съ такой точки зрѣнія, которая наиболѣе соотвѣтствовала бы его духу, напримѣръ — въ психологіи: вѣдь чисто-механическое воззрѣніе на

душевныя явленія не изощряетъ нашего умѣнья предъугадывать ихъ, распоряжаться ихъ ходомъ и т. п. Да и вообще, признавая атомизмъ, мы этимъ самымъ обязываемся признать, что существенная часть явленій природы намъ уже извѣстна и что этимъ опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ научнаго прогресса: онъ является хотя и неизмѣримо большимъ, но все-таки только детальнымъ (количественнымъ, а не качественнымъ), и долженъ ограничиваться указаніями, какъ именно производится игра атомовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ согласно съ законами механики, которой почти некуда расширяться. Если же мы признаемъ тѣла сплошными, то, будучи вынуждены объяснять явленія только тѣми законами, которые управляютъ самими тѣлами, мы никогда не въ состояніи заранѣе рѣшить, сдѣлалась ли существенная, главнѣйшая сторона тѣхъ или другихъ явленій уже извѣстной, или же остается еще скрытой. Болѣе того—мы не можемъ съ увѣренностью рѣшать впередъ, можетъ ли быть вычисляемъ весь ходъ событій природы даже при вполнѣ идеальномъ состояніи науки; все зависитъ отъ характера тѣхъ законовъ, которые еще предстоитъ открыть человѣческому уму, будутъ ли они пригодными для того, чтобы при ихъ помощи вычислять всѣ стороны явленій, или нѣтъ, то-есть, могутъ ли они быть облечены въ математическую форму, или же сохранятъ навсегда описательный характеръ въ родѣ большинства законовъ современной физіологіи и психологіи.

Таково въ общихъ чертахъ значеніе вопроса—о строеніи матеріи. Отъ доказанности того или другаго воззрѣнія зависятъ и реальность понятія матеріи (безъ атомовъ реальны одни только тѣла, а матерія—лишь абстракція), и разъясненіе связи принциповъ нашего познанія (атомизмъ всѣ науки превращаетъ въ отдѣлы универсально-атомной механики), и все направленіе или общій складъ нашей научной мысли. Понятно поэтому, сколь важно твердо обосновать какое либо изъ этихъ воззрѣній и какъ щепетильны должны мы быть въ своихъ доказательствахъ. Мы не вправѣ ссылаться, напримѣръ, на одну лишь пригодность или полезность обсуждаемой теоріи для изслѣдованія тѣхъ или другихъ явленій, внутреннихъ или внѣшнихъ—это безразлично: въ данный моментъ для каждой отдѣльной науки наиполезнѣйшей теоріей, разумѣется, окажется та, которая уже принята большинствомъ представителей той или другой науки; иначе эта теорія была бы замѣнена какой-нибудь другой—болѣе пригодной. Намъ необходимо найти, хотя бы одно, но вполнѣ твердое доказательство не полезности атомизма, а его достовѣрности; и тогда мы

должны признать его со всѣми вытекающими изъ него слѣдствіями, не обращая вниманія, будетъ ли онъ всегда и вездѣ пригоднымъ для натуралистическихъ изслѣдованій, или нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, на сколько нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что открытія и изслѣдованія дѣлались и дѣлаются на основаніи разнообразныхъ точекъ зрѣнія (причемъ, слѣдовательно, большинство изъ нихъ завѣдомо ложныя), на столько же нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что атомизмъ, будучи самъ по себѣ вполнѣ истинной теоріей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ въ біологіи и психологіи, еще не успѣлъ стать пригоднымъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, или же при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ и повсюду утратить на нѣкоторое время свою пригодность. Тогда, еслибы мы руководились послѣдней, какъ критеріемъ реальности, намъ пришлось бы забраковать какъ самый атомизмъ, такъ и всѣ вытекающіе изъ него выводы о конечной цѣли наукъ (превращеніе въ различныя главы универсально-атомной механики), о взаимной связи законовъ разныхъ родовъ явленій и т. д. Если же мы убѣдимся въ его достовѣрности помимо пригодности, то, хотя бы онъ и утратилъ ее, или еще не успѣлъ пріобрѣсть, мы, принявъ тамъ, гдѣ это нужно, на время другую гипотезу, какъ вспомогательную (регулятивную, а не конститутивную), все-таки должны будемъ стремиться къ атомистическому истолкованію природы, и рано или поздно достигнемъ его [1]).

Да и вообще не безопасно ссылаться для оправданія реальности (а не одной полезности) теоріи на одну лишь легкость и широту ея объясненій: 1) легкость можетъ оказаться согласіемъ съ ничѣмъ непровѣренными спекулятивными предпосылками; 2) широта можетъ зависѣть отъ того же, отъ чего зависѣла легкость и широта Декартовской теоріи вихрей,—отъ недостатка знанія законовъ, которые можно было бы провѣрить путемъ сопоставленія данныхъ опыта и которые замѣняются постулированными для цѣлей объясненія предположеніями о томъ, что скрыто отъ всякаго опыта; 3) разъ что обсуждаемая теорія стала наиболѣе распространенной, то она же будетъ наиболѣе привычной, а отъ этого мы будемъ склонны къ тому, чтобы подсовывать ея принципы безъ достаточныхъ основаній, такъ что легкость объясненій въ дѣйствительности окажется значительно преувеличен-

[1]) Подъ регулятивными гипотезами мы подразумѣваемъ такія гипотезы, которыя имѣютъ значеніе только вспомогательнаго пріема, а не описанія дѣйствительности.

ной. Поэтому намъ необходимо оцѣнивать не легкость и широту, а достовѣрность атомистическихъ объясненій. Эта оцѣнка должна бы касаться какъ химическаго, такъ и физическаго атомизма; но мы ограничимся здѣсь лишь химическимъ атомизмомъ, какъ наиболѣе распространеннымъ, и при помощи его анализа сдѣлаемъ, вѣрнѣе—намѣтимъ, кое-какіе общіе выводы.

Химія не въ состояніи доказать существованіе атомовъ. Это, повидимому, парадоксальное мнѣніе мы подтвердимъ сначала ссылкой на слова г. Менделѣева, а потомъ разборомъ тѣхъ фактовъ, которые служатъ главнѣйшимъ поводомъ къ признанію химіей атомизма. „Кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, говоритъ г. Менделѣевъ, существуетъ вѣдь рядъ другихъ химическихъ явленій, а именно соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ. Они на столько же говорятъ противъ атомнаго ученія, на сколько рядъ опредѣленныхъ химическихъ соединеній говоритъ въ его пользу. Если къ опредѣленному химическому соединенію нельзя прибавить одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, а можно прибавлять только скачками, извѣстнымъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ атомовъ, то въ другомъ рядѣ химическихъ явленій можно, напротивъ того, одно, по крайней мѣрѣ, изъ составныхъ веществъ прибавлять понемногу, разбавлять растворъ любымъ количествомъ растворителя. Но такъ какъ нынѣ изслѣдованіе опредѣленныхъ химическихъ соединеній занимаетъ главное мѣсто въ химіи, потому что они дѣйствительно составляютъ предѣльную форму образованія химическихъ соединеній, и такъ какъ къ этому разряду явленій атомическое ученіе примѣняется съ большой выгодой, относительно простоты пониманія, то его и возможно держаться въ химіи при разсматриваніи опредѣленныхъ соединеній. Но при этомъ должно употреблять атомное ученіе какъ средство, какъ гипотезу, которую можно оставить, лишь только мы достигли посредствомъ нея простаго разсмотрѣнія предмета" [1]).

Указываемое г. Менделѣевымъ противорѣчіе можетъ служить или для того, чтобы возбудить сомнѣнія, способна ли вообще химія доказать реальность (а не одну лишь полезность) атомистической теоріи, или же для того, чтобы обнаружить, насколько преувеличено мнѣніе касательно простоты и легкости атомистическихъ объясненій. Въ приведенной цитатѣ имѣется въ виду оправданіе атомизма ссылкой на законъ кратности, состоящій въ томъ, что если два тѣла (А и В) соеди-

[1]) Основы химіи. С.-Петербургъ, 1881. Т. I, стр. 252.

няются между собой въ различныхъ отношеніяхъ, то во всѣхъ этихъ соединеніяхъ на одно и то же количество одного тѣла (на количество a тѣла A) будутъ приходиться такія количества другаго тѣла (B), которыя находятся между собой въ кратныхъ отношеніяхъ (b: 2 b: 3 b: 4 b:....), или, иначе, которыя получаются чрезъ умноженіе одного и того же количества (напримѣръ b) на цѣлыя числа (на 1, 2, 3, 4...) Атомистическая теорія объясняетъ этотъ законъ, какъ логически необходимое слѣдствіе атомнаго строенія тѣлъ: коль скоро мы допустимъ недѣлимость атомовъ и равенство атомовъ одного и того же тѣла между собой, то 1) мы обязаны признать, что съ атомомъ даннаго тѣла (A) можетъ соединяться только цѣлое число атомовъ другаго тѣла (B); а потому, 2) если эти два тѣла соединяются въ различныхъ отношеніяхъ, то на каждый атомъ, а слѣдовательно на одно и то же вѣсовое количество a перваго тѣла (A), будутъ приходиться такія вѣсовыя количества другаго (B), которыя получаются отъ умноженія вѣса одного атома этого тѣла, напримѣръ величины b, на какое-либо цѣлое число (то-есть, 1 b, 2 b, 3 b и т. д.). Такимъ образомъ логически необходимо, чтобы всѣ различныя соединенія двухъ тѣлъ между собой подчинялись закону кратныхъ отношеній; между тѣмъ существуютъ уклоняющіяся отъ него (неопредѣленныя) соединенія; что же изъ этого слѣдуетъ? Одно изъ двухъ: или нѣтъ того самаго, логическимъ слѣдствіемъ чего является законъ кратныхъ отношеній, то-есть, нѣтъ недѣлимыхъ элементовъ тѣлъ; или же, напротивъ, атомы существуютъ, но нѣтъ дѣйствительныхъ неопредѣленныхъ соединеній, а то, что мы называемъ этимъ именемъ, составляетъ замаскированныя опредѣленныя соединенія. Если мы допустимъ последній членъ дилеммы, то очевидно, что атомистическое объясненіе неопредѣленныхъ соединеній представляетъ очень сложную задачу: нужно такъ скомбинировать опредѣленныя соединенія, чтобы они не только взаимно маскировали свою опредѣленность (подчиненность закону кратныхъ отношеній), но чтобы получались какъ разъ тѣ самыя измѣненія свойствъ, объема, температуры, электрическихъ состояній, словомъ—какъ разъ тѣ явленія, которыя сопровождаютъ неопредѣленныя соединенія. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, эта задача остается еще нерѣшенной [1]); а отсюда видно, что атомизмъ не всегда даетъ легкія и простыя объясненія химическихъ явленій.

---

[1]) Мы не говоримъ что ея не пробуютъ рѣшить, но—она еще не рѣшена. А за сколько сложно будетъ ея рѣшеніе, читатель можетъ убѣдиться, просмотрѣвъ XVIII гл. „Очерка развитія химическихъ воззрѣній" г. *Меншуткина*, гдѣ приводятся теоріи этихъ соединеній Бертело, Менделѣева, Доссіоса и Вантъ-Гоффа.

Упомянутая же возможность перваго члена дилеммы въ виду того, что атомизмъ и утвердился то въ химіи именно благодаря—открытію закона кратныхъ отношеній и что его оправданіе въ ней сводится прежде всего къ его пригодности для обширныхъ объясненій (а много ли помимо лабораторій, да и въ нихъ-то самихъ, опредѣленныхъ соединеній, которыя на дѣлѣ, а не въ одной лишь абстракціи химика, происходили бы безъ сопровождающихъ или неизбѣжно предшествующихъ имъ неопредѣленныхъ?), хотя и не рѣшаетъ, но все-таки возбуждаетъ сильное сомнѣніе, въ состояніи ли вообще химія доказать существованіе атомовъ. А ближайшій разборъ доводовъ атомистической теоріи, основанныхъ на анализѣ химическихъ фактовъ, укажетъ намъ, что она должна искать оправданіе не въ химіи, а въ другихъ областяхъ знанія; обратное же мнѣніе и увѣренность, будто бы анализъ химическихъ фактовъ долженъ обнаружить существованіе атомовъ, порождается тѣмъ, что въ свои разсужденія (обыкновенно втихомолку) вносятъ безъ всякаго изслѣдованія такія метафизическія предпосылки, которыя implicite уже содержатъ атомизмъ, а потому и приводятъ къ нему. Только пренебреженіе къ философскому анализу нашихъ теорій и слѣпая вѣра въ свои предвзятыя метафизическія воззрѣнія могли породить убѣжденіе въ реальности химическаго атомизма (про физическій еще не говоримъ). Что же касается до неспособности химіи оправдать его реальность, то въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ ничего страннаго. Если онъ ложенъ, то никакая эмпирическая наука не въ состояніи доказать его кромѣ какъ кажущимся образомъ. Если же онъ справедливъ, то вѣдь законы химіи тогда будутъ суммированными физико-механическими законами, а потому вполнѣ возможно (хотя трудно сказать—необходимо), что оправдаетъ атомизмъ не сама химія, а тѣ отрасли науки, изъ законовъ которыхъ должны быть суммированы собственные законы первой, или же законы которыхъ могли бы существовать даже и при отсутствіи химическихъ явленій (свѣтъ, теплота могли бы быть и при одномъ тѣлѣ, то-есть, при отсутствіи химическихъ явленій). Но какъ бы то ни было, приступимъ къ разсмотрѣнію химическаго атомизма: это необходимо уже по одному тому, что существуетъ мнѣніе, будто бы химія доказываетъ дѣйствительность атомовъ. Это мнѣніе, хотя и ошибочное, составляетъ фактъ, одно изъ явленій познающей дѣятельности; и философія, какъ наука о познаніи, обязана между прочимъ открыть причину и объясненіе существованія подобнаго явленія. Поэтому мы не ограничимся лишь указаніемъ недоказанности химическаго атомизма,

а постараемся вмѣстѣ найти еще причину (на первыхъ порахъ ближайшую) существованія вѣры въ его реальность.

Начнемъ со ссылки на неизмѣняемость химическихъ элементовъ: къ ней прибѣгаетъ Науманнъ, который химію опредѣляетъ какъ механику атомовъ, такъ что мы должны ожидать, что онъ дастъ строгое доказательство атомизма; а между тѣмъ въ этомъ доводѣ съ поразительной ясностью обнаруживается, что выводимыя положенія заранѣе implicite подсовываются въ ходъ доказательства и что безъ этого нельзя было бы сдѣлать атомистическаго вывода. „Доселѣ, говоритъ Науманнъ, опытъ постоянно показывалъ, что элементарныя составныя части соединенія всегда могутъ быть снова получены изъ него въ тѣхъ же самыхъ количествахъ и съ тѣми же свойствами, съ которыми онѣ вошли въ соединеніе. Изъ этой неизмѣняемости элементовъ [1]) заключаютъ, что они продолжаютъ существовать въ соединеніи со всѣми ихъ свойствами. А однимъ изъ свойствъ каждаго элемента въ свободномъ состояніи служитъ самостоятельное наполненіе пространства; поэтому съ продолженіемъ существованія элементовъ со всѣми ихъ свойствами наилучшимъ образомъ мирится то предположеніе, что отдѣльные элементы и въ своихъ соединеніяхъ занимаютъ отдѣльныя пространства. Напримѣръ, въ киновари пространство, наполненное ртутью, не занято въ то же время и сѣрой, такъ что нѣтъ взаимнаго проникновенія; напротивъ, пространства, наполненныя ртутью, обособлены отъ пространствъ, наполненныхъ сѣрой, такъ что каждому изъ элементовъ принадлежитъ особое наполненіе пространства. Если здѣсь и нельзя еще усмотрѣть такого основанія, которое вынуждало бы къ предположенію обособленнаго наполненія пространства элементарными составными частями сложныхъ тѣлъ, то во всякомъ случаѣ это предположеніе становится неопровержимымъ на основаніи другихъ фактовъ". Науманнъ имѣетъ въ виду изомерныя соединенія (такія соединенія, которыя, состоя изъ тѣхъ же количествъ тѣхъ же самыхъ тѣлъ, обладаютъ различными свойствами). „Еслибы, продолжаетъ онъ, существовало непрерывное наполненіе пространства, то нельзя было бы понять, какимъ образомъ тѣ же самые элементы, проникая другъ друга въ тѣхъ же самыхъ количествахъ, могли бы производить различныя тѣла. Предположеніе же обособленнаго наполненія пространства даетъ простое представленіе о фактѣ изомерныхъ соединеній, такъ какъ оно объясняетъ различіе

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

сложныхъ тѣлъ, возникшихъ изъ тѣхъ же количествъ тѣхъ же элементовъ, различнымъ пространственнымъ расположеніемъ, различной группировкой этихъ элементовъ.... Если же мы приписываемъ составнымъ частямъ химическихъ соединеній обособленное наполненіе пространства, то этимъ самымъ необходимо вынуждаемся придти къ предположенію атомовъ. Разсмотримъ какое-нибудь сложное тѣло; возьмемъ въ видѣ примѣра снова киноварь. Киноварь состоитъ изъ сѣры и ртути. Растирая, ее можно довести до весьма малыхъ частицъ. Каждая изъ нихъ еще состоитъ изъ сѣры и ртути, и послѣднія, какъ мы уже видѣли, должны быть разсматриваемы какъ пространственно обособленныя. Представимъ же себѣ, что это механическое дѣленіе продолжается все далѣе и далѣе; тогда въ концѣ концовъ долженъ наступить такой предѣлъ дѣленія, при переходѣ за который продукты дѣленія уже не будутъ, какъ прежде, киноварью, а чѣмъ-то другимъ, именно сѣрой и ртутью. Тогда можно было бы провести разрѣзъ между составными частями частицы киновари—сѣрой и ртутью. Такимъ образомъ посредствомъ мысленно продолжаемаго дѣленія мы достигли до такого количества, которое не допускаетъ дальнѣйшаго дѣленія безъ того, чтобы продукты дѣленія не сдѣлались разнородными съ тѣмъ тѣломъ, которое подвергается дѣленію—съ киноварью. Это количество мы называемъ атомомъ киновари" [1]).

Словомъ, мы получаемъ слѣдующій выводъ: хотя во время процесса соединенія каждый изъ элементовъ (сѣра и ртуть) распался на мелкія частицы, между которыми размѣстились частицы другаго элемента, но эти мелкія частицы уже не подверглись дальнѣйшему раздробленію, и каждая изъ нихъ занимаетъ особое пространство; вотъ эти-то взаимно непроницаемыя частицы простаго тѣла, которыя остаются нераздѣленными во время соединенія, называются атомами этого тѣла. Конечно, эти атомы еще не обладаютъ недѣлимостью въ строгомъ смыслѣ этого слова: безъ помощи другихъ соображеній нельзя поручиться ни за то, что частица сѣры, оставшаяся во время образованія киновари нераздѣленной, вообще недѣлима, ни за то, что при двукратномъ образованіи соединенія изъ тѣхъ же самыхъ количествъ сѣры и ртути (если мы ихъ сперва соединимъ, потомъ разложимъ, и снова соединимъ тѣ же количества) распаденіе каждаго элемента совершается по прежнему, то-есть сѣра, напримѣръ, распа-

---

[1]) *Naumann*. Grundriss der Thermochemie. Braunschweig. 1869, стр. 4 и слѣд.

дается на прежнія же частицы, а не на новыя, которыя только равны прежнимъ. Но Науманнъ насколько не претендуетъ на выводъ абсолютно недѣлимыхъ атомовъ, и подъ этимъ словомъ, очевидно, подразумѣваетъ наименьшія вѣсовыя, а не пространственныя количества (въ случаѣ же нужды онъ можетъ даже сказать среднія вѣсовыя количества, допуская при этомъ, что тѣло распадается на неравныя части, но ихъ средній вѣсъ при всякомъ соединеніи остается всегда одинаковымъ), въ которыхъ данное тѣло можетъ соединяться съ другимъ; указывая отличія древняго атомизма отъ новаго, онъ прямо говоритъ, что Демокритовскіе атомы суть недѣлимыя частицы, атомы же современной химіи—всего только нераздѣленныя [1]).

Посмотримъ же теперь, насколько ему удалось доказать существованіе въ каждомъ соединеніи этихъ оставшихся нераздѣленными и занимающихъ отдѣльныя пространства частицъ. Не трудно видѣть, что весь его выводъ основанъ на предположеніи неизмѣняемости элементовъ: если мы допустимъ, что, вступая въ соединенія, они измѣняютъ свой характеръ, а не продолжаютъ существовать со всѣми прежними свойствами, то мы не въ правѣ предполагать 1) ни того, что въ числѣ послѣднихъ сохраняется обособленное наполненіе пространства, какъ это утверждаетъ Науманнъ въ началѣ приведенной цитаты, 2) ни того, что изомерія не можетъ быть объясняема иначе, какъ неодинаковостью размѣщенія атомовъ въ соединеніяхъ одинаковаго состава (ибо невозможность другаго объясненія зависитъ отъ предположенія неизмѣняемости элементовъ). Итакъ, все дѣло въ неизмѣняемости элементовъ. А доказалъ ли ее Науманнъ? Нимало. Онъ ссылается на то, „что элементарныя составныя части соединенія всегда могутъ быть снова получены изъ него въ тѣхъ же самыхъ количествахъ, съ тѣми же свойствами, съ которыми они вошли въ соединеніе“. Но вѣдь это пока означаетъ только возстановляемость элементовъ, и мы вправѣ,—а если хотимъ держаться показаній опыта и мыслить въ нашихъ понятіяхъ ровно столько, сколько дано въ немъ, безъ всякихъ теоретическихъ примѣсей, то на первыхъ порахъ обязаны—истолковать этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: два тѣла—водородъ и кислородъ (ради наглядности замѣнимъ стереотипный примѣръ Науманна другимъ столь же стереотипнымъ), проникая другъ въ друга (такъ что ихъ занятыя ими пространства совпадаютъ вмѣстѣ), при нѣкото-

---

1) l. c. стр. 11.

рыхъ условіяхъ измѣняются радикальнѣйшимъ образомъ, изъ газообразныхъ при обыкновенной температурѣ становятся жидкими, и притомъ одновременно такъ измѣняются, что въ концѣ концовъ оба пріобрѣтаютъ одни и тѣ же качества, оба становятся водой, но эти измѣненія подчинены закону возстановляемости, вслѣдствіе чего вновь полученное тѣло (вода) при нѣкорыхъ условіяхъ можетъ подвергнуться такому измѣненію, что оно превратится въ два такихъ тѣла, которыя и качественно и количественно будутъ одинаковы съ прежними, вошедшими въ соединеніе. Словомъ, мы будемъ строго держаться понятія возстановляемости; Науманнъ же, не приводя никакихъ основаній, ввелъ сразу понятіе неизмѣняемости, а этимъ самымъ онъ уже заранѣе implicite подсунулъ въ свои доказательства и все то, что связано съ этимъ понятіемъ, то-есть, реальность понятія матеріи и атомизмъ.

Конечно, намъ могутъ возразить, что указываемый Науманномъ фактъ тоже требуетъ своего объясненія и что оно дается ссылкой на неизмѣняемость элементовъ. Но вѣдь и мы объясняемъ этотъ фактъ. Объяснить явленіе значитъ указать условія его существованія. Для этого уже достаточно истолковать явленіе какъ показателя дѣйствія законовъ природы; и мы истолковываемъ всякій случай разложенія тѣлъ (и болѣе и менѣе сложныхъ) какъ показателя дѣйствія закона возстановляемости. Правда, повидимому, при этомъ мы самую то возстановляемость безъ всякаго объясненія должны брать какъ первичный законъ, распространяющійся на всякія тѣла — и болѣе простыя и болѣе сложныя (какъ онъ и распространяется въ дѣйствительности); Науманнъ же указываетъ его причину, то-есть объясняетъ его и, съ перваго взгляда, въ высшей степени просто — элементы неизмѣняемы, оттого они и возстановляются. Но, вопервыхъ, какіе нибудь принципы окажутся въ концѣ концовъ, необъясненными; такъ и у Науманна можно спросить — почему же это элементы неизмѣняемы? Слѣдовательно, этого незачѣмъ слишкомъ пугаться. Вовторыхъ, отрицатели атомизма въ данномъ случаѣ находятся не въ вполнѣ безпомощномъ положеніи: они могутъ разсматривать этотъ законъ, какъ условіе существованія другаго несомнѣнно дѣйствующаго закона, то-есть, поставить ихъ въ связь другъ съ другомъ, что именно и требуется для объясненія закона. Каково бы ни было понятіе субстанціи (апріорное или эмпирическое), не подлежитъ сомнѣнію, что надъ нашимъ сознаніемъ (а потому и надъ составомъ всего того, что мы сознаемъ — надъ составомъ всего опыта) царствуетъ такой законъ, благодаря

которому все безъ исключенія является намъ въ подчиненіи формамъ субстанціи и accidens, такъ что понятіе субстанціи должно быть обязательно реализовано въ опытѣ. А могло ли бы оно быть реализовано, если бы не было закона возстановляемости, еслибы тѣла, вступая въ соединенія, навсегда исчезали, замѣняясь новыми, а эти еще новыми и т. д.? Другими словами, коль скоро нашимъ сознаніемъ, а съ нимъ и всѣмъ опытомъ, управляетъ законъ субстанціальности, то долженъ существовать и законъ возстановляемости. Въ третьихъ, наконецъ, разсмотримъ получше, на сколько просто Науманновское объясненіе возстановляемости: можетъ быть, разсматриваемое, какъ объясненіе, то-есть какъ то, что должно сдѣлать наше знаніе о фактахъ болѣе яснымъ, оно окажется и очень сложнымъ до тѣхъ поръ, пока мы не докажемъ атомизма какъ нибудь иначе—помимо ссылки на фактъ возстановляемости элементовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это объясненіе все-таки вынуждено допустить, что простыя тѣла, вступая въ соединеніе, подвергаются измѣненію, а выходя изъ него, возстановляются, то-есть, приходится признать ту самую мысль, которая допускается отрицателями атомизма, съ той лишь разницей, что для спасенія понятія неизмѣняемости надо признать отличіе понятія элемента отъ понятія простаго тѣла (въ чемъ нѣтъ ровно никакой нужды для отрицателей атомизма) и подразумѣвать подъ первыми не сами простыя тѣла, а только ихъ неизмѣняемую внутреннюю сущность—матерію, изъ которой они составлены. Дѣйствительно, вода — тѣло жидкое и рѣзко отличается какъ отъ кислорода, такъ и водорода, а равно и отъ ихъ смѣси; можно ли послѣ этого говорить, будто бы оба эти газа сохраняются въ ней качественно и количественно неизмѣненными? Очевидно, это будетъ нелѣпо. А если такъ, то въ какомъ же смыслѣ надо говорить про неизмѣняемость простыхъ тѣлъ? Отвѣтимъ на это словами г. Менделѣева. „Если мы утверждаемъ, что такое-то простое тѣло входитъ въ составъ даннаго сложнаго тѣла, если мы говоримъ, напримѣръ, что въ красной ртутной окиси заключается кислородъ, то мы этимъ не хотимъ сказать, что кислородъ, какъ газообразное вещество, заключается въ нашемъ сложномъ тѣлѣ, но мы только желаемъ выразить тѣ превращенія, къ которымъ способна красная ртутная окись, то-есть, хотимъ сказать, что изъ красной ртутной окиси можно получить кислородъ и что она можетъ отдавать его различнымъ другимъ тѣламъ, словомъ — хотимъ выразить только тѣ превращенія, къ какимъ способна окись ртути. Выражаясь кратко,

мы можемъ сказать, что составъ сложнаго тѣла есть выраженіе тѣхъ превращеній, къ которымъ оно способно. Въ этомъ отношеніи полезно сдѣлать различіе между понятіемъ о простомъ тѣлѣ, какъ объ отдѣльномъ однородномъ веществѣ, и о немъ же, какъ о вещественной, но незамѣтной части сложнаго тѣла. Въ красной ртутной окиси содержатся не два простыхъ тѣла, какъ металлъ и газъ, а два элемента: ртуть и кислородъ, дающіе металлъ и газъ. Разлагая наше сложное тѣло, мы получимъ два простыхъ тѣла: ртуть и кислородъ. Оттого и говорятъ, что красная ртутная окись изъ нихъ состоитъ. Но не ртуть, какъ металлъ, и не кислородъ въ своемъ газообразномъ видѣ содержатся въ красной ртутной окиси: въ ней содержится только вещество этихъ простыхъ тѣлъ [1]), какъ въ водяномъ парѣ содержится только вещество льда, но не самый ледъ, или какъ въ хлѣбѣ содержится вещество зерна, но не самое зерно" [2]). Отличіе элемента отъ простаго тѣла поясняется также на примѣрѣ различія углерода и угля. „Уголь извѣстенъ каждому, хотя получить его въ совершенно химически чистомъ состояніи чрезвычайно трудно. Если мы предположимъ, что достигли этого, то уголь будетъ тѣло простое, не разлагаемое . . . . . словомъ, уголь есть тѣло, обладающее совокупностью физическихъ и химическихъ признаковъ. Это тѣло прямо соединяется съ кислородомъ, когда горитъ; въ органическихъ же веществахъ находится въ соединеніи съ водородомъ, кислородомъ, азотомъ и сѣрой. Но въ нихъ, во всѣхъ этихъ соединеніяхъ, нѣтъ уже самого по себѣ угля, какъ въ парахъ воды нѣтъ кристалловъ льда. То что, въ нихъ содержится, и называютъ углеродомъ. Углеродъ, значитъ, есть элементъ, общій углю, веществамъ, которыя изъ него могутъ быть получаемы, и тѣмъ веществамъ, изъ которыхъ его можно получить. Это есть, если угодно, понятіе, а не тѣло, есть вещество, могущее принять форму угля, но могущее являться и въ другихъ видахъ; такъ углеродъ является въ формѣ алмаза и графита" [3]).

Итакъ волей, неволей приходится допускать, что сами простыя тѣла, вступая въ соединенія и выходя изъ нихъ, подвергаются измѣненію и возстановленію; неизмѣнными же остаются не они сами, а ихъ элементы, ихъ вещество, какъ бы та внутренняя сущность, словомъ матерія.

---

[1]) То-есть то, изъ чего состоятъ они сами, какъ бы ихъ сущность.

[2]) Основы химіи. Т. I. С.-Пб. 1881, стр. 55.

[3]) l. c. I стр. 359.

изъ которой они возникаютъ. А что такое элементъ, напримѣръ—углеродъ? „Это есть, если угодно, понятіе, а не тѣло". И дѣйствительно, сами элементы не даны въ опытѣ, сфера котораго ограничивается сложными и простыми тѣлами: и тѣ и другія подвергаются разнообразнымъ и рѣзкимъ превращеніямъ, элементъ же предполагается всюду однимъ и тѣмъ же. Не очевидно ли, что это есть еще только понятіе, которое притомъ привносится Науманномъ къ даннымъ опыта, а не отвлекается непосредственно отъ нихъ: въ самомъ опытѣ мы не находимъ ничего неизмѣняемаго, кромѣ законовъ его перемѣнъ; слѣдовательно, предположеніе о неизмѣнномъ ядрѣ всѣхъ химическихъ превращеній заимствуется не изъ самого опыта, а привнесено къ нему. Вѣдь нельзя же ссылаться на то, что уголь, алмазъ и графитъ химически однородны, и заключать отсюда, что они состоятъ изъ одного и того же вещества (матеріала) — углерода. Ихъ однородность сводится къ значительному сходству ихъ химическихъ ролей; но при всемъ томъ они не тожественны, а только сходны, и остаются тремя различными тѣлами. А если такъ, то углеродъ, изъ котораго, будто бы, они состоятъ, оказывается покамѣстъ, самое большее, общимъ (родовымъ) понятіемъ, подобнымъ понятію человѣка—вообще (вѣдь всѣ люди однородны). Но тогда еще требуется рѣшить вопросъ, можно ли приписывать эмпирическую реальность понятію углерода: вѣдь нельзя же сказать, что въ опытѣ существуютъ не Иванъ, Петръ, а человѣкъ—вообще. Реалисты среднихъ вѣковъ, утверждавшіе, что общія понятія (universalia) обладаютъ реальностью, не задумались бы признать ее и за углеродомъ; намъ же приходится привести какія-либо особыя вѣскія основанія. Еслибы мы исповѣдывали элейскіе принципы, по которымъ истинное бытіе должно отличаться неизмѣняемостью, то не было бы никакого затрудненія признать существованіе неизмѣняемости элементовъ вопреки засвидѣтельствованной въ опытѣ измѣнчивости и превращаемости всѣхъ тѣлъ (какъ простыхъ, такъ и сложныхъ); но элейскія воззрѣнія имѣютъ чисто метафизическій характеръ, котораго чуждается современная химія, а мы ищемъ химическіе доводы въ пользу атомизма; слѣдовательно, существованіе элементовъ, если подъ этимъ словомъ подразумѣвать не сами простыя тѣла, а что-то другое, остается пока еще недоказаннымъ. Конечно, если мы ихъ допустимъ, то неизбѣжно должны придти къ атомизму, ибо, допуская элементы, мы этимъ самымъ отличаемъ тѣла отъ того, изъ чего они состоятъ (отъ ихъ матеріи), то-есть, допускаемъ реальность понятія матеріи; а реальность

послѣдней возможна не иначе, какъ подъ условіемъ существованія атомовъ [1]). А пока мы не имѣемъ основаній допускать элементы (неизмѣняемыя ядра простыхъ тѣлъ), атомизмъ остается еще недоказаннымъ, и выводить его изъ неизмѣняемости элементовъ значитъ заранѣе implicite подсовывать его въ свой выводъ.

Вотъ теперь уже спросимъ себя, какое же объясненіе остается до сихъ поръ болѣе простымъ—то ли, которое разсматриваетъ возстановляемость простыхъ тѣлъ, какъ первичный законъ, или же то, которое объясняетъ ее неизмѣняемостью ихъ элементовъ? Если элементъ (напримѣръ, углеродъ) неизмѣняемъ, то какимъ же образомъ вопреки этой неизмѣняемости онъ можетъ принимать различные виды (угля, алмаза, графита)? Допустимъ, что мы это объяснили различіемъ группировки частицъ этого элемента. Но что такое элементъ? Если элементъ есть только общее (родовое и относительно вещей—угля, алмаза, графита, и относительно состояній—до соединенія простаго тѣла, въ соединеніи и послѣ разложенія) понятіе, то онъ врядъ ли способенъ служить условіемъ существованія какого нибудь факта внѣшней природы, или точнѣе — онъ (напримѣръ, углеродъ) способенъ къ этой роли (обусловить существованіе алмаза, графита и угля) ровно въ такой же мѣрѣ, въ какой способно обусловить существованіе отдѣльныхъ людей имѣющееся у насъ общее понятіе человѣка. Если же элементъ существуетъ реально, то что же онъ такое, какими признаками обладаетъ онъ? „Уголь есть тѣло, обладающее совокупностью физическихъ и химическихъ признаковъ". А коль скоро физическіе и химическіе признаки характеризуютъ одни лишь тѣла, то какіе же признаки остаются на долю элемента? Не метафизическіе же и не метахимическіе. А безъ признаковъ онъ ничто. Не ясно ли отсюда, что объясненіе возстановляемости простыхъ тѣлъ неизмѣняемостью элементовъ не столь просто, какъ это кажется сначала: надо еще сперва уловить разницу между простымъ тѣломъ и элементомъ, найти признаки, которые такъ устанавливали бы эту разницу, чтобы элементы не переставали быть реальными и не превращались въ одни лишь понятія. Это затрудненіе устраняется тѣмъ, что подъ элементами простыхъ тѣлъ подразумѣваютъ ихъ атомы (а не составленныя изъ нихъ молекулы простаго тѣла); но тогда необходимо, чтобы атомизмъ былъ доказанъ независимо отъ ссылки на неизмѣняемость элементовъ — иначе получится заколдованный кругъ.

---

[1]) См. выше стр. 25.

Такимъ образомъ возстановляемость простыхъ тѣлъ только не противорѣчитъ атомизму, но еще не доказываетъ его; и для доказательства послѣдняго нужны другія основанія, которыя приводили бы насъ или непосредственно къ нему, или же, по крайней мѣрѣ, вынуждали бы объяснять возстановляемость простыхъ тѣлъ неизмѣняемостью ихъ элементовъ. Разсмотримъ поэтому другіе доводы химическаго атомизма. Сейчасъ мы упоминали объ изомеріи, на которую Науманнъ ссылается только, какъ на вспомогательный аргументъ; нѣкоторые же атомисты придаютъ ей рѣшающее значеніе. Такъ Фехнеръ высказывается объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „я думаю, что еслибы атомизмъ и динамическое воззрѣніе (подъ этимъ терминомъ онъ подразумѣваетъ теорію сплошности тѣлъ) во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ противостояли другъ противъ друга съ одинаково сильными доводами, то для рѣшенія вопроса въ пользу атомизма достаточно было бы одного лишь факта изомеріи съ ея подраздѣленіями" [1])... Насколько преувеличено это мнѣніе, можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что столь ревностный послѣдователь атомизма, какъ Науманнъ, придаетъ изомеріи только вспомогательное значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, если простыя тѣла, вступая въ соединеніе, пребываютъ въ немъ неизмѣнными, то при ихъ сплошности нѣтъ никакихъ причинъ для изомеріи: простыя тѣла проникаютъ другъ друга (это необходимо допустить, если они предположены сплошными), то-есть, въ случаѣ одинаковости состава нѣсколькихъ соединеній одинаково въ нихъ расположены, и коль скоро они не подверглись во время соединенія никакой перемѣнѣ, то всѣ сложныя тѣла одинаковаго состава будутъ во всѣхъ отношеніяхъ тожественными другъ съ другомъ—и качественно (вслѣдствіе неизмѣняемости составляющихъ элементовъ), и количественно (вслѣдствіе одинаковости состава), и пространственно (вслѣдствіе полнаго проникновенія простыхъ тѣлъ они во всѣхъ соединеніяхъ оказываются одинаково распредѣленными, если взяты повсюду въ однихъ и тѣхъ же отношеніяхъ); слѣдовательно при такихъ условіяхъ для объясненія изомеріи приходится прибѣгнуть къ предположенію дискретности тѣлъ и неодинаковаго распредѣленія ихъ частицъ (атомовъ) въ соединеніяхъ. Но не то будетъ, если мы допустимъ измѣняемость тѣлъ во время соединенія (а это, предполагая тѣла сплошными, необходимо сдѣлать хотя бы, напримѣръ, для отличія смѣшенія газовъ отъ ихъ

---

[1]) Atomenlehre. Leipzig. 1864, стр. 57.

соединенія): тогда характеръ измѣненія можетъ зависѣть не только отъ количествъ, въ которыхъ тѣла соединены, но также и отъ условій, при которыхъ или даже послѣ которыхъ происходило соединеніе, напримѣръ—отъ хода или порядка тѣхъ реакцій, при которыхъ произошло выдѣленіе одного или нѣсколькихъ тѣлъ, вошедшихъ въ составъ изомернаго соединенія, или даже отъ присутствія тѣхъ или другихъ тѣлъ (контактно дѣйствующихъ на соединяющіяся) и т. п. Эти условія могутъ оставаться доселѣ неизвѣстными, или же не вполнѣ извѣстными; но что мы можемъ и, болѣе того, должны допустить ихъ существованіе, видно изъ того, что они не могутъ быть отрицаемы даже и атомистами; ибо они не только засвидѣтельствованы въ опытѣ (различіемъ способовъ добыванія изомерныхъ тѣлъ), но должны быть всегда предполагаемы для возможности самого атомистическаго объясненія изомеріи. Атомизмъ объясняетъ ее различіемъ группировки атомовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ каждый разъ допускать существованіе особыхъ причинъ, благодаря которымъ въ каждомъ данномъ случаѣ изъ всѣхъ возможныхъ способовъ группировки послѣдовалъ именно тотъ, а не другой. Возможность различныхъ группировокъ, разумѣется, зависитъ отъ природы соединяющихся атомовъ; а потому причины, опредѣляющія наступленіе опредѣленнаго способа группировки, устанавливающія выборъ изъ всѣхъ возможныхъ сочетаній атомовъ между собой, должны состоять въ условіяхъ, при которыхъ происходитъ данное соединеніе. А если такъ и атомизмъ не только не въ состояніи обойтись безъ этихъ условій, но еще вынужденъ приписывать имъ рѣшающее значеніе въ наступленіи того, а не иного случая изомеріи, то является полная возможность изъ объясненія изомеріи устранить совсѣмъ различіе атомныхъ группировокъ: вѣдь доселѣ предположеніе разнообразія атомныхъ сочетаній нужно было только оттого, что нами была признана неизмѣняемость простыхъ тѣлъ, вѣрнѣе—ихъ элементовъ; а коль скоро мы допустили, что простыя тѣла, вступая въ соединеніе, подвергаются перемѣнѣ своихъ свойствъ, а не сохраняются въ немъ неизмѣнными, и—въ то же время наблюдаемъ, что характеръ этихъ перемѣнъ зависитъ отъ условій возникновенія сложнаго тѣла, то разнообразіе атомныхъ группировокъ оказывается не только излишнимъ, но прямо-таки противорѣчитъ нашимъ принципамъ.

Конечно, противникъ атомизма обязанъ дать отчетъ, почему изъ двухъ одинаково возможныхъ объясненій онъ предпочитаетъ неатомистическое. Но онъ можетъ отвѣтить очень просто и, въ этомъ

случаѣ по крайней мѣрѣ, въ высшей степени основательно. Его (неатомистическое) объясненіе ограничивается установленіемъ закономѣрной связи между данными опыта, то-есть, исполненіемъ того, что требуется отъ всякаго объясненія (какъ указанія реально существующихъ условій наступленія явленія); атомистическое же объясненіе, не будучи въ состояніи обойтись безъ помощи этой связи, въ то же время присоединяетъ такіе факторы, которые не даны въ прямомъ опытѣ и недоступны прямой провѣркѣ; а потому (не говоря уже о томъ, что мы должны еще разсѣять сомнѣнія, не выходимъ ли мы за предѣлы всякаго возможнаго опыта, то-есть, не вносимъ ли въ свои воззрѣнія трансцендентныхъ понятій) оно еще должно предварительно доказать необходимость подобнаго выхода за предѣлы прямаго опыта. Далѣе, безспорно, что зависимость свойствъ полученнаго соединенія отъ условій его происхожденія остается для насъ аналитически непонятной: мы не можемъ аналитически вывести одно изъ другаго и должны ограничиться лишь установленіемъ законовъ этой зависимости и ихъ обобщеніемъ. Но вѣдь такова участь всего нашего знанія, и оно въ концѣ концовъ ограничивается лишь констатированіемъ причинной зависимости и обобщеніемъ ея видовъ, а не въ состояніи сдѣлать аналитическаго вывода дѣйствія изъ его причины. Наилучшимъ примѣромъ можетъ служить сама теорія атомизма: какія бы силы ни приписывали мы атомамъ (притягательныя и отталкивательныя), намъ совершенно непонятно, **какъ** и **почему** именно на извѣстномъ разстояніи атомы начинаютъ взаимно сближаться съ опредѣленными ускореніями, а на другомъ разстояніи—взаимно удаляться. Если мы даже отринемъ динамическія силы и оставимъ въ нихъ чистое вещество, то все-таки непонятно, **какъ** и **почему** именно, дойдя до взаимнаго соприкосновенія, они испытываютъ такія, а не другія измѣненія въ скоростяхъ.

Для разъясненія, а отчасти и для подтвержденія всего сказаннаго, укажемъ на борьбу двухъ изъ современныхъ теорій изомеріи: теоріи строенія и теоріи замѣщенія. Подробности той и другой мы оставимъ въ сторонѣ, а упомянемъ о каждой изъ нихъ лишь въ общихъ чертахъ [1]). Теорія строенія, развивая принципы атомизма, приходитъ къ

[1]) Подробности см. *Меншуткина*. Очеркъ развитія химическихъ воззрѣній. С.-Петербургъ. 1888, стр. 229—319 (и въ *Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго общ.*. т. XVII).—*Меншуткина*. Изомерія углеводородовъ по теоріи замѣщенія, стр. 1—30. *Его же*. Данныя для сравненія теоріи замѣщенія и теоріи химическаго строенія, стр: 303 и сл. *Бутлерова*. Химическое строеніе и теорія

слѣдующимъ выводамъ: „Логически необходимо (курсивъ въ подлин.) допустить, что, при одинаковой натурѣ атомовъ и одинаковомъ ихъ количествѣ, химическое отношеніе, существующее между ними въ частицѣ, бываетъ не всегда одинаковымъ. Безъ этого допущенія нѣтъ возможности говорить объ объясненіи изомеріи", и „единственно только нѣкоторымъ различіемъ этого отношенія (различіемъ способа „связи") и можно объяснять явленія изомеріи". Къ этому присоединяются другіе, по мнѣнію представителей теоріи, столь же логически необходимые выводы. „Можно съ полнымъ правомъ говорить о взаимномъ химическомъ отношеніи атомовъ въ частицѣ, какъ о реальномъ". „Упомянутое опредѣленное различіе есть нѣчто постоянное, пребывающее въ частицѣ, то-есть оно присутствуетъ въ ней въ ея настоящемъ, составляя ея неотъемлемую характеристическую принадлежность. Эта именно принадлежность, то-есть опредѣленный родъ „связи" атомовъ, и составляетъ то, что называютъ конституціей, строеніемъ, и о чемъ неизбѣжно приходится разсуждать, изучая изомеры"[1]). Сообразно съ этимъ теорія строенія посредствомъ своихъ формулъ и стремится выразить не только составъ (съ количественной и качественной стороны) сложныхъ тѣлъ, но также, конечно—лишь до извѣстной степени, и ихъ строеніе, то-есть различіе взаимоотношеній или способовъ связи атомовъ въ частицѣ[2]). При

замѣщенія, тамъ же въ приложеніи. *Вюрцъ*. Атомическая теорія. Русск. пер. Кіевъ. 1883, стр. 141—224.

[1]) *Бутлеровъ* l. c. стр. 8 и 11.

[2]) Такъ, напримѣръ, два изомерныхъ соединенія: хлористый пропилъ и хлористый изопропилъ, изображаются слѣдующими формулами.

Хлористый пропилъ.	Хлористый изопропилъ.
CH_3	CH_3
|	|
CH_2	$CHCl$
|	|
CH_2Cl	CH_3

Это значитъ: 1) нѣкоторое число водородныхъ атомовъ (H_3, H_2, H_2 въ хлор. пропилѣ и H_3, H, H_3 въ хлор. изопропилѣ) удерживается, каждое поровнь, отдѣльнымъ атомомъ углерода, одинъ изъ которыхъ (средній въ формулѣ) въ свою очередь удерживаетъ два остальныхъ; 2) атомъ хлора въ обоихъ тѣлахъ находится при разныхъ атомныхъ группахъ, какъ это видно изъ сравненія обѣихъ формулъ; 3) въ каждомъ изъ этихъ изомеровъ находятся по два атома углерода (крайніе въ формулахъ), которые не связаны другъ съ другомъ, или же связаны какъ нибудь иначе, чѣмъ съ среднимъ; 4) нѣчто подобное надо имѣть въ виду и относительно водородныхъ группъ и т. д.

этомъ нѣкоторые, напримѣръ покойный Бутлеровъ, требуютъ, чтобы съ этими структурными формулами не связывалось никакое представленіе о пространственномъ распредѣленіи атомовъ въ частицѣ и чтобы подъ словами „соединеніе“ или „связь“ не подразумѣвалось ни дѣйствительное прикрѣпленіе атомовъ другъ къ другу, ни ихъ относительная неподвижность [1]). Другіе же поступаютъ гораздо смѣлѣй и разсматриваютъ структурныя формулы, какъ представляющія расположеніе атомовъ въ пространствѣ, причемъ ставятъ въ связь предполагаемое строеніе соединеній съ ихъ различными, напримѣръ — оптическими, свойствами и т. п. [2]). Не смотря однако на всю заманчивость этой теоріи и на то, что она, служа руководящей нитью, уже оказала огромныя услуги при химическихъ изслѣдованіяхъ, есть химики, которые не признаютъ ея, хотя даже не отрицаютъ атомизма. Оставимъ въ сторонѣ, насколько въ правѣ они, признавая послѣдній, отказываться отъ первой: намъ лично кажется вполнѣ возможнымъ даже навѣрное считать изомерію (да и всѣ свойства тѣлъ) продуктомъ атомныхъ взаимоотношеній и въ то же время находить слишкомъ преждевременными, несоотвѣтствующими съ современнымъ уровнемъ (съ точки зрѣнія его деталей) нашего знанія, попытки строить какія бы то ни было гипотезы объ этихъ взаимоотношеніяхъ. Гораздо интереснѣе вопросъ, какимъ образомъ можно обойтись безъ гипотезъ объ атомныхъ взаимоотношеніяхъ? Вѣдь если теорія строенія на основаніи своихъ, пускай очень шаткихъ, догадокъ о свойствахъ атомовъ опредѣляетъ число возможныхъ различныхъ комбинацій однихъ и тѣхъ же атомовъ въ частицѣ и предсказываетъ такимъ образомъ для каждаго состава соединенія хотя бы только число возможныхъ случаевъ его изомеріи, то враждующая съ ней теорія замѣщенія должна замѣнить эти соображенія какими-либо иными, но, разумѣется, такими, чтобы они приводили къ подобнымъ же результатамъ—къ опредѣленію возможнаго числа случаевъ изомеріи для каждаго состава тѣлъ.

По мнѣнію ея противниковъ, теорія строенія страдаетъ тѣми недостатками, что она вынуждена прибѣгать къ множеству вспомогательныхъ гипотезъ, которыя не могутъ быть провѣрены опытомъ какъ потому, что онѣ касаются непосредственно свойствъ атомовъ,

---

[1]) *Бутлеровъ* l. c. 6. *Меншуткинъ*. Очеркъ развитія и т. д. 276.

[2]) *Меншуткинъ*. Очеркъ развитія, стр. 284. *Вюрцъ*. Атомическая теорія. Русск. пер. Кіевъ 1883, стр. 218 и слѣд.

такъ и потому, что ея „наиболѣе важныя положенія (напримѣръ объ атомности, объ единицахъ сродства, о связи элементовъ и др.) различными послѣдователями теоріи строенія понимаются различно. Теорія строенія представляетъ, едва ли не единственную, научную теорію, гдѣ личнымъ мнѣніямъ отводится широкое мѣсто" [1]). Далѣе они находятъ, что „входить въ ближайшее изслѣдованіе того, какъ построены частицы химическихъ соединеній изъ атомовъ нѣтъ возможности, впрочемъ не предстоитъ и надобности" [2]). Устраняя такимъ образомъ объясненія, основанныя на гипотезахъ о свойствахъ и силахъ атомовъ, теорія замѣщенія стремится совершенно не касаться свойствъ атомовъ и пользоваться лишь „нѣсколькими простыми положеніями, доступными опытной провѣркѣ" [3]): это—законы, существованіе которыхъ можетъ быть провѣрено независимо отъ того, признаемъ ли мы атомы или нѣтъ (періодичности, частицы, предѣловъ, замѣщенія и т. д.). Поэтому исходнымъ пунктомъ своихъ объясненій теорія замѣщенія дѣлаетъ превращенія тѣлъ, такъ какъ мы можемъ знать тѣла только въ ихъ прошедшемъ и будущемъ и послѣднее объяснять первымъ (то-есть, ставить въ закономѣрную зависимость отъ него): „оставаясь на почвѣ опыта, химикъ долженъ исходить изъ состава, свойствъ и превращеній, представляемыхъ частицами химическихъ соединеній, для сужденія о природѣ послѣднихъ" [4]). Превращенія же химическихъ соединеній изображаются химическими равенствами; и теорія замѣщенія старается выразить своими формулами не строеніе частицы сложнаго тѣла изъ атомовъ, а сокращенное равенство его образованія [5]). Число возможныхъ равенствъ образованія тѣлъ одного и того же состава опредѣляетъ и дозволяетъ предугадать число возможныхъ изомерныхъ формъ [6]). Такимъ образомъ въ сущности все дѣло сводится къ тому, что свойства изомерныхъ соединеній ставятся въ зависимость только отъ условій ихъ образованій; и если мы при этомъ отбросимъ, какъ еще ничѣмъ не доказанное, предположеніе неизмѣняемости элементовъ, а съ нимъ — и атомы, то и получимъ объясненіе изомеріи безъ всякой помощи атомизма.

[1]) *Меншуткинъ. Журн. Р. Физ. Хим. Общ.* XVII, стр. 2.
[2]) l. c. стр. 9.
[3]) l. c. стр. 4. Сравн. его же: Очеркъ разв., стр. 291 и сл.
[4]) l. c. 304.
[5]) Такъ формула $CH_3 . CH_2 . CH_3$ замѣняетъ $(CH_4—H)+(CH_4—H_2)+(CH_4—H)$.
[6]) *Ж. Р. Ф. Х. О.* XVII, 8 и сл. Оч. разв., 293.

И такъ, если изомерія и свидѣтельствуетъ въ пользу атомизма, то только въ томъ случаѣ, когда мы предварительно допускаемъ, явно или втихомолку, неизмѣняемость элементовъ. Допускать же неизмѣняемость элементовъ вопреки наблюдаемой измѣнчивости всѣхъ тѣлъ значитъ уже отдѣлять тѣла, какъ продукты, отъ того, изъ чего они состоятъ (отъ образующаго матеріала), то-есть приписывать реальность понятію матеріи (считать ее существующей не только въ абстрагирующемъ умѣ ученаго, но и въ природѣ—въ качествѣ того явленія, изъ котораго образуются тѣла); а такъ какъ матерія реальна не иначе какъ подъ условіемъ атомизма [1]), то ссылаться для оправданія послѣдняго на одну лишь изомерію, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Фехнеръ, не доказавъ предварительно неизмѣняемости элементовъ, значитъ сперва допустить втихомолку атомизмъ, а потомъ явно вывести его. Послѣ того, какъ уже признанъ атомизмъ вмѣстѣ съ неотдѣлимымъ отъ него принципомъ механическаго объясненія, будетъ логически необходимо (какъ это справедливо замѣчаетъ покойный Бутлеровъ) объяснять изомерію различіемъ во взаимныхъ отношеніяхъ атомовъ частицы (ихъ группировкой или т. п.). Но пока дѣло идетъ еще только объ оправданіи атомизма и пока еще остается неопровергнутымъ и не считается невозможнымъ, что простыя тѣла вполнѣ измѣняются во время процесса соединенія, то, очевидно, еще нельзя ссылаться на одну лишь изомерію. Какимъ же образомъ, спрашивается, могутъ упускать изъ виду это обстоятельство всѣ тѣ, кто усматриваетъ въ изомеріи основаніе для доказательства существованія атомовъ? [2]). Особенно же странно это видѣть у Фехнера, который не хочетъ выводить атомизма даже изъ стехіометрическихъ законовъ, и въ ссылкѣ на нихъ видитъ не доказательство, а лишь ничего не рѣшающее примѣненіе атомизма къ объясненію явленій, толкованіе ихъ въ духѣ атомистической теоріи [3]). Не безполезно затронуть здѣсь, хотя бы вкратцѣ, этотъ вопросъ психологіи науки, потому что тѣ же самыя причины, которыя вводятъ въ заблужденіе Фехнера и другихъ, могутъ дѣйствовать и на нашихъ читателей и

---

[1]) См. выше стр. 25.

[2]) Такъ поступаетъ не одинъ Фехнеръ. Либихъ въ своихъ „Химическихъ Письмахъ" высказывается слѣдующимъ образомъ: „только то предположеніе, что матерія не безконечно дѣлима и состоитъ изъ атомовъ, уже далѣе не дѣлящихся, можетъ дать удовлетворительный отчетъ въ этихъ явленіяхъ". Цитировано у *Страхова*. Міръ какъ цѣлое—черты изъ науки о природѣ. С.-Пб. 1872, стр. 373.

[3]) L. c. стр. 13.

помѣшають имъ убѣдиться, въ чемъ именно лежатъ истинные источники и оправданіе атомизма.

Ближайшая причина этого заблужденія состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что мы съ терминами „простое" и „сложное" тѣло преждевременно (раньше, чѣмъ бываемъ вынуждены къ этому вѣскими основаніями) и до неразрывности прочно ассоціируемъ такія понятія, которыя должны приводить насъ къ атомистическому толкованію изомеріи. Что такое простое тѣло? По опредѣленію Лавуазье „всѣ вещества, которыхъ мы никакимъ средствомъ еще не могли разложить, суть для насъ элементы; они дѣйствуютъ въ отношеніи къ намъ какъ простыя тѣла, и мы не должны признавать ихъ сложными, пока опытъ и наблюденіе не докажутъ намъ этого" [1]). Слѣдовательно, отличіе простаго тѣла отъ сложнаго зависитъ отъ уровня нашего знанія: тѣла представляютъ послѣдній предѣлъ, до котораго уже достигъ нашъ анализъ; они до сихъ поръ не разложены, и это еще не означаетъ, чтобы они никогда не могли быть разложены. А вотъ мнѣніе другаго, современнаго, авторитета химіи, которое потому особенно поучительно, что онъ относится къ мысли о сложности хорошо извѣстныхъ простыхъ тѣлъ съ явнымъ недовѣріемъ и даже съ ироніей [2]). „Сложныя тѣла также образуютъ новыя, еще сложнѣйшія соединенія и отдѣляютъ при этомъ теплоту. Изъ этихъ новыхъ соединеній нерѣдко первоначальное сложное тѣло можетъ быть извлечено совершенно тѣми же способами, какими и простыя тѣла извлекаются изъ соотвѣтственныхъ соединеній.... Физическая природа тѣхъ и другихъ одна и та же; а потому нельзя обозначить какихълибо общихъ свойствъ, принадлежащихъ однимъ простымъ тѣламъ" [3]). Далѣе — „законы кратныхъ отношеній, паевъ и объемовъ

---

[1]) Traité élémentaire de Chimie.—Цитир. въ „Міръ какъ цѣлое" стр. 459.

[2]) „Свѣдѣнія о вѣсѣ атома и о свойствахъ многихъ простыхъ тѣлъ не даютъ нынѣ никакого права предполагать сложность хорошо извѣстныхъ элементарныхъ тѣлъ, а потому, лишенная всякой опытной опоры, мысль о сложности простыхъ тѣлъ должна быть считаема понынѣ безплодною, мечтательною и лишенною основательности.... Замѣчательно, что проходило немного мѣсяцевъ, какъ сами изслѣдователи убѣждались, до сихъ поръ каждый разъ, или въ несовершенствѣ наблюденій, служившихъ имъ опорою, или въ невѣрности посылокъ, на которыя они опирались". (Въ послѣднихъ словахъ рѣчь идетъ только о сложности хлора). *Менделѣевъ*. Основы химіи. С.-Петербургъ. 1881, т. I. стр. 520. А въ фарадеевскомъ чтеніи онъ эту мысль относитъ къ числу утопій. Два Лондонскихъ чтенія. С.-Пб. 1889, стр. 46 и сл.

[3]) L. c. I, стр. 56.

точно такъ же относятся къ сложнымъ тѣламъ, какъ и къ простымъ" [1]). Словомъ, „между природою простыхъ и сложныхъ тѣлъ нѣтъ кореннаго различія, кромѣ отсутствія для простыхъ тѣлъ реакціи распаденія на различныя составныя части. Можно представить себѣ и сложное тѣло такое, которое вступаетъ въ соединенія, но не разлагается..... Еслибы намъ попалось такое тѣло, то мы могли бы счесть его за простое неразлагаемое тѣло.... Изслѣдуя для воды случаи ея соединенія, мы можемъ считать воду элементомъ". Такъ чѣмъ же съ фактической стороны, а не со стороны нашихъ воззрѣній, отличаются простыя тѣла отъ сложныхъ, если между ними нѣтъ кореннаго различія ни со стороны ихъ природы или свойствъ, ни со стороны управляющихъ ихъ превращеніями законовъ? Только тѣмъ, говорятъ намъ люди, посвятившіе всѣ свои великія силы изученію химическихъ явленій и умѣющіе отличить фактъ опыта отъ своего воззрѣнія, что простыя тѣла все еще не разложены. Допустимъ даже, что мы въ состояніи какимъ либо путемъ убѣдиться въ ихъ вѣчной неразложимости (напримѣръ, допустимъ для поясненія нашей мысли, что, подобно тому, какъ согласно съ Менделѣевскимъ закономъ періодичности, атомные и частичные вѣса опредѣляютъ свойства простыхъ тѣлъ, формы и свойства ихъ соединеній, эти же вѣса или ихъ функція для всякаго тѣла обусловливаютъ его разложимость и неразложимость, такъ что по частичному вѣсу мы могли бы смѣло заключать, какое тѣло находится передъ нами—простое или сложное); во всякомъ случаѣ отличіе простаго тѣла отъ сложнаго сведется только къ тому, что первое окончательно неспособно испытывать нѣкоторыя изъ превращеній, которымъ можетъ подвергаться второе; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Этого-то различія и долженъ держаться тотъ, кто хочетъ, дабы не предрѣшать безосновательно ни одного вопроса, мыслить въ своихъ понятіяхъ о природѣ на первыхъ порахъ ровно столько, сколько дано въ опытѣ. А въ фактѣ неспособности нѣкоторыхъ тѣлъ къ опредѣленнымъ реакціямъ еще не содержится никакого указанія на то, чтобы простыя тѣла, превращаясь въ сложныя (вступая въ соединенія), помѣщались одно въ другомъ, или же разбивались на части, которыя размѣщались бы одна возлѣ другой, словомъ—нѣтъ указанія на продолженіе существованія простыхъ тѣлъ внутри возникшихъ изъ него сложныхъ, хотя тотъ же фактъ нисколько не про-

[1]) L. c. I, 357.

тиворѣчитъ этому предположенію: одинаково возможно и продолженіе существованія простыхъ тѣлъ и ихъ радикальное преобразованіе въ одно новое.

Пока мы ничего не предрѣшаемъ, то подъ составомъ сложнаго тѣла мы должны подразумѣвать не то, что составляющія тѣла продолжаютъ существовать въ немъ, а только „выраженіе тѣхъ превращеній, къ которымъ оно способно" [1]). Но мы тотчасъ же стараемся объяснить (сдѣлать логически необходимой) неразложимость простыхъ тѣлъ. И такъ какъ мы всегда склонны отыскивать или, по крайней мѣрѣ, предполагать нѣкоторую неизмѣняемую сущность тѣла, какъ бы его внутреннее ядро, то и наше объясненіе неразложимости простаго тѣла основывается на этой спекулятивной предпосылкѣ, а не ограничивается, какъ это слѣдовало бы, хотя бы только на первыхъ порахъ, тѣмъ, чтобы мы фактъ ставили въ закономѣрную связь съ другими данными опыта; поэтому подъ истинно простымъ тѣломъ мы начинаемъ подразумѣвать такое, которое насквозь однородно, то-есть, состоитъ изъ одной и той же сущности, а подъ сложнымъ то, которое состоитъ изъ механическаго смѣшенія, сопоставленія нѣсколькихъ пребывающихъ въ ней сущностей. (Даже самая этимологія терминовъ „простой" (einfach, simple) и „сложный" (zusammengesetzt, composé) уже указываетъ, что они были избраны подъ вліяніемъ этой наклонности: вѣдь подъ сложнымъ въ обыденномъ языкѣ мы понимаемъ не то, что способно къ лишнимъ (сравнительно съ другими классами вещей) взаимодѣйствіямъ (превращеніямъ), а то, что образовано сопоставленіемъ другъ съ другомъ самостоятельно пребывающихъ и не утрачивающихъ своей самостоятельности частей, подъ простымъ же—то, что противоположно этому опредѣленію). Къ этой спекулятивной потребности присоединилось съ одной стороны вліяніе этимологіи термина (что всегда имѣетъ огромное значеніе), а еще какъ бы историческая привычка считать простыя тѣла первичными, основными, а сложныя—вторичными, производными, ибо какъ только была узнана множественность простыхъ тѣлъ, они выступили на первый планъ, ихъ изученіе ставилось во главѣ химіи, и она понималась какъ наука о составѣ тѣлъ [2]), для чего она должна была прежде всего отыскать всѣ простыя тѣла, а всѣ остальныя образовать изъ всѣхъ соединеній: вѣдь мы подъ

---

[1]) Основы химіи I, 55.

[2]) См. *Страховъ* l. c. стр. 489 и сл. и 457 и сл.

вліяніемъ принципа тожества бытія и мысли всегда склонны смѣшивать формы знанія (въ данномъ случаѣ зависимость его частей другъ отъ друга, зависимость знанія состава сложныхъ тѣлъ отъ знанія простыхъ тѣлъ) съ формами самихъ вещей; а потому естественно, что зависимость частей знанія была перенесена на его предметы, и сложныя тѣла, явно или втихомолку, стали разсматривать, какъ зависящія отъ простыхъ, первыя же, какъ безусловныя, основныя, какъ элементы. А такое воззрѣніе лучше всего, даже исключительно, мирится съ только-что описаннымъ пониманіемъ сложныхъ тѣлъ, потому что, если простое тѣло мы считаемъ безусловнымъ и основнымъ, то уже нельзя предполагать, что оно возникаетъ изъ превращеній сложнаго: это противорѣчило бы первичности перваго и зависимости втораго; поэтому надо допускать, что простое тѣло пребываетъ внутри соединенія. Разъ что мы усвоили себѣ такой взглядъ на сложность тѣлъ, то изомерія дѣйствительно не можетъ быть объяснима, иначе какъ атомистически, и, чувствуя это, мы будемъ выставлять ее, какъ неоспоримое свидѣтельство въ пользу атомизма.

Но дѣло въ томъ, что мы еще не имѣемъ права безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій установить такое пониманіе сложности тѣлъ. Насколько простирается нашъ опытъ, онъ всегда показываетъ, что сложныя тѣла также насквозь однородны (а не смѣшаны изъ разнородныхъ сущностей), какъ и простыя. Далѣе, нашему знанію доступны не сами субъекты явленій, не субстанціи, а лишь совершающіяся въ нихъ событія, ибо основной принципъ знанія, идея причинности, можетъ быть примѣняема только къ событіямъ; а потому и задача химіи въ глазахъ критическаго философа должна состоять въ изученіи не состава химическихъ субстанцій, но въ изслѣдованіи законовъ химическихъ событій, то-есть превращеній. Если же мы станемъ на эту точку зрѣнія, то простыя тѣла тотчасъ же утратятъ ту видимость безусловнаго, первичнаго, основнаго характера (элементовъ, стихій или начала всѣхъ началъ), которую они пріобрѣтаютъ, когда главной задачей химіи назначается изученіе состава готовыхъ тѣлъ, а не ихъ превращеній: при изученіи самихъ превращеній, всѣ тѣла оказываются вполнѣ равноправными, потому что какъ всякое сложное тѣло возникаетъ изъ превращенія другихъ тѣлъ, такъ точно и простыя тѣла тоже возникаютъ изъ превращенія другихъ. Такимъ образомъ единственно, что остается въ пользу обыденнаго взгляда на различіе между простыми и сложными тѣлами, это—то, что онъ просто объясняетъ (въ смыслѣ—дѣлаетъ аналитически

необходимымъ, а не въ смыслѣ установленія закономѣрной связи одного факта съ другимъ) фактъ неспособности первыхъ къ нѣкоторымъ превращеніямъ (ихъ неразложимость)[1]. Но въ чемъ эта простота? Въ согласіи объясненія съ спекулятивной предпосылкой о существованіи неизмѣняемой сущности тѣлъ. Слѣдовательно, принимая это воззрѣніе, мы обязаны, во-первыхъ, откровенно сознаться, что какъ оно само, такъ и все основанное на немъ (атомизмъ) принадлежитъ къ числу спекулятивныхъ теорій, во-вторыхъ, показать необходимость перейти въ область спекулятивныхъ соображеній, а въ-третьихъ, оправдать свои спекулятивныя предпосылки. Но подобныя изслѣдованія мы оставимъ пока въ сторонѣ, такъ какъ мы рѣшили искать сперва одни эмпирическія доказательства атомизма[2].

Чтобы перейти къ послѣдующему анализу, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе на счетъ атомистическаго объясненія изомеріи, ибо его значеніе черезчуръ преувеличено, свидѣтельствомъ чему служитъ уже то обстоятельство, что къ теоріи замѣщенія примыкаютъ и такія лица, которыя вовсе не враги атомизма, напротивъ, считаютъ его, хотя и не доказаннымъ, за то ужъ во всякомъ случаѣ въ высшей степени полезнымъ для успѣховъ химіи. „При огромной пользѣ, говоритъ г. Меншуткинъ (ведшій полемику съ Бутлеровымъ противъ теоріи строенія), которую атомическая теорія принесла химіи, мы смотримъ на атомическую гипотезу, какъ на средство представить ходъ химическаго явленія, но не имѣемъ претензіи думать, что теорія воспроизводитъ дѣйствительность и сущность явленія“[3]. А о томъ, что „между химиками появился расколъ въ оцѣнкѣ научныхъ фактовъ, расколъ, въ большей или меньшей степени сохранившійся до нашихъ дней“, и что „изъ лагеря химиковъ, которыхъ можно было бы

---

[1]) Терминъ разложеніе уже самъ по себѣ подразумѣваетъ и *навязываетъ* обыденное воззрѣніе на простоту и сложность тѣлъ; потому-то намъ хотѣлось бы избѣгнуть его.

[2]) Вполнѣ сходныя воззрѣнія высказаны и *Страховымъ* l. c. стр. 457 и сл., 486 и сл. Мало гдѣ можно встрѣтить столь глубокій и въ то же время увлекательный по своей ясности и изяществу изложенія анализъ атомизма (на ряду со многими другими философскими вопросами—объ организмѣ, жизни и т. д.), какъ въ этой книгѣ: она для своего чтенія не требуетъ даже напряженія вниманія, а только желанія и времени прочесть легко понятную философскую книгу; вниманіе возбуждается само собой.

[3]) *Меншуткинъ*. Очеркъ развитія, стр. 81.

назвать позже сложившимся именемъ химиковъ-позитивистовъ, и считающихъ въ своей средѣ первоклассныхъ ученыхъ, вышли наиболѣе горячіе противники атомической теоріи" [1]), врядъ ли нужно напоминать. Не ясно ли изъ всего этого, что атомическое объясненіе изомеріи не слишкомъ легко и просто, если разсматривать его помимо его согласія съ спекулятивными предпосылками. И дѣйствительно, если, отвлекаясь отъ этого согласія, мы присмотримся къ нему поближе, то тотчасъ же замѣтимъ, что въ настоящее время атомизмъ даетъ пока еще не объясненіе случаевъ или, вообще, факта изомеріи, а только объясненіе возможности и направленія атомистическаго объясненія этого факта, объясненіе объясненія; а мы вслѣдствіе безотчетной преданности принципу тожества бытія и мысли смѣшиваемъ это объясненіе возможности атомистически объяснять изомерію съ объясненіемъ ея самой. Когда астрономъ объясняетъ затмѣніе солнца при помощи закона Ньютона, то онъ выводитъ сполна все то, что мы наблюдаемъ въ этомъ фактѣ, изъ своихъ предположеній объ условіяхъ существованія объясняемаго факта; онъ дѣйствительно объясняетъ его. Физикъ, объясняя явленія интерференціи свѣта при помощи теоріи волненія, тоже выводитъ всѣ стороны объясняемаго явленія изъ предположенныхъ условій его существованія. Сообразно съ этимъ атомистическое объясненіе изомеріи должно бы принять слѣдующій видъ: мы допускаемъ въ атомахъ опредѣленныя величины (или массы), силы, способы группировки или взаимоотношеній и т. д., словомъ все, что нужно для нашихъ цѣлей, и изъ этихъ предположеній, сопоставленныхъ съ условіями возникновенія изомерныхъ тѣлъ, мы математически выводимъ всѣ явленія (тепловыя, электрическія и т. д.), сопутствующія образованію того или другаго изомера, а также всѣ его физическія и химическія свойства. Вотъ это было бы дѣйствительнымъ объясненіемъ; а можно ли сказать, что оно уже существуетъ, хотя бы только для нѣкоторыхъ случаевъ? Правда, Вантъ-Гоффъ и Лебель, разсматривая структурныя формулы, какъ представляющія расположеніе атомовъ въ пространствѣ, „уже дѣлаютъ небезъинтересные выводы, напримѣръ объ оптической дѣятельности органическихъ соединеній" [2]); но вѣдь и только.

---

[1]) Очеркъ развитія, стр. 83.

[2]) Очеркъ развитія, стр. 284.

Да и какъ относятся къ этимъ выводамъ тѣ же самыя лица, которыя признаютъ теорію строенія? „Послѣдняя задача, говоритъ Вюрцъ, относящаяся къ формѣ частицъ, выходитъ изъ области положительной химіи, хотя эта наука и можетъ дать основанія для ея будущаго рѣшенія. Однако къ этому рѣшенію уже приступили". Въ послѣднихъ словахъ дѣлается переходъ именно къ характеристикѣ работъ Вантъ-Гоффа и Лебеля [1]). Нѣсколькими же страницами далѣе онъ даетъ слѣдующій отзывъ вообще объ атомизмѣ: „Свойства простыхъ и сложныхъ тѣлъ составляютъ, по всей вѣроятности, функцію внутренней природы атомовъ, ихъ формы, ихъ способовъ движенія. Но всѣ эти факторы для насъ неизвѣстны. Вотъ почему, обладая столь несовершеннымъ познаніемъ сущности атомовъ, теорія не предсказываетъ ни формы соединеній, ни ихъ свойствъ" [2]). Почему бы то ни было, а только она ни предсказываетъ, ни объясняетъ ихъ. Къ чему же тогда сводится атомистическое объясненіе изомеріи? Только къ указанію того пути, слѣдуя которому можно найти дѣйствительное объясненіе въ духѣ атомизма, къ построенію одной лишь идеи будущаго атомистическаго объясненія: если мы признали реальность, а не одну полезность атомизма, говоритъ это объясненіе, то мы должны искать объясненія изомеріи, исходя изъ предположенія различія во взаимныхъ отношеніяхъ (связяхъ, пространственныхъ группировокъ и т. п.) атомовъ, ибо съ точки зрѣнія атомизма этотъ путь не только вообще возможенъ, но единственно возможный [3]). А въ такомъ случаѣ это объясненіе по

---

[1]) l. c. стр. 218 и слѣд.

[2]) l. c. стр. 242.

[3]) Ясно, почему *Бутлеровъ*, въ выше (стр. 54) цитированныхъ словахъ говоритъ: „*логически необходимо* допустить, что, при одинаковой натурѣ атомовъ и одинаковомъ ихъ количествѣ, химическое отношеніе, существующее между ними въ частицѣ, бываетъ не всегда одинаковымъ. *Безъ этого допущенія нѣтъ возможности говорить объ объясненіи изомеріи*". Для тѣхъ, кто явно, или же не давая себѣ въ томъ яснаго отчета, признаетъ не одну полезность, а также и реальность атомизма, такой выводъ, дѣйствительно, логически необходимъ; а г. *Меншуткинъ*, который не рѣшается утверждать реальность атомизма, „не имѣетъ претензіи думать, что теорія воспроизводитъ дѣйствительность и сущность явленія", былъ вправѣ не признать такой необходимости. Все дѣло въ томъ, вѣруемъ мы или не вѣруемъ въ атомы: если вѣруемъ, то логически необходимо признать, если не для настоящаго (для котораго мы можемъ дѣлать исключеніе по недостатку необходимыхъ знаній), то для будущаго, какой-нибудь видъ теоріи строенія.

своимъ достоинствамъ еще ничѣмъ не отличается отъ того, которое мы изложили выше, говоря отъ имени отрицателей атомизма: и тамъ и здѣсь мы имѣемъ объясненіе единственно возможнаго, съ точки зрѣнія той или другой теоріи, пути, слѣдуя которому мы найдемъ объясненіе самой изомеріи; и тамъ и здѣсь предъ нами лишь объясненіе объясненія, построеніе одной идеи будущаго объясненія; и тамъ и здѣсь эта идея отчасти уже реализована (въ теоріи строенія и въ теоріи замѣщенія) не безъ пользы для науки.

А. Введенскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ГРЕЧЕСКОЙ ЗАГАДКИ СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НОВЫХЪ.

Загадка прожила въ греческомъ племени въ продолженіи болѣе чѣмъ трехтысячелѣтняго его существованія. Мы задались мыслью прослѣдить греческую загадку въ тѣхъ различныхъ ея образахъ, въ которыхъ могла отражаться порождавшая ее среда и обстановка. Въ этомъ была главная наша задача: языкъ, слогъ и размѣръ были принимаемы нами въ соображеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было опредѣлить время, къ которому принадлежатъ извѣстныя загадки. Скажемъ заранѣе, что всѣ греческія загадки, къ какому бы времени онѣ ни относились, которыя намъ удалось и читать и слышать,—излагаются въ стихахъ. Въ видѣ исключенія попадаются и прозаическія, но это, кажется, происходитъ лишь отъ того, что ихъ первоначальная форма была забыта. Должно сознаться, что матеріалы, необходимые для разрѣшенія означенной задачи, еще достаточно ни сведены, ни объяснены; не смотря на то, желая содѣйствовать ея разъясненію, мы попытаемся представить греческія загадки хоть въ нѣсколькихъ сжатыхъ очеркахъ, пользуясь для этого имѣющимися у насъ подъ рукою источниками и пособіями.

Мы начнемъ наши очерки со временъ миѳическихъ и доведемъ ихъ до нашихъ дней.

У грековъ древнѣйшихъ временъ, какъ и у другихъ народовъ въ соотвѣтственную эпоху, загадка входила въ кругъ ихъ религіозныхъ воззрѣній. Такъ, древніе греки вѣрили, что чудовище Сфинксъ, или вѣрнѣе Сфинга, дочь Тифона и Ехидны, напущено было на ѳиванцевъ верхов-

ною богиней Ирой (Герой) и научено было бѣдовой загадкѣ Музами (1)[1]: „Что это такое, спрашивала въ пѣснѣ своей Сфинга, что̀, имѣя одинъ голосъ, бываетъ четвероногимъ, двуногимъ и трехногимъ"?[2]) Кто не могъ разрѣшить—погибалъ: такъ погибли многіе; но когда Идипъ отвѣчалъ, что подразумѣваемое существо — человѣкъ, то Сфинга мгновенно исчезла[3]). Древность этого сказанія видна изъ намековъ на него Θеогоніи и нѣкоторыхъ трагедій. Эта поэма, приписываемая Исіоду, одна изъ древнѣйшихъ греческихъ поэмъ, упоминаетъ о „страшныхъ напастяхъ, нанесенныхъ кадмейцамъ губительною Фикой". Это слова Θеогоніи: она, правда, не опредѣляетъ способа истребленія гражданъ; но это, вѣроятно, потому, что то была тема вполнѣ народная, всѣмъ извѣстная, о которой, при сжатости изложенія, составляющей особенность Θеогоніи, не было надобности выражаться обстоятельно[4]). Еще однимъ изъ доказательствъ древности этого сказанія могутъ послужить тѣ мѣста въ Софоклѣ и Эврипидѣ, гдѣ, по поводу судьбы Идипа, имъ приходится ссылаться на пѣсню Сфинги[5]). Эти трагики упоминаютъ о миѳѣ, нисколько не заботясь о сообщеніи слушателямъ его содержанія: такъ оно было всѣмъ извѣстно, какъ достояніе всенародное. Простоватые вопросъ и отвѣтъ,

---

[1]) Всѣ приводимыя нами загадки мы перенумеровали, для того, чтобъ читателю облегчить ихъ взаимное сличеніе, тамъ гдѣ на нихъ есть у насъ ссылки.

[2]) У насъ приведена эта пѣсня-загадка по Аполлодору, у котораго она, однако, изложена въ прозѣ (Apollodori Bibliotheca, III, 5, 8 (Didot). Аѳиней приводитъ ее въ поздней редакціи ученика Исократова, Асклипіада Трагилійца изъ его Трагодуменъ. Athenaei Deipnosophistae X, cap. 83. Въ томъ же видѣ, какъ у Аѳинея, она находится съ прибавкою отгадки (которая тоже въ стихахъ) въ схоліяхъ къ Софоклову Идипу царю и къ Эврипидовымъ Финикіянкамъ. Напечатана и въ Anthologia Graeca, *Brunck-Jacobs*, 1794, T. IV, p. 289; № 15, (съ отгадкой) и въ Anthologia Palatina, ed. *Jacobs*, 1814—1817. T. II, p. 564; № 64 (безъ отгадки).

[3]) По случаю смерти Сфинги Фридрейхъ даетъ этому такую разгадку: „Wenn ein Räthsel aufgelöst ist, so hört es auf ein Räthsel zu sein, es ist als solches getödtet". (*Friedreich*, Geschichte d. Räthsels, 85). Остроумно, но не глубоко.

[4]) См. Hesiodi quae feruntur... ed. *Shoemann*, Berol. 1869. Имя чудовища въ Θеогоніи (стихъ 326) приведено въ формѣ вин. пад. Φῖκ', усѣченной изъ-за слѣдующей гласной и размѣра. Φίξ, по мнѣнію Г. Курція, есть віотійская форма слова Σφίγξ. G. Curtius, Grundzüge d. Griech. Etymologie, 3 Aufl., ст. 176, № 157 и стр. 653.

[5]) См. Софокла Οἰδίπους τύραννος стихи 36, 130, 393, 1525. Эврипида Φοίνισσαι стихи 48—50, 1721—1722. См. также въ словаряхъ къ этимъ трагикамъ слова: αἴνιγμα и σφίγξ.

по самой простоватости и наглядности своихъ представленій, могли найдти легкій доступъ къ умамъ большинства. Еще недавно Г. Татараки записалъ со словъ греческаго народа: (2) „Есть чудовище, которое утромъ ходитъ на четверенькахъ, въ полдень на двухъ ногахъ, а вечеромъ на трехъ" [1]). И въ Ярославской губерніи загадываютъ: (3) „по утру на четверомъ, среди дня на двоемъ, а подъ вечеръ на троемъ". Подобная загадка есть и у армянъ [2]). Какъ сообщилъ мнѣ Н. Я. Марръ, она есть и у грузинъ. Какъ появилась она у многихъ народовъ? Дошла ли устнымъ преданіемъ? или распространилась путемъ рукописныхъ сборниковъ, изъ которыхъ вычитывалась грамотѣями и сообщалась неграмотному люду и дѣтямъ? Или слагалась разными народами самостоятельно, причемъ сходство или тожество оказывалось вслѣдствіе одинаковой степени ихъ развитія въ тотъ моментъ, когда она слагалась? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ сравнительное изученіе нашего предмета.

Вполнѣ миѳическій складъ представляетъ и отрывокъ изъ другой тоже очень древней поэмы „Мелами́подіи", слывущей тоже за Исіодову. Здѣсь происходитъ состязаніе между двумя вѣщунами Калхантомъ и Мопсомъ. Первый обращается ко второму съ такимъ вопросомъ: (4) „Дивлюся я тому, какъ много смоквъ содержитъ въ себѣ смоковница, такая маленькая: можешь ли сказать число? (Отвѣтъ)— „Ихъ числомъ десять тысячъ, а мѣрой—четверикъ; одна изъ нихъ лишняя: ее-то тебѣ въ нихъ и не вложить!" Такъ вѣщалъ (Мопсъ): ему было извѣстно настоящее (ихъ) число въ мѣрѣ. Тогда-то Калханта покрылъ сонъ смертный" [3]). Послѣднему было предречено, что когда онъ встрѣтитъ знахаря лучше себя, то умретъ. А Мопсъ былъ сынъ Манто́, дочери ясновидящаго Тиресія. Замѣчательно, что въ одномъ и томъ же сказаніи сходятся сила предвѣщанія и сила загадки. Это соединеніе предвѣщанія и загадки (αἴνιγμα и χρησμός) есть

[1]) Татараки напечаталъ въ Νεοελλ. Ἀνάλεκτα, т. I. Вып. 4. Ἀθην. 1871. № 99. Въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ при ссылкѣ на Νεοελλ. Ἀνάλεκτα мы будемъ всегда имѣть въ виду выпускъ 4 (I тома)—который весь посвященъ энигмамъ.

[2]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 2. Тифлисъ 1882. Отд. 2, стр. 98.

[3]) Этотъ отрывокъ изъ Меламподіи приведенъ Страбономъ. См. Strabonis Geogr. XIV, 1; p. 642. (Это страница вульгаты). Онъ издается и при сочиненіяхъ Исіода, напримѣръ, у Шемана, у Флаха (у обоихъ № 67 отрывковъ). Помѣщенъ и у *G. Kinkel* въ Epicorum Graecorum fragmenta... Lips. 1877. См. fr. 177 (см. прим. издателя).

явленіе стародавнее. По этому предмету любопытно отмѣтить въ упрекахъ, дѣлаемыхъ предвѣщателю Тиресію Идипомъ, зачѣмъ онъ ничего не произнесъ такого, что̀ освободило бы гражданъ отъ рапсодки, слова: „А вѣдь отгадать ту загадку (αἴνιγμα) не было дѣломъ всякаго встрѣчнаго, а нужно было прозрѣніе. И оказалось, что ты этого прозрѣнія не имѣешь ни по птицамъ, ни отъ кого-либо изъ боговъ“ [1]). Изъ этого мѣста видна тѣсная связь, предполагаемая въ глубокой древности между гаданіемъ и загадкой. Въ загадкѣ Мопса можно высмотрѣть носящій миѳическую оболочку зародышъ тѣхъ вопросовъ, которые не только въ глубокой древности, но и позже иные смѣшивали съ загадками, но которые собственно были въ историческое время не иное что, какъ ариѳметическія задачи, замысловато изложенныя въ стихахъ. Мы къ нимъ вернемся. Замѣчательна сверхъ того разговорная форма загадки, появившаяся здѣсь гораздо раньше, нежели въ комедіи, которой тогда вовсе еще не существовало. Эта форма загадки встрѣчается и во многихъ средневѣковыхъ сказкахъ.

Не столь баснословно сказаніе о сношеніяхъ рыбаковъ съ Омиромъ, сохранившееся въ довольно позднемъ памятникѣ, въ Жизнеописаніи Омира, прежде ошибочно приписываемомъ Иродоту. Когда великій поэтъ гостилъ на островѣ Іо и велъ пріятныя бесѣды въ кружкѣ своихъ почитателей,—явились туда рыбаки и предложили ему разгадать слѣдующій стихъ: (5) „Все, что мы наловили, мы погубили; а чего не поймали, то съ собой принесли“ (Ὅσσ' ἕλομεν λιπόμεσθ', ὅσσ' οὐχ ἕλομεν φερόμεσθα) [2]). Омиръ не распозналъ, что рѣчь идетъ о вшахъ. Въ рыбакахъ къ простотѣ примѣшалась хитреца: являются рыбаки и толкуютъ о своей ловлѣ, чѣмъ вниманіе слушателя невольно приковывается къ ихъ ремеслу, ловлѣ рыбъ: слуша-

---

[1]) Σοφοκλ. Οἰδιπ. τυραννος. 393—396.

[2]) Это жизнеописаніе, озаглавленное Ἐξήγησις περὶ τῆς τοῦ Ὁμήρου γενέσεως καὶ βιοτῆς, помѣщено у Westermann'a въ Βιογράφοι s. Vitarum scriptores Graeci, Brunsv. 1845. Прилагалось прежде и къ Исторіи Иродота; между прочимъ издано въ греч. текстѣ и русскомъ переводѣ въ Исторіи Иродотовой *И. Мартынова*, ч. V, С.-Пб. 1828. См. гл. 35 и 36 Жизнеописанія. Сверхъ того, съ вопросомъ Омира этотъ эпигмъ изданъ въ Anthol. Pal., но не въ XIV отдѣлѣ, гдѣ Αἰνίγματα, а въ XI, гдѣ Ἐπιδεικτικὰ № 448. *Jacobs*, т. II, p. 161. Съ пропусками онъ помѣщенъ на стѣнописи, изображающей Омира и рыбаковъ, въ одномъ домѣ въ Помпеяхъ; изданъ въ „*C. Dilthey* prog. Turic. 1876“, какъ утверждаетъ *Kaibel* въ Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta. Berl. 1878. См. стр. 498, гдѣ Помпейская надпись подъ № 1105.

тель ищетъ развязку не тамъ, гдѣ надо, и путается. Скоро послѣ этого случая Омиръ умеръ. Въ этомъ пунктѣ преданіе раздвоилось: по однимъ смерть приключилась просто, по другимъ отъ печальной неудачи. Въ этомъ второмъ изводѣ миѳъ вступаетъ въ свои права, накладывая густыя краски на ту маленькую непріятность, которой въ обычномъ быту подвергается тотъ, кому не удается разгадать предложенное. Греческій ученый Н. Г. Политъ утверждаетъ, что загадка рыбаковъ въ томъ видѣ, какъ она приведена во лже-Иродотовомъ Жизнеописаніи Омира, въ буквальномъ переводѣ, находится въ одномъ анекдотѣ, приписываемомъ маніатамъ (=майнотамъ). Но появилась ли она вслѣдствіе школьнаго образованія? или письменнаго преданія? или же возникла независимо отъ того и другаго? на эти вопросы отвѣчать трудно [1]). Фридрейхъ приводитъ совершенно такую загадку изъ Ааргау—гдѣ вмѣсто рыбной ловли—охота [2]).

Въ трехъвышеприведенныхъ сказаніяхъ за неудачей слѣдуетъ смерть неудачника. „Пониманіе смысла загадокъ служило доказательствомъ мудрости, замѣчаетъ О. Ѳ. Миллеръ, а мудрость почиталась даромъ боговъ, и кому доставалась она, тотъ тѣмъ самымъ уже доказывалъ и свою правоту“ [3]). Мы продолжаемъ эту мысль: люди приписывавшіе особенную мудрость лицамъ, умѣвшимъ понимать смыслъ загадокъ, обезцѣнивали тѣхъ, кто оказывался слабымъ въ ихъ пониманіи. Подобный исходъ, то-есть, либо торжество, либо смерть или угрозу смертью находимъ и въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ преданіяхъ германскихъ и славянскихъ [4]).

Выходя изъ миѳическаго міра древней Эллады, мы все же еще не ступаемъ на почву достовѣрную. Сказываютъ, что Клеовулъ и дочь его Клеовулина сочиняли пѣсни и грифы, то-есть загадки. Въ одной загадкѣ Клеовулъ или дочь его выражается такъ: (6) „Отецъ одинъ, дѣтей двѣнадцать: изъ нихъ у каждаго по (дважды) тридцати дочерей видомъ между собою не похожихъ: однѣ на видъ бѣлыя, другія—черныя. Хотя онѣ и безсмертны, но всѣ умираютъ“ (=Εἷς

---

[1]) Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Φιλολογικὸς Ἑλληνικὸς Σύλλογος т. VIII, стр. 523, въ статьѣ Γλωσσολογικὴ συμβολή.

[2]) *Friedreich*, Geschichte d. Räthsels, p. 181, въ пр. **.

[3]) *Миллеръ*, *О.*, Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, ч. I. Вып. I. Изд. 2-е. С.-Пб. 1865. См. стр. 61.

[4]) См. у *Фридрейха*, Geschichte des Räthsels, §§ 38—41. *Аѳанасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 1866. Т. I, стр. 25. *Буслаевъ*, Истор. очерки русской народной словесности 1861; т. I, стр. 43—44.

ὁ πατὴρ и т. д.). Подразумѣвается годъ (=ἐνιαυτός). Здѣсь чтеніе дважды тридцать; δὶς τριάκοντα (какъ въ Діогенѣ Лаэртскомъ) вѣрнѣе, то-есть, 30 ночей и 30 дней [1]). Расчетъ частей года выведенъ подробно въ слѣдующей новогреческой загадкѣ: (7) „Триста шестьдесятъ (пять) журавлей, тридцать голубей, въ двѣнадцати гнѣздахъ насиживаютъ и одно яйцо высиживаютъ [2]). Сравните Тихвинскую: (8) „Стоитъ дубъ, на дубу 12 гнѣздъ, на каждомъ гнѣздѣ по 4 синицы, у каждой синицы по 14 яицъ: 7 бѣленькихъ да 7 черненькихъ" [3]). Основанное на наблюденіи природы представленіе о томъ, что каждый день завершается захожденіемъ солнца, уподобленнымъ въ предшествующемъ древнемъ энигмѣ смерти, смѣшано въ немъ съ противорѣчащимъ ему ѳеогоническимъ вѣрованіемъ о безсмертности дня, по которому Ἡμέρα (=День по греч. женскаго рода) была дочерью Νυκτός (Ночи), внучкой Хаоса (Χάος) [4]). Аналогично съ этимъ послѣднимъ вѣрованіемъ, на вопросъ: (9) „что произошло прежде—ночь или день?" мудрецъ Ѳалитъ отвѣчалъ: „Ночь однимъ днемъ прежде" [5]). Смѣшеніе понятій и даже ихъ противоположность нисколько не должны удивлять—въ загадкѣ: это одинъ изъ ея излюбленныхъ пріемовъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы не увѣрены въ томъ, пріемъ ли это довольно обычный въ этого рода игрѣ, или же встрѣчающееся въ миѳахъ противорѣчіе новѣйшихъ воззрѣній старымъ. Относительно бѣлизны дней и черноты ночей находимъ въ одной изъ новогреческихъ загадокъ слѣдующее: (10) „У одного дерева половина листьевъ черныхъ и половина бѣлыхъ" [6]). Сравните русск.: (11) „Стоитъ де-

---

[1]) Древнее шестистопное четырестишіе см. въ Diogenis Laertii Vitae philosophorum I, 6, 91 (ed. Cobet, p. 23).—Anthol. Gr., ed. *Br.—Jac.* I, 52.—Anthol. Palat. T. II. XIV, № 101.—*Bergk*, Anthol. lyrica p. 285, № 3.—У Сунды и Евдокіи только начало (оба подъ Κλεοβουλίνη) (Suidae Glossarium; Eudociae Violarium, rec. *Flach*, № 588).

[2]) По новогречески, рядомъ съ другою подобной, приведена Политомъ для сравненія съ древнею Εἷς ὁ πατὴρ.. въ его Γλωσσικὴ συμβολή (Συλλογ. (Κωνστ). Т. VIII, стр. 523.

[3]) *Садовниковъ*, Загадки русскаго народа № 2008 гдѣ варіанты: Ср. Болг. „Едно древо съ дванадесять клона, на всякой клонъ по четыре гнѣзда и въ всѣко гнѣздо по двѣ сухи шлюнки". *Чолакова*, Болгарскый народенъ сборникъ, Болградъ, 1872. См. стр. 119. Объяснено: „и два пости дни въ седмица—тѫ". Ср. Нѣм. у *Simrock*. deutsche Räthsel № 376.

[4]) Hesiodi quae fer., ed. Schoemann, Theogonia, v. 123—124.

[5]) Diog. Laert. V. Ph. *Cobet*, I, 1, § 35, p. 9 (8—10).

[6]) Νεοελληνικα Αναλεκτα. Т. I. Вып. 4. № 317. „Ἕνα δέντρο ἔχει τὰ 'μισὰ φύλλα μαῦρα καὶ τὰ 'μισὰ ἄσπρα (χρόνος въ смыслѣ года).

рево: съ одной стороны листья бѣлые, съ другой—черные" [1]). Остановимъ вниманіе на вышеприведенной загадкѣ, приписываемой Клеовулу или его дочери. Сдѣланныя нами сопоставленія ея съ новогреческими и русскими открываютъ намъ народность ея происхожденія. Источникъ ея, стало быть, тотъ же самый, откуда отчасти произошли и тѣ изреченія житейскаго опыта, тѣ ἀποφθέγματα, которыми, по преданію, прославился Клеовулъ: вѣдь рядомъ съ сочиненіемъ пѣсенъ и грифовъ преданіе приписываетъ ему и мудрыя краткія изреченія. Такимъ образомъ, не смотря на то, что свѣдѣнія объ этомъ мудрецѣ, одномъ изъ Семи, неопредѣленны и неточны, все же въ нашемъ вопросѣ эти свѣдѣнія подтверждаются международнымъ характеромъ дошедшей до насъ его загадки. Подъ именемъ его дочери дошелъ до насъ такой энигмъ: (12) „Я видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ огнемъ прилѣпилъ другому мѣдь (до того плотно, что сдѣлалъ ихъ единокровными")[то-есть, человѣка и мѣдь]. Рѣчь идетъ о кровопусканіи посредствомъ приставленнаго къ тѣлу рожка:

Ἄνδρ' εἶδον πυρὶ χαλκὸν ἐπ' ἀνδρὶ κολλήσαντα [2]),
[οὕτω συγκόλλως ὥστε σύναιμα ποιεῖν]

Ни Аристотель, отзывающійся о первомъ стихѣ какъ объ энигмѣ „заслужившемъ общее одобреніе" (ἐν τῷ αἰνίγματι τῷ εὐδοκιμοῦντι), ни Клеархъ (приводящій оба стиха) не упоминаютъ объ авторѣ его: Эвмитидѣ же, дочери Клеовула, приписанъ первый стихъ авторомъ Пира семи мудрецовъ. Это авторитетъ не очень цѣнный. Какъ бы то ни было,—въ этомъ энигмѣ мы имѣемъ произведеніе очень давнее, хотя очевидно не народное.

Спрашивается: для чего было Клеовулу и дочери сочинять или и собирать загадки, еслибы онѣ не сдѣлались въ ихъ время, то-есть къ исходу VII и первой половинѣ VI в. до нашей эры, потребностью современнаго имъ общества? Такая потребность была — это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что съ этого пріема ума и воображенія уже была совлечена оболочка миѳическая. Но дошло ли дѣло

[1]) *Садовниковъ*, „Загадки рус. нар." № 2010.

[2]) Аристотель въ Риторикѣ и Піитикѣ приводитъ только одинъ первый стихъ объясняя слово κόλλησις (прилѣпленіе) какъ σικύας προσβολή, то-есть, ставленіе рожка или банки. Aristot. Rhetorica III, 2 (иначе 1). Arist. Poëtica, cap. 23. Clearchus in Athenaeo X, 76 и въ Hist. Graec. Fragmenta, T. II. Clearchi fr. 66 (Didot). Помѣщено въ Anthologia Graeca. Br.—Jac. IV. 288, № 8; въ Anthol. Lyrica. p. 22. ed. *Bergk*. Пиръ семи мудрецовъ=Των επτα σοφων συμποσιον въ Plutarchi Moralia, ed. *Wyttenbach*, Lips. 1799. См. T. I, P. 2. p. 114.

до того пункта, когда энигмъ становится послѣ-обѣденнымъ развлеченіемъ мужскихъ кружковъ,—этого еще не видно.

Классическое мѣсто о загадкахъ грековъ представляютъ главы отъ 69-й до 89-й въ десятой книгѣ Аѳинея, который сообщилъ потомству богатые запасы. Но его запасы должны быть тщательно разсмотрѣны; иначе изслѣдователь можетъ заблудиться въ лабиринтѣ смутныхъ понятій. Подъ названіемъ αἰνίγματα и γρῖφοι Аѳиней приводитъ загадки, заимствованныя имъ изъ комедій; и подъ тѣмъ же названіемъ приводитъ такія шуточныя задачи, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ понятію о загадкѣ, какъ-то напримѣръ „пусть каждый изъ гостей произнесетъ по одному ямвическому стиху". Это не иное что, какъ шуточное требованіе понатужить свою память, въ родѣ того, какъ въ наше время, то-есть въ тридцатыхъ годахъ, на вопросъ „чей фантъ выйдетъ, что тому дѣлать", присуждали сказать, положимъ, нѣсколько стиховъ изъ Пушкина. Тутъ нѣтъ ни загадки, ни отгадки. Но ко взгляду Аѳинея, повторяющаго здѣсь своего любимца, Клеарха, мы еще вернемся; а пока представимъ три загадки, о которыхъ Аѳиней отзывается, какъ объ „очень древнихъ логическихъ грифахъ".

Вотъ онѣ:

(13) „Чему мы всѣ (другихъ) учимъ, не имѣя сами о томъ знанія"?—(Отвѣтъ) переводятъ различно: „имѣть душу"; или: „переводить духъ"; (τί πάντες οὐκ ἐπιστάμενοι διδάσκομεν;... ψυχὰς ἔχειν). Текстъ, очевидно, невѣрный, дающій поводъ къ шаткимъ переводамъ. (14) „Что тѣмъ же самымъ повсюду бываетъ и нигдѣ тѣмъ же самымъ не бываетъ"? Разгадка—время [1]). (15) „Что бываетъ одинакимъ на небѣ, на землѣ и въ морѣ?" Рѣшеніе: „медвѣдица, змѣй, орелъ и песъ" (ἄρκτος, ὄφις, ἀετός, κύων); ибо этими словами древніе греки означали созвѣздія и животныхъ земныхъ и морскихъ [2]). Подъ Γρῖφος λογικός, судя по приведеннымъ примѣрамъ, разумѣетъ Аѳиней, повидимому, загадку, требующую для своего рѣшенія сообразительности. Онъ назвалъ этотъ родъ грифа, какъ

---

[1]) Ср. ниже про *время* загадалъ Пселлъ ѕд. № 51.

[2]) Athen. X. cap. 78. См. толкованія на это мѣсто разныхъ ученыхъ въ V томѣ Примѣчаній (animadversiones) Швейхгейзера стр. 563—565. Хотя Аѳиней выражается въ единственномъ числѣ ἀρχαιότατος δ' ἐστὶ λογικὸς γρῖφος καὶ τῆς τοῦ γριφεύειν φύσεως οἰκειότατος, но такъ какъ первый грифъ, къ которому относятся эти слова, соединенъ со вторымъ союзомъ καὶ, второй съ третьимъ тоже союзомъ καὶ, то я отношу его свѣдѣнія ко всѣмъ тремъ.

мы видѣли, очень древнимъ=ἀρχαιότατος. Какую ступень древности разумѣетъ Аѳиней—не видно: приблизительно лишь можно догадываться, что третій изъ нихъ былъ уже древнимъ при жизни Аристофана. Войдемъ въ разсмотрѣніе этого вопроса. Въ комедіи „Осы" Аристофанъ рисуетъ такую сцену. Ксанѳія увидалъ во снѣ, что орелъ унесъ въ небо щитъ (или змѣя: игра словъ въ двойномъ смыслѣ ἀσπίς?), а потомъ этотъ щитъ сбросилъ на землю Клеонимъ. Другое дѣйствующее лицо, Сосія, поясняетъ: „Значитъ Клеонимъ ничѣмъ не отличается отъ грифа? какъ это такъ?! неужели кто нибудь, обращаясь къ симпосіотамъ, скажетъ: одно и то же животное бросило щитъ на землѣ, на небѣ и на морѣ?". Когда видѣвшій зловѣщій сонъ выражаетъ тревогу, пріятель его успокоиваетъ: „не тревожься, говоритъ, ничего не выйдетъ ужаснаго, клянусь богами" [1]). Но первый не можетъ успокоиться и произноситъ такое гражданское слово: Вотъ что ужасно! человѣкъ, бросившій оружіе!!" Мы уже знакомы съ тою загадкой, на которую намекаетъ, лишь вскользь и небрежно, великій комикъ: его намекъ самою своей неточностью и неполнотою наводитъ на убѣжденіе, что она въ его время была слушателямъ вполнѣ извѣстна и ясна; скажемъ больше: въ слушателяхъ уже сидѣла ея разгадка. „Осы" были даны въ первый разъ въ 422-мъ году до нашей эры; и тогда эта загадка была старая, всѣмъ извѣстная. Вторая изъ трехъ о времени—тоже названа очень древнею. Какъ бы то ни было, обѣ онѣ не обличаютъ такой древности, какую представляютъ загадки миѳическія: обѣ предполагаютъ настроеніе ума наблюдательнаго, умѣющаго сосредоточенно и отвлеченно мыслить; относятся, стало быть, приблизительно ко времени отъ исхода VII в. до начала V-го.

Къ числу древнихъ загадокъ, какъ мы постараемся доказать, принадлежитъ и загадка о евнухѣ: (16) „Мужчина не мужчина бросилъ камнемъ не камнемъ, въ птицу не птицу, что сидѣла на деревѣ не деревѣ". Опять отрицаніе того, что было прежде утверждено; цѣль этого отрицанія—затруднить отгадывающаго. Быть можетъ, сюда относится и то противорѣчіе, которое мы замѣтили въ загадкѣ Клеовула о годѣ. Въ вопросѣ о евнухѣ нужно было отгадать, что „евнухъ бросилъ пемзой въ летучую мышь, сидѣвшую на нарѳикѣ. Такія яв-

[1]) Οὐδὲν ἄρα γρίφου διαφέρει Κλεώνυμος. | Πῶς δή, προσερεῖ τις, τοῖσι συμπόταις, λέγων |, ὅτι ταυτὸν ἐν γῇ τ' ἀπέβαλεν κἀν οὐρανῷ | κἀν τῇ θαλάττῃ θηρίον τὴν ἀσπίδα; Aristoph. Σφῆκες, Vespae, v. 20—23.

ныя противорѣчія находимъ въ новогреческихъ энигмахъ о снѣгѣ: (17) „у меня есть простыня: все море покрываетъ, и моря (все же) не покрываетъ",—или о дымѣ: (18) „я знаю знамя, а это не знамя; одѣто по монашески, а не монахъ". Въ такомъ видѣ приведена эта шутка о евнухѣ Клеархомъ, жившимъ въ IV—III в. до нашей эры. Но она гораздо раньше Клеарха въ первой половинѣ IV ст. внесена была Платономъ въ его „Политію". Здѣсь въ концѣ кн. 5-й изображенъ Сократъ нападающимъ по своему обыкновенію на безпринципныхъ діалектиковъ. Ихъ противорѣчивыя одно другому положенія походятъ на представляющія два разныхъ смысла рѣчи сотрапезниковъ и на загадку ребятъ объ ударѣ, нанесенномъ евнухомъ летучей мыши: чѣмъ онъ ее ударилъ и на чемъ? Недоконченный, неполный видъ этой загадки у Платона, смѣшеніе имъ отгадки съ загадкой, приписаніе ея дѣтямъ, все это вмѣстѣ служитъ доказательствомъ ея общеизвѣстности во время Платона. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя задавались за попойкой, и ею ужъ овладѣли ребятишки. Въ ней нѣтъ простоты древнѣйшихъ миѳическихъ загадокъ, но она и не измышленіе комиковъ. Она постепенно дополнялась и выростала: первоначальная стихотворная форма ея неизвѣстна; находимая въ Платонѣ, какъ мы видѣли, неполна. Клеарховъ цитатъ, приведенный Аѳинеемъ въ означенномъ видѣ, нѣсколько полнѣе; но еще въ болѣе распространенномъ видѣ читаемъ эту загадку въ Евстаѳіи Ѳессалоническомъ, хотя онъ ее заимствуетъ изъ того же Клеарха: здѣсь находимъ прибавки; „увидавъ и не увидавъ" (о евнухѣ) „сидѣвшую и не сидѣвшую" (о птицѣ=летучей мыши). Комментаторъ Иліады объясняетъ двоякій смыслъ βάλοι: сперва это слово означаетъ ἀφήσοι, πέμψοι, ῥίψοι,—бросилъ (немзу); а потомъ въ οὐ βάλοι оно значитъ οὐχ εὐστοχήσοι, οὐχ ἐπιτύχοι—„не попалъ". Въ Палатинской Анѳологіи хотя и нѣтъ прибавки „сидѣвшую и не сидѣвшую", но за то въ заглавіи эпиграммы кто-то охарактеризовалъ евнуха, какъ „криваго" „одноглазаго" (στραβός ὤν), чѣмъ этотъ незванный дополнитель должно быть постарался выяснить противорѣчіе между „увидавъ и не увидавъ" [1]). Одноглазый этотъ вошелъ въ нѣмецкую загадку съ тѣмъ

[1]) Platonis res publica, ed *Baiterus*, ed. 4. Stuttg. 1874. См. кн. 5-ю въ концѣ. Аѳиней цитуетъ двояко: и по Платону и по Клеарху. Athen. X, cap. 76. (=Clearchus fr. 66 (по Аѳинею) въ Fragm. Hist. Graec. II, p. 322). Eustathius ad Iliad. Lips. 1827. T. II, p. 209 къ Θ., v. 282. Anthol. Gr. ed. *Jacobs*: II, 794. In append. № 107. Евстаѳій, приводя выписку изъ Клеарха, поясняетъ слово αἶνος, ἤγουν γρῖφος, εἰπεῖν δὲ σαφέστερον αἴνιγμα... (тамъ же).

же сюжетомъ: о главномъ лицѣ здѣсь сказано: „er konnte sehn, konnt auch nicht sehn", а въ разгадкѣ онъ названъ „ein einäugiger Verschnittner" [1]).

По поводу двухъ приведенныхъ здѣсь энигмовъ, изъ которыхъ однимъ мы обязаны Аристофану, а другимъ Платону, упомянуты были симпосіоты или сотрапезники. Они-то послѣ обѣда, за попойкой, рядомъ съ пѣснями, здравицами и разнородными шутками, задавали другъ другу и энигмы. Когда начались такія попойки, за которыми старинная простота замѣнена была остроумными выходками, опредѣлить едва ли есть какая-нибудь возможность. Вошедши въ постоянный обычай, застольные энигмы ужъ по этому самому не могли не сдѣлаться предметомъ обновившейся комедіи, все болѣе и болѣе отражавшей жизнь семейную и кружковую. Примѣры, приводимые Аѳинеемъ, большею частью заимствованы изъ авторовъ такъ-называемой средней комедіи, относятся поэтому къ IV в. до нашей эры, преимущественно ко второй его половинѣ. Комики этой эпохи энигмъ считаютъ одною изъ прикрасъ, оживляющихъ сцену; они самый энигмъ, такъ-сказать, ставятъ на сцену; даютъ одному и тому же— два разныя рѣшенія; не довольствуясь однимъ энигмомъ, они въ одной и той же сценѣ гонятся за другимъ, за третьимъ. Хотя они и гнутъ энигмъ въ свою сторону, обращая его въ орудіе обличенія; но даютъ ему и самому не послѣднее мѣсто и охорашиваютъ его тщательною обработкой. Приведемъ нѣсколько образчиковъ энигмовъ, заимствованныхъ Аѳинеемъ изъ комедій, которыя дошли до насъ въ случайно сохранившихся отрывкахъ.

Антифанъ, въ комедіи своей Сапфо, изображаетъ эту поэтессу задающею своему отцу такой вопросъ: (19) „Есть существо женское, хранящее за пазухой малютокъ: онѣ хоть и безголосыя, а пускаютъ громкіе крики и по морской пучинѣ и по всей сушѣ каждому изъ смертныхъ, кому только пожелаютъ; другимъ же, хоть бы они были и на лицо, ничего не слышно: ихъ ухо глухо!" [2]). На это дочь получила такой отвѣтъ: „Существо, которое ты называла—это городъ; малютки, которыхъ онъ питаетъ—это риторы. Они-то своими криками

---

[1]) У *Simrock'a*, въ Das deutsche Räthsel, 1850, см. загадку № 132. Разгадка на стр. 94, подъ № 132.

[2]) Этому мѣсту Антиѳана подражалъ въ средніе вѣка, какъ ниже увидимъ, Василій Мегаломитъ въ № 89 по Буассонаду; у насъ см. № 66. (См. *Boissonade*, Anecdota graeca 111, p. 450). Вошло переиначенное въ нѣмецкія загадки народныя. *Simrock*, D. deutsche Räthsel, № 133.

притягиваютъ сюда изъ-за моря доходы Азіатскіе и Θракійскіе. Подлѣ риторовъ, пользующихся этими доходами и вѣчно ругающихся, сидитъ димъ (=демосъ): онъ ничего не слышитъ, ничего не видитъ". *С.* Пустое говоришь, батюшка! какимъ образомъ риторъ можетъ быть безголосымъ? *От.* Если будетъ три раза уличенъ въ предложеніи противозаконныхъ законопроектовъ. *С.* Шутишь! *О.* Нѣтъ! право, я думалъ, что отгадалъ сказанное. Ну такъ, скажи же сама! *С.* Существо женское—это записка (=письмо); младенцы, которыхъ она въ себѣ содержитъ,—это письмена: они хотя и безголосыя, а разговариваютъ съ далекими, съ кѣмъ вздумаютъ; а другой, если ему случится и близко стоять къ читающему, не услышитъ" [1]). Двоякую разгадку находимъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда для говорящаго или записывающаго загадку утраченъ настоящій смыслъ послѣдней. Напримѣръ, надъ одной Пселловой загадкой надписано и годъ и время [2]). Подъ одной загадкой Діонисьевскаго сборника въ кодексѣ подписано пчела, а по вѣрному мнѣнію проф. Ламбра, это—воскъ [3]). Но у Антифана видимъ совсѣмъ не то; здѣсь изъ двухъ разгадокъ вторая только съ виду развѣ можетъ касаться настоящею; для публики она была такъ себѣ, казенною; настоящій же смыслъ, коренная мысль автора, кроется въ первой. Отвѣчавшій остается какъ будто въ дуракахъ; но онъ затронулъ злобу дня и публика сочувствуетъ ему, а не самой Сапфѳ; злая выходка противъ современныхъ демагоговъ — вотъ цѣль комика. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что формѣ загадки данъ гораздо большій просторъ, чѣмъ въ Осахъ Аристофана.

Тотъ же Антифанъ въ комедіи „Гастронъ" разглагольствуетъ слѣдующимъ образомъ: „Я прежде полагалъ, что люди, задающіе за выпивкой загадки (τοὺς κελεύοντας λέγειν γρίφους), просто врутъ и ничего толковаго не говорятъ. Когда бывало кто прикажетъ сейчасъ же сказать: (20) „что это такое, что неся не несешь", я смѣялся, считая это за вздоръ. Никогда не могъ я себѣ представить, чтобъ можно было вообще говорить о небылицѣ; навѣрно, думалъ я, такія слова сказаны для засады. А теперь вотъ я узналъ, что это правда:

[1]) Антиѳанъ, цитованный Аѳинеемъ X, гл. 73. Онъ выступалъ со своими комедіями въ 98 Олим.,=388—385 г. до нашей эры. Ср. ниже визант. загадку зд. № 66 и новогр. зд. № 107.

[2]) См. ниже № 51 (нашей нумераціи).

[3]) О Діонисьевскомъ сборникѣ см. ниже; упомянутая загадка помѣщена въ Δελτίον τ. ἱστορ. ...εταιρίας, Ἀθην. I, V, стр. 163, № 20.

вѣдь насъ десять человѣкъ несетъ складчину, а ни одинъ не несетъ самой подачки, теперь ясно: это и есть то, что кто нибудь неся не несетъ: сюда-то и мѣтила загадка! Ну это и простительно! А когда играютъ словами на дѣлѣ тѣ, которые не внесли деньги, какъ это ужасно... вотъ Филиппъ!... а посчастливилось ему, клянусь Зевсомъ!" [1]). Здѣсь опять и форма загадки выдержана сполна, и пущена она въ оборотъ въ видахъ обличенія противугражданскихъ проступковъ. Въ комедіи „Афродисій" [2]) тотъ же писатель засыпалъ слушателей градомъ энигмовъ, но на этотъ разъ безъ гражданской окраски. Нѣкто разсуждаетъ: „Когда я хочу назвать горшокъ, что жъ? такъ мнѣ и сказать: горшокъ, или же скажу: (21) земляной брюхастый сосудъ, сооруженный стремительностью колеса, обожженный подъ инымъ кровомъ матери [3]), сокрывающій въ себѣ удавленныхъ млекомъ вскормленныхъ, нѣжныхъ дѣтенышей новорожденнаго стада? *Б.* Убьешь меня, клянусь Иракломъ, если не скажешь совсѣмъ понятно: горшокъ съ мясомъ. *А.* Дѣльно говоришь. Или еще: (23) текущій сокъ блеющихъ козъ, смѣшанный со струями рыжей пчелы возсѣвшій на широкихъ носилкахъ чистой дѣвы, Діониной дщери, и переполненный несмѣтнымъ множествомъ тонкихъ слоеныхъ покрышекъ? Или скажу тебѣ прямо: пирогъ?—*Б.* Пирога хочу! *А.* Сказать ли: (24) испарина Вакхова ключа? *Б.* Скажи коротко: вино! *А.* (25) Росистая влага Нимфъ? *Б.* Брось! [4]) скажи просто: вода! *А.* (26) Пропитанное кассіей несущееся въ воздухѣ дыханіе? *Б.* Назови смирну и будетъ съ тебя. *А.* И ничего такого больше не говорить? *Б.* Больше ничего не надо: вѣдь только съ виду это—дѣло великое, какъ иные толкуютъ, само же по себѣ это — дѣло ничтожное, а вертитъ вокругъ себя много посторонняго". Противъ кого сдѣлалъ комикъ эту выходку? Не имѣлъ ли онъ въ виду какія нибудь тяжеловѣсные и вмѣстѣ притязательные энигмы, задаваемые иногда на пирушкахъ? или какое либо ложное направленіе современныхъ ему стилистовъ? за подобную, какъ намъ думается, выходку надо признать и слѣдующіе стихи Тимокла въ его комедіи „Герои": (27) „Когда была унесена кормилица жизни, непріятельница голода, хранитель-

---

[1]) Athen. X. 70.

[2]) Athen. X. 70.

[3]) Русскій горшокъ про себя говоритъ проще: (22) „Былъ я на копанцѣ, былъ я на топанцѣ, былъ я на кружалѣ, былъ я на пожарѣ, былъ я на базарѣ" и т. д. См. *Садовникова.* Загадки рус. народа, № 322-а и прим. издателя.

[4]) Παραλιπὼν ὕδωρ φάθι, стихъ 24. (Ath. X. c. 70).

ница дружбы, лекарка распущеннаго своеволія, трапеза. *Б*. Мудрено, клянуся небомъ, когда можно было сказать запросто: трапеза" [1]).

Въ комедіи „Сонъ" (Ὕπνος) представленъ такой разговоръ: (28) „Не смертный и не безсмертный, но какой-то смѣшаный, такъ что не живетъ ни такъ какъ люди, ни такъ какъ боги, но постоянно возрождается заново, и опять упраздняетъ свое присутствіе, никому не виденъ, а всѣмъ знакомъ. *Б*. Тебѣ, женщина, любо забавлять меня энигмами. *А*. Однакожъ я говорю вещи простыя и понятныя. *Б*. Какой же это мальчикъ имѣетъ такія свойства? *А*. Это сонъ, дѣвица, прекращающій человѣческія горести" [2]). Имѣла ли эта картинка какое нибудь особливое значеніе въ ходѣ комедіи „Сонъ", рѣшить нельзя, вслѣдствіе отрывочнаго состоянія дошедшаго до насъ текста. Одинъ изъ трагиковъ, Θеодектъ Фасиліецъ, ученикъ Исократа, очерчиваетъ такими словами (29) тѣнь: „Какой это предметъ, котораго члены ростутъ не такъ, какъ у произведеній земли-кормилицы и моря, и не такъ, какъ у смертныхъ людей: лишь только онъ посѣянъ и рожденъ,—онъ очень великъ, въ среднихъ лѣтахъ—малъ, а въ самой старости опять становится видомъ и величиной больше всѣхъ предметовъ". И объ этой загадкѣ тоже неизвѣстно—къ чему она была сказана и каково ея значеніе въ пьесѣ Θеодекта. Объ этомъ писателѣ есть свѣдѣніе, что онъ „былъ мастеръ и отгадывать предлагаемые грифы и самъ предлагать таковые на разрѣшеніе". Замѣчательно, что тѣми же чертами, хотя и попроще, описываетъ тѣнь тихвинецъ, когда говоритъ: (30) „По утру въ сажень, въ полдень съ пядень, а ввечеру черезъ поле хватаетъ" [3]). Сближеніе Θеодектовой загадки съ Тихвинскою наводитъ на мысль, что Θеодектова не иное что, какъ обработка какой-либо древнѣйшей греческой, и по формѣ и по предмету походившей на указанную Тихвинскую.

Приведенные Аѳинеемъ образчики, какъ мы уже сказали, взяты большею частью изъ комедій средней, переходной, эпохи. Надо по-

---

[1]) Athen. X, cap. 83.

[2]) Athen. X. cap. 71. Швейххейзеръ замѣчаетъ въ комментаріи на это мѣсто (Animadv. in Athen. Deipn. T. V, ad L. X. c. 71, p. 537), что Аѳиней приписываетъ комедію „Сонъ"—въ одномъ мѣстѣ Антиѳану (Ath. XV, p. 671 d.), а въ другомъ двояко: Алексиду или Антиѳану (Athen. XIII, p. 572 b.) (cp. Fabr. B. G. II, p. 409 и 418). Въ Anthol. *Br.-Jac.* T. IV, p. 288, № 9 помѣщенъ не весь отрывокъ, а только самый энигмъ.

[3]) Отзывъ о Θеодектѣ принадлежитъ Эрмиппу, цитированному Аѳинеемъ. Athen. X. cap. 75. Тихвинская загадка взята изъ *Садовникова*, Загадки русскаго народа, № 1890.

лагать, что эти комики не повторяли готовыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, избитыхъ загадокъ, обыкновенно задаваемыхъ на пирушкахъ: иначе предлагаемыя тутъ же на сценѣ разгадки, будучи тоже всѣмъ знакомы, были бы лишены главнаго своего интереса—интереса неожиданности. Но если комики, какъ и естественно предполагать, сочиняли свои собственныя загадки, то по всей вѣроятности они все же держались манеры застольныхъ. Поэтому можно допустить, что загадки, сообщенныя Аѳинеемъ изъ комиковъ, даютъ довольно вѣрное понятіе о произносимыхъ на попойкахъ, съ тою только разницей, что первыя получали бо́льшую обработку. Это объясненіе считали мы необходимымъ въ виду малоизвѣстности вторыхъ. Мы уже сказали, и ниже разъяснимъ, что большая часть приводимыхъ имъ подъ названіемъ γρῖφοι и αἰνίγματα застольныхъ задачекъ, не соотвѣтствуютъ понятію о загадкѣ.

Свѣдѣнія Аѳинея значительно пополняются 14-мъ отдѣломъ средневѣковаго сборника Константина Кефала́; этотъ сборникъ сохранился въ одномъ только спискѣ—codex Palatinus. Означенный 14-й отдѣлъ сборника Кефала̀ или Анѳологіи Палатинской носитъ такое заглавіе: „Ариѳметическія задачи, загадки, прорицанія" (=Προβλήματα ἀριθμητικά, αἰνίγματα, χρησμοί) [1]). Для нашего намѣренія нѣтъ надобности заниматься намъ задачами ариѳметическими (προβλήματα ἀριθμ.); онѣ хотя и облечены въ загадочную оболочку и стихотворную форму, хотя и могутъ быть рѣшаемы по догадкѣ, но подлежатъ разрѣшенію и путемъ научнаго метода. Напримѣръ, такая задача: „Я золотая кованая Паллада: это золото — даръ бодрыхъ поэтовъ: половину золота подарилъ Харисій, восьмую долю—Ѳеспидъ, десятую Солонъ, двадцатую Ѳемисонъ: остальные же девять талантовъ и художество— даръ Аристодика" [2]). Старинные ариѳметическіе задачники, какъ новогреческіе, такъ и западно-европейскіе и русскіе, полны такихъ задачъ, предлагаемыхъ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Устранимъ изъ означеннаго Сборника и такъ-называемыя прорицанія (χρησμοί), похожія на энигмы развѣ только по темнотѣ своей, но совершенно отличныя отъ послѣднихъ по своему смыслу и назначенію

---

[1]) См. Anthologia Graeca ad fidem codicis olim Palatini nunc Parisini ex apographo Gothano edita. Cur. *Fr. Jacobs*. Lips. 1814—1817. 14-й отдѣлъ помѣщается въ томѣ II, ст. 517—591.

[2]) Тамъ же въ т. II, отд. XIV, № 2, ст. 548. $^1/_2$ (= 20 талантамъ) + $^1/_8$ (= 5 т.) + $^1/_{10}$ (= 4 т.) + $^1/_{20}$ (= 2 т.) + 9 т. = 40 тал. (Начало: Παλλάς).

въ быту общественномъ [1]). За такимъ выдѣленіемъ ариѳметическихъ задачъ и прорицаній, мы останемся при однѣхъ загадкахъ. Между этими послѣдними въ Палатинской Анѳологіи есть такія, которыя дошли до насъ и другимъ путемъ, такъ какъ находятся въ разныхъ древнихъ писателяхъ: мы нѣкоторыми изъ нихъ уже и воспользовались. За исключеніемъ изъ Палатинской Анѳологія всего вышесказаннаго, остается въ ней нѣсколько десятковъ искомыхъ произведеній [2]). Объ этихъ-то нѣсколькихъ десяткахъ загадокъ мы сами себя спрашиваемъ: всѣ ли онѣ принадлежатъ древнимъ грекамъ? Такъ какъ Константинъ Кефалá въ другихъ отдѣлахъ своей Анѳологіи не только не избѣгалъ, но и завѣдомо подбиралъ эпиграммы христіанскаго періода, и такъ какъ и въ этомъ 14-мъ отдѣлѣ есть между предреченіями одно о царѣ Константинѣ, то въ этомъ же отдѣлѣ могутъ находиться и другія загадки такого поздняго времени. Не все тутъ значитъ древнее: но что же древнее?

Еще Буасонадъ, когда издавалъ сборникъ Пселловыхъ энигмъ, въ примѣчаніяхъ къ нимъ указалъ, что три изъ нихъ помѣщены въ Анѳологіи Палатинской: а именно Psell. № 4=Anth. Pal. № 5; Ps. № 5 (=Anth. P. № 58) и Psel. 6 (=Anth. P. № 35) [3]). Буасонадъ не сдѣлалъ однако изъ этого сопоставленія никакого вывода. Разберемъ первый изъ трехъ нумеровъ (№ 4 Ps.=Anth. P. № 5), а именно— четырестишіе о д ы м ѣ, поддающееся разбору [4]). О немъ Буасонадъ отмѣтилъ, какъ сказано, что онъ находится безъ имени автора въ Анѳологіи Палатинской, и сверхъ того сопоставилъ съ нимъ слѣдующій обрывокъ, заимствованный имъ изъ энигма Симфосія De fumo: „Sunt mihi, sunt lacrymae; sed non est causa doloris. Est iter ad coelum“... [5]). Для точнѣйшаго разсмотрѣнія вопроса выпишемъ сполна оба текста:

---

[1]) Слово αἰνίγματα въ византійскія времена иногда означало то же, что χρησμοί, то-есть предсказанія, прорицанія, какъ мы показали въ нашей рецензіи на Καταλογος аѳонскихъ рукопис. изд. *С. Ламбромъ* (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1889, іюль, отд. 2, см. стр. 149—50).

[2]) Отмѣтимъ, впрочемъ, что № 104 въ Палат. Анѳ. и не загадка, и не ариѳметическая задача, и не прорицаніе, а просто картинка изъ пастушеской жизни (Anthol. Pal. ed. *Jacobs*, III, 805).

[3]) *Boissonade* Anecdota Graeca, см. T. III, стр. 430, 431.

[4]) Остальные два, то-есть № 5. Ps. (=Anth. № 50) и № 6 Ps. (=Anth. № 35) также больше походятъ на древніе, чѣмъ на средневѣковые, но доказать этого мы не можемъ.

[5]) *Boissonade*, An. Gr. III, p. 430, notae 4 et 6.

(31) Εἰμὶ πατρὸς λευκοῖο μέλαν τέκος, ἄπτερος ὄρνις,
"Αχρι καὶ οὐρανίων ἱπτάμενος νεφέων·
Κούραις δ'ἁπτομένῃσιν ἀπενθέα δάκρυα τίκτω·
Εὐθὺ δέ γεννηθεὶς λύομαι εἰς ἀνέμους [1]).

(32) Sunt mihi, sunt lacrimae, sed non est causa doloris.
Est iter ad caelum, sed me gravis inpedit aër,
Et qui me genuit, sine me non nascitur ipse [2]).

Переводъ съ греческаго:

„Я яркаго отца черное дѣтище, птица безкрылая, долетающая до облакъ небесныхъ; въ прикасающихся (ко мнѣ) зрачкахъ (= дѣвушкахъ) произвожу безболѣзненныя слезы. Лишь только рожденъ, по вѣтру разнесенъ".

Переводъ съ латинскаго:

„Есть у меня, есть слезы, но боли не причиняютъ; есть путь къ небу, но меня задерживаетъ густой воздухъ; а кто меня породилъ, безъ меня тотъ самъ не родится".

Греческая и латинская эпиграммы не представляютъ тожественнаго текста; и въ мысляхъ и въ образахъ есть и сходство и несходство. Сходство однако на столько велико, что сама собой напрашивается догадка о подражаніи. Не смѣю утверждать, чтобы такому энциклопедисту, какъ Михаилъ Пселлъ, не могли быть извѣстны загадки Симфозія, латинскаго стихотворца позднѣйшей эпохи [3]). Но противъ мысли о подражаніи латинскому тексту протестуетъ порывъ одушевляющій эту греческую эпиграмму съ самаго ея приступа. Намъ думается, что эта греческая загадка — древняя; что ей подражалъ Симфозій слегка, по памяти [4]); въ сборникъ же Пселловыхъ попала она либо случайно по невниманію писцовъ, либо по особенному вниманію самого Пселла, пожелавшаго развлечь чужимъ до-

---

[1]) Id. ib. Θто καπνός.

[2]) Anthologia latina... pars prior, ed. *Al. Riese*, T. I. P. 1. Lips. (Teubner). 1869. См. между Symphosii Aenigmata, ст. 189, N. VII. Fumus.

[3]) Эпоха Симфозія достовѣрно не извѣстна: предположенія ученыхъ расходятся: отъ II — III в. до начала VI. (См. Teuffel, Gesch. d. Römischen Literatur, § 442, пр. 2 (2 изд.).

[4]) Насъ нисколько не убѣждаетъ признаніе самого Симфозія, будто онъ свои энигмы сънмпровизировалъ съ пьяныхъ глазъ — hos versus feci subito de carmine vocis.... и: da veniam, lector, si non sapit ebria Musa. Мы совершенно согласны съ Тейффелемъ: „Der Prolog von 17 Hexametern macht *den unglücklichen Versuch die Sammlung für das Erzeugniss heiterer Improvisation bei einem Saturnalienbelage auszugeben. Teuffel*, Röm. Lit., 2 изд., § 442.

бромъ своего тезоименитаго владыку. На сокращеніе же греческаго текста Симфозій могъ покуситься потому, что надо было все вмѣстить въ три стиха, чтобы не выходить изъ той мѣрки, которою онъ задался: вѣдь всѣ сто Симфозіевыхъ загадокъ содержатъ въ себѣ по три стиха каждая, ни больше, ни меньше [1]).

Сходство упомянутыхъ загадокъ, греческой и латинской, навело насъ на разысканіе, нѣтъ ли подобнаго этому сходства между греческими загадками Палатинской Анеологіи, съ одной стороны и Симфозіевою латинскою сотней съ другой. Мы сличали тожественные предметы, но въ загадкахъ на нихъ написанныхъ сходства не нашли. Указанныя Вуасонадомъ и нами разобранныя греческая и латинская на „дымъ"—есть единственная, представляющая сходство.

Изъ прочихъ загадокъ Анеологіи Палатинской мы здѣсь представимъ нѣсколько такихъ, которыя наиболѣе отзываются древностью.

(33) „Я знаю котлы (тазы) не умѣющіе безмолвствовать; они заставляютъ мѣдь стройно звучать, такъ что первый передаетъ звукъ второму, третій четвертому. Когда же двигатель тихъ и бездыханенъ, то и котелъ безгласенъ: онъ съ природы не говорливъ. А такихъ котловъ природа широко-вѣщательная: впрочемъ случись въ ней умъ, она становится краснорѣчивѣе: и молчитъ, и говоритъ лишь тогда, когда должно". Отгадка: Додонское прорицалище [2]). Эта загадка основана на поговоркѣ; болтуновъ сравнивали съ τὸ ἐν Δωδώνῃ χαλκεῖον. Что поговорка предшествовала загадкѣ объ этомъ можно утвердительно сказать, имѣя въ виду большую распространенность въ древнія времена этой поговорки, и малоизвѣстность приведенной загадки. При этомъ превращеніи проза обратилась въ стихи. Подобный примѣръ находимъ на Руси: прозаическая поговорка „чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть некуда", обратились въ стихотворную загадку: (34) „Чудо... чудомъ: сошлось кругомъ; дыръ много, а выскочить некуда" [3]).

---

[1]) Symphosii Aenigmata помѣщены въ Anthol. Lat. Riese I, I. 187—207. Библіографію о Симфозіи см. у *Bernhardy*, Grundriss d. Röm. Literatur I, 3, изд. II, пр. 437.—Gesch. d. Röm. Lit., *Teuffel*, 2 изд., § 442.

[2]) Anthol. Gr. Jac. T. II, 14, p. 550, № 10 (нач. Λέβητας) и III p. 795—796.—Ср. Anth. Gr. *Brunck-Jac.* T. IV, p. 292, № 25 и Animadv. v. III, p. 2, № 25, p. 358. — Мы ссылаемся и на болѣе давнее изданіе *Брунка-Якобса* потому, что въ немъ болѣе подробныя объясненія.

[3]) *Садовниковъ*, Загадки русск. нар., см. № 366 и прим. къ нему. Подобно этому загадка и поговорка въ связи—№ 1426 и прим.

(35) „Видалъ я нѣкогда звѣря, опрокинутаго и прямо бѣгущаго чрезъ порубленное желѣзомъ вещество, но ногами къ землѣ не прикасающагося". Это пила [1]).

Εἶδον ἐγώ ποτε θῆρα δι' ὕλης τμητοσιδήρου
ὕπτιον ὀρθὰ τρέχοντα, ποσὶν δ' οὐχ ἥπτετο γαίης.

(36) „Я прежде бываю русымъ: когдажъ меня отрѣжутъ, становлюсь бѣлѣе серебристаго снѣга. Я услаждаюсь прѣсной, наполненной рыбами(?) (ἰχθυόεντι λοετρῷ ванной) приходя первый въ собраніе пирующихъ". Про ленъ и сотканный изъ него ручникъ [2]) (εἰς λινοῦν χειρόμακτρον).

(37) „Я подруга Паллады, рождаю безчисленное множество дѣтей, которыхъ мужчины разбиваютъ о камни. Отъ ихъ погибели Пилиду (=ночнику)—свѣтъ; людямъ—исцѣленіе, на агонахъ укрѣпленіе". Разумѣется ἐλαία, масличное дерево и плодъ его, маслина. Это дерево посвящено было Аѳинѣ-Палладѣ. Изъ маслинъ жерновами выжимали масло для ночниковъ. Πηλείδης собственно значитъ сынъ Пилея, то-есть Ахиллей: такъ названъ здѣсь въ шутку ночникъ, лампочка, которую дѣлали изъ глины=πηλός [3]).

(38) „Я именуюсь по моей матери, но я слаще родившей меня: она длинная, а я крохотный; ея нельзя ѣсть, кромѣ головы; меня же всего можно съѣсть, кромѣ кишекъ". Это финикъ, εἰς φοινίκων βάλανον [4]).

(39) „Одинъ вѣтеръ, два судна; десять матросовъ гребутъ, и

---

[1]) Anth. Gr. *Jac.* Тамъ же, № 19 и толкованіе III, p. 197. Начало: εἶδον. Ср. Anth. Gr. Br.-Jac. Animadv. v. III, p. 2, № 27, p. 359—360.

[2]) Anth. Gr. *Jac.* II, отд. 14, № 26 и III, p. 797. Начало: Ξανθή. Ср. Anth. Gr. *Br.-Jac.* Anim. v. III, p. 2, № 2, p. 343. Якобсъ объясняетъ (въ Anim. къ изд. Br.-Jac.): „Quum convivae discubuerant, aqua iis porrigebatur et χειρόμακτρα sive *mantilia* (примѣры изъ Вергилія)... Hinc apparet, cur se primum in convivarum chorum venire dicat *mantile*".—Но онъ не объясняетъ, почему ванна „наполнена рыбами": я полагаю, что это несвоевременный остатокъ стариннаго употребленія такъ-называемыхъ epitheta perpetua или ornantia.

[3]) Anth. Gr. *Jac.* II, отд. 14, № 37 и III, p. 798—799. Начало: Παλλάδος. Ср. Anth. Gr. *Br.-Jac.* въ Anim. v. III, p. 2, № 37, p. 364. И авторъ Батрахоміомахіи главнаго героя между лягушками назвалъ по отчеству Пилидомъ (см. стихъ 19).

[4]) Anth. Gr. Jac. II, отд. 14, № 57 и прим. III, p. 801. — Начало: Οὔνομα. Ср. Anth. Gr. *Br.-Jac.* III (см. Animadv.) p. 356, № 20.

обоими судами правитъ одинъ рулевой". Описана игра на свирѣли, парной, десятью пальцами" [1]).

Здѣсь кончаемъ наши выписки изъ Палатинской Анѳологіи.

Изъ разныхъ источниковъ приведемъ еще три выдержки.

Казобонъ приводитъ слѣдующую загадку, которую называетъ древнею: (40) „Всѣмъ тѣломъ—брюхо; всюду высматривающій глазъ; зубами ползущій звѣрь". О паразитѣ-обжорѣ.

Γαστὴρ ὅλον τὸ σῶμα, πανταχῆ βλέπων
ὀφθαλμός, ἕρπον τοῖς ὀδοῦσι θηρίον [2]).

На эрмѣ, носящемъ имя Алкивіада, найденномъ на Целійской горѣ въ Римѣ, съ боку такая надпись:

(41) „У меня есть два брата одноименные, одинакіе, которые, покамѣсть живы, — солнца не видятъ, а когда помрутъ, тогда между собою сражаются". Она пополняется изъ Трифона слѣдующимъ образомъ: послѣ словъ „когда помрутъ", сказано: „и въ мужскія руки попадутъ, тогда и солнце видятъ и между собою сражаются" [3]).

Трифонъ прибавляетъ: „я думаю, это сказано о лодыжкахъ (=игральныхъ костяхъ = περὶ ἀστραγάλων) [4]).

Εἰσίν μοι δύο κασίγνητοι, δύ' ὅμοιοι,
ὄφρα μὲν οὖν ζώωσι, τὸν ἥλιον οὐχ ἐσορῶσι,
αὐτὰρ ἐπεὶ κε θάνωσι καὶ ἀνδρῶν χεῖρας ἵκωνται,
ἠέλιόν τ' ἐσορῶσι καὶ ἀλλήλοισι μάχονται.

И какъ кстати, замѣтимъ, приложена эта надпись-загадка къ Алкивіаду, игравшему судьбой своего отечества, какъ играютъ въ кости.

---

[1]) Anth. Gr. Tac. II, отд. 14, № 14 и прим. III, p. 796.—Начало: Εἷς ἄνεμος. Anth. Gr. *Br.-Jac.* Anim. III, p. 349, № 12.

[2]) *Casaubonus*, in Animadvers. in Athenaeum l. X. cap. 83. Въ Athen. ed. Schweigh. Animadv. T. V, p. 590. Казобонъ не говоритъ, откуда онъ заимствовалъ это двустишіе.

[3]) Фридрейхъ приводитъ одну ту надпись, что на камнѣ, ссылаясь на Visconti Museo Pio-Clementino. T. VI, p. 46. Tab. 31 (*Friedreich*, Geschichte des Räthsels, 1860), стр. 46. Двояко приводитъ Kaibel, Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta. Berol. 1878, стр. 505, № 1120, ссылаясь на C. J., 6022 и на Tryphonis περὶ τρόπων ap. Spengel Rhet. Gr. III, 194.

[4]) Виламовицъ, доставившій Кайбелю выписку изъ Трифона, поясняетъ: „*tali* dum in ossibus vivunt, solem non vident; ubi interfecto cuius sunt animali tamquam et ipsi mortui in hominum perveniunt manus, tum vident solem et pugnas inter se committunt *tali* re vera facti". — Кайбель тамъ же. Мы привели здѣсь сводный греч. текстъ по Кайбелю.

Теперь пора упомянуть объ одной загадкѣ, находящейся въ сборникѣ средневѣковыхъ загадокъ Евстаѳьево-Оловоловомъ, который относится, какъ мы ниже покажемъ, ко второй половинѣ X-го вѣка, и изданъ въ первый разъ Хильбергомъ [1]). Мы приведемъ сперва слова подлинника:

(42) ὁ τάφος οὗτος ἐντὸς οὐκ ἔχει νέκυν,
ὁ νεκρὸς οὗτος ἐκτὸς οὐκ ἔχει τάφον,
ἀλλ' αὐτὸς αὐτοῦ νεκρός ἐστι καὶ τάφος.

„Этотъ гробъ внутри мертвеца не имѣетъ; этотъ мертвецъ снаружи гроба не имѣетъ; но самъ себѣ и гробъ и мертвецъ".

Съ приведенными греческими стихами издатель ихъ сопоставилъ Ausonii epitaphium XXIX (de Nioba):

(43) „Habet sepulcrum non id intus mortuum,
habet nec ipse hic mortuus bustum super,
sibi sed est ipse hic sepulcrum et mortuus" [2]).

Самъ Хильбергъ, сопоставившій греческіе стихи съ латинскими никакого заключенія по этому поводу не дѣлаетъ. Но при такомъ совпаденіи текстовъ необходимо допустить, что одинъ изъ нихъ подлинный, а другой переводный. Ктожъ изъ кого перевелъ? Мудреновато, чтобы Евстаѳій сталъ переводить изъ Авзонія, а если бы онъ это и сдѣлалъ, то, судя по другимъ его стихотвореніямъ, распространилъ бы и разукрасилъ бы латинскій текстъ. Сверхъ того, это единственная во всемъ сборникѣ Евстаѳія загадка безъ урѣзки буквъ. 11-я тоже безъ урѣзокъ, но за то считаетъ буквы за числа; а этой прикрасы въ разбираемой нѣтъ. Съ другой стороны обратное подражаніе невозможно. Поэтому мы приходимъ къ мысли, что передъ нами до-византійская греческая эпиграмма о Ніовѣ, которую въ свое время Авзоній могъ перевесть по латыни и помѣстить между надгробіями; а затѣмъ Евстаѳій, отыскавъ ее въ старой греческой рукописи, могъ выставить на разгадку своему пріятелю.

Нѣкоторое значеніе мы придаемъ и тому, что Оловолъ, кромѣ эпитета φιλαινίγμων=любитель энигмовъ, называетъ Евстаѳія αἰνιγμα-

---

[1]) Ευσταθιου του Μακρεμβολιτου αινιγματα въ концѣ романа: Ευσταθιου... του Μακρ. των καθ' Υσμινην και Υσμινιαν λογοι ΙΑ'. Rec. *J. Hilberg*. Vindob. 1876.— Этотъ сборникъ загадокъ изданъ по codex Marcianus 531 (saec. XV) fol. 125b — 128a.

[2]) Ibid., см. № 8, стр. 209 и прим. къ стр. 216.

τολέκτα=собирателемъ энигмовъ [1]). Если онъ и самъ ихъ сочинялъ и чужіе собиралъ, то легко могъ чужой забраться въ сочиненные самимъ Евстаѳіемъ. Однако намъ могутъ возразить, что Авзоній имѣлъ въ виду Ніову, а Оловолъ узналъ въ стихахъ Евстаѳія жену Лота; но одно другаго не исключаетъ: каждое время придумало свое особое рѣшеніе. Такъ въ XV вѣкѣ Ангелъ Поліціанъ, очевидно передѣлавшій вышеприведенный энигмъ Авзонія, имѣлъ въ виду Ніову, когда написалъ:

(44) „Hoc est sepulcrum, inter cadaver non habens,
hoc est cadaver, et sepulcrum non habens,
sed est idem cadaver, et sepulcrum idem".

А въ XVI ст. Лаутербахъ составилъ, также по латыни, изъ одной загадки двѣ: одну о женѣ Лота, другую о Ніовѣ, а Гадамарій опять пишетъ только одну: о женѣ Лота [2]).

Къ какой эпохѣ могъ принадлежать энигмъ, попавшій въ сборникъ средневѣковыхъ энигмовъ Евстаѳія — къ Македонской или къ Римской, мы рѣшить не въ состояніи; но во всякомъ случаѣ написанъ онъ былъ по гречески раньше Авзонія, стало быть раньше IV вѣка по Р. Х. Извѣстно, что Авзоній занимался переводомъ греческихъ эпиграммъ [3]).

Теперь разсмотримъ нѣкоторыя недоразумѣнія, возникавшія и въ древнія и въ новыя времена, быть можетъ, вслѣдствіе неодинакого пониманія слова: энигмъ. Сюда относится, по нашему мнѣнію, утвержденіе Теодора Берка о томъ, что омировская поэзія иногда напоминаетъ манеру поэзіи загадокъ. По этому предмету Беркъ ссылается на два мѣста изъ Иліады и на два изъ Одиссеи [4]); къ сожалѣнію, однако, онъ только ссылается на нихъ, но ихъ не разбираетъ. Для повѣрки его взгляда мы сообщимъ содержаніе двухъ изъ этихъ мѣстъ. Аѳина и Ира (Гера) досадуютъ на Дія за то, что онъ попускаетъ

[1]) См. Εὐσταθίου..... ed Hilberg, Сборника λύσις къ № 1, стихъ 1 и λύσις къ № 4, стихъ 2.

[2]) Тексты Поліціана и Лаутербаха см. у *Фридрейха* Geschichte d. Räths. первый на стр. 208, второй на 45. — Ср. тамъ же, стр. 206, № 6, о женѣ Лота лат. изъ Hadamarius (XVI ст.). Ср. русскія: „кто умеръ да не истлѣлъ" о Лотовой женѣ и пр. *Садовниковъ*, Заг. русск. нар., №№ 2181—2184. *Simrock*, D. deutsche Räthsel, сходная нѣм. народная о женѣ Лотовой, № 201.

[3]) См. статью Ausonius въ *Pauly*, Real. Encycl., I, стр. 1024 (изд. 1837) и *Teuffel*, Geschichte der Römischen Literatur—2 Aufl. 3 Lief., стр. 950.

[4]) *Theodor Bergk*, Griechische Literaturgeschichte, Berlin, 1872. I, 354, гдѣ онъ ссылается на Il. II, 125 и сл.; VIII, 362 и сл.; Odyss. X, 82; XII, 127.

Ахилла истреблять троянцевъ. Знала бы, что такъ будетъ, сердится Аѳина, не стала бы помогать его сыну при исполненіи имъ Эврисѳеева приказа—добыть изъ Аида страшнаго пса [1]). Спрашиваемъ: въ чемъ можно тутъ видѣть манеру поэзіи загадокъ? Неужели упоминаніе Иракла и Кервера, безъ произнесенія ихъ именъ, могло хоть на одно мгновеніе затруднить слушателей или читателей древнѣйшаго эпоса—вполнѣ понять приведенный текстъ? Нисколько. Что Ираклѣ изображенъ какъ сынъ того, противъ кого разгнѣвалась Аѳина—это нужно было не для того, чтобъ придать разказу загадочную окраску, а для того, чтобъ увеличить силу сдѣланнаго ею Дію укора, что онъ къ ней неблагодаренъ. А Керверу, тѣмъ что дала кличку страшнаго пса, оказала она полное презрѣніе. Вся обстановка миѳа здѣсь на лицо, миѳа притомъ всѣмъ извѣстнаго: такъ что ничего не остается неяснаго или загадочнаго. Ссылка на Одиссею тоже не подкрѣпляетъ положенія Берка. „Прибыли въ Тилепилъ Лестригонскій, гдѣ пастухъ пастуха опрошаетъ, вгоняя (стадо въ станъ), а тотъ, выгоняя, держитъ отвѣтъ; гдѣ безсонный (=бодрый) мужчина получаетъ двойную плату, одну за пасеніе коровъ, другую за пасеніе бѣлыхъ барановъ: вѣдь близки одинъ къ другому путь ночи и путь дня [2])". Отъ такого разказа современники эпоса, разумѣется, не становились втупикъ. Что это прибылъ Одиссей съ товарищами, видно изо всего разказа. Разговоръ пастуховъ, двойная плата за двойной трудъ, пути дня и ночи — все названо по имени, все просто и ясно, никакого вопроса нѣтъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда Ѳеодектъ, жившій въ IV вѣкѣ до нашей эры, предложилъ, не называя предметовъ, такой вопросъ: „Есть двѣ сестры, изъ которыхъ одна рождаетъ другую, а сама, породивши ту, ею рождается" [3]). Вотъ это такъ загадка! Напротивъ, разобранныя нами два мѣста изъ омировыхъ эпопей, вопреки мнѣнію почтеннаго ученаго, не напоминаютъ манеры поэзіи загадокъ [4]).

---

[1]) Il. VIII, 362 и сл.

[2]) Odyss. X, 82—86. Вотъ изъ того, что близки между собою путь дня и путь ночи и возникло русское слово: *сутки*—день и ночь *су-тыкаются*, сходятся. Это объясненіе я слышалъ отъ знатока и его держусь.

[3]) Ѳеодектъ въ трагедіи — Идипъ. Athen. X, стр. 75. См. вышеприведенную загадку его про *тѣнь*.

[4]) Тоже можно сказать и о другихъ стихахъ, на которые ссылается Беркъ а именно Il. II, 123—130 (о числѣ виночерпцевъ) и Odys. XII, 127—131 (о числѣ коровъ и пр.).

Тотъ же Беркъ пишетъ, что „у Исіода находятся явные слѣды этого (то-есть символическаго) оборота, вполнѣ напоминающаго поэзію загадокъ: и здѣсь также поэтъ тщательно сохранилъ форму народнаго преданія“ [1]). Что же приведено имъ въ подтвержденіе? Стихи изъ Трудовъ и Дней: „не отстригать на рукѣ блестящимъ желѣзомъ сухаго отъ мягкаго на цвѣтущемъ пиру боговъ“.

μηδ' ἀπὸ πεντόζοιο θεῶν ἐνὶ δαιτὶ θαλείῃ
αὖον ἀπὸ χλωροῦ τάμνειν αἴθωνι σιδήρῳ.

Относительно ὀбразности и народности оборота при выраженіи означеннаго правила—съ мнѣніемъ филолога нельзя не согласиться, но что тутъ напоминающаго поэзію загадокъ? Все названо своимъ именемъ, но ὀбразно. Для „руки“ у поэта употреблено слово πέντοζον=„пятивѣтвіе“, въ высшей степени древнее и наглядное; но оно не могло быть темно для народа, получившаго этотъ обычай или правило отъ своихъ отцовъ.

„Конечно, для людей позднѣйшаго времени, разсуждаетъ тотъ же ученый, которымъ эта естественная поэзія стала чужда, такое выраженіе легко становится темнымъ и многосмысленнымъ (dunkel und vieldeutig [2])“. И съ этимъ нельзя не согласиться: но это судьба всякой поэзіи, всякаго выраженія человѣческой мысли, даже научнаго изложенія: все становится со временемъ предметомъ труднаго изученія; но это происходитъ не отъ того непремѣнно, что оно когда-то было загадочно. Вотъ другой ученый, Хартунгъ, видитъ энигмъ въ слѣдующемъ отрывкѣ Θеогнида: „Я статная скаковая кобылица; но ѣздокъ на мнѣ самый негодный. Сколько разъ я задумывала—разорвать удила, сбросить съ себя негоднаго ѣздока и отъ него ускакать“. Что означаетъ это четырестишіе? „Я думаю, пишетъ Хартунгъ, что тутъ подразумѣвается не дѣвушка съ недостойнымъ любовникомъ, какъ думали другіе, но городъ съ тиранномъ“. Мы позволимъ себѣ замѣтить мимоходомъ, что еслибы подразумѣвался городъ, то поэтъ не могъ бы начертать картины убѣгающей отъ всадника кобылицы. Спросимъ: отъ чего происходитъ упомянутая разность объясненій? Отъ того, полагаемъ, что слывущій подъ именемъ Θеогнида сбор-

---

[1]) *Th. Bergk*, Gr. Liter. I 356 и пр. 138, гдѣ выписанъ греческій текстъ приведенныхъ нами стиховъ изъ Ἔργα καὶ Ἡμέραι, какъ 792-й (по Hesiodi quae feruntur.... *Schoemann*, 1869, это стихи: v. 743—744)—*Flach*, Die Hesiodischen Gedichte, Berl. 1874. Стр. 742—743.

[2]) На той же страницѣ у *Берка*.

никъ въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ, не больше какъ выдержки изъ этого поэта; что упомянутое четырестишіе сохранилось одинокимъ, внѣ той связи съ предыдущими и послѣдующими стихами, которая была у поэта; и что эта отторженность четырестишія отъ цѣлаго затрудняетъ пониманіе его иносказанія. Да! это иносказаніе, аллегорія, а не энигмъ. Вотъ и двустишіе Ѳеогнида о раковинѣ, не названной по своему имени, еще въ древности было отнесено къ загадкамъ однимъ изъ свѣдущихъ греческихъ грамматиковъ римской эпохи, Аѳинеемъ. „Теперь меня призываетъ домой морской мертвецъ, послѣ своей смерти говорящій живыми устами" [1]).

Ἤδη γάρ με κέκληκε θαλάσσιος οἴκαδε νεκρός,
τεθνηκὼς ζωῷ φθεγγόμενος στόματι.

Въ какой связи съ другими находились эти два стиха—неизвѣстно, но ужъ конечно не имѣли они значенія предложеннаго на разрѣшеніе энигма. Если Аѳинею, жившему больше семи вѣковъ позже Ѳеогнида, извѣстно было, что подъ „морскимъ мертвецомъ" разумѣется тутъ „раковина" (κόχλος), то тѣмъ болѣе это было извѣстно современникамъ Ѳеогнида. По представленіямъ древнихъ Эллиновъ, трубою первоначально служила раковина (κόχλος) [2]): въ произведеніяхъ ихъ поэзіи и искусства часто являются тритоны, трубящіе въ раковины. Почему это двустишіе Аѳиней помѣстилъ между грифами? это ужъ совсѣмъ другой вопросъ. На это можно дать два объясненія. Во-первыхъ, такое двустишіе и другіе ему подобные стихи могли быть задаваемы на разрѣшеніе собесѣдникамъ за попойкой, какъ нѣчто трудное для разрѣшенія (γριφῶδες),—въ послѣдующія времена, когда родная старина стала достояніемъ книжниковъ и диллетантовъ. Во-вторыхъ у Аѳинея слова αἴνιγμα и γρῖφος имѣютъ, какъ мы видѣли, гораздо обширнѣйшее значеніе, чѣмъ у Аристофана въ приведенномъ выше мѣстѣ и чѣмъ русское слово загадка. Образованные греки македонскаго и римскаго періода могли другъ другу задавать, какъ загадку или задачу, и одну эпиграмму Симонида Кейскаго, которая въ ихъ время считалась головоломною. Дѣло въ томъ, что Симонидъ, обучая хоры, объявилъ своимъ ученикамъ, что кто изъ нихъ

---

[1]) Athenaeus X, cap. 85. Anthologia lyrica, ed. *Bergk*, p. 75, Theognis, v. 1229—1230. *Hartung*, Die Griech. Elegiker, I, p. 244. Theognis v. 1229—1230.

[2]) Hesychii Alex. lexicon, ed. min. M. Schmidt: „κόχλος· τοῖς θαλαττίοις ἐχρῶντο πρὸ τῆς τῶν σαλπίγγων εὑρέσεως". Theocriti Idyllia, rec. Fritzschii, ed. alt., 1870: „καὶ κόχλον ἑλὼν μυκήσατο κοῖλον". См. Ид. XXII. стихъ 75.

опоздаетъ прійдти въ урочный часъ въ хоригію, тотъ обязанъ задать мѣрку ячменя ослу, на которомъ возили въ хоригію ключевую воду. Симониду вспомнились слѣдующія слова Стисихора о водоносѣ, по имени Эпій, таскавшемъ ахейцамъ воду во время Троянской войны: „Дщерь Дія, пѣлъ Стисихоръ, сжалилась надъ Эпіемъ, вѣчно таскавшимъ на царей воду". На основаніи этого сказанія о водоносѣ Эпіи,—и осла, таскавшаго воду въ хоригію, прозвали Эпіемъ: ему-то, ослу Эпію, назначена была Симонидомъ вышеупомянутая награда, мѣрка ячменя. Отца Эпія, человѣка, звали Панопомъ; ну, и ослу Эпію дано было, въ шутку, тоже отчество. Прежде чѣмъ привести, хотя въ переводѣ, Симонидовъ стихотворный приказъ, необходимо пояснить, что Симонидъ хоровыя занятія называетъ „подвигомъ кузнечиковъ", извѣстныхъ пѣвуновъ, прославленныхъ Анакреономъ. Теперь будетъ всѣмъ понятно двустишіе Симонида; вотъ оно: „Велю тому, кто не хочетъ исполнять подвигъ кузнечиковъ, задать большой обѣдъ Эпію Панопычу" [1]).

Φημὶ τὸν οὐκ ἐθέλοντα φέρειν τέττιγος ἄεθλον
τῷ Πανοπηϊάδῃ δώσειν μέγα δεῖπνον Ἐπειῷ.

Читая это, люди нашего времени очутились бы какъ въ лѣсу, еслибы не комментарій Аѳинея, которымъ мы и воспользовались. Да и современникамъ Аѳинея двустишіе Симонида могло быть темновато; иначе онъ бы не высказалъ, что „эта эпиграмма затруднительна для незнакомыхъ съ исторіей" и не нашелъ бы нужнымъ ее комментировать. Но для пѣвцовъ Симонидовой хоровой школы она была простымъ приказомъ, выраженнымъ, правда, затѣйливо и забавно, но совершенно ясно [2]). Мы привели нѣсколько примѣровъ невѣрнаго, по нашему мнѣнію, толкованія

---

[1]) Athen. X. cap. 84. p. 456. См. въ Anth. lyr. Bergk, p. 355, № 175. — Приведенное въ этой же главѣ Аѳинеемъ четырестишіе Симонида Кейскаго дѣйствительно походитъ на энигмъ; и самъ Аѳиней (а можетъ быть Хамелеонъ, изъ котораго Аѳиней заимствовалъ) даетъ два объясненія (двустишіе это помѣщено и въ Anthol. Palat. *Jacobs*, 1814—1817. Въ Appendix, II, 785, № 81) и въ Anth. lyrica *Bergk*, p. 355, № 174 (Симонидовскихъ παιγνια). Начало Μιξονομου. Мы этого четырестишія не понимаемъ.

[2]) Беркъ утверждаетъ, что Симонидъ (Кейскій) держится при случаѣ темной и многосмысленной манеры (то-есть, загадочной), напримѣръ, въ своихъ παίγνια (шуточныхъ эпиграмахъ); онъ ссылается на № 172 (Griech. Lit. I, 356 и пр. 139; а παίγιον № 172 въ его же Anthol. lyrica, стр. 355)—Но что загадочнаго въ стихѣ: „Вѣдь вовсе не толстымъ онъ прибылъ сюда". Это эпиграмма въ новомъ ея значеніи, въ которой слово „толстый" можетъ быть и двусмысленно, но не загадочно.

поэтовъ: въ нихъ видятъ то, чего въ нихъ нѣтъ. Образный оборотъ, устарѣвшее слово, иносказаніе, намекъ на случившееся—все это можетъ носить загадочный характеръ, оказаться со временемъ загадочнымъ—не будучи загадкой.

Но вотъ задѣты и философы. Димитрій Византіецъ и за нимъ Аѳиней смотрятъ и на Пиѳагорейскія изреченія, какъ на загадки (τὰ Πυθαγόρου αἰνίγματα): и съ этимъ также нельзя согласиться. Выраженія: „по многолюднымъ улицамъ не ходить", въ смыслѣ „не послѣдовать воззрѣніямъ большинства"; или: „ножемъ огня не шевелить" въ смыслѣ: „не спорить съ человѣкомъ разсерженнымъ" и другія этимъ подобныя выраженія, не смотря на свою сжатую и иносказательную форму, приблизительно каждому понятны и безъ приложеннаго здѣсь объясненія, сохранившагося у перипатетика Димитрія Византійца [1]) и у другихъ. Нѣкто изъ древнихъ сказалъ, что въ Пиѳагоровскихъ символахъ и то, что повидимому высказано — скрывается, и то, что повидимому скрыто — понимается [2]). Діогенъ Лаэртскій, Плутархъ, Ямвлихъ, какъ извѣстно, Пиѳагоровскимъ изреченіямъ даютъ тоже названіе σύμβολα [3]). Весьма вѣрно, на этотъ разъ, выражается Ямвлихъ, когда пишетъ: „Пиѳагорово ученіе было своеобразно и символично; оно похоже на какіе-то энигмы и грифы по архаическому характеру рѣчи" [4]). Ἰδιότροπός γε μὴν καὶ συμβολικὴ ἦν ἡ σύμπασα Πυθαγόρειος ἀγωγὴ αἰνίγμασί τισι καὶ γρίφοις [ἔκ γε τῶν ἀποφθεγμάτων] ἐοικυῖα διὰ τὸ ἀρχαΐζειν τῷ χαρακτῆρι,... Такъ и въ наше время должно сказать, что Пиѳагорейскія изреченія хотя и имѣютъ загадочный характеръ, но они по существу не загадки, а могли казаться таковыми лицамъ, не принадлежащимъ ихъ общинѣ. Злой пересмѣшникъ Тимонъ

---

[1]) Димитрій Византіецъ, перипатетикъ, цитуемый Аѳинеемъ, приводитъ и эти выраженія и ихъ толкованіе, равно и другія апоѳегмы (Athen. X, cap. 77). Второе изъ нихъ и многія другія см. въ Diogenes Laertius, Vitae philosophorum. L. VIII, c. 1, § 17, 18 (Cobet, p. 208—9). Обѣ апоѳегмы и другія см. у Jamblichi, De Vita Pythogorica liber, rec. A. Nauck. Petropoli, 1884, cap. 23, § 105, p. 78, 1; cap. 32, § 227, p. 158, 8—9. Suidas s. v. Πυθαγόρας; но здѣсь изреченіе обратное: „ходить не иначе, какъ по многолюднымъ улицамъ".

[2]) См. Stobaei Florilegium V. 72.—Чье это опредѣленіе, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Діогенъ, тамъ же.—Plutarchi Moralia, ed. *Wyttenbach*, Oxonii, T. III, p. 1000, 1003 (въ статьѣ Quaestiones Convviales VIII, 7), по вопросу о пиѳагорейскихъ символахъ.

[4]) Подлинный текстъ у насъ приведенъ по изданію академика Наука (Jamblichi, V. P. ed Nauck, § 247, p. 172, l. 6—8).—Это изданіе далеко превосходитъ всѣ предыдущія.

называетъ и философа Ираклита „крикуномъ, ругателемъ народа, загадчикомъ“ (=αἰνικτής); но послѣднее слово αἰνικτής употреблено въ иперволическомъ смыслѣ, чтобъ ярче осудить этого философа за неясность его ученія, за которую онъ вообще былъ прозванъ темнымъ (ὁ σκοτεινός) [1]).

Что древніе греки съ тѣхъ поръ, какъ обратили они загадки въ средство къ послѣобѣденному развлеченію, очень сильно и долго были къ нимъ привязаны, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Публика ихъ любила; но какъ смотрѣли на нихъ писатели? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы представимъ нѣсколько свидѣтельствъ. Изъ приведенныхъ выше мѣстъ Аристофана и Платона можно было понять, что каждый изъ нихъ воспользовался готовымъ энигмомъ для того, чтобъ унизить, опозорить людей вредныхъ для общества, чтобъ обратить ихъ, какъ говорится, въ притчу во языцѣхъ. Высокую цѣну даетъ грифамъ Клеархъ (IV — III ст. до Р. Х.), хотя, какъ уже было сказано, онъ понимаетъ подъ ними нѣчто поплоше собственно загадки. „Разысканіе грифовъ, пишетъ Клеархъ, не чуждо философіи: древніе люди на нихъ высказывали свою образованность. Они за попойками дѣлали предложенія (προέβαλλον), не такія, какія дѣлаютъ люди нашего времени, другъ друга спрашивающіе, которая изъ любовныхъ связей пріятнѣе или которая рыба вкуснѣе.... или какую рыбу надо кушать предпочтительно послѣ созвѣздія Медвѣдицы, или послѣ Плеядъ, или послѣ Пса. Нынѣшніе люди по этому поводу назначаютъ побѣдителямъ въ награду поцѣлуи, достойные презрѣнія для человѣка съ свободнымъ чувствомъ, а побѣжденныхъ, въ наказаніе, присуждаютъ пить безпримѣсное вино, которое тѣ и пьютъ охотнѣе, чѣмъ здравицу.... Нѣтъ! древніе люди большею частью вотъ чѣмъ занимались: одинъ скажетъ стихъ эпическій или ямвическій; изъ прочихъ же собесѣдниковъ каждый произнесетъ слѣдующій за тѣмъ стихъ; одинъ приведетъ изреченіе изъ какого нибудь поэта, а другой какъ бы отвѣтитъ подходящимъ изреченіемъ изъ другаго поэта. Или еще: каждый пусть произнесетъ по одному ямвическому стиху; пусть назоветъ имя азіатскаго города, начинающееся съ такой-то буквы.... такъ что игра, не будучи необдуманною, становится признакомъ образованности каждаго. Наградой за это пола-

[1]) Timon № 29 въ Sillographorum graecorum reliquiae, rec. *C. Wachsmuth*, Lips. 1885, см. p. 135—137 и замѣтки издателя.

гался вѣнокъ и похвала, а это всего больше услаждаетъ дружбу" [1]). Вотъ свидѣтельство и взглядъ Клеарха. Пустая трата умственныхъ силъ, суетная страстишка гостей—пощеголять своей находчивостью и начитанностью поставлены имъ на какой-то пьедесталъ. Привести имя азіатскаго города, начинающееся съ заданной буквы—развѣ это остроумно? И что за обращеніе съ текстами поэтовъ, которыхъ древніе философы, бывшіе не чета Клеарху, признавали за учителей взрослыхъ мужей! Жаль, что Клеархъ не привелъ между застольными грифами, если судить по сохранившимся отрывкамъ, энигмовъ въ собственномъ значеніи этого слова. Противоположеніе же, имъ сдѣланное, грифовъ своего времени и грифовъ древнихъ людей, до крайности преувеличенное, не лишено правды, если вспомнить вторженіе въ простую жизнь эллиновъ азіатской роскоши и разнузданности со всѣми ихъ послѣдствіями вскорѣ по завоеваніи Александра Македонскаго.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ объ умственной дѣятельности, расточаемой за попойками, основатель такъ-называемой второй Академіи, Аркесилай (IV—III ст. до наш. эры). На роскошномъ пиру, заданномъ въ день рожденія Алкіонея, сына Антигонова, нѣкто предложилъ Аркесилаю какую-то умственную задачу (θεώρημα), прося его говорить на эту тему. Аркесилай, постоянно отказывавшійся отъ зачашечныхъ объясненій, сказалъ: „Вѣдь въ этомъ и есть особенность философіи — знать всему свое время" [2]). Судя по этому разсказу Діогена Лаэртскаго, надо думать, что предложеніе, сдѣланное Аркесилаю, было не въ родѣ тѣхъ, восхваленныхъ Клеархомъ, а скорѣе въ родѣ тѣхъ, которыя одобряетъ Плутархъ.

Обратимся къ послѣднему. Плутархъ въ своихъ Застольныхъ предложеніяхъ (Συμποσιακὰ προβλήματα) даетъ образчики тѣхъ бесѣдъ, какія онъ считаетъ самыми подходящими въ кружкѣ образованныхъ пріятелей. Такихъ предложеній въ упомянутомъ сочиненіи 140; тутъ же помѣщены и отвѣты, изъ которыхъ дошли до насъ безъ малаго всѣ [3]). Послѣ умѣреннаго удовлетворенія себя пищей и

---

[1]) Клеархъ въ Аѳинеѣ X, гл. 86. (= Fragm. Hist. Gr. T. II. p. 317 — 318. Didot. Clearchi Solensis fr. 45 изъ сочиненія Περὶ παροιμιῶν. Точками въ этой выпискѣ означилъ я сдѣланныя мною краткіе пропуски).

[2]) Diogenes Laertius, De Philos. Vit., ed. *Cobet*, Par. 1850. См. L. IV, c. VI, § 41—42, p. 103.—„παραιτούμενος ἑκάστοτε τὰς ἐπικυλικείους ἐξηγήσεις"...

[3]) Συμποσιακὰ προβλήματα въ Plutarchi Moralia, занимаютъ всю 2-ю часть тома III въ изд. *Wyttenbach'a*, Oxonii 1797.

питьемъ нужно, полагаетъ Плутархъ, обращаться къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя услаждаютъ душу, — къ разсужденіямъ, разказамъ, къ разысканію и слушанію предметовъ интересныхъ [1]). Когда такія бесѣды отойдутъ въ прошедшее, будетъ о чемъ помянуть съ пользой и удовольствіемъ, какъ и сдѣлали Ксенофонтъ и Платонъ, записавъ эти философскія бесѣды—на память и подражаніе потомству [2]). Въ отвѣтѣ на одно предложеніе разобранъ даже вопросъ о томъ, что̀ именно изъ поэзіи и музыки можетъ быть допущено, и что не должно. Даже люди необразованные и грубые, замѣчаетъ онъ, послѣ обѣда отводятъ свои мысли далеко отъ тѣлесныхъ удовольствій, предлагая энигмы и грифы и слова, прикрытыя числами (?) (αἰνίγματα καὶ γρίφους καὶ θέσεις ὀνομάτων ἐν ἀριθμοῖς ὑποσύμβολα (forte καὶ σύμβολα) προβάλλοντες)" [3]). Плутархъ, поучая своихъ современниковъ, какъ должна быть ведена послѣобѣденная бесѣда, дружелюбно, интересно, вѣжливо, не слишкомъ учено, но и не пусто, — предоставляетъ предложеніе энигмовъ, грифовъ и т. п. людямъ необразованнымъ и грубымъ, предпочитая, разумѣется, эту умственную игру удовольствіямъ плотскимъ.

И такъ, по мнѣнію Плутарха, образованные люди въ пріятельскомъ кружкѣ должны проводить время въ такихъ бесѣдахъ, въ которыхъ пріятное соединено съ полезнымъ, не утруждая впрочемъ другъ друга слишкомъ трудными предметами: иначе дружеская бесѣда можетъ обратиться въ засѣданіе ученаго общества. Совершенно такъ по разказу Авла Геллія (II ст. по Р. X.) проводили время римскіе студенты въ Аѳинахъ, когда справляли Сатурналіи [4]). Они задавали другъ другу вопросы: объяснить мысль древняго поэта не мучительно темную, а пріятно темноватую; разрѣшить какой-либо софизмъ или грамматическую трудность и т. п. Всѣ эти задачи названы quaestiones. Только одна касается объясненія Энніева четыреcтишія, въ которомъ девять разъ повторяется слово того же корня, чтобъ пуще затемнить и безъ того темную мысль: это и загадка и игра словъ—чистый французскій jeu de mots. По другому мѣсту Авла

1) Тамъ же въ Βιβ. Ε'. ст. 753.

2) Тамъ же въ Βιβ. Στ'. въ предисловіи (Προοίμιον) ст. 816—7.

3) Тамъ же Βιβ. Ε'., въ предисловіи, p. 753. — Слова „forte καὶ σύμβολα", поставлены въ скобкахъ самимъ издателемъ, какъ его догадка. Ср. еще о предложеніи энигмовъ по окончаніи обѣда тамъ же Βιβ. Η'. p. 955.

4) Avli Gellii, Noctes Atticae V. II, L. XVIII, вся глава 2-я, rec. *A. Lion*. Gottingae, 1824.

Геллія можно догадываться, что онъ отличаетъ задачи отъ загадокъ, когда утверждаетъ: „то, что греки называютъ αἰνίγματα, то нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ именовали scirpi"—и приводитъ три латинскіе стиха, походящіе на загадку; для отгадки же отсылаетъ къ М. Варрону въ сочиненіи De sermone Latino ad Marcellum libro secundo [1]); но эта отгадка до насъ не дошла [2]).

Мы упомянули о разказѣ Авла Геллія, относящемся къ кружку римскому, потому только, что празднованіе Сатурналій въ этомъ кружкѣ происходило въ Аѳинахъ. Подъ вліяніемъ Аѳинъ и Сатурнальскій праздникъ сталъ походить на симпосій во вкусѣ Плутарха.

Странно звучитъ свидѣтельство Полидевка (=Поллукса—II ст. по Р. Х.). „Къ симпотическимъ (=запопоечнымъ) вопросамъ, пишетъ онъ, принадлежатъ энигмъ и грифъ. Первый содержалъ въ себѣ шутку, а второй имѣлъ и серьезную сторону. Разрѣшившаго—надѣляли мясомъ, въ награду; кому же не удавалось отгадать, тотъ долженъ былъ выпить чашку разсолу. Названъ былъ онъ грифомъ (то-есть сѣтью) отъ рыбачьихъ сѣтей. Вопросы назывались киликіями (=κυλίκεια, то-есть зачашными); а Ѳеодектъ софистъ, отличавшійся въ нихъ, обладая прекрасною памятью, назвалъ ихъ мнимоніями" (=μνημόνια, какъ бы памятками) [3]). Мы привели свидѣтельство Полидевка въ его цѣлости. Страннымъ намъ кажется въ этомъ извѣстіи способъ автора обозначать факты въ прошедшемъ времени: содержалъ, имѣлъ, долженъ былъ; отъ этого читатель получаетъ такое впечатлѣніе, какъ будто Полидевкъ разказываетъ о какой-то старинѣ, о чемъ-то отжившемъ

---

[1]) Тамъ же L. XII, с. 6.

[2]) О томъ немногомъ, что можно сказать объ упомянутомъ сочиненіи Варрона, см. проф. *И. В. Помяловскаго* диссертацію Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій и Мениппова сатура. С.-Пб. 1869.—См. ст. 88—89. Въ прим. 620 И. В. Помяловскаго упомянуто „о какой-то стихотворной загадкѣ", приведенной Гелліемъ въ упомянутомъ мѣстѣ. Стало быть, и нашъ латинистъ видитъ въ этомъ произведеніи загадку. Она помѣщена и у *Friedreich*, Geschichte des Räthsels 187

[3]) Julii Pollucis Onomasticon. Rec. *Imm. Bekker* Berol. 1846. См. VI, §§ 107—8 Въ началѣ выписки я прибавилъ „вопросамъ", хотя въ греческомъ нахожу только τῶν συμποτικῶν; перенесъ же я сюда слово „вопросъ", изъ послѣдующаго текста Полидевкова—гдѣ сказано: τὰ δὲ ζητήματα ὠνομάζετο κυλίκεια. Здѣсь кстати замѣтить, что дѣлаемые за попойками вопросы назывались очевидно κυλίκεια оттого, что произносились за чашами, зачашные; чаша называлась κύλιξ. Фридрейхъ, упомянувъ о томъ, что лицо, которое не разрѣшало задачи, должно было выпить въ наказаніе вино, смѣшанное съ солью, или что нибудь непріятное на вкусъ, прибавляетъ въ примѣчаніи: „Задаваемыя за пирами загадки *поэтому* назывались ζητήματα κυλίκεια". Но изъ текста Полидевкова вовсе этого не видно Friedreich, Gesch. d. Räths. 139 и пр.

свой вѣкъ, между тѣмъ какъ послѣобѣденное развлеченіе, состоявшее въ задаваніи загадокъ и задачъ, и въ его время еще продолжало существовать: мы это видѣли изъ приведенныхъ выше мѣстъ Авла Геллія и Аѳинея.

Послѣ выписки, сдѣланной Аѳинеемъ (II—III в. по Р. Х.) изъ Клеарха и приведенной мною выше, оканчивающейся замѣчаніемъ, что похвала „больше всего услаждаетъ дружбу", Аѳиней прибавляетъ: „Вотъ что сказалъ Клеархъ: а что̀ именно должно предлагать, это, я думаю, будетъ въ такомъ родѣ: сказать омировскій стихъ, начинающійся съ альфы и кончающійся тою же буквой:

ἀγχοῦ δ' ἱσταμένη ἔπεα πτερόεντα προσηύδα

(=близко ставъ, сказала крылатыя слова) [1]".

За симъ слѣдуютъ подобныя этой послѣдней задачи, наполняющія всю главу 87-ю, которыхъ мы повторять не станемъ, кромѣ слѣдующей: „Сказать стихъ, котораго первый слогъ въ соединеніи съ послѣднимъ составляетъ слово, означающее что нибудь съѣстное"; напримѣръ:

„ἀργυρόπεζα Θέτις θυγάτηρ ἁλίοιο γέροντος".

(среброногая Ѳетида, дщерь старца морскаго).

Здѣсь изъ ἀρ и τος выходитъ ἄρτος=хлѣбъ, коровай.—Вотъ на что было обращено вниманіе читателей древняго эпоса!

Невыгодно о загадкахъ отозвалось одно лицо, изображенное въ пирѣ Семи мудрецовъ (Ἑπτὰ σοφῶν συμπόσιον), сочиненіи, прежде приписываемомъ Плутарху. Здѣсь между прочимъ есть такой эпизодъ: пріѣзжаетъ на этотъ пиръ изъ Египта посланный отъ царя Амасиса и сообщаетъ обществу пирующихъ мудрецовъ вопросы, заданные царемъ эѳіопскимъ царю египетскому Амасису, и отвѣты послѣдняго. То были большею частью вопросы міровые въ родѣ слѣдующихъ: „Что всего старше?—Отвѣтъ: время.—Что всего больше?—Отвѣтъ: міръ.—Что всего мудрѣе?—Отвѣтъ: истина" и т. д. Ѳалитъ осудилъ всѣ отвѣты и предложилъ на тѣ же вопросы свои отвѣты: „Что всего старше? Ѳалитъ: Богъ, ибо не рожденъ.—Что всего больше? Ѳалитъ: мѣсто (τόπος = пространство), ибо міръ объемлетъ все остальное; мѣстомъ же (пространствомъ) объемлется и міръ.—Что всего мудрѣе? Ѳалитъ: время, ибо однѣ вещи оно уже нашло, другія же еще найдетъ" и т. д. Отвѣты Ѳалита были всѣми одобрены. Но упомянутое лицо, врачъ, замѣтило, что дѣлать такіе во-

[1]) Athen. X, 87. Сравн. эту главу съ 86-ю и 69-ю той же книги.

просы и отвѣты прилично царямъ. Однако хозяинъ пира, тоже мудрецъ и вмѣстѣ властитель, обратилъ вниманіе врача на то, что и у древнихъ эллиновъ существовалъ обычай предлагать другъ другу подобные вопросы, и привелъ примѣръ изъ Лесха. На эти возраженія хозяина врачъ произнесъ такой приговоръ (онъ-то намъ и нуженъ): „Чѣмъ же это отличается отъ энигмовъ Эвмитиды (τῶν Εὐμήτιδος αἰνιγμάτων)? Ей, можетъ быть, и не неприлично среди шутокъ, сплетая ихъ, какъ другія женщины среди шутокъ сплетаютъ кушачки и сѣточки, предлагать женщинамъ на разрѣшеніе; мужамъ же, одареннымъ разумомъ, принимать ихъ за нѣчто серьезное — право смѣшно. Эвмитида, казалось, охотно что-то готова была возразить, но по стыдливости удержала себя и закраснѣлась. Тогда Эсопъ, какъ бы въ защиту ей, сказалъ: „Однако это не смѣшнѣе того, когда кто не можетъ ихъ разрѣшить: какъ, напримѣръ, заданное намъ ею немножко раньше обѣда: „Я видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ огнемъ прилѣпилъ другому мѣдь". Ну что это такое? Можешь сказать? А? „Мнѣ и знать не надо, отвѣчалъ врачъ". „А между тѣмъ никто не знаетъ и не дѣлаетъ это лучше тебя, замѣтилъ Эсопъ: Если же ты это станешь отвергать, есть у меня свидѣтели — рожки". Врачъ разсмѣялся: вѣдь онъ преимущественно передъ всѣми врачами своего времени употреблялъ въ дѣло рожки и это пособіе чрезъ него особенно вошло въ честь [1])".

Мы считали не лишнимъ выставить здѣсь взглядъ на загадки такого типичнаго лица, какъ этотъ врачъ. Но къ какой эпохѣ отнести этотъ типъ? ко времени ли Семи мудрецовъ, какъ того желаетъ авторъ этого Симпосія, или скорѣе это одинъ изъ представителей времени самого автора? Думаемъ, что послѣднее вѣрнѣе. Авторъ же, писавшій не только позже Плутарха, но, быть можетъ, и позже Порфирія, — принадлежитъ, вѣроятно къ эпохѣ заката эллинскаго міра [2]).

Г. Дестунисъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Των επτα σοφων συμποσιον — см. въ Plutarchi... Moralia, ed. Wyttenbach, T. I, Pars, II, capp. VIII—X. — Этотъ энигмъ уже былъ нами приведенъ подъ № 12.

[2]) Фолькманъ, въ своемъ двутомномъ сочиненіи о Плутархѣ, очень вѣрно, по моему мнѣнію, доказалъ, что трактатъ „О пирѣ Семи мудрецовъ" принадлежитъ не Плутарху, а какому-либо софисту послѣ—Порфиріевой эпохи. *Volkmann*, Leben, Schriften u. Philosophie des Plutarchs. Berl. 1869. — См. часть II, ст. 188—209.

КЪ ВОПРОСУ О ПТИЦѢ СТРАФИЛЬ [1]).

Голубиная книга называетъ Страфиль-птицу „всѣмъ птицамъ мати“; по словамъ знаменитаго стиха, она

Живетъ посреди моря,
Она ѣстъ и пьетъ на синемъ морѣ,
Она плодъ плодитъ на синемъ морѣ.
По божьему все повелѣнію,
Стратим птица вострепенется,
Океанъ море всколыхнется;
Топитъ она корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными.

Извѣстно также, что эта птица попала (безъ сомнѣнія, изъ Голубиной книги) въ стихъ о Егоріи, гдѣ она представляетъ одно изъ препятствій при его проѣздѣ на Русь, и что онъ велитъ ей „полетѣть во сине море“ и „дѣтей водить на камени“. Надъ этою птицей не мало потрудились толкователи знаменитаго стиха, которымъ въ послѣднее время занимался г. Мочульскій, посвятившій ему свою магистерскую диссертацію, удостоенную Уваровской преміи [2]). Я случайно натолкнулся на одинъ литературный фактъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не привлеченный къ отвѣтственности для объясненія удивительной птицы. Этотъ фактъ, какъ мнѣ кажется, открываетъ новые виды въ этомъ небольшомъ по объему, но довольно любопытномъ вопросѣ.

17-я глава извѣстнаго средневѣковаго сборника Gesta Romanorum [3]) разказываетъ слѣдующее: Къ одному императору пришелъ нѣ-

---

[1]) Читано на VIII-мъ Археологическомъ съѣздѣ 21-го января 1890 года.

[2]) Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887. О птицѣ см. стр. 140 и слѣд.

[3]) По изданію *Oesterley*. Berl. 1872, стр. 301 и слѣд.

кій человѣкъ, по имени Гвидонъ, и пожелалъ поступить къ нему на службу. Что ты умѣешь дѣлать? спросилъ его императоръ. Шесть дѣлъ, отвѣчалъ искатель фортуны: „Вопервыхъ днемъ и ночью охранять тѣло моего господина, приготовлять ему постель, подавать пищу, мыть ему ноги. Вовторыхъ, бодрствовать, когда другіе спятъ, и спать, когда другіе бодрствуютъ. Втретьихъ, доброе питье пробовать и по вкусу распознавать его. Вчетвертыхъ, приглашать людей на пиръ къ чести приглашающаго. Впятыхъ, производить огонь безъ дыма и согрѣвать всѣхъ находящихся по близости. Вшестыхъ, могу показать людямъ хорошую дорогу въ святую землю, такъ, чтобы они вернулись изъ путешествія здоровыми". Оставляемъ въ сторонѣ повѣрку его первыхъ пяти искусствъ; они къ нашей темѣ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія. Когда императоръ назначилъ испытаніе для 6-й службы, Гвидонъ велѣлъ всѣмъ, желающимъ идти въ святую землю, собраться на берегъ моря. „Мужи, жены и дѣти, услышавъ объ этомъ, собрались безъ числа. Гвидонъ пришелъ туда и говоритъ народу: Любезнѣйшіе, видите ли вы въ морѣ то, что я вижу? А они сказали: Мы не знаемъ (о чемъ говоришь ты). А онъ имъ: Вотъ на морѣ великая скала; поднимите глаза и смотрите. Они же сказали: Господинъ, мы довольно хорошо это видимъ, но зачѣмъ вы это говорите? А онъ: На этой скалѣ есть нѣкая птица, всегда сидящая на гнѣздѣ своемъ; въ гнѣздѣ же ея семь яицъ, которыя приносятъ ей большую радость. Природа птицы такова: пока она сидитъ на гнѣздѣ, все море совсѣмъ спокойно; а если случится, что она изъ гнѣзда вылетаетъ, то море настолько волнуется, что всякій, кто тогда по морю ѣдетъ, потонетъ. А если кто ѣдетъ, пока птица на гнѣздѣ, онъ поѣдетъ и назадъ пріѣдетъ безъ всякой опасности. Люди спросили: Какъ мы можемъ знать, когда птица сидитъ на гнѣздѣ своемъ, когда нѣтъ? Гвидонъ отвѣчалъ: Она оставляетъ гнѣздо свое только по одной причинѣ, а именно: есть другая птица, враждебная ей, которая днемъ и ночью старается осквернить ея гнѣздо и повредить ея яйцамъ. Птица же, которая въ гнѣздѣ, когда увидитъ, что яйца ея и гнѣздо осквернены, тотчасъ отъ горя вылетаетъ изъ гнѣзда, и тогда волнуется море и возбуждается бурный вѣтеръ. Они же сказали: Господинъ, нѣтъ ли какого средства, чтобы враждебная птица не приблизилась къ гнѣзду и чтобы такимъ образомъ мы могли спокойно переѣхать? Онъ отвѣчалъ: Нѣтъ на свѣтѣ другой вещи, которую птица враждебная такъ ненавидѣла бы, какъ кровь агнца. Окропите гнѣздо

извнѣ и извнутри этой кровью, и пока хоть капля ея останется, враждебная птица никогда не осмѣлится приблизиться къ ея гнѣзду; птица останется въ гнѣздѣ, и море будетъ спокойно, и вы можете ѣхать въ святую землю и безопасно оттуда возвратиться". Слова Гвидона оправдались на дѣлѣ, и онъ былъ награжденъ императоромъ.

Изъ длинной морализаціи въ историко-литературномъ отношеніи не безынтересно только то, что авторъ кровь агнца толкуетъ кровью добровольной жертвы Христа, воспоминаніе о которой изгоняетъ изъ сердца человѣческаго враждебную птицу, то-есть, діавола.

Тожество птицы Гвидона съ Страфилемъ очевидно: она тоже плодъ плодитъ на синемъ морѣ, и море бурно волнуется и „топитъ корабли гостиные", когда она вострепенется. Страфиль, положимъ, покидаетъ гнѣздо „по божьему повелѣнію", а не вслѣдствіе борьбы съ враждебною птицей. Но и въ литературной исторіи Страфиля, какъ сейчасъ увидимъ, легко указать нѣчто подобное.

Что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ вымысломъ книжника, составителя сборника Gesta Romanorum, а съ древнимъ преданіемъ, можно доказать документально. Извѣстный средневѣковый поэтъ король Наваррскій Тибо знаетъ такую версію о пеликанѣ, по которой пеликанъ не самъ убиваетъ своихъ птенцовъ, какъ разказываютъ греческіе и западные средневѣковые физіологи, но другая птица, которую Тибо называетъ: li mauvais oiseau [1]). А что пеликанъ имѣетъ связь съ птицей Страфиль, извѣстно всякому, кто хоть немного занимался стихомъ о Голубиной книгѣ. Еще ученая древность знала о его необыкновенной нѣжности къ дѣтямъ [2]) и на него перенесла египетскую сказку о птицѣ, которая кормитъ птенцовъ собственнымъ своимъ мясомъ [3]), сказку, которая въ Египтѣ разказывалась про коршуна, но была пріурочена къ пеликану въ виду другаго разказа о томъ, какъ пеликанъ тушитъ крыльями гнѣздо свое и, опаливъ ихъ, попадаетъ въ руки охотникамъ.

Древность только повторяла сказку, а суевѣрные средніе вѣка отнеслись къ ней, какъ къ факту, и развили ее далѣе. По грече-

---

[1]) См. Poésies du roi de Navarre par *Lévesque* de *Ravalliere*. Paris. 1842. II, 155. Ср. 65 (*Lauchert*, Geschichte des Physiologus. Strassb. 1889, стр. 170).

[2]) См. *Hoefer*, Histoire de la Zoologie. Paris. 1873, стр. 126—127.

[3]) *Lauchert*, Geschichte des Physiologus, стр. 8 и 204—205. Въ первый разъ, если не ошибаюсь, встрѣчаемъ эту сказку про пеликана у Исидора въ Этимологіяхъ. См. Του αγιου πατρος ήμων Επιφανιου etc. Antverpiae. MDCCCVIII, стр. 32—33.

скому физіологу, изданному Лаухертомъ [1]), и происшедшимъ изъ него западно-европейскимъ, пеликанъ, родивши дѣтей, убиваетъ ихъ въ гнѣвѣ за непочтеніе, которое они ему выказываютъ; но на третій день начинаетъ тосковать о нихъ и оживляетъ ихъ своею собственною кровью (я опускаю легко понятную символизацію Христа, которая уже и здѣсь успѣла повліять на самое изложеніе разказа) [2]). Другіе физіологи идутъ еще далѣе и еще болѣе сближаютъ пеликана съ тою птицей, отъ которой зависитъ спокойствіе моря. По ихъ разказу пеликанъ воюетъ съ змѣей, которая убиваетъ дѣтей его; чтобы биться съ нею, онъ сперва вываливается въ грязи, потомъ, побѣдивъ ее, моется и оживляетъ своею кровью птенцовъ своихъ.

Такимъ образомъ нѣжность пеликана къ дѣтямъ дѣлаетъ его реальной основой для Страфиля [3]). Но онъ долженъ раздѣлить эту честь съ нѣсколькими пернатыми товарищами. Назову прежде всего ту птицу, отъ которой Страфиль получилъ свое имя. Это, безъ сомнѣнія, страусъ στρουθοκάμηλος, какъ его назвалъ Діодоръ [4]). Древніе были невысокаго мнѣнія объ его умѣ и сердцѣ и справедливо обвиняли его въ небреженіи къ своимъ яйцамъ. Средніе вѣка стали находить въ немъ разныя достоинства, между прочимъ, потому, что

---

[1]) См. гл. 4.

[2]) На основаніи этого сказанія одинъ изъ раннихъ италіанскихъ поэтовъ Giovanni dall' Orto (*Lauchert* o. c. стр. 190) заклинаетъ свою возлюбленную излечить его рану, ею же нанесенную, и поступить подобно пеликану, который самъ же оживляетъ тѣхъ, кого убилъ онъ. Любопытно на этомъ частномъ и маленькомъ примѣрѣ видѣть, какъ рано въ Италіи началось возрожденіе: тотъ же Giovanni рядомъ съ пеликаномъ ставитъ чудодѣйственное копье Пелида, которое одно излечивало раны, имъ же нанесенныя; а учитель Данта Брунетто Латини (Livres dou tresor, VIII, гл. XXX. Италіанскій переводъ, стр. 232—233), приведя обычную сказку о пеликанѣ, сейчасъ и поправляетъ себя чѣмъ-то въ родѣ научнаго объясненія: птенцы пеликана родятся почти мертвыми, и онъ оживляетъ ихъ, обливая ихъ собственною кровью.

[3]) Кровь агнца въ Gesta Rom. есть, вѣроятно, реминисценція о чудодѣйственной крови пеликана, причемъ посредствующимъ звеномъ могло служить то обстоятельство, что и агнецъ и пеликанъ, какъ символы, равнозначущи. Кромѣ того, сама напрашивается на сравненіе та кровь агнца, которою евреи отгоняли ангела смерти отъ жилищъ своихъ въ Египтѣ. Напомню, что кровь у древнихъ считалась мѣстомъ души, и укажу, что въ другомъ разказѣ того же сборника (Gesta Rom. гл. 35. *Oesterley*, стр. 334) кровь агнца, пролитая, какъ жертва на горѣ, закрѣпляетъ клятву.

[4]) До него онъ наз. στροῦθος съ разными эпитетами (см. *Hoefer* o. c. стр. 130).

яйца страуса, какъ извѣстно, стали въ нѣкоторомъ родѣ церковной утварью, а стало быть и предметомъ поклоненія. Ранній греческій физіологъ еще обвиняетъ страуса въ забывчивости относительно яицъ, которыя онъ зарываетъ въ землю, но удивляется его тонкой астрономической наблюдательности: онъ внимательно смотритъ на небо и кладетъ свои яйца именно тогда, какъ только появятся плеяды (у Брунетто Латини—Vergilia). Острота его зрѣнія подала поводъ западнымъ физіологамъ увѣрять, что страусъ высиживаетъ свои яйца глазами [1]). Отъ той же остроты зрѣнія въ позднѣйшемъ греческомъ физіологѣ [2]) исходитъ сказаніе, что, высиживая яйца, онъ не отводитъ глазъ отъ нихъ; если же это случится, то яйцо дѣлается безплоднымъ. То же повторяетъ о „Стрько-камилѣ" и славянскій физіологъ, изданный Ягичемъ [3]), но съ такою прибавкой: „егда хощет спати, тои единимь окомь спить, а друземь блюдеть". Далѣе тотъ же славянскій физіологъ продолжаетъ: „Есть другая вешь прилична къ змiи и дльжина ее есть 50 лакать. да егда видить стрькокамила яйца рождающа, онь приходить и зрить, егда камо отвратить очи стрькокамиль, да спина (?) дьхнетъ на яйца".

Стало быть, здѣсь струѳокамилъ оказывается сближеннымъ съ пеликаномъ, который воюетъ съ змѣей, и съ птицей Gesta Rom., ведущей борьбу съ avis inimica. Съ пеликаномъ же въ славянскомъ же физіологѣ стрькокамиль сближенъ и тѣмъ, что онъ—тоже водяная птица: „егда рождаеть яйце, въ воду сносить его"; сближенъ, но не объединенъ, такъ какъ про пеликана мы этого не слыхали отъ средневѣковыхъ физіологовъ. Это указываетъ на третью птицу, свойства которой вошли въ нашего баснословнаго страфиля. Въ противоположность страусу это птица очень маленькая, алкіонъ или алконостъ, какъ называютъ ее у насъ (зимородокъ, alcedo hispida). Объ алкіонѣ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія Аристотель, который различаетъ два его вида, упоминаетъ о томъ, что онъ кладетъ яйца зимою и строитъ гнѣздо на морѣ, вслѣдствіе чего спокойный періодъ мор-

[1]) Поэтому онъ становится символомъ Христа, который смотритъ на насъ глазами жалости, *Lauchert* o. c. 178. Поэтому же трубадуры сравниваютъ силу его взора съ дѣйствіемъ очей возлюбленной, ibid. 185—186.

[2]) *Pitra,* Specil. Solesm. III, 368.

[3]) Въ III кн. *Književnik'a*, 126; тамъ сказано, что яйцо въ такомъ случаѣ *запрьтакъ* будеть. Запрътъкъ у Миклошича *ovum ventosum*, яйцо-болтунъ.

ской поверхности около времени зимняго солнцеповорота (14 дней) называли днями алкіона [1]).

Древніе ему приписывали необыкновенно искусную постройку гнѣзда, прекрасное пѣніе и нѣжныя отношенія между самцомъ и самкой. Изъ послѣдняго обстоятельства возникаетъ и знаменитая повѣсть Метаморфозъ Овидія. Средневѣковые физіологи, какъ восточные, такъ и западные, повторяютъ то же самое относительно 14 алкіоновыхъ дней, причемъ, напримѣръ, Брунетто Латини прямо указываетъ въ этомъ особую милость Божію къ алкіону [2]).

Отсюда становится вполнѣ понятна реальная основа сказанія о томъ, что спокойствіе моря зависитъ отъ „вострепетанья" страфиля или отъ сидѣнія на яйцахъ великой птицы латинскаго сборника.

Къ алконосту проф. А. А. Потебня [3]) съ полнымъ правомъ привлекъ малорусскую пѣсню о ремезѣ:

Ой ти ремезо, ремезонько!
Не мости гнізда надъ Десною
Бо Десна з весни прибувае
Вона жъ твоихъ дитокъ затопляе,

а къ ремезу 12-й разказъ Панчатантры о турухтанѣ [4]) и его самкѣ, литературную исторію котораго такъ обстоятельно прослѣдилъ въ предѣлахъ отдаленнаго востока Бенфей въ § 82 своего введенія къ Панчатантрѣ.

Напомню вкратцѣ содержаніе разказа. На берегу моря жилъ турухтанъ съ своею самкой. Самка боялась класть яйца у самаго моря, но мужъ ее успокоилъ: не осмѣлится море тронуть нашихъ яицъ. Услышало эту, повидимому, нелѣпую похвальбу море и рѣшило узнать, что же сдѣлаетъ турухтанъ, если оно похититъ

---

[1]) Аристотель (*Hoefer* о. с. стр. 136) приводитъ о немъ стихи Симонида:

Ὡς ὁπόταν χειμέρον κατὰ μῆνα
Πινύσκῃ Ζεὺς ἤματα τεσσαρακαίδεκα
Λανθάνεμόν τέ μιν ὥραν
Καλέουσι ἐπιχθόνιοι ἱεράν
Παιδοτρόφον ποικίλας ἀλκυόνος."

[2]) См. напримѣръ объ алконостѣ у кн. *Вяземскаго*. О литер. исторіи физіолога. Памятники О. Л. Д. П. 1878—1879, стр. 56 и 62. У Брунетто гл. XIV.

[3]) *Р. Филологическій Вѣстникъ* 1883 г. III, стр. 68 и слѣд.

[4]) Турухтанъ по греч. χαραδριός, то-есть, халендрій нашихъ физіологовъ, про котораго разказывали, что онъ крыльями тушитъ солнце и потомъ окунается въ морѣ. Памятн. О. Л. Д. П. 1879, стр. 61.

его яйца. Яйца унесены водою; самка горюетъ, а турухтанъ въ страшномъ гнѣвѣ. Онъ собираетъ всѣхъ птицъ, и онѣ готовы помогать ему. Сперва птицы хотѣли вычерпать все море клювами, но скоро увидали тщету своего предпріятія. Тогда онѣ пожаловались божественной птицѣ Гарудѣ, и та, принявъ горячо къ сердцу обиду меньшаго изъ своихъ братій, объявила богу Вишну, что отказывается служить ему, если онъ не удовлетворитъ турухтана. Вишну грозитъ своимъ гнѣвомъ морю, и послѣднее должно возвратить турухтановы яйца.

Въ этомъ разказѣ, по сравненію съ предыдущими сказаніями о Страфилѣ и его родителяхъ, мы имѣемъ очень характерный случай того на первый взглядъ страннаго явленія, что историко-литературный фактъ, наиболѣе древній по своей записи, оказывается наиболѣе новымъ по своему происхожденію. Фантазію буддиста, автора разказанной повѣсти, очевидно, возбудила противоположность между громадностью моря и ничтожностью самоувѣренной птички, строющей гнѣздо близъ берега, — это мотивъ чисто личнаго творчества; между тѣмъ какъ въ нашемъ духовномъ стихѣ, распѣваемомъ чуть не до сихъ поръ, мы имѣемъ одну изъ самыхъ архаическихъ формъ сказанія. Но возвращаюсь къ болѣе или менѣе реальнымъ родителямъ сказочнаго Страфиля. Итакъ, отъ пеликана унаслѣдовалъ онъ нѣжность къ птенцамъ; отъ страуса имя, величину и остроту его зрѣнія; отъ алкіона вліяніе на море; отъ алкіона же птица латинскаго сборника унаслѣдовала и семь яицъ, которыя здѣсь явились очевидной замѣной семи (точнѣе дважды семи) дней алкіоновыхъ. Есть у Страфиля и другіе родичи, связь съ которыми не такъ близка, но можетъ быть доказана также документально. Сюда относится грифъ, о необыкновенной силѣ котораго разказывали чудеса [1]) и о которомъ Дамаскинъ Студитъ [2]) говоритъ: „Едини бо отъ птицъ (гупи, то-есть грифы) точатъ млеко стегно разрѣзавши

---

[1]) Хищнаго гриѳа, а не миролюбиваго и неумѣющаго летать страуса, имѣли въ виду многочисленныя восточныя и западныя сказанія о громадной птицѣ, похищавшей людей и затемняющей свѣтъ солнца.

Въ переводѣ Писиды 1385 г. его, конечно, надо разумѣть подъ именемъ нога:

Откуда же ногъ велемочную взяла силу
И вола исторгъ готовымъ хищеніемъ

(Памятн. Письменн. Общ. Л. Д. П. 1882, стр. 28).

[2]) Цитирую по рп. Ѳ. И. Буслаева XVIII в. „Собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ“.

кровавыми жилами и млечными сморги (сукровицею?) оживляютъ дѣти", что сближаетъ его съ дѣтолюбивымъ пеликаномъ. Сюда же относятся коршунъ и аистъ, которыхъ въ византійскую эпоху иногда смѣшивали въ одномъ названіи ἄσιδα (v. Du Cange s. v.) и приравнивали къ страусу [1]) за остроту зрѣнія и знаніе временъ года. Та же острота зрѣнія заставляла привлекать къ дѣлу и орла, про котораго (какъ про халендрій) разказывали, что онъ взлетаетъ къ солнцу, обжигаетъ себѣ крылья и падаетъ въ воду, гдѣ снова оживаетъ [2]), а это напоминало о фениксѣ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ историко-литературная связь внѣ сомнѣнія.

До сихъ поръ я строго держался фактовъ; теперь волей неволей долженъ перейдти въ область догадокъ и предположеній, можетъ быть, нѣсколько субъективныхъ. Самая важная на мой взглядъ черта въ привлеченномъ мною разказѣ Дѣяній, черта, не имѣющая реальной основы и только изрѣдка и неясно выступающая въ вышеприведенныхъ литературныхъ данныхъ о пеликанѣ и славянскомъ струѳокамилѣ,—есть борьба чудесной птицы съ другимъ существомъ.

Мы видѣли, что пеликанъ воюетъ съ змѣею, стрькокамилъ защищаетъ гнѣздо свое отъ „вещи приличной къ зміи" [3]). Какой первоначальный врагъ Страфиля: птица или змѣй?

A priori возможно и то и другое, такъ какъ въ космогонической борьбѣ—а едва ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ космогоническимъ миѳомъ, раннимъ или позднимъ, народнымъ или заимствованнымъ, это другой вопросъ,—враги могутъ имѣть одинаковую форму (двухъ боговъ, двухъ героевъ, двухъ птицъ, двухъ драконовъ и т. д.) или разную, причемъ начало враждебное чаще всего выражается въ ненавистной для человѣка формѣ змѣя. Но въ данномъ случаѣ, я склонялся бы къ предположенію, что первоначально это была борьба двухъ птицъ.

Здѣсь, я полагаю, мы имѣемъ дѣло съ одной изъ формъ дуалистическаго представленія о борьбѣ добра со зломъ; дуализмъ, какъ

---

[1]) *Brunetto*. Гл. VIII, 214—5.

[2]) *Strûs* in chriechischen heizit iz *asida*; *Lauchert* o. c. 297.

[3]) Къ этимъ указаніямъ могу прибавить еще одно, сколько знаю, до сихъ поръ не привлеченное къ дѣлу, но и довольно неясное. Въ томъ же сборникѣ Gesta Rom. въ гл. 37 (*Oesterley*, стр. 337) говорится: Refert Plinius quod aquila in altum volat et nidificat, cujus pullis insidiatur serpens quidam, qui vocatur tervas (?). Эта змѣя отравляетъ орлятъ своимъ дыханіемъ, но орелъ умѣетъ защитить ихъ камнемъ *achates* (агатъ?)

извѣстно, связываетъ богумильство съ манихействомъ и манихейство съ маздеизмомъ и отражается во многихъ „ународившихся“ на Руси сказаніяхъ.

Приведу только два-три изъ тѣхъ, которыя имѣютъ связь съ этой формой.

По извѣстному апокрифу [1]), сатаніилъ при сотвореніи міра является въ видѣ птицы и плаваетъ „яко гоголь“.

По малорусскому сказанію, при сотвореніи міра Богъ „литавъ св. Духомъ (то-есть, опять-таки птицею) по-надъ водою“ [2]); по водѣ же плаваетъ „какъ головешка“ и сатаніилъ. По малорусскимъ колядкамъ, міръ творятъ два (иногда три) голубя [3]).

Пропуская посредствующія звенья, перехожу прямо къ древней Персіи.

По Крейцеру [4]), бдительные съ острымъ зрѣніемъ духи символически изображаются въ видѣ птицъ; они были врагами Аримана и во главѣ имѣли птицу Ѳорошъ. Но и дэвы Аримана тоже изображаются въ видѣ птицъ грифовъ, живущихъ въ пустынѣ и причиняющихъ всякія мерзости людямъ.

По Шпигелю [5]), въ Авестѣ есть вѣщая и мудрая птица Çaena, которая въ др. религіозныхъ книгахъ называется Çinamru. По Виндишману [6]), въ Bundehesch'ѣ есть птица Çamrus, которая живетъ на горѣ Harburj (какъ Астрахтирь Егорья на камени) и даетъ людямъ жизнь и молодость и покой всему свѣту. По тому же источнику пѣтухъ (морской пивень малорусскихъ преданій, который своимъ пѣніемъ будитъ всѣхъ пѣтуховъ на свѣтѣ) созданъ для уничтоженія духовъ и волшебниковъ.

По тому же Шпигелю [7]), птица Симургъ иранскаго эпоса [8]) воспитываетъ въ своемъ гнѣздѣ Заба, основателя сегестанской династіи, помогаетъ ему при рожденіи Рустема, излечиваетъ впослѣдствіи раны Рустема и пр.; тотъ же Симургъ препятствуетъ проѣзду Исфендіара, какъ Астрахтирь проѣзду Егорія.

---

[1]) Напеч. проф. *Порфирьевымъ*, по Сборнику XVII в.

[2]) Проф. *Сумцовъ*, Очерки исторіи и пр., стр. 24.

[3]) Ibid., 26—27.

[4]) Symbolik u. Mythologie, I, 221—223.

[5]) II, 218.

[6]) Zoroastr. Studien. Berl. 1863 г., стр. 92.

[7]) I, 565, 572, 663, 717 и 721.

[8]) По *Herbelot*, Bibl. Oriental, v. 259, Simorg=Griffon.

Въ талмудическихъ сказаніяхъ чудесныя птицы играютъ довольно видную роль; сказаніе о Соломонѣ упоминаетъ повелителя моря, который отдаетъ камень тамиръ на храненіе глухарю [1]).

Этими цитатами я вовсе не надѣюсь убѣдить васъ, что птица Страфиль пришла къ намъ непосредственно изъ Ирана и воспроизводитъ на русской почвѣ божественную птицу Авесты или даже эпическаго Симурга. Я только хотѣлъ показать, что Страфиль имѣетъ родичей на отдаленномъ востокѣ, родичей, можетъ быть, не близкихъ.

Темное воспоминаніе объ одномъ изъ нихъ могло повліять на развитіе на востокѣ дуалистическаго сказанія, которое тамъ же на востокѣ, но не въ Иранѣ, конечно, осложнилось представленіемъ о помощи, оказываемой доброму началу кровавою жертвою. Когда и какъ это сказаніе попало на великій базаръ средневѣковыхъ преданій, мы не знаемъ; но, очевидно, что попало оно не въ одномъ экземплярѣ, а въ нѣсколькихъ, далеко не тожественныхъ.

Въ Византіи, безъ сомнѣнія, осложнилось оно своеобразнымъ реализмомъ физіологовъ и отчасти искусства,—еще въ 1861 г. Ѳ. И. Буслаевъ указалъ въ Астрахтирѣ стиха о Егоріи отзвукъ какого-то украшенія звѣринаго стиля,—и черезъ посредство письменности попало на плодородную почву русской народной поэзіи, гдѣ въ двухъ духовныхъ стихахъ произвело образъ, не лишенный грандіозности и величія.

А. Кирпичниковъ.

---

1) Общ. Л. Др. И., 1880, III, 6. Ср. вышеприведенную цитату о камнѣ *achates* изъ Gesta Rom.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ. *К. Ордина*. Два тома. С.-Пб. 1889.

Неопредѣленность существующихъ у насъ представленій о политическихъ отношеніяхъ Россіи и Финляндіи побудила г. Ордина выяснить, по преимуществу на основаніи имѣющихся въ Россіи источниковъ, исходную точку этихъ отношеній, иначе говоря—составить историческій очеркъ завершеннаго въ 1809 году покоренія Финляндіи. Такимъ образомъ явился почтенный ученый трудъ, можно сказать, единственный въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Достоинства его уже оцѣнены Академіей Наукъ, удостоившею его преміи митрополита Макарія. Позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей поближе съ содержаніемъ этого любопытнаго и поучительнаго изслѣдованія и попутно предложимъ нѣсколько замѣчаній по его поводу.

Въ первыхъ, такъ-сказать, вступительныхъ главахъ перваго тома подробно изложены первые шаги русскаго владычества въ Финляндіи до Петра I. Какъ извѣстно, по Ништадтскому трактату 30-го августа 1721 г., Россія пріобрѣла часть Кареліи и Выборгской губерніи съ городами Кексгольмомъ и Выборгомъ, а слѣдовавшія послѣ того войны со Швеціей раздвинули границы русскихъ владѣній въ Финляндіи до береговъ Кюмени. Г. Ординъ ничего не говоритъ о порядкѣ управленія въ этой „старой“ Финляндіи. Но слѣдуетъ замѣтить, что указами императрицы Екатерины 1781 и 1783 годовъ (П. С. З. №№ 15171 и 15795) предписано было изданное для имперіи учрежденіе объ управленіи губерніей привести въ исполненіе и въ Выборгскомъ намѣстничествѣ, составивъ оное изъ шести уѣздовъ—Выборгскаго, Сер-

добольскаго, Кексгольмскаго, Нейшлотскаго, Вильманстрандскаго, Фридрихсгамскаго, а мѣстечко Сердоболь переименовать въ городъ. 9-го октября 1784 г. (П. С. З. № 16077) послѣдовалъ также указъ, что во всемъ томъ, на что̀ въ Высочайшихъ учрежденіяхъ есть точное предписаніе, поступать должно по симъ Высочайшимъ учрежденіямъ; по законамъ же, конфирмованнымъ для Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, поступать слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, на что̀ нѣтъ указаній въ Высочайшихъ учрежденіяхъ. Но это начало объединенія Выборгскаго намѣстничества съ Россіей прекратилось со смертью императрицы. Указомъ 12-го декабря 1796 г. (П. С. З. № 17631) императоръ Павелъ повелѣлъ въ Выборгской губерніи, за оставленіемъ губернскаго правленія и казенной палаты съ казначействомъ, возстановить всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя по прежнимъ тамошнимъ правамъ и привиллегіямъ существовали до открытія въ оной намѣстничества, какъ въ губернскомъ городѣ, такъ и по другимъ городамъ и уѣздамъ, а въ 1797 году февраля 26-го (П. С. З. № 17823) изданъ указъ о возстановленіи въ Выборгской губерніи всѣхъ прежде существовавшихъ тамъ мѣстъ и чиновъ.

Послѣ кратковременнаго царствованія императора Павла, отношенія Россіи и Швеціи при императорѣ Александрѣ I быстро ухудшились и привели къ войнѣ 1808 года. Начиная эту войну, наше правительство полагалось на слова знатоковъ финляндскихъ дѣлъ, какъ Спренгтпортенъ, о полной готовности финляндцевъ подчиняться Россіи даже безъ выстрѣла; поэтому военныя дѣйствія открылись безъ достаточнаго количества войскъ съ нашей стороны. Полагали занять всю Финляндію ничтожными силами, посылаемыми какъ бы только pro forma. Дѣйствительно, сначала войска наши быстро шли впередъ, заняли всю южную и среднюю Финляндію, взяли Свеаборгъ, а на сѣверѣ дошли до Гамле-Карлебю при Ботническомъ заливѣ и сразились со шведами при Сиккаіоки. Послѣ того однако наступилъ періодъ утратъ почти всего, что̀ было пріобрѣтено. Шведы нанесли пораженіе Булатову при Револаксѣ, что̀ заставило Раевскаго начать отступленіе. Руководимые по преимуществу Адлеркрейцомъ, шведы разбили Обухова, шедшаго изъ Куопіо съ паркомъ и обозами, при Пулкило; это окончательно рѣшило наше положеніе въ восточной Финляндіи; прокламаціи изъ Стокгольма разжигали въ населеніи ненависть къ русскимъ. Отряды партизановъ появлялись повсемѣстно и сдѣлали войну народною. Но прибытіе свѣжихъ войскъ изъ Петербурга скоро измѣнило положеніе дѣлъ. Послѣдовалъ опять рядъ успѣховъ со стороны русскаго

войска, приведшихъ къ окончательному вознагражденію весеннихъ потерь. Каменскій дошелъ опять до Ботническаго залива и разбилъ шведовъ при Оровайсѣ; Властовъ опять занялъ Гамле-Карлебю. Шведы просили перемирія; ихъ главнокомандующій Клингспорръ предполагалъ ѣхать въ Стокгольмъ, убѣдить короля въ невозможности обратно завоевать Финляндію и испросить разрѣшеніе вывести всѣ войска въ Швецію. Русское правительство желало дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, привести ихъ въ порядокъ и избѣжать военныхъ дѣйствій въ наступающее ненастное и суровое время. Кромѣ того, ощущался большой недостатокъ въ продовольствіи. Поэтому нашъ главнокомандующій графъ Буксгевденъ и согласился заключить 17-го сентября 1808 года перемиріе въ Лохто на неопредѣленное время. Извѣстіе объ этомъ перемиріи пришло въ Петербургъ одновременно съ извѣстіемъ объ отступленіи партизана Сандельса отъ Тайволо къ Иденсальми, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ.

Перемиріе это встрѣчено было въ Петербургѣ неодобреніемъ. Изъ обнародованныхъ недавно „Журналовъ комитета министровъ" (т. I, С.-Пб. 1888. Царствованіе императора Александра 1, стр. 179 и 197; документы эти, кажется, не были извѣстны г. Ордину) видимъ, что комитетъ министровъ по докладу ему о заключенномъ Буксгевденомъ перемиріи единогласно положилъ: предоставить военному министру, именемъ его величества, объявить графу Буксгевдену, чтобъ онъ перемиріе немедленно разрушилъ и причиненную онымъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградилъ бы поспѣшнымъ движеніемъ Тучкова. Буксгевденъ, донося о начатіи военныхъ дѣйствій, сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, сверхъ извѣстныхъ уже причинъ, онъ побужденъ былъ къ заключенію перемирія недостаткомъ продовольствія войскъ у Гамле-Карлебю, происходящимъ отъ затруднительности и отдаленности подвоза провіанта, и наконецъ, усталостью войскъ, бывшихъ въ безпрерывныхъ движеніяхъ всю прошедшую весну и лѣто.

Недовольный дѣйствіями Буксгевдена, императоръ Александръ замѣнилъ его Кноррингомъ и требовалъ исполненія первоначальнаго своего плана и желанія, именно—перенести войну въ самую Швецію и, воспользовавшись для того зимнимъ временемъ, перейдти по льду Ботническій заливъ. Но Кноррингъ провелъ самые благопріятные мѣсяцы для похода по льду въ предварительныхъ распоряженіяхъ и перепискѣ. Медленность распоряженій Кнорринга вызвала внушеніе ему со стороны государя, вслѣдствіе чего Кноррингъ просилъ объ увольненіи отъ командованія. Но императоръ, не увольняя его, по-

слалъ Аракчеева съ повелѣніемъ двинуть войска чрезъ Ботническій заливъ.

Дѣйствительно, въ первыхъ числахъ марта войска отдѣльными колоннами двинулись въ различныхъ мѣстахъ, у Аландскихъ острововъ и изъ Вазы, на шведскій берегъ, при 15° мороза, а 12-го марта Барклай де-Толли взялъ Умео, Кульневъ занялъ Гриссельгальмъ, въ ста верстахъ отъ Стокгольма, а графъ Шуваловъ заставилъ Гриппенберга покинуть Торнео. Послѣ того война немного пріостановилась. Въ Швеціи совершился государственный переворотъ. Густавъ IV Адольфъ былъ принужденъ отречься отъ престола, и въ управленіе королевствомъ вступилъ дядя его герцогъ Зюдерманландскій, занявшій престолъ подъ именемъ Карла XIII. Начались переговоры о перемиріи, которое и было заключено Кноррингомъ. Онъ былъ противникъ этого смѣлаго движенія, не понималъ ни желаній государя, ни цѣны русскаго героизма, ни значенія совершенныхъ уже подвиговъ. Онъ отозвалъ войска и испросилъ у шведовъ, точно у побѣдителей, словесное увѣреніе, что до окончательнаго заключенія мира они не приблизятся къ занятымъ русскими войсками Финляндіи и Аландскимъ островамъ. Это перемиріе пріостановило военныя дѣйствія, но Финляндія уже была вся окончательно завоевана и включена въ составъ Россіи. Кноррингъ подалъ въ отставку и въ концѣ апрѣля сдалъ свою должность назначенному на его мѣсто Барклаю-де-Толли. Немедленно Аландское перемиріе было отмѣнено, и военныя дѣйствія возобновились въ Швеціи. Вскорѣ командованіе заботническими войсками поручено было графу Каменскому, блистательно завершившему кампанію 1808 года окончательнымъ покореніемъ Финляндіи. Тѣмъ временемъ начались въ Фридрихсгамѣ давно подготовлявшіеся переговоры о мирѣ, но обѣ стороны усиливали свои войска. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ, приступая къ переговорамъ съ барономъ Стедингкомъ, настаивалъ, чтобы Каменскій шелъ впередъ, увѣренный, что при небольшомъ его успѣхѣ шведы уступятъ и подпишутъ миръ.

Каменскій, вынуждаемый необходимостью искать продовольствія, подвигался впередъ на югъ; тамъ страна была плодороднѣе и обиловала запасами. Вскорѣ послѣдовали кровавыя битвы при Севарѣ и Ратанѣ. Тѣмъ не менѣе Каменскій не могъ болѣе держаться безъ хлѣба и зарядовъ; надежды на подвозъ моремъ не было; Ботническій заливъ былъ въ рукахъ шведовъ. Каменскій потянулся къ сѣверу, чтобы запастись необходимымъ и опять возвратиться. Онъ дошелъ 18-го августа до

Пітео, гдѣ встрѣтилъ подошедшіе изъ Улеаборга обозы; снабдивъ войска и давъ имъ отдохнуть, онъ пошелъ опять въ Умео 21-го августа. Дорогой встрѣтилъ его генералъ Сандельсъ, пріѣхавшій съ съ полномочіемъ заключить перемиріе. 1-го сентября 1809 года открылись въ Фридрихсгамѣ переговоры о мирѣ, миръ подписанъ былъ 5-го числа, а ратификація его послѣдовала 1-го октября въ Петербургѣ. По этому миру уступалась не Финляндія или великое княжество, какъ единица, представляющая нѣчто организованное, но нѣсколько губерній, составляющихъ Финляндію, которыя будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются. (статья 4-я трактата). Въ тотъ же день подписанъ былъ Александромъ манифестъ о мирѣ со Швеціей.

Таковъ былъ ходъ военныхъ дѣлъ, приведшихъ къ присоединенію Финляндіи къ Русской державѣ. Теперь вернемся немного назадъ и посмотримъ, что происходило въ только-что завоеванной Финляндіи въ продолженіе всего того времени, пока мы вели войну со шведами.

Приступая къ войнѣ въ 1808 году, русское правительство желало облегчить свою военную задачу путемъ привлеченія на свою сторону населенія Финляндіи, въ которомъ предполагало найдти нерасположеніе къ шведскому правительству. Какъ уже сказано, это предположеніе особенно защищалъ извѣстный баронъ Спренгтпортенъ, бывшій любимецъ Густава III, поссорившійся съ нимъ и еще въ 1786 году переселившійся въ Россію. Еще въ 1787 году онъ представилъ императрицѣ Екатеринѣ мемуаръ о положеніи шведской Финляндіи и проектъ предоставленія ей независимости, созванія сейма и т. д. Онъ увѣрялъ императрицу, что финляндцы охотно примутъ покровительство Россіи; посылка небольшаго отряда собственно для поддержанія финскихъ войскъ и созваніе мѣстнаго финляндскаго сейма рѣшили бы навсегда судьбу Финляндіи. Когда Густавъ объявилъ Екатеринѣ войну, въ стоявшей въ Финляндіи шведской арміи образовалась такъ-называемая Аньяльская конфедерація, желавшая свергнуть короля, а Спренгтпортену были поручены ближайшія сношенія съ заговорщиками. Но это не привело ни къ какимъ результатамъ. Въ кампанію 1789 года онъ командовалъ отрядомъ противъ шведовъ, былъ разбитъ на голову при Парасальми и едва спасся отъ плѣна. Абовскій гофгерихтъ заочно приговорилъ его къ смертной казни. Послѣ того онъ не принималъ уже болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но оставался въ русской службѣ. Въ 1808 году, уже на склонѣ дней своихъ, Спренгтпортенъ,

оказался опять передъ тою же самою задачею, которая волновала его въ молодые годы. Для осуществленія ея онъ опять сталъ увѣрять, что Финляндія желаетъ присоединенія къ Россіи. Впрочемъ, одинъ изъ дѣятелей Аньяльской конфедераціи, шведскій маіоръ Кликъ, бѣжавшій отъ суда и казни изъ Швеціи въ Россію, гдѣ и принялъ подданство, высказывалъ также, что раздавить Швецію не трудно и послѣ завоеванія не трудно сохранить Финляндію, если пріобрѣсти довѣріе и привязанность народа, обративъ вниманіе на желанія и шведовъ, и финновъ. „Конечно", прибавлялъ онъ, — „не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія бы то ни было соглашенія. Побѣдивъ страну силой, ей предоставятъ потомъ, какъ милость, тѣ преимущества, которыя найдутъ выгоднымъ для себя дать ей". При началѣ войны 1808 года Кликъ предлагалъ свои услуги, надѣясь, что онъ можетъ сдѣлать что-либо для благопріятнаго расположенія умовъ въ Финляндіи. Ему было разрѣшено отправиться туда какъ бы по личнымъ дѣламъ, а въ случаѣ надобности, продолжать путешествіе и за кордонъ русской арміи. Спренгтпортенъ же былъ назначенъ 29-го января 1808 года въ дѣйствующую армію состоять подъ командою главнокомандующаго графа Буксгевдена и исполнять въ точности его приказанія. Но самъ онъ мечталъ руководить дѣйствіями Буксгевдена и присоединеніемъ Финляндіи пріобрѣсти славу рѣшителя ея судьбы. Отъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія онъ отказался, однако вмѣшивался косвенно и писалъ о нихъ свои замѣчанія; по дѣламъ же политическимъ во всемъ, что̀ касается шведской Финляндіи, онъ писалъ прямо министру иностранныхъ дѣлъ, графу Румянцову, помимо главнокомандующаго; этимъ онъ былъ какъ бы независимъ отъ графа Буксгевдена.

Спренгтпортенъ въ числѣ первыхъ мѣръ воздѣйствія признавалъ прокламаціи, которыя должны были предупредить вступленіе русскихъ войскъ въ страну. Прокламація дѣйствительно была составлена, подписана графомъ Буксгевденомъ, отпечатана и распространена 9-го февраля. Въ ней къ жителямъ Финляндіи говорилось между прочимъ слѣдующее: „Будьте спокойны, мирны и безъ всякой боязни въ жилищахъ вашихъ, добрые сосѣди, мы идемъ къ вамъ не яко непріятели, но какъ друзья и защитники для содѣланія участи вашей счастливѣйшею" и т. д. Отмѣтимъ въ ней еще слѣдующее мѣсто: „А какъ могутъ еще многія представиться дѣла, для рѣшенія коихъ потребно доброе сосѣдственное согласіе, взаимная въ сужденіяхъ довѣренность и едино-

мысліе въ заключеніяхъ, то и приглашаетесь вы, какъ наискорѣе прислать депутатовъ вашихъ изъ каждой провинціи по узаконенному и при обыкновенныхъ сеймахъ соблюдаемому порядку. Они имѣютъ явиться въ городъ Або для совѣщанія о всемъ, что къ благу вашей земли учинено быть можетъ. Великое княжество Финляндское отнынѣ и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Россійскою имперіей областьми" и т. д.

Маіоръ Кликъ находилъ прокламацію неудачно написанною и представилъ графу Румянцову свои замѣчанія на нее. Въ дѣйствительности она не произвела желаемаго дѣйствія на населеніе. Къ тому же и шведское правительство издало съ своей стороны воззваніе, призывало населеніе къ вооруженному сопротивленію, говорило, что русскіе войска грабятъ жителей, разворяютъ страну и т. д.; это побудило Буксгевдена къ изданію новой прокламаціи.

Войска наши, перейдя границу 9-го февраля 1808 г., подвигались впередъ, заняли Гельсингфорсъ, обложили Свеаборгъ, а 24-го февраля взяли уже Тавастгусъ. При быстротѣ движенія, главнокомандующій не могъ обратить полнаго своего вниманія на устройство гражданскаго управленія въ постепенно занимаемыхъ областяхъ; это дѣло было наиболѣе близко къ сферѣ дѣйствій, назначенной Спренгтпортену, который и писалъ гр. Румянцову еще 10-го февраля между прочимъ слѣдующее: „Всѣ провинціи шведской Финляндіи по занятіи ихъ нашими войсками должны по Высочайшей волѣ государя императора сохранять свои законы, права, преимущества, нравы и обычаи, какъ было прежде. Я полагаю однако нужнымъ въ каждой занятой провинціи установить, съ нашей стороны, временное управленіе, не посягая на существующія права жителей". Г. Ординъ, къ сожалѣнію, не останавливается на вопросѣ первостепенной важности, отстраняющемъ всѣ прочія догадки и предположенія, именно — на сколько было вѣрно сообщенное Спренгтпортеномъ изложеніе Высочайшей воли, предрѣшавшей ясно и положительно строй государственнаго управленія въ Финляндіи послѣ ея завоеванія. Согласно ли было изложеніе письма съ дѣйствительною волею монарха?

Гр. Румянцовъ отвѣтилъ Спренгтпортену, что государь одобрилъ его мнѣніе; для организаціи гражданскаго управленія въ шведской Финляндіи, послѣ ея завоеванія, подчиненъ былъ Буксгевдену выборгскій гражданскій губернаторъ Эминъ, но Буксгевденъ предоставилъ его въ полное распоряженіе Спренгтпортена. Предпринятыя ими распоряженія по гражданскому управленію состояли изъ отры-

вочныхъ законоположеній (теперь уже, конечно, не дѣйствующихъ), издаваемыхъ по мѣрѣ того, какъ войска наши подвигались впередъ, и возникали въ томъ или другомъ случаѣ затрудненія. Мы не станемъ о нихъ упоминать, тѣмъ болѣе, что въ то время на первомъ планѣ стояли заботы политическія—о привлеченіи умовъ въ Финляндіи въ пользу русскаго владычества.

Занявъ 10-го февраля Ловиву, Буксгевденъ сообщилъ гр. Румянцову о необходимости привести жителей занимаемыхъ мѣстностей къ присягѣ. При общемъ мнѣніи, что финляндцы желаютъ отдѣлиться отъ Швеціи и вступить подъ покровительство Россіи, актъ присяги считался дѣломъ легкимъ и естественнымъ. Государь находилъ, что присяга не только полезна, но и необходима. Онъ полагалъ, что всего лучше употребить при этомъ обыкновенную присягу на вѣрноподданство. Однако, на самомъ дѣлѣ приведеніе жителей къ присягѣ замедлилось.

Говоря о присягѣ, Спренгтпортенъ въ своемъ письмѣ упоминалъ также, что баронъ де-Гееръ, наибогатѣйшій изъ помѣщиковъ шведской Финляндіи (бывшій губернаторъ Ловизы), съ двумя депутатами отъ дворянства, изъявили желаніе присягнуть. Государь назначилъ дать Гееру, еще до принятія присяги, или орденъ св. Алексадра Невскаго, или же табакерку, украшенную портретомъ Его Величества и алмазами. Спренгтпортенъ нашелъ, что лучше дать табакерку, которую Гееръ и получилъ; депутатамъ же данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени. Но когда дошло дѣло до присяги, то де-Гееръ сталъ колебаться и объявилъ, что онъ и другіе помѣщики приступить къ сему дѣлу страшатся, боясь своихъ крестьянъ, и что надобно прежде привести къ присягѣ поселянъ.

Это очень поразило Буксгевдена. Барону Гееру повторили приглашеніе исполнить обѣщанное; на это онъ письменно отвѣтилъ Эмину: „Въ одномъ частномъ разговорѣ съ Спренгтпортеномъ относительно присяги я, правда, изъявилъ готовность сообразоваться съ нею, но не ранѣе того, какъ всѣ жители могли и должны были бы надлежащимъ образомъ принести эту присягу".

Спренгтпортенъ однако не смутился этимъ недоразумѣніемъ. Онъ писалъ Буксгевдену по этому поводу слѣдующее: „Гееръ и его соотечественники здѣсь, тамъ, вездѣ вовсе не отказывались и не откажутся отъ присяги. Они отказываются только подчиниться тому, что законы войны и право сильнаго должны имъ приказать исполнить, и это совершенно естественно. Люди чести не могутъ просить сдѣлаться клятво-

преступниками; но они исполнять даже съ удовольствіемъ долгъ признанія новаго государя, когда имъ это прикажутъ".

Такъ баронъ Гееръ тогда и не присягнулъ, и табакерки не получилъ; но это дѣло было послѣднимъ отголоскомъ полемики Спренгтпортена съ Буксгевденомъ; послѣдній объявилъ ему, что прекращаетъ всякія съ нимъ препирательства, какъ письменныя, такъ и словесныя, о предметахъ, не ведущихъ прямо къ цѣли, указанной Высочайшею волей. Спренгтпортенъ отвѣтилъ, что ему ничего не остается болѣе, какъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ непосредственно государю. Онъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, куда и прибылъ 17-го марта. Здѣсь онъ всячески интриговалъ противъ Буксгевдена и проводилъ свою идею о созывѣ финляндскаго сейма въ Або, о чемъ намекалъ еще ранѣе въ письмѣ своемъ къ гр. Румянцову отъ 8-го марта.

Вопросъ о присягѣ вслѣдствіе столкновенія съ Гееромъ затихъ и еще болѣе осложнился новымъ вопросомъ—о самой формѣ присяги. Въ канцеляріи Буксгевдена составили проектъ клятвеннаго обѣщанія по общей формѣ и послали печатный образецъ къ гр. Румянцову. Затѣмъ Буксгевденъ отправилъ другую (въ письменномъ изложеніи) форму, сообразованную съ формой присяги, установленною сенатомъ въ 1801 году и назначенною для иностранцевъ, желающихъ вступить въ русское подданство. Эту послѣднюю, по буквальному содержанію, Буксгевденъ находилъ болѣе соотвѣтствующею намѣреніямъ государя и потому просилъ замѣнить ею прежде посланную. Однако графъ Румянцовъ сообщилъ Буксгевдену, что государь изволилъ апробовать одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ. Въ этой формѣ текстъ присяги переведенъ былъ на языки шведскій и финскій, причемъ переводчики допустили исключеніе послѣднихъ словъ: „Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь". Кромѣ того, въ титулѣ они вставили слово князь. „Это небольшое, но вовсе не ничтожное видоизмѣненіе явилось безъ точнаго вѣдома высшаго правительства", говоритъ г. Ординъ.—„Буксгевденъ хотя и зналъ, можетъ быть, объ измѣненіяхъ, но какъ человѣкъ болѣе военный не давалъ, вѣроятно, этимъ мелочамъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что Финляндія покорялась оружіемъ и, какъ завоеванная, прямо зачислялась въ русскія провинціи, что́ говорили тогда и всѣ документы".

Между тѣмъ, вскорѣ было получено отъ графа Румянцова Высочайше одобренное изложеніе порядка присяги, въ которомъ мимохо-

домъ говорилось: „Присяжный листъ употреблять тотъ, который изъ присланныхъ сюда отъ вашего сіятельства предпочтительно вами былъ выбранъ". Это запутывало дѣло; Буксгевденъ никакому листу предпочтенія не давалъ, а между тѣмъ вопросъ о формѣ присяги отдавался на разрѣшеніе главнокомандующаго, и безъ того обремененнаго дѣлами, черезъ чтò присяга откладывалась—тѣмъ болѣе, что Буксгевденъ ставилъ ее въ зависимость отъ изданія новой декларація о дипломатическихъ сношеніяхъ Швеціи и Россіи. Насиліе надъ нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ Алопеусомъ (онъ былъ взятъ и посаженъ подъ арестъ) вызвало негодованіе въ Петербургѣ и рѣшило судьбу Финляндіи. 16-го марта 1808 года издана была декларація всѣмъ европейскимъ державамъ о томъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая, доселѣ наименовалась шведскою, признается областію, россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской имперіи". А вслѣдъ затѣмъ 20-го марта изданъ былъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Страну сію (Финляндію), оружіемъ нашимъ такимъ образомъ покоренную, мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное престолу нашему подданство".

На этомъ основаніи гр. Румянцовъ приглашалъ Буксгевдена издать повелѣніе о приводѣ жителей Финляндіи къ присягѣ, но прибавлялъ, что „о томъ, какъ присяга сія должна быть приведена въ дѣйство", онъ сообщитъ особо Высочайшую волю.

Между тѣмъ были взяты Свартгольмъ и Або; все южное побережье Финляндіи, кромѣ Свеаборга, было въ нашихъ рукахъ. Буксгевденъ настаивалъ на необходимости обезпечить себя со стороны населенія, ускоривъ приведеніе къ присягѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, а можетъ быть, и государь, говоритъ г. Ординъ, — были въ нерѣшимости. Спренгтпортенъ проводилъ идею о необходимости созвать сеймъ въ Або. Графъ Румянцовъ и Буксгевденъ полагали, что сеймъ соберется только для принятія присяги. Маіоръ Кликъ, возвратившійся изъ своей негласной поѣздки по Финляндіи, былъ спрошенъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы жители бывшей шведской Финляндіи принесли какъ можно скорѣе присягу, и чтобъ этотъ актъ состоялся въ пріятной для народа формѣ. Кликъ предложилъ послать въ Або уполномоченное для принятія присяги лицо, которое въ засѣданіи высшаго суда произнесетъ приличную рѣчь, прочтетъ манифестъ и потребуетъ присяги отъ

суда; судъ въ свою очередь потребуетъ того же отъ лагмановъ, приходскихъ судовъ и городскихъ чиновниковъ, а они предпишутъ исполнить то же лицамъ, имъ подчиненнымъ, и городскому населенію. Точно также присяга будетъ принесена губернаторами, ихъ подчиненными, а также Абовскою и Боргскою консисторіями, а по ихъ приказу пасторами, которые приведутъ къ присягѣ все деревенское населеніе. Кликъ предлагалъ дѣйствовать какъ можно скорѣе, но избѣгать высокомѣрія и угрозъ, и совѣтовалъ на время присяги нѣсколько удалить войска.

Записка Клика удовлетворила государя, и черезъ пять дней послѣ ея подачи, именно 9-го апрѣля, Буксгевдену было сообщено немедленно приступить къ приведенію жителей вновь пріобрѣтенной Финляндіи къ присягѣ. Указывалось, что присягу долженъ былъ принять въ Або самъ Буксгевденъ. Но присяга шла неуспѣшно. Въ это время успѣхъ опять началъ быстро измѣнять русскому оружію. Бой при Сиккаіоки 6-го апрѣля, пораженіе при Револаксѣ 13-го числа, быстрое и бѣдственное отступленіе Тучкова изъ Брагештадта распространили народное возстаніе не только по сѣверу, сѣверо-востоку и центру Финляндіи, но и на западѣ, близъ главной квартиры, на Аландскихъ островахъ. Населеніе, руководимое пасторами, поднялось поголовно. Хотя 21-го апрѣля Свеаборгъ и сдался, но населеніе страны не присягало: успѣхи шведскаго войска и партизановъ замедляли это дѣло. Тѣмъ не менѣе, городъ Або и его университетъ присягнули Русскому императору 9-го и 10-го мая; затѣмъ присягнули и многіе другіе города присоединеннаго края, но вообще населеніе воздерживалось отъ присяги, опасаясь того, что оно можетъ сильно потерпѣть, если русскія войска оставятъ страну, которую опять займутъ шведы. Шведскій король Густавъ-Адольфъ находился въ это время на своей яхтѣ по близости Аланда, разсылалъ оттуда по Финляндіи зажигательныя прокламаціи и осыпалъ бранью распоряженія Буксгевдена и русскаго правительства. Это заставило Буксгевдена проектировать новое воззваніе отъ лица императора, и 5-го іюня въ Петербургѣ состоялся новый высочайшій манифестъ, въ которомъ, кромѣ удостовѣренія, что занятая страна никакимъ образомъ не будетъ возвращена Швеціи, находились слова: „Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно, и мы всегда императорскою милостію пребудемъ вамъ благосклонны“. Дѣйствительно, императоръ желалъ

по прежнему склонить къ себѣ населеніе милосердіемъ и благодушіемъ, но финляндцы смотрѣли косо на любезность русскаго правительства.

Возвратясь въ Петербургъ, Спренгтпортенъ взялся опять за свою старую идею о финляндскомъ сеймѣ. Мы уже сказали выше, что онъ намекалъ о сеймѣ въ первой прокламаціи и въ письмѣ своемъ къ Румянцову, который однако не раздѣлялъ его идеи и очень сомнѣвался въ пользѣ сейма. Онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ Буксгевдену эти сомнѣнія, именно—что „чины, такимъ образомъ изъ разныхъ губерній собранные, всякій представляя свои требованія и желанія, не только не будутъ способствовать къ возстановленію порядка и устройства, но умножатъ къ тому затрудненія". На это Буксгевденъ отвѣтилъ, что ему весьма было пріятно встрѣтиться съ мыслями министра о сеймѣ, причемъ добавилъ, что собраніе сейма, особенно когда подтверждается, что теченіе дѣлъ и всѣ другія постановленія остаются во всемъ на прежнемъ основаніи, было бы не только не нужно, но и безполезно: „Сеймъ надо будетъ созвать тогда, когда приказано будетъ учинить здѣшнимъ жителямъ присягу на вѣрноподданство". Спренгтпортенъ горячо отстаивалъ свою мысль о необходимости сейма, указывалъ на то, что созваніе его объявлено въ деклараціи, и написалъ цѣлый мемуаръ о томъ, что̀ заставило его предложить созваніе сейма. Поводы къ этому онъ указывалъ слѣдующіе: 1) обрядъ принесенія присяги долженъ быть исполненъ депутатами, законно избранными и уполномоченными народомъ; 2) надлежитъ предоставить государю возможность узнать, а жителямъ страны принести ихъ просьбы, какъ для общей ея пользы, такъ и въ частности для каждой мѣстности; 3) необходимость прочно установить гражданское управленіе, а также опредѣлить военныя силы страны при новомъ порядкѣ вещей, когда не будетъ надобности ни въ прежнемъ ихъ числѣ, ни въ прежнихъ на нихъ издержкахъ. Спренгтпортенъ былъ увѣренъ, что императоръ убѣдится этими соображеніями въ необходимости созвать сеймъ, и представилъ гр. Румянцову перечень предметовъ, подлежащихъ обсужденію земскихъ чиновъ, закончивъ свое письмо словами: „Все должно быть установлено сообразно основнымъ законамъ страны, сохраненіе которыхъ во всей чистотѣ было и будетъ въ намѣреніяхъ Его Величества, на сколько они не противорѣчатъ интересамъ имперіи". Эти послѣднія слова — почти буквальное повтореніе словъ, сказанныхъ Екатериною II Егергорну въ 1788 г. на предложеніе присоединить Финляндію къ Россіи.

Представленный перечень не составлялъ правильной програмы, не отличалъ вопросовъ капитальныхъ отъ случайныхъ и показывалъ желанiе со стороны Спренгтпортена забрать какъ можно болѣе дѣлъ въ руки сейма. Гр. Румянцовъ ничего на это не отвѣтилъ, а Спренгтпортенъ черезъ недѣлю (3-го марта 1808 года) написалъ третiй мемуаръ: „Финляндiя принадлежитъ намъ", пишетъ онъ;—„теперь надо имѣть въ виду войну не съ Финляндiей, а со Швецiей, и туда слѣдуетъ перенести и театръ ея. (Это за двѣ недѣли до Револакса!) Надо думать завоевать доброе расположенiе, покорность и возможную помощь со стороны жителей для дальнѣйшаго движенiя нашихъ силъ, если обстоятельства этого потребуютъ.... Созванiе сейма въ Або соотвѣтствуетъ конституцiи страны, было обѣщано прокламацiей, и я расположилъ къ нему умы во время моихъ поѣздокъ"... Но вся энергiя ходатая за сеймъ разбилась о соображенiе лицъ противнаго мнѣнiя, къ числу которыхъ принадлежали гр. Румянцовъ, Аракчеевъ, Буксгевденъ, Тенгстремъ, Троиль и другiе; но чтобы высказаться окончательно, государь, по всей вѣроятности, ожидалъ прiѣзда Клика изъ Финляндiи. Кликъ находилъ созванiе сейма если и не опаснымъ, то во всякомъ случаѣ безполезнымъ, и былъ въ недоумѣнiи на счетъ того, въ какомъ видѣ и по какимъ узаконенiямъ организуется сеймъ; онъ сомнѣвался даже въ томъ, имѣетъ ли Финляндiя свои законы на подобный случай. А если сеймъ будетъ созванъ, то ограничится ли онъ одною присягой и не вообразитъ ли себя въ правѣ воспользоваться тѣмъ избыткомъ свободы, котораго онъ собственно не долженъ имѣть? Поэтому Кликъ даже отвергалъ необходимость созванiя сейма для принесенiя присяги, а предлагалъ уже указанный выше способъ приведенiя къ ней; способъ этотъ и былъ принятъ. Разговоры о сеймѣ прекратились на время; но разговоры о пользѣ и даже необходимости выслушать мѣстныхъ людей не прекращались. Занятая страна представляла много особенностей, а главное мѣстное начальство не могло обращать должнаго вниманiя на гражданскую администрацiю; то, что̀ дѣлалось въ главной квартирѣ, носило характеръ временный и случайный. Поэтому въ русскихъ правительственныхъ сферахъ склонялись къ тому, чтобы посовѣтоваться съ населенiемъ. Спренгтпортенъ настаивалъ вызвать изъ Финляндiи особую депутацiю. Это, по видимому, имѣло практическiй смыслъ и могло помочь правительству—какъ голосъ мѣстныхъ экспертовъ. Въ самый разгаръ народнаго возстанiя, 9-го iюня, гр. Румянцовъ писалъ Буксгевдену, что государь, желая сколь можно ближе узнать положенiе новыхъ своихъ подданныхъ, ихъ нужды и

собственное ихъ мнѣніе о средствахъ къ облегченію тяжкаго бремени, каковымъ они донынѣ были угнетаемы, соизволяетъ, чтобы на сей конецъ изъ пріобрѣтенной страны присланы были къ высочайшему двору депутаты отъ всѣхъ сословій. Цѣль депутаціи опредѣлена тутъ совершенно ясно. Но именно эти слова перетолковываются финскими политиками: Коскиненъ, въ своей „Исторіи Финляндіи", говоритъ, что депутаты должны были отправиться въ русскую столицу, чтобы обсудить съ императоромъ дѣла управленія Финляндіею и ихъ организацію, и что это было посольство, а не представительство!...

Должно впрочемъ сказать, что неточность отдѣльныхъ выраженій и подробностей въ русскихъ актахъ дѣйствительно давала большой просторъ для толкованія и произвольной окраски фактовъ. Такъ, говорилось, что въ опредѣленіи числа депутатовъ лучше, кажется, основаться на прежнихъ примѣрахъ, какъ посылались финляндскіе депутаты въ Стокгольмъ (а дѣло въ томъ, что въ Стокгольмъ ѣздили на узаконенные сеймы или риксдаги, примѣровъ же подобныхъ депутацій вовсе не было). Предлагали главнокомандующему обратить особенное вниманіе на то, чтобы выборъ палъ на людей благонамѣренныхъ и преданныхъ Россіи, и чтобы депутаты были избраны отъ каждаго сословія, согласно съ прежними ихъ обрядами и обычаями. Совмѣстить оба условія было трудно, ибо едва ли не повсемѣстно поднялось болѣе или менѣе сильное сопротивленіе этому распоряженію о выборѣ депутатовъ; чѣмъ ближе къ Швеціи, тѣмъ это сопротивленіе было упорнѣе и враждебнѣе. Едва ли не одинъ только профессоръ Лагусъ былъ въ пользу безусловнаго подчиненія требованію побѣдителя; всѣ же прочіе участники въ выборѣ депутатовъ дѣлали оговорки, а въ самомъ Або оказано было прямое сопротивленіе, ибо здѣсь жила богатѣйшая, по финскимъ понятіямъ, аристократія страны, пропитанная до мозга костей шведскими олигархическими привычками и стремленіями. Собравшись по приглашенію губернатора барона Троиля на выборы депутата въ Або, члены мѣстнаго рыцарства и дворянства сразу стали въ оппозицію предписанію Буксгевдена. Они находили, что императору слѣдовало обратиться къ нимъ съ особымъ собственноручно написаннымъ рескриптомъ, и что назначенное время, 20-го іюля, неудобно для выборовъ; лучше отложить до возстановленія мира. Между тѣмъ, русскіе въ это время терпѣли пораженія, двѣ трети Финляндіи опять были заняты шведами, а близъ Або крейсировали шведскія суда. Финляндцы надѣялись, что и остальная часть Финляндіи освободится отъ

русскаго владычества. Дворяне вообще пришли къ заключенію, что порядокъ избранія состава депутаціи незаконенъ, о чемъ и представили губернатору.

Равнымъ образомъ отказались избирать депутата представители бюргерства (горожанъ) въ городахъ Або, Бьернборгѣ, Раумо, Ништадтѣ, Надендалѣ и Таммерфорсѣ, говоря, что нельзя предоставить охрану пользъ и нуждъ этихъ шести городовъ представителю одного изъ нихъ, такъ какъ интересы эти нерѣдко прямо противоположны. Объ отказѣ отъ содѣйствія къ выбору депутата заявили и крестьяне въ лицѣ Кавено, который писалъ: „Чуствую себя недостойнымъ быть представителемъ цѣлаго сословія, владѣвшаго издревле правомъ посредствомъ свободнаго избранія даровать свое неограниченное довѣріе тому, кто въ интересахъ его долженъ приблизиться къ верховной власти и быть истолкователемъ его желаній предъ самымъ престоломъ“. Что же касается духовенства, составлявшаго особое сословіе, къ которому причислялся и ученый классъ, то оно группировалось по двумъ епархіямъ, а не по губерніямъ: одна—Абовская—сочла невозможнымъ уклониться отъ всемилостивѣйше предписаннаго выбора депутата и тотъ же часъ назначила его. Другая же епархія—Боргоская — предпочла быть на—сторожѣ и повременить предписанною мѣрою до тѣхъ поръ, пока не устранятся всѣ препятствія къ полному сформированію депутаціи.

Губернаторъ Троиль представилъ всѣ эти записки главнокомандующему, прибавивъ отъ себя, что большая часть Абовской губерніи, а равно и остальная часть Финляндіи, еще находятся подъ вліяніемъ Швеціи, почему жители этихъ частей не могутъ участвовать въ образованіи означенной депутаціи, и на нихъ не могутъ быть распространены мѣры, предполагаемыя къ благу страны. А такъ какъ депутація засимъ не въ состояніи исполнить своего назначенія, то Троиль просилъ дѣло это отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Буксгевденъ не ожидалъ случившагося. Выждавъ немного, чѣмъ обозначатся дѣйствія графа Каменскаго, назначеннаго къ командованію сѣвернымъ корпусомъ, онъ написалъ 14-го августа Троилю: дѣло идетъ вовсе не о созваніи сейма; нужно отправить депутацію, чтобы заявить о тѣхъ мѣропріятіяхъ, кои, при настоящихъ обстоятельствахъ, могли бы послужить на пользу страны. Онъ предписывалъ принять мѣры, чтобы въ восемь дней депутаты были выбраны. И дѣйствительно, всѣ депутаты были выбраны 24-го августа. Правда, въ это время Властовъ уже разбилъ при Карстулѣ на голову парти-

зана Фіандта, а съ 19-го по 21-е число произошли извѣстныя побѣдоносныя дѣла гр. Каменскаго при Куортанѣ и Сальми. Упадокъ духа распространился въ населеніи Финляндіи, возстаніе прекращалось. По другимъ губерніямъ депутаты были также назначены; надо было только снабдить ихъ инструкціями. Всѣ эти инструкціи проникнуты однимъ духомъ. Дворянство обязывало депутатовъ домогаться, чтобъ управленіе страной оставалось неприкосновеннымъ и производилось въ ея прежнемъ, обычаемъ освященномъ, порядкѣ. Относительно свѣдѣній о положеніи и нуждахъ страны дворянство предписывало заявить, что при все еще продолжающейся войнѣ депутація не можетъ представить ихъ съ должною достовѣрностью. Духовенство высказывало то же самое и, кромѣ того, поручало ходатайствовать, чтобы къ большему охраненію гражданскихъ правъ оставались прежнее духовное судопроизводство и шведскій церковный законъ. По инструкціи депутатамъ Кюменгордской губерніи испрашивалось, чтобъ отправленіе власти верховной принадлежало только лично Русскому императору, а не русскимъ правительственнымъ органамъ, чтобы всѣ мѣста судей и другія должности губерніи замѣщались лицами финляндскаго происхожденія, если заслуги и высшее образованіе другихъ соискателей не побудятъ сдѣлать въ этомъ отношенія изъятія.

Инструкціи были даны; оставалось депутатамъ ѣхать въ Петербургъ. Но и тутъ многіе уклонялись подъ разными предлогами, сказывались больными, выражали опасеніе, что если не будутъ дѣйствовать сообразно съ волею побѣдителя, то ихъ сошлютъ въ Сибирь и т. д.

Наконецъ, 22-го августа депутаты выѣхали, но настала и половина сентября, а ихъ въ Петербургѣ не было. Государь, не дождавшись ихъ, уѣхалъ за границу въ Эрфуртъ и долженъ былъ вернуться въ столицу къ 20-му октября. Къ тому времени стали собираться въ столицу и депутаты. Въ главѣ ихъ были: Гартманъ, ректоръ университета, извѣстный своею ученостью; Робертъ Ребиндеръ, сдѣлавшійся вскорѣ помощникомъ Сперанскаго по финляндскимъ дѣламъ; баронъ Маннергеймъ, бывшій маіоръ шведской службы, въ свое время участвовавшій въ оппозиціи противъ короля и за то осужденный на смертную казнь, единомышленникъ Спренгтпортена въ отношеніи возможнаго обособленія Финляндіи отъ Россіи. Старѣйшимъ изъ депутатовъ былъ баронъ Эрнстъ Виллебрантъ, генералъ-маіоръ, начальникъ водяныхъ сообщеній Финляндіи; онъ не былъ представителемъ какого-либо сословія; Буксгевденъ самъ назначилъ его и писалъ о

немъ государю, что это человѣкъ, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ народа и всегда оказывалъ отличное усердіе къ пользамъ службы и особенно при принесеніи присяги. Онъ былъ едва грамотный, но большой практическій знатокъ Финляндіи и ея средствъ и умѣлъ этимъ воспользоваться для своихъ выгодъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ теченіе двѣнадцати дней заготовилъ для русской арміи десять тысячъ бочекъ ржи. Но онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ шведскаго, поэтому не могъ быть посредникомъ между депутатами, съ одной стороны, и министрами и государемъ—съ другой; естественно поэтому, что главою депутаціи сдѣлался зять его Маннергеймъ.

Маннергеймъ съ товарищами, какъ туристы, осмотрѣли въ столицѣ все, что̀ желали, и изъѣздили городъ во всѣхъ направленіяхъ, сдѣлавъ не менѣе 230 визитовъ; но недѣля проходила за недѣлей, а о пріемѣ ихъ государемъ и слуха не было, хотя государь давно уже вернулся. Это озадачивало депутатовъ; объяснить себѣ такое замедленіе они никакъ не могли. Происходило это отъ того, что Салтыковъ поджидалъ пріѣзда всѣхъ депутатовъ, чтобъ одновременно представить ихъ государю; когда же выяснилось, что два недостававшіе депутата вовсе не прибудутъ, то пріемъ всѣхъ наличныхъ былъ назначенъ на 17-е ноября въ 4 часа. Немного ранѣе отдѣльно былъ принятъ Виллебрантъ—ссылаясь на экстренную, ему порученную, заготовку для арміи хлѣба, и ректоръ университета Гартманъ.

Аудіенція была несложная. Маннергеймъ привѣтствовалъ государя рѣчью, предварительно просмотрѣнною гр. Салтыковымъ, который вычеркнулъ выраженіе признательности Буксгевдену за его добродушіе. Покоритель Финляндіи былъ уже въ немилости и наканунѣ удаленія отъ должности главнокомандующаго. Императоръ отвѣтилъ Маннергейму, что онъ не перестанетъ помышлять о благѣ жителей Финляндіи и обѣщалъ соблюдать всѣ дарованныя имъ права и преимущества сходно съ прежними ихъ постановленіями.

Дальнѣйшее пребываніе депутатовъ въ Петербургѣ происходило среди пріемовъ, обѣдовъ и придворныхъ увеселеній. Черезъ недѣлю прибыло еще четыре депутата отъ Вазаской губерніи, и наконецъ, 6-го января 1809 года прибыли депутаты, въ числѣ трехъ, отъ Улеаборгской губерніи, были представлены государю, и затѣмъ всѣ стали разъѣзжаться.

Какое же дѣло сдѣлала эта депутація?

Русское правительство желало выслушать отзывы депутатовъ о нуж-

дахъ и средствахъ страны; депутаты же ѣхали съ тѣмъ, чтобы добиваться всѣми мѣрами сохраненія прежнихъ порядковъ. Вопросъ о дѣлахъ минуты отходилъ на задній планъ; финляндцы мечтали о возвращеніи утраченнаго абсолютнаго вліянія на дѣло управленія страной. На этомъ пути стоялъ уже ихъ соотечественникъ Спренгтпортенъ, который тѣмъ временемъ работалъ, чтобы попасть въ генералъ-губернаторы Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, дѣловыя занятія начались въ октябрѣ. Опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ депутація: имѣетъ ли она сеймовый или свой особенный характеръ. Маннергеймъ полагалъ представить государю меморіалъ и въ немъ привести основанія, по которымъ депутаты не считаютъ себя представителями финскаго народа и не могутъ входить въ какія бы то ни было сужденія и давать заключенія. Это было принято, и мемуаръ написанъ; всѣ его одобрили, кромѣ купца Линдерта, находившаго, что до свѣдѣнія русскаго правительства должны быть доведены заявленія о тѣхъ экономическихъ нуждахъ, по коимъ онъ является ходатаемъ, какъ депутатъ сейма. Впрочемъ, послѣ нѣкоторыхъ пререканій Маннергейму удалось убѣдить Линдерта подписать меморіалъ, который и былъ представленъ императору. Финскіе писатели даютъ этому документу особое значеніе, какъ первому шагу на пути договора, состоявшагося, по ихъ утвержденію, между Александромъ и Финляндіей. Меморіалъ довольно длиненъ и вполнѣ помѣщенъ у г. Ордина на стр. 213—215; но финскіе историки не приводятъ его дословно, потому что онъ въ цѣломъ нисколько не можетъ служить доказательствомъ соглашенія, а тѣмъ болѣе договора; отдѣльно выхваченныя фразы представляютъ однако удобный случай для пользованія меморіаломъ. Въ этомъ меморіалѣ отдается на полное усмотрѣніе Его Величества созвать общее собраніе чиновъ, еслибъ это оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей.

Когда меморіалъ былъ поднесенъ императору—трудно сказать съ точностью, 17-го или 19-го ноября; но опредѣленіе этого дня важно, ибо вскорѣ послѣдовало распоряженіе о созваніи сейма; этимъ можно уяснить себѣ, на сколько этотъ меморіалъ имѣлъ вліяніе на такую крупную перемѣну взгляда. Изъ сопоставленія цифръ видно, что онъ не оказалъ на это вліянія. Салтыковъ былъ съ докладомъ у государя 19-го ноября и тогда только и могъ представить этотъ меморіалъ, но въ тотъ же день утверждено положеніе о главномъ правленіи въ новой Финляндіи, въ которомъ опредѣлительно говорится уже о

предстоящемъ созваніи генеральнаго собранія изъ депутатовъ всѣхъ состояній.

На томъ же докладѣ, 19-го ноября, Салтыковъ подносилъ государю перечень составленныхъ Спренгтпортеномъ вопросовъ, которые должно было предложить депутатамъ. Это перечень былъ чисто справочный. Государь приказалъ добавить статью: какія, по мнѣнію депутатовъ, улучшенія нужны теперь для Финляндіи? Этими словами меморіалъ еще болѣе лишается значенія договора, приписываемаго ему финскими историками. Маннергеймъ и его товарищи отнѣкивались отъ сужденій этого рода, а государь приказывалъ ихъ спросить именно объ этомъ. Отвѣчая на этотъ предложенный ей рядъ вопросовъ, депутація представила государю прошеніе, въ которомъ въ 17 пунктахъ изложила нужды страны, требовавшія, по ея мнѣнію, наибольшаго вниманія; оно оканчивалось словами: „Для насъ нѣтъ ничего болѣе сладостнаго, какъ глубокое убѣжденіе въ благости монарха, дышащаго лишь справедливостью и благотвореніемъ; священнѣйшій ея залогъ данъ намъ въ увѣреніе, что чины Финляндіи будутъ созваны для обсужденія интересовъ страны, и результаты его будутъ повергнуты на рѣшеніе ихъ августѣйшаго государя, по сущей правдѣ именуемаго возлюбленнымъ!“ Просьба подписана безъ означенія числа; трудно сказать поэтому, когда она была представлена.

Сличая просьбу эту съ перечнемъ вопросовъ, одобренныхъ императоромъ, видно, что первая не служитъ отвѣтомъ на вторые, но имѣетъ много общаго съ мемуарами Спренгтпортена объ устройствѣ управленія и съ постановленіями особаго комитета, утвержденными 19-го ноября. Но, кромѣ общей просьбы, нѣкоторые депутаты подали и отдѣльныя записки; такъ напримѣръ, Бергстремъ просилъ о пособіи бѣднѣйшимъ жителямъ, ректоръ Гартманъ — объ отпускѣ 6.000 р. на университетскія постройки, о безплатной высылкѣ книгъ и журналовъ изъ Петербурга и объ освобожденіи отъ воинскаго постоя, Лебелль—объ отпускѣ 2.000 риксдалеровъ на постройку школы вмѣсто сгорѣвшей въ 1801 году; улеаборгскіе депутаты просили о снабженіи ихъ хлѣбомъ и солью.

Коллективная просьба разсматривалась въ особомъ совѣщаніи изъ Салтыкова, Аракчеева и Спренгтпортена, причемъ Аракчеевъ, забывая главную цѣль созыва депутаціи, и что этимъ оказана финляндцамъ царская милость, сталъ говорить о незаконности депутаціи, о неимѣніи ею народной довѣренности и полагалъ, что эту

депутацію слѣдуетъ распустить. Совѣщаніе присвоило депутатамъ значеніе только частныхъ просителей, отъ народа не уполномоченныхъ, и полагало объявить имъ, что назначенное въ январѣ мѣсяцѣ собраніе или сеймъ лучше откроетъ мысли и надобности народа и единодушнымъ мнѣніемъ, при посредствѣ генерала Спренгтпортена, съ лучшею удобностью ограничитъ какъ требованія финновъ, такъ и обязанности ихъ къ новому правительству. Другими словами, говорилось то же самое, что̀ говорили избиратели города Або при посылкѣ депутатовъ. Это наглядно показываетъ недальновидность русскихъ министровъ, не предвидѣвшихъ, что сеймъ не станетъ даже слушать предложеній или заявленій Спренгтпортена, какъ оно и случилось на дѣлѣ.

Однако совѣщаніе предположило, что императоръ можетъ не согласиться съ его доводами и не захочетъ пренебречь коллективною просьбою, тѣмъ болѣе, что на другія частныя просьбы послѣдовало уже разрѣшеніе. Поэтому совѣщаніе изложило свои предположенія объ отвѣтахъ по каждому изъ 17 пунктовъ, добавивъ, что если государь соизволитъ изъявить высочайшую волю на дачу отвѣта нынѣшнимъ депутатамъ, то генералъ Спренгтпортенъ приметъ на себя составленіе на семъ основаніи проекта отвѣта и поднесетъ его на высочайшее усмотрѣніе черезъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Императоръ утвердилъ это 19-го декабря, а 4-го января 1809 года былъ подписанъ отвѣтъ депутатамъ. Спренгтпортенъ своимъ изложеніемъ отвѣта перенесъ центръ тяжести власти безусловно на свою сторону; упоминавшіеся въ постановленіи русскіе министры почти вездѣ замѣнены были генералъ-губернаторомъ, имѣющимъ особыя инструкціи.

Депутаты получили щедрыя награды и отправились послѣ того на родину, съ полнымъ сознаніемъ, что вопросъ о созваніи сейма разрѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Данныя имъ инструкціи они исполнили.

Во время пребыванія депутатовъ въ Петербургѣ исполнилось и завѣтное желаніе Спренгтпортена — стать первымъ лицомъ Финляндіи. Вотъ какъ это случилось.

Поздравляя императора со взятіемъ Свеаборга, Спренгтпортенъ писалъ, что теперь наиудобнѣйшее время созвать представителей Финляндіи, назначить генералъ-губернатора для страны, удовлетворить ея нуждамъ и устроить ея судьбу. „Я почтительнѣйше желалъ бы знать", писалъ онъ,—„каковы будутъ намѣренія Вашего Величества на счетъ меня. Если вы изволите еще полагать меня годнымъ на

что-либо, послѣдняя капля моей крови будетъ употреблена на службу Вашего Величества" и т. д.

На это государь отвѣчалъ между прочимъ: „Какъ вамъ извѣстно, я имѣлъ намѣреніе предоставить вамъ постъ генералъ-губернатора этой провинціи (Финляндіи), но ваше собственное благоразуміе побудило уклониться отъ него, когда вы замѣтили, что между графомъ Буксгевденомъ и вами существовало недоразумѣніе, которое могло повредить пользѣ моихъ дѣлъ. Это прискорбное несогласіе служитъ причиною тому, что я и теперь лишенъ возможности удовлетворить вашему желанію; пока война продолжается, польза службы требуетъ, чтобы военныя и гражданскія власти были довѣрены лицамъ, способнымъ быть между собою въ добромъ согласіи".

Съ появленіемъ депутатовъ въ Петербургѣ зашла рѣчь и объ устройствѣ мѣстнаго управленія въ Финляндіи: составились разныя по этому предмету записки и проекты. Объ этомъ писалъ также и Спренгтпортенъ, выставляя трудность управленія завоеванною страною и необходимость обставить положеніе ея начальника особыми условіями. Въ мемуарѣ своемъ императору онъ между прочимъ говоритъ: „Остается еще покорить сердца жителей ея (Финляндіи), которыя болѣе чѣмъ когда-либо отчуждены отъ насъ", и затѣмъ представляетъ цѣлую картину бѣдствій страны, разоренной войною (набрасывая этимъ тѣнь на Буксгевдена), и единственнымъ средствомъ спасенія выставляетъ созваніе сейма, на которомъ будутъ вліять люди самые благонадежные: „Великодушіе, благотворительность и самое присутствіе Его Величества—вотъ что нужно"... „Финляндія", говоритъ онъ далѣе,—„пользуется, вмѣстѣ со Швеціей, тою же конституціей и управляется тѣми же законами, которые въ отношеніи благосостоянія и безопасности гражданъ достигли мудростію націи, бывшей сама себѣ законодательницей, такого совершенства, какое только человѣчески возможно, и нельзя замѣнить ихъ ничѣмъ лучшимъ". Съумѣвъ внушить государю, замѣчаетъ г. Ординъ,—мысль о настоятельной необходимости устранить вліяніе военной власти на гражданскую администрацію, Спренгтпортенъ представилъ на его усмотрѣніе планъ временнаго управленія, по образцу стокгольмскаго (замѣнившаго тамошній сенатъ по его упраздненіи) для сужденія въ послѣдней инстанціи по тѣмъ дѣламъ, кои будутъ предложены государемъ на его разсмотрѣніе. Предсѣдателемъ этого трибунала онъ дѣлалъ учреждаемаго генералъ-губернатора, то-есть, самого себя, и тѣмъ переносилъ центръ тяжести изъ столицы въ провинцію. Далѣе Спренгтпор-

тенъ упоминаетъ въ этомъ мемуарѣ о снабженіи войскъ провіантомъ, о перевозкѣ продовольствія, о монетѣ и т. д.,—все предметы, на которые императоръ естественно долженъ былъ обратить вниманіе. Неизвѣстно, когда этотъ мемуаръ былъ поданъ государю, но безъ сомнѣнія, уже по возвращеніи его изъ Эрфурта, то-есть, въ послѣднихъ числахъ октября или въ началѣ ноября. Получивъ одобреніе своихъ основныхъ мыслей, Спренгтпортенъ успѣлъ представить и болѣе подробный планъ управленія, который и былъ утвержденъ—какъ мы упомянули выше—19-го ноября; планъ этотъ состоитъ изъ 17 статей, изъ коихъ 8 посвящены управленію, а 9—генералъ-губернатору. Въ особомъ комитетѣ изъ Аракчеева, Спренгтпортена и Кнорринга, будущаго главнокомандующаго, проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ, принятъ безъ измѣненій и утвержденъ Александромъ 19-го ноября.

По этому положенію объ учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи, генералъ-губернаторъ сосредоточивалъ въ себѣ абсолютную власть; члены комитета, набираемые изъ финляндцевъ, ставились въ полную его зависимость; все, край и люди, поступало въ безусловное распоряженіе генералъ-губернатора, получавшаго надъ комитетомъ начальство, предѣлы котораго совершенно не опредѣлялись. Обратимъ вниманіе еще на слѣдующіе довольно знаменательные факты.

1) Самъ Спренгтпортенъ установлялъ, что языкъ шведскій сохранялся лишь временно, какъ переходная мѣра, пока русскій государственный языкъ не войдетъ въ общее употребленіе (ст. 7), и что отчеты о ходѣ дѣлъ представляются государю и его министрамъ (ст. 10). То и другое вытекало изъ положенія Финляндіи, какъ русской провинціи.

2) Комитетъ внесъ въ положеніе то, что̀ самъ Спренгтпортенъ тамъ высказывалъ, но не въ представленномъ имъ проектѣ положенія, а въ заключительныхъ словахъ мемуара, и то въ видѣ намека, а именно (ст. 15): „дѣлать въ январѣ мѣсяцѣ въ г. Ловизѣ генеральное и конституціонное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ состояній новопріобрѣтенной Финляндіи, которое откроетъ мысли и надобности народа, средства къ поправленію и согласитъ умы финновъ, удаленные, можно сказать, по нынѣшнему ихъ неизвѣстному состоянію".

3) Салтыковъ, исправлявшій должность гр. Румянцова, бывшаго въ то время за границею, колебался подписать это положеніе; вопросъ о созваніи конституціоннаго собранія былъ щекотливъ, и онъ не

могъ не бояться отвѣтственности. Онъ искалъ совѣта и помощи помимо Спренгтпортена и обратился къ Маннергейму; послѣдній написалъ ему очень ловкую записку, въ которой послѣ общихъ фразъ, что сперва надо возстановить полное спокойствіе въ странѣ, что новая страна сначала не довѣряетъ новымъ властителямъ, и потому неспособна принять новыя учрежденія и т. д., онъ дѣлаетъ очерки законовъ и учрежденій, существующихъ въ Финляндіи, общихъ для всего Шведскаго королевства, и на вопросъ: надо ли созывать сеймъ, отвѣчаетъ утвердительно. Для окончательнаго устройства Финляндіи, продолжаетъ онъ,—не настало еще время: „Еще разъ говорю, что за нововведенія надо приниматься очень осторожно; лучше сохранить въ цѣлости старые обряды даже съ недостатками, отложивъ перемѣны до будущаго времени". Послѣ этой записки Салтыковъ успокоился, хотя о сеймѣ и не получилъ яснаго понятія.

4) Вліяніе Спренгтпортена на своихъ сочленовъ по совѣщанію несомнѣнно; но вся соль дѣла заключается въ томъ, что этотъ проектъ подписанъ Аракчеевымъ. Министръ самодержавнаго монарха и самъ вовсе не либералъ, опираясь на какія-то вовсе ему неизвѣстныя конституціи, признаетъ нужнымъ созвать генеральное и конституціонное собраніе, — признанное пять мѣсяцевъ тому назадъ по высочайшему повелѣнію излишнимъ, и такимъ образомъ онъ, министръ, находитъ возможнымъ отмѣнить прямо волю своего государя.

5) Статья 11-я опредѣляла, что генералъ-губернаторъ представляетъ всѣ дѣла по ихъ принадлежности черезъ министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ и высочайшія повелѣнія. Противъ этой статьи императоръ сдѣлалъ надпись собственноручно: „кромѣ сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ". За это финляндскіе политики ухватились и дошли до того, что въ этой надписи усматриваютъ полное основаніе для теоріи личнаго единенія. Но эта надпись сама по себѣ ни къ чему не обязывала и предрѣшала весьма мало. Еслибъ этимъ должно было выразиться сознательное обособленіе Финляндіи, то оно выразилось бы въ болѣе опредѣленной формѣ, какъ-то: указа, акта и манифеста, коими богатъ именно 1808 годъ. Въ этихъ словахъ выражено лишь желаніе государя обратить личное вниманіе на направленіе, которое получатъ дѣла въ пріобрѣтенномъ краѣ, о неустройствѣ коего получались самыя грустныя свѣдѣнія отъ враговъ Буксгевдена.

Повелѣвъ вносить всѣ представленія прямо къ нему, императоръ не указалъ однако, какимъ путемъ будутъ объявляться его повелѣнія. Быть

можетъ, еще тогда онъ имѣлъ мысль поручить при себѣ заняться по дѣламъ Финляндіи Сперанскому, бывшему съ нимъ и въ Эрфуртѣ; по крайней мѣрѣ вскорѣ, то-есть, въ концѣ 1808 года, всѣ бумаги финляндской депутаціи переданы были молодому статсъ-секретарю, съ которымъ сносился и Спренгтпортенъ.

Одновременно съ этимъ положеніемъ подписанъ указъ Спренгтпортену о томъ, что на него возлагается управленіе Финляндіей по гражданской части. Немедленно послѣ того, циркуляромъ 11-го декабря Спренгтпортенъ объявилъ объ этомъ въ Финляндіи, добавивъ, что Его Величество рѣшилъ созвать общій сеймъ, какъ скоро то будетъ возможно, для чего время и мѣсто впередъ будутъ назначены.

По ст. 15 положенія говорилось, что сеймъ соберется въ Ловизѣ и въ январѣ. Депутаты замедлили въ Петербургѣ; разсмотрѣніе ихъ просьбъ затянулось; Сперанскому надо было осмотрѣться, какъ человѣку новому, а потому созваніе сейма отложено до марта 1809 года. Изъ этого видно, что для императора сеймъ не составлялъ предмета особеннаго интереса, а тѣмъ менѣе иниціативы. Повторенныя представленія объ этомъ доказываютъ, что въ надобности сейма государь не былъ убѣжденъ. О сеймѣ въ Петербургѣ имѣли самыя смутныя понятія; не подозрѣвали, что въ самой Швеціи были двоякаго рода сеймы: общегосударственный или риксдагъ, на которомъ представительныя права принадлежали четыремъ сословіямъ, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи, и еще мѣстно-провинціальные, о которыхъ и говорилъ Буксгевденъ въ отношеніи собственно Финляндіи. Всѣ мемуары о сеймѣ, предназначаемые для свѣдѣнія императора, проходили молчаніемъ безправіе королевской власти. Такимъ образомъ русское правительство, обѣщая сохраненіе правъ и преимуществъ вновь завоеваннаго края, не имѣло о нихъ яснаго понятія.

Спренгтпортенъ неоднократно просилъ разрѣшенія о созваніи сейма, и наконецъ, 20-го января 1809 г. появилось, на французскомъ языкѣ, воззваніе къ жителямъ новой Финляндіи, то-есть, той ея части, которая была только-что покорена, о томъ, что общій сеймъ созывается въ Борго на 10-е марта 1809 года.

Спренгтпортенъ достигъ желаемаго; онъ торопился переводомъ воззванія и его оглашеніемъ. Но въ послѣднюю минуту произошла задержка въ печатаніи шведскаго перевода воззванія. Въ типографіяхъ не нашлось готовой литеры *ä*, и ее пришлось изготовлять. О переводѣ же воззванія на финскій языкъ и не думали, хотя

большинство крестьянскаго и отчасти городскаго населенія не знало шведскаго языка.

По отправкѣ объявленія стали толковать о разныхъ вопросахъ, касавшихся различныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ при сеймѣ по законамъ Швеціи; при этомъ естественно возникало множество недоразумѣній, разрѣшеніе которыхъ ограничивалось общими фразами, а потому страдало неопредѣленностію; финляндцы же понимали дѣло въ томъ смыслѣ, что учрежденія ихъ не подвергались коренной ломкѣ; этимъ только увеличивалась путаница понятій.

Маршаломъ, то-есть, предводителемъ дворянскаго сословія и руководителемъ всѣмъ порядкомъ на сеймѣ вообще, назначенъ былъ, по представленію Спренгтпортена, тотъ самый баронъ де-Гееръ, который въ началѣ отказался отъ присяги.

Въ Борго готовились къ открытію сейма и къ пріему государя, хотя не были увѣрены, прибудетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ. Спренгтпортенъ очень безпокоился объ этомъ и писалъ Сперанскому, что „если Его Величество не рѣшится присутствовать лично при первомъ открытіи этого сейма, а равно и при его закрытіи..., то лучше пріостановить все до времени болѣе спокойнаго... Сеймъ можетъ состояться если угодно, такъ-же какъ и быть отмѣненнымъ, безъ затрудненій для кого бы то ни было". Черезъ два дня, 15-го февраля, онъ опять пишетъ, что „былъ бы въ восхищеніи, еслибы Сперанскій сказалъ ему: публикуйте, что сеймъ отложенъ до времени болѣе спокойнаго, когда будетъ, что ѣсть".

Но этой отсрочки однако не послѣдовало; открытіе общаго собранія сейма назначено было на 16-е марта; императоръ пріѣхалъ въ Борго 15-го числа, и въ тотъ же день издана была извѣстная грамота, которая впослѣдствіи подверглась различнымъ толкованіямъ подъ перомъ шведскихъ и финскихъ историковъ. Она не внесена въ Полное Собраніе Законовъ, и мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го дня 1809 года".

Пристрастные толкователи этого акта дошли до того, что эти слова истолковали какъ краеугольный камень не только провинціальныхъ особенностей Финляндіи, но и самостоятельной ея государственности. Между тѣмъ изъ этой грамоты ясно, что императоръ вступилъ въ обладаніе княжествомъ не по договору, а произволеніемъ Всевышняго, и призналъ за благо (то-есть, по своему усмотрѣнію, а не по условію съ кѣмъ-либо) сохранить финляндцамъ ихъ религію, коренные законы и т. д.; кромѣ того, это подтверждается не въ первый разъ, а вновь.

Съ этой грамоты сдѣланъ былъ на шведскій языкъ переводъ, вѣрность котораго удостовѣрилъ помощникъ Сперанскаго Ребиндеръ, „не зная русскаго языка", замѣчаетъ г. Ординъ. При этомъ допущены были слѣдующія неточности: слово вновь совсѣмъ опущено; въ выраженіи „удостовѣрить религію, коренные законы" и т. д. послѣ слова религія вставлено слово страны, и вышло религія страны, а не религію, коею каждое состояніе пользовалось. Вмѣсто слова подданные поставлено жители; выраженіе по конституціямъ переведено въ единственномъ числѣ: по конституціи, словно въ Швеціи была какая-то конституція еще до 1808 года. Наконецъ, слово грамота, въ смыслѣ документа на царское пожалованіе, переведено выраженіемъ Försäkrings-Act, заимствованнымъ изъ шведскихъ законовъ, гдѣ оно означаетъ удостовѣрительный актъ.

При открытіи сейма государь произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой повторилъ: „Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши коренные законы; ваше настоящее собраніе удостовѣряетъ исполненіе моего обѣщанія". Спренгтпортенъ прочелъ со второй ступени трона шведскій переводъ этой рѣчи. Протокола этого перваго засѣданія не существуетъ. Г. Ординъ предполагаетъ, что его и вовсе не было. Однако, вести протоколъ по церемоніалу долженъ былъ Сперанскій, при содѣйствіи Ребиндера, и для нихъ былъ приготовленъ особый столъ. Но Сперанскому было не только затруднительно, но и не возможно вести протоколъ засѣданія, въ которомъ очень многое было ему не понятно. Быть можетъ, стоя тогда на высотѣ своего величія, Сперанскій находилъ это для себя и неумѣстнымъ. На Ребиндера, помощника своего, человѣка молодаго и мало извѣстнаго Сперанскому, трудно было исключительно при этомъ положиться; поэтому проще было не исполнить эту статью церемоніала, притомъ не подписаннаго государемъ.

Послѣ отвѣтныхъ рѣчей представителей сословій прочтены были вопросы, которые отъ имени государя предлагались на обсужденіе;

они сообщены были при бумагѣ Сперанскаго отъ 16-го марта на французскомъ языкѣ, въ которой говорилось, что „Его Величество, убѣжденный въ готовности народа идти на встрѣчу его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, рѣшилъ внести нижеслѣдующіе предметы на обсужденіе сословій, приглашая ихъ представить ему ихъ мнѣнія о способахъ привести ихъ въ устройство въ порядкѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ благосостоянію жителей". Эти предложенія касались военнаго устройства края, взиманія податей, монетной системы и назначенія чиновъ въ тотъ правительственный совѣтъ, который былъ учрежденъ 19-го ноября 1808 года.

Этимъ засѣданіе 16-го марта и окончилось. На слѣдующій день назначена была присяга для представителей сословій, хотя все населеніе присягало почти годъ тому назадъ. Но руководители, въ видахъ большаго укрѣпленія преданности народа новому государю, хотѣли произвести демонстративный обрядъ присяги, согласно шведскимъ законамъ. По симъ законамъ присяга была обоюдная: съ одной—государственныхъ чиновъ, съ другой — самого короля, причемъ въ формѣ присяги короля заключалось торжественное обязательство „управлять королевствомъ, навсегда отвергая ненавистное королевское единодержавіе или такъ-называемое самодержавіе". Не извѣстно, зналъ ли Сперанскій буквально содержаніе этой присяги, но его финляндскіе совѣтники, не смотря на всю невозможность такой присяги для самодержавнаго государя, попытались: нельзя ли примѣнить ее въ настоящемъ случаѣ. Но это, конечно, не удалось; Сперанскій сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ того, что при настоящихъ обстоятельствахъ это непригодно.

Присяга была принесена одними представителями сословій въ присутствіи государя, въ храмѣ. Этотъ инцидентъ ясно показываетъ также, что все дѣло было не въ какомъ-либо соглашеніи или договорѣ съ финляндцами, а въ личномъ и совершенно произвольномъ усмотрѣніи государя.

Объ этой присягѣ и грамотѣ 15-го марта признано было нужнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе черезъ епископа. Противъ такого способа распубликованія протестовалъ Спренгтпортенъ, указывая, что это несогласно съ обычаями страны; публикаціи должны производиться черезъ губернаторовъ. На это Сперанскій отвѣтилъ лаконически, что „Его Величество по докладу объ этомъ не изволилъ ничего измѣнить въ первомъ своемъ рѣшеніи по этому предмету". Епископу Тенгстрему поручено было составить надлежащій манифестъ,

причемъ участвовалъ и Ребиндеръ. Этотъ манифестъ повторяетъ то же самое, что составляетъ сущность грамоты 15-го марта. Потомъ, по предложенію Ребиндера, возбужденъ былъ вопросъ о распубликованіи рѣчей, произнесенныхъ государемъ. Сперанскій по докладу о томъ Александру I писалъ Ребиндеру, что „Его Величество одобряетъ мысль напечатать ихъ (то-есть, рѣчи) по шведски и распространить, если, по зрѣломъ размышленіи и по выслушаніи мнѣній маршала и епископа, окажется, что это оглашеніе можетъ помочь общественному мнѣнію составиться и уясниться".

Императоръ предпринялъ поѣздку черезъ Гельсингфорсъ въ Або и оттуда въ Тавастгусъ, гдѣ ознакомился съ мѣстными учрежденіями, въ томъ числѣ и съ управленіемъ генерала-губернатора, которому, согласно съ мнѣніемъ Спренгтпортена, назначено было мѣстопребываніе въ этомъ городѣ. Государь выразилъ мнѣніе, что удобнѣе было бы имѣть генералъ-губернаторское управленіе въ Або. Спренгтпортенъ немедлено поручилъ абовскому губернатору Троилю озаботиться приговленіемъ для него квартиры. Лучшій домъ въ Або занятъ былъ главнокомандующимъ Кноррингомъ, и Троиль просилъ его очистить помѣщеніе, ссылаясь на сообщенное ему Спренгтпортеномъ Высочайшее повелѣніе. Кноррингъ, которому незадолго передъ тѣмъ императоръ выразилъ свое неудовольствіе за неудачное веденіе военныхъ дѣйствій, обидѣлся и написалъ опять просьбу объ увольненіи отъ должности. Кноррингъ былъ уволенъ, но Спренгтпортену государь написалъ: „Было бы странно предположить въ самомъ дѣлѣ, что на основаніи простаго предварительнаго, притомъ словеснаго, разсужденія вы почли себя въ правѣ учреждать мѣстопребываніе управленія въ г. Або, устроить тамъ квартиры, начиная, вопреки всѣмъ приличіямъ, съ вашей (квартиры), и превысить такимъ образомъ предѣлы власти, вамъ ввѣренной; вы обратили по вашему усмотрѣнію предварительныя сужденія въ положительныя мѣры и предупредили повелѣнія, кои никогда вамъ не были даны, и коихъ именно я рекомендовалъ вамъ ожидать... Съ сожалѣніемъ вижу вынужденнымъ призвать васъ къ порядку, предлагая не только остановить всѣ распоряженія на счетъ окончательнаго устройства мѣстопребыванія гражданскаго управленія въ Або, но и воздержаться отъ всякой важной мѣры, которая выходила бы изъ предѣловъ полномочій, опредѣленныхъ вашими инструкціями или въ точности предписанныхъ моими повелѣніями".

Спренгтпортенъ, хотя и слагалъ вину всего этого на стараніе своего

единомышленника и друга Троиля и отчасти на самого государя, тѣмъ не менѣе подалъ въ отставку, ибо, выразился онъ,—„не имѣетъ привычки получать письма въ родѣ ему присланнаго".'Онъ былъ также уволенъ 5-го іюня, и этимъ закончилась его карьера: онъ никому не угодилъ, и самонадѣянныя мечты этого честолюбца разлетѣлись въ прахъ; онъ даже совсѣмъ разочаровался въ дѣлахъ сейма, о созваніи котораго такъ хлопоталъ.

Для разсмотрѣнія вопросовъ, данныхъ на обсужденіе сейма, образованы были двѣ коммиссіи, и кромѣ того, учреждены были комитетъ по дѣламъ дворянства и депутація для разсмотрѣнія дѣлъ, не входящихъ въ кругъ занятій другихъ коммиссій. О ходѣ дѣлъ маршалъ де-Гееръ писалъ государю между прочимъ слѣдующее: „Такъ какъ депутаціи не могли еще ничего рѣшить, то я и не могу имѣть чести доложить ни о какомъ рѣшеніи... Единогласно сословія и вся страна благословляютъ Его Величество за ту милость, что они могутъ сами, безъ вліянія кого-либо другаго, кто не представитель и не членъ сословій, разсуждать о своемъ благополучіи и принимать самимъ рѣшенія, со всемилостивѣйшаго одобренія Его Величества".

Это толкованіе было совершенно не согласно съ тѣмъ, что̀ было предположено императоромъ и что̀ разъяснялъ Сперанскій въ письмѣ къ Барклаю-де-Толли, главнокомандующему въ Финляндіи послѣ Кнорринга: „Il y a une observation essentielle à faire sur le mode d'après lequel on a dirigé cette discussion. Ce ne sont pas des décrets, ce sont de simples avis qu' on a demandé à la diète". Другими словами: отъ сейма требовали простаго мнѣнія, а не рѣшенія.

Для разработки вопроса объ организаціи центральнаго административнаго учрежденія — правительственнаго совѣта, былъ учрежденъ особый комитетъ не по избранію сейма, а по назначенію отъ имени государя. Спренгтпортенъ въ этотъ комитетъ назначенъ не былъ, считалъ себя оскорбленнымъ, видѣлъ въ этомъ нарушеніе учрежденія 19-го ноября и писалъ о томъ Сперанскому, который старался его успокоить и обѣщалъ составленный проектъ прислать на его заключеніе.

Спренгтпортенъ мнилъ стоять во главѣ сейма и руководить имъ въ качествѣ генерала-губернатора. Поэтому онъ обратился къ сейму съ формальнымъ предложеніемъ, чтобы выяснить свои взгляды и преподать ихъ въ руководство. Въ письмѣ къ Сперанскому онъ объяснялъ, что на основаніи инструкціи и характера управленія, установленнаго для страны, онъ считалъ своимъ долгомъ наблюдать за ходомъ

дѣлъ. Форма его предложенія была бестактна; онъ говорилъ съ сильно выраженнымъ авторитетомъ, заносчиво и притомъ какъ власть имѣющій; между тѣмъ люди, къ которымъ онъ обращался, де-Гееръ и другіе, сами пытались всякими способами захватить власть въ свои руки. Де-Гееръ спросилъ его: имѣетъ ли онъ повелѣніе государя руководить дѣлами сейма? И такъ какъ Спренгтпортенъ не могъ отвѣтить на это утвердительно, то де-Гееръ далъ ему понять, что онъ не имѣетъ основаній принимать указанія генерала-губернатора. Впрочемъ, де-Гееръ спрашивалъ объ этомъ и Сперанскаго, который нашелъ нужнымъ возобновить въ памяти генерала-губернатора указанія, данныя ему въ Або государемъ въ его кабинетѣ, именно: „Его Величество изволилъ заявить вамъ, что его намѣреніе было предоставить чинамъ полную свободу сужденій. Это рѣшеніе не исключаетъ, конечно, совѣты, которые вы могли бы дать, еслибы ихъ у васъ спросили; но я не думаю, что нужно было бы стѣснять сословія проявленіемъ власти или надзора; едва ли также было бы сообразно съ видами государя императора, еслибы вы видимо руководили земскими чинами".

Вообще замѣтимъ, что выдающуюся, почти самостоятельную роль во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся сейма и Финляндіи, игралъ теперь Сперанскій, находя во всемъ одобреніе императора. Сперанскій толковалъ о свободѣ и ея охранѣ въ такихъ выраженіяхъ, что у финляндцевъ, по выраженію Клика, могла закружиться голова. „Вы знаете", писалъ Сперанскій Спренгтпортену,—„что свобода, особенно свобода возрождающаяся, очень пуглива и требуетъ попеченій и бережнаго ухода". Финляндцы льстили Сперанскому всячески, а между тѣмъ начали думать о расширеніи круга своихъ дѣйствій, о значеніи, о власти и вскорѣ перешли границы, намѣченныя офиціальными документами. Изъ протоколовъ засѣданій видно, что въ сословныхъ собраніяхъ говорили и писали, что императоръ предоставилъ финляндцамъ конституцію 1772 года; депутаты на этомъ основаніи могли считать себя государственными чинами (но какого государства—не извѣстно), а сіи послѣдніе имѣли власть наравнѣ съ королемъ.

Оставленные на свободѣ, боргоскіе депутаты, забывъ, что имъ даны на разсужденіе только четыре извѣстныя предложенія, нашли возможнымъ, хотя и съ большою осторожностью, обсуждать о мѣрѣ ихъ участія въ дѣлѣ заключенія мира съ Швеціей. По предложенію Маннергейма этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ на сеймѣ, и императору представлена была объ этомъ петиція объ устройствѣ комитета, ко-

торый могъ бы подготовлять „предметы, кои касались бы лишь страны вообще, разныхъ сословій ея жителей, ихъ дѣлъ и ремеслъ, собственно въ отношеніи экономическомъ и торговомъ, и о которыхъ надлежало бы заботиться, ведя переговоры о мирѣ, въ соображеніи обиходныхъ правъ и выгодъ, кои могутъ быть извлечены обществомъ даже въ будущемъ".

Замѣтимъ, что сословіе горожанъ на это не согласилось; они находили, что такое предложеніе слишкомъ близко касается прерогативъ короны; они опасались, что этимъ путемъ вся власть сословій перейдетъ въ руки этого комитета. Но де-Гееръ, представляя эту петицію, поддерживалъ ее, и чтобы дать еще болѣе благовидности проектированному комитету, одна изъ цѣлей котораго было прямое вмѣшательство въ мирные переговоры Россіи съ Швеціей, онъ предлагалъ обязать членовъ комитета приносить особую присягу. Кромѣ того, де-Гееръ просилъ, чтобы сейму предоставлено было разсуждать обо всемъ, касающемся хозяйства, промышленности и внутренняго устройства Финляндіи. Правда, онъ добавлялъ, что онъ далекъ отъ всякихъ непозволительныхъ желаній. „Земля", восклицалъ онъ, — „не могла бы меня носить, еслибы столь велика была моя неблагодарность". Однако эти просьбы не были уважены. Сперанскій писалъ де-Гееру, что „Его Величество, дабы не отклонить вниманія сословій отъ важныхъ предметовъ, уже переданныхъ на ихъ обсужденіе, не считаетъ умѣстнымъ дѣлать предложенія". При этомъ онъ добавлялъ, что „еслибы встрѣтились нужныя замѣчанія по разнымъ областямъ политической экономіи, то самое простое было бы представить о томъ императору въ видѣ просьбы, не передавая ихъ предварительно на сеймъ. Этимъ устранилось бы участіе сейма въ дѣлахъ внѣ предѣловъ данныхъ ему четырехъ предложеній".

Такимъ образомъ, можно сказать, что русская власть тамъ, гдѣ имѣла возможность опредѣленно высказаться, твердо держалась занятаго положенія: все въ рукахъ правительства, сеймъ же остается совѣщательнымъ собраніемъ въ тѣсныхъ предѣлахъ предложенныхъ ему вопросовъ.

При обсужденіи вопроса объ организаціи совѣта управленія возникъ самъ собою вопросъ о примѣненіи къ Финляндіи прежней, то-есть, шведской конституціи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Еще въ началѣ, когда рѣшено было созвать сеймъ, бывшій шведскій полковникъ Егергоритъ подалъ на имя государя записку, въ которой развивалъ мысль о необходимости сохранить для Финляндіи шведскую

конституцію, причемъ, однако, предлагалъ отчасти измѣнить ее. О финляндскомъ дворянствѣ онъ отзывался нелестно, говоря, что оно никакимъ образомъ не въ состояніи быть истинною опорой народа; оно необходимо должно быть преобразовано, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть, то-есть, истиннымъ защитникомъ и охраною законныхъ правъ короны, также какъ и святости соблюденія конституціи. Не смотря на то, что записка Егергорна была скрашена увѣреніями въ любви, преданности и обожанія къ императору, она не получила хода. Но это не помѣшало возбудить тотъ же вопросъ на сеймѣ. Однако, самому Сперанскому пришлось противодѣйствовать тому, вѣроятно, подъ сильнымъ вліяніемъ изъ Петербурга. Онъ писалъ де-Геeру 21-го мая слѣдующее: „Такимъ образомъ, все, что заключается въ четырехъ предложеніяхъ Его Величества, будетъ окончательно установлено, и настоящія сужденія сейма въ точности ограничатся ихъ содержаніемъ. Ничто постороннее этимъ предложеніямъ не будетъ допущено къ обсужденію; таковы всегда были намѣренія Его Величества, и хотя представляются еще предметы, регулированіе коихъ очень интересно для пользы страны, и въ особенности для упроченія ея устройства (constitution),—но эти предметы таковы, что требуютъ зрѣлаго ихъ изученія, прежде чѣмъ предложить ихъ на обсужденіе сословій. А такъ какъ ничто еще для сего труда не приготовлено, то этого рода вопросы должны быть въ настоящее время тщательно устраняемы“. Это письмо служитъ важнымъ документомъ для истиннаго пониманія значенія Боргоскаго сейма. Изъ него видно, что императоръ всегда имѣлъ въ виду, что сеймъ ограничится только четырьмя вопросами и только представитъ по нимъ свои мнѣнія.

Кромѣ того, при разсмотрѣніи вышеупомянутаго проекта правительственнаго совѣта былъ возбужденъ вопросъ: какимъ путемъ дѣла въ важнѣйшихъ случаяхъ должны идти на разрѣшеніе государя? Ребиндеръ, преслѣдуя мысль, что Русскій императоръ долженъ царствовать въ Финляндіи, но не управлять ею, настаивалъ на томъ, чтобъ образовать въ Петербургѣ особый комитетъ для финляндскихъ дѣлъ, вносимыхъ на усмотрѣніе верховной власти. Такой комитетъ далъ бы прочную опору финляндскимъ домогательствамъ у самаго престола. Трудно сказать, склоненъ ли былъ къ этой мысли самъ Сперанскій, но это предложеніе докладывалось сейму. При этомъ Тенгстремъ находилъ, что это дѣло можетъ быть разрѣшено просто, повелѣніемъ Его Величества. Маннергеймъ полагалъ, что такой ко-

митетъ вовсе не нуженъ; онъ поведетъ къ излишней проволочкѣ дѣлъ и времени и откроетъ лишь новые виды честолюбію и интригѣ иныхъ изъ его соотечественниковъ. Комитетъ тогда и не былъ учрежденъ; онъ основанъ уже позднѣе подъ названіемъ статсъ-секретаріата по финляндскимъ дѣламъ.

Обсудивъ всѣ четыре предложенія, сеймъ представилъ государю свои мнѣнія по нимъ черезъ де-Геера, который добавилъ, что „сословія осмѣливаются однако всенижайше повергнуть на разрѣшеніе Вашего Величества: не удостоите ли по заключеніи мира созвать земскіе чины или дозволить законно-избраннымъ ихъ представителямъ собраться въ Або (или другомъ городѣ) для обсужденія устройства банка, который предназначили устроить на предлагаемый сословіями капиталъ и другіе источники".

Сеймъ по окончаніи занятій былъ закрытъ 7-го іюля 1809 года самимъ государемъ. По произнесеніи рѣчей всѣхъ ораторовъ и по прочтеніи заключенія сейма по четыремъ вопросамъ, Александръ закрылъ засѣданіе рѣчью, въ которой высказывалась мысль, согласная съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и вѣрнымъ его пониманіемъ. Императоръ говорилъ: „Созывая сословія, я хотѣлъ знать желанія и мысли народа на счетъ его истинныхъ интересовъ. Мнѣнія, вами высказанныя, я приму въ соображеніе". Вотъ и все; никакихъ соглашеній, ни обязательствъ дано не было; высказаны были только обѣщанія.

Надо сказать еще, что финляндцы очень ловко воспользовались предоставленною имъ возможностью обращаться къ государю съ отдѣльными просьбами. Ихъ подано было не мало. Дворянство подало 38 ходатайствъ по разнымъ предметамъ, духовенство—около 20, горожане—19, а крестьяне—двѣ петиціи, причемъ одна состояла изъ 6, а другая изъ 40 пунктовъ. Кромѣ того, отъ 15 городовъ поданы были просьбы о разныхъ ихъ нуждахъ; всѣ эти просьбы и ходатайства были разрѣшены впослѣдствіи въ Петербургѣ; депутаты сейма разъѣхались и болѣе не созывались, не только въ остальные шестнадцать лѣтъ царствованія Александра, но также и во все тридцатилѣтнее царствованіе императора Николая.

Этими словами и закончимъ мы сдѣланное нами извлеченіе изъ въ высшей степени добросовѣстнаго и любопытнаго изслѣдованія г. Ордина. Авторъ опровергаетъ всѣ неосновательныя толкованія и притязанія, появляющіяся нерѣдко, особенно въ послѣднее время, въ финляндской печати. Онъ горячо отстаиваетъ неприкосновенныя права нашего отечества, и въ этомъ большая его заслуга. Намъ

кажется только, что г. Ординъ приписываетъ уже слишкомъ много вліянію Спренгтпортена на созваніе сейма. Правда, онъ часто объ этомъ напоминалъ, но собственно говоря, рѣшеніе о созваніи сейма, очевидно, состоялось помимо него. Еслибъ эти его напоминанія не совпадали съ желаніями и воззрѣніями монарха, то они едва ли увѣнчались бы успѣхомъ. А что монархъ въ тѣ годы имѣлъ въ виду образовать изъ вновь пріобрѣтеннаго края нѣчто въ родѣ отдѣльнаго государства, съ присоединеніемъ еще и Выборгской губерніи, сто лѣтъ уже принадлежавшей Россіи,—объ этомъ свидѣтельствуетъ баронъ Корфъ въ біографіи Сперанскаго (стр. 262), потвержденіе тому можно найдти въ указѣ 11-го декабря 1811 года (П. С. З. № 24907), которыми повелѣно старую и новую Финляндію совокупно именовать Финляндіею.

Кромѣ того, замѣтимъ, что трудно понять, какое практическое значеніе въ настоящее время можетъ имѣть сеймъ въ Борго 1809 года или различные шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, никогда на шведскомъ языкѣ не называвшіеся конституціями. Почему ихъ въ 1808 году признали нужнымъ означать словомъ конституція, тогда какъ ихъ можно назвать болѣе правильно иначе,—намъ не извѣстно. Но въ настоящее время они утратили свое значеніе, послѣ того, какъ императоромъ Александромъ II былъ утвержденъ сеймовый уставъ 1869 года. Этотъ законъ прямо изданъ съ отмѣною сеймоваго устава 1617 года, а также всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраній земскихъ чиновъ. Этотъ уставъ даетъ обывателямъ Финляндіи такія права, которыя не снились даже во время сеймовъ, не только Спренгтпортену, но и Маннергейму и имъ подобнымъ лицамъ. Но излагать содержаніе этого устава не входитъ въ задачу настоящей статьи.

П. М.

Д. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Пб. 1890.

Строгая, отвлеченная формулировка научныхъ истинъ, добытыхъ изученіемъ не только неорганическаго и органическаго міра, но и надорганическаго развитія, привлекаетъ не всякаго, да и не всякому понятна. Поэтому на ряду съ популяризаціей математическихъ истинъ и естественно-историческихъ знаній желательна и необходима популяризація тѣхъ немногихъ обобщеній, какія имѣются въ сферѣ наукъ

общественныхъ. Она желательна потому, что не всякій рѣшится приступить къ ознакомленію съ кропотливыми и уже довольно обширными спеціальными изысканіями въ области этихъ наукъ; она необходима потому, что пріучаетъ читателя сознательно относиться къ прошлому, настоящему и будущему той соціальной группы, въ среду которой забросила его судьба.

Но облечь сухую научную формулу въ свѣтскій нарядъ, превратить опредѣленное, холодное отвлеченіе въ яркій, живой образъ— дѣло нелегкое. Популяризаторъ, съ одной стороны, долженъ въ фактическомъ отношеніи держаться строго-научной почвы, съ другой— обязанъ извѣстныя научныя данныя представить въ общедоступныхъ, изящныхъ формахъ. Быть можетъ, въ виду такого рода затрудненій, у насъ, въ Россіи, можно насчитать лишь очень мало порядочныхъ популярныхъ сочиненій. Тотъ же недостатокъ въ частности чувствуется въ нашей исторической и, въ особенности, археологической литературѣ. Здѣсь, за исключеніемъ развѣ труда г. Полеваго и „Русскихъ древностей“ Н. П. Кондакова и гр. И. И. Толстого, нѣтъ, на сколько намъ извѣстно, ни одного сочиненія, которое имѣло бы цѣлью ознакомить русскую образованную публику съ современнымъ состояніемъ археологическихъ знаній о древнѣйшемъ населеніи восточно-европейской равнины. Въ этомъ отношеніи вышеназванный трудъ г. Эварницкаго заслуживаетъ полнаго сочувствія. Авторъ желаетъ дать понятіе объ археологіи Россіи въ весьма широкихъ, быть можетъ, даже слишкомъ широкихъ рамкахъ. Сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о развитіи археологическихъ знаній въ западной Европѣ (стр. 5—7) и въ Россіи (стр. 7—11), г. Эварницкій пытается дать общую характеристику каменнаго (стр. 11—19), бронзоваго (стр. 19—20) и желѣзнаго вѣковъ (стр. 20—22), затѣмъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній „о пріемахъ раскопокъ кургановъ“ (стр. 22 — 26), переходитъ къ обзору разрытыхъ въ предѣлахъ Россіи кургановъ каменнаго (стр. 26—30) и бронзоваго (стр. 30—32) періодовъ, кургановъ скиѳскихъ (стр. 32—43), тюркско-татарскихъ (стр. 43—65), славянскихъ (стр. 65—71) и заканчиваетъ свои „лекціи“ краткой характеристикой кургановъ „памяти, границъ, сторожевыхъ, боевыхъ, путевыхъ и телеграфныхъ“ (стр. 71—73).

Пріятное впечатлѣніе, съ какимъ принимаешься за чтеніе брошюры г. Эварницкаго, однако, нѣсколько сглаживается при ближайшемъ знакомствѣ съ ея содержаніемъ. Такъ, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, едва ли всегда отличаются желательною точностью. „Пер-

вый—по его словамъ—высказался противъ священнаго происхожденія каменныхъ орудій прусскій ученый Гельвигъ, за нимъ италіанскій ученый Меркотти, германскій Эстерлингъ, французскіе де Жюлье и Макюдень и русскій академикъ Гмелинъ" (стр. 5). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ученыхъ: Меркотти, Жюлье и Макюденя, хотя намъ и извѣстны: Меркати, Жюссье и Магюдель (Mercati, Ant. de Jussieu, Mahudel). Если г. Эварницкій разумѣлъ послѣднихъ, то и порядокъ, въ которомъ перечислены имъ ученые археологи прежнихъ вѣковъ, придется нѣсколько видоизмѣнить. Меркати, врачъ папы Климента VIII, умеръ въ 1593 году, хотя его сочиненіе и напечатано было гораздо позже въ Metallotheca Vaticana, въ 1717 году. Гельвигъ, въ томъ же 1717 году напечатавшій свое сочиненіе (De lapidibus superstitiosis въ книгѣ своей Lithographia Angerburgica sive lapidum et fossilium in districta Angerburgensi, Regimonti), жилъ, конечно, послѣ Меркати. При этомъ не мѣшало бы, можетъ быть, упомянуть о докторѣ Карлѣ (Ossium fossilium docimasia, Francf., 1709) и объ Эккардѣ (Eccardus), который въ своемъ сочиненіи (De origine Germanorum; оно написано въ 1730 году, издано въ 1750 году) прямо утверждаетъ, что мѣдныя оружія у всѣхъ замѣнили каменныя (§ XLII).

Переходя отъ краткаго обзора исторіи археологическихъ знаній въ западной Европѣ и Россіи къ характеристикѣ палеолитическаго періода, г. Эварницкій указываетъ на то, что этотъ періодъ „подраздѣляютъ то на три, то на четыре эпохи: 1) эпоха (правильнѣе: эпоху) пещернаго медвѣдя, 2) эпоха мамонта, 3) эпоха сѣвернаго оленя;—1) эпоха мамонта, 2) эпоха сѣвернаго оленя и кухонныхъ остатковъ, 3) эпоха мегалитическихъ памятниковъ;—1) эпоха Сентъ-Ашель, 2) эпоха Мустье, 3) эпоха Солютре и 4) эпоха Маделеня (правильнѣе Маделены, de la Madelaine, Magdalénien);—1) эпоха доледниковая, 2) эпоха ледниковая, 3) эпоха послѣледниковая и 4) эпоха свайныхъ построекъ" (стр. 11, примѣч.).

Сообщая эти подраздѣленія безъ всякихъ оговорокъ, г. Эварницкій даетъ о нихъ неясное и невѣрное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ не указываетъ на то, что послѣднее изъ этихъ дѣленій имѣетъ въ виду главнымъ образомъ геологическія явленія, первое—одни палеонтологическія, второе—палеонтологическія въ связи съ археологическими, наконецъ, третье—геологическія, палеонтологическія и археологическія явленія всѣ вмѣстѣ (Ср. G. de Mortillet, Le préhistorique, pp. 28—29; 480). Между тѣмъ палеолитическій періодъ—есть періодъ скорѣе археологическій (культурный), чѣмъ геологиче-

скій или палеонтологическій. Отсюда ясно, что его продолжительность можетъ и не совпадать съ хронологическими предѣлами вышеуказанныхъ геологическихъ или палеонтологическихъ эпохъ, которыя всѣ относятся къ періоду пещерныхъ остатковъ и геологическихъ явленій, происходившихъ во время потретичной или четвертичной системы Кайнозойскихъ группъ. Если признавать первобытнаго человѣка современнымъ третичной системѣ, что̀ пока еще, впрочемъ, крайне сомнительно, то палеолитическій періодъ будетъ обнимать и болѣе раннія эпохи, чѣмъ вышеприведенныя; напротивъ, придерживаясь теоріи болѣе поздняго происхожденія человѣка, нельзя вести начало палеолитическаго періода съ до-ледниковой эпохи, такъ какъ по этой теоріи человѣкъ современенъ лишь переходной отъ первой ко второй, или даже второй ледниковой эпохѣ (Geikie, The great ice age and its relations to the antiquity of man. Lond., 1874). Такимъ образомъ, не точно указывая на подраздѣленія палеолитическаго періода на геологическія и палеонтологическія эпохи, г. Эварницкій можетъ ввести въ довольно грубыя заблужденія читателя, мало знакомаго съ основными принципами геологіи и первобытной археологіи. При описаніи произведенныхъ имъ раскопокъ авторъ также обнаруживаетъ значительную неопредѣленность терминологіи. Въ разрытыхъ г. Эварницкимъ курганахъ оказывается нѣсколько „слоевъ". Не говоря о крайне неудачномъ приложеніи геологическаго термина къ археологическимъ цѣлямъ, есть и другія неудобства такого выраженія. Авторъ говоритъ намъ, что на глубинѣ одного, двухъ и т. д. слоевъ въ такомъ-то курганѣ найдены такія-то вещи или скелеты. А между тѣмъ г. Эварницкій или вовсе не опредѣляетъ глубину каждаго слоя (стр. 28), или считаетъ глубину слоевъ въ разныхъ случаяхъ разнымъ количествомъ аршинъ. На стр. 31 оказывается, что въ слоѣ $1^1/_4$ аршинъ, а на стр. 60,—что въ каждомъ изъ слоевъ не болѣе $^1/_4$ аршина. Какъ видно, терминъ „слой" употребляется авторомъ крайне неопредѣленно. Такую же недостаточную научную точность обнаруживаетъ г. Эварницкій и въ другомъ случаѣ при описаніи скиѳскихъ похоронъ. Ссылаясь на Геродота въ переводѣ Ѳ. Мищенко, г. Эварницкій невѣрно передаетъ, однако, смыслъ подлиннаго текста. По словамъ г. Эварницкаго, скиѳы „хоронили главную жену умершаго (царя) въ угольныхъ пещерахъ" (правильнѣе: въ одной изъ угольныхъ пещеръ), затѣмъ погребали между прочимъ „письмовода", „нѣсколько коней и первенцовъ всякаго другаго скота". Въ царскихъ гробницахъ, кромѣ того, погребали множество золотыхъ вещей, „по-

тому что серебро и мѣдь мало употреблялись у скиѳовъ". Ссылка на Геродота при такомъ пересказѣ вселяетъ въ читателѣ убѣжденіе, что эти свѣдѣнія почерпаются изъ книги, посвященной музѣ Мельпоменѣ. Геродотъ, однако, вовсе не говоритъ объ угольныхъ пещерахъ и о главной женѣ умершаго царя, а упоминаетъ только, что вслѣдъ за царемъ въ остальной обширной части могилы погребаютъ одну изъ царскихъ наложницъ (τῶν παλλακέων τε μίαν); едва-ли не слишкомъ смѣло будетъ переводить выраженіе διήκονος—словомъ „письмоводъ". Нѣтъ также уважительныхъ причинъ, въ силу которыхъ мы слова: καὶ ἵππους καὶ τῶν ἄλλων ἁπάντων ἀπαρχάς—переводили бы: „нѣсколько коней и первенцовъ всякаго другаго скота", ибо здѣсь говорится, повидимому, о коняхъ вообще, безъ ограниченій. Наконецъ, неправильно понятая фраза Геродота о томъ, что скиѳы будто бы не употребляютъ ни серебра, ни мѣди, можетъ повести къ цѣлому ряду ложныхъ заключеній. Рѣчь здѣсь идетъ не о скиѳахъ вообще, а о царяхъ скиѳскихъ, которые были на столько богаты, что, по словамъ Геродота, не употребляли мѣдныхъ и серебряныхъ вещей (Herod., Hist., Lib. IV, Cap. 71, ed. Henr. Dietsch, Lip., 1880. Такое же пониманіе Геродотова текста можно встрѣтить и въ переводѣ самого г. Мищенко. См. Ѳ. Мищенко, Геродотъ. М. 1888 г., стр. 334—335). Итакъ, пересказъ г. Эварницкимъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Геродотомъ о погребеніи скиѳскихъ царей, едва-ли можно считать удачнымъ. Вмѣстѣ съ неточностью сообщаемыхъ свѣдѣній, брошюра г. Эварницкаго иногда страдаетъ и скороспѣлостью выводовъ. Разрывши, напримѣръ, всего два кургана подлѣ села Бѣлозерки, гдѣ ихъ, повидимому, множество, г. Эварницкій тѣмъ не менѣе приходитъ къ заключенію, что „самый цѣлесообразный способъ раскопки кургановъ указанной мѣстности будетъ состоять въ разработкѣ ихъ по сектору и притомъ, такимъ образомъ, чтобы основаніе его приходилось на сѣверъ, а вершина на югъ" (стр. 62). При описаніи погребенія въ курганахъ славянскихъ Новороссійскаго края, авторъ пользуется разказами Ибнъ Фоцлана о приволжскихъ руссахъ (стр. 65), и характеризуетъ типъ кургановъ славянскихъ на основаніи одного разрытаго имъ кургана, происхожденіе котораго, на нашъ взглядъ, остается крайне сомнительнымъ (стр. 69). Вообще г. Эварницкій безъ особенныхъ затрудненій опредѣляетъ народность могильныхъ насыпей, однѣ называетъ скиѳскими, другія—тюрко-татарскими, третьи—славянскими, но нигдѣ не пытается точно установить основныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить объ этой на-

родности, и оставляетъ читателя подъ впечатлѣніемъ полной неопредѣленности такой классификаціи.

Но кромѣ неточности нѣкоторыхъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Эварницкимъ, и скороспѣлости кое-какихъ выводовъ, мы въ его брошюрѣ встрѣчаемся и съ довольно странными ошибками. „Послѣ ряда изысканій, пишетъ г. Эварницкій, дознано, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, а можетъ быть и въ цѣломъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, свѣтѣ, человѣчество переживало пять цикловъ постепеннаго развитія: палеолитическій періодъ, переходную и неолитическую эпоху, бронзовый періодъ и желѣзный періодъ" (стр. 11). Палеолитическій періодъ, по мнѣнію автора, „начинается съ отдаленнѣйшихъ отъ насъ временъ и доходитъ, по приблизительному счету, до V вѣка до Р. Х." (стр. 11). Бронзовый періодъ помѣщается г. Эварницкимъ „приблизительно за 7000 лѣтъ до нашего времени", желѣзный—„приблизительно за 6000 лѣтъ" (стр. 19—20). Такія разсужденія могутъ повергнуть въ крайнее недоумѣніе читателя, даже вовсе незнакомаго съ археологіей. Г. Эварницкій указываетъ на то, что человѣчество переживало постепенно пять цикловъ, а между тѣмъ отводитъ каменному вѣку границу до V вѣка до Р. Х., желѣзный же начинаетъ по крайней мѣрѣ за 4000 лѣтъ до Р. Х. Какъ примирить такое странное сопоставленіе? Дѣло въ томъ, что теперь уже въ общеизвѣстныхъ, довольно популярныхъ руководствахъ по археологіи можно встрѣтить множество фактовъ, которые показываютъ, что каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ никакъ нельзя разграничить другъ отъ друга вполнѣ точно: первый длится еще, когда наступаетъ второй, второй еще не кончился, когда начинается третій (N. Joly. L'homme avant les métaux, 5 ed., 1885, pp. 18—29. Ср. также C. Grewingk, Zur Archäologie des Balticum und Russlands въ Archiv für Anthropologie, B. VII, ss. 67, 70). Мало того: въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что продолжительность вышеуказанныхъ періодовъ у различныхъ народовъ разновременна и что быстрота переходовъ отъ одного изъ этихъ періодовъ къ другому въ разныхъ мѣстностяхъ различна, ибо нерѣдко совершается подъ культурнымъ вліяніемъ разновременно развивавшихся сопредѣльныхъ соціальныхъ группъ. Отсюда не трудно придти къ заключенію, что нѣтъ возможности точно разграничить каменный вѣкъ отъ бронзоваго и послѣдній отъ желѣзнаго въ хронологическомъ отношеніи, а если и возможно будетъ со временемъ опредѣлить продолжительность каждаго періода, то лишь относительно

одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ соціальныхъ группъ, а не всего человѣчества вообще (Нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ эти заключенія, см. въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ, а также въ статьяхъ: H. Kerry-Nicholls, The origin. physical characteristics, manners and customs of the Maori race въ „Journal of the Anthrop Instit.", vol. XV, pp. 204—205; E. Reclus, Les primitifs, P., 1885, p. 12). Въ виду вышесказаннаго, едва-ли возможно считать правильными заключенія, высказанныя г. Эварницкимъ относительно преемства и продолжительности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ.

Не принимая во вниманіе теоріи заимствованій при опредѣленіи постепеннаго преемства періодовъ развитія человѣческой культуры, г. Эварницкій, напротивъ, слишкомъ смѣло ею пользуется при обсужденіи частныхъ вопросовъ. Такъ, по мнѣнію г. Эварницкаго, „дознано, что всѣ бронзовые копья и мечи, находимые въ Новороссійскомъ краѣ, привознаго характера, преимущественно западно-европейскаго, такъ-называемаго кельтическаго издѣлія" (стр. 31). Такое положеніе едва-ли можно считать доказаннымъ, а г. Эварницкій и не пытается привести какихъ либо новыхъ соображеній въ пользу того мнѣнія. На сколько преждевременны мнѣнія подобнаго рода, показываютъ многіе примѣры. Такъ, полная исключительность финикійской и этруской теоріи происхожденія западно-европейскихъ древнихъ бронзовыхъ издѣлій, а также извѣстная теорія о египетскомъ происхожденіи стеклянныхъ бусъ, называемыхъ aggry-perles— въ послѣднее время замѣтно поколебались (ср., напримѣръ, O. Tischler, Gedächtnissrede auf J. J. Worsae и его-же: Ueber Aggry-Perlen und über die Herstellung farbiger Gläser im Alterthume въ „Запискахъ физико-экономическаго Кёнигсбергскаго общества", т. XXVII). Другимъ, болѣе частнымъ примѣромъ можетъ служить разногласіе ученыхъ мнѣній о происхожденіи скиѳскихъ мечей. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, рукоятки этихъ мечей (въ томъ числѣ и извѣстнаго чертомлыцкаго царскаго меча) не имѣютъ себѣ подобныхъ на бронзовыхъ и желѣзныхъ мечахъ западно-европейскихъ, а также на позднѣйшихъ русскихъ мечахъ. „Чтобы найти аналогіи, нужно обратиться къ сибирскимъ мѣднымъ кинжаламъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются всѣ типичныя формы рукоятокъ скиѳскихъ мечей, — новый доводъ въ пользу родства такъ-называемой „скиѳской" культуры съ чудскою" (Д. Анучинъ, О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей, въ „Трудахъ VI Археол. съѣзда", Одесса, 1886 г., т. I, стр. 240). Недавно, однако, выска-

зано нѣсколько иное мнѣніе, по крайней мѣрѣ относительно чертомлыцкаго меча: нѣкоторыя изъ его украшеній переданы въ безпримѣсномъ персидскомъ стилѣ IV—V вѣка до Р. Х.; на немъ изображена „восточная охотничья сцена" (Н. Кондаковъ и И. Толстой, Русскія древности, вып. II, стр. 146). Такимъ образомъ къ теоріи заимствованій нельзя не относиться съ большою осторожностью; вѣдь сходство въ проявленіяхъ быта двухъ народовъ можетъ быть результатомъ и не заимствованія, а сходнаго, хотя и самостоятельнаго ихъ развитія. Притомъ въ самомъ заимствованіи слѣдуетъ различать извѣстныя степени: можетъ быть заимствована лишь идея той или другой культурной формы, или техническія средства къ ея выполненію; наконецъ, извѣстные предметы могутъ быть занесены цѣликомъ отъ болѣе культурнаго народа къ менѣе культурному путемъ международныхъ сношеній.

Довольно странными показались намъ также разсужденія г. Эварницкаго о значеніи каменныхъ бабъ. Первое упоминаніе о каменныхъ бабахъ, по мнѣнію г. Эварницкаго (стр. 44), принадлежитъ Рубруквису (1253 г.). Можно было бы, однако, припомнить, что уже Ктесія разказываетъ о золотомъ изображеніи царевны Зарины, которое саки поставили на пирамиду, воздвигнутую надъ ея могилой (Ctesiae frag. de rebus Medorum, Lib. IV—VI, Cap. XXXIV, ed. Didot-Müller). „Каменныя бабы, по словамъ г. Эварницкаго, ставились еще въ глубочайшей древности въ разныя времена до Р. Х. и послѣ Р. Х. совмѣстно у многихъ народовъ: гунновъ, половцевъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизъ-кайсаковъ, хакасовъ, усуновъ, думасцевъ, гетовъ, саковъ и иногда скиѳовъ" (стр. 44). Тѣмъ не менѣе оказывается, что бабы „служатъ ключемъ для разгадки родства между европейскими и азіатскими народами" (стр. 50). Утверждая, что бабы ставились, между прочимъ, у скиѳовъ, авторъ тремя строками ниже сообщаетъ, что „на курганахъ скиѳовъ постановку каменныхъ бабъ приписываютъ не имъ лично" (стр. 44), и не опровергаетъ этого мнѣнія. Далѣе, описывая внѣшній видъ каменныхъ бабъ, находимыхъ въ южной Россіи, г. Эварницкій замѣчаетъ, что „въ нихъ нѣтъ ни одной формы и ни одного члена тѣла сверхъестественнаго, напротивъ, все такъ правдоподобно и соразмѣрно, что невольно бросается въ глаза всякому" (стр. 50). О „правдоподобіи" каменныхъ бабъ мы не беремся судить, а соразмѣрностью формъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ экземплярахъ, которые лично намъ приходилось видѣть, между прочимъ въ

Крыму, онѣ не отличались. Напротивъ, ноги большею частью слишкомъ коротки и незначительны, голова слишкомъ велика сравнительно съ туловищемъ; такія свойства придаютъ всей фигурѣ довольно безобразный видъ. Вопросъ о назначеніи каменныхъ бабъ — доселѣ остается довольно темнымъ. По мнѣнію г. Эварницкаго, „каменныя бабы суть портреты или изображенія умершихъ, которымъ живые воздавали особыя почести" (стр. 54). Мысль эту, въ сущности не невѣроятную, авторъ подкрѣпляетъ оригинальными доказательствами: вопервыхъ, тѣмъ, „что каменныя бабы изображаютъ собой разные полы и возрасты людей"; вовторыхъ, тѣмъ, „что на всѣхъ каменныхъ бабахъ изображенныя человѣческія фигуры неизбѣжно держатъ въ своихъ рукахъ какую то-чашу"; въ-третьихъ тѣмъ, „что на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ представлены пляшущія фигуры мужчинъ, явно напоминающія собой греческія фаллосовыя фигурки, носимыя эллинскими женщинами во время религіозныхъ процессій вокругъ жертвенника Діониса съ цѣлью испросить у бога плодородія вообще и увеличенія членовъ семьи въ частности" (стр. 54). Всѣ эти доказательства говорятъ сами за себя; поэтому мы считаемъ излишнимъ останавливаться на вопросѣ о томъ, на сколько они подтверждаютъ то значеніе каменныхъ бабъ, какое послѣднимъ приписываетъ г. Эварницкій.

И такъ, нѣкоторыя неточныя сужденія, скороспѣлыя заключенія и невѣрные выводы сильно подрываютъ значеніе труда г. Эварницкаго, какъ труда популярнаго, который долженъ содержать одни достовѣрные факты и заключенія. Не всегда удаченъ и языкъ, которымъ выражается г. Эварницкій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Стр. 12. Первобытный человѣкъ дѣлаетъ изъ камня „разнаго рода орудія, частью для домашняго употребленія, частью для защиты отъ звѣрей и людей, довольно большой величины, яйцевидной формы, или находимыя въ естественномъ видѣ, въ видѣ голышей и кругляковъ или обвиваемыя (sic) съ обѣихъ сторонъ и потому называемыя отбивными орудіями".

Стр. 12. „Человѣкъ сперва совсѣмъ не знаетъ способа добыванія огня, потомъ добываетъ его посредствомъ тренія одного бревна о другое".

Стр. 30. Въ одномъ курганѣ авторъ встрѣчаетъ „нѣсколько сильно пережженыхъ до удивительной бѣлизны позвонковъ.... и нѣсколько костей человѣка, зарытыхъ безъ огня въ землю".

Стр. 60. Въ четвертомъ „слоѣ" одного изъ кургановъ при р.

Волчьей г. Эварницкій нашелъ „двѣ лошадиныя головы, одна глазами на востокъ, другая—на западъ, обѣ положены на кости собственныхъ ногъ".

Стр. 65. „Скелетъ положенъ былъ лицомъ вверхъ съ открытымъ ртомъ, по направленію отъ запада къ востоку, съ руками по-надъ боками".

Довольно и этихъ примѣровъ. Разумѣется, не всѣ „лекціи" сплошь написаны такимъ же языкомъ. Иной разъ читателю легче понять, что желаетъ сказать авторъ. Но все же, если не на каждой страницѣ, то очень и очень часто встрѣчаются неудачные обороты, стилистическія ошибки, а это еще болѣе вредитъ популярному изложенію, чѣмъ какому нибудь спеціальному научному изслѣдованію.

Такимъ образомъ, работа г. Эварницкаго едва ли удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ популярнаго сочиненія. Данныя, сообщаемыя авторомъ, не всегда точны, его заключенія иногда скороспѣлы и невѣрны, а стилистическая сторона его „лекцій" скорѣе отвратитъ, чѣмъ привлечетъ любознательнаго читателя. Но первые опыты рѣдко удаются. Популяризація археологическихъ знаній путемъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ работъ русскихъ археологовъ у насъ почти вовсе не начиналась. Нѣтъ, однако, причинъ сомнѣваться въ ея необходимости и будущемъ успѣхѣ:

...πείρᾳ θὴν πάντα τελεῖται.

А. Лаппо-Данилевскій.

Протестантство и протестантизмъ въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе *Дм. Цвѣтаева*. Москва. 1890.

Вліяніе государственнаго строя и образованности византійской на древнюю Русь и на Московское государство до такой степени велико и очевидно, что изслѣдователямъ русской исторіи приходилось только опредѣлять отдѣльныя стороны этихъ отношеній, поднимать и рѣшать возникавшіе вопросы, имѣя подъ рукою обильный матеріалъ какъ въ отечественныхъ, такъ и въ византійскихъ памятникахъ. Ученые труды по изслѣдованію этой стороны русской жизни идутъ непрерывной чредой съ самаго начала русской исторіографіи по наше время. Не такъ дѣятельно было изученіе двухъ другихъ теченій, чуждыхъ, какъ и византійское, славянскому началу,—восточнаго, нынѣ совсѣмъ исчезнувшаго въ русскомъ народѣ, претвореннаго Русью въ

ея собственное существо, и западнаго, занявшаго съ XVIII столѣтія мѣсто прежней византійщины.

Изученіе Востока и его вліянія долго еще, вѣроятно, будетъ скуднымъ и труднымъ вслѣдствіе недостатковъ русской учености, рѣдко вполнѣ самостоятельной, а чаще тянущей по проложенному слѣду. Знаніе восточныхъ и финскихъ языковъ само по себѣ требуетъ не малаго предварительнаго труда и останавливаетъ историка, а малое количество ученыхъ оріенталистовъ въ Россіи и ихъ трудовъ не даетъ возможности къ обобщеніямъ и выводамъ, которые могли бы сдѣлать русскіе историки.

Не такъ, казалось бы, должно стоять дѣло при изученіи западнаго германо-романскаго вліянія на Русь и русскаго вліянія на Западъ. Скудость и недостаточность источниковъ въ этомъ отношеніи вознаграждается ихъ доступностью. Ни средне-нѣмецкій, ни скандинавскій языки не представляютъ затрудненій для историка, а изданія средневѣковыхъ и новыхъ памятниковъ въ сосѣднихъ странахъ могутъ служить для насъ образцомъ. Между тѣмъ и здѣсь наблюдается застой. Memoriae populorum Стриттера являются доселѣ часто цитуемымъ пособіемъ - источникомъ, примѣчанія Карамзина служатъ руководствомъ и почти не пополняются. Между тѣмъ только пересмотръ и попутное пополненіе вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ Запада и древней Руси даетъ опытнымъ рукамъ возможность дѣлать не мелочные выводы. Укажемъ на статьи В. Г. Васильевскаго, напримѣръ, на одну изъ послѣднихъ: „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 г., іюль). Внимательный просмотръ однихъ сѣверо-германскихъ лѣтописей и временниковъ даетъ не только крупицы, но и цѣлыя зерна данныхъ, которыя при полнотѣ могутъ освѣтить ярче недостаточно цѣнимую высоту древне-русской жизни.

Отъ Кіева до Новгорода многими путями шли сношенія богатой и образованной Руси съ бѣдной и грубой Германіей, не говоря о Скандинавіи. Русскія княжны были желанными невѣстами, и по красотѣ и по богатому приданому, для нѣмецкихъ герцоговъ, датскихъ королей. И наоборотъ, торговыя и государственныя сношенія съ Скандинавіей и Балтійскими славянами приводили русскихъ князей къ бракамъ съ тамошними принцессами; Вольдемаръ Великій датскій получилъ свое имя въ честь дѣда Владиміра Мономаха и т. д. Нашествіе татаръ перемѣнило судьбу Восточной Европы. Новгородъ одинъ поддерживалъ потухавшій свѣточъ просвѣщенія, пока Москов-

ское государство съ теченіемъ времени само не устремилось за прикладной стороной западной жизни, оберегая строго свой духовный міръ отъ неправославнаго вліянія. Эти не прекращавшіяся связи съ Западомъ мало извѣстны и почти не затронуты; только съ XV вѣка онѣ становятся достояніемъ болѣе частыхъ изслѣдованій, съ той эпохи, когда Иванъ III завязалъ сношенія чрезъ погибавшихъ грековъ съ возрождавшимися итальянцами, а Грозный безсильно бился о преграды на пути къ вольному Океану-морю, гдѣ бы путь для усвоенія образованія „никто не могъ заступить и перенять". Въ Московское государство идутъ искать себѣ прибытковъ люди Запада, принося свои знанія,—какъ отнесется къ нимъ всемогущее правительство и какъ оно уставитъ свой взглядъ на призванныхъ и пришельцевъ? Каково значеніе этого чужеземнаго ручейка, который затопитъ наши верхи при Петрѣ Великомъ? И этотъ вопросъ доселѣ не былъ разработанъ съ достаточною полнотою и точностію. Сочиненіе „Протестанты и протестантство въ Россіи до эпохи преобразованій" профессора Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаева ставитъ въ первый разъ вопросъ о западномъ вліяніи на Москву и объ отношеніи правительства къ чужестранцамъ на строго научную почву, даетъ новые матеріалы и указываетъ вѣрный путь къ рѣшенію этого важнаго вопроса.

Д. В. Цвѣтаевъ уже давно занимается изученіемъ исторіи иностранныхъ исповѣданій и иностранцевъ въ Россіи за время Московскаго государства и начала петербургскаго періода. Труды его, разсѣянные по разнымъ журналамъ (Журн. Мин. Нар. Просв., Русскій Вѣстникъ и др.), оцѣнены по достоинству ученою критикою. „Выдающуюся особенность его сочиненій составляютъ—обиліе первостепеннаго рукописнаго матеріала, собраннаго имъ въ столичныхъ архивахъ, строгій и точный методъ въ разработкѣ этого матеріала и талантливое литературное изложеніе" (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1887 г., VI, 3: Отчетъ А. Будиловича о дѣятельности университета). Подобнымъ же образомъ отзывается о магистерской диссертаціи Д. В. Цвѣтаева проф. А. Г. Врикнеръ, доставившій самъ не мало цѣнныхъ данныхъ для изученія взаимныхъ отношеній Московскаго государства и Запада въ эпоху преобразованія и передъ ея началомъ (Russiche Revue 1886 г., III, 274—317, критическій разборъ диссертаціи Д. В. Цвѣтаева „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ"): „Очень немногіе русскіе ученые при изученіи историческихъ событій умѣли собрать такую массу новаго историческаго матеріала вмѣстѣ съ данными, уже

добытыми историческими изслѣдованіями. Сочинитель черпаетъ полною горстью изъ сокровищъ московскихъ архивовъ, принимая во вниманіе и всю полноту относящейся до избраннаго предмета исторической литературы.... Онъ изучилъ труды всѣхъ своихъ предшественниковъ и не уступаетъ имъ въ знаніи отдѣльныхъ мелочей,... обнаруживая истинно научный тактъ при указаніи недостатковъ и неточностей въ ихъ работахъ". Мы приводимъ эти критическіе отзывы о прежнихъ трудахъ Д. В. Цвѣтаева потому, что его новое историческое сочиненіе является не изслѣдованіемъ новыхъ вопросовъ, а скорѣе объединеніемъ прежнихъ работъ сочинителя. Это—томъ, представляющій собою выводы и существенныя данныя большинства прежнихъ его ученыхъ трудовъ.

Разсматриваемое сочиненіе обнимаетъ собою собственно первый періодъ исторіи протестантства и протестантовъ въ Россіи, идущій до эпохи преобразованій. „Кругъ доступнаго точному знанію, говоритъ авторъ въ предисловіи (стр. 1), представляется намъ теперь.... уже достигшимъ той существенной полноты данныхъ, которая приводитъ къ разностороннимъ научнымъ выводамъ и положеніямъ".... „Для изслѣдователя отечественной исторіи здѣсь глубокій интересъ въ томъ, какъ этотъ трудный вопросъ (объ отношеніяхъ къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ людямъ) уставили и, въ основномъ, навсегда предрѣшили московскіе люди, дѣйствовавшіе безъ постороннихъ указаній". Мы бы сказали, что недюжинные государственные московскіе дѣятели при своемъ слабомъ образованіи рѣшили его съ глубиною западныхъ ученыхъ XIX столѣтія. Дѣйствительно, широта и обстоятельность обстановки изслѣдуемаго вопроса обращаетъ на себя вниманіе. Сочинитель изображаетъ намъ бытъ протестантовъ церковный и гражданскій, государственный, общественный и частный; ихъ взаимныя отношенія и отношенія съ православнымъ русскимъ и мѣстнымъ католическимъ населеніемъ; степень и способы обрусенія протестантовъ и формы ихъ вліянія на православныхъ русскихъ. Теперь мы имѣемъ возможность правильно судить, какъ существовалъ и понимался въ XVI и XVII вѣкахъ такъ-называемый нынѣ „нѣмецкій" вопросъ.

Сочиненіе состоитъ изъ восьми большихъ главъ (почти 100 страницъ каждая) и введенія къ нимъ.

На первыхъ страницахъ введенія сочинитель раскрываетъ достаточную широту свободы вѣроисповѣданія иноземцамъ въ Московскомъ государствѣ. Антонію Поссевину былъ данъ отвѣтъ о католикахъ:

„Римлянамъ, Венеціанамъ и Цесаревой области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего Русскимъ людямъ не плодить.... каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ“. Сочинитель утверждаетъ (стр. 7, 8), что у насъ знали, какой жгучій интересъ имѣлъ тогда вѣроисповѣдный вопросъ въ самой западно-европейской жизни, и видѣли попытки западныхъ людей перенести свои религіозные счеты на русскую почву. „Не смотря на то, неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія иноземцевъ всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставлялись въ покоѣ“. Вѣротерпимость эта обусловливалась не столько какими нибудь теоретическими началами, сколько обычнымъ у насъ гостепріимствомъ, особенностями отношеній къ иновѣрію нашего вѣроисповѣданія „и ближе всего политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворяемыми при посредствѣ полезныхъ иноземцевъ“. Въ постепенномъ развитіи вопроса объ иновѣріи полное значеніе сохраняли случавшіеся факты, создававшіяся преданія, такъ что „если побуждаемые государственно-политическими причинами наши предки отдали предпочтеніе протестантамъ предъ католиками, то протестанты получили съ избыткомъ почти лишь то, что прежде имѣли у насъ католики и что нашли москвитяне въ присоединенномъ Новгородѣ, гдѣ свободой общественнаго богослуженія пользовались заѣзжавшіе туда католическіе купцы. Москвитяне отдали это преимущество протестантамъ, жившимъ у насъ постоянно и находившимся на службѣ“.

Соотвѣтственно съ этимъ прежде всего дается очеркъ положенія первыхъ у насъ иноземцевъ съ цѣлью доказать, что „практика, установившаяся въ Москвѣ и Новгородѣ относительно католиковъ, примѣнялась въ видоизмѣненной, соотвѣтственно съ новыми условіями, формѣ и относительно протестантовъ“, и затѣмъ излагается историко-юридическій вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія протестантовъ, прикрѣпившихся къ Русской землѣ и состоявшихъ на государевой службѣ (гл. 1), и протестантовъ не служилыхъ, проживавшихъ у насъ временно (гл. 2). Протестанты первой категоріи составляли у насъ прочныя церковныя общины, имѣли свои кирки и духовенство; вторые были вольны отправлять свои церковныя службы у себя на дому или въ своихъ торговыхъ домахъ и должны были довольствоваться церквями уже существовавшими. Въ такомъ различеніи между иновѣрцами правительство руководилось главнымъ образомъ желаніемъ при-

вязать иноземцевъ къ мѣстной почвѣ и стремленіемъ охранить интересы господствующаго вѣроисповѣданія: „кирка, построенная лицами, разбредшимися по различнымъ пунктамъ государства, легко могла бы послужить не столько къ удовлетворенію дѣйствительныхъ религіозныхъ нуждъ протестантовъ, которые были такъ немногочисленны и некрѣпки, сколько превратиться въ оплотъ и оружіе пропаганды".

Соглашаясь съ точнымъ и внимательнымъ даже къ мелочамъ изслѣдователемъ по вопросу о „практической" выработкѣ взаимныхъ отношеній двухъ вѣроисповѣданій, мы должны оттѣнить, что такая „практика" вышла изъ самаго духа русскаго народа, усвоившаго себѣ глубину христіанскаго отношенія къ заблуждающимся, будь то христіане, иновѣрцы, или всякая „нехристь". Это не были строго выработанныя, научно обоснованныя начала вѣротерпимости философовъ XVIII столѣтія, но они имѣли источникомъ всю предшествовавшую жизнь Руси въ ея отношеніи къ инородцамъ и иновѣрцамъ; это—начала охраненія православной истины, снисхожденія къ чужимъ религіознымъ заблужденіямъ, отсутствіе страстнаго прозелитства и властолюбія всегда воюющей и часто побѣдоносной католической церкви. Католики на Востокѣ въ средніе вѣка (время крестовыхъ походовъ), въ Новомъ Свѣтѣ въ новое время даютъ намъ иные примѣры и теоретическихъ воззрѣній и практическихъ дѣйствій, хотя отношенія къ высоко образованнымъ мусульманамъ въ Сициліи и Испаніи могли научить ихъ взаимной терпимости. Къ сожалѣнію, сочинитель не поднялся тутъ немного выше событій, не захотѣлъ перейдти въ область идей историческихъ. Онъ желалъ, какъ и вездѣ мы видимъ въ его сочиненіи, оставаться строго на почвѣ историческихъ фактовъ, ихъ сопоставлять и дѣлать только точно опредѣленные, хотя бы и болѣе ограниченные выводы.

Первая глава сочиненія имѣетъ предметомъ внѣшнюю судьбу протестантскихъ общинъ съ ихъ приходскими церквями и духовенствомъ; тутъ особенно наглядно выразилась дѣйствительная свобода вѣроисповѣданія. Этотъ отдѣлъ прежде и больше всего привлекалъ вниманіе изслѣдователей.

Въ прошломъ вѣкѣ занимались внѣшнею исторіей церквей протестантскихъ Фагецій, Бюшингъ и Гротъ, въ настоящемъ—Муральтъ, Юнгблютъ и въ наше время — Фехнеръ, Соколовъ и Дальтонъ. Въ своей сравнительной характеристикѣ (стр. 36—41) работъ этихъ авторовъ г. Цвѣтаевъ справедливо отдаетъ преимущество труду Фехнера—Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau (M. 1876): несо-

мнѣнную научную цѣнность, дѣйствительно, имѣетъ одинъ этотъ своеобразный сборникъ матеріаловъ. Ознакомившись съ положеніемъ вопроса въ наукѣ, гдѣ баснословное и неточное подавляло достовѣрное, самъ Фехнеръ держался мысли, что преждевременно браться за исторію не только всѣхъ протестантскихъ общинъ и ихъ церквей въ Россіи, но и за исторію однихъ московскихъ лютеранскихъ общинъ, наиболѣе подвергавшуюся изслѣдованіямъ; послѣ него вопросъ, въ смыслѣ приложенія научныхъ требованій, не двигался далѣе. Г. Цвѣтаевъ внесъ весьма много новыхъ, не достававшихъ прежде данныхъ и, тщательно провѣривъ все, что было извѣстно до него, подвелъ полученному итогъ, благодаря чему въ его повѣствованіи,—опирающемся на обширныхъ примѣчаніяхъ, куда снесена критика прежняго и новаго,—мы впервые получаемъ достаточно достовѣрную внѣшнюю исторію протестантскихъ общинъ. Какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ, подробно говоря объ историческихъ условіяхъ возникновенія и существованія церквей и о служившихъ при нихъ пасторахъ, почти не касается самихъ церквей, ограничиваясь обыкновенно весьма краткимъ описаніемъ ихъ вида и устройства: этого археологическаго элемента, столь бы здѣсь умѣстнаго, автору, очевидно, отыскать еще не удалось.

Свобода вѣроисповѣданія, предоставляемая протестантамъ не служилымъ и проживавшимъ у насъ временно, каковы были главнымъ образомъ купцы и другіе заѣзжіе люди, разсматривается во второй главѣ въ связи съ ихъ торговыми и иными привиллегіями и интересами, вліявшими на размѣры вѣроисповѣдныхъ правъ; отправлять свое общественное богослуженіе купцы получали дозволеніе въ торговыхъ дворахъ, почему г. Цвѣтаевъ и передаетъ исторію этихъ дворовъ. О расширеніи правъ хлопотали правительства всѣхъ протестантскихъ государствъ, и авторъ, на основаніи дѣлъ англійскихъ, голландскихъ, голштинскихъ, датскихъ, вольныхъ имперскихъ городовъ, шведскихъ и другихъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, возстановляетъ документально ходъ этихъ переговоровъ и состоявшіяся условія, объединяя ихъ основною мыслью, которою руководствовалось здѣсь наше правительство. Тщательное изученіе богатаго архивнаго матеріала открыло автору возможность поставить и разработать самый вопросъ, доселѣ не существовавшій въ исторической наукѣ, и мѣстами сдѣлать дополненія и поправки къ трудамъ предшественниковъ. Такъ, напримѣръ, сообщеніе Соловьева (Исторія Россіи, т. VI, изд. 3-е,

стр. 127) и Костомарова (Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 37—38), будто при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ былъ заключенъ со Швеціей договоръ, по которому шведскимъ купцамъ дозволялось вести торговлю по всей Россіи и проходить въ Индію и Китай, въ трудѣ профессора Цвѣтаева находитъ весьма важную поправку, такъ какъ въ договорахъ той эпохи въ дѣйствительности говорилось о „чистомъ пути" шведскимъ купцамъ всего въ Новгородско-Псковскую область. Не мало занимательныхъ археологическихъ данныхъ объ улицахъ и дворахъ Москвы находимъ мы здѣсь при описаніи чужеземныхъ дворовъ. Замѣчательно также, что Вологодскій дворъ англо-русской торговой компаніи больше всего напоминалъ собою древній ганзейскій дворъ въ Новгородѣ: на немъ могли завести англичане даже „компанейскую ропату" (церковь).

Какъ и вторая глава, весьма много новаго для исторической науки представляютъ и слѣдующія главы (3-я — 6-я). Матеріалъ для нихъ почерпнутъ авторомъ главнымъ образомъ изъ московскихъ архивовъ и у иностранныхъ писателей о Россіи XVI—XVII вѣковъ.

Благопріятное, по сравненію съ католиками, внѣшнее положеніе протестантовъ открывало имъ возможность къ устройству своего внутренняго церковно-религіознаго (3-я глава) и гражданскаго (4-я глава) быта. Авторъ характеризуетъ задачи протестантовъ при устройствѣ ихъ церковно-религіозной жизни, обрисовываетъ предѣлы ея автономности, излагаетъ организацію общинъ, порядокъ избранія и поставленія духовенства, говоритъ о религіозныхъ обрядахъ, о средствахъ просвѣщенія, о школахъ. Исторія школъ возстановлена со всею обстоятельностью, на сколько сохранилось о ней данныхъ. Школы имѣлись только у московскихъ лютеранскихъ общинъ; онѣ были церковно-приходскія, подъ наблюденіемъ пасторовъ, и еле-еле влачили свое существованіе. Ихъ благосостояніе во многомъ обусловливалось заграничными пожертвованіями. Благодаря помощи со стороны саксонскаго герцога Эрнста Благочестиваго, къ началу семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія достигла довольно цвѣтущаго состоянія школа офицерской общины. Въ нее начали принимать тогда безплатно всѣхъ безъ различія, богатыхъ и бѣдныхъ, юношей, служанокъ, крѣпостныхъ, плѣнныхъ или купленныхъ турокъ, татаръ и поляковъ и учили ихъ лютеранскому катихизизу, нѣмецкому и латинскому языкамъ, счету, письму и музыкѣ. Нужно думать, программа была не для всѣхъ одинаковой. Когда заграничный источникъ дохода

прекратился—было, школу поддержала правительственная помощь за устройство (1672 г.) ею придворнаго нѣмецко-русскаго театра.

Въ главѣ о гражданскомъ бытѣ протестантовъ находимъ исторію иноземческихъ селеній, бывшихъ въ Москвѣ, Вологдѣ, Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ; при изложеніи судьбы „нѣмецкихъ" слободъ знакомимся съ составомъ и характеромъ ихъ жителей. Затѣмъ мы читаемъ о гражданскихъ правахъ иноземцевъ, о положеніи ихъ предъ административной и судебной русской властью, о нравственномъ ихъ уровнѣ, взаимныхъ между собою отношеніяхъ и объ интересахъ, какими жили эти люди. „Правительственные органы власти имѣли вообще подъ своимъ вѣдѣніемъ всѣхъ иноземцевъ, независимо отъ того, чѣмъ бы ни занимались и гдѣ бы ни жили они. Новгородская система, по которой, согласно договорамъ, латинскіе гости судились между собою своимъ судомъ и ихъ нѣмецкій дворъ былъ какимъ-то заповѣднымъ мѣстомъ для новгородскаго должностнаго лица, московскимъ правительствомъ не была принята: оно проводило положеніе, что иноземцы должны подчиняться однимъ русскимъ законамъ, суду и властямъ". Состоя въ вѣдѣніи того или иного приказа, иноземцы не любили обращаться въ другіе приказы, особенно по дѣламъ судебнымъ, хотя сутяжничество ихъ между собою было слишкомъ обычнымъ явленіемъ, что̀ вызывалось ихъ нравственными качествами. Г. Цвѣтаевъ оспариваетъ, вполнѣ справедливо, оптимистическое мнѣніе объ иноземцахъ Соловьева и Брикнера, какъ отступающее „отъ дѣйствительныхъ фактовъ и отъ наблюденій современниковъ". „На этотъ предметъ, утверждаетъ онъ, вообще нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія нашего понятія о Западѣ и его культурѣ и съ предвзятою мыслію возвышать свойства иноземнаго населенія. Извлечь побольше выгодъ— вотъ существенный интересъ, которымъ руководился, жилъ и дышалъ этотъ людъ". Здѣсь авторъ вводитъ во внутренній міръ этого своеобразнаго населенія, знакомитъ съ тѣми кружками и партіями, какіе были въ немъ.

Слѣдующія главы посвящены отношеніямъ иноземцевъ къ русской средѣ и русскихъ къ иноземцамъ. „Тѣ свойства и ближайшія цѣли иноземнаго населенія, которыя отразились въ складѣ и характерѣ взаимныхъ отношеній его членовъ, руководили имъ въ установкѣ отношеній и къ населенію мѣстному: большее эксплоатированіе чужаго въ свою пользу здѣсь находило не только примѣненіе, но съ иноземной точки зрѣнія, и оправданіе". Уже одно это служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему иноземцы, не стѣсняемые въ устрой-

ствѣ своего внутренняго быта и во взаимныхъ между собою сношеніяхъ, должны были испытывать различныя ограниченія, когда дѣло касалось ихъ отношеній къ русскимъ. Г. Цвѣтаевъ съ особенною силою налегаетъ на вѣроисповѣдныя причины, которыя вели не только къ ограниченію сношеній протестантовъ съ мѣстнымъ населеніемъ, дѣлами житейскими въ узкомъ смыслѣ слова, но и къ неоднократнымъ запретамъ нанимать русскую прислугу и къ лишенію права владѣть помѣстьями. Современные вопросы о штундѣ и нѣмецкой южно-русской колонизаціи повторяютъ жалобы московскаго духовенства на протестантовъ почти буквально. Правительственныя мѣры направлялись къ той цѣли, чтобы болѣе выгоднымъ пребываніе у насъ сдѣлать для тѣхъ иноземцевъ, которые подвергались обрусенію. Иноземцы не могли не замѣчать этого, и многіе изъ нихъ старались приноравливаться къ русскимъ въ одеждѣ, обычаяхъ, языкѣ. Но подобное обрусеніе у насъ считалось недостаточнымъ: стать равноправнымъ членомъ государства иноземецъ могъ не иначе, какъ подъ условіемъ объединенія въ основномъ народномъ началѣ, вѣроисповѣданіи. Авторъ подробно останавливается на мотивахъ и обстоятельствахъ, побуждавшихъ иноземцевъ къ принятію греко-восточнаго исповѣданія, на формахъ и случаяхъ принятія, матеріальномъ и нравственномъ положеніи обращенныхъ въ русскомъ обществѣ и отношеніи ихъ къ прежнимъ единовѣрцамъ. Не смотря на противодѣйствіе обращеніямъ, оказываемое со стороны нѣкоторыхъ иноземческихъ группъ, принимали наше вѣроисповѣданіе и высшіе офицеры и низшіе военные чины, врачи, художники, ремесленники, мастера. Подъ одной Москвой изъ нихъ составилось цѣлыхъ двѣ слободы, которыя однако не могли уже отличаться тѣмъ своеобразнымъ характеромъ, какой принадлежалъ слободамъ иноземскимъ. „Обращеніе иноземца въ православіе было шагомъ, неотвратимо влекшимъ за собой дальнѣйшій процессъ перерожденія. Перекрещенцы все тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, съ которымъ у нихъ невольно завязывались самыя разнообразныя непосредственныя отношенія — и религіозныя, и общественныя, и семейныя". Обрусенію протестантовъ, какъ оно происходило и понималось тогда, отведена 5-я глава.

Принятіе вѣроисповѣданія открывало иноземцу путь къ брачнымъ связямъ съ русскими: смѣшанные браки въ дореформенное время не допускались. Брачному вопросу, который въ своемъ развитіи возвышался иногда до значенія первостепенной государственной важности

отведена глава 6-я. Женитьба въ жизни иноземца имѣла, конечно, весьма важное значеніе. Женатому легче было пристроиться: правительство смотрѣло на него, какъ на человѣка болѣе надежнаго, которому не для чего уѣзжать изъ Россіи, семейные иноземцы переставали относиться къ нему подозрительно. Но заключеніе брака въ иноземной средѣ встрѣчало затрудненія, по недостатку въ невѣстахъ „приличныхъ": женщинъ было менѣе мужчинъ, такъ какъ изъ-за границы пріѣзжали къ намъ по преимуществу лица мужскаго пола, люди не семейные. Нѣкоторые ѣздили за невѣстами за границу, большинство брало тѣхъ, кто былъ на лицо, почему была въ чести даже женская прислуга. Браки, заключенные при подобныхъ условіяхъ, не часто создавали семейное счастіе; сами иноземцы жаловались, что у нихъ были слишкомъ обычны нарушенія супружеской вѣрности. Невольно иноземцы должны были добиваться найдти себѣ женъ изъ русскихъ. Это было возможно только для тѣхъ, кто предварительно принималъ наше вѣроисповѣданіе; такимъ образомъ, брачное дѣло служило важнымъ средствомъ къ обрусенію иноземца. Нѣкоторые изъ перекрестовъ женились слишкомъ почетно. Между прочимъ приведенъ примѣръ, что самозванный „графъ Шляковъ—Чешскій" мѣтилъ было жениться на Иринѣ, дочери Михаила Өедоровича, и женился на богатой и знатной боярышнѣ Шереметевой. Укоренившееся условіе относительно смѣшанныхъ браковъ особенно было стѣснительно для лицъ нашего царскаго рода, когда они искали себѣ жениховъ или невѣстъ въ западныхъ королевскихъ домахъ. Въ разбираемомъ изслѣдованіи выясняется, какъ это стѣснительное условіе постепенно укрѣплялось, и передаются всѣ попытки къ заключенію такихъ браковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ полны трагизма и привлекали къ себѣ вниманіе всего современнаго русскаго общества.

Запрещеніе смѣшанныхъ браковъ и другія ограниченія были мѣрами, направленными къ охраненію мѣстныхъ интересовъ, такъ какъ иновѣрцы, помимо того дѣла, къ которому были призваны, старались оказать свое воздѣйствіе на религіозныя вѣрованія русскихъ и захватить себѣ слишкомъ много прибыли. Въ слѣдующей (7-й) главѣ излагаются способы и границы этого религіознаго воздѣйствія и борьба русскихъ противъ пропаганды. Эта борьба идей и быта въ высшей степени любопытна, особенно, какъ она выразилась въ литературныхъ произведеніяхъ. Съ нашей стороны непосредственное участіе въ ней принималъ царь Грозный, многія высшія и низшія духовныя и свѣтскія лица; полемика по поводу неудачнаго сватовства Ирины

Михайловны за Вальдемара датскаго перешла за русскіе предѣлы. Послѣ вопроса о приходскихъ протестантскихъ церквахъ чаще всего занимались у насъ полемическими сочиненіями противъ протестантовъ. Но и здѣсь сочинитель могъ прибавить много новаго къ трудамъ другихъ изслѣдователей, благодаря тому, что широко воспользовался рукописями Московской Синодальной, бывшей Патріаршей Библіотеки, Московскаго Румянцевскаго музея и другихъ библіотекъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи пополнены факты, вызвавшіе полемическія сочиненія, составленъ очеркъ систематической лютеранской пропаганды въ сѣверозападныхъ русскихъ областяхъ, захваченныхъ Шведами въ Смутное время, приведены попытки пропаганды въ Россіи чрезъ произведенія живописи, черезъ школу и т. д. Выводъ сдѣланъ авторомъ единственно допустимый, что протестантство, сильное на Западѣ, не было въ состояніи основать въ Московскомъ государствѣ ни одной общины изъ природныхъ русскихъ. „Чужое вѣроисповѣданіе, какъ субъективная стихія германскаго племени, оставлялось при тѣхъ, чьей природѣ оно было сродно. Протестанты должны были служить у насъ передачѣ и разработкѣ того, что имѣетъ космополитическій характеръ“. Исторія протестантства въ Польшѣ и Литвѣ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ къ его распространенію заставляетъ придти къ этому же выводу. Далѣе авторъ переходитъ къ заключительному (8-му) отдѣлу, озаглавленному: „Законная сфера дѣятельности и вліянія протестантовъ въ русской средѣ“.

Темой ея служитъ практиковавшееся у насъ удовлетвореніе политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей государства, двора и общества. Именно, раскрывается, какъ примѣнялись въ Московскомъ государствѣ трудъ и знаніе иноземцевъ въ развитіи военнаго и техническаго дѣла, промышленности, торговли, международныхъ сношеній, въ улучшеніи матеріальныхъ условій, въ развитіи ремеслъ, искусствъ, литературы, говорится о вліяніи иноземцевъ на нравы, обычаи и т. д. Все это берется въ связи, съ одной стороны, со свойствами и цѣлями жившихъ у насъ иноземцевъ, а съ другой—съ русской политикой, стремившейся къ тому, чтобы всѣ сферы, гдѣ дѣйствовали иноземцы, оставались въ русскихъ рукахъ и чтобы во всѣхъ этихъ сферахъ подготовились умѣлые люди изъ природныхъ русскихъ. Даже такія отрасли, какъ медицина или театральное дѣло, вызвали русскихъ выучениковъ—лекарей и актеровъ.

Для каждаго отдѣльнаго вопроса, излагаемаго въ этой главѣ, авторъ подробно познакомился со специальной, относящейся къ тому литера-

турой. Говоря, напримѣръ, о службѣ иноземцевъ въ войскахъ, авторъ независимо отъ приводимыхъ имъ архивныхъ данныхъ и показаній современниковъ, ссылается на работы о русскомъ войскѣ Бобровскаго, Бранденбурга, Бѣляева, Гудима-Левковича, Ласковскаго, Обручева, Савельева, Устрялова и др.; попытки заведенія флота при помощи иноземцевъ изложены, кромѣ различныхъ матеріаловъ, на основаніи сочиненій и статей Веселаго, А. Висковатаго, Елагина, Попова, Иконникова и др. Это придаетъ изложенному значительную цѣну. Разсѣянное въ изданіяхъ и сочиненіяхъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ знанія, представлявшееся большею частью какъ бы отрывочнымъ и случайнымъ теперь получаетъ объединеніе, взаимное пополненіе и внутренній смыслъ. Въ разборѣ прежнихъ сочиненій Д. В. Цвѣтаева А. Н. Пыпинъ, напримѣръ, выразилъ именно желаніе, чтобы у насъ появился научный очеркъ культурнаго служенія иностранцевъ (Вѣстн. Евр., 1887, I), и авторъ въ данной главѣ до извѣстной степени удовлетворяетъ этой потребности. Здѣсь мы видимъ, какъ относились русскіе люди къ западно-европейской культурѣ и образованности, на сколько усвоялись чуждые элементы и подготовлялось дѣло реформы, имѣвшей цѣлью ввести насъ въ кругъ европейской исторической жизни.

Мы указали, въ общихъ чертахъ, содержаніе и свойства изслѣдованія проф. Д. В. Цвѣтаева, которое, безъ сомнѣнія, представляетъ собою солидный вкладъ въ нашу историческую науку. Въ концѣ изслѣдованія (стр. 781, примѣч.) авторъ обѣщаетъ, что слѣдующій его трудъ будетъ обнимать изслѣдуемый имъ вопросъ въ эпоху преобразованій. Не можемъ не пожелать, чтобы будущее сочиненіе носило тотъ же строго научный характеръ и заключало въ себѣ такое же богатое содержаніе, какъ и разсмотрѣнное нами.

Ш. А. Л.

Е. Щепкиной. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578—1762). С.-Пб. 1890.

Записки А. Т. Болотова—одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ для изученія внутренней исторіи русскаго XVIII вѣка. Конечно, русскій писатель не отличается ни большимъ образованіемъ, ни тонкимъ знаніемъ людей и жизни, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность знаменитаго герцога Сенъ-Симона; но какъ ярко на страницахъ этого увлекательнаго писателя рисуются и дворъ

Людовика XIV и нравы и взгляды французской аристократіи конца XVII и начала XVIII вѣка, такъ въ скромномъ, иногда черезчуръ многорѣчивомъ изложеніи русскаго мемуариста рисуются намъ черты русскаго дворянства въ переходную пору отъ московскаго служилаго человѣка къ благородному дворянину конца XVIII вѣка. Мы, конечно, сравниваемъ не таланты и даже не положеніе. Мы сравниваемъ только историческое значеніе и того и другаго писателя. Конечно, перебирая Болотова, мы не встрѣтимъ такихъ блистательныхъ характеристикъ, каковы у Сенъ-Симона характеристики маршала Вандома, княгини Урсинской (princesse des Ursins), герцога Бургонскаго, герцога Орлеанскаго, самого Людовика XIV и многихъ другихъ; но за то встрѣтимъ простыхъ русскихъ людей въ ихъ безхитростной обстановкѣ, встрѣтимъ живую картину обновленія быта подъ вліяніемъ Прусской войны и реформъ великой императрицы; но надъ всѣми этими картинами поднимается типическій обликъ самого сочинителя, который плѣняетъ читателя своимъ простодушіемъ, пылкимъ стремленіемъ къ образованію, практическимъ знаніемъ жизни и умѣніемъ ее устраивать. Передъ читателемъ проходятъ ряды картинъ, писанныхъ далеко не художественно, но глубоко правдиво: мы знакомимся съ бытомъ дворянъ при Елизаветѣ, съ русскимъ человѣкомъ въ новой для него обстановкѣ въ Кенигсбергѣ, съ перемѣною, происшедшею послѣ 1762 года, и т. д. Значеніе Болотова ясно для всѣхъ изучающихъ время Екатерины II, оно ясно и для внимательныхъ читателей, но вообще неспеціалисту трудно оріентироваться въ многословномъ разказѣ плодовитаго писателя и ему необходимы поясненія и сличенія съ другими источниками. Даже въ обществѣ болѣе приготовленномъ, каково французское, книги такого значенія не выходятъ безъ комментарія и введенія. Такъ издается въ настоящее время и Сенъ-Симонъ. Тѣмъ необходимѣе комментаріи къ Болотову въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ только-что пробуждается интересъ къ серьезному изученію своего прошлаго. Трудъ пояснить для русской публики Болотова приняла на себя Е. Н. Щепкина въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали и съ отрывками изъ которой читатели уже знакомы изъ „Вѣстника Европы" и „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія". Книга доходитъ только до 1762 года, но не смотря на то, что авторъ въ предисловіи, назначая себѣ эту грань, какъ эпоху въ исторіи русскаго дворянства, какъ будто бы отрекается отъ дальнѣйшаго продолженія, намъ все-таки сдается,

что ему будетъ не легко отречься отъ дѣла, такъ удачно начатаго. Вотъ почему мы не теряемъ надежды на продолженіе.

Е. Н. Щепкина начинаетъ издалека: ее занялъ вопросъ о томъ, какъ мало по малу московскіе служилые люди становятся дворянами-землевладѣльцами. Документы Московскаго архива министерства юстиціи помогли ей опредѣлить службы и до нѣкоторой степени экономическое состояніе Болотовыхъ съ конца XVI вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемся съ боярскими дѣтьми, поселенными на татарской украйнѣ, обязанными тяжелою службою и подвергающимися частымъ набѣгамъ крымцевъ. Въ XVII вѣкѣ они уже ходятъ на дальную службу, ибо пограничная черта стала южнѣе. Много Болотовыхъ погибло въ походахъ, особенно въ войнѣ за Малую Россію. Рядомъ съ ихъ военною службою документы рисуютъ намъ добываніе помѣстій и даже земельные процессы. Въ то непокойное время часты случаи, что остаются вдовы съ дѣтьми и выхлопатываютъ помѣстье на прожитокъ себѣ и дѣтямъ. Такихъ хозяйственныхъ женщинъ указываетъ и авторъ.

Во время войнъ второй половины XVII вѣка появляются полки иноземнаго строя; въ нихъ видимъ и Болотовыхъ. Сближеніе Болотовыхъ съ иноземцами идетъ и съ другой стороны: заводчикъ Марселасъ арендуетъ у нихъ землю подъ свои желѣзные заводы. Такъ на этой дальней окраинѣ подготовляются Петровскія реформы. Отрывочныя свѣдѣнія, приводимыя нашимъ авторомъ, которыя онъ старается восполнить общими чертами изъ другихъ источниковъ, даютъ немало интересныхъ штриховъ для общей картины быта служилаго класса. Между прочимъ, чрезвычайно интересны указанія на разве денныхъ женъ,—случай, какъ извѣстно изъ Котошихина, перѣдкій въ XVII вѣкѣ.

Еще Соловьевъ указалъ на то, что реформы Петра стоятъ въ генетической связи съ движеніемъ русской жизни XVII вѣка; новымъ изслѣдователямъ осталось болѣе и болѣе приводить въ сознаніе мѣткость этого замѣчанія. На эту дорогу вступила и Е. Н. Щепкина, указывая въ своихъ Болотовыхъ такихъ членовъ дружины (позволимъ себѣ вслѣдъ за ней употребить это выраженіе), которые готовы были идти за царственнымъ вождемъ. Ко времени Петра относится дѣдъ мемуариста—Петръ. Онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ и послѣдніе годы своей жизни провелъ маіоромъ въ Рижскомъ гарнизонѣ, гдѣ отдалъ своихъ дѣтей въ Dohmschule, училище, дававшее, правда, небольшія свѣдѣнія: они выучились нѣмецкому языку

и ариѳметикѣ; извѣстно, что дядя Болотова Матвѣй учился послѣ военнымъ наукамъ у Ганибала, прославленнаго Пушкинымъ Арапа Петра Великаго. По тетрадямъ этого дяди впослѣдствіи учился и Андрей Тимофеевичъ. Отецъ нашего Болотова служилъ въ измайловскомъ полку и хорошо сошелся съ нѣмцами командирами и офицерами; онъ совершилъ походъ съ Минихомъ. Авторъ не упускаетъ здѣсь случая характеризовать нѣмецкую дисциплину того времени и, согласно съ новыми военными историками, относитъ ее ко времени, послѣдовавшему за Петромъ. Послѣдніе свои годы Тимофей Болотовъ провелъ командиромъ полка въ томъ же Остзейскомъ краѣ. Онъ любилъ музыку и чтеніе и, стало быть, для своего времени былъ человѣкомъ образованнымъ [1]). Сынъ его учился сначала у дядьки, потомъ у нѣмца Миллера, который обходился съ нимъ сурово и часто билъ, потомъ въ Петербургѣ въ пансіонѣ Ферре и, наконецъ, въ семействѣ знакомаго генерала. 14-ти лѣтъ Болотовъ кончилъ свое воспитаніе и по смерти матери отправился въ деревню, гдѣ и прожилъ до своего поступленія на дѣйствительную службу (записанъ на службу онъ былъ еще ребенкомъ по тогдашнему обыкновенію). Воспитаніе Болотова даетъ нашему автору случай сличить наше русское воспитаніе съ тѣми порядками, которые существовали тогда во Франціи, Германіи, Польшѣ и Остзейскомъ краѣ. Въ результатѣ выходитъ, что тамошніе порядки немногимъ превосходили наши. Сельская жизнь Болотова вызываетъ картину тогдашней сельской жизни, главныя черты которой даютъ Записки Андрея Тимофеевича, дополненныя другими источниками; здѣсь же, пользуясь архивными документами, авторъ изображаетъ имущественную состоятельность Болотова. Простота тогдашней жизни, бѣдность интересовъ, близость съ XVII в., сказавшаяся въ чтеніяхъ героя (Четьи Минеи, Камень Вѣры), ярко выходятъ въ занимающей насъ книгѣ. Любопытна параллель, проводимая авторомъ между жизнію въ Каширскомъ уѣздѣ и жизнію въ Псковѣ, куда Болотовъ поѣхалъ къ своему зятю. Здѣсь, вблизи Петербурга и на границахъ Лифляндіи, жизнь шла шире и уже на новый ладъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что и

---

[1]) Любопытно, что, перебирая оставшіяся послѣ него книги, сынъ его нашелъ переводъ „Лифляндской экономіи". Въ Московскомъ музеѣ — говоритъ Е. Н. Щепкина—сохранилась рукопись перевода этой книги, приписанная Ломоносову. Издатель сочиненій Ломоносова, конечно, обратитъ вниманіе на это обстоятельство.

старина имѣла свое значеніе: полный разрывъ съ нею весьма прискорбенъ. Тогда однако до полнаго разрыва не доходило: онъ выяснился позднѣе. Вспомнимъ „Чистосердечное признаніе" Фонвизина, указывавшаго на переходъ отъ наивныхъ вѣрованій дѣтства къ воззрѣніямъ матеріалистовъ. Фонвизинъ горько каялся въ своемъ отступничествѣ; Болотову каяться не пришлось. Но вотъ Болотовъ вступилъ въ дѣйствительную службу; судьба балуетъ его здѣсь: онъ попадаетъ въ тотъ полкъ, гдѣ отецъ его оставилъ по себѣ хорошую память; та-же память объ отцѣ помогаетъ ему попасть въ офицеры, ибо секретарь Шувалова Яковлевъ, большой самодуръ, оказывается обязаннымъ старику Болотову. Пользуясь „Записками", авторъ беретъ изъ нихъ однѣ выдающіяся черты, опускаетъ утомительныя подробности и дополняетъ свою картину извѣстіями другихъ источниковъ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что Болотовъ обходитъ по своей природѣ непривлекательныя стороны тогдашней службы; но съ этими сторонами мы уже знакомы изъ изслѣдованій М. И. Семевскаго, и самъ авторъ дѣлаетъ хорошо, что передаетъ ихъ въ общихъ выраженіяхъ. Прибавимъ, что мы вполнѣ сочувствуемъ мѣткому замѣчанію автора, что Болотовъ не видитъ многаго изъ „просвѣщеннаго индеферентизма", то-есть рождающагося, но еще не вполнѣ развитаго презрѣнія къ низшимъ, — плоды нашего нѣмецкаго воспитанія. Слѣдя за военной службой Болотова, авторъ останавливается на его описаніи похода Апраксина, которое онъ повѣряетъ изслѣдованіями г. Масловскаго. Оказывается, что хотя Болотовъ видѣлъ не все, но вѣрно записалъ то, что видѣлъ. Этимъ возстанавливается значеніе его очерка Гросъ-Эгерсдорфской битвы, не безъ основанія впрочемъ заподозрѣннаго Соловьевымъ въ односторонности. Очень кстати (стр. 143) нашъ авторъ указываетъ на то, что такъ называемые варварскіе поступки русскихъ войскъ нисколько не хуже того, что дѣлали тогда нѣмцы. Изъ „Записокъ" видно, какъ важно было для Болотова въ отношеніи его развитія пребываніе въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ и слушалъ лекціи и много читалъ. Е. Н. Щепкина подробно останавливается на этомъ эпизодѣ и тщательно характеризуетъ, въ чемъ состояло это вліяніе: указываетъ и на воспитательное значеніе лекцій и на сближеніе съ нѣмецкими бюрократами, имѣвшими то, чего такъ недостаетъ намъ: точность и аккуратность. Конечно, мы беремъ верхъ кое-чѣмъ другимъ, но и этими качествами пренебрегать нельзя; безъ нихъ можно тоже сдѣлать много дурнаго или по крайней мѣрѣ не сдѣлать кое-чего хорошаго.

Въ Кенигсбергѣ Болотовъ пристрастился къ философіи, но онъ не взлюбилъ Вольфа, а выбралъ піетиста Крузія. Книга Е. Н. Щепкиной заключается любопытнымъ обзоромъ тѣхъ книгъ,—какъ литературныхъ произведеній, такъ и популярныхъ нравоучительныхъ трактатовъ,—которыя читалъ Болотовъ и на основаніи которыхъ слагалось его мирное, оптимистическое міросозерцаніе. Эта глава. известная читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, составляетъ важный вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія XVIII в. и большую заслугу автора. Вообще книга чрезвычайно интересна и, конечно, никто, закрывая ее, не откажется присоединиться къ нашему желанію, чтобы она не оставалась отрывкомъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Лѣтописный сборникъ, именуемый Лѣтописью Авраамки (Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, XVI т. С.-Пб. 1889).

Уже давно, чуть не двадцать лѣтъ тому назадъ, сдѣлалось извѣстно о предпринятомъ Археографическою коммиссіею изданіи сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Лѣтописи Авраамки"; давно ожидаемый сборникъ наконецъ появился. Изъ прекраснаго предисловія, написаннаго умѣлою рукою знатока не только лѣтописей, но и вообще древней русской литературы, мы узнаемъ подробныя свѣдѣнія о составѣ сборника Авраамки, о сходствѣ его съ другими лѣтописными сборниками, а также и объ его отличительныхъ чертахъ. Къ тексту приложены обстоятельные указатели: личныхъ именъ, географическій и предметный; это — новинка и новинка весьма полезная. Нельзя только не пожалѣть, что изданъ не весь сборникъ. Конецъ сборника (436—450 лл., приблизительно около 10 печатныхъ столбцевъ), заключающій въ себѣ литовскія лѣтописи, какъ разъ оставленъ до того тома, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ литовскія лѣтописи. Жаль, что и появленіе послѣднихъ въ изданіи Археографической коммиссіи все затягивается, и когда онѣ будутъ напечатаны, еще неизвѣстно. Повидимому, списковъ литовскихъ лѣтописей до сихъ поръ извѣстно весьма немного: кромѣ свода краткой редакціи, изданнаго Даниловичемъ и впослѣдствіи Поповымъ, а теперь извѣстной еще и по рукописи Авраамки, есть полный сводъ, изданный Нарбутомъ, и какъ бы средній между ними, сохранившійся въ рукописяхъ Красинскаго и Познанской. Всѣ эти своды такъ малы по объему, что легко могли

бы быть помѣщены въ одномъ томѣ съ лѣтописью Авраамки, какъ это и предполагалось сначала; теперь же это намѣреніе почему-то измѣнено. А скорѣйшее появленіе литовскихъ лѣтописей въ новомъ изданіи вполнѣ необходимо, такъ какъ онѣ были изданы въ разныхъ мѣстахъ, разными лицами и такъ давно, что нѣкоторыя изданія, какъ напримѣръ Даниловича и Нарбута, могутъ считаться библіографическою рѣдкостью. Въ ожиданіи скорѣйшаго появленія литовскихъ лѣтописей въ болѣе полномъ и научномъ изданіи, обратимся теперь къ изданному сборнику.

Лѣтопись Авраамки состоитъ изъ трехъ частей: первая содержитъ въ себѣ сначала выписки изъ хронографа, а потомъ изъ русскихъ лѣтописей отъ начала Русской земли до 1469 г., вторая—лѣтописный отрывокъ отъ 945 до 988 г., третья начинается родословіемъ великихъ князей русскихъ; затѣмъ идутъ разные юридическіе памятники, за которыми опять слѣдуютъ родословія тѣхъ же князей, перечень новгородскихъ князей, русскихъ митрополитовъ и новгородскихъ епископовъ. Что касается до второй и третьей части, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего такого, чего мы не знали бы изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ. Первый же отдѣлъ представляетъ изъ себя нѣчто интересное; начинаясь хронографомъ, онъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи содержитъ выдержки изъ русскихъ, и притомъ Новгородскихъ, лѣтописей и очень сходенъ съ краткою Новгородскою лѣтописью, изданною княземъ Оболенскимъ въ 1836 г. подъ именемъ „Супрасльской рукописи“; начиная же съ конца XIV вѣка, извѣстія Лѣтописи Авраамки—сходны съ такъ-называемою Новгородскою IV лѣтописью и притомъ съ тою рукописью, которая при изданіи послѣдней обозначена въ варіантахъ литерою X. Нельзя сказать, чтобы составитель лѣтописнаго сборника былъ внимателенъ къ своимъ источникамъ; этой невнимательностію объясняется повтореніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ извѣстій объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ: такъ напримѣръ, о смерти Ярослава Всеволодовича въ Ордѣ подъ 6753 и 6756 гг. (52 столб.), о смерти Михаила Ярославича Московскаго подъ 6756 и 6757 гг. (52 и 53 ст.) [1]). Повторяя въ общемъ извѣстія, уже знакомыя намъ по другимъ лѣтописнымъ сборникамъ, Лѣтопись Авраамки въ то-же время даетъ нѣсколько новыхъ извѣстій;

[1]) Повтореній гораздо больше; но мы упомянули только тѣ, которыхъ нѣтъ въ „Супрасльской рукописи“; ясно, что списокъ лѣтописи, бывшій у Авраамки, немного разнился отъ изданнаго княземъ Оболенскимъ.

таковы, напримѣръ: о пріѣздѣ въ Новгородъ Стефана Пермскаго (131 ст.), о задержаніи въ Москвѣ митрополитомъ Кипріаномъ новгородскаго архіепископа Іоанна (147 и 148 ст.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, единичныхъ, въ Лѣтописи Авраамки сообщаются извѣстія болѣе подробно сравнительно съ другими Новгородскими лѣтописями: напримѣръ, подъ 6923 г. о знаменіи въ солнцѣ (162 ст.), или вставка эпизода о дѣйствіи русской артиллеріи во время нападенія нѣмцевъ на городъ Ямъ въ 1444 г. (185 ст.); иногда изданная лѣтопись можетъ служить для поправки чтенія въ другихъ лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, подъ 6962 г. въ Новгородск. IV лѣтописи читается: „Того же лѣта взяша Турци Царьградъ, и хрестьянство погубиша, и святыя церкви разориша, толко оставиша церковь каменну Святыхъ Апостолъ". (П. С. Р. Л. IV, 126). Послѣднія слова въ Лѣтописи Аврамки читаются такъ: „Того же лѣта поставиша церковъ камену у Святыхъ Апостолъ" (194 ст.). Нѣтъ сомнѣнія, последнее чтеніе болѣе вѣрное: объ оставленіи варварами турками церкви Св. Апостолъ мы ничего не знаемъ, да гдѣ было знать и лѣтописцу подобныя подробности. Но самая главная часть изданнаго сборника—это конецъ перваго отдѣла съ 1447 по 1469 г. (190—224 ст.). За этотъ періодъ Лѣтопись Авраамки представляетъ собою интересъ новизны, такъ какъ подавляющее большинство ея извѣстій не находится въ другихъ лѣтописныхъ Новгородскихъ сборникахъ (Новгор. IV лѣтопись за это время какъ разъ значительно сокращается въ своемъ содержаніи). Если же какія извѣстія и существуютъ въ другихъ сборникахъ (таковыхъ не болѣе 18), то въ Лѣтописи Авраамки они являются въ болѣе подробномъ видѣ, или повѣствуютъ о событіяхъ съ другой точки зрѣнія; особенно это часто случается при описаніи, такъ сказать, международныхъ сношеній—съ Москвою и Псковомъ. По обилію церковныхъ извѣстій (всѣ извѣстія за этотъ періодъ по большей части сопровождаются цифровыми данными), благочестивыхъ размышленій, текстовъ Священнаго Писанія можно съ увѣренностью предположить, что писатель былъ духовное лицо; это можно предположить и по нѣкоторымъ подробностямъ, интереснымъ только для духовнаго лица [1]): такъ, напримѣръ, сообщая о путешествіи архіепископа Іоны во Псковъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „а в дому ся

[1]) Разказавъ о чудѣ св. Варлаама, лѣтописецъ прибавляетъ: „якоже въ книзѣ въ чюдесѣхъ написашася" (201 ст.); подобное знакомство съ книгою духовнаго содержанія болѣе свойственно лѣтописцу изъ духовныхъ.

оста Пуминъ ключникъ на вся дѣла“ (223 ст.). Можетъ быть, этотъ писатель былъ изъ клира Св. Софіи, такъ какъ въ лѣтописи упоминается съ теплотою и любовію о нѣкоторыхъ лицахъ означеннаго клира, о Романѣ ключникѣ и Федорѣ протодьяконѣ (218 ст.); самъ о себѣ лѣтонисецъ упоминаетъ два раза: подъ 6966 г. въ извѣстіи о смерти архіепископа Евфимія („мнимъ его свята“,—197 ст.) и подъ 6974 г.; когда онъ по поводу пожара выражается о себѣ: „азъ писечъ многогрѣшный“ (219 ст.).

Будучи вообще драгоцѣннымъ памятникомъ русской письменности, Лѣтопись Авраамки особенно драгоцѣнна для церковной исторіи Новгорода: она сообщаетъ много извѣстій о дѣятельности архіепископа Іоны; можно сказать, лѣтописецъ не оставляетъ безъ вниманія никакихъ, даже самомалѣйшихъ проявленій дѣятельности новгородскаго святителя; безъ Лѣтописи Авраамки объ архіепископѣ Іонѣ мы знали бы очень мало.

Ив. Тихомировъ.

Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ *Е. Барсова.* М. 1889.

Е. В. Барсовъ издалъ найденный имъ и сдѣланный еще въ XVIII вѣкѣ русскій переводъ извѣстнаго „Hodoeporicon Ruthenicum“, дневника путешествія датскаго посла Якова Ульфельда къ Ивану IV, и снабдилъ его небольшимъ предисловіемъ.

„Hodoeporicon“ дошелъ до насъ въ двухъ изданіяхъ — 1608 и 1627 гг. Главное же значеніе русскаго перевода, по мнѣнію г. Барсова, заключается въ томъ, что „въ немъ есть предисловіе, которое не сохранилось въ дошедшемъ до насъ латинскомъ оригиналѣ; переводъ былъ сдѣланъ не съ печатнаго латинскаго текста, но съ рукописи, которая остается пока неизвѣстною. Здѣсь встрѣчаются любопытныя біографическія свѣдѣнія о самомъ авторѣ, которыхъ нѣтъ въ изданныхъ латинскихъ текстахъ“... Латинскій оригиналъ, говоритъ г. Барсовъ дальше,—„прямо начинается словами: „Nemini dubium esse arbitror antiquis temporibus“ и т. д.. Но почтенный издатель ошибается. Изданія „Путешествія“ Ульфельда различаются не „только заглавіями“, какъ говоритъ г. Барсовъ въ другомъ мѣстѣ, а именно тѣмъ, что во второмъ изданіи есть предисловіе, которое, впрочемъ, не начинается словами: „Nemini dubium esse arbitror“ и т. д. Такимъ

образомъ русскій переводъ сдѣланъ не съ неизвѣстной поля рукописи, а именно съ этого втораго изданія.

Въ концѣ своего предисловія г. Барсовъ сообщаетъ, что въ 1578 г. Ульфельдъ „еще разъ“ былъ въ Москвѣ, но умалчиваетъ о первомъ его путешествіи туда. Если онъ, слѣдуя Аделунгу, полагаетъ, что Ульфельдъ былъ въ Москвѣ въ 1575 и 1578 гг., то это не вѣрно: Ульфельдъ былъ въ Россіи только въ 1578 году: это доказано Фехнеромъ въ его сочиненіи: „Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau“ (т. I, стр. 93, 94) и подтверждено г. Щербачевымъ въ его статьѣ: „Два посольства при Іоаннѣ IV Васильевичѣ“ (Русскій Вѣстникъ 1887 г., іюнь).

Книга Ульфельда представляетъ несомнѣнный историческій интересъ; но переводъ, изданный г. Барсовымъ, сдѣланъ еще въ XVIII вѣкѣ, и это существеннымъ образомъ умаляетъ его цѣну. Позволимъ себѣ выразить сомнѣніе въ пользѣ и цѣлесообразности изданія такихъ старинныхъ переводовъ. Переводы историческихъ источниковъ для научнаго пользованія ими, собственно говоря, не допустимы въ принципѣ; у насъ же они, къ сожалѣнію, должны быть терпимы вслѣдствіе еще слабо развитаго знанія иностранныхъ языковъ, но терпимы лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они были сдѣланы ученымъ, хорошо знакомымъ съ эпохой, къ которой относится источникъ; только въ такомъ случаѣ мы можемъ быть увѣрены въ точности и вѣрности перевода, когда онъ сдѣланъ человѣкомъ, основательно изучившимъ источникъ. Довѣрять же никому невѣдомому переводчику XVIII вѣка мы не имѣемъ никакой возможности. Мы не сравнивали весь изданный г. Барсовымъ переводъ съ латинскимъ текстомъ; но даже при бѣгломъ просмотрѣ перваго убѣдились въ неточности его. Такъ, напримѣръ, въ томъ самомъ предисловіи, которое будто бы придаетъ особую цѣнность изданію г. Барсова, переводчикъ отчасти исказилъ, отчасти просто выпустилъ нѣкоторыя фразы. Латинскому періоду: „Sed cum me minus idoneum cognoscam, qui stylo eleganti hanc describam (fateor namq, me primoribus labris linguam latinam degustasse, minusq; toto sermone uti, idq, non mirum: praesertim cum à literis sim per sex lustra avulsus, semperq, in aulicis domesticisque negotiis occupatus, quo minus vel aliquid addiscere, vel ea, quae olim didicerim, repetere potuerim: ad haec cum omnia in itinere celeliter excepta festinantiq, calamo sint exarato) rogo ut pius lector boni consulat, emendat, atq, dextre interpretetur“ соотвѣтствуетъ слѣдующая русская фраза: „и чувствую себя неспособнымъ къ описанію сего изрядно;

ибо признаюсь, что я немного въ обученіи латинскаго языка упражнялся, и не чисто писалъ по латинѣ, что̀ и не удивительно, потому что я черезъ тринадцать лѣтъ удалившися отъ ученій". Далѣе на стр. 13 (1-го изданія 1608 г.) переводчикъ выпустилъ цѣлый періодъ, начинающійся словами: „Hic pene prȩterieram, до словъ unde et ortum est proverbium" (рѣчь идетъ о прежнемъ могуществѣ Новгорода). Пользоваться такимъ переводомъ для научной работы, конечно, не возможно. Даже и для обыкновеннаго читателя изданный г. Барсовымъ переводъ дневника Ульфельда не представляетъ интереса, тѣмъ болѣе, что все посольство несравненно подробнѣе описано г. Щербачевымъ въ упомянутой выше статьѣ, и притомъ не только на основаніи книги Ульфельда, но и на основаніи писемъ пословъ къ королю съ дороги и общаго ихъ отчета о посольствѣ, которыми г. Щербачевъ пользовался въ тайномъ королевскомъ архивѣ въ Копенгагенѣ.

А. Браудe.

Грамматика старославянскаго языка. *А. Лескина.* Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіями изъ Остромирова ѥвангелия. Москва. 1890.

Явившееся въ русскомъ переводѣ „Руководство по старо-болгарскому (старо-церковно-славянскому) языку" извѣстнаго лейпцигскаго профессора Августа Лескина [1])—книга прекрасная, вполнѣ соотвѣтствующая своему назначенію: нѣмецкій языковѣдъ, желающій ознакомиться со старѣйшею разновидностью славянской рѣчи, здѣсь можетъ найдти сжатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полное и вполнѣ научное изложеніе староцерковной грамматики, тщательно напечатанные тексты и хорошій словарикъ. Существеннымъ недостаткомъ этой книги во второмъ (въ другихъ отношеніяхъ улучшенномъ и расширенномъ) изданіи я считаю лишь одно радикальное отступленіе отъ перваго изданія—измѣненіе, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Усвоить такую хорошую грамматику русской научной литературѣ мнѣ всегда представлялось дѣломъ весьма желательнымъ, и я съ удовольствіемъ привѣтствую вышедшій въ настоящее время русскій переводъ этого руководства, совмѣстный трудъ кандидатовъ Московскаго университета Алексѣя Александровича Шахматова и Вя-

---

[1]) Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. Von *A. Leskien*, o. Professor der slavischen Sprachen an der Universität Leipzig. Zweite völlig umgearbeitete Auflage. Weimar. 1886.

чеслава Николаевича Щепкина, тщательно и даже изящно изданный московскимъ типографщикомъ Оттономъ Гербекомъ.

Большую половину книги Лескина составляютъ тексты и словарикъ. Въ русскомъ изданіи эта половина не воспроизводится, что̀ дѣйствительно было бы излишне; притомъ словарь нельзя было переводить, а пришлось бы перерабатывать и приспособлять для русскаго читателя, — правда, въ большинствѣ случаевъ приспособленіе могло бы состоять въ простомъ опущеніи понятныхъ всякому русскому славяно-русскихъ реченій въ родѣ адъ, богъ, дымъ, жила, землꙗ, бити, дати.

152-мъ страницамъ подлинника въ переводѣ соотвѣтствуютъ 154, остальныя страницы, 155—192, представляютъ дополненіе: „Особенности языка Остромирова евангелія" [1]). Этимъ дополненіемъ устраняется тотъ недостатокъ подлинника, на который я намекалъ выше,— крайнее увлеченіе автора отвергаемымъ имъ прежде паннонизмомъ, увлеченіе, до каковогo не доходилъ и самъ Миклошичъ, хотя и отодвигавшій Остромирово евангеліе на задній планъ, но никогда не оставлявшій его въ полномъ небреженіи.

Переводъ гг. Шахматова и Щепкина вообще весьма точно передаетъ подлинникъ. Я замѣтилъ лишь слѣдующія неисправности: Стр. 4, внизу: „j передъ гласными слѣдуетъ произносить не какъ спирантъ (нѣм. Ich-Laut), а какъ неслоговое i"; въ подлинникѣ: „похоже на ich-Laut" — „dem ich-Laut ähnlich" [2]). На стр. 46, стрк. 5 св. въ словахъ „станѭ, быть можетъ, слѣдовало бы читать какъ sta-vą"—„быть можетъ" есть совершенно лишняя вставка переводчиковъ. „In der Regel" не значитъ „правильно", какъ переведено на стр. 81, стрк. 9 св., а значитъ „обыкновенно". На стр. 85, стрк. 14—15 св. сказано, что „сицѣхъ, сицѣмъ, сицѣми и съ формальной стороны кажутся образованными отъ сикъ", а нужно бы: „сицѣхъ, сицѣмъ, сицѣми, кажется, формально принадлежатъ къ сикъ" (scheinen formell zu сикъ zu gehören). На стр. 92, стрк. 7 св. не совсѣмъ вѣрно передается „einige zwanzig Mal", что собственно не значитъ „около двадцати", а „двадцать съ чѣмъ-то" (точная цифра въ этомъ случаѣ — 24). На той же страницѣ, стрк. 9, говорится про „формы *на* -ѕи-", причемъ разумѣются не только име-

[1]) Тутъ же, на стр. 190—192, сдѣланы и общаго характера оговорки относительно глагольныхъ видовъ.

[2]) Ich-Laut—это названіе для мягкаго *х* (русскаго *х* въ словѣ *грѣхи*).

нительные падежи въ родѣ доброжи, но также доброжнимь, доброжнихъ и т. д.—въ подлинникѣ и сказано „формы съ -жи-“ (mit -жи-). На стр. 94, стрк. 16—15 сн., слово gelegentlich, значащее „при случаѣ, иногда, изрѣдка“, переведено „случайно“. На стр. 110, стрк. 1 сн., нѣмецкое Zähne klappern, какъ толкованіе глагола клєчьтати, слишкомъ рабски передается выраженіемъ „стучать (зубами)“ — Zähne klappern есть именно „скрежетать зубами“. Нѣмецкое thöricht werden, то-есть, „обезумѣть, одурѣть“ (стр. 112, стрк. 1 св.—переводъ глагола боуıати), напрасно переводится „безумствовать“. На стр. 137, стрк. 13—14 св., мы читаемъ: „обоувєнъ....., по образцу котораго поставлено уоувєнъ“—у Лескина „по этому образцу въ парадигмѣ уоувєнъ (darnach im Paradigma уоувєнъ“). На стр. 138, стрк. 5—6 св., безо всякой выгоды, для красоты рѣчи и съ нѣкоторымъ ущербомъ для смысла, произведена перестановка словъ, которыя могли бы остаться въ своемъ нѣмецкомъ порядкѣ: „ѥрахомъ (Супр.) 53,4 есть, быть можетъ, преходящее, равное ѥраахомъ отъ 2-ой основы“ (ist vielleicht Imperf., gleich ѥрахомъ vom 2. Stamm) — у переводчиковъ: „ѥрахомъ 53,4 быть можетъ = ѥраахомъ и есть преход., образованное отъ 2-ой основы“. Нѣм. слово Vollendung на стр. 151, I и 152, II передается словомъ „совершенность“,—лучше бы „законченность“, или „завершенность“, „довершенность“.

Указанныя погрѣшности всѣ не особенно важны; еще меньше значенія имѣютъ слѣдующія: На стр. 93, стрк. 8 св., сказано, что въ Клоцовой рукописи „вмѣсто *y* правильно употребляется ꙑ“, какъ будто глаголическому писцу слѣдовало употреблять греко-латинскую букву *y* — въ подлинникѣ „для (für) *y*“, то-есть для выраженія звука ы; кромѣ того regelmässig здѣсь нужно было перевести не „правильно“, а „постоянно“. Тотъ же ошибочный переводъ этого нарѣчія является на стр. 127, внизу, гдѣ читается: „отъ такихъ аористовъ, какъ жрѣхъ, съ окончаніемъ тъ встрѣчаются [1]) оумрѣтъ (оумьрѣтъ) правильно въ Ассем., Сав., Клоц.“, а также и на 130-й, посрединѣ: „глаголы, установленные въ формѣ бьрати и т. д., являются въ памятникахъ очень часто, въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, въ Зогр., почти правильно, въ формѣ бърати“ и т. д. [2]). На стр. 94,

[1]) „Встрѣчаются“ передаетъ нѣм. „kommen vor“; но при полной перестройкѣ всего мѣста нужно было бы замѣнить множественное число единственнымъ.

[2]) Не нравится мнѣ въ послѣднемъ мѣстѣ еще передача нѣм. angegesetzt черезъ „установленный“,—яснѣе, кажется, было бы „выставленные“, притомъ съ прибавкою „здѣсь“, или „нами“.

стрк. 3 св., сказано про глаголическое десятеричное і съ трехугольной ножкой, что оно пишется часто „со значкомъ ‘“, — но вѣдь для этого значка существуетъ ходячее названіе густого придыханія, да и написаніе подлинника „mit ‘ versehen“ нужно читать „mit spiritus asper versehen“: слово значокъ, такимъ образомъ, совершенно излишняя прибавка [1]).

Въ иныхъ случаяхъ переводчики, по моему, заслуживаютъ упрека за слишкомъ точную передачу подлинника. Дѣло въ томъ, что грамматику, предназначенную для нѣмцевъ, слѣдовало бы нѣсколько приспособить для русскихъ: многое можно было опустить, какъ совершенно ненужное, иное не мѣшало бы прибавить.

Чрезвычайно странно обучать русскихъ староцерковному чтенію при посредствѣ латинской транскрипціи и нѣмецкихъ, да французскихъ параллелей: говорить имъ, что ж равно французскому j, з французскому z, χ—нѣмецкому ch въ словѣ ach, ч—нѣм. tsch, ш—нѣм. sch; еще страннѣе толковать имъ, какъ складывать губы, чтобы приблизительно произнести русскіе еры̀ [2]). Переводчики своимъ читателямъ должны были объяснить значеніе лишь весьма немногихъ буквъ: ѕ, оу, ѡ, ѱ, ъ, ь, ѣ, ѧ, ѫ [3]), ѯ, ѱ, ѳ, ѵ. Притомъ естественно было бы дѣлать объясненія въ видѣ оговорки къ обыкновенному русскому чтенію славянскихъ буквъ, напримѣръ, такимъ образомъ: ѕ, произносимое теперь одинакою съ з, первоначально читалось *дз*; щ, обозначающее у насъ согласный трифтонгъ *штш*, есть только слитное начертаніе вмѣсто шт; ъ и ь, которые въ русскомъ письмѣ служатъ знаками твердости и мягкости, были гласными звуками и обозначали приблизительно такіе-то звуки и т. п. Между прочимъ слѣдовало совершенно измѣнить ученіе о іотованныхъ буквахъ: нѣмецъ, конечно, ожидаетъ найдти въ славянской азбукѣ букву j; русскому же нужно объяснить, что въ церковнославянскомъ, а также и въ русскомъ языкѣ существуетъ особый согласный звукъ j, для

---

[1]) По поводу этого какъ-будто безымяннаго знака замѣчу, что *камору* и *титло*, хотя дѣйствительно безымянныя для нѣмца, въ русскомъ переводѣ не мѣшало бы назвать (стр. 5, стрк. 7 св. и 8 — 7 сн., а также стран. 6, внизу) ихъ славянскими именами.

[2]) Въ описаніи звука ы переводчики произвели еще неудачную поправку: звукъ этотъ получится именно тогда, если (выражусь по своему) губами произносить *i*, а устною полостью—*u*, а не при обратномъ пріемѣ, который дастъ *ü*.

[3]) Для объясненія юсовъ дѣйствительно необходимо прибѣгнуть къ сравненію съ французскимъ языкомъ.

котораго староцерковное письмо не представляетъ соотвѣтственнаго начертанія и который лишь въ болѣе новое время отчасти находитъ себѣ выраженіе въ буквѣ *й*. Дѣлаемое относительно j (стр. 4 внизу) замѣчаніе, что его слѣдуетъ произносить не какъ спирантъ, похожій на нѣмецкій Ich-Laut, а какъ неслоговое i (замѣчаніе, упомянутое уже выше, стр. 3, и приводимое теперь въ исправленномъ видѣ), предполагаетъ умѣніе хорошо произносить по-нѣмецки: прочитавшій вмѣсто *ихъ* — *ихъ* (или, пожалуй, еще на французскій ладъ *ишъ*!) тутъ ничего не пойметъ. Кромѣ того, нѣтъ никакой надобности предостерегать русскаго относительно j, котораго онъ никогда и не станетъ произносить такъ рѣзко, какъ нѣмецъ. Весьма возможно, что староцерковное произношеніе j даже вполнѣ совпадало съ русскимъ, и что въ немъ существовала и русская двоякость j [1]). Въ пользу такой двоякости позволительно толковать написанія въ родѣ чистаа, вънезаанѧ, гдѣ могло сказаться нежеланіе употребить для слабаго междугласнаго j то же обозначеніе, какъ для начальнаго (хотя ничто не мѣшаетъ видѣть здѣсь форму переходную къ стяженію, то-есть, съ дѣйствительнымъ зіяніемъ, а можно также считать удвоеніе за знакъ долготы и уже совершившагося стяженія) [2]).

Весьма кстати было бы нѣкоторое отступленіе отъ подлинника относительно перевода словъ. Лескинъ, очевидно, предполагаетъ (и совершенно основательно), что пользующіеся его книгою нѣмцы по большей части вовсе не знаютъ по-славянски, и потому ко всякому слову присоединяетъ нѣмецкій (иногда латинскій или греческій) переводъ; но совершенно иное дѣло въ русскомъ изданіи: здѣсь переводъ нуженъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же представляетъ одну перепечатку староцерковнаго слова гражданскимъ шрифтомъ, занимаетъ только лишнее мѣсто и производитъ даже нѣсколько комическое впечатлѣніе, напримѣръ: волıа воля (стр. 4), osь—ось, vozъ—возъ (стр. 8), нести нести, знати знать, вода вода,

[1]) Срвн. мою статью „Мнѣніе г. Тулова о русской азбукѣ", *Р. Ф. В.*, т. V, стр. 359 и 361, въ которой я однако теперь сдѣлалъ бы оговорку, что „явственный согласный *j*"—*яма*, *ѧмъ* и т. п., хотя и рѣзче слабаго, полугласнаго *j* (неслоговаго *i*)—*змѣя*, *змѣѧ* и т. д., но все-таки отличенъ отъ нѣмецкаго *j* и приближается къ полугласности.

[2]) Лескинъ даетъ этимъ написаніямъ еще иное толкованіе: онъ говоритъ, что здѣсь *j* только не пишется, но подразумѣвается,—толкованіе возможное, но по моему невѣроятное. Ср. оговорку переводчиковъ въ дополненіяхъ, стр. 166, внизу.

доуша душа, край край, крыти крыть, гнити гнить (стр. 39), гвоздь гвоздь, голѫбь голубь, гость гость, грътань гортань и т. п. (стр. 54) [1]). Имѣющееся въ такихъ случаяхъ легкое звуковое различіе между староцерковными и русскими словами (дѣйствительное присутствіе въ староцерковномъ вода звука о, который по-русски перешолъ въ *а*, мягкій согласный т въ русскомъ знать вм. средняго слога ти и т. п.) можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ, однако не оправданіемъ только что указанной странности [2]). Не только страненъ, но и неточенъ тавтологическій переводъ слова страда (стр. 111, стрк. 4 св.)— нужно болѣе общее понятіе „работа, трудъ"; но конечно, не „мученіе" (Leiden), какъ въ подлинникѣ. При словѣ благодѣть (стр. 8), которое дѣйствительно нуждается въ поясненіи, лучше всего было бы проставить его синонимъ благодать: Gutthat Лескина — слово нарочно сочиненное для выясненія состава славянскаго благодѣть [3])— никакъ не слѣдовало переводить „благодѣяніе" (что̀ было бы Wohlthat); „добродѣтель", правда, точно передаетъ нѣм. Tugend, но послѣднее употреблено здѣсь некстати. Переводя дважды (стр. 31, § 20 и 39, § 26) слово конь, а именно черезъ „лошадь" (=Лескиновскому Pferd), можетъ быть, имѣли въ виду, что церковное конь не есть поэтическое слово, какъ наше конь; но это съ одной стороны не особенно нужно было здѣсь отмѣчать, а съ другой стороны понятно лишь для того, кто и такъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Въ томъ же родѣ „стръмоглавъ внизъ головой (über Kopf)", стр. 97, стрк. 5 св. Иногда нѣмецкій переводъ подвергся нѣкоторому измѣненію: такъ на стр. 54 дрьколь переводится „древко" (можетъ быть на основаніи Миклошичева δόρυ, lignum. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum) и „дреколья"; у Лескина, по моему, лучше Knittel (палка, дубина). На стр. 59—60 лютo переведено „утомительный трудъ"—по нѣм. Mühe, я сказалъ бы „трудъ, мука". Удачную передѣлку вмѣсто буквальнаго перевода представляетъ толкованіе слова лои (стр. 9, стрк. 6—5 сн.): „loj-ь—сало (собств. „топленое", нѣм. Guss) при liti; въ

---

[1]) Впрочемъ иные изъ подобныхъ переводовъ дѣйствительно нужны, напримѣръ: господь *юсподинъ*, Господь, а не только Господь.

[2]) Различіе (по взгляду Лескина) существуетъ и тамъ, гдѣ пишется ѣ, которое въ Лескиновой кириллицѣ обозначаетъ не наше ѣ, а равно ѣ+ь (jь).

[3]) Въ подлинникѣ читается „blagodětь Gutthat (Tugend u. a.)", то-есть, слову благодѣть приписано основное значеніе „доброе дѣло", изъ коего проистекаютъ фактическія значенія добродѣтель (?) и т. п.

подлинникѣ: „Talg (eig. Guss“). Напрасно однако перепечатано и нѣм. Guss литье, которое можетъ только привести въ недоумѣніе, какъ незнающаго, такъ и знающаго по-нѣмецки. Передача нѣм. Band, какъ перевода къ ѫжє, черезъ „завязка“ (стр. 43, стрк. 4 сн.) мнѣ кажется довольно мѣткою, но самый нѣмецкій переводъ въ своей лаконичности неясенъ—я бы тутъ расщедрился на три слова: веревка, узы, цѣпь, или такъ: уза, то-есть, веревка, или цѣпь.

Опустивши въ большинствѣ случаевъ переводъ, я иногда прибавилъ бы таковой къ тѣмъ (немногимъ) случаямъ, гдѣ Лескинъ оставляетъ безъ перевода иноязычныя реченія: на стр. 39, стрк. 1 сн. dusti (значитъ пыхтѣть), на 40, стрк. 1 св.—sùsti (значитъ паршивѣть).

Къ особенностямъ нѣмецкаго подлинника, которыя слѣдовало измѣнить въ переводѣ, можно бы отнести также латинскую транскрипцію, въ коей иногда приводятся славянскія слова; но я полагаю (хотя самъ вмѣстѣ со Шляковымъ замѣнилъ латиницу кириллицей въ Миклошичевой Сравнительной морфологіи), что это было бы искаженіемъ подлинника: иногда Лескинъ, видимо, желалъ (прямо онъ на то не указываетъ) выставить такимъ образомъ словà праславянскія (стр. 8—16); въ другихъ случаяхъ транскрипція полезна, какъ указаніе на истинное значеніе не совсѣмъ ясныхъ написаній памятниковъ—жѣшѧ стр. 124, п. 2, жръхъ, жръ стр. 125. Серьезнаго затрудненія употребленіе латиницы не представляетъ: вѣдь значеніе ея буквъ (насколько оно не очевидно само собой) легко узнать изъ помѣщенныхъ на стр. 2 параллельныхъ азбукъ; таблица эта, оставаясь неизмѣненною, въ русскомъ переводѣ получила совершенно иное значеніе и латинская транскрипція въ ней изъ объяснительной превратилась въ объясняемую. Остается однако неизвѣстнымъ значеніе акута надъ согласными (знака мягкости). Кромѣ того не мѣшало бы для русскихъ прибавить объясненіе, какъ читать словà литовскія и санскритскія; не лишне было бы также объяснить, что̀ такое „такъ называемыя *n* sonans, *m* sonans и т. д.“—(стр. 6, стрк. 4 сн.). Лескинъ подобныхъ указаній не дѣлаетъ потому, что предназначаетъ свою книгу для нѣмецкихъ лингвистовъ.

Къ изложеннымъ въ видѣ дополненія особенностямъ языка Остромирова Евангелія (вообще изложеннымъ весьма дѣльно и толково) позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. На стр. 160, стрк. 12—10 сн., мы читаемъ, что ѩ „замѣнено русскимъ ѣ въ случаяхъ каплѣ им. мн. ...., недѣлѣ род. ед.“—толкованіе совершенно непонятное для того, кто еще не занимался исторіей русскаго языка; здѣсь

по крайней мѣрѣ нужна была ссылка на изслѣдованія объ этомъ вопросѣ Соболевскаго. На стр. 161, стрк. 5 сн. Григоровичеву (Аѳонскому, Маріинскому) евангелію приписана совершенно невозможная въ немъ форма сѣкира вм. секыра: такое написаніе дѣйствительно читается въ Ягичевомъ изданіи, но только въ дополнительномъ отрывкѣ „изъ Дечанскаго четвероевангелія XIII вѣка" (Маріинское четвероевангеліе, стр. 1, прим.) [1]). Вина за эту погрѣшность отчасти падаетъ на Ягича, который самъ въ Зографскомъ евангеліи ясно отдѣлилъ новѣйшую вставку отъ стариннаго текста особымъ шрифтомъ, но не отличилъ подобнымъ образомъ Дечанскій текстъ отъ Григоровическаго.—Высказанная на стр. 169, посрединѣ, догадка, что чередованіе въ кирилловскихъ памятникахъ написаній ріа, ліа, ніа съ рѣ, лѣ, нѣ указываетъ повидимому на чередованіе rja и ŕa, lja и lá, nja и ńa, мнѣ кажется совершенно произвольною и лишнею: по моему, обыкновенная ссылка на глаголическое вліяніе достаточно объясняетъ замѣну ıа черезъ ѣ; а если ужъ искать для каждаго графическаго явленія фонетическаго основанія, то придется указать особое произношеніе и для начертаній л̃а, л̃ıа, л̃ѣ. Бѣгло брошенное на стр. 175, внизу, замѣчаніе, что окончанія ıего, оуıемоу, ѣıемь мы де (вопреки Лескину) признаемъ подновленными вліяніемъ формъ относительнаго мѣстоименія,—весьма любопытно. До сихъ поръ никому въ голову не приходило сомнѣваться въ архаичности указанныхъ окончаній; полагаю, что противъ очевидности (хотя бы и мнимой) нельзя полемизировать намеками, а непремѣнно слѣдуетъ представить свои доводы. На стр. 176, стрк. 4 св. и въ сочетаніяхъ ию, иıє и т. д. (рядомъ съ ью, ьıє) названо общеславянскимъ звукомъ: я до сихъ поръ считалъ болѣе или менѣе установившимся противоположный взглядъ (высказанный въ соотвѣтственномъ мѣстѣ у Лескина), хотя самъ не особенно настаиваю на немъ. Опять-таки необходимо было пуститься въ нѣкоторую мотивировку, а не просто ставить рядомъ съ воззрѣніемъ Лескина свое противоположное.

Стр. 178, прим. При корении Мѳ. III, 10, встрѣчающееся и въ другихъ евангеліяхъ (Л.III, 9 Аѳон., Ассем.), нѣтъ никакой надобности считать опиской: я думаю, что здѣсь вмѣсто единственнаго

---

[1]) Подобный же промахъ допустилъ Миклошичъ, Vergleichende Wortbildungslehre, S. 14 (Сравнительная морфологія, стр. 17), гдѣ тржсѣи вм.—си приводится изъ Саввиной книги, тогда какъ форма эта является въ Ассеманіевомъ евангеліи (и тамъ, впрочемъ, лишь по недосмотру Срезневскаго).

числа употреблено множественное (собственно—форма собирательная): въ точєнии кръвии Мрк. V, 25 я также считаю множественнымъ числомъ, отчего не прочь былъ уже Востоковъ.—Стр. 179, § 53. „Прѣлюбы творити, употребленіе той же формы съ отрицаніемъ (нє прѣлюбы сътвори) дѣлаетъ сомнительнымъ, чтобы прѣлюбы стояло на мѣстѣ вин. п.“ Мнѣ думается, что съ одной стороны существительное прѣлюбы при отрицательномъ глаголѣ непремѣнно стояло бы въ родительномъ падежѣ (прѣлюбъвє [1]), но что съ другой стороны любы здѣсь рѣшительно ничѣмъ кромѣ винительнаго падежа быть не можетъ. Выходъ изъ этой дилеммы я нахожу въ томъ, что отрицаю существованіе цѣльнаго слова прѣлюбы, и раздѣляю его на предлогъ прѣ и зависящій отъ него винильникъ любы, усматривая здѣсь такимъ образомъ слѣдъ неслитнаго употребленія предлога прѣ [2]).—Стр. 179, къ § 56. Остром. ев. рѣшительно де указываетъ на тв. ед.—ъмь отъ основъ на—и: домъмь, сынъмь“. Я въ дополненіяхъ къ Сравнительной морфологіи, стр. 755, имѣлъ случай высказать противоположное мнѣніе, что свидѣтельство Остромирова евангелія, почти не знающаго окончанія омь [1]), не имѣетъ никакой цѣны.—Стр. 180, къ § 61. Иєроусалимъ въ качествѣ зовнаго падежа, конечно, не славянская форма, а рабское воспроизведеніе столь же насильственной греческой формы. См. Сравнит. морфол., стр. 769, доп. къ стр. 71, стрк. 13 сн.—Стр. 180, къ § 63. Слово грѣхъ чуть ли не уковаго склоненія.—Стр. 181, къ § 71, стрк. 3 сн.: 271 в. есть погрѣшность вмѣсто 237 в.—Стр. 182, къ § 78. Какимъ образомъ ѩ Мѳ. XXI, 3 (и абьѥ жє посълєть ѩ, то-есть, ослѧ и жрєбѧ) можетъ быть смысловымъ согласованіемъ—„конструкціей κατὰ σύνεσιν“,—мнѣ неясно. По моему, здѣсь, такъ или иначе, имѣется грецизмъ: или подъ вліяніемъ греческаго αὐτούς (τὴν ὄνον καὶ τὸν πῶλον), поставили, хотя и двойственное число, но мужескій родъ, или же, измѣнивъ мужескій родъ на средній, забыли измѣнить число. На стр. 184, посрединѣ, греч. нарѣчіе ἐξαυτῆς (illico, тотчасъ), какъ переводъ славянскаго

---

[1]) Никольское евангеліе одинъ разъ (Мѳ. XIX, 18) дѣйствительно представляетъ нє прѣлюбьвє сткоришн,—въ другихъ случаяхъ однако прѣлюби.

[2]) Но уже писецъ, образовавшій форму прѣлюбьвє (см. предыдущее примѣчаніе) принималъ прѣлюбы за одно слово.

[3]) *Почти* не знающаго: мое утвержденіе, что омь *вообще* не встрѣчается въ Остромирѣ, было ошибочно.

сєнци [1]), написано въ два слова, что̀ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. (Впрочемъ, такъ написано въ греческомъ текстѣ у Востокова). На стр. 190, I мы читаемъ: „Буд. вр. въ старослов. можетъ выражаться настоящимъ какъ совершеннаго, такъ и несовершеннаго вида", причемъ, правда, оговорено, что „послѣдній случай рѣдокъ". Мнѣ думается, что этотъ случай является лишь случайнымъ уклоненіемъ отъ общаго закона. Въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ—кгда жє състарѣкши сѧ, въздєждєши рѫцѣ твои и инъ тѧ поıашєть и вєдєть тѧ, ıаможє нє хоштєши Іоан. XXI, 18—замѣна греческаго ζώσει и οἴσει настоящимъ временемъ аналогична переходу въ разказѣ отъ прошедшаго къ настоящему историческому. Еще менѣе вѣса имѣетъ указываемое для сравненія вєдомъ ἀγόμενος Л. XXI, 12: прѣждє жє сихъ възложѧть на вꙑ рѫкꙑ своıѧ и ижденѫть прѣдаıѫштє на съньмишта и тьмницѧ вєдомꙑ къ цѣсаркмъ и владыкамъ, такъ какъ и въ греческомъ подлинникѣ здѣсь настоящное, а не будущное причастіе. Разоумѣваѭть въ смыслѣ будущаго находитъ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что къ этому глаголу нѣтъ совершеннаго вида (признаваемое таковымъ въ разбираемомъ мѣстѣ разоумѣıѫ тоже несовершенный видъ, напримѣръ, Клоц. I, 219 разоумѣкмъ = μανδάνομαι, intelligimus), разоумѣти и разоумѣвати такимъ образомъ можно сопоставить съ нашими безвидными глаголами женить, казнить, не различающими будущаго отъ настоящаго. Наиболѣе убѣдительный примѣръ несовершеннаго настоящаго въ роли будущаго представляетъ рьцѣтє оученикомъ кго и Пєтрови, ıако варıаѥть вꙑ въ Галилєи и тоу и видитє, гдѣ впрочемъ само собой ясно, что дѣло идетъ о предстоящемъ событіи, и потому легко было обойтись безъ грамматическаго выраженія будущности. Что̀ касается исключеній въ обратную сторону, то-есть описательнаго будущаго совершенныхъ глаголовъ, то я (хотя теоретически вполнѣ готовъ допустить такое употребленіе) [2]) не вижу на него убѣдительныхъ примѣровъ. Изъ трехъ указанныхъ на стр. 191 второй, какъ тамъ же и отмѣчено, по-гречески также представляетъ описаніе—μέλλεις ἐμφανίζειν, таковъ же и первый—прити бо имать (μέλλει γὰρ ἔρχεσθαι):

---

[1]) Въ новой Библіи ѿ нєгѡ (то-есть часа), какъ подражаніе греч. ἐξαυτῆς (ὥρας), съ варьянтомъ Ѣкіє.

[2]) См. Сравнит. морфол., стр. 339, прим. и срвн. мой разборъ *Либшева* Верхнелужицкаго синтаксиса, *Ф. Р. В.*, т. XI, стр. 183.

только одинъ хотѧи прѣдати передаетъ будущную форму греческаго языка. Но, во первыхъ, здѣсь стоитъ причастіе, для котораго и въ совершенномъ видѣ не имѣется цѣльнаго выраженія (хотя прѣдамь равно *παραδώσω*, но *παραδώσων*, какъ извѣстно, нельзя выразить черезъ прѣдадѫ), а во вторыхъ, глаголъ хътѣти въ выраженіи хотѧи прѣдати можно даже и не считать безцвѣтнымъ знаменателемъ будущаго, такъ какъ тутъ дѣйствительно идетъ дѣло о намѣреніи и желаніи.

Разбираемая книга, какъ отмѣчено уже выше, напечатана вообще весьма исправно, однако въ ней есть-таки (почти неизбѣжныя) опечатки: кромѣ 3-хъ, оговоренныхъ переводчиками, я замѣтилъ еще около 20. Большая часть, впрочемъ, не имѣетъ никакого, или только малое значеніе, напримѣръ, богаѩ вм. боу стр. 112, стрк. 1 св., двигнѫти вм. дви- 132, 7 сн., па вм. пѧ 133, 6 св., навыкнѫти вм. на- 170, посрединѣ. Болѣе существенныя опечатки: на стр. 3, стрк. 6 сн. при разновидности глаголическаго малаго юса, снабженной съ лѣвой стороны крючкомъ, недостаетъ этого самаго характернаго для нея крючка (впрочемъ вѣрное воспроизведеніе такого юса имѣется на стр. 77, § 70). На стр. 73, посрединѣ, напечатано Ἰησοῦς, съ акутомъ, чѣмъ воспроизводится опечатка подлинника. Изъ подлинника же, идетъ написаніе ізмѣние вм. ізмѣнѥ (стр. 129, посеред.). Стр. 136, стрк. 1 сн. представляетъ опечатку въ цитатѣ: нужно не 126, а 136 (та́къ въ подлинникѣ, и та́къ вѣрно). На стр. 144, къ § 136, надъ, буквою л въ причастіи потопль недостаетъ каморы, какъ знака мягкости. На стр. 184, посрединѣ, напечатано „єдъва пишется *въ* ъ“, вм. „*съ* ъ“; на стр. 186 (къ § 97)—сътворившѧ вм. -въ-. Не знаю, считать ли существенною опечаткою и Zagrebп вм. и Введ., стр. IV (не знающій по-сербски, пожалуй, и не сообразитъ, какое тутъ нужно окончаніе), а также И вм. II (стр. 124, § 108): „Относительно звуковыхъ явленій при образованіи неопр. накл., достигат. накл. и прич. прош. дѣйств. И тєкѫ, тєшти, грєѭ, грєти, падѫ, пасти, палъ см. §§ 28, 32, 34“.

Такъ какъ переводчики, если безъ оговорки воспроизводятъ свой подлинникъ, принимаютъ на себя нѣкоторую отвѣтственность за него то я по поводу разбираемаго перевода позволю себѣ теперь нѣсколько замѣчаній относящихся собственно не къ гг. Шахматову и Щепкину, а къ Лескину. (Кое-какія замѣчанія этого рода, которыя къ слову пришлись, были сдѣланы уже и выше).

На стр. 5 (въ переводѣ 3) Лескинъ напрасно такъ увѣренно го-

ворить, что е=открытому *е* (широкому *е*, *е* близкому *а*), а ѣ—закрытому (узкому, близкому къ і): возможенъ—по моему даже обязателенъ — почти противоположный взглядъ, высказанный мною въ статьѣ „О звуковомъ значеніи ѣ" (Грамматическія замѣтки, т. I, стр. 44, въ 1-мъ изд. 42=Р.Ф.В., т. VI, стр. 12), а ранѣе—Билярскимъ (О средне-болгарскомъ вокализмѣ, изд. 2-е, С.-Пб. 1858, стр. 106) и, въ нѣсколько иномъ видѣ, Як. Карл. Гротомъ (Филологич. разысканія, т. II, С.-Пб. 1876. Спорные вопросы русскаго правописанія, стр. 309) [1]). Высказанное на стр. 6 (въ перев. 4) утвержденіе, что въ старо-церковномъ существовали созвучія ji и jь, въ дѣйствительности подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Смотри мою статью „О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоимѣнія и" (Грамм. зам., т. I, стр. 46, въ 1-мъ изд. 45=Р.Ф.В., т. VI, стр. 256). На стр. 7 (6), § 5 не лишне было бы указать, въ какихъ Кирилловскихъ памятникахъ встрѣчается сочетаніе ъи въ значеніи ꙑ; я не могу припомнить такихъ случаевъ. На стр. 13 (12), п. 7, приводится собирательное существительное dětь=дѣти; однако слово это хотя и праславянское [2]), не есть староцерковное: оно отмѣчено только въ сербскихъ и въ сербоцерковныхъ памятникахъ. Стр. 36, § 25,2. Въ написаніи кровиѩ Клоц. 313 я не могу усмотрѣть доказательства поздняго возникновенія окончанія иѩ вм. ьѩ: вѣдь мы не можемъ быть увѣрены, что писецъ дѣйствительно произносилъ иѩ, а не jѧ, да и при такой увѣренности можно бы объяснять о заимствованіемъ у назывно-винильнаго падежа кровь, такъ-что кровиѩ ближайшимъ образомъ происходило бы изъ *кръвиѩ. Впрочемъ (какъ сказано выше, стр. 14) я тоже вѣрю въ первенство созвучія ьj передъ иj, однако отношу возникновеніе послѣдняго къ довольно давнимъ, хотя и не праславянскимъ временамъ, а написанія съ ь считаю псевдоархаическими, въ дѣйствительности равносильными русскимъ ью, ье и т. д.; для иныхъ случаевъ, напримѣръ ставьѩ вм. ставлѩ, и Лескинъ (стр. 45, въ перев. 46) признаетъ такое зна-

[1]) Про мнѣніе Билярскаго по недосмотру не упомянуто ни у меня, ни у Грота. Возможно, что моя статья даже есть, въ самой существенной части, безсознательный плагіатъ у Билярскаго.

[2]) Его необходимо предположить для объясненія двоякой множины къ слову дѣтѧ: исходя отъ него, можно понять и дѣти, снабженное по смыслу множинными окончаніями, и *дьтьца* (серб. *дјеца*. болг. *дицá*), представляющее ласкательную форму.

ченіе ь. Построивъ нѣсколько выше старѣйшую новославянскую форму крвинѫ, я долженъ оговорить, что самъ предполагаю иную форму—крвјѫ, съ онѣмѣніемъ обѣихъ глухихъ [1]). Стр. 47 (48), § 31, п. 4. Несомнѣнно, что звуки ж, ч, ш, шт, жд, ц и ѕ нѣкогда были мягки, но сохранялась ли эта мягкость въ староцерковномъ языкѣ, для меня весьма сомнительно: мнѣ думается, что въ такомъ случаѣ гораздо чаще и послѣдовательнѣе употребляли бы послѣ соотвѣтственныхъ согласныхъ буквъ гласныя іотированныя. Скорѣе слоги ža, žu и т. д. были средніе, такъ что собственно ни жа, жоу, жѫ (указывавшія на твердый выговоръ), ни жꙗ съ равносильнымъ жѣ, жю, жѭ (указывавшія на мягкость) не выражали настоящаго произношенія. Поэтому-то и колебались въ написаніи такихъ слоговъ, отдавая притомъ предпочтеніе болѣе простымъ начертаніямъ—ю передъ оу, а съ другой стороны а передъ ꙗ и ѣ. Стр. 48, стрк. 6 сн. (49, 4 св.). Число по Лескину расчленяется на корень чит и наставку сло; не знаю, почему онъ отвергаетъ Миклошичево расчлененіе на чит (чьт) и тло. Стр. 54, стрк. 5 и 6—7 св. (въ перев. 9 и 10). зѧть значитъ не только зять, но и женихъ, маломоштъ — не только бѣдный, но прежде всего больной. Стр. 54, строк. 10 (4—3) сн. завистъ напрасно, кромѣ Neid, передено еще Hass (ненависть): греческій и латинскій переводъ въ Миклошичевомъ словарѣ есть φθόνος invidia и ζῆλος aemulatio (соревнованіе), что, насколько мнѣ извѣстно, вполнѣ правильно. Стр. 85, строк. 12 св. (86, 7 сн.). Ничьже въ Синайской псалтыри является въ ошибочномъ написаніи ничъже. Стр. 95, строк. 12 сн. (97, 2 сн.). Странно переводить тоу dort (тамъ), а оноудє—ἐκεῖ, что вѣдь значитъ то же самое: меня, по крайней мѣрѣ, это заставило обратиться къ греческому словарю за справкой, дѣйствительно ли ἐκεῖ имѣетъ это значеніе. Стр. 102, строк. 2 сн. (105, посеред.), 3, β. „Връпѫ χαλαμάομαι“ (собираю колосья, пробавляюсь остатками), кажется, не особенно удачный переводъ. У Миклошича въ словарѣ χαλαμᾶσθαι, spoliare, у Потебни (Къ исторіи звуковъ русскаго языка, ч. III, стр. 61=Р.Ф.В., т. IV, стр. 161)— рвать, пожинать, драть въ значеніи грабить. Кромѣ того, мнѣ думается, что для большинства читателей греческое χαλαμάομαι столь же непонятно, какъ и славянское врьпѫ. Стр. 105, строк. 8 сн.

[1]) Срв. мою статью „О слоговомъ р и л у Славянъ“, Грамм. зам. т. I, стр. 94 = *Р. Ф. В*, т. VIII, стр. 196.

(108, 10—11 св.). Соунѧти Синайской псалтыри, XXXIV, 3 стоитъ въ выраженіи исоуни оржжиє (въ Новой Библіи и҆з̾сꙋ́ни мечъ) и, очевидно, не значитъ вылить (ausgiessen). Стр. 106, 12 сн. (109, 4 св.). Велительное послоуитє легко можетъ быть „простой опиской вмѣсто послоушаитє и строить по немъ цѣлый глаголъ послоути-послоужѧ— весьма рискованно. Стр. 110, строк. 12 сн. (113, 2 св.). Ятево-ижевый глаголъ радиши-радѣти вмѣсто обычнаго собственно-ижеваго радиши-радити, какъ Лескинъ и самъ говоритъ, встрѣчается только Супр., 134, 17. Въ этомъ мѣстѣ читается имперфектъ радѣахж, который, по догадкѣ Миклошича (Vergleichende Wortbildungslehre, стр. 117. Сравнительная морфологія, стр. 148) образованъ такъ во избѣжаніе смѣшенія съ раждаахъ pariebam, и въ самомъ дѣлѣ можно допустить, что собственно-ижевой глаголъ радити, по сходству настоящихъ, позаимствовался имперфектомъ у ятево-ижевыхъ и образовалъ радѣахъ къ радиши, по примѣру горѣахъ при гориши. Однако объясненіе Лескина, пожалуй, заслуживаетъ предпочтенія; только вмѣсто ятево-ижеваго глагола чуть ли не лучше видѣть здѣсь дѣйствительно существующій въ русскомъ языкѣ собственно-ятевой глаголъ радѣти-радѣєши. Стр. 121 (123), § 107, I. Двоинное триличье падєтє, Лука VI, 39 (Зогр., Мар.) попало сюда по недосмотру — это не аористъ, а будущее: єда можєть слѣпьць слѣпьца водити, нє оба ли въ ıамж въпадєтє сѧ (πεσοῦνται). Стр. 129, стрк. 13 св. (131, 1 сн.). Образовывать настоящныя причастія отъ совершеннаго глагола, какъ двигнѧти, не совсѣмъ удобно, хотя двигнꙑ и встрѣчается. См. Сравнит. морф., стр. 141, пр. 1. Стр. 131, строк. 6—5 сн. (134, 13 св.). Къ велительному пролы отъ -лити Синайск. псалт. XLVIII, 25 прибавлено еще -льи съ восьмеричнымъ (двадцатеричнымъ) и—отчего и къ чему, остается загадкой; не есть ли это искаженное и приводимое здѣсь некстати излıитє XLI, 9? Стр. 140 (142). Проставленное у Лескина страд. прич. бєсѣдоуємъ возбуждаетъ недоумѣніе,—способенъ ли средній глаголъ бєсѣдовати къ такому образованію? За возможность этого причастія, впрочемъ, говоритъ употребленное Супр. 283, 9 выраженіе „єгда бо то кто бєсѣдоуєтъ". Однако я предпочелъ бы, не возбуждая постороннихъ вопросовъ, взять другую парадигму, напримѣръ, цѣловати. Стр. 145 (147). На причастіе дадꙑ (повидимому невозможное, вслѣдствіе совершенности глагола дати) у Миклошича есть примѣръ изъ Супр. и нѣсколько рус-

скословенскихъ и русскихъ. Допустивъ въ парадигму дадꙑ, можно бы было внести въ нее также принимаемое Миклошичемъ дадомъ, на которое я, правда, не знаю примѣровъ. Стр. 148 (150), § 148, 3. Отмѣтивъ описаніе будущаго посредствомъ хътѣти, Лескинъ напрасно оставилъ его безъ примѣра.

Еще одно, болѣе общее замѣчаніе (дѣлаемое здѣсь отчасти pro domo sua) относительно обозначенія глагольныхъ разрядовъ: какъ неудобны формулы, въ родѣ I Ab, III 1 B! Значеніе ихъ надо или просто подзубрить, или приходится наводить постоянныя справки Какъ бы здѣсь пригодились термины въ родѣ моихъ „глаголовъ безпримѣтныхъ открытаго корня", „глаголовъ азово-іотовыхъ"!

Мелочность, въ которой можно упрекнуть настоящія замѣчанія, зависитъ главнымъ образомъ оттого, что я ни въ самомъ оригиналѣ, ни въ его русской передачѣ не нахожу крупныхъ недостатковъ, а кромѣ того, мнѣ хотѣлось оговорить все, что мнѣ въ нихъ представлялось неудачнымъ и сомнительнымъ, и тѣмъ, по мѣрѣ возможности и разумѣнія, устранить недостатки вообще столь полезной книги.

Романъ Брандтъ.

Книжныя новости.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній *Николаемъ Тихонравовымъ*. Томъ II. М. 1890. Читатели Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія уже знакомы съ общимъ характеромъ новаго изданія Гоголя. Вышедшимъ вторымъ томомъ заканчивается это изданіе, ибо предполагаемый шестой томъ будетъ дополнительнымъ и будетъ продаваться отдѣльно. Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ томы третій и четвертый первыхъ двухъ изданій (то-есть, повѣсти, появившіяся позднѣе „Миргорода", и драматическія произведенія). Комедія Жиро „Дядька въ затруднительномъ положеніи", переведенная по указаніямъ Гоголя и съ его поправками, помѣщена тоже въ этомъ томѣ (предварительно она была напечатана въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго института"). Изданіе „Ревизора" любопытно тѣмъ, что вслѣдъ за текстомъ перваго собранія сочиненій (1842) перепечатаны изъ перваго изданія (1836) тѣ сцены, которыя передѣланы въ „Сочиненіяхъ", и также сцены, передѣланныя во второмъ изданіи (1841) и потомъ вновь передѣланныя въ сочиненіяхъ. Любопытно напечатанное вслѣдъ за „Ревизоромъ" объявленіе о предполагавшемся изданіи для бѣдныхъ. Обширный комментарій, сопровождающій изданіе, очень интересенъ: здѣсь находимъ исторію по рукописямъ издаваемыхъ произведеній, но исторія „Портрета" относится только къ передѣлкѣ, подробности же перваго из-

данія нужно искать въ пятомъ томѣ (продолженіе „Арабесковъ", гдѣ первоначально появилась эта повѣсть); исторія „Ревизора" начинается съ изданія 1836 г. Первоначальный текстъ этой комедіи съ соотвѣтствующими объясненіями найдетъ мѣсто въ шестомъ томѣ: тамъ же будетъ помѣщенъ и первоначальный текстъ „Женитьбы" (или, какъ она называлась вначалѣ, „Женихъ"). Чрезвычайно любопытны въ этомъ томѣ указанія на отношенія „Утра дѣловаго человѣка", „Тяжбы", „Лакейской" и „Отрывка" къ истребленію (вѣроятно, даже не конченной) комедіи: „Владиміръ 3-й степени". Изъ всѣхъ указаній почтеннаго редактора выходитъ особенно ярко то значеніе, которое имѣли толки о „Ревизорѣ" на нравственный переворотъ, совершившійся въ Гоголѣ. Слѣдя съ большимъ интересомъ за разъясненіями Н. С. Тихонравова, нельзя однако не повторить желанія рецензента „Вѣстника Европы", чтобы онъ объединилъ свои изслѣдованія, что ему сдѣлать уже легко послѣ совершенной имъ детальной работы. Одно мѣсто останавливаетъ на себѣ вниманіе: Гоголь пишетъ по случаю замѣчанія Бѣлинскаго о косыхъ взглядахъ его на Парижъ и близорукихъ на Римъ (въ отрывкѣ „Римъ"): „Онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ на Парижъ и французовъ тотъ же взглядъ, какой имѣетъ Бѣлинскій", и далѣе разъясняетъ, что онъ излагалъ не свой взглядъ, а взглядъ героя повѣсти. „Этимъ разъясненіемъ—говоритъ издатель—не опровергается заключеніе Бѣлинскаго" (стр. 626). Напротивъ, совсѣмъ опровергается: автора нельзя смѣшивать съ выводимымъ лицемъ.

Каріонъ Истоминъ. (Жизнь его и сочиненія). Изслѣдованіе *Сергія Браиловскаго*. М. 1889.—Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ. *Сергія Браиловскаго*. М. 1890.—Обѣ эти брошюры составляютъ отдѣльные оттиски изъ Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1889 и 1890 гг. и обѣ отличаются однороднымъ содержаніемъ: въ первой находимъ біографію и обзоръ сочиненій К. Истомина, а во второй — свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ чудовскаго монаха Евфимія. Второю брошюрой авторъ начинаетъ цѣлый рядъ подобныхъ очерковъ, справедливо замѣчая во введеніи къ ней, что для полнаго выясненія важнаго значенія XVII вѣка въ исторіи нашего просвѣщенія необходимы частичныя изслѣдованія о дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, трудившихся на этомъ поприщѣ въ данное время. Число такихъ дѣятелей, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, было уже немалое, и писанія ихъ, иногда весьма объемистыя, сохранились въ значительномъ количествѣ, но большею частію только въ рукописяхъ, а не въ печатныхъ изданіяхъ; видѣть ихъ въ печати—мало надежды, а потому въ отношеніи къ нимъ особенно умѣстенъ тотъ пріемъ, котораго держался г. Браиловскій: онъ болѣе или менѣе подробно описываетъ каждое изъ произведеній Каріона и Евфимія, излагаетъ его содержаніе, приводитъ выписки интереснѣйшихъ мѣстъ и такимъ образомъ даетъ о немъ ясное понятіе. Особенно полно обработано въ этомъ отношеніи изслѣдованіе о Каріонѣ; его личность и труды оставались до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстными,—теперь же, благодаря очерку г. Браиловскаго, получается о нихъ опредѣленное понятіе: изъ него видно, что въ борьбѣ направленій, которыми характеризуется умственная жизнь Москвы въ исходѣ XVII в., Каріону принадлежитъ среднее мѣсто; будучи вообще другомъ просвѣщенія и желая развитія его въ Москвѣ, онъ является сторонникомъ образованія въ старомъ церковно-обрядовомъ духѣ; не чуждаясь латино-польскихъ книжныхъ пособій, онъ однако остается предан-

нымъ и вѣрнымъ сыномъ православной церкви, свободнымъ отъ той наклонности къ латинству, въ которой обвиняли Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева. Библiографическая сторона въ этомъ изслѣдованiи г. Браиловскаго отличается тщательностью: онъ работалъ въ московскихъ рукописныхъ собранiяхъ и, повидимому, извлекъ изъ нихъ все существенное касательно трудовъ К. Истомина. Изъ печатныхъ пособiй мы не встрѣтили указанiя только на сообщенiе А. Ѳ. Бычкова о Домостроѣ Истомина, помѣщенное въ одномъ изъ выпусковъ Лѣтописи занятiй Археографической коммиссiи. Менѣе удовлетворителенъ очеркъ, посвященный г. Браиловскимъ дѣятельности Евѳимiя: здѣсь едва ли полно исчислены его труды, особенно тѣ, которые помѣчены не его именемъ, но несомнѣнно принадлежатъ ему: таковъ между прочимъ „Щитъ вѣры", вовсе не упомянутый г. Браиловскимъ. Объ отношенiяхъ Евѳимiя къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву почти вовсе не говорится; этому предмету г. Браиловскiй обѣщаетъ посвятить особую статью, но, умолчавъ о немъ въ разбираемомъ очеркѣ, авторъ сдѣлалъ характеристику Евѳимiя неполною: не досказано едва ли не самое существенное.

Акты Московскаго государства, изданные Императорскою академiею наукъ подъ редакцiею *Н. А. Попова*, члена-корреспондента академiи. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскiй столъ. 1571—1634. С.-Пб. 1890. Изданiе актовъ стариннаго русскаго дѣлопроизводства было предположено еще покойнымъ Н. В. Калачовымъ. Съ его смертью дѣло это перешло въ руки Н. А. Попова, подъ редакцiей котораго и вышелъ 1-й томъ „Актовъ Московскаго государства". Въ него вошли дѣла Разряднаго приказа за 64 года,—съ 1571 по 1634 годъ (всего помѣщено 718 документовъ Московскаго стола)—огромное большинство которыхъ (672) относится къ царствованiю Михаила Ѳеодоровича. Документы напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ; при этомъ впереди текста находится оглавленiе, съ обстоятельнымъ указанiемъ содержанiя изданныхъ актовъ. Пользованiе книгою въ значительной степени облегчено тѣмъ, что за текстомъ напечатаны два указателя,—одинъ для лицъ и мѣстъ, а другой—предметный. Такъ какъ Разрядный приказъ былъ центральнымъ мѣстомъ для всѣхъ службъ въ Московскомъ государствѣ, то и дѣла его должны были касаться всѣхъ сторонъ государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, одни документы даютъ свѣдѣнiя о набѣгахъ татаръ и войнахъ съ Польшею; другiе рисуютъ дѣятельность воеводъ въ подвѣдомственныхъ имъ городахъ; въ третьихъ выражается дѣятельность Разряда при прiемахъ и отпускахъ крымскихъ и турецкихъ пословъ и т. д. Если добавить, что среди „Актовъ" помѣщены также весьма любопытные документы о пожалованiи служилыхъ людей и списки служилыхъ людей, то нельзя не сказать, что „Акты Московскаго государства" даютъ богатый матерiалъ для изслѣдованiй и въ этомъ отношенiи могутъ стать рядомъ съ нашими лучшими археографическими сборниками.

Григорiй Павлуцкiй. Фидiй. Съ тремя фототипическими таблицами. Кiевъ. 1890.—Авторъ въ предисловiи говоритъ, что мысль представить въ настоящей работѣ общiй очеркъ жизни и художественной дѣятельности Фидiя явилась у него подъ влiянiемъ курса лекцiй профессора Collignon'а о греческомъ искусствѣ V вѣка,—курса, который автору пришлось слушать въ Парижскомъ университетѣ (Сорбонна) въ теченiе весенняго семестра 1889 года. Трудъ г. Павлуцкаго раздѣляется на четыре главы; изъ нихъ первая посвящена произведенiямъ перваго перiода

(Аѳина-Промахосъ. Амазонка), вторая и третья—произведеніямъ втораго періода (Парѳенонъ. Аѳина-дѣва. Скульптуры Парѳенона: фронтоны, метопы и фризъ), четвертая—произведеніямъ третьяго періода (Зевсъ Олимпійскій). Трудъ г. Павлуцкаго снабженъ нѣсколькими изящно-исполненными гравюрами и изданъ весьма недурно въ типографскомъ отношеніи.

— Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Сочиненіе *П. Лейкфельдъ.* Харьковъ.

В. Васильевскій. Обозрѣніе трудовъ по Византійской исторіи. Выпускъ I. С.-Пб.

Бесѣда преп. Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. С.-Пб. 1889.

Отвѣтъ рецензенту „Русской Мысли". *Н. Д. Чечулина.* С.-Пб.

Регламентъ вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія *Николай Ардашевъ.* М. (Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ).

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. II. Харьковъ.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. въ XVI—XVIII ст., собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ* (Первый выпускъ II тома Сборника Харьковск. Ист.-филологическаго Общества). Харьковъ.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета. Годъ LVII. Книга 1-я и 2-я. Казань.

Сборникъ распоряженій, напечатанныхъ въ циркулярахъ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ. Второе пятилѣтіе (1872—1876 гг.).

Н. Раевскій. Географія, какъ наука и учебный предметъ. Изданіе второе. М.

Опытъ руководства для занятій ручнымъ трудомъ въ общеобразовательныхъ училищахъ. Составилъ *Н. Столпянскій.* С.-Пб.

Наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вольныя движенія. Составилъ *А. Д. Бутовскій.* (Утверждено по соглашенію Министровъ Военнаго и Народнаго Просвѣщенія). С.-Пб.

ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ АВСТРІИ (ЦИСЛЕЙТАНІИ).

Первые четыре мѣсяца изъ моего пребыванія за границей я провелъ въ Прагѣ, гдѣ имѣлъ случай ознакомиться съ чешскою высшею школой для дѣвушекъ. Затѣмъ, живя въ Вѣнѣ, я посѣщалъ правительственную женскую учительскую семинарію, лицей общества женскаго труда, институтъ для дочерей военныхъ, пансіонъ для дочерей гражданскихъ чиновъ и частный лицей г-жи Ейтелесъ. Наконецъ, я счелъ необходимымъ побывать въ Грацѣ для обозрѣнія тамошняго городскаго лицея, перваго по времени основанія и по репутаціи изъ нѣмецкихъ лицеевъ въ Австро-Венгріи. Сводя вмѣстѣ результаты моихъ наблюденій, я нашелъ не лишнимъ дать краткое понятіе вообще о постановкѣ женскаго образованія въ Цислейтаніи и иллюстрировать мое изложеніе статистическими данными и притомъ не только о Цислейтаніи, но по возможности и Транслейтаніи. Надѣюсь, что не смотря на неполноту свѣдѣній, настоящій очеркъ представитъ нѣкоторый матеріалъ для сравненія съ женскимъ образованіемъ въ Россіи, болѣе давно, болѣе прочно и на болѣе широкихъ основаніяхъ поставленнымъ.

Кромѣ личныхъ впечатлѣній и бесѣдъ съ компетентными лицами, я воспользовался для моего отчета печатными статутами и программами разныхъ учебныхъ заведеній, собраніемъ имперскихъ законовъ и министерскихъ распоряженій и инструкцій по народному образованію, наконецъ статистическими данными, помѣщенными въ Statistik der Unterrichts-Anstalten in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern für das Jahr 1886—1887 (Wien 1889), Das Unga-

rische Unterrichtswesen in den Studien — Jahren 1885—1886 и 1886—1887 (Budapest 1888), Österreichisches Städtebuch, Statische Berichte der grösseren öst. Städte. (Wien 1890) и въ бюджетѣ Цислейтаніи на 1890 г.

Прежде чѣмъ обратиться къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, болѣе или менѣе подходящимъ по типу къ нашимъ институтамъ и женскимъ гимназіямъ, необходимо остановиться на системѣ начальнаго образованія въ Австріи, такъ какъ, во-первыхъ, среднеучебныя заведенія по своимъ программамъ непосредственно примыкаютъ къ народнымъ и городскимъ училищамъ, а во-вторыхъ, среднее женское образованіе—дѣло сравнительно для Австріи новое и доступное лишь незначительному меньшинству, бо́льшая же часть дѣвушекъ ограничивается только тѣмъ общимъ образованіемъ, которое дается въ городскихъ и народныхъ училищахъ, и затѣмъ усвоиваетъ себѣ тѣ или другія спеціальныя практическія знанія.

I. Народныя и городскія училища.

Основой для нынѣшней системы начальнаго образованія въ Австріи служитъ такъ-называемый имперскій законъ о народныхъ школахъ—Reichsvolksschulgesetz 14-го мая 1869 года, съ нѣкоторыми позднѣйшими измѣненіями и дополненіями, главнымъ образомъ проведенными постановленіями 2-го мая 1883 года. Выработка этой системы въ подробностяхъ была предоставлена дѣятельности мѣстнаго законодательства въ земскихъ сеймахъ—съ той цѣлью, чтобы народное образованіе лучше и практичнѣе было примѣнено къ разнороднымъ потребностямъ разноязычнаго, разной степени и характера культуры, разнаго образа жизни и занятій, населенія Австріи.

Народное образованіе въ Австріи носитъ характеръ принудительный (Allgemeine Schulpflicht). Ни одинъ гражданинъ имперіи не имѣетъ права оставить своихъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—безъ того начальнаго образованія, которое дается въ общественныхъ народныхъ школахъ — все равно, будетъ ли онъ посылать дѣтей въ эти школы, или предпочтетъ обучать ихъ дома или въ частныхъ училищахъ.

Непосредственно за ученье своихъ дѣтей въ народныхъ школахъ родители не должны ничего платить. Средства на содержаніе школъ собираются инымъ образомъ, о чемъ скажемъ ниже.

Родители или заступающіе ихъ мѣсто (на фабрикахъ, напримѣръ, владѣльцы оныхъ) обязаны посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы въ продолженіи восьми лѣтъ—съ конца 6-го года ихъ жизни до конца 14-го; этотъ періодъ называется школьнымъ возрастомъ (Schulpflichtiges Alter). Но и по истеченіи 14-ти лѣтъ дѣти только въ томъ случаѣ перестаютъ посѣщать школы, когда они основательно усвоили себѣ тѣ главныя свѣдѣнія, которыя должна была имъ дать народная школа, то-есть ученіе вѣры, грамотность, счетъ.

Освобождаются отъ посѣщенія школъ дѣти, страдающія умственной слабостью или тяжкими физическими недостатками,—для нихъ существуютъ особыя спеціальныя учрежденія. Затѣмъ—тѣ дѣти, которыя обучаются въ общественныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ: классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, а также въ разныхъ спеціальныхъ промышленныхъ, торговыхъ и т. п. школахъ, если эти школы сообщаютъ и необходимыя общія познанія. Наконецъ—дѣти, воспитывающіяся въ частныхъ школахъ и дома у родителей. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, учебныя власти имѣютъ право и обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти дѣйствительно получали образованіе, въ противномъ же случаѣ могутъ подвергать родителей или заступающихъ ихъ мѣсто отвѣтственности по законамъ. Понятно, что такой надзоръ примѣняется на практикѣ лишь къ родителямъ изъ низшихъ слоёвъ народа. Предполагается, что лица интеллигентныхъ классовъ сами имѣютъ возможность и сознаютъ необходимость дать своимъ дѣтямъ болѣе или менѣе достаточное образованіе.

Обязательное посѣщеніе школъ болѣе взрослыми дѣтьми, конечно, часто бываетъ тягостно для родителей изъ бѣднаго класса населенія, которымъ дѣти могутъ помогать при работахъ или уже самостоятельно зарабатывать деньги. Во многихъ мѣстахъ высказывается на это неудовольствіе, чѣмъ, между прочимъ, пользуется католическая клерикальная партія для агитаціи въ пользу конфессіональной школы и привлекаетъ къ себѣ массу населенія, обѣщая, что при учрежденіи конфессіональныхъ школъ будетъ сокращенъ срокъ обязательнаго обученія. Правительство съ своей стороны также обратило на это вниманіе и признало возможнымъ установить нѣкоторыя облегченія для дѣтей старше 12 лѣтъ. Эти облегченія могутъ быть дѣлаемы или для отдѣльныхъ лицъ, или для школьныхъ общинъ, или даже для цѣлыхъ учебныхъ округовъ,—смотря по мѣстнымъ условіямъ

и постановленіямъ мѣстнаго законодательства. Преподаваніе можетъ быть ограничено только частью года, напримѣръ, только зимой или только лѣтомъ, или могутъ быть нѣкоторые дни недѣли свободны отъ ученья, или наконецъ школа бываетъ открыта только часть дня—до полудня или послѣ полудня. Тѣмъ не менѣе обязательное посѣщеніе школы все еще тяготитъ народъ, и, какъ мы увидимъ ниже, извѣстная часть дѣтей уклоняется отъ отправленія школьной повинности.

Въ селеніяхъ, расположенныхъ на разстояніи одного часа въ окружности, въ которыхъ находится болѣе 40 дѣтей школьнаго возраста и отъ которыхъ другая школа отстоитъ болѣе, чѣмъ на одинъ километръ, должна быть непремѣнно основана своя школа, хотя бы одноклассная.

Государство прямо на себя не беретъ содержанія народныхъ школъ. По бюджету Цислейтаніи на 1890 годъ оно даетъ только 500.000 гульд. на пособія и награды учителямъ, на особые учительскіе курсы, на сельско-хозяйственныя школы при общеобразовательныхъ народныхъ школахъ и на тому подобныя побочныя статьи. Доставленіе же необходимыхъ средствъ для школъ распредѣляется между школьными общинами (Schulgemeinde), учебными округами (Schulbezirke) и коронными землями (Kronländer). Въ общихъ чертахъ эта система устроена слѣдующимъ образомъ [1].

Школьная община — то-есть та часть населенія, дѣти котораго посѣщаютъ извѣстную школу, — должна заботиться о матеріальной обстановкѣ школы, — отвести или построить для нея домъ, ремонтировать его, отоплять, освѣщать, дать помѣщеніе для учителя и т. п.

Школьный округъ, обнимающій собою извѣстное количество школьныхъ общинъ (въ городахъ школьная община и округъ совпадаютъ), изъ своего Bezirksschulfond платитъ учителямъ жалованье, пріобрѣтаетъ учебныя пособія, устраиваетъ библіотеки, учительскіе съѣзды и т. п. Для образованія окружнаго школьнаго фонда всѣ плательщики прямыхъ государственныхъ податей должны въ него вносить опредѣленную, разную въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, прибавку—большею частью не свыше 10% прямыхъ податей (Zuschlag für Schulbezirksbedürfnisse).

---

[1] Въ подробностяхъ она очень разнообразна въ разныхъ мѣстностяхъ и предоставлена вполнѣ органамъ самоуправленія земель, округовъ и общинъ.

Если же общинѣ или округу не хватаетъ средствъ на содержаніе школъ, то земскій сеймъ даетъ имъ заимообразно или безвозвратно необходимое пособіе изъ земскаго школьнаго фонда (Landesschulfond), составляющагося изъ земскихъ податей, величина и наложеніе которыхъ зависитъ отъ земскаго сейма (въ иныхъ земляхъ нѣтъ особаго земскаго школьнаго фонда, а пособія школамъ вносятся въ общій бюджетъ).

Благодаря такому распредѣленію расходовъ на школы, для болѣе бѣдныхъ общинъ и округовъ облегчается тяжесть содержанія школъ.

Вообще же эта система въ высшей степени сложна и запутана и поэтому трудно привести въ полную ясность расходы, дѣлаемые въ Австріи на народное образованіе. Превосходно устроенная центральная статистическая коммиссія давно уже собираетъ матеріалы для подобной статистики, но, какъ мнѣ говорили, отчетъ не будетъ готовъ ранѣе чѣмъ черезъ два года [1]). Только относительно нѣкоторыхъ большихъ городовъ Цислейтаніи мы можемъ найдти свѣдѣнія въ Oesterreichisches Städtebuch (между прочимъ Вѣна тратила въ 1888 году на народныя школы 4.007.969 гульд.). Благодаря любезности предсѣдателя статистической коммиссіи извѣстнаго политико-эконома историка г. Инама-Штернегъ, мнѣ были сообщены нѣкоторыя общія цифры школьныхъ прибавокъ для потребностей округовъ и нѣкоторыхъ земель. Не смотря на ихъ неполноту, привожу здѣсь эти данныя, какъ представляющія даже въ настоящемъ видѣ извѣстный интересъ и доселѣ не появившіяся въ печати.

---

[1]) Онъ будетъ заключать въ себѣ данныя за 1885—1886 учебный годъ.

Прибавки къ прямымъ государственнымъ податямъ, назначенныя для удовлетворенія потребностей школьныхъ округовъ (за 1885 годъ).

Провинціи.	Къ поземельной подати.		Къ податямъ съ домовъ. (Hauszins und Hausclassensteuer).		Къ податямъ съ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. (Erwerbsteuer).		Къ подоходному налогу.		Всего ко всѣмъ прямымъ государственнымъ податямъ.	
	Гульдены.	%	Гульдены.	%	Гульдены.	%	Гульдены.	%	Гульдены.	%
Нижняя Австрія.	798.783	19,7	819.967	19,0	191.919	14,5	164.166	14,1	1.974.835	18,1
Верхняя Австрія.	52.896	5,7	14.640	6,8	7.733	7,2	5.842	8,3	81.111	6,1
Тироль	1.736	8,7	174	4,9	513	5,7	198	7,1	2.621	7,5
Хорутанія.	18.526	12,1	4.905	12,3	2.637	11,1	3.783	7,5	29.851	11,2
Горица.	117.423	36,8	40.922	37,2	9.815	34,9	10.839	35,1	178.999	36,5
Чехія	1.142.578	10,0	657.863	9,6	317.013	9,8	418.226	9,7	2.535.680	9,7
Моравія.	402.233	8,0	94.398	8,2	70.305	8,0	80.509	7,8	647.445	8,0
Силезія	4.855	8,0	1 063	8,0	794	8,0	2.057	8,0	8.769	8,0
Галичина.	146.711	3,2	71.718	3,2	22.671	3,2	25.913	3,1	267.013	3,2
Всего	2.685.741	10,1	1.705.650	10,4	623.400	9,9	711,533	9,4	5.726.324	10,3

Для Зальцбурга, Штиріи, Крайны, Тріеста, Истріи, Далмаціи и Буковины общихъ выводовъ доселѣ не сдѣлано.

Прибавки къ государственнымъ податямъ, собиравшіяся для цѣлыхъ земель въ 1885 году.

Земли.	Гульдены.	%
Верхняя Австрія	838.655	20½
Крайна	?	10
Силезія	98.108	5
Буковина (въ 1886 г.) .	?	6½

Объ остальныхъ земляхъ выводы еще не сдѣланы.

Народныя школы могутъ быть весьма разнообразны по формѣ, смотря по количеству дѣтей школьнаго возраста и по средствамъ школьной общины и округа. Основныхъ типовъ два — народное училище (allgemeine Volksschule) и городское училище (allgemeine Bürgerschule).

Народныя училища могутъ имѣть отъ одного до шести классовъ (прежде восемь); въ шестиклассныхъ школахъ въ 4-мъ и 6-мъ классахъ двухгодичный курсъ. При меньшемъ количествѣ классовъ въ каждомъ классѣ находятся дѣти разныхъ возрастовъ и разныхъ познаній, и поэтому эти классы подраздѣляются на нѣсколько отдѣленій, что̀ конечно затрудняетъ дѣло обученія. Впрочемъ, при концентрической системѣ преподаванія, примѣняемой по возможности ко всѣмъ предметамъ, неудобство школъ съ малымъ количествомъ классовъ значительно уменьшается.

Въ этихъ народныхъ училищахъ мальчики и дѣвочки обыкновенно учатся вмѣстѣ, раздѣляясь большею частью въ старшихъ классахъ. Существуютъ и отдѣльныя женскія народныя училища.

Давая общее начальное образованіе, программы народныхъ училищъ довольно разнообразны въ подробностяхъ. Это разнообразіе зависитъ и отъ количества классовъ школы, и отъ матеріальныхъ ея средствъ, и отъ потребностей населенія. Вообще, конечно, чѣмъ больше классовъ въ школѣ, тѣмъ обширнѣе и многостороннѣе программа.

Замѣчу здѣсь кстати, что одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ для національныхъ отношеній въ Австріи, вопросъ о языкѣ, на которомъ должно происходить преподаваніе въ тѣхъ или другихъ народныхъ школахъ (Unterrichtssprache) находится въ вѣдѣніи земскихъ сеймовъ и служитъ часто предметомъ самой ожесточенной борьбы. Въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ обыкновенно кромѣ главнаго языка, на которомъ ведется преподаваніе, изучается и другой языкъ

страны. При существованіи трехъ и болѣе языковъ, какъ второстепенный языкъ, изучается обыкновенно нѣмецкій.

Городскія училища — всегда отдѣльно мужскія и женскія — назначены для дѣтей трехъ послѣднихъ школьныхъ лѣтъ, то-есть двѣнадцати, тринадцати и четырнадцати, и соотвѣтствуютъ, такимъ образомъ, тремъ старшимъ годамъ народныхъ училищъ. (Поэтому обыкновенно въ той мѣстности, гдѣ существуютъ городскія училища, народныя училища имѣютъ не болѣе пяти классовъ — для дѣтей первыхъ пяти школьныхъ годовъ). Принимаются въ городскія училища дѣти или по свидѣтельству объ успѣшномъ окончаніи пятаго года народнаго училища или изъ частныхъ школъ и съ домашней подготовкой; въ послѣднемъ случаѣ дѣти должны имѣть не менѣе десяти лѣтъ отъ роду и выдержать вступительный экзаменъ изъ курса первыхъ пяти лѣтъ народнаго училища.

Отличія городскаго училища отъ послѣднихъ трехъ годовъ народнаго заключаются не столько въ болѣе обширной программѣ, сколько, во-первыхъ, въ лучшемъ составѣ преподавателей. Для народныхъ и городскихъ училищъ учителя и учительницы подготовляются въ учительскихъ семинаріяхъ, по окончаніи которыхъ они могутъ предварительно (provisorisch) занять учительское мѣсто въ народномъ училищѣ. Послѣ двухгодичной практики они держатъ въ особыхъ коммиссіяхъ экзаменъ (Lehrbefähigungsprüfung) на званіе народнаго учителя и тогда окончательно утверждаются въ своей должности. Для того же, чтобы имѣть право учить въ городскихъ школахъ, требуется трехгодичная практика и экзаменъ по болѣе серьезной программѣ. Къ послѣднему они могутъ подготовляться въ особыхъ одногодичныхъ курсахъ — Bürgerschullehrercurse.

Во-вторыхъ, правильное раздѣленіе городскихъ училищъ на классы даетъ возможность основательно проходить курсъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, городскія училища имѣютъ своею задачей не только завершить общее начальное образованіе народныхъ массъ, но и дать дѣтямъ нѣкоторую подготовку къ практической дѣятельности. Поэтому, въ то время, какъ учебные ихъ планы въ общихъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нуждамъ населенія предметахъ (Законъ Божій, языки, географія, исторія [1]), пѣніе, гим-

[1]) Хотя и въ исторіи и географіи, напримѣръ, въ народныхъ и городскихъ училищахъ на первое мѣсто поставлены свѣдѣнія о той странѣ и народности, къ которымъ принадлежатъ учащіеся.

настика) по большей части одинаковы, въ естественной исторіи, физикѣ, химіи, ариѳметикѣ, геометріи, черченіи и рукодѣльи эти планы могутъ значительно отличаться другъ отъ друга, смотря по тому, каковы главныя занятія населенія,—сельское ли хозяйство, торговля, или тѣ или другія отрасли промышленности. Конечно это разнообразіе программъ больше касается мужскихъ, чѣмъ женскихъ городскихъ училищъ.

Въ заключеніе этого отдѣла считаю не лишнимъ сообщить статистическія данныя о народныхъ и городскихъ училищахъ въ Цисъ-и Транслейтаніи [1]). Эти цифры могутъ дать поводъ какъ къ любопытнымъ сравненіямъ съ нашимъ народнымъ образованіемъ, такъ и къ заключеніямъ о положеніи его въ разныхъ земляхъ Цисъ-и Транслейтаніи, объ отношеніи между образованіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ, объ участіи женщинъ въ преподаваніи и т. п.

I. Число народныхъ школъ [2]).

Цислейтанія.										Транслейтанія [3]).		
Общественныя.										Общественныя училища.		
Городскія.			Народныя.									
Мужск.	Женск.	Всего.	Мужск.	Женск.	Смѣшанныя.	Всего.	Всего.	Частныя.	Всего.	Городскія.	Начальн. и высшія народныя.	Всего.
221	174	395	1135	865	14550	16550	16945	981	17926	147	16270	16417

---

[1]) Въ послѣдней, за исключеніемъ Хорватіи, для которой, равно какъ и для Босніи и Герцеговины, я не могъ найдти новѣйшихъ свѣдѣній.

[2]) Данныя Цислейтаніи относятся къ 1886—1887, о Транслейтаніи къ 1885—1886 и 1886—1887 годамъ.

[3]) Въ Транслейтаніи нѣсколько иная система организаціи народныхъ школъ. Ихъ существуетъ три разряда: а) *начальныя народныя училища* съ шестилѣтнимъ курсомъ; при нихъ же устроены и повторительныя школы съ трехлѣтнимъ курсомъ; б) *высшія народныя училища*, куда поступаютъ по окончаніи 6-го класса начальнаго народнаго училища; курсъ для мальчиковъ трехлѣтній, для дѣвочекъ двухлѣтній; в) *городскія училища* сходныя по программѣ съ высшими народными училищами, но только въ болѣе богатыхъ общинахъ и городахъ и поэтому вообще лучше устроенныя; поступаютъ въ нихъ по окончаніи 4-го класса начальныхъ училищъ. Курсъ для мальчиковъ шестилѣтній, для дѣвочекъ четырехлѣтній.

Изъ всего числа народныхъ школъ приходится на 100 кв. километровъ 6,0 школъ, на 10,000 жителей 7,7 школъ и именно:

	На 100 кв. кил.	На 10,000 жит.
Въ Нижней Австріи	8,1	6,3
„ Верхней Австріи	4,4	6,9
„ Зальцбургѣ	2,4	10,3
„ Штиріи	3,7	6,6
„ Хорутаніи (Kärnten)	3,5	10,1
„ Крайнѣ	3,3	6,6
„ Приморьи	5,7	6,7
„ Тиролѣ	6,0	19,2
„ Чехіи	9,9	8,9
„ Моравіи	10,2	10,3
„ Силезіи	10,4	9,0
„ Галичинѣ	4,4	5,3
„ Буковинѣ	2,6	4,6
„ Далмаціи	2,7	6,5

Общественныя училища.

Мужск.	Женск.	Смѣшан. шк.	Всего.
1085	1259	14073	16417

Изъ всего числа народныхъ школъ приходится на 100 кв. килом. 5,8, на 10,000 жителей 11,9 школъ.

2) Распредѣленіе школъ по языку, на которомъ ведется преподаваніе (Unterrichtssprache).

Цислейтанія.

Языкъ.	Общественныя школы. Число школъ.	°/₀	Частныя школы. Число школъ.	°/₀
Нѣмецкій	7050	41,6	647	66,0
Чешскій	4296	25,4	129	13,1
Польскій	1557	9,2	114	11,6
Малорусскій	1754	10,3	3	0,3
Словинскій	556	3,3	7	0,7
Сербохорватскій	366	2,2	10	1,0
Итальянскій	848	5,0	42	4,3
Румынскій	67	0,4	1	0,1
Мадьярскій	3	0,0	1	0,1
Два разные языка	448	2,6	27	2,8

Транслейтанія.

Языкъ.	Общественныя школы. Число школъ.	°/₀
Мадьярскій	8277	50,4
Мадьярскій и еще какой нибудь другой	2950	18,0
Словинскій	1349	8,2
Малорусскій	288	1,2
Сербохорватскій	336	1,5
Нѣмецкій	668	4,1
Румынскій	2473	15,1
Итальянскій	11	0,1
Два разные языка (безъ мадьярскаго)	65	0,4

Такимъ образомъ только въ 5190, слѣдовательно въ 31,6°/₀ школъ преподаваніе не ведется вполнѣ или отчасти на мадьярскомъ языкѣ.

3) Число преподавателей.

Цислейтанія.				Транслейтанія.
	Учительницы.			
Учителя.	Обязательныхъ предметовъ.	Рукодѣлія и необяз. предметовъ.	Всего.	
44261	6758	6217	57236	Нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

4) Число учащихся.

Цислейтанія.

Число дѣтей школьнаго возраста 3.305,477.

Изъ нихъ мальч. 50,34°/о, дѣв. 49,66°/о.

Посѣщали школы . . . 2.908,297, т. е. около 88°/о (изъ нихъ мальчиковъ 52,77°/о, дѣвочекъ 47,23°/о).

а именно:

Обществ. городск. и нар. училища . .	2.748,347
Частныя народныя училища	107,627
Высшія и среднія учебныя заведенія, спец. школы и училищ. дома	50,628
Училища для убогихъ дѣтей	1,625

Не посѣщали школъ . . . 397,180, т. е. около 12°/о (изъ нихъ мальчиковъ 48,21°/о, дѣвочекъ 51,79°/о).

Транслейтанія.

Число дѣтей школьнаго возраста 2.324,735.

Изъ нихъ мальч. 51,19°/о, дѣв. 48,81°/о.

Посѣщали школы . . . 1.870,083, т. е. около 80°/о (изъ нихъ мальчиковъ 53,22°/о) дѣвочекъ 46,78°/о).

а именно:

Начальныя, высшія народныя и городскія училища	1.451,027
Разные повторительные курсы	388,009
Среднія и высшія учеб. завед.	31,047

Не посѣщали школъ . . . . 454,652, т. е. около 20°/о.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній нѣтъ.

По болѣзни и умств. слабости 21,793
Безъ уважительныхъ причинъ . . 375,387

Особенно велико количество дѣтей, не посѣщавшихъ школъ, въ слѣдующихъ земляхъ: въ Буковинѣ изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста не посѣщало школъ 51,57%; въ Галичинѣ 41,26%; въ Приморьи 27,16%; въ Далмаціи 20,90%.

5) Распредѣленіе учащихся по ихъ родному языку и вѣроисповѣданіямъ (Muttersprache).

Такого рода данныя я имѣлъ только относительно Транслейтаніи да и то надо имѣть при этихъ цифрахъ въ виду, что на мадьярскую офиціальную статистику вообще нельзя вполнѣ полагаться въ вопросахъ національныхъ. Число мадьяръ всегда преувеличено въ ущербъ немадьярскимъ народностямъ.

а) по языку.

Народность.	Изъ общаго числа населенія Транслейтаніи 13.749,603.		Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста 2.324,735.		Изъ общаго числа дѣтей посѣщавшихъ школу 1.870,083.		Изъ 1000 дѣтей школьнаго возраста посѣщали школу.
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	
Мадьяры [1] . .	6.462,313	47,00	1.137,508	48,93	951,259	52,54	836,2
Румыны	2.495,533	18,15	366,254	15,76	222,863	11,91	608,5
Нѣмцы [2] . . .	1.897,070	13,77	320,799	13,80	291,435	15,58	908,4
Словаки	1.875,446	13,64	325,271	13,99	274,626	14,68	844,3
Сербы	378,114	2,75	65,208	2,80	49,805	2,66	763,8
Малороссы . .	360,915	2,65	67,811	2,92	45,056	2,41	664,9
Хорваты . . .	280,915	2,04	41,884	1,80	35,039	1,85	779,4

[1]) Это процентное отношеніе, по замѣчанію автора статистики учебныхъ заведеній въ Транслейтаніи, совершенно не вѣрно.

[2]) Евреи причисляютъ себя большею частью къ мадьярамъ и также къ нѣмцамъ.

б) по вѣроисповѣданію.

Вѣроисповѣданіе.	Изъ общаго числа населенія 13.749,603.		Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста 2.324,735.		Изъ общаго числа дѣтей посѣщавшихъ школу 1.870,083.		Изъ 1000 дѣтей школьнаго возраста посѣщало школу.
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	
Католики . . .	6.507,765	47,34	1.131,071	48,66	986,175	52,73	871,8
Реформаты . .	2.021,150	14,69	337,858	14,53	272,895	14,59	807,7
Православные .	1.931,276	14,05	292,608	12,59	197,874	10,58	676,2
Уніаты	1.487,761	10,82	236,700	10,18	141,182	7,55	596,4
Лютеране . . .	1.120,503	8,15	198,972	8,56	173,353	9,27	871,2
Евреи	625,040	4,54	118,280	5,08	91,728	4,90	777,2
Унитаріоты . .	56,108	0,41	9,246	0,40	6,876	0,37	743,5

II. Средне-учебныя заведенія.

Сознаніе необходимости въ болѣе высокомъ образованіи женщинъ, чѣмъ то, которое дается народными и городскими училищами, существуетъ, конечно, въ Австріи. Главнымъ образомъ, однако, вниманіе обращено на такого рода школы, которыя не столько доставляютъ общее образованіе, сколько имѣютъ въ виду подготовить дѣвушекъ къ тому или другому роду практической дѣятельности. Въ этомъ направленіи сдѣлано весьма много правительствомъ, много также дано простору частной инициативѣ. Учительскія семинаріи, школы иностранныхъ языковъ, музыки, пѣнія, рисованія, счетоводства, стенографіи, дѣтскихъ садовницъ, повивальныхъ бабокъ, разныхъ отраслей рукодѣлія и т. д. основаны давно и въ большомъ количествѣ, въ весьма разнообразныхъ формахъ, и на счетъ правительства и на счетъ земскихъ сеймовъ городовъ, разныхъ обществъ и частныхъ лицъ.

Изъ такого рода спеціальныхъ заведеній я остановлюсь только на женскихъ учительскихъ семинаріяхъ (Lehrerinnenbildungsanstalten), которыя, кромѣ преслѣдованія практическихъ цѣлей, даютъ также и общее образованіе. Между прочимъ учебная программа этихъ учительскихъ семинарій введена въ двухъ лучшихъ закрытыхъ заведеніяхъ Австріи.

Другой родъ—чисто общеобразовательныя школы и курсы—дѣло сравнительно новое, не вылившееся въ опредѣленныя формы и всецѣло предоставленное частной предпріимчивости, частнымъ средствамъ. Правительство пока присматривается, сохранивъ за собою право раз-

смотрѣнія программъ, утвержденія учителей и вообще право надзора и контроля. Кромѣ того, нѣкоторымъ заведеніямъ оно даетъ опредѣленныя субсидіи.

Изъ женскихъ учебныхъ заведеній втораго рода значительно выше другихъ стоятъ такъ называемые лицеи, по своей организаціи болѣе всего приближающіеся къ нашимъ женскимъ гимназіямъ.

А. Женскія учительскія семинаріи.

Нынѣшняя организація учительскихъ семинарій опредѣлена отчасти имперскимъ закономъ о народныхъ школахъ 14-го мая 1869 года, отчасти позднѣйшими министерскими распоряженіями 26-го мая 1874 года и 31-го іюля 1883 года. Бо́льшая часть учительскихъ семинарій содержится на счетъ правительства, остальныя же на средства разныхъ обществъ (наприм., монахинь) или частныхъ лицъ. Чтобы частныя учительскія семинаріи имѣли право выдавать окончившимъ курсъ аттестаты наравнѣ съ правительственными, онѣ должны быть устроены по статуту и программамъ правительственныхъ семинарій, директоръ и преподаватели должны быть назначены съ согласія учебныхъ властей и имѣть надлежащую подготовку.

Каждая женская учительская семинарія состоитъ изъ четырехклассной собственно семинаріи и пятикласснаго образцоваго народнаго училища (Übungsschule) — для практическихъ упражненій будущихъ учительницъ. Кромѣ того иногда бываетъ при семинаріи приготовительный къ ней классъ (Vorbereitungsclasse) и весьма часто особые одногодичные курсы для образованія учительницъ рукодѣлья и дѣтскихъ садовницъ [1]) (Arbeitslehrerinnen — und Kindergärtnerinnen Curse). Приготовительный классъ и эти одногодичные курсы могутъ существовать также и отдѣльно отъ учительской семинаріи.

Для поступленія въ учительскую семинарію требуется имѣть не менѣе 15 лѣтъ отъ роду, хорошее здоровье, добрую нравственность и выдержать пріемные экзамены изъ Закона Божія, языка, на которомъ ведется преподаваніе, географіи, исторіи, ариѳметики, естественныхъ наукъ и черченія. При равныхъ успѣхахъ въ этихъ предметахъ преимущество отдается тѣмъ кандидаткамъ, которыя лучше могутъ себя выказать въ чистописаніи, рисованіи, рукодѣльи и имѣютъ хорошій музыкальный слухъ. Вслѣдствіе постоянно большаго наплыва

[1]) При курсахъ для дѣтскихъ садовницъ устроены, конечно, и дѣтскіе сады.

кандидатокъ въ учительскія семинаріи — между прочимъ благодаря тому, что обученіе въ нихъ даровое, — пріемные экзамены производятся весьма строго и имѣютъ серьезное значеніе.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе о степени и характерѣ образованія, получаемаго въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, я, кромѣ перечисленія предметовъ и числа часовъ на нихъ назначенныхъ, приведу болѣе подробно программы по нѣкоторымъ предметамъ. Точно такого же способа я буду держаться и относительно другихъ учебныхъ заведеній, отлагая общія замѣчанія о нихъ до послѣдняго отдѣла настоящаго очерка.

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА.

Предметы.	Классы и число часовъ.				Всего число часовъ.
	I	II	III	IV	
Законъ Божій [1] . . .	2	2	2	2	8
Педагогика	—	2	5—6 [2]	9	16—17
Языкъ	4	4	4	4	16
Географія.	2	2	2	1	7
Исторія	2	2	2	1	7
Математика.	3	3	2	1	9
Естественныя науки . .	4	4	3	2	13
Чистописаніе.	1	—	—	—	1
Рисованіе	2	2	2	1	7
Рукодѣлье	2	2	2	2	8
Музыка и пѣніе. . . .	2	2	2	2	8
Гимнастика	2	1	1	1	5
Всего число часовъ .	26	26	27—28	26	105—106

Педагогика и практическія упражненія. Цѣль преподаванія—дать общее понятіе о душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ человѣка, о средствахъ къ ихъ развитію, указать основы теоріи воспитанія, познакомить съ методикой отдѣльныхъ предметовъ, съ существующими учебниками и пособіями, съ исторіей педагогики и народнаго образованія преимущественно въ Австріи, наконецъ, съ нынѣ дѣйствующими законами и постановленіями относительно народныхъ школъ.

[1]) Программы Закона Божія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ составляются не министерствомъ народнаго просвѣщенія, а церковными властями каждаго вѣроисповѣданія.

[2]) 6 уроковъ въ тѣхъ семинаріяхъ, при которыхъ есть дѣтскій садъ.

Ученицы съ III класса должны возможно чаще присутствовать на урокахъ преподавателей въ образцовой школѣ, а потомъ и сами учить.

Во II классѣ основныя понятія педагогики. Въ III классѣ общая и спеціальная методика, посѣщеніе образцовой школы (hospitieren) и обсужденіе прослушанныхъ тамъ уроковъ въ особыхъ конференціяхъ подъ руководствомъ преподавателя педагогики. Въ концѣ года—участіе въ преподаваніи. Въ IV классѣ исторія воспитанія и образованія преимущественно въ Австріи, главнымъ же образомъ пробные уроки — особенно по ариѳметикѣ и языку, — составленіе программъ ихъ, обсужденіе пробныхъ уроковъ своихъ подругъ. Настоятельно рекомендуется домашнее чтеніе книгъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ и составленіе рефератовъ о прочитанномъ.

Языкъ. Основательное знаніе грамматики, умѣнье правильно выражаться устно и письменно. Краткій обзоръ важнѣйшихъ явленій литературы. Главные роды поэтическихъ и прозаическихъ произведеній. Въ IV классѣ общее повтореніе и методика.

Географія. Въ I классѣ начальныя географическія понятія. Краткая географія Азіи, Африки и Европы. Во II классѣ краткая географія Америки, Австраліи, подробная — средней Европы. Въ III классѣ географія Австро-Венгріи и преимущественно той области, въ которой находится семинарія. Въ IV классѣ важнѣйшія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи. Методика, учебники, пособія.

Исторія — вообще курсъ эпизодическій. Въ I классѣ древняя исторія и средняя—до Верденскаго договора. Во II классѣ—окончаніе средней исторіи, новая исторія до настоящаго времени. Въ III классѣ исторія Австро-Венгріи. Въ IV классѣ методика, общее повтореніе. Обязательно домашнее чтеніе.

Математика. Ариѳметика, важнѣйшія познанія изъ геометріи и изъ алгебры (уравненія 1-й степени съ одной и многими неизвѣстными, возвышеніе въ степень и извлеченіе корней). Общія свѣдѣнія о счето- и книговодствѣ. Особенно слѣдуетъ развивать привычку считать въ умѣ.

Естественныя науки. Естественная исторія, физика и химія въ важнѣйшихъ чертахъ,—преимущественно явленія, имѣющія значеніе для хозяйства и обыденной жизни.

Игра на фортепьяно и скрипкѣ, а также иностранные языки необязательны.

По окончаніи IV класса производятся такъ-называемые экзамены

зрѣлости (Prüfungen der Reife), письменно изъ педагогики, языка и математики, устно—изъ остальныхъ предметовъ. Въ составъ экзамена входятъ также и пробные уроки. Къ этимъ экзаменамъ допускаются и экстернистки, готовившіяся дома или въ частныхъ не имѣющихъ правительственныхъ правъ заведеніяхъ.

Всѣ учительскія семинаріи должны быть снабжены библіотекой учительской и ученической, физическимъ кабинетомъ, химической лабораторіей, естественно-историческими собраніями, пособіями для географіи, исторіи, рисованія и т. п. Ученицы обязаны пріучаться пользоваться всѣми этими пособіями для дальнѣйшаго самостоятельнаго преподаванія.

Такимъ образомъ, все въ учительскихъ семинаріяхъ направлено къ опредѣленной цѣли подготовить учительницъ для народныхъ школъ и при преподаваніи всѣхъ предметовъ главное вниманіе обращается не на большее ознакомленіе съ ними, а на то, чтобы пріучить ученицъ передавать дѣтямъ тѣ знанія, которыми овладѣли сами. Расширеніе же познаній предоставлено домашнему чтенію учащихся, необходимость котораго постоянно указывается въ учебныхъ планахъ. Однако, какъ мнѣ говорили, учащіяся, даже во вредъ своему здоровью, чрезвычайно обременены занятіями, и врядъ ли у нихъ остается достаточно времени для домашняго чтенія.

Кромѣ этого правительство заботится и о томъ, чтобы уже окончившимъ семинарію и поступившимъ на мѣста учителямъ и учительницамъ облегчить дальнѣйшее самообразованіе. Для этой цѣли вездѣ при школахъ заведены библіотеки, устраиваются для учителей особые курсы по разнымъ предметамъ, читаются рефераты, назначаются учительскіе съѣзды и т. п.

Изъ всей постановки учительскихъ семинарій и изъ ихъ программъ видно, что общая подготовка будущихъ учительницъ довольно низка, и въ этомъ отношеніи здѣшнія учительскія семинаріи не могутъ и быть сравниваемы не только съ нашими педагогическими курсами, но и съ нашими женскими учительскими семинаріями, куда большею частью поступаютъ дѣвушки, окончившія уже курсъ въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ.

Если учительскія семинаріи и могутъ подготовить хорошихъ учительницъ народныхъ школъ, то онѣ не удовлетворяютъ потребностямъ зажиточныхъ семействъ, которыя желаютъ имѣть для своихъ дѣтей, съ одной стороны, учительницу, знакомую съ иностранными языками, съ другой — воспитательницу, за нравственное направленіе

которой до извѣстной степени отвѣчало бы то заведеніе, изъ котораго она вышла.

Этотъ пробѣлъ восполняютъ разныя частныя, а также и общественныя школы, соединенныя съ интернатомъ. Изъ послѣднихъ особою извѣстностью въ Австро-Венгріи пользуются два института — одинъ для дочерей военныхъ, другой — гражданскихъ чиновъ: Officiers-Töchter-Erziehungs-Institut и Civil-Mädchen-Pensionat.

Меня интересовали оба эти заведенія главнымъ образомъ по ихъ внутреннему устройству — въ сравненіи съ нашими закрытыми учебными заведеніями-институтами. Что касается ихъ учебной програмы, то она почти тожественна съ другими учительскими семинаріями, только особенное вниманіе обращено на обязательно изучаемые иностранные языки и музыку.

На первомъ мѣстѣ какъ по матеріальнымъ средствамъ, такъ особенно по превосходному духу и внутреннему устройству несомнѣнно долженъ быть поставленъ Officiers-Töchter-Institut. Это не только мое личное впечатлѣніе, но такое же мнѣніе о немъ я слышалъ и отъ многихъ компетентныхъ лицъ.

Институтъ находится въ одномъ изъ предмѣстьевъ Вѣны — Гернальсѣ. Онъ былъ основанъ императрицей Маріей-Терезой въ 1775 году для воспитанія сиротъ офицерскихъ чиновъ, которыя подготовлялись въ немъ, чтобы быть впослѣдствіи гувернантками въ аристократическихъ семействахъ и преимущественно обучались иностраннымъ языкамъ—первоначально французскому и италіанскому, потомъ французскому и англійскому. Первое время институтъ помѣщался въ С. Кельтенѣ, въ 1786 году перенесенъ въ Гернальсъ. Нынѣшняя программа вводилась постепенно съ 1877 по 1880 годъ.

Институтъ занимаетъ теперь большой собственный домъ, посреди котораго находится дворъ и порядочный, хотя не особенно густой, садъ для прогулокъ воспитанницъ. Въ особомъ флигелѣ устроена больница. Въ самомъ зданіи, кромѣ классовъ и спаленъ воспитанницъ, актовой и гимнастической залъ, комнатъ для учебныхъ пособій и музыки, кухни, прачешной и т. п. службъ, помѣщается еще народная образцовая школа и дѣтскій садъ, небольшая, но изящная капелла, а также квартиры начальницы, ея помощницъ, эконома, врача и служителей. Всѣ вообще помѣщенія просторны, свѣтлы и чисто содержатся.

Институтъ находится въ вѣдѣніи военнаго министерства, относительно же учебной части подчиненъ министерству народнаго просвѣ-

щенія и непосредственно окружному инспектору (Landesschulinspektor). Онъ очень богато снабженъ матеріальными средствами [1]), большая часть которыхъ идетъ отъ военнаго министерства, остальная же составляется изъ процентовъ на капиталы, положенные для основанія стипендій разными учрежденіями и частными лицами, а также изъ платы за своекоштныхъ пансіонеровъ.

Институтъ состоитъ изъ собственно института, закрытаго учебнаго заведенія, и изъ пятиклассваго образцоваго народнаго училища и дѣтскаго сада — только для приходящихъ. Народное училище и дѣтскій садъ устроены на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими общественными училищами. Обученіе въ нихъ безплатное; приходятъ туда учиться дѣти окрестнаго населенія.

Собственно институтъ заключаетъ въ себѣ трехклассное городское училище и четырехклассную учительскую семинарію. Принимаются въ институтъ въ 1-й классъ городскаго училища или со стороны, по пріемному экзамену не моложе 11 лѣтъ, большею же частію изъ подобнаго же института въ Эденбургѣ [2]), гдѣ воспитываются съ 7 до 11—12 лѣтъ сироты офицерскаго званія. Институтъ состоитъ подъ покровительствомъ императрицы, которая присылаетъ воспитанницамъ окончившимъ курсъ съ отличіемъ (Vorzugszöglinge) [3]) медальонъ съ своимъ вензелемъ, осыпанный бриллiантами.

Во главѣ института находится назначаемая императоромъ по представленію военнаго министерства начальница (Obervorsteherin), которая завѣдуетъ экономической и отчасти воспитательной частью (важнѣйшія воспитательныя мѣры рѣшаются педагогической конференціей). Начальница имѣетъ десять помощницъ (Untervorsteherinnen). Положеніе ихъ отличается отъ положенія классныхъ дамъ нашихъ институтовъ. Всѣ онѣ — въ то же время учительницы, даютъ уроки въ народномъ и городскомъ училищахъ, не имѣютъ особаго ввѣреннаго ихъ надзору класса, а лишь по очереди дежурятъ во внѣклассное время и въ перемѣны. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ дежурство возлагается иногда на преподавателей.

Хозяйственная часть поручена подчиненному начальницѣ эконому изъ отставныхъ военныхъ.

---

[1]) Содержаніе института стоитъ около 125.000 гульденовъ въ годъ.

[2]) Основанъ въ 1850 году.

[3]) Для этого требуется на экзаменахъ зрѣлости получить изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ высшій баллъ (sehr gut).

Первое мѣсто между преподавателями занимаетъ учитель педагогики, носящій названіе старшаго учителя (Oberlehrer), руководящій также практическими занятіями воспитанницъ и являющійся какъ бы инспекторомъ института.

Педагогическіе и общевоспитательные вопросы рѣшаются по большинству голосовъ на педагогической конференціи (Lehrerconferenz), состоящей изъ учителей, учительницъ (приходящихъ—большею частью языковъ и музыки), помощницъ начальницы и имѣющей свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ начальницы. Въ случаѣ разногласія между большинствомъ конференціи и начальницей, послѣдняя можетъ подать свое особое мнѣніе въ министерство военное или окружному инспектору. Кромѣ педагогической конференціи, бываютъ еще частныя совѣщанія начальницы съ ея помощницами (Hausconferenz) по менѣе важнымъ внутреннимъ вопросамъ.

Институтъ назначенъ для сиротъ военныхъ чиновъ и при пріемѣ на свободныя вакансіи обращается главнымъ образомъ вниманіе на семейное и матеріальное положеніе дѣвушекъ. Большая часть воспитанницъ пользуются полными или половинными стипендіями. Кромѣ казенныхъ стипендій, есть весьма много стипендій членовъ императорской фамиліи, нижнеавстрійскихъ чиновъ и частныхъ лицъ. Общее число ихъ въ 1888—1889 году было 136. Если остается свободное мѣсто, принимаются также своекоштныя пансіонерки съ платой 500 гульденовъ въ годъ,—такихъ въ 1888—1889 году было 15. При выпускѣ казеннокоштныя получаютъ 300 гульденовъ па первое обзаведеніе—такъ-называемый Ausstattungsbetrag.

Такъ какъ управленіе арміи общее для Цисъ- и Транслейтаніи, то и въ институтъ принимаются воспитанницы одинаково изъ обѣихъ половинъ имперіи, больше, однако, изъ Цислейтаніи.

Какъ я уже говорилъ, программа института одинакова съ общественными городскими училищами и учительскими семинаріями, только сверхъ того обязательны музыка, танцы (послѣдніе лишь для воспитанницъ городскаго училища), англійскій и французскій языки. На французскій языкъ назначено во всѣхъ семи классахъ 28 часовъ, на англійскій — 14 (лишь въ учительской семинаріи). Такимъ образомъ, особое вниманіе обращено главнымъ образомъ на французскій языкъ, на знаніе его грамматики, умѣнье свободно читать и говорить. Однако, по словамъ начальницы, чрезвычайно трудно пріучить ученицъ гово-

рить по французски, хотя онѣ уже въ Эдинбургѣ получаютъ необходимую подготовку. Тѣмъ не менѣе здѣсь не считается возможнымъ заставлять ученицъ говорить между собою по французски за столомъ и внѣ классовъ въ свободное время. Воспитанницы, говорила мнѣ начальница, имѣютъ такъ много занятій, что надо дать имъ возможность свободно между собою поговорить и отдохнуть. Впрочемъ, сколько я могу судить, результаты преподаванія французскаго языка въ общемъ довольно благопріятны. Хотя нѣтъ бѣглости въ разговорѣ воспитанницъ, но видно все-таки умѣнье выражаться по французски. Къ англійскому языку предъявляется меньше требованій.

Одно изъ весьма важныхъ средствъ для успѣховъ ученья въ институтѣ заключается въ возможности выдѣлять изъ состава класса самыхъ слабыхъ и неспособныхъ воспитанницъ. Если такая, не подающая надежды малоспособность обнаруживается у младшихъ воспитанницъ, то ихъ переводятъ въ частную народную школу монахинь Сестеръ младенца Іисуса (Schwestern vom armen Kinde Iesu), находящуюся въ небольшомъ городкѣ Нижней Австріи Рецѣ (Rötz). Болѣе взрослыя воспитанницы остаются, конечно, въ институтѣ, но не занимаются одинаково со всѣми, а или подготовляются какъ дѣтскія садовницы, или усиленно изучаютъ иностранные языки. Благодаря этому, поддерживается на извѣстной высотѣ уровень класса, а въ то же время малоспособныя дѣвушки не истощаютъ своего здоровья непосильнымъ трудомъ и не увольняются изъ института безъ всякой поддержки и пріюта.

Институтъ лучше другихъ учебныхъ заведеній Цислейтаніи, которыя мнѣ удалось видѣть, обставленъ разными учебными пособіями. Не говоря уже о картахъ, атласахъ, картинахъ для географіи, исторіи и естественныхъ наукъ, рисункахъ, гипсовыхъ моделяхъ, фотографіяхъ для рисованія, библіотекахъ учительской и ученической, онъ обладаетъ богатѣйшими коллекціями по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, физикѣ и химіи. Для двухъ послѣднихъ предметовъ устроены особые классы и лабораторіи. Большая часть естественно-историческихъ коллекцій, а также химическихъ и физическихъ аппаратовъ составлены самимъ преподавателемъ этихъ наукъ, докторомъ института г. Левандовскимъ.

День воспитанницъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Встаютъ онѣ въ 6 часовъ утра (лѣтомъ въ 5 часовъ), послѣ одѣванья и утренней молитвы въ спальняхъ получаютъ кофе и булки; съ $7^1/_4$ до $7^3/_4$

присутствуютъ въ домашней церкви при обѣднѣ, съ 8 — 10 часовъ уроки. Въ 10 часовъ отдыхъ 10 минутъ, имъ дается булка, потомъ опять уроки до 12 часовъ. Съ 12 до $12^1/_2$ часовъ гуляютъ въ саду, въ $12^1/_2$ обѣдаютъ. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ (въ праздникъ изъ четырехъ): дается супъ, мясо изъ супа и мясо жареное или что нибудь мучное. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ получаютъ непремѣнно мясо за ужиномъ. Особенное вниманіе обращается на дѣвушекъ отъ 13 до 15 лѣтъ, находящихся въ такъ-называемомъ переходномъ возрастѣ: имъ назначается вино и бо́льшее количество мяса.

Послѣ обѣда воспитанницы свободны до 2-хъ часовъ. Съ 2 до 5 часовъ опять занятія — большею частью языками, музыкой, рисованіемъ, вообще предметами, не требующими большого умственнаго напряженія. Въ 5 часовъ имъ дается такъ-называемая закуска — Gause — хлѣбъ, овощи, кофе. Затѣмъ, гимнастика и приготовленіе уроковъ до $7^1/_2$ часовъ. Въ $7^1/_2$ часовъ ужинъ; въ 9 часовъ ложатся спать младшіе классы, въ 10 часовъ—старшіе.

Одно воскресенье въ мѣсяцъ воспитанницъ навѣщаютъ родные, другое воскресенье онѣ сами могутъ уѣзжать къ роднымъ. Кромѣ того, онѣ отпускаются домой на Рождествѣ—на одну недѣлю, на Пасхѣ—на одну недѣлю и на двухмѣсячныя лѣтнія каникулы въ іюлѣ и августѣ. Круглыя сироты и небогатыя дѣвушки остаются и на лѣто въ институтѣ, который переселяется въ замокъ Гиртенбергъ, близъ Леоберсдорфа въ Нижней Австріи, съ большимъ паркомъ и купаньемъ.

Втеченіе учебнаго года воспитанницы изрѣдка посѣщаютъ театры, чаще музеи и другія научныя собранія, концерты и т. п. Въ хорошее время года дѣлаютъ загородныя прогулки. На масляницѣ устраивается въ институтѣ большой балъ, на который приглашаются преподаватели и родственники воспитанницъ. Прежде приглашались также воспитанники военно-учебныхъ заведеній, но впослѣдствіи это было признано неудобнымъ. Въ именины начальницы бываетъ вечеринка, для которой воспитанницы подготовляютъ живыя картины, небольшія пьесы и т. д. Для воспитанницъ старшаго класса дѣлаются разъ въ мѣсяцъ учительскіе вечера, на которыхъ присутствуютъ начальница, ея помощницы, преподаватели, преподавательницы и кое-кто изъ высшаго начальства. Благодаря любезности начальницы г-жи Арбтеръ, я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ. Собираются гости къ 7 часамъ, подается ужинъ, въ 8 часовъ являются воспитанницы и вечеръ проводится въ музыкѣ, пѣніи, разговорахъ, разныхъ общественныхъ играхъ и т. п. Часовъ въ 11 всѣ расходятся.

Какъ я уже упомянулъ, институтъ пользуется лучшей славой въ Австро-Венгріи. Богатыя и аристократическія семейства ожидаютъ каждаго выпуска, желая взять изъ него воспитательницъ для своихъ дѣтей. И до сихъ поръ всѣ воспитанницы, оканчивавшія курсъ, тотчасъ же получали мѣста съ жалованьемъ отъ 400 до 600 гульденовъ въ годъ [1]).

И дѣйствительно, институтъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Свѣжій, здоровый видъ воспитанницъ, ихъ свободное, но вѣжливое, не переходящее границы, обращеніе къ начальницѣ, преподавателямъ и постороннимъ лицамъ, ихъ спокойные, громкіе и ясные отвѣты въ классѣ, ихъ вообще удачные уроки въ образцовомъ училищѣ — все это даетъ самое лучшее понятіе объ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи. Такой успѣхъ зависитъ, конечно, и отъ матеріальныхъ средствъ, которыми обставленъ институтъ, и отъ его организаціи, но еще болѣе отъ подбора лицъ, ведущихъ дѣло воспитанія и обученія, а также отъ духа заведенія, отъ тѣхъ традицій, которыя образуются поколѣніями и которыя вліяютъ на каждое лицо, вновь вступающее въ институтъ. Этимъ духомъ заведенія очень дорожитъ высшее начальство и заботится по возможности о его поддержаніи.

Другое подобное заведеніе, также имѣющее хорошую репутацію,— Civil-Mädchen - Pensionat, назначенный правительствомъ для сиротъ гражданскихъ чиновъ. Пансіонъ основанъ при императорѣ Іосифѣ II въ 1786 году. Содержится онъ на средства казны и находится также подъ покровительствомъ императрицы. Нынѣшняя программа учительской семинаріи вводилась постепенно съ 1875 до 1881 года.

Состоитъ пансіонъ изъ четырехклассной учительской семинаріи, приготовительнаго къ ней класса и пятикласснаго образцоваго народнаго училища—послѣднее только для приходящихъ.

Въ общемъ организація пансіона довольно близка къ организаціи института для дочерей военныхъ, но нѣкоторыя особенности пансіона должны не вполнѣ благопріятно отражаться на воспитанницахъ.

Учительская семинарія и приготовительный классъ распадаются на два отдѣленія: собственно пансіонъ и открытая учительская се-

---

[1]) Послѣ десятилѣтней службы у частныхъ лицъ или въ общественныхъ учрежденіяхъ бывшія воспитанницы получаютъ пенсію въ 300 гульденовъ въ годъ, если онѣ остались безъ средствъ или неспособны къ труду.

минарія, въ которую принимаются приходящія ученицы [1]). Учатся и приходящія и пансіонерки вмѣстѣ, въ общихъ классахъ, но сидятъ въ нихъ отдѣльно за особыми столами. Послѣ уроковъ приходящія идутъ домой, пансіонерки возвращаются въ пансіонъ, помѣщающійся въ другой части зданія и соединенный съ классами длиннымъ корридоромъ. Вообще начальство пансіона считаетъ весьма вреднымъ сближеніе между пансіонерками и приходящими, и помощницы начальницы должны по возможности предупреждать его, наблюдая строго за пансіонерками въ промежутки между уроками. Конечно, такой образъ дѣйствія можетъ имѣть свои основанія, но врядъ-ли искусственное поддержаніе отчужденности особенно благотворно дѣйствуетъ на дѣтей.

Другая невыгодная сторона подобнаго внѣшняго соединенія двухъ различныхъ заведеній и внутренняго раздѣленія учащихся заключается въ неодинаковости успѣховъ двухъ половинъ класса. Составъ пансіонерокъ чисто случайный, такъ какъ дѣвушки принимаются въ пансіонъ, главнымъ образомъ, сообразно съ ихъ семейнымъ положеніемъ. Между тѣмъ приходящія, какъ и во всѣ открытыя учительскія семинаріи, поступаютъ послѣ строгаго выбора изъ числа многочисленныхъ кандидатокъ; такъ, въ началѣ нынѣшняго учебнаго года свободныхъ мѣстъ было 20, а кандидатокъ 106. Поэтому приходящія вообще выше пансіонерокъ по способностямъ, по подготовкѣ и по ученью и, по замѣчанію преподавателей, несравненно болѣе успѣваютъ въ наукахъ и болѣе развиты. Въ свою очередь пансіонерки лучше приходящихъ знаютъ иностранные языки. Конечно, могутъ говорить, что подобное устройство возбуждаетъ соревнованіе, но вѣдь хотя соревнованіе—вещь сама по себѣ хорошая, однако всегда есть опасность, что оно можетъ возбудить и дурныя чувства.

Наконецъ, и въ самомъ пансіонѣ есть извѣстное внутреннее разъединеніе. Всѣ пансіонерки раздѣлены на четыре **товарищества** (Camerade), большею частью соотвѣтствующія классамъ; каждое товарищество поручено помощницѣ начальницы (Untervorsteherin), которая присутствуетъ на урокахъ, находится при товариществѣ

[1]) Въ настоящее время казенныхъ и своекоштныхъ пансіонерокъ—56, приходящихъ 110. За своекоштныхъ пансіонерокъ платится единовременно при поступленіи 260 гульденовъ и по 800 гульденовъ ежегодно. Приходящія, какъ и въ другихъ общественныхъ учительскихъ семинаріяхъ, обучаются безплатно.

внѣ класса и воспитываетъ его отъ вступленія въ пансіонъ до окончанія курса. Эти товарищества пансіонерокъ сходятся между собою только во время обѣда, завтрака, прогулокъ; большую же часть дня каждое товарищество проводитъ отдѣльно въ своей особой комнатѣ для занятій, рядомъ съ которой находятся спальня воспитанницъ, комната помощницы начальницы, а иногда (не у всѣхъ товариществъ) другая комната для занятій музыкой и для рекреаціи.

Неудобство такого внутренняго раздѣленія сознается, отчасти, въ пансіонѣ, но говорятъ, что иначе невозможно устроить за тѣснотой помѣщенія и отсутствіемъ общей рекреаціонной залы. Не знаю, есть ли это только предлогъ или дѣйствительная причина.

Образъ жизни пансіонерокъ, распредѣленіе дня и года почти тѣ же, какъ и въ институтѣ для дочерей военныхъ. Только пансіонерки болѣе удалены отъ внѣшняго міра. Кромѣ одного воскресенья въ мѣсяцъ, онѣ уѣзжаютъ къ роднымъ лишь на лѣтнія каникулы, Рождество же и Пасху проводятъ въ пансіонѣ, занимаясь шитьемъ для себя платьевъ.

Учебныхъ пособій значительно меньше, чѣмъ въ институтѣ, и многія коллекціи только-что начинаютъ составляться.

Для пансіонерокъ иностранные языки, преимущественно французскій, занимаютъ важное мѣсто. На французскій назначено 20 часовъ въ пяти классахъ, на англійскій — въ трехъ старшихъ классахъ 7 часовъ. Чтобы практически освоиться съ французскимъ языкомъ, пансіонерки обязаны говорить внѣ класса между собою и съ помощницей начальницы по-французски. Тѣмъ не менѣе одна изъ помощницъ начальницы, тоже бывшая пансіонерка, говорила мнѣ, что теперь уже невозможно достигать такихъ результатовъ, какъ прежде, когда пансіонерки впродолженіе своего ученія совсѣмъ не посѣщали родныхъ. И вообще, по ея словамъ, многія пансіонерки по окончаніи курса предпочитаютъ поступать не воспитательницами и гувернантками въ семьи, а учительницами въ общественныя школы, особенно въ виду того, что за службу въ послѣднихъ онѣ получаютъ бо́льшую пенсію.

Этимъ закончу обозрѣніе учительскихъ семинарій и сообщу только нѣкоторыя статистическія данныя о нихъ [1]).

---

[1]) Для Цислейтаніи данныя относятся къ 1886 — 1887 учебному году, для Транслейтаніи къ 1885 — 1886.

1) Число учительскихъ семинарій.

Цислейтанія.

Провинціи.	Мужскія.	Женскія.	Всего.
Нижняя Австрія .	4	6	10
Верхняя Австрія .	1	1	2
Зальцбургъ. . . .	1	0	1
Тироль.	4	3	7
Хорутанія	1	0	1
Крайна.	1	1	2
Штирія.	2	2	4
Приморье	1	1	2
Чехія	13	4	17
Моравія	4	3	7
Силезія	3	1	4
Галичина	6	3	9
Буковина	1	1	2
Далмація	1	1	2
Во всей Цислейтаніи	43	27	70

Транслейтанія.

Мужскія.	Женскія.	Всего.
54	16	70

2) Распредѣленіе учительскихъ семинарій по языку преподаванія.

Цислейтанія [1]).

Языкъ преподаванія.	Число семинарій. Мужск.	Женск.	Всего.
Нѣмецкій	24	16	40
Чешскій.	9	3	12
Польскій	3	3	6
Италіанскій	1	1	2
Сербо-хорватскій . . .	1	1	2
Два разныхъ языка . .	5	3	8

3) Число учащихся.

Цислейтанія.

Въ приготовительномъ классѣ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Въ учительскихъ семинаріяхъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Въ одиночныхъ курсахъ. Рукодѣлія.	Дѣтскихъ садовницъ.	Всего. Мужчинъ.	Женщинъ.
456	30	4.820	2.489	202	311	5.276	3.038

Всего мужчинъ было 63,5%, женщинъ 36,5%.

Транслейтанія.

Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
2.438	1.067	3.505

Всего мужчинъ 69,5% женщинъ 30,5%.

---

[1]) Въ Транслейтаніи, на сколько мнѣ извѣстно, вездѣ (кромѣ Хорватіи) языкъ преподаванія мадьярскій.

4) Распредѣленіе учащихся по языку и вѣроисповѣданію въ % [1]).

Цислейтанія.

а) по языку.

Народность	Мужчинъ.	Женщинъ.
Нѣмцы [2])	45,6%	47,5%
Чехи.	26,9	21,3
Поляки.	13,3	17,4
Малороссы. . . .	5,8	1,6
Югославяне . . .	4,9	4,7
Италіанцы	2,0	6,4
Мадьяры	—	0,6
Другія народности .	0,3	0,0

б) по вѣроисповѣданію.

Вѣроисповѣданіе.	Мужчины.	Женщины:
Католики	93,7%	92,7%
Протестанты . . .	3,0	1,2
Православные. . .	2,6	0,9
Евреи	0,7	5,2

5) Результаты испытаній зрѣлости и экзаменовъ на званіе учителей (учительницъ).

Цислейтанія.

Выдержали экзаменъ зрѣлости:

	Муж.	Жен.
Учившіеся въ семинаріяхъ .	868	473
Экстерны.	18	4
Всего .	886	477

Выдержали экзаменъ на званіе:

Учителей (учительницъ) городскихъ .	298	чел.
Учителей (учительницъ) народныхъ .	2.239	„
Учительницъ рукодѣлья	202	„
Дѣтскихъ садовницъ	304	„

Кромѣ того, выдержали экзамены на званіе учителей (учительницъ) отдѣльныхъ предметовъ:

Нѣмецкаго языка	257	„
Французскаго „	138	„
Англійскаго „	19	„
Чешскаго „	19	„
Польскаго „	16	„

Транслейтанія.

Выдержали экзаменъ зрѣлости:

Мужчинъ . .	953
Женщинъ. .	277
Всего	1.230

---

[1]) Я имѣлъ данныя только для Цислейтаніи.

[2]) Къ нѣмцамъ большею частью причисляютъ себя и евреи.

Италіанскаго „	6	„
Малорусскаго „	5	„
Гимнастики	1	„
Музыки и пѣнія	52	„
Всего .	513	„

б) Расходы правительства на содержаніе учительскихъ семинарій.

Въ Цеслейтаніи (въ 1890 г.) на содержаніе мужскихъ учит. семинарій	850,406 г.
„ „ женскихъ „ .	455,150 „
на стипендіи, прибавки учителей и др. расходы.	406,956 „
Всего .	1.712,512 „
Въ Транслейтаніи (въ 1886 г.) общій расходъ	901,654 „

В. Лицеи.

Какъ было уже мною упомянуто, изъ общеобразовательныхъ женскихъ заведеній стоятъ выше другихъ по программамъ и по преподавательскому составу [1]) и нѣсколько соотвѣтствуютъ нашимъ гимназіямъ такъ-называемые лицеи. Лицеи основаны частными обществами при пособіяхъ со стороны городскихъ думъ и земскихъ сеймовъ. Учебныя ихъ программы разнымъ образомъ измѣнялись въ теченіи двадцати лѣтъ и доселѣ не представляютъ полнаго сходства. Правительство, видя пользу лицеевъ, хотя и не рѣшилось само устроить подобныя заведенія, но опредѣлило большей части изъ нихъ (кромѣ чешской школы) постоянныя денежныя пособія. Окончаніе въ лицеяхъ курса не даетъ дѣвушкамъ никакихъ правъ, но посѣщеніе ихъ засчитывается, какъ исполненіе общей школьной повинности.

1) Чешская высшая школа для дѣвушекъ въ Прагѣ — Vyšši dívčí šcola. Въ Чехіи раньше другихъ земель Цислейтаніи явилось сознаніе необходимости поднять образованіе женщины. Одной изъ важнѣйшихъ причинъ этого была напряженная и сознательная національная борьба противъ нѣмецкаго элемента, для успѣха которой нужно было воспитать новое поколѣніе образованныхъ и проникнутыхъ народнымъ духомъ женъ и матерей. Между тѣмъ въ Чехіи, кромѣ народныхъ школъ для дѣвушекъ съ шести до двѣнадцати

[1]) Большею частію приглашаютъ въ лицеи преподавателей съ дипломами на званіе учителей классическихъ и реальныхъ гимназій.

лѣтъ, другихъ чешскихъ женскихъ учебныхъ заведеній не было, и болѣе достаточные и образованные люди или воспитывали своихъ дочерей дома, или же отдавали ихъ въ частныя большею частью монастырскія школы, гдѣ преподаваніе происходило на нѣмецкомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ духѣ.

Еще въ 1848 году возникла мысль объ учрежденіи чешской женской высшей школы, но неблагопріятныя политическія обстоятельства помѣшали ея осуществленію, и лишь въ 1863 году по почину пражскаго бургомистра Пштроса рѣшено было приняться за ея выполненіе. Директоромъ будущей школы выбранъ былъ опытный педагогъ г. Габлеръ, и доселѣ стоящій во главѣ учрежденія. Для выработки программы и вообще устройства школы г. Габлеръ посѣтилъ лучшія женскія учебныя заведенія въ Швейцаріи и Германіи, и въ октябрѣ 1863 года былъ уже открытъ первый классъ въ частномъ помѣщеніи. Съ 1886—1887 г. школа состоитъ изъ шести классовъ. Въ 1888—1889 году основано при школѣ пятиклассное подготовительное народное училище, до того же времени принимали въ нее по пріемному экзамену дѣвочекъ не моложе 12 лѣтъ и съ годготовкой, даваемой пятымъ классомъ народнаго училища. Кромѣ того дѣвушки не моложе 14 лѣтъ и окончившія городское училище могутъ быть принимаемы прямо въ IV классъ.

Содержится школа на субсидію отъ городской пражской думы, частныя пожертвованія и плату за ученицъ,—впрочемъ, очень незначительную—40 гульденовъ ежегодно.

Въ 1888—1889 г. всѣхъ ученицъ было 324, кромѣ того въ V и VI классѣ 53 вольнослушательницы, записывавшіяся лишь на отдѣльные предметы.

Пражская школа имѣетъ значеніе не только для Праги или для Чехіи, но также и для другихъ земель, гдѣ живутъ чехи, а отчасти и для остальныхъ славянъ, главнымъ образомъ словаковъ, болгаръ и сербовъ. Такъ, въ двадцать шесть лѣтъ существованія школы были въ ней ученицы изъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Штиріи, Крайны, Венгріи, Польши, Россіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи, и даже изъ Америки.

При основаніи школы имѣлось въ виду съ одной стороны дать дѣвушкамъ національное направленіе, съ другой подготовить изъ нихъ въ будущемъ добрыхъ женъ, хозяекъ и матерей для семействъ средняго класса. И самая программа составлена примѣнительно къ этимъ цѣлямъ, и общій духъ заведенія запечатлѣнъ этимъ искрен-

нимъ семейнымъ характеромъ. Достойный руководитель школы, почтенный старикъ директоръ Габлеръ съумѣлъ придать школѣ желаемыя особенности, подобрать хорошій составъ преподавателей, преподавательницъ и воспитательницъ и воодушевить его ревностью къ общему дѣлу. Отсутствіе формализма, взаимнаго недовѣрія и отчужденности, а напротивъ, задушевное ласковое отношеніе между учащими и учащимися способствуютъ лучшему успѣху ученицъ и воспитываютъ въ нихъ лучшія чувства, которыя остаются въ ихъ душѣ и по выходѣ изъ заведенія.

Школа имѣетъ просторное помѣщеніе, даже при существованіи въ I, II, III и IV классахъ параллельныхъ отдѣленій. Много мѣста отведено также для богатыхъ учебныхъ пособій по всѣмъ наукамъ. Между прочимъ существуетъ собраніе разныхъ моделей и настоящихъ аппаратовъ, необходимыхъ для домашняго хозяйства,—прялокъ, маслобоекъ и т. п., а также новыхъ, полезныхъ для дома изобрѣтеній.

Учебная программа.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ.						Всего часовъ.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Законъ Божій . . .	2	2	2	2	2	2	12
Чешскій языкъ . . .	4	3	3	3	3	3	19
Нѣмецкій языкъ. . .	5	4	4	4	4	4	25
Французскій языкъ .	—	4	4	4	5	5	22
Географія	4	2	1	1	—	—	8
Исторія	—	1	2	2	3	3	11
Математика	3	2	2	2	1	1	11
Естественныя науки .	2	2	1	2	2	2	11
Педагогика.	—	—	—	—	—	2	2
Домоводство	—	—	—	—	2	—	2
Чистописаніе	2	2	—	—	—	—	4
Рисованіе	2	2	3	3	4	4	18
Рукодѣліе	4	4	6	6	6	6	32
Пѣніе.	2	2	2	2	—	—	8
Всего число часовъ .	30	30	30	31	32	32	185

Отъ рисованія, рукодѣлія и пѣнія ученицы могутъ быть освобождены по желанію родителей. За особую плату дѣти могутъ учиться необязательнымъ предметамъ—гимнастикѣ отъ I до IV класса и языкамъ русскому, англійскому и польскому въ V и VI классахъ.

Чешскій языкъ. Въ I и II классахъ грамматика, устныя и письменныя упражненія. Въ III классѣ повтореніе грамматики и краткая

теорія словесности. Въ IV классѣ повтореніе теоріи словесности и особенно теоріи эпоса. Образцы изъ древняго періода чешской литературы. Подробное изученіе Зеленогорской и Краледворской рукописи. Въ V классѣ—поэзія лирическая, драматическая, дидактическая и смѣшанная. Новая литература чешская въ образцахъ. Въ VI классѣ общее обозрѣніе исторіи чешской литературы, избранныя произведенія современной чешской литературы, премущественно тѣ, которыя могутъ доставить плодотворное чтеніе юношеству, а также необходимыя для библіотеки образованной женщины. Біографіи и произведенія чешскихъ писательницъ.

Съ III класса ученицы должны пріучаться къ ясному выразительному чтенію и декламаціи. При письменныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на умѣнье писать письма и вообще на фразеологію, при устныхъ—развить въ дѣвушкахъ способность вести разговоры въ образованномъ обществѣ.

Нѣмецкій языкъ. Уже съ I класса преподаваніе должно вестись на нѣмецкомъ языкѣ. Цѣль обученія—главнымъ образомъ усвоить языкъ практически. Въ VI классѣ краткій очеркъ нѣмецкой литературы.

Французскій языкъ. Кромѣ занятій собственно языкомъ въ V классѣ, ученицы должны познакомиться съ отрывками произведеній важнѣйшихъ писателей XIX вѣка, въ VI классѣ — поэтовъ XVIII и XIX вѣковъ.

Географія. Въ I классѣ основы географіи математической и физической. Географія Чехіи. Во II классѣ географія Азіи Африки и Европы,—постоянно обращается вниманіе на исторію и этнографію. Въ III классѣ географія Америки и Австраліи. Общія понятія изъ космографіи. Въ IV классѣ географія Австро-Венгріи.

Исторія. Во II классѣ — эпизодическій курсъ исторіи Греціи и Рима. Въ III классѣ исторія среднихъ вѣковъ, — преимущественно событія, имѣвшія значеніе для отечественной исторіи. Въ IV классѣ исторія новаго времени, въ V классѣ исторія Чехіи, въ VI классѣ исторія культуры [1]).

---

[1]) Объ этой такъ-называемой „исторіи культуры“ я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Ученицы не имѣютъ никакого учебника и записываютъ для себя то, что разказываетъ преподаватель. Уроки носятъ характеръ скорѣе университетскихъ лекцій, со стороны ученицъ все ограничивается пассивнымъ слушаніемъ. Сомнительно, чтобы матеріалъ ими хорошо усвоивался, особенно, когда

Математика. Кромѣ изученія ариѳметики, со II класса проходятся важнѣйшія положенія геометріи. Въ IV классѣ учетъ векселей въ примѣненіи къ потребностямъ домашняго хозяйства и небольшихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Въ V и VI классахъ—общее повтореніе. Вездѣ особенно требуются упражненія ученицъ въ счетѣ въ умѣ.

Естественныя науки. Проходятся отдѣльные вопросы, преимущественно имѣющіе значеніе для обыденной жизни и хозяйства,— изъ зоологіи, ботаники, минералогіи, анатоміи, физіологіи, гигіены, физики, химіи, геологіи, метеорологіи, астрономіи,—однимъ словомъ, всего по немногу.

Педагогика. Общія понятія, теорія воспитанія, система народнаго образованія въ Австро-Венгріи.

Домоводство. Собраніе всевозможныхъ свѣдѣній, которыя могутъ пригодиться хозяйкѣ. Привожу подробно программу: качества хорошей хозяйки, какъ она должна обращаться съ прислугой и держать себя въ обществѣ. Домъ, его свойства, отопленіе, освѣщеніе. Уходъ за цвѣтами въ комнатахъ и въ саду. Устройство кухни—посуда, разные приборы и аппараты. Физическія и химическія явленія, совершающіяся при приготовленіи кушаній и запасовъ. Производство разныхъ напитковъ, ихъ польза и вредъ для здоровья. Свойства и способъ приготовленія разныхъ тканей и матерій. Чистка матерій, золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Русскій языкъ. Каждый годъ есть извѣстное количество родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти обучались и русскому языку. Преподаваніе его поручено одной чешкѣ г-жѣ Грачекъ, знающей теоретически и практически русскій языкъ и свободно говорящей на немъ. Уроки ведетъ она толково и очень живо. Повидимому, ученицы ея имѣютъ успѣхи, хотя съ разговорною рѣчью имъ не легко справиться—наше ы и твердое л представляютъ для чеховъ, какъ и для другихъ славянъ (кромѣ поляковъ) неодолимыя трудности. Впрочемъ, на торжественномъ актѣ одна изъ ученицъ г-жи Грачекъ мило и до-

---

у нихъ нѣтъ подъ руками никакихъ пособій. Содержаніе лекцій, на сколько я могъ замѣтить, не вполнѣ соотвѣтствуетъ такому названію, какъ „исторія культуры". Это скорѣе исторія образовательныхъ искусствъ, да и тутъ дѣло сводится къ перечисленію именъ художниковъ и описанію ихъ произведеній — больше съ чисто эстетической стороны и довольно сухо.

вольно правильно продекламировала „Колыбельную пѣсню“ Лермонтова [1]).

2) **Городской лицей для дѣвушекъ въ Грацѣ—Städtisches Mädchen-Lyceum.** Красивое мѣстоположеніе, здоровый климатъ, сравнительная дешевизна жизни и въ то же время близость Вѣны [2]) давно уже сдѣлали Грацъ любимымъ мѣстожительствомъ отставныхъ, выслужившихъ пенсію высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ; недаромъ теперь Грацъ въ шутку величаютъ Пенсіонополисъ. Эти заслуженныя лица переселялись въ Грацъ съ своими семействами и въ немъ образовался довольно большой кругъ интеллигентныхъ и зажиточныхъ людей, для дочерей которыхъ не было тамъ подходящихъ училищъ. Естественно, что именно въ Грацѣ раньше другихъ нѣмецкихъ городовъ созрѣла и была приведена въ исполненіе мысль объ организаціи болѣе высокаго учебнаго заведенія для дѣвушекъ. Выработанныя въ Грацѣ основанія и программы, равно какъ и названіе лицея были перенесены и въ другіе нѣмецкіе города, и Грацъ, такимъ образомъ, оказалъ сильное вліяніе на поднятіе женскаго образованія въ Цислейтаніи. Даже и для Транслейтаніи Грацъ послужилъ образцомъ. Когда транслейтанскій министръ народнаго просвѣщенія Трефортъ посѣтилъ Грацъ, кажется, въ 1875 году, онъ подробно ознакомился съ устройствомъ здѣшняго лицея, и затѣмъ основаны были подобныя же высшія школы для дѣвушекъ въ Транслейтаніи.

Въ 1873 году составился въ Грацѣ кружокъ дамъ и мужчинъ изъ высшаго общества, который съ участіемъ профессоровъ университета, директоровъ и преподавателей гимназіи и реальнаго училища выработалъ статутъ и программу предполагаемаго лицея и открылъ подписку для сбора пожертвованій на его основаніе. Въ одинъ годъ собранъ былъ капиталъ въ 24.000 гульденовъ и уже осенью 1873 года былъ открытъ I-й классъ лицея. Съ 1878—1879 года лицей заключаетъ въ себѣ шесть классовъ.

Общественное положеніе того класса людей, благодаря которымъ

---

[1]) Та же г-жа Грачекъ даетъ уроки русскаго языка въ курсахъ, открытыхъ чешскимъ Обществомъ женскаго труда. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ концѣ учебнаго года давались дѣтьми небольшія сценки на русскомъ и французскомъ языкѣ. Ученицы г-жи Грачекъ твердо знали свои роли, свободно и вообще правильно ихъ произносили, и этотъ домашній спектакль произвелъ на насъ присутствовавшихъ очень пріятное впечатлѣніе.

[2]) Шесть часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ черезъ знаменитый живописный перевалъ у Земмеринга.

возникъ лицей, отразилось ясно на его програмахъ. Лицей — въ противоположность пражскому—назначенъ совсѣмъ не для тѣхъ женщинъ, которыя должны впослѣдствіи преимущественно посвятить себя семьѣ, хозяйству или же добывать средства жизни преподаваніемъ. Какъ сказано въ статутѣ лицея, онъ долженъ дать только общее образованіе, развить всесторонне и дополнить тѣ свѣдѣнія, которыя дѣвушки пріобрѣли въ низшей школѣ или дома, и, такимъ образомъ, подготовить просвѣщенныхъ членовъ общества. Сообразно съ этимъ рукодѣлье, напримѣръ, вначалѣ было совершенно исключено изъ предметовъ обученія, „какъ отнимающее время и нарушающее строгую систему общаго образованія", впослѣдствіи же принято, какъ необязательный предметъ. Сообразно съ этимъ при преподаваніи иностранныхъ языковъ имѣется въ виду не научить дѣвушекъ говорить на нихъ, а, съ одной стороны, развить при изученіи ихъ грамматики мыслительныя способности ученицъ, съ другой — дать возможность самостоятельно ознакомиться съ богатыми иностранными литературами. Педагогика совсѣмъ не проходится. Единственный предметъ болѣе близкій къ практической жизни введенъ въ програму лицея—это домоводство.

Еслибы родители пожелали, чтобы ихъ дочери пріобрѣли практическія свѣдѣнія въ хозяйствѣ, рукодѣльи, языкахъ или музыкѣ, они должны достичь этого домашнимъ обученіемъ. Чтобы облегчить имъ это, каждый день уроки бываютъ только отъ восьми часовъ утра до двѣнадцати. Такимъ образомъ кромѣ утра остальной день дѣти проводятъ дома, и ихъ время въ полномъ распоряженіи родителей.

Лицей состоитъ изъ шести классовъ, въ него поступаютъ дѣвочки десяти лѣтъ по пріемному экзамену изъ курса первыхъ четырехъ лѣтъ народнаго училища. Содержится лицей на средства города, пожертвованія частныхъ лицъ, субсидіи отъ земскаго сейма и платы за учащихся 60 гульденовъ въ годъ.

Нѣтъ нужды говорить, что лицей отлично снабженъ учебными пособіями. Особенно оригинальны пособія по географіи. Кромѣ картъ и атласовъ, лицей имѣетъ множество фотографій, какъ для нагляднаго ознакомленія съ изучаемыми мѣстностями, такъ и для того, чтобы дать ясное понятіе о разныхъ формахъ земной поверхности. Многія фотографіи сдѣланы очень отчетливо самимъ преподавателемъ исторіи и географіи Вольхеромъ. Маленькія фотографическія карточки расположены систематически въ мѣстной послѣдовательности на большихъ листахъ, такъ что учащіяся могутъ прослѣдить, напримѣръ, всѣ виды ледника отъ вершины горы къ ея подножію или

постепенныя видоизмѣненія извѣстной долины. Другія фотографіи примѣнены къ стереоскопу. Особенно хороши и поучительны разныя подробности образованія ледниковъ и формы горъ.

Благодаря хорошей репутаціи лицея, въ него поступали не только дочери лицъ, живущихъ въ Грацѣ и Штиріи, но и въ другихъ частяхъ Австро-Венгріи, а также были ученицы и изъ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Сербіи и Болгаріи,—большею частью, конечно, нѣмцы [1]).

Въ 1888—1889 году ученицъ всего было 201.

Хорошему впечатлѣнію, которое производитъ лицей, весьма вредитъ, къ сожалѣнію, его внѣшняя обстановка. Лицей помѣщается въ узкой улицѣ въ частномъ домѣ, два нижнихъ этажа котораго заняты другими жильцами, магазинами, и чуть ли не небольшимъ ресторапомъ. Рекреаціонная зала, комнаты для коллекцій, физическаго и химическаго кабинета и отчасти классовъ довольно тѣсны, съ дурно выкрашенными стѣнами и плохими полами. Особенно неприглядна гимнастическая зала. Для нея отведенъ большой, но полутемный подвалъ, и весь онъ долженъ согрѣваться маленькой печкой. Я думаю, что врядъ ли это можетъ хорошо отзываться на здоровьи дѣтей. Расчитываютъ, впрочемъ, года черезъ четыре или пять собрать достаточно средствъ на постройку для лицея собственнаго дома.

Учебная программа лицея.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ. I	II	III	IV	V	VI	Всего часовъ.
Законъ Божій	2	2	2	—	—	—	6
Нѣмецкій языкъ	4	3	4	4	4	4	23
Французскій языкъ	4	4	4	3	3	3	21
Англійскій языкъ.	—	—	—	3	4	4	11
Географія	2	2	2	2	2	1	11
Исторія	—	2	3	3	2	2	12
Математика	3	3	2	3	2	2	15
Естественныя науки	2	2	3	4	5	5	21
Домоводство	—	—	—	—	—	1	1
Рисованіе	3	2	2	2	2	2	13
Пѣніе	2	2	—	—	—	—	4
Гимнастика	2	2	2	—	—	—	6
Англійскій языкъ	—	—	—	3	4	4	11
Всего число часовъ . .	24	24	24	24	24	24	144

[1]) Въ 1887—1888 году училась Людовика Клеркъ, дочь шотландскаго пастора изъ Одессы, а въ 1876—1877 и 1877—1878 Софія Тетеревятникова, дочь статскаго совѣтника изъ С.-Петербурга.

Нѣмецкій языкъ. Теоретическое и практическое его изученіе. Кромѣ того въ IV классѣ важнѣйшія формы прозаическихъ и поэтическихъ произведеній. Исторія литературы до Реформаціи—особенно народный эпосъ и произведенія Вальтера Фогельвейде. Въ V классѣ исторія литературы съ XVI вѣка до Гете (исключительно). Въ VI классѣ исторія литературы съ Гердера до смерти Гете. Обозрѣніе новѣйшей литературы и особенно австрійскихъ поэтовъ. Исторія драмы.

Французскій и англійскій языки. Теоретическое и практическое ихъ изученіе.

Географія. Въ особенную заслугу Грацкаго лицея ставится то, что въ немъ впервые географія заняла самостоятельное положеніе, а не только, какъ второстепенный вспомогательный придатокъ для изученія исторіи. И въ настоящее время въ Грацкомъ лицеѣ предметъ этотъ очень хорошо обставленъ. Въ I классѣ проходятся основныя понятія географіи. Во II классѣ краткая географія средней Европы и особенно Австро-Венгріи. Въ III классѣ географія Европы. Въ IV классѣ географія Европы (продолженіе), Африки и Азіи. Въ V классѣ географія Америки и Австраліи. Подробное изученіе австрійскаго приморья и альпійскихъ странъ. Въ VI классѣ географія Австро-Венгріи. Обзоръ математической и физической географіи и ихъ отношенія къ политической.

Исторія. Во II классѣ — древняя исторія Востока и Греціи. Въ III классѣ древняя исторія Рима. Средніе вѣка до 1024 года,—особенно событія, важныя для исторіи Австро-Венгріи. Въ IV—средніе вѣка съ 1024 до 1492 года и новое время до 1618 года. Въ V классѣ новое время съ 1618 до 1815 года. Въ VI классѣ исторія Австро-Венгріи съ 1700 до 1871 года, въ связи съ новѣйшею исторіей остальной Европы.

Математика. Кромѣ ариѳметики, съ II до V класса проходятся важнѣйшія теоремы изъ геометріи. Въ IV и V классахъ—алгебра, кончая уравненіями 1-й степени съ одной и многими неизвѣстными. Въ VI классѣ общее повтореніе и дополненіе.

Естественныя науки. Зоологія, ботаника, метеорологія, геологія, физика, химія, антропологія, гигіена.

Домоводство. Кругъ дѣйствія хозяйки, ея нравственныя свойства и общественное положеніе. Порядокъ. Чистота. Бережливость. Приходы и расходы. Прежнія и современныя формы жилищъ. Воздухъ, вода, вентиляція. Выборъ и распредѣленіе комнатъ. Теорія и практика отопленія. Ткани и способъ ихъ приготовленія.

3) Лицей Общества женскаго труда въ Вѣнѣ—Mädchen-Lyceum des Wiener Frauen-Erwerb-Vereins. Лицей основанъ вѣнскимъ Обществомъ развитія женскаго труда, занимающимъ почетное мѣсто среди другихъ многочисленныхъ австрійскихъ обществъ, стремящихся къ той же цѣли [1]). Считаю нелишнимъ сообщить кое-что о дѣятельности этого полезнаго Общества, заимствуя данныя изъ его отчета за 1888—89 годъ.

Общество имѣетъ около 900 дѣйствительныхъ членовъ съ ежегоднымъ членскимъ взносомъ не менѣе 3 гульденовъ и около 150 вспомогательныхъ членовъ съ неопредѣленною цифрой взноса. На эти членскіе взносы, субсидіи отъ правительства, земскаго сейма и города, а также на многочисленныя одновременныя пожертвованія, Общество выстроило собственный домъ, содержитъ много школъ и образовало значительный основной капиталъ, составляющій вмѣстѣ съ стоимостью дома сумму въ 216.683 гульд. 50 кр. Годовой расходъ въ 1888—89 году былъ въ 90.000 гульд.

Главная цѣль Общества—дать женщинамъ возможность подготовить себя къ той или другой отрасли практической дѣятельности. Для этого Обществомъ основано много разнообразныхъ профессіональныхъ школъ и курсовъ, большая часть которыхъ помѣщается въ собственномъ домѣ Общества: торговая школа (120 учениць), школы шитья (459 учениць), разнаго рода рукодѣлья, вязанья, рисованія, живописи на фарфорѣ и шелкѣ, курсы стенографіи, языковъ французскаго, англійскаго и итальянскаго и мн. др. Всего въ 1888—89 году посѣщали эти школы и курсы 1362 ученицы, многія безплатно. Затѣмъ Обществомъ устраиваются больницы, пенсіонныя кассы для учительницъ и вообще трудящихся женщинъ и т. п. Изданіемъ брошюръ, чтеніемъ рефератовъ Общество старается разсѣять предразсудки противъ женскаго образованія и женскаго труда.

Кромѣ того, съ цѣлью пополненія общаго образованія женщинъ, Общество приглашало профессоровъ и преподавателей для чтенія ряда публичныхъ лекцій, такъ-называемаго Winter-Curse, предметъ которыхъ мѣнялся каждый годъ. Такъ, между прочимъ, читались въ разное время слѣдующіе курсы: Исторія искусства въ древнее время и въ средніе вѣка. Возрожденіе въ Италіи. Исторія культуры во

---

[1]) Въ Прагѣ существуетъ подобное чешское Общество (ženský výrobní spolek český), правда съ большимъ числомъ членовъ (около 2000), но съ меньшими средствами; по отчету за 1888 годъ капиталъ его былъ около 33000 гульд.).

Франціи. Литературы древняго Востока. Исторія французской литературы. Нѣмецкое искусство въ XVIII и XIX вв. Искусство во Франціи съ половины XVIII вѣка. Исторія музыки и др.

Наконецъ, Обществомъ была основана въ 1871 году четырехклассная общеобразовательная школа для дѣвушекъ—Höhere Bildungsschule für Mädchen. Впослѣдствіи, съ 1877 года, рѣшено измѣнить ея программу; къ 1882 году это измѣненіе было завершено, и теперь въ общемъ программа вѣнской школы сходна съ грацкой. Въ 1888 году прежнее названіе школы было измѣнено на лицей—по примѣру лицеевъ грацкаго и пражскаго.

Въ настоящее время лицей состоитъ изъ 6 классовъ. Въ 1-й классъ принимаются дѣвочки 10 лѣтъ по пріемному экзамену изъ языка и 4-хъ правилъ ариѳметики. Въ 1888—9 году всего было 248 ученицъ—дочерей купцовъ, фабрикантовъ, чиновниковъ, военныхъ,—слѣдовательно, изъ зажиточнаго класса.

О характерѣ образованія, даваемаго этимъ лицеемъ, я не буду распространяться, въ виду сходства его съ грацкимъ лицеемъ. На учебныя пособія обращено также большое вниманіе, хотя въ этомъ отношеніи вѣнскій лицей далеко уступаетъ грацкому. Содержится лицей на средства Общества женскаго труда, субсидіи отъ правительства и города и на плату за ученье (90 гульденовъ въ годъ).

Лицей помѣщается въ собственномъ домѣ Общества, гдѣ имѣетъ мало простора. Для гимнастики (необязательнаго, впрочемъ, предмета) ученицы должны ходить въ другой домъ. Рекреаціонной залы также нѣтъ.

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ЛИЦЕЯ.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ.						Всего число часовъ.
	I	II	III	IV	V	VI	
Законъ Божій	2	2	2	2	—	·	8
Нѣмецкій языкъ	5	4	4	3	4	4	24
Французскій языкъ	5	5	5	3	4	4	26
Англійскій языкъ	—	—	—	3	4	4	11
Географія	3	2	2	2	—	—	9
Исторія	—	2	2	2	3	3	12
Математика	3	3	3	3	3	3	18
Естественныя науки	—	3	4	4	4	3	18
Рисованіе	4	4	4	4	4	4	24
Чистописаніе	2	1	—	—	—	—	3
Всего число часовъ	24	26	26	26	26	25	153

Нѣмецкій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ IV классѣ при чтеніи отрывковъ поэтическихъ произведеній сообщаются главныя даты изъ жизни авторовъ. Въ V классѣ теорія словесности и краткія біографіи нѣмецкихъ классиковъ. Въ VI классѣ отрывки старонѣмецкой поэзіи въ переводахъ. Обозрѣніе главныхъ періодовъ исторіи нѣмецкой литературы: до Клопштока въ важнѣйшихъ датахъ и именахъ, послѣ него—въ болѣе подробныхъ біографіяхъ.

Французскій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ V классѣ краткія литературно-историческія замѣтки о выдающихся писателяхъ. Въ VI классѣ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на умѣнье писать письма.

Географія. Въ I классѣ начальныя понятія географіи и этнографіи. Во II классѣ географія южныхъ полуострововъ Европы, географія Африки (особенно сѣверной) и Азіи (особенно западной и преимущественно Палестины)—примѣнительно къ курсу исторіи. Въ III классѣ географія Австро-Венгріи и Германіи. Въ IV классѣ географія остальной Европы, Америки и Австріи.

Исторія. Во II классѣ древняя исторія Востока и Греціи—курсъ эпизодическій. Въ III классѣ древняя исторія Рима. Систематическое повтореніе и дополненіе древней исторіи. Въ IV классѣ средніе вѣка до 1273 года—особенно событія, имѣвшія значеніе для Австріи. Въ V классѣ средніе вѣка и новое время до 1740 года. Въ VI классѣ окончаніе исторіи новаго времени: подробно до 1815 года, въ краткомъ обзорѣ—до настоящаго времени. Обозрѣніе исторіи Австро-Венгріи до настоящаго времени и основы ея современнаго государственнаго устройства.

Математика. Кромѣ ариѳметики, со II класса изучаются важнѣйшія теоремы геометріи, съ III класса алгебра (4 алгебраическія дѣйствія, уравненія 1-й степени, возвышеніе въ кубъ и квадратъ, извлеченіе корней. Уравненія 2-й степени съ одной неизвѣстной. Прогрессіи. Сложные проценты).

Естественныя науки. Зоологія, ботаника, минералогія, геологія, антропологія, гигіена, физика, химія, физическая географія.

4) **Нѣмецкій лицей въ Прагѣ** основанъ въ 1874 году нѣмецкимъ обществомъ Verein zur Erhaltung und Förderung des deutschen Mädchen-Lyceums и имѣлъ въ 1886—7 году 247 учениць. Состоитъ онъ изъ 6 классовъ; устройство и программа въ

общихъ чертахъ одинаковы съ лицеями въ Грацѣ и Вѣнѣ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ у меня не было [1]).

5) Частный лицей г-жи Ейтелесъ. Изъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ частными лицами, этотъ лицей болѣе всего подходитъ по своему типу и высотѣ даваемаго образованія къ уже перечисленнымъ нами лицеямъ. Онъ былъ основанъ г-жей Ейтелесъ въ 1870 году подъ именемъ частной Volks- und Bürgerschule. Впослѣдствіи программа была увеличена сообразно съ вѣнскимъ и грацкимъ лицеями, а въ 1888 году министерство утвердило и перемѣну названія.

Лицей назначенъ для дѣвушекъ изъ богатыхъ семействъ и плата за ученье весьма высока: въ приготовительномъ классѣ 140 гульденовъ въ годъ, въ I и II классахъ лицея—160, въ III классѣ—180, въ IV, V и VI классахъ—220 гульденовъ. Пансіонерки платятъ 900 гульденовъ. Всего ученицъ въ нынѣшнемъ году 153—число, конечно, очень большое для частнаго заведенія. Изъ нихъ—15 пансіонерокъ.

Поступаютъ по пріемному экзамену, причемъ требуется начальное знаніе французскаго языка, которое въ большей или меньшей степени богатые люди уже съ дѣтства даютъ своимъ дочерямъ. И въ лицеѣ на первый планъ выдвинуты языки и также эстетическое образованіе.

Состоитъ заведеніе изъ приготовительнаго класса и шестиклассsucc наго лицея. Для окончившихъ курсъ лицея, а также для постороннихъ слушательницъ устроены при лицеѣ особые курсы по французскому и англійскому языкамъ, исторіи нѣмецкой литературы, исторіи искусствъ, рисованію и рукодѣлью. Годовая плата за слушаніе всѣхъ курсовъ 140 гульденовъ, по отдѣльнымъ предметамъ отъ 15 до 40 гульденовъ.

Съ внѣшней стороны лицей обставленъ очень хорошо. Онъ занимаетъ цѣлый этажъ—болѣе 20 комнатъ. Классы, залы, спальни пансіонерокъ и все вообще чисто и въ прекрасномъ порядкѣ. Начальницей заведены также небольшая, но хорошо составленная библіотека, коллекціи для естественной исторіи, приборы для физики и химіи,—конечно, это все въ миніатюрѣ, но постоянно пополняется.

---

[1]) Въ Транслейтаніи само правительство приняло на себя устройство *высшихъ школъ для дѣвушекъ (Höhere Staatsmädchenschulen)* по образцу грацкаго лицея, конечно, mutatis mutandis. Первая школа была основана въ Будапештѣ въ 1875 году. Въ 1886 году существовало еще 7 такихъ школъ: въ Тренчинѣ, Мармарошскомъ Сигетѣ, Новомъ Зволенѣ (Neusohl), Левочѣ (Leutschau), Эденбургѣ, Пресбургѣ и Темешварѣ. Всего училось въ 1886—7 году въ этихъ школахъ 850 дѣвушекъ. Содержаніе школъ стоило правительству 158.497 гульденовъ въ годъ.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы и число часовъ. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Всего число часовъ.
Законъ Божій [1]	—	—	—	—	—	—	—
Нѣмецкій языкъ	5	5	5	4	4	4	27
Французскій языкъ	4	4	4	4	3	4	23
Англійскій языкъ	—	—	—	3	4	4	11
Географія	3	2	2	2	2	—	11
Исторія	—	2	2	2	2	1	9 [2]
Математика	4	3	3	3	3	2	18
Естественныя науки	2	2	4	4	6	—	18
Общее землевѣдѣніе	—	—	—	—	—	2	2
Рисованіе	2	2	2	2	2	2	12
Чистописаніе	2	2	1	—	—	—	5
Рукодѣлье	3	3	3	3	3	3	18
Гимнастика	2	2	2	--	—	—	6
Всего число часовъ	27	27	28	27	29	22	160

Нѣмецкій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ III и IV классѣ теорія словесности. Въ IV кл. обзоръ исторіи литературы до Опица,—особенное вниманіе на народный эпосъ. Въ V кл. ученіе о драмѣ. Обзоръ исторіи литературы до Гете (исключительно). Въ VI кл. Гете, Шиллеръ и новѣйшая литература,—особенно австрійскіе поэты.

Французскій языкъ. Кромѣ изученія языка, въ V кл. при чтеніи образцовъ сообщаются краткія біографическія данныя объ авторахъ. Въ VI кл. характеристика главныхъ періодовъ французской литературы.

Географія. Въ I кл. основныя понятія географіи. Во II кл. географія Азіи, Африки и южной Европы. Въ III кл. географія остальной Европы, особенно Австро-Венгріи и Германіи. Въ IV кл. географія Америки и Австраліи. Общее повтореніе. Въ V кл. географія и статистика Австро-Венгріи, ея государственное устройство.

Исторія [3]. Во II кл. древняя исторія Востока и Греціи. Въ

---

[1]) Число часовъ зависитъ отъ соглашенія родителей съ законоучителями разныхъ вѣроисповѣданій.

[2]) Къ этому надо еще прибавить 3 часа исторіи искусствъ, которая распредѣлена на два года—на VI кл. и на дополнительный курсъ.

[3]) Какъ весьма полезное дополненіе къ курсу исторіи является исторія искусствъ. Читаетъ ее кустосъ придворной библіотеки г. Хмеларжъ, который, благодаря своему офиціальному положенію, имѣетъ возможность приносить въ классъ всѣ необходимые фотографическіе снимки и гравюры. Говоритъ г. Хмеларжъ просто и серьезно и разсматриваетъ исторію искусствъ постоянно въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Его лекціи представляютъ большой интересъ и весьма поучительны.

III кл. древняя исторія Рима и средніе вѣка до 1273 г. Въ IV кл. исторія Европы съ 1273 до 1648 г. Въ V кл. исторія Европы съ 1648 до 1815 г. Обзоръ важнѣйшихъ событій въ Европѣ съ 1815 г. до настоящаго времени. Въ VI кл. исторія Австро-Венгріи [1]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ мною женскихъ среднеучебныхъ заведеній, существуютъ въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ разныя частныя общеобразовательныя школы, какъ открытыя, такъ и закрытыя [2]); а также такъ-называемое Fortbildungscurse. Всѣ онѣ — на сколько я слышалъ — и по количеству учащихся и по программамъ стоятъ значительно ниже лицеевъ, и въ отчетахъ и статистическихъ обозрѣніяхъ отнесены къ разряду Volks-und Bürgerschule. Въ Вѣнѣ лучшими изъ такихъ заведеній считаются: г-жи Гунешъ восьмиклассная Volks-und Bürgerschule und Fortbildungscurse и г-жи Ганаусекъ тоже восьмиклассная Mädchen Lehr-und Erziehungs Anstalt съ тремя Fortbildungsclassen.

Упомяну еще о двухъ вполнѣ закрытыхъ пансіонахъ, которые содержатся монахинями и назначены для дочерей аристократическихъ фамилій. Какъ мнѣ разказывали, воспитанницы въ нихъ совершенно отдѣлены отъ внѣшняго міра, раньше окончанія курса никуда не выѣзжаютъ изъ пансіона и не отпускаются домой даже на лѣтнія каникулы. Кромѣ духовныхъ лицъ, ни одинъ мужчина не имѣетъ туда доступа. Исключенія не дѣлается и для учебныхъ властей.

Главное вниманіе обращено на религіозно-нравственное воспитаніе, иностранные языки и изящныя манеры. Это именно Lehr-und Erziehungs-Anstalt сестеръ святаго сердца Іисусова (Frauen vom Heiligsten Herzen Jesu) и Lehr-und Erziehungs-Anstalt für die weibliche Iugend höherer Stände — монахинь Салезіанокъ.

---

[1]) Въ будущемъ учебномъ году однимъ женскимъ обществомъ Verein für Beamten-Töchter-Heim предположено основать въ Вѣнѣ новый типъ трехклассной общеобразовательной школы, которая по своей программѣ примыкала бы непосредственно къ общественнымъ городскимъ училищамъ. Въ настоящее время изъ городскихъ училищъ весьма трудно поступить въ III или IV кл. лицея, благодаря большой разницѣ въ программахъ, и такимъ образомъ дѣвушки, кончившія курсъ въ городскихъ училищахъ, лишены возможности продолжать свое образованіе. Новыя трехклассныя школы будутъ отвѣчать потребности значительной части населенія.

[2]) Въ большей части послѣднихъ болѣе всего обращается вниманіе на иностранные языки.

Изъ предшествующаго очерка видно, что женское общее образованіе въ Австріи во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже нашего. Высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ родѣ педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсовъ нѣтъ. Среднеучебныя женскія заведенія, соотвѣтствующія до нѣкоторой степени нашимъ гимназіямъ и институтамъ, основаны сравнительно недавно въ очень ограниченномъ количествѣ и имѣютъ характеръ частныхъ школъ съ ихъ невыгодными сторонами. Наконецъ, по своему направленію и программамъ они предназначены для болѣе богатой части среднихъ интеллигентныхъ классовъ (кромѣ чешской школы). О постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла я буду говорить ниже.

II. Попытки расширить кругъ дѣятельности женщинъ и доставить имъ высшее образованіе.

Стремленіе къ полной равноправности женщинъ въ области общественной и политической жизни, такъ-называемое эмансипаціонное стремленіе до сихъ поръ довольно слабо представлено въ Австріи. Причины этого лежатъ съ одной стороны въ извѣстныхъ традиціяхъ нѣмецкаго общества, по которымъ женщина всегда считалась предназначенною для семейной жизни, для домашней дѣятельности,—даже и здѣсь не столько въ роли матери и воспитательницы, сколько въ роли экономной и заботливой хозяйки.

Практичные нѣмцы не охотно ломаютъ уже установившіеся порядки въ угоду новымъ теоретическимъ построеніямъ.

Съ другой стороны, общественныя привычки, особенно въ большихъ городахъ, такъ сложились, что женщины до извѣстной степени оттѣснены на второй планъ. Большинство мужчинъ средняго интеллигентнаго класса свое свободное время проводитъ преимущественно внѣ дома, въ ресторанахъ и кофейняхъ, за газетами, кружкой пива или чашкой кофе. Тамъ назначаются дѣловыя свиданія, тамъ встрѣчаются съ знакомыми, туда часто ведутъ навѣстившихъ гостей, чтобы не безпокоиться съ закуской или ужиномъ для нихъ. Женщины же сидятъ дома однѣ, или посѣщаютъ своихъ подругъ. Естественно, что такой образъ жизни и понижаетъ уровень развитія женщинъ и ослабляетъ у мущинъ интересъ къ ихъ положенію.

Что касается славянъ Австріи, то не только на нихъ и въ этомъ отношеніи отразилось нѣмецкое вліяніе, но къ нему присоединились нѣкоторыя особенныя причины, не благопріятствовавшія развитію

женскаго вопроса. Прежде всего — малая обезпеченность національной славянской интеллигенціи, благодаря чему нельзя было тратить на женское образованіе средствъ, которыхъ съ трудомъ достаетъ на подростающее поколѣніе мужчинъ.

И мы видимъ, что болѣе всего заботятся о женскомъ образованіи чехи, лучше другихъ австрійскихъ славянъ экономически поставленные. Затѣмъ, при борьбѣ за народность, была нужна не помощь женщины на общественной аренѣ, а именно ея незамѣтная, скромная дѣятельность въ семьѣ, какъ просвѣщенной матери патріотки, которая бы съ младенчества прививала дѣтямъ любовь къ своему языку и народу.

Тѣмъ не менѣе, особенно въ послѣдніе годы, эмансипаціонное стремленіе среди интеллигентныхъ классовъ Австріи постепенно развивается, хотя оно далеко не имѣетъ за собою большинства. На его возникновеніе и усиленіе оказали вліяніе главнымъ образомъ подобное же движеніе въ Германіи и примѣръ Швейцаріи.

Нѣкоторыя особенности этого эмансипаціоннаго движенія налагаютъ на него ту-же печать жизненной практичности, которою отличается вообще нѣмецкая національность. Женскій вопросъ основывается не на общихъ теоретическихъ разсужденіяхъ о полномъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ равенствѣ и тождествѣ мужчины и женщины, изъ которыхъ логически вытекаетъ равноправность ихъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности; выдвигаются на первый планъ не жалобы на несправедливость современнаго общественнаго строя, созданнаго на рабствѣ женщинъ, на унизительность для женщины быть матерью и хозяйкой и т. п. [1]).

Вопросъ ставится защитниками эмансипаціи на чисто практическую почву: Конечно, мы согласны, что главное назначеніе и высокое призваніе женщины быть подругой мужа, охранительницей домашняго благосостоянія, матерью и воспитательницею дѣтей. Но что же будутъ дѣлать дѣвушки, которыя не могли почему бы то ни было выйдти замужъ,—а такихъ у насъ въ Австріи весьма большое число, доходящее до 40% всѣхъ женщинъ изъ среднихъ классовъ? [2]).

---

[1]) Хотя конечно въ меньшинствѣ такія мнѣнія и высказываются.

[2]) Дѣйствительно, въ большихъ городахъ Австріи много мужчинъ или совсѣмъ не женятся или женятся поздно, часто по расчету. Привычка жить смолоду по ресторанамъ, дороговизна содержанія семьи, нежеланіе себѣ навязывать лишнія хлопоты и пр.—все это здѣсь весьма уменьшаетъ количество браковъ.

Куда имъ дѣваться, если родители не богаты или не оставили богатаго наслѣдства? Необходимо, слѣдовательно, дать имъ право и возможность самимъ зарабатывать кусокъ хлѣба, а такъ какъ не извѣстно, какова будетъ впослѣдствіи судьба ребенка, то надо всѣмъ дѣвушкамъ давать такую подготовку, которой бы онѣ могли при случаѣ воспользоваться.

Между тѣмъ, сравнительно съ другими европейскими государствами, кругъ женскаго труда въ Австро-Венгріи значительно уже: кромѣ занятія ручными работами, онѣ могутъ быть повивальными бабками, конторщицами, продавщицами, служащими при почтахъ и телеграфахъ, учительницами музыки, языковъ, рукодѣлья и также обязательныхъ предметовъ въ городскихъ и народныхъ училищахъ [1]),— вотъ, кажется, и все. При этомъ, конечно, вездѣ—громадная конкурренція.

Поборники и поборницы женскаго вопроса расчитываютъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ: прежде всего открыть для женщинъ новыя отрасли труда, чтобы онѣ могли быть, напримѣръ, наборщицами, часовщицами, помощницами при аптекахъ и т. п.; для этой цѣли предполагается основать новыя профессіональныя школы; затѣмъ — добиться равныхъ съ мущинами правъ въ качествѣ врачей [2]), фельдшерицъ, аптекарей и учительницъ во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ, а если удастся, то и въ мужскихъ. Чтобы имѣть равныя права, нужно имѣть равное образованіе, поэтому они настаиваютъ на допущеніи женщинъ въ высшія учебныя заведенія, именно на факультеты философскій и медицинскій, съ тѣмъ, чтобы окончившимъ въ нихъ успѣшно курсъ и сдавшимъ необходимые экзамены были предоставлены одинаковыя права со студентами [3]).

---

[1]) Хотя по закону женщины могутъ учить и въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, но обыкновенно ихъ туда не назначаютъ. Въ Вѣнѣ это чуть ли не единственный примѣръ, что женщина преподаетъ исторію и географію въ правительственной женской учительской семинаріи.

[2]) Въ настоящее время женщины; получившія дипломъ доктора медицины внѣ Австріи, не имѣютъ права практиковать въ послѣдней. Лишь въ нынѣшнемъ апрѣлѣ императоръ, въ видѣ личной милости, разрѣшилъ практику г-жѣ Киршбаумъ, доктору медицины, родомъ изъ Россіи, но вышедшей замужъ за австрійскаго врача. Затѣмъ мнѣ говорили, что въ Пештѣ открыто лечитъ какая-то мадьярская графиня, также имѣющая заграничный дипломъ.

[3]) И теперь женщины могутъ посѣщать университетскія лекціи, но это зависитъ лишь отъ личной любезности профессора и не даетъ имъ никакихъ правъ.

Такъ какъ поступить въ университетъ могутъ только тѣ лица, которыя имѣютъ аттестатъ зрѣлости изъ классическихъ гимназій, то чтобы дать возможность дѣвушкамъ подготовиться къ экзамену зрѣлости, защитники женской эмансипаціи желаютъ также, чтобы правительство основало по образцу мужскихъ и женскія классическія гимназіи. Въ то же время они сами собираютъ средства, необходимыя для содержанія такой частной гимназіи.

Въ Прагѣ главную роль въ этомъ движеніи играетъ уже упомянутое мною чешское Общество женскаго труда. Въ Вѣнѣ въ іюнѣ 1888 года составилось изъ женщинъ и мужчинъ (отчасти изъ высшихъ классовъ) Общество для расширенія женскаго образованія—Verein für erweiterte Frauenbildung. Въ октябрѣ 1889 года оно имѣло 211 членовъ, но денежные сборы идутъ не особенно блестяще, и въ одинъ годъ общество составило капиталъ только въ 2000 гульд.

Большинство вѣнской прессы печатаетъ охотно отчеты о засѣданіяхъ и рефераты этого общества, относится къ нему довольно благосклонно, но само не выступаетъ прямо въ защиту этого направленія. Правительство держится совершенно въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что основаніе гимназіи и вопросъ о ея правахъ—дѣло не особенно близкаго будущаго. Члены общества для расширенія женскаго образованія говорили, впрочемъ, мнѣ, что, если имъ удастся основать женскую гимназію, правительство будто бы охотно назначитъ ей субсидію.

Общество чешскихъ женщинъ недавно подало въ парламентъ петицію о разрѣшеніи женщинамъ поступать въ университетъ на философскій и медицинскій факультеты на одинаковыхъ основаніяхъ со студентами и объ открытіи женскихъ гимназій. До сихъ поръ не было еще по ея поводу дебатовъ и, каковъ будетъ ихъ исходъ, неизвѣстно. Вѣнское Общество собирается въ ближайшемъ времени подать такое же прошеніе отъ себя.

Существуютъ и другія женскія общества, сочувствующія дѣятельности этихъ двухъ, хотя и не выступающія столь рѣшительно. Таковы въ Вѣнѣ: Hausfrauen-Verein, Verein für provisorische Lehrerinnen, Verein der Lehrerinnen und Erzieherinnen, Verein der Schriftstellerinnen und Künstlehrerinnen, Verein der Musiklehrerinnen и отчасти Verein für Beamten-Töchter-Heim.

IV. Постановка учебнаго дѣла и преподаванія.

Посѣщая женскія учебныя заведенія въ Австріи, я обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на преподаваніе въ нихъ исторіи, но по возможности присутствовалъ также на урокахъ другихъ предметовъ, приглядывался вообще къ постановкѣ учебнаго дѣла и старался выяснить интересовавшіе меня вопросы, обращаясь къ компетентнымъ лицамъ и къ разнымъ статьямъ и брошюрамъ [1]). Не предполагая представить всесторонняго обозрѣнія педагогической системы и методовъ обученія, я ограничусь изложеніемъ нѣкоторыхъ моихъ наблюденій, сообщая по возможности объективно то, что я видѣлъ и слышалъ, и избѣгая рѣшительнаго сужденія по менѣе мнѣ знакомымъ педагогическимъ вопросамъ.

Учебныя пособія. Въ то время, какъ внѣшняя обстановка школъ весьма проста и даже бѣдна, на учебныя пособія обращается вездѣ особенное вниманіе. Библіотеки, карты, атласы, картины для естественныхъ наукъ, исторіи и географіи, фотографіи, гравюры, слѣпки, модели и картины для рисованія, коллекціи по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, домоводству, аппараты и матеріалы для химическихъ и физическихъ опытовъ,—на все это не жалѣютъ труда и денегъ. Учители, ученицы и ихъ родители также очень интересуются этимъ и по возможности сами содѣйствуютъ обогащенію своего заведенія разными пособіями. Лучше всего ими обставлены институтъ для дочерей военныхъ, лицей въ Грацѣ и чешская школа въ Прагѣ. И такое направленіе не есть только дѣло единичныхъ частныхъ лицъ. Въ министерскихъ распоряженіяхъ и инструкціяхъ для мужскихъ среднеучебныхъ заведеній и для учительскихъ семинарій особенно настоятельно выдвигается необходимость снабженія школъ библіотеками и коллекціями. Ученики и ученицы учительскихъ семинарій обязаны практиковаться въ умѣньи самимъ приготовлять подобныя пособія для народныхъ и городскихъ училищъ.

Видно такимъ образомъ, что сознаніе необходимости нагляднаго обученія для всѣхъ, не только низшихъ, школъ вошло прочно въ сознаніе общества и педагогическихъ сферъ. И въ этомъ, конечно, состоитъ самая важная, плодотворная и симпатичная сторона здѣшней учебной системы.

---

[1]) Хотя о женскомъ образованіи весьма мало что можно найдти въ австрійской печати.

Распредѣленіе времени занятій. Учебный годъ начинается обыкновенно около 1-го сентября и оканчивается въ послѣднихъ числахъ іюня.

Раздѣляется онъ на два семестра—зимній и лѣтній. Конецъ зимняго семестра—около 1-го февраля, а черезъ два, три дня начинается уже лѣтній семестръ. Въ нѣмецкихъ университетахъ раздѣленіе года на семестры имѣетъ свой смыслъ. Курсъ большинства предметовъ, читаемыхъ въ каждомъ семестрѣ, представляетъ самостоятельное, законченное цѣлое, и зимній семестръ отъ лѣтняго отдѣленъ порядочнымъ—около мѣсяца—промежуткомъ времени. Студентъ можетъ каждый семестръ перемѣнять и профессоровъ и даже университеты. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ семестры—чисто внѣшнее, не имѣющее серьезнаго значенія, подражаніе университетскимъ порядкамъ.

И по времени семестры непосредственно примыкаютъ одинъ къ другому и внутренно по большей части они также соединены, такъ какъ обыкновенно распредѣленіе учебнаго матеріала на отдѣлы приспособлено не къ семестрамъ, а къ классамъ.

На Рождествѣ учащіеся освобождаются отъ занятій на восемь дней и на столько же времени на Пасхѣ. Ежедневно уроки начинаются въ 8 часовъ утра, оканчиваясь разно въ разныхъ заведеніяхъ. Довольно давно въ Австріи пишутъ и говорятъ противъ ранняго начала уроковъ въ зимніе мѣсяцы, доказывая, что это очень вредно для дѣтей, которыя принуждены вставать, когда еще темно, и идти по холодному, не успѣвшему хотя нѣсколько согрѣться воздуху. Однако до сихъ поръ результатовъ эти жалобы почти не имѣютъ [1]). Вообще здѣсь не особенно охотно соглашаются на перемѣну утвердившихся обычаевъ, да къ тому же порядокъ жизни установился совершенно другой, чѣмъ, напримѣръ, у насъ. Даже въ такихъ большихъ городахъ, какъ Вѣна и Прага, всѣ ложатся спать очень рано. Къ 10 часамъ вечера стихаетъ движеніе на улицахъ, запираются ворота домовъ, и запоздавшій обыватель долженъ послѣ 10 часовъ звонить къ дворнику и платить ему положенные 5—10 крейцеровъ —Sperrgeld. За то встаютъ и принимаются за работу очень рано. Естественно, что многіе не желаютъ и подумать, чтобы раннее вставанье могло

---

[1]) Кажется, только въ вѣнскомъ лицеѣ Общества женскаго труда уроки начинаются въ 9 часовъ утра.

быть вредно для дѣтей, да и не желаютъ изъ-за нихъ нарушать свои привычки.

Постановка балловъ. Баллы за отдѣльные отвѣты нигдѣ не ставятся въ классный журналъ, и ученицы не имѣютъ возможности знать ихъ. Выдаются только общія свидѣтельства, цензуры — за мѣсяцъ, полтора или два (разно въ разныхъ заведеніяхъ), затѣмъ свидѣтельства за семестръ и за годъ. Вообще считается даже вреднымъ, чтобы дѣти знали точную оцѣнку въ баллахъ каждаго своего отвѣта. Во-первыхъ, говорили мнѣ, это усиливало бы такъ-называемую погоню за баллами, ученье только изъ-за отмѣтокъ, а это и такъ весьма развито у дѣвочекъ. Во-вторыхъ, такимъ образомъ могли бы разстраиваться хорошія отношенія между учителями и учащимися. Весьма трудно вообще оцѣнить вполнѣ точно опредѣленнымъ балломъ каждый единичный отвѣтъ, да къ тому же взгляды учителей и ученицъ на достоинства отвѣта часто очень расходятся. Все это давало бы поводъ къ непріятностямъ и жалобамъ на несправедливость. Ученица должна при каждомъ случаѣ довольствоваться словесною похвалой или порицаніемъ учителя. Чтò же касается до замѣчанія, что постановка и сообщеніе родителямъ единичныхъ балловъ облегчаетъ имъ возможность слѣдить за успѣхами дѣтей, то родители гораздо лучше и обстоятельнѣе могутъ отъ времени до времени справляться объ этомъ у начальства школы и преподавателей. Въ случаѣ же особенно дурныхъ успѣховъ родители извѣщаются начальствомъ школы.

Въ мѣсячныхъ, семестровыхъ и годовыхъ свидѣтельствахъ баллы также не ставятся въ точныхъ цифрахъ, а выражаются въ болѣе общей формѣ, тѣми или другими словами, которыя или пишутся цѣликомъ или обозначаются начальными буквами. Категорій успѣховъ ученицъ пять или иногда шесть: vorzüglich (или sehr gut), lobenswerth (или gut), befriedigend, genügend, nicht genügend—иногда еще ganz ungenügend (въ чешской школѣ vyborně, chvalitebně, dobre, dostatečne, nedostatečne, zcela nedostatečne). Нѣсколько трудно передать эти выраженія нашей системой балловъ. Повидимому nicht genügend соотвѣтствуетъ баллу 2—такъ какъ по большей части одно nicht genügend изъ научныхъ предметовъ и языковъ влечетъ за собою экзаменъ послѣ каникулъ, а два (иногда три) nicht genügend—оставленіе въ томъ же классѣ. Тогда ganz ungenügend=1, genügend=$2^1/_2$ или 3, befriedigend=3—$3^1/_2$, lobenswerth=4, vorzüglich=5.

Экзамены. Въ частныхъ заведеніяхъ, какъ лицеи, не дающихъ

окончившимъ курсъ никакихъ правъ, нѣтъ ни переводныхъ, ни окончательныхъ экзаменовъ, а переводы изъ класса въ классъ и выдача аттестатовъ объ окончаніи курса производятся на основаніи семестровыхъ и годовыхъ отмѣтокъ и по рѣшенію конференціи. Въ правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ переходныхъ экзаменовъ также нѣтъ [1]), а существуютъ лишь письменные и устные экзамены зрѣлости при окончаніи курса, да и то отъ устныхъ экзаменовъ по одному или всѣмъ предметамъ освобождаются ученицы, имѣвшія въ нихъ послѣдніе два года отмѣтку lobenswerth.

Противъ экзаменовъ высказывается прежде всего то, что усиленное къ нимъ приготовленіе вредно отражается на здоровьи воспитанницъ. Затѣмъ, успѣхъ или неуспѣхъ на экзаменахъ — дѣло очень часто случайное, а эта случайность можетъ неблагопріятно дѣйствовать на нравственное чувство молодежи, которая видитъ явную несправедливость въ томъ, что часто хорошо знающая и прилежная ученица ставится ниже другой, значительно хуже ея занимавшейся. При воспитаніи же дѣтей надо отстранять по возможности всѣ поводы, могущіе дать ложное направленіе ихъ нравственному міру.

Если же смотрѣть на экзаменъ, какъ на провѣрку добросовѣстности и умѣнья преподавателя, то экзаменъ меньше всего долженъ служить основаніемъ для сужденія объ этомъ. Частое посѣщеніе классовъ начальствомъ, постоянное наблюденіе за ходомъ ученія — только это можетъ дать понятіе о личности преподавателя, объ его усердіи и умѣньи вести дѣло. Есть даже такая опасность: преподаватель, зная, что хорошее мнѣніе о немъ ставится въ сильной зависимости отъ успѣха учащихся на экзаменѣ, будетъ втеченіе года обращать вниманіе не столько на серьезное развитіе и сообщеніе необходимыхъ знаній учащимся, сколько спеціально на подготовку, такъ-сказать, на дрессировку ихъ для той цѣли, чтобы произвести лучшее впечатлѣніе на присутствующихъ при экзаменѣ. Наконецъ, если учитель сознаетъ, что экзаменъ ученицъ есть до нѣкоторой степени экзаменъ ему самому, то это сознаніе можетъ дѣйствовать отчасти унижающимъ образомъ на его нравственную личность; между тѣмъ, только тогда можетъ хорошо идти учебное дѣло, когда разъ избранному и назначенному для него лицу оказывается полное довѣріе и уваженіе.

---

[1]) Кромѣ экзаменовъ послѣ каникулъ изъ того предмета, въ которомъ годовой баллъ nicht genügend.

Признавая значительную долю справедливости въ этихъ мнѣніяхъ австрійскихъ педагоговъ и учебнаго начальства, тѣмъ не менѣе я думаю, что можно привести нѣкоторые доводы и въ пользу существованія экзаменовъ. При усердномъ занятіи учащихся во все время года и при постоянномъ повтореніи прошлыхъ уроковъ, приготовленіе къ экзамену весьма облегчается и самый экзаменъ значительно теряетъ характеръ случайности. Чтобы еще болѣе облегчить экзаменъ, на немъ должно требовать не такого детальнаго знанія предмета, какое обязательно для отдѣльныхъ уроковъ, а ограничиваться важнѣйшими отдѣлами и въ болѣе общихъ чертахъ. Наконецъ, самое повтореніе къ экзамену не только даетъ учащимся возможность пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, но также вызываетъ и упрочиваетъ въ ихъ умѣ общіе выводы и заключенія, благодаря сопоставленію въ короткій промежутокъ времени всего учебнаго матеріала.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о пользѣ или вредѣ экзаменовъ далеко еще не рѣшенъ и допускаетъ весьма разнообразныя точки зрѣнія.

Отношенія между учащими и учащимися и классная дисциплина. Почти во всѣхъ заведеніяхъ,—преимущественно же, какъ я говорилъ, въ институтѣ для дочерей военныхъ и въ чешской школѣ,—особенно пріятное впечатлѣніе производитъ свободный и веселый видъ учениць, ихъ сердечное и искреннее отношеніе къ преподавателямъ и начальству, и въ то же время отличное поведеніе въ перемѣны, отсутствіе шума и разговоровъ на урокахъ. Видно, что весь школьный порядокъ основанъ не на формальной строгой дисциплинѣ, а вызванъ любовью къ дѣтямъ и преданностью къ дѣлу со стороны начальствующихъ и учащихъ.

На одно только не обращается вниманія — это на постоянное подсказываніе отвѣчающимъ подругамъ. Преподаватели, повидимому, съ нимъ свыклись и почти никогда не дѣлаютъ замѣчаній. Подсказывать тѣмъ легче, что, за малыми исключеніями, ученицы постоянно имѣютъ у себя на столѣ открытые учебники, справляются съ ними и весьма удобно помогаютъ сосѣдкамъ. Очень рѣдко кто изъ преподавателей требовалъ, чтобы при отвѣтѣ книги были спрятаны въ столъ.

Перейду теперь къ программамъ и къ преподаванію отдѣльныхъ предметовъ, останавливаясь почти исключительно на лицеяхъ. Учительскія семинаріи по своей программѣ и числу классовъ не имѣютъ сходства съ нашими среднеучебными заведеніями, и къ тому же для

правильнаго сужденія о нихъ необходимо быть хорошо знакомымъ съ подобными же учительскими семинаріями въ Россіи.

Учебныя программы лицеевъ, какъ это видно изъ предшествующаго ихъ обозрѣнія, довольно разнообразны. Однако можно подмѣтить во всѣхъ ихъ общій характеръ, особенно если приглядываться къ тому, какъ эти программы выполняются на дѣлѣ.

Что нужно, чтобы дать молодежи общее образованіе? Съ одной стороны необходимо сообщить учащимся извѣстный запасъ знаній, съ другой — научить ихъ правильно и самостоятельно судить о вещахъ, то, что̀ называется—развить ихъ умъ. Въ идеальной системѣ образованія обѣ стороны должны, конечно, гармонически соединяться. На практикѣ же, обыкновенно, отдается перевѣсъ или той или другой сторонѣ.

Здѣшнія заведенія грѣшатъ именно тѣмъ, что стараются сообщить учащимся возможно больше фактическихъ знаній о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, меньше обращая вниманіе на ихъ систематизацію и на развитіе самостоятельнаго мышленія. И такая система образованія, повидимому, вполнѣ удовлетворяетъ общество. „Наши дочери должны получить въ школѣ запасъ всевозможныхъ знаній, чтобы онѣ могли потомъ понимать то, что̀ говорится среди образованныхъ людей, и сами бы могли поддерживать серьезные разговоры въ обществѣ"—говорятъ богатые люди; „пусть наша дочь знаетъ все то, что̀ ей впослѣдствіи можетъ пригодиться при хозяйствѣ и обыденной жизни", требуютъ менѣе зажиточные. Въ концѣ концовъ вся эта масса знаній, механически усвоенная, мало продуманная и не освѣщенная самостоятельнымъ мышленіемъ, пріучаетъ къ поверхности сужденій и рано или поздно должна улетучиться изъ молодыхъ головъ или лежать въ нихъ безполезнымъ балластомъ.

Конечно, увлеченіе этой крайностью образованія имѣетъ разныя степени. Зависитъ это и отъ общаго направленія школы и отъ личности того или другаго преподавателя. Больше всего заслуживаетъ въ въ этомъ отношеніи упрека чешская высшая школа для дѣвушекъ. Цѣль, преслѣдуемая ею, ясно видна и изъ ея учебной программы, а также высказана въ брошюрѣ по случаю двадцатипятилѣтія ея существованія. Тамъ, между прочимъ, ставится такое опредѣленіе образованнаго человѣка: „образованнымъ человѣкомъ можетъ быть названъ тотъ, кто усвоилъ себѣ множество свѣдѣній изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, кому извѣстны результаты трудовъ лучшихъ ученыхъ, писателей и художниковъ всего образованнаго міра".

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ общемъ стремленіи въ здѣшнихъ школахъ, которое несомнѣнно заслуживаетъ полной похвалы. Весьма много стараній прилагается для развитія въ дѣвушкахъ эстетическаго вкуса. Не только очень почетное мѣсто занимаетъ рисованіе, но и на урокахъ другихъ предметовъ, особенно же исторіи, много времени удѣляется на ознакомленіе учащихся и, по возможности, наглядно—съ произведеніями искусства прошлаго и настоящаго времени. Иногда—какъ въ чешской школѣ и лицеѣ Ейтелесъ исторія искусствъ читается, какъ особый предметъ.

Остановлюсь теперь на преподаваніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ, на урокахъ которыхъ мнѣ приходилось чаще присутствовать.

Иностранные языки. Въ Австріи положеніе учащихся въ этомъ отношеніи легче, чѣмъ у насъ. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обязательны и почти одинаково требуются два иностранные языка—нѣмецкій и французскій. Здѣсь же главное вниманіе обращено на французскій языкъ, англійскій поставленъ на второмъ планѣ, къ изученію его предъявляется меньше требованій и назначено для него значительно меньшее количество уроковъ [1]).

Надо къ тому же замѣтить, что для природныхъ нѣмцевъ [2]), особенно когда они уже знакомы съ французскимъ языкомъ, несравненно легче научиться англійскому языку, какъ сродному съ тѣмъ и съ другимъ, чѣмъ намъ, родной языкъ которыхъ принадлежитъ къ совершенно другой группѣ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ сказать, что собственно здѣсь изучается одинъ иностранный языкъ такъ старательно, какъ у насъ два.

Относительно опредѣленія цѣли, какую должно преслѣдовать преподаваніе французскаго языка, нынѣшнее время должно быть названо временемъ переходнымъ. До сихъ поръ на первое мѣсто ставилось изученіе грамматики—въ тѣхъ видахъ, чтобы французская грамматика развила въ дѣвочкахъ способность логической мысли, была бы для нихъ такой же „умственной гимнастикой", какая доставляется мальчикамъ грамматиками латинскою и греческою. Теперь

---

[1]) Въ чешской школѣ онъ совсѣмъ не обязателенъ, въ пансіонѣ для дочерей гражданскихъ чиновъ на него назначено въ трехъ старшихъ классахъ 7 уроковъ, въ лицеяхъ также въ трехъ старшихъ классахъ—11 уроковъ, въ институтѣ для дочерей военныхъ онъ поставленъ лучше всего, но и то число уроковъ англійскаго (14) вдвое меньше числа уроковъ французскаго языка.

[2]) А также и славянъ, которые съ дѣтства болѣе или менѣе усвоиваютъ себѣ нѣмецкій языкъ—какъ, напримѣръ, чехи.

большинство склоняется къ тому мнѣнію, что школа должна главнымъ образомъ практически научить французскому языку, изученіе же грамматики допускается лишь по стольку, по скольку оно облегчаетъ практическое усвоеніе языка.

Какую сторону практическаго знанія языка должна имѣть въ виду школа, объ этомъ мнѣнія раздѣляются. Одни говорятъ, что задача изученія языка состоитъ въ томъ, чтобы сообщить учащимся умѣнье свободно и легко читать на чужомъ языкѣ и такимъ образомъ дать имъ возможность развивать свой умъ на произведеніяхъ иностранной литературы; другіе доказываютъ, что, какъ для общественной жизни, такъ и на тотъ случай, еслибы дѣвушкѣ пришлось впослѣдствіи обучать и воспитывать своихъ и чужихъ дѣтей, нужно, чтобы она пріучилась бѣгло и правильно говорить по-французски.

Что первая задача можетъ быть достигнута школой, въ этомъ согласны всѣ. Но большинство не допускаетъ, чтобы вторая—то-есть умѣнье говорить по-французски—была взята на себя школой, если только дѣвушки съ дѣтства, или по крайней мѣрѣ, съ шести, семи лѣтъ, не говорили дома по-французски. Лучшіе результаты могутъ быть получены въ интернатахъ, но и здѣсь очень жалуются на трудность достиженія этой цѣли.

Математика. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ совершилась перемѣна во взглядѣ на значеніе математики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде особенно ее выдвигали, какъ главное средство для развитія умственныхъ способностей. Въ настоящее время пришли къ тому заключенію, что и другія науки могутъ имѣть такое же развивающее значеніе, и что, особенно въ высшихъ своихъ частяхъ, математика не вполнѣ доступна уму дѣвушекъ—по крайней мѣрѣ того возраста, въ которомъ онѣ посѣщаютъ школу; усвоиваемая же чисто механически, математика не способствуетъ, а препятствуетъ развитію ума. Поэтому теперь стремятся къ сокращенію числа уроковъ математики и объема изучаемаго матеріала.

Присутствуя на урокахъ математики, я имѣлъ случай замѣтить эту склонность дѣвушекъ только памятью усвоивать способъ доказательствъ и рѣшенія задачъ. Далеко не всѣ учителя умѣютъ бороться съ этимъ недостаткомъ, который особенно обнаруживается при изученіи алгебры и отчасти геометріи.

Естественныя науки, какъ видно уже изъ программъ, весьма хорошо поставлены и преподаваніе совершенно правильно основано на наглядности и экспериментахъ. Надо замѣтить при этомъ, что

не столько обращается вниманія на отдѣлы, наиболѣе важные теоретически, сколько на то, чтò имѣетъ прикладное значеніе для обыденной жизни.

География. Кромѣ грацкаго лицея, въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается общій недостатокъ—преобладаніе политической географіи надъ математической и физической, да и политическая географія обращается очень часто въ сухую, лишь обременяющую память номенклатуру.

Исторія. Въ прошлыхъ судьбахъ и въ современномъ положеніи Австро-Венгріи заключаются извѣстныя особенности, благодаря которымъ преподаваніе исторіи не можетъ быть такъ правильно поставлено, какъ бы этого требовало ея значеніе, ея воспитательное и образовательное вліяніе. Россія, Германія, Франція, Англія, однимъ словомъ, каждое государство Европы создано трудами того народа, который въ нихъ теперь живетъ. Прошлая слава и униженіе, прошлое счастіе и несчастіе государства одинаково близки всѣмъ его гражданамъ. Австро-Венгрія имѣла и доселѣ имѣетъ свою особенную судьбу и особенную задачу. Австро-Венгрія, прежде Австрія, Oesterreich, возникла изъ Ostmark—восточной марки, передоваго оплота и наступательной позиціи германизма. Распространеніе нѣмецкой культуры среди восточныхъ, не-нѣмецкихъ сосѣдей, постепенное претвореніе ихъ въ нѣмецкую національность—вотъ стремленіе, проходящее черезъ всю исторію Австріи, какъ правительства и государства. Но Австрія не успѣла окончательно разрѣшить своей задачи, какъ наступило пробужденіе не-нѣмецкихъ народностей Австріи. Настоящее время есть время переходное, время національной борьбы. И вотъ на важнѣйшіе вопросы австрійской исторіи существуютъ самыя противоположныя точки зрѣнія у правительства и у разнородныхъ національностей Австріи. То, чтò было полезно для нѣмцевъ, то считается вреднымъ для разныхъ славянъ, мадьяръ, румынъ, итальянцевъ. Чехи и нѣмцы, славяне, румыны и мадьяры, хорваты и сербы, румыны, поляки и русскіе, славяне и итальянцы, всѣ не-нѣмцы и нѣмцы, всѣ или нѣкоторыя народности и правительство — взаимная противоположность этихъ элементовъ дѣлаетъ невозможнымъ безпристрастное и открытое обсужденіе важнѣйшихъ событій исторіи Австріи. Поневолѣ приходится лавировать, обходить подводныя скалы и часто ограничиваться изученіемъ голыхъ фактовъ, не вникая въ ихъ связь и значеніе.

Укажу еще на одну сторону дѣла. Не смотря на существующую

на бумагѣ свободу религіозныхъ вѣрованій и свободу мысли и слова, Австро-Венгрія, все-таки, страна, въ которой католицизмъ господствуетъ. Особенно въ послѣднія десять лѣтъ католическая клерикальная партія пріобрѣла весьма сильное вліяніе. Составляя для нынѣшняго министерства необходимую составную часть большинства въ парламентѣ, клерикалы искусно пользовались своимъ положеніемъ. Изъ боязни лишиться ихъ поддержки, министерство должно было дѣлать имъ значительныя уступки [1]). Съ особымъ вниманіемъ слѣдила клерикальная партія за образованіемъ юношества и, между прочимъ, за преподаваніемъ исторіи. Въ случаѣ болѣе свободнаго отношенія къ католичеству и папству въ той или другой школѣ, поднимался шумъ въ клерикальныхъ газетахъ, подавались жалобы въ министерство, чуть ли не доходило дѣло до запросовъ въ парламентѣ. Понятно, что самые важные вопросы исторіи Европы и особенно Австріи и по этой причинѣ также не могутъ обсуждаться серьезно и свободно, и, какъ бы безпристрастенъ ни былъ преподаватель, онъ, во избѣжаніе непріятностей для себя и для заведенія, долженъ быть весьма остороженъ при изученіи такихъ вопросовъ исторіи, какъ, напримѣръ, возвышеніе папства, борьба его съ имперіей, великій расколъ, Янъ Гусъ, особенно же дѣятельность Лютера и реформація, іезуитскій орденъ, католическая реакція и т. д. Самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать,—ограничиться тоже изученіемъ лишь внѣшней политической исторіи.

Если такимъ образомъ положеніе преподаванія исторіи въ Австріи не особенно благопріятно относительно содержанія, то по меньшему объему матеріала, который обязаны усвоить себѣ учащіеся, изученіе исторіи можетъ здѣсь идти легче и успѣшнѣе.

Прежде всего учащіеся избавлены отъ исторіи Россіи. Судьбы ея до Петра Великаго совсѣмъ, конечно, неизвѣстны. Въ учебникахъ отведено на это отъ 2-хъ строчекъ до половины страницы. Въ періодѣ съ Петра Великаго до новѣйшаго времени изучаютъ лишь тѣ моменты, гдѣ исторія Россіи переплеталась съ событіями въ западной Европѣ,—всего отъ 5 до 10 страницъ, рѣдко больше. Исторія Россіи вообще для западноевропейцевъ считается врядъ ли болѣе важнымъ, чѣмъ исторія Китая. Славяне не считаютъ возможнымъ въ этомъ отношеніи отступать отъ примѣра нѣмцевъ. Изъ исторіи славянъ кое-

[1]) Были, конечно, и другія обстоятельства, помогавшія клерикаламъ, но о нихъ здѣсь не мѣсто распространяться.

что, хотя очень кратко, сообщается въ исторіи Австріи. Въ чешской школѣ, конечно, исторія Чехіи болѣе выдвинута и для нея назначено 3 урока въ V классѣ. Остается, такимъ образомъ, только исторія древняго міра и новой западной Европы (такъ называемая средняя, новая и новѣйшая исторія).

Древняя исторія у нихъ проходится довольно подробно. При этомъ имѣется въ виду, съ одной стороны, отчасти замѣнить ею то классическое образованіе, которое дается мальчикамъ въ гимназіяхъ, съ другой—на политической исторіи Греціи и Рима подготовить умъ учащихся къ пониманію политическихъ отношеній прошлой и современной Европы и нынѣшняго австрійскаго устройства. Все это, конечно, хорошо, но не надо забывать возраста ученицъ. Древняя исторія проходится въ младшихъ классахъ. Если миѳическая и легендарная сторона ея можетъ быть интересна дѣтямъ, можетъ развивать въ нихъ художественный вкусъ и вліять на образованіе нравственныхъ идеаловъ, то подвержено сильному сомнѣнію, чтобы для ихъ ума была доступна внутренняя, политическая борьба народовъ чуждаго, далекаго отъ ихъ понятій міра. Прислушиваясь къ отвѣтамъ дѣвочекъ, я убѣдился, какъ всѣ эти часто мелкія подробности государственнаго устройства Спарты и Аѳинъ или борьба патриціевъ съ плебеями скучны, для ученицъ мало понятны и ложатся безплоднымъ бременемъ на ихъ память.

Исторія западной Европы въ полномъ смыслѣ этого слова здѣсь не проходится. Подробно изучается только исторія Германіи и Австро-Венгріи [1]), изъ исторіи же остальныхъ государствъ берутся большею частью лишь отдѣльные эпизоды, имѣвшіе болѣе близкое отношеніе къ Германіи и Австріи. Конечно, это отчасти оправдывается тѣмъ, что исторія западной Европы представляетъ общія черты развитія, отношенія разныхъ народовъ и государствъ такъ между собою переплетаются, что и такой способъ изученія даетъ общее понятіе объ европейской исторіи. Но есть здѣсь и невыгодная сторона: моменты внутренняго культурнаго развитія Европы представляются учащимся въ томъ видѣ, какъ они отражались въ Германіи. Объ отличіяхъ въ развитіи другихъ европейскихъ народовъ, о вкладахъ ихъ въ общеевропейскую культуру знаютъ весьма мало, и, такимъ образомъ, составляется ложное понятіе вообще о характерѣ европейской культуры. Не даромъ же нѣмецкіе ученые часто называютъ индоевро-

---

[1]) Но и то періодъ послѣ 1815 года представленъ лишь въ краткомъ обзорѣ.

пейскую семью народовъ индогерманской семьей, недаромъ въ общемъ употребленіи названіе „великая германская культура".

Въ общемъ такимъ образомъ фактическій матеріалъ, который должны себѣ усвоить учащіяся, гораздо меньше по объему, чѣмъ тотъ, который, при самомъ наибольшомъ сокращеніи исторіи западной Европы, обязательно долженъ быть пройденъ въ нашихъ среднихъ школахъ. Между тѣмъ количество часовъ, назначенныхъ на исторію въ здѣшнихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или такое же, или только немного меньше, чѣмъ у насъ: въ пражской школѣ всего дано 11 часовъ, въ остальныхъ лицеяхъ по 12. Въ мужскихъ заведеніяхъ еще больше уроковъ исторіи—въ классическихъ гимназіяхъ посвящено исторіи 18 часовъ, въ реальныхъ—15.

Распредѣленіе матеріала по классамъ мнѣ показалось весьма страннымъ. Вмѣсто обычнаго принятаго раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую, здѣсь соединяется вмѣстѣ разнородное и разрывается то, что̀ внутренно связано между собою. Особенно это относится къ средней и новой исторіи. Исторія среднихъ вѣковъ раздѣлена на двѣ части: 1-я часть кончается или Верденскимъ договоромъ, или вступленіемъ на престолъ франконской династіи, или же избраніемъ Рудольфа Габсбургскаго. Эта часть проходится или отдѣльно или въ одинъ годъ съ исторіей Рима. Другая часть средней исторіи всегда присоединяется къ первой половинѣ новой, заканчивающейся или началомъ тридцатилѣтней войны, или вестфальскимъ миромъ, или вступленіемъ на престолъ Маріи Терезы.

Конечно, можно отчасти объяснить выборъ указанныхъ эпохъ ихъ значеніемъ для исторіи Австріи или Германіи. Но произвольнымъ раздѣленіемъ на періоды по событіямъ внѣшней исторіи совершенно затемняется внутренній ходъ развитія Европы.

Что касается пріемовъ преподаванія, то тутъ, конечно, главную роль играетъ личность учителя, его способности, его педагогическій тактъ, и, поэтому, въ этихъ пріемахъ можетъ быть значительное разнообразіе. Новаго, конечно, для насъ нѣтъ ничего.

Несомнѣнно, при изученіи исторіи необходимо какъ можно чаще заставлять учащихся повторять усвоенный уже матеріалъ. Въ инструкціяхъ министерства и объяснительныхъ запискахъ къ учебнымъ планамъ настоятельно указывается важность общихъ повтореній по окончаніи болѣе крупныхъ отдѣловъ. Это соблюдается преподавателями, но я, къ сожалѣнію, весьма рѣдко замѣчалъ, чтобы преподаватели въ каждый отдѣльный часъ непремѣнно спрашивали,

кромѣ новаго урока, еще кое-что изъ предшествующихъ, между тѣмъ безъ этого постояннаго повторенія въ классѣ и дома весьма трудно надолго закрѣпить выученное въ памяти учащихся.

Относительно младшихъ классовъ здѣсь обыченъ весьма полезный пріемъ: вновь разказанный урокъ тутъ же въ классѣ повторяется по частямъ ученицами и въ концѣ часа еще разъ въ общихъ чертахъ и въ сжатомъ видѣ резюмируется преподавателемъ. Это, конечно, должно чрезвычайно облегчать домашнее приготовленіе уроковъ.

Остается мнѣ сказать еще объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ.

Учебниковъ, составленныхъ спеціально для лицеевъ, нѣтъ. Употребляютъ въ нихъ большею частью учебники, предназначенные для учительскихъ семинарій, иногда же учебники для низшихъ и высшихъ классовъ мужскихъ гимназій. Болѣе всего распространены учебники Ганнака (Всеобщая исторія и отечествовѣдѣніе [1])—для учительскихъ семинарій), затѣмъ его же—для низшихъ и высшихъ классовъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеній; кромѣ ихъ употребляются учебники Гинделя, Эрнста, Штаке, Тупеца. Для чешской исторіи въ чешской высшей школѣ введена Исторія чешскаго королевства Томка.

Нѣкоторыя особенности учебниковъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Прежде всего составители учебниковъ по возможности избѣгаютъ реторическихъ украшеній и фразъ, безсодержательныхъ опредѣленій, которыя въ сущности нисколько не оживляютъ разказа и не даютъ никакого нагляднаго понятія о личностяхъ и событіяхъ. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ учебникахъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указаны пособія и источники, изъ которыхъ можно почерпнуть болѣе подробныя свѣдѣнія по тому или другому вопросу. Источники и пособія цитируются по болѣе доступнымъ изданіямъ и, конечно, если они написаны на чужомъ языкѣ, то въ нѣмецкихъ переводахъ. Такимъ образомъ возбуждается самодѣятельность учащихся и облегчается задача преподавателя. Въ-третьихъ, вездѣ отчетливо обозначено точными заглавіями расчлененіе учебнаго матеріала на главныя и второстепенныя части, и эта систематичность помогаетъ учащимся оріентироваться и облегчаетъ имъ запоминаніе послѣдовательности событій. Въ-четвертыхъ, при каждомъ вновь встрѣчающемся иностранномъ словѣ указано его произношеніе и удареніе. Наконецъ, въ-пятыхъ, большинство учебниковъ снабжено рисунками въ

---

[1]) Oesterreichische Vaterlandskunde. Подъ этимъ названіемъ понимается очеркъ исторіи Австро-Венгріи, ея географіи и статистики.

текстѣ, изображающими памятники искусства, одежды, жилища и т. п. Исполнены рисунки, не смотря на свою малую величину, почти всегда очень отчетливо, даже художественно и близко къ оригиналу. Безъ этихъ качествъ, конечно, такіе рисунки имѣли бы весьма мало значенія.

Въ общемъ однако, что касается текста учебниковъ, большинство изъ нихъ далеко не могутъ быть названы удовлетворительными и, какъ часто случается, именно наиболѣе распространенный учебникъ болѣе изобилуетъ и недостатками. Написаны они крайне сухо, сообщаютъ факты лишь въ хронологической послѣдовательности, мало обращая вниманіе на ихъ причинную связь и внутреннее значеніе. При этомъ учебники изобилуютъ массой личныхъ и географическихъ названій, совсѣмъ лишнихъ и о которыхъ, кромѣ имени, учащіяся больше въ учебникѣ ничего не находятъ; много также мелкихъ малозначущихъ фактовъ. Политическая исторія почти исключительно преобладаетъ. Хотя внутренняя жизнь народовъ и не оставляется совсѣмъ безъ вниманія, но очень часто о ней сообщаются свѣдѣнія въ самой общей формѣ, лишенной опредѣленнаго содержанія. Какое, напримѣръ, понятіе будетъ имѣть ученица о религіи персовъ, прочтя слѣдующее опредѣленіе (въ учебникѣ Ганнака): „Персы имѣли религію Зороастра, съ которой соединились религіозныя воззрѣнія прежней религіи мидянъ, жрецы которыхъ назывались магами. Это имя перешло и на жрецовъ новой религіи". Я могъ бы привести весьма много такихъ примѣровъ.

Конечно, на недостаткахъ учебниковъ отразились отчасти общія причины, неблагопріятствующія положенію исторіи въ австрійскихъ школахъ. Но значительная доля недостатковъ обязана своимъ происхожденіемъ самимъ авторамъ учебниковъ. Доказательство отъ противнаго представляетъ, между прочимъ, вышедшій въ прошломъ году учебникъ всеобщей исторіи г. Тупеца. Живыя характеристики лицъ и эпохъ, серьезное вниманіе къ внутренней жизни народовъ, оцѣнка значенія и связи событій составляютъ существенное достоинство книги. Между прочимъ, авторъ прямо поставилъ себѣ правиломъ никогда не упоминать чьего-нибудь имени, если нѣтъ мѣста хоть до нѣкоторой степени характеризовать это лицо. Выпущено имъ также много менѣе важныхъ хронологическихъ данныхъ и мелкихъ фактовъ внѣшней жизни народовъ. Многіе отдѣлы изъ древней и средней исторіи превосходно написаны и могли бы оказать полезное вліяніе на наши учебники. Книга заключаетъ въ себѣ 108 прекрасныхъ рисунковъ и 11 историческихъ картъ. Напечатана книга на хорошей бумагѣ и

стоитъ весьма дешево: за 284 страницы всего 1 г. 20 кр.,—значитъ, менѣе одного рубля [1]).

Что касается учебныхъ пособій, то ихъ, конечно, великое множество. Для чтенія учащихся, кромѣ общихъ историческихъ сочиненій въ родѣ Шлоссера, Вебера, Губера, существуютъ разныя историческія христоматіи, романы, повѣсти и разказы для молодежи разныхъ возрастовъ, сборники стихотвореній, относящихся къ австрійской исторіи; большинство, впрочемъ, такихъ книгъ составлено не въ Австріи, а въ Германіи. Объ этого рода пособіяхъ я говорить, конечно, не буду, такъ какъ въ большинствѣ они не имѣютъ значенія для насъ русскихъ. Видно, все-таки, какъ заботятся о доставленіи учащимся возможности пополнить и оживить уроки исторіи, была бы лишь охота и время.

Гораздо интереснѣе наглядныя пособія, знакомящія съ памятниками искусства и съ внѣшнимъ бытомъ народовъ. Кромѣ большихъ иллюстрированныхъ всеобщихъ исторій, существуютъ разныя болѣе или менѣе дорогія изданія, вообще отлично исполненныя, спеціально посвященныя костюмамъ или памятникамъ искусства. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо назначены для школьныхъ потребностей, какъ напримѣръ, извѣстныя у насъ картины Ланглл (по 2 г. картина); München, Bilderbogen zur Geschichte der Costüme (9 г. 30 кр). Послѣдніе немного грубо исполнены, но даютъ все-таки отчетливое понятіе о костюмахъ разныхъ временъ и народовъ; Lübke und Lützow, Denkmäler der Kunst (18 г. и 24 г.) съ прекрасными, но немного мелкими рисунками; Kulturhistorische Bilderbogen, изданные Зееманномъ,—тоже памятники искусства (дешевое изданіе 9 г., болѣе полное и дорогое I и II ч. 16 г. 50 кр. и 3 части дополненій—22 г. 50 кр.; каждую часть можно покупать и отдѣльно). Weisser, Bilder-Atlas zur Weltgeschichte — памятники искусства, портреты историческихъ лицъ и костюмы (также два изданія; болѣе дорогое, кажется, 18 г.). Přecechtel, портреты государей изъ дома Габсбурговъ. Кромѣ портретовъ государей—все остальное издано въ Германіи.

Весьма, конечно, желательно, чтобы, для библіотекъ и нашихъ учебныхъ заведеній были пріобрѣтаемы хотя нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ пособій.

---

[1]) Впрочемъ, вообще всѣ учебники дешевы.

Другія, болѣе роскошныя изданія по своей цѣнѣ не могутъ быть доступны школамъ, да не для нихъ и предназначены. Но и ими преподаватели пользуются, если имѣютъ случай ихъ пріобрѣсти или получить на время. Изъ нихъ мнѣ удалось просмотрѣть: Hottenroth, Trachten, Haus-Feld-und Kriegsgerätschaften der Völker alter und neuer Zeit (1-й томъ 34 г. 20 кр.); Falke, Hellas und Rom (42 г.); Langl und Lützow, Griechische Götter-und-Helden-Gestalten (34 г.); Racinet, Le costume historique (два изданія: 300 г. и 144 г.).

Этимъ я закончу свое обозрѣніе женскихъ среднеучебныхъ заведеній Цислейтаніи.

А. Петровъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1889 ГОДУ [1]).

Въ минувшемъ году исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени основанія Московскаго Археологическаго Общества. Торжественное празднованіе этого событія было соединено съ восьмымъ археологическимъ съѣздомъ, состоявшимся въ Москвѣ въ январѣ текущаго года, причемъ юбилейное засѣданіе 8-го января почтилъ своимъ присутствіемъ почетный членъ Общества Его Императорское Высочество великій князь Сергѣй Александровичъ, возвѣстившій милостивыя слова Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя Общества. Въ засѣданіи этомъ представители всѣхъ ученыхъ учрежденій въ Россіи, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, привѣтствовали Общество съ двадцатипятилѣтіемъ его плодотворной дѣятельности. Весьма интересный обзоръ сей послѣдней изданъ Обществомъ ко дню празднованія юбилея въ видѣ „Исторической записки", которая, кромѣ того, содержитъ въ себѣ некрологи всѣхъ почившихъ членовъ и во главѣ ихъ основателя Общества графа А. С. Уварова.

Но еще прежде этого торжественнаго юбилейнаго празднества члены Московскаго Археологическаго Общества пожелали помянуть его основаніе въ своемъ тѣсномъ кругу. Это скромное поминаніе, имѣвшее чисто семейный характеръ, состоялось въ засѣданіи 17-го

[1]) Извлечено изъ отчета Общества, составленнаго секретаремъ его В. К. Трутовскимъ.

февраля 1889 года, ровно черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ того, какъ въ квартирѣ покойнаго графа А. С. Уварова нѣсколько любителей старины, 14 человѣкъ, впервые сошлись для обсужденія программы дѣятельности проектированнаго Общества.

Дальнѣйшая дѣятельность Общества въ теченіе минувшаго года была сосредоточена главнымъ образомъ на приготовительныхъ работахъ къ предстоявшему восьмому археологическому съѣзду и на собранія памятниковъ древности для соединенной со съѣздомъ археологической выставки. Живое ободреніе своимъ трудамъ Общество имѣло счастіе видѣть въ томъ милостивомъ вниманіи, которое неоднократно было оказываемо ему Государемъ Императоромъ. Въ минувшемъ году Августѣйшій Покровитель Общества Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему изъ собственныхъ суммъ тысячу рублей на изданіе „Трудовъ Ярославскаго археологическаго съѣзда", выразить согласіе на принятіе Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ званія почетныхъ членовъ и удостоить Общество своей Монаршей благодарности за поднесенныя Его Величеству изданія. Кромѣ того, въ минувшемъ году состоялось Высочайшее утвержденіе проектированныхъ Обществомъ измѣненій въ правилахъ объ административно-хозяйственномъ управленіи Ростовскимъ кремлемъ. Отнынѣ для сей цѣли образована особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ епископа Угличскаго, викарія Ярославской епархіи.

Въ минувшемъ году лишь нѣкоторые изъ членовъ Общества производили археологическія разысканія въ различныхъ мѣстностяхъ. Такъ, на Кавказѣ А. И. Стояновъ занимался раскопками въ с. Вани, близъ Кутаиса, а В. Л. Тимоѳеевъ—по Терской области и Осетіи; А. А. Спицынъ продолжалъ свои изслѣдованія Вятскаго края, начатыя имъ на Высочайше дарованныя средства; подробный и обширный отчетъ объ этихъ работахъ уже полученъ въ Обществѣ и составитъ одинъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній Европейской Россіи"; Н. Г. Первухинъ, заканчивалъ изслѣдованіе Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, отчетъ о которомъ онъ и представилъ Обществу не задолго до своей кончины; Ѳ. А. Теплоуховъ занимался изученіемъ древностей Пермскаго края; А. А. Ивановскій продолжалъ свои изслѣдованія въ Тарбагатайской области, а Н. М. Ядринцевъ — въ Монголіи; въ Западномъ краѣ работалъ надъ изученіемъ витебской старины

Е. Р. Романовъ; В. Н. Ястребовъ продолжалъ археологическія разысканія въ Херсонской губерніи, а въ центральной Россіи производили археологическія экскурсіи: а) въ Московской губерніи: В. Ѳ. Миллеръ — въ с. Троицкое-Кайнарджи, Московскаго уѣзда, Н. Ю. Зографъ—въ Рузскомъ уѣздѣ, и В. И. Сизовъ—въ Московскомъ уѣздѣ и с. Дьяковѣ, и б) въ Калужской губерніи г. Комаровъ—по Тарусскому уѣзду. Отчеты о всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ получены, и уже были доложены частью въ засѣданіяхъ Общества, частью же на съѣздѣ.

Внутренняя дѣятельность Общества за отчетный годъ выразилась, кромѣ работъ предварительнаго комитета восьмаго съѣзда, еще въ трудахъ двухъ состоящихъ при Обществѣ спеціальныхъ коммиссій.

Первая изъ нихъ, Восточная, имѣла въ истекшемъ году восемь засѣданій, которыя были посвящены разсмотрѣнію и обсужденію слѣдующихъ докладовъ: Н. И. Веселовскаго—о происхожденіи названія „Арбатъ"; В. А. Грингмута — о фонетикѣ египетскаго, преимущественно коптскаго языка; Х. И. Кучукъ-Іоаннесова—объ армянскихъ надписяхъ и рукописяхъ, недавно найденныхъ на Кавказѣ, по снимкамъ гр. П. С. Уваровой; В. Ѳ. Миллера—о вновь открытомъ сарматскомъ богѣ; М. В. Никольскаго—о вновь присланныхъ въ Общество Ѳ. В. Поярковымъ надгробныхъ камняхъ изъ Семирѣченской области; его же — о новооткрытыхъ вавилонскихъ рѣзныхъ цилиндрахъ; его же—по вопросу о суммерскомъ языкѣ; С. С. Слуцкаго—объ употребленіи нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій въ новозавѣтномъ Пешито; М. В. Рябинина—о Калилѣ и Димнѣ, ея происхожденіи и исторіи; его же — о нѣкоторыхъ произведеніяхъ народной литературы Египта; И. Н. Соловейчика — о надписи Меши; В. К. Трутовскаго—о надгробныхъ надписяхъ въ Касимовской текіэ по новымъ снимкамъ; Г. А. Халатова—объ ученыхъ заслугахъ покойнаго К. П. Патканова; Г. Е. Церетели—о надписяхъ Гелатскаго монастыря; барона Р. Р. Штакельберга—о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ, и Н. М. Ядринцева—объ археологическихъ результатахъ его экспедиціи въ Монголію.

Въ 1889 году былъ изданъ, подъ редакціей М. В. Никольскаго, 1-й выпускъ I тома трудовъ Восточной коммиссіи, подъ заглавіемъ Древности восточныя; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: Ѳ. Е. Корша—о турецкомъ языкѣ семирѣченскихъ надгробныхъ надписей; М. В. Никольскаго—халдейскій вѣкъ эпохи Гудеа; его же — о сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи; И. И. Со-

ловейчика — о вновь открытой еврейско-вавилонской вазѣ; С. С. Слуцкаго — Семирѣченскія несторіанскія надписи, и В. К. Трутовскаго—Гумитанъ Золотой орды; кромѣ того, тамъ же напечатаны правила коммиссіи и протоколы ея засѣданій по 9-е октября 1888 года, съ приложеніемъ мелкихъ статей М. О. Аттая, В. А. Грингмута, В. М. Истрина, X. И. Кучукъ-Іоаннесова, Ѳ. Е. Корша, В. Ѳ. Миллера, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, А. С. Павлова, И. И. Соловейчика, В. К. Трутовскаго, А. С. Хаханова и И. Н. Холмогорова, а въ приложеніи помѣщенъ особый докладъ коммиссіи объ учрежденіи русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

Не менѣе дѣятельно работала и другая состоящая при Обществѣ коммиссія — по сохраненію древнихъ памятниковъ, и притомъ не только по перестройкѣ и исправленію ихъ, но и по охраненію ихъ отъ уничтоженія. Къ сожалѣнію, предсѣдатель коммиссіи почетный членъ Общества В. Е. Румянцевъ, вслѣдствіе серьезной болѣзни, и секретарь ея Н. В. Никитинъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, отъ Общества не зависѣвшихъ, не могли посѣщать ея засѣданій, вслѣдствіе чего протоколы коммиссіи составлялись главнымъ образомъ предсѣдателемъ Общества; кромѣ того, г. Никитинъ сложилъ съ себя обязанности члена-наблюдателя за реставраціей Владимірскаго Успенскаго собора, вслѣдствіе чего трудъ наблюденія всецѣло палъ на И. Е. Забѣлина. Не смотря, однако, на такія неблагопріятныя условія, коммиссія имѣла въ отчетномъ году 12 засѣданій, въ которыхъ было разсмотрѣно болѣе 30 вопросовъ по сохраненію памятниковъ.

Главный предметъ, которому было посвящено большинство засѣданій этой коммиссіи, составляло продолженіе реставраціи Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ 1889 году пришлось коснуться существеннѣйшаго вопроса—о покрытіи собора. Мнѣнія членовъ коммиссіи по этому вопросу раздѣлились: одни находили необходимымъ сдѣлать покрытіе по фронтонамъ, другіе—по кружаламъ. Въ теченіе весны и лѣта 1889 года были посылаемы Обществомъ спеціальныя коммиссіи для осмотра сохранившихся въ соборѣ слѣдовъ покрытія, для снятія съ нихъ фотографій, для обмѣра ихъ и для ознакомленія съ системами покрытія другихъ древнихъ памятниковъ Владимірскаго края, какъ, напримѣръ, Дмитровскаго собора во Владимірѣ, церкви св. Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ и т. д., затѣмъ этотъ вопросъ подвергался долгимъ и обстоятельнымъ обсужденіямъ въ засѣданіяхъ Об-

щества и коммиссіи. Большинство членовъ коммиссіи склонилось къ покрытію по кружаламъ. Это рѣшеніе было сообщено Владимірскому епархіальному и соборному духовенству и строительному комитету собора, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что Общество можетъ разрѣшить приступать къ работамъ по покрытію лишь по разсмотрѣніи и утвержденіи имъ детальныхъ его чертежей, рисунковъ и плановъ. Кромѣ этихъ работъ, въ томъ же соборѣ были разрѣшены покрытіе главъ его по представленнымъ рисункамъ и помѣщеніе подзоровъ. Что же касается до другихъ украшеній собора, проектированныхъ строительныхъ комитетомъ въ видѣ крестовъ, вазъ, птицъ, фигуръ, вѣтрилъ и т. п., то Общество категорически отказало въ разрѣшеніи помѣстить ихъ.

Изъ остальныхъ вопросовъ, обсуждавшихся тою же коммиссіей, можно отмѣтить слѣдующее:

1) Согласно ходатайству старосты Московскаго Архангельскаго собора, въ Кремлѣ, членами коммиссіи: графиней П. С. Уваровой, И. Е. Забѣлинымъ, А. М. Павлиновымъ и В. И. Сизовымъ былъ произведенъ осмотръ этого собора и составленъ актъ, на основаніи котораго найдено возможнымъ дозволить: произвести очистку позолоты средней главы, перекрыть малыя главы бѣлымъ желѣзомъ, исправить подзоры, а если окажется необходимымъ, то исправить стропила и самую крышу, исправить желоба, цоколь, пояски и карнизы вокругъ собора, строго сохраняя притомъ древніе шаблоны, очистить каменныя рельефныя украшенія и замѣнить нѣкоторыя испорченныя новыми. Всѣ эти исправленія должны производиться подъ руководствомъ и наблюденіемъ члена коммиссіи, архитектора А. М. Павлинова.

2) Узнавъ о плачевномъ состояніи Покровскаго, Василія Блаженнаго, собора, Московское Археологическое Общество снеслось съ мѣстнымъ старостой и просило его изыскать денежныя средства для производства обмѣровъ, изготовленія плановъ храма и тщательнаго осмотра его, съ цѣлью окончательнаго выясненія всѣхъ его поврежденій. Староста, г. Мошкинъ, отнесся къ предложенію Общества крайне сочувственно, и нынѣ А. М. Павлиновъ занятъ составленіемъ вышеупомянутыхъ плановъ и обмѣровъ, а нѣкоторыя частичныя работы, какъ закрѣпленіе трещинъ въ разницѣ, уже сдѣланы.

3) Въ нѣкоторыхъ московскихъ и подмосковныхъ церквахъ разрѣшены слѣдующія работы: а) по ходатайству преосвященнаго Виссаріона, епископа Дмитровскаго, замѣна древняго чугуннаго пола

деревяннымъ въ Богоявленскомъ монастырѣ; б) разборка ветхой деревянной церкви въ селѣ Носовѣ, Звенигородскаго уѣзда, вслѣдствіе перевода причта въ с. Шарапово и вывоза всѣхъ церковныхъ принадлежностей, такъ что оставался лишь крылосъ съ изображеніемъ Сивиллъ, нынѣ перенесенный въ Историческій музей; в) исправленія въ церкви Ржевской Божіей Матери, что̂ у Пречистенскихъ воротъ; г) перестройка ветхой часовни близъ Рогожской заставы, принадлежащей Спасо-Андроніевскому монастырю, согласно докладу А. М. Павлинова; д) перестройки въ Никитскомъ храмѣ Никитскаго женскаго монастыря, заключающіяся въ подведеніи подъ углы и частью подъ стѣны новаго фундамента на портландскомъ цементѣ, въ заложеніи новыхъ связей и въ залитіи трещинъ краснымъ кирпичемъ на портландскомъ же цементѣ,—на основаніи доклада и чертежей работъ члена Общества архитектора Н. В. Султанова, который и производилъ эти работы; е) пристройка въ церкви с. Якшина, Подольскаго уѣзда, XVII вѣка, для расширенія ея и сооруженіе заново ея колокольни въ прежнемъ видѣ.

4) Императорская археологическая коммиссія сообщила Обществу прошеніе причта и старосты Преображенскаго собора въ городѣ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Владимірской губерніи, касательно предполагаемой полной реставраціи собора, долженствовавшей, по мнѣнію причта, состоять въ замѣнѣ ветхаго иконостаса новымъ, въ разборѣ закладокъ оконъ и дверей, въ перестилкѣ пола, въ оштукатуркѣ внутреннихъ стѣнъ, въ измѣненіи покрытія главнаго купола, въ устройствѣ новаго покрытія храма, въ производствѣ раскопокъ вокругъ храма, въ возведеніи ограды вокругъ него и въ разслѣдованіи мѣстъ погребеній князей, покоящихся въ этомъ храмѣ. Причтъ просилъ, сверхъ того, о составленіи рисунковъ и смѣтъ и о назначеніи лица, которое приняло бы на себя завѣдываніе перестройкой, причемъ высказывалъ надежду, что просьба его будетъ удовлетворена лѣтомъ 1889 года. Коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ не признала возможнымъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ важность предполагаемыхъ перестроекъ не согласуется съ тою поспѣшностью, какая желательна причту.

5) Получивъ свѣдѣнія, что древній храмъ Пресвятой Богородицы, XII вѣка, находящійся въ Оконскомъ ущельи, въ с. Тичьи, Горійскаго уѣзда, требуетъ немедленнаго исправленія и возобновленія, Общество обратило на этотъ предметъ вниманіе экзарха Грузіи высокопреосвященнаго Палладія. Ходатайство Общества о поддер-

жаніи этого памятника увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; высокопреосвященнымъ Палладіемъ отпущено было 300 руб. на немедленное исправленіе крыши храма, а затѣмъ приступлено къ сбору пожертвованій для дальнѣйшихъ исправленій, которыя положено производить подъ надзоромъ особаго комитета, при участіи мѣстнаго благочиннаго.

6) По просьбѣ высокопреосвященнаго Палладія, для предположенныхъ имъ исправленій въ Мцхетскомъ соборѣ, Обществомъ были высланы ему мнѣнія о реставраціи этого собора членовъ Общества А. М. Павлинова и Н. В. Никитина, ознакомившихся съ соборомъ во время своихъ поѣздокъ на Кавказъ.

7) Разсмотрѣвъ просьбу Ярославской духовной консисторіи о разрѣшеніи расширить западную паперть и передѣлать покрытіе южнаго придѣла Ярославскаго каѳедральнаго собора по проектамъ архитектора Маасса, коммиссія не нашла возможнымъ разрѣшить предполагаемыя передѣлки, какъ не подходящія къ характеру архитектуры собора.

8) Увѣдомившись, что духовенство Свято-Духовской церкви въ Ярославлѣ производитъ перекрытіе ея, замѣняя прекрасную старинную черепицу жестью, Общество приняло мѣры къ тому, чтобы передѣлка эта была прекращена.

9) Вслѣдствіе просьбы Ярославской духовной консисторіи о разрѣшеніи капитальныхъ перестроекъ въ Ярославской Срѣтенской церкви, Общество, на основаніи доклада архитектора А. Л. Обера, производившаго осмотръ церкви, разрѣшило уничтожить нынѣ существующую колокольню и замѣнить ее новою, съ устройствомъ новой трапезы бо̀льшихъ размѣровъ.

10) Калужская духовная консисторія сообщила Обществу просьбу старосты и причта Згомоніевской церкви, Медынскаго уѣзда, о капитальныхъ перестройкахъ въ этой церкви. Разсмотрѣвъ историческую записку объ этомъ храмѣ и проекты передѣлокъ, Общество отказало въ ихъ разрѣшеніи въ виду того, что предполагаемыя перестройки совершенно исказили бы этотъ древній храмъ.

Засѣданій Общества въ теченіе 1889 года было 19, въ томъ числѣ 1 годичное, 8 обыкновенныхъ и 10 распорядительныхъ.

Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ были прочитаны слѣдующіе доклады: Его Императорскаго Высочества великаго князя Сергія Александровича—о раскопкахъ въ Московской губерніи въ 1889 г.; М. В. Веневитинова—по поводу пятисотлѣтія перваго путешествія по Дону (хожденіе митрополита Пимена); А. А. Ивановскаго—археологическія

наблюденія въ Тарбагатайской области; Н. Ю. Зографа — о раскопкахъ кургановъ въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи; И. И. Козловскаго — объ архивскомъ спискѣ „Слова о полку Игоревѣ" и объ одной осской надписи въ Помпеяхъ; О. Е. Клера и К. И. Фаддѣева — о гончарномъ производствѣ доисторическаго человѣка у деревни Палкиной, Пермской губерніи; В. Ѳ. Миллера—о раскопкахъ въ Московской губерніи и о нѣкоторыхъ кавказскихъ могильныхъ памятникахъ, хранящихся въ Историческомъ музеѣ; А. М. Павлинова — о церквахъ Кавказа; В. И. Сизова—о коллекціи Попова, представленной на выставку восьмаго археологическаго съѣзда изъ Донской области; С. С. Слуцкаго—некрологъ И. И. Козловскаго; М. Н. Сперанскаго — объ апокрифическихъ дѣяніяхъ апостола Андрея; графини П. С. Уваровой—о древнихъ могильникахъ и курганахъ Кавказа, и о лѣтней дѣятельности Общества; И. В. Цвѣтаева—о нѣкоторыхъ новѣйшихъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства; Н. А. Янчука — о древностяхъ Подлясья.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества за истекшій годъ не произошло никакихъ перемѣнъ; въ составѣ же членовъ Общества совершились слѣдующія измѣненія: кромѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Михаила Николаевича, съ Высочайшаго соизволенія принявшихъ званія почетныхъ членовъ Общества, былъ признанъ почетнымъ его членомъ вице-президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей В. Н. Юргевичъ—во вниманіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности по Одесскому Обществу, въ минувшемъ году справлявшему свой пятидесятилѣтній юбилей, и въ уваженіе къ его многочисленнымъ и цѣннымъ трудамъ въ области изученія классическихъ древностей южной Россіи. Въ дѣйствительные члены были избраны, изъ членовъ-корреспондентовъ и вновь, слѣдующія 17 лицъ: Д. И. Багалѣй, В. И. Герье, Н. Л. Гондатти, И. И. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ, А. И. Кирпичниковъ, П. Н. Милюковъ, В. М. Михайловскій, Ѳ. В. Поярковъ, Н. П. Пантусовъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. М. Сементовскій-Курилло, И. Н. Смирновъ, К. П. Яновскій, Н. А. Янчукъ и В. Н. Ястребовъ. Въ члены-корреспонденты избраны: А. А. Браунеръ, П. Н. Кречетовъ, священникъ В. Никифоровъ, М. В. Рябининъ, М. Н. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ и Г. А. Халатовъ: въ иностранные члены — баронъ I. де-Бе (baron J. de-Baye) въ Парижѣ. За то же время Общество понесло утраты въ лицѣ слѣдующихъ своихъ членовъ: Д. З. Бакрадзе, Д. А. Булатова, И. И.

Козловскаго, В. И. Лѣствицына, М. П. Пуцилло, П. Д. Шестакова, В. Н. Шишонка, Н. Г. Первухина, а изъ иностранныхъ членовъ—Фердинанда Пипера и И. Кукулевича-Сакцинскаго.

Минувшій годъ былъ особенно богатъ изданіями Общества. Такъ, подъ редакціей графини П. С. Уваровой, вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія: 1) первый томъ „Трудовъ VII Ярославскаго съѣзда" въ 40 печатныхъ листовъ; 2) II-й выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа", заключающій въ себѣ отчетъ В. И. Сизова объ археологической экскурсіи по восточному побережью Чернаго моря; 3) „Историческая записка о дѣятельности Общества за первыя 25 лѣтъ его существованія", составленная графиней П. С. Уваровой и Д. Н. Анучинымъ; 4) Каталоги 11 залъ выставки VIII-го археологическаго съѣзда; 5) „Византійскій альбомъ графа А. С. Уварова" (посмертное изданіе), съ приложеніемъ 22 фототипій и 5 хромолитографированныхъ снимковъ; 6) XIII-й томъ Древностей, въ двухъ выпускахъ, изданный подъ редакціей В. К. Трутовскаго и заключающій въ себѣ 11 статей и, сверхъ того, протоколы Общества по 17-е февраля 1889 г., программу для изслѣдованія древностей Кавказа и указатель именъ личныхъ, названій географическихъ и предметовъ въ V—XII томахъ Древностей. По распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, изданія Общества рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

За истекшій годъ въ библіотеку Общества поступило 382 отдѣльныхъ сочиненія, не считая періодическихъ изданій. Около 20 членовъ пользовались книгами Общества на дому, для чего ими было вытребовано нѣсколько рукописей и болѣе 100 книгъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887—1888 ГОДАХЪ [1]).

Въ 1887 году въ Кавказскомъ округѣ числилось 8 женскихъ гимназій и 8 женскихъ прогимназій, а въ началѣ 1888 года, съ преобразованіемъ Тифлисской прогимназіи г-жи Серпинэ въ семиклассную гимназію, гимназій стало 9, прогимназій же—7. Большинство гимназій и прогимназій преобразовано изъ бывшихъ училищъ 1-го и 2-го разряда, или же изъ начальныхъ училищъ, изъ коихъ нѣкоторыя существовали уже давно; такъ, Тифлисское заведеніе св. Нины учреждено было княгинею Е. К. Воронцовой въ 1846 году, бывшее училище св. Александры въ Ставрополѣ—въ 1849 году, а Эриванское училище св. Рипсиміи—въ 1850 году. По времени открытія, послѣдняго преобразованія или переименованія своего, эти заведенія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) Тифлисская великой княгини Ольги Ѳеодоровны гимназія (20-го ноября 1870 года), 2) Ставропольская Ольгинская гимназія (20-го сентября 1872 года), 3) Тифлисская великой княгини Ольги Ѳеодоровны прогимназія (8-го сентября 1873 года), 4) Бакинская Маріинская и 5) Владикавказская гимназіи (обѣ 8-го сентября 1874 года), 6) Темиръ-Ханъ-Шуринская прогимназія (15-го сентября 1875 года), 7) Ейская прогимназія (8-го сентября 1877 года), 8) Кутаисская Ольгинская прогимназія (8-го сентября 1878 года), 9) Александропольская Ольгинская прогимназія (8-го ноября 1879 года), 10) Ставропольская св. Александры гимназія (8-го апрѣля 1880 года), 11) Горійская Анастасійская прогимназія (30-го августа 1881 года), 12) Сухумская прогимназія (8-го сентября

[1]) *Продолженіе.* См. іюньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

1882 года), 13) Тифлисское женское учебное заведеніе св. Нины съ правами семиклассной гимназіи (20-го іюня 1883 года), 14) Эриванская прогимназія (9-го іюня 1884 года), 15) Екатеринодарская городская гимназія (10-го августа 1885 года) и 16) частная гимназія г-жи Серпинэ въ Тифлисѣ (1-го іюля 1888 года).

Всѣ женскія гимназіи округа имѣютъ семиклассный составъ, а изъ прогимназій Тифлисская имѣетъ 5 классовъ, Сухумская и Эриванская — по 3, и остальныя четыре прогимназіи — по 4 класса. Общее число классовъ было въ 1887 году въ гимназіяхъ—96 и въ прогимназіяхъ—47, всего 143, а въ 1888 году въ гимназіяхъ — 103 и въ прогимназіяхъ—38, всего 141; въ томъ числѣ параллельныхъ отдѣленій при основныхъ классахъ было въ 1887 году 20, а въ 1888 году—17, и больше всего въ Тифлисской гимназіи, гдѣ всѣ классы раздѣлены на два отдѣленія; приготовительные классы имѣются при всѣхъ 16 заведеніяхъ, причемъ въ 8 изъ нихъ—въ двухъ гимназіяхъ, въ заведеніи св. Нины и 4 прогимназіяхъ—классы состоятъ изъ двухъ прогрессивныхъ отдѣленій, старшаго и младшаго, а въ Тифлисской гимназіи старшее отдѣленіе имѣетъ, сверхъ того, еще параллель; дополнительные VIII классы, со вновь открытымъ въ 1887 году при Екатеринодарской гимназіи, нынѣ имѣются при 6 гимназіяхъ, но не имѣются еще въ трехъ заведеніяхъ — св. Нины въ Тифлисѣ, св. Александры въ Ставрополѣ и во вновь преобразованномъ въ гимназію г-жи Серпинэ, гдѣ открытъ въ 1888 году только VII классъ. Въ каждомъ изъ дополнительныхъ классовъ введены двѣ спеціальности: русскій языкъ и математика; кромѣ того, въ Тифлисской и Бакинской гимназіяхъ существуетъ отдѣленіе исторіи и географіи, и сверхъ того, въ первой изъ нихъ съ начала 1887—1888 учебнаго года открыто, въ видѣ опыта, еще четвертое отдѣленіе, для приготовленія учительницъ французскаго языка.

За все время своего существованія 8 женскихъ гимназій округа въ нихъ (не считая гимназіи г-жи Серпинэ, гдѣ еще не было выпуска) окончило курсъ: въ VII классѣ—1.623 дѣвицы (въ томъ числѣ 643 въ одной Тифлисской), въ VIII классахъ—303 съ званіемъ домашней наставницы и 766 съ званіемъ домашней учительницы, а всего — 1.069 учительницъ (изъ нихъ почти половина, 486, въ Тифлисской гимназіи). По свѣдѣніямъ 1887 года, болѣе 40 дѣвицъ изъ окончившихъ курсъ VIII дополнительнаго класса состоятъ въ настоящее время на службѣ въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ которыхъ онѣ пріобрѣли свое учительское званіе, и болѣе 30—въ другихъ гимназіяхъ и прогимна-

зіяхъ округа (не считая служащихъ въ ставропольскихъ гимназіяхъ, о которыхъ свѣдѣній не получено).

Женскія гимназіи и прогимназіи округа вообще руководствуются учебными планами 31-го августа 1874 года. Незначительныя отъ нихъ отступленія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, заключались въ оба отчетные года въ слѣдующемъ: а) число уроковъ по русскому языку нѣсколько усилено, особенно въ младшихъ классахъ закавказскихъ гимназій и прогимназій, въ виду значительнаго числа учениц-туземокъ; б) въ низшихъ классахъ почти всѣхъ заведеній, до V класса включительно, прибавлено по уроку математики, программа которой, по мнѣнію большинства гимназическихъ совѣтовъ, трудно выполнима въ старшихъ классахъ, если ученицы не вполнѣ основательно усвоили въ низшихъ классахъ ариѳметику; в) въ V и VI классахъ нѣкоторыхъ гимназій назначено по одному уроку географіи и ученицы держатъ окончательное испытаніе по этому предмету передъ переходомъ въ VII классъ; г) занятія рукодѣліемъ начинаются не съ III, а уже съ I и даже приготовительнаго класса, а въ VII классахъ добавленъ одинъ урокъ для кройки; д) число уроковъ по новымъ языкамъ, особенно нѣмецкому, въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ число учащихся этимъ языкамъ незначительно, уменьшено противъ нормальнаго, или уроки дѣлаются сводными для нѣсколькихъ классовъ.

Библіотеки, существующія при всѣхъ 16 заведеніяхъ, имѣются въ обоихъ своихъ отдѣлахъ въ 14 заведеніяхъ, въ Кутаисской же гимназіи и Эриванской прогимназіи нѣтъ фундаментальныхъ библіотекъ, а въ частной гимназіи г-жи Серпинэ не имѣется ученической библіотеки. Кабинеты существуютъ только физическіе при гимназіяхъ, а прочими учебными пособіями снабжены всѣ 16 заведеній. Состояніе библіотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій было слѣдующее:

Въ библіотекахъ:

по гимназіямъ:

		Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Въ фундаментальныхъ:	названій . . .	3.726	3.936
	томовъ . . .	9.987	10.298
	стоимостью . .	14.696 р.	14.961 р.
Въ ученическихъ:	названій . . .	3.529	4.244
	томовъ . . .	8.253	9.574
	стоимостью . .	9.640 р.	11.618 р.

По прогимназіямъ:

Въ фундаментальныхъ:	названій . . .	725	681
	томовъ . . .	2.205	2.167
	стоимостью . .	3.572 р.	3.641 р.
Въ ученическихъ:	названій . . .	1.368	1.367
	томовъ . . .	3.285	3.488
	стоимостью . .	2.743 р.	3.020 р.

Въ физическихъ кабинетахъ при гимназіяхъ:

приборовъ.	1.023	1.032
стоимостью.	11.068 р.	11.083 р.

Прочихъ учебныхъ пособій:

по гимназіямъ:

приборовъ.	5.437	5.666
стоимостью	19.743 р.	19.806 р.

по прогимназіямъ:

приборовъ.	2.182	2.055
стоимостью	6.202 р.	6.654 р.

На пополненіе библіотекъ израсходовано было въ 1887 году 2.964 р., на физическіе кабинеты — 140 р., а на прочія учебныя пособія — 3.252 р., причемъ самыя цѣнныя пріобрѣтенія сдѣланы были Тифлисскимъ заведеніемъ св. Нины — два рояля, стоимостью 1.300 р., и Тифлисскою гимназіей—коллекція географическихъ картинъ Гельцеля и двѣ карты Кавказа въ 10-ти и 5-ти-верстномъ масштабѣ. Въ 1888 году затрачено на библіотеки—2.671 р., на кабинеты—65 р. и на прочія пособія—632 р. Общая стоимость всѣхъ библіотекъ, кабинетовъ и учебныхъ пособій выражается въ 1887 году цифрою 67.664 р., въ 1888 году она возвысилась до 70.778 р.

Женскія гимназіи и прогимназіи округа имѣли въ своемъ распоряженіи суммы: въ 1887 году—517.506 р., изъ которыхъ 176.853 р. составляютъ остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ, а 340.653 р. вновь поступили за годъ, и изъ нихъ приходится на гимназіи 265.491 р. и

на прогимназіи—75.162 р.; въ 1888 году—521.755 р., изъ которыхъ 179.512 р. составляютъ остатки прежнихъ лѣтъ и 342.243 р.—новыя поступленія. изъ коихъ на гимназіи приходится 290.415 р. и на прогимназіи — 51.828 р. Источники содержанія заведеній были слѣдующіе:

	Въ 1887 году.	Въ 1888 году.
изъ государственнаго казначейства: субсидій	33.900 р.	31.900 р.
прибавочнаго жалованья	2.961 „	2.668 „
отъ казачьихъ войскъ: Кубанскаго	4.410 „	4.620 „
Терскаго	3.100 „	3.200 „
отъ городскихъ обществъ	41.696 „	41.980 „
сбора за право ученія	162.358 „	163.240 „
за содержаніе частныхъ воспитанницъ	64.589 „	68.458 „
изъ суммъ распоряженія главноначальствующаго	1.348 „	1.547 „
отъ почетныхъ попечителей	1.850 „	3.220 „
пожертвованій	4.106 „	2.246 „
процентовъ съ капиталовъ	6.093 „	7.510 „
случайныхъ поступленій	14.242 „	11.654 „

Отсюда видно, что женскія гимназіи и прогимназіи существуютъ, главнымъ образомъ, на счетъ платы за ученіе и воспитаніе, такъ какъ эти два источника покрываютъ болѣе ²/₃ всего ихъ бюджета (67,7% и 66,6%). Правительственными субсидіями не пользовались заведенія: въ оба отчетные года Бакинское, Екатеринодарское, Эриванское, частное г-жи Серпинэ, а въ 1888 году, сверхъ того, Кутаисское; остальныя же гимназіи и прогимназіи получили отъ казны какъ въ 1887 году, такъ и въ 1888 слѣдующія суммы: заведеніе св. Нины—по 10.000 р., Тифлисская гимназія — по 5,800 р., Сухумская прогимназія — по 3.500 р., гимназіи: Владикавказская, обѣ Ставропольскія и прогимназія Тифлисская—по 2.000 р., Кутаисская же гимназія получила 2.000 р. только за 1887 годъ, Темиръ-Ханъ-Шуринская прогимназія — 1.500 р., а прогимназіи Горійская, Александропольская и Ейская— по 1.000 р. Значительною поддержкою отъ городскихъ обществъ пользуются гимназіи Бакинская и Екатеринодарская и прогимназіи Ейская и Александропольская. Такъ, Бакинское городское управленіе съ 1883 года покрываетъ всѣ расходы по гимназіи, гарантируя ей ежегодно 19.740 р., причемъ сборъ за ученіе и взносы почетныхъ попечителей поступаютъ въ доходъ города; въ 1887 году изъ город-

скихъ суммъ поступило 12.369 р., а въ 1888 году — 10.125 р. Въ такихъ же условіяхъ находится Екатеринодарская гимназія, которой дума выдала въ 1887 году 12.345 р. и въ 1888 году — 16.611 р., вслѣдствіе открытія съ начала учебнаго года VIII дополнительнаго класса. Ейская прогимназія получаетъ отъ города 5.500 р. субсидіи и даровое помѣщеніе, Александропольская — 2.000 р. (40°/₀ всего бюджета).

Расходъ на содержаніе 16 заведеній съ 5 пансіонами составилъ въ 1887 году 337.994 р., а именно содержаніе 8 гимназій съ 2 пансіонами обошлось въ 265.710 р., а содержаніе 8 прогимназій съ 3 пансіонами — 72.284 р.; въ 1888 году содержаніе 9 гимназій съ 3 пансіонами обошлось въ 294.429 р., и содержаніе 7 прогимназій съ 2 пансіонами—въ 52.430 р., итого израсходовано 346.859 р. Общій расходъ распредѣляется по отдѣльнымъ статьямъ слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1887 году.	Въ 1888 году.
на наемъ и ремонтъ помѣщеній	21.896 р.	26.622 р.
„ наемъ прислуги и хозяйственные расходы	34.022 „	35.312 „
„ канцелярскіе расходы и учебныя пособія	9.649 „	8.358 „
содержаніе личнаго состава	196.851 „	201.836 „
содержаніе пансіонерокъ	50.547 „	48.389 „
прочіе расходы.	25.529 „	26.342 „

Средняя стоимость обученія одной ученицы въ 1887 г. равнялась 62 р., въ гимназіяхъ отдѣльно — 63 р. и въ прогимназіяхъ — 61 р.; дороже всего обходилось обученіе въ Темиръ-Ханъ-Шуринской прогимназіи (78 р.), Бакинской гимназіи (76 р.), прогимназіи г-жи Серпинэ (75 р.), заведеніи св. Нины (74 р.) и Тифлисской прогимназіи (72 р.); дешевле всего — въ гимназіяхъ Ставропольской Ольгинской (43 р.) и Кутаисской (47 р.) и въ прогимназіяхъ Ейской (44 р.), Сухумской и Эриванской (39 р.); стоимость содержанія одной пансіонерки за этотъ годъ составляетъ отъ 141 р. (въ Эриванской прогимназіи) до 217 р. (въ заведеніи св. Нины), а въ среднемъ —186 р. Въ 1888 году средняя стоимость обученія одной ученицы равнялась 63 р., а отдѣльно: въ гимназіяхъ—65 р. (отъ 46 р. въ Кутаисской до 92 р. въ Екатеринодарской) и въ прогимназіяхъ—55 р. (отъ 33 р. въ Сухумской до 70 р. въ Горійской); средняя стоимость содержанія пансіонерки составляла отъ 142 р. (въ Сухумской прогимназіи) до 202 р. (въ Ставропольской гимназіи св. Александры), а въ среднемъ выводѣ—192 р.

Женскія гимназіи и прогимназіи не имѣютъ особыхъ спеціальныхъ средствъ, такъ какъ всѣ суммы, поступающія на ихъ содержаніе изъ различныхъ источниковъ, расходуются нераздѣльно. Вычитая изъ поступившихъ въ 1887 году на содержаніе всѣхъ 16 заведеній 340.653 р. дѣйствительно израсходованные 337.994 р., получимъ остатокъ въ 2.659 р.; на эту сумму должны были увеличиться запасные капиталы заведеній; таковыхъ капиталовъ въ началѣ 1887 года состояло 176.853 р., а къ концу года 179.512 р., въ томъ числѣ 24.776 р. наличными деньгами и 154.736 р. въ процентныхъ бумагахъ. Въ 1888 году расходъ (346.859 р.) превышалъ приходъ (342.245 р.) на 4.616 р., такъ что на такую же сумму уменьшились образовавшіеся отъ прежнихъ лѣтъ денежные остатки (179.512 р.); къ 1-му января 1889 года такихъ остатковъ было 174.896 р., изъ коихъ 17.426 р. наличными и 157.470 р. въ процентныхъ бумагахъ. Въ бумагахъ, большею частью, заключаются разные неприкосновенные капиталы, пожертвованные разновременно на стипендіи; больше всего такихъ капиталовъ имѣютъ слѣдующія учебныя заведенія: Ставропольская гимназія св. Александры — въ 1887 году 72.468 р. и въ 1888 году 74.489 р., заведеніе св. Нины—32.802 р., Эриванская прогимназія—18.125 р. и Тифлисскія гимназіи съ прогимназіей—15.561 р.; въ прочихъ (четырехъ) прогимназіяхъ, гдѣ имѣются неприкосновенные капиталы, сумма ихъ заключается отъ 3.600 р. до 5.150 р.; съ 1888 года гимназія св. Ольги обратила свой остатокъ (348 р.) въ процентныя бумаги. Остальныя гимназіи и Горійская прогимназія вовсе не имѣютъ капитала.

Размѣръ платы за право ученія, устанавливаемый попечительными совѣтами, различенъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ разныхъ классахъ одного и того же заведенія, — въ зависимости отъ числа учащихся и отъ количества субсидій, получаемыхъ отъ казны и городскихъ обществъ. Однообразный размѣръ платы по всѣмъ классамъ за обученіе обязательнымъ предметамъ существуетъ лишь въ 5 заведеніяхъ: въ гимназіи Бакинской—по 40 р., въ заведеніи св. Нины—по 75 р. и въ прогимназіяхъ Александропольской—по 20 р., Сухумской—по 18 р. и Эриванской — по 36 р.; различные размѣры платы для для классовъ младшихъ—въ 50 р. и для старшихъ—въ 60 р. приняты въ Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи, для приготовительныхъ и основныхъ въ прогимназіяхъ Ейской—6 р. и 9 р. и Темиръ-Ханъ-Шуринской—9 р. и 36 р., а также въ гимназіи г-жи Серпинэ—60 р. и 100 р.; въ Кутаисской же гимназіи ученицы всѣхъ классовъ

платятъ по 50 р., за исключеніемъ ученицъ VIII дополнительнаго класса, въ которомъ плата опредѣляется особо на каждое полугодіе, съ такимъ расчетомъ, чтобы взносъ этой платы покрывалъ расходъ по содержанію класса. Въ остальныхъ 5 заведеніяхъ плата прогрессивно возростаетъ отъ младшихъ классовъ къ старшимъ: въ гимназіяхъ Владикавказской — отъ 25 до 50 р., въ Ставропольскихъ св. Александры—отъ 20 до 35 р. и Ольги—отъ 25 до 50 р., въ Екатеринодарской—отъ 35 до 100 р., причемъ дѣти, принадлежащія къ городскимъ сословіямъ, платятъ на 5 р. меньше, и въ Горійской прогимназіи—отъ 25 до 50 р. За обученіе необязательнымъ предметамъ вносится особая дополнительная плата, отъ которой, впрочемъ, большею частью освобождаются воспитанницы пансіоновъ; такъ, за обученіе французскаго языка взимается отъ 5 до 16 р., за нѣмецкій—отъ 9 до 12 р., за армянскій языкъ (въ Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи) по 3 р., за танцы — отъ 2 до 9 р. Безплатно преподаются: языки французскій въ гимназіяхъ Екатеринодарской и частной г-жи Серпинэ, туземные — въ гимназіяхъ Кутаисской, Бакинской, г-жи Серпинэ, въ заведеніи св. Нины и въ прогимназіяхъ Горійской и Александропольской, а хоровое пѣніе и рисованіе—во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ введены. За содержаніе воспитанницъ пансіоновъ плата въ оба года не измѣнялась; въ частной гимназіи г-жи Серпинэ она взималась въ 300 р., въ заведеніи св. Нины—250 р., въ Ставропольской гимназіи св. Александры —220 р., въ прогимназіяхъ Эриванской—150 р. и Сухумской—120 р.

Безплатнымъ обученіемъ въ 1887 году пользовалось 562 ученицы, или 16,0°/₀ всѣхъ приходящихъ ученицъ, а въ 1888 году 585, или 16,5°/₀ общаго числа приходящихъ; въ этомъ числѣ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
дѣтей училищныхъ чиновниковъ	61	79
освобожденныхъ вовсе отъ платы	309	320
обучающихся на °/₀ съ капиталовъ	16	54
„ на счетъ благотворительныхъ обществъ	130	109
„ на счетъ случайныхъ поступленій	46	23

Даровымъ содержаніемъ въ пансіонахъ пользовалось въ первый отчетный годъ 184 воспитанницы, или 37,8°/₀ всѣхъ пансіонерокъ, и во второй — 172 пансіонерки, или 36,1°/₀, въ томъ числѣ воспитывалось:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
на счетъ казны	32	26
на % съ капиталовъ	34	32
на счетъ разныхъ учрежденій . . .	75	74
экономическихъ	43	40

Стоимость обученія и воспитанія всѣхъ этихъ ученицъ составляла въ 1887 году около 64.000 р. и въ 1888 году—около 63.000 р.

Особыя учрежденія для пособія учащимся существуютъ только при двухъ заведеніяхъ: одно—при Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи, другое — при Ставропольскихъ гимназіяхъ. Средства и расходы обоихъ учрежденій были слѣдующіе:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Остатки отъ прежнихъ лѣтъ. . . .	2.339 р.	2.171 р.
поступленія изъ разныхъ источниковъ	2.907 р.	3.377 р.
Итого . . .	5.246 р.	5.548 р.
изъ нихъ израсходовано:		
на пособія учащимся . . .	3.047 р.	2.318 р.
на другіе расходы	28 р.	10 р.
Итого . . .	3.075 р.	2.328 р.

Оставалось къ концу года:

наличными	509	2.171 р.	наличн.	1.058	3.220 р.
въ % бумагахъ	1.662		въ % бум.	2.162	

Изъ первой суммы учрежденія имѣли къ 1-му января 1888 года: Тифлисское 894 р., Ставропольское — 1.277 р., а къ 1-му января 1889 года изъ второй суммы Тифлисскому принадлежало 1.751 р. и Ставропольскому — 1.469 р. Ученицы нѣкоторыхъ гимназій и прогимназій, какъ, напримѣръ, во Владикавказѣ, Баку, Ейскѣ, пользуются пособіями отъ благотворительныхъ обществъ, существующихъ при мужскихъ учебныхъ заведеніямъ.

Съ окончаніемъ постройки въ 1887 году, на средства городскихъ обществъ, собственныхъ зданій для Бакинской и Екатеринодарской гимназій, всѣ 8 гимназій округа имѣютъ въ настоящее время собственные дома, которые въ совокупности цѣнятся въ 760.000 рублей, и только частная гимназія г-жи Сорпинэ помѣщается въ зданіи, на-

нимаемомъ за 2.625 рублей. Особеннымъ удобствомъ и приспособленностью къ нуждамъ учебнаго заведенія отличаются вновь отстроенные дома Бакинской и Екатеринодарской гимназій, а изъ старыхъ— помѣщенія Тифлисскихъ гимназій и заведенія св. Нины; послѣднее заведеніе, кромѣ роскошнаго городскаго помѣщенія, имѣетъ еще дачу въ посадѣ Коджорахъ, на 80 воспитанницъ, оконченную постройкой весною 1887 года, на что издержано было 8.920 рублей, изъ коихъ 3.000 рублей были пожертвованы княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, а остальные получены отъ устроенныхъ для этой цѣли гуляній и лоттерей; въ этомъ же году воспитанницы впервые были вывезены въ это дачное помѣщеніе; въ 1888 году на улучшеніе обоихъ своихъ помѣщеній заведеніе св. Нины вновь затратило 7.000 рублей, изъ коихъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ ассигновалъ изъ суммъ, состоящихъ въ его распоряженіи 3.000 рублей, а 4.000 рублей получены отъ народныхъ гуляній въ пользу заведенія. Зданіе, въ которомъ помѣщается Кутаисская гимназія, собственно принадлежитъ не самой гимназіи, а заведенію св. Нины, и потому находится въ вѣдѣніи Кутаисскаго отдѣла благотворительнаго общества; въ 1887 году оно было улучшено пристройкою обширной рекреаціонной залы. Капитальный ремонтъ произведенъ былъ въ 1888 году въ гимназіи Тифлисской, на 5.000 рублей изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ. Изъ прогимназій собственными домами, стоимостью въ 46.700 рублей, обладаютъ Горійская, Сухумская и Эриванская, имѣющая два зданія, изъ коихъ одно отдается въ наймы, подъ помѣщеніе окружнаго суда за 1.600 рублей въ годъ. Ейская прогимназія помѣщается вмѣстѣ съ реальнымъ училищемъ въ городскомъ домѣ, а для остальныхъ трехъ прогимназій помѣщенія нанимаются въ частныхъ домахъ, за которые хозяевамъ уплачивается: Темиръ-Ханъ-Шуринскою—500 рублей, Александропольскою—550 рублей и Тифлисскою—2.400 рублей. Наемныя помѣщенія, конечно, далеко уступаютъ собственнымъ въ отношеніи удобства, не говоря уже о томъ, что наемная плата ложится тяжелымъ бременемъ на скромный бюджетъ прогимназій. На ремонтъ всѣхъ помѣщеній израсходовано было въ 1887 году 10.128 рублей, а въ 1888 году — 12.363 рубля (не считая упомянутыхъ 7.000 рублей, на разныя перестройки въ тифлисскомъ заведеніи св. Нины). Среднее количество воздуха въ классахъ на каждую ученицу составляло въ оба года вообще 19,5 и 19,4 куб. арш. (въ гимназіяхъ—19,8 и 20,1, въ прогимназіяхъ—18,5 и 16,4), въ спальняхъ пансіонерокъ на каждую прихо-

дилось по 44,3 и по 45,4 куб. арш. воздуха. Такъ-называемыхъ ученическихъ квартиръ считалось въ 1887 году 129, и въ нихъ проживало менѣе 5% всего числа учащихся—именно 167 приходящихъ ученицъ, платившихъ за свое содержаніе отъ 6 до 30 рублей въ мѣсяцъ; въ 1888 году таковыхъ квартиръ было 92, и въ нихъ проживало 137 ученицъ (3,8%), платя за себя отъ 8 до 35 рублей въ мѣсяцъ.

10-го октября 1887 года ученицы Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи, со всѣмъ штатомъ служащихъ, были собраны въ залахъ дворца главноначальствующаго для представленія великому князю Михаилу Николаевичу и августѣйшей основательницѣ и покровительницѣ заведеній великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ. Такой же чести удостоились на вокзалѣ желѣзной дороги служащіе и учащіеся Горійской Анастасіевской женской прогимназіи. Въ тотъ же отчетный годъ Екатеринодарскую гимназію осматривалъ предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскій, а епископъ Горійскій преосвященный Александръ присутствовалъ на экзаменѣ по закону Божію въ Тифлисскихъ гимназіи и заведеніи св. Нины. Князь главноначальствующій въ оба года посѣтилъ изъ женскихъ гимназій и прогимназій, находящихся внѣ Тифлиса, Темиръ-Ханъ-Шуринскую прогимназію (въ 1887 году) и гимназіи Бакинскую, Владикавказскую и Екатеринодарскую (въ 1888 году), а патріархъ-католикосъ и экзархъ Грузіи высокопреосвященный Палладій—Бакинскую гимназію. Вообще женскія гимназіи и прогимназіи пользуются особыми заботами и вниманіемъ губернаторовъ и начальниковъ областей, которые, по уставу, состоятъ въ званіи ихъ почетныхъ попечителей, или, какъ Тифлисскій губернаторъ, въ званіи предсѣдателя попечительнаго совѣта.

Къ выдающимся событіямъ въ жизни описываемыхъ заведеній относятся, въ 1887 году, торжественное освященіе трехъ новыхъ зданій: отстроенныхъ въ Баку и Екатеринодарѣ помѣщеній для гимназій и въ посадѣ Коджорахъ дачи для пансіонерокъ тифлисскаго заведенія св. Нины, которую въ теченіе лѣта посѣтилъ князь главноначальствующій. Въ концѣ 1888 года опубликованы результаты VIII конкурса по рисованію, черченію и моделлированію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, бывшаго въ Императорской академіи художествъ въ 1886 году. Коммиссія, разсматривавшая ученическія работы, выразила общую похвалу за прилежаніе ученицамъ Тифлисскихъ женскихъ гимназіи и заведенія св. Нины и присудила за отдѣльныя

работы одну серебряную медаль ученицѣ Тифлисской прогимназіи и 10 похвальныхъ отзывовъ — по 3 на Тифлисскую гимназію, прогимназію и заведеніе св. Нины и 1 ученицѣ прогимназіи г-жи Серпинэ. Преподавателю Тифлисскаго реальнаго училища г. Колчину, за успѣхи его ученицъ въ Тифлисскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, объявлена коммиссіей особая благодарность.

Всѣхъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа въ концѣ 1887 года считалось 558 лицъ, а въ концѣ 1888 года — 544 лица, на 14 меньше, чѣмъ въ началѣ года, и въ томъ числѣ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
почетныхъ попечителей и попечительницъ . . .	13	12
предсѣдателей и членовъ попечительныхъ совѣтовъ	129	129
директоровъ, инспекторовъ	5	5
предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ . . .	12	12
начальницъ	14	15
законоучителей	33	30
учителей	117	111
учительницъ	123	125
воспитательницъ и надзирательницъ	79	73
врачей	11	12
на прочихъ должностяхъ	22	20

2 директорскія и 3 инспекторскія должности учреждены на основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній: директорскія — одна при Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи и другая — при Ставропольскихъ гимназіяхъ, инспекторскія — при Тифлисскихъ же гимназіи и прогимназіи, при Тифлисскомъ заведеніи св. Нины и при Владикавказской гимназіи. Остальныя 10 заведеній управляются на общемъ основаніи, и предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ въ нихъ состоятъ: директора гимназій — въ Екатеринодарской гимназіи и Эриванской прогимназіи, директора реальныхъ училищъ — въ Бакинской гимназіи и въ прогимназіяхъ Ейской и Темиръ-Ханъ-Шуринской, директоръ учительской семинаріи — въ Горійской прогимназіи, инспекторъ прогимназіи—въ Кутаисской гимназіи, учитель гимназіи — въ частной гимназіи г-жи Серпинэ, учитель-инспекторъ городскаго училища—въ Александропольской прогимназіи и смотритель горской школы—въ Сухумской прогимназіи.

Въ 1887 году назначено было на разныя должности въ гимназіи

47 и въ прогимназіи 10, всего 57 лицъ; въ томъ числѣ директоромъ Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи назначенъ инспекторъ Владикавказской женской гимназіи Карповичъ, а на его мѣсто поступилъ учитель Владикавказскаго реальнаго училища Кудрявцевъ. Вакантными къ 1-му января 1888 года, кромѣ должностей почетныхъ попечителей при 8 заведеніяхъ, были мѣста начальницъ въ Екатеринодарской гимназіи и Тифлисскомъ заведеніи св. Нины и по другимъ должностямъ 6, всего 16 вакансій. Въ 1888 году вновь назначено было 61 лицо, изъ нихъ 52 по гимназіямъ и 9 по прогимназіямъ, въ томъ числѣ: 2 почетныхъ попечителя въ гимназіи Владикавказскую и Ставропольскую Ольгинскую, инспекторомъ въ Тифлисскую гимназію учитель Тифлисской 1-й гимназіи Козюлькинъ, предсѣдателемъ педагогическаго совѣта въ Екатеринодарскую гимназію—директоръ Кубанской войсковой гимназіи Топорковъ и 2 начальницы въ Екатеринодарскую гимназію и заведеніе св. Нины. Вакантныхъ должностей къ 1-му января 1889 года оставалось 16, между прочимъ должность начальницы Кутаисской гимназіи, за выходомъ въ отставку г-жи Барановской, занимавшей эту должность съ основанія гимназіи.

Директора и инспектора женскихъ гимназій давали слѣдующее число уроковъ: въ 1887 году два директора — 29 уроковъ, въ 1888 году — 26 уроковъ и 3 инспектора въ оба года имѣли каждый по 40 уроковъ. Изъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ въ 1887 году занимались преподаваніемъ 4, а въ 1888 году 3, имѣя притомъ уроковъ въ первый годъ въ Бакинской гимназіи 8, въ Екатеринодарской 6, въ Кутаисской 2 и въ прогимназіи Горійской 2, а во второй годъ—въ Бакинской 6, въ Горійской 2 и въ гимназіи Серпинэ 1. Между прочимъ, предсѣдатель горійскаго совѣта директоръ Закавказской учительской семинаріи Стрѣлецкій не получаетъ вознагражденія за свои уроки, а плата за нихъ поступаетъ на взносъ за право ученія двухъ бѣдныхъ ученицъ прогимназіи; равнымъ образомъ, предсѣдатели совѣтовъ въ гимназіяхъ Бакинской и г-жи Серпинэ давали въ 1888 году свои уроки безплатно. Изъ 14 начальницъ, бывшихъ въ первый отчетный годъ, участвовали въ преподаваніи 8 и имѣли въ сложности 99 уроковъ въ недѣлю; во второй же отчетный годъ изъ 15 начальницъ 9 занимались преподаваніемъ и имѣли 108 уроковъ въ недѣлю, большею частью по новымъ языкамъ.

Въ 1887 году въ гимназіяхъ изъ 65.375 положенныхъ по распредѣленію уроковъ пропущено было преподавателями и преподаватель-

ницами 2.452, или 3,75%, а въ прогимназіяхъ—изъ 33.084 уроковъ 1.190, или 3,60%, вообще же во всѣхъ 16 заведеніяхъ пропущенные уроки составляли 3,70%; въ 1888 году по гимназіямъ изъ 70.926 уроковъ пропущено учителями и учительницами 3.121, или 4,40%, а въ прогимназіяхъ—изъ 26.694 уроковъ 1.340, или 5,02%, всего же въ 16 заведеніяхъ пропуски составляли 4,56%. Причины пропусковъ были:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
болѣзнь	74,4%	70,1%
служебныя обязанности	11,3%	9,0%
домашнія обстоятельства	7,2%	16,3%
вызовъ въ судъ	2,4%	1,7%
отпускъ	4,4%	2,8%
неуважительныя причины	0,3%	0,1%

Значительная часть этихъ уроковъ была возмѣщена другими лицами, между прочимъ въ гимназіяхъ ученицами VIII дополнительныхъ классовъ (198, или 5,4% и 143, или 3,2%). На остальные же часы дѣтей отпускали домой (22,6% и 24,5% общаго числа пропусковъ).

Классныя испытанія производятся во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такихъ испытаній произведено было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
устныхъ	1.600	1.320
письменныхъ	931	753
Итого	2.531	2.073

Попечительные совѣты въ 1887 году имѣли 127 засѣданій, а педагогическіе—239, и какъ тѣ, такъ и другіе заняты были, по преимуществу, разрѣшеніемъ текущихъ вопросовъ и дѣлъ, относящихся по уставу къ ихъ вѣдѣнію, и никакихъ особыхъ, заслуживающихъ вниманія, постановленій въ году не состоялось. Въ 1888 году попечительные совѣты имѣли 141 засѣданіе, педагогическіе—230, и кромѣ текущихъ дѣлъ, попечительные совѣты занимались изысканіемъ мѣръ къ улучшенію матеріальной части заведеній; къ сожалѣнію, эти мѣры часто сводятся къ однимъ только ходатайствамъ объ увеличеніи правительственныхъ субсидій, или къ сокращенію необходимѣйшихъ расходовъ, большею частью содержанія личнаго состава. Такъ, напримѣръ, попечительный совѣтъ Ставропольской гимназіи

св. Александры, поставленный въ большое затрудненіе прекращеніемъ ежегодной въ 2.000 р. правительственной субсидіи (вмѣсто которой назначено было 1.000 р. только на текущій годъ), нашелъ себя вынужденнымъ уменьшить жалованье начальницы (съ 1000 до 700 р.), сократить воспитательный персоналъ пансіона (число надзирательницъ съ 6 до 4 и число пепиньерокъ съ 8 до 4), отмѣнить безплатное во всѣхъ классахъ преподаваніе французскаго языка, введенное $3^1/_2$ года тому назадъ, и согласиться на предложеніе дѣлопроизводителей обоихъ совѣтовъ нести свои обязанности безвозмездно впредь до улучшенія матеріальнаго положенія заведенія. Въ столь же стѣсненномъ положеніи находится попечительный совѣтъ гимназіи г-жи Серпинэ, который также ходатайствуетъ о ежегодной субсидіи отъ правительства, въ размѣрѣ 1.000 р. Педагогическіе совѣты большинства гимназій и прогимназій относились къ своимъ обязанностямъ съ должнымъ вниманіемъ; такъ, между прочимъ, почти во всѣхъ заведеніяхъ приняты цѣлесообразныя мѣры къ установленію связи въ преподаваніи разныхъ предметовъ, правильному веденію письменныхъ работъ, ограниченію количества работъ, задаваемыхъ на домъ, и организаціи внѣкласснаго чтенія. Учебно-воспитательный персоналъ, и въ особенности женскій, по общему отзыву начальствъ всѣхъ заведеній, трудится съ полною добросовѣстностью, а иногда и съ замѣчательною энергіей.

Въ 1887 году Тифлисское учебное заведеніе св. Нины, состоящее въ вѣдѣніи благотворительнаго общества св. Нины понесло тяжкую утрату въ лицѣ скончавшейся 8-го мая, въ С.-Петербургѣ, предсѣдательницы совѣта общества, княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой. Только благодаря энергической дѣятельности покойной княгини, Тифлисское заведеніе св. Нины изъ учрежденія, лишеннаго всякихъ матеріальныхъ средствъ, помѣщеннаго въ полуразвалившемся, ветхомъ зданіи и не имѣвшаго сколько-нибудь правильной учебно-воспитательной организаціи, въ короткое время сдѣлалось среднимъ учебнымъ заведеніемъ, вполнѣ благоустроеннымъ.

Въ продолженіе обоихъ отчетныхъ годовъ нѣкоторые преподаватели въ женскихъ гимназіяхъ заявили себя особыми трудами. Такъ, преподаватель физики Ставропольскихъ женскихъ гимназій Н. Я. Динникъ помѣстилъ статьи: „На ледникѣ Казбека“ въ журналѣ Природа и Охота за мартъ 1887 года; „Поѣздка въ Валкирію“ въ Запискахъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества; „On the Caucasian mountain goat“ въ Annals and magasine

of natural history за іюнь 1887 года; „Перелетъ птицъ черезъ Кавказскій хребетъ" въ газетѣ Кавказъ, № 320 за 1887 годъ; Вторая поѣздка въ Балкарію" въ Запискахъ Кавказскаго отдѣла „Русскаго Географическаго Общества; „Изъ путешествій по Кавказу. Охотничье Эльдорадо" въ журналѣ Природа и Охота за декабрь 1888 года; „По поводу погибшихъ англичанъ путешественниковъ" въ газетѣ Сѣверный Кавказъ за 1888 годъ, № 88. Законоучитель Ставропольской женской гимназіи Св. Александры, протоіерей В. Борнуковскій написалъ и сказалъ въ церкви два поученія, 14-го іюня и 5-го сентября, а также писалъ и произносилъ проповѣди въ каѳедральномъ соборѣ, по назначенію отъ архіерея. Законоучитель Ставропольской Ольгинской женской гимназіи, священникъ М. Прозоровскій написалъ и сказалъ два поученія, 17-го іюня и 8-го сентября 1887 года, другія поученія по поводу разныхъ событій и по поводу содержанія св. Евангелія, читаемаго въ церкви, а также писалъ и произносилъ очередныя проповѣди въ каѳедральномъ соборѣ, по назначенію отъ архіерея. Учитель русскаго языка и исторіи Тифлисскаго учебнаго заведенія св. Нины П. А. Ѳедоровскій написалъ и помѣстилъ статью: „Страничка изъ жизни грузинъ-переселенцевъ въ Малороссіи. Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи" въ VII выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа".

Число учащися въ началѣ учебнаго 1886—1887 года въ гимназіяхъ было 3.095, въ прогимназіяхъ—990, а во всѣхъ 16 заведеніяхъ—4.085; въ концѣ года въ гимназіяхъ обучалось—3,034, въ прогимназіяхъ—953, а всего—3,987 ученицъ. Такимъ образомъ, общее число учащихся вообще уменьшилось на 98; или 2,4%, въ отдѣльности: въ гимназіяхъ—на 61, или 2,0%, въ прогимназіяхъ—на 37, или 3,7%; за неимѣніемъ очевидной причины, уменьшеніе учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ за этотъ годъ можно приписать простой случайности, такъ какъ и послѣдовавшее въ то время распоряженіе о прекращеніи пріема въ приготовительные классы мужскихъ гимназій и прогимназій не распространялось на женскія учебныя заведенія. Между тѣмъ, такое уменьшеніе весьма чувствительно отзывается на матеріальныхъ средствахъ заведеній. Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи пострадала Ставропольская гимназія св. Александры, въ которой число платныхъ пансіонерокъ за годъ уменьшилось на 35, что составляетъ для заведенія денежный убытокъ почти въ 8,000 р. Уменьшеніе произошло въ 12 заведеніяхъ,

и притомъ особенно значительно въ гимназіяхъ Владикавказской (на 38, или 8%) и Ставропольской Св. Александры (на 24, или 10%). въ прогимназіяхъ Горійской (на 16, или 12%), Ейской (на 30, или 14%) и Т.-Х.-Шуринской (на 8, или 11%). Въ остальныхъ 4 заведеніяхъ число учащихся увеличилось, а именно: въ гимназіяхъ Бакинской (на 28, или 10%) и Екатеринодарской (на 18, или 6%), въ прогимназіяхъ Сухумской (на 4, или 8%) и частной г-жи Серпинэ (на 27, или 23%). Въ 1887—1888 учебномъ году число учащихся увеличилось съ 3,987 до 4,031, то-есть, на 44, или 1,1%, въ гимназіяхъ—на 19 и въ прогимназіяхъ—на 26 учениць. Самое значительное увеличеніе произошло въ Бакинской гимназіи (на 36, или 12%) и въ Т.-Х.-Шуринской прогимназіи (на 17, или 25%), а уменьшеніе—въ Горійской прогимназіи на 19, или 16%).

По числу учащихся отдѣльныя заведенія распредѣлялись въ слѣдующемъ порядкѣ.

Гимназіи:

Къ 1-му января 1887 года:		Къ 1-му января 1888 года:	
1. Тифлисская	710	1. Тифлисская	724
2. Владикавказская	430	2. Владикавказская	422
3. Заведеніе св Нины	396	3. Заведеніе св. Нины	392
4. Кутаисская	340	4. Бакинская	344
5. Ставроп.-Ольгинская	323	5. Кутаисская	327
6. Бакинская	308	6. Ставроп.-Ольгинская	323
7. Екатеринодарская	300	7. Екатеринодарская	294
8. Ставроп.-св. Александры	227	8. Ставроп. св. Александры	215
		9. Частная г-жи Серпинэ	158

Прогимназіи:

1. Тифлисская	222	1. Тифлисская	221
2. Ейская	185	2. Ейская	198
3. Частная г-жи Серпинэ	146	3. Горійская	98
4. Горійская	117	4. Александропольская	87
5. Эриванская	82	5. Т.-Х.-Шуринская	85
6. Александропольская	79	6. Эриванская	84
7. Т.-Х.-Шуринская	68	7. Сухумская	59
8. Сухумская	54		

По числу воспитывающихся пансіоны при заведеніяхъ располагались въ одинаковомъ порядкѣ въ оба отчетные года, и въ нихъ было:

	Къ 1-му января 1888 года:	Къ 1-му января 1889 года:
1. При заведеніи св. Нины	244	255
2. „ Ставроп. гимн. св. Александры	155	135
3. „ частной прогимназіи, затѣмъ гимназіи г-жи Сервинэ . . .	39	41
4. „ прогимназіи Сухумской . .	28	27
5. „ „ Эриванской . .	21	19
	487	477

Распредѣленіе всѣхъ учащихся по сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ и національностямъ къ 1-му января обоихъ отчетныхъ годовъ было слѣдующее:

а) По сословіямъ:	Въ 1887 году,	въ томъ числѣ пансіонерокъ:	Въ 1888 году,	въ томъ числѣ пансіонерокъ:
Дворянъ	2.399	385	2.422	379
Духовнаго званія	148	17	134	15
Сословій городскихъ . . .	1.142	70	1,188	74
„ сельскихъ . . .	67	8	76	6
Нижнихъ чиновъ	160	7	138	3
Иностранцевъ	71	—	73	—
	3.987	487	4.031	477

б) По вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго	2.908	421	2.919	410
Армяно-григоріанскаго . .	645	35	669	41
Католическаго	185	20	198	14
Лютеранскаго	122	8	114	10
Раскольниковъ	7	1	7	1
Мусульманъ.	11	2	8	1
Евреевъ	109	—	116	—
	3.987	487	4.031	477

в) По національностямъ:

Русскихъ	2.387	335	2.380	311
Грузинъ	508	86	501	83
Армянъ	693	36	717	43
Татаръ	9	2	8	1
Горцевъ	11	9	31	20
Евреевъ	109	—	117	—
Иностранцевъ	270	19	277	19
	3.987	487	4.031	477

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, что изъ сословій между учащимися преобладаютъ дворянское (60,2 и 60,1%) и городскія (28,6 и 29,5%), изъ вѣроисповѣданій—православное (72,9 и 72,4%) и армяно-григоріанское (16,2 и 16,6%), а изъ національностей—русская (59,9 и 59,5%), армянская (17,4 и 17,8%) и грузинская (12,7 и 12,4%). Распредѣленіе учащихся, конечно, зависитъ отъ состава населенія тѣхъ городовъ, въ которыхъ находятся учебныя заведенія; вообще же можно заключить, что русскіе больше цѣнятъ гимназическое образованіе дочерей, чѣмъ другія національности; армяне же, повидимому, не такъ охотно отдаютъ дочерей въ гимназіи, имѣя для женскаго образованія свои школы при церквахъ и монастыряхъ.

По классамъ учащіяся распредѣлялись такъ:

	Въ 1887 г.		Въ 1888 г.	
въ приготовительныхъ классахъ .	756	(19,0%)	789	(19,6%)
„ I-хъ классахъ	682	(17,1%)	648	(16,0%)
„ II-хъ „	594	(14,9%)	576	(14,3%)
„ III-хъ „	547	(13,7%)	576	(14,3%)
„ IV-хъ „	459	(11,5%)	429	(10,6%)
„ V-хъ „	332	(8,3%)	357	(8,9%)
„ VI-хъ „	281	(7,0%)	279	(6,9%)
„ VII-хъ „	190	(4,8%)	240	(6,0%)
„ VIII-хъ дополнительныхъ. . .	146	(3,6%)	137	(3,4%)

Прошеній о пріемѣ подано было въ теченіе 1887 года по гимназіямъ 841, по прогимназіямъ—290, всего 1.131; по нимъ не принято 153, или 13%, въ гимназіяхъ 111, или 14% и въ прогимназіяхъ 42, или 5%, и въ томъ числѣ 18 по недостатку мѣстъ, 70 по невыдержанію испытаній и 65 по другимъ причинамъ; въ 1888 году

подано прошеній о желаніи поступить въ гимназіи 867 и въ прогимназіи—255, всего 1.122, и по нимъ не принято было 132, или 11,8%, и именно—по гимназіямъ 116, или 13%, и по прогимназіямъ 16, или 2%, и въ томъ числѣ 7 по недостатку мѣстъ, 68 по невыдержанію экзамена и 57 по разнымъ причинамъ. Вновь принятыя въ оба отчетные года 978 и 990 учениць поступили:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по свидѣтельствамъ	222	140
изъ казенныхъ учебныхъ заведеній.	26	13
„ общихъ „ „	31	33
„ частныхъ „ „	18	41
по домашней подготовкѣ. . . .	681	763

и были распредѣлены по классамъ:

въ приготовительные	472	532
„ I-е	205	185
„ II-е	92	85
„ III-е	71	54
„ IV-е	36	37
„ V-е	29	26
„ VI-е	26	29
„ VII-е	8	11
„ VIII-е дополнительныхъ . . .	39	31

Число учениць, выбывшихъ въ 1887 году изъ 16 заведеній, было очень велико, а именно 1.076, или 27,0% общаго числа учащихся къ концу года: отдѣльно изъ гимназій выбыло 791, изъ прогимназій—285; учениць, выбывшихъ въ теченіи 1888 года, было 946, или 24,3% всего числа учащихся; изъ гимназій вышло 732 и изъ прогимназій—214. Причины выбытія были слѣдующія:

	1887 годъ		1888 годъ	
	по гимназіямъ.	по прогимназіямъ.	по гимназіямъ.	по прогимназіямъ.
по случаю окончанія VIII дополнит. классовъ . . .	133	—	140	—
окончившія VII-е классы.	68	—	54	—
окончившія прогимназическій курсъ		70		65
по прошеніямъ	498	185	471	123

за неуспѣшность . . .	22	9	23	6
за поведеніе	1	—	1	—
за болѣзнью	60	17	33	18
смерть	9	4	10	2

Итого за окончаніемъ курса выбыло въ 1887 году 271 и не окончившихъ курсъ—805; между 590 не окончившими полнаго гимназическаго курса было 316 выбывшихъ изъ старшихъ классовъ и поэтому пріобрѣвшихъ право на званіе начальной учительницы. Въ 1888 году выбыло за окончаніемъ курса 259 и до окончанія курса—687, но между послѣдними было 269 ученицъ, кои пріобрѣли права окончившихъ прогимназическій курсъ. Отдѣльные классы по проценту выбывшихъ ученицъ располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	въ 1887 г.		въ 1888 г.
изъ V классовъ выбыло .	29,5%	V	29,7%
„ IV	25,7%	IV	23,8%
„ III	24,9%	III	21,2%
„ I	22,7%	I и II . . .	19,8%
„ приготовительныхъ .	20,5%	приготовит . .	14,7%
„ VI	19,9%	VI	13,3%
„ II	18,7%	VIII (не считая окончившихъ) .	10,9%
„ VII и VIII (не считая окончившихъ) . .	13,7%	VII (не считая окончившихъ) .	5,0%

Успѣхи учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ были слѣдующіе:

а) Въ VIII дополнительныхъ классахъ 5 гимназій въ 1887 году изъ 138 ученицъ успѣшно окончили свои занятія 133, или 96,4%, и изъ нихъ 28 удостоились права на званіе домашней наставницы и 105—права на званіе домашней учительницы; остальныя 5 не удостоены искомыхъ свидѣтельствъ. Въ 1888 году бывшія въ VIII классахъ 143 ученицы, или 97,9%, прошли курсъ этого класса съ успѣхомъ, за исключеніемъ 3; званія домашней наставницы удостоены 42, а званія домашней учительницы—98. Всѣ окончившія по спеціальностямъ распредѣлялись:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по русскому языку	59, или 45%	65, или 46%
„ математикѣ	52, или 39%	59, или 42%
„ исторіи и географіи . . .	22, или 16%	16, или 12%

б) Въ VII классахъ 8 гимназій было къ концу 1886—1887 учебнаго года 214 ученицъ, изъ которыхъ 202 приступили къ окончательнымъ испытаніямъ; удовлетворительно выдержали ихъ 178 дѣвицъ, изъ которыхъ одна, именно въ Кутаисской гимназіи, отказалась отъ аттестата и пожелала остаться въ томъ же VII классѣ еще на одинъ годъ; изъ 177 ученицъ, получившихъ аттестаты, награждены золотою медалью 17, и серебряною—27; наибольшее число медалей присуждено ученицамъ гимназій Кутаисской — 5 золотыхъ и 6 серебряныхъ и Тифлисской—3 золотыхъ и 6 серебряныхъ; не удовлетворили экзаменнымъ требованіямъ 24 ученицы изъ слѣдующихъ предметовъ: по математикѣ 12, по исторіи—9, по русскому языку—7 и по физикѣ—6. Изъ 187 ученицъ VII классовъ конца 1887—1888 учебнаго года допущено было къ испытаніямъ 168 и удостоено аттестатовъ 158, въ томъ числѣ награждено медалью золотою 16 и серебряною—9, и опять наибольшее число медалей присуждено въ гимназіяхъ: Кутаисской — 5 золотыхъ и 2 серебряныхъ, и Тифлисской—3 золотыхъ и 2 серебряныхъ; ученицъ, не удостоенныхъ свидѣтельствъ, было 10—за невыдержаніе испытаній по слѣдующимъ предметамъ: физикѣ—5, по математикѣ—4, исторіи—3, географіи—2, русскому языку—1.

в) Изъ общаго числа ученицъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года по 16 заведеніямъ 3.946 удостоены переводовъ въ слѣдующіе классы или выдачи аттестата объ окончаніи курса 3.102, или 78,6%; изъ этого числа успѣвающихъ было: по гимназіямъ 81,2%, а по прогимназіямъ — 70,7%. Въ концѣ слѣдующаго учебнаго года переведенныхъ въ высшіе классы, удостоенныхъ аттестата и свидѣтельства объ окончаніи курса было 3.087, или 79,2%, въ томъ числѣ въ гимназіяхъ 81,2% и въ прогимназіяхъ — 71,5%. Успѣшность въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ выражалась слѣдующими процентными отношеніями:

гимназіи

въ 1887 г.		въ 1888 г.	
1. Бакинская	94,1%	1. Бакинская	86,3°
2. Владикавказская	85,9%	2. Ставропольская Св. Александры	85,0%
3. Ставропольская Св. Александры	85,2%	3. Владикавказская	83,8%
4. Кутаисская	84,2%	4. Частная г-жи Серпинэ.	82,7%
5. Екатеринодарская	83,9%	5. Тифлисская	81,5%

6. Ставропольс. Ольгинская	82,4°/₀	6. Кутаисская	81,5°/₀
7. Заведеніе св. Нины	77,9°/₀	7. Заведеніе св. Нины	80,4°/₀
8. Тифлисская	71,6°/₀	8. Ставроп.-Ольгинская	78,2°/₀
		9. Екатеринодарская	71,4°/₀

прогимназіи:

1. Сухумская	96,2°/₀	1. Тифлисская	81,1°/₀
2. Эриванская	91,6°/₀	2. Ейская	78,9°/₀
3. частная г-жи Сервинэ	81,0°/₀	3. Сухумская	75,4°/₀
4. Ейская	74,0°/₀	4. Эриванская	67,9°/₀
5. Тифлисская	65,0°/₀	5. Александропольская	62,5°/₀
6. Темиръ-Ханъ-Шуринск.	63,8°/₀	6. Темиръ-Ханъ-Шуринск.	57,9°/₀
7. Горійская	57,5°/₀	7. Горійская	54,5°/₀
8. Александропольская	51,9°/₀		

Въ оба года въ отношеніи успѣшности отдѣльныхъ классовъ не замѣтно никакой опредѣленной послѣдовательности, и лучшіе по успѣхамъ были выпускные классы—VIII (96°/₀ и 98°/₀) и VII (83°/₀ и 86°/₀), а самые слабые—I (74°/₀) и особенно III (73°/₀). Успѣшность по главнымъ предметамъ обученія, національностямъ и сословіямъ выражалась слѣдующими числами:

а) по предметамъ:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
по закону Божію	94°/₀	95°/₀
„ русскому языку	82°/₀	82°/₀
„ по математикѣ	84°/₀	82°/₀

б) по національностямъ:

горцевъ	100°/₀	горцевъ	89°/₀
татаръ	89°/₀	иностранцевъ	83°/₀
русскихъ	81°/₀	русскихъ	82°/₀
армянъ	78°/₀	армянъ	75°/₀
иностранцевъ	76°/₀	евреевъ	72°/₀
евреевъ	75°/₀	грузинъ	70°/₀
грузинъ	70°/₀	татаръ	50°/₀

в) по сословіямъ:

дворянъ.	81%	дворянъ.	82%
духовнаго званія . .	81%	нижнихъ чиновъ . .	81%
сельскихъ сословій. .	81%	сельскихъ сословій. .	77%
иностранцевъ. . . .	78%	духовнаго званія . .	74%
нижнихъ чиновъ. . .	76%	городскихъ сословій .	73%
городскихъ сословій .	73%	иностранцевъ. . . .	70%

Уволенныхъ за неуспѣшность, вслѣдствіе двухлѣтняго пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ, было въ 1886—1887 учебномъ году въ гимназіяхъ—22, или 0,72%, въ прогимназіяхъ—9, или 0,94%, а всего 31, или 0,78% всѣхъ учащихся; въ 1887—1888 учебномъ году уволенныхъ было по гимназіямъ 23, по прогимназіямъ 6, всего 29 учениць; значительное большинство увольняемыхъ оказывается безуспѣшными за оба года по русскому языку 26 (84%) и 27 (93%) и по математикѣ—24 (или 77% и 83%).

Къ необязательнымъ учебнымъ предметамъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ принадлежатъ языки, новые и туземные, и нѣкоторыя искусства. Изъ нихъ французскій языкъ преподается во всѣхъ заведеніяхъ, кромѣ прогимназій Сухумской и Эриванской, и въ оба отчетные года ему обучалось 1.130 и 1.177 дѣвицъ; между прочимъ, въ частной гимназіи г-жи Серпинэ французскій языкъ обязателенъ для всѣхъ учениць, начиная съ приготовительнаго класса, а съ начала втораго отчетнаго года въ заведеніи св. Нины этотъ языкъ введенъ въ старшее отдѣленіе приготовительнаго класса въ видѣ практическаго обученія, какъ разговорный, безъ чтенія и письма. Нѣмецкій языкъ введенъ въ 7 гимназіяхъ (не преподается въ Кутаисской и Ставропольской Ольгинской) и въ прогимназіи Тифлисской; ему обучалось 73 и 84 ученицы; оба новые языка преподаются въ тѣхъ же 7 гимназіяхъ и въ той же прогимназіи, гдѣ введенъ отдѣльно нѣмецкій; желающихъ изучать оба языка было 321 и 396 учениць. Изъ туземныхъ языковъ преподаются: грузинскій—въ гимназіи Кутаисской, заведеніи св. Нины и прогимназіи Горійской; учащихся ему было за оба года 353 и 396; кромѣ того, грузинскій языкъ преподавался еще въ Тифлисскихъ гимназіи и прогимназіи, но съ начала 1886 — 1887 учебнаго года уроки эти прекратились за неимѣніемъ желающихъ учиться ему; армянскій языкъ введенъ во всѣхъ 4 заведеніяхъ города Тифлиса, въ прогимназіи Александропольской и съ 1888 года въ гимназіи Бакинской, гдѣ ему обучаются всѣ ученицы-армянки, а плата преподавателю вносится

армянскимъ обществомъ; всѣхъ же обучавшихся армянскому языку въ оба года было 317 и 325 ученицъ. Пѣніе преподается безплатно во всѣхъ 16 заведеніяхъ, и число обучающихся ему было 2.973 и 2.964, что составляетъ 74% общаго числа учащихся. Рисованіе введено, какъ обязательный предметъ, во всѣ заведенія, кромѣ четырехъ: гимназій Кутаисской и двухъ Ставропольскихъ и прогимназіи Эриванской; въ Александропольской же прогимназіи, гдѣ рисованіе было также предметомъ обязательнымъ, въ 1888 году занятіе имъ упразднено; обучающихся этому искусству въ 11 заведеніяхъ было 2.408 и 2.420 (60%). Гимнастику ввели у себя только два заведенія—гимназія Бакинская и прогимназія Горійская; въ нихъ занимаются ею всѣ ученицы; въ оба года ихъ было 409 и 444; въ остальныхъ же 14 заведеніяхъ гимнастика не введена вовсе, отчасти по недостатку соотвѣтственныхъ помѣщеній и необходимаго свободнаго времени, но болѣе всего вслѣдствіе отсутствія, даже въ такомъ городѣ, какъ Тифлисъ, лицъ, которыя могли бы руководить гимнастическими упражненіями дѣвицъ, если не съ большою пользою, то по крайней мѣрѣ, безъ вреда для ихъ здоровья и физическаго развитія. Впрочемъ, недостатокъ гимнастическихъ упражненій отчасти восполняется танцами, которые введены, кромѣ Кутаисской и Владикавказской гимназій, во всѣ прочія и въ прогимназіи Горійскую и Тифлисскую; всѣхъ учащихся танцамъ было въ 1887 году 1.482 или 37% общаго числа учащихся, а въ 1888 году число обучавшихся сократилось до 1.015, или 25%, такъ какъ въ этомъ году прекратились занятія танцами въ двухъ Ставропольскихъ гимназіяхъ. Воспитанницы пансіоновъ занимаются, сверхъ того, музыкою, а нѣсколько ученицъ Тифлисской гимназіи—живописью по фарфору.

Поведеніе учащихся и воспитывающихся въ 16 женскихъ заведеніяхъ и въ 5 пансіонахъ при нихъ было вполнѣ безукоризненно за оба отчетные года, что видно изъ слѣдующаго количества прекрасныхъ отмѣтокъ и малаго числа подвергавшихся въ продолженіе двухлѣтняго срока взысканіямъ, а именно:

	Въ 1887 году	въ томъ числѣ пансіонерокъ.	Въ 1888 году	въ томъ числѣ пансіонерокъ.
отмѣтку 5 имѣли	3.581	454	3.746	463
„ 4 „	326	28	225	14
Изъ 3.914 ученицъ—	3.907 (99,8%)		изъ 3.977—3.971 (99,9%)	

кромѣ того, въ VIII дополнительныхъ классахъ нѣкоторыхъ гимназій отмѣтокъ за поведеніе не ставится. Неодобрительнымъ поведе-

ніемъ заявили себя въ теченіе обоихъ отчетныхъ годовъ лишь 10 учениць и за то подверглись слѣдующимъ наказаніямъ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
выговору педагогическаго совѣта . .	2	5
исключенію изъ гимназіи (Кутаисской)	1	1
увольненію изъ пансіона (Сухумскаго).	1	—
Итого .	4 ученицы.	6 ученицъ.

Число пропущенныхъ уроковъ было въ 1887 году 162.516, что среднимъ числомъ приходится на одну ученицу по 40,8, въ томъ числѣ по гимназіямъ 128.453, или 42,4 на одну ученицу, а по прогимназіямъ—34.063, или 35,7 на ученицу. Въ 1888 году пропусковъ уроковъ было 169.291, или 42,0 на одну ученицу, отдѣльно въ гимназіяхъ—134.126, или 41,9 на одну ученицу, въ прогимназіяхъ—35.165, или 42,3 на ученицу. Главная причина манкировокъ падала за оба года на случаи заболѣваній.

Всѣхъ случаевъ заболѣваній въ теченіе 1887 года было въ 16 заведеніяхъ 11.175, или по 280 на каждыя 100 ученицъ; между пансіонерками заболѣваній было 726, или по 149 на каждыя 100 воспитанницъ; въ 1888 году случаевъ заболѣваній было 9.925, или по 256 на 100 ученицъ, изъ нихъ въ пансіонахъ — 696 случаевъ или 146 на 100 воспитанницъ. Наибольшій процентъ заболѣваній въ оба года относится къ лихорадкамъ—42 и 35,6%; затѣмъ, изъ серьезныхъ болѣзней было: случаевъ скарлатины—14 (въ томъ числѣ 9 въ Бакинской гимназіи) и 32; кори—52 (въ томъ числѣ 15 въ Кутаисской гимназіи и 18 въ Алесандропольской прогимназіи) и 78 (изъ нихъ 58 въ двухъ Ставропольскихъ гимназіяхъ); оспы—28 (въ томъ числѣ 21 въ училищѣ св. Нины) и 47 (изъ нихъ 25 во Владикавказской гимназіи); тифа—34 (изъ нихъ половина приходилась на гимназіи и прогимназію Тифлиса) и 24 (болѣе всего въ Владикавказской гимназіи — 11 случаевъ). Смертныхъ случаевъ въ 1887 году было 13 (0,33%), изъ нихъ по 3 въ гимназіяхъ Кутаисской и Владикавказской, 2 въ Горійской прогимназіи и по 1 въ гимназіяхъ Бакинской, двухъ Ставропольскихъ и въ прогимназіяхъ Тифлисской и Сухумской, въ коей скончалась 1 воспитанница пансіона. Въ 1888 году смерть похитила 12 ученицъ: по 3 въ гимназіи Тифлисской и въ заведеніи св. Нины, изъ нихъ 1 воспитанница пансіона, 2 въ Екатеринодарской, и по 1 въ гимназіяхъ Кутаисской и Бакинской и въ прогимназіяхъ Ейской и Темиръ-Ханъ-Шуринской.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ МИНАЕВЪ.

(некрологъ).

Петербургскій университетъ понесъ новую тяжелую, преждевременную, хотя и предвидѣнную утрату; русская наука лишилась одного изъ самыхъ крупныхъ своихъ дѣятелей. По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ напрасно искалъ облегченія отъ неизлѣчимой болѣзни, давно подтачивавшей его физическія силы, въ пятницу, 1-го іюня, въ 1 часъ по полудни, скончался Иванъ Павловичъ Минаевъ, профессоръ сравнительнаго языкознанія въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

И. П. Минаевъ принадлежалъ по происхожденію къ дворянской семьѣ въ Тамбовской губерніи. Родился онъ 9-го октября 1841 года; получилъ тщательное домашнее воспитаніе и затѣмъ учился сперва въ Московской первой гимназіи, а послѣ въ Тамбовской, гдѣ и кончилъ курсъ. Въ 1858 году онъ поступилъ на восточный факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ съ особенною любовью занимался подъ руководствомъ профессоровъ В. П. Васильева и К. А. Коссовича. Будучи студентомъ третьяго курса, на тему, предложенную нашимъ знаменитымъ синологомъ, онъ написалъ сочиненіе по каѳедрѣ китайскаго и манджурскаго языковъ: „Географическія изслѣдованія о Монголіи", за которое получилъ золотую медаль въ февралѣ 1861 года. Профессоръ Васильевъ успѣлъ внушить даровитому юношѣ живой интересъ къ изученію буддизма, чтò послужило точкой отправленія для всей послѣдующей ученой дѣятельности Ивана Павловича. Профессору Коссовичу онъ былъ обязанъ первоначальнымъ знакомствомъ съ санскритскимъ языкомъ. По окончаніи курса въ уни-

верситетѣ, въ 1862 году, задаваясь вполнѣ сознательно цѣлью изученія первоисточниковъ буддизма, для чего необходимо было основательное и глубокое знакомство съ литературами санскритскою и палійскою, Иванъ Павловичъ отправился за границу и прежде всего въ Берлинъ и Геттингенъ, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи Боппа, Вебера и Бенфея. Слѣдующіе затѣмъ три года И. П. Минаевъ, получивъ командировку отъ министерства народнаго просвѣщенія для приготовленія себя къ преподаванію исторіи Востока, занимался самостоятельно рукописями въ Парижѣ и Лондонѣ и тѣмъ положилъ основаніе отличавшей его обширной и разносторонней начитанности въ не изданныхъ памятникахъ буддійской литературы. Тогда же онъ завязалъ прочныя ученыя связи съ выдающимися представителями западно-европейскаго оріентализма, главнымъ образомъ во Франціи и Англіи. Въ Россію Иванъ Павловичъ воротился (въ мартѣ 1868 г.) уже зрѣлымъ ученымъ и, по защищеніи магистерской диссертаціи, подъ заглавіемъ „Пратимокша-сутра, буддійскій служебникъ" (въ мартѣ 1869 г.), былъ утвержденъ въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ санскритской словесности на восточномъ факультетѣ, а въ 1871 году перешелъ въ историко-филологическій факультетъ, на каѳедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Уже магистерская диссертація Минаева представляла очень цѣнный вкладъ въ тогда еще весьма мало разработанную научную область; что же касается его докторской диссертаціи „Очеркъ фонетики и морфологіи языка пали" (защищалась 18-го декабря 1872 г.), то она была вообще первымъ въ Европѣ опытомъ систематическаго изложенія грамматики этого священнаго языка буддійскаго вѣроученія. Въ скоромъ времени книга Ивана Павловича была переведена на французскій языкъ (въ печати переводъ появился въ 1875 г.) и была вполнѣ оцѣнена также и мѣстными индійскими учеными, среди которыхъ Иванъ Павловичъ также имѣлъ почитателей. Благодаря этимъ и другимъ еще трудамъ, перечисленіе которыхъ здѣсь было бы излишне, И. П. Минаевъ пріобрѣлъ авторитетное положеніе въ ряду европейскихъ спеціалистовъ данной области, такъ что его труды по изданію и объясненію неизвѣстныхъ или не изданныхъ памятниковъ вездѣ охотно принимались и стали, между прочимъ, украшать томы извѣстнаго всѣмъ оріенталистамъ центральнаго органа палійской филологіи — сборника „Pali text-Society", а также другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ изданій.

Всѣ эти труды служили какъ бы приготовленіемъ къ задуманному Иваномъ Павловичемъ обширному историко-критическому сочиненію о буддизмѣ. Этому творенію не суждено было появиться на свѣтъ въ полномъ видѣ. Изданъ былъ (въ 1887 г.) только первый томъ въ двухъ выпускахъ, дающій, однако, полную возможность судить, что еслибъ автору удалось завершить свой трудъ, онъ поставилъ бы изученіе буддизма на новую, болѣе прочную критическую почву.

Не довольствуясь кабинетнымъ изученіемъ индійской древности, Иванъ Павловичъ совершилъ три путешествія въ Индію (въ 1874—1876 гг., съ декабря 1879 по іюль 1880 г. и съ ноября 1885 по май 1886 г.), гдѣ провелъ въ общей сложности болѣе трехъ лѣтъ; оттуда онъ вынесъ богатую научную добычу въ видѣ рукописей, рѣдкихъ восточныхъ изданій и археологическихъ предметовъ, а главное—живое знаніе мѣстныхъ нарѣчій и всего народнаго быта. Какъ результатъ его наблюденій во время перваго путешествія, въ печати появились весьма живо и даже увлекательно написанныя статьи, составившія затѣмъ два тома сочиненія „Цейлонъ и Индія", и сборникъ индѣйскихъ сказокъ и легендъ, записанныхъ имъ въ Камаонѣ изъ народныхъ устъ. Однако, этими изданіями далеко не исчерпывался запасъ пріобрѣтенныхъ ученымъ путешественникомъ свѣдѣній о современной индійской жизни; большая часть замѣтокъ и записей Ивана Павловича, собранныхъ имъ во время путешествій, осталась не обнародованною въ печати. Многое онъ сообщалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, преимущественно въ Географическомъ, въ которомъ былъ весьма ревностнымъ и особенно полезнымъ дѣятелемъ, и въ которомъ его сообщенія всегда встрѣчаемы были съ живымъ участіемъ и глубокимъ вниманіемъ. Эти сообщенія касались уже не однихъ только теоретическихъ вопросовъ науки, но и живой современности, въ частности—условій и основаній англійскаго владычества въ Индіи и великобританскихъ стремленій къ расширенію вліянія или даже преобладанія въ Средней Азіи. Судьбами послѣдней въ прошломъ и настоящемъ Иванъ Павловичъ интересовался съ давнихъ поръ, и какъ это было ему свойственно, онъ изучилъ занимающій его предметъ самымъ глубокимъ и разностороннимъ образомъ. Онъ сдѣлался несомнѣнно лучшимъ у насъ знатокомъ исторической географіи Средней Азіи. Плодомъ этихъ занятій являются „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи", „Старая Индія" (подробный комментарій къ запискамъ русскаго путешественника XV вѣка Аѳанасія Ники-

тина: „Хоженіе за три моря") и неизданный еще, но, сколько намъ извѣстно, совершенно готовый къ печати переводъ путевыхъ записокъ Марко-Поло, также съ комментаріемъ. Нѣкоторыя изъ названныхъ сочиненій Ивана Павловича, вышедшихъ отдѣльно, печатались первоначально въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; тамъ-же онъ помѣстилъ много другихъ самостоятельныхъ изслѣдованій и мелкихъ статей въ видѣ рецензій на вновь выходящія книги, русскія и иностранныя, соприкасающіяся съ тою или другою областью его занятій. Онъ отзывался также и на животрепещущіе вопросы текущей политики по дѣламъ средне-азіатскимъ и помѣщалъ по временамъ статьи въ Новомъ Времени. Подробной научной оцѣнки трудовъ Ивана Павловича мы можемъ ожидать отъ спеціалистовъ; но изъ сказаннаго достаточно ясно слѣдуетъ, что И. П. Минаевъ принадлежалъ къ самымъ выдающимся ученымъ не только русскимъ, но и европейскимъ. Имя его пользовалось особеннымъ уваженіемъ въ Англіи и во Франціи.

Какъ профессоръ и членъ университетской преподавательской корпораціи, И. П. Минаевъ всегда стоялъ чрезвычайно высоко во мнѣніи товарищей; всѣ признавали въ немъ не только рѣдкаго ученаго, но и высокую нравственную личность, цѣнили его непреклонную вѣрность убѣжденіямъ, безукоризненную честность, прямоту и строгую правдивость. Всѣ сознавали, что этотъ человѣкъ не въ состояніи покривить душою, никогда и ни за что̀ не скажетъ лживаго или льстиваго слова. Даже тѣ, которые расходились съ нимъ по разнымъ вопросамъ и отношеніямъ, никогда не рѣшались и не думали заподозрить Ивана Павловича въ какихъ-либо недостойныхъ или низменныхъ побужденіяхъ. Для тѣхъ, кто зналъ Ивана Павловича ближе и могъ считать себя въ числѣ его друзей, воспоминаніе о немъ останется на всю жизнь драгоцѣннымъ достояніемъ и, когда минуетъ первая горечь утраты, будетъ служить отраднымъ утѣшеніемъ за все минувшее и ободреніемъ для будущаго.

Вслѣдствіе самаго характера преподававшагося покойнымъ предмета, ученики И. П. Минаева были не особенно многочисленны; но тѣ немногіе, которые избрали его своимъ руководителемъ, могли поистинѣ считать себя счастливыми, и за его заботы объ ихъ научномъ развитіи они въ свою очередь платили ему трогательною привязанностью и, можно сказать, безграничною любовью. Да будетъ миръ его праху! Да живетъ его духъ въ его преемникахъ и послѣ-

дователяхъ! Пусть онъ витаетъ въ стѣнахъ того учрежденія, которому покойный посвятилъ главную свою дѣятельность. Къ Петербургскому университету обращались послѣднія сознательныя думы и тревоги Ивана Павловича, и на листахъ газеты, которую съ трудомъ держала его дрожащая рука, на канунѣ своей смерти онъ искалъ опроверженія или подтвержденія прискорбнымъ слухамъ объ уходѣ изъ него прежнихъ своихъ товарищей.

В. Васильевскій.
Баронъ В. Розенъ.

РАСКОПКА ДРЕВНЕЙ ДІОКЛЕИ, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ПО УКАЗАНІЮ И НА СЧЕТЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ЧЕРНОГОРСКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ.

(Отъ 22-го января до 11-го февраля 1890 г.).

Введеніе.

Діоклея, Діоклитія, Превалитанія, Зета — это все названія одной и той же мѣстности или провинціи, которая составляла часть древняго Иллирика и принадлежала попеременно то Римской, то Византійской имперіи.

Центромъ этой провинціи или резиденціей ея правительства былъ городъ Діоклея или Доклея, а по нынѣшнему говору мѣстныхъ жителей сербовъ—Дукля. Съ этимъ именемъ нѣкоторые стараются соединить имя императора Діоклитіана (285 — 305 г. по Р. Х.); иные готовы признать его основателемъ этого города, давшимъ ему свое имя. По мѣстному народному преданію, Діоклея также считается городомъ царя Дукляна, котораго отожествляютъ съ діяволомъ, и по этому поводу есть нѣсколько разказовъ [1]). Есть и другія преданія объ немъ, но здѣсь они не имѣютъ мѣста, и мы указываемъ на нихъ, только какъ на совпаденіе народнаго взгляда со взглядомъ исторіи относительно связи между Діоклитіаномъ и городомъ Діоклеей. Не будемъ пока останавливаться на этомъ вопросѣ, а постараемся дать читателю нѣкоторое понятіе о мѣстности, къ которой относится наше изслѣдованіе, и о ея исторіи. Въ настоящее время

[1]) Объ этомъ см. разказъ въ нашей статьѣ „Міровоззрѣніе Черногорскаго народа“, *Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.* т. XXII, стр. 51—52.

это часть княжества Черногоріи, и для нагляднаго ознакомленія съ ея положеніемъ представляемъ карту; а для исторіи считаемъ достаточнымъ привести нѣсколько данныхъ, служащихъ для освѣщенія общаго положенія этого края. Отъ господства здѣсь римлянъ остались слѣды на каждомъ шагу, начиная отъ г. Скодра (Scutari) и его окрестности по всей Нижней Зетѣ, по среднему теченію р. Зеты и до ея вершинъ за г. Никшичемъ. Всюду здѣсь встрѣчаются слѣды какихъ-то построекъ и плиты съ римскими надписями. О римлянахъ свидѣтельствуетъ названіе мѣстности въ Кучахъ (къ востоку отъ Подгорицы)—Фундана, древняя Fontana, заслужившей это имя богатствомъ ключей. Нынѣшній Медунъ, тоже въ Кучахъ, напоминаетъ намъ Medeon, упоминаемый у Тита Ливія (58 г. до Р. Х. и 19 по Р. Х.). Приведемъ это мѣсто изъ его исторіи, такъ какъ тамъ находятся и другія имена, относящіяся къ этимъ предѣламъ. Вотъ по какому случаю и какимъ образомъ вспоминаетъ эту мѣстность Т. Ливій: „Аницій послалъ Перпенну для пріема друзей и знакомыхъ императора, и отправился въ Медеонъ, городъ Лабеатскаго народа (Labeatis или lacus Labeaticus нынѣшнее Скадарское озеро), откуда онъ жену Этлеву съ двоими сыновьями, Сцердилетомъ и Плевратомъ, а также брата Каравонція отвелъ въ лагерь подъ Скадаръ". Изъ этого видно, что Медунъ служилъ убѣжищемъ для родственниковъ и знакомыхъ императора.

Кромѣ того извѣстно, что этотъ край въ значительной степени снабжалъ Римъ хлѣбомъ, какъ впослѣдствіи отсюда же вывозился хлѣбъ и венеціанцами.

При такомъ значеніи этого края, не удивительно, что Римъ давно уже имѣлъ здѣсь свои колоніи, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Діоклея.

I.

Описаніе развалинъ Діоклеи.

Развалины этого города находятся въ углѣ, образуемомъ соединеніемъ рр. Морачи и Зеты. До сихъ поръ видны еще остатки стѣны, которая его окружала, и съ бойницами, которыя въ настоящее время совсѣмъ уничтожены, кромѣ одной, только на половину разрушенной, тогда какъ назадъ тому 11 лѣтъ я видѣлъ ихъ четыре; а по разказамъ мѣстныхъ жителей, бойницы эти были черезъ

каждыя 40 саженъ, впрочемъ только на сторонѣ, обращенной къ сѣверу, къ горамъ; между тѣмъ какъ на югѣ по краю р. Морачи ихъ не было. Кромѣ стѣны для обороны этого города служилъ еще двойной ровъ съ восточной и сѣверной сторонъ, который, по народному преданію, наполнялся просомъ, а въ дѣйствительности водою, проведенною издалека, изъ-за Марачи, на что указываетъ до сихъ поръ сохранившійся, подземный аквадукъ со слѣдами моста черезъ р. Рыбницу. Съ сѣверной же и сѣверо-западной сторонъ находится глубокій оврагъ Ширалія, который нѣкогда былъ постоянно текущимъ и исключалъ необходимость въ искусственныхъ рвахъ.

Слѣды воротъ до сихъ поръ видны съ одной стороны отъ потока Шираліи подлѣ р. Зеты и тутъ же слѣды бастіона; а я видѣлъ тамъ же еще слѣды какой-то постройки въ родѣ дома для стражи. Засталъ я также слѣды воротъ и со стороны р. Морачи; но теперь тамъ едва можно примѣтить фундаментъ стѣны. Окружность этого города по моему измѣренію шагами не много болѣе двухъ съ половиною километровъ.

Внѣ города на западной сторонѣ между потокомъ Шираліей и р. Зетой разбросаны бугры, при раскапываньи которыхъ оказываются каменные своды, а внутри ихъ человѣческія кости и различные глиняные и стеклянные сосуды. Тамъ же находятся и плиты съ надписями, свидѣтельствующія, что это были могильные памятники. Очевидно, что тутъ было цѣлое кладбище; а далѣе по равнинѣ видны слѣды и другихъ построекъ.

Внутри города вы находите площади ровнаго мѣста, въ настоящее время обработанныя и обращенныя въ нивы или ливады; а между ними бугры, состоящіе изъ камней, щебня и осколковъ черепицы и кирпичей смѣшанно съ землею, недоступныя обработкѣ и только покрытыя лѣсомъ или кустарникомъ. Тамъ-сямъ виднѣются стѣны, иногда поднимающіяся на сажень и выше надъ землею, и тутъ попадаются—то плита съ надписью, то обломокъ колонны или карниза, то капитель или пьедесталъ.

На мѣстахъ, которыя обработываются, каждый годъ находятъ монеты, большею частью мѣдныя, а иногда серебряныя и еще рѣже золотыя римскія и рѣдко греческія. Находятъ и другія вещи: сосуды глиняные и стеклянные, послѣдніе иногда съ надписью золотомъ, блюда, камни для перстней съ прекрасною рѣзьбою, большею частью сердолики и яшму, иногда кварцъ и др.; различныя орудія изъ желѣза: ножи, концы копій и т. п. Все это добывается каждый

годъ и продается въ Которѣ или заѣзжимъ иностранцамъ; но съ каждымъ годомъ добыча становится все меньше, тогда какъ прежде это составляло доходную статью племени Пиперъ. Кромѣ того, ни одна постройка въ Подгорицѣ или окрестности не обошлась безъ того, чтобы прекрасно обдѣланные камни иногда съ рѣзьбою и надписями не понесли съ Діоклеи. Строится ли церковь или мечеть, нужна-ли плита для могилы,—плиты и камни брались оттуда.

И этотъ процессъ разнесенья камней и разныхъ вещей продолжается болѣе тысячи лѣтъ. Понятно послѣ этого, что на поверхности не осталось почти ничего, а нужно копать бугры, что не подъ силу одиночной работѣ поселянина, и углубляться внутрь.

Были покушенія нѣкоторыхъ иностранцевъ, особенно англичанъ, начать здѣсь раскопки; но, пока эта мѣстность не досталась Черногоріи, работать на ней было крайне не безопасно; да и нивы здѣсь больше разработаны только въ послѣднее время. Я еще засталъ, когда разработанныхъ мѣстъ было весьма мало.

Наконецъ, настало время для раскопокъ; но этому теперь препятствуетъ то обстоятельство, что вся эта мѣстность составляетъ чью нибудь личную собственность и обращена въ нивы или луга. Тѣмъ не менѣе е. в. князь Николай, движимый интересомъ къ прошлому своей страны, всегда думалъ объ этомъ; но, занятый другими дѣлами, предоставилъ это право своей дочери, покойной княгинѣ Зоркѣ Карагеоргіевичъ. Въ этомъ году однако онъ рѣшилъ приступить къ раскопкамъ самъ и поручилъ это дѣло мнѣ, лично разсмотрѣвши предварительно мѣсто, съ котораго мы должны были начать, и предоставивши въ мое распоряженье рабочихъ, сколько бы ни потребовалось. И вотъ какъ мы производили эту раскопку, и что намъ открылось.

II.

Раскопка.

(Какимъ образомъ ведена, что найдено и соображенія по поводу находокъ).

Мы выбрали мѣсто, которое представляло собою квадратъ приблизительно въ $^1/_4$ русской десятины или 5000 кв. метровъ. Средина его представляла ровное мѣсто, одна часть котораго была засѣяна озимою пшеницей, а другая оставалась необработанною въ видѣ луговинки. Края представляли возвышенья. Особенно высокъ

былъ край, имѣющій направленье съ юга на сѣверъ: онъ возвышался надъ ровною поверхностью болѣе двухъ метровъ; съ внѣшней стороны его видна была стѣна изъ простаго камня въ видѣ правильныхъ кубовъ; на сѣверномъ концѣ также была стѣна и кромѣ того полукруглый выступъ (абсида), какъ въ церкви.

Это послѣднее навело меня на мысль, не была-ли то католическая церковь, построенная изъ римскаго матеріала, такъ какъ здѣсь давно уже (съ IX вѣка) существовала католическая епископія. На чертежѣ мы означили точками возвышенные края; а начали копать съ ровнаго въ двухъ направленіяхъ: къ западу, разставивши рабочихъ по линіи съ юга на сѣверъ, и къ сѣверу по линіи съ запада на востокъ. На ровномъ на глубинѣ менѣе полуметра мы встрѣчали уже природный грунтъ, состоящій изъ конгломерата; прокопавъ этотъ грунтъ еще на 20—25 сантиметровъ, мы не углублялись больше, а шли впередъ. Работа шла успѣшно: мы въ первый же день прошли около 15 метровъ, и дошли до возвышеннаго края; но не нашли ничего, кромѣ обломковъ черепицы, а иногда кусочковъ глиняныхъ сосудовъ. Выносить землю или щебень намъ было некуда, такъ какъ кругомъ находились чужія нивы или луга, потому мы ее возвращали на мѣсто, уже раскопанное, на которомъ ничего не оказалось. Покуда работа шла на ровномъ мѣстѣ, не представлялось никакого затрудненія; но только начали раскапывать высокій край, стали попадаться большіе камни, которые нужно было устранять, тогда какъ сзади насъ образовалась уже высокая насыпь, и камни эти нужно было или выносить на чистое мѣсто или поднимать на эту насыпь. Камни были иногда такъ велики и тяжелы, что 10 человѣкъ едва могли перевертывать. Работа замедлилась и шла неравномѣрно: одни шли впередъ, другіе возились съ какимъ-нибудь камнемъ и оставались сзади.

Вскорѣ мы встрѣтили камни, очевидно, лежащіе на своемъ мѣстѣ и принадлежащіе какой-то постройкѣ. Они сложены въ видѣ параллелограмма, середина котораго пуста (см. чертежъ а). Идя далѣе, мы встрѣтили нижнюю ступеньку каменнаго помоста, затѣмъ сталъ открываться и самый помостъ изъ большихъ плитъ (ф. б—б). Тутъ же нашлись два камня (обломки архитрава), на которыхъ прекрасно сохранилась римская надпись, и изъ которой мы увидали, что имѣемъ дѣло не съ христіанскимъ храмомъ, а съ римскою базиликой; а вовторыхъ, что въ ней находилась статуя, притомъ конная. (Надпись эту приводимъ ниже). Отрывая далѣе помостъ, мы нашли ве-

щицу въ родѣ верхняго конца жезла изъ тяжелаго металла съ прекрасно сохранившеюся позолотой, и еще двѣ позолоченныя же пластинки и желѣзный гвоздь съ позолоченною шляпкой.

На сѣверной сторонѣ прежде всего напали мы на камень съ желобкомъ посрединѣ, а послѣ открыли весь жолобъ на протяженіи 36 метровъ съ загибами по краямъ, какъ показано на рисункѣ (ф. в—в). По положенію своему жолобъ этотъ долженъ былъ служить для стока воды съ окружающихъ его зданій. Теперь нужно было добираться до самыхъ зданій. Въ этой сторонѣ стали находиться мѣдныя монеты, обломки стеклянныхъ и глиняныхъ сосудовъ, и одинъ маленькій глиняный сосудъ цѣлый.

Продолжая такимъ образомъ идти впередъ и не трогая съ мѣста ни одного камня, если онъ не былъ свалившимся, мы постепенно открыли фундаменты зданій съ частями стѣнъ.

Начнемъ съ базилики, которая протянулась съ юга на сѣверъ, съ весьма малымъ уклоненіемъ сѣвернаго конца къ востоку. Въ длину безъ абсиды она занимаетъ 66 метровъ; въ ширину же неодинакова: въ сѣверномъ концѣ, гдѣ абсида, 12 м. 82 с.; южнѣе, тотчасъ за поперечною преградой 13 м. 52 с., а въ южномъ концѣ 13 м. 65 с. На чертежѣ мы взяли одну ширину до 14 м. Все зданіе раздѣляется на 4 части. Пространство, гдѣ находится абсида, было совершенно закрыто; изъ него шла дверь на югъ; полъ — изъ мелкихъ кубиковъ (мозаика) простаго камня. Смежное съ этимъ отдѣленіе на югѣ имѣетъ помостъ изъ большихъ плитъ, на которыхъ стояли двѣ колонны; подобное же отдѣленіе и на южномъ концѣ, и въ обоихъ ихъ полъ состоялъ изъ тонкихъ плитъ, большая часть которыхъ выгнута. Въ самой же серединѣ мы не нашли никакого пола. Итакъ, въ цѣломъ зданіи мы нашли четыре отдѣленія (1, 2, 3, 4).

Стѣна сохранилась по южной, западной и сѣверной сторонѣ и вся изъ простаго камня; первыя двѣ стороны уцѣлѣли въ высоту близъ двухъ метровъ; въ отдѣлѣ съ абсидой внутри до 4-хъ метровъ, а снаружи и выше. Западная и южная стороны снаружи широко завалены камнемъ отъ очистки пола, такъ что ихъ лицо не видно; только съ южной немного откапывали и нашли, что тамъ на высотѣ $1^1/_2$ метровъ (считая отъ внутренняго пола) идетъ поясъ въ родѣ карниза. На восточной сторонѣ стѣна сохранилась на $1^1/_2$ метра только въ южномъ и сѣверномъ отдѣленіи и при томъ изъ простаго камня; а на протяженіи между этими отдѣленіями стѣна

была изъ кирпича, но сохранилась только на южномъ концѣ высотою въ 1 метръ, а въ другихъ мѣстахъ только куски ея.

Вдоль всей этой стѣны идетъ помостъ изъ большихъ каменныхъ плитъ въ родѣ тротуара (б—б). Онъ плотно примыкаетъ къ стѣнѣ, и сверхъ того по всему этому помосту сохранились при стѣнѣ 12 (г, г, г...) пьедесталовъ изъ-подъ стоявшихъ на нихъ плоскихъ колоннъ или собственно полуколоннъ. Въ одномъ мѣстѣ сохранился пьедесталъ и на внѣшнемъ краю помоста (д), немного однако сдвинутый, а есть слѣды и противъ всякой полуколонны, судя по чему, полагаемъ, что вдоль всего этого помоста шелъ рядъ колоннъ по его внѣшнему краю. Съ помоста внутрь зданія вели четыре двери (е), какъ означено на чертежѣ; а въ отдѣленіи съ абсидой на высотѣ $1^1/_2$ метра было нѣчто въ родѣ окна (ж).

При задней стѣнѣ вдоль всего средняго отдѣленія находится 6 параллелограмовъ (з, з...) съ пустотою внутри и двѣ двери: одна совершенно узкая, а другая шире, и внизу ея слѣды бывшей лѣсенки или ступенекъ (и, і).

На югѣ также есть отверстіе для двери, но на высотѣ приблизительно одного метра и дверь также противъ помоста (к и к). Помостъ имѣетъ протяженія 53 м. 80 с., а ширина вмѣстѣ съ нижнею ступенькой 2 м. 82 с.; далѣе его нѣтъ; а подъ нимъ идетъ канава, покрытая необдѣланными плитами и въ настоящее время засыпанная землею, а когда-то, безъ сомнѣнія, открытая и служившая для отвода нечистотъ (cloaca). Канава эта выходитъ изъ линіи этихъ зданій и тянется до рѣки Морачи. Въ углѣ между отдѣленіемъ съ абсидой и другимъ смежно съ помостомъ находится яма (л), которая идетъ въ глубь, но не раскопана; а, по всѣмъ вѣроятіямъ, она спускается въ упомянутую канаву. Здѣсь найдены двѣ раковины морскихъ устрицъ, изъ которыхъ одна весьма большая и толстая, какихъ въ настоящее время я не видѣлъ, и имѣютъ видъ обѣ какъ бы окаменѣлыхъ.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ.

Здѣсь открылся рядъ комнатъ (м, н, о, п, р). Всѣ онѣ протянулись въ одну линію, какъ по фасаду, гдѣ находятся двери, такъ и сзади; но у первой (м) задняя стѣнка разрушена; вторая (н) нѣсколько короче другихъ и полъ ея возвышается надъ другими на 1 м. 33 с.; послѣдняя (п) сзади закруглена. Полъ мозаичный во всѣхъ нихъ, кромѣ послѣдней, гдѣ мы нашли только землю. Кромѣ того, во 2-й (н) вся мозаика была покрыта тонкими мраморными

пластинками. Въ третьей комнатѣ (о) при днѣ сохранилась штукатурка, покрашенная квадратами малиновой и желтою краской съ темными жилками, какъ на мраморѣ. Тоже самое было и во второй, а у первой видны слѣды штукатурки извнѣ. Внутренняго сообщенія между комнатами нѣтъ никакого, только изъ 2-й въ 1-ю (изъ н въ м) есть отверстіе въ родѣ двери, безъ косяковъ и порога; тогда какъ въ другихъ дверяхъ есть пороги (сс) съ возвышенными закраинками къ внѣшней сторонѣ, притомъ весьма выглаженные и вытертые, что доказываетъ весьма продолжительную ихъ службу. По угламъ ихъ остались постаменты (т...), на которыхъ должны были стоять полуколонны; а передъ второй нѣчто въ родѣ балкона (у), съ боковъ же были колонны или постаменты для статуй или другихъ предметовъ. Такими постаментами мы считаемъ два камня, имѣющихъ видъ капителей съ грубо вырѣзанными на нихъ листьями лиліи, но слишкомъ массивныхъ для того, чтобы быть поднятыми на колонны. Одинъ изъ нихъ по неосторожности въ мое отсутствіе завалили, а другой свалили внизъ, откуда не могли поднять, чтобы лучше можно было разсмотрѣть, какъ то дѣлали со всѣми другими каменьями; но тѣмъ не менѣе и его можно хорошо видѣть.

Каменный жолобъ находится въ разстояніи 9 м. отъ комнатъ [1]) и мѣстами сверху покрытъ камнями; а есть основаніе предполагать, что между нимъ и комнатами былъ какой нибудь помостъ.

Далѣе къ востоку есть еще комната (р), но мы дальше не раскапывали.

Итакъ, въ общемъ итогѣ мы открыли только фундаменты зданій, по которымъ имѣемъ ясное представленіе только о планѣ ихъ. Что же касается цѣлой постройки: фасада, крышъ, внѣшнихъ украшеній, мы можемъ судить только по оставшимся стѣнамъ, плитамъ съ рѣзьбою, карнизамъ, колонкамъ, капителямъ и т. д. Къ сожалѣнію, все это чрезвычайно изуродовано и переломано въ мельчайшіе куски. Передняя стѣна базилики изъ кирпича вся уничтожена и остался только небольшой кусочекъ. Отъ колоннъ и полуколоннъ, которыхъ было до 30, осталось только какихъ нибудь 20 обломковъ, большею частью куски менѣе одного метра, и только одинъ обломокъ достигаетъ 2

---

[1]) На чертежѣ это разстояніе показано меньше вслѣдствіе ошибки: длину базилики 66 метровъ мы означили съ абсидой, тогда какъ она такова безъ абсиды, имѣющей радіусъ въ 2 м. 13½ с., и должна бы быть длиннѣе; а тогда и комнатки по сѣверной сторонѣ отодвинулись бы дальше отъ жолоба.

метровъ; а высота ихъ, судя по высотѣ стѣнъ въ отдѣленіи съ абсидой, должна была достигать 4-хъ метровъ. Отъ нихъ осталось только 5 капителей. Изъ плитъ же съ рѣзьбою, находившихся въ потолкѣ базилики (caissons, Cassettendecke), осталась только одна цѣльная и три обломка. Тоже самое должно сказать и относительно карнизовъ. Сохранились два массивные консоля (modillons) съ прекрасною рѣзьбой, служившіе поддержкою карниза; но развѣ только и было два? Однимъ словомъ разрушеніе было ужасное, а и расхищеніе потомъ производилось тоже въ размѣрахъ не менѣе широкихъ.

Разрушеніе этого города произведено было, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ первой половинѣ VI вѣка аварами, когда они наводнили всю западную часть Балканскаго полуострова, и были такъ сильны, что Византійская имперія оказалась противъ нихъ безсильною, и потому императоръ Гераклій въ 620 году призвалъ противъ нихъ сербовъ, которые ихъ частью уничтожили, а частью вытѣснили. Своими механическими силами эти дикари не въ состояніи были разрушить солидныя постройки Рима; поэтому прибѣгли къ огню. Во многихъ мѣстахъ при откапываніи мы нашли слѣды разведеннаго огня при самыхъ стѣнахъ зданія—закоптѣлые камни, черную землю, смѣшанную съ углемъ и пепломъ. Въ отдѣленіи съ абсидой были чрезвычайно массивные дверные столбы; одного теперь нѣтъ, а оставшійся весь истрескался, какъ дерево, въ щепки: это произвело конечно двойное дѣйствіе сначала огня, а послѣ—поливанья водою. Понятно поэтому, что тамъ не могла уцѣлѣть ни одна статуя, если не была заблаговременно унесена самими римлянами. Вещей никакихъ, болѣе видныхъ, также не могло тутъ остаться, потому что разрушенію зданій, безъ сомнѣнія, предшествовалъ грабежъ. Затѣмъ впродолженіе 12 столѣтій происходило расхищеніе строительнаго матеріала для церквей, домовъ, мостовъ, кладбищъ и т. д. Такимъ образомъ неудивительно, что теперь не оказывается на мѣстѣ и половины того, что было, хотя бы и въ изломанномъ видѣ, и потому для опредѣленія открытыхъ нами построекъ не остается ничего, какъ гаданье по оставшимся фундаментамъ. Впрочемъ, и по тѣмъ жалкимъ остаткамъ, которые мы уже открыли, опытный археологъ можетъ возсоздать всѣ части этихъ зданій; мы же ограничиваемся однимъ планомъ и копированьемъ надписей.

Прежде всего обращаемъ вниманіе на ту надпись, которая сохранилась на нѣсколькихъ кускахъ архитрава и относится прямо къ базиликѣ. Всего такихъ кусковъ 10, и найдены они передъ помо-

стомъ и частью на немъ; мы ихъ уклонили оттуда, вслѣдствіе того, что они мѣшали дальнѣйшей работѣ; но, сдѣлавши это, мы поставили ихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ они были найдены, чтобы дать возможность наблюдателю сообразить, какое пространство занимала цѣлая надпись. Именно: пространство, занимаемое ими, составляетъ 30 метровъ; а общая длина всѣхъ 10 камней—12 метровъ 85 сантиметровъ; слѣдовательно, между ними недостаетъ 27 м. 15 с., то-есть вдвое больше того, сколько имѣемъ; а недостаетъ также начала и конца надписи. Однимъ словомъ, если эта надпись шла по архитраву безъ перерыва или промежутковъ, то мы имѣемъ едва 1/3 ея. Должно при этомъ замѣтить, что точно такой же формы камней, только безъ надписей—находится еще 13, которые составляютъ длину 19 м. 6 с. Но, можетъ быть, одни изъ нихъ отъ фриза, другіе изъ архитрава. Этого мы не можемъ рѣшить, не обладая достаточными знаніями архитектуры. Перейдемъ теперь къ самой надписи, которая имѣетъ смыслъ вотивный. Она идетъ въ два ряда: вверху значится, кому дѣлается посвященіе, а внизу—кѣмъ.

На 1-мъ камнѣ:	NES· ET· STATVAMEQESTR AVERVNT.
„ 2-мъ „	LTFQVIR· FRONTONIPRAEF PONTIF FLAM DIVI
„ 3-мъ „	FLM· F· Q EQVESTR·
„ 4-мъ „	BINO· HVIC· DEFVNC· ORD [1]) FL· FRONTO ET·
„ 5-мъ „	O· DOCL. HONOR FL· TERTVLL
„ 6-мъ „	MNES· ET STATVAM FIL
„ 7-мъ „	MFLM· FQVIR BALBIN EQVESTR
„ 8-мъ „	DOCL HONORE PARENTES INAV
„ 9-мъ „	SOMNES ET STATVAM RAVERVNT
„ 10-мъ „	C·ORDO FL· TERTVLLA

[1]) Буква D написана не вполнѣ, а половина ея переходитъ на 5-й камень; мы же помѣщаемъ цѣликомъ на одномъ камнѣ.

Насколько позволяетъ отрывочность надписи, мы узнаемъ изъ нея, что нѣкто поставилъ „конную статую" (statuam equestrem), оказавши прежде всѣ другія почести; но кому,—неизвѣстно. На второмъ камнѣ читаемъ имя префекта Фронтона, которому, вѣроятно, тоже были оказаны почести, между прочимъ со стороны „верховнаго жреца" (pontifex flamen). Но не удалены ли эти камни одинъ отъ другаго во время разрушенія? Если это такъ, то можно считать, что упомянутая статуя поставлена именно Фронтону.

На 3-мъ камнѣ находятся сокращенія, которыхъ мы не можемъ разобрать; но видно, что на этихъ камняхъ, находящихся одинъ возлѣ другаго (3, 4, 5 и 6), была одна общая надпись, относившаяся къ какому-то „здѣсь погребенному Бальбину", а лицами, воздавшими ему эту почесть, были Фл. Фронтонъ и Фл. Тертулліанъ; но что значитъ „Fil"—стоящее на концѣ? не „filii"—ли? При этомъ не достаетъ двухъ кусочковъ: между 3-мъ и 4-мъ отломлено начало имени „Bal", а между 5-мъ и 6-мъ *es* въ словѣ honores и *o*, отъ котораго видна только часть. Въ слѣдующей группѣ опять упоминается имя Вальбина, которому возданы всѣ почести отъ града Докли или Доклеи и поставлена статуя. Виновниками этого являются его родители и Фл. Тертулла или Тертулліанусъ. Здѣсь тоже отломленъ одинъ слогъ „gu" въ словѣ inauguraverunt.

Остается теперь разгадать, кто были Фронтонъ и два раза упоминаемый Вальбинъ.

Мы знаемъ только Корнелія Фронтона, учителя Марка Аврелія, который въ 161 году до Р. Х. изъ благодарности назвалъ его консуломъ; но не былъ ли онъ префектомъ провинціи Діоклеи, вслѣдствіе чего жители этого города и главный жрецъ воздвигли ему памятникъ?

Относительно Бальбина мы совершенно недоумѣваемъ. Въ исторіи извѣстенъ Бальбинъ, вмѣстѣ съ Максимомъ провозглашенный сенатомъ за императора (въ 238 г.) и потомъ убитый преторіанцами; этотъ же „здѣсь", то-есть въ Доклѣ, погребенъ, слѣдовательно,—какой-то другой.

Кромѣ упоминанія этихъ именъ, дающихъ возможность опредѣлить время сооруженія этихъ зданій, надпись эта сохранила намъ первобытную форму города Docl то-есть Docla или Doclea вм. позднѣйшаго Dioclea. Тоже самое подтверждается надписью, оттиснутою на одномъ кирпичѣ, найденномъ въ отдѣленьи съ абсидой: OCLODM. Начала и конца недостаетъ; но въ началѣ, безъ сомнѣнія, было D, а знакъ между O и M какой-то непонятный и вверху его есть ка-

кая-то прибавка. Очевидно однако, что это былъ штемпель или печать города Докли, какъ имѣли обычай означать имя своей фирмы и другіе производители кирпичей. Константинъ Порфирогенетъ, называя цѣлую провинцію Діоклеей, упоминаетъ тамъ три большихъ населенныхъ города; „Gradete, Nugrade и Lantodocla“. Во второй половинѣ послѣдняго имени заключается опять Docla, а первая половина составляетъ, можетъ быть, какой-нибудь ея эпитетъ.

Такая форма имени этого города исключаетъ всякую необходимость приводить его въ какую бы то ни было связь съ императоромъ Діоклитіаномъ.

Кромѣ того, посвященіе статуи Фронтону и Бальбину не могло быть въ слишкомъ отдаленномъ отъ нихъ времени; оно сдѣлано ихъ почитателями, знавшими ихъ при жизни, и потому это должно было произойти раньше Діоклитіана. Самое же зданіе не было ли построено еще гораздо раньше поставленія въ немъ статуй упомянутымъ лицамъ? А городъ существовалъ, конечно, еще раньше, до Р. Х.

Необходимо остановиться и еще на одномъ важномъ вопросѣ: что-жъ это было за зданіе? Мы назвали его базиликой по сходству внѣшней формы или плана съ другими базиликами, особенно съ basilica Ulpiana въ Римѣ, отъ которой наша разнится только размѣромъ. Между тѣмъ одинъ молодой археологъ, занимающійся раскопками въ Салонѣ и недавно посѣтившій и нашу раскопку, проф. Петричевичъ высказалъ мнѣніе, — нерѣшительно впрочемъ, — что это могли быть термы или бани, которыя съ такою роскошью строились во время Тита Флавія Веспасіана и сына его Тита, и которыя украшались также статуями; между прочимъ въ нихъ найдена знаменитая группа Лаокоона.

Такому предположенію, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ вотивный характеръ этого зданія. Статуи, поставленныя въ немъ, назначались не для празднаго украшенія его, а служили выраженіемъ того чувства благодарности, которое ставившіе ихъ питали къ изображаемымъ ими лицамъ. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ мѣста для бассейновъ холодной и горячей воды и отдѣленій для раздѣванья и одѣванья и отдыха послѣ бани, не говоря уже о залахъ для гимнастики, чтенія и др., какъ то видимъ во всѣхъ баняхъ Рима, Помпеи и др. городовъ. Во всѣхъ ихъ необходимы были слѣдующія отдѣленія: apodyterium (для раздѣванья), frigidarium (гдѣ была холодная вода), tepidarium (умѣренно теплая комната для потѣнья) и caldarium (гдѣ была горячая вода и высокая температура). Всѣ отдѣленія не могли

помѣщаться въ такомъ узкомъ зданіи, какъ наше, въ одну линію, но занимали большой просторъ и въ ширину. Поэтому мы покуда остаемся при томъ мнѣніи, что открытое нами зданіе—базилика, гдѣ въ середнемъ отдѣленіи собирались дѣловые люди, обсуждая свои торговыя и общественныя дѣла; въ закрытомъ отдѣленіи съ абсидой засѣдалъ судъ; а рядомъ съ нимъ и въ концѣ—были отдѣленія для различныхъ нуждъ и потребностей: закусить, прохладиться или согрѣться какимъ нибудь питьемъ, и т. п. Сходство же нашей базилики съ ульпіанской наводитъ насъ на мысль, что первая была копіей второй, построенной Траяномъ (98—117 г. по Р. Х.). Впрочемъ такой формы зданія были распространены у римлянъ. На форумѣ въ Помпеѣ по сѣверной его сторонѣ расположены три зданія такой формы, неподалеку отъ базилики.

Что касается ряда маленькихъ комнатокъ на сѣверной сторонѣ, изъ которыхъ мы откопали четыре, а одна въ углу осталась неоткопанною,—мы покуда ничего не можемъ сказать, такъ какъ ихъ смыслъ и назначеніе могутъ опредѣлиться тогда только, когда будутъ открыты и остальныя двѣ стороны. Замѣтимъ при томъ, что эти двѣ стороны не представляютъ такихъ нагроможденій, какъ первыя. Кромѣ того, слѣдовало бы прокопать двѣ канавы изъ середины двухъ вертикальныхъ сторонъ къ серединѣ четвероугольника, чтобы видѣть, не находится-ли тамъ бассейнъ, въ которомъ должна была собираться дождевая вода по желобкамъ, часть которыхъ уже открыта (impluvium).

По всѣмъ вѣроятіямъ, кругомъ были такія же комнатки, какія мы уже открыли на сѣверной сторонѣ, и всѣ эти помѣщенья вмѣстѣ составляли dépendance главнаго зданія, гдѣ жила прислуга, и были лавки и остеріи.

Отъ этого описанія общаго вида построекъ и соображеній по поводу нихъ перейдемъ къ деталямъ.

Прежде всего здѣсь кидается въ глаза массивность частей, послужившихъ матеріаломъ въ постройкѣ. Такъ, напримѣръ, обломокъ архитрава съ надписью (№ 2) имѣетъ въ длину 2 м. 5 с., въ высоту или ширину 72 с. при толщинѣ въ 45 с.; мы съ трудомъ переворачивали его съ одного бока на другой: и онъ между тѣмъ лежалъ на колоннахъ, имѣвшихъ высоту 4—5 м. Не менѣе удивляешься и скульптурной работѣ: какъ тонко на капителяхъ высѣчены листы аканта (родъ репейника) всѣ въ разрѣзахъ, наверху сливающіеся съ завитками и между ними отверстія, какъ дырочки въ кружевѣ; не-

менѣе искусно вырѣзаны въ формѣ двойнаго завитка консоли подъ карнизомъ (modillons); на карнизахъ по краю въ квадратикахъ вырѣзаны различные цвѣты: а на одномъ углѣ шишка итальянскаго кедра (pignolo); на другомъ обломкѣ карниза изображена собака среди какихъ-то крупныхъ травъ: на третьемъ женская головка, не римскаго впрочемъ типа, съ обрамляющими ее волосами. Кесоны, изъ которыхъ составленъ былъ потолокъ (caissons, Kassettendecke), всѣ покрыты клѣтками, въ которыхъ изображены то цвѣты, то человѣческія головы, тоже не римскаго типа. Нѣтъ почти ни одного камня, на которомъ не было бы какой нибудь рѣзьбы: ложбинки вдоль колоннъ, канты и пояски на плоскихъ камняхъ, круговыя линіи на дверныхъ сводахъ. И все это чрезвычайно правильно и отчетливо. Работавшіе на раскопкѣ пиперы, дивясь этой работѣ, замѣчали: „И изъ картофеля такъ не вырѣжешь, какъ они рѣзали изъ камня“.

Какъ ни мало осталось этого матеріала, расхищеннаго въ продолженіи тысячелѣтія, а все таки орнаментика и изъ этихъ скудныхъ остатковъ можетъ извлечь для себя большую пользу.

Является вопросъ, откуда римляне брали камень, по достоинству весьма близкій къ мрамору, а иногда и настоящій мраморъ. Мелкіе куски могли быть привозимы издалека, можетъ быть, изъ Корчулы или изъ другихъ мѣстъ, но цѣльныя колонны по 4 метра вышины и до 30 с. въ діаметрѣ должны были находиться на мѣстѣ. Такой камень и дѣйствительно находится близъ Спужа, въ горѣ Мальятѣ, и еще ближе—въ Пиперахъ. Близъ же Спужа есть слѣды печей, въ которыхъ обжигали кирпичъ, тоже отличающійся высокимъ достоинствомъ: такъ, въ передней стѣнѣ базилики кирпичи до сихъ поръ такъ тверды, какъ природный камень. Форма ихъ квадратная до 25 кв. с. при толщинѣ 5 с.; они ярко краснаго цвѣта. На нѣкоторыхъ остались отпечатки козленка и собаки, пробѣжавшихъ по нимъ, когда они были еще въ мягкомъ состояніи. Есть кирпичъ или плоская черепица желтаго цвѣта и ноздреватая, на которой оттиснуты упомянутыя выше слова Docl, означая тѣмъ, что тамъ былъ постоянный заводъ. Отъ стеклянныхъ сосудовъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только мелкіе кусочки и одинъ кусокъ, какъ бы сегментъ отъ двояко-выпуклаго стекла свѣтло-зеленаго цвѣта. Желѣза нашлось довольно много: гвозди совершенно современной формы, скобы, цѣпи или накладки для запиранія дверей съ пробоями. Желѣзными скобами скрѣплялись плоскіе камни: колонны скрѣплялись со своими пьедесталами свинцомъ, для чего въ тѣхъ и другихъ дѣлались квадратныя углуб-

ленія, въ которыя свинецъ вливался извнѣ черезъ желобокъ, продѣланный поперекъ пьедестала.

Изъ мелкихъ вещей, какъ мы замѣтили выше, не найдено ничего, кромѣ сотни мѣдныхъ монетъ. Многія изъ нихъ такъ излизаны или покрыты ржавчиной, что нельзя ничего разобрать, но большая часть съ отчетливо видными ликами императоровъ и надписями вокругъ нихъ. Всѣ эти монеты, полагаю, не составляютъ новости въ нумизматикѣ, но не лишнимъ считаемъ переименовать ихъ здѣсь. Самая старая съ ликомъ и надписью Августа; затѣмъ идутъ: Титъ, Веспасіанъ, Адріанъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій, Фаустина (одна серебряная монета съ прекраснымъ портретомъ), Пробъ, Максенцій, Галерій, Lucius Lucinius (кажется такъ [1]), Констанцій, Фауста съ надписью на другой сторонѣ „spes reipublicae"; больше же всего монетъ Константина; но ни на одной нѣтъ христіанскаго знака. На одной только вокругъ лика стоитъ надпись: Constantinopolis.

Найденъ также кусокъ бѣлаго мрамора длиною до 12 сантим. въ родѣ обломка колонки, но не одинаковой толщины при концахъ; поэтому можно бы считать его обломкомъ отъ статуи, именно части руки отъ плеча къ низу или отъ локтя; только безъ всякой мускулатуры.

И еще: въ отдѣленіи съ абсидой мы нашли полъ вымощенный мозаикой, а часть его была покрыта тонкими плитками, часть же покрыта какъ бы штукатуркою, павшею со стѣнъ или свода; если это такъ, то подъ низомъ могутъ найтись фрески. Мы однако не тронули этого, боясь неумѣньемъ попортить, и немного прикрыли землею, чтобы не разрушалась отъ ногъ посѣтителей.

Заключеніе.

Смотря на произведенную нами раскопку, только какъ на пробу и начало, мы должны замѣтить, что раскопанное нами мѣсто составляетъ ничтожную часть цѣлаго пространства Доклеи. Притомъ избранное нами мѣсто насъ интересовало не богатствомъ добычи, которую мы могли тамъ найти, но вопросомъ, не былъ-ли то христіанскій храмъ, построенный на римскихъ развалинахъ и изъ римскаго же матеріала. Вопросъ этотъ въ томъ мѣстѣ для насъ рѣшенъ вполнѣ въ смыслѣ отрицательномъ. Мы увѣрены, что то же самое подтвердятъ и

[1]) Всѣ эти монеты съ другими вещами переданы е. в. князю Николаю, и потому мы, цитируя ихъ на память, боимся ошибиться.

дальнѣйшія раскопки, т. е. что разрушеніе этого города произошло въ то время, когда въ него еще не проникло христіанство, и съ тѣхъ поръ на мѣстѣ его не производилось никакихъ построекъ вновь, притомъ христіанскихъ. Поэтому само собою падаетъ утвержденіе, что городъ этотъ вторично былъ разрушенъ болгарскимъ царемъ Самуиломъ, когда онъ плѣнилъ и раззорилъ всю Зету до Котара и Дубровника.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто римскою, языческою жизнію, о которой въ такомъ отдаленномъ краю ничего не извѣстно въ исторіи, что̀ и придаетъ особенный интересъ этимъ раскопкамъ.

Наша раскопка была бѣдна находками, отчасти потому что это было публичное зданіе, которое прежде всего обратило на себя вниманіе грабителей и потому подверглось большому опустошенію; а отчасти отъ того, что вообще въ публичныхъ зданіяхъ не можетъ быть столько вещей изъ бытовой народной жизни, какъ въ жилищахъ частныхъ. Поэтому при раскопкѣ этихъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, найдется вещей гораздо больше; а не менѣе интересенъ и самый характеръ этихъ построекъ, расположеніе улицъ и т. п.

Есть мѣста, которые обѣщаютъ много уже потому одному, что представляютъ нагроможденіе больше того, которое мы раскопали. Такъ къ югу отъ нашей раскопки есть возвышеніе, заросшее лѣсомъ и недоступное для обработки. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, какое нибудь жилое зданіе, и потому обѣщаетъ дать большую добычу. Все же это мѣсто народъ называетъ „Цареви дворове" то-есть царскій дворецъ. И такихъ мѣстъ не одно.

Е. В. князь Николай выразилъ желаніе продолжать раскопку въ этомъ же году, но я не могъ приняться, покуда онъ своими глазами не увидитъ и не одобритъ нашу работу; а между тѣмъ различныя обстоятельства задержали его, и потому работа на время прекратилась. Между тѣмъ эти развалины, прежде посѣщаемыя весьма рѣдко, теперь привлекаютъ уже къ себѣ массу любопытныхъ; въ томъ числѣ посѣщаютъ ихъ и люди науки и вообще понимающіе дѣло, отъ которыхъ должно ожидать уясненія какъ открытыхъ раскопкою предметовъ, такъ и того, какимъ образомъ слѣдуетъ повести дальнѣйшія раскопки.

Въ виду продолженія раскопокъ мы съ своей стороны считаемъ долгомъ сдѣлать нѣсколько практическихъ замѣчаній, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду будущимъ изслѣдователямъ:

1) Всѣ эти земли, какъ мы замѣтили выше, составляютъ частную собственность; поэтому копать можно только такія мѣста, которыя не обработываются, а на обработанныхъ должно платить за убытки; это слѣдуетъ впередъ устранить, если не откупомъ всего этого пространства, то какимъ нибудь договоромъ и сдѣлкой съ владѣтелями. Всего легче это можетъ сдѣлать самъ князь, который и намѣревался каждогодно производить раскопки по частямъ на собственныя средства, какъ и въ настоящемъ случаѣ.

2) Много рабочихъ не нужно, какъ было у насъ (отъ 150 до 200 чел.); нужно не болѣе 50 человѣкъ, снабженныхъ однако всѣми необходимыми орудіями и между прочимъ тачками для отвоза щебня и разнаго мусора въ сторону, а самое лучшее къ рѣкѣ Морачѣ. Самое лучшее время для работы осень, зима и весна, когда нѣтъ полевыхъ работъ и нѣтъ большихъ жаровъ.

3) Если предпринять раскопку радикальную цѣлаго пространства, то нужно начать съ мѣстъ, которыя находятся на краю Морачи, Зеты или потока Ширалія, чтобы легче относить камень и землю, и потомъ, очищая себѣ путь, идти впередъ и углубляться въ середину, другими словами, вести раскопку отъ краевъ къ срединѣ.

Лучшими рабочими при этомъ считаю мѣстныхъ жителей Пиперъ, которымъ и принадлежитъ вся земля; поэтому имъ сподручнѣе работать во всякое время, а кромѣ того, они работаютъ очень живо, усердно, съ любознательностью и весьма толковы.

П. Ровинскій.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Не много найдется въ международномъ правѣ вопросовъ столь важныхъ, жизненныхъ и интересныхъ, какъ вопросъ, являющійся предметомъ настоящаго изслѣдованія. Правильное разрѣшеніе его составляетъ прямую задачу науки международнаго права. Между тѣмъ, можно смѣло сказать, что ни одинъ вопросъ не разработанъ такъ мало, такъ недостаточно, какъ этотъ. Писатели по международному праву какъ бы умышленно старались избѣгать его. Нѣкоторые затронули его вскользь, при изложеніи ученія о правѣ войны, но никто еще не ставилъ его прямо. Въ настоящее время его ставитъ сама жизнь и настоятельно требуетъ отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что въ концѣ XIX вѣка такъ мало опредѣленнаго можно сказать на счетъ права государства изгонять иностранецъ. Повидимому, исторія человѣчества и международныхъ отношеній развивалась въ смыслѣ человѣчности, что отъ положенія — „иностранецъ — врагъ"—она все шла къ другому положенію — „иностранецъ—другъ". Однако на самомъ дѣлѣ мы видимъ иное. Народы самые образованные продолжаютъ упорно держаться старыхъ идей и по-прежнему иностранецъ представляется только терпимымъ какъ бы изъ милости въ странѣ и отнюдь не желательнымъ элементомъ. Всего любопытнѣе то обстоятельство, что иного отношенія къ иностранцамъ со стороны государства и ожидать было нельзя. Эти два понятія — государство и иностранецъ—являются понятіями взаимно другъ друга исключающими. Это отлично понимали великіе государственные люди древности; ихъ примѣру въ наше время слѣдуетъ князь Висмаркъ.

Вопросъ этотъ, какъ и всякій, можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но прежде всего необходимо представить его исторію.

Опираясь на историческія данныя, можно затѣмъ его разсмотрѣть теоретически.

Нечего и говорить, что въ древнихъ восточныхъ государствахъ иностранецъ являлся существомъ вполнѣ безправнымъ, врагомъ, котораго могли убивать, мучить и всячески терзать. Начало завоеванія господствовало въ тѣ времена безгранично и возводилось въ идеалъ нравственности; оно привело въ Индіи къ учрежденію кастъ; понятіе же о кастахъ есть понятіе о самомъ страшномъ неравенствѣ между гражданами. Въ виду этого легко можно понять, каково было положеніе иностранцевъ. Иностранецъ—врагъ: вотъ несомнѣнный законъ въ жизни древнѣйшихъ народовъ. Но еслибы спросить, не этотъ ли законъ управляетъ и современною исторіей, не то же ли пришлось бы отвѣтить? Развѣ состояніе вооруженнаго мира, въ какомъ живутъ современные народы, не достаточно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ? Соединеніе народовъ, или даже мирное ихъ сожительство есть не болѣе, какъ мечта, свойственная многимъ благороднымъ умамъ, но не имѣющая опоры ни въ историческихъ данныхъ, ни въ современной жизни народовъ, ни въ самомъ характерѣ человѣка и государства. Всемірная исторія есть рядъ картинъ вѣчной борьбы, вѣчной смѣны народовъ и государствъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга. Такъ было, такъ и есть, и такъ будетъ до конца. Можно, конечно, съ нѣкоторою натяжкой, утверждать, что это раздробленіе, эта международная вражда и борьба приводятъ къ единству, можно усматривать „единство въ разнообразіи“ [1]), но такое понятіе будетъ слишкомъ обще, слишкомъ туманно. Достаточно указать на то, что даже такое могучее историческое явленіе, какъ христіанство, не могло пока объединить всего человѣчества. Христіанство провозгласило равенство всѣхъ людей, но оно не имѣло силы провести эту великую идею въ международную жизнь и доселѣ.

Напротивъ, исторія привела къ образованію національностей, къ образованію и національныхъ государствъ, а первымъ признакомъ такихъ государствъ является строгое разграниченіе между собственными подданными и иностранцами.

Въ образованнѣйшей странѣ древности—Греціи были безправные иностранцы [2]). Аѳинянинъ не могъ жениться на ѳиванкѣ. Иногда въ

---

[1]) *Laurent*, Histoire du droit des gens et des relations internationaux (Études sur l'histoire de l'humanité). Tome I. L'Orient. 2-e edition 1855. См. предисловіе.

[2]) *Laurent*, Le droit civil international, 1880, vol. I, p. 121.

одномъ и томъ же городѣ одна часть считала другую иностранцами. Всякій иностранецъ въ древне-греческомъ государствѣ (напримѣръ, аѳинянинъ въ Спартѣ) могъ жить въ предѣлахъ послѣдняго, но законъ не давалъ ему права владѣть тамъ землей, хотя бы онъ оказалъ великія услуги этому государству. Иностранцы въ греческихъ государствахъ не могли распоряжаться своимъ имуществомъ путемъ духовныхъ завѣщаній. Оставшееся послѣ смерти иностранца имущество не переходило къ его родственникамъ. И такое положеніе было обыкновеннымъ лишь для иностранцевъ—грековъ по племени. Негрековъ же греки просто считали варварами, годными только для рабства.

По религіознымъ воззрѣніямъ тѣхъ временъ иностранецъ считался существомъ нечистымъ, а слѣдовательно и неспособнымъ къ пользованію гражданскими правами. Иностранцы не допускались не только къ религіознымъ таинствамъ, но и вообще къ публичнымъ обрядамъ [1]).

Такое положеніе иностранцевъ въ образованнѣйшей странѣ древняго міра обусловливалось господствомъ силы надъ правомъ. Греческое государство было не что иное, какъ городская община, городъ. А что такое городъ, по ученію древнихъ? Аристотель опредѣляетъ городъ, какъ общество свободныхъ людей; тутъ нѣтъ мѣста рабамъ, которые по самой природѣ назначены къ такому состоянію. Иностранецъ почти такъ же мало пользовался гражданскими правами, какъ и рабъ, то-есть почти не пользовался.

Но не слѣдуетъ думать, что такое безотрадное положеніе иностранцевъ не смягчалось въ дѣйствительности. Такимъ смягчающимъ началомъ являлось гостепріимство. Только подъ сѣнію этого благодѣтельнаго учрежденія, это безправное существо, существо презрѣнное (ἀτίμητος μετανάστης, какъ называетъ иностранца Иліада) могло находить хоть какое-нибудь избавленіе отъ своей жалкой доли. Уже въ законахъ Ману гостепріимство считается за божественное учрежденіе; Пиндаръ считаетъ его наравнѣ съ любовью къ отечеству. Такимъ образомъ гостепріимство давало гостю взамѣнъ правъ покровительство его хозяина. Ξεῖνοι въ Греціи, кліенты въ Римѣ могли существовать только благодаря этому учрежденію. Иностранцы, не состоявшіе въ такихъ отношеніяхъ съ мѣстными жителями, никакими правами не пользовались [2]).

---

[1]) *Laurent*, Études, II, 111 и 112.

[2]) *Müller Jochmus*, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, 1848, стр. 107, § 47 (Fremdenrecht).

Изъ всѣхъ греческихъ государствъ наиболѣе сурово относилась къ иностранцамъ Спарта. Изгнаніе иностранцевъ (ксенелазія) возведено было тамъ въ государственное начало, которому строго слѣдовали. Ксенелазію приписываютъ Ликургу. Біографъ его Плутархъ разказываетъ (см. 27-ю главу его жизнеописанія), что Ликургъ изгонялъ всѣхъ иностранцевъ, которые являлись въ страну безъ полезныхъ цѣлей [1]). Исторія сохранила нѣкоторые примѣры такихъ изгнаній, которыя указываютъ на смыслъ и духъ ихъ. Такъ, храбрая, воинственная Спарта не могла выносить, чтобы ей проповѣдывали трусливое благоразуміе, поэтому поэтъ Архилохъ, проповѣдывавшій въ своихъ пѣсняхъ, что лучше бѣжать, чѣмъ умирать съ оружіемъ въ рукахъ, сейчасъ же былъ изгнанъ изъ Спарты, какъ только явился туда. Одного тиранна выгнали за то, что онъ раздавалъ гражданамъ золотые и серебряные сосуды. Выгоняли софистовъ, которые брались говорить о чемъ-либо цѣлый день, не переставая; выгоняли неискусныхъ поваровъ. Изъ этихъ и другихъ подобныхъ примѣровъ видно, что Спарта изгоняла безполезныхъ иностранцевъ и вредныхъ въ какомъ-либо отношеніи, но не всѣхъ безъ различія. Спарта также почитала Зевса и Аѳину, какъ боговъ-покровителей гостепріимства. Мало того, въ Спартѣ также были проксены—государственные чиновники, заботившіеся о гостяхъ [2]). И Спарта полезныхъ иностранцевъ радушно принимала и пользовалась съ благодарностью ихъ услугами; она выписывала иностранныхъ врачей и гадателей, даже поэтовъ; поэтъ Тиртей за одушевлявшія воинственныя пѣсни даже получилъ права гражданства. Но Спарта безжалостно выгоняла всѣхъ, кто велъ роскошную жизнь и соблазнялъ тѣмъ ея гражданъ.

Слишкомъ суровое отношеніе Спарты къ иностранцамъ осудили Аристофанъ и Платонъ. Послѣдній въ „Законахъ" говоритъ, что безчеловѣчно и дико отказывать иностранцу въ пріѣздѣ въ страну.

Аѳины во всемъ представляютъ противоположность со Спартой. Въ этомъ изящнѣйшемъ городѣ древности жило множество иностранцевъ. Они раздѣлялись на два разряда μέτοικοι и ξένοι: первые были постоянно живущіе, осѣдлые иностранцы, вторые — временно пребывающіе. Метеки были по преимуществу промышленники и художники. Въ 309 году до Р. Х. ихъ было до 10.000 въ Аѳинахъ. Они должны были избирать себѣ патроновъ (προστάτης). Метекъ, не хотѣвшій брать

[1]) *Xenoph.* de rep. Laced., XIV, 4.

[2]) *Schoemann*, Antiquitates iuris publici Graecorum, p. 142, и № 9.

себѣ патрона, лишался за это всего своего имѣнія, правъ и обращался въ рабство [1]) или изгонялся изъ аѳинскихъ предѣловъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что патронатъ въ Аѳинахъ явился не по желанію иностранцевъ и не въ ихъ интересахъ. Дѣло въ томъ, что покровительство патрона мало предохраняло метека отъ обидъ и притѣсненій, и не даромъ Ксенофонтъ считалъ нужнымъ учрежденіе особыхъ судей, которые бы заботились объ интересахъ и безопасности иностранцевъ, были бы какъ бы опекунами надъ этими государственными сиротами. Дѣйствительно, иностранцы въ Аѳинахъ представляли изъ себя именно такихъ сиротъ: не пользуясь общимъ правомъ наравнѣ съ гражданами, они однако обязаны были нести болѣе тяжелыя повинности, чѣмъ граждане, между прочимъ, воинскую. Они платили ежегодную подушную подать, что было равнозначуще рабству, ибо такая подать въ древности считалась унизительною. Малѣйшее упущеніе въ исполненіи этихъ повинностей влекло за собою рабство. Такъ, у философа Ксенократа не хватило денегъ на уплату податей и его чуть было не продали въ рабство, еслибы не спасло заступничество Ликурга. Не мало также страдали иностранцы отъ доносчиковъ, сикофантовъ, которыхъ много было въ Аѳинахъ и которые жили этимъ гнуснымъ ремесломъ. Вообще, если иностранцевъ было много въ Аѳинахъ, то не потому, чтобы тамъ имъ жилось очень хорошо. Нѣтъ, положеніе ихъ было незавидно, и, если ихъ было много, то только потому, что въ Аѳинахъ, сравнительно съ другими греческими городами, они все-таки хоть сколько нибудь были обезпечены. Исократъ сравнивалъ Аѳины въ этомъ отношеніи съ куртизанкой, которою восхищаются всѣ, но которую никто не рѣшится взять себѣ въ жены. Такъ и тутъ: Аѳины привлекали къ себѣ иностранцевъ славой своей либеральности и общественности, но несчастные, по близкомъ знакомствѣ съ городомъ, скоро въ немъ разочаровывались.

Въ остальныхъ греческихъ городахъ положеніе иностранцевъ колебалось между этими двумя полюсами—Спартой и Аѳинами. Ни въ одномъ изъ нихъ иностранецъ не пользовался всѣми гражданскими правами, ни въ одномъ не былъ обезпеченъ отъ изгнанія.

Отношеніе Аѳинскаго государства къ иностранцамъ опредѣлялось, между прочимъ, условіями, въ какихъ находились собственные под-

---

[1]) *Sainte-Croix*, Mémoire sur les métèques въ *Mémoires de l'Académie des inscriptions*, vol. XLVIII.

данные Аѳинъ. Такъ, когда населеніе уменьшалось отъ войнъ, Аѳины привлекали къ себѣ иностранцевъ. Клисѳенъ для этого не задумался дать имъ гражданскія права, Ѳемистоклъ же не былъ такъ щедръ: онъ только освободилъ ихъ отъ подушной подати. Но какъ только аѳинское населеніе снова увеличилось, явилось достаточное количество своихъ ремесленниковъ и художниковъ, эта льгота была отмѣнена. Послѣ Пелопоннезской войны, когда туземное населеніе опять сильно уменьшилось, снова прибѣгли къ мѣрѣ Клисѳена, такъ что не только осѣдлые иностранцы (метеки), но и другіе, временно пребывавшіе въ Аѳинахъ, если только участвовали въ Пелопоннезской войнѣ на сторонѣ аѳинянъ, получили право гражданства (это было при архонтѣ Калліѣ, въ 3-й годъ XCIII-ой олимпіады, до сраженія при Аргинузахъ). Приливъ иностранцевъ въ Аѳины зависѣлъ также и оттого, что ихъ изгоняли изъ другихъ греческихъ государствъ. Во время господства 30 тиранновъ въ Аѳинахъ положеніе метековъ было очень тяжелое. Тиранны, съ цѣлью обогащенія, казнили 1.500 гражданъ, среди которыхъ много было богатыхъ метековъ, и завладѣли ихъ имѣніемъ; но для того, чтобы народъ не догадался о настоящей причинѣ, тиранны велѣли казнить еще двухъ бѣдныхъ метековъ. Одинъ изъ тиранновъ, Тераменъ, хотѣлъ ограничиться однимъ ограбленіемъ метековъ, оставивъ имъ жизнь, но за такое великодушіе самъ погибъ отъ руки своихъ товарищей по злодѣяніямъ. Въ это время многіе метеки бѣжали и потомъ, по изгнаніи тиранновъ, вернулись, но не могли вернуть прежнихъ льготъ. Они не признавались за аѳинскихъ гражданъ. Такъ, знаменитые астрономы Феносъ и Метонъ даже родились въ Аѳинахъ, однако никто ихъ не считалъ за аѳинянъ. Къ метекамъ относились или презрительно или съ сожалѣніемъ. У Софокла Электра въ порывѣ горя говоритъ: „Какъ несчастная чужеземка провожу я жизнь въ домѣ отца!“ Въ одной трагедіи Еврипида („Эрехтея“) Кадмъ говоритъ, что великое несчастіе быть метекомъ у варваровъ. Комическіе поэты осмѣивали метековъ. Послѣдніе, по выраженію Аристофана, въ сравненіи съ настоящими гражданами тоже, что солома въ сравненіи съ хлѣбомъ. На общественныхъ праздникахъ метеки подвергались униженіямъ: на Панаѳинеяхъ ихъ жены и дочери носили зонтики надъ гражданами, другія носили сосуды съ водой (hydriaphores), а сыновья — носили деревянные сосуды съ ароматами. На вакханаліяхъ метеки не могли принимать участія въ разгулѣ и должны были молчать. Въ состязаніяхъ не принимали участія, но издержки платили.

Что гостепріимство, дѣйствительно, широко было распространено въ Греціи, всего болѣе свидѣтельствуетъ сильное развитіе въ тѣ времена права убѣжища для преступниковъ. Съ другой стороны, изгнаніе въ древности считалось крайне тяжелою карой: оно приравнивалось смертной казни. Понятно, что если такая кара нерѣдко постигала собственныхъ подданныхъ греческихъ государствъ, тѣмъ легче она могла примѣняться къ иностранцамъ. Величайшій реалистъ среднихъ вѣковъ — Макіавелли высказалъ мысль, что всѣмъ монархіямъ слѣдуетъ избѣгать пріема къ себѣ иностранцевъ и смѣшенія съ ними, какъ людьми „подозрительными". Въ древности же не объ этомъ только шла рѣчь, а о бóльшемъ — о ненависти къ иностранцу. Для образованнаго аѳинянина иностранецъ былъ варваръ, для римлянина же, который считалъ весь міръ полемъ для своей эксплуатаціи, иностранецъ былъ просто врагъ — „peregrinus antea dictus hostis". Оттого-то такъ трудно было иностранцу пріобрѣсти въ чужой землѣ права гражданства. Въ Аѳинахъ иностранцы, подобно средневѣковымъ евреямъ, обитавшимъ въ особыхъ кварталахъ „гетто", жили въ особой отведенной для нихъ части города. Они были обязаны платить опредѣленный ежегодный налогъ. Они уплачивали суммы на вооруженіе кораблей, даже должны были участвовать въ войскѣ. И за все это они не имѣли ни одного права, входящаго въ число гражданскихъ правъ настоящихъ подданныхъ; они пользовались только тѣми, которыя входили въ составъ ius gentium. По закону каждый изъ иностранцевъ обязанъ былъ избрать себѣ среди мѣстныхъ жителей защитника, патрона, который отвѣчалъ за его поведеніе и руководилъ имъ во всемъ, что только касалось публичнаго или частнаго права. Для нихъ былъ учрежденъ особый судья, такъ называемый полемархъ. Дѣти иностранцевъ не могли быть вмѣстѣ съ аѳинскими дѣтьми: для нихъ отведено было особое мѣсто, гдѣ они и играли. Правда, иностранецъ могъ пріобрѣсти права аѳинскаго гражданина, но для этого требовался приговоръ шести тысячъ человѣкъ и наличность важныхъ услугъ, оказанныхъ республикѣ. А на сколько цѣнилось гражданство аѳинское, видно изъ разказа Плутарха о попыткахъ побѣдителя при Саламинѣ усыновить, за неимѣніемъ законныхъ дѣтей, сына, рожденнаго отъ Аспазіи. Въ видѣ особой милости народъ разрѣшилъ ему внести этого сына въ списокъ аѳинскихъ гражданъ, но отмѣнить законъ, запрещавшій это, народъ отказался. Желая оказать величайшую почесть Александру Македонскому, граждане Коринѳа сдѣлали его своимъ гражданиномъ.

Въ Спартѣ положеніе иностранцевъ было еще хуже.

Амфиктіоново судилище регулировало отношеніе отдѣльныхъ государствъ, входившихъ въ составъ амфиктіонова союза, къ иностранцамъ, но, къ сожалѣнію, его постановленія не дошли до насъ. Впрочемъ, врядъ ли это вліяніе было особенно сильно, если принять въ соображеніе, что большинствомъ иностранцевъ являлись бѣглые рабы: ихъ обыкновенно выдавали господамъ; тутъ даже право убѣжища при храмахъ и право на гостепріимство не существовало.

Какъ бы то ни было, все, что сказано доселѣ объ иностранцахъ въ Греціи, относится только до грековъ, подданныхъ разныхъ греческихъ государствъ. Не-грековъ считали тогда за варваровъ и они никакими правами не пользовались (Laurent, Études, II, 45, 103 и др.).

Затѣмъ положеніе иностранцевъ смягчалось въ Греціи благодаря вліянію религіи. Въ этомъ отношеніи большимъ вліяніемъ пользовались совѣты Дельфійскаго оракула (См. Fustel de Coulanges, La cité antique 1864).

По мѣрѣ развитія греческой торговли, отдѣльныя греческія государства заключаютъ между собою трактаты, въ силу которыхъ взаимнымъ подданнымъ предоставлялись извѣстныя права и устанавливался опредѣленный порядокъ для разрѣшенія возникавшихъ между ними споровъ. Такіе трактаты называются σύμβολα. Къ сожалѣнію, ихъ не много дошло до насъ, такъ-что довольно трудно по нимъ судить о правахъ, которыми пользовались иностранные купцы въ греческихъ государствахъ. Лоранъ указываетъ еще на нѣкоторые трактаты, установлявшіе еще болѣе тѣсный союзъ государствъ, такъ-называемую изополитію. На основаніи этихъ трактатовъ подданные взаимно договаривавшихся государствъ пользовались даже политическими правами. Такимъ образомъ, для обезпеченія правъ иностранцевъ, въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ является институтъ проксеновъ—публичныхъ чиновниковъ, избиравшихся сначала самими кліентами, потомъ же правительствами. Проксены обязаны были оказывать защиту и покровительство подданнымъ иностраннаго государства, которые находились на территоріи даннаго государства. Въ институтѣ проксеновъ можно видѣть зародышъ современныхъ консульствъ. Проксеновъ не слѣдуетъ смѣшивать съ простатами: первые были органами международнаго характера, они были простатами цѣлыхъ городовъ, какъ юридическихъ лицъ, тогда какъ простаты относились лишь къ отдѣльнымъ лицамъ.

Во всякомъ случаѣ положеніе иностранцевъ, надолго поселяв-

шихся въ греческихъ государствахъ, было незавидно. Выше были уже указаны разныя ограниченія ихъ въ аѳинскомъ законодательствѣ. Вотъ еще нѣкоторыя подробности. На публичныхъ играхъ, кромѣ вышеуказанныхъ ограниченій, было еще одно, чрезвычайно своеобразное. Именно, предсѣдатель празднества подвергался огромному штрафу за допущеніе метека быть актеромъ во время праздничныхъ драматическихъ представленій. Были и другія, не менѣе оскорбительныя различія. Такъ, подушная (унизительная но тогдашнимъ понятіямъ) подать съ метековъ назначалась для мужчинъ въ 12 драхмъ, для женщинъ въ половину менѣе. Кромѣ того въ пользу сборщиковъ податей съ каждой метекской семьи взималось по 3 обола. Въ случаѣ неуплаты, неисправнаго метека приводили къ полетамъ (такъ назывались 10 чиновниковъ, которые пребывали на полетеріонѣ, то-есть публичной площади, и продавали въ пользу государства разное имущество съ аукціона) и тѣ продавали его въ рабство съ публичнаго торга. Но въ особенности отяготительна для нихъ была другая подать: именно шестая часть ихъ имѣнія отбиралась въ пользу казны. Съ другой стороны учрежденіе простатовъ, которое сначала дѣйствительно было задумано и дѣйствовало на ихъ пользу, мало по малу стало утрачивать такой характеръ и на первый планъ выдвинулась не защита правъ иностранцевъ, а тяжелое ихъ ограниченіе и опека въ высшей степени тягостная, отъ которой притомъ никакъ нельзя было отдѣлаться. Если какого-нибудь метека обвиняли въ томъ, что онъ не хочетъ взять себѣ простата (νέμειν προστάτην), то его лишали всѣхъ правъ и полемархъ (3-й архонтъ) приказывалъ отобрать отъ него имѣніе, которое полеты затѣмъ продавали въ пользу казны, а самого метека продавали въ рабство; иногда, впрочемъ, ограничивались ихъ изгнаніемъ.

Въ виду такого положенія осѣдлыхъ иностранцевъ, естественно спросить, какъ же примирить съ нимъ то широкое гостепріимство, которымъ славились Аѳины по преимуществу. Какъ объяснить, что это гостепріимство доходило до того, что, напримѣръ, ѳессалійцамъ былъ оказываемъ не только радушный пріемъ, но и дарована была особая земля для поселенія? Но это противорѣчіе объясняется очень просто: иностранцы пользовались такимъ гостепріимствомъ лишь втеченіе извѣстнаго, опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго имъ предстояло на выборъ—или вернуться туда, откуда они прибыли, или записаться въ разрядъ метековъ съ подчиненіемъ всѣмъ усло-

віямъ этого послѣдняго состоянія. Какъ великъ былъ этотъ срокъ, сказать невозможно за отсутствіемъ данныхъ.

Между гражданами и метеками былъ еще посредствующій классъ изотеловъ [1]), но настоящее значеніе этого класса не выяснено вслѣдствіе противорѣчивыхъ о немъ свидѣтельствъ. Повидимому, они не пользовались главною привиллегіей гражданъ—не могли быть избираемы въ государственныя должности, но за то платили меньше податей, чѣмъ метеки; такъ они избавлены были отъ платы на расходы по устройству публичныхъ празднествъ. Метековъ, вовсе избавленныхъ отъ платежа податей, такъ называемыхъ ателовъ, было всего нѣсколько человѣкъ во времена Демосѳена. Получить полныя права гражданства метеку было весьма трудно. Вотъ краснорѣчивый примѣръ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ аѳинскихъ, Лизій былъ сынъ метека и въ Аѳинахъ же и родился и получилъ воспитаніе; какъ ораторъ и адвокатъ, онъ пользовался успѣхомъ и по изганіи 30 тиранновъ (въ 403 году до Р. Х.), по настоянію Ѳразибула, его сдѣлали аѳинскимъ гражданиномъ. Однако, нашлись лица, воспротивившіеся этому; они перенесли дѣло въ народное собраніе, которое не утвердило Лизія въ правахъ гражданства. Но, чтобы утѣшить его въ этой неудачѣ, Лизію пожаловали права метека [2]), но метека привиллегированнаго—изотела. Въ этомъ состояніи Лизій прожилъ до конца жизни; онъ занимался не только частною адвокатурой, но говорилъ и въ народномъ собраніи о дѣлахъ политическихъ.

Теперь посмотримъ, каковы были воззрѣнія великихъ людей древней Греціи на иностранцевъ. Платонъ даетъ имъ мѣсто въ своей идеальной республикѣ на слѣдующихъ условіяхъ. Они должны хорошо знать свое ремесло; слѣдовательно, всѣ иностранцы, не знающіе его, ничего не дѣлающіе, безполезные должны быть удаляемы (совершенно Ликургово воззрѣніе). Затѣмъ, они не могутъ навсегда оставаться въ республикѣ, а только въ теченіи 20 лѣтъ, считая со дня записи ихъ въ разрядъ метековъ. Они не подлежатъ особымъ денежнымъ сборамъ за право пріѣзда въ республику, но должны дать обѣщаніе, что будутъ себя хорошо вести. Они имѣютъ право покупать и продавать разное имущество, не платя за это право особаго сбора и, по выѣздѣ изъ государства (когда истечетъ 20-лѣтній срокъ) могутъ

[1]) Ibid. p. 189.

[2]) „Καὶ οὕτως ἀπελαθεὶς τῆς πολιτείας, τὸν λοιπὸν χρόνον ᾤκησε ἰσοτελής“. Lys. Vit. Plut.

взять съ собой свое имущество. Метекъ, оказавшій республикѣ важныя государственныя услуги, можетъ просить или о продленіи срока пребыванія, или объ оставленіи его навсегда въ странѣ (Plat. De Legibus. Lib. VIII въ концѣ).

Таковъ взглядъ одного изъ гуманнѣйшихъ мыслителей древности. Если такъ смотрѣлъ на иностранцевъ этотъ „divinus" Платонъ, ученіе котораго впослѣдствіи такъ цѣнили отцы церкви, то можно себѣ представить, каково на самомъ дѣлѣ было положеніе иностранцевъ въ древней Греціи. Основаніемъ же такого взгляда у Платона и у Ликурга и у другихъ людей того времени было опасеніе за добрые нравы; они боялись, какъ бы съ принятіемъ иностранцевъ старые добрые нравы не испортились, какъ-бы не развратились граждане. Этимъ объясняется ксенелазія въ Ликурговомъ законодательствѣ, этимъ-же объясняется и прекарное положеніе иностранцевъ въ республикѣ Платона. Что касается Аристотеля, то онъ считаетъ иностранцевъ за неизбѣжное для большаго города зло. Онъ не считаетъ ихъ за членовъ государства, за гражданъ, ибо граждане имѣютъ права на общественныя должности и почести, иностранцы же этого права не имѣютъ [1]).

И тѣмъ не менѣе эти иностранцы, это неизбѣжное въ государствѣ зло, эти полу-рабы геройски сражались за то государство, гдѣ они жили, проливали за него кровь, оказывали ему много другихъ услугъ. Аѳиняне пользовались ихъ храбростью и всегда ставили ихъ въ передовые отряды тяжеловооруженныхъ и поручали военачальникамъ изъ иностранцевъ предводительство надъ своими (правда, наемными) войсками.

Вотъ этими-то важными услугами республикѣ иностранцы снискали себѣ уваженіе одного изъ замѣчательныхъ людей Греціи—Ксенофонта. Ксенофонтъ хотѣлъ въ интересахъ государства, съ цѣлью увеличенія его народонаселенія, силъ и средствъ, даровать иностранцамъ нѣкоторыя льготы, которыя бы облегчили ихъ положеніе. Прежде всего онъ предлагалъ раздать имъ въ пользованіе пустопорожнія земли въ Аѳинахъ. Затѣмъ онъ предлагалъ учредить особыхъ судей (метекофилаксовъ), которые бы заботились о безопасности и интересахъ осѣдлыхъ иностранцевъ. Но предложенія Сократова ученика не были приняты во вниманіе: они слишкомъ шли въ разрѣзъ съ тогдашнею жизнью. Даже впослѣдствіи въ Римѣ не додумались до та-

---

[1]) *Аристотель*. Политика. Кн. III, гл. I и II.

кого учрежденія: praetor peregrinus имѣлъ относительно иностранцевъ лишь принудительную власть.

По мѣрѣ упадка государства права аѳинскаго гражданства стали цѣниться все меньше, такъ что во время Демосѳена ихъ раздавали многимъ иностранцамъ, иногда совершенно этого недостойнымъ. Лѣтъ за пятьдесятъ до Р. Х. аѳинскимъ гражданиномъ могъ быть всякій, кто уплачивалъ извѣстную сумму: такъ сильно упала Греція.

Въ другихъ государствахъ Греціи, какъ выше было замѣчено, положеніе иностранцевъ болѣе или менѣе приближалось къ положенію ихъ въ Аѳинахъ. Такъ, въ Ѳессаліи, болѣе подходившей къ спартанскому типу, положеніе иностранцевъ было немногимъ лучше положенія рабовъ. Въ греческихъ колоніяхъ оно было лучше или хуже, смотря по степени развитія и богатства колоніи: когда колоніи нуждались въ людяхъ, въ ремесленникахъ, въ воинахъ, онѣ привлекали иностранцевъ льготами; когда нужда проходила, онѣ отмѣняли эти льготы. То же было въ Сициліи, въ Ливіи, въ Киренахъ, гдѣ впрочемъ былъ классъ, стоявшій еще ниже иностранцевъ,—именно евреи.

Изъ этого очерка можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Иностранцы въ разныхъ греческихъ государствахъ пользовались крайне ограниченными правами и несли тяжелыя повинности.

2) Они ничѣмъ не были обезпечены отъ высылки и изгнанія, которыя производились нерѣдко какъ надъ отдѣльными лицами, такъ и надъ цѣлыми массами.

3) Гостепріимство и его учрежденія облегчали ихъ положеніе только втеченіе извѣстнаго срока.

4) Великіе государственные люди и мыслители Греціи смотрѣли на нихъ, какъ на помѣху къ правильному развитію государства, и пользовались ихъ услугами только въ крайнихъ случаяхъ.

Неудивительно поэтому, что Діонисій Галикарнасскій видитъ въ печальномъ положеніи иностранцевъ одну изъ причинъ быстраго упадка Греціи.

Д. Никольскій.

КЪ ВЕНЕРѢ, ИЛИ НА ПРИБЫТІЕ ЦЕЗАРЯ.

Изъ Марціала.

(Lib. VIII, carm. XXI).

Фосфоръ [1]), намъ день возврати! Не задерживай радостей нашихъ!
Цезарь къ намъ долженъ прибыть: Фосфоръ, намъ день возврати!
Римъ умоляетъ объ этомъ. Зачѣмъ такъ лѣниво, Боотесъ [2]),
Ты колесницу влечёшь? Медленно день настаётъ.
Могъ бы занять ты Циллара [3]) у славнаго Ледина сына;
Не отказалъ бы тебѣ Касторъ сегодня въ конѣ.
Что замедляешь желанье Титана [4])? Ужъ Ксантъ и Аѳтонъ
Упряжи ждутъ, и не спитъ Мемнона добрая мать [5])....
Не уступаютъ лѣнивыя звѣзды блестящему солнцу;
Хочетъ Луна увидать нынѣ Авзоньи вождя.
Цезарь, хоть ночью приди! какъ хотятъ, пусть останутся звѣзды,—
День не замедлитъ придти встрѣтить съ народомъ тебя.

К. С—скій.

---

[1]) Марціалъ употребляетъ греческое Φώσφορος вмѣсто латинскаго Lucifer (свѣтоносецъ). Такъ называли планету Венеру въ тѣ періоды, когда она являлась предъ утренней зарей.

[2]) Боотесъ—созвѣздіе, находящееся непосредственно за хвостомъ Большой Медвѣдицы (впрочемъ, говоря точнѣе, между ними есть небольшое созвѣздіе изъ блѣдныхъ звѣздъ — Гончія собаки). Въ древности разсматривали въ Большой Медвѣдицѣ только семь яркихъ звѣздъ и называли ихъ Колесницею. Поэтъ, обращаясь къ Боотесу, побуждаетъ его скорѣе привезти колесницу на то мѣсто, гдѣ она должна находиться при наступленіи утра.

[3]) Цилларъ—очень быстрая лошадь Кастора, сына Леды.

[4]) Подъ Титаномъ здѣсь разумѣется Геліосъ, богъ солнца.

[5]) То-есть, Ѳетида—жена Геліоса, въ чертоги которой всякій день уходилъ Геліосъ послѣ заката солнца.

ИЗЪ МИМНЕРМА.

Элегія 2-я.

Къ Нанно.

(Переводъ съ греческаго размѣромъ подлинника).

Словно какъ нѣжные листья, обильной цвѣтами весною,
    Разростаются вмигъ солнечныхъ силой лучей, —
Такъ наслаждаемся мы цвѣтущей зрѣлой порою
    Очень недолгій лишь срокъ, чужды, какъ боги, скорбей,
Счастью не зная цѣны. А подлѣ—черныя Керы [1]):
    Старости поздней одна страшной грозитъ тяготой,
Самою смертью—другая. Даръ юности гибнетъ въ той мѣрѣ,
    Какъ по землѣ мчится свѣтъ солнечный быстрой волной.
Послѣ-жъ того, какъ конецъ цвѣтущей порѣ той настанетъ,
    Лучше скорѣй умереть: жить ужъ не стоитъ труда.
Сколько вѣдь ждетъ насъ потомъ огорченій! Тутъ, смотришь, заглянетъ
    Въ домъ къ одному съ нищетой плодъ раззоренья—нужда;
Горько другому при мысли въ Аидъ преисподній явиться,
    Послѣ себя на землѣ здѣсь не оставивъ дѣтей [2]);
Съ жизнь уносящей болѣзнью иному придется сдружиться:
    Бѣдствій вѣдь никого Зевсъ не лишитъ изъ людей.

М. Овяшевичъ.

---

[1]) Богини, олицетворяющія смерть.
[2]) Прекращеніе рода считалось проклятіемъ.

ПОПРАВКИ.

Въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ статьѣ И. И. Луньяка „Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосѳена къ Исократу“, должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
73	12	древнимъ	древними
74	24	λόγαυς,	λόγους.
75	4	греки(?)	греки(!)
„	28	βχεδόν	σχεδόν
76	34	ἀκουω	ἀκούω
„	36	36	63
„	37	Λυσίω	Λυσίου
„	38	Διοκλεοῦς	Διοκλέους
77	8	ἀτιμία	ἀτιμία
78	26	γεγενημμένου	γεγενημένου
80	8	ἐστιν'	ἐστὶ
81	27	ὑφ	ὑφ'

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLXX.

1890.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го августа).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLXX.

1890.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

Екатерининскій кан., № 80.
2925.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

12. (16-го Октября 1889 года). **Объ учрежденіи при Александровскомъ городскомъ училищѣ семи стипендій.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1889 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Александровскомъ городскомъ училищѣ, въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшаго Семейства отъ угрожавшей 17-го октября 1888 года опасности на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, семи стипендій, на счетъ процентовъ съ капитала въ триста пятьдесятъ руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью александровскимъ 2-й гильдіи купцомъ Алексѣемъ Первушинымъ; при этомъ Его Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть искренно благодарить жертвователя отъ Имени Ихъ Величествъ.

13. (17-го апрѣля 1890 года). **Объ утвержденіи положенія и штата лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ утвержденіи положенія и штата лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта **Михаилъ.**

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи положенія и штата лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты: положенія о лицеѣ Цесаревича Николая и штата сего учебнаго заведенія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Отпускать ежегодно, считая съ 1-го января 1890 года, на покрытіе штатныхъ расходовъ лицея по тридцати восьми тысячъ рублей, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія расходовать на эту надобность въ текущемъ году кредитъ въ 38.000 р., внесенный къ условному отпуску по ст. 7 § 17 дѣйствующей смѣты означеннаго министерства.

III. Утвердить состоявшееся въ минувшемъ году распоряженіе министра финансовъ о выдачѣ министерству народнаго просвѣщенія 23.000 руб., изъ кредита въ 38.000 руб., внесеннаго къ условному отпуску по ст. 7 § 17 смѣты сего министерства на 1889 годъ для покрытія срочныхъ платежей, причитавшихся съ лицея Цесаревича Николая по залогу его дома въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

IV. Отпустить въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія остальные 15.000 руб. изъ кредита въ 38.000 руб., означеннаго въ предыдущей статьѣ, на покрытіе расходовъ по содержанію лицея въ 1889 году.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Гатчинѣ.
17-го апрѣля 1890 года.

Положеніе о лицеѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ.

1. Лицей Цесаревича Николая, учрежденный М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ и посвященный памяти въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича, состоитъ подъ Августѣйшимъ

покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича.

2. Московскому генералъ-губернатору присвоивается званіе почетнаго попечителя лицея.

3. Лицей состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Московскаго учебнаго округа.

4. Лицей имѣетъ цѣлію: 1) сообщать обучающемуся въ немъ юношеству общее среднее образованіе; 2) содѣйствовать возможно успѣшному прохожденію воспитанниками университетскаго курса по факультетамъ: историко-филологическому, юридическому и физико-математическому, и 3) содѣйствовать практической подготовкѣ преподавателей для гимназій.

5. Средства лицея составляютъ: 1) суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ государственнаго казначейства; 2) доходъ отъ принадлежащаго лицею имущества; 3) плата, взимаемая съ воспитанниковъ; 4) пожертвованія.

Примѣчаніе. Суммы, поступающія на основаніи п.п. 2—4 сей статьи, составляютъ спеціальныя средства лицея и расходуются на его нужды по правиламъ, установленнымъ для расходованія такихъ средствъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

6. Въ лицеѣ полагается восемь гимназическихъ классовъ и университетскіе курсы. Кромѣ того, при лицеѣ можетъ состоять подготовительная школа.

Примѣчаніе. При лицеѣ имѣются пансіоны для воспитанниковъ гимназическихъ классовъ и интернатъ для воспитанниковъ университетскихъ курсовъ.

7. Объемъ преподаванія предметовъ въ гимназическихъ классахъ лицея долженъ быть не ниже опредѣленнаго учебными планами гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

8. На университетскіе курсы лицея принимаются только лица зачисленныя въ студенты историко-филологическаго, юридическаго и физико-математическаго факультетовъ Московскаго университета.

9. Воспитанники университетскихъ курсовъ лицея, подчиняясь всѣмъ требованіямъ, установленнымъ для студентовъ университета, занимаются въ лицеѣ, подъ руководствомъ особыхъ преподавателей и наблюдателей, изученіемъ предметовъ, входящихъ въ составъ избраннаго ими факультета, чтеніемъ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ сочиненій, практическими упражненіями (переводами, задачами, ди-

спутами, пробными процессами и т. п.), репетированіемъ лекцій, а также подготовленіемъ къ повѣрочнымъ и инымъ испытаніямъ, установленнымъ для студентовъ университета.

10. Лица, окончившія высшее образованіе и желающія посвятить себя педагогической дѣятельности, допускаются къ исполненію учительскихъ обязанностей въ лицеѣ съ цѣлію усовершенствованія въ пріемахъ преподаванія. Лица эти избираются преимущественно изъ бывшихъ воспитанниковъ лицея и допускаются къ занятіямъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. При успѣшности занятій означенныя лица могутъ быть, по истеченіи года, зачисляемы въ сверхштатные учители лицея и, въ случаѣ опредѣленія ихъ на штатную должность въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, время состоянія ихъ въ лицеѣ со дня допущенія къ преподаванію зачитывается имъ въ срокъ выслуги на пенсію.

11. Общее попеченіе о матеріальномъ благосостояніи лицея ввѣряется совѣту, образуемому, подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя, изъ попечителя Московскаго учебнаго округа, его помощника, ректора Московскаго университета, директора лицея и почетныхъ членовъ лицея.

12. Въ почетные члены лицея избираются совѣтомъ пожизненно лица, пожертвовавшія въ пользу лицея единовременно не менѣе 10.000 р., или оказавшія ему другія важныя услуги.

Примѣчаніе. Званіе почетныхъ членовъ сохраняется за лицами, пріобрѣвшими оное до утвержденія настоящаго положенія.

13. Почетные члены утверждаются въ семъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія. Имъ присвоивается зауряднъ V классъ по должности и V разрядъ по шитью на мундирѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но безъ правъ на чинопроизводство и на пенсію.

14. Общій надзоръ за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ лицеѣ, за состояніемъ въ немъ хозяйственной части и за правильнымъ расходованіемъ средствъ лицея возлагается на попечителя Московскаго учебнаго округа.

15. Непосредственное управленіе лицеемъ ввѣряется директору, при участіи въ подлежащихъ случаяхъ правленія лицея.

16. Правленіе лицея образуется, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ трехъ старшихъ учителей гимназическихъ классовъ, и старшаго наблюдателя университетскихъ курсовъ. Если въ лицеѣ

не окажется указаннаго выше числа старшихъ учителей, то недостающее число членовъ пополняется по выбору правленія съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

17. На правленіе возлагается завѣдываніе хозяйственною и учебно-воспитательною частями лицея.

18. Учебные планы, програмы, распредѣленіе преподаванія по классамъ и назначеніе числа часовъ на каждый предметъ въ гимназическихъ классахъ, а равно порядокъ занятій на университетскихъ курсахъ и всѣ вообще предметы, касающіеся педагогической части, опредѣляются правленіемъ, при участіи учебнаго персонала лицея (педагогическихъ конференцій) и утверждаются въ подлежащихъ случаяхъ министромъ народнаго просвѣщенія, или попечителемъ учебнаго округа.

19. Директоръ лицея избирается изъ лицъ, имѣющихъ, по меньшей мѣрѣ, степень кандидата или дипломъ первой степени по историко-филологическому факультету, и обратившихъ на себя особое вниманіе службою по учебной или ученой части.

20. Законоучитель лицея избирается изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра богословія. Старшій и младшіе наблюдатели университетскихъ курсовъ, преподаватели сихъ курсовъ, старшіе учители, учители предметовъ и языковъ, старшіе и младшіе наблюдатели гимназическихъ классовъ и главные надзиратели пансіоновъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ дипломъ первой степени, или степень кандидата, или же пріобрѣвшихъ званіе учителя гимназіи. Учители чистописанія, рисованія и черченія избираются изъ лицъ, имѣющихъ право на преподаваніе сихъ предметовъ въ гимназіяхъ.

21. Въ должности старшихъ учителей, коихъ полагается трое, утверждаются, за полезную и ревностную службу, тѣ изъ преподавателей русскаго, древнихъ языковъ или математики, которые прослужили въ лицеѣ не менѣе 10 лѣтъ.

22. Лицей имѣетъ свою печать съ изображеніемъ подъ Императорскою короною трехъ буквъ Н. Ц. Н., что означаетъ „Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай".

23. Лицей имѣетъ право получать безъ цензурнаго разсмотрѣнія выписываемыя изъ-за границы книги, а равно издавать безъ цензуры учебныя руководства, за исключеніемъ относящихся до закона Божія, которыя подлежатъ духовной цензурѣ, на общемъ основаніи.

24. Льготы, предоставляемыя лицею относительно платежа пошлинъ, гербоваго, городскихъ и иныхъ сборовъ, а также по отбыва-

нію квартирной повинности, опредѣляются въ подлежащихъ уставахъ, по принадлежности.

25. О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ воспитанникомъ университетскихъ курсовъ лицея, внѣ сего учебнаго заведенія, полиція немедленно увѣдомляетъ директора лицея.

26. Въ случаѣ взятія подъ арестъ кого либо изъ служащихъ или учащихся въ лицеѣ, лица эти немедленно представляются директору лицея. Если же они задержаны по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то должностныя лица, по распоряженію которыхъ они задержаны, увѣдомляютъ объ этомъ безъ замедленія директора лицея.

27. Поименованныя въ штатѣ лицея должностныя лица считаются состоящими на государственной службѣ по министерству народнаго просвѣщенія и пользуются преимуществами, опредѣленными въ штатѣ, а также въ ст. 396 уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства и ст. 343 уст. о пенс. и единовр. пособ., изд. 1876 года.

28. Воспитанники гимназическихъ классовъ лицея пользуются относительно правъ поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, вступленія въ гражданскую службу, производства въ первый классный чинъ, а также относительно льготъ по отбыванію воинской повинности, всѣми преимуществами, предоставленными воспитанникамъ правительственныхъ гимназій.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ. 18 апрѣля 1890 года.

ШТАТЪ

Лицея Цесаревича Николая.

	Число чиновъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Рубли.						
Директору	1	2.400	1.600	въ натурѣ.	4.000	IV	IV	По учебной службѣ.
Законоучителю	1	1.000	600		2.000			
Ему же по должности настоятеля церкви	—	400	—	—				
Старшему наблюдателю университетскихъ курсовъ	1	1.500	1.000	—	2.500	VI	VI	
Учителямъ древнихъ языковъ	4	900	600	—	6.000	VIII	VIII	
Учителямъ математики и физики (съ космографіей и краткимъ естествовѣдѣніемъ	2	900	600	—	3.000	VIII	VIII	
Учителямъ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и логики	2	900	600	—	3.000	VIII	VIII	
Учителю исторіи и географіи	1	900	600	—	1.500	VIII	VIII	
Учителю французскаго языка	1	900	600	—	1.500	VIII	VIII	
Учителю нѣмецкаго языка	1	900	600	—	1.500	VIII	VIII	
Старшимъ учителямъ добавочныхъ по 500 р.	3	—	—	—	1.500	VI	VI	
Одному изъ старшихъ учителей за исполненіе обязанностей помощника директора	1	1.000	—	въ натурѣ.	1.000			

Старшимъ наблюдателямъ гимназическихъ классовъ, добавочныхъ по 750 р.	8	—	—	—	6.000	—	—	По учебной службѣ.
Младшимъ наблюдателямъ университетскихъ курсовъ.	—	750	450	—	—	VIII	VIII	
Младшимъ наблюдателямъ гимназическихъ классовъ	—	750	250	—	—	VIII	VIII	
Главнымъ надзирателямъ пансіоновъ.	—	750	450	—	—	VII	VII	
Младшимъ надзирателямъ пансіоновъ	—	350	250	—	—	X	X	
Библіотекарю	1	600	—	—	600	VIII	VIII	
Учителю чистописанія .	1	500	—	—	500	IX	IX	VII
Учителю рисованія и черченія	1	600	—	—	600	IX	IX	VII
Секретарю правленія .	1	600	200	—	800	VIII	VIII	III ст. 2
Секретарямъ педагогическихъ конференцій . . .	2	120	—	—	240			
Эконому и смотрителю зданій	1	600	—	—	600	IX	IX	VII
Врачу	1	600	—	—	600	VIII	VIII	По медиц. службѣ.
На содержаніе дома . .	—	—	—	—	2.400			

Примѣчанія:

1) Всѣ исчисленные по сему штату расходы покрываются на счетъ суммы въ 38.000 р., отпускаемой лицею изъ государственнаго казначейства, за исключеніемъ расходовъ по содержанію младшихъ наблюдателей, главныхъ и младшихъ надзирателей пансіоновъ и библіотекаря, а также по выдачѣ дополнительнаго содержанію старшему учителю, исполняющему обязанности помощника директора, и вознагражденія секретарямъ педагогическихъ конференцій, каковые расходы относятся на счетъ спеціальныхъ средствъ лицея.

2) Младшіе наблюдатели изъ лицъ, не преподающихъ въ лицеѣ, получаютъ полные оклады содержанія (жалованье и столовые), положенные для нихъ по штату. Младшіе же наблюдатели изъ числа преподавателей получаютъ полный окладъ по занимаемой ими учительской должности, а за исполненіе обязанностей наблюдателя имъ выдается изъ спеціальныхъ средствъ лицея добавочное вознагражденіе, въ размѣрѣ 450 р. для наблюдателя университетскихъ курсовъ и 250 р. для наблюдателя гимназическихъ классовъ.

3) Служащіе въ лицеѣ, которымъ по штату не положено квартиръ въ натурѣ, могутъ пользоваться таковыми за ревностную и полезную службу, по представленію правленія и съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, въ тѣхъ случаяхъ, когда дозволитъ помѣщеніе.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

14. (24-го апрѣля 1890 г.). О примѣненіи къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о примѣненіи къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ гимназіямъ Дерптскаго учебнаго округа устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, мнѣніемъ положилъ:

I. Примѣнить къ Дерптской, Митавской, Ревельской и Рижской губернской гимназіямъ, съ начала будущаго учебнаго года, Высочайше утвержденные 30-го іюля 1871 года уставъ и штатъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ нижеслѣдующими отступленіями:

1. Церковно-славянскій языкъ сдѣлать обязательнымъ только для учениковъ православнаго исповѣданія.

2. Для русскаго языка и словесности назначить по 27 и для нѣмецкаго языка по 16 уроковъ.

3. Къ числу необязательныхъ предметовъ обученія отнести еврейскій языкъ—для всѣхъ 4 гимназій, латышскій—для Рижской и Митавской, эстскій—для Ревельской и Дерптской, причемъ за обученіе симъ языкамъ установить особую умѣренную плату, которая за недостаточныхъ учениковъ можетъ быть покрываема изъ спеціальныхъ средствъ заведеній.

4. Въ штатъ сихъ гимназій ввести: а) законоучителя лютеранскаго исповѣданія на тѣхъ же основаніяхъ, какія опредѣлены для законоучителя православнаго исповѣданія, и б) трехъ преподавателей древнихъ языковъ.

5. Служащимъ при означенныхъ гимназіяхъ, по учебной части, а также семействамъ ихъ, пенсіи и единовременныя пособія опредѣлять изъ окладовъ: директорамъ—одной тысячи ста рублей, ин-

спекторамъ—восьмисотъ рублей, православнымъ и лютеранскимъ законоучителямъ—четырехсотъ рублей, учителямъ наукъ и языковъ русскаго, латинскаго и греческаго—семисотъ рублей, и учителямъ новыхъ языковъ—пятисотъ пятидесяти рублей.

Примѣчаніе. За лицами, служащими нынѣ при гимназіяхъ въ должностяхъ съ высшими пенсіонными правами, сохраняются эти послѣднія права.

II. Постановленія, изложенныя въ ст. 1–3 и 5 отдѣла I, примѣнить къ Александровскимъ гимназіямъ въ Ригѣ и Ревелѣ.

III. Существующія нынѣ въ Александровскихъ гимназіяхъ должности: особаго инспектора и преподавателя латышскаго языка, въ Рижской, и учителя эстскаго языка, въ Ревельской, упразднить.

IV. Тѣхъ изъ служащихъ въ Дерптской, Ревельской, Рижской губернской и Митавской гимназіяхъ, которые, съ примѣненіемъ къ нимъ общаго устава гимназій 1871 года, не получатъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

V. Потребные на содержаніе преобразуемыхъ Дерптской, Ревельской, Рижской губернской и Митавской гимназій сто пять тысячъ восемьсотъ восемьдесятъ рублей въ годъ отпускать изъ государственнаго казначейства, съ обращеніемъ въ счетъ этой суммы 70.084 р. 85 к., нынѣ ассигнуемыхъ изъ того же источника, на содержаніе помянутыхъ четырехъ гимназій, 13.099 р., назначенныхъ къ условному отпуску по ст. 1 § 7 смѣты министерства народнаго просвѣщенія текущаго года, и 2.830 р. изъ суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе Рижской и Ревельской Александровскихъ гимназій, и съ отнесеніемъ остальной недостающей суммы, въ количествѣ 19.866 р. 15 к., на спеціальныя средства гимназій, Дерптской, Ревельской, Рижской губернской и Митавской, съ тѣмъ, чтобы означенные 19.866 р. 15 к. показывались пособіемъ государственному казначейству на содержаніе гимназій: Рижской губернской—3.000 р., Ревельской—4.800 р., Митавской—5.500 р. и Дерптской—6.566 р. 15 коп.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

15. (1-го мая 1890 года). О преобразованіи Омскаго техническаго училища въ низшее механико-техническое.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о

преобразованіи Омскаго техническаго училища въ низшее механико-техническое, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.
Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Омскаго техническаго училища въ низшее механико-техническое, мнѣніемъ положилъ:

I. Существующее въ г. Омскѣ техническое училище преобразовать, съ 1890—91 года, въ низшее механико-техническое училище съ пансіономъ.

II. На содержаніе Омскаго низшаго механико-техническаго училища и состоящаго приономъ пансіона обратить отпускаемые нынѣ Омскому техническому училищу шестнадцать тысячъ рублей изъ средствъ государственнаго казначейства и одиннадцать тысячъ пятьсотъ рублей изъ губернскаго земскаго сбора губерній Тобольской и Томской, съ тѣмъ, чтобы на эту послѣднюю сумму (11.500 р.) были отнесены, между прочимъ, расходы на содержаніе въ училищѣ 30 безплатныхъ пансіонеровъ городскихъ и сельскихъ обществъ Тобольской и 20 — Томской губерніи (5.000 р.); вознагражденіе директора за завѣдываніе пансіономъ (300 р.); содержаніе воспитателя пансіона (600 р.) и эконома (300 р.), а также содержаніе въ чистотѣ и ремонтъ зданій пансіона (964 р.).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

16. (1-го мая 1890 года). Объ упраздненіи Бѣлгородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ упраздненіи Бѣлгородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.
Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ

представленіе министра народнаго просвѣщенія объ упраздненіи Бѣлгородской и учрежденіи Курской учительской семинаріи, мнѣніемъ положилъ:

I. Бѣлгородскую учительскую семинарію закрыть съ окончаніемъ текущаго учебнаго года.

II. Служащихъ въ оной лицъ, кои не получатъ другаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи, съ отнесеніемъ расхода по выдачѣ имъ заштатнаго жалованья на средства курскаго губернскаго земства.

III. Преобразовать Курскую земскую учительскую школу, съ начала 1890—91 учебнаго года, въ Курскую учительскую семинарію, на основаніи соглашенія, состоявшагося по сему дѣлу между министерствомъ народнаго просвѣщенія и курскимъ губернскимъ земствомъ.

IV. Проектъ штата Курской учительской семинаріи поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

V. На содержаніе Курской учительской семинаріи въ дополненіе къ 8.510 рублямъ, отпускаемымъ курскимъ губернскимъ земствомъ, отпускать ежегодно по шестнадцати тысячъ восьмисотъ десяти рублей, обративъ на покрытіе сего расхода равную сумму, отпускаемую нынѣ на содержаніе Бѣлгородской учительской семинаріи.

VI. Могущіе оказаться къ концу каждаго года остатки отъ штатныхъ суммъ Курской учительской семинаріи раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи курскаго губернскаго земства, для употребленія на нужды сего заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Гатчинѣ 1 мая 1890 г.

ШТАТЪ

Кусской учительской семинаріи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	ВСЕГО.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Рубли.					
Директоръ (при казенной квартирѣ).	1	1.200	800	2.000	V	V	По учебной службѣ.
Ему же добавочныхъ.	—	—	—	500			
Законоучитель.	1	650	550	1.200			
Ему же на наемъ квартиры . .	—	—	—	200			
Наставниковъ	3	650	550	3.600	VIII	VIII	
Двумъ изъ нихъ на наемъ квартиръ, по 200 руб. каждому	—	—	—	400			
За 8 дополнительныхъ уроковъ естествовѣдѣнія.	—	—	—	480			
Учитель пѣнія.	1	500	—	500			
Ему же на наемъ квартиры . .	—	—	—	200			
Учитель начальнаго при семинаріи училища	1	450	—	450			
Ему же на наемъ квартиры . .	—	—	—	150			
Учитель техническаго рисованія	1	100	—	100			
Учитель рисованія и черченія. .	1	250	—	250			
Учитель чистописанія	1	250	—	250			
Учитель гимнастики	1	240	—	240			
Врачъ	1	200	—	200	VIII	VIII	По медицинской службѣ.
На пособіе служащимъ	—	—	—	100			
На обученіе ремесламъ	—	—	—	1.220			
На 70 стипендій, по 120 р. . .	—	—	—	8.400			
На учебныя пособія для стипендіатовъ	—	—	—	525			
На награды окончившимъ курсъ .	—	—	—	100			
На библіотеку и учебныя пособія.	—	—	—	450			
На содержаніе домовъ, отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги и прочіе хозяйственные расходы .	—	—	—	3.805			
Итого . .	—	—	—	25.320			

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

17. (8-го мая 1890 года). Объ открытіи въ гор. Брянскѣ низшаго механико-техническаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи въ г. Брянскѣ низшаго механико-техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи въ г. Брянскѣ низшаго механико-техническаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ г. Брянскѣ (Орловской губерніи) съ 1-го іюля 1890 года низшее механико-техническое училище на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ, 7-го марта 1888 года, основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ и, 26-го іюня 1889 года, штатовъ сихъ училищъ.

2) Расходъ, потребный въ текущемъ году на содержаніе означеннаго училища и на наемъ для него помѣщенія въ количествѣ восьми тысячъ пятисотъ шестидесяти восьми рублей, отнести на кредитъ, назначенный къ условному отпуску по ст. 7 § 8 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1890 года на устройство техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

3) Начиная съ 1891 года отпускать на Брянское низшее механико-техническое училище по двадцать тысячъ шестьсотъ тридцать шесть рублей въ годъ (въ томъ числѣ: 1.200 рублей на наемъ помѣщенія); жертвуемые же Брянскимъ городскимъ обществомъ 3.500 рублей въ годъ зачислять, съ того же срока, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе сего училища.

4) Могущіе оказаться въ концѣ года отъ штатныхъ суммъ Брянскаго низшаго механико-техническаго училища остатки раздѣлять на части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстнаго городскаго общества для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

18. (10-го мая 1890 г.). Объ учрежденіи преміи за драматическое сочиненіе на проценты съ капитала, пожертвованнаго поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1890 года, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскою академіею наукъ, вмѣсто завѣщанныхъ поручикомъ войска Донскаго Андреемъ Кирѣевымъ 10.000 рублей, капитала въ 7.185 руб. 60 к., нынѣ обращеннаго въ процентныя бумаги на сумму 7.400 р. и 2) на учрежденіе, на проценты съ означеннаго капитала, преміи за лучшее, напечатанное на русскомъ языкѣ, драматическое сочиненіе, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ упомянутой преміи.

19. (10-го мая 1890 г.). Объ учрежденіи при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II стипендіи въ память столѣтія существованія этого училища.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день мая 1890 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ пятьдесятъ руб., пожертвованнаго членами „вспомогательнаго общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ", бывшими учениками названнаго училища, стипендіи въ память столѣтія существованія этого училища.

20. (14-го мая 1890 г.). О предоставленіи воспитанникамъ среднихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи воспитанникамъ среднихъ техническихъ училищъ отсрочки по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ дерпартаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности воспитанниковъ промышленныхъ училищъ мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе статьи 53 общаго устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I изд. 1886 г.) постановить:

„Воспитанникамъ промышленныхъ училищъ, въ составъ коихъ входятъ среднія техническія училища, а также и сихъ послѣднихъ, поступленіе на службу въ войска по вынутому жеребью отсрочивается въ случаѣ заявленнаго ими желанія, для окончанія образованія въ упомянутыхъ училищахъ, до достиженія двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду".

21. (14-го мая 1890 г.). Объ открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взамѣнъ коммерческаго отдѣленія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взамѣнъ коммерческаго отдѣленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи дополнительнаго класса при Елабужскомъ реальномъ училищѣ, взамѣнъ коммерческаго отдѣленія, мнѣніемъ положилъ:

1) Приступить съ 1890—1891 учебнаго года къ закрытію коммерческаго отдѣленія въ Елабужскомъ реальномъ училищѣ, прекративъ пріемъ учениковъ въ V классъ означеннаго отдѣленія.

2) Съ закрытіемъ въ 1891—1892 учебномъ году VI класса коммерческаго отдѣленія открыть въ названномъ училищѣ дополнительный классъ.

3) Потребный на содержаніе дополнительнаго класса расходъ, въ размѣрѣ двухъ тысячъ тридцати рублей въ годъ, обратить на счетъ кредита въ 2.200 р., отпускаемаго на содержаніе коммерческаго отдѣленія; остающіеся же изъ сего кредита свободными 170 р. изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія исключить, уменьшивъ отпускаемыя нынѣ изъ казны и отъ городскаго общества суммы на содержаніе Елабужскаго реальнаго училища, пропорціонально ихъ ассигнованіямъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

22. (14-го мая 1890 г.). **Объ учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника правленія.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника правленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должности совѣтника правленія, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра должность совѣтника правленія, съ присвоеніемъ сей должности годоваго содержанія въ размѣрѣ одной тысячи пятисотъ руб. (въ томъ числѣ: 1.000 р. жалованья и 500 р. столовыхъ), при казенной квартирѣ, VI класса по чинопроизводству, VI разряда по шитью на мундирѣ и III разряда ст. 2 по пенсіи.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутому въ ст. I совѣтнику правленія, отнести на спеціальныя средства Императорскаго университета св. Владиміра.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

23. (14-го мая 1890 года). Объ освобожденіи отъ призыва на дѣйствительную военную службу въ мирное время агрономическихъ смотрителей изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Красноуфимскомъ промышленномъ, бывшемъ реальномъ, училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ освобожденіи отъ призыва на дѣйствительную военную службу въ мирное время агрономическихъ смотрителей изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Красноуфимскомъ промышленномъ, бывшемъ реальномъ, училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта д. т. с. Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о распространеніи дѣйствія пункта 3 статьи 63 устава о воинской повинности на агрономическихъ смотрителей изъ учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, мнѣніемъ положилъ:

Статью 63 общаго устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV кн. I по прод. 1889 г.) дополнить слѣдующимъ правиломъ:

„Лица, окончившія курсъ въ Красноуфимскомъ, бывшемъ реальномъ, нынѣ промышленномъ, училищѣ и поступающія затѣмъ на должности агрономическихъ смототрителей, если ими при призывѣ къ воинской повинности вынутъ жребій, опредѣляющій поступленіе ихъ въ постоянныя войска, освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на восемнадцать лѣтъ, но до истеченія пяти лѣтъ, со времени зачисленія въ запасъ, они обязаны ежегодно представлять въ подлежащее о воинской повинности присутствіе удостовѣреніе ихъ начальства въ томъ, что они не оставили соотвѣтствующихъ ихъ званію занятій. Прекратившія сіи занятія ранѣе означеннаго времени призываются на дѣйствительную службу на срокъ, соотвѣтствующій ихъ образованію“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и членами.

24. (12-го іюня 1890 года). Объ измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи таблицы числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Таблицу числа недѣльныхъ уроковъ въ мужскихъ гимназіяхъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества разсмотрѣніе.

II. Въ измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

На лѣтнія вакаціи въ гимназіяхъ, реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ назначается два мѣсяца. Время начала сихъ вакацій опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ написано: »Государь Императоръ изволилъ разсмотрѣвать 12 іюня 1890 г. въ Петергофѣ.

ТАБЛИЦА

числа недѣльныхъ часовыхъ уроковъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

	ПРЕДМЕТЫ.	Приготовительный класс.	КЛАССЫ. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Число обязательныхъ для учениковъ уроковъ въ 8 лѣтъ гимназическаго курса.
1	Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	2	2	2	16
2	Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, словесность и логика	6	5	4	4	3	3	3	3	4	29
3	Латинскій языкъ	—	6	6	5	5	5	5	5	5	42
4	Греческій языкъ	—	—	—	4	5	6	6	6	6	33
5	Математика	6	4	4	3	4	4	4	3	3	29
6	Физика	—	—	—	—	—	—	2	3	2	7
7	Исторія	—	—	—	2	2	3	2	2	2	13
8	Географія	—	2	2	2	2	—	—	—	—	8
9	Французскій языкъ	—	—	3	2	3	3	2	3	3	19
10	Нѣмецкій языкъ	—	—	3	3	3	3	3	2	2	19
11	Чистописаніе и рисованіе	6	4	4	2	—	—	—	—	—	10
	Итого для учащихся обоимъ новымъ языкамъ	22	23	28	29	29	29	29	29	29	225
Для учащихся одному новому языку	французскому	22	23	25	26	26	26	26	27	27	206
	нѣмецкому	22	23	25	27	26	26	27	26	26	206

Примѣчаніе. Уроки новыхъ языковъ распредѣляются такъ, чтобы желающіе могли, съ разрѣшенія директора, по совѣщаніи его о семъ съ педагогическимъ совѣтомъ, обучаться обоимъ; не оказывающимъ успѣха въ обязательныхъ предметахъ таковое разрѣшенія не дается.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

25. (14-го іюня 1890 года). Объ учрежденіи шести промышленныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи шести промышленныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи шести промышленныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить: 1) въ городѣ Казани соединенныя среднее химико-техническое и низшее техническое училища, съ механическою, химическою и строительною спеціальностями; 2) въ городѣ Екатеринославлѣ соединенныя училища: низшее техническое, съ механическою, химическою и строительною спеціальностями, и ремесленное и 3) въ городахъ Петрозаводскѣ и Златоустѣ и посадахъ: Павловѣ (Нижегородской губерніи) и Клинцахъ (Черниговской губерніи)—ремесленныя училища, въ Петрозаводскѣ, Златоустѣ и Павловѣ со слесарнымъ мастерствомъ, и въ Клинцахъ — со слесарнымъ и столярнымъ мастерствами.

II. Отпустить въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія на устройство помѣщеній для вновь учреждаемыхъ промышленныхъ училищъ кредитъ въ размѣрѣ двухсотъ тысячъ руб., внесенный къ условному отпуску по ст. 1 § 15 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы означенный кредитъ расходовался по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (20-го іюня 1890 года). **Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала умершей дочери полковника дѣвицы Юліи Александровны Майковой, заключающагося въ облигаціяхъ 2 восточнаго займа за №№ 93629 и 95188 по 1.000 руб. каждая и за № 329112 въ 100 руб.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно волѣ жертвовательницы капитала единовременному пособію изъ % съ онаго присвоивается наименованіе полковника Александра Аполлоновича Майкова.

§ 2. Изъ % съ означеннаго капитала назначается пособіе для взноса платы за слушаніе лекцій за бѣднѣйшаго студента историко-филологическаго факультета изъ потомственныхъ или личныхъ дворянъ, безусловно русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Пособіе назначается правленіемъ университета на основаніи существующихъ правилъ, если жертвовательница капитала не укажетъ для этого своего кандидата не позже 1-го іюля каждаго академическаго года.

§ 4. Пособіе изъ % съ капитала для платы за слушаніе лекцій должно назначаться одному и тому же студенту, начиная съ перваго полугодія перваго же курса за все время слушанія имъ университетскихъ лекцій до полнаго окончанія имъ курса.

§ 5. Такъ какъ пособіе назначается для взноса платы за слушаніе лекцій, то оно и не можетъ быть выдаваемо на руки студенту, а должно быть перечисляемо правленіемъ университета въ соотвѣтствующіе источники.

§ 6. Могущій образоваться остатокъ отъ процентовъ за покрытіемъ платы за слушаніе лекцій выдается единовременно пользовавшемуся этою льготою студенту по окончаніи имъ курса въ университетѣ и по полученіи выпускнаго свидѣтельства. Этотъ остатокъ можетъ быть выданъ и неокончившему курсъ, если препятствіемъ къ окончанію его послужила законно удостовѣренная тяжкая болѣзнь; въ противномъ случаѣ остатокъ остается на университетскомъ счету, образуя залогъ на случай возвышенія платы за слушаніе лекцій.

§ 7. Если въ какомъ-либо году не окажется между вновь поступающими на историко-филологическій факультетъ студентами бѣднѣйшаго дворянина, нуждающагося въ пособіи, то наросшіе за тотъ годъ проценты могутъ быть назначены на слѣдующій годъ второму бѣднѣйшему студенту изъ дворянъ для взноса за слушаніе лекцій на томъ же факультетѣ, такъ что тогда уже двое въ продолженіе перваго, по вступленіи въ университетъ, года будутъ пользоваться пособіемъ. Если въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду не окажется нуждающагося въ пособіи студента изъ дворянъ, то тогда на слѣдующій годъ пособіе выдается двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ дворянамъ, изъ которыхъ одинъ будетъ пользоваться пособіемъ два года, а другой всѣ четыре года. Такой способъ назначенія пособій долженъ соблюдаться относительно накопленія процентовъ при отсутствіи нуждающихся и за большее число лѣтъ, не выходя изъ предѣловъ историко-филологическаго факультета.

12. (29-го іюня 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени сенатора тайнаго совѣтника Аѳанасія Николаевича Сомова при Тверской Маріинской женской гимназіи.**

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Тверской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени сенатора тайнаго сотѣтника Аѳанасія Николаевича Сомова, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованныхъ имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 10 ти облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, 2-го десятилѣтія по пятидесяти руб. каждая облигація, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ женской гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., поступаютъ въ уплату за право ученія въ гимназіи стипендіатки.

§ 4. Право избранія стипендіатки изъ ученицъ жителей г. Твери, безъ различія сословій, но бѣдныхъ по состоянію, пожизненно принадлежитъ А. Н. Сомову; а послѣ смерти его переходитъ къ попечительному совѣту женской гимназіи.

§ 5. Стипендіатка, оказывающая при отличномъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собой право пользованія стипендіею до окончанія полнаго курса въ гимназіи или до выхода изъ оной по какой-либо причинѣ.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ, происходящей отъ нерадѣнія или за неодобрительное поведеніе стипендіатка, по опредѣленію педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ, лишается права пользоваться стипендіею и на мѣсто ея избирается другая стипендіатка.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

13. (4-го іюля 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени телавскаго первой гильдіи купца Багдасара Ивановича Багдоева при Телавскомъ городскомъ училищѣ.**

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Телавскомъ городскомъ училищѣ учреждается одна стипендія имени Телавскаго первой гильдіи купца Багдасара Ивановича Багдоева на счетъ процентовъ съ пожертвованной для этой цѣли сыномъ его почетнымъ смотрителемъ онаго училища телавскимъ первой гильдіи купцомъ Иваномъ Багдасаровичемъ Багдоевымъ капитала въ двѣсти пятьдесятъ рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ государственныхъ пяти-процентныхъ банковыхъ билетахъ втораго выпуска за №№ 346456 и 346457, съ двумя купонами, каждый по сто руб., и одного билета государственнаго казначейства за № 2243786 — 1889 г. съ семью купонами въ пятьдесятъ руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность телавскаго городскаго училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специіальныхъ средствъ училища.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія телавскаго городскаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендія первой гильдіи купца Багдасара Ивановича Багдоева переносится во вновь преобразованное училище.

§ 4. Въ стипендіаты избирается педагогическимъ совѣтомъ училища одинъ изъ бѣдныхъ приходящихъ учениковъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, безъ различія національности, изъ дѣтей гражданъ и мѣщанъ г. Телава.

§ 5. Проценты съ упомянутаго капитала, за вычетомъ суммы, подлежащей согласно закону 20-го мая 1885 г. обращенію въ доходъ казны, употребляется педагогическимъ совѣтомъ училища на взносъ платы за право ученія стипендіата.

§ 6. Могущія образоваться сбереженія отъ стипендіи, по случаю временнаго незамѣщенія ея или по какимъ - либо другимъ причинамъ, прибавляются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе стипендіату по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (4-го іюля 1890 года). **Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова при Харьковской Маріинской женской гимназіи.**

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Харьковской Маріинской женской гимназіи на проценты съ капитала въ 5.391 р. 60 к., образованнаго Харьковскимъ губернскимъ земствомъ, учреждается одна стипендія имени „генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова“.

§ 2. Означенный капиталъ по обращеніи его въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала: 1) уплачивается гимназіи за обученіе обязательнымъ и необязательнымъ предметамъ одной бѣдной ученицы, отличающейся, по засвидѣтельствованію педагогическаго совѣта гимназіи, безукоризненнымъ поведеніемъ и вполнѣ удовлетворительными успѣхами, и 2) остатокъ отъ таковой уплаты за обученіе или выдается на содержаніе той же ученицы ея родителямъ или же вносится, какъ плата за ея содержаніе въ пансіонѣ.

§ 4. Право назначенія стипендіатокъ принадлежитъ Харьковской губернской земской управѣ при соблюденіи условій, указанныхъ въ параграфѣ 3.

§ 5. Стипендіатка избирается изъ дѣтей постоянныхъ жителей Харьковской губерніи, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

§ 6. Ученица, пользующаяся стипендіею, носитъ именованіе „стипендіатка генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова.

§ 7. Право на стипендію сохраняется за избранной стипендіаткой во все продолженіе пребыванія ея въ гимназіи, если она по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ будетъ удовлетворять параграфу 3 этихъ правилъ. Въ случаѣ оставленія стипендіатки въ томъ же классѣ вслѣдствіе болѣзни, стипендія можетъ быть сохранена еще на одинъ годъ за стипендіаткой, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ со стороны стипендіатки.

15. (9-го іюля 1890 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недопущеніи зачета службы, проведенной въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ, въ срокъ выслуги на пенсію изъ суммъ государственнаго казначейства.

Однимъ изъ законоучителей прогимназій было возбуждено ходатайство о назначеніи ему пенсіи за двадцати-пяти-лѣтнюю службу въ законоучительскихъ должностяхъ, съ зачетомъ въ сей срокъ свыше девяти-лѣтней прежней службы его законоучителемъ въ бывшемъ женскомъ 2-го разряда училищѣ. Министерство народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ представленіе подлежащаго попечителя учебнаго округа по означенному ходатайству, не признало возможнымъ зачесть названному законоучителю въ срокъ выслуги на пенсію изъ казны время, проведенное имъ на службѣ въ бывшемъ женскомъ 2-го разряда училищѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: на основаніи дѣйствовавшихъ Высочайше утвержденныхъ Положеній о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 30-го мая 1858 г. (ст. 15) и 10-го мая 1860 г. (ст. 37), преподавателямъ и преподавательницамъ сего рода училищъ 1-го и 2-го разряда, не состоявшимъ одновременно на службѣ въ гимназіи или уѣздномъ училищѣ, предоставлены были служебныя права, равныя съ домашними учителями и учительницами, то-есть, право на полученіе пенсіи, за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ, изъ находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія капитала призрѣнія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, служба же домашнихъ учителей и учительницъ, по ст. 417 Св. Зак., т. III (изд. 1876 г.) уст. о пенс. и един. пособ., не принимается въ зачетъ при назначеніи пенсіи ни въ

какую другаго рода службу. Съ введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 24-го мая 1870 г. Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, замѣнившаго собою прежнія Положенія о женскихъ училищахъ, нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ сихъ гимназій и прогимназій, въ томъ числѣ и законоучителямъ оныхъ, предоставлено при соотвѣтственномъ образовательномъ цензѣ, право на пенсіи изъ казны, на основаніи 42 ст. этого положенія (ст. 349 Св. Зак., т. III, изд. 1876 г.) уст. о пенс. и един. пособ. наравнѣ съ учителями и законоучителями мужскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, но о зачетѣ въ срокъ выслуги на таковыя пенсіи прежней ихъ службы въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ, въ изъятіе изъ 417 ст. пенс. уст., ни въ приведенномъ положеніи о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, ни въ послѣдующихъ законоположеніяхъ, нигдѣ не упоминается, а слѣдовательно, эта статья (417) закона сохранена въ полной силѣ какъ въ отношеніи домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, такъ и лицъ, сравненныхъ съ ними по службѣ въ бывшихъ женскихъ 1-го и 2-го разряда училищахъ. А такъ какъ безъ зачета времени службы въ женскомъ 2-го разряда училищѣ упомянутый законоучитель не выслужилъ двадцати-пяти-лѣтняго срока по учебной части въ должностяхъ, предоставляющихъ право на пенсію изъ казны, то изъясненное ходатайство о назначеніи ему таковой пенсіи оставлено было безъ удовлетворенія.

На таковой отказъ министерства народнаго просвѣщенія была принесена упомянутымъ законоучителемъ жалоба въ правительствующій сенатъ. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и доставленныя по онымъ министромъ финансовъ свѣдѣнія, нашелъ, что по смыслу 349 ст. пенс. уст., преподаватели женскихъ гимназій и прогимназій, имѣющіе право на преподаваніе въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и не состоящіе на службѣ въ сихъ послѣднихъ пользуются по пенсіи правами, присвоенными учителямъ мужскихъ гимназій и прогимназій, посему и въ виду 346 ст. пенс. уст. право законоучителя прогимназіи на полученіе пенсіи по учебной службѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что же касается вопроса о зачетѣ въ срокъ выслуги на пенсію времени службы въ бывшемъ женскомъ 2-го разряда училищѣ, то сей вопросъ разрѣшается 417 ст. пенс. уст., по коей служба домашнихъ наставниковъ, учителей, учительницъ и наставницъ по другимъ вѣдомствамъ, или по занятіямъ другаго рода не

зачитается при назначеніи имъ пенсій и единовременныхъ пособій, равно и лѣта ихъ службы въ сихъ званіяхъ не принимаются въ зачетъ по переходѣ въ другой родъ службы при назначеніи имъ за оную пенсій и единовременныхъ пособій. На точномъ основаніи этой статьи, не зачисляется въ срокъ на выслугу пенсіи служба домашнихъ наставниковъ, учителей, учительницъ и наставницъ по другимъ вѣдомствамъ, то-есть, не по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, или по занятіямъ другаго рода, то-есть, занятіямъ, хотя и по учебной части, но не въ качествѣ домашняго наставника или учителя. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и вторую половину той же статьи „равно и лѣта ихъ службы (домашнихъ наставниковъ и учителей) въ сихъ званіяхъ не принимаются въ зачетъ при переходѣ въ другой родъ службы при назначеніи имъ за оную пенсій и единовременныхъ пособій". Подъ выраженіемъ „по переходѣ въ другой родъ службы" надлежитъ разумѣть всякую другую службу, хотя бы и по учебной части, только не въ качествѣ домашняго наставника, учителя и учительницы. Правильность такого пониманія 417 ст. уст. пенс., находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующей 418 ст., по коей домашніе наставники и учители, получившіе пенсію за службу другаго рода, не только продолжаютъ пользоваться оною при исполненіи обязанностей сихъ званій, но не лишаются права на полученіе пенсіи и по званію домашняго наставника или учителя, если выслужатъ установленный на оную срокъ сверхъ прочей своей службы, то-есть, въ этомъ случаѣ служба домашнихъ наставниковъ и учителей обособляется и не смѣшивается съ другою какою-либо службою и исчисляется на пенсію отдѣльно, независимо отъ всякой другой службы и правъ по оной, на пенсію пріобрѣтенныхъ. Признавая, въ виду изложеннаго, что служба въ должности законоучителя бывшаго женскаго училища 2-го разряда зачету въ срокъ двадцатипятилѣтней службы по учебной части министерства народнаго просвѣщенія не подлежитъ и принимая во вниманіе, что, за исключеніемъ означенной службы, проситель прослужилъ по вѣдомству сего министерства менѣе двадцати-пяти лѣтъ и слѣдовательно, за силою 361 ст. уст. пенс. (Св. Зак., изд. 1876 г., т. III), права на полученіе просимой пенсіи не имѣетъ, правительствующій сенатъ, 5-го ноября 1887 г. и 13-го апрѣля 1888 г., опредѣлилъ: жалобу просителя оставить безъ послѣдствій.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Словообразованіе въ русскомъ языкѣ. Пособіе при изученіи русскаго языка для обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ инородцевъ. Составилъ учитель Николаевской гимназіи Александръ Желобовскій. Либава. 1860, стр. 104. Цѣна 70 коп."— одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ, и женскихъ, преимущественно въ тѣхъ, въ которыхъ учатся по русски инородцы.

— Книгу: „А. Фишманъ. Краткое руководство ариѳметики и сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальнаго преподаванія. Рига. 1890. Часть I (четыре дѣйствія съ цѣлыми отвлеченными числами). 2-е, исправленное и дополненное изданіе. Стр. 74. Цѣна 20 коп.— Ч. II. (Четыре дѣйствія съ цѣлыми именованными числами). 2-е, дополненное изданіе. Стр. 74). Ч. III. (Четыре дѣйствія съ обыкновенными дробями). Стр. 68. Цѣна 25 коп. Часть IV. Десятичныя дроби и простое тройное правило. Стр. 47. Цѣна 25 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ качествѣ руководства въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Der Rechnenunterricht in Gymnasien und anderen mittleren Lehranstalten. Ein Hilfbuch für den Schüler von Dr. Nikolai Nerling, Lehrer und Inspector Mädchenschulen zu St.-Petri in St.-Petersburg. 1890. II+104",—одобрить въ качествѣ руководства при прохожденіи ариѳметики въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ ариѳметика преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназій. Выпускъ I. Исторія Греціи и Рима. Составилъ Евстаѳій Крыловъ, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва 1890, стр. VI+153. Цѣна 65 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для VIII класса гимназій.

— Брошюры, изданныя В. Н. Маракуевымъ: 1) „День въ Римскомъ циркѣ (картины римскихъ нравовъ). В. А. Висковатова. М. 1886, стр. 82. Цѣна 7 коп." и 2) „Какъ люди научились писать.

В. А. Висковатова. М. 1886, стр. 27. Цѣна 8 коп.“—одобрить для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ: корь, скарлатина, оспа, тифъ, дифтеритъ, коклюшъ, свинка. Д-ра А. С. Виреніуса. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1890, стр. 128. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Вѣстникъ Птицеводства, органъ Бюро Птицеводства Орнитологическаго отдѣленія Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній, ежемѣсячный научно-практическій иллюстрированный журналъ, С.-Пб., 1890, подписная цѣна съ пересылкой и доставкой три рубля,—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки нашихъ среднихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ семинарій и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Брошюры, изданныя В. Н. Маракуевымъ: 1) Разведеніе лѣсныхъ деревъ, М. Турскаго, профессора Петровской академіи, 3-е изданіе, М. 1889, 64 стр.; съ 40 рисунками, цѣна 30 коп. и 2) Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе, Э. Э. Керна, Москва, 1890, 110 страницъ, съ 14 рисунками, — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій, реальныхъ, а также городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ; 3) Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ, Генриха Землера, М., 1890, въ 8-ку, 144 страницы, съ 4 табличными рисунками. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.,—одобрить для ученическихъ библіотекъ реальныхъ училищъ, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ коммерческое отдѣленіе; 4) Разведеніе подсолнечника. Москва, 1889, 47 страницъ, цѣна 20 коп. — одобрить для ученическихъ библіотекъ, какъ реальныхъ, такъ и городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ; 5) Сельское огородничество, составилъ В. Н. Маракуевъ, 3-е изданіе, дополненное, М., 1888, 64 страницы, цѣна 10 коп., допустить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

— Брошюры подъ заглавіемъ: „Читальня народной школы“: 1) Устройство древеснаго питомника при народной школѣ, М. Турскаго. С.-Пб., 1889, 46 страницъ, съ 20 рисунками—одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ и сельскихъ двухклассныхъ

училищъ; 2) А. Альмедингена, I. Полынь-трава хоть и сорная, да полезная, II. Что такое перегонка и какую пользу она приноситъ людямъ. С.-Пб., 1889, 15 страницъ съ 1 рисункомъ,—допустить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ; III. Крестьянское хозяйство и книга. С.-Пб., 1889, 18 страницъ — одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями Особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Составилъ З. Вулихъ. Изд. 12-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку, 186 страницъ. Цѣна 80 коп.“ — одобрить къ употребленію въ качествѣ руководства въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и женскихъ гимназіяхъ.

— Книгу: „Доброе слово. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ Г. М. Дьяченко. Изд. 3-е, исправленное и вновь переработанное. Въ 8-ку, М. 1890. Въ трехъ частяхъ: Первый годъ обученія. 152 страницы. Цѣна 30 коп.—Второй годъ обученія. 230 страницъ Цѣна 45 коп.—Третій годъ обученія 284 страницы. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы къ нынѣшнему же изданію былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ автору ошибокъ, а слѣдующее изданіе было бы все исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книги В. Руднева: „Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Изд. 3-е. С.-П. 1889. Въ 8-ку, 96 страницъ. Цѣна 30 коп.“ и „Руководство для учителей къ преподаванію по книгѣ „Родной мірокъ“. С.-Пб. 1886. Въ 8-ку, 47 страницъ. Цѣна 30 коп.“ допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а вторую—въ учительскія библіотеки этихъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Его сіятельство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе съ наступающаго 1890—1891 учебнаго года въ Херсонской гимназіи съ 40 до пятидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа 1-го минувшаго іюня послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища въ селѣ Истобенскомъ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи.

КЪ ВОПРОСУ О СТРОЕНІИ МАТЕРІИ [1]).

Перейдемъ теперь къ доказательствамъ, основаннымъ на стехіометрическихъ законахъ. Когда Дальтонъ открылъ законъ кратныхъ отношеній, то примѣнилъ къ его объясненію гипотезу атомовъ, и съ той поры сильно распространилось мнѣніе, будто бы этотъ законъ доказываетъ атомное строеніе матеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и механическій характеръ процесса соединеній (то, что они состоятъ въ пространственномъ сопоставленіи, въ смѣшеніи непроницаемыхъ другъ для друга частицъ матеріи); въ оправданіе же этого мнѣнія приводится легкое объясненіе закона кратности (да и другихъ стехіометрическихъ законовъ) атомистической гипотезой, причемъ подъ словомъ объясненіе подразумѣвается предположеніе такого строенія матеріи, которое дѣлало бы логически необходимымъ существованіе объясняемаго факта. А само объясненіе закона кратности сводится, какъ извѣстно, къ указанію, что коль скоро каждое простое тѣло состоитъ изъ равныхъ и недѣлимыхъ частицъ (атомовъ), то логически необходимо, чтобы цѣлое число атомовъ одного простаго тѣла соединялось не иначе, какъ съ цѣлымъ же числомъ атомовъ другаго [2]).

При разборѣ этого объясненія мы должны обратить вниманіе не на пригодность атомизма для нагляднаго представленія законовъ природы, а на его доказанность: вѣдь не достаточно показать согласіе теоріи съ фактами, а надо также указать еще невозможность послѣднихъ при другой, противоположной, точкѣ зрѣнія и этимъ опровергнуть ее. Тотъ, кто ссылается на атомистическое истолкованіе закона кратныхъ

---

[1]) *Окончаніе.* См. іюльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) См. выше.

отношеній, какъ на доказательство реальности (а не одной полезности) атомизма, а съ нимъ и дискретности тѣлъ, очевидно, думаетъ, что подобное опроверженіе ихъ сплошности уже содержится въ самомъ ходѣ или духѣ изложеннаго объясненія. Онъ, очевидно, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: если допустить сплошность тѣлъ, то этимъ самымъ будетъ допущена ихъ безконечная дѣлимость (вѣдь при сплошной однородности тѣлъ нѣтъ никакого основанія полагать какіе-либо предѣлы дѣлимости); а тогда тѣла могутъ соединяться въ любыхъ отношеніяхъ, и не должно быть закона кратности [1]).

Но здѣсь, очевидно, дѣлается двоякая ошибка. Вопервыхъ, по теоріи сплошности соединенія происходятъ не вслѣдствіе дѣлимости тѣлъ, не потому, чтобы частицы одного тѣла располагались между частицами другаго, и такимъ путемъ происходило бы ихъ механическое сопоставленіе, а—иными путями, подробностей которыхъ мы еще не знаемъ, такъ что не можемъ сдѣлать изъ нихъ ровно никакихъ выводовъ о законахъ соединенія; единственно, что мы можемъ предполагать съ точки зрѣнія этой теоріи, это — полная проницаемость тѣлъ и ихъ превращаемость, измѣняемость. Разсматривать же соединеніе только какъ распаденіе (правда, безконечное) тѣла на неизмѣняемыя безконечно малыя частицы и ихъ пространственное сопоставленіе другъ съ другомъ — это значитъ навязывать теоріи сплошности ею же самой отрицаемый атомистическій принципъ неизмѣняемости элементовъ и не признаваемый ею механическій способъ процесса соединеній [2]). Другая же ошибка состоитъ въ томъ,

[1]) Любопытный для логиковъ новый примѣръ двусмысленности термина „должно“, причемъ двусмысленность порождается его связью съ отрицаніемъ.

[2]) Сразу видно, что, разсуждая о процессѣ соединенія съ точки зрѣнія теоріи сплошности, надо процессъ раздѣленія оставить въ сторонѣ: мы не можемъ его представить дѣйствительно безконечнымъ, а взамѣнъ того будемъ представлять, такъ-же какъ это дѣлаетъ и атомизмъ, всегда законченнымъ, съ той лишь разницей, что атомизмъ представляетъ его законченнымъ на опредѣленномъ пунктѣ (дошедшимъ только до атомовъ), у насъ же этотъ процессъ будетъ останавливаться на *произвольныхъ* предѣлахъ. (Благодаря этой неизбѣжно вмѣшивающейся въ нашу мысль произвольности предѣла раздробленія, атомисту и кажется, что при отсутствіи атомовъ всякое соединеніе *должно* происходить въ *произвольныхъ* отношеніяхъ; онъ смѣшиваетъ то, что дѣлается въ его мысляхъ, съ тѣмъ, что совершается въ явленіяхъ). Слѣдовательно, если мы упустимъ изъ виду, что при сплошномъ строеніи соединенія должны происходить путемъ полнаго дѣйствительнаго проникновенія и превращенія, а не путемъ раздробленія, то мы тотчасъ же внесемъ въ свои разсужденія принципъ помѣщенія другъ возлѣ друга маленькихъ, но все-таки *конечныхъ* частицъ тѣла, то-есть, внесемъ тотъ же

что если и допустить эти чуждыя ея духу разсужденія, то въ выводѣ мы должны получить все-таки не невозможность закона кратности, а только то, что при сплошномъ строеніи тѣлъ онъ можетъ (но еще вовсе не обязанъ) отсутствовать: прежде онъ логически требовался недѣлимостью и равенствомъ однородныхъ атомовъ; а теперь это требованіе просто устранено, такъ что нѣтъ необходимости для его существованія, но въ то же время нѣтъ ровно никакихъ препятствій, чтобы онъ существовалъ. Если же законъ кратности при сплошномъ строеніи только можетъ не существовать, то нѣтъ никакого опроверженія этой гипотезы.

Почему же не признать ея? Неужели только потому, что атомизмъ все-таки какъ нибудь да выводитъ законъ кратныхъ отношеній, теорія же сплошности не въ состояніи этого сдѣлать? Но на такой упрекъ можно дать слѣдующій отвѣтъ. Пока не доказанъ апріорный характеръ этого закона, мы и не въ правѣ требовать отъ теоріи сплошности его вывода [1]): если онъ апостеріорный, то или никогда не будетъ выведенъ (буде онъ первичный, такъ какъ каждый первичный законъ лишь констатируетъ всегда и вездѣ повторяющуюся связь явленій, а не въ состояніи сдѣлать ее логически понятной), или же будетъ выведенъ только какъ результатъ болѣе общаго закона (или даже нѣсколькихъ законовъ), про который мы еще ничего не знаемъ — можетъ ли онъ быть выведенъ a priori (а который, можетъ быть, дастъ средство объяснить и даже неопредѣленныя соединенія). Далѣе, если уже сравнивать объяснительную силу той и другой теоріи для закона кратности, то надо дѣлать это сравненіе не односторонне, а посмотрѣть еще, въ какомъ положеніи находятся обѣ теоріи относительно распространенія этого закона на соединенія сложныхъ тѣлъ. Атомизмъ долженъ объяснять его тѣмъ, что группа, возникшая изъ соединенія атомовъ двухъ или нѣсколькихъ простыхъ тѣлъ, способна будетъ играть роль атома и присоединяться къ цѣлымъ подобнымъ же группамъ, если только составляющіе ихъ атомы

принципъ, который допускается и атомизмомъ, съ той только разницей, что величина нашихъ частицъ при каждомъ соединеніи *можетъ* быть произвольной, зависящей отъ всякихъ условій, а не атомистически-опредѣленной разъ навсегда.

[1]) Не забудемъ, что при сплошномъ строеніи наши объясненія должны принять иное направленіе, чѣмъ при атомизмѣ (см. выше): мы уже не въ правѣ постулировать для возможности объясненія что-либо скрытое отъ опыта, а должны сопоставлять другъ съ другомъ провѣряемые опытомъ законы и вообще факты (касающіеся самихъ тѣлъ, а не атомовъ).

достаточно прочно связаны между собой, чтобы не распадаться во время соединенія. А такъ какъ атомизмъ не въ состояніи указать причину, которая дѣлала бы неизбѣжной подобную связь, то его объясненіе указываетъ одну лишь возможность распространенія закона кратности на сложныя тѣла вопреки уже признанной дѣлимости ихъ элементовъ (молекулъ), то-есть, на одно лишь отсутствіе противорѣчія теоріи съ опытомъ: элементы сложныхъ тѣлъ (молекулы), напримѣръ каждая молекула воды H_2O, дѣлимы, ибо состоятъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ частей (H, H и O), такъ что, объясняя законъ кратности недѣлимостью элементовъ, мы должны бы ждать, что соединенія воды не будутъ подчиняться закону кратныхъ отношеній; но, прибавляетъ атомистическая теорія, онъ все-таки можетъ распространяться и на соединенія сложнаго тѣла, если атомы простыхъ тѣлъ составляютъ достаточно прочную молекулу. А какъ должна объяснять тотъ же фактъ теорія сплошнаго строенія? Такъ какъ въ ней сложныя тѣла не состоятъ изъ незамѣтной смѣси разнородныхъ тѣлъ, а такъ-же насквозь однородны, какъ и простыя тѣла, и вообще нѣтъ никакого существеннаго различія между тѣми и другими, а вся разница ограничивается лишь тѣмъ, что первыя способны къ лишнимъ видамъ превращенія,—то однородныя по своему характеру соединенія тѣхъ и другихъ должны подчиняться одинаковымъ законамъ. Соединенія же по своему характеру распадаются на опредѣленныя, въ которыхъ отношенія соединяющихся тѣлъ или совсѣмъ не измѣняются, или же измѣняются въ очень узкихъ предѣлахъ, и на неопредѣленныя, въ которыхъ отношенія соединяющихся тѣлъ могутъ измѣняться въ широкихъ размѣрахъ. Слѣдовательно, если сложное тѣло, оставаясь сложнымъ (не разлагаясь предварительно), вступаетъ въ опредѣленныя соединенія, то они должны подчиняться закону кратности, коль скоро онъ почему-то господствуетъ надъ опредѣленными соединеніями простыхъ тѣлъ, и наше сложное тѣло можетъ быть прибавляемо къ соединяющемуся съ нимъ не иначе, какъ скачками; если же это сложное тѣло вступаетъ въ неопредѣленное соединеніе, а законъ кратности не дѣйствуетъ при такихъ же условіяхъ въ простыхъ тѣлахъ, то онъ и здѣсь не будетъ дѣйствовать, такъ что наше тѣло можетъ быть прибавляемо не скачками, а постепенно.

Что же выходитъ изъ этого сравненія? Атомизмъ на основаніи своихъ принциповъ дѣлаетъ логически необходимымъ существованіе закона кратности при однихъ условіяхъ, при другихъ же

при помощи постулированнаго для этой цѣли предположенія объ атомныхъ взаимодѣйствіяхъ онъ дѣлаетъ его только возможнымъ; теорія же сплошнаго строенія существованіе этого закона въ простыхъ тѣлахъ оставляетъ только возможнымъ и должна брать его изъ опыта, но за то найдя его даннымъ въ опытѣ, она на основаніи своихъ принциповъ дѣлаетъ его логически необходимымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ соединенія сложныхъ тѣлъ, когда они вступаютъ въ него, не разлагаясь. Что же касается до только-что упомянутыхъ неопредѣленныхъ соединеній, то отношеніе обѣихъ теорій къ нимъ слѣдующее. Съ точки зрѣнія теоріи сплошнаго строенія нѣтъ ничего невозможнаго какъ въ томъ, чтобы неопредѣленныя соединенія существовали на-ряду съ опредѣленными, такъ и въ томъ, чтобы первыя въ дѣйствительности представляли собой только замаскированныя опредѣленныя. Поэтому, если изслѣдованіями неопредѣленныхъ соединеній будетъ оправдано послѣднее предположеніе, то это обстоятельство не можетъ служить опроверженіемъ теоріи сплошности; если же они выяснятъ невозможность свести неопредѣленныя соединенія сполна на опредѣленныя (напримѣръ, если выяснятъ, что всегда получится неразложимый на опредѣленныя соединенія остатокъ, который въ то же время не можетъ быть разсматриваемъ, какъ механическая смѣсь), то этимъ будетъ нанесенъ окончательный ударъ атомизму.

При всемъ томъ, если оставить въ сторонѣ это сравненіе, основной пунктъ теоріи сплошности остается неопровергнутымъ. Да и нельзя было ждать этого. Для того, чтобы имѣть въ этомъ отношеніи хоть какія-нибудь надежды—надежды опровергнуть теорію сплошности посредствомъ одного лишь атомистическаго объясненія закона кратныхъ отношеній,—необходимо (хотя все-таки еще недостаточно), чтобы это объясненіе вытекало только изъ одной дискретности тѣлъ, то-есть, только изъ отрицанія ихъ сплошнаго строенія. Въ дѣйствительности же оно основано не меньше какъ на двухъ (а при ближайшемъ разборѣ—на трехъ) гипотезахъ, которыя не вытекаютъ логически одна изъ другой: 1) дискретное строеніе тѣлъ, 2) недѣлимость соединяющихся частицъ, такъ что законъ кратности вытекаетъ не изъ самаго отрицанія сплошности тѣлъ, а изъ него и еще изъ одной гипотезы, которая подбирается для вывода этого закона; потому-то теорія сплошнаго строенія и остается не опровергнутой. Мы вѣдь можемъ допускать и механическое воззрѣніе на химическія соединенія, то-есть, объяснять ихъ перемѣшиваніемъ незамѣтно малыхъ неизмѣ-

няемыхъ частицъ разныхъ тѣлъ, и дискретность тѣлъ, но все это еще нисколько не содержитъ въ себѣ логической необходимости признавать недѣлимость этихъ частицъ: не будетъ ровно никакого внутренняго противорѣчія въ предположеніи, что тѣ частицы, которыя своимъ сопоставленіемъ съ частицами другаго тѣла образовали данный видъ соединенія, окажутся раздѣленными при другомъ соединеніи съ тѣмъ же самымъ или съ новымъ тѣломъ. И такъ какъ прежде нашъ выводъ закона кратности основывался на томъ, что атомы, будучи недѣлимыми, то-есть, оставаясь при каждомъ соединеніи нераздѣленными, соединяются поэтому между собой не иначе, какъ цѣлое число атомовъ одного тѣла съ цѣлымъ же числомъ атомовъ другаго, то теперь, когда мы отбрасываемъ это основаніе, мы, разумѣется, не получимъ прежняго вывода. Не то, чтобы мы получили отрицаніе или невозможность закона кратности, а просто на просто—никакого вывода, потому что остается неизвѣстнымъ, какъ именно будетъ происходить дѣленіе атомовъ: раздѣлятся ли они на части равныя между собой, или нѣтъ; и притомъ, если на неравныя,—на соизмѣримыя или несоизмѣримыя какъ между собой, такъ и съ цѣлымъ атомомъ (дискретной частицей)? Все это одинаково возможно и одинаково необязательно, а не все пригодно для вывода закона кратности. Чтобы не присоединять еще гипотезы недѣлимости и въ то же время получить требуемый законъ, намъ остается только допустить слѣдующее предположеніе: хотя частицы и различно дѣлятся при разныхъ соединеніяхъ, но ихъ распаденіе и группировка почему-то всегда происходятъ такъ, чтобы соблюдался законъ кратныхъ отношеній. Кстати сказать, Науманнъ, который выводитъ атомизмъ, доказывая только то, что элементы, вступая въ соединенія, занимаютъ въ нихъ отдѣльныя пространства, вынужденъ прибѣгать къ такому предположенію, чтобы ввести въ свою теорію законъ кратности, то-есть, вынужденъ объяснять его существованіе въ большихъ тѣлахъ тѣмъ, что ему подчиняются и тѣ маленькія частицы, на которыя распадаются тѣла во время соединенія: вѣдь онъ не можетъ никоимъ путемъ логически вывесть изъ своихъ посылокъ недѣлимость этихъ частицъ,— неоткуда вывесть ее.

Остановимся подольше на этой множественности гипотезъ въ системѣ атомизма, ибо это важная особенность въ немъ: вопервыхъ, она позволяетъ намъ обобщить свой анализъ химическаго атомизма и сократить чрезъ это работу; вовторыхъ, она можетъ служить основаніемъ для объясненія нѣкоторыхъ малопонятныхъ безъ нея фак-

товъ въ развитіи познанія; втретьихъ, наконецъ, на эту множественность гипотезъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія, на столько мало, что Фехнеръ, Науманнъ и многіе другіе утверждаютъ, будто атомизмъ связываетъ разнообразныя явленія „въ одномъ простомъ, ясномъ воззрѣніи" [1]), а между тѣмъ здѣсь—система гипотезъ, слѣдовательно, сложность и множественность. Впрочемъ, въ философской литературѣ уже издавна дѣлаются указанія, что положенія атомистической теоріи не вытекаютъ логически другъ изъ друга, такъ что она составляетъ систему множественности гипотезъ: напримѣръ, указывается, что атомы могли бы быть дѣлимыми, имѣть иную форму и величину, чѣмъ та, которая имъ приписывается, не имѣть приписываемыхъ имъ силъ и движеній и т. д. И мы, конечно, пользуемся многими изъ этихъ указаній, продолжаемъ ихъ дальше, но дѣлаемъ изъ нихъ нѣсколько иное употребленіе сравнительно съ тѣмъ, которое обыкновенно дѣлается, на что и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, дабы не было никакихъ недоразумѣній. Именно, мы не считаемъ себя въ правѣ требовать отъ атомизма, чтобы онъ логически вывелъ всѣ факты изъ одного понятія—изъ понятія атома: если ужь предъявлять такое требованіе, то отчего же не пойдти дальше и не требовать, чтобы весь міръ былъ выведенъ изъ одного понятія? Съ другой стороны, мы вовсе не упускаемъ изъ виду, что въ обратной теоріи взамѣнъ множественности гипотезъ появляется множественность законовъ, которые въ настоящее-то время, по крайней мѣрѣ, не могутъ быть выведены a priori. Но тѣмъ не менѣе мы хотимъ выслѣдить, какъ развивается атомическое ученіе, чѣмъ и какъ поддерживается вѣра въ его реальность и т. п., а для этого разложить его и разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи находятся его факторы другъ къ другу, къ даннымъ опыта и ко всему нашему мышленію.

Итакъ, доселѣ нами указано, что недѣлимость атомовъ не вытекаетъ ни изъ дискретности тѣлъ, ни изъ механическаго характера процесса соединеній, такъ что передъ нами не одна гипотеза, а не меньше двухъ. Это очевидно и само собой изъ предшествующихъ со-

---

[1]) См. *Fechner*. Die physikalische und philosophische Atomenlehre. Leipzig. 1864, стр. 3. *Naumann* l. c. стр. 12. Г. *Хвольсонъ* въ Основныхъ гипотезахъ физики (С.-Пб. 1887, стр. 12), примыкая къ атомизму, говоритъ, что „*простота* есть признакъ истины". Правда, не всѣ смущаются простотой и широтой: такъ, г. *Любавинъ* въ своей Физической Химіи (С.-Пб. 1876, стр. 1) опредѣленіе химіи какъ механики атомовъ объясняетъ тѣмъ, что „оно имѣетъ въ виду не реальныя химическія явленія, а схематическія, далеко несоотвѣтствующія реальнымъ".

ображеній, и подтверждается исторически: недѣлимость атомовъ всегда составляла, да и теперь еще для многихъ составляетъ главный пунктъ претекновенія къ признанію атомизма. А еслибы изъ дискретности логически вытекала недѣлимость частицъ, то это затрудненіе было бы невозможнымъ: дискретности не затрудняются допускать для объясненія измѣненія плотностей тѣлами, и коль скоро она связана съ недѣлимостью, то столь же легко допускали бы и послѣднюю.

Такимъ образомъ атомистическое объясненіе закона кратныхъ отношеній, очевидно, вытекаетъ не изъ одной гипотезы, но — и не изъ двухъ, а изъ трехъ: сверхъ недѣлимости атомовъ требуется, чтобы въ однородныхъ тѣлахъ они были одинаковыми, то-есть, требуется допускать, что существуютъ нѣкоторыя тѣла, которыя истинно-простыя, насквозь однородныя — состоятъ изъ равныхъ атомовъ. Эта третья гипотеза вполнѣ необходима: вѣдь если допустить, что атомы, подобно Лейбницевскимъ монадамъ, всѣ до одного отличаются другъ отъ друга, именно своей величиной (вѣрнѣе вѣсомъ), такъ что составляютъ непрерывный переходъ отъ безконечно малой, исчезающей, величины до нѣкоторой, хотя и очень малой, но конечной (на такомъ промежуткѣ можетъ размѣститься безконечное число атомовъ), то законъ кратныхъ отношеній перестанетъ быть логически необходимымъ слѣдствіемъ нашихъ предположеній. Прежде онъ требовался тѣмъ, что когда соединялось одно и то же число атомовъ одного тѣла съ разными цѣлыми числами атомовъ другаго, то вслѣдствіе равенства послѣднихъ между собой, вѣса тѣхъ атомныхъ группъ, которыя входятъ въ соединенія, должны быть числами, кратными отъ вѣса отдѣльнаго атома; теперь же равенство атомовъ устранено, а вмѣстѣ съ нимъ устраняется и вытекающее изъ него требованіе, такъ что соединенія могутъ (хотя еще не обязаны) происходить въ любыхъ отношеніяхъ. А чтобы снова сдѣлать его необходимымъ слѣдствіемъ строенія тѣлъ, надо двѣ прежде допущенныя гипотезы пополнить еще третьей гипотезой существованія нѣкоторыхъ тѣлъ, которыя состояли бы изъ равныхъ между собой атомовъ; эти тѣла будутъ истинно простыми, и ихъ соединенія между собой съ логической необходимостью должны подчиняться закону крайности; а надъ остальными тѣлами, сложенными изъ этихъ, онъ можетъ господствовать при достаточной прочности связи атомовъ, входящихъ въ составъ молекулы сложнаго тѣла [1]).

[1]) Теперь еще понятнѣй, почему такъ сильно держится предположеніе, которое не можетъ быть оправдано самимъ опытомъ, о разнородности, которая

И всѣ эти три гипотезы оказываются раздѣльными, то-есть, онѣ логически не вытекаютъ другъ изъ друга. Вѣдь атомы могутъ быть недѣлимыми и въ то же время всѣ неравными между собой; ихъ неравенство не только уже допускается атомизмомъ для разныхъ простыхъ тѣлъ, но безъ всякаго противорѣчія какъ съ опытомъ, такъ и съ принципомъ механическаго характера процесса соединеній можно смѣло отрицать существованіе истинно-простыхъ тѣлъ, то-есть, считать всѣ безъ исключенія атомы различными по величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ силу механическаго принципа объясненія явленій мы допускаемъ, что одни и тѣ же атомы, различно группируясь между собой, могутъ производить тѣла съ разными свойствами, то въ силу этого же принципа (зависимости свойствъ тѣлъ одновременно и отъ величины и отъ расположенія, включая сюда и движенія атомовъ) мы должны считать на столько же возможнымъ, что различные атомы при различномъ распредѣленіи (включая сюда и движенія) могутъ дать тѣла съ одинаковыми свойствами; поэтому вполнѣ возможно допустить, что каждое простое тѣло насквозь разнородно, но эта разнородность сглаживается различіемъ распредѣленія и движенія атомовъ. А тогда уже нельзя будетъ вывесть законъ кратности, такъ что гипотеза существованія истинно-простыхъ тѣлъ, очевидно, не вытекаетъ изъ атомизма, но необходима для него, какъ вспомогательная, дабы законъ кратности вытекалъ изъ него съ логической необходимостью, то-есть, былъ бы объясненъ имъ.

Основываясь не на одномъ лишь отрицаніи сплошности тѣлъ (хотя бы оно даже и вытекало съ логической необходимостью изъ механическаго характера процесса соединеній), а также еще и на двухъ вспомогательныхъ гипотезахъ, атомистическое объясненіе закона кратныхъ отношеній, очевидно, не можетъ служить для опроверженія сплошнаго строенія тѣлъ или, что то-же, для доказательства реальности атомизма. Единственно, что оно доказываетъ, это отсутствіе противорѣчій атомизма съ опытомъ, одну лишь возможность согласовать ихъ другъ съ другомъ посредствомъ удачно подобранныхъ добавочныхъ гипотезъ. Ошибка тѣхъ, кто видитъ доказательство реальности (а не одной лишь возможности и, пожалуй, еще полезности) атомистической теоріи въ объясненіи закона кратныхъ отношеній, состоитъ прежде всего въ томъ, что они считаютъ атомизмъ одной гипотезой, между тѣмъ какъ онъ составляетъ систему

могла бы быть замѣчена внутри сложныхъ тѣлъ: къ этой мысли мы безпрерывно пріучаемся господствомъ атомистическихъ объясненій.

многихъ вспомогательныхъ гипотезъ, то-есть, каждая изъ нихъ не вытекаетъ логически изъ другихъ, а будучи выбранной изъ двухъ или нѣсколькихъ одинаково возможныхъ, присоединяется къ прежнимъ, какъ вспомогательное средство для ихъ примиренія съ явленіями и другъ съ другомъ; а при такихъ условіяхъ объясненія атомизма не могутъ имѣть никакого доказательнаго значенія.

Существуютъ два рода объясненій. Въ однихъ мы дѣйствительно выводимъ съ логической необходимостью разнообразныя явленія изъ одной и той же гипотезы, примѣняя ее къ различнымъ несомнѣнно существующимъ условіямъ и обсуждая ея результаты на основаніи достовѣрно познанныхъ законовъ. Примѣромъ могутъ служить объясненія, которыя даетъ небесная механика на основаніи Ньютоновской гипотезы всемірнаго тяготѣнія: гипотеза примѣняется къ даннымъ астрономическихъ наблюденій и измѣреній, къ даннымъ опыта, и слѣдствія гипотезы выводятся на основаніи достовѣрно извѣстныхъ законовъ общей механики. Въ другихъ же объясненіяхъ мы поступаемъ наоборотъ: не выводимъ объясняемаго факта съ логической необходимостью изъ той же гипотезы, которая уже пригодна для объясненія другихъ фактовъ, а подбираемъ для этого изъ нѣсколькихъ возможныхъ (напримѣръ дѣлимость и недѣлимость) еще новую, вспомогательную гипотезу, независящую отъ первой, то-есть, которой могли бы не признавать безъ всякаго противорѣчія съ первой, послѣ чего объясняемый фактъ, разумѣется, вытекаетъ уже съ логической необходимостью изъ совокупности обѣихъ гипотезъ (иначе вѣдь мы подобрали бы не ее, а другую, болѣе пригодную). Примѣромъ могутъ служить всѣ объясненія, которыя давались старыми (уже оставленными) теоріями (свѣтоваго истеченія, флогистона и т. д.) вновь открываемымъ фактамъ: ни одна изъ нихъ безъ борьбы не уступала мѣста новымъ; а борьба состояла въ томъ, что старая теорія пробовала приспособиться къ новымъ фактамъ посредствомъ добавочныхъ гипотезъ.

Подобныя объясненія, очевидно, не могутъ имѣть значенія доказательствъ. Они ничего не доказываютъ, а только приспособляютъ гипотезу къ фактамъ, указываютъ только на возможность согласовать ее съ ними, такъ что доказываютъ не реальность ея, а одну лишь возможность. Первый родъ объясненія отвѣчаетъ на вопросъ—каковы должны быть явленія, если существуютъ данныя въ опытѣ условія, данные законы и если справедлива построенная гипотеза? И такъ какъ въ человѣческомъ умѣ коренится,

хотя и не всегда еще оправданное (даже подорванное исторіей догматической метафизики, пробовавшей, исходя изъ одного основнаго понятія, строить въ видѣ пирамидки объясненія всего міра), но очень сильное убѣжденіе, что истинное знаніе должно давать логически-необходимый выводъ множества разнообразныхъ явленій изъ одного и того же принципа, то такимъ объясненіямъ съ извѣстной осторожностью можно еще приписывать значеніе доказательствъ. Второй же, приспособляющій, родъ объясненій отвѣчаетъ совсѣмъ на иной вопросъ, именно: какія изъ всѣхъ логически возможныхъ, но не логически необходимыхъ, добавленій къ нашей основной гипотезѣ должны мы выбрать для того, чтобы она согласовалась съ данными опыта, могла бы подчинить ихъ своимъ объясненіямъ? Такъ какъ всѣ эти добавленія только возможны, а не необходимы, то и наши объясненія указываютъ прежде всего одну лишь возможность, а не необходимость фактовъ при справедливости основной гипотезы.

Поэтому имъ никакъ нельзя придавать значенія доказательствъ: вѣдь выборъ-то одинаково возможныхъ добавленій зависитъ отъ насъ самихъ, и, разумѣется, онъ будетъ сдѣланъ такъ, чтобы изъ выбраннаго добавленія (котораго можно и не дѣлать) получался, какъ логическій выводъ, объясняемый фактъ, коль скоро это добавленіе будетъ признано столь же справедливымъ, какъ и основная гипотеза. Единственно что могутъ доказать, и дѣйствительно почти всегда доказываютъ, всѣ эти объясненія (то-есть, выборъ подходящихъ возможностей), это слѣдующее положеніе: кто уже призналъ основную гипотезу, тотъ въ виду такихъ-то и такихъ-то фактовъ, логически обязанъ признать и всю систему добавочныхъ гипотезъ, которыя приспособляютъ къ этимъ фактамъ основную гипотезу. Напримѣръ, кто уже призналъ гипотезу неизмѣняемости матеріала, изъ котораго построены тѣла Творцомъ, и вмѣстѣ съ этимъ призналъ, какъ подразумѣваемую въ ней, необходимость механическаго объясненія всѣхъ свойствъ и событій въ тѣлахъ, тотъ въ виду факта сохраненія вѣса при измѣненіи объема тѣлъ логически обязанъ выбрать изъ двухъ возможныхъ гипотезъ (если не какъ достовѣрнѣйшую, то какъ простѣйшую) гипотезу дискретности этого матеріала. А тотъ, кто призналъ обѣ эти гипотезы, неизбѣжно обязанъ въ виду закона кратныхъ отношеній признать и гипотезу недѣлимости дискретныхъ частицъ, отвергнувъ столь же логически возможную гипотезу ихъ безконечной (разнообразной) дѣлимости, и т. д. Словомъ, разъ принята основная гипотеза; то въ виду существованія такихъ-то и такихъ-то фактовъ мы

логически обязаны развивать ее далѣе, то-есть, пополнять ее новыми добавочными гипотезами; и если основная гипотеза считается истинной, то мы обязаны считать столь же истинными и всѣ правильно построенныя добавочныя гипотезы (то-есть, такія добавочныя, относительно которыхъ мы такъ или иначе можемъ убѣдиться, что онѣ изъ нѣсколькихъ возможныхъ единственно пригодныя для приспособленія основной къ фактамъ). Все это, дѣйствительно, можетъ быть доказано приспособляющими объясненіями; а должны ли мы считать истинной основную гипотезу, остается неизвѣстнымъ и требуетъ особыхъ доказательствъ; а потому остается на столько же неизвѣстнымъ, какую цѣну имѣетъ вся система этихъ гипотезъ и объясненій. Если основная гипотеза можетъ быть оправдана независимо отъ всѣхъ приспособляющихъ объясненій, то будетъ реальной и вся система; въ противномъ же случаѣ она останется, по меньшей мѣрѣ, не доказанной, а принятой на вѣру.

Что же касается до атомистическихъ объясненій, то всѣ они отличаются именно подобнымъ, приспособляющимъ (развивающимъ одну основную мысль), характеромъ. Мы уже отчасти убѣдились въ этомъ при разборѣ атомистическаго объясненія закона кратности, а раньше еще — изомеріи; но то же самое можно показать и на объясненіяхъ другихъ фактовъ. И тогда видно будетъ, что атомизмъ составляетъ цѣлую систему множества вспомогательныхъ гипотезъ, каждая изъ которыхъ подбирается для приспособленія одной основной къ фактамъ. Главнымъ, основнымъ пунктомъ атомистическаго міровоззрѣнія служитъ механическое объясненіе явленій, понимая подъ словомъ механическое не отрицаніе динамическихъ силъ, а истолкованіе всѣхъ свойствъ и событій въ тѣлахъ въ смыслѣ результата пространственныхъ перемѣнъ (сопоставленій и движеній) частицъ того матеріала, изъ котораго построены всѣ тѣла и который при этомъ не подвергается никакимъ инымъ перемѣнамъ — ни качественнымъ, ни количественнымъ: одни перемѣщенія, и больше ничего. Такова основная гипотеза системы всякаго атомизма. Является необходимость объяснить сохраненіе вѣса тѣлъ при (физическомъ и химическомъ) измѣненіи объема; что же дѣлаетъ атомизмъ? Онъ не выводитъ этого факта изъ основной гипотезы, а приспособляетъ ее къ нему посредствомъ новой гипотезы — дискретности всеобщаго матеріала тѣлъ. Для приспособленія же этихъ двухъ гипотезъ къ факту господства закона кратности надъ однимъ классомъ соединенія при-

бавляются къ нимъ еще двѣ гипотезы: 1) недѣлимости дискретныхъ частицъ матеріи и 2) существованія истинно-простыхъ тѣлъ (равенства атомовъ въ нѣкоторыхъ тѣлахъ). Для приспособленія же полученной системы гипотезъ къ распространенію закона кратности на соединенія сложныхъ тѣлъ надо прибавить пятую гипотезу — относительно прочнаго строенія молекулъ, столь прочнаго, что онѣ могутъ (но не должны) во всѣхъ случаяхъ, когда это намъ понадобится, играть роль атомовъ, а въ остальныхъ случаяхъ, гдѣ этого не требуется, распадаться на свои составныя части. Для примиренія же всѣхъ этихъ гипотезъ съ фактомъ существованія столь простой связи между удѣльными вѣсами газовъ и паровъ и ихъ паями, что вѣса равныхъ объемовъ паровъ и газовъ пропорціональны ихъ паямъ или небольшимъ кратнымъ отъ ихъ паевъ, вводится еще шестая гипотеза, по которой одинаковые объемы всѣхъ газовъ и паровъ содержатъ одинаковое число молекулъ, причемъ понятіе молекулы приходится распространять и на простыя тѣла: въ нихъ тоже гипотетически (какъ седьмая гипотеза) допускается возможность относительно прочной связи атомовъ, которая нарушается только или крайне высокими температурами, или реакціями соединенія и т. д. Наконецъ, выступаетъ на сцену физика и строитъ еще новыя гипотезы [1]). Предполагая молекулы газообразныхъ тѣлъ въ постоянномъ движеніи и примиряя всю полученную систему гипотезъ съ фактами явленій теплоты и съ закономъ диффузіи газовъ, изъ всѣхъ возможныхъ предположеній допускаются, какъ наиболѣе подходящія: 1) что каждая молекула газовъ двигается по прямымъ линіямъ до тѣхъ поръ, пока не уклонится съ нихъ вслѣдствіе столкновенія съ другими молекулами (газа или сосуда), и 2) что квадратъ общей или средней скорости молекулъ даннаго газа пропорціоналенъ его температурѣ, отмѣренной отъ гипотетически допускаемаго абсолютнаго нуля. А сообразно со всѣми этими предположеніями и съ общимъ, основнымъ, принципомъ атомизма, въ жидкихъ и твердыхъ тѣлахъ приходится предполагать другія формы движенія молекулъ: въ жидкостяхъ допускаются въ настоящее время, какъ наиболѣе вѣроятныя, движенія по замкнутымъ орбитамъ, а въ твердыхъ тѣлахъ —

---

[1]) Правда, физика можетъ и не подходить химическимъ путемъ къ гипотезѣ равенства числа молекулъ въ одинаковомъ объемѣ каждаго газа; но тогда она сама должна построить эту гипотезу, то-есть, начнетъ свои объясненія съ одновременнаго построенія нѣсколькихъ гипотезъ.

колебательныя. Для распространенія тѣхъ же принциповъ на свѣтовыя явленія строится гипотеза невѣсомаго эѳира, и ему гипотетически приписываются, какъ наиболѣе подходящія для нашей цѣли, волнообразныя движенія, которыя въ немъ возбуждаются движеніями молекулъ сильно нагрѣтаго тѣла; а чтобы придать этимъ гипотезамъ еще большую пригодность и сдѣлать эѳиръ способнымъ къ распространенію требуемыхъ нашей задачей поперечныхъ колебаній, ему стали приписывать тоже дискретное строеніе [1]). Для объясненія нѣкоторыхъ особенностей свѣтовыхъ явленій строятся гипотезы о взаимномъ вліяніи вѣсомыхъ частицъ на эѳирныя. При объясненіи электрическихъ явленій допускаются еще гипотезы одной или двухъ особыхъ невѣсомыхъ (электрическихъ жидкостей) и ихъ распредѣленія въ тѣлахъ, или же взамѣнъ того гипотезы такихъ состояній эѳира, которыя привели бы къ наблюдаемымъ явленіямъ и т. д. Трудно даже подсчитать, сколько вспомогательныхъ гипотезъ строится атомистической химіей и физикой для приспособленія къ даннымъ явленіямъ главной, основной гипотезы.

Несомнѣнно только одно: и та и другая наука, и атомическая химія и атомическая физика, помимо чисто описательной части и вывода тѣхъ законовъ, существованіе которыхъ можетъ быть провѣрено независимо отъ какой бы то ни было теоріи строенія тѣлъ, представляютъ систематическое развитіе одной основной мысли, состоящее въ приспособленіи ея къ фактамъ, въ согласованіи ея съ ними посредствомъ добавленія вспомогательныхъ гипотезъ; поэтому почти все то, что мы считаемъ успѣхомъ въ объясненіяхъ природы, дающимъ намъ возможность вывѣдать у нея все скрытое отъ нашихъ чувствъ, вооруженныхъ всевозможными вспомогательными орудіями, составляетъ пока лишь прогрессъ развитія этой основной мысли въ стройную и согласующуюся съ фактами систему. При всѣхъ этихъ успѣхахъ сама-то основная мысль, убѣжденіе въ существованіи качественно и количественно неизмѣняемаго всеобщаго матеріала, иначе — убѣжденіе въ необходимости механическаго пониманія всѣхъ свойствъ и событій въ тѣлахъ, остается ими недоказанной и недоказуемой. И такъ какъ она не можетъ быть

---

[1]) Свѣтовая теорія волненія допускала сперва продольныя колебанія, и распространеніе поперечныхъ колебаній въ эѳирѣ считалось невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока Френель не указалъ возможности обойдти это затрудненіе гипотезой дискретнаго строенія эѳира; сами же поперечныя колебанія потому необходимы, что при продольныхъ оказывается невозможнымъ раздѣленіе волнъ разной длины во время ихъ преломленія, то-есть, явленіе свѣторазсѣянія.

выведена (отвлечена) изъ опыта, ибо въ немъ все измѣнчиво, превращаемо, то она, значитъ, предпосылается обсужденію опыта, привносится къ нему нашимъ умомъ, а потомъ постепенно приспособляется къ его даннымъ посредствомъ подбора вспомогательныхъ гипотезъ.

Множественность гипотезъ въ атомизмѣ не подлежитъ сомнѣнію. А такъ какъ именно чрезъ это-то основная гипотеза или, что тоже, гипотеза механическаго характера процессовъ природы при всѣхъ успѣхахъ атомизма остается только возможной, а не доказанной, между тѣмъ объ ея-то справедливости и идетъ рѣчь (ибо коль скоро она признана, то логически необходимо признать и всѣ остальныя), то этимъ мы избавляемся отъ труда и необходимости пересматривать остальные случаи химико-атомистическихъ объясненій, употребляемыхъ въ смыслѣ доказательствъ: сколь бы ни были они удачны, они никогда не докажутъ реальности основной гипотезы атомизма, а только одну лишь ея возможность или приспособляемость къ фактамъ. Эта же множественность указываетъ намъ и на причины, которыя порождаютъ и поддерживаютъ вѣру въ реальность химическаго (да и вообще всякаго) атомизма. Упомянемъ сперва о менѣе важныхъ, которыя не столько могутъ порождать ее, сколько содѣйствовать ей уже послѣ того, какъ она возникла, и которыя сводятся къ тому, что упускаютъ изъ виду множественность и взаимное отношеніе системы гипотезъ, составляющихъ теорію атомизма.

Такъ, прежде всего, мало обращаютъ вниманія именно на то, что онъ составляетъ многочленную систему приспособляющихъ гипотезъ. Доказательство этому въ томъ, что ради оправданія атомизма очень часто указываютъ на его широту [1]), подразумѣвая подъ ней его способность своими объясненіями (слѣдовало бы, сообразно съ вышесказаннымъ, говорить указаніями на возможность явленій) охватывать самыя разнообразныя явленія. А между тѣмъ что же тутъ удивительнаго? Многія гипотезы, или небольшія системы гипотезъ, уже сами по себѣ, безъ помощи приспособляющихъ, въ со-

---

[1]) Такъ *Пауманнъ* (l. c. стр. 12), повторяя слова Фехнера, что атомизмъ связываетъ разнообразныя явленія въ одномъ простомъ, ясномъ воззрѣніи и подводитъ ихъ подъ законы равновѣсія и движенія, на основаніи которыхъ можно дѣлать дальнѣйшіе выводы, прибавляетъ къ нимъ: „въ этой пригодности (Leistungfähigkeit) содержится не только оправданіе, но даже, такъ какъ никакая другая теорія доселѣ не можетъ представить ничего подобнаго, *необходимость* (курсивъ въ подлинникѣ) атомистическаго ученія".

стояніи служитъ къ истолкованію въ нихъ духѣ не одного, а нѣсколькихъ явленій. Такъ, напримѣръ, гипотеза дискретнаго строенія въ связи съ гипотезой механическаго характера явленій служитъ одновременно для объясненія измѣненія плотностей при неизмѣняющемся вѣсѣ и во время нагрѣванія, и во время соединеній, и во время механическаго сжиманія; гипотезы, которыя нужны для полученія закона кратныхъ отношеній, приводятъ къ закону паевъ и т. д. Подобнымъ болѣе или менѣе обширнымъ характеромъ можетъ отличаться почти всякая гипотеза: пригодная для даннаго факта, она, разумѣется, можетъ быть годной и для наиболѣе сходныхъ съ нимъ. Правда, атомистическая теорія охватываетъ даже самыя различныя явленія. Но можетъ ли быть иначе, если мы присоединяемъ по мѣрѣ надобности новыя приспособляющія гипотезы, да иногда еще по двѣ и по три за разъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ сфера фактовъ, къ истолкованію которыхъ уже приспособлена основная гипотеза, будетъ безпрерывно расширяться. Однако, если на подобныя вещи указываютъ (Фехнеръ, Науманнъ и др.), какъ на одно изъ оправданій атомизма, то не очевидно ли, что упускаютъ изъ виду множественность его гипотезъ.

А что должно произойдти вслѣдствіе этого? Наблюдая этотъ процессъ приспособленія и упуская изъ виду, что въ сущности атомизмъ указываетъ имъ не необходимость, а одну лишь возможность явленій (вспомогательныя гипотезы, хотя и дѣлаютъ объясняемый фактъ, послѣ того какъ онѣ присоединены къ основной, логически необходимымъ, но все таки не доказываютъ, необходимо ли признавать основную-то гипотезу, а съ ней вмѣстѣ и ту вспомогательную, которая порождаетъ необходимость объясняемаго факта [1]),

---

[1]) Атомистическія объясненія, доказывая посредствомъ введенія вспомогательныхъ гипотезъ, каждая изъ которыхъ сама по себѣ (безъ основной) еще не обязательна, возможность согласовать съ фактами основную гипотезу, которая тоже еще не обязательна и не становится обязательной вслѣдствіе подобнаго приспособленія,— указываютъ такимъ образомъ одну лишь возможность явленій при атомистическомъ строеніи матеріи. Этому нисколько не противорѣчитъ примѣненіе математики при нѣкоторыхъ подобныхъ объясненіяхъ, хотя она даетъ всегда логически необходимые выводы. Математика въ этомъ случаѣ примѣняется для провѣрки, дѣйствительно ли основная гипотеза будетъ согласоваться съ даннымъ фактомъ, когда мы прибавимъ къ ней приспособляющія; и эта провѣрка состоитъ въ выводѣ факта изъ основной и изъ всѣхъ добавочныхъ гипотезъ; а справедлива ли и обязательна ли сама основная гипотеза, остается все-таки еще неизвѣстнымъ, такъ что всѣ вычисленія убѣждаютъ насъ только въ ея приспособ-

мы можемъ легко составить преждевременное убѣжденіе, что со временемъ атомистической теоріи удастся превратить все знаніе въ дедуктивную систему универсально-атомной механики. Это убѣжденіе будетъ подкрѣпляться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя изъ гипотезъ уже сами по себѣ бываютъ пригодны сразу для нѣсколькихъ явленій, такъ что, будучи приняты для одного изъ нихъ, могутъ до извѣстной степени послужить основаніемъ для предугадыванія другихъ. А все это вмѣстѣ будетъ поддерживать вѣру въ реальность атомизма. Первоначальные же ея источники, разумѣется, лежатъ гораздо глубже, такъ какъ не трудно было бы подмѣтить, что всякій успѣхъ атомистическихъ объясненій покупается цѣной новыхъ добавочныхъ гипотезъ, которыя обязательны только въ томъ случаѣ, когда уже признаны предшествующія, еслибы увѣренность въ послѣднихъ не покоилась на какихъ-то другихъ основаніяхъ; а разъ она безотчетно существуетъ, то порождаетъ увѣренность и въ справедливости вспомогательныхъ гипотезъ, ибо онѣ, почти всѣ, логически необходимы, коль скоро мы вѣримъ въ основную.

На столько же мало обращаютъ вниманія на ту роль, которую играетъ въ атомизмѣ предположеніе неизмѣняемости элементовъ или, вообще (не только въ химическомъ, но и въ физическомъ атомизмѣ), гипотеза существованія внутри тѣлъ ихъ неизмѣняемаго субстрата, то-есть, реальности понятія матеріи: упускается изъ виду, что коль скоро принята эта гипотеза, коль скоро сверхъ понятія тѣлъ мы считаемъ реальнымъ еще какой-то ихъ неизмѣняемый субстратъ, то уже логически необходимо признать и почти всѣ приспособляющія гипотезы атомизма. Въ доказательство, что на это обращаютъ мало вниманія, можно сослаться даже на столь искуснаго аналитика мысли, какъ Кантъ: онъ полагаетъ, что атомизмъ предоставляетъ намъ слишкомъ много свободы замѣнять дѣйствительное познаніе природы

ляемости къ фактамъ, въ одной лишь ея возможности. Иначе и не можетъ быть, потому что, вопреки распространенному среди профановъ (смущающихся непонятными для нихъ символами математики и ея несокрушимой логикой) мнѣнію, вычисленія никогда не создаютъ новыхъ основаній для доказательства, а лишь развиваютъ съ строжайшей послѣдовательностью и съ исчерпывающей полнотой тѣ, которыя уже implicite содержатся въ вычисляемыхъ уравненіяхъ, такъ что, если послѣднія построены на принципахъ, которые еще только возможны, а не достовѣрны, то и всѣ результаты вычисленія, не смотря на ихъ логическую необходимость, тоже будутъ только возможными; достовѣрными же они сдѣлаются лишь при доказанности первыхъ.

игрой воображенія [1]). Шопенгауеръ же подсмѣивается надъ французскими физиками и химиками, которые, по его словамъ, съ такой увѣренностью разсуждаютъ объ атомахъ, объ отношеніяхъ ихъ вѣсовъ, обнаруживающихся въ химическихъ паяхъ, объ ихъ движеніяхъ, группировкѣ и т. д., какъ будто эти ученые когда нибудь прямо видѣли все это [2]). Въ дѣйствительности же атомизмъ отнюдь не болѣе разнуздываетъ нашу фантазію, чѣмъ и всякое иное не вполнѣ выработавшееся ученіе: онъ предоставляетъ нашему произволу только одно—признавать или не признавать его основную гипотезу (существованіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ), а разъ она признана, то почти все остальное, всѣ другія, то-есть, приспособляющія гипотезы становятся логически необходимыми въ виду тѣхъ или другихъ фактовъ природы, такъ что дальше говорятъ уже сами факты. Единственно, въ чемъ можно еще бываетъ сомнѣваться, это—не будутъ ли нѣкоторыя детали той или другой приспособляющей гипотезы преждевременными для нашего знанія, еще не соотвѣтствующими имѣющемуся у насъ въ рукахъ фактическому матеріалу, который вынуждалъ бы насъ признать именно такія, а не иныя детали приспособляющей гипотезы (напримѣръ, изомерію необходимо объяснять различіемъ взаимоотношеній однихъ и тѣхъ же атомовъ, но, какъ понимать его, еще не извѣстно). Такимъ образомъ упреки атомизму, будто бы онъ разнуздываетъ нашу фантазію, обнаруживаютъ недостатокъ вниманія къ взаимному отношенію его приспособляющихъ гипотезъ и къ той роли, которую играетъ во всей атомистической системѣ гипотеза существованія неизмѣняемаго субстрата тѣлъ вмѣстѣ съ implicite содержащейся въ этой гипотезѣ необходимостью механическаго способа возникновенія явленій.

Нужно также замѣтить, что въ большей или меньшей степени эти упреки продолжаются и въ настоящее время. Въ доказательство сошлемся на слова кн. Трубецкаго. „Атомизмъ, говоритъ онъ, провозглашая абсолютность природы въ ея матеріальной субстанціи, провозглашаетъ абсолютность случайнаго (курсивъ въ подлинникѣ)...... Объ атомахъ Демокрита прекрасно разсуждаетъ г. Лопатинъ [3]):

---

[1]) Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft. Allgemeine Anmerkung zur Dynamik.

[2]) Sämtl. Werke, III B. Leipzig 1877. (Die Welt als Wille u. V. II B), стр. 343 и сл. и VI B. (Parerga und Paralipomena II B), стр. 117 и сл.

[3]) Далѣе имъ цитируется книга г. *Лопатина* „Положительныя задачи философіи", I, стр. 108.

„что атомъ огня круглъ—случайно (то-есть, необъяснимо изъ общихъ свойствъ атома), что такихъ атомовъ не одинъ, а много—случайно опять; что всѣ атомы несутся внизъ—случайно не менѣе [1]); что мелкіе несутся медленнѣе, а крупные быстрѣе—случайно также; одинаково случайны отношенія атомовъ между собою. Отчего, напримѣръ, атомы движутся? Отчего къ протяженности, фигурѣ, положенію атомовъ прибавляется еще движеніе ихъ, когда одно изъ другаго нисколько не вытекаетъ, и атомы могли бы обладать всѣми этими свойствами, оставаясь неподвижными? Почему, наконецъ, атомы повинуются общимъ законамъ? На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Эти качества даны или, лучше сказать, предположены—вотъ и все.... Вселенная превращается въ безграничную бездну случайностей, которыя громоздятся другъ на друга". „Такимъ образомъ въ системѣ Демокрита, продолжаетъ г. Трубецкой (причемъ надо упомянуть, что онъ разсматриваетъ древній атомизмъ не только исторически, но и какъ типическаго представителя всякаго атомизма), обнаруживается основной абсурдъ матеріализма, его основное противорѣчіе—признаніе случайнаго, какъ случайнаго, за абсолютное" [2]).

Въ дѣйствительности же атомизмъ содержитъ въ себѣ случайностей едва ли не столько же, сколько ихъ можно найдти и во всякой другой системѣ, если только разсматривать въ ней не одни лишь ея надежды и намѣренія, а все то, что она исполняетъ. Спиноза, напримѣръ, замышлялъ вывесть съ логической необходимостью все мірозданіе изъ одного основнаго понятія, и при томъ такого, предметъ котораго логически не могъ бы не существовать, такъ что, еслибы можно было доказать достовѣрность подобной системы, то не осталось бы ровно ничего случайнаго, а все безъ исключенія было бы логически необходимымъ; но кѣмъ дѣйствительно исполненъ подобный планъ? Въ виду этого мы и говоримъ, что при оцѣнкѣ элемента случайности въ атомизмѣ надо брать въ расчетъ не одни лишь надежды и намѣренія другихъ системъ, а то, что ими уже исполнено; и тогда окажется, что мы не имѣемъ никакого права упрекать его въ томъ, что будто бы въ немъ одномъ случайности гро-

---

[1]) Г. Лопатинъ, какъ это и указано цитируемымъ авторомъ, говоритъ о древней атомистикѣ. Но такъ какъ подъ конецъ онъ обобщаетъ свои критическія замѣчанія на всякій атомизмъ (именно спрашиваетъ, почему атомы подчиняются общимъ законамъ) и къ его мнѣніямъ объ атомизмѣ примыкаетъ и г. Трубецкой, то оба эти отзыва имѣютъ несомнѣнное значеніе для нашей задачи.

[2]) Метафизика въ древней Греціи. Москва. 1890, стр. 368.

моздятся другъ на друга. Въ самомъ дѣлѣ вполнѣ справедливо, что атомизмъ не въ состояніи доказать того, чтобы должны были существовать законы кратныхъ отношеній, Авогардо-Жерара, Менделѣева, равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ, Ньютона и т. д., или—чтобы должны были существовать такія, а не иныя простыя тѣла, въ такомъ, а не въ другомъ числѣ, со всѣми такими, а не иными физическими и химическими свойствами и т. д. и т. д.; но гдѣ же такая система, которая съ достовѣрностью показала бы необходимость всего этого и при томъ такъ, чтобы не выводить тотъ или другой фактъ изъ болѣе общаго, остающагося въ свою очередь не объясненнымъ со стороны его необходимости (ибо такой выводъ доступенъ и атомизму)? Такой системы еще нѣтъ, и будетъ ли она существовать, навѣрное не извѣстно, не говоря уже о томъ, что мы еще не знаемъ, много ли впредь будетъ открыто подобныхъ же фактовъ, и на сколько съумѣютъ объяснить ихъ необходимость разныя системы. А въ такомъ случаѣ, какъ же подсчитать, гдѣ больше случайностей въ только-что указанномъ смыслѣ слова?

Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что атомизмъ не довольствуется данными въ опытѣ случайностями, а къ нимъ добавляетъ еще множество новыхъ въ видѣ приспособляющихъ гипотезъ: такъ, для него не достаточно неизвѣстно почему существующихъ стехіометрическихъ законовъ, а онъ еще къ нимъ прибавляетъ недѣлимость атомовъ, существованіе истинно-простыхъ тѣлъ (равенство атомовъ въ нѣкоторыхъ тѣлахъ) и т. п.; такимъ образомъ онъ безъ мѣры увеличиваетъ число неизбѣжныхъ случайностей, и вотъ въ этомъ-то смыслѣ накопляетъ случайности другъ на друга. Но это не справедливо: въ подобномъ накопленіи случайностей есть мѣра, которую легко указать. Атомизмъ сверхъ всѣхъ признанныхъ неизбѣжными случайностей допускаетъ еще только одну—существованіе качественно и количественно неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, реальность сверхъ понятія тѣлъ еще понятія матеріи. Такой случайности нельзя отрицать въ атомизмѣ какъ потому, что еще никто изъ атомистовъ никогда даже и не пробовалъ показать необходимость существованія такого субстрата (Науманнъ пытался доказать только то, что онъ дѣйствительно существуетъ, то-есть—необходимость того, чтобы его признали существующимъ, а не того, чтобы онъ былъ), также и потому, что въ опытѣ все безъ исключенія измѣнчиво во всѣхъ отношеніяхъ—и механически, и физически, и химически. Если же признана эта случайность, то всѣ остальныя ги-

потезы, всѣ приспособляющія, будутъ уже, какъ мы указали, логически необходимыми въ виду тѣхъ фактовъ опыта, которые въ немъ существуютъ. А такъ какъ каждый изъ этихъ фактовъ послѣ признанія на ряду съосновной гипотезой еще той или другой приспособляющей уже логически необходимо вытекаетъ изъ ея совокупности со всѣми прежде признанными, то, значитъ, число случайностей не должно увеличиваться. Дабы насъ не обвиняли въ противорѣчіи съ преждесказаннымъ, напоминаемъ, что мы допускаемъ при этихъ разсужденіяхъ предварительное признаніе правоты основной гипотезы—существованія неизмѣняемаго субстрата тѣлъ (а обязаны ли мы ее признать, это другой вопросъ): вѣдь хотя приспособляющія гипотезы не вытекаютъ прямо изъ основной, такъ что онѣ для нея случайны, могли бы и не быть присоединенными къ ней безъ этихъ фактовъ (атомы могли бы быть дѣлимыми, или всѣ неравными и т. д.), но за то, при ихъ присоединеніи, прежде бывшія неизбѣжныя случайности (сами вызвавшіе присоединеніе приспособляющихъ гипотезъ факты) уже исчезаютъ въ смыслѣ случайностей, ибо становятся логически необходимыми слѣдствіями признанія приспособляющихъ гипотезъ на ряду основной, такъ что происходитъ не накопленіе, а простая замѣна однѣхъ случайностей (фактовъ опыта) другими (приспособляющими гипотезами). Если же при этомъ мы примемъ въ расчетъ, что очень часто приспособляющія гипотезы, будучи вызваны одними фактами, въ то же время бываютъ пригодны и для объясненія нѣсколькихъ другихъ фактовъ (нѣсколькихъ неизбѣжныхъ случайностей), то мы окончательно не въ состояніи рѣшить, увеличится ли общее число случайностей, хотя бы на единицу, или же оно значительно уменьшится сравнительно съ тѣмъ числомъ, которое остается неизбѣжнымъ во всякой системѣ.

Все это подсчитываніе случайностей нужно было для доказательства того, что даже философы и прежніе и нынѣшніе мало обращаютъ вниманіе на взаимное отношеніе гипотезъ атомизма. А что отсюда должно произойти для него? Еслибы нашъ умъ не склонялся къ тому, чтобы втихомолку безъ всякихъ изслѣдованій допускать существованіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, то, вѣроятно, дѣло этимъ и ограничилось бы. Но допустимъ пока, какъ гипотезу (которую тотчасъ же постараемся оправдать), что дѣятельность нашего ума подчинена такому закону, благодаря которому мы неизбѣжно склоняемся всюду втихомолку подсовывать предположеніе о существованіи неизмѣняемаго ядра явленій и намъ крайне трудно избѣ-

жать этого, если мы не предохранимъ себя строжайшимъ философскимъ анализомъ въ такой мѣрѣ, чтобы повсюду замѣчать дѣйствіе этой наклонности и, гдѣ надо, воздерживаться отъ нея,—что тогда произойдетъ? Такъ какъ признаніе существованія неизмѣняемаго субстрата тѣлъ логически обязываетъ насъ въ виду того или другаго факта опыта признавать ту или другую приспособляющую гипотезу атомизма, то при обсужденіи данныхъ опыта намъ должно казаться, что онѣ не могутъ быть истолкованы иначе, какъ атомистически и что мы поэтому обязаны признавать существованіе атомовъ, то-есть, должна возникать, а ужъ по меньшей мѣрѣ сильно поддерживаться вѣра въ реальность атомизма.

А на сколько часто дѣйствуетъ подобный процессъ мышленія, можно убѣдиться изъ слѣдующаго обстоятельства. Прошло не мало времени, съ той поры, какъ возникъ современный химическій атомизмъ: чрезъ 14 лѣтъ онъ можетъ отпраздновать свой столѣтній юбилей. Казалось бы, что теперь уже должно выясниться, какіе именно химическіе факты обязываютъ признавать атомизмъ, и что при его оправданіи всѣ должны одинаково придавать этимъ фактамъ рѣшающее значеніе; въ дѣйствительности же этого нѣтъ, а, напротивъ, замѣчается столь рѣзкое различіе въ оцѣнкѣ доказательнаго значенія фактовъ, что, пародируя слова г. Меншуткина, можно сказать — доказательство существованія атомовъ представляетъ едва ли не единственную научную теорію, гдѣ личнымъ мнѣніямъ отводится широкое мѣсто. Въ то время, какъ Фехнеръ видитъ въ изомеріи фактъ, который окончательно рѣшаетъ вопросъ объ атомизмѣ, Науманнъ приписываетъ ей лишь вспомогательное значеніе (она у него доказываетъ только пространственную обособленность находящихся въ сложномъ тѣлѣ элементовъ); другіе видятъ оправданіе атомизма уже въ одномъ законѣ кратныхъ отношеній; у многихъ, наконецъ, не трудно замѣтить, что придается значеніе не тому или другому отдѣльно взятому факту химіи, а всей ихъ совокупности. Чѣмъ же объяснить такое разнообразіе взглядовъ въ оцѣнкѣ значенія фактовъ для оправданія теоріи? Наши выводы объясняютъ это въ высшей степени просто. Предположеніе существованія неизмѣняемаго ядра тѣлъ (неизмѣняемыхъ элементовъ) составляетъ основной пунктъ химическаго атомизма. Оно имѣетъ такое значеніе, что если воздержаться отъ него или не позволять втихомолку подсовывать его при анализѣ фактовъ, то нельзя будетъ вывесть химическаго атомизма, такъ что истиннымъ основателемъ этой теоріи надо

считать того, кто впервые установилъ въ химіи гипотезу неизмѣняемыхъ элементовъ (не простыхъ тѣлъ, а на столько отличающихся отъ нихъ самихъ ихъ элементовъ, на сколько, напримѣръ, углеродъ отличается отъ угля, алмаза и графита); Дальтонъ же построилъ лишь одно изъ приспособленій этой гипотезы (къ закону кратныхъ отношеній),—приспособленій, которыя, еслибы этотъ законъ не былъ еще и теперь открытъ, навѣрное совершались бы подъ вліяніемъ другихъ фактовъ (изомеріи и т. п.), лишь бы признавалась неизмѣняемость элементовъ. Но это предположеніе не отвлекается отъ химическихъ явленій (ибо ничто на столько не обнаруживаетъ измѣнчивости тѣлъ, какъ химія, которая воочію убѣждаетъ, что каждое тѣло превращаемо, то-есть, насквозь измѣнчиво, и что неизмѣняемыми въ опытѣ остаются одни лишь законы превращеній), а предпосылается ихъ обсужденію (оттого что или заимствуется изъ физики, или же возникаетъ какимъ-либо инымъ путемъ), то-есть, подсовывается въ нашъ анализъ; слѣдовательно все дѣло въ томъ, гдѣ именно нашъ умъ (неизбѣжно къ тому склоняющійся, какъ мы допустили) втихомолку подсунетъ это предположеніе. Фехнеръ и Либихъ производятъ это при обсужденіи изомеріи, а потому она получаетъ для нихъ рѣшающее значеніе. Науманнъ находитъ нужнымъ доказывать неизмѣняемость элементовъ; поэтому для него изомерія имѣетъ только вспомогательное значеніе (для вывода непроницаемости элементовъ). Сверхъ того вполнѣ возможно, что при подробномъ обсужденіи каждаго факта, взятаго порознь отъ другихъ, мы воздержимся отъ всякихъ спекулятивныхъ предпосылокъ, но въ то-же время это воздержаніе еще не будетъ ассоціировано съ представленіемъ каждаго отдѣльнаго факта настолько прочно, чтобы повторяться и тогда, когда мы будемъ разсматривать тѣ-же самые факты, но только не при тожественныхъ съ прежними условіяхъ, именно не порознь, а сразу всѣ вмѣстѣ, благодаря чему каждый изъ нихъ будетъ являться намъ, какъ бы издали, лишь въ главныхъ чертахъ; въ такомъ случаѣ (вслѣдствіе неповторенія прежняго воздержанія отъ предпосылаемой гипотезы неизмѣняемаго ядра) намъ должно казаться, что хотя отдѣльно взятые факты и не въ состояніи доказать реальность атомизма, но она вытекаетъ изо всей ихъ совокупности. Словомъ, здѣсь произойдетъ такое же психическое явленіе, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, начинающій свою дѣятельность профессоръ не находитъ ровно никакихъ мотивовъ конфузиться предъ своими слушателями, взятыми порознь, и не испытываетъ ни малѣйшаго замѣшательства

при разговорѣ, даже о мало знакомомъ ему предметѣ, съ каждымъ изъ нихъ, но оно тотчасъ же овладѣваетъ имъ, какъ скоро онъ обратится къ нимъ, ко всѣмъ сразу, съ своей тщательно обдуманной (а зачастую даже написанной) лекціей и т. п.: при разсматриваніи многихъ предметовъ сразу, каждый изъ нихъ является намъ нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ прежде, и потому не пробуждаетъ всѣхъ прежнихъ мыслей.

Итакъ, все дѣло въ томъ, дѣйствительно ли нашъ умъ обладаетъ наклонностью втихомолку предполагать при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ существованіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, по-просту сказать, — заранѣе допускать реальность понятія матеріи, а съ ней и атомизма? Оставляя въ сторонѣ причину этого любопытнаго явленія, не трудно убѣдиться въ самомъ фактѣ его существованія. Уже одно самонаблюденіе можетъ свидѣтельствовать о немъ: стоитъ только припомнить то чувство умственной неловкости, и даже недоумѣнія, навѣрное, испытанное каждымъ читателемъ при чтеніи тѣхъ строкъ, въ которыхъ авторъ приглашалъ его усомниться на время, существуетъ ли неизмѣняемый субстратъ тѣлъ, или же это только абстракція нашего ума. Но сверхъ самонаблюденія могутъ быть приведены и объективные доводы. Мы видѣли, что всѣ аргументы химическаго атомизма имѣютъ мѣсто только тогда, когда мы заранѣе допускаемъ гипотезу неизмѣняемаго субстрата тѣлъ: безъ нея никоимъ образомъ нельзя доказать химическаго атомизма; а многіе ли химики пытаются оправдать эту основную гипотезу атомизма? Чуть ли не одинъ Науманнъ задумался надъ этимъ; да и то на первыхъ же шагахъ снова втихомолку подсунулъ ее въ свои разсужденія, взявъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ аргументовъ тотъ самый фактъ, о правильномъ истолкованіи котораго еще должна была пойдти рѣчь, возстановляемость простыхъ тѣлъ, какъ явленіе неизмѣняемости элементовъ. Далѣе, когда былъ открытъ законъ, что сумма вѣсовъ, полученныхъ путемъ химическаго превращенія тѣлъ, всегда равна суммѣ вѣсовъ тѣлъ, которыя подверглись превращенію, то этотъ законъ не разсматривался, какъ законъ сохраненія вѣса, что вполнѣ соотвѣтствовало бы опыту безъ всякихъ догматическихъ примѣсей, а его еще доселѣ часто разсматриваютъ (а не только называютъ), какъ законъ сохраненія матеріи, чѣмъ ясно обнаруживается происходящее при этомъ мысленное обособленіе неизмѣняемаго субстрата тѣлъ отъ нихъ самихъ. Сверхъ того сошлемся на еще болѣе важный доводъ — на исторію возникновенія древняго атомизма. Извѣстно, какъ онъ

возникъ: элейцы установили ученіе, что истинно-сущее едино и неизмѣняемо ни въ какомъ отношеніи; изъ приспособленія же къ даннымъ опыта, къ измѣнчивости и множественности тѣлъ, этой мысли (которая есть не что иное, какъ обособленіе отъ тѣлъ ихъ неизмѣняемой сущности) и возникъ атомизмъ; при этомъ единство истинно-сущаго въ интересахъ приспособленія превратилось въ повсюдную однородность субстрата тѣлъ, а его неизмѣняемость во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и движенія, ради приспособленія ограничилась качественной и количественной неизмѣняемостью.

Впрочемъ, ссылка на древній атомизмъ требуетъ нѣкоторой оговорки въ виду того, что иногда утверждаютъ, особенно же натуралисты, будто бы между современнымъ химическимъ и древнимъ атомизмомъ существуетъ рѣзкое и не только количественное (въ степени приспособленности къ опыту), а какъ бы качественное различіе—въ характерѣ того и другаго ученія. Но попытки пояснить эту мысль тотчасъ же обнаруживаютъ ея ошибочность [1]). Такъ, Науманнъ дѣлаетъ слѣдующій отзывъ: „Химическая теорія атомовъ не имѣетъ ровно ничего общаго (so gut wie nichtsgemein) съ тѣмъ атомистическимъ ученіемъ, которое было установлено Левкиппомъ и Демокритомъ.... Именно, въ то время, какъ Демокритовскіе атомы должны быть послѣдними, неизмѣняемыми и недѣлимыми далѣе составными частями всѣхъ тѣлесныхъ вещей, химическіе атомы или только не раздѣлены, каковы элементарные атомы [2]), или же прямо-таки дѣлимы, каковы атомы сложныхъ тѣлъ [3]); далѣе, въ то время какъ въ Демокритовскихъ атомахъ ихъ свойства, кромѣ величины и формы, остаются одинаковыми, но неизвѣстными, свойства химическихъ атомовъ различныхъ тѣлъ неодинаковы, но по большей части извѣстны“ [4]). Отсюда видно, сколь большая разница допускается между старымъ и новымъ атомизмомъ и насколько ее преувеличиваютъ.

---

[1]) Это мнѣніе можетъ служить только лишнимъ доказательствомъ того, на сколько мы склонны предполагать неизмѣняемый субстратъ тѣлъ, какъ вещь самоё собой разумѣющуюся: относительно древняго атомизма исторія философіи уже показала намъ, что онъ возникъ именно изъ подобной предпосылки; въ своемъ же атомизмѣ мы ея даже не замѣчаемъ, а потому онъ и кажется намъ рѣзко отличающимся отъ древняго.

[2]) Подразумѣваются атомы простыхъ тѣлъ въ противоположность составленнымъ изъ нихъ молекуламъ.

[3]) Молекулы.

[4]) *Naumann*. Grundriss der Thermochemie. Braunschweig. 1869, стр. 11.

Начнемъ съ указанія Аристотеля [1]), что Демокритовскіе атомы отличаются другъ отъ друга—порядкомъ сочетанія (Аристотелевскій примѣръ различія сочетаній AN и NA), положеніемъ (Z и N отличаются положеніемъ), формой, величиной и въ зависимости отъ нея вѣсомъ. Точно такія же различія въ атомахъ признаются и тѣми современными представителями вещественнаго атомизма, которые не отрицаютъ существованія динамическихъ силъ [2]); а при отрицаніи таковыхъ всѣ атомы считаются одинаково невѣсомыми. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ современныхъ атомистовъ предполагаютъ полное единство матеріи, то-есть, полную одинаковость всѣхъ атомовъ, къ взаимнымъ различіямъ послѣднихъ со временъ Демокрита прибавилось только обладаніе различными химическими силами (сродства, атомности), благодаря которымъ они играютъ не одинаковую химическую роль. Оставимъ въ сторонѣ, что такое предположеніе допускается только тѣми, кто не отрицаетъ динамическихъ силъ, хотя это обстоятельство указываетъ, на сколько Науманнъ преувеличиваетъ разницу между древнимъ и новымъ атомизмомъ, говоря, что большая часть атомныхъ свойствъ уже извѣстна: значитъ они не извѣстны, если возможно сомнѣваться даже въ существованіи этихъ свойствъ; а вѣдь слова Науманна не могутъ относиться ни къ какимъ другимъ свойствамъ, такъ какъ размѣры и формы атомовъ никому не извѣстны. Во всякомъ случаѣ, если мы и допустимъ справедливость предположеній о различіи атомныхъ химическихъ силъ и о взаимномъ отношеніи ихъ вѣсовъ, которое мы узнаемъ изъ ихъ паевъ, то мы пока все-таки находимъ не новую атомистику, которая не имѣла бы ничего общаго съ древней, а лишь приспособленіе древней атомистики къ вновь найденнымъ фактамъ. Изъ понятія недѣлимости Демокритовскихъ атомовъ вытекаетъ, что при всякомъ химическомъ соединеніи цѣлое число атомовъ одного рода должно соединяться съ цѣлымъ числомъ атомовъ другаго, такъ что отношенія, въ которыхъ соединяются между собой различныя тѣла, могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ служить основаніемъ для заключенія о взаимномъ вѣсовомъ отношеніи ихъ атомовъ; это-

[1]) Metaph. I, 4. Phys. I, 5. III, 4. Gen. et Corr. I, 8. Ср. *Zeller*. Die Philosophie der Griechen. B. I. Tübingen. 1856, стр. 588 и слѣд.

[2]) Взамѣнъ различія положенія (Z и N) въ новомъ атомизмѣ можно указать различіе связи двухъ атомовъ одной или нѣсколькими единицами сродства, которое допускается при атомистическомъ объясненіи изомеріи; или же вмѣсто положенія допускается пространственная группировка.

то заключеніе и сдѣлано новой атомистикой при помощи гипотезы истинно простыхъ тѣлъ (равенства ихъ атомовъ). Далѣе, различіе химическихъ дѣйствій тѣлъ, построенныхъ изъ Демокритовскихъ атомовъ, должно быть обусловлено различіемъ составляющихъ атомовъ; и современный (химическій) атомизмъ, хотя навѣрное не знаетъ, каковы эти свойства, сполна принимаетъ этотъ неизбѣжный изъ Демокритовскаго атомизма выводъ и постулируетъ или гипотезу различія химическихъ силъ атомовъ, которыя обусловливали бы различія въ сродствахъ тѣлъ, или же гипотезу существованія такихъ механическихъ условій въ атомахъ (величинъ, положеній, движеній), которыя не могутъ быть опредѣлены ближайшимъ образомъ, но приводили бы къ тому же самому результату. Наконецъ, такъ какъ, разъ что признана основная гипотеза атомизма, то должны быть признаны, какъ это было указано, и почти всѣ другія, приспособляющія,—то естественно, что онѣ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ накопленія фактовъ, которые ихъ требуютъ, постепенно развились изъ Демокритовскаго атомизма.

Единственно, чѣмъ какъ будто бы отличается химическій атомизмъ отъ Демокритовскаго, это своимъ отношеніемъ къ вопросу о дѣлимости атомовъ. Но и здѣсь мнѣніе Наумана сильно преувеличено. У него самого, при его попыткѣ вывесть атомизмъ только изъ одной неизмѣняемости элементовъ, подъ словомъ атомъ приходится понимать не тѣ частицы, которыя всегда, при всякомъ соединеніи и, вообще, превращеніи, остаются нераздѣльными, а только тѣ, которыя остались нераздѣленными во время процесса одного лишь даннаго соединенія: ихъ постоянная нераздѣленность, то-есть, недѣлимость, въ разсужденіяхъ Наумана не имѣетъ никакого основанія и не можетъ быть выведена изъ нихъ; оттого онъ и получаетъ атомы не только простыхъ тѣлъ, а также и сложныхъ. Но при такихъ условіяхъ его атомизмъ остается не приспособленнымъ къ закону кратныхъ отношеній. Для примиренія съ нимъ гипотезы неизмѣняемости матеріи нужно допустить въ послѣдней недѣлимыя частицы, то-есть, возвратиться къ Демокритовскому атомизму. Правда, что многіе представители химическаго атомизма затрудняются допускать абсолютную недѣлимость атомовъ, и пробуютъ, сохранивъ дискретность тѣлъ, приписывать ихъ частицамъ только относительную недѣлимость, предполагая для этой цѣли, что тѣла во время соединенія и разложенія распадаются только на тѣ частицы, на которыя они уже заранѣе раздѣлены и которыя могли бы быть раздѣлены далѣе, но въ дѣй-

ствительности никогда не дѣлятся. Однако не значитъ ли это только замаскировать абсолютный атомизмъ? Мы говоримъ, что атомы „никогда“ не дѣлятся. Какъ же понимать это слово? Если въ его буквальномъ значеніи—при дѣйствіи какихъ бы то ни было силъ, никакими силами: механическими, физическими и химическими,—то вѣдь сверхъ этихъ силъ нѣтъ никакихъ другихъ; слѣдовательно наши частицы оказываются абсолютно недѣлимыми. Если же мы станемъ слово „никогда“ ограничивать лишь доселѣ открытыми изъ этихъ силъ, то вѣдь еще не открытыя силы не препятствуютъ существованію закона кратности, а потому, когда мы узнаемъ ихъ, мы все-таки будемъ считать наши частицы недѣлимыми даже и подъ вліяніемъ этихъ силъ, то-есть, абсолютно недѣлимыми. Впрочемъ, это соображеніе можетъ показаться недостаточно убѣдительнымъ вслѣдствіе нашей наклонности гипостазировать понятіе силы и мыслить его, какъ какую-то сущность, которая можетъ стоять отдѣльно отъ тѣлъ и какъ бы издали по временамъ властвовать надъ ними. При такомъ пониманіи естественно допускать втихомолку, что къ тѣмъ силамъ, которыя уже подвизаются предъ нами и не нарушаютъ закона кратности, вдругъ присоединятся новыя и даже враждебныя или имъ, или закону кратности. Но въ предѣлахъ опыта сила есть не что иное, какъ законъ взаимодѣйствія (сила тяготѣнія въ предѣлахъ опыта и изслѣдованія есть законъ взаимнаго сближенія); онѣ, какъ законы тѣлъ, не существуютъ отдѣльно отъ тѣлъ и всегда дѣйствуютъ, такъ что новая сила есть не та, которая только-что начала дѣйствовать, а та, способовъ дѣйствія которой мы еще не выдѣляли и не изучили отдѣльно отъ другихъ силъ. Слѣдовательно одно изъ двухъ: или законъ кратности ложенъ, вовсе не существуетъ, или же въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ не нарушается никакими силами—ни извѣстными, ни неизвѣстными. А потому, коль скоро для его объясненія теперь необходимо допускать недѣлимость частицъ, то она и всегда будетъ нужна, то-есть, она будетъ абсолютной.

Подведемъ же итоги и этому сравненію древняго атомизма съ современнымъ химическимъ и всему нашему анализу послѣдняго. 1) Между тѣмъ и другимъ по существу дѣла нѣтъ никакой разницы кромѣ степени приспособленности къ опыту; поэтому, желая знать причину вѣры въ реальность химическаго атомизма, мы въ правѣ обращаться съ этой цѣлью и къ исторіи возникновенія древняго атомизма. 2) Оба они возникаютъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе предпосылаемаго обсужденію эмпирическихъ фактовъ убѣжденія въ

существованіи сзади явленій ихъ внутренней неизмѣняемой сущности, неизмѣняемаго субстрата тѣлъ, такъ что, если древній атомизмъ составляетъ не эмпирическое, а трансцендентно-метафизическое ученіе, то таковъ же и химическій атомизмъ. (Оттого-то онъ и не противорѣчитъ опыту: метафизика никогда не можетъ противорѣчить опыту, ибо, вопервыхъ, она и строится для того, чтобы, исходя изъ предположенія той или другой сущности вещей, объяснять весь данный опытъ, а отнюдь не противорѣчить ему; вовторыхъ, всякій фактъ всегда впитывается въ метафизику при помощи приспособляющихъ гипотезъ). 3) Реальность этого метафизическаго ученія о сущности тѣлъ ничѣмъ не доказана, по крайней мѣрѣ—въ химіи. Для критической философіи въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: съ ея точки зрѣнія тѣла состоятъ изъ комплексовъ закономѣрно-связанныхъ ощущеній, которые въ силу законовъ сознанія съ роковой необходимостью объектируются нами, то-есть, неизбѣжно понимаются нами, не смотря на свой субъективный матеріалъ (ощущенія), какъ отдѣльно и независимо отъ насъ существующія; а что скрывается за этими объективированными ощущеніями, остается не извѣстнымъ въ той же мѣрѣ, въ какой не извѣстно, что именно скрыто сзади сознанія, душа ли или же порождающая его не духовная сущность. 4) Реальность обособленія матеріи отъ тѣлъ, то-есть, эмпирическая реальность понятія матеріи, остается не доказанной. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего страннаго: если мы вычеркнули изъ своего научнаго обихода понятіе души, какъ предмета, остающагося за предѣлами эмпиріи и относительно котораго нельзя доказать ни того, что онъ существуетъ, ни того, что его нѣтъ, то той же участи должно подвергнуться и понятіе матеріи, такъ какъ они оба имѣютъ хоть какой-нибудь уловимый смылъ не иначе какъ въ противопоставленіи ихъ другъ другу, въ чемъ легко убѣдиться, пробуя построить ихъ опредѣленія. Что тогда получится? Душа есть то, что обладаетъ сознаніемъ, не будучи матеріей: послѣднюю оговорку необходимо добавить, чтобы отличить сознаніе, принадлежащее душѣ, отъ сознанія, порождаемаго, по ученію хотя и недоказуемаго, но и ничѣмъ неопровержимаго матеріализма, организованной въ видѣ головнаго мозга матеріей. Матерія же есть то, что, не имѣя сознанія, при извѣстной организаціи можетъ порождать его, не будучи душой: эта оговорка необходима для отличія сознанія матеріалистическаго отъ спиритуалистическаго. Слѣдовательно, получается, что душа есть то, что не составляетъ матеріи, а матерія есть то, что не составляетъ души, то-есть, другъ безъ друга эти два понятія

не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. 5) Эмпирическая реальность матеріи, а съ ней и атомовъ, не доказана; значитъ ли это, что надо отбросить въ естествознаніи понятія матеріи и атомовъ? Вовсе нѣтъ, а только то, что нѣкоторые вопросы теперь должны отпасть отъ состава философіи, замѣниться другими, которые будутъ возбуждать новые. Такъ, догматическіе философы не мало ломали, да еще и теперь ломаютъ, головы, чтобы намостить мосты (напримѣръ, эфирные) между матеріей и душевными явленіями, то-есть, мучаются или надъ вопросомъ, какъ матерія можетъ дѣйствовать на душу, или же надъ вопросомъ, какъ атомы могутъ своими движеніями порождать душевныя явленія. Все это мощеніе мостовъ становится вполнѣ излишнимъ и замѣняется болѣе удоборѣшимымъ вопросомъ — какъ именно нашъ умъ, подчиняясь своимъ законамъ и имѣя предъ собой данныя въ опытѣ тѣла (то-есть, объектированныя ощущенія), приходитъ къ тому, что сверхъ нихъ строитъ еще метафизическое понятіе матеріи и начинаетъ вѣровать въ ея еще ничѣмъ недоказанную эмпирическую реальность? Далѣе же по поводу этого вопроса возникаютъ другіе. Какимъ именно образомъ метафизическое понятіе матеріи или атомовъ приноситъ пользу для эмпирическихъ изслѣдованій? Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя ли будетъ найдти какія-нибудь основанія для рѣшенія слѣдующаго вопроса: можетъ ли, и если да, то гдѣ, въ какихъ предѣлахъ и какимъ образомъ можетъ быть полезно для эмпирическаго знанія другое столь же метафизическое понятіе — именно понятіе души, а если нѣтъ, то почему же оно безполезно, не смотря на полезность перваго и т. д.?

А. Введенскій.

О ХРОНИКѢ КОЗЬМЫ ПРАЖСКАГО.

Врядъ ли найдется въ числѣ средневѣковыхъ лѣтописцевъ много такихъ, о которыхъ мнѣнія и сужденія расходились бы болѣе, чѣмъ о Козьмѣ Пражскомъ, и это не смотря на то, что начало знакомства съ его хроникой, какъ цѣннымъ для исторіи Чехіи источникомъ, относится къ весьма давнему времени.

Начиная со слѣдующихъ непосредственно за нимъ чешскихъ историковъ, хроникой Козьмы не только пользовались, въ качествѣ неисчерпаемой сокровищницы, но вдобавокъ почти до невозможнаго развивали и разукрашивали сообщаемыя въ ней сказанія и извѣстія. Нагляднымъ доказательствомъ тому, до чего можно было дойдти въ этомъ направленіи, служитъ хроника Вячеслава Гайка изъ Либочанъ [1]). Только въ исходѣ прошлаго столѣтія этимъ искаженіямъ положилъ конецъ Добнеръ, который обосновалъ древнюю исторію Чехіи на хроникѣ Козьмы и въ то же время послѣднюю подвергнулъ обстоятельному критическому разбору. На основанія, выработанныя имъ и его современниками Публичкой [2]), Пельцлемъ [3]) и Добровскимъ [4]), опиралось въ нынѣшнемъ столѣтіи въ своихъ дальнѣйшихъ розысканіяхъ большинство чешскихъ ученыхъ, главнымъ же образомъ, Палацкій [5]), Дудикъ [6])

---

[1]) *Wenc. Hagek a Libocsan* Annales Bohemorum. Plur. animadversionibus hist.-chron.-criticis aucti a P. Gelasio Dobner. T. I—II. Pragae 1762—1782.

[2]) Chronolog. Gesch. von Böhmen. Томъ I—III. Lpz. u. Prag 1770—72.

[3]) Kurzgefasste Geschichte der Böhmen. Prag 1774.

[4]) Kritische Versuche die ältere böhm. Gesch. von späteren Erdichtungen zu reinigen, въ Abhandl. d. kgl. böhm. Ges. der Wiss., томы I, II, III.

[5]) Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber. Prag 1831, съ новымъ заглавнымъ листомъ 1869. Сравни Dějiny národu Českého, díl. I. Мы постоянно цитуемъ по третьему изд. 1876—77.

[6]) Mährens allg. Gesch., томы I—IV. Brünn 1860—65.

и Томекъ [1]). Лишь въ сравнительно недавнее время было высказано также и сомнѣніе въ достовѣрности извѣстій Козьмы и, наконецъ, совершенно отвергнуто его изложеніе чешской исторіи до введенія христіанства. Главнѣйшими представителями этого направленія являются нѣмецкіе ученые Дюмлеръ [2]), Ваттенбахъ [3]) и Бюдингеръ [4]). Дальше всѣхъ идетъ Лозертъ [5]), который пытается доказать, что даже и для древнѣйшаго христіанскаго времени Козьма не имѣетъ почти никакого значенія, и не только приводимыя имъ рѣчи, письма, надгробныя надписи и грамоты подложны, но что онъ даже имена чешскихъ князей и княгинь просто вымыслилъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы ставимъ себѣ задачею разъяснить чешскую исторію IX и X вѣковъ. Мы стараемся указать, какіе источники у Козьмы имѣлись для разсматриваемаго нами времени, какова историческая основа этихъ источниковъ и, наконецъ, какъ онъ воспользовался ими въ своей хроникѣ [6]).

Самъ Козьма въ своей хроникѣ строго разграничиваетъ исторію Чехіи до введенія христіанства и по принятіи его. „Я началъ свое повѣствованіе", говоритъ онъ, „съ первыхъ обитателей Чехіи и немногое, что узналъ изъ не удостовѣренныхъ разказовъ старыхъ людей, предлагаю, какъ могу и умѣю, всѣмъ ко мнѣ благорасположеннымъ, не для того, чтобы добиться людской похвалы, но дабы

---

[1]) Тутъ главнымъ образомъ должны быть принимаемы во вниманіе: Apologie der ältesten Gesch. Böhmens, въ Abh. d. k. b. G. d. W., V. Folge, томъ 13-й, стр. 1 слѣд.; тоже по-чешски въ Památky arch. a míst., IV, 8; V, 208, 252, 289.— Dějepis města Prahy, т. I. 1855.

[2]) De Bohemiae condicione Carolis imperantibus. Lips. 1854.

[3]) Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, II, 152 слѣд. Мы цитуемъ все по 4-му изд. 1877—78. — Die slawische Liturgie in Böhmen etc., въ Abh. d. hist.-phil.-Gesell. in Breslau, I, стр. 203 слѣд.—Сравни: Beiträge zur Gesch. der christl Kirche in Mähren u. Böhmen. Wien 1849.

[4]) Oesterr. Gesch. bis zum Ausgange des XIII Jahrh., томъ 1-й, стр. 300 слѣд. — Сравни: Zur Kritik altböhm. Gesch., въ Zeitschr. für oesterr. Gymnasien, 1857. VII.

[5]) Studien zu Cosmas von Prag, въ Archiv f. österr. Gesch., томъ 61-й, стр. 1 слѣд.—Сравни: Das angebliche Senioratsgesetz des Herzogs Břetislaw I, ibid. томъ 64-й, стр. 1 слѣд. — Der Sturz des Hauses Slawnik, ibid. томъ 65-й, стр. 19 слѣд. — Kritische Bemerkungen über einige Punkte der ält. Gesch. Böhmens, въ Mitth. des Vereins f. Gesch. d. Deutschen in Böhmen, томъ XIX, стр. 256 слѣд.— Ueber den Umfang des böhm. Reiches unter Boleslaw II, въ Mitth. des Inst. f. österr. Geschichtsforschung, томъ II, стр. 17 слѣд. — Kritische Studien zur älteren Gesch. Böhmens, ibid. томъ IV, стр. 177 слѣд.; томъ V, стр. 366 слѣд.

[6]) Мы пользуемся постоянно изданіемъ хроники Козьмы Эмлера въ Fontes rer. Bohem., II, 1 слѣд.

оно не забылось совершенно" (I, praef.). „Года по Рождествѣ Господа я прибавилъ, однако, лишь начиная съ Боривоя, перваго католическаго князя, такъ какъ я не хотѣлъ къ началѣ книги дѣлать произвольныя указанія и не нашелъ также хронологіи, которая дала бы мнѣ возможность узнать, въ какое время все происходило" (ibid.). „О жизни и смерти этихъ первыхъ князей", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „исторія умалчиваетъ .... ибо тогда не имѣлось лица, которое могло бы записать для потомства все, что ими содѣяно. Будемъ же молчать о томъ, о чемъ другіе умалчиваютъ" (I, 9). Изложеніе свое до-христіанскаго періода онъ заканчиваетъ словами: „И такъ какъ это сообщается изъ древняго времени, то предоставляемъ читателю судить о томъ, вѣрно ли оно, или же ложно" (I, 13).

Этими словами Козьма самъ опредѣляетъ цѣнность его указаній для времени, предшествующаго 894 г. Тутъ ему были извѣстны одни народныя сказанія, senum fabulosa narratio, которыя онъ намъ сообщаетъ pro posse et nosse, ne omnino relata traduntur oblivione. Письменныхъ источниковъ у него для этого періода не было. Въ виду того, что и чужеземные писатели ничего не сообщаютъ о внутреннемъ положеніи Чехіи за этотъ періодъ, оцѣнка историческаго значенія приводимаго Козьмой народнаго преданія можетъ быть достигнута не иначе, какъ посредствомъ тщательной внутренней критики его.

Первую главу составляетъ введеніе, въ которомъ Козьма повѣствуетъ, какъ, послѣ потопа, родъ человѣческій, Божьей карой распавшійся на многіе языки, заселилъ, наконецъ, и Германію. Что подобнаго рода общія введенія были крайне излюблены историками среднихъ вѣковъ, въ томъ легко убѣдиться изъ сравненія текста Козьмы съ текстомъ Регинона, а послѣдняго въ свою очередь опять съ Павломъ Діакономъ.

Cosmas I, 1.	Regino ad a. 889.	Paulus Diaconus I, 1.
Unde humanum genus... tandem has in partes devenit Germaniae: cum enim omnis illa regio sub arctoo axe Thanaytenus et usque ad occiduum sita, licet in ea singula propriis loca nominibus nuncupentur, generali tamen vocabulo Germania vocitatur.	Unde fit, ut tantae populorum multitudines arctoo sub axe orientur, ut non immerito universa illa regio Thanai tenus usque ad occiduum, licet et propriis loca in ea singula nuncupentur nominibus, generali tamen vocabulo Germania vocitetur.	Unde fit ut tantae populorum multitudines, arctoo sub axe oriantur: ut non immerito universa illa regio Tanai tenus usque ad occiduum, licet et propriis loca in ea singula nuncupentur nominibus, generali tamen vocabulo Germania vocitetur.

Со 2-й главы начинается senum fabulosa traditio, подъ чѣмъ Козьма понимаетъ все то, чего онъ не нашелъ записаннымъ, а именно не только краткія сказанія, но также и пѣсни въ собственномъ смыслѣ. Народныя сказанія слѣдующія: 1) сказаніе о прибытіи чеховъ подъ предводительствомъ pater Boemus (Чехъ) въ Чехію (I, 2); 2) сказаніе о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ — Кази, Тетѣ и Любушѣ (I, 3—4); 3) сказаніе о Премыслѣ (I, 4—8); 4) сказаніе объ основаніи города Праги (I, 9); 5) сказаніе о дѣвичьей войнѣ (I, 9); 6) сказаніе о Неклавѣ и Властиславѣ (I, 10—13). „Эти сказанія", утверждаетъ Мейнертъ [1]), „не одинаковой древности; въ изложеніи лѣтописца своеобразность и простота ихъ утратилась въ довольно значительной степени; отчасти это—объясненіе древнихъ названій мѣстностей; относятся они къ извѣстной части страны и ко внутреннимъ дѣламъ; отъ нихъ хотя и вѣетъ чисто азіатской пышностью славянскаго безвѣрія, но воинственный духъ чеховъ въ нихъ не выражается; они указываютъ на отличіе племенъ и сословій, на стремленіе пражскихъ герцоговъ къ верховной власти, на зависть и распри среди вельможъ, на любовь къ земледѣлію, на ростъ народонаселенія и на развитіе нравственныхъ началъ, на отвращеніе къ убійству, въ особенности князей и т. д.". Поражаетъ то, что въ сказаніяхъ не только не встрѣчается никакихъ извѣстій о прежнихъ обитателяхъ Чехіи, бойяхъ, маркоманнахъ и друг., но что въ нихъ также совершенно умалчивается о прежнихъ судьбахъ чеховъ въ обитаемой ими странѣ: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о великомъ государствѣ, основанномъ Само. Мы въ нихъ должны видѣть исключительно мѣстныя сказанія племени чеховъ, въ которыхъ повѣствуется о постепенномъ его распространеніи по остальной странѣ Чехіи и которыя, за исключеніемъ перваго сказанія, получили начало приблизительно въ X столѣтіи.

Въ каждомъ изъ этихъ сказаній имѣется историческая основа; слабѣе всего она выражена въ первомъ сказаніи, тогда какъ въ четвертомъ историческіе моменты уже довольно многочисленны. Въ нижеслѣдующемъ мы постараемся, на сколько возможно, выяснить отношенія каждаго изъ этихъ сказаній къ исторіи или, другими словами, выдѣлить всѣ историческіе моменты.

Козьма весьма поэтично описываетъ, въ первомъ сказаніи, прибы-

---

[1]) Die böhmischen Geschichtschreiber des ersten Zeitraumes, въ Wiener Jahrb. der Lit., томъ XV (1815), Anzeigeblatt, стр. 27.

tie pater Boemus'а съ его спутниками въ мѣстность около горы Рипъ, между рѣками Огрою (Эгеромъ) и Влтавой (Молдавой), въ страну съ потоками млека и меда, никому не подвластную. Въ умиленіи онъ здѣсь утверждаетъ свои пенаты [1]), лобзаетъ землю и въ обращеніи къ небеснымъ свѣтиламъ восклицаетъ: „Привѣтъ тебѣ, страна, судьбою намъ опредѣленная, нами столь горячо желанная, нѣкогда во время потопа отнятая у твоихъ прежнихъ обитателей. Храни насъ невредимыми, какъ сохранила памятники твоихъ прежнихъ обитателей, и размножай нашихъ потомковъ изъ рода въ родъ". По имени его страна была названа Bohemia (I, 2).

Вопросъ о томъ, кто былъ „pater Boemus", во второй половинѣ прошлаго столѣтія вызвалъ горячую полемику; непосредственной причиной ея была предложенная въ 1765 году княземъ Яблоновскимъ въ Данцигскомъ Естествоиспытательномъ Обществѣ тема на премію: „Возможно ли болѣе достовѣрными свидѣтельствами убѣдительнѣе, нежели до настоящаго времени то было сдѣлано, доказать прибытіе Леха въ Польшу между 550 и 560 годами, или же, наоборотъ, опровергнуть это мнѣніе"? Одни, во главѣ съ Добнеромъ, силились привести доказательства бойскому происхожденію „Boemus" и доходили до того, что отожествляли его съ Сиговесомъ, подъ предводительствомъ котораго, по Титу Ливію [2]), бойи завоевали Богемію, отъ нихъ получившую свое названіе. По мнѣнію другихъ, „pater Boemus" и „Boemia" представляли собой ничто иное, какъ латинскій переводъ Чеха и земли чеховъ [3]). При настоящемъ состояніи исторической науки врядъ ли можно еще хоть сколько нибудь сомнѣваться въ неосновательности перваго предположенія: мы тутъ, очевидно, имѣемъ передъ собой народное сказаніе о томъ, какъ племя чеховъ, подъ предводительствомъ Чеха, завладѣло страной, получившей отъ него имя [4]).

---

[1]) *J. Jireček*, Dědky u Dalimila, въ Časopis musea kral. Českého, 1861, стр. 358;—Studia z oboru mythol. české, ibid. 1863, стр. 268 слѣд.—*Wocel*, Pravěk země české. V Praze 1868, стр. 384.

[2]) V, 34; сравни *Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 41 слѣд.

[3]) Приверженцы бойской теоріи: *Dobner*, Ad. Ann. Hayec., II, 28; *Schlöser*; нѣкто *Bt...*, въ Prager Gelehrte Nachrichten, I (1771), стр. 129 и сл., 161 слѣд. Защитники второй теоріи: *G. H. Ayrer*, Animadversiones ad historiam Lechi; *S. N. Mosscsenski*, In Dobneri de Lecho sententiam sticturae; *I. A. Jablonowsky*, Lechi et Czechi adversus scriptorem recentissimum (sc. Dobnerum) vindiciae. Lips. 1771. Сравни объ этомъ рецензію упомянутаго Bt.

[4]) Имя Čech впервые встрѣчается у *Dalimil*, Rýmovaná kronika česka, к. 2 (въ Fontes rer. Boh. III, 6 слѣд.). Сравни *Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 90, прим. 17.

Въ сказаніи имѣются лишь два историческихъ момента, именно самое имя чеховъ и гора Рипъ [1]). Съ одной стороны въ немъ усматривается лишь позднѣйшаго времени попытка объяснить названіе народа и его происхожденіе, каковыя толкованія или объясненія мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ народовъ, напримѣръ, у сосѣдей чеховъ— поляковъ и германцевъ, въ древнемъ мірѣ у отдѣльныхъ греческихъ племенъ и т. д. Съ другой же стороны имя чеховъ въ связи съ горой Рипъ заставляетъ предполагать, что вблизи послѣдней, въ плодородной долинѣ нижней Влтавы (Молдавы), находились древнѣйшія селенія племени чеховъ [2]).

Что все остальное, сообщаемое Козьмой во 2-й и большей части 3-й главы о Чехіи и ея обитателяхъ того времени, лишено историческаго содержанія; въ этомъ каждому легко убѣдиться. Поэтическое описаніе Чехіи отчасти соотвѣтствуетъ географическому положенію страны, насколько было оно извѣстно Козьмѣ, но при дальнѣйшемъ изображеніи первобытныхъ нравовъ чеховъ, весьма идиллическомъ и съ явнымъ намѣреніемъ представить старину въ привлекательномъ свѣтѣ, Козьма вступаетъ въ разрядъ писателей о мнимомъ золотомъ вѣкѣ, лишая этимъ свой разказъ прелести народнаго колорита. При сопоставленіи его въ этомъ мѣстѣ съ Боэціемъ и Регинономъ шаблонность его разказа становится очевидною.

Cosmas I, 3.	Regino [3]).	Boëtius [4]).
Felix nimium erat aetas illa, modico contenta sumptu, nec timido inflata fastu. Cereris et Bachi munera haud norant, quia neque orant. Sera prandia solvebant glande vel ferina carne. Incorrupti latices haustus dabant salubres.... Ubi nox quemque occuparat, ibi fusus per herbam, frondosae arboris sub umbra dulces car-	Felix nimium prior aetas Contenta fidelibus armis Nec inerti perdita luxu, Facili quae sera solebat Ieiunia soluere glande. Non bacchica munera norant Liquido confundere melle Nec lucida uellera Serum Tyrio miscere ueneno. Somnos dabat herba salubres Potum quoque lubricus amnis Umbras altissimma pinus.	

[1]) *Dobner*, Ad. Ann. Hayec., II, 22—28.

[2]) *Tomek*, O starém rozdělení Čech na župy, въ Časopis, 1858, стр. 248; *Wocel*, l. c., 270 слѣд.

[3]) Regino ad a. 889, въ MM. G. SS, I, 599—600. Регинонъ въ свою очередь заимствовалъ изображеніе у Юстина, Hist. Phil., II, 2, ed. Duebner, стр. 28.

[4]) Philosophiae Consolat., II, 5, ed. Peiper, p. 39—40.

pebat somnos. Lanae vel lini eis usus ac vestis ignotus, hieme ferinis aut ovinis pellibus utuntur pro vestibus... Nullum scelus apud eos furto gravius et latrocinio.... Proh dolor! prospera in contraria, communia in propria cedunt; securam paupertatem olim amabilem quasi coenosam rotam vitant et fugiunt, quia amor habendi sevior ignibus Aethnae in omnibus ardet.

Utinam nodo nostra redirent
In mores tempora priscos.
Sed saeuior ignibus Aethnae
Feruens amor ardet habendi.

Lanae his usus ac vestium ignotus, et quanquam continuis frigoribus afficiantur, pellibus tantum ferinis induuntur... Nullum scelus apud eos furti gravius.

Нѣкоторыя другія мѣста, очевидно, приводятся единственно съ цѣлію порицанія нравовъ и порядковъ его собственнаго времени. Въ такомъ смыслѣ должны быть понимаемы, напримѣръ, его слова: sine exactore, sine sigillo, spontanea voluntate ad illum confluebant [1]); сюда же относится и описаніе брачной жизни, которая и въ другихъ мѣстахъ его хроники вызываетъ въ немъ негодованіе и служитъ предметомъ порицанія, здѣсь же является, такъ сказать, пародированной [2]).

Второе сказаніе повѣствуетъ о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ, Кази, Тетѣ и Любушѣ, которыя всѣ отличались необыкновенными дарованіями. Такъ, старшая изъ нихъ, Кази, въ знаніи свойствъ растеній и въ волшебствѣ не уступала Медеѣ Колхидской, а въ врачебномъ искусствѣ Пэонію, ибо нерѣдко случалось, что Парки отказывались отъ своего смертоноснаго ремесла, и даже Судьба повиновалась ея пѣсни. Вторая, Тета, научила невѣжественный простодушный народъ чтить и поклоняться Ореадамъ, Дріадамъ и Амадріадамъ и ввела языческіе обряды. Третья и младшая, Любуша, превосходившая мудростью сестеръ, изо всѣхъ женщинъ была замѣчательна, обдумчива въ совѣтѣ, отважна въ рѣчахъ, никому не уступала въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ, по отношенію ко всѣмъ была снисходительна

---

[1]) *Jireček*, Slov. pravo, II, 224; Recht in Böhmen u. Mähren, II, 125 и 126. *Brandl*, Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes. Brünn 1876, стр. 282.

[2]) Сравни, напримѣръ, сѣтованіе по этому же поводу св. Адальберта (I, 29); затѣмъ I, 36; опредѣленія князя Брестислава I (II, 4) и пр. Смотри объ этомъ также *Ginzel*, Geschichte der Slawenapostel Cyrill u. Method u. der slawischen Liturgie. Wien 1861, стр. 63, прим. 1.

и со всѣми общительна, краса и слава женскаго рода. Будучи въ то же время пророчицей и предсказывая часто и вѣрно народу будущее, она по смерти отца, при всеобщемъ одобреніи, была избрана судьею (II, 34).

Въ этомъ сказаніи историческіе моменты замѣтно усиливаются. Оно связано съ 4 памятниками, которые сохранились до временъ Козьмы, именно городъ Крока: ex cuius vocabulo castrum iam arboribus obsitum in silva, quae adiacet pago Stybeczne [1]), situm esse dinoscitur (I, 3) [2]); курганъ Кази: eius usque hodie cernitur tumulus, ab incolis terrae ob memoriam suae dominae nimis alte congestus, super ripam fluminis Mse, iuxta viam, qua itur in partes provinciae Bechin, per montem, qui dicitur Osseca (I, 4) [3]); городъ Теты: quae ex suo nomine Tethin castrum natura loci firmissimum, praeruptae rupis in culmine iuxta fluvium Msam aedificavit (ibid.) [4]); наконецъ, городъ Любуши: quae etiam urbem tunc potentissimam iuxta silvam, quae tendit ad pagum Stebecnam construxit, et ex suo nomine eam Lubossin vocitavit (ibid.) [5]). Если уже въ первомъ сказаніи гора Рипъ указывала, что тамъ находились древнѣйшія поселенія племени чеховъ, то мнѣніе это подтверждается существованіемъ развалинъ трехъ городовъ. Послѣдніе служатъ намъ свидѣтельствомъ, что эта мѣстность вообще должна быть принимаема за центръ земли чеховъ. Города тѣсно свя-

---

[1]) *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer, въ Abh. d. k. b. G. d. W., Neue Folge, V (1836), стр. 118. *Komárek*, Die polnische Kolonie der Hedčané in Böhmen, ibid., VI Folge, томъ II (1869), стр. 4

[2]) *Schaller*, Topographie des Königreich Böhmen. Prag 1785—92. I, 140 *Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 103, прим. 30 и 31. *Tomek*, Dějepis m. P., стр. 6, прим. 10; O Star. rozd. Čech, въ Časopis, 1858, стр. 246, 249. *Wocel*, Pravěk, стр. 401.

[3]) На томъ же самомъ мѣстѣ находился, по словамъ Козьмы, также городъ: castrum, quod est situm in monte Osseca iuxta flumen Msam (I, 27). По Далимилю, гл. 8, это былъ городъ Казинъ: Kazě sedieše na Kaziné (F. R. B, III 9). Сравни *Kalina* v. *Jäthenstein*, Ueber die muthmassliche Lage des Berges Osek am Flusse Mže, wohin Cosmas den Tumulus der Kazi versetzt; въ Abh. d. k. b. G. d. W., V Folge, томъ II, Sectionsber. стр. 8 слѣд. *Dobner*, Ad. Ann. Hayec., II, 51, 53, 107 слѣд. *Tomek*, Dějepis, стр. 6, прим. 10 и стр. 37; O star., rozd. Čech, l. c., стр. 249, 251; O panstwi rodu Slawnikowa w Čechách, въ Časopis 1852, IV, стр. 50 слѣд. *Dobrowsky*, Ueberdie Begräbnissart der alten Slawen überhaupt u. der Böhmen insbesondere, въ Abh. d. b. G. d. W., II (1786), стр. 338 слѣд. *Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва 1868, стр. 98 слѣд.

[4]) *Dobner*, o. c., II, 116 слѣд. *Schaller*, o. c., VIII, 31. *Tomek*, Dějepis, стр. 6, прим. 10; O star. rozd. Čech, l. c., 249, 251. *Wocel*, o. c., 402.

[5]) *Dobner*, o. c., II, 112—117. *Schaller*, o. c. I, 172. *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidn. Opferplätze etc., l. c., стр. 106 слѣд. *Tomek*, Dějepis, l. c.; O star. rozd. Čech, l. c., стр. 246, 249, 251. *Wocel*, o. c, 403 сл.

заны съ древнѣйшею исторіей страны и чешскія народныя сказанія въ нихъ имѣютъ твердую топографическую точку опоры. Возникновеніе ихъ можетъ быть отнесено по крайней мѣрѣ къ началу VIII столѣтія.

Народное сказаніе строителями этихъ городовъ называетъ Крока и его трехъ дочерей, одаренныхъ сверхъестественными силами. На основаніи необычайныхъ свойствъ, приписываемыхъ имъ въ сказаніи [1]), ихъ своебразныхъ именъ, имѣющихъ миѳическій оттѣнокъ, которыя при томъ были перенесены также и на ихъ города, и въ виду того, что самые города сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, въ срединѣ страны,— сдѣланы были попытки происхожденіе этого сказанія объяснить миѳологическимъ путемъ. Возможно, дѣйствительно, какъ полагаетъ Томекъ [2]), что гора Рипъ для чешскихъ племенъ и была тѣмъ, чѣмъ, по Титмару Мерзебургскому, для славянъ въ Силезіи являлась Шоботка (Цобтенбергъ), именно мѣстомъ для большихъ богослужебныхъ празднествъ, въ которыхъ участвовалъ весь народъ. Мы рѣшаемся далѣе также не прямо отвергать, что означенные города, какъ старается доказать Ганушъ [3]), были мѣстомъ національныхъ святилищъ и что первоначальный политическій центръ Чехіи въ то же время являлся религіознымъ центромъ, такъ что въ князѣ срединной части воплощался не только глава-патріархъ всей страны, но и глава ея въ религіозномъ отношеніи. Изслѣдованіе этого вопроса привело бы, однако, всецѣло въ область миѳологіи, такъ что мы должны отказаться отъ выясненія миѳическаго элемента разсматриваемаго сказанія. Мы ограничиваемся указаніемъ его очевиднаго сходства съ польскимъ сказаніемъ о Крокѣ: онъ пріобрѣтаетъ власть надъ поляками и, благодаря своимъ мудрымъ законамъ и строгому отправленію суда, дѣлается благодѣтелемъ своего народа, который въ честь его строитъ городъ Краковъ; и у него трое дѣтей: два сына и дочь по имени Ванда, которая по смерти отца правитъ страною [4]).

[1]) Сравни особенно относительно введенныхъ Тетей обычаевъ: *Срезневскій*, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ. Харьковъ 1846, стр. 24, 28, 30, 33 слѣд., 56, 67, 70, 94. *Wocel*, o. c., стр. 363, прим. 2, стр. 377, 383.

[2]) Apologie, стр. 44.

[3]) Hanuš, Der mythische Antheil, der in den Sagen von Čech, Krok, Libuša und Přemysl enthalten ist, въ Sitzungsberichte d. kgl. böhm. Ges. der Wiss. in Prag, 1866, I, стр, 28 слѣд.

[4]) *Hanuš*, l. c. и *K. L. Krause*, Forschungen auf dem Gebiete der deutsch-slawischen Geschichte. Th. I. Zur Kritik des Kosmas v. Prag und der ältesten Geschichte Böhmens, стр. 3.

Въ четвертомъ сказаніи повѣствуется объ основаніи города Праги въ слѣдующихъ пророческихъ словахъ Любуши. „Вотъ, я вижу городъ, слава его доходитъ до небесныхъ свѣтилъ, невзрачное селеніе, находящееся въ лѣсу, въ тридцати миляхъ отсюда, омываемое волнами Вльтавы. Съ сѣвера его защищаетъ протекающій въ низкой долинѣ ручеекъ Бруска, на югъ возвышается гора, которая, по причинѣ своихъ скалъ, называется Петринъ; послѣдняя извивается на подобіе дельфина или морской свиньи и тянется до означеннаго ручейка. Если вы туда придете, то посреди лѣса узрите человѣка, который готовитъ пороги для дома, и такъ какъ нижайшему порогу кланяются великіе властелины, то и вы, соотвѣтственно этому, городъ, который тамъ построите, должны назвать Прагой" (I, 9).

Историческое значеніе этого сказанія крайне ничтожное. Если оставить въ сторонѣ описаніе мѣстоположенія Праги, которое, понятно, заимствовано изъ времени Козьмы, то для опредѣленія мѣстоположенія остается только этимологическое объясненіе названія города. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, не смотря на вѣрное производство отъ слова prah (порогъ), объясненіе названія города все таки понято не вѣрно и что на него нельзя смотрѣть иначе, какъ на позднѣйшую неудачную попытку. Наибольшую правдоподобность слѣдуетъ признать за мнѣніемъ Пельцля [1]), по которому это названіе объясняется положеніемъ города у водопада, который ручеекъ Бруска нѣкогда образовалъ въ Оленьемъ рвѣ. Прага, общераспространенное славянское слово, уже въ X столѣтіи было извѣстно для обозначенія Днѣпровскихъ пороговъ; въ чешскомъ первоначально употреблялось prag, затѣмъ prah, послѣ же práh, но уже въ переносномъ смыслѣ (порогъ дома) [2]).

Сказаніе связываетъ основаніе Праги съ именемъ Любуши. Но

---

[1]) Ueber den Ursprung und Namen der Stadt Prag, въ Neuere Abh. d. K. b. G. d. W., томъ II-й (1795), стр. 112 слѣд.

[2]) Мнѣніе Пельцля раздѣляетъ *Jungmann* въ его словарѣ. По мнѣнію *Томка*, Dějepis města Prahy, I, стр. 4, прим. 2, имя Прага происходитъ отъ pražiti и обозначаетъ мѣсто въ лѣсу, вырубленное и очищенное для поселка. Одного мнѣнія съ нимъ *Jos.* und *Herm. Jireček*, Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Prag 1862, стр. 104, прим. 1. *Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 106, прим. 37 не высказывается опредѣленно. Въ послѣднее время этимъ вопросомъ занимались: *Kalina v. Jäthenstein*, Böhmens heidn. Opferplätze, l. c., стр. 229; *Komárek*, въ Politik, 1869, № 116 и 128; *M. Hattala*, фельетонъ въ Politik, № 187; *Kouba*, въ Programm des deutschen Gymnasiums 1870. Сравни объ этомъ также *F. Beneš*, Staré věze hradu Pražského, въ Památky, IX, 665 сл.

такъ какъ существованіе послѣдней какъ исторической личности вовсе не удостовѣрено, то становится очевиднымъ, что и этой сторонѣ сказанія нельзя придавать особеннаго значенія. На древнее языческое происхожденіе города во всякомъ случаѣ указываетъ сообщаемое Козьмой названіе возвышеннаго мѣста въ немъ Жижи: in media urbe eminentior locus, qui dicitur Zizi (I, 36) [1].

Въ пятомъ сказаніи описывается дѣвичья война. Дѣвушки страны, подобно амазонкамъ, владѣли оружіемъ, избирали себѣ предводительницъ и, какъ мужчины, занимались охотой. Черезъ это онѣ стали столь отважными, что на скалѣ, неподалеку отъ Праги, построили укрѣпленный городъ, который по себѣ назвали Дѣвиномъ. Когда юноши увидѣли это, они очень озлились, собрались въ еще большемъ количествѣ и на другой скалѣ, которая отстояла не болѣе, какъ на трубный звукъ, построили городъ, носившій во времена Козьмы названіе Вышеграда, но который тогда, по причинѣ росшихъ тамъ кустарниковъ, называли Hrasten. Такъ какъ дѣвушки нерѣдко оказывались хитрѣе юношей, послѣдніе же иной разъ сильнѣе ихъ, то между ними постоянно чередовались война и миръ (I, 9).

Ясно, что и тутъ этимологическое толкованіе разореннаго города Дѣвина [2]) составляетъ главную основу этого страннаго или своеобразнаго сказанія. Произведено ли названіе просто отъ слова děwa или отъ имени богини Дѣвы (Děva) [3]), историческое содержаніе сказанія отъ этого нисколько не увеличится. Оно ограничивается только Вышеградомъ: urbs, quam moderni nuncupant Wissegrad, tunc autem ab arbustis traxerat nomen Hrasten [4]), и находящимся напро-

---

[1]) *Tomek*, Přibeh o dobyté Prahy od knížete Oldřicha na Boleslawowi Chrabrém r. 1004 (въ Časopis 1849, II), стр. 32, прим. 3, и Dějepis m. P., I, 17 полагаетъ, что Жижи имѣетъ миеическое значеніе и что въ немъ сохранилась память о прежнемъ языческомъ культѣ въ этомъ мѣстѣ. Hanuš, Děva zlatovalasá bohyně pohanskych Slovanův (въ Abh. d. k. b. Ges. d. Wiss, 11 Folge, томъ II), стр. 259 слѣд., и Mythische Antheil, l. c., стр. 31, старается доказать, что здѣсь было мѣсто религіознаго культа божествъ Дѣвы (Любуши) и Сватовита (Пресмысла). Наконецъ *Wocel*, Pravěk, стр. 374 высказываетъ мнѣніе, что здѣсь поклонялись Живѣ, богинѣ плодородія, римской Церерѣ, у литовцевъ Жива.

[2]) *Tomek*, Stará swědectwi o hradu Děwinu bliž Prahý, въ Časopis, 1846, стр. 730 слѣд. Dějepis m. P., I, 5. *Wocel*, Pravěk, стр. 404.

[3]) Уже *Tomek*, Děj. m. P., I, 5, указалъ на вѣроятное миеическое происхожденіе имени. Сравни *Hanuš*, Děva, l. c., стр. 272; Myth. Antheil, l. c., стр. 29 слѣд. *Костомаровъ*, Славянская миеологія. Кіевъ 1847, стр. 43.

[4]) *Tomek*, l. c. высказываетъ предположеніе, что названіе Chrwasten только поэтическое прозвище и что городъ въ народныхъ пѣсняхъ обозначался: Wyšehrad chwrasten, то-есть оброcшій кустарникомъ.

тивъ его разореннымъ городомъ Дѣвиномъ. Какъ упоминаемые въ сказаніи о Крокѣ и его трехъ дочеряхъ города, такъ и приводимые въ двухъ послѣднихъ сказаніяхъ города — Прага, Вышеградъ и Дѣвинъ — указываютъ на центръ страны чеховъ. Они свидѣтельствуютъ о постепенномъ сосредоточеніи этого племени и объ увеличивающемся его централизующемъ значеніи во всей странѣ.

О третьемъ сказаніи намъ приходится говорить только теперь, такъ какъ оно по своему происхожденію, несомнѣнно, болѣе позднее, чѣмъ два ему предшествующія. Сказанія о Крокѣ и его дочеряхъ, а также о Прагѣ и дѣвичьей войнѣ были тѣсно связаны съ упоминаемыми въ нихъ городами. Въ первомъ связывающее начало составляло воспоминаніе о сохранившихся памятникахъ, въ двухъ послѣднихъ разказъ выведенъ изъ объясненія имени. Между тѣмъ, въ третьемъ сказаніи мы встрѣчаемъ уже подробное преданіе въ родѣ тѣхъ, какія доходятъ до насъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ немъ описывается недовольство народа приговоромъ Любуши и его желаніе имѣть князя. Посланцы Любуши и народа спѣшатъ въ Стадицы, на рѣкѣ Билѣ, гдѣ они застаютъ Премысла пашущимъ, и привѣтствуютъ его, счастливаго человѣка, какъ „князя богами предопредѣленнаго". Послѣдній надѣваетъ на себя княжескую одежду и обувь и отправляется въ замокъ, гдѣ празднуетъ свое бракосочетаніе съ Любушей (I, 48).

И въ этомъ сказаніи мы находимъ три историческихъ момента; вопервыхъ, упомянутый городъ Любуши; вовторыхъ, поле Премысла близъ Стадицъ: est fluvius non adeo magnus nomine Belina, cuius super ripam dinoscitur esse villa nomine Stadici; huius in territorio est novale unum, in longitudine et in latitudine XII passuum (I, 5) [1]); втретьихъ, наконецъ, обувь Премысла, которую показывали еще во времена Козьмы: tulit secum suos coturnos ex omni parte consutos, quos fecit servari in posterum, et servantur Wissegrad in camera ducis usque hodie et in sempiternum (I, 7) [2]). Очевидно, что здѣсь историческій элементъ значительнѣе, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ сказаніяхъ: не только одно имя Премысла связано съ тремя памятниками, но и послѣдніе опредѣляются гораздо точнѣе. Во то время какъ до сихъ поръ мы были ограничены въ центрѣ Чехіи, на области племени чеховъ, Стадицы указываютъ на болѣе отдаленную мѣстность, на область другаго племени, вѣроятно лемузовъ. Приведеніе

---

[1]) *F. Beneš*, Stadice, въ Památky arch. a míst., VII (1886), стр. 35 слѣд.

[2]) *Dobner*, l. c., 161. *Palacký*, Dějiny, I, 1, стр. 106, примѣч. 35.

этого мѣста въ связь съ замкомъ Любуши и хранившеюся въ Вышеградѣ обувью Премысла наводитъ на мысль, что обѣ области находились въ извѣстнаго рода взаимныхъ внутреннихъ отношеніяхъ. Тутъ усматривается намекъ на распространеніе вліянія племени чеховъ за предѣлы первоначальнаго центра и на расширеніе его территоріи. Что это совершилось, какъ повѣствуетъ сказаніе, мирнымъ путемъ, черезъ брачный союзъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

О степени миѳической примѣси и въ этомъ сказаніи о Премыслѣ [1]) между прочимъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что народная молва съ его именемъ связывала возникновеніе всѣхъ правовыхъ институтовъ; цѣлый рядъ событій, которыя во всякомъ случаѣ могли совершиться только въ теченіе болѣе долгаго періода, въ народномъ представленіи пріурочиваются къ родоначальнику царствующаго дома. Самая рѣчь Любуши, въ которой она рисуетъ княжескую власть и на которую нерѣдко ссылались для опредѣленія внутреннихъ правовыхъ отношеній, не можетъ имѣть исторической основы: она даже и не входила въ составъ первоначальнаго сказанія, а вставлена Козьмой какъ риторическое украшеніе. Сопоставленіе ея съ рѣчью Самуила къ народу, требующему отъ него царя, достаточно подтверждаетъ такого рода предположеніе.

Cosmas I, 5.

Aut si nescitis, quae sunt iura ducis, temptabo vobis ea verbis dicere paucis... Vos ipsos et ex vobis, quos sibi libet, alios servos, alios rusticos, alios tributarios, alios exactores, alios tortores, alios praecones, alios cocos seu pistores aut molendinarios faciet. Constituet etiam sibi tribunos, centuriones, villicos, cultores vinearum simul et agrorum, messores segetum, fabros armorum, sutores pellium diversarum et coriorum. Filios vestros et filias in obsequiis suis ponet; de bubus etiam et equis siue equabus seu peccoribus vestris optima quaeque ad suum palatium tollet. Omnia vestra, quae sunt potiora, in villis, in campis, in vineis auferet et in usus suos rediget.

I Reges VIII, 11—17.

Hoc erit ius regis, qui imperaturus est vobis: Filios vestros tollet, et ponet in curribus suis, facietque sibi equites et percursores quadrigarum suarum, et constituet sibi tribunos, et centuriones, et oratores agrorum suorum, et messores segetum, et fabros armorum et curruum suorum. Filias quoque vestras faciet unguentarias, et focarias, et panificas. Agros quoque vestros, et vineas, et oliveta optima tollet, et dabit servis suis. Sed et segetes vestras, et vinearum reditus addecimabit, ut det eunuchis et famulis suis. Servos etiam vestros, et ancillas, et juvenes optimos, et asinos auferet, et ponet in opere suo. Greges quoque vestros addecimabit, vosque eritis ei servi.

---

[1]) Сравни *Hanuš*, l. c.; *Krause*, l. c.

Въ этомъ описаніи нѣкоторыя черты могли бы относиться развѣ до самаго времени Козьмы, какъ то явствуетъ изъ сопоставленія съ другимъ мѣстомъ въ его времена, гдѣ онъ изображаетъ современные ему нравы.

I, 5.	III, prol.
Ad cuius vocem praenimio pavore vix respondebitis: ita domine, ita domine!	Homines neophiti atque itaci, qui ad vocem ducis nihil aliud tam promptum in ore habent quam: ita domine, alius: ita est, domine, tertius: ita fac domine.

Въ 6-мъ послѣднемъ сказаніи описывается борьба князя лучанъ Властислава съ княземъ чеховъ Неклановъ. Первый тѣснилъ чеховъ и построилъ противъ нихъ, на границѣ провинцій Бѣлины и Лютомеричей, городъ, который наименовалъ Властиславомъ. Предводитель войска чеховъ Тыръ, однако, побѣдилъ князя лучанъ въ кровопролитной битвѣ на полѣ Турско, причемъ какъ онъ, такъ и Властиславъ пали. Затѣмъ Некланъ вторгся въ землю лучанъ, опустошилъ ее, не находя никакого отпора, разорилъ города и сжегъ селенія. Малолѣтняго сына Властислава онъ пощадилъ и велѣлъ ему выстроить на равнинѣ городъ, названный Драгушъ. Опекунъ юноши убилъ его, въ надеждѣ снискать себѣ милость Неклана, но былъ однако за это имъ казненъ (I, 10—13).

И тутъ мы имѣемъ дѣло со сказаніемъ, какъ это Козьма самъ обозначаетъ: ut fama referente audivimus (I, 10). Здѣсь миѳъ сплетенъ съ исторіей, но въ то же время замѣчается значительное усиленіе историческаго элемента. Историческіе моменты слѣдующіе: 1) города Лѣвый Градецъ [1]), Властиславъ [2]) (I, 10) и Драгушъ (I, 13) [3]); 2) campus, qui dicitur Tursko (I, 10, 12) [4]); 3) надгробный холмъ Тыра на полѣ Турско: unde et hodie nominatur militis acerrimi bustum Tyri (I, 12) [5]); 4) ольха, на которой повѣ-

---

[1]) *Dobrowsky*, Kritische Versuche, въ Abh. d. k. b. G. d. W., I (1808), стр. 95.— *Tomek*, Dějepis m. P., стр. 6, примѣч. 10; O star. rozd. Čech, l. c., стр. 249. — *Wocel*, Pravěk., стр. 405 слѣд.

[2]) *Schaller*, l. c., V, стр. 86.—*Kalina v. Jäthenstein*, B. h. O., l. c., стр. 148 слѣд. — *Tomek*, O st. rozd. Čech, въ Časopis 1859, стр. 182. — *Wocel*, Pravěk, стр. 406.

[3]) F. *Beneš*, Postoloprty-Draguš, въ Památky, VIII (1868), стр. 136 слѣд. — *Tomek*, O st. rozd. Čech, въ Časopis 1858, стр. 496.

[4]) *Schaller*, l. c., I, 221.—*Tomek*, l. c., стр. 249, 493.

[5]) *Dobner*, l. c., III, 106, 108. — *Dobrowsky*, Begräbnissart der alten Slaven и т. д., стр. 340. — *Kalina v. Jäthenstein*, l. c., стр. 215.—*Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 98 слѣд., 136.

сился сербъ, убійца сына Властислава: unde alnus illa quamdiu non cecidit, quia iuxta viam erat, dicta est alnus Durinci (I, 13); 5) наконецъ, въ битвѣ участвуютъ какъ племена чеховъ и лучанъ, такъ и duae provinciae Belina et Lutomerici (I, 10) [1]). И такъ сказаніе имѣетъ весьма богатое историческое содержаніе. Уже въ сказаніи о Премыслѣ сохранившіеся памятники выходили за границы племени чеховъ, заставляя предполагать существованіе сношеній между ними и племенемъ лемузовъ въ провинціи Бѣлинѣ. Топографическія данныя разсматриваемаго сказанія не только это подтверждаютъ, но кромѣ того, рядомъ съ лемузами, указываютъ также и на лютомиричей, какъ союзниковъ чеховъ. Встрѣчающіяся топографическія указанія далѣе приводятъ насъ въ область лучанъ, гдѣ чехи построили городъ Драгушъ для усиленія своего владычества. Еще во времена Козьмы племя это отличалось надменнымъ воинственнымъ духомъ [2]). И для мѣстности, гдѣ произошла битва между обоими племенами, указанія весьма точны: это поле Турско, находящееся въ разстояніи 2 стадій отъ твердыни Лѣваго Градца, на которомъ еще во время Козьмы былъ видѣнъ курганъ Тыра. Такимъ образомъ несомнѣнно видно, что племя чеховъ пріобрѣтало все большую власть въ странѣ и сосѣднія племена подчинило своему вліянію. Что подчиненіе лучанъ, какъ повѣствуетъ сказаніе, произошло посредствомъ меча, въ этомъ нѣтъ ничего не возможнаго. Важное значеніе этой борьбы, если сравнить ее съ мелкими распрями съ сосѣдними племенами, могло быть причиной, что сказаніе о томъ получило большое распространеніе и сохранилось до времени Козьмы.

Помимо богатаго историческаго содержанія, въ сказаніи замѣчается также и присутствіе миѳическаго элемента. На него прежде всего указываетъ самая основная мысль языческаго характера сказанія о гнѣвѣ боговъ, отвернувшихся отъ побѣдоносныхъ лучанъ и склонившихся на сторону чеховъ. Миѳическаго происхожденія, далѣе, мысль о вліяніи демоническихъ силъ и представленіе о тучѣ птицъ, затемняющей воздухъ [3]). Наконецъ, и самое построеніе или стиль

---

[1]) *Tomek*, O st. rozd. Čech, въ Časopis 1859, стр. 182. Сравни *Jireček*, Slov. pravo, I, 45, 51—53; Recht in B. u. M., I, 16, 19, 20.

[2]) Dux Lucensis, ferocissimus mente, cum superbissima gente, quibus et hodie a malo innatum est superbire (I, 12).

[3]) О миѳическомъ элементѣ сказанія говоритъ *Komárek*, Verhältniss des Gedichtes Čestmir der König. Handschrift zur Geschichte und Kritik der Neclansage, въ Sitzungsb. d. k. b. G. d. W. in Prag, 1868, II, стр. 4 слѣд. Сравни также Wiener Jahrbücher, VI, стр. 159.

разказа указываетъ, какъ и въ сказаніи о Премыслѣ, что въ основѣ его лежала эпическая пѣсня [1]).

До сихъ поръ мы, по мѣрѣ возможности, стремились опредѣлить историческое начало каждаго сказанія. Но кромѣ этихъ сказаній, у Козьмы для IX столѣтія можно прослѣдить еще другой элементъ, каковымъ является родословная царствующихъ князей изъ дома Премысловичей. Родословная начинается съ Премысла и идетъ до Боривоя, принявшаго христіанство. Первоначально она была во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ сухой именной списокъ князей, который Козьма, со свойственной ему манерой, разукрасилъ и передалъ намъ въ нижеслѣдующемъ видѣ:

Premizl iam plenus dierum
postquam iura instituit legum,
quem coluit vivus ut deum,
raptus est ad Cereris generum.
Cui Nezamizl successit in regnum.
Hunc ubi mors rapuit,
Menata principales
obtinuit fasces.
Quo decendente ab hac vita,
Vogen suscepit rerum gubernacula.
Huius post fatum
Unezlau rexit ducatum.
Cuius vitam dum rumpunt Parcae,
Crezomisl locatur sedis in arce.
Hoc sublato e medio,
Neclan ducatus potitur solio.
Hic ubi vita decessit,
Gostivit throno successit (I, 9).

О всѣхъ этихъ князьяхъ онъ ничего не можетъ сообщить, quia non erat illo in tempore, qui stilo acta eorum commendaret memoriae; sed sileamus de quibus siletur. Немногія слова, которыя онъ въ состояніи о нихъ сказать, только выраженія общаго характера, вдобавокъ заимствованныя отъ Саллюстія:

Cosmas I, 9.	Sallustius (De conj. Cat., c. 2).
Horum igitur principum de vita aeque et morte siletur, tum quia ventri et somno dediti, inculti et indocti assimilati sunt pecori, quibus profecto contra naturam corpus voluptati, anima fuit oneri.	Sed multi mortales, dediti ventri atque somno, indocti incultique vitam sicuti peregrinantes transiere: quibus profecti contra naturam corpus voluptati, anima oneri fuit. Eorum ego vitam mortemque iuxta aestumno, quoniam de utroque siletur.

[1]) Сравни Jos. u. Herm. *Jireček*, Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Prag 1862, стр. 103 и слѣд.

Отозвавшись въ такомъ смыслѣ объ означенныхъ князьяхъ, Козьма оканчиваетъ родословную ихъ:

Gostivit autem genuit Borivoy (I, 10)

и въ короткихъ словахъ сообщаетъ о принятіи послѣднимъ св. крещенія. Затѣмъ онъ свое повѣствованіе продолжаетъ: Nec superfluum esse iudicavimus, quod referente fama audivimus, huic operi nostro hoc in loco summatim literarum apicibus inserere bellum etc; это сказаніе о Неклавѣ, о которой рѣчь была выше. Врядъ ли можетъ быть оспариваемо, что Козьма тутъ черпалъ свои извѣстія изъ разныхъ источниковъ: съ одной стороны онъ передаетъ намъ сухой списокъ князей, съ другой же сообщаетъ подробныя сказанія. Лучшимъ доказательствомъ тому, какъ мало онъ съумѣлъ слить эти оба источника, является сказаніе о Неклавѣ, которое онъ вставляетъ уже послѣ того, какъ сообщилъ о крещеніи Боривоя, относящемся къ позднѣйшему времени.

Списокъ князей, вѣроятно, былъ составленъ по введеніи въ Чехію христіанства [1]). Въ немъ никакъ нельзя усматривать особое народное сказаніе, такъ какъ въ сказаніи мы никогда не встрѣтимъ сухаго перечисленія именъ, но непремѣнно эпическое изображеніе отдѣльныхъ выдающихся событій. Списокъ этотъ несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для древнѣйшей исторіи Чехіи, представляя собой прочную основу, которая подкрѣпляетъ историческія указанія, содержащіяся въ передаваемыхъ Козьмой сказаніяхъ. Онъ намъ сообщаетъ весь рядъ правителей изъ рода чеховъ, начиная съ Премысла, который такимъ образомъ является первою удостовѣренной исторіею личностью.

Итакъ, вся страна, по Козьмѣ, въ древнѣйшее время распадалась на различныя племена [2]). Центръ уже въ раннее время составляло племя чеховъ, имѣвшее въ принадлежавшей ему области многочисленные города. Удостовѣренный рядъ князей этого имени начи-

---

[1]) По мнѣнію *Томка*, Apologie, l. c., стр. 14 слѣд., можетъ быть, еще раньше рунами. Сравни *Hanuš*, Einführung des Schriftthums in Böhmen in der Zeit des Ueberganges des Heidenthums in's Christenthum, въ Sitzungsb. d. k. b. G. d. W. in Prag, 1867, I, стр. 62 слѣд.

[2]) Названія племенъ намъ извѣстны главнымъ образомъ изъ грамоты Пражскаго епископства отъ 1086 г., на которой мы подробнѣе впослѣдствіи остановимся. Сравни *Kropf*, Die älteste Eintheilung des Landes Böhmen, въ Jahrbücher d. böhm Mus. für Natur-und Länderkunde, Gesch., Kunst u. Lit., 1830, стр. 387 слѣд. *Tomek*, O starém rozdělení Čech na župy a pozdějším na kraje, въ Časopis 1858, стр. 222 слѣд., 327 слѣд., 476 слѣд.; 1859, стр. 167 слѣд.

нается съ Премысла, который, повидимому, былъ основателемъ новой династіи. При немъ и его преемникахъ вліяніе чеховъ распространилось на сосѣднія племена, частью мирнымъ путемъ, частью силой оружія. Это, въ краткихъ словахъ, историческій элементъ въ изложеніи Козьмы древнѣйшей чешской исторіи, на сколько онъ опирается на историческія данныя. Города, упоминаемые въ передаваемыхъ имъ сказаніяхъ, частью сохранились до нашего времени, частью же можно распознать остатки или развалины ихъ, что намъ даетъ право заключить о прежнемъ существованіи также и немногихъ не сохранившихся. Изложенію Козьмы, наконецъ, нисколько не противорѣчатъ указанія нѣмецкихъ источниковъ, Annales Fuldenses и Регинона.

Инымъ представляется вопросъ о томъ, какъ Козьма передалъ миѳическій элементъ сказаній. Нельзя не признать, что въ его изложеніи сказанія утратили много изъ своего первоначальнаго народнаго характера. Онъ любитъ блеснуть своей ученостью, причемъ образцами краснорѣчія и риторическаго стиля ему служатъ древніе писатели. Пытаясь придать своему разказу миѳическій колоритъ, Козьма обращается къ классической древности и славянскія божества замѣняетъ греческими и римскими. Странно поражаетъ, когда древніе чехи выступаютъ въ римскомъ облаченіи и произносятъ рѣчи, заимствованныя изъ Саллюстія и Ветхаго Завѣта. Въ подобныхъ рѣчахъ не столько отражается личность ихъ произносящаго, сколько самого историка, который по своему образованію далеко превосходилъ своихъ современниковъ. Самое ядро сказаній, въ основѣ которыхъ лежатъ исторически удостовѣренные факты, Козьма, безъ сомнѣнія, передалъ намъ согласно истинѣ, но въ деталяхъ ихъ изложенія не замѣтно простаго отпечатка народнаго сказанія; напротивъ, онѣ отражаютъ тонкости школьной учености его времени.

Оцѣнка исторіи Чехіи до X вѣка, въ изложеніи Козьмы, могла быть установлена только посредствомъ тщательной внутренней критики сообщаемыхъ имъ извѣстій. Совершенное отсутствіе какихъ-либо другихъ источниковъ касательно внутренняго состоянія Чехіи лишало насъ возможности сравнить его хронику съ другими извѣстіями. За то со времени крещенія Боривоя критика становится уже болѣе внѣшнею, такъ какъ мы тутъ въ состояніи не только провѣрить его извѣстія по другимъ сообщеніямъ, но отчасти даже сравнить ихъ съ тѣми источниками, которыми онъ самъ пользовался. Для древнѣйшаго христіанскаго періода, то-есть X столѣтія, у него имѣлись, по его же словамъ, какъ письменныя извѣстія, такъ и устныя преданія. „Теперь

я намѣренъ", выражается онъ относительно послѣднихъ, „очинить мое неумѣлое, но добронамѣренное перо для описанія замѣчательныхъ событій, удостовѣренныхъ правдивымъ разказомъ вѣрующихъ" (I, 13). Но и тутъ Козьма строго отличаетъ устныя преданія X вѣка отъ преданій XI вѣка и соотвѣтственно этому отъ 1-й книги ко 2-й переходитъ со слѣдующими словами: „Но такъ какъ, по изреченію св. Іеронима, иначе разказываешь то, что слышалъ, и иначе, что вымышлено, и что лучше знаешь, то и лучше излагаешь, то мы теперь имѣемъ въ мысляхъ, съ Божьей и св. Адальберта помощью, разказать то, что сами видѣли или же отъ очевидцевъ за достовѣрное узнали" (I, 42). Вполнѣ надежными устныя преданія могли становиться, конечно, лишь по мѣрѣ приближенія событій къ его времени и когда онъ имѣлъ возможность опираться на сообщенія очевидцевъ. Врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что для христіанскаго періода Козьма долженъ былъ имѣть сравнительно богатый источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ хронологическія указанія, встрѣчаемыя въ его хроникѣ. Прежде всего тутъ, конечно, долженъ быть принимаемъ во вниманіе матеріалъ, который онъ не могъ не найдти въ соборѣ св. Вита въ Прагѣ.

Въ всякомъ случаѣ при епископскомъ соборѣ велись некрологи, въ которыхъ отмѣчались, во-первыхъ, дни кончины епископовъ, затѣмъ царствующихъ князей и членовъ княжескаго дома. На самомъ дѣлѣ у Козьмы видны слѣды подобнаго рода источника; первыя извѣстія, имъ оттуда заимствованныя, суть годы кончины св. Вячеслава (I, 17) и Болеслава I (I, 21).

Съ цѣлью убѣдиться, на сколько добросовѣстно Козьма пользовался означенными источниками, то-есть какія выдержки онъ оттуда сдѣлалъ, мы подвергли немногіе сохранившіеся до нашего времени чешскіе некрологи тщательному разсмотрѣнію, причемъ оказалось, что въ данномъ случаѣ можетъ быть принято во вниманіе только Necrologium Bohemicum [1]). Некрологъ дошелъ до насъ въ рукописи XII столѣтія, хранящейся въ Вѣнской придворной библіотекѣ и принадлежавшей прежде Опатовицкому монастырю; некрологъ написанъ на поляхъ мартиролога рукою одного и того же переписчика. Онъ доведенъ до 1167 года и, очевидно, получилъ начало не въ означенномъ монастырѣ, такъ какъ въ немъ не встрѣчается ни одной замѣтки,

[1]) Изданъ Добнеромъ, Monum. hist. Bohemiae III, p. 9—16, съ предисловіемъ, p. 1—6.

которая относилась бы къ монастырю. Главное вниманіе въ немъ, напротивъ, обращено съ одной стороны на событія, касающіяся всей Чехіи, съ другой же въ частности Праги. Эти замѣтки въ некрологѣ вкратцѣ слѣдующія: 1) годы кончины всѣхъ чешскихъ князей съ Вратислава I до Владислава I († 1125), за исключеніемъ св. Вячеслава, а также Болеслава I, II и III; 2) годы кончины многихъ другихъ членовъ княжескаго дома, имена которыхъ частью извѣстны только изъ этого некролога; 3) годы кончины почти всѣхъ пражскихъ епископовъ до Даніила († 1167); 4) годы кончины 4 моравскихъ епископовъ; 5) годы кончины 3 другихъ епископовъ; 6) годы кончины 14 протоіереевъ, изъ числа которыхъ одни, какъ доказано, принадлежали къ Пражской, Вышеградской и Болеславской церквамъ, между тѣмъ какъ относительно другихъ не извѣстно, состояли ли они также при этихъ церквахъ; 7) годы кончины 3 декановъ, изъ которыхъ 1 или 2 принадлежали къ Пражской церкви, третій же не извѣстенъ; 8) годы смерти 13 канониковъ, изъ которыхъ 2 несомнѣнно принадлежали къ Пражскому соборному капитулу; 9) годы смерти 5 аббатовъ; 10) годы смерти 3 аббатисъ, которыя были, очевидно, настоятельницами монастыря св. Георгія въ Прагѣ; 11) годы кончины разныхъ другихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, какъ то можно доказать, принадлежали къ Пражскому соборному капитулу" [1]).

На основаніи приведенныхъ датъ мы приходимъ къ заключенію, что источникъ Necrologii Bohemici весьма древній и, какъ видно, доходитъ до первой половины X столѣтія; ни въ какомъ другомъ некрологѣ мы не встрѣчаемъ столь богатыхъ свѣдѣній о годахъ кончины болѣе раннихъ князей. Некрологъ, очевидно, былъ самостоятельнымъ синодикомъ, до насъ не дошедшимъ, въ который вписывались годы смерти современниковъ. Первоначально синодикъ могъ существовать только въ Прагѣ, при соборѣ св. Вита, такъ какъ съ одной стороны только учрежденіе этой церкви и состоявшаго при ней капитула

---

[1]) Любопытна также въ некрологѣ замѣтка: V. Kl. Novembr. Hic interfecti sunt Ursenses. Dobner (l. c., p. 15, adn. g) и Hirsch (Jahrb. d. d. R. u. Heinrich II, томъ I, стр. 449) того мнѣнія, что замѣтку эту слѣдуетъ свести съ извѣстіемъ Козьмы (I, 37): A. 1003. Hic interfecti sunt Wrissowici. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Ursenses не болѣе, какъ искаженное чтеніе Ursevici. Но все-таки оба извѣстія не могутъ быть отожествлены, такъ какъ убіеніе Вершовичей и другихъ знатныхъ людей произошло въ 1003 году, на сырной недѣлѣ (Thietmar, V. 18); замѣтку некролога слѣдуетъ отнести скорѣе къ катастрофѣ 1108 года.

относится къ столь раннему времени, тогда какъ съ другой всѣ сообщаемыя въ некрологѣ извѣстія вообще указываютъ па Пражскій соборъ. Мы поэтому не думаемъ ошибаться, признавая Necrologium Bohemicum за выписку изъ древняго синодика Пражскаго собора св. Вита. Что въ данномъ случаѣ Necrologium Bohemicum не можетъ быть разсматриваемо, какъ первоначальный синодикъ, а лишь какъ выписка или выдержка изъ таковаго, между прочимъ, видно уже изъ того обстоятельства, что въ немъ указанъ годъ кончины Вратислава I, тогда какъ для св. Вячеслава, Болеслава I, II и III такихъ указаній не имѣется.

Итакъ, до насъ дошли двѣ выдержки изъ древняго пражскаго синодика, изъ которыхъ одна сохранилась въ хроникѣ Козьмы, другая въ такъ называемомъ Necrologium Bohemicum. Ниже мы приводимъ мѣста, заимствованныя Козьмой изъ этого источника, сопоставляя съ ними, для сравненія, соотвѣтствующія извѣстія, которыя встрѣчаются въ Necrologium Bohemicum:

Cosmas.	Necrologium Bohemicum.
IV Kalend. Octobris sanctus Wenceslaus, dux Boemiorum (I, 17).	
Idus Iulii dux Bolezlaus (I, 21).	
4 Non. Ian. praesul Dethmarus (I, 24).	IIII Non. Ian. Detmarus episcopus Pragensis.
IX Kalendas Maii praesul Adalbertus (I, 31).	
IV Idus Iunii Teadagus tertius episcopus Pragensis ecclosiae (I, 39).	III Idus Iunii Tegdagus episc. Prag eccl.
VI Idus Augusti Occardus quartus episcopus Pragensis ecclesiae (I, 40).	VI Id. Aug. Ekardus ep. Prag.
III Kal. Februarii Izzo quintus episcopus Pragensis ecclesiae (I, 41).	III Kal. Febr. Iczo episcopus Pragensis ecclesiae.
V Idus Novembris dux Oudalricus (I, 42).	V Idus. Nov. Odalricus dux.
Pridie Nonas Novembris dux Iaromir (I, 42).	II Non. Nov. Iaromir dux.
IV Idus Ianuarii dux Bracizlaus (II, 13).	IIII Idus. Ian. Bracizlaus dux.
IV Nonas Augusti Iudita, coniux Bracizlavi, ductrix Boemorum (II, 17).	IIII Non. Aug. Iudita ductrix.
V Kal. Februarii dux Spitignev (II, 17).	V Kl. Febr. Spitigneus dux.
VI Kal. Februarii ductrix Adleyth (II, 20).	

XIII Kal. Decembris Wratizlaus (I, 20).	XIII Kl. Dec. Vratislaus filius regis Vratislai.
V Idus Decembris Severus sextus. Pragensis ecclesiae episcopus (II, 21).	V Id. Dec. Severus ep. Prag. eccl.
XVIII Kal. Decembris Marcus praepositus Pragensis ecclesiae (II, 26).	XVIII Kl. Dec. Marcus prepositus.
VIII Kal. Ian. Iuditha, coniux Wladizlai, ducis Poloniorum (II, 36).	
V Idus Iunii Otto, dux Moraviae (II, 38).	V Idus Iunii Otto dux Morav.
VI Kal. Iulii praesul Gebeardus (II, 41).	VI Kl. Iulii Gebardus episc. Prag.
III Idus Augusti Bolezlaus filius regis Wratizlai (II, 43).	IIII Idus Aug. Bolezlaus filius regis Uuratislai.
XIX Kal. Februarii rex Wratizlaus (II, 50).	XVIII Kl. Febr. Wratizlaus dux.
VIII Idus Sept. dux Chounradus (II, 50).	VIII Idus Sept. Konradus dux B.

Согласованіе извѣстій Козьмы и означеннаго некролога въ приведенныхъ выше случаяхъ ясно до очевидности. Единственныя встрѣчающіяся отступленія, три числомъ, заключаются въ томъ, что первый приводитъ: IIII Idus Iunii, III Idus Augusti и XVIIII Kal. Februarii, тогда какъ въ некрологѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ значится: III Idus Iunii, IIII Idus Augusti и XVIII Kal. Februarii. Отступленія эти настолько не значительны, что нѣтъ надобности на нихъ останавливаться: по всей вѣроятности они являются погрѣшностями переписчика, тѣмъ болѣе, что Necrologium Bohemicum сохранилось только въ одномъ спискѣ. За то изъ сравненія становится яснымъ, что Козьма добросовѣстно пользовался пражскимъ синодикомъ и сдѣлалъ оттуда дословныя выписки. Имена и дни кончины имъ не вымышлены, въ чемъ его обвиняли, но добросовѣстно заимствованы изъ имѣвшагося у него источника. Единственный упрекъ, который можетъ быть сдѣланъ Козьмѣ, тотъ, что онъ не вполнѣ воспользовался встрѣчающимися въ некрологѣ указаніями, такъ какъ даже позднѣйшій Necrologium Bohemicum еще содержитъ извѣстія, которыя Козьма не счелъ нужнымъ занести въ свою хронику [1]).

Далѣе, весьма вѣроятно, что помимо некрологовъ, при Пражской

[1]) По мнѣнію Мейнерта, l. c., стр. 28, Козьма будто бы также воспользовался некрологами монастырей въ Бревновѣ и Мельникѣ, въ чемъ мы, однако, не можемъ убѣдиться.

соборной церкви велись также и списки епископовъ. Въ нихъ во всякомъ случаѣ отмѣчались день и годъ посвященія и рукоположенія епископовъ. Начало такого рода списковъ не можетъ быть отнесено ранѣе, какъ къ послѣднимъ годамъ X столѣтія, ко времени св. Адальберта, а еще болѣе вѣроятно—третьяго пражскаго епископа Теадага. Подтвержденіе нашего предположенія мы видимъ въ томъ, что Козьма о первомъ пражскомъ епископѣ не даетъ намъ точныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ заимствованнаго имъ изъ некролога дня кончины, какъ и вообще всѣ сообщаемыя имъ относительно этого епископа, а также св. Адальберта хронологическія даты совсѣмъ не вѣрны. О значеніи разсматриваемаго теперь источника для двухъ первыхъ епископовъ рѣчь будетъ ниже. Вполнѣ надежнымъ онъ становится лишь съ третьяго епископа и, начиная съ него, Козьма, очевидно, заимствовалъ оттуда для своей хроники слѣдующія извѣстія:

Anno dom. inc. 998 Nonis Iulii consecratus est Teadagus (I, 31).

Anno dom. inc. 1018 successit Heccardus praesul (I, 39).

Izzo ordinatus est anno dom. inc. 1023, IV Kal. Ianuarii ab archiepiscopo Maguntino (I, 40).

Anno dom. inc. 1031 sanctorum apostolorum Petri et Pauli in natalitio ordinatus est Severus episcopus a Maguntino archiepiscopo (I, 41). Къ сожалѣнію, далѣе мы не можемъ прослѣдить вліяніе первоначальнаго пражскаго списка епископовъ на Козьму или, другими словами, сдѣланныя имъ оттуда заимствованія; сообщаемый Добнеромъ [1]) списокъ не болѣе какъ позднѣйшая компиляція XVI столѣтія. И при Ольмюцкой (епископальной церкви велся подобный же списокъ, который и донынѣ сохранился (Granum Catalogi episcoporum Olomucensium).

Наконецъ, Козьма, безъ сомнѣнія, имѣлъ еще другой историческій источникъ, весьма важный для хронологіи, именно анналы или лѣтописи. Самъ онъ прямо указываетъ на него, въ предисловіи къ I-ой книгѣ, обращаясь къ магистру Гервасію словами: Annos autem dominicae incarnationis idcirco a temporibus Borivoy primi ducis catholici ordinare coepi, quia in initio huius libri nec fingere volui nec cronicam reperire potui, ut, quando vel quibus gesta sint temporibus scirem, quae ad praesens recitabis in sequentibus. Итакъ, начиная со времени князя Боривоя, у Козьмы, по его собственному свидѣтельству, имѣлась лѣтопись „для того, чтобы знать когда и въ какое

[1]) l. c., стр. 37—39.

время происходили событія". Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ данномъ случаѣ должны быть принимаемы во вниманіе анналы, которые были записаны также при каѳедральномъ соборѣ Чехіи, такъ какъ только въ нихъ именно Козьма и могъ найдти необходимыя для его историческаго труда хронологическія данныя. Въ виду того, что вопросъ о чешскихъ анналахъ въ литературѣ въ общемъ остался недостаточно освѣщеннымъ, мы полагаемъ своей обязанностью подробнѣе остановиться на возникновеніи древнѣйшихъ анналъ въ Чехіи и уяснить ихъ отношеніе къ чужеземнымъ анналамъ.

До насъ, во первыхъ, дошли краткіе чешскіе анналы, извѣстные подъ названіемъ Annales Pragenses [1]). Встрѣчаются они въ одной рукописи Бамбергской библіотеки. Самая рукопись содержитъ, между прочимъ, анналы итальянскаго монастыря La Cava, несомнѣнно итальянскаго письма; рядомъ съ ними приписаны нѣмецкимъ письмомъ начала XIII ст. чешскіе анналы, съ интерполяціями и замѣтками изъ другихъ нѣмецкихъ анналъ. Издатель ихъ Перцъ [2]) и послѣ него Дюмлеръ [3]), Бюдингеръ [4]), Ваттенбахъ [5]), Дудикъ [6]) и, наконецъ, издатели польскихъ анналъ Рёпель и Арндтъ [7]) считали эту редакцію копіей древнихъ пражскихъ анналъ и поэтому приписывали ей большое значеніе въ историческомъ отношеніи. Ваттенбахъ относительно нихъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Можетъ быть, въ одиннадцатомъ столѣтіи стали вести въ Пражской церкви анналы, которые съ 997 г. становятся надежными, хотя и не безъ ошибокъ; немногія хронологическія числа болѣе ранней исторіи Чехіи отъ 894 до 968 были дополнены по сложному исчисленію и всѣ безъ исключенія не вѣрны

---

[1]) Изданіе въ *MM. G. SS.* III, 119—121; Fontes rer. Boh., II, 376—380.

[2]) l. c., p. 119: Annales Pragenses quidem tunc ex codice antiquiori desumtos esse, adnotationum ratio indicat; quarum cum annalibus Corbeiensibus et fontibus Cosmae monachi Sassawensis necessitudo, partem primam decimo seculo adsignat.

[3]) De Bohem. condicione Carolis imp., p. 17, adn. 2: Quamquam codex horum annalium saeculo demum XIII scriptus est, tamen quin ei saeculo iam decimo ineunte componi coepti sint, vix in dubium venire potest. Vitiis autem in temporum rationum commissis minime vacant.—p. 19. adn. 8: in dubium vocari vix potest, quin (Cosmas) ex fonte annalium Pragensium eodem anno inchoantium hauserit, sed ex codice eorum nonnullis locis a nostris discrepante.

[4]) Oesterr. Gesch. bis zum Ausgange des XIII J., томъ I.

[5]) D. G. II, 152, 153. Die Slawische Liturgie in Böhmen, въ Abh. der hist.-phil. Gesellschaft in Breslau, томъ I (1857 г.), стр. 223.

[6]) M. G., IV, 163.

[7]) Annales Poloniae, къ *MM. G. SS. XIX*. 575.

И далѣе анналы не имѣютъ слишкомъ большаго значенія и не написаны всегда одновременно". По мнѣнію Ваттенбаха, Козьма этими анналами воспользовался для своей хроники [1]). Въ прямой противоположности къ предположенію Ваттенбаха, Кёпке [2]) старается доказать что Козьма не только не дѣлалъ выписокъ изъ этихъ анналъ, но что они, наоборотъ, представляютъ собою позднѣйшую компиляцію изъ хроники Козьмы. Къ нему присоединяются Томекъ [3]) и Эмлеръ [4]).

Хотя мы и не находимъ возможнымъ согласиться со всѣми объясненіями Кёпке, мнѣніе его однако въ существенномъ вѣрно. Сохранившіеся Annales Pragenses дѣйствительно не болѣе какъ позднѣйшая компиляція начала XIII ст., что̀ доказывается нижеслѣдующими соображеніями. Прежде всего, мы въ анналахъ до 1125 г. находимъ исключительно такія извѣстія, которыя встрѣчаются и у Козьмы, и ни одного указанія сверхъ того. Притомъ еще то обстоятельство наводитъ на сомнѣніе, что Козьма различныя хронологическія даты сообщаетъ положительно правильно, между тѣмъ какъ въ его мнимомъ источникѣ, Annales Pragenses, онѣ приводятся безусловно ошибочно. Такого рода отступленія или вѣрнѣе погрѣшности мы встрѣчаемъ въ анналахъ подъ годами 931, 1036, 1054, 1066, 1069, 1087, 1094, 1096, 1097 и 1118. Далѣе совершенно не понятно, какъ могло случиться, что хроника самого Козьмы въ первой книгѣ содержитъ гораздо больше хронологическихъ датъ по исторіи Чехіи, нежели встрѣчается въ анналахъ. Слѣдовало бы ожидать, что въ его источникѣ должны встрѣчаться по крайней мѣрѣ всѣ тѣ указанія, которыя мы находимъ у Козьмы, а не почти на половину меньше. Рѣшающее значеніе для

---

[1]) D. G., l. c. Подробнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ Slav. Liturgie in B., стр. 223, примѣч. 2: „Козьма нарочно высказываетъ, что до Боривоя онъ не приводитъ годовъ, такъ какъ не могъ найдти хроники. Значитъ, съ этого времени у него имѣлись анналы, и очевидно тѣ, которые содержатся въ пражскихъ анналахъ, M. G. SS. III 119, перемѣшанные съ замѣтками, встрѣчающимися въ тождественной передачѣ въ корвейскихъ и гильдесгеймскихъ анналахъ. Послѣ 960 г. пражскіе анналы становятся самостоятельными, достовѣрными же лишь со смерти Адальберта въ 997 г. Болѣе раннія извѣстія касательно чешской исторіи, перенесенныя туда, должны были существовать отдѣльно, но они, очевидно, основаны на исчисленіи, быть можетъ, предпринятомъ около 1000 г., а не на одновременныхъ записяхъ и т. д.".

[2]) Въ предисловіи къ его изданію Козьмы, въ *MM. G. SS.* IX, p. 10, adn. 12.

[3]) Apologie, стр. 27.

[4]) Въ предисловіи къ его изданію анналъ, въ F. R. B. II, 375.

уясненія разсматриваемаго вопроса имѣютъ, наконецъ, 990 и 1053 годы, которые хотя и встрѣчаются въ Annales Pragenses, въ первоначальномъ же текстѣ Козьмы не имѣются и лишь впослѣдствіи вставлены его продолжателемъ, монахомъ Сазавскаго монастыря. До очевидности ясно, что обѣ эти замѣтки, касающіяся Сазавскаго монастыря, не находились въ первоначальныхъ анналахъ, но что, наоборотъ, составитель Annales Pragenses для своей компиляціи воспользовался хроникой Козьмы съ добавленіями Сазавскаго монаха. Если взять на себя трудъ сопоставить отдѣльныя извѣстія Козьмы и анналъ, то могло бы быть наглядно доказано, что послѣдніе не что иное, какъ крайне неудовлетворительная и полная ошибокъ выпись изъ хроники Козьмы и что самъ онъ вообще никакъ не могъ изъ нихъ заимствовать извѣстій для своей хроники. Составитель анналъ, кромѣ хроники Козьмы, для своей компиляціи пользовался еще такъ называемыми майнцскими анналами, о которыхъ рѣчь ниже. Для позднѣйшаго 1125 г. времени онъ пользовался продолжателемъ Козьмы, вышеупомянутымъ Сазавскимъ монахомъ, а также Викентіемъ и Герлахомъ. Возможно, что авторомъ Annales Pragenses былъ пражскій епископъ Андрей или каноникъ Викентій, которые въ 1217 г. предприняли путешествіе въ Римъ. Самостоятельны лишь замѣтки къ 1216, 1217, 1218 и 1220 годамъ.

Если мы поэтому принуждены высказаться противъ древняго происхожденія этихъ Annales Pragenses, мы, однако, полагаемъ, что слѣды первоначальной редакціи пражскихъ анналъ могутъ быть открыты въ другихъ источникахъ. По нашему мнѣнію, выдержки изъ нихъ, помимо хроники Козьмы, содержатся и въ такъ называемыхъ Annales Bohemici, въ Annales Mellicenses и, наконецъ, также въ польскихъ анналахъ. Особеннымъ признакомъ древнихъ анналъ въ трехъ только-что поименованныхъ источникахъ слѣдуетъ считать года: 972-й—смерти князя Болеслава I, 974-й—учрежденія пражскаго епископства, и 982-й—избранія во епископы св. Адальберта.

Annales Bohemici [1]) дошли до насъ только въ одномъ экземплярѣ, именно на листѣ письма XIV в., наклеенномъ на крышкѣ одной рукописи Прессбургскаго капитула. Ваттенбахъ [2]) и Эмлеръ [3]) счи-

---

[1]) Изданы Stumpf'омъ въ Miklosich, Slav. Bibliothek, II, 301—303; Fontes rer. Bohem. II, 380—382.

[2]) D. G., стр. 153, примѣч. 1; Unbedeutende Ann. Prag. 725—1163, die aber mehr Excerpte als wirkliche Annalen sind.

[3]) F. R. B., II, 375—376.

таютъ ихъ за позднѣйшія выписки изъ хроники Козьмы и его продолжателей, но мнѣніе это положительно ошибочно, такъ какъ въ анналахъ, вопервыхъ, сообщаются годы кончины князей Боривоя, Спитигнева I и Вратислава, которыхъ Козьма не указываетъ, и далѣе также, въ противорѣчіе послѣднему, вышеупомянутые года 972, 974 и 982. Мы тутъ несомнѣнно имѣемъ крайне скудное извлеченіе преимущественно изъ древнихъ пражскихъ анналъ. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются погрѣшности переписчика, такъ напримѣръ, въ анналахъ значится DCCCCLXXI, DCCCCLXXII, DCCCCLXXIII и DCCCCLXXVIII вм. DCCCCLXXXI, DCCCCLXXXII, DCCCCLXXXXIII и DCCCCLXXXXVIII.

Извлеченія изъ древнихъ пражскихъ анналъ находимъ мы также и въ позднѣйшихъ прибавленіяхъ къ Annales Mellicences [1]). Позднѣйшей рукою тутъ въ XIV вѣкѣ были приписаны замѣтки, относящіяся почти исключительно до чешской исторіи X в., заимствованныя по большей части изъ древней пражской лѣтописи; сюда относятся годы 894, 901, 915, 921, 929, 932, 972, 974, 982 и 998. Способъ изложенія подъ годами 894 и 972, а равно и замѣтки къ 950 г. какъ бы указываютъ на то, что писцу была извѣстна и хроника Козьмы.

Наконецъ, слѣды древней пражской лѣтописи усматриваются и въ польскихъ анналахъ. Въ Польшѣ древнѣйшій памятникъ въ лѣтописной формѣ мы находимъ въ Краковѣ, возникшій, вѣроятно, при тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ [2]). По Цейсбергу происхожденіе его должно быть отнесено къ исходу X ст. или къ началу XI ст., по Смолкѣ же только лишь ко 2-й половинѣ XI ст. Древнѣйшій лѣтописный трудъ Польши не сохранился въ первоначальномъ видѣ, какъ и первоначальные пражскіе анналы. Слѣды его усматриваются только въ компиляціяхъ позднѣйшаго времени, на основаніи которыхъ можно себѣ составить понятіе, хотя, къ сожалѣнію, не полное, о древнѣйшей лѣтописи. Послѣдняя всего лучше сохранилась въ Annales Cracovienses vetusti [3]), составленныхъ въ двадцатыхъ годахъ XII вѣка, въ Anna-

---

[1]) Auctarium Mellicense, въ MM. G. SS., IX, 536.

[2]) О древнихъ польскихъ анналахъ вообще и краковскихъ въ частности сравни: *R. Roepell* et *W. Arndt*, Annales Poloniae (1866), въ MM. G. SS, XIX, 574 и слѣд. *Zeissberg*, Miseco I der erste christliche Beherrscher der Polen, въ Archiv f. oesterr. Gesch., т. 38 (1867), стр. 56 и слѣд.; Polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Lpz. 1873, стр. 80 и слѣд. *Smolka*, Polnische Annalen bis zum Anfange des XIV J. Lemberg. 1873.

[3]) MM. G. SS., XIX, 577 и слѣд.—Bielowski, Mon. Poloniae hist. II, 772 и слѣд. (подъ названіемъ Annales S. Crucis vetusti).

les capituli Cracoviensis [1]), въ Annales Cracovienses breves [2]), въ Annales Cracovienses compilati [3]), въ Annales Magnae Poloniae [4]), въ Annales Polonorum I—IV [5]), въ Annales Kamenzenses [6]), въ Annales Mechovienses [7]), въ Annales S. Crucis Polonici [8]) и въ Annales Sandivogii [9]). Позднѣйшіе польскіе и силезскіе лѣтописцы въ данномъ случаѣ большаго значенія не имѣютъ. Изслѣдованіе взаимнаго отношенія перечисленныхъ лѣтописей позднѣйшаго времени и первоначальныхъ краковскихъ во всякомъ случаѣ завело бы слишкомъ далеко. Любопытно только отмѣтить, что древніе пражскіе анналы были извѣстны въ Краковѣ около половины XI ст. и выписки изъ нихъ вошли въ древніе краковскіе анналы. Отрывки ихъ перешли также въ упомянутыя позднѣйшія компиляціи [10]).

Въ нижеслѣдующемъ мы, на сколько то возможно, возстановляемъ древніе пражскіе анналы для X-го столѣтія, опираясь при этомъ главнымъ образомъ на Annales Bohemici, Annales Mellicences и польскія лѣтописи, для провѣрки по нимъ извѣстій, сообщаемыхъ Козьмой. Послѣднія мы ставимъ на второй планъ, принимая ихъ во вниманіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются единственными.

---

[1]) MM. G. SS, XIX, 584 и слѣд.—Bielowski II, 783 и слѣд.

[2]) Mizler, Collectio hist. Poloniae III, 163 и слѣд.—MM. G. SS, XIX, 663.—Bielowski II, 792 и слѣд.

[3]) MM. G. SS. XIX, 585 и слѣд.—Bielowski II, 828 и слѣд.

[4]) Mizler III, 181 и слѣд.—Bielowski II, 789 и слѣд. (послѣдній далъ имъ это названіе).

[5]) MM. G. SS., XIX, 609 и слѣд.—I подъ названіемъ Rocznik Traski у Bielowski II, 826 и слѣд.; II—IV подъ названіемъ Rocznik Małopolski до 964 г. тамъ же II, 816 и слѣд.

[6]) MM. G. SS. XIX, 580 и слѣд.—Bielowski II, 776 и слѣд.

[7]) MM. G. SS. XIX, 666 и слѣд.—Bielowski II, 880 и слѣд.

[8]) MM. G. SS. XIX, 677 и слѣд.

[9]) Bielowski II, 871 и слѣд. Сравни также небольшой отрывокъ изъ анналъ у Mizler'a III, 166 и слѣд.

[10]) Разумѣется не отрывки изъ такъ называемыхъ Annales Pragenses, какъ то полагаютъ Roepell и Arndt.

Позднѣе въ Польшѣ стала также извѣстна хроника Козьмы, слѣды которой мы находимъ въ Annales Sandivogii. На Козьму указываютъ слѣдующія три извѣстія, въ особенности же первое изъ нихъ:

969. s. Adalbertus in episcopum Pragensem consecratur.

997. passus est s. Adalbertus in *Prussia* martirium 6 *feria*.

999. ordinacio fratris Gaudencii socii s. Adalberti in archiepiscopum Gnesnensem.

894. Borivoy, dux Boemorum, baptizatur a Methudio episcopo Moraule [1]).

901. Borivoy dux Boemorum obiit, Spitigneus filius eius succedit [2]).

915. defuncto Spitigneo duce Boemorum, Wratizlaus frater eius succedit [3]).

921. defuncto Wratizlao duce Boemorum, sanctus Wencezlaus filius eius succedit [4]).

929. sanctus Wencezlaus dux Boemorum martirio coronatur, Bolezlaus frater eius succedit [5]).

932. corpus Sancti Wencezlai translatum est [6]).

968. obiit Vok comes [7]).

972. obiit Bolezlaus dux Boemorum, cui filius eius Bolezlaus (Pius) succedit [8]).

974. Pragensis ecclesia cepit habere episcopum nomine Dethmarum [9]).

---

[1]) Ann. Boh., Ann. Mell., Cosmas I, 10, 14.

[2]) Ann. Boh., Ann. Mell. — Ann. Pol. II:

927. Spitigneus dux Bohemie hoc tempore suo ducatum suscepit et obiit absque herede.

Въ Ann. Pol. II и III вообще въ хронологіи большая путаница, и часто даже въ передачѣ событій. Ни въ какомъ случаѣ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что вышеприведенное извѣстіе должно быть отнесено къ первоначальному пражскому источнику.

[3]) Ann. Mell.—Ann. Boh. ad a. 905.—Ann. Pol. II:

930. Wratislaus germanus eius suscepit ducatum.

[4]) Ann. Boh., Ann. Mell.

[5]) Ann. Boh., Ann. Mell., Cosmas I, 17.—Ann. Pol. II—III три раза сообщаютъ о мученической смерти св. Вячеслава:

II	III
930... Wentzcelaus coronam martirii a fratre suo suscepit.	923. iste Wentzeslaus a fratre suo martirii coronam adeptus est.
Wentzeslaus martirizatur filius Wratizlay.	929. sanctus Wentzeslaus martirizatur filius Wratislai ducis Bohemie.
957. Wentzeslaus dux Bohemorum occiditur a fratre suo.	956. sanctus Wenczeslaus dux Bohemie occiditur a germano suo Boleslao.

[6]) Ann. Mell., Cosmas, I, 19.—Ann. Boh. ad a. 930.

[7]) Cosmas I, 23.

[8]) Ann. Boh., Ann. Mell.—Cosmas, I, 21, ad a. 967.

[9]) Ann. Boh., Ann. Mell.; Ann. Pol. I (которые еще добавляютъ: ex ammonicione Dobravce), III cod. 3., IV.—Ann. Pol. II ad a. 975. — Ann. Pol. III cod. 3 a, ad a. 980.—Cosmas, I, 23, ad. a. 967.

[977. obiit Dubrauca] [1]).

981. obiit Slavnic pater sancti Adalberti [2]).

982. obiit Dethmarus episcopus, sanctus Adalbertus in Pragensem episcopum consecratur [3]).

987. obiit Strezizlava mater sancti Adalberti [4]).

990. sanctus Adalbertus Rome ad sanctum Alexium monachus factus est.

991. professio sancti Adalberti cum fratre Gaudencio [5]).

993. per s. Adalbertum monasterium in Brevnov fundatum est et dedicatum [6]).

995. interfecti sunt in urbe Lubic quinque fratres sancti Adalberti [7]).

---

[1]) Cosmas, I, 27.—Входила ли эта замѣтка въ составъ пражскихъ анналъ или же заимствована изъ краковскихъ анналъ, мы не состояніи сказать съ увѣренностью.

[2]) Ann. Boh., Ann. cap. Cracov., Cosmas, I, 27.—Ann. Cracov. vet. ad a. 982.—Ann. Sandiv. ad a. 980.

[3]) Ann. Boh., Ann. Mell., Ann. Cracov. brev., Ann. Cracov. compil.; Ann. Pol. I, III cod. 8, IV.—Ann. Pol. II ad a. 984. — Ann. Pol. III cod. 8 a, ad. a. 985.—Ann. Sandiv. и Cosmas, I, 24—25, ad. a. 969.

[4]) Ann. cap. Cracov., Ann. Sandivog., Ann. Pol. III cod 8., Cosmas, I, 28.—Ann. Cracov. vet. ad a. 988. — Ann. Pol. II ad a. 989.—Ann. Pol. IV ad a. 986

[5]) Указанія къ 990 и 991 гг. крайне перепутаны. Въ Ann. Boh., Ann. Mell. и у Козьмы, I, 28, мы встрѣчаемъ, съ незначительными отступленіями, замѣтку:

990. sanctus Adalbertus Rome ad sanctum Alexium monachus factus est.

Въ Ann. Cracov. brev., въ изданіи Mizler III, 163, содержатся два указанія:

990. sanctus Adalbertus factus est monachus Rome apud sanctum Alexium.

991. professio sancti Adalberti cum fratre Gaudencio.

Въ изданіи тѣхъ же анналъ, помѣщенномъ въ MM. G. SS., XIX, 664 и у Bielowski II, 792, извѣстія эти приходятся въ обратномъ порядкѣ.

Въ Ann. Crac. vet. мы находимъ замѣтку:

991. professio sancti Adalberti cum fratre Gaudentio.

Въ Ann. capit. Cracov., Ann. Pol. III cod 8 и Ann. Sandivog. то же самое извѣстіе приводится подъ 990 г., въ Ann. Pol. III подъ 992 г.

Мы держимся вышеприведенной конъектуры, правильность которой подтверждается изслѣдованіями Dobner, Ad. Ann. Hayec., IV, 357, сл., и Dudik, II стр. 69 сл., примѣч. 4. По ней прибытіе Адальберта въ Римъ падаетъ на 989 или 990 г., поступленіе его послушникомъ въ монастырь св. Алексія приходится на великій четвертокъ, 17-го апрѣля 990 г., пострижeніе на 2-е апрѣля 991 г.

[6]) Ann. Boh.

[7]) Cosmas, I, 29.

997 (s. 998). sanctus Adalbertus Pragensis episcopus secundus (in Prussia) martirio coronatur, cui Theadagus succedit [1]).

999. obiit secundus Bolezlaus dux Boemorum, cui filius eius tertius Bolezlaus sucedit [2]).

1003. hic interfecti sunt Wrissovici [3]).

1006. obiit Hemma princeps [4]).

До сихъ поръ мы разсматривали древніе пражскіе анналы, поскольку они не были распространены посторонними добавленіями. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что въ XI ст. въ Прагѣ стали извѣстны сначала нѣмецкіе анналы, а затѣмъ и польскіе.

По мнѣнію Вайца [5]) существовали древніе майнцскіе анналы— компиляція изъ Annales Hersfeldenses, Corveyenses, Augienses и др.,— которые однако въ первоначальномъ видѣ до насъ не дошли. Изъ Майнца, вѣроятно около половины XI ст., они попали въ Прагу, которая въ церковномъ отношеніи была подчинена майнцскому архіепископу. Здѣсь они были частью занесены въ древніе пражскіе анналы; позже мы встрѣчаемъ ихъ также и въ хроникѣ Козьмы; наконецъ, къ XII ст. они представляли важную составную часть позднѣйшихъ Annales Pragenses. Изъ Праги эта майнцская компиляція съ пражскими анналами, самостоятельно или въ видѣ добавленія къ послѣднимъ, попала въ Краковъ, гдѣ оба вошли въ составъ или даже легли въ основу краковскихъ анналъ [6]). Слѣды ихъ еще ясно видны въ позднѣйшихъ польскихъ анналахъ.

Отношенія Чехіи и Польши, какъ оказывается, были взаимны.

---

[1]) Ann. cap. Cracov., Ann. Cracov. brev., Ann. Pol. I—IV, Ann. Kamenz, Ann. Mechov., Ann. Sandivog. и Annales у Mizler, I, 166, къ 997 г.—Ann. Boh., Ann. Mell., Ann. Cracov. vet., Ann. S. Cruc. Pol. къ 998 г.—Cosmas, I 31, ad a. 996. Трудно сказать, которое указаніе слѣдуетъ считать первоначальнымъ. Мы отдали предпочтеніе правильной датѣ 997 г., должны однако высказать нѣкоторое сомнѣніе, въ виду приводимаго въ Ann. Boh. и Ann. Mell. 998 г.

[2]) Cosmas, I, 34.

[3]) Cosmas, I, 37.

[4]) Cosmas, I, 39.

[5]) *G. Waitz*, Verlorne Mainzer Annalen, въ Nachrichten von der kgl. Ges. der Wiss. zu Göttingen, 1873, стр. 388 слѣд.

[6]) Сравн. Smolka, o. c., стр.53 слѣд. Въ краковскихъ анналахъ на нихъ указываютъ 1009 и 1012 гг., въ хроникѣ Козьмы вѣроятно также и 1024 г. Слѣдовательно, за время появленія майнцскихъ анналъ въ Прагѣ слѣдуетъ принимать 2-ю четверть XI ст., а перехода ихъ въ Краковъ половину XI ст.

Если съ одной стороны около половины XI ст. пражскіе анналы были извѣстны въ Краковѣ, то съ другой къ концу XI ст. краковскіе анналы въ свою очередь попали въ Прагу [1]). Мы встрѣчаемъ ихъ главнымъ образомъ въ хроникѣ Козьмы, но также и въ Annales Bohemici. Ниже мы, съ помощью польскихъ анналъ, возстановили для болѣе ранняго времени майнцскую компиляцію и древніе краковскіе анналы, на сколько ихъ можно прослѣдить по чешскимъ источникамъ. Обыкновеннымъ шрифтомъ приводятся майнцскіе, разгонистымъ краковскіе анналы:

901. Arnulfus imperator obiit [2]).
910. Ludowicus pugnavit contra Ungaros.
911. Ludowicus rex obiit, cui Conradus successit.
912. Ungari Franciam vastaverunt.
915. bellum fuit in Hersburch.
919. Conradus rex obiit, cui Henricus successit [3]).
933. Ungarorum exercitus ab Henrico interfectus est.
934. Henricus rex Danos subegit [4]).
936. Henricus rex obiit, Otto filius eius successit [5]).
939. sol visus est minutus [6]).
941. yemps valida. Comete vise sunt. Mortalitas iumentorum [7]).
950. bellum magnum factum est inter Bauaros et Ungaros [8]).
968. Polonia cepit habere episcopum [9]).
[977. obiit Dubrauca [10])].
984 (983). obiit (Romae) Otto imperator secundus [11]).
999. ordinacio s. Gaudencii [12]).

---

[1]) Время это опредѣляется довольно точно: вопервыхъ происходящимъ изъ краковскихъ анналъ извѣстіемъ въ Annales Bohemici: 1079. sanctus Stanislaus martirio coronatur, и, далѣе, тѣмъ обстоятельствомъ, что они уже въ началѣ XII ст. были извѣстны Козьмѣ.

[2]) Ann. Prag., Ann. cap. Cracov.

[3]) 910—919. Ann., Prag.

[4]) 933—938. Ann. Prag., Ann. cap. Cracov., Ann. Mag. Pol.

[5]) Ann. cap. Cracov., Ann. Mag. Pol.—Ann. Prag. ad a. 935.

[6]) Ann. Prag.

[7]) Ann. Prag., Ann. Mag. Pol.—Ann. cap. Cracov. ad a. 940.

[8]) Ann. Prag.

[9]) Ann. Boh.

[10]) Cosmas, I, 27.

[11]) Cosmas, I, 28.

[12]) Cosmas, I, 34, Ann. cap. Cracov., Ann. Sandivog., Annales y Mizler III, 166.—Ann. Cracov. vet. ad a. 1000.

1001. Poloni ceperunt Pragam (et ducem Boleslaum in ea cecaverunt) [1]).

1002. Otto imperator tercius obiit, cui Henricus filius eius succedit [2]).

1003. heremite quinque in Polonia martirizati sunt [3]).

1022. in Polonia facta est persecutio christianorum [4]).

1024. (IV Idus Iulii) obiit Heinrichus rex [5]).

1025. Boleslaus rex Magnus obiit [6]).

Прежде чѣмъ перейдти къ критической оцѣнкѣ извѣстій, заимствованныхъ Козьмой изъ означенныхъ различныхъ источниковъ, остается еще рѣшить не маловажный вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ нашъ историкъ пользовался этими источниками. Его хроника во всякомъ случаѣ подверглась позднѣйшимъ добавленіямъ и дополненіямъ, по большей части взятымъ изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, и правильная оцѣнка историческаго труда Козьмы поэтому осуществится лишь по удаленіи изъ него, насколько возможно, интерполяцій.

Въ изложеніи у Козьмы, въ особенности въ первыхъ двухъ книгахъ, замѣчается какая-то неровность или, вѣрнѣе, неравномѣрность: то сухое отмѣчаніе событій, то подробное повѣствованіе, которое постепенно получаетъ перевѣсъ, поглощая главное вниманіе. По мнѣнію Ваттенбаха [7]), съ 894 года трудъ былъ первоначально задуманъ въ строго лѣтописной формѣ. Козьма въ основу его положилъ обстоятельную рукопись, въ которую имъ вносились года въ порядкѣ ихъ слѣдованія и другія краткія замѣтки; затѣмъ онъ тамъ, гдѣ представлялась надобность, или же позволяло мѣсто, вводилъ свое бо-

---

[1]) Ann. Cracov. brev., Ann. S. Crucis Pol.—Cosmas, I, 35, ad. a. 1000—1001.

[2]) Cosmas, I, 37, Ann. Cracov. vet., Ann. cap. Cracov., Ann. Cracov. brev., Ann. Mag. Pol., Ann. Pol. II—III, Ann. Sandiv.

[3]) Чтенія весьма различны. Сравн. Ann. Cracov. vet., Ann. cap. Cracov. Ann. Cracov. brev. (въ изданіи Mizler III, 182, вѣроятно ошибочно значится 1002 годъ), Ann. Mag. Pol., Ann. Pol. II, III cod. a, Ann. Kamenz., Ann. Mechov., Ann. S. Crucis Pol., Ann. Sandiv.—Ann. Pol. I, III cod. 3, IV ad a. 1005.—Ann. Boh., Cosmas I, 38, ad. a 1004.

[4]) Cosmas, I, 40.

[5]) Cosmas, I, 41.

[6]) Ann. Cracov. vet., Ann. cap. Cracov., Ann. Cracov. brev., Ann. Cracov compil., Ann. Pol. I—IV, Ann. Kamenz., Ann. S. Crucis Pol., Ann. Sandiv.—Козьма, I, 41, приводитъ еще самый день: IV Kal. Iulii.

[7]) D. G. II, 155.

лѣе обстоятельное повѣствованіе. Можетъ быть, что только переписчики изъ этого сдѣлали одно кажущееся цѣлое, въ которомъ ходъ разказа прерывается вставленными хронологическими датами.

Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что Козьма для первыхъ двухъ книгъ своей хроники пользовался анналами, которые ему не всегда удавалось слить съ остальнымъ разказомъ. На это прямо указываютъ 29-я, 30-я и начало 31-й главы первой книги. Козьма тутъ сообщаетъ, подъ 995 и 996 гг., о второмъ путешествіи Адальберта въ Римъ, о его миссіонерской дѣятельности въ Пруссіи и послѣдовавшей тамъ мученической кончинѣ. Разказъ онъ начинаетъ словами: Nec transiliendum censeo, quod ab aliis praetermissum video, послѣ чего онъ сначала повѣствуетъ о путешествіи Адальберта въ Римъ и убіеніи его братьевъ въ Либичѣ, во время его отсутствія: quatuor fratribus sancti Adalberti cum omni prole ante ipsum altare decollatis. Свое извѣстіе объ этомъ происшествіи онъ заканчиваетъ краткой лѣтописной замѣткой: Interfecti sunt in urbe Lubec quinque fratres sancti Adalberti a. dom. inc. 995. Далѣе онъ говоритъ о возвращеніи Адальберта изъ Рима, умалчивая о его послѣдующей миссіонерской дѣятельности: ad quas gentes inde transierit.... scire poterit, qui vitam eius seu passionem legerit. Сообщивъ еще объ избраніи Страхкваса въ епископы, онъ весь разказъ оканчиваетъ словами: Hactenus haec inseruisse sufficiat. Слѣдующее за симъ извѣстіе о св. Адальбертѣ опять не что иное, какъ нѣсколько распространенная лѣтописная замѣтка о его мученической смерти: A. dom. inc. 996 postquam.... praesul Adalbertus retibus fidei coepit Pannoniam simul et Poloniam, ad ultimum dum in Pruzia seminat verbum dei, hanc praesentem vitam pro Christo feliciter terminavit martirio IX Kalendas Maii, feria VI. Ясно, что заимствованныя изъ пражскихъ анналъ замѣтки объ умерщвленіи въ 995 г. пяти братьевъ Адальберта и его мученической смерти въ 996 г. составляли первоначальную основу. Къ ней прибавленъ изъ другихъ источниковъ болѣе обстоятельный разказъ, начинающійся словами: Hactenus haec inseruisse sufficiat. Въ противорѣчіе обоимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, здѣсь, вопервыхъ, говорится объ убіеніи четырехъ братьевъ св. Адальберта, а съ другой стороны умалчивается о его миссіонерской дѣятельности среди чужихъ народовъ, при ссылкѣ на его житіе (vita seu passio).

Итакъ, лѣтописная основа труда Козьмы несомнѣнна, но въ то же время самъ собой возникаетъ вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ

Козьма пользовался древними анналами. Мы тутъ приходимъ къ совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ новѣйшіе изслѣдователи, въ особенности Ваттенбахъ и Лозертъ [1]).

Уже Пельцель и Добровскій отличали добавленія такъ-называемаго Сазавскаго монаха, встрѣчающіяся въ дрезденской (4) и вѣнской (4) рукописяхъ, выдѣливъ ихъ, въ своихъ изданіяхъ Козьмы, изъ остальнаго текста посредствомъ скобокъ и кавычекъ. Волѣе обстоятельно этимъ вопросомъ занялся Палацкій [2]), который призналъ за интерполяціи всѣ краткія замѣтки къ 930, 931,933—951, 968, 972, 990, 1003, 1004, 1008—1015, 1022, 1024—1030a, 1031—1037, 1041 (II, 11), 1043—1053, 1070, 1082, 1084, 1095 и даже нѣкоторыя къ 1121 г., и кромѣ того къ 1092 году [3]). Предположеніе Палацкаго отчасти подтвердилось впослѣдствіи найденными рукописями. Такъ, прежде, всего замѣтки къ годамъ 1008—1015, 1026, 1032, 1041 (II, 11), 1053, 1082, 1084 и 1089 являются вставочными, какъ то видно изъ свѣрки различныхъ рукописей. Но и еще нѣкоторыя другія краткія замѣтки мы считаемъ за добавленія, взятыя почти всѣ изъ тѣхъ же источниковъ, которые были извѣстны и Козьмѣ, именно изъ пражскихъ и краковскихъ анналъ и хроники Регинона. Сюда, по нашему мнѣнію, къ первой книгѣ относятся замѣтки къ годамъ 930, 931, 933—951, 968, 972, 999 (I, 34), 1003, 1004, 1022, 1024 и 1025. Опираясь отчасти на объясненія Палацкаго, мы въ нижеслѣдующемъ приводимъ доводы въ пользу высказаннаго нами предположенія.

Въ страсбургской рукописи Козьмы (7) мы подъ 894—967 годами находимъ слѣдующее позднѣйшее добавленіе: Interea deficiente nostra materia, quam nemo illius temporis hominum, clericorum seu laicorum memoriae commendavit posterorum, rursus ad nobilia facta Romanorum imperatorum recurramus (I, 15). Это добавленіе представляетъ самое вѣрное доказательство, что не только Сазавскій монахъ интерполировалъ хронику Козьмы, но что уже раньше стремились къ восполненію встрѣчающихся въ ней пробѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ намъ полное право и къ древнѣйшимъ рукописямъ относиться съ извѣстнаго рода осторожностью и осмотрительностью. Весьма харак-

---

[1]) Studien zu Cosmas von Prag, въ Archiv f. oest. Gesch., томъ 61, стр. 8.

[2]) Würdigung, стр. 10 слѣд.

[3]) Dějiny, I, 1, стр. 345, прим. 344.

терно, что даже изъ числа нами выше обозначенныхъ замѣтокъ—относящіяся къ годамъ 972, 1002—1025 въ нѣкоторыхъ рукописяхъ не встрѣчаются, замѣтка же къ 1004 году въ одной рукописи является въ измѣненномъ видѣ. Весьма вѣроятно, что переписчикъ или просто не замѣтилъ, или же не захотѣлъ списать добавленіе, сдѣланное на полѣ позднѣйшею рукой.

„Изложеніе этихъ извѣстій", говоритъ Палацкій въ своей критикѣ на эти краткія замѣтки, „совершенно не соотвѣтствуетъ манерѣ Козьмы. Кто ознакомился съ духомъ этого лѣтописца, тотъ всюду узнаетъ его своеобразный стиль, и добытый такимъ путемъ тактъ дастъ ему возможность какъ бы чутьемъ отличить въ его произведеніи чужой элементъ. Слогъ его изысканъ, субъективенъ и все-таки привлекателенъ, какъ у всѣхъ геніальныхъ историковъ; всюду онъ выступаетъ намъ живымъ человѣкомъ, со всей своей открытой сердечностью, своимъ здравымъ мужественнымъ умомъ и своей тонкохитростной ученостью, своимъ поэтическимъ воображеніемъ и веселой болтливостью. Въ древнѣйшей исторіи своего народа онъ останавливается лишь на отдѣльныхъ свѣтлыхъ или яркихъ моментахъ, жизненная частность которыхъ ему всюду кажется безусловно необходимой; онъ молчитъ тамъ, гдѣ онъ не можетъ описывать, не можетъ дѣлать, по свойственной ему привычкѣ, мѣткихъ замѣчаній и украсить рѣчь ученостью. Красивому и изысканному слогу, который при всей своей напыщенности не лишенъ силы, Козьма придаетъ слишкомъ большое значеніе; доказательствомъ тому служитъ его болтливость, съ которой онъ сознаетъ свои недостатки въ этомъ отношеніи, стараясь извинить ихъ въ глазахъ магистра Гервасія и протоіерея Севера тѣмъ, что предупреждаетъ ихъ о своихъ недостаткахъ. Этихъ краткихъ извѣстій, сообщаемыхъ въ голой и сухой формѣ, безъ ума и смысла, Козьма никогда не смогъ бы терпѣть въ своемъ трудѣ, не сдѣлавъ ихъ предварительно своимъ духовнымъ достояніемъ и изложивъ ихъ живо, соотвѣтственно его манерѣ". Краткія замѣтки, которыя Козьма дѣйствительно заимствовалъ изъ древнихъ анналъ, онъ никогда не передавалъ въ ихъ первоначальной сухой формѣ, но постоянно украшалъ ихъ по-своему, причемъ образцомъ ему часто служили совсѣмъ другіе писатели. Мы здѣсь приводимъ нѣсколько примѣровъ изъ древнихъ пражскихъ, краковскихъ и майнцскихъ анналъ, противоставляя имъ соотвѣтствующія мѣста у Козьмы, заимствованныя изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ.

Анналы:	Козьма:
929. Sanctus Wenceslaus, dux Boemorum, martirio coronatur.	929. sanctus Wenzeslaus, dux Boemiorum, fraterna fraude martirizatus, intrat perpetuam coeli feliciter aulam (I, 17).
[972.] obiit Bolezlaus, dux Boemorum.	[967.] dux, cui agnomen saevus Boleslaus, male mercatum fraterno sanguine ducatum cum vita amisit (I, 21).
987. obiit Strezizlava mater sancti Adalberti.	987. obiit Strezizilava, sancti Adalberti mater, venerabilis et deo acceptabilis matrona, tantae et tam sanctae sobolis dici mater et esse digna (I, 28).
1002. Otto imperator tercius obiit, cui Henricus filius eius succedit.	1002. Eodem anno Caesar ab hoc mundo migravit tertius Otto, Vivat ut in coelis, ubi vivit quisque fidelis. Huic successit filius eius Henricus imperator (I, 37).

Какъ же однако, въ виду вышеуказаннаго, объяснить краткую замѣтку къ 1003 г.: Hic interfecti sunt Wrissovici (I, 37)? Козьмѣ этотъ могущественный родъ, игравшій значительную роль въ древнѣйшей исторіи Чехіи [1]), хорошо извѣстенъ. Онъ намъ подробно описываетъ, какимъ мученіямъ князь Яромиръ былъ подвергнутъ со стороны Вершовичей (I, 34, 42), и его живое изложеніе ихъ роковой гибели въ 1108 г. (III, 23—24) на всякаго читателя въ состояніи произвести сильное впечатлѣніе. Поэтому вышеприведенная краткая замѣтка къ 1003 г. остается совершенно не понятной, тѣмъ болѣе, что Козьма нѣсколько раньше подробно говорилъ о Вершовичахъ; еслибъ замѣтка принадлежала ему, онъ по крайней мѣрѣ разукрасилъ бы ее въ стилистическомъ отношеніи, придавъ ей тотъ или иной риторическій оборотъ.

Если эти краткія замѣтки уже по внѣшней формѣ рѣзко отличаются отъ образа изложенія Козьмы, то большинство изъ нихъ и по содержанію совершенно не отвѣчаютъ цѣлямъ хроники. Самъ онъ о нихъ отзывается въ предисловіи къ первой книгѣ: continet autem hic liber primus Boemorum gesta, prout mihi scire licuit. Хронологическое перечисленіе событій, какъ онъ самъ то указываетъ, на-

---

[1]) *A. Maniak*, Das Geschlecht der Wrssowecz, въ Hormayr's Archiv f. Gesch., Stat., Lit. u. Kunst, 1828, стр. 273 и сл., 277 и сл., 281 и сл.

чинается у него только съ крещенія Боривоя, такъ какъ для болѣе ранняго времени у него не имѣлось источниковъ. Даже для древнѣйшаго христіанскаго періода, между 894—929 гг., Козьма не даетъ хронологіи, довольствуясь объясненіемъ: Inter hos autem annos, quos infra subnotavimus, facta sunt haec, quae supra praelibavimus: non enim scire potuimus, quibus annis sint gesta sive temporibus (I, 15). Онъ даже не вполнѣ пользуется извѣстными ему пражскими анналами, изъ которыхъ ему во всякомъ случаѣ представлялась возможность узнать годы смерти князей Боривоя, Спитигнева и Вратислава, изъ боязни придать своей хроникѣ чисто лѣтописный характеръ. При этомъ онъ опасливо избѣгаетъ повторять сообщенное уже другими. Такъ, относительно введенія христіанства при Боривоѣ въ 894 г. онъ говоритъ: maluimus (haec) praetermittere quam fastidium legentibus ingerere, quia iam ab aliis scripta legimus, nam et escae execrantur, quae saepius sumuntur (I, 15); равнымъ образомъ онъ считаетъ излишнимъ распространяться объ убіеніи въ 929 г. св. Вячеслава: sufficienter dictum puto in passionis eiusdem sancti tripudio (I, 17). Вовсе не понятны слѣдующія непосредственно за этимъ въ лѣтописной формѣ замѣтки къ годамъ 930, 931 и 933—951, которыя по своему содержанію совершенно чужды чешской исторіи и всѣ дословно выписаны изъ продолженія Регинона. Если предположить, что Козьма, въ противорѣчіе его собственнымъ словамъ, включилъ ихъ въ хронику только для хронологической полноты, то тѣмъ менѣе понятно, почему онъ не пополнилъ промежутокъ между 894 и 929 гг. и вообще до крещенія Боривоя не далъ никакихъ хронологическихъ указаній. Онъ прямо сѣтуетъ, что для этого времени у него не было хроники, между тѣмъ какъ у него вѣдь имѣлась же хроника Регинона, изъ которой онъ могъ заимствовать для своего историческаго труда хронологическія данныя не только для X, но даже и для IX вѣка. Единственное объясненіе, которое мы можемъ допустить, то, что Козьма поставилъ себѣ цѣлью изложить только чешскую исторію, и что на упомянутыя краткія замѣтки намъ надо смотрѣть какъ на позднѣйшія прибавленія. Только въ трехъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ въ хроникѣ Козьмы года, взятые имъ изъ майнцскихъ и краковскихъ анналъ, не имѣющіе отношенія до чешской исторіи. Но тутъ онъ вопервыхъ видоизмѣнилъ по-своему первоначальныя сухія замѣтки и вдобавокъ включилъ ихъ въ свою хронику единственно по той причинѣ, чтобы связать съ ними разказъ о событіяхъ, которыя, не относясь къ

исторіи Чехіи, для нашего историка, однако, лично представляли немалый интересъ. Эти три замѣтки слѣдующія:

1) Подъ 984 г. Козьма сообщаетъ о смерти императора Оттона II, для того чтобы съ этимъ извѣстіемъ соединить разказъ о томъ, что императоръ въ Ахенѣ подарилъ св. Адальберту священническое облаченіе. Послѣднее, quae usque hodie in Pragensi ecclesia honorifice habentur et dicuntur paramenta sancti Adalberti, для него, какъ каноника Пражской церкви, несомнѣнно представляло живой интересъ. 2) Подъ 1002 г. онъ сообщаетъ о смерти Оттона III и о вступленіи на престолъ Генриха II, соединяя съ этимъ разказъ о чудесной чашѣ въ Бамбергѣ (I, 37), которая находится въ самой тѣсной связи съ императоромъ Генрихомъ II. Чашу эту, qui usque hodie magni miraculi pro testimonio habetur Bamberk sancti Georgii in monasterio, онъ видѣлъ при своемъ проѣздѣ черезъ Бамбергъ въ 1094 г. и тогда же услышалъ сообщаемый имъ разказъ. 3) Наконецъ, подъ 1004 г., онъ подробно повѣствуетъ о мученической смерти 4 братьевъ въ Польшѣ (I, 38). Ихъ мощи были въ 1039 г. перенесены Бретиславомъ изъ Гнѣзна въ Прагу; самый разказъ Козьма, очевидно, услышалъ отъ престарѣлаго польскаго пресвитера, который въ то время попалъ плѣнникомъ въ Чехію [1]).

Въ заключеніе мы хотѣли бы указать на тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ краткихъ замѣтокъ являются совершенно излишними, какъ, напримѣръ, замѣтка къ 1004 году, которая два раза заимствована изъ краковскихъ анналъ. Иныя вставлены въ разказъ Козьмы крайне неудачно, напримѣръ 999 годъ, который, очевидно, прерываетъ повѣствованіе о Болеславѣ II. Другія не соотвѣтствуютъ хронологическимъ указаніямъ Козьмы и даже прямо имъ противорѣчатъ, но подробное критическое разслѣдованіе каждой отдѣльной замѣтки увлекло бы насъ за предѣлы нашей настоящей задачи. Полагаемъ, что врядъ ли возможно усомниться въ правильности нашего предположенія касательно позднѣйшихъ прибавленій или вставокъ въ хронику Козьмы.

Первый интерполяторъ Козьмы, надо предположить, былъ близко стоявшее къ нему лицо. Вѣроятно, что это былъ его другъ, магистръ Гервасій [2]), которому онъ посвятилъ II-ю книгу своей хроники,

---

[1]) Сравн. II, 5.

[2]) Archigeronta Gervasius. I, praef. По мнѣнію Пельцля и Добровскаго, l. c., стр. XI, подъ archigeronta слѣдуетъ разумѣть настоятеля школы при соборѣ

обращаясь къ нему со слѣдующими словами: „Когда ты получишь эти листки,—пишетъ онъ ему,—то знай, что я тебѣ послалъ лѣтопись Чехіи, составленную безъ риторическихъ прикрасъ и врядъ ли уже болѣе латинскимъ языкомъ: я рѣшилъ ее представить твоему мудрому обсужденію, съ тѣмъ, чтобы она, соотвѣтственно твоему мнѣнію, была или совершенно брошена и никѣмъ не читаема, или же, если она оказалась бы достойной прочтенія, была тобою предварительно тщательно исправлена, или вѣрнѣе, о чемъ я особенно тебя прошу, передѣлана въ лучшую латинскую рѣчь". Гервасій, очевидно, внялъ просьбѣ Козьмы. Въ качествѣ близкаго друга его и сослуживца при соборѣ св. Вита, Гервасію являлась возможность пользоваться тѣми же источниками, которыми располагалъ уже нашъ историкъ, именно пражскими, краковскими и майнцскими анналами, а также хроникой Регинона. Изъ нихъ преимущественно онъ и внесъ въ первую книгу краткія замѣтки къ годамъ 930, 931, 933—951, 968, 972, 999, 1003, 1004, 1022, 1024 и 1025, для пополненія встрѣчаемыхъ въ хроникѣ Козьмы пробѣловъ въ изложеніи древнѣйшаго времени. Сдѣлано было это, однако, крайне не умѣло, такъ что позднѣйшія прибавленія ни по своему содержанію, ни по своей внѣшней формѣ не связаны съ остальнымъ текстомъ. Они перешли почти во всѣ рукописи Козьмы; лишь нѣкоторыя изъ замѣтокъ, напримѣръ къ годамъ 972, 1004, 1022, 1024 и 1025, въ иныхъ рукописяхъ или вовсе не встрѣчаются, или приводятся въ измѣненномъ видѣ. Вѣроятно, тотъ же Гервасій, помимо того, еще просмотрѣлъ весь текстъ хроники, съ цѣлью сгладить и скрасить слогъ Козьмы [1]). Первоначальный текстъ хроники съ прибавленіями отъ первой руки мы находимъ въ Лейпцигской рукописи, представляющей собой группу A. Эти исправленія текста только частью перешли

св. Вита. Въ Necrol. Boh. (у Dobner, Mon. hist. Boem, III, 12) къ маю имѣется указаніе: „V Non Gervasius Canonicus et Magister". Козьма и Гервасій, повидимому, были въ тѣсной дружбѣ, такъ какъ первый говоритъ о mutua dilectio между ними и къ другу своему обращается: frater karissime, si me amicum tuum diligis и т. д.

[1]) *Koepke MM. G. SS*, IX, 22, авторомъ исправленій считаетъ самого Козьму. Подобное мнѣніе, однако, положительно ошибочно, такъ какъ варіанты второй редакціи тянутся вплоть до конца 3-й книги. Въ виду того, что Козьма послѣднія главы хроники написалъ незадолго передъ смертью, онъ, конечно, самъ не могъ весь свой трудъ подвергнуть просмотру.

въ Карловицкую рукопись (6) группы B. Совершенно исправленный текстъ хроники являютъ остальныя рукописи группы B.

Вторымъ интерполяторомъ былъ такъ-называемый Сазавскій монахъ, который снабдилъ хронику Козьмы дополненіями и довелъ ее до 1162 года. Дополненія касаются частью Сазавскаго монастыря и заимствованы изъ чешскихъ источниковъ, частью же взяты изъ нѣмецкихъ анналъ. Мы находимъ ихъ въ годамъ 932, 958, 960, 962, 963, 972, 973, 975, 985—990, 995, 998—1001, 1045, 1053, 1070, 1088, 1089, 1091, 1095, 1097, 1116, 1122, 1123 и 1125; сохранились они въ Дрезденской (4) и Пражской (4a) рукописяхъ. Уже Пельцель и Добровскій выдѣлили ихъ изъ остальнаго текста хроники посредствомъ скобокъ и кавычекъ; Кёпке [1]) и Эмлеръ [2]) напечатали ихъ отдѣльно.

Третій интерполяторъ XII вѣка былъ неизвѣстный намъ переписчикъ, вѣроятно, изъ Вышеграда или Сазавы. Его дополненія относятся къ годамъ 1008, 1011, 1014, 1015, 1026, 1032, 1041 (II, 11), 1053, 1082, 1084 и 1089. Съ одной стороны они касаются церковныхъ дѣлъ въ Чехіи, именно основанія монастыря въ Сазавѣ въ 1032 году (I, 41), смерти перваго его настоятеля св. Прокопія въ 1053 году (II, 13) и заложенія Вышеградской церкви въ 1089 году (II, 41). Добавленія эти сохранились въ рукописяхъ 2, 2a, 2aa, 2b.

Стоящія отдѣльно добавленія, встрѣчаемыя почти въ каждой рукописи, тутъ не могутъ быть приняты во вниманіе.

В. Регель.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

1) MM. G. SS. IX, стр. 148 и слѣд.

2) F. R. B., II, стр. 238 и слѣд.

ОЧЕРКИ ГРЕЧЕСКОЙ ЗАГАДКИ СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НОВЫХЪ [1]).

Сборники загадокъ византійскаго періода, мнѣ извѣстные, я размѣщаю въ такой повременной послѣдовательности: Евстаѳьевъ-Ололовъ, Пселловъ, Авликаламовъ (?), Васильевъ, Діонисьевскій [2]). Кромѣ Авликаламова, въ хронологическомъ пріуроченіи котораго я не увѣренъ, послѣдовательность прочихъ довольно вѣрна.

Сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе. Мы повторяли надъ византійскими загадками тотъ же опытъ, который сдѣланъ нами надъ помѣщенными въ Пал. Анѳологіи, а именно сличали византійскія съ Симфозіевыми. Мы и тутъ, въ загадкахъ, писанныхъ о тѣхъ же самыхъ предметахъ, сходства не нашли.

Эпоху Евстаѳія Макремволита точнѣе другихъ, повидимому, опредѣлилъ Хильбергъ, впервые издавшій его сборникъ загадокъ. Найдя въ первой его загадкѣ, что Русь названа „ἐθνικὸν γένος“ = „народомъ языческимъ“, Хильбергъ предположилъ, что загадки его писаны раньше 988 (или 989) года, когда окрещена Русь; а такъ какъ Фотій, писавшій свою Вивліоѳику приблизительно около половины IX вѣка, между эротическими сочинителями не упоминаетъ Евстаѳія, который былъ авторомъ романа, то нѣмецкій ученый время этого писателя ограничиваетъ 850 и 988 (989) годами, чѣмъ опровергается мнѣніе тѣхъ, которые отожествляли этого Евстаѳія съ

---

[1]) *Окончаніе*. См. іюльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) Подъ названіемъ „Діонисьевскій сборникъ загадокъ“ я разумѣю византійскій сборникъ, открытый и изданный аѳинскимъ проф. С. П. Ламбросомъ, на томъ основаніи, что онъ найденъ въ обители Діонисія, на Аѳонѣ.

Евстаѳіемъ, епископомъ Ѳессалоническимъ, знаменитымъ толковникомъ Омира [1]). Въ первой загадкѣ задано имя собственное Φλῶρος, въ которомъ слогъ 2-й, будучи продолженъ, даетъ Ῥῶς; то же народное имя находится въ четвертой загадкѣ во 2-мъ слогѣ слова κηρὸς =„воскъ“, если вмѣсто краткаго звука написать долгій (ω вмѣсто ο) [2]). Доводы издателя побудили меня поставить этотъ сборникъ раньше прочихъ, мнѣ извѣстныхъ, сборниковъ византійскихъ задачъ. Здѣсь полу-шутливо, полу-серьезно занимаютъ другъ друга два византійскіе сановника IX—X в. Евстаѳій Макремволитъ, протоновелисимъ, авторъ романа объ Исминѣ и Исминіи, и Максимъ Оловолъ, великій протосингелъ, риторъ и философъ, авторъ слова о святой Маріи Египетской. Приведемъ образчики Евстаѳьевыхъ загадокъ изъ самыхъ короткихъ, избѣгая длинныя, которыя вмѣстѣ съ отгадками доходятъ до 30 стиховъ. Изъ 11-ти загадокъ почти всѣ представляютъ примѣръ урѣзокъ буквъ: сперва описано заданное слово; потомъ описывается слово, оставшееся за урѣзкой первой буквы отъ всего слова и т. д. Послѣ каждой загадки Евстаѳія стоитъ разгадка (λύσις) Оловола. Напримѣръ, задана — πόα = трава: (45) „Изъ земли получила я питаніе, состою изъ трехъ буквъ, но изъ двухъ слоговъ; урѣзавъ у меня начало (то-есть π) и увеличивъ середину (то-есть измѣнивъ ο на ω), получишь часть священнаго облаченія (то-есть, ὦα=оторочка, обшивка, кайма). Мой конецъ есть первая буква“ (дополни: въ азбукѣ). Слѣдуетъ разгадка Оловола, что это πόα, ὦα, α [3]). О значеніи урѣзокъ мы скажемъ нѣсколько послѣ по поводу сборника Діонисьевскаго. Приведемъ образчикъ безъ урѣзокъ, но за то съ объясненіемъ буквъ соотвѣтственными числами — на слово „φῶς“ = „свѣтъ“: (46) „Каждый можетъ меня видѣть, но не выдерживать; я съ неба спускаюсь и до земли дохожу: число мое трижды пять разъ: ты, какъ мудрецъ, постигай!“ Рѣшеніе: „Я вижу тебя, свѣтъ, а выдерживать не въ состояніи; отъ самой земли ты до неба доходишь:

---

[1]) *J. Hilberg.* Ευσταθιου πρωτονωβελεσιμου του Μακρεμβολιτου των καθ' Υσμινην και Υσμινιαν λογοι ΙΑ'. Vindob. 1876. Здѣсь вслѣдъ за этимъ романомъ приложенъ упомянутый сборникъ подъ заглавіемъ Ευσταθιου του Μακρεμβολιτου αινιγματα (стр. 201 — 217), впервые изданный Хильбергомъ по codex Marcianus. 531 (saec. XV) fol. 125b—128a. Опредѣленіе времени см. въ предисл. стр. 10.

[2]) См. въ сборн. Евстаѳія, № 1, стихъ 12 (ἐθνικὸν ὄψει γένος), въ разрѣшеніи же (λύσις) стихъ 10: εὐθὺ πανστρατὶ τοὺς Ῥῶς ἔχεις. Въ 4-й заг., стр. 11—12: ὄγκωσιν ἁδρὰν προσλαβόντος τοῦ μέσου βάρβαρον ἐκφαίνουσιν οἰκέτην Σκύθην.

[3]) См. тамъ-же въ отдѣлѣ сборника, стр. 204, № 2, и λύσις.

я тебя вижу, хотя тебя, какъ тьма, и скрываетъ загадка" [1]. Подобную загадку съ исчисленіемъ представляетъ русскій переводъ Діоптры, гдѣ авторъ ея, Филиппъ, опредѣляетъ свое имя слѣдующимъ образомъ: „Осмь писменъ имать и суть отъ нихъ согласно пять троесложно". По замѣчанію Востокова, основанному на одномъ Алфавитѣ выходитъ Φίλιππος: „Филиппа объявлено имя осмію буквъ, иже содержатъ число цп"=то есть 880 [2].

Энигмъ о мертвецѣ и гробѣ, входящій въ сборникъ Евстаѳія, мы выше отнесли къ древнему міру [3]. Кромѣ 11-ти Евстаѳьевыхъ загадокъ въ томъ же сборникѣ за ними слѣдуютъ еще 11, изъ которыхъ въ кодексѣ 2 приписаны Авликаламу; прочія же тамъ ни къ какимъ писателямъ не пріурочены [4].

Перехожу къ византійскому энциклопедисту Михаилу Пселлу, поднесшему сочиненные имъ энигмы своему императору Михаилу Дукѣ. Какъ опредѣлить время поднесенія этихъ стиховъ? Слова „δέσποτα στεφηφόρε=„владыка вѣнценосный",—могли быть обращены къ Михаилу Дукѣ и до его воцаренія, то-есть и до 1071 — 1072 г., такъ какъ онъ былъ вѣнчанъ въ 1067 г.; но выраженіе ὡς ὑπερφέρων πάντων = „какъ всѣхъ превосходящій" приводитъ насъ къ убѣжденію, что поднесеніе произошло послѣ 1071 — 1072 г., когда воцарился Михаилъ Дука, то-есть, на шестомъ десяткѣ жизни Пселла [5].

---

1) Тамъ же, стр. 210, № 11. τρὶς πεντάκις=трижды пять разъ; я думаю не договорено слово „ἑκατὸν"=сто, такъ какъ φῶς состоитъ изъ φ (= 500) + ω (= 800) + ς (= 200) = 1500. Издатель Евстаѳія Макремволита, г. Хильбергъ, пришелъ къ той же цифрѣ, не объясняя того, что подразумѣвается „сто".

2) См. *Востокова*, Описаніе Румянцевскаго музеума, № 95, стр. 165—166 (о Діоптрѣ). Алфавиты же, на которые ссылается издатель, описаны имъ въ №№ 1—4. Число 980 дается сложеніемъ: φ (500) + ι (10) + λ (30) + ι (10) + π (80) + π (80) + ο (70) + ς (200).

3) См. *Hilberg*. Eustath. M. № 8, p. 209; Notae издателя, p. 216. См. въ нашей статьѣ выше № 42.

4) Тамъ же, стр. 210 — 214 и Notae издателя, гдѣ онъ даетъ свѣдѣнія о каждомъ нумерѣ этихъ вторыхъ 11-ти загадокъ.

5) Годы приведены нами по *Muralt*, Essai de Chronographie Byzantine 1057—1453. T. I, 11. Bâle, Génève, 1871. Годъ рожденія Пселла 1018 г. Саѳа вывелъ изъ записокъ самого Пселла, *Sathas*, Bibliotheca medii aevi, t. IV, p. 30 (предисл.) и прим.—Соглашаясь съ послѣднимъ даннымъ, П. В. Безобразовъ высказываетъ предположеніе, которое онъ считаетъ почти не сомнѣннымъ, что Пселлъ не дожилъ до воцаренія Никифора Вотаніата, то-есть, до 1078 года. *П. В. Безобразова*, Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ, М. 1890. Ч. I, стр. 2 и пр. 3.

Судя по множеству рукописей, содержащихъ энигмы, приписываемые Пселлу, послѣднихъ должно существовать значительно больше, чѣмъ сколько ихъ издано, потому что ихъ издано всего 18, а у одного Фабриція ихъ имѣлось 41 [1]). Приведемъ нѣкоторые изъ изданныхъ.

(47) „Я видалъ духовными очами, владыко вѣнценосный, пишетъ Пселлъ, юношу и вмѣстѣ съ тѣмъ совершеннаго старца, высоко парящаго и приземнаго, колеблющагося и стойкаго, освѣщающаго и помрачающаго, разсѣкающаго, губящаго, однихъ отъ земли возводящаго, другихъ же къ землѣ придерживающаго, и спасающаго и прилѣпляющаго къ тлѣнію плоти". Загадано время (или годъ) [2]). Первое вѣрнѣе.

(48) Объ овечьей кожѣ = δέρμα προβάτου читаемъ: „Пока я жила, лишена была всякаго слова; я только-что умерла, и вотъ — полна всякаго слова".

Ἔζων δτ' ἔζων, πλὴν λόγου παντὸς δίχα·
ἔθανον ἄρτι, καὶ γέμω παντὸς λόγου [3]).

Объ Евѣ:

(49) „Меня сверхъестественно рождаетъ мужъ и отецъ; именуетъ меня „жизнью", а приношу я смерть" [4]). Это основано на Γένεσις Γ'.

---

[1]) Изъ энигмовъ Пселла только три изданы у *Fabric.* Bibl. Gr. XI, p. 699 (Harles). О спискахъ Пселла и объ имѣющихся у Фабриція энигмахъ этого писателя см. Fabr. B. G. X, 77. Тамъ же и указанія Харлеса. Тѣ же три (съ варіантами) и еще 15 обнародовалъ *Boissonade* въ Anecdota Graeca III, 429—436, по codex Paris. 968, p. 207. Изъ изданныхъ послѣднимъ нумера 11, 15 и 18 вошли въ сборникъ, изданный Хильбергомъ рядомъ съ Евстаеьевымъ (въ Eustath. Macr., стр. 213 и 214: а именно: εἰς τένταν, εἰς ὡρολόγιον (Boiss. αἱ ὧραι), εἰς ζυγόν (Boiss. τρυτάνη), какъ это уже было замѣчено самимъ Хильбергомъ (стр. 216 и 217). Къ трудамъ Пселла приложены два энигма, на половину народные, изданные Саеою. См. *Sathas*, Bibl. Gr. med. aevi, V. V. Pselli miscellanea. Par. 1876, стр. 569—570.

[2]) *Boiss.* A. G. III, p. 430, № 3: отгадка χρόνος. *Fabric.* B. G. XI, p. 699: отгадка того же энигма: ἐνιαυτός. Начало у обоихъ: εἶδον. Сравн. этотъ энигмъ съ древнимъ ѕд. № 14.

[3]) *Boiss.* ib., p. 431, № 7.

[4]) Boiss. A. G., III, p. 435, № 17. Εὔα. Въ Eust. Macr., ed Hilberg., p. 211- въ безъименномъ смѣшанномъ сборникѣ есть Εἰς τὴν Εὔαν иначе. Армянская объ Евѣ: „кто родился безъ отца?" Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 2, отд. 2, стр. 92.

20: „Καὶ ἐκάλεσεν Ἀδὰμ τὸ ὄνομα τῆς γυναικὸς αὐτοῦ Ζωή, ὅτι μήτηρ πάντων τῶν ζώντων".

(50) „Нашлось животное пѣшеходное, но пловучее, одушевленное, но бездушное, дышащее, но бездыханное, ползучее, ходячее и дѣйствующее крыльями: слушай, дивись и рѣшай". Это корабль = ναῦς [1]).

(51) Про вѣсы = τρυτάνη: „Я справедливъ, я верхъ справедливости; у меня шесть бедръ, хотя всего двѣ ноги". Ср. Армян.: „Шесть столбовъ, двѣ комнаты и одна перекладина" [2]).

Эти пять загадокъ обходятся безъ урѣзокъ буквъ: такихъ у Пселла тринадцать; съ урѣзками же всего четыре, да одна разсѣчена: всѣхъ изданныхъ, какъ мы сказали, 18-ть. Подобно Евстаѳію, и Пселлъ тоже подобрался къ Руси, но не чрезъ Φλῶρος и χηρός, а чрезъ ἔρως (ῥώς, ὥς=οὕς). Примѣръ разсѣченія слова надвое имѣемъ въ Ἰωάννης: это переходъ къ шарадамъ, которыми кишатъ французскіе и нѣмецкіе сборники, чему способствуетъ свойство французскаго и нѣмецкаго языка: (52) „Я—имя, означающее Божію благодать (намекъ на значеніе этого имени въ еврейскомъ языкѣ); имѣю два слога, выражающихъ восклицаніе печали (то-есть, ἰώ); если пожелаешь меня раздѣлить, — завершитъ меня женщина во второмъ падежѣ женскаго рода" (то-есть, Ἄννης) [3]).

Ужь по одному предпочтенію формы простой формѣ съ урѣзками Пселлъ Евстаѳія превосходитъ. Притомъ у Пселла нѣтъ сложенія чиселъ, соотвѣтствующихъ буквамъ, изъ которыхъ состоитъ предположенное слово, какъ напримѣръ, у Оловола указанное нами φῶς. А главное, и по содержанію и по обработкѣ его стихи изящнѣе Евстаѳьевыхъ и больше напоминаютъ древніе.

Помѣщенная между Пселловыми загадка про дымъ— καπνός, пови-

---

[1]) *Boiss.* A. G. III, p. 434, № 14. Нач.: Ζῶόν τι. Относительно ἔμψυχον, ἀλλ, ἄψυχον (v. 2) сравни съ ново-греч. загадкой о кораблѣ: Ἄψυχος, ψυχὴ δὲν ἔχει, καὶ ψυχὴ παίρνει και φεύγει. См. сборникъ Стаматела въ Σύλλογος (Κωνσ.) VIII, 400, № 9. Въ рукописномъ сборникѣ В. Θ. Регеля такъ-же; но вмѣсто καὶ ψυχὴ тамъ ψυχαῖς.

[2]) *Boiss.* ib., № 15. Начало: Δίκαιος, ср. у Василія *Boiss.* ib. Basil., № 26, то же съ перемѣной одного слова. Ср. № 11, подъ загл. Εἰς ζυγόν, въ смѣшанномъ сборникѣ у *Hilberg'a*, стр. 214, гдѣ тотъ-же экигмъ, что у *Boiss.* № 15, но никому не приписанъ. Ср. прим. *Hilb.* на стр. 217. Арм. въ Матеріалахъ для опис. Кавк. Ч. 2, отд. 2, стр. 94.

[3]) *Boiss.* ib., p. 435, № 16. Начало: κλῆσις.

димому, заимствована изъ сборниковъ древнихъ, какъ мы выше о томъ высказались.

Извѣстны пять или семь энигмовъ Авликалама: фамилія ли это, или прозвище, или псевдонимъ,—не извѣстно. Имя это, какъ предполагаетъ Буасонадъ, задано въ первомъ №, гдѣ сказано:

(53) „Я двуголовый, хоть души и не имѣю; по природѣ своей я водяной и земной. Если отрѣжешь у меня двойную голову, то не перемѣнишь ни моего названія, ни моей природы".

= Δίκορσος εἰμί, καίπερ ἀψυχουμένη,
ἐνάλιός τε καὶ γεηρὰ τὴν φύσιν.
ἂν γοῦν τέμῃς μου διπλοσύνθετον κάραν,
ἤμειψας οὐ τὴν κλῆσιν, οὐδὲ τὴν φύσιν [1]).

Буасонадъ поясняетъ, что въ словѣ αὐλικάλαμος есть значеніе придворнаго секретаря или префекта каникла [2]). Мнѣ кажется, что тутъ два раза скрывается двойной смыслъ. Такъ какъ κάλαμος значитъ трость, изъ которой дѣлаютъ орудіе и для письма и для свирѣли; а сверхъ того въ первой половинѣ слова есть и значеніе двора и значеніе свирѣли,—то авторъ энигма будетъ и придворное перо и придворная свирѣль. Но онъ о себѣ только намекаетъ; описываетъ же только самое слово по его составамъ. Хотя во второмъ стихѣ эпитеты и относятся къ растенію, къ тростнику, но эпитетъ „δίκορσος— двуголовый" принадлежитъ не тростнику, какъ растенію, а всему этому имени αὐλικάλαμος, состоящему изъ двухъ словъ (головъ). Отрѣзавъ первую голову (αὐλι-), все же будемъ имѣть вторую — κάλαμος, означающую тотъ же предметъ.

Время, когда жилъ авторъ этой диковинки, такъ же не извѣстно, какъ и его имя. Послѣ двухъ предыдущихъ поставили мы его безъ увѣренности, но, судя по языку, слогу и размѣру, онъ, вѣроятно, древнѣе Василія Мегаломита. Предлагаемъ одинъ доводъ. Оба они написали по загадкѣ на слово καρίς [3]), родъ морскаго рачка, squilla или scilla, котораго нынче греки называютъ γαρίδα. Одна изъ загадокъ, очевидно, передѣлана изъ другой: но такъ какъ у Авликалама въ

---

[1]) Пять энигмовъ Авликалама издалъ *Буасонадъ* въ Anec. Gr. III, 453—4, по cod. reg. 2991. A. p. 443. Кромѣ сихъ, въ томъ же спискѣ есть еще два, которыхъ онъ здѣсь не помѣстилъ, потому что, одинъ изъ нихъ помѣщенъ между Пселловыми (№ 11), а другой между Васильевыми (№ 32).

[2]) См. прим. къ № 1.

[3]) Καρίς см. Aulical. № 3— Basilii Meg. № 11. (*Boiss.* III, 453, 441).

3-мъ стихѣ въ началѣ стоитъ εὔχρηστον, имѣющее, какъ и слѣдуетъ, второй слогъ долгій, а у Василія въ томъ же мѣстѣ и значеніи стоитъ δόκιμον, въ которомъ второй слогъ, вопреки размѣру, краткій, то такое упущеніе могло скорѣе произойдти отъ позднѣйшаго писателя. И такъ Авликаламъ, повидимому, древнѣе Василія.

Вотъ еще одинъ образчикъ изъ Авликалама:

(54) „Ты состоишь изъ четырехъ буквъ, изъ двухъ слоговъ; ты явственно означаешь женскую природу: если же ты разомъ отнимешь двѣ крайнія буквы, то тобою будетъ названо одно изъ названій Божіихъ" =Σὺ τετράγραμμον συλλαβὰς φέρεις δύο, | δηλοῖς καθαρῶς τὴν γυναικεῖαν φύσιν. ἂν ἀκραδύο γραμμάτων συνεξέλῃς, | ἐν σοὶ καλεῖται τοῦ θεοῦ κλῆσις μία.

Вуасонадъ пишетъ: „это можетъ быть γονή, Иппократовское названіе τῆς μήτρας (матицы). Съ отнятіемъ крайнихъ буквъ γ и η, остается όν. Можетъ быть и θῆλυ (женскій полъ), гдѣ съ устраненіемъ крайнихъ θ и υ, окажется ἦλ еврейское имя Божіе. Это лучше". Вторая догадка Вуасонада оправдана и заглавіемъ, находящимся надъ этимъ самымъ энигмомъ въ изданіи Хильберга [1]).

Что Василій Мегаломитъ—Большой Носъ жилъ позже Пселла, это утверждалъ Н. Г. Политъ въ своемъ изслѣдованіи Вкладъ въ ученіе о языкѣ [2]). Онъ опирается на то, что загадка о чудѣ Моисеевомъ на Чермномъ морѣ Василія есть переводъ Пселловой о томъ же предметѣ: къ этому сличенію мы еще вернемся. Теперь же мы приведемъ и наши сличенія загадокъ этихъ двухъ писателей. У нихъ попадаются и другія загадки очень сходнаго содержанія, при чемъ возникаетъ вопросъ: кто-же кому подражалъ? Пселлъ пишетъ про ὄνυξ — ноготь: (55) „Я часть человѣка, потому-то и рѣжетъ меня желѣзо: съ отнятіемъ буквы заходитъ солнце" (то-есть безъ о будетъ νύξ—ночь). Василій о томъ же: (56) „Я часть человѣческаго тѣла, потому-то и очень отрѣзываетъ меня желѣзо. Состою изъ двухъ слоговъ: однако-же потомъ, оказавшись, по раздѣленіи односложнымъ, я мгновенно уничтожаю свѣтъ солнца" [3]). Вторая пьеса растянута изъ первой: не говоримъ о плохомъ ея изложеніи. Энигмъ объ Эротѣ Пселлъ начинаетъ словами: „Я крылатый и огненосный стрѣлокъ", держась образа классическаго; Василій же, какъ бы въ противоположность, ступаетъ на почву реальную, выражаясь такъ: „нѣтъ въ мірѣ ни одного животнаго, котораго бы я не поборолъ на

---

[1]) *Boiss.* III p. 453, № 2 и пр.1.—*Hilberg*, Eust. M. p. 211.

[2]) Ν. Γ. Πολίτης, Γλωσσολογικὴ συμβολὴ въ Ὁ ἐν Κωνστ. Ἑλλην. Φιλολ. Σύλλογος, VIII, стр. 523.

[3]) *Boiss.* A. G. III, Ps. № 6, p. 431, Basil. M. № 10, p. 441.

смерть, пожигая, раня безъ огня и лука" [1]). Тутъ нельзя не видѣть, со стороны Василія, намѣреннаго соперничества, хотя оно ему и не подъ силу. Дальше въ томъ же энигмѣ Пселлъ сопричислялъ Ῥῶς къ „варварамъ" съ своей точки зрѣнія; Василій же назвалъ Ῥῶς „народомъ западнымъ рабскимъ" (—ἔθνος δυσμικὸν δοῦλον), то-есть, прибавилъ нѣчто къ тексту Пселла—не умѣло и обличилъ этимъ нѣкоторое свое незнаніе.

Василій однако писатель не бездарный. Приведемъ нѣсколько его стиховъ.

(57) О свѣтѣ (φῶς): „Никто ясно не видитъ родившаго меня; когда кто видитъ что нибудь, то чрезъ меня видатъ; я же причиняю смотрящимъ — утружденіе. Имя мое состоитъ изъ одного слога и всего трехъ буквъ. Я каждый день умираю и опять оживаю [2]).

(58) Объ умѣ или душѣ (=νοῦς ἢ ψυχή): „Хожу по землѣ и опять стремлюсь въ высь; веселитъ меня матерія, а не люблю я матеріи. Ибо еслибъ я ее любилъ, то и внимателенъ былъ бы какъ къ другу; однако-же я ею-то больше превозношусь; и отъ земли вверхъ возношу голову" [3]).

(59) О небѣ (=οὐρανός): „Я портикъ, не состоящій ни изъ дерева, ни изъ камней, ни изъ какого-нибудь тлѣннаго вещества; никто меня не ворочаетъ, а я бѣгу мимо, никто не побуждаетъ, и я опять прихожу въ порядокъ" [4]).

(60) Про пѣтуха (=ἀλέκτωρ): „Есть такой мужчина, что вышелъ изъ бѣлаго камня; издали борода сверкаетъ какъ пламя; подъ ногами земля сотрясается; закричитъ,—демоны разбѣгаются; отъ его крыльевъ вѣтромъ вѣетъ" [5]). Слова о демонахъ основаны на повѣрьѣ, существующемъ у многихъ народовъ: это повѣрье, напримѣръ, и въ русской загадкѣ про пѣтуха: „Два раза родится, ни одного не крестится—чортъ его боится" [6]).

(61) Про книгу (=βιβλίον): „Я бѣла, а вовсе не яйцо; имѣю листья, а не рѣдька; хоть и содержу въ себѣ божественныя и мудрыя слова, и часто лежу на столѣ; но инымъ (людямъ) я въ пищу не гожусь" [7]).

---

[1]) Ib. Ps. № 9, p. 432; Bas. № 25, p. 445.

[2]) Ib. Bas. № 2. Начало: Οὐδείς.

[3]) Ib. id. № 40. Нач. Βαίνω.

[4]) Ib. id. № 41. Нач: Στοά.

[5]) Ib. id. № 23, p. 445. Нач. ἔστι τις.

[6]) *Садовниковъ*, Загадки рус. нар. № 943 (Сам. г. Ставр. у. с. Озерки).

[7]) *Boiss*. A. G.—Bas. № 15, p. 442.—Нач. Λευκόν.

Три первыя—книжныя; отъ двухъ послѣднихъ отзывается чѣмъ-то народнымъ. Вотъ еще одна подъ заглавіемъ „βίβλος", причемъ, судя по содержанію, авторъ разумѣетъ не книгу, а „письмо, записку"; она написана въ подражаніе древней Антифановой, нами приведенной выше о письмѣ [1]): (62) „Есть женское существо, крикливое и болтливое, скрывающее и спасающее въ лонѣ своемъ малютокъ [2]); безголосыя тѣ малютки и говорить не научены; однако-же у нихъ рѣчь явственная и громкая; хотя бы то на водахъ морскихъ, съ кѣмъ вздумаютъ — разговариваютъ; досягаютъ и до островитянъ и до жителей материковъ. А многія, хоть и на лицо, а ихъ не слышатъ. У малютокъ слуха нѣтъ" [3]). Глухоту Антифанъ комикъ приписываетъ людямъ, не понимающимъ прочитаннаго; а не понявшій Антифана Василій приписалъ глухоту малюткамъ (книгѣ, буквамъ) [4]).

О византійскихъ энигмахъ, изданныхъ С. П. Ламбромъ, мы отозвались въ другомъ мѣстѣ [5]): выше мы уже упомянули, что открытый и изданный имъ сборникъ мы будемъ называть Діонисьевскимъ. Объ эпохѣ составленія этихъ энигмовъ самъ издатель пишетъ слѣдующее: „Они написаны холіямвами. Хотя намъ и не извѣстенъ безыменный ихъ пѣвецъ, изъ качества стиховъ, въ которыхъ число слоговъ преобладаетъ надъ просодіей и которые большею частью лишены цезуры, мы можемъ предположить, что они сочинены въ позднѣйшія времена византійскаго

---

[1]) См. у насъ подъ № 19.

[2]) Буасонадъ, не имѣвшій въ памяти энигма Антифанова (здѣсь № 19), объясняетъ Васильевъ энигмъ, какъ книгу, а малютокъ, какъ листы книги: „illa βρέφη folia sunt" (nota 4). Но по смыслу Антифана (2-е объясн.) у Василія разумѣть надо письмо и письмена.

[3]) Антифанъ: „Τοῖς δ' οὐδὲ παροῦσιν ἀκούειν | ἔξεστιν· κωφὴν δ' ἀκοῆς αἴσθησιν ἔχουσιν". А въ разрѣшеніи: „ἕτερος δ' ἂν τύχῃ τις πλησίον | ἑστὼς ἀναγιγνώσκοντος οὐκ ἀκούσεται". Василій: „Πολλοῖς δὲ οὐκ ἔστιν αὐτῶν ἀκούειν καὶ παροῦσι | τῆς δ' ἀκοῆς τὴν αἴσθησιν κωφὴν ἔχει τὰ βρέφη. (*Athen*. X, 73. *Boiss*. An. Gr. III, p. 450—451, № 39). Послѣ ἔξεστιν въ изданіяхъ Аѳинея Швейхейзеровомъ и Мейнековомъ стоитъ верхняя точка, такъ что ἔχουσιν будетъ 3 л. мн. ч. наст. вр. въ изъяв. накл.; намъ кажется, что если эту точку устранить и этимъ путемъ получить дат. пад. мн. ч.—причастія наст. вр., то это чтеніе будетъ лучше.

[4]) Смотри Антифана у Аѳинея X, гл. 73 и здѣсь № 19.

[5]) Сборникъ этотъ помѣщается въ рукописи Діонисіевой Аѳонской обители, писанъ на бумагѣ, по мнѣнію издателя въ XVI в. (листы 185,е—190β). Статья Ламбра въ Δελτιον τ. ιστορ.... εταιρ. Т. II. τεῦ. 5 (1885) 'Αθην. Мой разборъ этой книги въ *Ж. М. Н. П.*, ч. 252. Отд. 2., см. стр. 166, 167.

царства, быть можетъ въ XIV или XV столѣтіи" [1])... Относительно языка г. Ламбръ замѣтилъ сочетаніе εἰ съ сослагательнымъ и часто повторяющійся именительный независимый падежъ. Быть можетъ, этихъ наблюденій почтеннаго ученаго было бы и достаточно для того, чтобъ побудить насъ помѣстить эти энигмы послѣ Васильевыхъ, хотя, впрочемъ, и у Василія εἰ сочетается иногда съ сослагательнымъ; но эти наблюденія не удержали насъ отъ дальнѣйшаго разбора означенныхъ сборниковъ въ виду точнѣйшаго опредѣленія ихъ взаимнаго отношенія—по времени. Мы замѣчаемъ, что № 20 Діонисьевскаго сборника подражаетъ разомъ и Пселлову № 13-му и Васильеву № 6-му [2]). Всѣ три имѣютъ предметомъ воскъ=κηρίον. Въ концѣ каждаго изъ нихъ сказано, что по откинутіи четырехъ первыхъ буквъ ὄντως ὂν εὑρήσεις=„найдешь истинно сущее"—буквально тѣми же словами. По поводу остающагося, по отнятіи первой буквы, слова ἦριον=„могила"—у Василія находимъ: „δάκρυα κινῶ καὶ μόνης ἐκ τῆς θέας" (стр. 4); а въ Діонисьевскомъ сборникѣ: „πληρῶ δακρύων τὰς ὄψεις ἐκ τῆς θέας" (стр. 11), то-есть, „слезы проливаю отъ одного вида"; „наполняю глаза слезами при видѣ": это лишь перифразъ одного и того же образа. Въ этой загадкѣ Діонисьевскій сборникъ кое-что поубавилъ и измѣнилъ, и очень много прибавилъ, особенно въ формѣ сложенія цифръ, превращенныхъ изъ буквъ [3]). Въ загадкѣ Χαρὰ=радость, Діонисьевскій сборникъ (№ 22) повторяетъ загадку № 3 Васильеву, прибавляя исчисленія и замѣщая насмѣшливыя восклицанія ἆ ἆ противъ монаховъ скучнымъ толкованіемъ, которому старается придать видъ остроумія, говоря: „первая буква (въ αρα) тожественна съ крайнею, а въ серединѣ обѣихъ остается всегда та, которая есть средняя" [4]). Итакъ, обѣ упомянутыя загадки Діонисьевскаго сборника передѣланы изъ Васильевыхъ, чѣмъ и доказывается ихъ болѣе позднее происхожденіе.

---

[1]) Δελτιον, ib., стр. 153.

[2]) Ib. стр. 163, № 20; *Boiss.* A. G. III, Pselli № 13 (p. 433), Basili № 6, p. 439.

[3]) „Число этихъ буквъ десять разъ пять, да трижды три, да пятьдесятъ разъ четыре" то-есть, $5 \times 10 + 3 \times 3 + 50 \times 4 = 259$. — Буквы, обращенныя въ цифры, даютъ почти то же число:

$$\begin{matrix} \kappa & + & \eta & + & \rho & + & \iota & + & o & + & \nu \\ 20 & + & 8 & + & 100 & + & 10 & + & 70 & + & 50 & = 258. \end{matrix}$$

[4]) Δελτιον, ib. p. 164, № 22, Ламбромъ прочитано вѣрно — χαρὰ; *Boiss.* A. G. III, p. 438, № 3. Χαρὰ.

Между Діонисьевскими загадками есть и подражаніе древней. Вотъ древняя:

(63) Ἐν φανερᾷ γενόμαν, πάτραν δέ μου ἁλμυρὸν ὕδωρ
ἀμφὶς ἔχει. μάτηρ δ' ἔστ' ἀριθμοῖο πάις.

„Я родился на видномъ (то-есть, островѣ, говоритъ о себѣ Аполлонъ); родину мою объемлетъ вода соленая; матерь моя—дочь числа". Здѣсь φανερᾷ есть синонимъ δήλῳ: оба слова означаютъ: „видный, явный, стоящій на виду, извѣстный": но второе есть и имя собственное острова, гдѣ родился Аполлонъ. Мать Аполлона Лито была дочерью Кія (Κοίου), македоняне же словомъ κοῖον означаютъ число: стало быть ἀριθμοῖο παίς наводитъ на Κοίου παίς, то-есть, на Лито [1]). Вотъ какъ передѣлалъ это авторъ № 11-го въ Діонисьевскомъ сборникѣ, разумѣя тоже слово Δῆλος (64): „Мое двусложное имя означаетъ видный и одинъ изъ островковъ (Τὸν ἐμφανῆ καὶ τὴν μίαν τῶν νησίδων | ἡ δισύλλαβος κλῆσίς μου ἐμφανίζει). Оно относится къ обоимъ родамъ. Его образуютъ пять буквъ. О гость! число, ими выражаемое, есть дважды шесть вмѣстѣ съ шестью пятьдесятъ. Отскобливъ первую букву, тотчасъ назовешь желѣзный гвоздь (безъ δ слово Δῆλος окажется ἧλος „гвоздь"; что здѣсь въ византійской загадкѣ подсказано впередъ словами: γόμφον σιδήρεον). Откинувъ и третью, назовешь часть рѣчи, по имени членъ, въ именительномъ падежѣ мужскаго рода (то-есть ὅς)" [2]). Какъ въ древне-греческомъ стишкѣ, такъ и въ средне-греческомъ его подражаніи помѣщены синонимы отгадываемаго слова [3]). Подобно этому и по новогречески загаданъ: „боченокъ—βαρέλι"; между тѣмъ въ самой загадкѣ употреблено слово χοντοπίθαρος—„коротенькій боченокъ" (65): „Сынъ мой (сказано) коротенькой боченокъ со многими поясами"=ὁ γυιός μου ὁ χοντοπίθαρος | μὲ τὰ πολλὰ ζωνάρια". Правда, въ варіантѣ стоитъ χοντοθόδωρος = коротенькой

---

[1]) Энигмъ и объясненіе см. въ Athen. X., cap. 83. — Онъ изданъ и въ Anth. Gr. Brunck-Iacobs, T. IV. p. 286. См. Animadversiones къ T. III, p. 342—3 (гдѣ любопытныя замѣчанія Якобса)—и въ Anth. Gr. Iacobs, T. II p. 814. Мы здѣсь держались Аѳинея по изд. Мейнеке.

[2]) Δελτιον. Ἱστρ... Ἑτ. T. II. τεῦχ. 5. Стр. 159 — 160, № 11. Числа $2 \times 6 + 6 \times 50 = 312$.—И по буквамъ столько же:

$$\begin{matrix} \delta & & \eta & & \lambda & & o & & \varsigma & & \\ 4 & + & 8 & + & 30 & + & 70 & + & 200 & = & 312. \end{matrix}$$

Δῆλος—имя острова и „видный" и т. п. ὅς, мѣстоименіе, которое въ грека позволительно было прозвать и членомъ (ἄρθρον).

[3]) Ср. выше Πηλείδης зд. № 41. Εὖα № 49.

Өедоръ [1]). Приведемъ и варіантъ (66): „Ὁ γυιός μου ὁ Κοντοθόδωρος | πολλὰ ζωνάρια ζώνεται | , ζώνεται ξεζώνεται | καὶ ξεζωμοὺς δὲν ἔχει.“ = „Сынъ мой, коротенькій Өедоръ, многими поясами опоясывается, опоясывается—распоясывается, а все же совсѣмъ-то не распояшется“. Энигмъ, приведенный здѣсь первымъ, легокъ, второй—труденъ; быть можетъ, такъ и нужно въ игрѣ:—то утрудить, то облегчить. Среднимъ по степени трудности рѣшенія можно считать слѣдующій: „ὁ θειός μ' ὁ κοντοκούβαρος μὲ τὰ πολλὰ ζουνάρια“ = „дядя мой коротенькой кубарь съ многими поясами“ [2]).

Въ Діонисьевскомъ сборникѣ есть одна пьеска, подъ которою въ кодексѣ подписано слово Ἄννα. Ошибочность этой подписи уже указана была издателемъ С. Ламбромъ. Мое предположеніе о томъ, что должно считать разгадкой γαῖα=земля, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. „У меня четыре буквы (сказано тамъ); чтоже я такое? лишаюсь одной (буквы) и опять оказываюсь тѣмъ же (то-есть γαῖα безъ γ будетъ αἶα означающее тоже=„землю“). Мною произведены всѣ находящіяся на мнѣ существа. Лишаюсь и второй (буквы) и оказываюсь немногими частицами произведенныхъ существъ—пестротою луговыхъ благоуханій (по отнятіи α будетъ ἴα—фіалки). Въ этихъ трехъ буквахъ есть что-то забавное; и если хочешь узнать, такъ узнавай: конецъ трехъ буквъ имѣю началомъ, среднюю имѣю въ срединѣ, а начало ношу вмѣсто конца“ (въ словѣ αἶα: α=α, въ серединѣ же іота [3]). Здѣсь считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что такъ какъ ученые греки эпохи турецкаго ига продолжали вообще писать древне- и средне-греческимъ языкомъ, то понятно, что и загадки писались часто этимъ книжнымъ языкомъ. Такъ, можно догадываться, что и рукописныя загадки Герасима Критянина, патріарха Александрійскаго, жившаго въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія, писаны не по новогречески [4]).

При сравненіи доступнаго намъ матеріала средневѣковыхъ гре-

---

[1]) Νεοελλ. Α. ср. №№ 31 и 266. — Συλλ IX, 351, № 17. Только тамъ γυιός, а здѣсь θειὸς—дядя (ὁ κάδδος).

[2]) Λελεκου Δημοτικη ανθολογια, Αθην. 1852.—На послѣдн. стр. Αινιγματα.

[3]) Δελτιον Ἱστ. I, 5. p. 158—159, № 8. Начало: ἔχω.

[4]) Ркп. подъ № 753 (Ксенофонт. обит. № 51, 6) (по Καταλογος Λαμπρου) озаглавлена: „Αἰνίγματα τινὰ πάνυ ὡραῖα ποιηθέντα ὑπὸ τοῦ μακαριωτάτου πάπα καὶ πατριάρχου Ἀλεξανδρείας κ. Γερασίμου“. О самомъ Герасимѣ см. Demetrii Procopii De eruditis Graecis, гл. 9. (Помѣщено это соч. съ латин. перев. въ Fabr. B. Gr. XI, см. стр. 523 (Harl).

ческихъ загадокъ съ древними замѣчаемъ, что между средневѣковыми предметы отвлеченные не составляютъ рѣдкости: такъ, у Василія ихъ больше четверти; ихъ значительно меньше четверти у Пселла. Въ древнихъ, напротивъ того, случаи загадыванія предметовъ отвлеченныхъ—рѣдки [1]). Рѣдкость отвлеченныхъ предметовъ усматриваемъ и въ Діонисьевскомъ сборникѣ; въ Евстаѳьевомъ же и вовсе ихъ нѣтъ; и однако-же это отрицательное сходство ихъ съ древними не дѣлаетъ ихъ похожими на тѣ.

Другой признакъ различія между древне-эллинскими и византійскими энигмами—это частое употребленіе послѣдними урѣзокъ. У Евстаѳія и въ Діонисьевскомъ сборникѣ всѣ заданныя слова съ урѣзками; у Пселла ихъ около $^1/_4$, у Василія около $^5/_8$. Но помимо занимательности, которую находили въ тѣ времена въ этой игрѣ звуками и словопревращеніями, не имѣли ли урѣзки какого-нибудь особаго значенія? Намъ кажется, что за неумѣніемъ намекать на заданное слово посредствомъ описанія, сравненія, контраста, автору было сподручно содѣйствовать разгадкѣ путемъ урѣзокъ (или другихъ способовъ—псевдограмматическихъ и ариѳметическихъ). Такъ, напримѣръ, не будь урѣзокъ, слѣдующая загадка ὁ νοῦς=умъ, могла бы быть объяснена какъ ψυχή=душа, въ которой тоже 4 буквы (67): „Я властелинъ человѣческаго существа, двигая вѣчнодвижно каждаго человѣка; между мною и прирожденнымъ мнѣ тѣломъ—непримиримый бой. Отнявъ первую мою букву, ты тотчасъ назовешь—органъ чувства (οὖς=ухо). Отнявъ вторую, узнай тотчасъ четвероногое животное (ὗς=свинья)". Если древніе употребляли урѣзки, то, вѣроятно, очень рѣдко, такъ какъ изъ числа завѣдомо древнихъ загадокъ намъ не извѣстно ни одной съ этой особенностью. Въ Анѳологіи Палатинской есть такая загадка о ногѣ=πούς (68): „Я низменный членъ у животныхъ: если отнимешь у меня одну только букву, я стану частью головы (οὖς=ухо); еслиже и другую, стану животнымъ (ὗς=свинья); если же еще одну, найдешь не одну, а двѣсти" (то-есть—σ, означающую это число). Эта загадка пересказана Василіемъ и авторомъ Діонисьевскаго сборника [2]). Есть въ той же Анѳологіи энигмъ, въ

---

[1]) Ср. χρόνος=время между γρῖφοι λογικοί (зд. № 14) и между Пселловыми (зд. № 51).

[2]) Приведенная нами загадка о πούς находится за № 105 въ Anthol. Graeca, Jacob. T. II. На то же слово у Василія, *Boiss.* An. G. III, № 12, въ Діонис. Сб. Δελτιον II, 5, № 7.

которомъ къ одному слову нужно прибавить слогъ, чтобъ вышелъ смыслъ:

(69) Οἴνου τὴν ἑτέρην γράφε μητέρα, καὶ θὲς ἐπ' ἄρθρῳ ἄρθρον, καὶ πάτρην πατρὸς ἄκοιτιν ὁρᾷς.

Или по исправленію Бутмана τοῦ πάτρη πατρὸς ἄκοιτις, ὁρᾷς. „intelligi autem (то-есть, онъ полагалъ) verba ὁ μηρός, unde Bacchus genitus addito articulo est ὁ Ὅμηρος; hujus patria Σμύρνα, eadem ac Μύρρα, quae cum patre concubuit" [1]).

Куда отнести означенныя загадки, приведенныя нами изъ Аноологіи? онѣ больше похожи на византійскія, но съ увѣренностью мы не можемъ отвергать ихъ древность. Мы привели изъ Пселла энигмъ про ноготь=ὄνυξ (см. № 55), который, не смотря на урѣзку омикрона для составленія νύξ, больше похожъ на древній, чѣмъ на византійскій. Что и въ древности бывали кружки и даже эпохи, не отличавшіеся хорошимъ вкусомъ, это читатель могъ видѣть изъ выдержекъ, сдѣланныхъ нами изъ Клеарха и Аѳинея; рѣшались отрѣзывать начальный и крайній слогъ стиха, для составленія изъ нихъ какого-нибудь слова. Въ такъ-называемой „грамматической трагедіи" Калліи дѣйствующія лица принимали названіе и видъ буквъ греческой азбуки и маневрировали на сценѣ по командѣ; въ стихи входили такъ-называемые склады, въ родѣ „буки азъ" и т. п. И это происходило въ Аѳинахъ во время Софокла и Еврипида [2]).

Итакъ, если со временемъ и будетъ доказано присутствіе урѣзокъ въ древнихъ энигмахъ, то все же это не будетъ ихъ характеристическою чертою, и все же частое употребленіе урѣзокъ останется отличительнымъ признакомъ средневѣковыхъ.

Еще одну примѣту различія составляютъ растянутость и тяжеловатость византійскихъ энигмовъ въ сравненіи съ краткостью и легкостью древнихъ. Впрочемъ, наклонность къ растянутости и тяжелымъ оборотамъ осмѣялъ, какъ мы видѣли, въ своихъ современникахъ, а можетъ быть и спеціально въ энигмографахъ, еще древній комикъ [3]).

---

[1]) См. Anthol. Gr.=Br.—Jac.—T IV, p. 293, № 33; и Animadv. къ сему Vol. III, P. 2, p. 363.

[2]) Athen. X. стр. 79.—„γραμματικὴ τραγῳδία" Калліи вещь не совсѣмъ разъясненная.

[3]) См. выше №№ 23 и 27.

Древніе энигмы бываютъ иногда остроумны и игривы; такими византійскіе бываютъ очень рѣдко: они серьёзны и сухи, а это не къ лицу игрушкѣ воображенія. До какой степени сталъ серьезенъ ихъ характеръ, явствуетъ изъ того, что византійскіе книжники не усомнились внести въ нихъ ангеловъ, святыхъ, добродѣтели. Однако это произошло отнюдь не по глумленію, а оттого, повидимому, что они считали энигмъ однимъ изъ серьезныхъ способовъ умственнаго развлеченія, достойнымъ людей высшаго развитія. Отмѣтимъ изъ Василія, какъ особенно выдающійся примѣръ:

(70) „Я и херувимовъ честнѣе, и серафимовъ блаженнѣе, и во мнѣ больше сіянія, чѣмъ въ солнцѣ. Не надѣйся кто-либо найдти во мнѣ дѣву, какую-либо жену изъ добродѣтельныхъ. А буквъ во мнѣ всего пять".

= Καὶ τῶν χερουβίμ εἰμι τιμιωτέρα,
καὶ τῶν σεραφὶμ ὑπερολβιωτέρα,
καὶ τῶν στιλπνοτήτων ἡλίου πλέον φέρω.
Μὴ Παρθένον τις ἐλπίσῃ με τυγχάνειν,
γυναῖκά τινα τῶν ἐναρέτων μίαν.
Ἔχω δὲ καὶ γράμματα πέντε καὶ μόνον [1]).

Буасонадъ предполагаетъ, что это Марія Египетская или какая либо другая личность того же имени [2]): этотъ эллинистъ, должно быть, въ стихѣ 5-мъ подразумѣваетъ предложеніе утвердительное, въ родѣ „ожидай одну изъ женъ". Но какимъ образомъ одна изъ женъ можетъ быть выше силъ безплотныхъ? По-моему γυναῖκά τινα зависитъ отъ предыдущихъ словъ μή τις ἐλπίσῃ με τυγχάνειν = „да не ожидаетъ кто либо, что я" и т. д. Стало быть это не женская личность. Напрасно почтенный ученый отвергъ приписанное на полѣ слово ἀγάπη; больше и быть нечему, какъ ἀγάπη = любви евангельской: не дѣва, не жена, свѣтлѣе солнца, честнѣе безплотныхъ и 5 буквъ. Эта „загадка" напоминаетъ „опредѣленіе" понятія ἀγάπη въ стихотворномъ сочиненіи „О добродѣтели и порокѣ", одними списками приписываемаго Пселлу, а другими Продрому.

---

[1]) *Boiss*. An. Gr. III, Basil. N. 37, p. 449—450. Первые два стиха Василія представляютъ перифразъ начала канона на Великую Пятницу ᾠδὴ Θ'. — Оттого онъ и предупреждаетъ: μὴ Παρθένον τις ἐλπίσῃ με τυγχανειν.

[2]) Id. p. 450, n. 1.

Любовь евангельская.

„Я источникъ и кругомъ обтекаю, ибо всѣ добродѣтели въ (одинъ) кругъ сжимаю".

= Ἀγάπη.

Ἔγωγε πηγὴ καὶ περιρρέω κύκλῳ·
καὶ γὰρ ἁπάσας ἀρετὰς σφίγγω κύκλῳ [1]).

Спрашивается, какое различіе между выписаннымъ выше произведеніемъ Василія и только-что приведенной выдержкой, имѣющей тотъ же предметъ? Первое не называетъ предмета; надъ второй стоитъ заглавіе. Первое опредѣляетъ отрицательно: „не то, не то", извѣстный пріемъ загадокъ; вторая даетъ опредѣленіе въ утвердительной формѣ. Первое выставляетъ число буквъ; второй этого не нужно дѣлать. Мы себѣ позволили это отступленіе, вопервыхъ, для подкрѣпленія довода въ пользу ἀγάπη въ загадкѣ № 37 Василія, а вовторыхъ, имѣя въ виду неразъясненность формъ византійской литературы. Наконецъ, относительно того свойства, по которому загадки могутъ быть не удобны для печати или, какъ русскій народъ выражается, не хорошо загадываются, скажемъ, что это свойство, котораго не избѣгали древніе эллины, и особенно ихъ комики, совершенно отсутствуетъ въ книжныхъ византійскихъ загадкахъ, на сколько онѣ извѣстны. Новогреческія же загадки, подобно древнимъ, представляютъ иногда примѣры, не удобные для печати.

Трудно высмотрѣть народную греческую загадку въ письменныхъ памятникахъ, доставшихся намъ изъ міра классическаго и византійскаго. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, богатая письменная литература древнихъ и средневѣковыхъ грековъ почти заслонила собою устное народное слово. Читатель могъ убѣдиться изъ нашей статьи, что мы сдѣлали попытку выдѣлить изъ древне- и среднегреческихъ загадокъ кое-что, сохранившееся въ письменномъ преданіи съ характеромъ устнаго народнаго слова. Это послѣднее необходимо изучать въ самомъ нынѣшнемъ греческомъ народѣ, или въ тѣхъ

---

[1]) Του σοφωτατου ψελλου ιαμβοι εις αρετας και κακιας — въ Heraclidis Pontici... Allegoriae in Homeri fabulas de diis... *C. Gesnero*... interprete. Basileae. (Подъ предисл. 1544 г.; тоже въ концѣ книги). Означенные ямвы здѣсь въ видѣ приложенія 3-го. — Подъ именемъ Του Προδρομου по код. 2761, p. 292 Bibliot. olim Abbatiae Florent. издалъ *Piccolos* то же стихотвореніе въ Supplément à l'Anthologie grecque. Paris. 1853. p. 220—225.

матеріалахъ, которые собраны въ разныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ греческимъ племенемъ. Кажущееся новымъ не всегда ново: въ немъ можетъ крыться очень старое [1]).

Мы здѣсь помѣщаемъ указаніе только на тѣ сборники загадокъ, которыми намъ удалось воспользоваться.

1. Νεοελληνικα Αναλεκτα, Αθην. 1871. Весь выпускъ 4-й I тома посвященъ народнымъ загадкамъ подъ заглавіемъ Δημωδη αινιγματα. Онѣ собраны изъ разныхъ мѣстностей 11-ю лицами, въ числѣ 351. Означены отгадки и мѣстности. Къ сожалѣнію, очень мало объяснено рѣдкихъ, иногда областныхъ, словъ: такія объясненія собирателю либо извѣстны, либо могутъ быть легко сообщены мѣстными жителями; далекому изслѣдователю они крайне нужны.

2. Δελεκου, δημοτικη ἀνθολογια, 1852.—На послѣдней страницѣ находится тутъ нѣсколько загадокъ, къ которымъ, впрочемъ, не приложены разгадки.—Втораго изданія я не видалъ.

3. Ἱστορία καὶ στατιστική Τραπεζοῦντος. Ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου. Κωνστ. 1870. Здѣсь на стр. 271—2 помѣщены 24 энигма съ рѣшеніями. Очень любопытны особенно по говору.

4. Σταματέλου, Συλλογη των ζωντων μνημειων εν τη γλωσση του Λευκαδιου λαου, помѣщено въ Ὁ ἐν Κωνσ. Ἑλλ. Φιλολ. Συλλογος. Т. VIII. Здѣсь въ отдѣлѣ Αινιγματα есть десять загадокъ, употребляемыхъ на островѣ Св. Мавры,—и разгадки ихъ (стр. 399—400).

5. Μαραγγοῦ. 3 загадки въ томъ же VIII томѣ Силлога.

6. Χαβιαρᾶ, Συμαϊκη διαλεκτος, стр. 489 — 90; 18 загадокъ съ острова Симы.

7. Χιακη διαλεκτος, стр. 494; 5 загадокъ Хійскихъ.

8. N. Т. Πολίτου, Γλωσσολογικη συμβολη—въ томъ же томѣ Силлога, на стр. 513—526. Собраны изъ разныхъ источниковъ 46 загадокъ, приложены 19 неизданныхъ; сдѣланы любопытныя сближенія нынѣшнихъ народныхъ съ древними и средневѣковыми, и указаны 11 сборниковъ.

9. Μανασσίδου, въ Ποικιλη Ὑλη помѣщены 17 загадокъ Энскихъ (Αινου) и Имврскихъ, стр. 350—351.

10. Кромѣ означенныхъ большую пользу намъ принесъ рукописный сборникъ греческихъ загадокъ, составленный въ Энѣ (=Эносѣ)

---

[1]) Было бы очень интересно изучить тѣ загадки, которыя входятъ въ составъ сказокъ и особенно сказки, основанныя на загадкахъ, но это завело бы насъ далеко. См. замѣчанія объ этомъ у г. *Полита* въ Силлогѣ Конст. VIII, 518—519 и 525.

В. Эд. Регелемъ въ 1887 г. Собиратель предоставилъ мнѣ этотъ тщательно составленный сборникъ съ отгадками, ссылками и примѣчаніями въ пользованіе, за что приношу ему искреннюю благодарность. Здѣсь помѣщены 93 загадки. — Намъ не извѣстенъ ни одинъ собиратель новогреческихъ загадокъ, который составилъ бы сборникъ ихъ въ такомъ значительномъ количествѣ.

Прежде нежели мы представимъ какія-либо сравненія, мы выпишемъ въ переводѣ нѣсколько новогреческихъ загадокъ, желая передать хотя отчасти то впечатлѣніе простоты, свѣжести, наглядности, которое онѣ производятъ въ подлинникѣ. При немногихъ приложимъ и подлинныя слова.

(71) Солнце: „Иду я въ церковь, замыкаю свой домъ; ворочаюсь домой и въ домѣ нахожу вора“ [1]). — Солнечный лучъ: „замыкаю, задвижку закладываю,—а вора внутри нахожу“ [2]).

(72) Небо: „Смоковница высока, не взойдти, ночью родитъ смоквы“ [3]).

Небо, солнце, мѣсяцъ: „Садъ длинный, садъ широкій, въ немъ много (всякихъ) лимоновъ, да два большихъ“ [4]).

(73) Огонь: „Красный мой барашекъ дровъ поѣстъ и на свѣтъ покажется, воды попьетъ и помретъ“ [5]). Иначе: (74) „На лугу Аргосскомъ есть красный бычокъ: пожираетъ камни, пожираетъ дрова, а завидитъ лишь воду—такъ и помретъ“ [6]).

(75) Соль (ἁλάτι): „Не посѣяна, не посажена, по свѣту искана“.

Ἄσκαρτο κὶ ἀφύτευτο
'στὸν κόσμον πολυγύρευτο [7]).

(76) Лѣсъ корабельный: „На горѣ я рожденъ, на горѣ воспитанъ, сталъ чернымъ арапомъ и въ море спущенъ“ [8]).

(77) Лоза виноградная, виноградъ, вино: „Отецъ горбатый,

[1]) Νεοελλ. Αν. № 192; сравн. 193.

[2]) Σύλλογος VIII, 400 (8). Συλλ. IX, 351, № 14. Вар.

[3]) N. A. № 14.

[4]) N. Αν. № 336.—Иначе у В. Ѳ. Регеля, № 65.

[5]) Регель, № 86.—Варіантъ въ Силл. VIII, 489, 8.

[6]) Я слышалъ какъ загадку острова Калимна.

[7]) N. Αν. № 262. Ср. иначе ib. № 6. Другую греческую о соли см. ниже здѣсь № 118.

[8]) Силлога VIII, стр. 524 (7).

сынъ хорошій, внукъ бѣшеный". (Вар. „Мать кривошея, дочка золотая, внучка бѣшеная" [1]).

(78) Рожокъ сладкій (=ξυλοκέρατο, χαρούπι): „Бѣлымъ я родился, а чернымъ сталъ, да на старости и зубы качаются" [2]).

(79[1]) Гранатъ (=τὸ ῥόδιον=ῥοΐδι): „Коробья, коробейка, наполнена красными платьями" [3]).

(79[2]) Арбузъ (καρπούζι): „Урна ты моя мраморная, гладкая, литая, съ рыбушками черненькими, съ водицей студеною" [4]).

(80) Губка (σφουγγάρι): „Кадка вся дырявая, а капли воды не пропуститъ"=χιλιοτρύπητο λαγῆνι 'ποῦ σταλιὰ νερὸ δὲ χύνει [5]).

(81) Слизнякъ (σάλιαγκας): „Есть одна вещь: что это за вещь! Съ рогами, а не быкъ! Что это за чудо! носитъ сѣдло, а не оселъ, что это за чудо!" [6]).

(82) Морской ежъ (ἀχινέος): „Круглая башня, вооруженная пушками" [7]). Иначе: „Круглый, круглый монахъ, нагруженный кольями" [8]).

(83) Паукъ (ἀράχνη): „Охотой я всегда живу, а по лѣсамъ не хожу; я не рыбакъ, а сѣти плету и ставлю, съ бѣдняжками вожусь, а бѣдности никогда не знаю, крохотными нищенками пузо наполняю" [9]).

Курица: „Добрая хозяюшка безъ муки печетъ пирожокъ"=Μιὰ καλὴ νοικοκυρίτσα χώρς ἀλεύρι φθιάν' πιτίτσα [10]).

(84) Черепаха (χελώνη): „Небо что мѣдь, земля ровна, кошачьи лапки, змѣиная головка" [11]) =Οὐρανὸς χάλκωμα, γῆ ἴσια, γατιοῦ ποδάρια, φιδιοῦ κεφάλι.

(85) Старикъ (γέροντας): „Горы покрылись снѣгомъ, долгія укоротились, изъ двухъ стало три, а мельница больше не мелетъ" [12]).

(86) Родители (γονεῖς): „И ты это имѣешь, и я это имѣю, и

---

[1]) N. Av. № 332; вторая въ N. Av. 56, у Регеля, № 9.
[2]) N. A. № 339.—Варіанты въ Силлогѣ VIII, 400, № 5 и 490, № 15.
[3]) Регеля № 83.—Ср. русск. про огурецъ.
[4]) N. A. № 41, Регель, № 53.—Иначе: въ Сялл. VIII, 524 (№ 16).
[5]) N. A. № 16.—Ср. Варіантъ въ Силлогѣ VIII, 515 (20).
[6]) N. A. № 50. Регель, № 81.
[7]) N. A. № 89.
[8]) N. A. № 250.
[9]) Лелека, стр. 40.—Ср. Силл. VIII, 524, 17 (вар.).
[10]) Регель, № 10.
[11]) N. A. № 171 Регель, № 2.—Силл. VIII, 489 (2) (вар.).
[12]) N. A. № 165. Ср. № 279 тамъ же (варіантъ).

весь свѣтъ имѣетъ это, кто одного, кто двухъ, а кто и одного не имѣетъ“ [1]).

(87) Голова (κεφάλι): „У меня есть коробъ, въ коробѣ у меня есть кое-что: уйди то кое-что, коробъ мнѣ на что“? Ἔχω ἕνα κουτὶ κ' ἔχω μέσα κἄτι τί, ἂν μοῦ φύγ'το κἄτι τί, τί τὸ θέλω τὸ κουτί [2]);

(88) Вѣки ('ματόχλαδα): „Закрываю мой сундучекъ, а бахромку наружу“ [3]).

(89) Ротъ (στόμα): „Коробья, коробочка, наполнена топориками“ [4]).

(90) Языкъ и зубы (γλῶσσα μετὰ τῶν ὀδόντων): „Кругомъ перегородки, а въ серединѣ дѣвица играетъ“ [5]).

(91) Печь (φοῦρνος): „Чернорылый быкъ въ лѣсъ не ходитъ, а лѣсъ истребляетъ“.=Μουρμούτσουρο δαμάλι'ς τὸ ῥουμάνι δὲν πηγαίνει |τὸ ῥουμάνι ξερριζώνει. Ср. русскую про шестокъ: Кирило! Кирило! что у те замарано рыло? такъ Богъ велѣлъ [6]).

(92) Корабль (καράβι, πλοῖον): „Бездушный, души не имѣетъ, душу заберетъ и удеретъ“ [7]). Иначе: „колеблется церковь, ходитъ святой престолъ, а попа спрашиваютъ: гдѣ востокъ“ [8])?

(93) Било, клепало (σημαντῆρι): „На горѣ родился я, тамъ и обсѣкли меня; а теперь, какимъ образомъ я сталъ крикуномъ въ городѣ“?

= 'Σ τὸ βουνὸ γεννήθηκα
ἐκεῖ καὶ πελεκήθηκα,
καὶ τώρα πῶς κατάντησα
πρωτόγερος τῆς χώρας [9]);

(94[1]) Кувшинъ (στάμνα): „Изъ земли я созданъ, какъ Адамъ; пока жилъ, многихъ освѣжилъ, а когда умеръ, никто не нашелся— похоронить мои кости“. Ср. русск. про горшокъ:

---

[1]) N. A. № 105.

[2]) N. A. № 226.—Вар. въ Силл. VIII, стр. 489, 3.

[3]) N. Av. № 5. Ср. 154 у Регеля иначе № 27.

[4]) Силлогъ VIII, ст. 400, № 7.

[5]) Силлогъ, IX, 350, № 10.

[6]) Сборникъ Регеля, № 1,—русская у *Садовн.* З. Р. Н. № 130.

[7]) Συλλογ. VIII, 400, № 9. Συλλ. IX, 350, №8.—Вар. у Регеля № 88.

[8]) Ἰωαννίδης, Ἱστορ. стр. 271. № 5 (Трапезунтская).

[9]) Συλλ, VIII, 523. — Πρωτόγερος не значитъ старшина или голова, но „бирючъ, крикунъ“, иначе τελάλης (мусульманск. слово), оповѣщающій о какомъ нибудь распоряженіи Οἰκονόμου, Κωνστ., Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς Ἑλλην. γλώσσης, стр. 303, въ прим.

(94[2]) „Померъ Адамъ ни Богу ни намъ, ни душа на небо, ни кости въ землю [1]).

(95) Трубка (τσιμπούκι): „У меня есть колодезь: дупло земленое, вода травяная, веревка деревянная" [2]).

(96) Сапогъ (ὑποδήματα): „Цѣлый день биткомъ набитъ, ночью порожнемъ стоитъ".

'Ολη 'μέρα μποῦκα, μποῦκα,
καὶ τὴν νύχτα χάσκα, χάσκα [3]).

Ср. Армян.: „Ночью ага (баринъ), днемъ слуга".

(97) Веретено (κλώστης, δράχτι, ἄτρακτος): „Поднимается да спускается, хоть ни ѣстъ, ни пьетъ, а животъ набьетъ=ἀναιβαίνει ἡ πιπιτσού καταιβαίνει ἡ πιπιτσού, οὔτε τρώει, οὔτε πίνει, μόνο τὴ κοιλιὰ γιομίζει" [4]).

(98) Игла (βελώνη): „Есть такая вещица, привяжешь ее—бѣжитъ, отвяжешь—станетъ" [5]).

(99) Сѣть (δίκτυον): „Тысяча узловъ, тысяча мѣрочекъ; наговоришь тысячу словъ, пока отгадаешь" [6]).

χιλιόκομπος χιλιομέτρητος,
χίλια θὰ 'πῇς νὰ τό 'βρῇς.

(100[1]) Ружье (τουφέκι, πορόβόλον): „Безголосый, голосу нѣтъ, а пускаетъ громкій голосъ" [7]). Иначе: „Пустъ камышъ, а внутри драконъ играетъ" [8]). Иначе: „Прямъ, прямъ, что свѣча, со страшнымъ голосомъ" [9]).

(100[2]) Пуля (?): „Здѣсь мучится родами, а туда пойдетъ и родитъ"=„'Αδακὰ κοιλοπονεῖ κ' ἀκεῖ πέραν πάει γεννᾷ" [10]).

---

[1]) Συλλ. VIII, 494, № 5.—Ср. N. A. № 252 и рус. у Садовн. Загадки Р. Н. № 329.

[2]) Συλλ. VIII, 524, № 6.

[3]) Регель, № 41.—Вар. въ Συλλ. VIII, 524, № 14.—Армян. Сборн. матер. для опис. Кавказа. Вып. 2. Отд. 2. стр. 94.

[4]) Слышалъ я въ этомъ видѣ отъ уроженки Константинополя, бабушки моей по матери. Слово πιπιτσού, вѣроятно, звукоподражательная выдумка, какъ бы жужжалка. Иначе въ Νεοελλ. Αν. № 127 (κλώστης).

[5]) Συλλ. VIII, 489 (№ 10). Сходно о лентѣ (τσαρούχι): „Привяжу его—ходитъ, отвяжу—станетъ" Συλλ. VIII, 516, 37. Объ иглѣ иначе см. ниж. № 144

[6]) N. Αν. № 22=Регель, № 8.

[7]) Συλλ. VIII, 400 (№ 10).

[8]) N. A. № 82.

[9]) Сборн. Регеля, № 33. N. Αν. № 34.

[10]) Ιωαννίδου 'Ιστορία,—стр. 272. Трапезунтская. Здѣсь, кажется, спутались два понятія: ружье и пуля.

(102) Мыло (σαποῦνι): „Экой сыръ, экой творогъ! всѣмъ барамъ нравится, а къ столу не подается".=Τὸ τυρὶ τὸ χλωροτύρι, | ὅλ' οἱ ἄρχοντες τὸ ζηλεύουν, | καὶ 'ς τὸ τραπέζι δὲν τὸ βάζουν [1]).

(103) Перо (πέννα, γραφίς): „Что это за птица, что носомъ родитъ, крылья имѣетъ, а не летаетъ; имѣетъ черный домъ, трое держатъ ее, когда родитъ, но, правду сказать, она прежде напьется; птенцовъ, которыхъ родитъ, за собой оставляетъ; они по-человѣчьи говорятъ: ихъ говоръ одни слышатъ, другіе не слышатъ" [2]).

(104) Бумага и буквы (χάρτης καὶ γράμματα): „Бѣлое поле, чорныя козы", „ἄσπρος κάμπος | μοῦρα 'γίδια" [3]).

(105) Сонъ (ὕπνος): „Ни въ платокъ не сложить, ни на рынкѣ не продать, а слаще его не бываетъ ничего".

(106) Умъ (νοῦς): „Тяжелъ, какъ желѣзо, сладокъ, какъ медъ, на вѣсахъ не свѣсить, на вѣсы не идетъ" [4]).

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о новогреческихъ загадкахъ. Какъ и загадки другихъ народовъ, онѣ зарождаются подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ окружающей природы, племени, міровоззрѣнія, быта; иногда и заимствуются. Въ нихъ нѣтъ гоньбы ни за ученостью, ни за изысканными оборотами. Ихъ цѣль—забава и игра въ остроуміе. Замѣчу, что не всѣ онѣ отличаются первобытной простотой: городская жизнь на многія наложила печать замысловатости (напримѣръ, о перѣ № 103, о покойникѣ № 150). Съ Симфозіевыми новогреческія загадки сходства не имѣютъ, кромѣ очень отдаленнаго и то въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ новогреческихъ загадкахъ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ устнаго слова, встрѣчаются варіанты. Они происходятъ иногда вслѣдствіе случайнаго смѣшенія двухъ словъ созвучныхъ. Напримѣръ, о колодезѣ=πηγάδι, сказано: (107) „Μακρυὸ 'σαν ἄντερο, στρογγυλὸ 'σαν κόσκινο"=„длиненъ, какъ кишка, круглъ, какъ сито"; а въ варіантѣ: (108) „μακρὸ 'σὰν ἄντερο πλατὺ 'σὰν κιόσκι=длиненъ, какъ

---

[1]) Сборн. Регеля № 47.

[2]) Συλλ. VIII, 398—400 № 1. Ib. 514, № 9.—Регель, № 54. Все варіанты. Я перевелъ со сборника В. Э. Регеля. Конецъ напоминаетъ древнюю Антифанову см. зд. № 19 и подражаніе ей Василія—здѣсь № 62.

[3]) Συλλ. VIII, 515, № 17.—Ср. *Simrock*, D. deutsche Räthsel, № 138.

[4]) N. Av. № 26 (изъ Сикина). Регель № 17.

кишка, широкъ, какъ кіоскъ" [1]). Похоже на то, что κιόσκι произошло отъ недослышаннаго κόσκινο. Сравните подобное явленіе, объясненное Аѳанасьевымъ, о варіантахъ: маленьке—костяненке и царь—Константинъ по поводу гребешка [2]).

Вотъ еще примѣръ варіанта, котораго происхожденіе можно объяснить не сознательнымъ смѣшеніемъ звуковъ. „Есть у меня вещь: спускаясь—смѣется, поднимаясь плачетъ"=„Ἔχω ἕνα πρᾶμμα 'ποῦ κάτου πάει γελῶντας καὶ ἀπάνου ἀναβαίνει κλαίοντας [3]). Сходно и въ сборникѣ В. Э. Регеля, но поскладнѣе. Какой это предметъ? Г. Регелю объясняли, что это τὸ σκυλὶ собака, потому что она визжитъ, когда идетъ въ домъ, а получивъ тамъ кормъ, весело возвращается. Но въ загадкѣ прежде сказано—спускается, а потомъ—поднимается: это меня озадачивало. Но такъ какъ въ сборникѣ г. Регеля написано не σκυλί, а σκύλος, что означаетъ тоже собаку, а въ Аналектахъ подъ этой загадкой подписано σίκλος=ведро, то я убѣжденъ, что первоначальной отгадкой былъ σίκλος. Ведро, опускаемое въ колодезь, стучитъ объ его стѣнки, какъ бы хохочетъ; а когда его вытаскиваютъ и вода льется черезъ край, оно имѣетъ видъ плачущаго. Изъ σίκλος сдѣлалось сперва вслѣдствіе перебоя согласныхъ σκύλος, а потомъ, когда прежнее значеніе этой загадки было забыто, то σκύλος перешло въ однозначущее σκυλί.

О нѣкоторыхъ сходныхъ между собой древнихъ и новыхъ греческихъ энигмахъ мы уже выше говорили. Ближе подходить къ этому предмету мы не станемъ; для твердыхъ выводовъ нужно бы увеличить количество матеріаловъ и вывести весь вопросъ въ область международную. Сличенія новогреческихъ загадокъ съ византійскими будемъ ждать отъ греческихъ ученыхъ, обладающихъ и большею массою матеріаловъ и тонкимъ чутьемъ языка. Г. Политъ указываетъ на загадки, попадающіяся въ старинныхъ, большинству не доступныхъ греческихъ книгахъ, какъ-то ἰατροσόφια, σολομονικά, χαλανδάρια, то-есть, въ греческихъ травникахъ, гадальныхъ книжкахъ, календаряхъ, писанныхъ языкомъ пестрымъ, состоящимъ изъ смѣси книжнаго и народнаго. Эти источники намъ почти не доступны; между тѣмъ ихъ разработка была бы очень полезна для русскихъ ученыхъ, занимающихся народнымъ бытомъ и словомъ. Тотъ же ученый сдѣлалъ весьма

---

[1]) Ib. ср. №№ 295 и 238.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззрѣнія Слав. I, 23—24.

[3]) Νεοελλ. Αν. № 187. Сборн. Рег. № 39.

интересное сопоставленіе трехъ видовъ, въ которыхъ является одна и та же загадка: у Пселла, у Василія и въ нынѣшнемъ простонародьѣ. Мы приведемъ здѣсь всѣ три вида, въ подлинникѣ и переводѣ, и предложимъ о ихъ взаимномъ отношеніи свою догадку.

Рѣчь идетъ о чудѣ, совершенномъ Моисеемъ при переходѣ чрезъ Черное море:

(109) Пселла:

Ξύλου μὲν ἡ κλείς, ἡ δὲ κιγκλὶς ὑδάτων, | διέδρα λαγὼς καὶ κύων συνεσχέθη.

(110) Василія:

Ξύλον τὸ κλειδίν, ὕδωρ τὸ κατηνάριν, | ὁ μὲν λαγὼς ἐκλότωσεν, ὁ κυνηγὸς δ' ἐσχέθη.

(111) Нынѣшнее народное:

Ξύλινο κλειδί, κι ἀπὸ νερὸ οἱ πόρταις, | ὁ λαγὸς ἐγλύτωσε κι ὁ κυνηγὸς ἐπιάσθη [1]).

Переводъ:

Пс. Ключъ деревянный, замокъ водяной, заяцъ убѣжалъ, а песъ задержанъ.

Вас. (тоже упрощеннымъ языкомъ, другимъ размѣромъ; ловчій, а не песъ).

Греч. Нар. Ключъ деревянный, ворота водяныя, заяцъ спасся, а ловчій захваченъ.

Это сопоставленіе наводитъ меня на вопросъ: народъ ли повторилъ слова книжниковъ, или наоборотъ послѣдніе воспользовались тою аллегорическою формой, которую придалъ народъ событію ветхозавѣтному? Я считаю творцомъ иносказанія народъ. Слово „λαγώς = заяцъ" могло быть навѣяно текстомъ: „ὡδήγησας τῇ δικαιοσύνῃ σου τὸν λαόν σου τοῦτον, ὃν ἐλυτρώσω ('Εξόδου κεφ. ΙΕ, 13). Вмѣсто λαὸν сфантазировали λαγών: это тѣмъ удобнѣе, что народъ часто слово λαὸς произноситъ одинаково съ λαγώς. 'Ελυτρώσω могло навести на ἐγλύτωσε. Сравненіе жезла съ ключемъ, морскихъ водъ, ставшихъ какъ стѣна и тѣмъ открывшихъ путь спасающемуся,—съ воротами, Фараона и его воинства съ ловчимъ—все это напоминаетъ черты творчества народнаго. Пселлъ, придавшій народному энигму формы древнія, по-

---

[1]) Г. Политъ въ статьѣ Γλωσσολογικὴ συμβολὴ Силлога VIII, 523, гдѣ есть и другія его сближенія. Приведенныя двустишія изъ Пселла и Василія взяты изъ *Boiss.* An. Gr. III (у Полита опечаткой V), стр. 431, № 8 и стр. 444, № 21; новогреческое привелъ Политъ изъ своихъ богатыхъ запасовъ.

желавшій исправить то, что ему не понравилось, немного поиспортилъ дѣло, особенно замѣстивъ ловчаго псомъ. И откуда могъ бы Пселлу прійдти на умъ заяцъ, еслибъ онъ не попалъ ему въ стихъ прямо изъ устъ народа. Наше предположеніе подтверждается существованіемъ этой загадки въ русскомъ народѣ: (112) „Замокъ водяной, ключъ деревянный, заяцъ убѣжалъ, ловецъ утонулъ". Есть у г. Садовникова еще два варіанта, изъ коихъ одинъ съ формами церковнославянскими „утече, утопе" [1]). Всѣ эти три русскія имѣютъ и зайца и ловца,—пса въ нихъ нѣтъ. Зимрокъ, собравшій воедино 475 нѣмецкихъ загадокъ, исключительно народныхъ, помѣстилъ между ними такую же, какъ и нами разбираемая:

(113) Es ist ein starkes Wasserschloss
das ein hölzerner Schlüssel erschloss,
der jäger ward gefangen,
das Wild ist hindurch gegangen [2]).

Не изъ книгъ, я полагаю, заимствовалъ русскій народъ свою загадку, а зашла она къ нему путемъ устнымъ. И русскія и нѣмецкія говорятъ о ловцѣ; пса въ нихъ нѣтъ.

Время покажетъ и другія подобныя соотношенія между загадками средневѣковыми и новыми, между книжными и устными.

Теперь мы обратимъ вниманіе нашихъ изслѣдователей старины на одно явленіе, которое мы хотя отчасти и предвидѣли, но не ожидали найдти въ тѣхъ размѣрахъ, какъ оно представляется намъ теперь, послѣ нашихъ разысканій. Читатель уже могъ замѣтить, что мы къ вышеприведеннымъ новогреческимъ примѣрамъ кое-гдѣ приставили сходные русскіе. Здѣсь предлагаемъ еще нѣсколько загадокъ греческихъ и рядомъ съ ними очень сходныя, а иногда и тожественныя русскія, загадываемыя про тѣ же самые предметы.

(114) Солнце: гр. ἕνα σκουτελάκι λάδι
ὅλο τὸν κόσμο πιάνει
=коробочка съ масломъ достаетъ на весь свѣтъ.

(115) Трап. гр. χουλάρεα βούτυρον κανεῖτ' ὅλον τὸν κόσμον=ложка коровьяго масла достаетъ на весь свѣтъ.

(116) Малорус. „една чаша масла всему свѣту доста".

---

[1]) *Садовн.* З. Р. Н. № 2187 а. Варіанты подъ тѣмъ же №.

[2]) *Simrock*, D. deutsche Räthsel, № 58.

(117) Ср. болг. „Едно папиче медъ да ся наяде всичкый свѣтъ“ [1]).

(118) Соль: Гр. „Моя мать родила меня, а солнце питаетъ (ростить); а ударь меня моя мать, истаю до смерти. (ср. иначе здѣсь № 79)=

=ἡ μάνα μου μ'ἐγέννησε κι ὁ φώσφορος μὲ τρέφει,
Κι' ἄν με κτυπήσ' ἡ μάνα μου λύομαι τοῦ θανάτου.

(119) Рус. „Отъ воды родится, воды боится“.

(120) Рус. Пск. „Мать родила, отецъ выростилъ, а мать увидѣлъ, померъ“.

(121) Визант. Гр.

ὕδατος ἐκγενόμην, τράφε δ' ἥλιος αὔτις
ἀθάνατος· θνήσκω δέ γε μητέρι μούνῃ.=

=Изъ воды я родился, выростило солнце безсмертное, умираю отъ одной матери [2]).

(122) Лукъ (растеніе): гр. „Коротенькій монахъ весь одѣтый въ ризы=

=ἕνας κοντὸς καλόγηρος ὁλόρασα 'ντυμένος.

123) рус. „Стоитъ попъ низокъ, на немъ сто ризокъ, ризки снимешь, самъ заплачешь“ [3]).

(124) Глаза и носъ: гр. „Два брата поссорились, одна гора ихъ развела“.

(125) Рус. „Два брата черезъ грядку смотрятъ, да не сойдутся“ [4]).

(126) Языкъ: Гр. „Сверху ступа, снизу ступа, въ середки дѣвица поетъ“=

='Απάνω 'γδὶ καὶ κάτω γδὶ
καὶ μέσα κόρη κελαδεῖ

---

[1]) О Νεοελ. Αν. № 139. Здѣсь λάδι=ἔλαιον означаетъ деревянное масло; въ Трап. βούτυρον=коровье масло, см. 'Ιωαννίδης 'Ιστρ. ст. 271 (№ 19): κανεῖται=ἔστιν ἱκανόν (тамъ же словарекъ трап. словъ стр. 13. Ср. Λελεκα стр. 40 (вар.), Малорус. см. у *О. Θ. Миллера* въ Опытѣ ист. обозр. рус. сл., стр. 62. *Чолаковъ*, Болг. нар. сборн., стр. 120. συλλογος, т. IX. 350. № 2 (вар).

[2]) N. Αν. № 120. *Садовниковъ*, Заг. р. н. № 489 б. 490 б. (и друг.). Но въ русскихъ отецъ—огонь, а въ греч. солнце (ἥλιος, φώσφορος). Византійская издана въ *Piccolos*, Supplément à l' Anthologie grecque стр. 149. Она походитъ на древнюю, хотя и издана какъ византійская.

[3]) Греческую я записалъ со словъ, какъ загадку о. Калимна. Рус. *Садовн.* З. р. н. № 737 п. (Калуж. Мещов.). По греч. есть подобная о чеснокѣ, слышанная мною отъ того же лица, по рус. о капустѣ (*Садовн.* 745).

[4]) N. А. № 226. Регеля, № 63. Рус. у *Садовн.* З. Р. Н. № 1763.

(127) Рус. „Въ ступѣ вода, въ огородѣ гряда. Другая: За стѣной кустяной соловейко спой" [1]).

(128) Яйцо: Гр. „Я имѣю маленькій боченокъ и въ немъ двухъ сортовъ вино".

(129) Рус. „Маленькій боченокъ, двойное пиво" [2]).

(Ср. Болг. „Въ една бурилкѫ ина и вино и ракія и никога ся не мѣшять".

(130) Пирогъ (πῆττα): Гр. „Жидкій ставлю, сухой вынимаю".

(131) Рус. „Возьму пыльно, сдѣлаю жидко, брошу въ пламень, будетъ какъ камень" [3]).

(132) Гвоздь подъ башмакомъ (сапогомъ) Гр. „Всѣ ходятъ ногами, а я головой".

(133) Рус. „Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ, хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ".

(133). Ср. Симфозія:

> In caput ingredior, quia de pede pendeo solo.
> Vertice tango solum, capitis vestigia signo;
> sed multi comites casum patiuntur eundem [4]),

Метла (σκούπα):

(135) Гр. „Вертится, кругомъ обходитъ, идетъ въ уголъ и садится".

(136) Рус. „Туда Митя, сюда Митя, и подъ лавку ушелъ" [5]).

Гребень:

(137) Гр. „Коротенькій монашекъ, а гонитъ оленей".

(138) Рус. „Маленькій коротенькій повадился въ болотинку утятъ таскать".

(139) Или: „Костянъ деревянъ черезъ гору свиней гналъ" [6]).

---

[1]) N. A. № 73. Ср. №№ 72, 123, 153. *Садовн.* З. Р. Н. №№ 1754, 1747. Изъ ἰγδίον вышло γδί.

[2]) N. A. № 201. *Садовн.* З. Р. Н. № 541 г. *Чолакова* Болгарскый народенъ сборникъ, стр. 118.

[3]) N. A. № 87=Регеля № 7. *Садовн.* З. Р. Н. № 503. Греки говорятъ обратное о ведрѣ: сухое спускаю, мокрое вынимаю. Συλλ. VIII, 494, 2.

[4]) Συλλ. VIII, 524, № 11. *Садовн.* ib. № 654 (Ворон. г.). Symposius, въ Antol. latina (ed. Riese). Cv. I, 1. p. 198. № 57. clavus caligaris.

[5]) N. Av. № 7.—*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу, т. I, ст. 24. *Аѳанасьевъ* замѣчаетъ: первоначальная форма, конечно, была: „туда метѣ сюда метѣ".

[6]) N. Av. № 60.—Ср. 293. Регеля, № 22.—*Садовн.* З. Р. Н. № 1689, а (и др. вар.); Ср. *Аѳанасьева*, Поэтическія воззрѣнія Слав., стр. 23—24, гдѣ интересныя объясненія (см. ниже...).

Игла (βελώνη):

(140) Гр. „Сама нагая, а весь свѣтъ—одѣла.—Или“: Какъ есть нагая, весь свѣтъ одѣваю“.

(141) Рус. „Весь свѣтъ обшила, сама нагая ходила“ [1]).

(Иначе см. здѣсь № 98).

Мельница (жернова).

(142) Гр. „Два буйвола дерутся и выпускаютъ изъ себя бѣлую землю“.

(143) Рус. „Два борова дерутся, промежъ ихъ пѣна валитъ“ [2]).

Ср. Литов. „Два сѣрые волка грызутся, и бѣлая кровь льется“.

Мотовило (ἀνέμη, ἀνεμίδα):

(144) Гр. „Четыре брата бѣгали, все бѣгали, одинъ до другаго не добѣжалъ“.

(145) Рус. „Четыре сестрицы вокругъ гоняются, одна другой не догонитъ“.

(146) (Ср. Болг. „Четыре брата ся гонятъ, та ся ни гдѣ не стигахж“) [3]).

(Очень похожи загадки о колесахъ или телѣгѣ) [4]).

Гробъ:

(147) „Гр. Кто его дѣлаетъ, назначаетъ въ продажу; кто его покупаетъ, не употребляетъ; а кто его употребляетъ, тотъ его не видитъ“.

(148) Рус. „Столяръ дѣлаетъ не для себя; кто знаетъ, тому не нуженъ; а кому нуженъ, тотъ не знаетъ“ [5]).

(149) (Ср. нѣм. нар. „Wer es macht der braucht es nicht,—Wer es kauft, der will es nicht, Wer es braucht, der weiss es nicht“) [6]).

Покойника несутъ:

(150) Гр. „Учитель мой дорогой, ты меня побилъ и я убѣжалъ; по пути, гдѣ я шелъ, встрѣтился мнѣ звѣрь съ пятью головами, че-

---

[1]) Συλλ. VIII, 516, № 27.—2-я изъ Сбор. В. Ѳ. Регеля, № 73. *Садовн.* З. Р. Н. № 595.

[2]) Силлогъ Конст. VIII, 514, № 6. — *Ф. Jелеку* ст. 40, *Садовн.* З. Р. Н. № 1088а. Литовская приведена по-нѣмецки у *Friedreich*, Gesch. d. Räth. ст. 194 изъ Lithauische Märchen, Sprichworte, Räthsel u. Lieder., gesammelt u. übersetst v. *Schleicher*, Weimar 1857.

[3]) *Садовн.* 577, а. 'Ιωαννίδ. 'Ιςορία, 271. № 2. N. A. № 3 и 4.—*Чолакова* 111.

[4]) N. A. 191.=*Садовн.* 963.—*Simrock.* deut. Räths. 171.

[5]) N. A. № 275.—*Садовн.* З. Н. Н. № 2116б.

[6]) N. Av. № 275, *Садовн.* З. Р. Н. № 2116б; *Simrock*, Das deutsche Räthselbuch, 1850., № 39.

тырьмя дыханіями, рукъ и ногъ двадцать, пальцевъ сотня: отгадаешь, прибей меня, и еще разъ прибей.

(151) Рус. (Симб.) „Десять ногъ, десять рукъ, пять головъ, четыре души“ [1]).

Имя.

(152) Гр. „И я это имѣю, и ты это имѣешь, не назову, не отгадаешь“.

(153) Рус. „И у тебя, и у меня, и у попа, и у кота, и у щуки въ морѣ, и у дуба въ лѣсу“ [2]).

Вотъ интересный фактъ большаго сходства, а подчасъ и тожества нѣкоторыхъ греческихъ и русскихъ народныхъ загадокъ. Объясненіе происхожденія этого сходства находится въ зависимости съ такимъ множествомъ другихъ вопросовъ, что я за это объясненіе не берусь.

Въ предложенной статьѣ мы попытались сообщить читателямъ, въ переводѣ, а иногда и въ подлинникѣ, и часть самаго матеріала греческихъ загадокъ, разумѣется, наиболѣе выдающуюся, и нѣсколько сдѣланныхъ нами изъ всего доступнаго намъ матеріала выводовъ. Отъ дальнѣйшихъ обобщеній мы воздержались, считая ихъ преждевременными.

Г. Деступисъ.

---

[1]) N. A. № 320 — Συλλ. IX. 350, № 6 вар. Регель, № 56.—*Садовн*. З. Р. Н. 2124. Въ Аналектахъ и у Г. Регеля: ἂν τὸ εὕρῃς—если найдешь, а въ Силлогѣ ἂν τὸ νοιώσῃς—если поймешь. Отъ этого νοιώθω и загадка называется, кромѣ αἴνιγμα, и νοιώσμα.

[2]) N. A. № 20—Регеля № 4.—*Садовн*. З. Р. Н. № 2061. (Самар. Ставроп., с. Озерки.

АРХИВНЫЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ ЛЮБЕКѢ И ДАНЦИГѢ ПО ИСТОРІИ БАЛТІЙСКАГО ВОПРОСА.

Важность Любекскаго и Данцигскаго архивовъ для занимающихся сѣверной исторіей обусловливается тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое имѣли эти два города въ сѣверной Европѣ въ исходѣ среднихъ и началѣ новыхъ вѣковъ. Всего богаче эти архивы данными XIV и XV столѣтій, когда города Ганзейскаго союза играли еще такую выдающуюся политическую роль въ исторіи сѣверной Европы; съ начала же XVI столѣтія эти города, какъ политическіе факторы, теряютъ свое первенствующее положеніе, и главное ихъ значеніе съ этихъ поръ исключительно торговое. Посредники между сѣверной и южной, восточной и западной Европой, Данцигъ и Любекъ еще и въ XVII столѣтіи сохраняютъ свое торговое значеніе. Акты двухъ названныхъ городскихъ архивовъ и касаются съ этого времени всего болѣе вопросовъ торговыхъ, меркантильныхъ. Въ эти два города, какъ центры торговые, должны были со всѣхъ сторонъ приходить свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ европейскихъ государствахъ; особенно много такихъ торгово-политическихъ донесеній сохранилось въ Любекскомъ и Данцигскомъ архивѣ относительно Даніи, Польши, Швеціи и Россіи.

Говоря объ обоихъ этихъ архивахъ, слѣдуетъ отмѣтить количественное преимущество втораго; но акты и бумаги этого архива далеко еще не всѣ приведены въ извѣстность, такъ что пользованіе ими если не невозможно, то весьма затруднительно, не взирая на неутомимую готовность помочь занимающимся тамъ архиварія-діакона Вертлинга. Данныя же Любекскаго архива, численность которыхъ несравненно меньше, вполнѣ систематизированы и пользованіе ими не представляетъ никакихъ затрудненій.

Въ Любекскомъ архивѣ мы начали свои занятія съ разсмотрѣнія актовъ, касающихся сношеній Любека съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Весь матеріалъ по этому вопросу заключается въ двухъ отдѣлахъ: „Ruthenica“ и „Miscellaneorum Russicorum Volumina V“. Первый отдѣлъ распадается на три части и обнимаетъ время съ половины XVI столѣтія до 1719 года. Первый томъ этого отдѣла носитъ заглавіе: Generalia das Neugardische Contoir und die Handlung aus Rusland betreffend. Второй—Von dem Contoir zu Neugard und Pleskau, Handlung aus Russland und privilegiis. 1579—1601. Fasciculus certificationum auss Russland gesante Waaren. 1594. Третій томъ:—время съ 1603 по 1719 годъ; посольство 1643 года и переписка Любека съ Ревелемъ по вопросу о русской торговлѣ.

Отдѣлъ „Miscellanea Russica“: I томъ—сношенія Любека съ Ревелемъ въ XVI вѣкѣ по нарвскому вопросу.

II—a) То-же, съ 1566 года. b) Acta Hieronymi Lindenbergh Burgers zu Narva Bestrickung betreffend, der sich fur einen Russischen Freibeuter ausgegeben. 1566. c) Russische Promotoriales wegen Andreas von Deden weggenommenen Schiffes. 1566. d) Leipziger Kauffleute geben sich in Moscau fur Kays. Gesanten aus, desfals Imperator Romanus, item die Leipziger zu Lubeck inquiriren lassen. 1574. e) Acta die Auswechselung des in Gottorp gefangenen Russen Timossca Ankidinof der sich Joannem Sinensem oder Zuski genannt, und der zwischen den Grossf. Alexio M. und Hertzog Friederich zu Holstein über die Persianische Handlung hiebevor aussgerichtetten pacten betreffend. 1653. f) Russiche Promotoriales fur Forderungen an Lubsche Burger. 1658. g) Original Reussischer Pass Brief fur den an dem Röm. Keyser durch Lubech passierenden Gesandten. 1663. h) Nachricht wie die Russ. Grosse Legaten von der Stadt Lubeck zu Travemünde bewirthet woren. 1697. i) Nachricht von den des Russ. Keysers Gros Canzlers Grafen von Woronzow bei dero Anwesenheit in Lübech in oct. 1764 von dieser Stadt geschehnen Ehres (?) bezeugungen. 1764.

Въ III, IV и V томахъ — акты по дѣлу Ганса Шлитте, Капелле и др. Изъ перечисленныхъ актовъ мы подробнѣе остановимся лишь на разсмотрѣніи слѣдующихъ:

„Acta in Sachen Hans Schlitt [1]) contra senatum Lubecensem. 1548“

[1]) Schlitt, Schleden, Slede.

Этотъ отдѣлъ актовъ начинается съ письма Шлитте 12-го октября 1548 г., написаннаго имъ въ тюрьмѣ; въ немъ онъ выясняетъ все свое дѣло по отношенію къ Москвѣ, настаиваетъ на томъ, главнымъ образомъ, что онъ дѣйствовалъ не тайно, а открыто, пользуясь покровительствомъ императора.

Второе письмо Шлитте — 17-го января 1549 года: трое слугъ и одинъ докторъ, отправленные имъ въ Москву для выясненія передъ царемъ причины его—Шлитте—неявки, были задержаны въ Ливоніи и брошены въ темницу. Въ этомъ же письмѣ заключается просьба Шлитте Любекскому рату—дозволить ему написать обо всемъ случившемся къ Московскому царю, и опроверженіе того факта, будто онъ имѣлъ въ виду провести въ Москву нѣсколько сотъ человѣкъ.

Далѣе отмѣчаемъ наиболѣе интересные документы: 1) Ревель Любеку, 19-го іюля 1548 г.: въ немъ указывается на то, что слухъ, распущенный Шлитте, о готовности Московскаго царя перейдти въ латинство, ложенъ. Допустить русскихъ ознакомиться съ западною Европою опасно; всякій легко пойметъ, „wath mercklich vnheils diesen gantzen landen nicht alleine sondern J. Erb. W. vnd gemeiner duitschen Nation daruth gewislich erfolgen wolde". Сношенія русскихъ съ европейцами слѣдуетъ „sperren, weren vnd vorhindern".— 2) Tyle vnd Zacharias Slitten sampt Jrer andere freundschafft zu Goslar an dem E. Rath zu Lubech. Sonnabend nach Jacobi (27-го іюня) 1549; то же, 4-го ноября. 3) Georg Hertzog jn Schlesien zur Lignitz vnd Brigg, 24-го іюня 1549. (Просьба освободить Шлитте). 4) Ратманы Бреславля Любеку — 1-го іюля 1549. 5) Акты Ратцебургскаго собранія—6-го іюня 1550 г., гдѣ рѣшено было разсмотрѣть дѣло Шлитте. 6) Карлъ V Любекскому рату 20-го апрѣля 1554. Императоръ вызываетъ Любекскій ратъ въ каммергерихтъ за то, что Любекъ, вопреки имперскому постановленію, заключилъ Шлитте въ темницу и нарушилъ „Kaiserliche bewilligung, schutz, schirm vnd glaidtsbrief". Такой насмѣшки и дерзкаго отношенія къ императорскому постановленію онъ—Карлъ V—не допуститъ. „Demnach dieweil zu solcher handlung vnd gefengnuss Jr gar kein ursach gehabt vnd euch solche handlung an Imo zuuben mit nichten geburt, Er auch durch solche vnrechtmessigehaft vonn seinen besteltenn leuthen vnnd in mercklichenn schaden uber 36000 thaler komenn, wie solchs in auffürung der sachenn dargethonn werden solt. Und enndtlichs willens euch derhalbenn rechtenns nicht zuerlassen, auch Jr vnns vnd dem Reich one mithel underworfen umbladung auch sonnst ander

notturftig hilf, rechtenns Jme wider euch zuerkennen vnd mitzuthailenn, Demutiglich angeruffen vnd gebottenn. Wan wir nun niemandt recht versagenn sollenn, Jme auch solche ladung erkennt wordenn ist, Darumb so haischenn vnd ladenn wir euch vonn Rom. Kays. macht hiemit das Jr auf denn 36-ten tag denn nehsten nachdem euch dieser unser Kais. brief uberantwurt oder verkundt wurt, Deren wir euch 12 fur denn ersten, 12 fur denn andern vnd 12 fur den dritenn letsten vnd endtlichen rechtstag setzenn vnd benennen peremptorie, oder ob derselbig tag nit ein gerichtstag sein wurde, Denn nechsten Gerichtstag darnach selbs oder durch euwernn volmechtigenn Anwaldt an gedachtem vnnserm Chammergericht erscheinet obgemeltem cleger darumben jm rechtenn zuantwurtenn. Der sachenn und allen jren gerichtstagen vnd terminen bis nach endtlichen beschluss vnnd urthail ausszuwartenn. Wann Jr komet vnd erscheinet alsdann also oder nit, so wurdt nicht destominder auf des gehorsamen theils oder seins volmechtigen Anwaldts anrufen vnd erfordernn, hierin im rechtenn gehandelt und procedirt, wie sich das nach seiner ordnung geburt".

Цѣлый фоліантъ подлинныхъ актовъ и писемъ касаются дѣла англичанина Іоанна Капелле и озаглавленъ: Irrungen mit Russland und Johan Capellen betreffend. Einiges durch diesen nach Russland eingeschicktes, ex lege imperii aber zu Lubeck confiscirter Kupfer etc. 1577—1603. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что Іоаннъ Капелле былъ захваченъ въ Любекѣ со всѣми своими товарами, которые онъ намѣревался провезти русскимъ въ Нарву. Корабль его нагруженъ былъ мѣдью, сельдями и всевозможными корабельными снастями. Капелле изъ своего заключенія далъ знать о всемъ случившемся въ Нарву, гдѣ московскій намѣстникъ тотчасъ же арестовалъ нѣсколькихъ любексвихъ купцовъ. Капелле бѣжалъ изъ Любека въ Висмаръ, гдѣ и получилъ право Висмарскаго гражданина. Это повело къ продолжительной перепискѣ Любека съ Висмаромъ; за Капелле вступился и Ульрихъ Мекленбургскій. Въ интересахъ Любека, который рѣшился на заключеніе Капелле только изъ желанія не допускать иностранцевъ въ Нарву и сдѣлать нарвскую торговлю своею монополіей, было какъ можно скорѣе вернуть свои торговыя права и привилегіи въ Нарвѣ; поэтому ратъ Любека обратился съ письменными заявленіями и просьбами къ московскому намѣстнику въ Нарвѣ, чтобы торговыя стѣсненія были отмѣнены и чтобы отъ Іоанна Капелле потре-

бовано было обязательство въ томъ, что онъ не будетъ вредить Любеку ни въ Нарвѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ другихъ городахъ.

Капелле не замедлилъ опровергнуть обвиненія, взведенныя на него городскимъ совѣтомъ Любека въ томъ, будто онъ, направляясь въ Нарву, нарушилъ имперское постановленіе, запрещавшее доставлять русскимъ военные снаряды и т. п. (Entschuldigung Capellen). Онъ прежде всего констатируетъ, что мѣдь имъ привезена была изъ Гамбурга, что въ Любекѣ—до арестованія его корабля — съ него взяли пошлину; въ Стекнитцѣ вся мѣдь пролежала восемь дней въ складочныхъ магазинахъ голштинцевъ, что было связано съ расходами; не успѣлъ онъ послѣ этого доѣхать до Травемюнде, какъ были задержаны всѣ его товары. Капелле приводитъ въ свое оправданіе незнаніе постановленія, запрещавшаго вывозъ мѣди. Въ Mandata poenalia императора о мѣди не было рѣчи; да къ тому же запретительные указы о нарвской торговлѣ вышли въ свѣтъ при Фердинандѣ I и теперь уже потеряли свою силу; наконецъ: „der Moskowitter brauche zue dem geschutz keinen ungerischen sondern schwedischen kupffer. Сельди и остальные товары, по его словамъ, никакъ не могутъ быть отнесены къ запрещеннымъ товарамъ. На два послѣднія заявленія Любекскій ратъ отвѣчалъ: 1) „Kupfer ist und bleibet Kupfer, vnd lieget nicht daran“ и 2) „Et quando poena est capitalis, tunc in consequentiam talis poenae confiscatur licitum cum illicito“. Мѣди было всего 41 тонна, сельдей — 11 ластовъ. Ср. Письмо Capelle отъ 8-го ноября 1577 г.

Изъ отвѣтовъ Любека видно, что оправданія Капелле не были приняты, и напрасными оказались всѣ его просьбы къ городскому совѣту—возвратить отнятые у него товары. Ср. письмо Капелле отъ 22-го ноября 1577 года и 6-го января 1578.

Капелле тогда обратился за посредничествомъ къ Фридриху II Датскому. Король принялъ его просьбу, вошелъ въ переписку съ Любекомъ, недавнимъ своимъ союзникомъ въ шведской войнѣ, но ничего не могъ добиться для Капелле. Ср. письмо Фридриха II Любеку изъ Кроненбурга, 26-го января 1578 года (прибыло въ Любекъ 5-го февраля) и отвѣтное письмо Любека отъ 5-го марта.

Любекъ оправдывалъ свое поведеніе по отношенію къ Капелле тѣмъ, что Капелле неоднократно грозилъ отомстить городу за захватъ его товаровъ; такъ, 25-го февраля 1578 года многіе любчане (Johann Meyer, Hans von Collen, Jeronimus Puncken, Hilliger Roesen, Matthias Dauman) слышали, какъ онъ въ Rathweinkoller'ѣ сказалъ:

„Die Hern von Lubeck haben mir leides gnugsam gethan, khomme ich hinnauss, ich will ihnen wieder leides thuen, so war mir Gott helffe".

Въ 1579 году Ульрихъ Мекленбургскій прислалъ въ Любекъ двухъ уполномоченныхъ — разсмотрѣть дѣло Капелле; это были — ландъ и рентмейстеръ Генрихъ Husanum, докторъ правъ, и Габріэль Бругманъ (Brugkmann и Brugemann). Они привезли съ собою два письма герцога, помѣченныя 27-го декабря 1578 года и 9-го февраля 1579 года. Любекскій ратъ отвѣчалъ герцогу 16-го мая 1579 года. Письмо Любека весьма обстоятельно передаетъ все дѣло Капелле; теперь,—говорится въ немъ,—воевода въ Нарвѣ за-одно съ Капелле; онъ задерживаетъ грамоты, отправляемыя изъ Любека Московскому царю, онъ, оклеветавши любчанъ, добился изданія въ Москвѣ строгихъ мандатовъ противъ любекскихъ купцовъ (ganz beschwerliche Mandata wider uns in der Muschow), вооружилъ царскихъ совѣтниковъ противъ города и тщательно скрываетъ все дѣло отъ самого царя.

Любопытна „Instruction darnach sich bey Hertzogh Ulrich zu Mekelburgh unser des Radts zu Lubeck gesandter der Erbare vnd Hochgelarter Doctor Herman Warnbuch unser Syndicus zurichten vnd zuuorhalten haben soll". Изъ этой инструкціи видно, что Капелле искусными интригами такъ вооружилъ нарвскаго воеводу противъ любчанъ, что ихъ не только лишили торговыхъ правъ, но публично били кнутами и заставили заплатить 1600 талеровъ серебромъ: „Also haben wir auch itzo befunden, das er (Capelle) und sein Anhang unangesehen Jres Vorsprechens die sie mitt geschmirten gueten wortten vnd hohen beteurung zuthun pflegenn, nichts destoweiniger jre Practikenn zu der Narue vortgesetzet, auch die Handel so weitt getriebenn, das nicht alleine die Unserne aldar in publico mitt knutteln geprauet und geschlagen, sundern haben vor einen vormeinten angezogenen ungehorsam in die 1600 taler bezalen mussen. Darbeij sie alsbalt aller bisanher unser habendenn Priuilegienn und Immuniteten der sie sich vor andern Obersehischenn vnnd frembden Nationenn aus zulassung des Grossfursten gebraucht, beraubet wordenn, Daruber auch souiel bey den der orter vorordenten Obrigkeittenn oder Boyarn durchgestochen, das der unsere Diener, welche der geburt aus Liflandt als des Grosfursten Erbvnderthanen, angehalten, zum teil auch denjenigenn, welche daruon kommen, jrer hern gutt alhir zu Lubeck whonende, zu grossen Summen an sich genommen. Die Personen geschlagenn, Daruber an grossen Summen an gelde gestraffet, vnd in Summo ernstli-

chen beuolenn, das man Gudebardt das alhir confiscirte Kupfer zustellen solle, Wollen geschweigen, was uber alles dieses Barbarische wesenn, die unsern noch vor unglück zugewartten haben werden, Welches alles von Capellenn vnd seinem Englischenn Anhang practiciert vnd ins werck gestellet ist".

Въ заключеніи своей инструкціи Любекъ ставитъ категорическое требованіе, чтобы Капелле самъ отправился въ Нарву и тамъ положилъ конецъ всѣмъ вышеизложеннымъ не справедливымъ дѣйствіямъ Нарвскаго намѣстника. По мнѣнію Любекскаго рата, Капелле и Гудебарттъ заслуживаютъ тюремнаго заключенія за все зло, какое они причинили Любеку.

Любекъ, чтобы добиться возвращенія своихъ прежнихъ привиллегій въ Нарвѣ, обратился къ королю Польскому, прося его отправить въ Москву посла, который бы передъ царемъ разъяснилъ все дѣло Капелле и добился отмѣны торговыхъ стѣсненій любчанъ. „Ille (Capelle)", говорится въ письмѣ къ Польскому королю, „5 Calendas Junii (1579 года), vindictae cupidus per socios apud principem Moscum dolo et arte effecit, ut is cuprum pro suo uindicaret".

Любопытно отмѣтить еще переписку Любека съ воеводою Нарвы Иваномъ Андреевичемъ и съ самимъ Грознымъ. 15-го августа 1580 года Любекскій ратъ писалъ къ Грозному о дѣлѣ Капелле и въ отвѣтъ получалъ пять грамотъ воеводы и Іоанна; онѣ всѣ въ подлинникѣ сохраняются въ Любекскомъ архивѣ, скрѣпленныя царскою печатью. Одна изъ этихъ грамотъ — самая обстоятельная — на нѣмецкомъ языкѣ, прибыла въ Любекъ 26-го ноября 1580 года; русскія грамоты съ надписью: В городъ Любеку бурмистром и ратманом и посадником и посланникомъ і всѣм державцем города Любека.

Въ письмѣ Іоанна Грознаго къ Любекскому рату (августъ 1580 года) царь упрекаетъ городской совѣтъ за поступокъ его съ Капелле, который со своими товарами намѣревался ѣхать въ Нарву. Товары, которые везъ съ собою Капелле, Грозный прямо называетъ своими товарами, и количество мѣди въ письмѣ царя опредѣляется въ 1000 пудовъ, стоимостью въ 4,200 рублей. Изъ этого любопытнаго письма видно, что Любекъ уже не въ первый разъ задерживалъ различныхъ нѣмецкихъ купцовъ, направлявшихся въ Нарву, что прямо свидѣтельствуетъ о стремленіи Любека сдѣлать русскую, нарвскую торговлю своею монополіей, что не могло входить въ планы и расчеты Іоанна IV. Московскій царь выставляетъ городскому совѣту всѣ льготы и привиллегіи, дарованныя имъ любчанамъ для безпошлинной торговли въ

Нарвѣ, Псковѣ и другихъ городахъ и упрекаетъ ихъ въ вѣроломствѣ. Царь рѣшительно требуетъ возвратить Капелле всѣ захваченные у него товары, грозя въ противномъ случаѣ взыскать за все съ любекскихъ же купцовъ въ Нарвѣ и другихъ городахъ [1]).

Весьма недовольно Любекомъ было и англійское правительство. Капелле жаловался Елизаветѣ на захватъ любчанами его корабля и товаровъ, а въ сентябрѣ 1582 года Виллогби писалъ въ Любекъ, прося городской совѣтъ, не медля, уладить все дѣло. 10-го января 1582 года и Елизавета обратилась къ Любекскому рату съ рѣшительнымъ и грознымъ требованіемъ дать удовлетвореніе ея подданному. Виллогби опровергаетъ извѣстія о притѣсненіяхъ любекскихъ купцовъ въ Россіи. „Quod autem in peiorem partem interpretati sitis quosdam e subditis vestris in Ruthenia vexatos esse, extant quaedam literae testimoniales, ex quibus liquet nihil per eundem Johannem aut quenquam e suis stetisse, quo magis hac in parte offensoires animos gereretis."

Изъ отвѣтныхъ писемъ Любекскаго рата заслуживаетъ вниманія письмо 4 Nonas Sept. 1582 г., затѣмъ 18-го апр. 1583 — къ Елизаветѣ. Въ 1583 году Капелле бѣжалъ изъ Висмара, о чемъ городской совѣтъ этого города тотчасъ же и извѣстилъ Любекскій ратъ, присовокупивъ, что съ этихъ поръ Висмару нѣтъ уже никакого дѣла до Капелле и онъ за него болѣе не отвѣтственъ.

Къ дѣлу Капелле привлеченъ былъ и императоръ Рудольфъ. Безгласный и равнодушный въ болѣе важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, этотъ слабый государь все дѣло поручилъ рейхсрату. Іоаннъ Грозный 16-го января 1581 года писалъ къ нему о Капелле, причемъ попросилъ выяснить ему причину, побудившую императора издать запретительный указъ относительно торговыхъ сношеній нѣмцевъ съ Московскимъ государствомъ; по мнѣнію царя такой указъ тѣмъ болѣе страненъ и не естественъ, что идетъ въ разрѣзъ съ дружескими отношеніями, установившимися между Москвою и Вѣною еще со времени Максимиліана II. Неужели, спрашиваетъ Іоаннъ, Рудольфъ побудилъ и Датскаго короля закрыть Зундъ всѣмъ направляющимся въ Нарву торговцамъ?

Отвѣтъ Рудольфа Іоанну IV отмѣченъ 8-го февраля 1581, Прага; письмо Любека къ Рудольфу о Капелле—5-го апрѣля 1581, а грамота Грознаго Любекскому рату 2-го мая 1589.

Отмѣтимъ—въ заключеніе—одно подлинное письмо Елизаветы къ

---

[1]) См. приложеніе № 1.

Любекскому рату отъ 14-го января 1591 года изъ Вестминстера, въ которомъ читаемъ: „Nunc vero idem a vobis non minus serio postulamus in causa Thomae Lyndi subditi nostri cui post obitum praefati Chappel cuprum illud et reliqua etiam eius bona non modo societatis sed etiam crediti iure accesserunt". Англійское правительство разрѣшило Линду прибѣгнуть къ репрессаліямъ, пока онъ не вернетъ себѣ 1800 фунтовъ стерлинговъ. Тогда всѣ купцы, торговавшіе съ Англіей и Испаніей, обратились 18-го сентября 1600 года къ бургомистру и рату Любека съ просьбою дать удовлетвореніе Линду и положить конецъ этой гибельной для ихъ торговли ссорѣ „das wir vnd andere Arme vnschuldige Leutte in vnser hochnötiges schiffart gewerb vnd Handlung derer örter naher Engellandt vnd nach Hispanien allerdings vor schaden frey vud sicher sein mugen".

Репрессаліи оказались убѣдительнѣе просьбъ и угрозъ на бумагѣ, и Любекскій ратъ, тщетно еще разъ обратившись къ Елизаветѣ 3-го мая 1601 года съ указаніемъ на то, что Московскій царь, узнавши всю истину „ipsemet non modo ciues nostros custodia Nouagardensi liberarit, sed etiam Capellum magno cum dedecore Moscouia exterminatum relegationis poenae subjecerit", — рѣшился, наконецъ, дать Линду удовлетвореніе, для чего съ нимъ и начаты были переговоры. Вниманія заслуживаетъ еще письмо Любека къ Линду отъ 5-го мая 1601 г., и Линда къ Любекскому рату, Висмаръ 23-го февраля 1603 г. и 9-го марта того же года.

Къ концу XVI столѣтія относится рядъ актовъ, выясняющихъ отношенія Ревеля къ Любеку, вопросъ о нарвской торговлѣ и стремленія Любека возстановить въ Новгородѣ свою прежнюю контору. Въ порядкѣ эти акты идутъ слѣдующимъ образомъ:

1) 13 oct. 1596. Revel wegen der Russischen Handlung daselbst. Дѣло идетъ о томъ, чтобы Ревель сдѣлался стапельнымъ пунктомъ на восточномъ побережьѣ Балтики, чтобы здѣсь производилась вся торговля съ русскими, а не въ Нарвѣ; такъ было и до Ливонской войны. Теперь русскіе назначаютъ въ Нарвѣ небывало высокія цѣны на свои товары, а на нѣмецкіе — цѣны низкія, отчего нѣмецкіе купцы страшно терпятъ. Ревель съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ, такъ какъ русская торговля изъ рукъ Ливонскихъ городовъ переходитъ къ другимъ народамъ [1]).

[1]) См. приложеніе № 2.

2) Instruction der Gesanten Lubechs nach Russland. 1598. (Ex conventu Hanseatico; іюль).

Въ этомъ документѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ черновымъ наброскомъ инструкціи ганзейскихъ городовъ Московскому правительству; отъ времени онъ очень испортился, заглавный листъ изорванъ такъ, что содержаніе первыхъ пунктовъ разобрать невозможно. Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ видно, что города просили Московское правительство возстановить ихъ прежнія привиллегіи и дозволить имъ выстроить свои дворы въ Новгородѣ и Псковѣ.

За этой инструкціей слѣдуетъ другая: Instruction der Stadt Lubeck vnd andere Hansestette Gesantten N. N. N. N. ahn den Grossfursten in der Muscow, dessen sie sich der Örtter hin zuerhalten.

Въ этой инструкціи, какъ и въ предыдущей, на первомъ планѣ просьба — возвратить ганзейцамъ ихъ контору въ Новгородѣ, позволить имъ возстановить въ ней свои складочные магазины, церковь, дворъ. (Zu forderst aber pitten vnd anhalten, dass dass Cumptoir Newgarten wiederumb aufgerichten, die Kirche, Hoff vnd thobehorung dem Hansischen Kauffmanne wiederumb eingereuhmett vnnd nach dem altten daselbst muege gekauffschlaget werden). Затѣмъ—(§ 7) разрѣшить любчанамъ пріѣзжать въ Нарву со своими товарами и не примѣнять къ нимъ постановленій мирнаго договора Москвы съ Швеціей, въ силу котораго Ревель и Выборгъ должны были быть единственными стапельными пунктами на востокѣ. Далѣе: принять всѣхъ нѣмецкихъ ганзейскихъ купцовъ подъ высокую царскую руку и покровительство, снабдить ихъ охранной грамотой для безпрепятственнаго проѣзда по всей Россіи (§ 8).

§ 11: жалоба на стѣсненія нѣмецкихъ купцовъ въ Псковѣ [1]).

---

[1]) § 8: In spetie aber vnserm vnd den Hansischen Hantierenden Kaufman ihn gantzen Lande hin herwieder ihn Ein vnd Ausszuge mitt seinen beihabenden wharen, in seynen keyss. Schutz vndt gleidt nehmen, denselben binnen der Muschkow zur Newgarten Plesskow, oder woh sie sonsten sich niederschlagen vnd verhalten worden, ohn jenige vnledigung ahn leib, hab vnd guettern nach dem altten loblichen gebrauch frei handeln vnd kauffschlagen lassen.

§ 11: Alsdann auch zu Plesskow der Hansische Kauffman binnen vndt ausser der Stadt mith des Grossfursten Leutten freie handlung getrieben, vnd ihre guetten ahn ortten vnd enden da sie gelegen ahn einem hauffen gebracht vnd in besicht oder augenschein vorhn genohmmen worden, zue wass behueff sie dan binnen der Stadt einen besondern hoff vnd Residentz gehapt Nuhmer aber den vnsern wieder altt herkhommen vndt gebrauchen die gantze Stadt Plesskow verpotten vndt ausser der Stadt verweisen worden, wohselbst dan die hansischen wharen, durch ihren

§ 12: жалоба на недобросовѣстность русскихъ купцовъ, которые въ сало вливаютъ воду, или на дно бочки кладутъ куски дерева, чтобы увеличить вѣсъ, такъ что нерѣдко вмѣсто 15 или 16 лисспундовъ купленнаго товара получали его всего 7 или 8 лисспундовъ. Часто и вѣсы невѣрные, и монеты фальшивыя.

§ 16: указаніе на великій вредъ для всей Россіи отъ монополіи въ ней англичанъ (Wass hoch schedtliche Monopolia vnd eigenutzige Kauffmanschafften sie hin vnd wieder vnd fast in der gantzen Welt bis daher getrieben); англичане не гнушаются и союза съ турками и доставляютъ имъ все нужное для войны, чѣмъ только содѣйствуютъ усиленію ихъ въ Европѣ. Такими поступками англичане стали ненавистны во всей Германіи и изгнаны изъ нея (Daher sie auch fast ahn allen ortten verhasset auss Teutschland verbannen).

§ 18: жалоба на неуплату любчанамъ денегъ за товары, доставленные ими въ Нарву въ 1573, 1574 и 1575 годахъ.

3) Весьма любопытно и письмо любекскаго купечества городскому рату и бургомистрамъ Любека, отъ 11-го апрѣля 1599 года [1]), по множеству заключающихся въ немъ подробностей о положеніи любекскихъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ, о соперничествѣ съ англичанами и т. д. Любекскіе торговцы настаиваютъ предъ городскимъ совѣтомъ на томъ, чтобы какъ можно скорѣе снарядили къ Московскому правительству посольство, которое бы могло добиться для любчанъ нѣкоторыхъ привиллегій, теперь нарушаемыхъ по настоянію англичанъ, которые дѣйствуютъ подкупомъ и многаго достигли: от-

---

Mtt. Beuehlich aber mehr als einmhal eröffnett vnd besichtigett, welches vorhin nicht gewesen (слѣд. перечеркнутыя слова: „mehr dan einwhall vnter dem blauen himmel eroffnet“ и „im schlaggen vud Regen beliggen pleiben“) zueg rossem beschwer vnd vngelegenheit wegen vngewetters vnd ander gefahr. Hingegen aber den vnsern gantz abgeschnitten wird die Reussischen wharen, whan sie verhandelt werden sollen, nach notturft zubesichtigen vnd wird ihnen nur ein Töne uon allerhandt wahren fur der stadt hinaus gebracht worauff der Kauff also vnter guetten glaubon, als doch die Töne den ahndern wharen gleich sey, geschlossen werden muss. Da doch nach beschehnem kauff bei der liferung viel falsch vnd vnrichttigkeitt darunter befundeu, vnd gleichwoll die einmhall gekauften guetten sie sein gnett oder boess angenohmen vnd behalten werden mussen, welches dan vnsern Hansischen Kauffleuten ohn das os vnpillich zu grossem nachteil vnd schaden gereichen thuet, Derhaluen mitt allen gew fleiss vmb afschaffung dossen anzuhalten, vnd dass den vnsseru wie von altters ein freier hoff in der stadt domith solchen schaden vnd vngelegenheitt vorzukhommen muege vergonnen werden.

[1]) См. приложеніе № 3.

нятыя—было у нихъ льготы и привиллегіи снова возвращены имъ и они спѣшатъ извлечь изъ русской торговли наибольшія выгоды. Теперь и у польскаго правительства легко добиться проѣздной грамоты, такъ что не слѣдуетъ упускать выгодной и удобной минуты, а не медля снарядить посольство къ Московскому царю. Если Любекъ лишится русской торговли, то онъ обѣднѣетъ подобно Ревелю, который изъ нѣкогда цвѣтущаго города сталъ малолюднымъ и бѣднымъ. Foelix quem faciant aliena pericula cautum!

Въ 1603 году Любекскій ратъ рѣшился еще разъ обратиться къ Московскому правительству съ ходатайствомъ о возвращеніи имъ и другимъ городамъ ихъ прежнихъ привиллегій и преимуществъ въ Россіи. Съ этою цѣлью снаряжено было посольство къ Борису Годунову. Акты этого посольства всѣ сохраняются въ Любекскомъ архивѣ; такъ какъ большая часть напечатана въ приложеніи къ хроникѣ Виллебрандта, то мы о нихъ распространяться не будемъ.

Сношенія Любека съ Московскимъ правительствомъ продолжались при Шуйскомъ и при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. Отъ времени Шуйскаго мы имѣемъ одно письмо Любекскаго рата къ Василію Ивановичу отъ 22-го іюля 1608 года, изъ котораго видно, что любекскіе альтерманы во Псковѣ и Новгородѣ не рѣдко дѣйствовали вопреки интересамъ своей родины и преслѣдовали лишь свои личныя выгоды. Любекскій ратъ жалуется Шуйскому, что назначенный имъ въ Новгородъ конторъ-инспекторъ Томасъ Фрезенъ не посылаетъ въ городъ отчетовъ о состояніи дѣлъ конторы и на требованіе рата возвратиться въ Любекъ отвѣчаетъ отказомъ.

При Михаилѣ Θеодоровичѣ въ Москву отправлено было посольство изъ Любека съ Антоніемъ фонъ-Эрпеномъ во главѣ. Объ этомъ посольствѣ въ Любекскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько интересныхъ данныхъ (Acta legationis Lubecensis Antonii von Ergen ad Imperatorem Michael Foedorouiz causa confirmationis priuilegiorum 1635, 1636), а именно: 1) письмо Любекскаго рата Михаилу Θеодоровичу отъ 2-го октября 1633 года, заключающее въ себѣ просьбу возстановить ганзейскія привиллегіи въ Новгородѣ и Псковѣ. 2) Письмо любекскихъ купцовъ въ Россіи городскому рату 6-го августа 1635 (Sämbtliche auff Reusslandt hantirende kauffleute an Lübech) съ жалобою на раззореніе ихъ двора во Псковѣ во время Шведской и Польской войны, на то, что ихъ магазины были обращены въ питейные дома и разныя другія заведенія; далѣе—жалоба на низкій и совершенно произвольный размѣнъ нѣмецкихъ талеровъ, (иногда же

нѣмецкихъ денегъ и вовсе не берутъ); жалоба на неправильное взиманіе таможенныхъ пошлинъ, на увеличеніе проѣздныхъ денегъ, неправильное судопроизводство и т. д. 3) Письмо Любекскаго рата Михаилу Θеодоровичу 22-го августа 1635 года. 4) Supplicata der Lübschen commercirenden um Vorschuss zur Restauration des russischen Handels. 1636, 1637 и 1638 и 5) Diarium любекскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ, въ 1638 году. Этотъ дневникъ полонъ различныхъ подробностей о культурномъ состояніи Литвы и Ливоніи, вообще крайне дурномъ и безотрадномъ, заключаетъ въ себѣ и любопытныя описанія Вильны, Смоленска, Новгорода и Москвы. Вильна, говорятъ послы въ своемъ діаріумѣ, кишитъ нищими; отъ нихъ нѣтъ проходу (dass man sich kaum auf der gassen dafür retten können); на улицахъ ночью умираютъ отъ голоду до 50 человѣкъ; дороговизна не бывалая, масса рабочихъ безъ дѣла. Въ Смоленскѣ—то же: общая нищета и апатія; на 100 миль послы не встрѣчали ни прялки, ни ткацкаго станка: женщины ничего не работаютъ и дни цѣлые толкаются изъ угла въ уголъ; тоже и мужчины. (Sondern durch auss ledig gangen, vom ofen zum fenster vnd vom fenster zum ofen). Въ Ливоніи пословъ встрѣтила самая ужасная картина: голодъ достигъ тамъ такихъ размѣровъ, что ѣли падаль, выкапывали трупы изъ земли; родители съѣдали дѣтей, дѣти родителей, мужъ жену и дѣтей (Die Eltern die Kinder, die Kinder die Eltern, Man vnd Weib sich geschlachtet vnd aufgefressen haben). 9-го марта послы прибыли въ Смоленскъ, гдѣ хорошо встрѣчены были приставомъ Григоріемъ Ивановымъ. 25-го марта—они прибыли въ Москву. За описаніемъ Москвы слѣдуетъ разказъ объ аудіенціи царской, затѣмъ описаніе крестнаго хода въ Вербное Воскресенье, при чемъ передаются и многія бытовыя черты.

Въ 3-мъ томѣ Ruthenica отмѣтимъ, въ заключеніе, акты относящіеся до посольства Любека къ Христинѣ Шведской, отъ 1643 года, цѣль этого посольства касалась главнымъ образомъ торговли съ русскими въ Нарвѣ, которая была сильно стѣснена (Acta Legationis D. David Gloxin, Wilh. von Gohren et Thomas Runge ad reginam Sueciae wegen restauration des Russischen Handels 1643),—и приходо-расходныя книги Любекскихъ пословъ, отправленныхъ тогда же въ Москву къ Алексѣю Михайловичу: „Einname vnd Aussgabe Buch, Darinn verzeichnet was die Herrnn Gesandtenn so nach der Muschow abgeordnet, benandtlich die Ehrnueste Hoch vnnd Wollweise, auch Achtbare vnnd Wollgelarte Herr Curdt Germers Bürgermeis-

ter Herr Heinrich Kerckring Rathmann vnnd M. Iohannes Brambachius Secretarius der Stadt Lubech, zu notturfftiger verrichtung solcher Legation empfangenn vnnd daruon hinwiederumb aussgegebenn". Изъ этой росписи расходовъ видно, что на поѣздку въ Москву и обратно послы получили 51,775 тал., 1 грошъ и 6 шиллинговъ.

Кромѣ двухъ разсмотрѣнныхъ отдѣловъ Любекскаго архива — „Ruthenica" и „Miscellaneorum Russicorum volumina V"—мы успѣли ознакомиться и съ отдѣлами „Livonica", „Suecica", „Polonica", „Danica" и „Hispanica".

Отдѣлъ актовъ „Livonica" даетъ намъ новый интересный матеріалъ для выборгской и нарвской торговли. Второй томъ Livonica начинается съ такъ-называемой „Gravamina Livonica Ao. 1556". Gebreke vnnd beschwerliche nieringe dem Lubeschenn Kopmanne in den Landen Lifflandt verkherende wedder oldenn vnnd lofflichenn hergebrachtenn gebruck jnn mennigerley wege belegende. Изъ этихъ данныхъ видно, что еще въ 1554 году любчане заняты были мыслью о возстановленіи своей Новгородской конторы.

О царствованіи Эрика XIV въ этомъ отдѣлѣ актовъ нѣтъ никакихъ данныхъ; всѣ акты относятся къ позднѣйшему времени царствованія Іоанна III. Этотъ король, по примѣру брата, хотѣлъ возвысить Ревель на счетъ Нарвы и сдѣлать его стапельнымъ пунктомъ на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Въ письмѣ къ Любеку отъ 31-го октября 1584 года онъ говоритъ: „Alss wir auch berichtet das etzliche durch Vnnser stromen auff andere vngewohnliche vnd von vnns verbottene wege, die Newe genandt, wie wol nicht mit grossen sonndern mit khleinen Schifflein durchschleichen, vnnd mit allerley zuefuhr die Reussen zuebesuechen sich vnderstehet; die jenigen ermahnen wir gnedigst sie diser farth sich enthalten, so ferne sie die gefahr jrer leib vnd gueter vermeiden wollen".

1-го января 1585 года послѣдовалъ отвѣтъ любекскаго рата: „...Das wir vnsers teils vor vielenn langenn Iaren wol hetten dulden vnd leiden mogen, das der Reussische handel were zu Reual bliebenn, vnd aldar continuirt wordenn, dan kein gelegener ort ann der Ostsee, dan Reuel gewesenn, vnd noch ist, was aber vor vnordnung vnd bedruck denn ankommenden Kaufleuttenn daselbst auffgeleget auch die jenigen sunderlich beschwerett worden, welche mitt denen vonn Reuel jn vortrauter vorwandtnus gestanden, Daruber nicht alleine der Russe dahin mitt seinen wharen zu kommenn sundern auch der Kaufmann dardurch abgeschreckt vnd vorjagt wordenn. Das wissen die Altenn von

Reuel, vnd wir haben solches in frischer gedechtnus". При существующихъ въ Ревелѣ порядкахъ „ist jn warheit zubesorgen, es werden sich aldar weder die Reussen noch der Deutsche Kauffman finden lassenn".

Іоаннъ не обращалъ вниманія на заявленія Любека, что вынудило городской совѣтъ еще въ 1580 году обратиться съ жалобой къ Максимиліану II. Инструкція пословъ, письма и донесенія ихъ—во второмъ же томѣ Livonica.

Изъ отдѣла „Suecica" мы успѣли просмотрѣть лишь тѣ части, которыя касаются 7-лѣтней сѣверной войны и династическихъ споровъ Швеціи съ Польшей. Это—volumina Va, Vb, VI, VIIa, VIIb, VIII и IX. V-й томъ, съ котораго мы и начали разсмотрѣніе отдѣла „Suecica", заключаетъ въ себѣ исключительно однѣ данныя для военныхъ событій 1563 и 1564 годовъ. Онъ и озаглавленъ—„In specie belli Dano-Lubecensis et Suetici anno 1564".

Томъ Vb весь занятъ дѣлами частныхъ лицъ, ихъ торговыхъ операцій, долговыхъ споровъ и т. д.

VI томъ заключаетъ въ себѣ акты по нарвскому вопросу [1]). Матеріалы, заключающіеся въ немъ, подробно знакомятъ насъ со всей важностью нарвской торговли во второй половинѣ XVI столѣтія, въ которой заинтересованы были не только Балтійскія государства, но и всѣ Европейскія. Въ этомъ томѣ мы наталкиваемся на письма Максимиліана II и Рудольфа II Іоанну III, Іоанна III къ Любекскому рату и обратно, затѣмъ на коллективныя посланія нѣмецкихъ курфюрстовъ Іоанну III въ защиту торговыхъ привилегій Любека и, наконецъ, на „Acta legationis Suecicae Nauigationem Naruicam et ablatas merces de anno 1579 concernantia". Въ этихъ послѣднихъ весьма любопытна „Instruction was bey der Kun. Matzu Schweden eines Erbarn Radts der Stadt Lubeck Gesandten Doctor Herman Warnbuche Syndicus, Her Iohan Ludinghausenn vnd Her Arndt Bonnus Rathmanne, zuwerben, zuhandeln vund zuuerrichten haben sollen". Въ вопросѣ о нарвскомъ плаваніи послы должны были твердо стоять на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) Vor allen dingen mussen alle Passbortenn auf die Narua zugebene eingestellet werden, weder heimlichen noch offentlichenn, frembden noch einheimischenn oder benachbartenn, wer die auch sein mochten, so seintt wir erbotig, ein jar von nun anzurechnenn mit der segellation auf die Narua stille zuhalten. 2) Daneben do Ire K. M. neben Polen, Preussen, Lifland und Dant-

[1]) См. приложеніе 4.

zigk mit der Kun. M. zu Dennemarcken so uiel handlen wolten, Das Ire K. M. die zeitt wherendes Krigs den Sundt schliessen, vnd keine frembde Nationes nach der Narua durchgestatten mochtenn, Darbey der Pfaltzgraf, Churfurst. Pommern vnd Mekelnburgk auch viel guts thun konttenn, dieselbigen dan darumb zuersuchen, das eine gemeine Legation an die K. M. zu Dennemark abgefertiget. Весьма интересно, далѣе, донесеніе любекскихъ пословъ о ихъ пребываніи въ Швеціи, изъ котораго явствуетъ, какъ перемѣнились отношенія Любека къ Швеціи со времени Густава I.

Томъ VIIa заключаетъ въ себѣ акты къ войнѣ Швеціи съ Польшей 1598—1605 гг.

Томъ VIIb—акты и письма, выясняющіе взаимныя отношенія Швеціи къ Любеку и Данцигу, а также донесенія о польскихъ посольствахъ въ Швецію Георга Финка, Христофа Стурціуса и Самуила Laschi.

VIII томъ—акты по сношеніямъ Швеціи съ Любекомъ и Польшей 1598 и 1599 года.

IX томъ—акты, относящіеся къ Кальмарскому съѣзду 1605 года.

Въ 1605 году состоялся съѣздъ шведскихъ и любекскихъ коммиссаровъ въ Кальмарѣ; здѣсь возникъ вопросъ о торговлѣ любчанъ въ Россіи. Карлъ не соглашался допускать ее, имѣя въ виду сдѣлать Ревель главнымъ стапельнымъ пунктомъ на Балтійскомъ морѣ и сосредоточить въ рукахъ шведовъ всю русскую торговлю. Любчане ссылались на Штеттинскій мирный договоръ, Карлъ на договоръ Сигизмунда III съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, въ которомъ любчанамъ разрѣшалось лишь пріѣзжать въ Нарву для покупки и продажи тамъ товаровъ, но никоимъ образомъ не строить тамъ складочныхъ магазиновъ, не основывать конторъ; о возстановленіи Новгородской конторы Карлъ не допускалъ и рѣчи. Въ концѣ декабря 1605 года, послѣ продолжительныхъ споровъ, между Карломъ и Любекомъ заключено было временное соглашеніе, по которому Любекъ обязался за убытокъ, причиненный имъ шведамъ, заплатить извѣстную денежную сумму.

Въ отдѣлѣ „Polonica", обнимающемъ царствованія Сигизмунда III и Владислава IV, заключается не мало подлинныхъ грамотъ этихъ королей къ Любеку и другимъ ганзейскимъ городамъ какъ относительно торговыхъ дѣлъ съ Польшей, такъ и относительно политическаго союза противъ Швеціи. Во время династическихъ войнъ Польши съ Швеціей ганзейскіе города, въ особенности же Любекъ и Данцигъ, терпѣли большія стѣсненія въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Балтійскими государствами и съ трудомъ могли со-

хранить свое нейтральное положеніе среди воевавшихъ другъ съ другомъ державъ. Шведскіе и польскіе короли рѣшительно заявляли любекскому рату, что лишатъ его всѣхъ привилегій и льготъ въ своихъ королевствахъ, если только городъ не прекратитъ своихъ сношеній съ ихъ врагами. Шведское правительство усматривало въ торговыхъ сношеніяхъ Любека съ Польшей и политическую связь. На это любчане отвѣчали, что они лишь „ex officio mercenario“ вошли въ сношенія съ Сигизмундомъ Польскимъ. Любекъ, какъ это видно изъ писемъ его къ польскому и шведскому правительствамъ, скорѣе былъ склоненъ къ союзу съ Польшей, нежели къ союзу съ Швеціей, такъ какъ на сторонѣ Сигизмунда было формальное право на шведскій престолъ; на его же сторонѣ была и сила политическая, ибо за нимъ стояла вся католическая Европа, за исключеніемъ Франціи.

Карлъ IX, узнавъ о соглашеніи любекскаго рата съ его племянникомъ, прибѣгъ къ литературному оружію, и между нимъ и Любекомъ завязывается цѣлая полемика, въ формѣ брошюръ и пасквилей, въ которыхъ обѣ стороны взваливаютъ другъ на друга обвиненія въ нарушеніи дотолѣ существовавшихъ дружескихъ отношеній.

Еще энергичнѣе дѣйствовалъ Сигизмундъ III, когда на шведскій престолъ вступилъ Густавъ II Адольфъ; онъ тогда уже открыто захватывалъ корабли ганзейцевъ, направлявшіеся въ Швецію,—и на Балтійскомъ морѣ открылась каперская война. Отъ этого времени сохранились любопытныя письма Сигизмунда къ любекскому рату и отвѣты ему, такъ напримѣръ, письма короля отъ 31-го октября 1617 г., 11-го мая 1618 г., 24-го января 1622 г., 29 и 30-го января 1627 г., 20-го февраля 1628 г.

Отъ времени Владислава IV сохранилось также не мало писемъ, касающихся его отношеній къ Швеціи. Они всего многочисленнѣе въ 1635 году. Отмѣтимъ также 1) „Acta Civitatum Hanseaticarum et Wladislai IV Reg. Pol. wegen des zu Dantzig angelegten neuen Seezolles. 1637 и 1638“ 2) Acta belli Polonici et Suetici 1655—57.

Въ отдѣлѣ „Danica“ особенный интересъ представляютъ: A) Акты Ростокскаго собранія 1564 года. Изъ нихъ отмѣчаемъ: 1) инструкцію любекскихъ пословъ, которымъ предписывалось всего болѣе настаивать на свободномъ плаваніи на Нарву; 2) Etliche Puncts so bei wehrendem schwedischen Krieg als gemeiner Wolffart hoch angelegen zu betrachten. Среди этихъ пунктовъ весьма любопытна слѣдующая замѣтка: „Wie dann nicht ohne das albereit der Muscoviter vnnd seine vnterwürffige sich vmb schiffe beworbenn, denenn auch schon etliche

erlangt, damit gleichs andern der sehe gebrauchen, vnd durch die mannigfaltige hantierung ab vnd vf Ruslandt, nach dem das Muscowiterische Volck auch sunst fur sich der gewalt vnnd allem was vorteil gibt mit vmmessiger begir vnnachlessig nachtrachtet, in stehender dieses kriegs vnruhe, gar leicht zugeschehen, das der Muscowiter heut 4, vbers Iar 10, dann 20, 40, 60 vnnd so vmmerforth vflegend wher eigene schif zu wege bringen, sein volck sich damit vben lassen, vnnd in kurtzem mit mherer solcher gewalt zur sehe sich sterckenn mocht, das er nachmals durch alle ander benachbarte schwerlich wurde abgewheret werdenn kunenn". 3) Цѣлый рядъ извѣстій о военныхъ событіяхъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; 4) Письмо Фридриха II любекскому рату отъ 5-го сентября 1564 года, въ которомъ онъ разрѣшаетъ любчанамъ ѣздить въ Нарву. „Vnnd habe Ire K. M. vmb so uil bessere hoffnung die gebhur bej dem Muscowiter zuerhalten, weil die vereinigung, so Ire M. mitt demselbigen haben, derhalb austruckliche versehung hatt, ohne, das auch nicht zuuermuthen, das der Moscowiter Eines geringen Nutzes halben, so er vonn Schweden dessfals zuerwartten, die gemeine vnd jm so hoch bequeme schiffart vnd Communication selbst stutzen vnd also sich abstricken wolte. Король указывалъ царю „wie freundtlich es der Schwede mitt Jme meintt, jn dem das er zu seinem eigenen vortheil jme dem Muscowiter eine solche stedtliche Commoditet, der Naruischen Communication durch thetlichs furnhemen zu sperren vnd abzustricken vndterstehen dörffen".

B) Acta legationis Secret. M. Ioannis Engelstede ad Caesarem Majestatem itemque Electores Saxoniae et Brandenburg. 1564. C) Acta legationis Hafniensis ad Regem Daniae legatis Fried. Knovel, Senat. vnd Christoph Messerschmidt—secret. 1564. D) Acta legationis Flensburgensis et Nienburgensis ad Regem Daniae, legatis Hieron. Luneburg, consule, Barthol. Tinnappet et Fried. Knevel, Senat. Christ. Messerschmidt, Secret. 1564. Всѣ эти акты заключаютъ въ себѣ любопытнѣйшія данныя какъ для военныхъ событій, такъ и для вопроса о нарвской торговлѣ. Въ нихъ же (письма Фридриха II) находимъ причины, побудившія Фридриха II прибѣгнуть въ 1564 году къ временному закрытію Зунда.

Весьма богатый матеріалъ для торговыхъ сношеній ганзейскихъ городовъ съ Испаніей представляютъ акты, заключающіеся въ отдѣлахъ „Hispanica". Филиппъ IV и его министры требовали, чтобы ганзейскіе города не имѣли никакихъ сношеній съ голландцами, а привозили свои товары въ нидерландскія и испанскія гавани. Испа-

нія стремилась стать прочною ногою на южномъ берегу Балтійскаго моря и здѣсь, какъ и на Нѣмецкомъ морѣ, заручиться какою либо удобною гаванью; сношенія ганзейскихъ городовъ съ врагами Габсбурговъ—Швеціей и Франціей—продолжались, не смотря ни на какія запрещенія, и это-то обстоятельство болѣе другихъ обостряло отношенія ихъ къ Испанско-Габсбургской монархіи.

Отмѣтимъ важнѣйшіе акты изъ 2-го и 3-го томовъ „Hispanica", обнимающихъ время отъ 1628 по 1635 годъ.

Во 2-мъ томѣ любопытны слѣдующіе акты: 1) Указъ Филиппа IV о торговлѣ, 6 мая 1628 г. Мадридъ. 2) Рядъ грамотъ ганзейскихъ городовъ Филиппу IV и Оливарецу, заключающихъ въ себѣ жалобы на стѣсненія ганзейскихъ торговцевъ испанскимъ правительствомъ. 3) Correspondence mit Gabriel de Roy 1629—1630. Габріэль де Роа носилъ титулъ „Kayserlicher neben dero armada im Oceanischen vnd Baltischen Meer verordneter generalis Commisarius" и, какъ таковой, велъ дѣятельные переговоры съ ганзейскими городами какъ на Балтійскомъ, такъ и на Нѣмецкомъ морѣ о принятіи послѣдними новаго торговаго устава, выработаннаго въ Мадридѣ и направленнаго на совершенное обезсиленіе Голландіи. Въ этой перепискѣ попадаются и нѣкоторыя интересныя копіи съ писемъ Валленштейна къ Любекскому рату, свидѣтельствующія о совершенной солидарности въ балтійской политикѣ императорскаго генерала и испанскаго правительства, солидарности, бывшей столь не желательной нѣмецкимъ курфюрстамъ, какъ протестантскимъ, такъ и католическимъ. Изъ этихъ копій отмѣчаемъ въ особенности копію съ письма 16 октября 1628 года. 4) Bericht wegen der zur Wismar eingebrachten Schiffe; въ этомъ донесеніи много подробностей, характеризующихъ образъ дѣйствій Испаніи и Австріи по отношенію къ не подчиненнымъ имъ свободнымъ торговымъ городамъ. 5) Договоръ Испаніи съ Даніей о цертификатахъ 1630 года.

Въ 3-мъ томѣ „Hispanica" мы отмѣтимъ: 1) Acta der von Kays. M. ad conventum Hanseaticum abgeordneten legaten, Grafen von Schwartzenberg und des Reichs Hoffraths Wenzel pro liberi commercii nach Hispanien. 1627—28. Въ этомъ собраніи цѣлый рядъ подлинныхъ актовъ, касающихся вопроса объ утвержденіи Испаніи и Австріи на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря, какъ-то: инструкція Шварценберга и Венцеля, отъ 8 ноября 1627 года, письмо Любекскаго рата Филиппу IV отъ 27 октября 1628 года и т. д. 2) Акты, касающіеся сношеній ганзейскихъ городовъ съ Испаніей послѣ смерти

Габріэля де Роа, случившейся въ 1646 году. Мѣсто де Роа заступили Consiliarius испанскаго короля, Orator et legatus ordinarius apud aulam Caesaream et per Germaniam Don Didacus de Arragona, Dux Terrae Novae и Balthasarus Walderode de Echhausen.

Въ Данцигскомъ архивѣ мы занялись прежде всего разсмотрѣніемъ такъ называемыхъ Libri Missivarum за вторую половину 16 столѣтія, съ 1558 до 1599 года. Это — копіи съ писемъ и инструкцій данцигскаго бургомистра и рата его посламъ въ Польшѣ, Даніи, Швеціи и Любекѣ, а также копіи съ писемъ Данцигскаго рата ратамъ Ревеля, Риги и другихъ приморскихъ городовъ. Въ этихъ письмахъ и инструкціяхъ разбросано много данныхъ о сѣверныхъ дѣлахъ, о торговыхъ сношеніяхъ съ Даніей, Московскимъ государствомъ и Швеціей; иногда же они спеціально посвящены тому или другому вопросу скандинавской или польской политики.

Акты 1558 и 1559 годовъ заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на выборгское плаваніе и свидѣтельствуютъ о дружескихъ отношеніяхъ Данцига къ Ригѣ и Ревелю; въ виду начавшейся войны съ Москвою Данцигъ обнаруживаетъ дѣятельную заботливость о ливонцахъ, шлетъ имъ помощь оружіемъ, деньгами и съѣстными припасами. Изъ этихъ же актовъ видно, какъ сильно озабочены были всѣ прибалтійскія государства вѣстью о появленіи англичанъ на Бѣломъ морѣ и о торговыхъ сношеніяхъ, начатыхъ съ ними московскимъ государемъ. Ближайшіе сосѣди Московскаго государства, Швеція и Польша, въ цѣломъ рядѣ писемъ, открытыхъ плакатовъ и донесеній, раскрываютъ весь вредъ этихъ сношеній для христіанскихъ прибалтійскихъ государствъ. Сигизмундъ II Августъ сносился по этому вопросу съ Данцигомъ, и этотъ городъ, видя всю невыгоду для себя отъ непосредственныхъ сношеній Англіи съ Россіей, въ августѣ 1560 года писалъ къ своимъ посламъ въ Лондонъ— Іоанну Пройтту и Іоанну Кремерингу,—чтобы они настояли у англійскаго правительства на прекращеніи этого плаванія. Съ 1560 года въ актахъ упоминается уже и о нарвской торговлѣ, противъ которой Данцигъ ратовалъ наравнѣ съ Сигизмундомъ II Августомъ. Изъ-за Нарвы между Данцигомъ и Любекомъ возникаетъ любопытная переписка, свидѣтельствующая о сильномъ нерасположеніи этихъ двухъ городовъ другъ къ другу и о торговомъ соперничествѣ ихъ. Съ 1563 года акты содержатъ нѣкоторыя указанія и на отношенія Данцига къ Швеціи и Даніи; онъ упорно отказывался отъ активнаго участія въ 7-лѣтней сѣверной войнѣ: нейтральность его вызывала натянутыя

отношенія къ обѣимъ воевавшимъ сторонамъ и къ Польшѣ, союзницѣ Даніи.

Превосходно выясняются изъ Libri Missivarum и отношенія Данцига къ Польшѣ съ 1563 до 1572 года; они были далеко не мирнаго и дружескаго характера. Нерѣдко дѣло приближалось къ разрыву и только осторожное правительство Данцига предупреждало возстаніе города противъ самовольныхъ и деспотическихъ указовъ Сигизмунда II. Польскій король требовалъ помощи Данцига въ войнѣ съ Швеціей, новыхъ налоговъ для веденія ливонской войны и прекращенія торговыхъ сношеній съ Швеціей. Данцигъ не могъ исполнить этихъ требованій короля, такъ какъ вся торговля его сильно пострадала бы отъ этого. Свое тягостное положеніе Данцигскій ратъ выражаетъ въ письмѣ къ своимъ секретарямъ въ Вильнѣ отъ 7 декабря 1565 года: ...„Vndt muegen euch auch hirneben nit verhalten, das unter der Ordenungen vnd Einwohner dieser Statt wegen der langwirigen schwebenden Kriege zwischen vnserm Herren, Dennemarken vndt Schweden, fast grosse beschwerungen vermerckett wirt, als das sie nun so viel iahr hero, den pass auf Schweden, hin vndt her nicht gebrauchen muessen, dahero dan nicht allein diese Statt der Schwedischen Commoditeten, so sie kommerlich entrahten können entperen muessen, dardurch dan auch viele dieser Statt einwohner in grundt vertorben vnd aller ihrer nahrung entsetzett, auch in eussersten verterb vnd armutt geratten sondern das auch alle dieselben Schwedische Commercien an andere örter geflossen vnnd transferiret, so villeicht nimmermehr also an diese Statt wie zuuorn gewesen, widerumb kommenn werden. Von welchen örtern wir solche Schwedische wahren mit doppeltem gelde vnd vnkosten anhero bringen lassen mussen, wie es den auch zubesorgen, das wo dise Statt, noch ein jahr des Reichs Schweden entrahten solte, vmb ein merklich teill ihrer wollfartt kommen muchte, Dann auch sonsten mehr, dan die helffte der schife von dieser Statt weggekommen, in deme man sich des Schweden halben allerlei besorgen muess, vnd die schiffe alhir liegen bleiben muessen, vndt der vorteill ohne ziel vnd massen von tage zu tage wechset vnnd zunimpt, vnd also teglich vnsere schiffe geminnert werden, dardurch dan auch die Kreffte, das volk vnd das geschuetz von dieser Stadt wegkompt, geschweigen das des Koniges zu Schweden ausliegere etzliche vnsere schiffe so mit allerlei wahren auf andere örtere beladen, mit gewalt intercipiret vnd in Schweden gefuhret worden, die vnter andern diese vrsache forgewendet, das des Konigs von

Schweden Vnderthanen schife vndt guetere alhie angehalten, vnnndt etliche preiss gemacht worden, beuor aber auch das die Dantzkere Freibeutere, wie sie sie nennen, die Schweden beschediget vnd benommen wie es den auch an deine ist, das die meisten der vermeinten freibeutere, ihrer koniglichen Maiestet gar wenig frommen, dan sie keines weges in die offene sehe wollen, sondern wan feindtliche guetere in diesem Porte vndt also in vnseren henden sein, dieselben vberfallen vnndt zum hefftigsten beschweren vndt dardurch den Schweden weil sie von hinnen auslauffen, desto mehr kegenst diese Stadtt verhetzen, Dan auch der K. von Schweden den vnsern mehr genohmen vndt grossern schaden zugefuegt, als den Schweden alhir angehalten worden".

Много приходилось Данцигу терпѣть и отъ морскихъ сыщиковъ польскаго короля. Слѣдя за тѣмъ, чтобы датчане и другіе народы не ѣздили въ Нарву, они безъ разбора захватывали всѣ корабли, попадавшіеся имъ на пути къ этому городу. Иностранные государи, подозрѣвая въ этомъ пиратствѣ Данцигъ, мстили ему между прочимъ и какъ городу, подчиненному Польшѣ, лишали его привилегій, задерживали его купцовъ со всѣми ихъ товарами и т. д. Изъ-за этихъ-то морскихъ разбойниковъ Польши возникаетъ длинная переписка Данцига съ Сигизмундомъ II. Въ 1570 году Данцигскій ратъ обращался къ королю съ цѣлымъ рядомъ просьбъ „pro abolendis aut alio transferendis speculatoribus maritimis tum ob incredibilem eorum in multos innocentes vsurpatam insolentiam, tum propter eas clades vitandas, quae inde huic civitati ac inclyto Poloniae Regno imminerent".

Очень рельефно рисуетъ образъ дѣйствій польскихъ пиратовъ письмо Данцигскаго рата къ Сигизмунду отъ 26-го іюня 1570 года. Съ 1570 года въ актахъ встрѣчаются указанія на датскихъ и московскихъ пиратовъ. Ср. письма Данцигскаго рата къ Магнусу отъ 20 іюля 1570 года и Любеку отъ 30 сентября того же года.

Съ 1572 года всѣ инструкціи Данцигскаго рата почти исключительно касаются вопроса объ избраніи по смерти Сигизмунда II Августа новаго польскаго короля. Изъ этихъ актовъ обнаруживается, что Данцигъ на всѣхъ сеймахъ поддерживалъ Габсбургскаго кандидата и оставался вѣрнымъ Габсбургскому дому до самаго отпаденія его отъ Польши.

Весьма богатый и разнообразный матеріалъ содержатъ въ себѣ и донесенія данцигскихъ пословъ изъ Польши, Даніи, Швеціи и Любека городскому рату и бургомистрамъ Данцига. Они всѣ подлинны и за-

ключаются въ цѣлой серіи объемистыхъ фоліантовъ, озаглавленныхъ „Acta internunciorum“. Въ этихъ актахъ, какъ и въ предшествовавшихъ, насъ по преимуществу интересовали данныя для 7-лѣтней сѣверной и ливонской войнъ; всего же цѣннѣе они по матеріалу, заключающемуся въ нихъ для выясненія взаимныхъ отношеній Данцига и Польши.

Разсмотрѣніе „Acta Internunciorum“ мы начали съ 12-го тома, обнимающаго 1557, 58 и 59 годы и довели его до 49-го тома, заканчивающагося 1595 годомъ.

Какъ въ предыдущемъ отдѣлѣ актовъ, такъ и въ разбираемомъ, множество любопытныхъ данныхъ для исторіи отношеній Данцига къ другимъ ганзейскимъ городамъ, Швеціи и Даніи. Нѣкоторыя изъ донесеній данцигскихъ пословъ замѣчательны по своей детальности и драматичности: передаются подлинныя слова польскихъ вельможъ, приближенныхъ Сигизмунда II, рѣчи московскихъ пословъ, отвѣты данцигскихъ пословъ на нѣкоторыя требованія короля и т. д. Отсюда, разумѣется, и субъективность этихъ донесеній, пристрастность ихъ, какъ только возникалъ, напримѣръ, вопросъ о правахъ польскихъ королей на Данцигъ и т. п.

Донесенія данцигскихъ пословъ очень ярко рисуютъ намъ отношенія Польши къ ливонскимъ дѣламъ; нигдѣ такъ рельефно не выступаетъ равнодушіе польскаго правительства къ судьбѣ Ливоніи, какъ въ этихъ именно донесеніяхъ (напримѣръ, отъ 20 февраля 1561 года, 31 августа и др.); со дня на день откладывали выслушиваніе ливонскихъ пословъ; тотъ или другой вопросъ о ливонской войнѣ переносился съ одной инстанціи въ другую и т. д.: то его разсматривали на ландтагахъ, то на королевскихъ собраніяхъ. Даже послѣ паденія Нарвы польское правительство оставалось равнодушнымъ зрителемъ событій ливонскихъ; король занятъ празднествами, пирами и маскарадами,—пишутъ данцигскіе послы въ 1561 году,—и трудно было бы сказать, что при дворѣ кто нибудь думаетъ о войнѣ съ Московитомъ.

Изъ вопросовъ, наиболѣе подробно разбираемыхъ въ донесеніяхъ данцигскихъ пословъ, слѣдуетъ отмѣтить: вопросъ о зундской пошлинѣ, о нарвской торговлѣ, объ евреяхъ, которымъ король польскій желалъ отдать на откупъ данцигскую таможню, вопросъ объ отношеніяхъ къ Швеціи и Любеку, о борьбѣ съ Баторіемъ, о враждѣ съ Эльбингомъ изъ-за монополіи, дарованной эльбингцами англійскимъ купцамъ.

О московскихъ дѣлахъ говорится: 1) въ цѣломъ рядѣ донесеній изъ Ливоніи; затѣмъ—въ слѣдующихъ письмахъ данцигскихъ пословъ: a) отъ 18 августа 1567 года, Гродно; здѣсь рѣчь идетъ о московскихъ послахъ, прибывшихъ въ Польшу для выясненія взаимныхъ отношеній польскаго правительства къ московскому царю. Послѣ аудіенціи король пригласилъ пословъ къ столу, но послы не согласились сѣсть за одинъ столъ съ королемъ. „Aber da die Boyarenn nicht mochtenn ahn der Taffel sitzenn da jhre Maiestet sass, woltenn sie jm gemach nicht bleibenn, sondern lieffen alle zurück wiederumb hinaus, da wolt Sie Ihre Maiestet auch nicht ser nötigen, oder hinein fördern lassen, liess sie daraussen fur der thuren stehen, Vnnd ob sie auch wol gern gar dauon gegangen wehren, wolt man ess jhnenn auch nicht gestadtenn, Da Sie also ein wenig gestandenn wahren befol jhnen Ihr M. zuschenckenn, Sie wolten aber auch das getrenck keines weges annehmenn, So wolten es aber die, so es jhnen zugetragen nicht wiederumb zurück bringenn, sondern gossen es den gutten leuten fur die fuess, da mussten sie also stehenn wie die betreufften hanen bis das Ihre M. abgegessen het, Manchem dunckt dis nun ein grosser ernst sein den Ihr M. gegen sie gebrauchenn lassenn, sie aber fragen vielleicht wenig darnach vnd achten es sehr gering".

b) Письмо изъ Книшина, 6-го апрѣля 1568: о сильныхъ вооруженіяхъ Москвы на морѣ; по Двинѣ русскіе готовятся подплыть къ Ригѣ.

c) Изъ Данцига, 19-го іюня 1570:—о московскихъ пиратахъ на Балтійскомъ морѣ.

d) 1572. Quaestio est de Naruicis seu Rhutenicis commerciis. Haec contrauersia omnibus Regibus, principibus et potentatibus christianis communis est.

Imperator tamen et Reges Daniae, Sueciae et Poloniae priuatim sibi ius quoddam in hoc mari Germanico vel orientali tribuunt. Nunc vero ob commercia illa vehemens est contentio. Nam reges Galliae, Hispaniae, Angliae, Scotiae et Prouinciae Belgicae illa salua et integra esse volunt et omnium maxime Rex Daniae. Imperator autem et Imperii ordines illa omnibus concedunt liberaque esse volunt.

Soli Reges Sueciae et Poloniae et eorum subditi contradicunt et ea de re reconqueruntur.

Hanc ob causam omnium aliorum Regum subditi superioribus annis infinita damna et iniurias passi sunt, quae illi diutius nec ferre, nec dissimulare volunt.

Quae cum ita se habeant, aut libera omnibus relinquantur com-

mercia, aut bellum aperte geratur necesse est, vel vt vi saltem (ut hactenus) illa impediantur.

At cum haec extrema sint et admodum perniciosa media merito studiose quaerenda sunt, quibus tantis malis tempestiue occuratur. Dubium non est, quin Poloniae et Sueciae Reges graues habeant causas cur commercia ista impedire conentur. Et certe aequum est, vt illorum digna ratio habeatur.

Verum si in ea causa, communi omnium, aut saltem praecipuorum consensu non consulatur, nulla certa nec diuturna pax aut tranquillitas expectanda est. In eo igitur in primis incumbendum est, vt Reipubl. communi summorum consilio prouideatur. Nam a priuatis certi nihil constitui aut decerni potest.

Очень любопытно, что послѣ Штеттинскаго мира 1570 года любекскій ратъ вступаетъ въ переговоры съ остальными вендскими городами, выставляя имъ необходимость ходатайства передъ Московскимъ правительствомъ о возстановленіи нѣмецкой торговой конторы, какою была нѣкогда Новгородская, въ одномъ изъ городовъ Московскаго государства. Эту мысль раздѣляли съ Любекомъ и императоръ и имперскіе князья; на Шпейерскомъ рейхстагѣ и Франкфуртскомъ депутаціонстагѣ они рѣшили сохранить за одними любчанами право нарвской торговли, такъ какъ Римская имперія не можетъ обойтись безъ русскихъ товаровъ: „weil das Römische Reich der Russischen Wahren nicht entraten konne". Весьма важно—и это было высказано всѣми представителями обоихъ собраній—не допустить до пользованія этой торговлей иностранныя государства, какъ Франція, Англія и др. Всѣ нѣмецкія конторы въ иностранныхъ государствахъ основываются на русской торговлѣ и эта торговля—мать всѣхъ прочихъ торговыхъ конторъ, которыя безъ нея не могутъ существовать. („Da doch alle Conthoren auf die Reussischen Commercien fundiret sein sollen, vnd dieselbe Reussische Handlung eine Mutter aller Conthoren wehre, ohne welche och die Conthoren nicht Konten erhalten werden"). Кельнъ, Гамбургъ, Ростокъ и Брауншвейгъ высказались въ пользу сосредоточенія русской торговли въ одномъ изъ ливонскихъ городовъ, предлагали между прочимъ Ревель, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ Ревель былъ подчиненъ Швеціи, воевавшей съ Россіей. Поэтому всѣ эти города согласились до перемѣны политическихъ конъектуръ сохранить за Нарвой значеніе стапельнаго пункта. Одинъ Данцигъ былъ противъ Нарвы—какъ такого пункта' но его мнѣніе не было поддержано даже прусскими городами.

e) Matthaeus Radecke Данцигскому рату, Варшава, 17-го мая 1575; въ этомъ письмѣ называются два кандидата на польскій престолъ—Эрнстъ Габсбургскій и Московскій царь, причемъ бо́льшее число голосовъ на сторонѣ втораго. Тоже 20-го мая, Stendzicz: Die vom Adel aber wollen keiner weges ahn einen deudtschen Herren sondern ahn den Moscowiter, jhrer wenig zu Gros Poln ausgenohmmen die mit der Keys. M. zufallen.

f) Reiholdt Moller Данцигскому рату, 18-го ноября 1575, Варшава: ....Endtlich sol auch ein Moscowiterischer Goniez angekommen seynn, welchen jedermann hören wollen, jn hoffnung das ehr amplissimas conditiones mit sich bringen wurde, vnd sol so ein gedrengnus gewesenn seyn wie ehr zu dem Kolo gefuhrett, das einer für dem andern schwerlich stehen und zuhörenn können, Wie aber nichts vorhandenn gewesenn, ohne seyne entschuldigung, das ehr fur diesem seine bottenn jn die Crohn Poln nicht geschickett, vnd dan das noch ein Goniez vorhandenn, welcher fur den grosbotenn so zu Schmolensko auff der grentsenn lege, ein geleitt werbenn soltt, sein sie sehr vbel mit dem Moscowits zufriede gewesen, vnd dan das man mit etzlichen der h. woiewoden die sie also auffgesprenget ubel zufriede gewesen auch sie widerumb geurlaubett, der geringe Adel alhier aus der Masaw mitt hauffen daruon gemachett, welcher vns dieses morgens allein auff dieser strassen wol jn die 200 wegen begegenett, ohn die da gerittenn vnd zu fuss gegangenn, Also das man nun vermeinett das es mit dem Moscoviter aus sey vnd ehr weit hinden werde stehen mussen.

g) Донесенія въ Данцигъ Константина Фербера, Альбрехта Гизе и Конрада Лембке изъ Варшавы и др. городовъ Польши. 1578—1579. Эти донесенія содержать въ себѣ нѣкоторыя подробности русскихъ вторженій въ Литву и Ливонію, а также нѣкоторыя данныя для исторіи борьбы Данцига съ Баторіемъ и отношеній Данцига и Даніи и Любека. Отмѣчаемъ отдѣльно донесеніе 9-го декабря, въ которомъ слѣдующимъ образомъ передается о прибытіи въ Варшаву 3-го декабря 1578 года московскихъ пословъ: „Als aber der Herr Prziemskj vnd h. seuerin Bonner wegen der Kön. M. sie empfangen wollen, haben sie sich der alten barbariae nach wegen des hutts vnd entplosung des hauptes gezankett... (5-го декабря аудіенція ихъ у короля): Als aber die gesanten auffgeholett, vnd fur Ihre M. gekommen, haben sie die vnseligen tittel jhres grossfursten referiret, vnd nachmals vnsers koniges dergleichen vnd dem gruss abgelegett, Nach verrichtunge desselben, jst von alters her der vorigen Koninge gebrauch gewesenn, das sie auf-

gestanden vnd Ihr Haupt entdecken vnd also mitt blosem heupt gefragett, wie es Ihrem bruder dem grossfursten gehe. Solchs hatt Ihre K. M. nicht thuen wollen, sondern ist sitzen bliebenn, vnd hat durch den hern Eustachi fragen lassen, Als solchs die Moscowiter gesehen haben sie die kopffe geschuttelt vnd weiter nichtes anthworten wollen, es stunde den der Koning zuuor auf, vnd blösse sein heupt, Als man solchs gemerket, hatt der herr Eustachi gesagett, dass Ihre M. nicht Polnisch kunde, darumb hette er es jhm zu reden befolen, Da sagett der Moscowiter so solte er auffstehen vnd die Magecke abnhemen. Wie Ihre K. M. der leute stoltz gesehen, hatt er als balde gesagett, das sie entweder Ihr gewerbe ablegen, oder widerumb jn ihre herberge gehen solten, Also seint sie widerumb zurucke in jhre herberge geleittet worden, und haben nichts verrichtett. Als sie aber aussgegangen, vnd Ihr K. M. jn den rathe getreten, hatt Ihre M. gesaget: Redigemus illos in ordinem, man solte weder Inen noch Ihrem volke noch Ihren rossen zuessen oder zutrinken geben biss so lange sie die botschafft abgelegett, vnd (welchs ich vergessen) als sie in Ihrer der Koning auch auf seiner meinung geblieben, hatt der herr Eustachi gesagett, es hette Ihr Grossfurst, der K. M. gesanten dem Masauschen woywoden auch der gleichen gethan vnd die gewönliche reuerentz nicht erzeigett, da hat der Moscowiter geanthwort er were dabey gewesen, sein Grossfurst der hette seinen hutt abgenommen vnd an gewonlicher ehrerpittung nichtes abgehen lossen, als nu der her littausche Cantzler sagett, das solchs Ihrer Kön. M. abgesandter eingebracht, spricht der Moscowiter das der gesante der warheit gesparet hette, und das er auch selbst nicht war rebette (?).

In summa sie sein so vnuerrichter sache in die herberge gefuret, vnd haben die kopfe geschuttelt nicht anders als wan man einem bereu auf die nase geschlagen".

h) Даніилъ Германъ Данцигскому рату, Великіе Луки, 8-го сентября 1580: о прибытіи въ лагерь Баторія московскихъ пословъ, требовавшихъ удаленія польскихъ военныхъ силъ изъ Ливоніи, и о неуспѣшности ихъ миссіи [1]); нѣкоторыя подробности о паденіи Be-

[1]) Den 29 Aug. ist die Moschkowitersche grosse Bottschafft erstlich fur den König im Feldtlager kommen, vnd nach abgelegtem langem grus ein Credentz schreiben überreicht. Als ihnen nu vergunt worden zu reden, haben sie nichts anders furgebracht als mit kurzen worten das der König mit seinem kriegsvolck wieder in sein landt sich wenden soll, dahin will der Grosfurst seyne gesandten verordneu vnd aller zwistung halben tractiren lassen, Darauff sie zum ersten, andern vnd dritten mal

ликихъ Лукъ, о страшномъ избіеніи въ нихъ русскихъ (Da hatt man ein iemmerlich specktakel gesehen, wie ihr viel gewundt und halb todt in den Wassergraben gesturtzt worden, viel seindt das naker ausgezogen vndt dan gesabelt worden).

i) Изъ Вильны, 2-го іюня 1581: объ аудіенціи московскихъ пословъ у Баторія 26-го мая и 2-го іюня. Въ первый разъ послы желали сохранить за Москвою Дерптъ, Нарву и Перновъ; во второй аудіенціи они уже уступали и всю Ливонію, но не могли принять послѣднихъ требованій польскаго короля объ уступкѣ ему Смоленска, всѣхъ литовскихъ и польскихъ завоеваній и уплаты pro expensis 2 милл. золотыхъ. На первой аудіенціи Баторій рѣшительно заявилъ, что не уступитъ Московскому царю ни пяди земли въ Ливоніи: dass er dem Moskowiter nitt eynen pawren ihn Liffland gedenk zulassen.

k) Германнъ Даніэль Данцигскому рату, 26-го сентября 1582, Вильна. Въ этомъ письмѣ есть небольшое описаніе Пскова, которое цѣликомъ и приводимъ: „Die Pleskow ist in drey vnderschedliche stedte geteilet, vndt ist die einige in der gantzen Moschkow welche mit mawren vmbgeben, doch inwendig alles von holtz gebawet, ein jede stadt hatt ihre besondere Mawer in die drey klafter breit oder dick nit von ziegeln sondern steinen. Die furnembste stadt hatt streich vndt Brust weren auch pasteyen, die andern aber allein schlechte runde mawren, doch hat ein iede stadt ein besonder fest hoch blockhaus. Oben auff den Mawren seindt hülzerne planken oder genge gewest. Nach dem aber die Moschkouiter sich nu mer der gluenden Kugeln halben befurchten haben sie alles was zu oberst auff den Mawren von holz gebawet gewest, vor der Kon. M. ankunfft herunder gerissen. Etliche so Danzig vndt Pleskow gesehen haben, sprechen das Pleskow noch ein mal vndt mer grosser vmbfang sey in der Ringmawer als Danzigk. Sonst die stadt mit aller kriegs munition überaus wol versehen“.

l) Изъ Кракова, 25-го іюля 1583 года: въ городъ прибыли московскіе послы съ жалобою отъ великаго князя на то, что пограничные польскіе военные отряды неоднократно вторгаются въ предѣлы

---

gefragt worden, ob sie nichts weiters furzubringen hetten, vndt als sie auch etlich mal gesagt, sie hetten weiter nicht befelch, ist ihnen durch den H. Christoff Radziuil herrn von Trocken dieser bescheid gegeben worden, weil sie mit einer solchen nichtigen werbung fur kommen, mögen sie also wieder one bescheid dauon zihen, sindt also in das Littawisch Lager beleitet worden, vndt des herrn Gros Cantzlers als general obresten hauffen von stundt an vber das Wasser Louade geruckt vnd das lager auff der anddern seiten geschlagen.

Московскаго государства и причиняютъ подданнымъ царя большой вредъ; царь проситъ также короля уменьшить размѣры выкупной суммы за русскихъ плѣнныхъ.

Третій отдѣлъ актовъ, просмотрѣнныхъ нами въ Данцигскомъ архивѣ, — это отдѣлъ „оригинальныхъ актовъ", „Original Urkunden". Большая часть ихъ касается отношеній Данцига къ Любеку, Даніи и Польшѣ; нѣкоторые заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о ходѣ Ливонской и 7-лѣтней сѣверной войны, нѣкоторые—спеціально разбираютъ вопросы внутренней исторіи Польши. Изъ отдѣльныхъ актовъ отмѣчаемъ: 1) письмо Сигизмунда II Августа Данцигу, отъ 17-го сентября 1571 года, Варшава (Orig. Urk. LXXXIV. C. 24035); оно любопытно потому, что заключаетъ въ себѣ строгое запрещеніе данцигскимъ купцамъ ѣздить въ Нарву; чтобы прекратить нарвское плаваніе, король назначилъ особыхъ морскихъ префектовъ лазутчиковъ, которые должны были захватывать всѣ корабли, направлявшіеся къ Нарвѣ. „Seuere et districte mandamus et iniungimus ne ullus illorum (данц. жителей) siue per se siue per alium palam siue clam, aperte siue dolo uel quacunque ratione uia uel modo munitiones bellicas, victualia, uel quascunque alias merces, nullis exceptis, uersus Narwam apportare multo minus ibidem vendere, commutare uel ullo pacto commercia cum hostibus nostris exercere uel seruitores nostros custodiae Maris Praefectos quibus una cum consortibus seruitoribus nauibus atque omnibus suis omnimodam potestatem et plenariam securitatem in Ciuitate nostra manendi et uersandi concessimus neque verbis neque facto laedere conuicijs proscindere clamdestinis machinis ipsis imponere, uel populari seditione concitata ullum periculum creare audeant uel praesumant, sub amissione honoris rei et corporis, Quocirca vniuersis et singulis cuiuscunque status et conditionis subditis in Regno Ducalibus et Dominis nostris existentibus pro graui indignatione nostra Regia praesertim Magistratui Iudicibus officialibus quibuscunque gedanensibus sub poena criminis laesae Maiestatis nostrae priuatione priuilegiorum et libertatum Ciuitatis seuere praecipimus et districte mandamus ut non obstantibus quibuscunque rescriptorum nostrorum in contrarium impetratorum uel impetrandorum literis Mandatario nostro cui id negocij commisimus contra quosuis tam prioris quam huius edicti nostri transgressores quibus coram officijs uestris actionem instituet iusticiam celerem et indilatam, administrent poenasque meritas conuictis irrogent". Сравн. письмо Сигизмунда II Августа къ Данцигу, 18-го іюля 1571: король перевелъ

своихъ сыщиковъ въ Перновъ, „non tamen ea lege vt eosdem inde ex isto portu Gedanensi pelli et exterminari, atque quasi proscribi cupiamus, quin ibidem et in ciuitate nostra Gedanensi obversari nequeant: verum vt semper ex arbitrio nostro tota haec res dependeat, eosdem seruitores nostros vniversos et singulos vel etiam aliquos in praesentiarum Parnauiam et alios portus nostros Livonicos transferendi, inde reuocandi, siue nunc quoque in Gedan. et aliis portubus nris Pruthenicis retinendi, prout id ipsum ratio atque necessitas rerum et temporum requirere videbitur".

2) Сообщеніе Георга фонъ-Вольсторфа, польскаго военачальника въ Гельмедѣ, городскому совѣту Риги, 18-го февраля 1575. Оно весьма любопытно, ибо свидѣтельствуетъ о страшныхъ жестокостяхъ и варварскихъ поступкахъ шведовъ, датчанъ и нѣмцевъ въ Ливонской войнѣ [1]); къ нему присоединена и копія съ воззванія московитовъ къ населенію Гельмеда: Von gotts gnaden des grotten Herren Kay: May: aller Russen Iwann Wassieliwitz von der Kay: May: Statthalter tho derpet von Kness Offonasihewitz vnd von aller Key: May: Pojaren vnd Kriegs Oberste jn der Key: May: Erue up helmet an die stadthalter dhon di tho wettenn, dat wir jm togesin mit des Key: May: grotte macht vnd grotte geschutz vnd gedencken des Key: May: Erue jn tho nemen vnd nach deme so haben wir vns vber euch erbarmet vnd schriuen juw tho dat gi mochten ewer grotte schult erkennen jegen vnse Key: May: aller Russen vnd sehet tho dat gi so nicht dhon alse de Wittenstenishen de dem Kei: Maiest: Sin Erue wolten entholden, alse idt en wedder fur so wert juw ok ghaen so gi dat hus nicht mit gude jngeuen werden, vnd geuet helmet mit gude up vnd vorgettet vnschuldig Blodt nicht, vnd so gi dem Kei: Maiest: lust vnd leue hebben tho denen vnd de jenige schollen wol begnadiget werden vnd de dem Kej: May: nicht denen willen de willen wir daruth laten mit allen Irem guderen, vnd willen leit sagen latten dar se hen begerren sampt Iren husfrowen vnd kindern vnd schriuet vns mit dem aller ersten tho wett gi in der Ille von dage in vnse lager wes gi gesinnet sin vnd so willen wir die Kriegsuolck vorbeden dat dar kein grot blodt nicht mochte vorgoten werden, vnd willen ok vorbeden rouen und brennen so gi mit gude Iuw geuen geschreuen in der Ille.

3) Два донесенія о штурмѣ и взятіи русскими Пернова, Кетлера

[1]) См. приложеніе № 5.

12-го іюля, Митавы, и Риги, 19-го іюля 1575 г. Оба они живо и интересно передаютъ фактъ паденія Пернова, но несомнѣнно грѣшатъ относительно исторической правды, какъ впрочемъ это всегда бываетъ при донесеніяхъ потерпѣвшей стороны [1]).

4) Переговоры шведовъ съ русскими при Плюсѣ съ 10-го сентября до 19-го октября 1589 года и военныя событія при Нарвѣ съ 5-го января до 25-го февраля 1590 года. Донесеніе это имѣетъ видъ журнала и по обстоятельности заслуживаетъ особеннаго вниманія; отмѣчаемъ драматичность въ его формѣ. Разказъ о штурмѣ Нарвы любопытенъ со стороны военныхъ подробностей [2]).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Vonn Gottes Gnadenn, vom grossenn Herrnn Keysser vnnd Grosfurstени Iwana Wasilyowitzu Aller Reussen.... Herrnn vnnd Grossfursten..... Zu Lubeck denn Burgemeisternn vnnd Radtleutten vnnd Burgernn. Nach Vnser Key: May: Beuellichs Leutten Beuellich, hadt gefurth zu vnserm Schatz zu Bedeckunge der Schacher, ein Eglischer Teutscher Iohann Capello auffm Schiffe Taussenth vnden Kupffer geschlagen, vnnd wie er ist komen zu euch zu Lubick, so habt ihr vonn ihme das selbige vnnser Kupffer vnnd seine wahre vnnd schiff ihme genomen, vnd das Kupffer zu vnns nicht lassen folgenn, vnnd allerley Deutsche Kauffleutte mitt Kupffer last ihr zu vnns nicht folgen, vnd wir haben geschrieben zu euch das ihr fernner solche sachen nicht wollen handeln, vnnd wollen vnnser Begnadungen nicht furgessen, wie gross vnser Begnadunge zu euch gewesen ist vnnd was fur ein Begnadiges Briff euch ist gegeben, Das ihr in vnser Herschafft zur Naruwe vnnd Pleskauw vnd in anderer vnnserer Herschafften mugen zihen mit allerlei wahr vnd Kauffschlan mitt mit allerlei wahre welchere in vnserer Herschafften vnausgennomen ohne Zoll vnd ihr habet nach dem selbigen vnd bis izundt her seidt gezogenn ihn vnser Herrschafften vnd Kauffschlat vnausgenomen ohne Zoll, Nach vnserm Begnadiges Brife vnnd viell Deutschenn haben sich genannet als wehren sie euger Lubische Deutschen aus anderer Herschafften vnd haben sich furlogenn vnd haben gekauffschlat ohne Zoll vnd ihr sult gefurtht haben allerlei wahr in vnser herschafften vnd ihr habt nicht allein wahre sonder auch kein kupffer zu vns nicht gefurth vnd vonn dennen nempt ihrs ab die es zu vnns wollen furenn vnnd von Iohan Capello habt ihr das Kupffer genomen welch Kupffer ehr zu vnns wollen furen vnd ihr schreibt zu vnns in eugernn Briffe das euch euger Herr der Keyser in allem seinenn herschafften hadt furbotten das man kein Kupffer zu vns sol durch las-

---

[1]) См. въ приложеніи № 6.

[2]) См. въ приложеніи № 7.

sen nicht in keiner herschafften vnnd nach Reuel vnd Rige vnd in allen Landen ausgenomen in vnser Herschafften lasst ihr Kupffer zufurenn vnnd dieser Englischer Kauffman Iohan Capelle hadt vns gebettenn, das das Kupffer vnd seine wahre auff dem selbigenn schiffe habt ihr ihme genomen ohne vnser kupffer Tausent puden auff vier Tausent zwen hunderth rubell, vnd wie ihr habet von ihme das selbige vnser Kupffer vnd seine wahre vnd schiff genomen vnd so habt ihr ime gesagett das ihr das Kupffer vnd seine wahre von ime nempt derhalben als solde hir in vnser Herschafften von Iohan Capellen zunemen Gutter ihren Lubischen Kauffleutten bei Hans Kramer mit seiner Geselschafft vnd bo] diesem Lubischen Deutschen Hans Kramer mit seiner Geselschafft sindt seine gutter genomen auf vns vmb seiner Straffe halben. Derhalben das ehr woneth in vnser Erbe zur Narwe hadt schelmerei gebraucht vnd furspeigunge nach Reuel vnd Rige mit den Deutschen mit vnsern furrethers hadt er sich besicht vnd diesse seine schelmerei ist auff im Bezuge (?) vnd deshalben haben wir seine gutter auff vns lassen nemen vnd wie ihr vnser Kupffer das vns kaufft hadt Iohan Capelle nemlich Tausent puden Kupffer vnd zw vns nicht lassen folgen vnd bei euch zu Lubick behaltten vnd mit seinen Guttern vnnd was fur euger Lubische kauffleutte izundt in vnser Erbe zur Narwe sindt gewessen: vnd so haben wir sie vnserem Beuellichs Leutten lassen fragen worumb ihr fur solche vnsere Grosse Begnadunge zu vns in vnser Herschafften kein Kupffer zu lassen, so haben sie vnser Beuellich Leutte gebetten, das sie das wissen das ihr von dem selben Englischen Kauffman Iohan Capelle Tausent puden Kupffer vnd sine wahre vnd schiff ime genomen vnd zu vns nicht gelassen, vnd das wissen sie nicht worumb ihr das Kupffer von ihme haben genomen vnd sie wollen vns gern dinen vnd allerlei wahre vnd kupffer in vnser Herschafften furen vnd so habe wir dieselben euger Lubische Kauffleutte welchere izunder vnser Frbe zur Narwe gewessen vier personen einen von ihnen Luca vnd andere seiner Geselschaft zu euch abgelassen nach Lubeck vnd sie sollen brengen in vnser Erbe zur Narwe disses ihar zwen Tausent puden Kupffer vnd so haben sie vnsernn Beuellichs Lutten gelobet solch Kupffer zu brengen vnd die andern dreigersonnen Erman Surman vnd Tomas frisse vnd hans Lemberch haben wir lassen behalten in vnser Erbe zur Narwe so lange das ihr dis ihar das selbige Kupffer zu vnns schicket zwen tausent puden dach Kupffer vnuozogerth vnnd das selbige Kupffer das ihr von Iohan Capellen haben genomen Tausent pudenn solt ihr zu vns schicken mitt den anderenn Kupffer zu hoppe vnnd seine Gutter vnd schiff solt ihr seiner frauwenn gebenn folkomlichen, Vnnd so ihr nicht weren schickenn dies ihar dasselbige vnser Kupffer Tausentht puden das ihr genomen haben von Iohan Capelle vnd wertht alle seine Gutter fulkomlichen nicht gebenn seiner frauwen, so wollen wir das selbige vnser Kupffer Tausent pudes das ihr genomen haben von Iohan Capelle von eugern Lubischen Kauffleutten lassen nemenn, welchere wir darumb haben lassen anhalten ihn vnser Erbe zur Narwe Hertman Surman mit seinen Gesellen, vnnd wan fernner Eugere Lubische Kauffleutt werden komen in vnser Erbe zur Narwe vnd so wolle wir vnser Kupffer vnd Iohane Capelle seine Gutter von ihnen lassen nemen, was die anderenn nicht haben können bezallen. Vnnd wan ihr das selbige Kupffer werden sicken, so wollen wir Euger Lubische Kauffleuten zu euch ablasenn one allerlei auffholttnuss. Vnnd weitter mucht ihr zu vnns al-

lerlei wahre durchlassen, one auffhalttunge vnnd mucht selber mitt eugor wahre zihenn, vnnd euch weitter in vnser Erbe zw Narwe ein freie koffmanschacht nach dem vorigen vnd das wolt ihr eugern Leutten lassen furwarhten, Das mit eugern Leutten keine schweden vnd anderer Herschafften Leutte nicht muchten zihen vnnd muchten sich nicht nennen Lubische. Vnnd vnnser Begnadunge zu eugern Kauffleutten soll geschenn nach dem Alttenn. Geschriben jn vnser Herschafft hoffe der Stadt Moskwa.

Ihm Ihare siben taussent Achtzig vnnd achtt. Den Monatt August.

(Печать съ двуглавымъ орломъ).

(Прибыло въ Любекъ 26-го ноября 1580). (Люб. арх.)

№ 2.

13 oct. 1596. Revel wegen der Russischen Handlung daselbst.

Wir mit flehen vnnd bitten, ahn vnnsere hohe obrichkeitt, nach allem vnnserm vormugen erhalten, Das durch Gottes gnedige zwtadt der Reussischer hanndell, mitt Vollwordt vnnd Consens des Moscobieters, nach dem löblichen alten, Nemblich die deutsche Schiffardt vnnd Stapell vff diese stadt, vnnd der handell mitt den Reussen zur Narffe, solle gehalten werden, wie solchs alles vorsiegeltt, vnd bekreutzkusset ist.

Das aber noch ymmer die deutsche vnnd frembde schiffe, stracks dieser Stadt vorbey, nach vnnd von der Narffe siegeln, solchs geschicht kegen vnnd wieder der Kon. M. S. F. D. Herzogh Karls auch der Herren Reichs Rathe willen vnnd befhelich vnnd khan woll ihn ein kurtz einannder einsehen drein gesschehen.

Wie dhan auch nicht zw zweiffelennd, das dennoch mherentheill der Erbarn Vorwandten Stedten innwonere so lieb hier her zu Reuall alss nach der Narue zw siegeln gewilliget sein werden wanner sie bei sich die Vrsachen, worumb, der Vorwandten stedter allerseits liebe vorfharen, vor gudt vnnd Radtsamb ahngesehen, selbst decretieret, beschlossen vnd vorceceslieret, mit Jhrer Schiffardte den Moscowieter oder Reussen nicht neher, alss zw Reuall anzulanden, darselbst lossen vnnd laden, Nemlich, weill hieher ein Rein fharwasser ist, auch jdermhan seine gueter ihn guten stenheusern Keller vnnd buden wolnorwharet wissett, Das auch der Muscobieter, nicht alssbaldt wissen khan, Was vor deutsche wharen inns lanndt gekommen, darnach ehr auch seine wharen, stechert vnnd vorhöhet, wie jtzt (leider) zur Narffe geschicht das alle deutsche wharen ihn legem preisse, vnnd die Reussche bei hohem preisse sein.

Vnnd weill dhan diese alte löbliche ahnordnung mit dem Reusisch hanndell nicht allein dieser guten Stadt Reuell, zwtrechlich, besondern auch allen Erbarn Vorwandten Stedte bestes ist, Darbei Ihre Vorfharen wollgefharen, vnnd sie auch noch nicht vbell faren sollen. Alss wollen wir nicht zweiffeln E: Er: Achtb. hoch vnnd Wollw: werden sichs auch gefallen lassen, Ihnssonderheitt auch dieser armen alten Vorwandten Stadt, wehmutt vnnd Clechlichen bedruckg darihnne wir zw dieser zeitt, der Vorschwundenen Narung halber

gerathen, zw Christlichen Nachbarlichen mittleidigen hertzen, furenn vnnd ihn allen gonsten dahin trachten, Damit diese arme benadigte Stadt, dem gemeinen Nutze zum besten ferner erhalten, vnnd nebenst dem anndern Vorwandten Stedten Ihre Narung widder erlangen, die frembden auch auss Reusslandt, ssowoll hierbinnen lanndes, ssonderlich mitt Ihren grossen Monopolien gentzlich abgehalten werden mochten.

Dess sollen vnnd wollen sich E. Erb. vnnd Achtb. hoch vnnd Wollw: sambt den anndern vorwandten löblichen Stedten, zw vnns gentzlich vorsehen vnnd getrösten, Das Ihnen ihn den löblichen Alten vnnd wes auff Rheden stehett, von vnns kein einpass geschehen soll, vnnd so was beschwerlichs eingefallen vnnd zwwanndelln stehet, Ihn dem mussen wir vnns sagen, vnnd vnnderrichten lassen, Dauon abestehen vnnd den löblichen Recessen nachleben, Ob Gott will, Deme E. Er. vnnd Achtb. W. W. wir getreulich empfelen, Mitt Diennstlichem bitten hierauff Ihre schrifftliche ehrclerung.

Datum Reuell den 13 October Anno 1596.

Burgermeistere vnnd Radt der Stadt Reuell.

(Любек. арх.)

№ 3.

Ehrnuheste, Hochgelerte, Achtbare Hoch vnd Wolweise Grossgunstige liebe hern. E. E. H. sein vnderthenige vnser Dienste nac vormugen beuorn, Grossgunstige liebe Hern, Wir mugen E. E. Hochw. dienstlich nicht vorhalten, welcher gestaltt vns von denen die yn Russlandt Ihre Handlung pflegen, vnd daselbsten jetzo sein gewisse Zeitung zukompt, das durch antritt Simon Vehe, yn meinung mit den Sehestetten dess handelsshalb ethwes gewisses zu schliessen, der Englischen Compania ihre priuilegia von dem Grossfursten eingetzogen worden sein, Nachdem wir aber mit der legation vorzogen, sein sie die Englischen mit grossen gelde ahnkommen, alle Ihnen willen beschaft vnd mehr vnd bessere priuilegia dan sie hirbeuorn gehabt, erlangt, vnd soll der Grossfurst wegen der Vorgeblichen vortröstet vnd nicht erfolgten legation, dermassen gegen vnss enthrust sein, das zubesorgen, Wofern kein legation abgefertigt, wir werden nicht allein vnserer daselbst habende freyheitten mussen enthbehren besunder auch yn der gefhar stehen, das der Residirender Kauffman mit Leib vnd Gutt nach der Muschow, wie vor diesen wall eher geschehen, hinwegk gefhuret wirtt, ob nun wall vorlengst ein legation pilligk dahin abgefertigt worden sein solte, so wirtt doch vormerckt, das der mangell bissanhero darahn gewesen, das wir durch Polen kein Pass haben erlangen mugen, Wan wir dan von dem Polnischen abgesanten souiell vornhemen (wiewoll ehr hochlich pittet, solches Ingeheimb zuhalten, Damitt ehr bey der Kon. May. yn keinen vordacht kommen muge), das ess nur die rechte zeitt jst, nicht allein vmb ein Pass, besunder auch vmb Confirmation vnser priuilegien, die numehr nach vnserem begeren konten gemehrt vnd gebessert werden, anzuhalten, vnd da ehr darauf solte auisirt werden, vnd die legation gewisslich erfolgen, wolte ehr bey der Konigl. Mayt. die befurderung thun, das wir jhm sollen haben zubedancken, vnd all vnseren willen beschaffen, weill vnss dan solche gutte gelegenheitten vorstehen, will sich jhe für allen Dingen gebuhren, diesel-

big yn acht zunhemen, Fronte capillata, post haec occasio calua est, Die Medici haben vnd halten die Regell van der patient rauft A so sie, Da, so wissen vnd betzeugen auch vnsere Annales, das bey solchen zustehenden gelegenheitten vnsere Lieben Vorfahren die Zeitt haben wissen meisterlich yn acht zunhemen, vnd alles erlangt, dardurch disse gutte Stadt zu solchem gutten wolstandt vnd auffnhemen gekomen ist, Solten wir nun diese gelegene Zeitt vorseumen, vnd vns dieser handell der ein auffenthaltt dieser Stadt ist, abgehen, vorwhar ess wurde mitt vnss gethan vnd auss sein vnd wehr vnmuglich yn diesen hochbeschwerlichen zeitten, da fast alle nahrungh von der Stadt hinwegk ist, die onera ciuitatis lenger zutragen, ess horen E. E. H. taglich wie ess bisanhero zu Reuell, So vor diesem solche 'eine herliche kauffstadt gewesen, so erbarmlich zustehe, das auch die heuser weill die einwohner armutt halber dieselbigen jn gebawt vnd besserung nicht halten konnen, jn einander fallen, Wo kumbt grosgunstige Liebe Herrn, solchs anders abher, Dan das sie ein zeitt hero kein handlung vnd Nahrung gehabt, solchs exempell lasset vnss iehe zu gemuett fuhren, vnd daran sein, Das ein solcher vnheill zeittlich vorhuetet vnd von vns abgewendet werde, Foelix quem faciunt aliena pericula cautum, jetzo ist die gelegene Zeitt darijnnen der zwischen den Schweden vnd Muschowiter auferichteter Vortragk lechrigk (?) gemacht worden, magk vnd gibt der Konglicher abgesandter woll so viell tacite zuuorstehende, dass auff vnser anhalten der handell ahn das ortt so dieser Stadt zum aller bequemesten, vnd dar vnss die Reuelschenn, so vnss bissanhero die fahrt auf Ruesslandt gewertt, nicht mehr schadlich oder hinderlich sein muchten, konte gelegt werden, so ist auch hoch nottigk, das wir vnss mit dem Muschowiter bey dieser zustehendenn gutten gelegenheitt, der handlung halb vorgleichen, dan solte Hertzogk Carll auss Schweden die Oberhandt behaltenn, vnd ein her jn Reich Schweden vorpleiben, so wurdts bey dem jtzigenn zwischen dem K. von Pollen vnd Muschowiter auffgerichtem Vortragk nicht vorpleiben, besunder ein Neuwer zwischen Carll vnd den Grossfursten aufgericht werden. Hatten wir nun ethwas gewisses wegen der handlung mitt dem Muschowiter geschlossen, dass wurde vnss zu sonderlichen grossen frommen kommen, dar der Grossfurst must vns vortretten vnd jn den Vortragk mitt einschliessen, zu Hertzogk Carll aus Schweden haben wir vns nichts guts zuuorsehende, Solten wir aber die gutte gelegenheitt auss den handen lassen, wurden wir de nouo wann ein Neuwer Vortragk zwischen dem Muschowiter vnd Hertzogk Carll auss Schweden angerichtet werden sollte, zwischen zween stulen niedersitzen, vnd gentzlich von aller fartt aussgeschlossenn werden. Wollen diesem nach dienstlich gebetten haben, E. E. H. wolle sich diese hochwichtige Sache mitt allem getreuwen ernst fleissigk lassen benholen sein, mit dem Legaten darauss reden, vnd zum furderlichsten darauf ahn den Muschowiter vnd jnsonderheit ahn den Konig von Polen ein legation abfertigen, Das jn aller vnderthenigkeit zuuordienen erkhennen wir vns schuldigk.

Dormitt dieselbige Gottlicher Almachtt zu Wolgedeylicher glucklicher Regierungk empfhelendt, Datum Lubegk, den 11 Aprilis, Anno 1599.

E. E. H. vnderthenige vnd gehorsame Burger der Stadt Lubegk allgemeiner Kauffman.

(Любек. арх.) (Печать).

№ 4.

Anno Dominj 1574 am Tage Trinitatis zur Naruen auf der Reide steadt dis nachfolgende Articul von nachfolgenden vndergeschribnen schippern eintrechtigerlichen beschlossen vnd vnw i derrueffilch bestettiget worden.

Zum ersten haben sie alle eindrechtiglichen beschlossen vnd Jacob Stattmacher auch Heinrich Sircus zu jrem Admirallen erwehlet vnd bestettigt, also bescheidentlich, das gedachte Admiralln bey allen gemelten Vndergeschriben Schiffen bleiben nach vnd auf sie wartten sollen, dieselben auch jrem eussersten pesten Vermogens beschutzen, vnd fur allen freybeuttern helffen vertretten biss gegen Bornholm.

Zum andern soll auch Niemandt aus diese verbundt sich begeben, abtrinnig werden, oder da jemandt jm fall der nott, da man sich wider den Vheindt wehren soll, auch wasserley gestaldt ess namen haben kan, sich von dem hauffen absondert, falsch oder abtrünnig wurdt, der soll von seinem eigenen Proppern gueter den Armen geben 100 tl.

Zum dritten da auch konigliche schiffe zu orlog abgefortigt vnnd der hauf zu gross vnd starck, also das man es mitt 4 Mannen jedes Schiffes beweisen, auch das man sich etwan Vheindtlichen mitt jhnen versucht vnn approbirt wie solches gepurt soll solcher Verbundtnus ein jeder enthebt vnd des aydes loest, der Straff ledig, sein pestes zusuchen vn vnuerpotten seien.

Zum 4 soll ein jeder Schiffer alle Abentszeitt sich hinder dem Admiral finden lassen vnnd also ein jeder Ampts vnnd beuelchs nach auf den Andern wartten, da Er aber des morgens nach erster essens zeitt sich verweilen wolt, mocht Ehr den Admirall mitt gepurender Pflicht furbey gehen, dess Abents aber vor der sonnen vndergang, bey straffe 10 tl. sich hinder dem Admiral finden lassen, Thuett ehrs aber nitt vnd kombt zu schaden, soll Ehr daruber nitt zu clegen haben.

Zum 5. Ess soll auch ein guder Admirall bey Nachtes oder Finsterlicher tags oder Wetters zeitt, da ehr auff dem Sthurbuitschen buech (bueth?) legen soll, vnnd muess allweg zwen schuess thun, auf denn Backburtschen buech einen, Warnach sich ein jeder zurichten.

Zum 6—da auch ein guder bey obberurter zeitt landt ansichtig wirdt, soll er plasen vnnd zwey feur vber einander hangen, auch einen schuess darbey thuen.

Zum 7—da auch jemandt von vngefehr ingemelter zeitt von dem hauffen abqweme, vnnd darnach denselben widerumb ansichtig wurdt, soll er zur Vrkundt der Freundtschafft sein Maest Segel viermhall fallen vnd aufhuessen lassen, welcher aber vnder jnen solches ansichtig wurdt, soll gleichsfals also thun, damitt man es in gemein erkennen kan.

Zum 8 ess sollen vnnd wollen auch alle die jhenigen so kein krauth vnd loth haben den Andern so jrenthalben solches der noch verspildten, vnnd ausschiessen one alles widersprechen vergelten vnd betzalen nach Aduenant.

Zum 9 so jemandt in vhiendtlicher kriegs gestalet es sey gleich wer er wolle geschossen oder verlemet wardt, als geloben wir vnnd versprechen wir

hernach geschriebne Schiffer crafft diesesahn Aydtsstatt bey Truwen vnd Ehoren das vnser keiner aus seinem Schiff ein stuck guetts nehmen oder lifferen soll, biss so lange dem verwundten oder verletzten sein schaden vnnd onheill nach gepuer gepessert, zu mehrer Vrkundt haben wir hernach gemelte schiffer alles dises mitt eigner handt vnderschrieben, der selbigen Brieue vier eines lautts verwilligt, den ainen Jacob Radtmaches, den andern Heinrich Sircos, den dritten Hanns Reymers, den viertten Hennig Johansen in bewahrung mittgetheilt vnnd vberanttworttet, Geschehen seindt diese ding im jahre tag vnd stellen obenberuret.

(Люб. арх.)

№ 5.

Георгъ фонъ-Вольсторфъ (польскій военачальникъ въ Гельмедѣ) городскому совѣту Риги. 18-го февр. 1575.

Ich kan E. W. vnuormeldet nicht lassen, das des Muscowiters kriegs volck, nach dem es die Wicke durchgestrofet vff Ozel vnd Mohn vnd der ortter grossen schaden, mit raubende mordende vnd brennende gethan, vnnd also die Pernowschen guter verdorben, den Hoff zur Szaltz abgebrandt viele gutter leute alda gefangen vnd todt geschlagen, vnnd also vort gerucket durch das gepiete Burtnick vnd Rugen mit gewalt gezogen grossen vbermut getrieben vnd mit grossen raub vnd gutte, auch vber aus vielen gefangen Teutschen vnd vnteutschen in dis gepieth negst vorgangen Montag angekommen seint, vnd zwe tage darin vorharret, nebenst einer Fanen Teutscher hoffeleute vngeferlich 100 pferde starck die Konninck Magnus darbej geschicket, iemmerlich mit mordende, raubende vnd brennende da jn haus gehalten, das hackelwerck ausgebrandt das nichts dain stehen blieben, gistriges tages aber haben sie das haus uffgefurdert, wie E. W. aus einuorschlossen Ires schreibes Copien zuersehen haben die vorgangen nacht aber haben mit feur vns also zugesetzt, das es nicht allene schrecklich ausserhalb der Mauren besondern auch darbinnen anzusehen gewesen, aber ich dancke Gott, das Ire vorhaben Jhnen nicht gelungen, vnd widerumb abdraben mussen, vnd Irer viele die Seele daruber gespiet, diesen tag aber seint sie eine meile weges vonn Hause vortgerucket schicken jre leute von sich vnd ist zubesorgen, das godt gnediglich abwende, weile sie wegen erlangten grossen beute das gantze vberdunische Furstenthumb nicht haben vff dis mal durchstrofen, ausplundern verheren vnd vorderben konnen, wie sie die leute aus geteilet vnd ein jder in seinem gewarsam gebracht, sie werden alsdan die andere vnuberzogen ortter auch mit heres krafft vberziehen ausplundern strafen vnd gantz vorderben, Es seint etzliche gefangene wikische bauren alhir vnder dem hause erloset worden, diese vorzellen das dremal mer gefangen den die kriegsleute sein sollen vnder dem hauffen, Godt erbarmes das der grewliche tyrannie dis arme landt also vorterben lesset,vnd gebe der Obrigkeit sin vnd gemuet, die jegen wehre kegen jhm vorzunehmen.

(Danz. Arch. Urkunden sammlung. XCI, 127; 18749).

№ 6.

Кетлеръ городскому совѣту Данцига, 12-го іюля, Митава. 1575.

..... Gestriges Abents ist einn kauffgeselle vonn der Pernow kommen, welcher daselbst mitt in der belagerung gewesenn, derselbige berichtett warhafftig, das die Pernow negstvorschienenn Freitags ist geweseu der achte Julij eingenommenn wordenn, Denn Donnerstagk zuuor hat der feindt funff sturme dafur verlohrenn, Denn Sechstenn sturm, hatt der Reussische Obrister Knese Iorgen genandt, das volck mitt Peitzschenn vnnd mitt grosser gewaltt angetriebenn, Die in der stadt, souiel jhr noch vbrig gewesenn, habenn sich zur wehre gesatztt, wie solchs geschehen, habenn des Hertzogk Magni teutzschenn Ihnen zugeschriehenn vnnd sie vormahnett, sie wolttenn sich doch gutwillig ergebenn, damitt souiel christlichs blutts nicht mochtte vergossen vnnd vmbrachtt werdenn, sie sohgen ja für augenn, das es Ihnenn vnmueglich fur der grossem gewaltt zuhalttenn, vnnd das Ihrer zu wenig drinnenn wehrenn, Darauff habenn sie aus der stadt Ihnenn wiederumb zugeschriehenn vnnd gebetenn, mitt dem feinde sprache zuhalttenn, Welchs dem Feldt Obristenn angezeigett, Darauff ehr gescbrochen, sie solttenn stille haltten diese Nacht vber mitt schiessenn vnnd bawenn, vff denn andern morgenn wolt ehr jhnenn bescheidt gebenn, vff denselbenn morgenn hatt ehr eine stathliche herrenn zu gyeselorn in die stadt geschickett, jmgleichen die wiederumb vonn denn jhrenn aus der stadt auch viere, seintt also im lager beiderseitts zu sprache kommenn, Da jhnenn vonn dem Obristenn furgebenn, sie solten sich ergebenn, des solttenn alle die teutzschenn frei, sicher vnd vngefehrott mitt weib vnnd Kindt vnnd alle denn jhrenn, Was sie mitt sich nehmenn konttenn aus der stadt gelassenn werdenn, Der nun vff denselben tagk nicht ferttig werden vnnd mitt seinem zeugk dauon kommen kontte, der soltte biss vff denn sonnabent oder so lange es Jhm gefellig frist habenn, vnnd die jenigenn so dem Grossfurstenn lust zudienenn hettenn, Die woltte der Grosfurst begnadenn, sie bei jhrer priuilegien vnd freiheittenn erhalttenn, jhnenn auch einn mehres gebenn vnnd zukehrenn, alse sie zuuorn gehabtt hetten, Darauff ist der Feindt heneingeruckett, Da ist alles inn der stadt ann Mann vnnd Weib uff dem Marckte zusammenn getrettenn, gleichsam einer heerde schaffe vnnd habenn erwarttett, wie man mitt jhnenn vmbgehenn woltte, Als der Kauffgeselle vormerckett, das dies spill hatt aus sein wollenn, hatt ehr sich vff einn Booth gesetztt vnd gantz eilsam dauon gezogenn, vnnd ist im mitt einem hefftigenn geschrei nachgeruffen wordenn, welchs ehr nichtt vorstandenn, aber deutett es dahien, es sei von denn Feindenn gemeinett, das ehr sich dauon machtte vnnd muchtte das nichtt aufsehenn, was veleichtt an denn Pernowschenn muchtt volbracht werdenn.

(Danz. Arch. Urkunden Sammlung, XCII, 14, 22078).

№ 7.

Verhandlungen der Schweden mit den Russen über Livland vom 10 Sept. bis 19 oct. 1589, vnd Kriegsereignisse bei Narva, vnd dessen bestürmung durch die Russen vom 5 Jan. bis 25 Febr. 1590.

Narvica.

Decima Sept. A° 1589 Sueci primam cum Moscis tractationem habuerunt. Suecorum legati fuere Dux Augustus, Magni Saxonicj Leoburgen. filius; Comes Axillus; Nicolaus Belkius et Christiernus Gabriel.

XII Sept. Mosci crucem foederis causa osculati sunt.

XIV Sept. Sueci ad Moscos profecti sunt ad ripas Blusi fl. ex Peybasso emergentis qui miliare et dimidium a Narua distat.

Nihil primo congressu effectum est, nisi quod Legati rixis et conuitijs pugnarunt, modestiores tamen Russi quam Suecj.

XIII Oct. noua inter ipsos conuentio fuit, in qua nihil effectum et digressuros Suecos, Summus Moscouiticorum Legatorum Princeps Juanus Fedrowicius, affatus, Videte, inquit, quid monstri alatis; cogitate qui sitis; operam date, ut uos Magno Suecorum Regi et nos Magno Moscorum Caesarj bona noua adferamus. Ibj Axillus tumide respondens, Duas, inquit, vias habetis, aut belletis aut nobiscum pacem componatis.

Tum demisse Juanus Fedrowicius Moscus Axillo respondens, Cogitate o viri quid tentetis, putatisne uires uestras nobis ignotas esse? Magnus Rex Sueciae nec pecuniam habet, nec fidem apud milites, imò robur ipsi tantum non est, nec homines, ut nostro Caesarj resistat, et si bellum mouerit, Liuoniae tantum incolas pessundabit. Satius igitur est ut pecuniam nostram accipiatis; munitiones nostras reddatis ac aeternam pacem nobiscum componatis, nam magnus Caesar noster, magno Regj uestro munitiones suas nullo modo diutius possidendas relinquet. Ibi iterum Axillus, Fieri, inquit, non potest, ut Rex Sueciae uobis cedat. Mox Pentelinus Drusewinus Moscus respondens, tu, inquit, Axille bella tantum, bella horrida crepas, sed ego puto te bello isti non adfuturum. Si autem aderis, postea operam dabo ut te in bello uideam et alloquar.

Cum ad eum modum nihil ageretur, Sueci tandem XIIX oct. Naruam reuersi sunt. Axillus ex Wesenburgo in Finlandiam discedens, inde in Palatinatum profectus est, ubi uxorem duxit.

Anno deinde XC.

V Jan. Noui Commissarij Nicolaus Belkius et Gostauus Bannerus Naruam veniunt.

X Jan. Septem Mosci a Naruis capiuntur et torquentur, et fatentur Magnum Ducem Theodorum in bello esse; centum et octoginta hominum milia in exercitu ducj. Interea saepe Mosci Suecos et Sueci Moscos captiuos interceperunt.

XXIII Jan. Moscus Tamum tribus miliaribus a Narua distans, occupat; praesidium incolume dimittit; eosque sponte manent retinet, coeteros sinit abire. Capitaneo Tamensj patellam auream adusto vino plenam sua manu ebibendam

tradit, quod summae ipsiś gratiae signum est. Quatuor tamen Suecos, a rusticis accusatos, captiuos fecit, qui exactionibus agricolas exhauserant, eos in frustra dissecurj iussit. Nec longiori mora interposita uno a Narua miliarj castra ponit.

XXX Jan. Sueci ex munitione egressi primum cum Moscis uelitationem experiuntur, et vnum militem tantum perdunt. Interea nocte ingruente Sueci magnates Belkius ac Bannerus ne ab hoste eo in loco obsessi includerentur, horis nocturnis ac tenebrosis cum equitibus ac milite discedunt, et uiginti tantum equites miserosque aliquot milites ibi relinquunt, quod certe mirum viderj potest. Compertum habeo, in Narua et Iuanogrodo duobus propugnaculis mille quingentos tantum homines fuisse. Digressos Suecos Mosci insecuti molestant et aliquot rhedas (?) intercipiunt cum omnj supellectile. Ex nobilibus Liuonicis Johannes quidam Medellus et Hursellus capti fuerunt.

2 Febr. Moscus munitiones prope Naruam agit.

IV Febr. Naruenses denuo erumpunt, in ea uelitione Ludolphus Taubius nobilis interfectus est.

IV et V Feb. Moscus Naruam obsidione grauissima cingit, et hora prima matutina primum minora tormenta explodit; quarta autem et quinta horis pomeridianis globos igneos et lapideos nimiae magnitudinis in Naruam conjicit et tandem X Feb. ui tormentorum unam portam perforat.

Nec longa interposita mora Russi cum Carolo Henrico Naruae praefecto collogum habent, interprete Mardelo, quem in comitatu procerum discedentium coeperant. Ibi Mardelus Theodori Caesaris clementiam, patris tyrannidi quasi diuinitus oppositum, cantat; commemorat beneficia Moscorum plus quam paterna quibus adficiatur; saudet deditionem; praefectis summos honores et diuitias pollicetur si sponte se dedant; fierj nunquam posse ut se contra hanc Mosci potentiam ullo modo tueantur. Respondet Carolus Henricus se nunquam Regis sui munitionem traditurum; pergant Mosci et belli aleam experiantur. Cessantem Mardelum Otto Donhofius excepit, qui ante triennium ad Moscos defecerat et ut se dedant modis omnibus hortatus est, sed frustra.

XII Febr. Mosci nouum cum Suecis colloquium habent, et a praefectis ad ciues Naruenses orationem conuertentes monent ne obstinatius repugnent, sed potius spontanea deditione Russorum Caesarem sibj concilient neque ultima experiantur. habere enim Caesarem Russorum gladium cuius acies ab utraque parte sit acutissima. Sueci rem deliberatione dignam aestimantes biduum fere deliberant.

XIII Febr. Mosci responsum petunt. responsum est, non posse Suecos cedere Mosco.

Tum Mosci non committendum ratj, hora matutina cum tribus uirorum millibus primam in munitionem impressionem faciunt, et durat certamen ad duodecimam pomeridianam; nam caecidere ab utraque parte non paucj, et Dei fauor Suecos fouit, cum Mosci decem viros vni Sueco resistentes haberent. Ex Suecis quingenti; ex Moscis septingenti in hoc conflictu periêre. Occupauerat Moscus uallum arci uicinum, sed a Suecis deiectus tunc parum obtinuit.

XXI Febr. cum secundum deinde impressionem facere et maiori apparatu Naruam oppugnare uellent Moscj, arcis Praefecti cladem anteuertendam ratj, Coporum arcem pacificationis causa offerunt. Obsides dantur praecipue, Carolj

Henrici filius tredecim annorum puer. Mosci cum adduci non possent, ut eo contenti abirent.

XXIII Febr. tandem de tradendo Iuanogrodo consilia habentur; fiunt induciae; Mosci crucem libenter et suauiter osculantur et pax componitur istis conditionibus, Narua Germanica in Suecorum potestate maneat; praesidium, saluum sit; ex Juanogrado quoque ut Sueci omnia sua abducant, relictis tantum illis tormentis quae Pontus Legardus Mosco eripuerat.

XXV. Febr. Juanogrodum Moscis traditur. Cancellarius Pontelius clauem accepit et quatuor tormenta maiora Moscis relinquuntur. Sequenti die ipse Theodorus Caesar Juanogrodum ingreditur, Rheda lignea, in qua caminus erat aedificatus, et quam multi homines trahebant, uectus; ueste candida et auro intertexta indutus; una nocte Juanogrodij commoratus in Russiam deinde profectus est.

Induciae inter Moscos et Naruenses ad Pentecosten durant. Veniat tunc Suecus et hunc basiliscum expellat. Praesidium Juanogrodo ad tria uirorum milia impositum est.

Magnus Rex Sueciae isto nuntio ualde consternatus est et, ut aiunt, Gustauj Bannerj bona in fiscum redigit, quod uero gubernationem Reualiae ej abrogauit ego certo scio. Potuisset Suecus honestissime pacisci, sed noluit, et nunc plagam uix mea opinione pharmacis Suecicis curabilem accepit.

Sed Deus tamen tam potens est ut barbaros Moscos denuo illis tradere possit.

(Danz. Arch. Urkunden Sammlung, XC. 103.22717).

Г. Форстенъ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ О ДОМОСТРОѢ.

Въ статьѣ „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя", помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1889 годъ (№ 2 и 3), мнѣ пришлось высказать о происхожденіи этого памятника мнѣніе, не согласное съ заключеніями о томъ же предметѣ, изложенными въ извѣстномъ изслѣдованіи профессора И. С. Некрасова [1]). Г. Некрасовъ, въ своей статьѣ „Къ вопросу о Домостроѣ" [2]), приводитъ рядъ новыхъ соображеній и дополненій, которыя должны, какъ онъ думаетъ, подтвердить выводы его первоначальнаго изслѣдованія. На сколько авторъ достигъ намѣченной имъ цѣли — это и будетъ служить содержаніемъ предлагаемой замѣтки.

I.

Какъ извѣстно, всѣ многочисленные списки „Домостроя" распадаются на двѣ группы: списки полные и краткіе; во главѣ первыхъ стоитъ рукопись Общества Исторіи и Древностей, во главѣ вторыхъ — списокъ Коншина; тотъ и другой — XVI вѣка [3]), причемъ

---

[1]) Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи Домостроя. М. 1873.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1889, іюнь.

[3]) Спорить о полустолѣтіяхъ Коншинскаго списка мы не будемъ; не станемъ также и вступать въ препирательства по поводу упрековъ, которые дѣлаетъ намъ г. профессоръ: послѣднее не идетъ къ дѣлу; что же касается перваго, то позволимъ себѣ ограничиться въ этомъ случаѣ лишь слѣдующими замѣчаніями. Вопервыхъ, опредѣлять полустолѣтія и четверти вѣка по синяку, сравнительно, не большому, довольно мудрено: легко ошибиться; вотъ почему И. Е. Забѣлинъ, и рѣшился только замѣтить, не вдаваясь въ подробности, что рукопись Кон-

„Домострой“ Общества, кажется, нѣсколько древнѣе. Такъ какъ разница между основными списками довольно существенна (см. „Опытъ“, стр. 56—73), то всякій изслѣдователь, послѣ дѣленія рукописей на двѣ редакціи, тотчасъ же долженъ задать себѣ вопросъ: какая изъ этихъ редакцій древнѣе, то-есть, ближе по содержанію и плану къ первоначальному виду памятника? Подобный вопросъ необходимъ, ибо, лишь отвѣтивъ на него, мы можемъ говорить о литературныхъ судьбахъ памятника: передъ нами будетъ списокъ, на которомъ мы

шина „безспорно“ XVI вѣка. Вовторыхъ, когда опредѣляютъ время списка по снимку и при этомъ расходятся (какъ это дѣлаетъ г. Некрасовъ, датирующій Домострой Коншина концомъ XVI и даже началомъ XVII вѣка) съ предшественниками (Голохвастовымъ и И. Е. Забѣлинымъ), то слишкомъ мало сказать „такое письмо и такія начертанія буквъ полуустава встрѣчаются и въ началѣ XVII вѣка“. Это не опредѣленіе, а увѣреніе, ибо фразу въ такомъ же родѣ легко можетъ произнести и человѣкъ, датирующій рукопись Коншина срединой XVI вѣка, при чемъ укажетъ *и* примѣры. Бездоказательность подобной фразы г. Некрасовъ, повидимому, самъ созналъ, и вотъ—въ своей новой статьѣ о Домостроѣ приводитъ основаніе, которое побуждаетъ его отнести рукопись Коншина къ концу XVI или даже къ началу XVII столѣтія. Вотъ оно: „Письмо списка Коншина носитъ на себѣ самые не сомнѣнные признаки того времени, когда печатныя изданія книгъ распространились у насъ и имѣли *рѣшительное* вліяніе на писцовъ. Эта особенность письма невольно сказалась у Голохвастова, который замѣтилъ, что „вся рукопись и оглавленіе чистаго книжнаго славянскаго почерка“. Только съ послѣдней четверти или, лучше, съ конца XVI вѣка наши писцы привыкли подражать печатнымъ буквамъ, потому что печатныя изданія у насъ распространялись медленно и были очень рѣдки въ XVI вѣкѣ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889 г., іюнь, стр. 376). На этой выпискѣ слѣдуетъ остановиться. Общій ходъ рукописнаго дѣла на Руси, какъ извѣстно, былъ слѣдующій: не практическій уставъ, отнимавшій много времени у русскихъ писцовъ, съ XV вѣка замѣняется въ книгахъ болѣе удобнымъ и скорымъ полууставомъ, а послѣдній, въ свою очередь, переходитъ въ быструю и выгодную для „мастеровъ“ скоропись. Это движеніе въ замѣнѣ одного почерка другимъ соотвѣтствовало общему ходу въ развитіи письменности и образованія среди нашихъ предковъ: постепенно возроставшій спросъ на книги долженъ былъ невольно отразиться и на способахъ письма. Правда, и въ вѣкѣ господства полууставнаго письма мы можемъ найдти уставъ, но это уже исключеніе, вызванное особыми условіями: заказомъ, обѣтомъ, или, наконецъ, важностью содержанія книги и т. п.; мы же говоримъ объ общемъ теченіи, притомъ указываемъ его лишь въ главныхъ чертахъ (не упоминая, напримѣръ, про уставъ и полууставъ XVII столѣтія, не имѣющіе ничего общаго съ древнимъ харатейнымъ письмомъ и полууставомъ XVI вѣка). И вотъ теперь является вопросъ: возможно ли было въ концѣ XVI, или въ началѣ XVII вѣка подражаніе печатному шрифту, да еще въ такой житейской книгѣ, какъ Домострой? Полагаемъ—нѣтъ, ибо практика шла къ ускоренію письма, что не совмѣстимо съ подражаніемъ печати, тѣмъ болѣе, что

прослѣдимъ и исторію возникновенія произведенія, и литературныя заимствованія автора, и оригинальную часть памятника,—словомъ, все, что̀ требуется отъ всякаго ученаго изслѣдованія. Таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть планъ ученаго, имѣющаго дѣло съ рукописнымъ сочиненіемъ. Смущаться при этомъ древностью списка и только на основаніи этого признака считать самый составъ и внѣшнюю форму рукописи ближайшими къ оригиналу, а тѣмъ болѣе—ориги-

---

даже къ концу XVI вѣка печатныхъ книгъ у насъ было мало. Это предположеніе, основанное на общей мысли, подтвердится, если мы обратимся къ русскимъ прописямъ, буквицамъ XVI—XVII столѣтій. Разработывая вопросъ о письмѣ, предлагая разныя правила и постановленія, порой самыя мелкія, какъ писать,—онѣ, на сколько мы знаемъ, ни единымъ словомъ не упоминаютъ о подражаніи печатному шрифту; напротивъ того, онѣ строго отличаютъ печать отъ полуустава: „Сего ради состроена бысть сія буковница рекше азбука... дабы оученикъ имена буквамъ і лица ихъ по начертанію изящно в различии вѣдалъ, какъ которую зовутъ і какъ коя написана буква въ книжномъ писмѣ і какъ таже пишется в мѣстномъ (полууставѣ) і в скорописи. вся сія подобаетъ... твердо оучити“ (рукопись Н. С. Тихонравова).

И такъ, судя по общему ходу рукописнаго дѣла на Руси и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы получаемъ изъ старинныхъ грамматическихъ руководствъ, съ фактомъ вліянія печатнаго шрифта на письмо, нельзя, повидимому, согласиться. Покойный Викторовъ, не мало почитавшій на своемъ вѣку рукописей, долженъ былъ сознаться (какъ намъ передавалъ Н. С. Тихонравовъ), что если книги и оказали извѣстное воздѣйствіе на русскихъ писцовъ, то лишь въ однѣхъ заставкахъ, да пожалуй еще въ заглавныхъ буквахъ. На нашъ взглядъ и не было и не могло быть такого воздѣйствія, такъ какъ русскіе изучали письмо по прописямъ, а не по печати; впрочемъ—кто знаетъ—любители, можетъ, и были выдѣлывать въ письмѣ печатныя буквы, но, думаемъ, что они представляли рѣдчайшіе экземпляры. Теперь, кто умѣетъ писать, не станетъ подражать печати: то-же самое было и въ концѣ XVI—XVII вв. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ XVIII вѣкъ, когда явилась гражданская азбука, полууставъ и скоропись выходитъ изъ употребленія, а прописи еще не были выработаны; вотъ въ это время мы замѣчаемъ въ письмѣ подражаніе гражданскому шрифту. Но это совсѣмъ другое дѣло и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, когда говорятъ про рукопись конца XVI и начала XVII вѣка. Пойдемъ далѣе. Отрицая вліяніе печатнаго шрифта на письмо конца XVI и начала XVII вѣка, мы все-таки согласны со зрительнымъ ощущеніемъ г. Некрасова. Дѣйствительно, сходство почерка списка съ печатью XVI вѣка, повидимому, есть; но такой фактъ мы объясняемъ не подражаніемъ московскаго писца печати, а одновременностью появленія рукописи Коншина съ первопечатными изданіями. Что такое азбука первопечатнаго Апостола (1564 г.) и Часослова (1565 г.), рѣзко отличающаяся своимъ пошибомъ въ буквахъ и знакахъ отъ литеръ иностранныхъ славянскихъ изданій (юго-западныхъ, венеціанскихъ, голландскихъ и т. д.)? Да это—не болѣе, какъ крупное полууставное письмо рукописей XVI вѣка, которыя послужили образцами для пунсоновъ нашихъ первопечатниковъ. Тѣ-же самыя рукописи, но только съ мелкимъ полу-

наламъ, мы не имѣемъ права. Еще г. Бесcоновъ, печатая первыя семь главъ Пчелы Ундольскаго (XV в.), замѣтилъ: „многочисленными опытами доказано нынѣ, что весьма часто рукопись позднѣйшая въ передачѣ превосходитъ древнѣйшую“, а кто отрицаетъ это, тотъ— довольно рѣзко добавляетъ авторъ—„обличилъ бы уже не современное, устарѣвшее педантство“ (Временникъ, 1857, кн. XXV, стр. CV). Мысль вѣрная, и она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подтверждается примѣрами. Поэтому, авторъ, желающій поставить правильно свое изслѣдованіе, обязанъ прежде всего опредѣлить самую древнюю редакцію памятника и лишь послѣ опредѣленія дѣлать выводы о его литературной исторіи. Такъ ли поступилъ г. Некрасовъ въ своемъ „Опытѣ“? Нѣтъ. Раздѣливъ всѣ списки Домостроя на два извода, онъ, не останавливаясь на вопросѣ, какой изъ нихъ ближе къ оригиналу, положилъ въ основу своего изслѣдованія списокъ Общества: онъ де древнѣе и полнѣе всѣхъ другихъ. На такую ошибку г. Некрасова, какъ на самую крупную, мы и указывали въ своей ре-

---

уставнымъ письмомъ, дали возможность отлить мелкій печатный шрифтъ XVI вѣка (Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, статья *Румянцева*, 1872, стр. 17—18). Нечего поэтому удивляться, что между рукописями, которыя могли быть и средины и второй половины XVI вѣка, и печатнымъ шрифтомъ находимъ сходство: его легко объяснить одновременностью и очень трудно—вліяніемъ. Полагаемъ, что Д. П. Голохвастовъ и имѣлъ въ виду это сходство, когда замѣтилъ, что „вся рукопись и оглавленіе (Коншинскаго списка) чистаго славянскаго книжнаго почерка XVI вѣка“ (*Временникъ*, 1849, кн. I, введеніе), подразумѣвая подъ словомъ „книжное“—обыкновенное полууставное, употреблявшееся по преимуществу въ книгахъ, а не въ грамотахъ. Говорить, что въ этихъ словахъ г. Голохвастова хотя бы даже „невольно“ сказалось вліяніе печати на рукопись какъ увѣряетъ г. Некрасовъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, іюнь, стр. 376),—значитъ, позволить себѣ ужь черезчуръ много: почтенный издатель Коншинскаго списка считалъ вѣдь рукопись современною Сильвестру, когда о вліяніи печатныхъ изданій на письмо не могло быть и рѣчи. Д. П. Голохвастовъ, вѣроятно, не предвидѣлъ, что найдется критикъ, который перетолкуетъ его слова по-своему, а для того, чтобы придать вѣсъ такому толкованію, съ высокомѣріемъ отнесется къ его памяти, поставивъ его на одну доску съ Мусинымъ-Пушкинымъ и др. На такой отзывъ о Голохвастовѣ у г. Некрасова не было основанія, уже по тому одному, что слова издателя Коншинскаго Домостроя подкрѣплены И. Е. Забѣлинымъ, которому авторъ „Опыта“, вполнѣ довѣряетъ. Въ виду всего сказаннаго слѣдуетъ признать, что новое опредѣленіе времени Коншинскаго списка, данное г. Некрасовымъ, не имѣетъ даже признаковъ настоящаго опредѣленія, ибо основано на произвольномъ предположеніи и неправильно понятыхъ словахъ покойнаго Голохвастова. Поэтому нѣтъ надобности отрицать, что рукопись Коншина не средины XVI столѣтія.

ценэіи. Посмотримъ, что говоритъ на это авторъ „Опыта“ въ своей новой статьѣ о Домостроѣ. Прежде всего онъ отрицаетъ возможность, чтобы выводы „Опыта“ были основаны на спискѣ Общества [1]). Конечно, отрицать можно, но факты на лицо. На чемъ основанъ главный выводъ „Опыта“, будто Домострой принадлежитъ не одному, а тремъ авторамъ, жившимъ въ разное время? На спискѣ Общества, на его предисловіи. Что заставило г. Некрасова отыскивать не то особенности, не то противорѣчія между тремя частями памятника? Желаніе показать, что эти части принадлежатъ тремъ авторамъ и, такимъ образомъ, подтверждаютъ предисловіе. Какъ онъ смотритъ на отсутствіе нѣкоторыхъ мѣстъ и главъ Домостроя по списку Коншина, сравнительно съ рукописью Общества? Какъ на позднѣйшія сокращенія, которыя будто бы сдѣлалъ Сильвестръ, желая новгородскій Домострой приноровить, такъ-сказать, къ московской жизни; при этомъ указаны даже причины подобныхъ сокращеній [2]). Словомъ, краеугольнымъ камнемъ служилъ списокъ Общества съ его предисловіемъ; всѣ же разсужденія и мелкіе выводы „Опыта“, вытекая изъ апріорной мысли, что списокъ Общества — первоначаленъ, ибо древенъ, сводились и варьировались въ пользу этой первоначальности. Въ дополненіе къ словамъ: „изслѣдованія своего я не могъ основать на немъ одномъ“, то-есть, спискѣ Общества, г. Некрасовъ говоритъ непосредственно слѣдующее: „когда же нашлась группа списковъ, числомъ до 6, со спискомъ Общества во главѣ, то тогда эта группа могла дать возможность дѣлать выводы“ [3]). Подобное объясненіе мы отказываемся понимать. Да развѣ дѣлать выводы о происхожденіи Домостроя изъ группы однородныхъ списковъ, одной редакціи, со спискомъ Общества во главѣ (какъ самымъ древнимъ, полнымъ), „соперникъ которому“ — по словамъ того же г. Некрасова — „едва ли когда-нибудь найдется“ [4]), — въ сущности не одно и то же, что сдѣлать тѣ же выводы изъ одной рукописи Общества? Вѣдь всѣ списки

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, іюнь, стр. 377.

[2]) Причины бывали, по-истинѣ, иной разъ просто изумительны. Такъ, желая объяснить отсутствіе въ спискѣ Коншина главы о двуперстіи, авторъ „Опыта“ дѣлаетъ положеніе, что въ эпоху Сильвестра Москва въ противоположность Новгороду, крестилась по-православному, а потому акклиматизатору новгородскаго Домостроя Сильвестру и нужно де было выпустить эту главу о крестномъ знаменіи (Опытъ, стр. 178).

[3]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, іюнь, стр. 377.

[4]) Опытъ, стр. 75.

(Московской духовной академіи, Саввантовскій, Царскаго, Архивскій, Погодинскій и Толстовскій) одной редакціи? Значитъ, выводы о происхожденіи памятника сдѣланы изъ одной редакціи,—а въ этомъ-то и заключается главная ошибка г. Некрасова. Слѣдовало бы разбирать дѣло по существу; поступающій же иначе или не понимаетъ, въ чемъ дѣло, или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, играя фразами. Какъ смотрѣть на объясненіе г. Некрасова? Смѣемъ думать, что оно обусловлено просто непониманіемъ, и въ этомъ читатель убѣдится изъ дальнѣйшаго. Но пойдемъ далѣе. „Можно, пожалуй, говорить о томъ, что болѣе раннія редакціи нѣкоторыхъ памятниковъ уцѣлѣли въ позднихъ спискахъ, но это тѣ доказательства отъ сравненія, которыя можно приводить только послѣ дѣйствительныхъ аргументовъ. Нужно сперва показать на Домостроѣ, что ранняя его редакція сохранилась въ позднѣйшихъ спискахъ, а ужь потомъ можно прибавлять примѣры, потому что исключенія не составятъ правила“ [1]). Итакъ г. Некрасовъ соглашается, что въ спискахъ позднихъ можетъ сохраниться древняя редакція памятника; но признавая этотъ фактъ, все-таки не слѣдовало бы приписывать рецензенту то, — чего онъ не думалъ говорить. Развѣ онъ доказывалъ древность Коншинской редакціи лишь ссылкой на одни примѣры? Примѣры,—а ихъ нѣсть числа,—навели его на сомнѣніе, только на сомнѣніе, въ тождествѣ древняго списка съ древней редакціей памятника (что для г. Некрасова одно и то же [2]), а аргументы большей близости Коншинскаго списка къ оригиналу дало, какъ и слѣдуетъ ожидать, сравненіе рукописи Коншинской съ Домостроемъ Общества. Эти доказательства формулировались у него, говоря вообще, въ такихъ пунктахъ: 1) позднее происхожденіе Предисловія къ списку Общества, 2) лучшій планъ и расположеніе главъ Коншинской редакціи, что̀ указываетъ на большую близость къ первоначальному виду памятника, и 3) позднее происхожденіе нѣкоторыхъ длиннотъ Домостроя Общества [3]). Вотъ какого рода были доказательства, а отнюдь „не аргументы отъ сравненія“. Впрочемъ, и самъ г. Некрасовъ, повидимому, сомнѣвается въ справедливости своего возраженія критику,

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, іюнь, стр. 377.

[2]) „Не смотря на ясныя доказательства старшинства этого списка (то-есть, Общества), сравнительно со спискомъ Коншина, а потому на большую его близость къ первобытному изводу полнаго списка Домостроя“,—вотъ что̀ говоритъ г. Некрасовъ (Опытъ, стр. 185).

[3]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, февраль и мартъ.

ибо на дальнѣйшихъ страницахъ, какъ увидимъ, довольно-таки подробно останавливается на второмъ, а частью—на третьемъ изъ нашихъ доводовъ (не затрогивая однако перваго) въ пользу большей древности Коншинской редакціи Домостроя. Но пойдемъ далѣе. „Нѣкоторые критики не довольны тѣмъ, что я, раздѣливъ списки на группы, не называю эти группы съ рѣшительностью редакціями... И дѣйствительно, если строго можно признать редакціей группу полныхъ списковъ Домостроя, со всѣми ея особенностями, то, строго говоря, нельзя того же сдѣлать съ группою второю, потому что, кромѣ главы или поученія Сильвестра, всѣ отличія краткихъ списковъ заключаются въ отрицательныхъ особенностяхъ, то-есть, въ сокращеніяхъ. Мы не встрѣчаетъ въ краткомъ изводѣ ни переработки главы, ни распространенія" [1]). Изъ всей этой выписки для читателя ясно только слѣдующее: вопервыхъ, г. Некрасовъ, кажется, смутно понимаетъ, что такое редакція и что изводъ памятника, вовторыхъ, противорѣчитъ всѣмъ своимъ разсужденіямъ о Коншинскомъ Домостроѣ. Слово „редакція"—слово относительное и примѣняется къ спискамъ памятника, когда на этихъ спискахъ мы можетъ прослѣдить какія-нибудь цѣли ихъ авторовъ, причемъ такая цѣль достигается или распространеніемъ оригинала, или сокращеніемъ его содержанія, или особымъ размѣщеніемъ статей, или, наконецъ, какими-нибудь другими видоизмѣненіями прототипа, словомъ—дѣло касается состава произведенія и его формы. Говорятъ: „всѣ списки одной редакціи"—это значитъ: вопервыхъ, что отличія между списками вообще не значительны, не даютъ возможности подмѣтить разницы въ цѣляхъ авторовъ и утверждать, что всѣ списки происходятъ не отъ одного, само собой разумѣется, древнѣйшаго списка, и вовторыхъ, подразумѣваютъ, что есть или могутъ найдтись другіе списки памятника, которые отъ первой группы отличаются (или, быть можетъ, станутъ отличаться) чѣмъ-либо важнымъ, дающимъ право замѣтить особыя цѣли составителей (вторая, третья и т. д. редакціи). Всѣ списки одной редакціи памятника — это изводы редакціи, говорить же „изводъ памятника" будетъ не точно и сбивчиво. Такое опредѣленіе редакціи едва ли кто станетъ оспаривать, и оно во всей строгости [2]), однa-

---

[1]) См. ibid., іюнь, стр. 378.

[2]) Часто, впрочемъ, редакціей называютъ и такой видъ памятника, при коемъ иной разъ довольно-таки трудно замѣтить какую-нибудь тенденцію автора; таковы, напримѣръ, многочисленные списки Хожденія Даніила, Пчелъ, Моленія Заточника, Кіевскаго Патерика и т. п.; тутъ уже дѣйствуетъ недостатокъ термина.

ко же, примѣняется къ нашему памятнику: группа полныхъ списковъ, идущихъ отъ Домостроя Общества,—одна редакція; группа краткихъ, прототипомъ коихъ былъ Домострой, къ Коншинскому списку—другая; какъ полные, такъ и краткіе списки между собою будутъ изводами той или другой редакціи. Г. Некрасовъ отрицаетъ въ Домостроѣ редакціи на томъ основаніи, что де въ краткихъ „спискахъ нѣтъ ни переработки главъ, ни распространенія ихъ, и только сокращенія". Но, вопервыхъ, переработки есть: глава 16-я вся, 10-я—въ концѣ, 22-я—во второй половинѣ, не говоря объ эпизодѣ; есть и важное дополненіе—гл. 64; а вовторыхъ, развѣ одни даже сокращенія не могутъ дать редакціи, тѣмъ болѣе, что эти сокращенія сдѣланы съ цѣлью, въ чемъ такъ глубоко увѣренъ и самъ авторъ „Опыта". Г. Некрасовъ, не признающій въ памятникѣ редакцій, а только изводы, въ послѣднемъ изъ выводовъ „Опыта" говоритъ однако: „Сильвестръ старался отуземить" новгородскій „Домострой въ Москвѣ", не замѣчая того противорѣчія, въ какое онъ самъ себя ставитъ; съ другой стороны, искать цѣли между изводами уже никакъ не приходится. Итакъ, въ Домостроѣ есть двѣ настоящія редакціи, а не изводы только [1]). Какая изъ нихъ древнѣе? Вотъ дальнѣйшій вопросъ, на который приходится отвѣчать изслѣдователю [2]). Прежде всего тутъ необходимо обратить вниманіе на главное отличіе списка Общества отъ Коншинскаго, на Предисловіе. Кому принадлежитъ оно: редактору списка Общества, или автору Домостроя, оригиналъ котораго несомнѣнно утерянъ? Какъ это узнать? А вотъ какъ. Въ предисловіи мы находимъ слѣдующія фразы: 1) пооученіе, и҆ наказаніе ѿцевъ дх҃овны. ко всѣ҃ православным҆ хрⷭ҇тіанѡ, 2) И ѐще в сей книгѣ и҆знайдеши наказ҆ъ ѿ нѣкосго ѡ҆ мир҆ско строе҆нїи,... 3) І еще в сей кни́гѣ и҆знайдеши. ѡ домовно строе҆нїи...

Такія ссылки, сопровождающіяся при этомъ перечисленіемъ основныхъ вопросовъ содержанія памятника, можно толковать двояко:

---

[1]) Смотрѣть на Домострой Общества, какъ на оригиналъ памятника, мы не имѣемъ права уже по тому одному, что существуетъ другая редакція—Коншинская. Строго-научное изслѣдованіе, разбирая каждую редакцію въ отдѣльности или по сравненію (а не выводя прямо одну изъ другой, какъ это дѣлаетъ г. Некрасовъ), должно рѣшить, что въ ней принадлежало основному тексту и плану прототипа, а что явилось позднѣе въ видѣ наслоеній, сокращеній и перестановокъ статей.

[2]) Обо всемъ этомъ мы говорили и въ рецензіи, но г. Некрасовъ, повидимому, не замѣтилъ нашихъ доводовъ.

1) или онѣ указываютъ на источники Домостроя, на три отдѣльныя сочиненія, изъ коихъ авторъ составилъ свой трудъ, 2) или въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь указанія на три части Домостроя, на его три основныхъ отдѣла, составленные однимъ авторомъ по разнымъ источникамъ. Первое толкованіе принялъ г. Некрасовъ. Онъ раздѣлилъ Домострой на три части, изъ коихъ каждая, по его мнѣнію, представляетъ отдѣльное сочиненіе особаго автора: 1) первое сочиненіе, вошедшее въ составъ памятника, это—начальныя 15 главъ; 2) второе—содержитъ дальнѣйшія главы отъ 16—29 включительно („наказъ ѿ нѣкоего“); наконецъ, 3) третье обнимаетъ остальныя главы до конца по списку Общества. Выходитъ, что въ дѣлѣ составленія Домостроя приняли участіе три лица: 1) авторъ начальныхъ 15 главъ, онъ же и составитель полнаго извода памятника, 2) авторъ слѣдующихъ 14 главъ (16—29 гл.), такъ-называемый — „нѣкій“, и 3) авторъ практическаго Домостроя. Такое толкованіе, конечно, слѣдуетъ подкрѣпить самымъ текстомъ памятника по списку Общества, то-есть, указать какія-нибудь, если не противорѣчія, то особенности между каждою изъ этихъ частей; вѣдь авторы были разные, да и жили они—какъ думаетъ г. Некрасовъ—не въ одно время. Важность этого условія сознавалъ и самъ авторъ „Опыта“ и постарался согласовать ссылки Предисловія съ текстомъ, то-есть, указалъ на нѣкоторыя, по его мнѣнію, противорѣчія и особенности. Въ рецензіи мы обратили вниманіе на эти „противорѣчія“, но въ заключеніи пришлось сознаться, что ихъ совсѣмъ нѣтъ; напротивъ того—всѣ три отдѣла Домостроя такъ тѣсно связаны между собою и въ содержаніи, и въ формѣ, и въ изложеніи, что никто не имѣетъ права смотрѣть на нихъ, какъ на сочиненія трехъ авторовъ. Домострой принадлежитъ одному лицу [1]). Но такой выводъ, разумѣется, не исключаетъ естественнаго предположенія, что авторъ памятника пользовался для своего труда разными источниками, не въ той только формѣ, какъ думаетъ г. Некрасовъ. Но посмотримъ, что говоритъ авторъ „Опыта“ по поводу высказаннаго рецензентомъ о призрачности „противорѣчій“. Читатель, конечно, ожидаетъ, что г. Некрасовъ въ своей новой статьѣ, постарается привести изъ текста Домостроя рядъ такихъ данныхъ, которыя подтвердили бы его мнѣніе о трехъ авторахъ памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его толкованіе Предисловія. Само собой разумѣется,

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889 г., февраль: статья „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя“, глава II.

что эти „особенности и противорѣчія“ между текстами трехъ отдѣловъ Домостроя должны быть или новыя, но раньше не замѣченныя г. Некрасовымъ, или прежнія, то-есть, разобранныя рецензентомъ, но лишь съ новыми соображеніями. Ничуть не бывало. Г. профессоръ и не помышляетъ даже слѣдовать такой системѣ возраженія, совсѣмъ, повидимому, не замѣчая, что, направляя лишь съ этой стороны удачную атаку, онъ могъ бы подорвать зерно, изъ котораго разросся весь планъ и содержаніе нашей статьи. Слѣдовало бы самое зерно уничтожить, и тогда,—кто знаетъ,—рецензія, пожалуй, и не выдержала бы критики. Но этого г. Некрасовъ не дѣлаетъ, „противорѣчій“ между отдѣлами памятника вновь никакихъ не приводитъ, а доводы критика о призрачности указанныхъ въ „Опытѣ“ оставляетъ безъ всякаго вниманія. Какъ объяснить такой промахъ автора, старающагося въ своемъ отвѣтѣ на рецензію доказать, что всѣ выводы его сочиненія должны остаться во всей своей силѣ,—не знаемъ. Вотъ какъ говоритъ г. Некрасовъ о Предисловіи: „Мною высказано было положеніе, что изводъ полныхъ списковъ древнѣе извода краткихъ. При такихъ спискахъ находится Предисловіе, которое такимъ образомъ восходитъ къ первой половинѣ XVI вѣка. Нельзя считать подложнымъ или случайнымъ это Предисловіе, которое встрѣчается при 6 спискахъ, принадлежащихъ XVII вѣку и второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVI вѣка. Нѣтъ никакого основанія скептически относиться къ Предисловію. Еслибы кто нибудь сказалъ, что при первой редакціи русскаго Хронографа есть введеніе, которое не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію памятника,... то я долженъ бы признать этотъ фактъ, но никакого права не имѣлъ бы распространять этотъ частный примѣръ, какъ правило, на другіе памятники нашей письменности... Когда же мы имѣемъ дѣло со своимъ русскимъ оригинальнымъ произведеніемъ литературы и при одномъ изводѣ этого памятника встрѣчаемъ предисловіе, то у насъ нѣтъ основанія считать его ни переводнымъ, ни случайнымъ“ [1]). Тутъ прежде всего приходится снять съ себя ложное обвиненіе. Любопытно знать, на какой страницѣ рецензіи г. Некрасовъ нашелъ мѣсто, гдѣ я возвожу и распространяю частный примѣръ Хронографа въ правило? На стр. 305 (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889, февраль), которая, повидимому, дала поводъ къ обвиненію со стороны г. Некрасова, въ примѣчаніи 2-мъ мы чи-

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889 г., іюнь, стр. 378—379.

таемъ: „Аналогичный случай, гдѣ предисловіе противорѣчитъ памятнику,... мы видимъ, напримѣръ, въ первой редакціи Хронографа". Всякій, кто прочтетъ эти слова, пойметъ, что тутъ говорится про аналогію, а аналогія—не есть правило. Примѣръ, да при томъ исключительный (потому онъ и помѣщенъ въ примѣчаніи) примѣръ Хронографа заронилъ лишь сомнѣніе въ принадлежности Предисловія къ первоначальному составу Домостроя, а доказательства поздняго происхожденія этого предисловія я черпалъ изъ другаго источника. Неужели приходится еще разъяснять, что такое аналогія?

Но обращаюсь къ сдѣланной выпискѣ, которая какъ нельзя лучше доказываетъ, что г. профессоръ, торопясь съ своимъ отвѣтомъ, не совсѣмъ понялъ рецензію. Спѣшу увѣрить г. Некрасова, что пресловутое предисловіе я и въ мысляхъ не имѣлъ считать чѣмъ-то „подложнымъ, случайнымъ", а тѣмъ паче „переводнымъ". Такіе эпитеты для меня лично совсѣмъ не понятны, потому, что къ Предисловію они не примѣнимы, и, какъ таковые, въ рецензіи не попадаются. Я только говорилъ, что Предисловіе явилось позднѣе самаго текста Домостроя и не принадлежало прототипу; а если оно встрѣчается при шести спискахъ Домостроя одной редакціи, то вѣдь это служитъ только доказательствомъ его принадлежности не первоначальному составу памятника, а лишь той редакціи, во главѣ которой стоитъ списокъ Общества Исторіи и Древностей; Предисловіе слито съ полной редакціей Домостроя, появилось въ одно время съ нею, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы то-же Предисловіе вышло изъ подъ пера самого автора памятника, оригиналъ котораго для насъ утерянъ. Послѣднее нужно еще доказать текстомъ Домостроя, и вопросъ долженъ быть поставленъ такимъ образомъ: подтверждаются ли указанія предисловія на трехъ авторовъ, другими словами—есть-ли между отдѣлами памятника, какъ мы уже говорили, какія нибудь особенности, дающія изслѣдователю право считать эти отдѣлы произведеніями трехъ авторовъ? Если есть,—значитъ, толкованіе предисловія, предложенное г. Некрасовымъ, не подлежитъ сомнѣнію; если же нѣтъ,—то ссылки предисловія слѣдуетъ толковать иначе, то-есть, видѣть въ нихъ лишь простое указаніе на главныя части памятника. Я уже говорилъ, что г. Некрасовъ особенностей между текстами трехъ частей памятника не приводитъ. Вмѣсто этого, увѣривъ предварительно, что предисловіе первоначально, — тройное авторство въ Домостроѣ онъ подкрѣпляетъ такими „новыми" соображеніями. Прежде всего выставляется на видъ, что „Домострой—большой памятникъ

нашей литературы"; послѣ этой посылки г. Некрасовъ дѣлаетъ другую: „извѣстно, что литературная производительность въ нашей древней Руси была не большая", а затѣмъ выводитъ заключеніе, которое, конечно, читатель уже предвидитъ: „не легко допустить, чтобы подобный памятникъ составился вдругъ однимъ человѣкомъ" [1]).

И такъ вопросъ о трехъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ составленъ Домострой, рѣшается очень просто — словами: „трудно допустить", которыя на слѣдующей страницѣ (386), вѣроятно, въ видахъ большей убѣдительности, повторяются. Это, такъ-сказать, общій доводъ г. профессора. Теперь частности. Почему, спрашивается, вторая часть Домостроя (главы отъ 16-й до 29-й) составляютъ отдѣльное сочиненіе, существовавшее нѣкогда внѣ полнаго свода памятника? А вотъ почему: „Какъ мы говорили выше, введеніе при полныхъ спискахъ Домостроя прямо указываетъ, что раньше полнаго состава его существовало сочиненіе „о мирскомъ строеніи". Для этой части Домостроя мною указаны были въ моемъ изслѣдованіи [2]) источники, существовавшіе въ нашей древней литературѣ. При помощи сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, Измарагдовъ, Златой Чепи, не трудно было составить большую часть главъ отдѣла о мірскомъ строеніи. Нѣкоторые списки Измарагда въ значительной степени руссифицировались у насъ въ XV—XVI вѣкахъ, о чемъ сдѣлалъ замѣчаніе покойный А. В. Горскій. Шагъ къ составленію отдѣльнаго сочиненія „о мирскомъ строеніи", подъ тѣмъ же или другимъ заглавіемъ, съ дословными выписками изъ готовыхъ источниковъ, совершенно согласенъ съ ходомъ литературнаго дѣла въ концѣ XV или первой четверти XVI вѣка. А потому показаніе Предисловія о томъ, что до составленія полной редакціи Домостроя былъ „наказъ отъ нѣкоего о мирскомъ строеніи" мы можемъ считать вполнѣ вѣроятнымъ" [3]). Не оспаривая, что „наказъ" составился по разнымъ Златоустамъ, Измарагдамъ и Златымъ Цѣпямъ, я позволю себѣ отмѣтить лишь слѣдующее: 1) для большинства главъ „наказа" источники еще не найдены и едва ли найдутся для всѣхъ съ дословными выписками, хотя-бы для главы 20-й („како дочери воспитáти, с надѣлкѡ̃ і'замѫ̃ выдати"), 24-й, 25-й и т. д.; тутъ много придется предоставить на долю личнаго творчества автора, и 2) было бы очень трудно

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889 г., іюнь, стр. 385.,

[2]) То-есть, въ Опытѣ.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1889 г., іюнь, стр. 385—386.

отыскивать въ сборникахъ, какъ вышеуказанныхъ наименованій, такъ и имъ подобныхъ, книжные источники для главъ: 16-й: „Како мѫжѫ з҇ женою совѣтовати, ключникꙋ приказывати, ѿ столовоѡ҃ ѡбиходѣ и҆ о҃ поварне и҆ о҃ хлѣбне“; XVII: „Ключникꙋ прика́зъ. какъ прилꙋчи́тца“; XVIII: „Нака́зъ ѿ гд҃ря ключникꙋ. какъ ѣства пѡ́тная, і҆ ма҃нал варити. и҆ кор҇ми́ти семьѧ́ в҇ масоѣдъ і҆ в҇ постъ“ [1]). Эти главы составляютъ начальныя статьи „наказа“, по списку Общества, и уже по самому названію своему не имѣютъ ничего общаго съ тѣми сборниками, откуда г. Некрасовъ желаетъ почерпнуть источники для „наказа“. Не слѣдовало бы такъ обобщать мысль. Но все это между прочимъ; обратимся къ главному. Итакъ, на основаніи сдѣланной выписки мы видимъ, что отдѣльное литературное существованіе въ полномъ видѣ „наказа“, внѣ Домостроя, въ новой статьѣ г. Некрасова доказывается: 1) ссылкой на Предисловіе, которую читатель долженъ понимать такъ именно, какъ толкуетъ ее г. профессоръ; 2) существованіемъ въ литературѣ матеріала для „наказа“ въ разныхъ сборникахъ и, наконецъ, 3) аналогіей въ видѣ руссифицировавшихся списковъ Измарагда. Вотъ три довода въ пользу отдѣльнаго существованія „наказа“. Но первый изъ нихъ—не доказательство, а то именно, что нужно доказать текстомъ Домостроя. Что же касается двухъ другихъ, то на нихъ, пожалуй, и можно построить цѣлую литературную теорію вѣроятностей, но уже никакъ не доказать, что „наказъ“ былъ нѣкогда внѣ Домостроя. Отвѣчаю словами г. Некрасова: „это тѣ доказательства отъ сравненія, которыя можно приводить только послѣ дѣйствительныхъ аргументовъ“. Гдѣ же прямыя доказательства, что „наказъ“ существовалъ въ литературѣ отдѣльно отъ Домостроя? Ихъ нѣтъ въ новой статьѣ г. Некрасова. Поэтому мнѣніе, что пресловутый „наказъ“ принадлежитъ тому же автору, который составилъ и первыя 15 главъ, написанъ въ одно время съ полнымъ сводомъ памятника, должно пока остаться въ своей силѣ. Нѣтъ надобности выдѣлять „наказъ“ изъ полнаго свода Домостроя и смотрѣть на него, какъ на отдѣльное сочиненіе, ибо, вопервыхъ, ни въ одной изъ древне-русскихъ рукописей до сихъ поръ никто пока не встрѣчалъ „наказа“ внѣ Домостроя ни въ видѣ чего либо цѣлаго, ни даже въ той формѣ, въ какой онъ находится въ памятникѣ; вовторыхъ, по формѣ, содержанію, слогу и языку „наказъ“, ни въ чемъ не противорѣча, не выдѣляясь, составляетъ ближайшее и самое непосредственное продолженіе первой

[1]) По списку Общества.

части Домостроя, то-есть, 15-ти его начальнымъ главамъ (особенно по списку Коншина, ибо въ рукописи Общества порядокъ несомнѣнно перепутанъ), и втретьихъ, взятый въ отдѣльности, этотъ „наказъ отъ нѣкоего", по формѣ, является литературною несообразностью: безъ всякаго предисловія, введенія, начинаясь ex abrupto, онъ завершается тѣмъ не менѣе обширнымъ заключеніемъ, въ видѣ двухъ главъ: 1) о не праведномъ и 2) о праведномъ житіи, которыя при томъ же служатъ выводомъ содержанія не изъ него одного, а изъ всѣхъ предшествующихъ главъ Домостроя [1]). Въ виду всего этого, мы не имѣемъ права, основываясь лишь на произвольномъ толкованіи Предисловія и на „доказательствахъ отъ сравненія", говорить, что „наказъ" (гл. 16—29 включ.) былъ нѣкогда отдѣльнымъ сочиненіемъ. Пойдемъ далѣе.

Чѣмъ оправдываетъ авторъ „Опыта" свое мнѣніе, будто и третья часть Домостроя, то-есть главы отъ 30-й до конца (по списку Общества), существовала въ литературѣ отдѣльно, внѣ полнаго свода памятника? Кромѣ своего толкованія третьей ссылки Предисловія и фразы „трудно допустить",--лишь тѣмъ, „что эта часть Домостроя такъ удобно отдѣляется не только своимъ содержаніемъ отъ предыдущей части, но и началомъ, въ которомъ представлена общая мысль „по доходу и расходу" [2]). Но вѣдь такая обособленность доказываетъ лишь цѣлесообразное размѣщеніе статей Домостроя, его дѣленіе на двѣ главныя части (религіозно-нравственную и практическую, которыя авторъ естественно, по здравому смыслу, не смѣшиваетъ между собою), а никакъ не отдѣльное существованіе въ литературѣ, внѣ связи съ предыдущею частью памятника [3]). Это — вопервыхъ. Вовторыхъ: житейскій отдѣлъ Домостроя—какъ долженъ бы замѣтить г. Некрасовъ—формально связанъ съ „наказомъ". Авторъ „Опыта" говоритъ: „первый устроитель Домостроя (онъ же и составитель первыхъ 15-ти главъ) не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ то, что было написано отъ „нѣкоего" [4]). Положимъ, что такъ; но какъ же это положеніе, очень важное для г. Некрасова, въ виду его

---

[1]) Подробности въ статьѣ „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя" (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1889 г., № 2 и 3).

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1889 г., іюнь, 387.

[3]) Жаль, что, примѣняя такой способъ доказательства къ третьей части Домостроя, г. Некрасовъ не воспользовался имъ для „наказа" и такимъ образомъ невольно обнаружилъ свое мнѣніе, что вторую часть Домостроя нельзя отдѣлить отъ первыхъ 15 главъ памятника, по крайней мѣрѣ по формѣ.

[4]) Опытъ и т. д., стр. 149—150.

желанія выдѣлить „наказъ“ изъ полнаго Домостроя и пріурочить къ новгородской жизни, согласовать съ другимъ положеніемъ того-же г. Некрасова, что практическая часть памятника составляла нѣкогда отдѣльный трудъ, внѣ связи съ „наказомъ“, когда въ послѣднемъ есть ссылка на практическій отдѣлъ Домостроя? Эта ссылка находится въ 26-й главѣ, слѣдовательно въ такъ-называемомъ „наказѣ“ (главы 16—29 вкл.), и читается такъ: а҃ во весь гѡдъ, в҃ н҃лю, і҃ в средꙋ, і҃ в п҃т, і҃ в празники гдькіе, і҃ во вся стые пѡты чистотꙋ телеснꙋю хранили (то-есть, слуги).... а҃ прочее писано ѡ тѡже в главѣ лв. і҃ ли“. Я указывалъ г. Некрасову на эту ссылку, причемъ даже была нарисована и остальная картина разрушенія, которое авторъ „Опыта“, не желая грѣшить противъ логики, обязанъ былъ бы сдѣлать въ своихъ выводахъ, еслибы пожелалъ отвѣтить такъ или иначе на вопросъ: кому принадлежитъ ссылка: „нѣкоему“, или устроителю полнаго свода Домостроя по списку Общества? Но г. Некрасовъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, мало того—онъ даже не затронулъ его ни въ „Опытѣ“, ни въ своей новой статьѣ, вызванной рецензіей на „Опытъ“. Такой пріемъ крайне не выгоденъ для тѣхъ читателей, которые позволятъ себѣ усомниться въ нѣкоторыхъ доводахъ г. Некрасова о Домостроѣ. Итакъ смотрѣть на практическую часть Домостроя, какъ на отдѣльное сочиненіе, нѣтъ надобности; напротивъ того, все доказываетъ, что она постоянно входила въ составъ памятника: всегда находится при спискахъ Домостроя [1]), въ отдѣльномъ видѣ въ рукописяхъ не встрѣчается и, наконецъ,—по содержанію, формѣ, языку, манерѣ наставленій, тѣсно связана съ религіозно-нравственнымъ отдѣломъ Домостроя. Къ чему сомнѣнія, когда нѣтъ никакихъ основаній?

Обобщая все сказанное, мы должны придти къ заключенію, что Домострой писанъ однимъ лицомъ, отъ начала до конца, а ссылки Предисловія слѣдуетъ понимать въ смыслѣ указанія не на труды разныхъ авторовъ, а просто на части Домостроя. Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ: кому могло принадлежать, въ такомъ случаѣ, Предисловіе при спискѣ Общества: редактору ли этого списка, или са-

---

[1]) Если станутъ указывать на ркп. А. Попова (Рум. муз. № 2522 XVII в.), гдѣ совсѣмъ нѣтъ практическаго Домостроя, или Большаковскую (тоже XVII в.), гдѣ только нѣсколько главъ его, то вѣдь это лишь послужитъ доказательствомъ позднѣйшаго пропуска, а не отсутствія въ оригиналѣ памятника; важно одно: древнѣйшіе списки сохранили практическій Домострой цѣликомъ.

мому автору Домостроя? [1]) Полагаемъ — редактору, ибо авторъ памятника не могъ составить такого введенія, гдѣ самого себя назвалъ бы „нѣкимъ", а часть своего труда — „наказомъ отъ нѣкоего". Самъ И. Е. Некрасовъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ житій (Евфросина Полоцкаго, Даніила Переяславльскаго, Іосифа Каменскаго и Симона Волмскаго), въ которыхъ выраженіе „отъ нѣкоего" встрѣчается въ смыслѣ указанія не только на третье лицо, но даже „на писавшаго прежде человѣка" [2]). Подобные примѣры еще болѣе убѣждають изслѣдователя, что слова: „изнайдеши наказъ отъ нѣкоего" принадлежатъ перу не автора Домостроя, а того лица, которое составляло Предисловіе, то-есть, редактору списка Общества, при чемъ подъ названіемъ „нѣкій" слѣдуетъ понимать самого автора памятника, какъ объ этомъ я уже и говорилъ довольно подробно въ рецензіи [3]). Что предисловіе не было писано самимъ авторомъ Домостроя, можно, думаю, заключить также изъ слѣдующаго: первая глава Домостроя (по обоимъ спискамъ: К. и О.), несомнѣнно, представляетъ „личныя черты" писавшаго, намеки на его семейную жизнь.

---

[1]) Два лица, смѣшивать коихъ, какъ это дѣлаетъ г. Некрасовъ въ своемъ увлеченіи древностью описки, нельзя.

[2]) *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1889 г., іюнь, стр. 379.

[3]) *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1889 г., февраль, стр. 324. Поэтому упрекъ г. Некрасова: „Еслибы кто-нибудь сталъ говорить, что *редакторъ* полнаго списка Домостроя говоритъ *о себѣ самомъ подъ словомъ нѣкоего*, то онъ не имѣлъ бы на то ни малѣйшаго права. Ясно, что авторъ введенія говоритъ о третьемъ лицѣ" (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889 г., іюнь, стр. 379)—приводитъ меня въ недоумѣніе. Еслибы авторъ „Опыта" со вниманіемъ прочелъ рецензію, то на стр. 324 (февраль), онъ нашелъ бы тамъ такое мѣсто: „Что касается слова „нѣкоего" то подъ нимъ редакторъ памятника, очевидно, разумѣлъ самого автора Домостроя". Я ни на минуту не усумнился, что въ Предисловіи есть указанія на „три составныя части и Домостроя" (см. ibid., стр. 323); но между этимъ взглядомъ на Предисловіе и словами г. Некрасова существуетъ значительная разница въ дальнѣйшемъ. Въ то время, когда я *ссылки* Предисловія *приписалъ* и приписываю *редактору списка Общества*, г. Некрасовъ приписываетъ ихъ *самому автору Домостроя*, котораго онъ, безъ всякаго основанія, отождествляетъ съ составителемъ редакціи памятника по списку Общества Исторіи и Древностей; въ то время, когда я въ ссылкахъ Предисловія нахожу лишь указанія на части одного сочиненія, принадлежащаго одному автору,—г. Некрасовъ усматриваетъ въ нихъ указанія на три отдѣльныхъ труда трехъ авторовъ, жившихъ при томъ же не въ одно время. Разница, кажется, есть, но она, къ сожалѣнію, прошла совсѣмъ не замѣченной для автора „Опыта", ибо, въ противномъ случаѣ, полагаемъ, онъ не сталъ бы приписывать своему рецензенту мыслей, какихъ тотъ никогда не высказывалъ.

Отсюда мы узнаемъ, что Домострой (или, въ крайнемъ случаѣ, только эти главы) былъ написанъ отцомъ для своего единственнаго сына („единочадаго“), его жены и домочадцевъ „на память и вразумленіе“, что заботливый отецъ не однократно наставлялъ своихъ дѣтей, даже письменно („азъ о семъ благочиніи“ — говоритъ онъ — „благословлялъ, и молилъ, и плакалъ и писаніе предлагалъ вамъ“). Но, помимо такихъ личныхъ намековъ на семейныя отношенія, та-же глава, по своимъ общимъ мыслямъ, служитъ какъ-бы введеніемъ въ Домострой, который собственно начинается со второй главы: „Како хр҃тіѧнѡ вѣровати во ст҃ꙋю трцꙋ“ и т. д. Обратимся къ Предисловію. Здѣсь уже Домострой предназначается не для „единочадаго“ сына, его жены и домочадцевъ, а для всѣхъ вообще православныхъ христіанъ: „Пооученіе, и҆ наказаніе ѿцевъ дх҃овны. ко всѣ православным хр҃тіа́нѡ“. Несоотвѣтствіе и противорѣчіе довольно явныя. Авторъ Предисловія, пріурочивая личный, такъ-сказать, Домострой для общаго пользованія, повидимому, совсѣмъ не замѣтилъ рѣзкаго контраста между своимъ введеніемъ и первой главой памятника: „наказаніе отъ оца къ сыну“, гдѣ личныя черты совсѣмъ не вяжутся съ общимъ тономъ его труда. Подобное предисловіе, при первой главѣ, могъ написать только редакторъ, а не авторъ Домостроя. И на этотъ доводъ непринадлежности Предисловія первоначальному составу памятника г. Некрасовъ тоже не обратилъ никакого вниманія, а онъ важенъ. Можно-ли послѣ этого съ увѣренностью говорить, что выводы „Опыта“ должны остаться незыблемыми?

II.

Итакъ первое, что даетъ право считать Коншинскую редакцію болѣе древней это — отсутствіе въ ней предисловія, которое, какъ мы видѣли, не могло принадлежать самому автору памятника. Къ такому же выводу приводитъ насъ и сравненіе текстовъ обѣихъ редакцій. Тутъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на порядокъ главъ того и другаго списка. Въ своемъ мѣстѣ я довольно долго останавливался на этомъ вопросѣ и, сравнивъ редакціи со стороны плана, пришелъ къ мысли, что расположеніе статей въ спискѣ Коншина во многомъ лучше, правильнѣе съ точки зрѣнія логической послѣдовательности, чѣмъ въ рукописи Общества, гдѣ изъ практическаго Домостроя занесены, напримѣръ, главы въ религіозно-нравственный. Подобная правильность внѣшней формы въ Коншинской

редакціи служила для меня вѣрнымъ признакомъ большей ея близости къ первоначальному строю памятника, ибо разумная градація въ передачѣ тѣхъ или другихъ наставленій, по степени ихъ важности и значенія для всякаго человѣка—дѣло автора, отступленіе же отъ этой формы—либо порча переписчика, либо мудрствованіе позднѣйшаго редактора: послѣдній могъ только сохранить первоначальный строй, но могъ легко и исказить его [1]). Что говоритъ на это г. Некрасовъ въ своей новой статьѣ о Домостроѣ? Онъ соглашается, хотя и послѣ нѣкоторыхъ колебаній, что порядокъ статей краткой редакціи, дѣйствительно, лучше, цѣлесообразнѣе размѣщенія главъ въ полной [2]), но объясняетъ это однакоже совсѣмъ иначе: въ болѣе современномъ строѣ Коншинской рукописи видитъ не большую ея близость къ оригиналу, а позднѣйшее упорядочиваніе, произведенное Сильвестромъ. „Краткая редакція"—говоритъ онъ—„болѣе тщательно была перевѣрена и выправлена, а слѣдовательно, и появилась позже пространной". На чемъ же основано такое объясненіе, противоположное нашему? „Есть одно антиисторическое мнѣніе", — говоритъ г. Некрасовъ—„заключающееся въ томъ, что авторъ первоначальнаго извода Домостроя долженъ былъ быть „образованный человѣкъ", со строго-логическими требованіями. Такая постановка вопроса и требованій для произведеній древнерусской литературы XV—XVI вѣковъ вполнѣ не естественна. Извѣстно, что писатели XV вѣка были плохіе стилисты, такъ что епископы находили нужнымъ въ то время поручать стилистическую работу заѣзжему сербу Пахомію. Русская духовная проповѣдь XV — XVI вѣковъ не имѣла строгаго плана, дѣленія на составныя части. Извѣстно, что Курбскій именно въ такихъ недостаткахъ упрекалъ Ивана IV. Развѣ Стоглавъ представляетъ логическую послѣдовательность въ своемъ порядкѣ? Извѣстно, что философскій элементъ у нашихъ писателей древней Руси появляется со школы XVII вѣка, которая въ духовную проповѣдь ввела схему и дѣленіе на части. Въ XVII вѣкѣ впервые появились учебники, представляющіе въ своей основѣ философскую схему... На основаніи этого въ памятникахъ древней Руси мы скорѣе всего можемъ ожидать логическаго изложенія позднѣе, а менѣе логическаго съ болѣе сырымъ, мало обдѣланнымъ матеріаломъ раньше. Отъ редакціи первой половины XVI вѣка естественно ожидать менѣе ло-

---

[1]) *Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1889 г., мартъ, стр. 157—162.

[2]) *Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1889 г., іюнь, стр. 384 и др.

гическаго изложенія, чѣмъ отъ редакціи, составленной во второй половинѣ" [1]). Вся эта выписка очень характерна. Тутъ или вещи, совсѣмъ не относящіяся къ дѣлу и только запутывающія вопросъ, или не подходящія аналогіи, или, наконецъ, погрѣшность противъ основныхъ законовъ логики. Объяснимся. Называя автора Домостроя „образованнымъ человѣкомъ", рецензентъ и не подозрѣвалъ, что найдется критикъ, который воспользуется этимъ, быть можетъ, и не совсѣмъ удачнымъ названіемъ и пожелаетъ придать ему особый смыслъ и такое толкованіе, какого совсѣмъ не имѣлось въ виду. Само собой разумѣется, что схоластика, „философскій элементъ" и. т. п. здѣсь не при чемъ, и если нужно, то слово „образованный" въ примѣненіи къ автору Домостроя значитъ — и это понятно всякому — развитой, начитанный, книжный, словомъ — просвѣщенный человѣкъ своего времени. Дѣло не въ словахъ, а въ томъ, какъ ихъ понимають. Кто же думаетъ иначе, тотъ долженъ упрекнуть всѣхъ, кто занимается древнерусской литературой, въ антиисторичности, ибо слово „образованный" употребляется всѣми, понятно—относительно, и никто, полагаемъ, не скажетъ, что, напримѣръ, митрополитъ Макарій произнесъ „антиисторическое мнѣніе", когда назвалъ Іосифа Волоцкаго образованнымъ человѣкомъ (Ист. Церкви, VII, 226).

Еще менѣе могъ ожидать рецензентъ, что его слова въ родѣ: „если мы сравнимъ теперь съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и важности вписываемыхъ предметовъ порядки главъ обоихъ списковъ Домостроя" и т. н. [2]), дадутъ г. Некрасову поводъ послать укоризну, что де „такая постановка вопроса... вполнѣ не естественна". Опять г. профессоръ пожелалъ понять слова рецензента по-своему, то-есть, съ перспективой на „философскій элементъ" и „учебники XVII вѣка", не замѣчая, вѣроятно, въ пылу полемики, какъ не естественно, антиисторично поднимать вопросъ о „философскомъ" (?) элементѣ, когда дѣло идетъ о редакціи, принадлежащей— по его же словамъ—попу Сильвестру. Между тѣмъ, связывая выраженіе „логическая послѣдовательность" съ авторомъ Домостроя, рецензентъ, конечно, не могъ имѣть въ виду логики и стилистики, понимаемой въ смыслѣ г. Некрасова. Вопросъ, кажется, былъ поставленъ очень ясно и опредѣленно: три главы изъ практическаго Домостроя въ редакціи Общества находятся въ религіозно-нравствен-

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889 г., іюнь, статья г. *Некрасова*, стр. 381.
[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889 г., мартъ, статья *Михайлова*, стр. 157.

номъ отдѣлѣ памятника, тогда какъ въ Коншинской онѣ стоятъ на своемъ мѣстѣ, то-есть, въ той именно части, которая отведена авторомъ для его хозяйственныхъ наставленій; гдѣ больше логики? очевидно, въ Коншинскомъ спискѣ. И вотъ такой-то порядокъ краткой редакціи Домостроя я и назвалъ „болѣе логическимъ", ибо онъ удовлетворяетъ первоначальному плану Домостроя, сохранившемуся въ большей или меньшей цѣлости во всѣхъ спискахъ, и лучше всего въ спискѣ Коншина. А планъ этотъ такъ простъ и нагляденъ: 1) главы I — XXV включительно — религіозно-нравственный Домострой, съ двумя послѣдними статьями (XXIV—XXV), составляющими какъ бы заключеніе къ первой части памятника, и 2) главы отъ XXVI до конца—практическій, хозяйственный отдѣлъ памятника съ тремя начальными главами (XXVI, XXVII, XXVIII), служащими какъ бы введеніемъ (сп. К.). Чтобы составить такой планъ (про распорядокъ главъ внутри каждой части нѣтъ рѣчи) въ общемъ, полагаю, не представлялось нужды знать какую нибудь схоластическую философію: тутъ дѣйствовала логика здраваго смысла, естественное чувство, подсказывавшее умному автору помѣстить главы: 1) „Како мꙋжꙋ з женою совѣтовати ключника призывати ѡ столовѡ҃ обиходѣ"... 2) „Ключникꙋ приказъ каков прилучи҃ца" 3) „Наказъ ѿ гдр҃ѧ ключникꙋ, ка҃ ѣства по҃тная и ма҃нал варити" (16, 17 и 18 въ сп. Общества и 49, 50 и 51—въ сп. Коншина)—во вторую часть труда и не заносить въ отдѣлъ религіозно-нравственный. При чемъ тутъ логика и стилистика учебниковъ XVII столѣтія,—право не знаемъ. Зачѣмъ ссылаться на дѣятельность Пахомія Логоѳета, на нестройность рѣчи Іоанна Грознаго, на отсутствіе плана (да притомъ еще схоластическаго)—въ проповѣдяхъ XV — XVI в. и въ Стоглавѣ, когда все это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ данному вопросу, то-есть, къ той „логикѣ" автора Домостроя, какую имѣлъ въ виду рецензентъ? Зачѣмъ путать понятія и на такой путаницѣ возводить яко бы зданіе? Но пойдемъ далѣе. Признавая Коншинскій строй лучшимъ, болѣе правильнымъ, г. Некрасовъ видитъ въ этомъ относительномъ совершенствѣ не бо́льшую древность редакціи, а лишь позднѣйшее упорядочиваніе, провѣрку и улучшеніе. Такое мнѣніе, какъ читатель можетъ заключить изъ приведенныхъ словъ г. Некрасова, основано на слѣдующемъ: списокъ Коншина, а слѣдовательно и редакція, позднѣе списка Общества (первая посылка); „въ памятникахъ древней Руси мы скорѣе всего можемъ ожидать логическаго изложенія позднѣе" (вторая посылка); „отъ редакціи первой поло-

вины XVI вѣка естественно ожидать менѣе логическаго изложенія, чѣмъ отъ редакціи, составленной во второй половинѣ" (заключеніе). Подобное умозаключеніе было бы логично лишь въ томъ случаѣ, еслибы первая посылка не возбуждала сомнѣній, а вторая была бы однородна съ первой и съ заключеніемъ. Къ сожалѣнію, ни того, ни другаго здѣсь мы не видимъ. Первый доводъ г. Некрасова не есть аксіома, ибо никто a priori не рѣшится съ увѣренностью отождествить немного поздній списокъ съ поздней редакціей памятника. Что касается второй посылки, то, считая ее вѣрной самое по себѣ (вѣдь никто же не станетъ оспаривать въ литературѣ прогресса), мы въ то же время не имѣемъ права дѣлать того вывода, къ которому тотчасъ же приходитъ авторъ „Опыта": „отъ редакціи первой половины XVI вѣка" и т. д. Здѣсь г. Некрасовъ смѣшиваетъ, повидимому, самъ того не замѣчая, двѣ разныя вещи: отношеніе между отдѣльными памятниками разныхъ эпохъ, и отношеніе между не одновременными редакціями одного и того же сочиненія. Если отношеніе перваго рода— фактъ, то отношеніе втораго порядка—дѣло весьма сомнительное и едва-ли можетъ рѣшиться въ пользу взглядовъ „Опыта". Въ данномъ случаѣ передъ г. Некрасовымъ дружной фалангой станутъ наши древнерусскіе переписчики и скажутъ ему, что сдѣланное имъ заключеніе не оправдывалось дѣйствительностью. Извѣстно, какую роль въ исторіи текста того или другаго памятника сыграли наши редакторы и книжные мастера. Роль эта, за исключеніемъ, конечно, того рѣдкаго случая, когда произведеніе переписывалось іота въ іоту (говорю про составъ),—вообще была очень плачевна для автора памятника: не улучшалась въ какомъ бы то ни было отношеніи, а портилась, искажалась, до неузнаваемости оригинала, подъ властнымъ перомъ того или другаго мастера чужая собственность, которой въ старину никто не признавалъ. Вотъ фактъ, вотъ общее теченіе въ исторіи текста редакцій одного и того же рукописнаго сочиненія, и доказать это можно всѣмъ содержаніемъ древнерусской литературы. Примѣры излишни [1]). Но съ другой стороны едва ли кто укажетъ

---

[1]) Позволимъ себѣ привести одинъ изъ новѣйшихъ: „Слово о лжи и клеветѣ", сочиненіе русское, сохранившееся въ перган. ркп. XIV вѣка Чудова монастыря, представляетъ сокращеніе другаго болѣе обширнаго поученія: „Поученье ѿ с҃тыхъ дн҃їи" (по списку А. И. Хлудова, тоже XIV вѣка но старшей, нежели Чудовская). Что же сдѣлалъ редакторъ? Онъ до неузнаваемости исказилъ строй-

хотя одинъ случай, когда содержаніе, а тѣмъ болѣе планъ какого-нибудь памятника въ болѣе поздней редакціи были стройнѣе, логичнѣе, чѣмъ въ редакціи, несомнѣнная древность которой подтверждается другими фактами, помимо внѣшней формы. Еслибы дѣло шло на улучшеніе оригинала подъ перомъ позднѣйшаго переписчика или редактора, то пришлось бы признать, что всѣ списки Домостроя XVII в. вообще совершеннѣе своихъ основныхъ редакцій, сохранившихся въ рукописяхъ Коншина и Общества, а между тѣмъ мы замѣчаемъ обратное: древній текстъ памятника со стороны формы и содержанія въ позднѣйшихъ спискахъ или сохранился цѣликомъ, или все болѣе и болѣе искажался. Такимъ образомъ, принявъ въ расчетъ вліяніе древнерусскихъ „мастеровъ", вліяніе, направлявшееся обыкновенно въ дурную сторону (и это фактъ), изслѣдователь Домостроя обязанъ сказать, что бо́льшая стройность въ планѣ Коншинской редакціи—вѣрный признакъ ея близости къ первоначальному виду памятника, и, наоборотъ, отступленіе отъ этой стройности, что мы видимъ въ редакціи Общества,—вина позднѣйшаго передѣлывателя Домостроя. Въ такой постановкѣ вопроса — единственно примѣнимой къ Домострою—нѣтъ ничего не естественнаго; кто же думаетъ иначе, тотъ идетъ противъ фактовъ литературной исторіи текста того или другаго памятника.

Но если не удачная перестановка главы „Како врачеватися..." и въ особенности явный переносъ трехъ статей изъ практическаго отдѣла въ религіозно-нравственный (рѣзкое нарушеніе первоначальной формы Домостроя) заставляетъ предпочитать Коншинскій списокъ, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы и вообще редакція Коншина по плану была оригинальнѣе, то-есть ближе къ подлиннику, чѣмъ редакція, сохранившаяся въ рукописи Общества: „списокъ Коншина", какъ я говорилъ, „не оригиналъ Домостроя, а лишь копія, болѣе или менѣе близкая къ этому оригиналу; потому, при общемъ первоначальномъ строѣ частей, внутри каждаго отдѣла могутъ быть перестановки главъ" [1]). Кто знаетъ: можетъ быть въ иной статьѣ правда окажется на сторонѣ списка Общества? „Чѣмъ, напримѣръ"—говорилъ я, да и теперь говорю,—„можно доказать, что

ный планъ оригинала и вполнѣ нарушилъ дѣленіе на части (см. Библ. матер., собранные *А. Н. Поповымъ*, изд. подъ редакціей *М. Сперанскаго*. Москва. 1889, стр. 16 и др.).

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889 г., мартъ, 162—163.

глава „Како царя чтити“ и т. п. должна стоять не на пятомъ (какъ въ спискѣ Общества), а на седьмомъ (списокъ Коншина) мѣстѣ?“ [1]) Только рѣзкое нарушеніе плана даетъ право дѣлать выводы; здѣсь же такого нарушенія нѣтъ. Но, сомнѣваясь въ постановкѣ этой главы на 7-мъ мѣстѣ, мы въ то же время не имѣемъ права съ рѣшительностью утверждать, что въ оригиналѣ Домостроя она занимала именно 5-е мѣсто, то-есть, стояла тамъ, гдѣ мы ее видимъ въ спискѣ Общества. Если г. Некрасовъ скажетъ, „что всѣ первыя главы и содержаніемъ, и словами, и строгимъ порядкомъ обязаны Стослову Геннадія, откуда авторъ и взялъ цѣликомъ размѣщеніе этихъ главъ“ [2]), то эти слова могутъ свидѣтельствовать лишь о той поспѣшности, съ какою авторъ „Опыта“ дѣлаетъ свои выводы, а вовсе не о томъ, что такъ именно и происходило дѣло.

Въ ряду другихъ литературныхъ источниковъ авторъ Домостроя, надо думать, пользовался и Стословцемъ Геннадія. Но какъ пользовался? А вотъ какъ. Вторая глава памятника („Ка́ко хр҇тіанѡ̑ вѣро́вати въ ст҇ꙋ́ю тр҇цꙋ“ и т. д.) [3]) составляетъ, за исключеніемъ трехъ начальныхъ строкъ [4]), буквальний выборъ отдѣльныхъ фразъ изъ первыхъ семи словъ труда Геннадія, причемъ однако шестое слово сюда совсѣмъ не вошло. Сочиняя третью главу („Како тайна́мъ б҇жіимъ причащатй“ и т. д.), авторъ Домостроя беретъ первыя двѣ строки (печ. изд.) изъ 8-го слова Геннадія и, пропустивъ 9-е, выписываетъ по одной строкѣ изъ 10-го и 11-го слова, такъ что въ общей сложности заимствованіе ограничилось лишь четырьмя строчками; между тѣмъ 3-я глава Домостроя заключаетъ въ себѣ ровно 30 печатныхъ строкъ; на долю самостоятельнаго творчества или заимствованія изъ какого нибудь другаго источника, но только не изъ Стословца, остается, значитъ, ровно 28 строкъ (печ. изд.). Пойдемъ далѣе. Въ четвертой главѣ („Како любити Г҇а ѿ всеа̀ д҇ша“ и т. д.) авторъ Домостроя беретъ 6 начальныхъ строкъ изъ 12-го слова Геннадія, слѣдующія пять — составляетъ частью изъ евангельскихъ („рь҇ч Г҇ь. „в чь҇ та́ ѕастанꙋ, в̓ тѡ̑ і̔ сꙋжꙋ“), частью изъ своихъ

[1]) Ibid. примѣчаніе.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889 г., іюль, стр. 383.

[3]) Первая глава „Наказаніе ѿ о҇ца къ с҇ну“ къ Стословцу не имѣетъ никакого отношенія и представляетъ самостоятельный трудъ автора.

[4]) Строки я считаю по печатному изданію списка Общества (*Чт. Общ. Ист. и Др.* 1881, кн. II, стр. 12).

связующихъ выраженій, а остальныя 14 строкъ (подъ заглавіемъ: „ѡ҆ то҆жь") цѣликомъ выписываетъ изъ 100-й главы Стословца. Въ 5-й главѣ авторъ тоже дѣлаетъ заимствованія изъ Геннадіева труда, но не буквальныя, а лишь отдѣльныхъ мыслей. Послѣднія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ по отношенію къ Стословцу: первая строка пятой главы Домостроя — изъ 19-й главы, слѣдующія двѣ изъ 27-й, дальнѣйшія три опять изъ 19-й; потомъ идутъ 11 строкъ изъ другихъ источниковъ (но не Стословца), а за ними—восемь строкъ, въ коихъ авторъ самостоятельно развиваетъ отдѣльныя мысли, взятыя имъ послѣдовательно изъ 16, 17, 18, 35, 38 и 54-го слова Геннадія; глава заключается 4-мя строками авторскаго сочиненія. Въ 6-й главѣ („Ка́ко чтиті люде҇ ѿцевъ свои҇ дх҇овны҇" и т. д.) говорится о томъ, что слѣдуетъ найдти себѣ хорошаго духовника („добра", „непотаковника", „разсѧди́телна" и пр.), слушаться его совѣтовъ, уважать, ходить къ нему и призывать на домъ, давать „емꙋ ѿ своихъ плѡдовъ", просить наставленія для домочадцевъ и пр. Составляя эту главу, авторъ Домостроя совсѣмъ не пользовался Стословцемъ Геннадія, и, судя по характеру содержанія, не заключающаго въ себѣ ничего книжнаго (что такъ замѣтно въ другихъ статьяхъ), сочинилъ, вѣроятно, отъ себя. Въ 7-й главѣ („Ка́ко ст҇льски҇ чинъ почита́ти. тако҇ и҆ сп҇ьнничьски҇" и пр.) начальныя 6 строкъ (печ. изд.) по мыслямъ схожи съ 94 и 93 словомъ Геннадія, остальныя же 20 строчекъ — развитіе этихъ мыслей — не имѣютъ ничего общаго съ Стословцемъ; да и въ начальныхъ строчкахъ мысли на столько не характерны, что автору Домостроя едва-ли нужно было заимствовать ихъ изъ какого нибудь литературнаго источника.

Дом. гл. VII.	Стосл. Геннадія гл. 93.
„Къ ст҇льскомꙋ чинꙋ всегда̀ прибѣга́и и҆ дѡ҆жнꙋ́ю че́сть воздавай и҆мъ, и҆ бл҇гословленїѧ і҆ дх҇овнаго поꙋ҆чьнїѧ тре́бꙋ́и ѿ нихъ, и҆ припада́и нога́ма и҆́хъ і҆ во все҇ повинꙋ́исѧ і҆м҇ по б҇зѣ. Тако же сп҇ьн́ничесскомꙋ чи́нꙋ і҆ мнишескомꙋ ве́лию вѣрꙋ, и любовь і҆ повиновенїе, і҆ вса́кое покоре́нїе пре҇ ними і҆мѣи і҆ дх҇овнꙋю полꙁꙋ ѿ ни҇ вни́ма́и".	„Еп҇мъ и҆ по҇мъ х҇ва стада пастухомъ словесны҇ ѡ҆вець главу свою҇ покланаи҆ и҆ припади къ ногамъ ихъ. и моли да дасть ти҇ бл҇вние҇ ѿ нихъ. 94: Прозвутера же и҆ ерѣи҇ х҇вы пре҇стателя тай́нѣи҆ е҇го трапезѣ и҆ дробителѧ тѣлу е҇го. всакою҇ ч҇тью почти ꙗ. и҆ со страхомь взирай на на҇". (Златая Цѣпь XIV вѣка, ркп. Троиц. Лавр.).

Вотъ образецъ заимствованія мыслей въ Домостроѣ изъ труда патріарха Геннадія, если въ данномъ случаѣ такое заимствованіе, дѣйствительно, было. Въ дальнѣйшихъ главахъ памятника (по списку Общества) связь съ Стословцемъ, слабая въ 5-й главѣ, мало замѣтная въ 6-й, почти не уловимая въ 7-й, совершенно исчезаетъ. Какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всѣхъ этихъ сопоставленій, точность коихъ желающій легко можетъ провѣрить. Думаемъ: вопервыхъ, порядкомъ Стослова авторъ Домостроя пользовался лишь при составленіи цѣлой 2-й главы и части 3-й, которыя въ обѣихъ редакціяхъ Домостроя стоятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; въ остальныхъ главахъ этотъ порядокъ вполнѣ нарушенъ,—въ образецъ указываемъ на 4-ю главу, которая составлена изъ 12-го и 100-го слова Геннадія; вовторыхъ, отдѣльныя мысли, которыя авторъ Домостроя беретъ тамъ и сямъ изъ Стословца (если только допустить подобное заимствованіе), не слѣдуя однако порядку послѣдняго, развиты имъ (начиная съ 5-й главы) до величины большихъ статей. Ясно, что составитель нашего памятника не рабски слѣдовалъ Стословцу: дополнялъ, а заимствованное размѣщалъ по-своему. Если же это такъ, то сомнѣніе въ вопросѣ: гдѣ могла первоначально стоять глава о почитаніи царя, на 5-мъ или 7-мъ мѣстѣ, кажется, вполнѣ естественно. И теперь этотъ вопросъ останется вопросомъ, а слова г. Некрасова, что де „всѣ первыя главы и содержаніемъ, и строгимъ порядкомъ обязаны Стословцу Геннадія, откуда авторъ и взялъ цѣликомъ размѣщеніе этихъ главъ", могутъ доказать, повторяемъ, лишній разъ только поспѣшность, съ какою авторъ опыта дѣлаетъ обобщенія, не оправдываемыя текстомъ памятника. Какъ не правильно обобщеніе г. Некрасова, такъ не вѣренъ—само собой разумѣвается—и выводъ изъ него, что де въ Коншинской редакціи постановка главы „Како ст҃ски чинъ почитати"... прежде статьи о почитаніи царя объясняется тенденціей (?) Сильвестра. Что между мыслями послѣдняго, который въ „Посланіи и наказаніи отъ отца къ сыну" святительское благословеніе ставитъ прежде государева жалованія („и святительское благословеніе на себѣ имѣешь и царское государево жалованіе), и строемъ Коншинской редакціи есть сходство, и можетъ быть, не случайное,—это не сомнѣнно, но такое сходство никому не должно давать права утверждать, что Сильвестръ ради какой-то непонятной тенденціи взялъ—да и переставилъ разбираемыя главы (о царѣ и о святителѣ): основаніе – призрачно, то-есть, авторъ Домостроя не слѣдовалъ порядку Стословца.

III.

Сильвестровская редакція (будемъ называть ее словами г. Некрасова), какъ извѣстно, отличается краткостью, сравнительно съ редакціей Общества. Какъ смотрѣть на эту краткость? что древнѣе? другими словами: Коншинская ли редакція вышла, какъ сокращеніе, изъ редакціи Общества, или—наоборотъ—оригиналъ Домостроя, близкій къ списку Коншина, дополненный и еще болѣе видоизмѣненный, далъ редакцію Общества? Рѣшать вопросъ этотъ a priori нельзя, ибо ни краткость, ни полнота сами по себѣ не могутъ дать никакихъ заключеній о древности той или другой редакціи. Между тѣмъ въ „Опытѣ" этотъ вопросъ рѣшенъ именно такимъ образомъ, судя по словамъ: „Оказывается, что въ концѣ XV, въ началѣ или первой половинѣ XVI вѣка сложился полный изводъ Домостроя; что къ этому полному изводу впослѣдствіи ровно ничего не прибавлено въ нашей письменности; что изъ нея-то именно и бралъ каждый дѣлавшій для себя списокъ Домостроя" [1]).

Въ новой статьѣ о Домостроѣ г. Некрасовъ дѣлаетъ поправку и, не выводя краткости изъ полноты a priori, старается доказать, что длинноты списка Общества первоначальны, то-есть, должны быть въ оригиналѣ памятника. Такая постановка дѣла, конечно, вполнѣ правильна, и весь интересъ сосредоточивается на доказательствахъ: удачны они, — краткость вышла изъ полноты, не удачны,—вопросъ останется пока открытымъ. Посмотримъ, какіе же доводы приводитъ г. Некрасовъ. Прежде всего, онъ констатируетъ тотъ фактъ, что въ спискѣ Коншина дефектъ „оказывается всегда въ концахъ главъ" и „полныя главы Домостроя не представляютъ собою переработки краткихъ ни въ содержаніи, ни въ изложеніи", „а потому"—заключаетъ г. профессоръ — „естественнѣе допустить отброски и урѣзки, чѣмъ добавленія" [2]). Далѣе. Всѣ длинноты списка Общества противъ Коншинской редакціи г. Некрасовъ назвалъ „или не нужнымъ балластомъ

---

[1]) Опытъ и т. д., стр. 134. Краткость Коншинскаго списка г. Некрасовъ доказывалъ, какъ извѣстно, желаніемъ Сильвестра пріурочить новгородскій Домострой къ Москвѣ: „Сильвестръ дѣлалъ Домострой памятникомъ московскимъ, только сокращая его, выбрасывая изъ него то, что шло къ Новгороду, а не шло къ Москвѣ", напримѣръ, статью о перстосложеніи для крестнаго знаменія (ibid., стр. 178).

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1889, іюнь, стр. 381.

выписокъ изъ сочиненій", или „отрывками, нарушающими приличіе и чистоту Домостроя" [1]),—потому де Сильвестръ и выбросилъ ихъ. Способъ доказательствъ довольно, значитъ, простъ; но онъ не убѣдителенъ. Прежде всего г. Некрасовъ неправильно дѣлаетъ свои обобщенія, ибо вопервыхъ, длинноты списка Общества попадаются и въ серединѣ главъ: крупныя въ статьяхъ „Како стльскиі чинъ почитати" (5—К и 7—О), „Како священниковъ и иноковъ... призывати" (10—К, 14—О), „Каковы люди держати"... (22—К, 26—О), и мелкія въ главахъ 23, 24, 35, 38, 49 и 50; вовторыхъ, есть и переработки гл.: „Како дочь воспитати" (16—К, 20—О) и „Каковы люди держати"... (вторая половина); втретьихъ, если можно назвать прибавленіе къ главѣ „Како врачеватися"... (о волшбахъ) или „Поученіе Василія Кесарійскаго юношамъ"—не нужнымъ балластомъ выписокъ, а эпизодъ о потворенныхъ бабахъ—„отрывкомъ, нарушающимъ приличіе" (?),—то того же самаго никто, конечно, не скажетъ 1) про мѣсто, находящееся внутри главы „Како стльскиі чинъ почитати": тутъ видно желаніе не многимъ словамъ, имѣющимъ характеръ общаго отвлеченнаго поученія, придать житейскій, практическій смыслъ и поясненіе (зачѣмъ Сильвестру пропускать это мѣсто въ своей передѣлкѣ?) 2) про большое дополненіе къ главѣ „Како кормити приходящихъ въ дому" (11—К, 15—О): послѣдняя отличается тономъ безличнаго поученія, отрывокъ же сводитъ дѣло на практическую почву; тутъ нѣтъ ни выписокъ, ни неприличія; напротивъ—дополнено очень кстати; 3) про главу о крестномъ знаменіи, которую едва-ли кто назоветъ „не нужнымъ балластомъ". И такъ, обобщенія г. Некрасова не соотвѣтствуютъ тексту памятника. Но еслибы, наче чаянія, дефекты Коншинской редакціи оказались всегда въ концѣ главъ, а всѣ длинноты списка Общества принять (вѣдь о вкусахъ не спорятъ) за ненужный балластъ, то и тогда никто не можетъ съ увѣренностью сказать, что Коншинская редакція является—вслѣдствіе этого—передѣлкой, а потому—и позднѣе редакціи по списку Общества. Такой взглядъ слишкомъ субъективенъ, ибо рядомъ съ нимъ можетъ существовать и противоположный: если длинноты списка Общества не нужный „балластъ", значитъ, скажемъ мы, редакція Коншина, гдѣ нѣтъ этого „балласта", древнѣе, ибо лучше, чище; а извѣстно, что наши древнерусскіе переписчики и редакторы обыкновенно портили, искажали первоначальный видъ памятника; если длин-

[1]) Ibid. стр. 382.

ноты въ концѣ главъ,—значитъ, онѣ явились позднѣе, ибо легче дополнить въ концѣ, чѣмъ въ срединѣ. Что, по мнѣнію г. Некрасова, естественно предполагаетъ урѣзки, то—по мнѣнію другаго—такъ же естественно, да еще съ большимъ основаніемъ можетъ доказывать дополненія. Но какъ все-таки смотрѣть на длинноты редакціи Общества? Какъ пріурочить ихъ къ оригиналу Домостроя, или—наоборотъ—отдѣлить отъ первоначальнаго состава памятника? Вопросъ очень важный, но рѣшить его болѣе или менѣе убѣдительно пока нѣтъ возможности, ибо, вопервыхъ, въ Коншинскомъ спискѣ нѣсколько листковъ утрачено и, вовторыхъ, рукопись Коншина — не оригиналъ Домостроя, мало того,—даже не первый списокъ съ данной редакціи. На нашъ взглядъ, это одинъ изъ дальнихъ изводовъ, сохранившійся въ дальнемъ спискѣ, хотя и ближе другихъ стоящій къ оригиналу. Въ доказательство указываемъ, напримѣръ, на списокъ А. Попова (№ 2430 XVII в. Рум. Муз.): тутъ, при общемъ сходствѣ, есть значительныя противъ рукописи Коншина перестановки (гл. 5, 8, 9, 21 и др.) и расчлененія; то же слѣдуетъ сказать про списки Коншинской редакціи, описанные у г. Некрасова (см. „Опытъ", стр. 91—100). Такія отличія въ спискахъ Коншинской редакціи служатъ довольно вѣрнымъ ручательствомъ, что были изводы этой редакціи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ въ иныхъ случаяхъ лучше самой рукописи Коншина, не смотря на ея относительную древность; по крайней мѣрѣ это съ увѣренностью можно сказать про главу „Како священниковъ и иноковъ въ домъ призывати" и т. д. (10—К), которая въ спискѣ Коншина (во второй части) очень перебита, запутана и совершенно не удовлетворяетъ заглавію, тогда какъ, напримѣръ, въ рукописи Императорской Публичной библіотеки (№ 1137) сохранилась въ болѣе стройномъ, совершенномъ видѣ, оканчиваясь на словахъ: „а маломожные братія.... отходять въ домы своа, бл҃годаря бг҃а" [1]). Поэтому, прежде чѣмъ говорить о первоначальномъ составѣ Домостроя, слѣдуетъ предварительно точнѣе выяснить вопросъ, какой изъ изводовъ Коншинской редакціи памятника самый лучшій со стороны обработки главъ, развитія мыслей, изложенія и близости къ источникамъ: только тогда можно будетъ съ нѣкоторою увѣренностью говорить, что вотъ де такая длиннота редакціи Общества не первоначальна, а такая находилась въ оригиналѣ Домостроя. Къ сожалѣнію, вести такъ дѣло мы пока не можемъ: нѣтъ списковъ подъ руками. Впрочемъ, для

[1]) Опытъ, стр. 94.

цѣли настоящей статьи это и не особенно необходимо: позднее происхожденіе редакціи Домостроя по списку Общества въ достаточной степени подтверждается анализомъ предисловія, которое, какъ мы видѣли, нельзя приписать автору памятника.

Теперь нѣсколько словъ объ отношеніи къ Домострою знаменитаго исповѣдника Іоаннова—Сильвестра. По мнѣнію г. Некрасова,* Благовѣщенскій попъ лишь провѣрилъ готовый уже до него Домострой и, откинувъ все, что относилось къ Новгороду, пріурочилъ памятникъ къ Москвѣ. На чемъ основано такое мнѣніе,—мы не знаемъ, но только доводы г. профессора мало убѣдительны: или черезчуръ субъективны (всѣ длинноты редакціи Общества — „не нужный балластъ"), или прямо антиисторичны (въ родѣ того, что Москва во время Сильвестра крестилась только по православному). Рѣшительно нѣтъ ничего, что говорило бы въ пользу такой передѣлки Домостроя. Напрасно, также полагаютъ, что имя Сильвестра связано съ одной только Коншинской редакціей памятника. Нѣтъ: Благовѣщенскій іерей положилъ свою руку и на полную редакцію Домостроя, и чтобы доказать это, обратимъ вниманіе на первую главу по списку Общества—„Наказаніе отъ отца къ сыну". Крайне интересно и любопытно ея отношеніе къ одному мѣсту 64-й главы (К. сп.), несомнѣнно принадлежавшей попу Сильвестру. Для наглядности позволимъ себѣ провести параллель.

Гл. I по сп. Общ.

А. Бл̃гословлаю̀ а̓зъ грѣшныи и̓мрк. і пооу́чаю́, і наказꙋю̀, і вразоумлаю̀ единочадаго сн̃а своего. і̓мрк. і его жену. і́ мрк. і́ и̓ домочадцѡ̑ бы́ти во вса́кѡ̑ х̑рті̓ансѡ̑ зако́нѣ, і́ во вса́кои чи́стой совѣсти и́ пр̑вѣ, с вѣ́рою твора́ще во́лю бж̃їю, і́ храна́щї заповѣди е́го, себе оу́вер̓жаю́ще во всакѡ̑ стра̀се бж̃іи і́ и̓ закон̓ном̀ жительствѣ, і́ женꙋ поу́чаю́ще, та́ко̑ і́ домоча̑цѡ̑ свои̑ наказоую́ще, не нꙋжею̀, ни̓ ра́нами ни работою̀ та̓шкою̀, і́мѣю́ще а̑ дѣ́тя во всакѡ̑ поко́е. сыты і́

Гл. 64 по сп. Конш.

Чадо мое любимое Анеимъ! Еже тя поучахъ и всячески наказывахъ о всякомъ добродѣтельномъ и богодухновенномъ житіи, и грубое сіе писаніе худаго моего ученія предахъ ти, молю тя, чадо, Господа ради и Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, почитай себѣ, съ любовію и со вниманіемъ и напиши на сердцѣ своемъ; и прося у Бога милости и помощи, и разума и крѣпости, и вся предреченная, съ любовію и дѣломъ, также по сему писанію и жену по-

одѣны, і̔ в̑ те́плѡ̑ хра́мѣ, і во всѧ́кѡ̑ оу̔строе̔. ї вдаю̑ ва́мъ хр̑тїаньскомꙋ жите̑ствꙋ писа́нїе на па́мѧ̑ і̑ в̑разоумленїе ва̑ і̔ чѧ́дѡ ваши̑.

В. Аще сегѡ̀ мое̑ писанїѧ не вне̑млете і ѝшего наказанїа не слꙋшаете, і̔ по томоу не оу̔чнете жити, ї не тако твори́ти, ѩ̑кѡ̑ є̑ писано, са́ми за собѧ́ ѿвѣ́тъ дадите в дн҃ь страшнаго сꙋда. і̑ азъ ва́ши̑ вина̑ ї грѣхꙋ не причастен̑, кромѣ̀ моеѧ́ д҃ша. Азъ ѡ̔ се̑ ѡ̔ всакѡ̑ ва̑ бл҃гочинї́и бл҃гословлѧлъ, ї пла́калъ, и̔ моли́лъ, ї поу̔чѧлъ, ї писа́нїе̑ пре̑лагалъ ва̑.

С. ї а̔ще воспрїимете сїе моѐ хꙋдоѐ оу̑ченї́е и̔ грꙋбоѐ наказанїе со всею̀ чистотою̀ д҃шевною. ї прочитаѧ, проса оу̑ б҃га пѡ́мощи ї разоума по е̑ли́ко возмо̑жно. ка́къ бг҃ъ в̑разоумитъ ва̑. ї начнсте дѣлѡ̑ твори́ти вса си̑, бꙋде̑ на ва̑ мл̑ть бж҃їѧ́ ї пр̑чтыѧ̀ вл̑ци, ї великѝ чюдотворцѡ̑, и̔ нш҃е бл҃гословенїѐ ѿ нн҃ѣ ї до̀ вѣка, і̑ дѡ̑ ва̑, і

учаи̑ и наказуй; также и детей своихъ и домочадцовъ: всехъ учи страху Божію и добродѣтельному житію. И аще симъ вся сія твориши, и жену и детей, и рабъ и рабынь, и всехъ ближнихъ своихъ и знаемыхъ поучиши, и домъ свой добре устроиши, вся благая отъ Бога обрящеши, и жизнь вѣчную наслѣдиши со всѣми одержимыми тобою.

Аще, сыну, моего моленія и поученія не внемльши, и по сему писанію не учнеши жити, якоже и прочіи добрые люди и боязнивіи мужіе, и отца духовнаго заповѣди не учнешь хранити, и отъ богудухновенныхъ мужей не пользуешися поученіемъ и почитаніемъ святаго писанія, и христіяньскаго праведнаго закона не хранивши, и о домочадцѣхъ своихъ не радиши,—и азъ твоему грѣху не причастенъ: самъ о себѣ и о домочадцехъ своихъ и о жене отвѣтъ даси въ день страшнаго суда.

Аще, чадо мое возлюбленное, и малые сія заповѣди худаго моего ученія сохраниши, и по нашему пути пойдеши, и словесъ моихъ послушаеши, и дѣломъ творити начнеши, и будеши сынъ свѣту и наслѣдникъ небесному царствію; и будетъ на тебѣ милость Божія, и Пречистыя Богородицы и Заступницы нашея и

чада вш҃ї, і̓ стѧжанїѐ вш҃е, і̓ ѻ̓би́лїе, что ва̑ бг҃ъ подарова̑ ѿ ѻ̓ц҃а и̓ ѿ мт҃ре, н҃пїе҇ бл҃гословенїѧ, і̓ ѿ свои̑ трꙋдѡ̑, да бꙋде̑ бл҃гословенно і̓ і̓сполнено всѧ́кїи̑ бл҃гъ во̀ вѣки, а̓ми̑.

великихъ чюдотворьцевъ: Николы, Петра, Алексѣя и Сергія и Никона и Кирила и Варлама и Александра и всѣхъ святыхъ, и родительская молитва, и мое вѣчное на тебѣ благословеніе, отъ нынѣ и до вѣка.

Сходство между текстами, какъ видимъ, несомнѣнное: и въ общемъ тонѣ наставленія, и въ планѣ, и въ изложеніи, и даже— буквально въ цѣлыхъ фразахъ. Нельзя допустить, чтобы оно было случайнымъ: взаимодѣйствіе, очевидно, существовало.

Какъ объяснить его? Согласимся на время, что обѣ главы (гл. I и 64 К. с.) писали разныя лица (ибо вѣдь ни въ спискѣ Коншина, ни въ рукописи Общества нѣтъ имени Сильвестра въ первой главѣ), изъ коихъ одно позаимствовалось несомнѣнно у другаго. Кто у кого? Сильвестръ ли у автора первой главы, или — наоборотъ—неизвѣстный авторъ у Сильвестра? Отвѣтъ на это дадутъ намъ слѣдующія соображенія. Если допускать мысль, что большой Домострой повліялъ [1]) на 64-ю главу, то-есть, на трудъ Сильвестра, то такое вліяніе необходимо ограничить лишь первою частью „Посланія и наказанія отъ отца къ сыну" (то-есть до словъ: „Видѣлъ еси, чадо, како въ житіи семъ жихомъ"...: съ этого мѣста Сильвестръ начинаетъ приводить въ примѣръ собственную жизнь, пользуясь въ данномъ случаѣ, вѣроятно, общимъ планомъ поученія Владиміра Мономаха). Тутъ, во второй части 64-й главы, никто, полагаемъ, не станетъ винить знаменитаго исповѣдника Іоаннова въ подражаніи и въ заимствованіи мыслей изъ большаго Домостроя: кромѣ двухъ-трехъ фразъ, навѣянныхъ поученіемъ Ксенофонта, Сильвестръ здѣсь былъ вполнѣ самостоятеленъ и писалъ, такъ-сказать, по воспоминаніямъ („И еще воспомянути: гостей пріѣзжихъ у себя корми"), не заглядывая въ чужой трудъ (если только допуститъ такое заглядываніе въ Домострой). А между тѣмъ въ этой именно части 64-й главы, почти въ концѣ ея, и находится сдѣланная нами выписка, имѣющая такое сходство съ 1-й главой Домостроя. И такъ, самое мѣстонахожденіе выписки не даетъ права думать о заимствованіи изъ первой главы. Далѣе. Выраженія, въ родѣ: „Чадо мое любимое Анеимъ.....

[1]) Про поученіе Ксенофонта къ дѣтямъ мы не говоримъ.

молю тя, чадо, Господа и ради Пречистой Богородицы" и т. п. показываютъ, что Сильвестръ отъ сердца произносилъ ихъ, находился, понятно, въ извѣстномъ волненіи,—и потому было бы неестественно думать, чтобы онъ въ такомъ состояніи способенъ былъ засматривать въ чужой трудъ, выписывать порой даже буквально чужія рѣчи, припоминать и говорить чужія прочитанныя слова. Еще одно соображеніе. Въ первой главѣ неизвѣстный авторъ въ заключеніе между прочимъ говоритъ: „бꙋдѐ на ва̑ млть бж҃ıа і ' прч҃тыѧ вц҃и 'і великиⷯ чюдотворцо̑, и нше бл҃гословенїе"…. Какихъ это „великиⷯ чюдотворцо̑"? спрашивалъ въ недоумѣніи древній читатель Домостроя. Кого онъ долженъ подразумѣвать подъ этимъ неопредѣленнымъ названіемъ, если заранѣе ему не было извѣстно, кого имѣетъ въ виду авторъ? Недоумѣніе разрѣшается, когда онъ прочтетъ 64-ю главу: тамъ перечислены „великіе чудотворцы". Ясно, что конецъ первой главы, какъ и вся она, можетъ быть только сокращеніемъ Сильвестровскаго „Поученія"; другими словами: авторъ первой главы пользовался трудомъ Благовѣщенскаго попа, а не наоборотъ.

Къ такому выводу долженъ прійдти всякій, кто, подобно г. Некрасову, составителя первой главы не смѣшиваетъ съ Сильвестромъ. Но на нашъ взглядъ и такого разграниченія дѣлать не слѣдуетъ: характеръ сходства между 1-й и 64-й главой Домостроя такого рода, что здѣсь нужно видѣть не заимствованія или подражанія, а лишь общность идей, слога, склада мыслей, отдѣльныхъ выраженій, присущихъ одному лицу; словомъ, первая глава Домостроя написана Сильвестромъ, и это довольно убѣдительно подтверждается редакціей по списку Публичной библіотеки (№ 1137), гдѣ вм. импрк мы находимъ имена Сильвестра и его сына и невѣстки. Не „владѣльцы-старожилы", которые будто бы „знали семью Сильвестра, вписали эти имена въ XVII вѣкѣ" (вполнѣ произвольное предположеніе): это могъ сдѣлать только самъ Сильвестръ, и не въ чужой, а въ свой трудъ. Вѣдь не даромъ читатель находитъ въ первой главѣ Домостроя только одни имена семьи Сильвестра, какъ это видимъ и въ томъ спискѣ, на который ссылался И. Е. Забѣлинъ (Временникъ, 1850, кн. VI, стр. 4): другихъ именъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, въ виду всего сказаннаго, слѣдуетъ признать, что имя Сильвестра связано съ обѣими редакціями Домостроя, а не съ одной только Коншинской, какъ это думаетъ г. Некрасовъ: даже на полную редакцію наложилъ свою руку Сильвестръ. Понятно, что такой выводъ обязателенъ и въ томъ случаѣ, когда Сильвестра не

станутъ даже отождествлять съ авторомъ первой главы памятника. Само собой разумѣется, что вопросъ о какой бы то ни было передѣлкѣ, произведенной знаменитымъ исповѣдникомъ Іоанна Грознаго въ составѣ Домостроя и его планѣ, долженъ пасть самъ собою: первая глава находится и въ спискѣ Общества, а его г. Некрасовъ не думаетъ считать передѣлкой Сильвестра.

Этими замѣчаніями о главныхъ редакціяхъ Домостроя мы и окончимъ замѣчанія на статью г. Некрасова; разсужденій послѣдняго о родинѣ памятника мы не будемъ касаться: они слишкомъ субъективны [1]).

---

[1]) Въ пользу новгородскаго происхожденія Домостроя г. Некрасовъ приводитъ слѣдующіе доводы: 1) въ памятникѣ изображенъ особенно расчетливый хозяинъ, у котораго все должно быть „въ счетѣ и въ письмѣ", что, по мнѣнію автора „Опыта", предполагаетъ много грамотныхъ слугъ, а это возможно только въ Новгородѣ, ибо здѣсь грамотность больше была распространена, чѣмъ въ Москвѣ; 2) въ Домостроѣ упомянуты „соляныя варницы", что также указываетъ на Новгородъ, ибо только новгородскіе бояре имѣли варницы, чего нельзя сказать про бояръ московскихъ, и 3) слово митр. Даніила обличаетъ московскихъ бояръ въ томъ, что они „щапятъ торгованіи", то-есть, пренебрегаютъ, по объясненію г. Некрасова, торговлей; значитъ, заключаетъ авторъ „Опыта", Домострой писанъ въ Новгородѣ, такъ какъ бояринъ представленъ въ памятникѣ торгующимъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ доводовъ г. профессора лежитъ, вопервыхъ, непониманіе, что такое Домострой, а вовторыхъ, ложное убѣжденіе, что онъ писанъ для однихъ только бояръ. Домострой хотя и историческій памятникъ, но пользоваться имъ нужно осторожно, ибо онъ рисуетъ намъ вообще *не то, что было на самомъ дѣлѣ*, а то, *что должно было быть* съ точки зрѣнія лучшаго человѣка XVI вѣка. Поэтому, выраженія въ родѣ „въ счетѣ и письмѣ" могутъ и не предполагать того, что предполагаетъ г. Некрасовъ, если только возможно такою общею мыслью, что де „въ Новгородѣ было больше грамотныхъ слугъ, чѣмъ въ Москвѣ", доказывать новгородскую родину памятника. Вѣдь самъ г. Некрасовъ заявилъ въ „Опытѣ", что по черезчуръ приниженному положенію женщины, обрисованному въ Домостроѣ, нельзя судить объ ея истинномъ положеніи въ XVI вѣкѣ. Слѣдовало бы строго придерживаться разъ принятаго взгляда и не отступать отъ него ни въ какомъ случаѣ. Для кого писанъ Домострой и какую среду онъ изображаетъ? По мнѣнію г. Некрасова,—только для бояръ, только боярскую. Но это вполнѣ ложное убѣжденіе противорѣчитъ тексту памятника, который составленъ вообще для зажиточнаго человѣка; а вѣдь не одни бояре были зажиточными людьми въ Москвѣ. Приведемъ примѣры. Гл. XXVII: Всякому человѣку, богату и убогу, велику и малу.... Гл. XXV: а торговые люди и мастеровые и земледѣльцы такожъ: прямымъ и благословеннимъ торгуютъ, рукодѣльничаютъ, или пашутъ, ни украдши и т. д. Гл. XLII: Годовой обиходъ до-

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ списковъ Императорской Публичной библіотеки, кромѣ тѣхъ, которые описалъ И. С. Некрасовъ, мы имѣли возможность пользоваться еще двумя, новыми, пріобрѣтенными въ недавнее время. Предлагаемъ здѣсь ихъ краткое описаніе.

мовитому человѣку мужу и женѣ, у кого помѣстья и пашни, селъ и вотчины нѣтъ и т. д.; а у молода человѣка, или у вдова только запасу такого нѣтъ, чѣмъ животина кормить, что въ сей главѣ писано, а коровка дойная есть.... Гл. XLVII: А коли одинокой человѣкъ, а не богатой и запасистой.... Очевидно, Домострой писанъ не для однихъ бояръ; мало того: есть даже прямое указаніе, что авторъ, повидимому, и не имѣлъ въ виду боярина (хотя въ средніе вѣка на Руси строй жизни у людей всѣхъ сословій былъ вообще одинаковъ): въ главѣ XXXIV жена о себѣ говоритъ: „ни о княгиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдехъ не переговариваю". Можно ли поэтому настаивать, что „соляныя варницы" въ Домостроѣ принадлежатъ именно боярину; самый текстъ, гдѣ упоминаются эти варницы, показываетъ, что авторъ говоритъ о всякомъ состоятельномъ человѣкѣ, а не о бояринѣ только: „Всякому человѣку домовитому, доброму, у кого Богъ послалъ свое подворьице, или деревеньку, или лавочку въ торгу, или онбаръ, или домы каменые, или варницы, или мельницы" и т. д. (гл. LXI К. сп.). Почему тутъ нужно варницы пріурочивать именно къ боярину — мы ужь и не знаемъ. Почему—не къ купцу, или вообще промышленнику? А у богатыхъ москвичей были свои варницы: это не привиллегія новгородцевъ (см. *Аристовъ*: О промышленности въ др. Россіи). Что касается ссылки на м. Даніила, то, признавъ даже за словомъ „щапити" значеніе „пренебрегать" (хотя этотъ глаголъ употреблялся, на сколько мы знаемъ, всегда въ смыслѣ „щеголять", „чваниться": щапъ-щеголь, щапство, щапленіе, щапливый; тотъ же м. Даніилъ и, кажется, въ томъ же Словѣ (къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками справки) употребляетъ выраженіе: „щапити, дрочитись и всуе дни своя провождати" см. опис. Синод. библ. № 237),—противъ нея можно сказать слѣдующее: вопервыхъ, Домострой писанъ не для однихъ только бояръ, и вовторыхъ, хотя Даніилъ и укоряетъ бояръ, что они не занимаются торговлей, но уже изъ самаго факта обличенія всякій, кажется, можетъ заключить, что занятіе торговлей было вообще свойственно боярамъ XVI вѣка, и лучшіе изъ нихъ, несомнѣнно, торговали. Никто не станетъ укорять меня въ недѣланіи того, что мнѣ не свойственно дѣлать. О самомъ тонѣ обличенія Даніилова, въ которомъ, понятно, не можетъ не быть гиперболъ (бояре, да притомъ всѣ, абсолютно ничѣмъ дѣльнымъ не занимаются) мы уже и не говоримъ. Какъ бы то ни было, но настаивать на новгородскомъ происхожденіи Домостроя, основываясь лишь на приведенныхъ г. Некрасовымъ доводахъ, нельзя. Въ Домостроѣ, дѣйствительно, виднѣется торговый бытъ, но онъ нисколько не противорѣчитъ московскимъ нравамъ XVI столѣтія; не противорѣчитъ онъ также образу жизни и взглядамъ того лица, отъ котораго ведутъ свое начало обѣ редакціи Домостроя,—Сильвестра, Благовѣщенскаго попа.

Списокъ первый. Находится въ сборникѣ на 170 лл., in 8° (О. XVII, № 39), второй половины XVII вѣка, писанъ отчетливою скорописью. Домострой, подъ названіемъ „Кн҃га глемаꙗ домостро́ при-ꙗтны́ ꙇмѣ҃ собрание главъ. н҃.", занимаетъ здѣсь листы отъ 82² до 158 (по прежней нумераціи). Какъ названіемъ, такъ числомъ главъ, ихъ порядкомъ и содержаніемъ онъ похожъ на списокъ, названный Д. П. Голохвастовымъ—Большаковскимъ. Оглавленія нѣтъ; предисловія и первой главы — „Наказаніе отъ отца къ сыну", по списку Общества исторіи и древностей, тоже недостаетъ. Первая статья здѣсь, какъ и въ Большаковскомъ, — „Како христіаномъ вѣровати во Св. Троицу"... и т. д.

Вторая, третья и четвертая главы совпадаютъ и по содержанію и порядкомъ съ Большаковскимъ спискомъ. Глава 5-я—„Ка́ко стльскій чинъ почитати".... Глава 6-я: „Како чтити дѣтемъ отцовъ"...; здѣсь уже перестановка, сравнительно съ спискомъ Большакова, гдѣ первая глава занимаетъ 6-е мѣсто, а вторая 5-е. Отъ 7-й до 18-й главы включительно списокъ № 39 совпадаетъ съ рукописью Большакова почти буквально, за самыми мелкими разночтеніями въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Глава 19-я въ спискѣ № 39 — то же, что въ Домостроѣ Общества статья „Како пѡдобаѣ крестити҃ ꙇ покланати҃", съ тѣмъ же заглавіемъ и съ тѣмъ же содержаніемъ; глава 20-я—это „Ѳеодоритово", но съ прибавленіемъ: „О тѡ҃ же", чего нѣтъ въ спискѣ Общества; редакція же самой главы — та же, что и въ Домостроѣ Общества; главы 21-й — совсѣмъ нѣтъ, и послѣ 20-й непосредственно слѣдуетъ глава 22-я съ заглавіемъ: „Аѳонасіево и Петра Дамаскина о томъ же", но вмѣсто ученія о крестномъ знаменіи, какъ мы это видимъ въ спискѣ Общества, подъ этимъ названіемъ помѣщена 14-я статья Домостроя Общества, конечно, безъ ея заглавія: „Ка́ко сщ҃еннико҃, ино́кѡ҃ в дѡм҃ свои́ призывати ꙇ молитиса". Такимъ образомъ, отъ Большаковскаго списка нашъ списокъ отличается отсутствіемъ статьи подъ заглавіемъ „Аѳонасіево и Петра Дамаскина", которая въ спискѣ Большакова, повидимому, была (см. „Опытъ" И. С. Некрасова, стр. 89). Послѣднія главы отъ 23-й до 50-й включительно въ № 39 совпадаютъ съ тѣми же главами Большаковскаго списка; въ заключеніе приписано: „Конецъ Домострою". Съ 25-й главы по 45-ю включительно слова „государь" и „государыня" почти вездѣ замѣнены „господинъ", „господыни" („гд҃ни"), тогда какъ до 25-й и послѣ 45-й они употребляются. Кромѣ Домостроя, въ сборникѣ помѣщаются и другія статьи: въ началѣ — от-

рывки изъ Пчелы, потомъ идутъ: поученіе о пьянствѣ, о злыхъ женахъ и добрыхъ, поученіе отъ отца духовнаго къ православнымъ христіаномъ (въ которомъ—кстати замѣтимъ—по мыслямъ много схожаго съ Домостроемъ), отъ старчества, отрывки изъ Зерцала, Богословія Кирилла Транквилліона, слово Меѳодія Атарамскаго (sic) о потопѣ и о раздѣленіи языкъ и о послѣднихъ днѣхъ, главы (отъ 28 до 82, съ пропускомъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ срединныхъ главъ) какого-то религіозно-нравственнаго сочиненія,—полагаемъ, такъ-называемаго „Сына Церковнаго"; повѣсть о видѣніи Козьмы игумена, слово о Андреѣ Юродивомъ, какъ онъ видѣлъ богатаго умершаго (безъ начала), повѣсть дивна о дѣвицѣ Иверскаго царя Александра, дщери Диниріи (sic) царицы (безъ конца), и еще нѣсколько не важныхъ выписокъ и замѣтокъ.

Другой списокъ Домостроя находится въ сборникѣ (Q. XVII, № 180), in 4°, на 192 листахъ, конца XVII и начала XVIII вѣка, писанномъ четкимъ полууставомъ. Въ началѣ, до 85 листа включительно, идетъ Синопсисъ, безъ начала (недостаетъ по счету двухъ листовъ); внизу по листамъ подпись: „лѣтописєцъ києвскои". Далѣе, на листахъ съ 86 до 173 помѣщенъ Домострой, съ киноварнымъ заглавіемъ и заставкой надъ нимъ изъ цвѣтовъ: „Книга глаголемая Домострой (вязью) имѣетъ в себѣ вещи зѣло полезны. пооученїе. ї наказаниє. всакомꙋ правѡславномꙋ хр҃тиа́нїну мꙋжꙋ и жьнѣ. и чадомъ. и рабомъ. и рабынамъ. В неи жє ймать сказание глава"; непосредственно за этимъ слѣдуетъ оглавленіе, состоящее изъ 64 главъ, въ порядкѣ Коншинскаго Домостроя; слова „государь", „государыня" здѣсь замѣнены: „господинъ", „госпожа", въ противоположность тексту памятника, гдѣ „государь" и „государыня" сохраняются; что касается самаго текста Домостроя, то онъ съ 1-й главы и до 62-й, исключая не многихъ варіантовъ, почти буквально совпадаетъ съ Коншинской редакціей памятника, при чемъ составъ 10-й главы („Како священниковъ и иноковъ въ домъ свой призывати молитися") подтверждаетъ догадку покойнаго Голохвастова, что по Коншинскому списку въ этой главѣ не было порядка освященія воды 6-го января и 1-го августа (Временникъ, 1849 г., кн. 1, стр. 11, прим.): она содержитъ, вопервыхъ, то, что въ спискѣ Коншина идетъ съ начала отъ словъ: „А въ которые-либо праздники...", оканчивая.... „отходятъ въ домы своя, благодарящe Бога", и вовторыхъ, непосредственно за этимъ то, что идетъ въ Коншинской редакціи отъ словъ: „А подати кому ясти или пити....." до конца:... „посмѣянъ и обещестенъ

отъ Бога и отъ человѣкъ". Глава 62-я, сравнительно съ Коншинской редакціей, сильно сокращена и оканчивается словами: „А кто живетъ въ расплатѣ и управѣ и всякихъ податей за собою не имѣетъ (въ К: не клачиваетъ) и долгу на себѣ безлѣничново"; послѣ слова „безлѣничново" въ рукописи оставлена половина бѣлой строки, а съ другой половины и до конца главы добавлено, внѣ связи съ предыдущимъ, „оумѣетъ ино оумѣетъ и дѣтеи и слугъ всемѹ выучить и наражать и наказавъ во всемъ". Глава 63-я (безъ заглавія въ текстѣ) въ № 180 представляетъ отрывокъ изъ 64-й главы Коншинскаго списка и идетъ отъ словъ: „(А) сама бы хмельново питья отнюдь не любила и дѣти и слуги у ней того не любили же......" до словъ: „тебѣ о нихъ отвѣтъ въ день страшнаго суда", которыми и оканчивается 63-я статья описывамаго списка (см. Временникъ, 1849 г., кн. I, стр. 107). Глава 64-я (тоже безъ заглавія въ текстѣ) также особаго состава: сначала идетъ то, что въ 64-й главѣ Коншина помѣщено отъ словъ: „Аще по нашему наказанію и по сему писанію оучнете жити (непосредственное продолженіе конца предыдущей главы), велію благодать"... и до словъ: „не укаривалъ никого, ни брани не водитъ" (вм. „не бранивался ни съ кѣмъ", какъ въ Коншинскомъ спискѣ) включительно, а непосредственно за этимъ идетъ вторая половина 62-й главы Коншинскаго списка отъ словъ: „и тотъ человѣкъ всегды безъ работы живетъ и свободенъ и при животѣ"... и т. д. до конца главы Коншинскаго Домостроя. Далѣе въ № 180 идетъ 65-я глава съ заглавіемъ: „Указъ ключнику, какъ держать на погребѣ всякои запасъ просолной и въ бочкахъ и въ кадехъ и въ мѣрникахъ и во тчанехъ" и т. д., то-есть, 63-я статья Коншинскаго Домостроя. За 65-й главой въ рукописи № 180 помѣщено „Посланиє и наказанние ѿ ѿца к сн̃ѹ", внѣ счета и нумераціи. Сравнительно съ спискомъ Коншина, это посланіе здѣсь, конечно, сокращено (части его, мы видѣли, вошли въ предыдущія двѣ главы № 180) и состоитъ изъ начала 64-й главы Коншинскаго списка до словъ: „и всякое бы женьское рукодѣлие знала и коли все" (см. Временникъ, 1849 г., кн. I, стр. 104—107) включительно, за которыми, съ пропускомъ двухъ чистыхъ строкъ листа, непосредственно слѣдуетъ: „отъ кого обида и мы б̃а ради терпѣли, на себя вину налагали (см. ibid., стр. 108) и т. д., и продолжаясь до словъ: „и в темницы и болна и плененна. и из работы и должна и во всаки̑ нужа̑ по силе ѡкупи̑. и гладна"; за этими словами идетъ $^1/_2$ строки чистой, а затѣмъ то, что въ 64-й главѣ Коншинскаго Домостроя находится отъ словъ: „ученія сохра-

ниши и по нашему пути пойдеши" и т. д. (см. стр. 113 изданія) до: „къ подьячимъ и къ мастеромъ и къ сторожемъ грозенъ", включительно; выраженіемъ „къ сторожемъ грозенъ" и оканчивается 65-я глава Домостроя подъ № 180, а съ нею и весь памятникъ. Такимъ образомъ съ 62-я главы ркп. № 180 расходится съ Коншинскимъ Домостроемъ. Трудно, конечно, объяснить эти перестановки, сравнительно съ спискомъ Коншина, но сказать, что онѣ не случайны, не ошибки писца, мы имѣемъ право: вотъ уже второй списокъ, гдѣ глава Сильвестра расчленяется и входитъ въ самый Домострой (первый списокъ такого же рода принадлежитъ библіотекѣ Новороссійскаго университета: см. „Опытъ" и т. д., стр. 96—97).

Кромѣ Домостроя и Синопсиса, въ рукописи № 180 находятся еще слѣдующія статьи: „како приходила южская царица къ царю Соломону о исповѣданіи мудрости" (л. 173), повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (л. 175) и Сказаніе истолкованія, что есть Софія Премудрость Божія (безъ конца); въ послѣднихъ строкахъ говорится: „благословенно царство московское великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ"; царевна Софья названа государыней.

А. Михайловъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе *А. Лаппо-Данилевскаго*. С.-Пб. 1890 г.

Этотъ обширный и любопытный трудъ довольно рѣзко отличается отъ предшествующихъ работъ по исторіи русскихъ финансовъ (гг. Гагемейстера, гр. Толстого, Бѣляева, Кури, Осокина и др.) — прежде всего широтой поставленной темы. Заглавіе книги едва-ли даже можетъ дать понятіе о всей совокупности вопросовъ, поставленныхъ и подробно разсмотрѣнныхъ авторомъ. Онъ не ограничивается разборомъ темъ о происхожденіи и видахъ прямыхъ налоговъ, порядкѣ обложенія, раскладки и взиманія ихъ, но въ двухъ особыхъ главахъ даетъ еще обзоръ общественныхъ условій, на почвѣ которыхъ возникла упомянутая организація прямаго обложенія, отмѣчаетъ, какъ эта организація въ свою очередь повліяла на соотношеніе общественныхъ классовъ, и, наконецъ, предлагаетъ очеркъ исторіи финансовыхъ приказовъ при разсмотрѣніи вопроса, куда поступали прямые налоги и какъ они распредѣлялись по центральнымъ учрежденіямъ.

Вторая особенность разсматриваемаго труда, выгодно отличающая его отъ предшествующихъ, состоитъ въ обиліи документальнаго матеріала, какимъ располагалъ авторъ. Онъ не только воспользовался всѣми за послѣдніе годы изданными источниками, но привлекъ еще значительное количество матеріала, разбросаннаго по многочисленнымъ малодоступнымъ провинціальнымъ изданіямъ,—губернскимъ вѣдомостямъ, памятнымъ книжкамъ, ежегодникамъ статистическихъ комитетовъ,—благодаря чему въ научный оборотъ попало нѣсколько весьма важныхъ фактовъ (для примѣра можно указать данныя о ко-

личествѣ отписанныхъ въ посадское тягло дворовъ и людей въ первые три года послѣ изданія Уложенія, стр. 171, прим. 2). Наконецъ, особенно важное значеніе имѣетъ архивный матеріалъ, на основаніи котораго авторъ не только имѣлъ возможность подтвердить свои частные выводы и отмѣтить нѣкоторые интересные факты (см. напримѣръ, замѣчанія автора объ указной книгѣ Ямскаго приказа, стр. 374, прим. 1); но почти исключительно на этомъ матеріалѣ онъ построилъ цѣлые отдѣлы своего изслѣдованія, а именно отдѣлъ I-й главы II-й, а также нѣкоторыя подробности въ отдѣлѣ о мірской раскладкѣ. Нельзя лишь не пожалѣть, что авторъ такъ скудно дѣлится съ читателемъ подлинными цитатами изъ этихъ недоступныхъ для большинства архивныхъ матеріаловъ.

Авторъ ограничиваетъ свое изслѣдованіе XVII вѣкомъ, мотивируя это тѣмъ, что изученіе русской исторіи должно дать цѣнные результаты „въ томъ случаѣ, когда направлено будетъ на періоды наиболѣе рѣзкаго развитія специфическихъ особенностей изучаемаго государственнаго типа". Въ XVII же вѣкѣ черты государственнаго строя представляютъ уже опредѣленныя и устойчивыя взаимоотношенія, которыя, по мнѣнію автора, регулируются по преимуществу правительственной дѣятельностью. Вотъ почему правительственная исторія должна стоять на первомъ планѣ при изученіи XVII вѣка, а въ частности финансовая и военная организація. Если вообще автору и можно возразить, что изученіе переходныхъ эпохъ можетъ дать не меньше, а иной разъ даже и больше характерныхъ чертъ изучаемаго государственнаго или общественнаго типа, то въ частности едва-ли можно спорить противъ выдѣленія XVII вѣка для спеціальнаго изслѣдованія о финансовой организаціи въ Московскомъ государствѣ. Всякое историческое изслѣдованіе должно имѣть свои границы, хотя онѣ всегда будутъ искусственными. Умѣнье поставить эти границы даетъ въ результатѣ лишь меньшее количество невыгодъ, всегда неизбѣжныхъ при искусственномъ дробленіи историческаго развитія. Поэтому, хотя можно привести довольно много соображеній за выдѣленіе XVII вѣка при изученіи экономическаго развитія, а также финансовой организаціи Московскаго государства, но и при этомъ нѣтъ возможности избѣжать указанныхъ неудобствъ. Не избѣжалъ ихъ и авторъ, невыгоды котораго усугублялись еще съ той стороны что онъ не имѣлъ передъ собой такой детальной разработки предшествующихъ эпохъ, какую онъ далъ для XVII вѣка. Народно-хозяйственная жизнь и финансовая организація въ XVI вѣкѣ еще ждутъ

изслѣдователей, которымъ изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго окажетъ не мало значительныхъ услугъ.

Все это обширное изслѣдованіе дѣлится на пять главъ и обширное „введеніе". Въ этомъ введеніи разсматриваются вопросы о происхожденіи и развитіи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII вѣка (стр. 1 — 18), о попыткахъ упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII вѣка (стр. 18—30) и о терминологіи и классификаціи прямыхъ налоговъ (30—44). Въ первой главѣ (44—179) разсматриваются податные классы по двумъ отдѣламъ: въ первомъ идетъ рѣчь о распредѣленіи податнаго бремени между отдѣльными классами населенія, во второмъ же подробно разбираются классы тяглаго населенія и ихъ взаимоотношеніе, а именно: 1) крестьянская община, 2) посадская община, 3) вліяніе правительства на составъ тяглой общины и 4) борьба тяглыхъ интересовъ городскаго (точнѣе посадскаго) и сельскаго населеній. Вторая глава посвящена вопросу о раскладкѣ податей. Здѣсь, въ отдѣлѣ первомъ, излагаются вопросы о правительственномъ окладѣ и способахъ его составленія, а именно о народныхъ переписяхъ (179—219), объ измѣреніи податныхъ объектовъ податною единицей (219—262) и, наконецъ, о составленіи окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ (262—282). Во второмъ отдѣлѣ разбирается мірская раскладка (282—318), то-есть, разводъ и разрубъ податей въ уѣздѣ и на посадѣ. Взиманіе податей составляетъ тему главы третьей (318—362), гдѣ особо разбираются: 1) дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія и 2) областной администраціи. Въ четвертой главѣ, озаглавленной—„особенности въ отправленіи нѣкоторыхъ податныхъ обязанностей", идетъ рѣчь о главнѣйшихъ видахъ какъ личныхъ повинностей (362—402), такъ и натуральныхъ сборовъ (402 — 442). Наконецъ, въ пятой главѣ разсмотрѣнъ порядокъ въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ (442 — 501). Изслѣдованіе заканчивается небольшимъ заключеніемъ, въ которомъ дается общая характеристика и опредѣляется значеніе разсмотрѣнной организаціи прямаго обложенія. Книга снабжена одиннадцатью приложеніями; между ними особенно любопытны: III—о населенности крестьянскаго и посадскаго двора; V — о податныхъ единицахъ, служившихъ въ XVII вѣкѣ для измѣренія недвижимыхъ имуществъ; VIII — о живущей четверти и четвертномъ счетѣ; IX—о гостиномъ окладѣ стрѣлецкой подати 1681 г., и XI — представляющее списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ главнѣйшихъ центральныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства.

Не всѣ отдѣльныя части труда являются въ одинаковой мѣрѣ оригинальными. Первое мѣсто по новизнѣ матеріаловъ и выводовъ занимаетъ безспорно глава вторая, являющаяся самой обширной. И въ прочихъ отдѣлахъ читатель найдетъ много новыхъ фактовъ, познакомится съ подробностями правительственныхъ и общественныхъ порядковъ, хотя и описанныхъ раньше, но еще не обслѣдованныхъ такъ всесторонне, какъ это сдѣлано авторомъ. По многимъ, однако, затронутымъ вопросамъ онъ имѣлъ весьма почтенныхъ предшественниковъ. Если съ одной стороны труды Б. Н. Чичерина, В. И. Сергѣевича, В. О. Ключевскаго доставили автору возможность такъ подробно разобрать положеніе и взаимныя отношенія податныхъ классовъ, то съ другой стороны и труды по исторіи мѣстнаго управленія того же Б. Н. Чичерина, Градовскаго, Калачева и др. помогли автору не только нарисовать картины мѣстнаго финансоваго управленія, но и представить организацію центральныхъ финансовыхъ учрежденій. Такъ, вопросъ о финансовомъ значеніи четей или областныхъ приказовъ уже былъ значительно выясненъ Градовскимъ, который первый, кажется, далъ и списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ разныхъ четяхъ. Дѣятельность органовъ приказнаго управленія и земскаго самоуправленія въ сферѣ финансовой была уже обрисована въ диссертаціяхъ двухъ первыхъ изъ только-что указанныхъ ученыхъ, а исторіи прямыхъ податей и личныхъ повинностей не разъ касались какъ названные авторы сочиненій по исторіи русскихъ финансовъ, такъ и только-что упомянутые писатели по исторіи мѣстнаго управленія. Но по всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ разбираемаго изслѣдованія вовсе не ограничился простымъ сводомъ добытыхъ выводовъ; онъ очень часто дополняетъ эти выводы, даетъ новое освѣщеніе фактамъ, освѣжаетъ выводы новымъ матеріаломъ и иногда существенно ихъ исправляетъ.

Вышеуказанная система распредѣленія матеріала въ общемъ представляется совершенно естественной. Впрочемъ, для читателя, быть можетъ, было бы удобнѣе сначала ознакомиться съ различными видами податей и повинностей, а затѣмъ уже оцѣнить мѣры правительства относительно упрощенія системы прямыхъ сборовъ. Между тѣмъ о главнѣйшихъ видахъ личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ читатель подробно узнаетъ лишь изъ четвертой главы, выдѣленіе которой тѣмъ менѣе понятно, что, за исключеніемъ ясачнаго сбора, въ отправленіи личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ, здѣсь разсмотрѣнныхъ, замѣчаются весьма не существенныя особенности,

кромѣ развѣ того, что для личныхъ повинностей, пока онѣ не замѣнялись денежными сборами, вмѣсто порядка взиманія существовалъ порядокъ отбыванія. Къ тому же у читателя могутъ возникнуть недоумѣнія относительно того, почему описанный во II и III главѣ порядокъ раскладки и взиманія можетъ считаться общимъ, между тѣмъ какъ онъ примѣнялся лишь къ менѣе значительнымъ сборамъ, ибо въ IV главѣ перечислены самые крупные и тяжелые для населенія сборы и повинности, при отбываніи которыхъ существовали нѣкоторыя особенности. Правда, въ первомъ отдѣлѣ введенія авторъ даетъ очеркъ возникновенія и развитія главнѣйшихъ видовъ податей и повинностей до XVII вѣка, но не предлагаетъ даже простаго перечня всѣхъ ихъ видовъ, существовавшихъ въ XVII вѣкѣ. Историческій же очеркъ въ иныхъ случаяхъ могъ бы быть пополненъ, а иногда и исправленъ. Такъ, относительно полоняничныхъ денегъ слѣдуетъ замѣтить, что о выкупѣ плѣнныхъ русскими князьями упоминается впервые не въ договорной грамотѣ великаго князя Семена съ братьями 1341 г., а столѣтіемъ раньше. Въ лѣтописи подъ 1246 годомъ замѣчено, что великій князь Александръ „много злата и сребра издава на плѣнникѣхъ, искупая отъ безбожныхъ татаръ“ (П. С. Р. Л., V, 186). Правильные же сборы полоняничныхъ денегъ возникли именно въ половинѣ XVI вѣка, и это не только „вѣроятно“, какъ думаетъ авторъ, но совершенно достовѣрно, такъ какъ на Стоглавомъ соборѣ постановлено: „сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли, чей кто ни буди, всѣмъ ровно“ (Стоглавъ, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 333—334).

Мы не нашли у автора никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, когда и въ какой формѣ возникъ сборъ на жалованье стрѣлецкому войску. Принятое авторомъ предположеніе В. И. Сергѣевича о первоначальномъ составѣ этого войска и ссылка на то, что еще въ началѣ XVII вѣка оно получало кормъ изъ дворца отъ дворецкаго, отнюдь не рѣшаютъ дѣла, ибо это кормовое жалованье, конечно, получалось только московскими стрѣлецкими приказами. Между тѣмъ исторія одного изъ главнѣйшихъ въ XVII вѣкѣ сборовъ должна бы найдти мѣсто въ изслѣдованіи автора тѣмъ болѣе, что этотъ сборъ играетъ такую видную роль въ исторіи попытокъ податнаго объединенія. И мы вовсе не вынесли, какъ авторъ, того убѣжденія, что „эта попытка едва ли не кончилась такъ-же неудачно“, какъ и соляная реформа. Приводимые авторомъ факты указываютъ лишь на то, что новый окладъ стрѣлецкой подати былъ уменьшенъ, но въ пре-

образованномъ видѣ она все же просуществовала до Петровскихъ реформъ (стр. 28—30).

Подробнѣе останавливается авторъ на вопросѣ о возникновеніи оброка, его видахъ и отношеніи къ дани и таглу [1]). Къ сожалѣнію, объ этомъ говорится въ трехъ мѣстахъ введенія (стр. 2, 18—23, 35—40), такъ что читатель не сразу получаетъ цѣльное понятіе о мнѣніяхъ автора по этому предмету. Если мы вѣрно усвоили соображенія автора, то, по его мнѣнію, исторія возникновенія государственнаго оброка съ такъ-называемыхъ позднѣе оброчныхъ статей и оброка за дань шла однимъ и тѣмъ же путемъ: оброкъ, замѣняющій разные виды дани, выросъ, какъ льгота, на почвѣ частно-хозяйственнаго оброка, замѣнявшаго въ иныхъ случаяхъ болѣе тягостное по размѣрамъ тагло съемщиковъ черныхъ и посадскихъ земель. Но такое объясненіе едва ли можетъ быть принято. Оброкъ за дань, какъ и оброкъ за „намѣстничь кормъ“, являются совершенно особыми видами оброка, не имѣющими связи съ частно-хозяйственнымъ оброкомъ и оброкомъ съ различныхъ хозяйственныхъ угодій и промысловъ,—и, быть можетъ, болѣе справедливо мнѣніе изслѣдователей, полагающихъ, что уже въ древнее время оброкомъ называлась регулированная дань. Въ такомъ смыслѣ оброкъ не можетъ быть противополагаемъ таглу: онъ является или его составной частью, или замѣняетъ собою всѣ составныя части тягла; отсюда и терминъ—„оброчное тягло“.

Интересно составленная первая глава о податныхъ классахъ вызываетъ, однако, нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ, едва ли не рискованнымъ является утвержденіе автора, будто „было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглой общины, такъ какъ повидимому не тянули тягла“ (стр. 104). Такое утвержденіе представляется мало вѣроятнымъ уже a priori, въ виду широкой распространенности этой формы поземельныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ районахъ древней Руси, гдѣ при освобожденіи половниковъ отъ тягла большая часть земледѣльческаго населенія оказалась бы не тяглой. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ условія

---

[1]) Кстати слѣдуетъ исправить одинъ недосмотръ автора относительно татарской дани: извѣстное условіе о томъ, что если Богъ перемѣнитъ Орду, то дань идетъ въ казну договаривающихся сторонъ,—встрѣчается впервые не при Василіи Дмитріевичѣ, а еще при Дмитріи Донскомъ, въ договорѣ его съ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года, и повторяется въ его завѣщаніи. С. Г. Г. и Д. I, стр. 56 и 61.

одной порядной конца XVI вѣка, въ которой сказано, что „дань и оброкъ и всякіе государевы разметы ватаманскіе“ землевладѣлецъ платитъ „мимо половника“. Допустимъ, что фактъ истолкованъ вѣрно (мы лишены возможности его провѣрить, такъ какъ акты, откуда онъ почерпнутъ, еще не вышли въ свѣтъ). Но что же значитъ одинъ фактъ при изслѣдованіи общественныхъ отношеній? И этому факту можно противопоставить два другихъ. Въ новгородской грамотѣ великому князю Василію Васильевичу на черный боръ эта дань опредѣлена въ размѣрахъ „съ сохи по гривнѣ по новой“ по всѣмъ новоторжскимъ волостямъ. Здѣсь при опредѣленіи размѣровъ сохи между прочимъ сказано: „а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи“. Другой примѣръ: въ жалованной грамотѣ тверскихъ князей Отрочю монастырю объ освобожденіи монастырскихъ сиротъ отъ княжескихъ даней и пошлинъ между прочимъ сказано: „придетъ къ намъ коли изъ Орды посолъ силенъ, а не мочно будетъ его опровадити, ино тогды архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку тверскими кунами“ (А. А. Э. I, №№ 32 и 34). Отсюда совершенно очевидно, что лишь по жалованной грамотѣ сироты и половники освобождаются отъ тягла; въ обычномъ порядкѣ они—тяглые люди. Такъ было въ половинѣ XV вѣка и то же констатируетъ А. С. Лаппо-Данилевскій и для XVII вѣка, когда половники тянутъ тягло, платятъ „по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы и службы служатъ“ (стр. 105). Нѣтъ сомнѣнія, что аналогичные факты найдутся и для XVI вѣка. Но автора смутили условія порядной, и онъ, вопреки обычной своей осторожности, даже предлагаетъ гипотезу превращенія половниковъ изъ разряда нетяглыхъ въ тяглецовъ. Нечего говорить, что такая гипотеза по меньшей мѣрѣ преждевременна.

Второе недоумѣніе можетъ вызвать не точно, быть можетъ, формулированное различіе между членами крестьянской общины: крестьянами въ узкомъ смыслѣ и бобылями. Различіе это, заключающееся въ размѣрахъ и характерѣ хозяйства, авторъ сводитъ къ двумъ признакамъ: 1) бобыли имѣли обыкновенно недостаточное количество земли или вовсе ея не имѣли, крестьяне же всегда владѣли пашенными участками; 2) бобыли нерѣдко занимались черною работою и мелкими промыслами, крестьяне же, если и занимались промыслами и торговлей, то скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недостатка средствъ (стр. 101). На сколько безспорнымъ является первый признакъ различія, на столько сомнительнымъ и, можно прямо сказать, не вѣрнымъ

оказывается второй. Крестьяне, занимающіеся промыслами и торговлей лишь отъ избытка средствъ, составляли рѣдкое исключеніе какъ въ то отдаленное время, такъ и въ наши дни. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ занятіе промысломъ въ крестьянскомъ быту служитъ и теперь важнымъ подспорьемъ земледѣльческому хозяйству. То же самое явленіе, но только, быть можетъ, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, наблюдается со временъ заселенія центральной Руси южнорусскими колонизаторами. Вотъ какъ рисуетъ ихъ бытъ В. О. Ключевскій: „Пришлое населеніе, занимавшее эти полосы, было земледѣльческое, но въ каждой изъ нихъ была какая-нибудь мѣстная природная особенность, открывалось какое-нибудь угодье, разработка котораго, служа подспорьемъ къ скудному хлѣбопашеству на верхневолжскомъ суглинкѣ, становилась основаніемъ экономическаго быта всего географическаго округа, сообщала ему особый промышленный типъ. Такъ возникали разнообразные мѣстные промыслы бортниковъ, огородниковъ, садовниковъ, рыболововъ, звѣрогоновъ, лыкодеровъ и т. п. Эти промыслы издавна составляли характеристическую особенность центральной Великороссіи и только съ недавняго времени стали падать подъ давленіемъ фабричной централизаціи промышленности" [1]).

Самая цѣнная въ изслѣдованіи вторая глава рельефнѣе отражаетъ на себѣ и невыгоды положенія автора, которому приходилось оперировать надъ матеріаломъ XVII вѣка, не имѣя подготовленной почвы въ изслѣдованіяхъ о предшествующихъ эпохахъ. Хотя онъ и даетъ нѣсколько историческихъ замѣчаній о развитіи и цѣляхъ переписей въ древней Руси, но онъ не могъ, конечно, прослѣдить подробностей въ постановкѣ и измѣненіяхъ поземельнаго кадастра и народосчисленія до XVII вѣка. Едва ли даже авторъ имѣлъ достаточныя данныя для предположенія, что московскія переписи сложились самостоятельно на русской почвѣ. То обстоятельство, что эти переписи „принадлежатъ слишкомъ позднему времени", еще не даетъ никакихъ основаній къ выводу, будто нельзя „приписать ихъ непосредственному вліянію Византіи" (стр. 180). Интенсивность византійскихъ вліяній вовсе не ослабѣла къ XVI вѣку, а даже, наоборотъ скорѣе усилилась съ половины XV вѣка. Первыя же достовѣрныя извѣстія о московскихъ переписяхъ восходятъ ко второй половинѣ XIV вѣка. По какимъ же соображеніямъ авторъ, повидимому, скло-

[1]) Боярская дума, изд. 2-е, стр. 88.

нenъ отрицать возможность непосредственныхъ византійскихъ вліяній въ этой сферѣ? Впрочемъ, въ примѣчаніи къ указанному мѣсту онъ значительно смягчаетъ категоричность своего положенія: „византійскіе порядки (говорится здѣсь) могли, конечно, имѣть вліяніе; но опредѣлить размѣры такого вліянія крайне трудно, такъ какъ нельзя же сходство непремѣнно объяснять заимствованіемъ". Но при допущеніи такого рода возможности едва-ли было бы послѣдовательно защищать предположеніе о самостоятельномъ возникновеніи и развитіи московскихъ переписей.

Въ подробности этого дѣла XVI вѣкъ привнесъ, конечно, не мало новшествъ и, вѣроятно, тутъ только были регулированы многія детали описей, такъ что можно было даже составить общій наказъ для писцовъ. Онъ былъ выработанъ, повидимому, на Стоглавомъ соборѣ, на что намекаетъ одно изъ постановленій, не вошедшихъ въ Стоглавъ. Царь приговорилъ „писцовъ послати во всю свою землю писати и смѣтити.... земли всякіе, чьѣ ни буди, а мѣрити пашенная земля и не пашенная, и луги, и лѣсъ, и всякія угодья смѣчати и писати, рѣки, и озера, и пруды, и оброчные ловли, и колы, и сѣжи, и борти, и перевѣсы, и мыта, и мосты, и перевозы, и рядки, и торговища, и погостьцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и въ книгахъ то все поставити"[1]). Отсюда вскрывается и значеніе первыхъ извѣстныхъ писцовыхъ наказовъ 1551 года, о которыхъ вслѣдъ за Неволинымъ упоминаетъ и А. С. Лаппо-Данилевскій.

Прекрасно уяснивъ значеніе писцовыхъ наказовъ и на ряду съ ними сошныхъ книгъ, авторъ даетъ и тонкое различіе между видами писцовыхъ книгъ въ XVII вѣкѣ. Но читатель не найдетъ здѣсь отвѣта на вопросъ, возникло ли это различіе только въ XVII вѣкѣ и видоизмѣнились ли пріемы описаній съ XVI вѣка. Не имѣя въ рукахъ подготовленнаго матеріала, авторъ и не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Упрекать его за это было бы не справедливо.

Скорѣе можно его упрекнуть за то, что онъ иногда рѣшается дѣлать обобщенія за предшествующее время, едва-ли имѣя къ тому достаточныя данныя. Такъ, въ вопросѣ о соотношеніи податныхъ единицъ автору пришлось коснуться различія между сохой и вытью. Между тѣмъ въ XVII вѣкѣ это различіе, какъ показалъ авторъ, сгладилось: выть, какъ окладная единица, является соизмѣримой съ сохой. Авторъ думаетъ, однако, что этимъ было измѣнено первона-

---

[1]) *И. Ждановъ*, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876 г., іюль, стр. 64.

чальное значеніе выти. Въ чемъ же оно заключалось? Объясненіе этого значенія для XVI вѣка авторъ цѣликомъ заимствуетъ у Бѣляева, приводя длинную выписку изъ его статьи о доходахъ Московскаго государства [1]). Но какъ объясненія Бѣляева, такъ и толкованія на него автора едва ли удовлетворятъ читателей — прежде всего вслѣдствіе неудобопонятности (стр. 228—229): мы, напримѣръ, совершенно отказываемся понять, какимъ образомъ при вытномъ письмѣ сливались субъектъ и объектъ налога и въ то-же время податной источникъ въ значительной мѣрѣ совпадалъ съ основой измѣренія оклада, какъ не понимаемъ и того, какимъ образомъ живущая четверть сливала податной источникъ съ податной единицей (стр. 256), приближаясь, слѣдовательно, по своему окладному значенію къ выти XVI вѣка. Но возникновеніе особой финансовой единицы—„живущей четверти"—наряду съ сохой разъяснено авторомъ совершенно удовлетворительно (стр. 242—245). Но зачѣмъ могъ понадобиться въ XVI вѣкѣ счетъ одной и той-же земли сохами и вытями одновременно, если обѣ эти единицы имѣли только окладное значеніе,—представляется совершенно не понятнымъ. Это не ясно и автору, который замѣчаетъ, что совмѣстный счетъ одной и той-же земли тѣмъ и другимъ способомъ въ однихъ и тѣхъ же правительственныхъ актахъ показываетъ, какъ шатко поставленъ былъ вопросъ о самыхъ основныхъ принципахъ податной системы въ XVI вѣкѣ. Но, быть можетъ, вина за постановку вопроса должна пасть не на Московское правительство, а на автора, который безъ достаточныхъ основаній приписалъ выти главнымъ образомъ окладное значеніе, тогда какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, первоначальное значеніе выти было раскладочное. По крайней мѣрѣ еще въ XVII вѣкѣ, какъ утверждаетъ авторъ, „обычай продолжалъ придавать выти характеръ скорѣе раскладочной единицы, которая правительствомъ превращена была въ окладную" (стр. 230). На этой почвѣ и слѣдуетъ, кажется, разъяснять значеніе выти въ XVI вѣкѣ.

Заканчивая на этомъ наши замѣчанія, мы отнюдь не исчерпали ихъ и думаемъ, что изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, какъ и всякая обширная работа надъ мелкимъ фактическимъ матеріаломъ, можетъ вызвать не мало замѣчаній и возраженій еще и другаго рода,

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что большая часть этой не оконченной печатаніемъ статьи является дословной перепечаткой другой статьи *Бѣляева* „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ". Сравн. *Временникъ*, кн. XI, стр. 1—73, и *Чтенія Общ. Ист. и Древн.* 1884 г., кн. IV, и 1885 г., кн. I и II, стр. 47—115.

которыя тѣмъ не менѣе не могутъ умалить общее значеніе этого капитальнаго труда.

Въ заключеніе, однако, позволимъ себѣ попенять автору за невыдержанность въ иныхъ случаяхъ исторической терминологіи. Онъ, напримѣръ, говоритъ о „задворныхъ" холопахъ чуть не съ XII вѣка, тогда какъ до XVII вѣка можно говорить лишь о холопахъ страдникахъ и ремесленникахъ, населяющихъ людскія деревни, а отнюдь не о задворныхъ холопахъ (стр. 1—3, 12). Не вѣрно употреблено и выраженіе „отбыть тягла" въ смыслѣ уклоненія отъ него (стр. 55); отбыть тягло значитъ его выполнить, а уклоненіе отъ тягла выражается терминомъ „избыть тягла". Правильно авторъ замѣтилъ о кабальномъ холопствѣ, что „оно не переносилось ни съ той, ни съ другой стороны на третьихъ лицъ"; поэтому оно и не могло „раздѣляться" родившимися въ холопствѣ дѣтьми холопа, но возникало по отношенію къ нимъ самостоятельно, ибо они становились холопами „не въ силу наслѣдственности холопства, а въ силу давности безкабальной службы, которая обязательно закрѣплялась особой кабалой" (стр. 146). Два раза авторъ утверждаетъ, что бѣглые крестьяне наказывались „по принципу групповой отвѣтственности" (стр. 142 и 161) и совершенно напрасно, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что недавняя попытка опредѣлить юридическую природу и историческое значеніе групповой отвѣтственности едва-ли имѣла успѣхъ. Примѣненіе наказанія къ бѣглымъ тяглецамъ служитъ только новымъ подтвержденіемъ тому, что древняя Русь не знала групповой отвѣтственности.

М. Дьяконовъ.

Греко-болгарскій церковный вопросъ.

И. Е. Троицкій. Церковная сторона болгарскаго вопроса. С.-Пб. 1888.

Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе *В. Теплова*. Императорскою Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго почетнаго отзыва. С.-Пб. 1889.

Греко-болгарскій церковный вопросъ. Отвѣтъ М. Филиппову. *А. Попова.* С.-Пб. 1889.

Новѣйшій греко-болгарскій церковный вопросъ, по своему происхожденію, конечно, имѣетъ аналогіи и корни въ прошедшемъ, а съ другой стороны, онъ развивался подъ дѣйствіемъ политическихъ причинъ.

Но никакъ нельзя утверждать, что онъ и возникъ только вслѣдствіе этихъ причинъ или подъ исключительнымъ вліяніемъ старыхъ воспоминаній, наслѣдованныхъ отъ прошлаго. Онъ возникъ вслѣдствіе духовно-нравственныхъ потребностей народа и уже въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи сталъ на политическую почву. Существованіе этихъ потребностей заявлено было неоднократно, между прочимъ, въ слѣдующихъ выразительныхъ и нѣсколько рѣзкихъ словахъ болгарина: „Въ послѣднее время, когда турки стали ослабѣвать, правительство ихъ съ большею силою, нежели прежде, старается имѣть въ высшемъ православномъ духовенствѣ опору себѣ для удержанія христіанъ въ рабской покорности. Поэтому архіерейскія каѳедры оно часто продаетъ, безъ согласія народа, и, къ несчастію, такимъ людямъ, которые своимъ поведеніемъ унижаютъ духовный санъ, нисколько не пекутся о поддержаніи православія, а стараются добраться до высшихъ духовныхъ степеней только для того, чтобы, подобно туркамъ, обирать народъ. Такіе люди, чуждые народу и по языку и по народности, безъ сочувствія къ нуждамъ нашимъ, приходятъ къ намъ не съ душевнымъ утѣшеніемъ въ горестяхъ нашихъ, но для того, чтобы умножить страданія наши. Они, какъ турецкіе соглядатаи, слѣдятъ за всѣми нашими дѣйствіями и ищутъ предлога, чтобы придраться къ намъ и выручить что-нибудь для себя, или выдаютъ насъ туркамъ безвинно, чтобы показаться въ глазахъ ихъ вѣрными и услужливыми. Нѣкоторые изъ нихъ своими кознями выводятъ народъ изъ терпѣнія“ [1]). Между тѣмъ „мы лишены всякаго образованія, и пребываемъ во тьмѣ духовной; въ городахъ и селахъ нашихъ нѣтъ никакихъ общественныхъ заведеній, и каждый долженъ бороться съ неудобствами, какъ знаетъ, не ожидая ниоткуда ни пособія, ни облегченія“ [2]). Эти причины слишкомъ важны, и нельзя обвинять безусловно болгаръ за ихъ отношенія къ константинопольской патріархіи и вообще къ фанаріотамъ въ церковномъ вопросѣ, извѣстномъ подъ названіемъ греко-болгарскаго. Болгары, желая предохранить себя отъ тѣхъ злоупотребленій въ церковной администраціи, какія допускало греко-фанаріотское духовенство, потребовали, чтобы ихъ духовные были свои болгары, которые бы совершали службу Божію и учили ихъ на своемъ родномъ языкѣ. Эти требованія, слѣдо-

---

[1]) Письма изъ Болгаріи, писанныя *Н. Г.* Переводъ съ болгарскаго. Одесса. 1854, стр. 44.

[2]) Тамъ-же, стр. 45.

вательно, явились не вслѣдствіе историческихъ припоминаній, но какъ необходимость, вытекающая изъ дѣйствительныхъ нуждъ народа болгарскаго. Историческія припоминанія явились впослѣдствіи, при обсужденіи вопроса; причемъ оказалось, что этотъ вопросъ—явленіе довольно давнишнее, что это есть продолженіе борьбы между греками и болгарами, начавшейся со времени появленія послѣднихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ эти припоминанія сдѣлала не жизнь, а скорѣе это было—отвлеченіе, сдѣланное учеными и самими греками, на основаніи данныхъ вопроса и исторіи болгаръ и грековъ. Припоминанія ученыхъ были скорѣе историческими справками, чѣмъ указаніями, изъ которыхъ можно было бы строить какіе-было практическіе выводы. Впрочемъ нужно замѣтить, что историческія припоминанія грековъ дѣлались нѣсколько съ иною цѣлью, именно—доказать, что болгары не заслуживаютъ того, чтобы ихъ требованія были уважены и удовлетворены [1]). Правда, и болгары съ своей стороны выставляли историческія основанія своимъ правамъ; но поиски за этими основаніями были направлены совсѣмъ не туда, гдѣ бы можно было надѣяться ихъ найдти. Въ своихъ домогательствахъ болгары опирались на правахъ охридской архіепископіи [2]), которая въ сущности имѣла весьма малое отношеніе къ церковной автономіи у болгарскаго народа [3]). На охридскую архіепископію перенесены были права Первой Юстиніаны, и такимъ образомъ самостоятельность ея имѣла совсѣмъ другія основанія, чѣмъ самостоятельность терновской патріархіи, и она существовала совершенно независимо какъ отъ послѣдней, такъ почти и отъ константинопольской до 1767 года, когда охридская архіепископія была уничтожена подобно тому, какъ уничтожена была и сербская печская патріархія въъ 1765 году. Нельзя сказать, чтобы охридская архіепископія носила какой-либо націо-

---

[1]) Всего лучше вожделѣнія грековъ высказаны въ греческой брошюрѣ, вышедшей въ Константинополѣ въ 1864 году: Ὁ βουλγαρισμὸς πρὸ τοῦ ἱστορικοῦ, τοῦ ἐθνοπολιτικοῦ καὶ τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ. Ὑπὸ Ε. κ. λ. δ.

[2]) Подробно объ этомъ въ „Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχριδῶν καὶ Πεκίου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1869, стр. 1—56; болгарскій переводъ *Н. Михайловскаго*: „Историческы изслѣдованія за Охридската и Ипекската архіепископія. Цариградъ. 1869, стр. 1—61; — и затѣмъ въ „За Юстиніановы права на охридска архіепископія, или за църковна независимость и самостоятельность на охридско-българско священноначаліе“ (Митрополита *Нааанаила*, бывшаго охридскаго, нынѣ намѣстника болгарскаго экзарха въ ловчанской епархіи). Цариградъ. 1873.

[3]) Δήμιτσα, Τὰ περὶ τῆς αὐτοκεφάλου ἀρχιεπισκοπῆς τῆς πρώτης Ἰουστινιάνης Ἀχρίδος καὶ Βουλγαρίας. Ἐν Ἀθην. 1859, стр. 26—40.

нальный характеръ; она всегда была, можно сказать, греко-славянскою,—преобладаніе того или другаго элемента зависѣло отъ народности и энергіи лица, занимавшаго въ то или другое время архіепископскій престолъ [1]). Впрочемъ, здѣсь въ ошибку впали и нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, напримѣръ И. Е. Троицкій, авторъ первой разбираемой здѣсь книжки (стр. 87). Между тѣмъ патріархъ Досиеей въ своей „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ" (Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. Ἐν Βουκουρεστίῳ. 1715, стр. 1153) прямо указываетъ на время уничтоженія терновской патріархіи. Онъ, между прочимъ, говоритъ: „Іераксъ, великій логоѳетъ, жившій въ 7080 (1572) году, замѣчаетъ, что послѣ завоеванія турками Константинополя былъ собранъ синодъ (σύνοδος) въ Константинополѣ, и на этомъ синодѣ было высказано, что не хорошо, что императоры пожелали, чтобы нѣкоторыя епархіи были независимы. И такъ какъ тогда церковь не могла воспротивиться императорамъ, то поэтому теперь весьма кстати подчинить константинопольскому престолу и Охриду, и Ипекъ (Печь), и Терново (Τόρνοβον), и такимъ образомъ были посвящены для нихъ архіепископы и митрополиты. Терново осталось подчиненнымъ. Два же другіе архіепископа, обѣщавъ султану особую дань, смогли вслѣдствіе внѣшнихъ насилій (τῇ ἐξωτερικῇ βίᾳ) сохранить свой древній образъ".

Вотъ исходный пунктъ обсужденія вопроса съ точки зрѣнія историческихъ правъ. Здѣсь слѣдуетъ рѣшить, на сколько былъ компетентенъ константинопольскій синодъ (даже не соборъ) рѣшить вопросъ въ желательномъ ему смыслѣ о самостоятельности терновской патріархіи и другихъ балканскихъ автокефальныхъ церквей, и какія были къ этому причины. Но ни болгары, ни греки на эту сторону вопроса не обратили вниманія. Напротивъ, споръ обострился до того, что къ рѣшенію его приступили другія силы, совершенно чуждыя и истиннымъ интересамъ обоихъ народовъ, и христіанству, и завершился пока провозглашеніемъ болгарской схизмы, или болгарскаго раскола, на константинопольскомъ соборѣ 1872 года. Явленіе весьма печальное въ православной церкви! Греки, провозглашая эту схизму, руководились, разумѣется, не чисто христіанскими началами и даже не каноническими потребностями или необходимостью, а своекорыстными цѣлями, а главное—тою враждою, которую искони они питали къ

[1]) Ср. *Викторова*, Собраніе рукописей В. И. Григоровича. М. 1879, стр. 20—21.

болгарамъ. Правда, и болгары не безгрѣшны. Но не нужно забывать, что послѣдніе подвергались сильному искушенію и вводимы были въ соблазнъ со стороны враговъ православія. Наконецъ, греки должны, какъ и мы, помнить, что болгары—народъ весьма упорный и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма гибкій въ тѣхъ случаяхъ, когда домогаются правъ или выгодъ; исторія доказала, что они способны для своихъ выгодъ, не задумываясь, пожертвовать самыми священными предметами и дѣлами и пойдти на самые не благовидные компромиссы. Современныя намъ обстоятельства и событія служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Такъ было во все время ихъ самостоятельной исторіи, когда то или другое ихъ положеніе было для нихъ не выгодно или не удобно. Съ другой стороны, греко-болгарскій церковный споръ доказываетъ самымъ яснымъ образомъ, до какой степени опасно допускать руководительство свѣтскихъ людей въ церковныхъ дѣлахъ; свѣтскіе непремѣнно внесутъ въ церковныя и вообще духовныя дѣла чуждые послѣднимъ элементы. Можно съ полною увѣренностью сказать, что, не будь рѣшающаго вмѣшательства свѣтскихъ въ этомъ дѣлѣ, споръ, навѣрно, не дошелъ бы до конца, какимъ онъ завершился. Они, и въ особенности со стороны грековъ, сразу поставили вопросъ на почву исконной борьбы греко-болгарской.

Какъ упорна была эта борьба съ самаго ея начала и до какихъ результатовъ она доходила при различныхъ ея фазисахъ,—до рельефности ясно показываетъ это профессоръ И. Е. Троицкій въ своей рѣчи, приготовленной для торжественнаго акта С.-Петербургскаго университета въ 1887 году; она озаглавлена „Церковная сторона болгарскаго вопроса". Суть вопроса заключается въ слѣдующемъ: „Болгарскій вопросъ на церковной почвѣ возникъ за тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Долгое время онъ считался исключительно церковнымъ вопросомъ и рѣшался съ церковной точки зрѣнія, хотя въ дѣйствительности съ самаго начала его возникновенія онъ былъ столько же церковнымъ, сколько и политическимъ,—каковой характеръ удерживаетъ и до настоящаго времени" (стр. 1). Но благодаря обращенію перваго христіанскаго болгарскаго князя Бориса къ папѣ Николаю I (858—867 гг.), вопросъ возбудилъ цѣлый рядъ недоразумѣній между римской и константинопольской церквами. „Такимъ образомъ болгарскій вопросъ въ самомъ началѣ своего возникновенія получилъ междуцерковный характеръ, какъ вопросъ спорный между восточной и западной церквами" (стр. 3), или просто между востокомъ и западомъ. Чтобы доказать свою мысль, профессоръ Троицкій

разбираетъ церковныя событія IX вѣка въ Византіи, указывая роль той и другой церкви въ этомъ вопросѣ, ихъ характеръ и направленіе и цѣль, къ которымъ стремились одна и другая. Въ результатѣ борьбы оказалось, что „Болгарія на цѣлые вѣка вступила въ сферу вліянія Византіи. Но это вліяніе было для нея гораздо менѣе стѣснительно, чѣмъ вліяніе Рима. При томъ въ перспективѣ открывалась ей возможность не только политической, но и церковной самостоятельности относительно Византіи,—чего она и дѣйствительно достигла въ XIII вѣкѣ, но чего никогда не могла бы она добиться отъ Рима" (стр. 25). Многое измѣнилось съ того времени. Произошло раздѣленіе церквей на восточную и западную. Востокъ представляетъ цѣлую группу автокефальныхъ церквей и независимыхъ государствъ. Съ церковной стороны „ихъ взаимныя отношенія опредѣляются формулой: полная свобода во внутреннихъ дѣлахъ и полная солидарность во внѣшнихъ отношеніяхъ къ инославнымъ церквамъ и церковнымъ общинамъ. Ихъ девизомъ служитъ единеніе духа въ союзѣ мира" (стр. 27). На западѣ римская церковь, сохранившая прежнія притязанія на единоличное представительство вселенской церкви и на всемірное владычество во имя этого представительства, должна раздѣлить свое вліяніе съ цѣлою группою протестантскихъ церквей и церковныхъ общинъ, возникшихъ послѣ реформаціи, которыя положили конецъ ея монополія на церковное представительство и соперничаютъ съ ней въ пропагандѣ христіанства во всемъ мірѣ. Какъ слѣдствіе, отсюда вытекаетъ, „что западныя государства перестали быть орудіями для защиты и осуществленія ея исключительныхъ интересовъ и цѣлей, а пользуются ею, какъ орудіемъ, для достиженія своихъ цѣлей" (стр. 28). При такой обстановкѣ въ наше время „снова возникъ болгарскій вопросъ и опять въ смыслѣ спорнаго между востокомъ и западомъ. Онъ сводится къ тому, оставаться ли Болгаріи по прежнему въ группѣ восточныхъ государствъ и церквей, или выступить изъ этой группы и присоединиться къ западу, какъ въ свое время сдѣлала Великая Моравія?" (стр. 24). Началась опять сильная борьба, которая возникла сначала на церковной почвѣ. „Возникла она на этотъ разъ первоначально между Болгаріей и константинопольскою церковью и возникла изъ-за того, что Болгарія пожелала въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, возвратить себѣ церковную автокефальность. Но константинопольская церковь, вмѣсто удовлетворенія этого желанія, обвинила болгаръ въ филитизмѣ и на константинопольскомъ соборѣ 1872 года

объявила ихъ состоящими въ схизмѣ. Формально она была права, такъ какъ, по общему ходу развитія церковной и политической жизни на востокѣ, двѣ самостоятельныя церкви въ предѣлахъ одного государства представлялись аномаліей и лишь тотъ народъ получалъ право на автокефальную церковь, который имѣлъ самостоятельное государство, хотя въ данномъ случаѣ приравненіе Турецкой имперіи къ Византійской страдало очевидной неточностью. Отношенія между церковью и государствомъ въ Турціи были совсѣмъ другія, чѣмъ въ Византійской имперіи" (стр. 29). Но даже и съ формальной стороны признать грековъ правыми едва-ли возможно уже потому, что существуютъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи четыре патріаршества самостоятельныхъ и двѣ-три самостоятельныхъ же церкви. Къ этому можно указать и положеніе православныхъ церквей сербской и румынской въ Австрійской имперіи. Подобныя же границы, какія существуютъ между православными церквами Турціи и Австро-Венгріи можно было создать или, вѣрнѣе, возстановить и для болгарской церкви. Но константинопольская патріархія руководилась другими, высшими соображеніями—скорѣе политическаго характера, чѣмъ церковнаго.

Дѣло въ томъ, что послѣ паденія Византійской имперіи константинопольскій патріархъ въ силу историческихъ обстоятельствъ являлся, можно сказать, представителемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, подчиненныхъ турецкому султану; онъ имѣлъ сильное вліяніе и на дѣла внѣшнія и внутреннія другихъ патріархій: іерусалимской, антіохійской и александрійской. Понятно, что онъ старался упрочить это свое положеніе, но никакъ не ослабить, и въ виду этого, понятно, старался всѣми силами уменьшить число тѣхъ учрежденій, которыя такъ или иначе могли ограничивать его власть и юрисдикцію. Поэтому мы видимъ его постоянное стремленіе уничтожить самостоятельность отдѣльныхъ церквей, что̀ до нѣкоторой степени ему и удается. Такъ, благодаря стараніямъ константинопольскаго патріарха, указами или съ соизволенія султана уничтожены сперва терновская, а затѣмъ охридская и печская патріархіи. Какими заслугами туркамъ все это достигалось,—это другой вопросъ, о которомъ распространяться я не буду. Такимъ образомъ константинопольскій патріархъ подъ владычествомъ и покровительствомъ султана достигъ того, чего не имѣлъ даже во время существованія Византійской имперіи или, если и имѣлъ, то только въ ранніе годы ея существованія; онъ былъ дѣйствительно вселенскимъ патріархомъ, если имѣть въ виду, что и русская церковь до основанія въ ней патріаршества была подъ юрисдикціей великой константинопольской

церкви. По мѣрѣ усиленія и возвышенія константинопольскаго патріарха, развивалась и крѣпла великая идея о возстановленіи Византійской имперіи въ самыхъ широкихъ ея границахъ, гдѣ всѣ входившіе и входящіе въ сферу дѣятельности патріарха народности не только должны были содѣйствовать ея осуществленію, но и слиться съ греческою въ силу высокой культуры послѣдней и духовно-нравственной ничтожности остальныхъ. Носителемъ этой идеи до самаго послѣдняго времени, можно сказать, являлась константинопольская патріархія, какъ имѣющая или, вѣрнѣе, долженствующая имѣть больше матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Этимъ можно объяснить отношеніе патріархіи прежнихъ и нынѣшнихъ временъ, а подъ ея прикрытіемъ и вообще грековъ, къ не-греческимъ православнымъ народностямъ Оттоманской имперіи, а отчасти и внѣ ея. Если грекамъ въ лицѣ патріархіи приходилось дѣлать уступки, то онѣ бывали возможны или послѣ долгой и упорной борьбы, и то въ томъ только случаѣ, если сила измѣняла фанаріотамъ, или вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, или же, наконецъ, когда количество золота и серебра окончательно соблазняло служителей великой идеи. Само собою разумѣется, что кто былъ противъ вожделѣній фанаріотовъ, тотъ былъ противъ греческой націи, противъ просвѣщенія и т. п. Даже русскіе, отъ которыхъ, можно сказать, почти исключительно зависитъ матеріальное и отчасти нравственное благосостояніе православнаго востока и грековъ въ особенности, содѣйствуя освобожденію или же освобождая славянъ, какъ и самихъ грековъ, изъ-подъ турецкаго ига, должны были попасть въ число злѣйшихъ противниковъ эллинизаціи, окончательно разрушавшихъ и разрушающихъ пустыя мечты носителей великой идеи. Къ сожалѣнію, это не выводъ публициста, а дѣйствительные факты недавняго прошлаго, отзвуки котораго слышны еще и по сіе время [1]). Болгары, заявляя свои притязанія на духовно-національное существованіе, являлись измѣнниками не только вселенскому патріарху, но и великой идеѣ эллинства; ибо представители послѣдняго, считая болгаръ народомъ глупымъ, предназначили ихъ на духовное рабство и на этнографическій матеріалъ для себя. (Эта мысль достаточно развита въ отвѣтѣ г. Шопова). Много горя и бѣдствій принесли эти тенденціи и патріарху, и греческому народу, и православному востоку; но тѣмъ не менѣе патріархія, во-

---

[1]) Объ этомъ между прочимъ см. у *N. Konstantinow'a*: Le panslavisme au Mont-Athos. Constantinople. 1873; L'église orthodoxe, le schisme et le patriarche de Iérusalem Cyrille (тамъ же и тогда же).

димая интересами, чуждыми церкви, не сходитъ и по сей день съ пути заблужденій.

„Могъ ли западъ не воспользоваться столь благопріятнымъ для него обстоятельствомъ и не возобновить попытокъ къ осуществленію своихъ видовъ и плановъ относительно востока?" Конечно, нѣтъ. Сперва устремилась на болгаръ римская церковь [1]), а затѣмъ „къ завоевательнымъ усиліямъ католической церкви вскорѣ присоединили свои разрушительныя усилія протестантскія исповѣданія и секты". Послѣднія „не довольствуются простымъ подчиненіемъ себѣ болгарской церкви, какъ это дѣлаетъ католическая церковь, оставляя ея внутренній строй и порядки неприкосновенными, а посягаютъ на радикальную передѣлку ея ученія, устройства и управленія. Они, какъ извѣстно, претендуютъ на обладаніе истиннымъ, очищеннымъ (реформированнымъ) христіанствомъ и стараются осчастливить онымъ и христіанъ восточныхъ, погруженныхъ, по ихъ мнѣнію, въ идолопоклонство (такъ называютъ они иконопочитаніе) и всевозможныя суевѣрія, унаслѣдованныя отъ минувшихъ временъ, преобразивши ихъ церковь по образцу протестантскихъ церквей и сектъ. Главнымъ орудіемъ ихъ пропаганды служатъ просвѣщеніе и благотворительность. Съ этою цѣлью они раскинули по всему православному востоку цѣлую сѣть воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій подъ разными наименованіями и дѣятельно конкуррируютъ съ католиками въ дѣлѣ совращенія православныхъ" (стр. 17—18).

„Не остаются въ сторонѣ отъ борьбы и западныя государства. Показною цѣлью вмѣшательства ихъ въ борьбу служитъ для нихъ стремленіе пріобщить востокъ къ благамъ западной культуры; за кулисами же они преслѣдуютъ двѣ другія цѣли: а) ослабленіе Россіи чрезъ разъединеніе съ нею востока и б) усиленіе самихъ себя посредствомъ ассоціированія его съ западомъ" (стр. 18). Для достиженія этихъ цѣлей, западныя церкви и государства дѣйствуютъ совершенно согласно между собою, прикрываясь общимъ культурнымъ знаменемъ и на политическомъ поприщѣ и религіозномъ, не смотря на то, что дома у себя ихъ раздѣляетъ вѣроисповѣдная рознь. „Соперники и даже враги у себя дома, они являются своими людьми и союзниками на чужбинѣ" (стр. 19). Эту свою мысль авторъ разви-

[1]) См. объ этомъ подробно въ книгѣ іезуита *Голубовича*: Bułgarya, jej przeszłość dziejowa i jej obecne narodowe i religijne odrodzenie. W Krakowie. 1885, стр. 60—183, 170—189, 215—262. *Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества*, 1886, № 9 и 10; 1887, № 5—6.

ваетъ какъ нельзя болѣе ясно въ приложеніи, между прочимъ, и къ Болгаріи. Вообще нужно сказать, что вторая часть брошюры профессора Троицкаго превосходна по широкому взгляду и глубокому пониманію вопроса. Въ виду этого, нужно пожелать труду почтеннаго профессора самаго широкаго распространенія; развитая въ книжкѣ мысль подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ не только на нашихъ единовѣрцевъ, но и на нашихъ поклонниковъ запада.

Вмѣстѣ съ тѣмъ брошюра проф. Троицкаго можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ книгу г. Теплова „Греко-болгарскій церковный вопросъ", представляющую довольно отрадное явленіе въ нашей литературѣ. Предметъ этой книги имѣетъ уже довольно обширную литературу и довольно разработанъ; но какъ въ русской, такъ и во всякой другой литературѣ онъ не былъ такъ трактуемъ, какъ въ книгѣ г. Теплова. Она оцѣнена по достоинству, бывъ удостоена Академіею Наукъ почетнаго отзыва [1]).

Авторъ, извѣстный другимъ своимъ трудомъ—по статистикѣ Балканскаго полуострова, а также и цѣлымъ рядомъ статей, касающихся востока, — при написаніи своей книги по церковному вопросу находился въ исключительномъ положеніи: ему доступны были офиціальные документы по этому вопросу, хранящіеся въ русскомъ посольскомъ архивѣ въ Константинополѣ, „а также мемуары, записки и другіе дипломатическіе документы". Кромѣ того ему не мало пользы принесли воспоминанія двухъ лицъ, принимавшихъ личное участіе въ церковномъ вопросѣ. „Ко всему этому, прибавляетъ онъ, нужно присоединить еще и мои личныя воспоминанія, вынесенныя изъ одиннадцатилѣтняго пребыванія моего въ Константинополѣ съ 1870 по 1881 годъ, при чемъ на глазахъ моихъ разыгрались всѣ главныя проявленія остраго періода греко-болгарскаго вопроса" (стр. 3). За то остальныя пособія, которыя были подъ руками автора, не отличаются разнообразіемъ и одинаковыми достоинствами, да и не видно, чтобы нашъ авторъ ими особенно и пользовался. Такъ или иначе, но мы имѣемъ дѣло не только съ разработаннымъ матеріаломъ, но и съ записками современника и отчасти очевидца, и при томъ русскаго, значитъ, человѣка, дѣлу движенія или спора непосредственно не причастнаго, а слѣдовательно и безпристрастнаго. Тѣмъ не менѣе авторъ для изложенія своего матеріала избралъ форму историческаго разказа съ цѣлью уяснить внутренній смыслъ происходящихъ на его

[1]) Отчетъ о 28-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-Пб. 1886, стр. 133—141 (отзывъ проф. Троицкаго).

глазахъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть тотъ путь, по которому долженъ будетъ направиться разбираемый вопросъ въ будущемъ (стр. 1). Разсмотрѣніе вопроса авторъ начинаетъ съ IX вѣка, то-есть, со времени принятія болгарами христіанства, и доводитъ его до 1881 года.

Все содержаніе книги раздѣлено на двѣнадцать неравномѣрныхъ главъ. Первая глава составлена крайне небрежно съ большими ошибками и неточностями, напримѣръ въ спискѣ епархій въ Болгаріи, въ сужденіяхъ объ охридской архіепископіи и положеніи родины императора Юстиніана Таврезія, которая находится не „на мѣстѣ нынѣшняго Кюстендиля", а недалеко отъ Скопіи [1]) и др. Впрочемъ, эта глава составлена по имѣвшимся въ распоряженіи автора пособіямъ, которыми онъ, повидимому, пользовался безъ критики, напримѣръ очень плохою книгой Доброва: „Южное славянство". Во второй главѣ авторъ изображаетъ отношенія грековъ къ болгарамъ со времени паденія Константинополя подъ властью турокъ и до возбужденія греко-болгарской распри. И эта глава, какъ и предыдущая, написана весьма легко; въ ней предметъ разсматривается довольно поверхностно и не безъ ошибокъ, напримѣръ о рукописяхъ въ Зографѣ и Ватопедѣ, или въ Тигѣ вм. Тичѣ. Между тѣмъ на нее слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе: здѣсь нужно было бы обстоятельно выяснить причины возбужденія распри и главнымъ образомъ поведеніе греческаго духовенства среди болгаръ, о чемъ въ печати существуетъ уже не мало данныхъ, изложенныхъ въ журнальныхъ статьяхъ и даже отдѣльныхъ книгахъ [2]).

Въ третьей главѣ излагается очеркъ постепеннаго вовлеченія Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова вообще и во взаимныя отношенія населявшихъ его православныхъ народностей въ частности. Но и эта глава по своему характеру не многимъ отличается отъ предыдущихъ двухъ. За то съ четвертой главы, одной изъ самыхъ большихъ, авторъ является хозяиномъ своего предмета, который излагаетъ довольно обстоятельно и живо. Здѣсь начинается изложеніе главныхъ фактовъ болгарскаго движенія съ самаго его начала, въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, и продолжается до 1870 года, когда былъ изданъ фирманъ (указъ), установившій существованіе болгарскаго экзархата, или, вѣрнѣе, болгарской самостоятельной церкви.

---

[1]) *Извѣстія славянск. благотвор. общества*, 1886, № 4—5, стр. 181.

[2]) Напримѣръ, въ этомъ отношеніи весьма интересна книга *С. М. Родонскаго*: Портретъ на грьцкото фенерско духовенство и коварнитѣ му дѣла противъ българитѣ въ Ропитѣ. Пловдивъ. 1887, стр. 11 и слѣд.

Здѣсь впервые, на сколько мнѣ извѣстно, представлено обстоятельно отношеніе нашего синода къ греко-болгарской распрѣ. Находя стремленія болгаръ болѣе или менѣе справедливыми, но въ то же время находя, что это вопросъ домашній константинопольской патріархіи, а потому и не желая вмѣшаться въ это дѣло, нашъ святѣйшій синодъ, увѣщевалъ грековъ примириться и уладить дѣло домашними средствами. Достойно удивленія, что нашъ авторъ не отмѣчаетъ посланія нашего Святѣйшаго Синода константинопольскому патріарху отъ 19-го апрѣля 1869 года; въ этомъ посланіи, между прочимъ, говорится: „Безъ согласія его всесвятѣйшества и противъ его воли, болгары не въ правѣ взять или отнять у него то, чего домогаются, а тѣмъ болѣе не въ правѣ совершенно отказаться отъ церковнаго подчиненія своему верховному архипастырю и самовольно отторгнуться отъ него. Это былъ бы уже расколъ, и болгары по церковнымъ правиламъ неизбѣжно были бы признаны раскольниками“ [1]). Впрочемъ, неодобрительный отзывъ о болгарскомъ дѣлѣ далъ и митрополитъ Филаретъ.

Но и тутъ мы видимъ, что недостаточно очерчены роль и вліяніе представителей западноевропейскихъ государствъ на этотъ ходъ дѣла, а также и вліяніе болгарскихъ тогдашнихъ возстаній на рѣшеніе вопроса со стороны турецкаго правительства въ пользу болгаръ; о послѣднемъ обстоятельствѣ авторъ только въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ (стр. 63, 77). Конечно, здѣсь нельзя ожидать историческаго очерка болгарскихъ возстаній, но нужно было указать на связь церковнаго вопроса съ этими возстаніями хотя бы съ точки зрѣнія турецкаго правительства, тѣмъ болѣе что въ настоящее время имѣется довольно матеріала въ болгарской литературѣ по этому вопросу.

Въ пятой главѣ изложена исторія спора съ изданія фирмана 22-го февраля 1870 г. до отреченія отъ патріаршаго престола Григорія VI. Здѣсь приводится въ русскомъ переводѣ самый фирманъ съ небольшимъ разборомъ и изображается отношеніе нашего Св. Синода къ ходу дѣла. Въ шестой главѣ сообщаются довольно подробно обстоятельства, предшествовавшія объявленію болгарской схизмы и разказывается довольно кратко исторія объявленія самой схизмы на константинопольскомъ соборѣ 1872 г. Повидимому, актами этого собора авторъ довольно мало пользовался, хотя они уже давно доступны. Отдѣленіе болгаръ и провозглашеніе схизмы произошло отъ того, что

---

[1]) Дѣянія на святыйтъ великый соборъ, совокупившыйся въ Константинополѣ въ патріаршескыйтъ храмъ святаго славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца за церковный-тъ българскый вопросъ въ лѣто спасително 1872, прѣзъ мѣсяцъ августа и септемврія. Цариградъ, стр. 82 (есть и французск. и греческ. изданія).

болгары требовали себѣ церковной автономіи во имя своего племеннаго различія и племенной обособленности. Поэтому греки называли болгаръ народоплеменниками, племенистами и формалистами; иными словами, обвиняли они болгаръ въ филетизмѣ. Въ этой главѣ является много интереснаго со стороны освѣщенія всего хода дѣла. Въ седьмой главѣ авторъ критикуетъ, хотя и не особенно сильно, опредѣленіе собора и разсматриваетъ тѣсно связанные съ нимъ вопросы: а) виноваты ли болгары въ филетизмѣ, б) правильно ли соборъ постановилъ свое рѣшеніе, в) какъ должна отнестись къ этому дѣлу русская церковь, г) какое вліяніе должно оказать провозглашеніе схизмы на отношеніе Россіи къ грекамъ. Авторъ въ данномъ случаѣ становится на сторону болгаръ, вполнѣ оправдывая ихъ стремленія. „Содержа одну и ту же вѣру, говоритъ онъ, оживляясь однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, христіане въ то же время различаются между собою и по племени. Самъ апостолъ Павелъ, говоря о себѣ и св. апостолѣ Петрѣ, прибавляетъ: „Мы естествомъ іудеи" (Гал. 2, 15), и о своемъ сотрудникѣ Титѣ: „Титъ иже со мною, эллинъ сей" (Гал. 2, 3). Греки и русскіе, румыны и болгары и другіе народы могутъ содержать одну и ту же православную вѣру и быть едино во Христѣ, но въ то же время каждый изъ этихъ народовъ можетъ исповѣдовать свою вѣру на своемъ природномъ языкѣ, составляющемъ самое первое и главное отличіе всякой народности: каждый изъ этихъ народовъ можетъ имѣть у себя пастырей изъ своихъ соплеменниковъ, чтобы они проповѣдовали ему вѣру и совершали богослуженія на его природномъ языкѣ. Христосъ, посылая своихъ апостоловъ на всемірную проповѣдь, ниспослалъ на нихъ Духа Святаго (Дѣян. 2, 3), чтобы, получивъ такой чудесный даръ, апостолы могли возвѣстить святую вѣру каждому народу на его природномъ языкѣ, и апостолы дѣйствительно проповѣдали евангеліе всѣмъ народамъ на ихъ языкахъ. Поэтому желаніе болгаръ имѣть у себя такихъ преемниковъ апостольскихъ, то-есть архипастырей, которые проповѣдывали бы имъ святую вѣру и совершали бы для нихъ богослуженія на болгарскомъ или славянскомъ, то-есть понятномъ имъ языкѣ, есть желаніе, вполнѣ согласное съ евангеліемъ" (стр. 123—124). Академическій рецензентъ книги г. Теплова признаетъ, что составленная послѣднимъ „критика опредѣленія константинопольскаго собора 1872 г. сдѣлана основательно и связанные съ этимъ опредѣленіемъ вопросы рѣшаются правильно" (Отчетъ, стр. 141). Какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе „основательно", я не берусь сказать; но проф. Троицкій въ своей рѣчи не вполнѣ или

только условно осуждаетъ грековъ за провозглашеніе болгаръ схизматиками, какъ я уже показалъ выше. Во всякомъ случаѣ константинопольскій соборъ вовсе не отрицалъ справедливости мысли, которая выражена и въ словахъ г. Теплова; тамъ вопросъ поставленъ совсѣмъ иначе, а именно: въ округѣ одной патріархіи или самостоятельной церкви съ опредѣленными географическими границами не можетъ быть другой автокефальной церкви. И это вполнѣ канонично, что весьма основательно доказано въ актахъ собора [1]). Наконецъ, соборъ не называетъ болгаръ еретиками, какъ представляетъ себѣ г. Тепловъ (стр. 128), а называетъ ихъ только схизматиками, то-есть раскольниками, а это съ церковной точки зрѣнія разница. Несомнѣнно, болгары своимъ неразумнымъ поведеніемъ совершили цѣлый рядъ противоканоническихъ поступковъ, за что по справедливости и были осуждены великою церковью. Такъ представляется дѣло формально. На практикѣ, конечно, греки, но не столько великая церковь, были далеко не безукоризненны. Болгары опять не могутъ обвинять константинопольскую патріархію, — конечно, только съ формальной стороны, потому что патріархія съ конца первой половины нынѣшняго столѣтія принимаетъ рядъ мѣръ для удовлетворенія духовныхъ потребностей болгаръ и другихъ славянъ, состоящихъ и состоявшихъ подъ ея юрисдикціей. Съ 1847 г. открывается славянская каѳедра въ духовной семинаріи на о. Халки и издаются учебники славянскаго языка на средства или великой церкви, или училища [2]). Преподавателями этого предмета здѣсь были болгары: сперва Іоаннъ, въ монашествѣ Іоанникій Димитріевичъ, а потомъ извѣстный, всѣми уважаемый іеромонахъ Рильскаго монастыря Неофитъ; послѣ нихъ были уже другіе болгары. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ покойный уже о. Неофитъ въ предисловіи къ своей Христоматіи: „Сочинисѧ и настоѧщаѧ христомáѳіа во ȏбще оу҆бω рáди въ Болгáріи оу҆чилищъ, въ ни́хже ѿскѹдѣ́ніе

[1]) Дѣянія, стр. 53—71.

[2]) Γραμματικὴ τῆς Σλαβωνικῆς γλώσσης. Ἐρανισθεῖσα μὲν ὑπὸ Ἰωάννου Δημητριάδου, ἐκδοθεῖσα δὲ φιλοτίμῳ δαπάνῃ τοῦ πανιερωτάτου Σταυρουπόλεως κυρίου Κωνσταντίνου τοῦ Τυπάλδου. Εἰς χρῆσιν τῆς ἐν Χάλκῃ θεολογικῆς σχολῆς τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. Ἐν τῷ πατριαρχικῷ τυπογραφείῳ 1850, предисловіе (стр. ς′ + 178). Два года спустя была издана „Христомаѳіа славѧнскагω языка“. Χριστομαθεία τῆς Σλαβωνικῆς γλώσσης. Ἐρανισθεῖσα μὲν ὑπὸ Νεοφύτου ἱερομονάχου Ριλλιώτου, καθηγήτου τῆς γλώσσης ταύτης ἐν τῇ κατὰ Χάλκην θεολογικῇ σχολῇ τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, ἐκδοθεῖσα δὲ σπουδῇ καὶ δαπάνῃ τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Σταυρουπόλεως Κωνσταντίνου τοῦ Τυπάλδου, σχολάρχου καὶ καθηγήτου τῆς αὐτῆς ἱερᾶς σχολῆς. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. Ἐν τῷ πατριαρχικῷ τυπογραφείῳ. 1852, съ словаремъ славяно-греческимъ (стр. ά — κθ′ + 350 + ζ′ + 357)

таковыѧ оучебныѧ (и нарꙋчныѧ) книги ѐсть ѕѣлѡ ѿщꙋтително, ѻсобно же ко оупотребленію оучениковъ богословскагѡ тогѡ оучилища, въ немже прежде пѧтихъ лѣтъ состависѧ и ꙗзыка тогѡ оучителское сѣдалище, дѣло неизбѣжныѧ нꙋжды и должности высокагѡ церковнагѡ попеченіѧ ѡ сꙋщихъ въ Болгаріи наипаче православныхъ божіихъ церквахъ. Ѝ понеже самое намѣреніе благочестнагѡ тогѡ оучрежденіѧ ѐсть изꙋченіе свѧщеннагѡ клира, а въ немъ оучащіисѧ сꙋть имꙋщіи быти дꙋховніи оучители и свѧщенницы и пастыри сꙋщимъ повсюдꙋ православнымъ ѐдиноплеменнымъ, наипаче же (сꙋщымъ) въ патріаршескомъ ѡкрꙋжіи вселенскаго престола: сихъ же немалаѧ часть и ꙗзыкъ бесѣдꙋютъ славѧнскій, и въ церкви свѧщенное богослꙋженіе, или все, или и съ ѐллинскимъ смѣшеснѡ славѧнски и поютъ и читаютъ, праведно кꙋпнѡ и благочестиво, и въ настоѧщихъ ѡбстоѧтелствахъ не точію благопотребно, но и нꙋждно и поспѣшно сꙋдисѧ, да иже ѐѵаггелскомꙋ оученію и иномꙋ дꙋховномꙋ строенію сꙋщихъ въ тѣхъ странахъ братій нашихъ имꙋщіи ввѣритисѧ кліріцы неизбѣжнѡ бꙋдꙋтъ вѣдатели древнѧгѡ славѧнскаго ꙗзыка, тогѡ оубо, иже во ѻбщенароднѡмъ богослꙋженіи изъ начала и даже до насъ посвѧщеннагѡ. Точное же изꙋченіе тогѡ, матери сꙋщагѡ и корене многихъ новѣйшихъ ꙗзычныхъ ѿраслей, величайше способствꙋетъ къ скоромꙋ изꙋченію сꙋщихъ по мѣстамъ свойствъ, болгарскагѡ напримѣръ, сербскагѡ, и прочихъ, должность нꙋжднѣйша ѡ ѐже ѿ амвѡна поꙋченіи, къ дꙋшевной пользѣ слышателей" (стр. α′—δ′) [1]. Какъ Іоаннъ Димитріевичъ, такъ и

[1]) О содержаніи христоматіи составитель ея говоритъ слѣдующее: „И въ христомаѳіи убо обрящ 1) избранія изъ вѣтхагѡ и новагѡ священнаго писанія, предположивъ уже ѿ книгъ Соломоновыхъ и Сираха, яко простѣйшихъ предложеній содержателна, и по сихъ положивъ ѿ иныхъ книгъ яже возмнѣшася ми прилична и довлѣюща ко ученію. 2) Словеса ѿ славныхъ отецъ церковныхъ, предпочетъ ѿ многихъ оныя наипаче, еликихъ первообразная списанія обыкновеннѡ и въ еллинскихъ училищахъ преподаваются, и во многихъ еллинскихъ егкѵклопедіахъ помѣщаются: и сіе да бы имѣли подобнѣ трудолюбивіи ученицы юже ѿ первообразныхъ помощь чрезъ сравненіе обоихъ. 3) Словеса нѣкая и жизнеописанія ѿ списанныхъ первообразнѡ на славянски ѿ иже во святыхъ отца нашегѡ Димитрія митрополіта Ростовскагѡ. Къ симъ приложишася яко въ прибавленіи и малаи нѣкія стіхотворіи ѿрывки разныхъ стіхотворцевъ, якоже, опытъ еже у славянъ стіхотворнаго слова. а) Клеанѳа Умнъ Зевесꙋ. Съ еллинскагѡ вѣрно преложенъ ѿ Неофѵта п. п. Іеромонаха Рылскаго. б) Надгробная, юже преѡсвященный Стефанъ по погребеніи святаго Димитрія написа. в) Изъ трагедіи о паденіи сербскагѡ царства. Дѣйствіе ꙁ. г) Нѣкоторыя изъ одъ Лꙋкіана Мꙋшицкагѡ сербина: α) Ѡда блаженной сѣнии Іѡанна Райча архімандріта. β) Ѡда къ дꙋхꙋ моемꙋ. γ) Къ лѵрѣ моей. δ) Ѡда Стефанꙋ Стратимировичꙋ, архіепископꙋ и митрополітꙋ сербскомꙋ, ε) Ѡда ко мнѣ самомꙋ. ζ) Еклога междꙋ пастырми кульпинскими пѣвана 27-го декабря 1802. η) Елегія. Мꙋза къ

о. Неофитъ говорятъ, что ихъ „побꙋдилъ къ составле́нію грамматіки и҆ къ собранію христома́ѳіи и҆ къ сочиненію присовокꙋплѧ́емагѡ къ не́й словарѧ̀“ начальникъ училища, митрополитъ Ставропольскій Константинъ Типалдосъ, извѣстный своею ученостью и ревностнымъ отношеніемъ къ дѣлу духовнаго просвѣщенія.

Мало того, съ разрѣшенія высшихъ духовныхъ властей напечатанъ цѣлый рядъ книгъ изъ церковнаго круга какъ въ патріаршеской типографіи, такъ и въ другихъ. Такъ, Новый Завѣтъ въ болгарскомъ переводѣ того же о. Неофита напечатанъ въ Смирнѣ въ 1840 году; но раньше этого мы видимъ нѣсколько изданій, сдѣланныхъ въ Буда-Пештѣ: въ 1816 году игуменомъ Краль-Марковскаго монастыря около Скопія (въ Македоніи) Кирилломъ Пейчиновичемъ (изъ Тетова) написано „Огледало ра́ди потребы и ползова́нїѧ препростѣйшимъ и некнижнымъ ѩзыкомъ болгарскимъ долнїѧ Мѵссіи“, которое издано священникомъ Костой Стошичемъ изъ Призрѣна; въ 1817 году кратовскіе купцы Дмитрій Филиповичъ и Дмитрій Зазура издаютъ „Чудеса прс̑тыѧ бг҃оро́дицы, преведени ѿ книга 'Амартоло́нъ Сотиріа на бо́лгарскій ѩзыкъ ради ползи и поꙋче́нїѧ, и спасе́нїѧ рода хрїстїанскагѡ“. Эту же самую книгу опять въ переводѣ „ѿ Слове́нскій на Славяно-Болгарскій ѩзы́къ за ради просвещенїето и҆ по́лза и҆ поꙋче́нїе и҆ дꙋшеспасе́нїе на православныте христїаны и҆ за̀ чада ни́хни“, переиздалъ Хаджи-Найденъ Іоанновичъ, учитель изъ Татаръ-Базарджика, ревнитель „Бо́лгарскаго просвѣщенїѧ, и҆ книгопродавецъ по всей Славяно-Болгарїа“ въ 1846 г. въ Букурештѣ. Кромѣ того, въ Букурештѣ же, въ типографіи канцеляриста-болгарина Сапунова, въ 1845 году напечатанъ былъ „Канѡнъ молебныи къ преподо́бномꙋ и҆ бг҃оно́сномꙋ ѻ҆ц҃ꙋ нашемꙋ 'Іѡаннꙋ рылскомꙋ чꙋдотво́рцꙋ и҆ мл҃твы на всѧ́каѧ не́мощь и҆ Лѣкарственникъ“. Но это еще не все: подъ греко-патріаршескимъ игомъ у болгаръ были двѣ типографіи, въ которыхъ печатались болгарскія книги, а именно въ Солунѣ (въ Македоніи) [1] и

Калїстꙋ. ι) Ѡда и соединенїи каѳедръ славенскагѡ азыка съ тѣми же азыки греческаго. κ) Ѡда моей любимицы. λ) Въ день солнца правды.

Онихъ тексты (содержанїа) взахъ ѿ новѣйшихъ и изряднѣйшихъ изданій. Сїесть иже ꙋбѡ святагѡ писанїа ѿ двадесятаго по исправленїи препечатанїа, Москва 1839. а иже преводовъ святыхъ отецъ ѿ последнѧ любочестивѣйше изданнагѡ Оокорника, въ Москвѣ 1830, а иже святаго Димитрїа Ростовскагѡ ѿ конечнѡ напечатаннаго свѣтлагѡ изданїа сочиненій егѡ въ Москвѣ 1842, том. 5, въ великꙋю осмꙋхꙋ. и ѿ дванадесятотомнагѡ рада житій святыхъ тогождe, въ Москвѣ 1845, (предисловіе, стр. ѕ҃).

[1]) Нѣкоторыя подробности объ этой типографіи см. у *Дринова*: Първата българска типография въ Солунъ и нѣкои отъ напечатанитѣ въ нея книги въ „*Периодическо Описаніе*“, кн. XXXI, стр. 1—25, и отдѣльно (Срѣдецъ. 1889).

въ Самоковѣ. Такъ, въ первой „при хаджи папа Θеодосіи, архимандрита Суна(и)тскаго", въ 1839 году напечатано было „Служеніе еврейско и все злотвореніе нихно", то-есть, Обличеніе еврейской вѣры извѣстнаго монаха Неофита, переведенное на „простый и краткый языкъ болгарскій къ разумѣнію простому народу". Я видѣлъ еще нѣсколько изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи. Во второй типографіи, которая была заведена и существовала, какъ мнѣ сообщилъ въ 1879 году ея владѣлецъ, только благодаря покровительству греческаго митрополита софійскаго Гедеона, былъ напечатанъ цѣлый рядъ книжекъ для народныхъ школъ: азбуки, часословы и др., а также другія книги, видѣнныя мной въ Болгаріи и Македоніи, для церковнаго и душеполезнаго чтенія. У меня подъ руками есть два изданія этой типографіи: „Чудеса пресвятыя Богородицы, преведени ѿ книга 'Амартолонъ Сотиріа, на славянноболгарскій языкъ, ради ползы и поученіа, и душеспасеніа рода хр̃тіанскагѡ: и на тупъ издана въ лѣто 1817. и сега ново се препечата ѿ Ніколая Карастояновича книговезателя и книгопродавца. Въ градъ Самоковъ. 1851. Въ собственной его печатнѣ" и „Служба съ житіемъ и страданіемъ ст̃аго великомч̃ника Геѡргіа новаго, страдавшаго въ Сардикій градѣ болгарскомъ, иже нынѣ нарицаетсѧ Софїа. Сочинена на старославенскомъ языцѣ, нѣкіимъ презвитеромъ, наставлявшимъ его и смотрѣвшимъ страданіе егѡ. Ѡбрѣтена же въ въ митрополійстѣмъ книгохранительницѣ. Ѿ великія же по б̃зѣ ревности, и ко ст̃ымъ оусердія, и превосходныя любве къ славяноболгарскому племени. Издана благословеніемъ и иждивеніемъ егѡ преѡсвѧщенства, Высокопреѡсвященнѣйшаго Митрополіта Святософійскагѡ Господина, Гедеѡна. въ ползу православныхъ, в' славу же и честь ст̃аго. Въ Самоковѣ. 1855". Въ настоящее время, какъ кажется, со времени возбужденія греко-болгарской распри, эта типографія не дѣйствуетъ и даже не существуетъ. Но за то въ Самоковѣ протестантская пропаганда старается завести свою типографію при тамошней протестантской семинаріи для печатанія протестантскаго журнала Домашенъ Приятель на болгарскомъ языкѣ, издающагося тамъ уже второй годъ болгарскимъ евангелическимъ обществомъ; между тѣмъ тамошняя православная семинарія о типографіи и помышлять не можетъ по недостатку средствъ, не смотря на то, что ректоръ этой семинаріи издаетъ духовную газету Селянинъ.

Константинопольская патріархія, чтобы дать возможность болгарскимъ и другимъ славянскимъ церквамъ имѣть у себя нѣкоторыя церковныя славянскія книги, завела въ своей типографіи славянскіе шрифты

еще въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ; здѣсь напечатанъ цѣлый рядъ славянскихъ книгъ церковнаго круга. Уже въ 1849 г. напечатанъ былъ славянскій переводъ о. Неофита „Слѹжбы иже во свѧтыхъ отца нашего и равноапостола Фѡтіа, патріарха Цареграда“, составленной „ѿ древнѣйшихъ церковныхъ пѣсней“ митрополитомъ ставропольскимъ Константиномъ Типалдомъ, и на его иждивеніе изданной „εἰς χρῆσιν τῶν Ὀρθοδόξων Βουλγάρων Χριστιανῶν“, какъ говорится въ патріаршемъ дозволеніи, или „во оу̑потребле́ніе всѣхъ въ Болга́ріи свѧтыхъ церквей, Славѧнскимъ ѧ̑зыкомъ Бо́гѹ пѣ̑сни возсыла́ющихъ“, какъ говоритъ въ предисловіи къ читателямъ переводчикъ, который былъ къ этому „движи́мь е̑же къ величайшемѹ свѧти́телю Фѡті́ю, свѣтлѣйшемѹ семѹ правосла́вныѧ вѣ́ры исповѣдникѹ, и первѣйшемѹ православныхъ и̑ хра́брыхъ Бо́лгарѡвъ просвѣти́телю и а̑по́столѹ, ѿ ни́хже и̑ мно́гіѧ о̑ны по́двиги претерпѣ̀ ѿ лю́тыхъ и̑ многокозненныхъ папи́стовъ“. Въ 1853 году изъ той типографіи вышелъ „Тѵпі́къ церко́вный по чинѹ Хрі́стовы великыѧ церкве. Со́бранъ оубѡ ѿ Кѡнстантіна Прѡтофилакта вели́кіѧ Хрі́сто́вы це́ркве, преведе́нже съ Гре́ческагѡ, и̑ присносо́бленъ, е̑ли́ко возмо́жно бѣ̀, къ славѧнскимъ церко́внымъ кни́гамъ“ о. Неофитомъ, а изданъ Георгіемъ К. Протопсалтовичемъ; этотъ типикъ (уставъ) посвящается „Преѡсвѧщеннѣйшимъ свѧтымъ архіереемъ, пасѹщимъ Славѧнскіѧ е̑пархіи и̑ свѧщенное стадо оу̑краша́ющимъ свѧщенноначалникомъ“. Издатель грекъ, обращаясь „къ любезнымъ братьямъ болгарамъ“, выражаетъ надежду, что „правосла́вный и̑ церко́вное пра́вило любѧщій наро́дъ Бо́лгарскій“ оцѣнитъ по достоинству его книгу и этимъ побудитъ его издать и краткую церковную исторію, которую также посвящаетъ „любителямъ Славѧнскаго ѧзыка“. Онъ надѣется, что будетъ поощренъ къ изданію и „другихъ, гораздо болѣе потребныхъ на славянскомъ языкѣ книгъ“. Нельзя сказать, что этотъ типикъ остался безъ употребленія; изъ приложеннаго при немъ списка подписчиковъ видно, что таковыми были всѣ митрополиты Балканскаго полуострова, а филиппопольская епархія подписалась на 200 экземпляровъ, терновская на 100, виддинская на 50 и т. п. Множество подписчиковъ изъ всѣхъ концовъ Болгаріи мы видимъ и на славянскій переводъ службы св. Харалампію съ болгарскимъ переводомъ житія святаго,—переводомъ, сдѣланнымъ іеромонахомъ Евѳиміемъ Хилендарскимъ, Райномъ Поповичемъ и о. Неофитомъ, который его и исправилъ; переводъ изданъ былъ въ 1853 году въ Константинополѣ съ разрѣшенія и благословенія патріарха константинопольскаго Германа. Такъ же много или даже еще болѣе подписчиковъ изъ всей

Болгаріи видимъ и на болгарскій переводъ поученій Иліи Миніата, изданный въ Рущукѣ, въ типографіи Дунайской области, въ 1869 году. Такимъ образомъ ясно, что при всей исключительности стремленій носителей великой идеи, патріархи тѣмъ не менѣе нерѣдко должны были сообразоваться съ духомъ нашей православной церкви и духовно-нравственными потребностями тѣхъ народностей, которыя находились въ ихъ юрисдикціи, и дѣлать этимъ народностямъ уступки, отступая въ то же время отъ программы эллинства. Исторія вполнѣ оправдываетъ такое отношеніе константинопольской патріархіи къ негреческимъ православнымъ народамъ. Къ тому же раздавались и голоса благоразумныхъ въ пользу болгаръ [1]).

Я нарочно остановился на подробностяхъ, и привелъ достаточное количество фактовъ, чтобы доказать, что г. Тепловъ поставилъ вопросъ не вѣрно и пришелъ къ невѣрнымъ заключеніямъ (ср. стр. 132), главнымъ образомъ потому, что онъ не особенно знакомъ съ фактами и дѣяніями собора константинопольскаго. Факты говорятъ сами за себя, и не нужно распространяться болѣе по этому пункту вопроса.

Съ другой стороны нельзя обвинять грековъ, что они не посвящали митрополитовъ и изъ болгаръ; споръ былъ веденъ отъ имени народа болгарскаго архіереями-болгарами. Но кромѣ этого природные греки-митрополиты, правда, можетъ быть, рѣдко знали славянскій языкъ и вмѣстѣ болгарскій и сербскій. На Аѳонѣ въ настоящее время живетъ на покоѣ митрополитъ Агаѳангелъ, бывшій въ одной изъ боснійскихъ епархій, который знаетъ довольно хорошо сербскій языкъ и сносно болгарскій и служитъ тамъ литургію по славянски; его я знаю лично. Есть и другіе, ему подобные.

Правда, почти все, что дѣлала греческая патріархія для болгаръ, ограничивалось церковью; школа какъ бы оставалась внѣ вѣдѣнія патріархіи. Но нужно замѣтить, что школьное дѣло христіанъ православныхъ въ Турціи зависитъ не вполнѣ отъ патріаршей власти [2]). Я не склоненъ, однако, думать, что патріархія облагодѣтельствовала бы болгаръ школами, чисто болгарскими; но, несомнѣнно, она, понимая свои интересы, должна была бы дѣлать уступки болгарамъ и въ этомъ дѣлѣ. Слѣдовательно, должно различать два фактора въ

---

[1]) Напримѣръ, голосъ аѳонскаго монаха: Τὸ οἰκουμενικὸν πατριαρχεῖον καὶ οἱ βούλγαροι. Ὑπὸ Ε. Καυσοκαλύβου. 1874 (sine loco).

[2]) О школьномъ дѣлѣ у грековъ см. у *Chatsiotis'a* L'instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'a nos jours. Paris. 1881, стр. 355—483.

отношеніяхъ грековъ и болгаръ: духовный и свѣтскій. Послѣдній, можно сказать, подготовилъ, обострилъ и, наконецъ, довелъ до печальнаго результата греко-болгарскую распрю. Г. Тепловъ указываетъ на эти два фактора, но главнымъ образомъ только въ остромъ фазисѣ спора и при томъ не достаточно рельефно ихъ различаетъ. Правда, онъ пишетъ исторію спора; но разъ онъ коснулся ихъ и берется произнести свой приговоръ, онъ долженъ былъ брать во вниманіе всѣ предшествовавшія обстоятельства дѣла, чтобы, будучи строгимъ судьею, въ то же время быть и справедливымъ. Теперь авторъ, представляя дѣло по своему, производитъ впечатлѣніе, что онъ приводитъ только мнѣніе болгаръ и при томъ крайнихъ и непримиримыхъ.

Въ восьмой главѣ, одной изъ лучшихъ, авторъ описываетъ впечатлѣніе, какое произвело въ мірѣ православномъ провозглашеніе схизмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ разказываетъ о попыткахъ къ примиренію враждующихъ сторонъ послѣ отреченія отъ престола патріарха Анѳима до 1876 г. Мнѣ кажется, здѣсь слишкомъ мало представлена и выяснена роль Мидхата-паши, который не задолго до великаго визирства вѣшалъ цѣлыми сотнями болгаръ въ бытность его генералъ-губернаторомъ дунайскаго вилайэта. Также слишкомъ не выяснена связь тогдашнихъ аѳонскихъ событій съ греко-болгарской распрей [1]). Въ девятой главѣ описываются отношенія грековъ къ славянамъ до русско-турецкой войны, а затѣмъ и отношенія между греками и болгарами во время русско-турецкой войны до 1878 г., а также и отношенія грековъ къ русскимъ за это время; но за то очень мало говорится о нашихъ отношеніяхъ къ болгарскому экзархату. Въ десятой главѣ представлено положеніе церковныхъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, созданное результатами русско-турецкой войны, а именно, разказывается о признаніи сербской церкви автокефальною въ 1879 г. и о перепискѣ, возбужденной по этому поводу константинопольскимъ патріархомъ съ нашимъ святѣйшимъ синодомъ о болгарскомъ экзархатѣ, при чемъ патріархъ желалъ заставить нашъ синодъ высказаться, признаетъ ли онъ схизму, или нѣтъ; за этимъ излагается отвѣтъ синода патріарху (стр. 187—190). Не совсѣмъ, по-моему, точенъ г. Тепловъ, въ комментированіи какъ этого синодальнаго посланія, такъ

---

[1]) Нѣкоторыя замѣтки объ этомъ можно найдти въ статьяхъ „Любителя истины“ По поводу вопроса объ Аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона. С.-Пб. 1874, существующихъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, — въ *Голосѣ*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Домашней Бесѣдѣ* 1874 г. и извѣстныхъ и во французскомъ и греческомъ переводахъ (Константинополь. 1874).

и предыдущаго (стр. 151—152). Судя по представленнымъ авторомъ книги отрывкамъ посланія, видно, что нашъ синодъ, уклоняясь отъ отвѣта на вопросъ, признаетъ ли онъ схизму, или нѣтъ,—становится въ роль примирителя, указывая, какимъ образомъ на основаніи канововъ слѣдуетъ принимать болгаръ въ общеніе съ великою церковью. Далѣе разказывается о стараніи экзарха „изыскать наиболѣе практическія средства улучшить положеніе болгарскаго духовенства и поднять его вліяніе" и о переѣздѣ экзарха въ Константинополь по требованію македонцевъ. Затѣмъ изложено вкратцѣ новое устройство православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ послѣ оккупаціи этихъ провинцій Австріей. Далѣе излагается исторія новыхъ недоразумѣній между патріархіей и экзархіей по поводу, съ одной стороны, возбужденія патріархомъ вопроса объ уплатѣ экзархатомъ причитающейся на его долю части общаго долга великой церкви съ процентами за 17 лѣтъ, при чемъ авторъ приводитъ сумму долга по епархіямъ, а съ другой—обращенія экзарха къ международной коммиссіи, разсматривавшей уставъ о реформахъ, вводимыхъ по XXIII статьѣ Берлинскаго трактата въ Европейской Турціи, съ просьбою о содѣйствіи для посылки болгарскихъ епископовъ въ Македонію и о включенія въ органическій уставъ Восточной Румеліи не мусульманскихъ общинъ, при чемъ обнаружилось, что противъ болгаръ въ международной коммиссіи съ особенною силою ратовалъ австрійскій делегатъ, особенно во время преній по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ архіерейскихъ каѳедръ. Наконецъ, довольно подробно разказывается исторія столкновеній экзарха съ болгарскимъ правительствомъ въ министерство Др. Цанкова, „вообразившаго себя главой болгарской церкви", до составленія устава церковнаго управленія въ болгарскомъ княжествѣ въ 1880 г. и послѣ его обнародованія. Изъ этого изложенія обнаруживается весьма не привлекательная роль Цанкова въ дѣлахъ церкви и экзарха въ Болгаріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно отношеніе нашего синода къ вопросу о каноничности болгарскаго экзархата (стр. 211). Въ одиннадцатой главѣ представлено состояніе греко-болгарскаго вопроса съ конца 1880 по конецъ 1881 года, которымъ оканчивается книга г. Теплова. Авторъ задался прекрасною цѣлью изобразить то опасное положеніе болгаръ и константинопольской патріархіи, которое произошло вслѣдствіе греко-болгарской распри и провозглашенія болгарской схизмы. Онъ указываетъ на тяжелое положеніе, въ какомъ очутилась патріархія вслѣдствіе потери Болгаріи и Восточной Румеліи, и на усугубленную дѣятельность патріар-

хіи по отношенію къ Македоніи, бѣдственное церковное положеніе которой онъ рисуетъ довольно рельефно. Съ другой стороны, онъ ставитъ на видъ грозящую болгарамъ опасность со стороны католической и протестантской пропаганды, о которыхъ онъ даетъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, достовѣрности, впрочемъ, весьма относительной. Вообще дѣятельность этихъ пропагандъ изображена довольно блѣдно: не указаны даже главные пункты ихъ и почти только намекается на звенья, связующія ихъ съ ихъ покровительницами: Австро-Венгріею и другими западно-европейскими государствами. За то прекрасно изображено пассивное и индиферентное отношеніе болгаръ къ успѣшной дѣятельности пропаганды и, главнымъ образомъ, болгаръ, зараженныхъ религіознымъ индиферентизмомъ подъ вліяніемъ воспитанія и образованія ихъ въ школахъ пропаганды или на западѣ. „Большинство болгаръ, включая сюда и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства, не отдаетъ себѣ, повидимому, яснаго отчета во всей серьезности нынѣшняго положенія и въ необходимости, въ выгодахъ самой Болгаріи, придти къ соглашенію, — предполагая, что это излишне, что время лучшій врачъ и что церковный греко-болгарскій вопросъ долженъ разрѣшиться какъ-то самъ собою“ (стр. 220). Нужно сознаться, что эти слова проникнуты глубокою правдою. Не меньшая правда заключается и въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ главы: „Первое средство къ огражденію церковной и національной самостоятельности болгарскаго народа должно состоять въ единеніи съ вселенскою церковью. Такимъ образомъ, правильно понимаемыя выгоды обѣихъ враждующихъ народностей—греческой и болгарской—настоятельно требуютъ, чтобы онѣ накинули покрывало забвенія на обоюдныя ошибки прошлаго и взаимными уступками пришли къ соглашенію. Но пусть помнятъ онѣ, что время не терпитъ и что нельзя откладывать теперь уступки, такъ какъ настоящій моментъ при поступательномъ движеніи Австріи на Востокъ весьма важенъ для политической будущности христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Нынѣ онѣ стоятъ, такъ сказать, на распутьи, и ихъ государственной мудрости предстоитъ рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли имъ по одиночкѣ сдѣлаться добычею Австро-Венгріи, или же въ союзѣ между собою и при содѣйствіи Россіи обезпечить себѣ прочное развитіе своей національной самостоятельности“ (стр. 227 — 228). Вообще можно замѣтить, что все содержаніе этой главы проникнуто теплою любовью къ благу православія, и главу эту нужно признать одною изъ лучшихъ въ книгѣ г. Теплова. Двѣнадцатая, по-

слѣдняя, глава составляетъ какъ бы продолженіе предыдущей; въ ней авторъ, представляя статистику христіанскаго этнографическаго состава областей Европейской Турціи, предлагаетъ условія соглашенія между греками и болгарами. Я не буду распространяться объ этихъ условіяхъ; нѣкоторыя,—если не большая часть ихъ,—вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ уже теперь устарѣли или не удобоисполнимы. Нѣкоторыя стороны вопроса или спора само собою разрѣшатся въ силу перемѣны политическихъ обстоятельствъ, что̀ довольно вѣрно отмѣтилъ г. Филипповичъ, по поводу замѣтокъ котораго написалъ свою брошюру отмѣченную въ заглавіи нашей статьи г. Шоповъ, генеральный секретарь болгарской экзакціи. За то заслуживаютъ полнаго вниманія статистическія свѣдѣнія, приводимыя г. Тепловымъ; они, навѣрное, разсѣютъ ту неопредѣленность понятій объ этнографическомъ составѣ Ѳракіи и Македоніи, какая существуетъ въ нашемъ обществѣ, и дадутъ понятіе о достовѣрности цифръ, приводимыхъ греками, о греческомъ населеніи Македоніи Свою книгу г. Тепловъ заканчиваетъ патетическими словами, обращенными къ спорящимъ сторонамъ о примиреніи.

Такимъ образомъ книга г. Теплова представляетъ греко-болгарскій вопросъ во всей его полнотѣ. Нельзя, однако, думать, что авторъ исчерпалъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ и установилъ настоящій взглядъ на всѣ его фазисы. Несомнѣнно, что и послѣ него осталось не мало сдѣлать по изслѣдованію этого вопроса. Это обстоятельство усиливается еще тѣмъ, что авторъ не указываетъ на то, что сдѣлано раньше его, его предшественниками по выясненію этого вопроса, и не приводитъ ни одной цитаты. Поэтому нерѣдко кажется, что онъ рѣшаетъ тотъ или другой пунктъ вопроса не на основаніи данныхъ, а такъ, какъ ему представляется дѣло. Такимъ образомъ книга представляетъ скорѣе публицистическое произведеніе, чѣмъ историческое изслѣдованіе. Но при всемъ этомъ, она является цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу, въ виду того, что устанавливаетъ извѣстныя рамки или объемъ историческаго хода вопроса. Читатель ея можетъ составить себѣ ясное, полное и болѣе или менѣе вѣрное понятіе объ историческомъ ходѣ греко-болгарской церковной распри. Наконецъ, книга г. Теплова написана весьма живо, гладкимъ и вполнѣ литературнымъ языкомъ, и ее можно читать легко и съ увлеченіемъ.

П. Сырку.

Дунай, какъ международная рѣка. *А. Л. Форштетера.* Москва. 1890.

Наша русская литература по международному праву весьма не богата, и всякое появленіе новой книги составляетъ для нея отрадное событіе. Поэтому не иначе, какъ съ радостью, должны мы привѣтствовать вновь вышедшее изслѣдованіе А. Л. Форштетера: „Дунай, какъ международная рѣка“. Этой книгой нѣсколько пополненъ пробѣлъ, существующій въ нашей монографической литературѣ по столь важному вопросу, какъ международное рѣчное судоходство. Единственная монографія по этому предмету (Наумова „О судоходствѣ по Шельдѣ“) вышла въ свѣтъ въ томъ самомъ 1856 г., когда Дунай, о которомъ говоритъ изслѣдованіе г. Форштетера, только что былъ провозглашенъ международной рѣкой.

Въ книгѣ г. Форштетера двѣ части, изъ которыхъ первая — историко-теоретическое введеніе—весьма слаба, а вторая, излагающая ходъ развитія международнаго судоходства по Дунаю и его современное состояніе, обработана тщательно и представляетъ весьма серьезный интересъ. Различіе обѣихъ частей обнаруживается уже на литературныхъ указаніяхъ: между тѣмъ какъ литература, относящаяся спеціально къ дунайскому судоходству, приведена почти вся, пособія для первой части подобраны совершенно случайно. Такъ, въ числѣ руководствъ по международному праву пропущенъ трудъ Pradier-Fodéré [1]), въ которомъ вопросу о международномъ рѣчномъ судоходствѣ посвящена цѣлая сотня страницъ, а приведенъ Calvo, у котораго по данному предмету можно найдти весьма немного указаній. Не упомянуты, далѣе, новыя изслѣдованія Engelhardt'a, появившіяся въ 1888—1889 гг., по теоріи и исторіи рѣчнаго судоходства [2]), а указаны работы, имѣющія лишь косвенное отношеніе къ этому вопросу, какъ Garbouleau, Ортоланъ, Weiske (стр. VII). Мы не требуемъ полноты литературныхъ указаній, но желали бы, однако, видѣть лучшій выборъ пособій. Затѣмъ обращаемся къ разбору первой части.

Исторія международныхъ рѣкъ (IX — XVIII) изложена авторомъ слишкомъ кратко, съ пропускомъ многихъ событій, важныхъ для

---

[1]) Traité de droit internat. public européen et americain, t. II. Paris. 1885 pp. 223—321.

[2]) L'origine et la constitution des communautés fluviales conventionnelles въ *Revue d'hist. diplom.* 1888, p. 497, и исторія международнаго рѣчнаго судоходства въ *Revue historique de droit* за декабрь 1888 г. и январь 1889 г.

уясненія хода развитія международнаго судоходства по рѣкамъ. Усвоивъ себѣ неправильный взглядъ на древность, какъ на эпоху возведенной въ принципъ войны между народами (IX) [1], авторъ не говоритъ о рѣчномъ судоходствѣ въ этотъ періодъ и, указавъ вкратцѣ на неблагопріятное вліяніе феодализма, но умалчивая при этомъ о средствахъ борьбы, къ которымъ прибѣгали торговые города, переходитъ къ знаменитому декрету 1792 г., изданному исполнительнымъ комитетомъ французской республики. Мимоходомъ затронувъ одно изъ постановленій Вестфальскаго мира, авторъ дѣлаетъ невѣроятное предположеніе о вліяніи Гроціева „Mare liberum" на рѣшенія конгресса, когда хорошо извѣстно, что делегаты его руководились исключительно лишь эгоистическими расчетами своихъ довѣрителей и нисколько не были увлечены идеей свободы судоходства [2]. Сравнивая декретъ 1792 г. съ постановленіями вѣнскаго конгресса 1815 г., г. Форштетеръ не удачно полемизируетъ съ Pierantoni и, далѣе, съ Engelhardt'омъ, защищая актъ 1815 г. и дѣятельность представителя Пруссіи, барона Гумбольдта. Съ этой цѣлью въ приводимой имъ статьѣ 109-й. Вѣнскаго трактата онъ пропускаетъ слова „въ отношеніи торговли" (sous le rapport du commerce), вставленныя въ редакцію Dalberg'а барономъ Гумбольдтомъ и совершенно исказившія ея либеральный смыслъ (XVI). Измѣнивъ по-своему текстъ статьи 109-й [3]), авторъ заявляетъ затѣмъ, что „ничѣмъ нельзя

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (XXVIII) авторъ приписываетъ древнимъ государствамъ какія-то ложныя политико-экономическія ученія, которыя будто бы заставляли ихъ замыкаться и не допускать на свои рѣки никакого чужеземнаго судна.

[2]) Это явствуетъ изъ другаго постановленія того же Вестфальскаго мира (§ 14 Мюнстерскаго инструмента), въ силу котораго Голландіи предоставлено право навсегда закрыть бельгійцамъ доступъ къ морю через устья р. Шельды. Что же касается постановленія § 9 Оснабрюкскаго инструмента, имѣющаго въ виду облегченіе рѣчнаго судоходства, то оно вызвано не „горячею проповѣдью" Гуго Гроція, а расчетами государей, потерявшихъ свои прежніе доходы, благодаря упадку торговли и обратившихся къ ганзейскимъ городамъ съ запросомъ о средствахъ къ возстановленію упавшей торговли. Отвѣтъ, представленный ганзейскими городами, и сталъ основаніемъ вышеупомянутой статьи договора.

[3]) Вообще должно замѣтить, что г. Форштетеръ относится къ текстамъ слишкомъ небрежно и обращается съ ними съ излишней свободой. Такъ, кромѣ указаннаго пропуска, дающаго ему возможность полемизировать съ Pierantoni и Engelhardt'омъ, можно указать еще на пропускъ въ концѣ статьи 5-й парижскаго трактата 1814 г. словъ: „dans leur cours navigable" (XII); слова „*assez* indépendante" переведены „*почти* независимо", „en facilitant"—„через доставленіе величайшихъ удобностей" (XVI, ст. 111).

оправдать рѣзкую критику", которой подвергъ ее Engelhardt. Въ послѣдующей судьбѣ международнаго рѣчнаго судоходства упоминается только берлинская конференція 1885 г., безъ указанія на ея работы, и затѣмъ открытіемъ р. Каруна для международнаго судоходства заканчивается весь историческій очеркъ.

Теоретическая часть работы (стр. VII—VIII; XVIII — XXXVIII) столь же слаба, какъ историческая. Впрочемъ, авторъ даетъ вполнѣ правильное опредѣленіе теоретическаго понятія международной рѣки, считая таковой „всякую судоходную рѣку, впадающую въ открытое море" (VIII). Но къ этому выводу онъ приходитъ путемъ весьма страннаго предположенія, будто въ глазахъ делегатовъ вѣнскаго конгресса „выраженія „большая рѣка" и „рѣка, протекающая по территоріи двухъ или нѣсколькихъ государствъ" казались синонимическими", что рѣшительно ничѣмъ не доказано и ни откуда не слѣдуетъ.

Вполнѣ правильно смотритъ, далѣе, авторъ на вопросъ о свободѣ судоходства, который признаетъ самостоятельнымъ и не зависящимъ отъ того или иного рѣшенія вопроса о правѣ собственности на рѣку (XXIII); но разсужденіе, слѣдующее за этимъ (XXIV), можно бы безъ ущерба опустить, такъ какъ оно только затемняетъ вопросъ. Говоря о юридической природѣ судоходныхъ рѣкъ, г. Форштетеръ высказывается противъ мнѣнія Carathéodory и другихъ, которые полагаютъ, что рѣки не способны перейдти въ индивидуальное обладаніе и должны быть признаваемы за res communes. Приводимые имъ доводы (XXIV—XXVII) далеко не убѣдительны и нѣкоторые изъ нихъ даже комичны, какъ доводъ противъ того, что проточная вода, благодаря своему непрерывному движенію, не поддается фактическому захвату. „Всякому извѣстно, говоритъ авторъ (XXV), что въ морѣ нѣтъ абсолютнаго покоя, что все видимое находится въ постоянномъ движеніи", а потому пришлось бы „отрицать право собственности и на землю, которая также находится въ непрерывномъ вращеніи, и на всѣ предметы растительнаго и животнаго царства, которые подвергаются вѣчной смѣнѣ однихъ жизненныхъ клѣточекъ на другія" и т. д.

Авторъ считаетъ теоретически безспорнымъ абсолютное право собственности государства на орошающія его территорію рѣки (XXVII), признаетъ возможность сособственности нѣсколькихъ государствъ на одну и ту-же рѣку (XXIX), а право пользованія ею для цѣлей судоходства подводитъ подъ понятіе сервитута (XXXII), хотя гораздо удобнѣе было бы признать всѣ права, которыми государства пользу-

ются на чужой рѣкѣ, не сервитутами, а естественными ограниченіями собственности, какъ это, повидимому, и имѣлъ въ виду авторъ, когда раньше (XXXI) отрицалъ за собственностью ея абсолютный, неограниченный характеръ. Возможность законодательныхъ ограниченій собственности г. Форштетеръ понимаетъ слишкомъ узко. „Предѣлъ ихъ, говоритъ онъ (XXIII—XXIV),—избавить третьи лица отъ вреда, наносимаго имъ неограниченнымъ правомъ собственности. Но заботиться о выгодахъ третьихъ лицъ,... даже безъ всякаго ущерба для себя, законодатель оставляетъ на усмотрѣніе субъектовъ правъ: quod tibi non nocet et alteri prodest, ad id potes compelli. „Potes" можешь, но не обязанъ". Изреченіе юриста здѣсь, очевидно, совсѣмъ не у мѣста и направлено какъ разъ противъ г. Форштетера, ибо слова „potes compelli" именно указываютъ на возможность принудительнаго ограниченія права собственности ради выгодъ третьихъ, когда отъ этого не послѣдуетъ ущерба для самого собственника, а вовсе не предоставляютъ рѣшеніе этого вопроса на усмотрѣніе собственника („можешь, но не обязанъ", какъ заявляетъ авторъ). Всѣ дальнѣйшія разсужденія, покоясь на этомъ невѣрномъ основаніи, не могутъ быть особенно убѣдительны.

Изъ другихъ теоретическихъ вопросовъ авторъ останавливается только на задачахъ международныхъ рѣчныхъ коммиссій (XX—XXIII), совершенно игнорируя цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе для цѣли автора—выяснить современное положеніе судоходства по Дунаю. Таковы вопросы о притокахъ, объ устьяхъ, о нейтралитетѣ. Они пріобрѣтаютъ особенную важность именно въ примѣненіи къ интересующей автора международной рѣкѣ.

Въ главной части изслѣдованія, посвященной исторіи и современному состоянію судоходства по Дунаю, мы уже не встрѣчаемъ того небрежнаго отношенія къ дѣлу, какое видѣли раньше. Передъ нами какъ бы другая работа, весьма обстоятельная и серьезная, написанная съ видимой любовью къ дѣлу. Вся судьба Дуная, начиная съ Парижскаго трактата 1856 г. и кончая вопросомъ о Килійскомъ рукавѣ и австро-румынскимъ споромъ, доселѣ не улаженнымъ, изложена прекрасно и съ умѣньемъ. Нѣсколько слабѣе передана эпоха дунайскаго судоходства до 1856 года.

Не останавливаясь на разборѣ этой, въ общемъ прекрасной, части труда, мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя слабыя стороны и на мнѣнія автора, съ которыми трудно согласиться.

Извѣстно, что наше правительство, вступивъ въ серединѣ настоя-

щаго столѣтія въ обладаніе устьями Дуная, относилось къ нимъ съ нѣкоторою небрежностью и своими карантинными стѣсненіями вызывало справедливыя жалобы западныхъ державъ. Брошюры, въ которыхъ указывалось на это печальное состояніе дунайскаго судоходства, г. Форштетеръ клеймитъ названіемъ памфлетовъ (стр. 9), въ томъ числѣ и брошюры извѣстнаго поборника за свободу судоходства Вурма, хотя самъ не въ состояніи опровергнуть приводимыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о препятствіяхъ, которыя встрѣчало судоходство на Нижнемъ Дунаѣ. Нельзя считать опроверженіемъ тѣ доводы, которые приводитъ авторъ. „Если бы, говоритъ онъ, предполагаемыя злоупотребленія Россіи имѣли мѣсто на рѣкѣ, признанной международною..., Россія совершала бы правонарушеніе въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Пока же Дунай не былъ провозглашенъ международною рѣкой, пока территоріальные владѣльцы его не были ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ никакимъ договоромъ, Россія имѣла юридическое право (?) поступать съ принадлежащею ей секціей Дуная, какъ угодно... Правонарушенія не могло быть, ибо не было права, которое можно было бы нарушить“ (стр. 12). Но право существовало и именно такое „юридическое право“, какъ нѣсколько плеонастически выражается авторъ. Это признавало само русское правительство, и у г. Форштетера можно найти доказательство этого въ приводимыхъ имъ словахъ депеши гр. Нессельроде (стр. 25), гдѣ говорится о готовности Государя вести переговоры относительно дунайскаго судоходства, „которое существуетъ по праву“ (qui existe de droit). Фактически нельзя было пользоваться этимъ правомъ вслѣдствіе засоренія устьевъ, но послѣднее произошло опять-таки по нашей винѣ, и мы совершили правонарушеніе, не предпринявъ ничего для очистки Сулинскаго рукава, къ чему насъ обязывала статья 5-я договора 1840 г., о которой авторъ умалчиваетъ [1]). Задача добросовѣстнаго изслѣдователя состоитъ не въ томъ, чтобы оправдывать себя во что бы то ни стало, а въ томъ, чтобы указать истинныя причины такого или иного отношенія къ дѣлу, что̀ большей частью объясняется не вѣрно понятыми интересами государства.

---

[1]) Каково было положеніе судоходства по Нижнему Дунаю послѣ перехода устьевъ отъ Турціи, свидѣтельствуетъ фактъ, о которомъ упоминается и въ разбираемой нами книгѣ (стр. 24). Въ началѣ 50-хъ годовъ Австрія была занята проектомъ устройства сухопутной дороги для сношеній съ Чернымъ моремъ помимо Дуная, — фактъ, встрѣчаемый въ исторіи только въ средніе вѣка, когда рѣки были запружены заставами для сбора пошлинъ.

По поводу парижской конференціи 1858 г. и рѣчи барона Hübner'а авторъ возвращается къ вѣнскому конгрессу 1815 г. и возстаетъ противъ обычнаго и весьма понятнаго правила — въ случаѣ неясности текста договора обращаться за разъясненіемъ къ протоколамъ (стр. 46), какъ это сдѣлалъ делегатъ Австріи, желая доказать, что вѣнскій конгрессъ не имѣлъ въ виду „предоставить одни и тѣ же права подданнымъ не прибрежныхъ, что и подданнымъ прибрежныхъ государствъ". Текстъ статьи 109-й, вопреки мнѣнію г. Форштетера, нисколько этому не противорѣчитъ: онъ устанавливаетъ равенство для всѣхъ націй, но только въ отношеніи торговли, а не судоходства, какъ этого желалъ лордъ Clancarty, когда предложилъ свою редакцію статьи 109-й, отвергнутую конгрессомъ. Однако, не позволяя барону Hübner'у обращаться къ протоколамъ, авторъ не только разрѣшаетъ это себѣ лично (стр. 128, 130), но считаетъ, и не безъ основанія, постановленія протоколовъ столь же обязательными, какъ и текстъ договора. Такъ, онъ заявляетъ, что Россію обязываетъ „торжественное обѣщаніе ея полномочнаго, занесенное въ протоколъ конференціи" 1883 г. (стр. 132), и, перечисляя статьи этой конференціи, замѣчаетъ: „къ этимъ статьямъ должно прибавить постановленіе конференціи, не вошедшее въ трактатъ, но занесенное въ протоколъ засѣданія 7-го марта 1883 г. и имѣющее такую же законную силу, какъ статьи, вошедшія въ трактатъ" (стр. 121).

Особенно долго останавливается авторъ на современномъ состояніи судоходства по Дунаю, на лондонской конференціи 1883 г. и ея послѣдствіяхъ. Вполнѣ правильно обосновываетъ онъ съ формальной стороны притязанія, предъявленныя конференціи со стороны Россіи относительно Килійскаго устья. Нападки, которымъ подверглись эти притязанія Россіи, удовлетворенныя конференціей, нашли справедливый отпоръ: онѣ основываются на предположеніяхъ о будущихъ злоупотребленіяхъ со стороны русскаго правительства, вступившаго въ обладаніе Килійскимъ гирломъ; но эти предположенія покоятся на прошломъ дунайскаго судоходства, отъ котораго Россія уже отреклась устами кн. Горчакова на парижскомъ конгрессѣ 1856 г. и барона Моренгейма на лондонской конференціи 1883 г., такъ что всѣ опасенія за свободу судоходства по Нижнему Дунаю, являются лишь запоздалымъ отголоскомъ старой эпохи до парижскаго конгресса 1856 г.

Австро-румынскому конфликту, вызванному учрежденіемъ на Среднемъ Дунаѣ такъ-называемой Смѣшанной коммиссіи, посвящена почти четвертая часть книги (стр. 67—115). Этотъ вопросъ въ настоящее

время, дѣйствительно, является наиболѣе важнымъ въ дѣлѣ дунайскаго судоходства и требуетъ возможно скораго рѣшенія. Обстоятельства австро-румынскаго конфликта изложены весьма подробно, доводы защитниковъ той и другой стороны взвѣшены съ должнымъ вниманіемъ, хотя противъ возраженій, которыя авторъ дѣлаетъ сторонникамъ Румыніи, можно сказать весьма многое. Безусловное поклоненіе передъ приговоромъ великихъ державъ приводитъ автора къ тому, что онъ становится на сторону Австріи противъ Румыніи. Въ австро-румынскомъ спорѣ мы рѣшительно присоединяемся къ германскимъ публицистамъ, принимая сторону Румыніи; мы думаемъ, что ея протестъ послужитъ на пользу дунайскому судоходству и приведетъ въ будущемъ къ установленію, если не единаго, то во всякомъ случаѣ менѣе разнообразнаго режима на этой важнѣйшей изъ всѣхъ международныхъ рѣкъ Европы.

Заканчивая оцѣнку труда г. Форштетера, мы можемъ лишь повторить то, что уже сказано въ предисловіи къ нему В. А. Уляницкимъ, принявшимъ на себя его редакцію. Вопросъ о Дунаѣ, дѣйствительно, изложенъ авторомъ вполнѣ обстоятельно (стр. 6); но въ виду того, что книга предназначалась и для не спеціалистовъ (стр. V), можно было ожидать, хотя бы краткаго, но полнаго историческаго очерка и изложенія въ сжатомъ видѣ всѣхъ теоретическихъ вопросовъ международнаго рѣчнаго судоходства. Эта историко-теоретическая часть изслѣдованія весьма слаба. За то вторая часть, спеціально относящаяся къ Дунаю, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, хотя и въ ней мы не можемъ не замѣтить, вмѣстѣ съ г. Уляницкимъ, „слишкомъ довѣрчиваго иногда отношенія къ дипломатическимъ документамъ и склонности къ идеализированію“ международныхъ актовъ, которые въ основѣ своей имѣютъ чисто политическія соображенія и лишь прикрываются правовыми мотивами.

В. Грабарь.

Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. *Ѳ. И. Успенскаго.* Одесса. 1890.

Недавно младшій изъ русскихъ университетовъ — Новороссійскій (Томскій еще въ зародышѣ) праздновалъ свое первое двадцатипятилѣтіе. По этому случаю проф. Успенскому пришла благая мысль вспомнить дѣятельность одного изъ первыхъ профессоровъ этого университета, которому выпало на долю — намѣтить то поле, на какомъ преимущественно должна развиваться дѣятельность истори-

ковъ-профессоровъ и воспитанниковъ этого университета. Поставленный въ краю, полномъ историческихъ воспоминаній, переносящихъ насъ далеко за предѣлы эпохи основанія русскаго государства, краю, бывшемъ поприщемъ дѣятельности многихъ народовъ, краю, наконецъ, поставленномъ географіею въ ближайшихъ отношеніяхъ къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ, живущимъ за предѣлами русскаго государства, — университетъ этотъ имѣетъ, кромѣ общей задачи каждаго университета — приносить высшую науку въ то общество, посреди котораго онъ существуетъ, еще спеціальную задачу—изучить этотъ край и сдѣлать его настоящее и прошедшее достояніемъ науки и тѣмъ, стало быть, поднять сознаніе и положить основы будущему. Показателями этого пути явились въ Новороссійскомъ университетѣ В. И. Григоровичъ и Ф. К. Брунъ. Авторъ сближаетъ ихъ общею имъ преданностію наукѣ и характеромъ, стоящимъ выше ежедневныхъ дрязгъ, тѣмъ, что называется „не отъ міра сего". Онъ не говоритъ, почему онъ выбралъ преимущественно характеристику Григоровича, не смотря на то, что дѣятельность Бруна надъ изученіемъ Новороссіи была и продолжительнѣе и обильнѣе; но читатель можетъ понять, что причиною была разница между ними, состоящая въ томъ, что интересы Бруна были чисто научные, спеціальные, а интересы Григоровича проникнуты были ясно высказываемою имъ философскою мыслью; оттого у Бруна можно многому научиться, а за Григоровичемъ должно идти, хотя, по вѣрному замѣчанію автора, дѣятельность его проявилась въ небольшихъ и не многочисленныхъ статьяхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ или появившихся въ рѣдкихъ теперь брошюрахъ; капитальнаго труда ждали отъ Григоровича и не дождались. Не смотря однако на то, дѣятельность Григоровича, какъ ее объясняетъ блестящая характеристика, сдѣланная Ѳ. И. Успенскимъ съ тѣмъ мастерствомъ, къ которому онъ пріучилъ насъ въ своихъ статьяхъ, имѣющихъ популярный, а не спеціальный характеръ, дѣятельность эта—прокладывающая путь (Bahnbrechend). Воспитанникъ романтическо-философской эпохи, поэтически-восторженный Григоровичъ ставилъ выше всего идею и ей служилъ всю свою жизнь. Идея эта особенно ярко предстала передъ нимъ, когда въ Римѣ, поднявшись на Monte Cavo, онъ созерцалъ окрестность, и, прозрѣвая значеніе Рима, онъ выразилъ эту свою идею въ магистерской диссертаціи: „Опытъ изложенія литературы славянъ", эпиграфомъ которой взялъ слова Гегеля: „Keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges Studium der

Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanke ist, dass alle Uebergange und Entwickelungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen". Проф. Успенскій такъ характеризуетъ это первое сочиненіе Григоровича: „Установивъ въ славянской исторіи обособляющія начала, давшія выраженіе противоположностямъ и типическимъ различіямъ, авторъ приводитъ затѣмъ эти начала къ общимъ идеямъ и идеаламъ человѣчества съ цѣлію показать участіе славянъ въ разработкѣ этихъ послѣднихъ". Въ своемъ извѣстномъ „Путешествіи по Европейской Турціи" авторъ слѣдитъ и индивидуальныя и общечеловѣческія черты у славянъ, указывая на объединяющее значеніе христіанства. Въ своей вступительной лекціи въ Московскомъ университетѣ Григоровичъ указываетъ на объединительное значеніе церковно-славянскаго языка. Въ Москвѣ Григоровичъ былъ не долго: занявъ мѣсто Бодянскаго, административно удаленнаго, онъ не возбудилъ сочувствія въ студентахъ; тѣмъ не менѣе однако Гильфердингъ,—что видно изъ писемъ его къ Григоровичу, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" послѣ смерти того и другаго,—считалъ именно его, а не Бодянскаго своимъ учителемъ. Въ Казани, въ рѣчи о Сербіи, Григоровичъ указалъ на значеніе для славянской исторіи Византіи и представилъ блестящую характеристику отношенія грековъ къ другимъ племенамъ Балканскаго полуострова. Проф. Успенскій совершенно основательно считаетъ его первоначальникомъ византійскихъ занятій въ русской наукѣ. Высокое значеніе этой рѣчи было тогда же оцѣнено Котляревскимъ (см. т. I-й его сочиненій). Въ Одессу привлекли Григоровича надежды объединить здѣсь, съ помощью мѣстныхъ силъ, занятія византійскія, славянскія и румынскія. Мысль не удалась. Григоровичъ даже одно время отчаялся въ будущности университета; но скоро воспрянулъ и съ жаромъ принялся за изученіе мѣстной географіи и этнографіи. Такъ онъ изучилъ документы архива главнаго штаба, относящіеся до края, совершалъ поѣздки, въ которыхъ не обращался за свѣдѣніями къ властямъ, а распрашивалъ мѣстныхъ жителей. Привлекательный образъ Григоровича (чудачество котораго чрезвычайно хорошо объяснилъ Ѳ. И. Успенскій) обрисовывается его любовными отношеніями къ студентамъ, не простиравшимися однако до уступки ихъ неразумнымъ требованіямъ. „Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ"—не только воспоминанія о заслуженномъ человѣкѣ; они вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ вниманіе къ его руководящей мысли, сознаніе которой должно стать достояніемъ общества; они

также призываютъ мѣстныхъ дѣятелей къ плодотворной работѣ на полѣ, указанномъ имъ Григоровичемъ. Чтеніе такой книги можетъ и должно возбудить много хорошихъ чувствъ, и за это нельзя не поблагодарить автора.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Къ статьѣ П. А. Ровинскаго „Раскопка древней Діоклеи".

Найденные при раскопкахъ, произведенныхъ въ древней Діоклеѣ, и изданные въ іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (Отдѣлъ класс. филол., стр. 10) обломки латинской надписи подлежатъ нѣсколько иному толкованію, чѣмъ то, которое даетъ имъ почтенный издатель. Сопоставляя ихъ, видимъ прежде всего, что текстъ надписи повторялся на архитравѣ, по меньшей мѣрѣ, два раза—предположительно на передней и задней сторонахъ зданія. Къ одной части относятся обломки: 4, 5, 1; къ другой 7, 8, 9; обломокъ 2-й къ главной надписи не принадлежитъ. Изъ сопоставленія обѣихъ редакцій главной надписи текстъ ея можетъ быть возстановленъ въ слѣдующемъ видѣ:

M. FL(avio) M. F(ilio) Q(uirina) BALBINO. HVIC. DEFVNC(to) ORDO DOCL. HONORES OMNES ET STATVAM EQVESTREM [dedit]... FL. FRONTO ET FL. TERTVLLA PARENTES INAVRAVERVNT.

Изъ этого текста явствуетъ, что зданіе сооружено въ честь и память нѣкоего Бальбина, сына Флавія Фронтона и Флавіи Тертуллы, которому, послѣ его кончины, въ благодарность за оказанныя городу услуги, муниципальный сенатъ присудилъ всѣ обычныя почести и конную статую, безъ сомнѣнія, бронзовую, которую его родители вызолотили на свой счетъ (сравн. auro inlustrem statuam на извѣстной базѣ Симмаха у Or. 1186). Обломокъ 2-й относится къ надписи, посвященной въ честь отца этого Бальбина, Флавія Фронтона, ничего общаго съ извѣстнымъ Фронтономъ не имѣющаго; изъ его gentilicium можно извлечь дополненіе къ DIVI во второй строчкѣ, прибавивъ: Vespasiani. Фрагментъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ отнести Діоклею къ трибѣ Quirina. До сихъ поръ въ Далмаціи встрѣчались лишь двѣ трибы: Sergia и Tromentina (J. W. Kubitschek. Imperium romanum tributim discriptum. Vindob. 1889, p. 232 и сл.).

И. Помяловскій.

Книжныя новости.

Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета. Историческая записка проф. *А. И. Маркевича*. Одесса.—Подъ скромнымъ названіемъ исторической записки изданъ обширный трудъ проф. Маркевича, заключающій въ себѣ исторію Новороссійскаго университета за первые 25 лѣтъ его существованія. Сочиненіе это составлено главнымъ образомъ по офиціальнымъ документамъ, но оживлено также свѣдѣніями изъ частныхъ источниковъ. Чтобы судить о размѣрахъ книги, достаточно сказать, что I-я глава, излагающая ходъ преобразованія Ришельевскаго лицея въ университетъ, заключаетъ въ себѣ 147 страницъ. Еще обширнѣе глава II-я, гдѣ обозрѣвается положеніе каѳедръ въ университетѣ съ 1865 по 1890 годъ и сообщаются біографическія свѣдѣнія о преподавателяхъ и библіографія ихъ трудовъ. Остальныя главы посвящены обзору учебно-воспитательныхъ учрежденій университета, его управленія и содержанія, положенія учащихся, дѣятельности ученыхъ обществъ и съѣздовъ при университетѣ и т. д. Въ столь обширномъ трудѣ, который при томъ пришлось автору обработать къ извѣстному сроку, трудно было, конечно, избѣжать ошибокъ и недочетовъ. Г. Маркевичъ самъ постоянно указываетъ тѣ пробѣлы, которые онъ не въ состояніи былъ пополнить; быть можетъ, помощь его товарищей могла бы быть ему полезна въ этомъ отношеніи; но, къ сожалѣнію, слѣды такой помощи видны только со стороны немногихъ лицъ. Иногда свѣдѣнія сообщаются условно, съ оговорками: „кажется", „повидимому" и т. п., и должно замѣтить, что такія оговорки попадаются нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могла быть наведена документальная справка. Очевидно, подобные пріемы не умѣстны въ трудѣ серьезномъ. Нельзя также не замѣтить, что во многихъ частяхъ сочиненія изложеніе небрежно и потому совершенно не соотвѣтствуетъ важности предмета. Не смотря однако на указанные недостатки, нельзя не признать, что въ общемъ работа проф. Маркевича представляется весьма богатою фактами, на собраніе которыхъ авторъ не пожалѣлъ ни времени, ни усердія.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія книги:

О. Т. Голубевъ. Южнорусскій православный катихизисъ 1600 года. Кіевъ.

Русская наука въ последнія двадцать пять лѣтъ. Публичная лекція, прочтенная 17-го апрѣля 1890 года въ актовомъ залѣ Императорскаго Новороссійскаго университета, по случаю двадцатипятилѣтія университета, ординарнымъ профессоромъ *В. И. Модестовымъ*. Одесса.

Отчетъ по постройкѣ зданія для Минусинскаго музея и библіотеки. Минусинскъ.

Лукіанъ. Сочиненія. Съ греческаго перевелъ *В. Алексѣевъ*. Выпускъ второй. С.-Пб.

Инн. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Съ приложеніемъ 18 таблицъ рисунковъ. Томскъ. 1889.

Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1889 годъ. Тифлисъ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціею *Н. Дубровина*. С.-Пб.

Историческая записка о Ростовскомъ городскомъ 4-классномъ училищѣ съ 1786 по 1888 годъ. Составилъ *А. А. Соколовъ*. Ярославль.

Методика рисованія. Вторая ступень. Руководство для учителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Выпускъ первый. Составилъ *А. К. Гортовъ*. Казань.

Краткій курсъ естествовѣдѣнія для женскихъ гимназій. Часть I. Составилъ *Гр. С. Игнатовскій*. Тифлисъ.

Народная школа. Руководство для учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Составилъ *А. Анастасіевъ*. Симбирскъ.

Географія всеобщая и русская. Съ приложеніемъ 4-хъ картъ. Изданіе Коммиссіи народныхъ чтеній подъ редакціей *И. П. Хрущова*.

ПОПРАВКА.

Въ іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ отдѣлѣ Критики и библіографіи, на стр. 171-й, строка 2-я съ низу, вкралась слѣдующая неточность:

Напечатано:	*Слѣдуетъ*:
которое, впрочемъ,	и изданіе это.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Д. Шнелле. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ. Для старшихъ классовъ русскихъ гимназій обработалъ *Е. Павликовскій*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской I гимназіи. М. 1889. Въ 8-ку стр. VIII+285. Цѣна 1 р. 25 коп.

Нѣмецкій подлинникъ вышеозначеннаго русскаго перевода явился въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Aufgabensammlung zum Uebersetzen ins Griechische von Dr. Gustav Wendt usw. und Dr. Karl Schnelle. Zweite Abtheilung. Für Secunda und Prima. Dritte Auflage. Berlin. 1885. Учебникъ дѣлится на два курса, изъ которыхъ первый составленъ д-ромъ Шнелле, второй — д-ромъ Вендтъ. Достоинствами его надобно признать: 1) обиліе матеріала, доставляющее преподавателю возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣнять темы и не находиться въ необходимости изъ года въ годъ повторять тексты одного и того же содержанія; 2) цѣлесообразность статей относительно закона постепенно возростающей синтактической трудности; 3) форма статей, которыя представляютъ собою связные разказы, заставляющіе ученика вникать въ многообразные виды сочетанія предложеній и періодовъ; 4) любопытное содержаніе этихъ статей, удачно заимствованныхъ, по большей части, изъ читаемыхъ въ гимназіяхъ классическихъ авторовъ, съ надлежащими измѣненіями подлиннаго текста, въ виду примѣненія къ этимъ статьямъ синтактическихъ правилъ; 5) приложеніе толковаго сборника объяснительныхъ примѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ и общаго нѣмецко-греческаго словаря по алфавитному порядку. Эти отличныя свойства нѣмецкой книги уже раньше

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

заставили одного изъ русскихъ педагоговъ-филологовъ, при составленіи сборника статей для перевода на греческій языкъ, воспользоваться трудомъ гг. Вендта и Шнелле. Въ 1876 вышелъ учебникъ: „Упражненія на правила синтаксиса и связныя статьи и т. д. Составилъ по Гаупту и Шнеллю Я. Кремеръ". Кромѣ того, по словамъ г. Павликовскаго (см. предисловіе, стр. III), нѣкоторые преподаватели московскихъ гимназій давно уже обратили должное вниманіе на руководство Шнелле-Вендта и положили его въ основаніе классныхъ и домашнихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на греческій, не смотря на неудобства и потерю времени при употребленіи руководства, составленнаго на иностранномъ языкѣ. Вотъ, кажется, причины, побудившія г. Павликовскаго предложить первый курсъ нѣмецкаго учебника, составленный однимъ д-ромъ Шнелле, въ русскомъ переводѣ, который содержитъ въ себѣ общимъ числомъ 212 статей, подведенныхъ подъ слѣдующія главы теоретическаго синтаксиса: I глава § 1—18. Именительный и винительный падежи. II гл. § 19—41. Родительный падежъ. III гл. § 42—59. Дательный падежъ. IV гл. § 60—79. Статьи на всѣ падежи. V гл. § 90—105. Залоги глагола. VI гл. § 106—120. Времена глагола. VII гл. § 121—143. Наклоненія глагола. VIII гл. § 144—157. Неопредѣленное наклоненіе. IX гл. § 158—171. Причастіе, X гл. § 172—212. Смѣшанныя статьи. Нѣмецкій текстъ переданъ точно и вѣрно; отъ подлинника г. Павликовскій отступилъ лишь въ томъ, что онъ перенесъ помѣщенныя у Шнелле въ видѣ приложенія примѣчанія подъ самый текстъ, съ чѣмъ, впрочемъ, совершенно согласиться нельзя, такъ какъ мѣсто, назначенное примѣчаніямъ у Шнелле, болѣе заставляетъ ученика изучать и усвоивать себѣ синтактическія и лексическія указанія, чѣмъ у переводчика. Грамматическія ссылки нѣмецкой книги г. Павликовскій замѣнилъ ссылками на два русскихъ учебника, на „Греческій синтаксисъ гимназическаго курса", сост. Э. В. Чернымъ, изд. 4. М. 1888, и „Синтаксисъ греческаго языка для гимназій", сост. И. П. Млинаричемъ. М. 1880.

Своимъ трудомъ г. Павликовскій доставилъ преподавателямъ греческаго языка новое учебное пособіе, которое, не говоря о необыкновенно тщательной внѣшней обработкѣ, отличается богатствомъ матеріала, представляющаго на каждое правило по нѣскольку страницъ равностепенныхъ упражненій различнаго содержанія, удачною группировкою статей по синтактической трудности, умѣлымъ приспособленіемъ русскаго текста къ предполагаемому греческому и, наконецъ, добро-

совѣстно составленнымъ словаремъ; только русскій слогъ статей, обнаруживающій вліяніе нѣмецкихъ оборотовъ подлинника, съ одной стороны, а съ другой—излишнее желаніе наводить ученика на требуемые обороты греческаго перевода, потребовалъ бы во многихъ мѣстахъ тщательнаго пересмотра для слѣдующаго изданія.

Грамматика греческаго языка. Составилъ *I. Марешъ*, инспекторъ Олонецкой гимназіи. Часть первая. Этимологія. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 212. Цѣна 90 к.

Составитель вышеозначенной книги, объясняя цѣль своего труда, говоритъ въ предисловіи слѣдующее: „Въ настоящее время въ средѣ педагоговъ всѣхъ странъ установился вѣрный взглядъ, въ силу котораго необходимо заботиться о томъ, чтобы учащееся юношество не обременялось массою лишнихъ, иногда совершенно безполезныхъ свѣдѣній по грамматикѣ, твердо усвоило себѣ главныя основанія этимологіи въ теченіе не продолжительнаго времени... и по возможности скорѣе приступило къ чтенію древнихъ писателей. Руководясь такимъ взглядомъ, я рѣшился, на сколько возможно, сократить объемъ этимологическаго матеріала, ограничиться лишь самымъ необходимымъ для чтенія древнихъ писателей и прибѣгать къ строго филологическому изложенію грамматическихъ явленій, въ сжатомъ видѣ, лишь тамъ, гдѣ это являлось неизбѣжнымъ въ интересахъ самаго дѣла, его упрощенія и подведенія разнородныхъ явленій подъ однородныя“. Въ чемъ состоитъ это сокращеніе этимологическаго матеріала,— не указано составителемъ; оно и не особенно замѣтно. Книга содержитъ въ себѣ приблизительно все то, что̀ обыкновенно помѣщается въ школьныхъ учебникахъ этимологіи греческаго языка; намъ пришлось замѣтить только отсутствіе склоненія прилагательныхъ сложныхъ съ νοῦς и πλοῦς, а также склоненія личнаго мѣстоименія 3-го лица, вмѣсто котораго является αὐτός; то и другое скорѣе похоже на нечаянный пропускъ, чѣмъ на намѣренное сокращеніе. Что касается „строго филологическаго изложенія“, къ которому составитель прибѣгалъ въ извѣстныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду объясненія образованія временъ глаголовъ. Если въ § 55 составитель сообщаетъ первоначальныя личныя окончанія глаголовъ, то въ этомъ онъ слѣдуетъ примѣру почти всѣхъ послѣдователей Курціуса; мы сомнѣваемся однако, удобно ли сообщать эти окончанія передъ парадигмою настоящаго времени глагола παιδεύω, въ спряженіи котораго бо̀льшая часть этихъ окончаній не встрѣчается въ томъ видѣ, въ какомъ

она содержится въ таблицѣ; эту таблицу удобнѣе было помѣстить передъ парадигмами спряженія глаголовъ на μι. То же самое можно замѣтить относительно указанія (§ 56, д. 1), что примѣтою optativi служитъ ιη; и это указаніе—не на мѣстѣ, но по крайней мѣрѣ, оно, равно какъ и предыдущее, само по себѣ не безполезно и служитъ для уясненія цѣлой группы явленій. Совершенно безполезнымъ обремененіемъ учащихся, однако, слѣдуетъ считать слѣдующаго рода объясненія: § 65 „Греческая форма Futuri—есть форма сложная, состоящая изъ основы самого глагола и будущаго времени вспомогательнаго глагола εἰμί я есмь, основа котораго εσ и futurum первоначально ἔσω, лат. ero (аттич. ἔσομαι).... Корень вспомогательнаго глагола εσ, лат. es (esse) имѣетъ ту особенность, что иногда пропадаетъ его начальное ε, напримѣръ, лат. sum произошло изъ es-o-mi, sunt изъ es-o-nti, русское суть изъ сѫть (кор. ес+нос. звукъ и оконч.=онть); на этомъ основаніи можно предположить, что такое опущеніе буквы ε происходитъ и въ греческомъ языкѣ, гдѣ fut. отъ εἰμί можетъ быть—σω вмѣсто ἔσω". Или: § 67: „Какъ при образованіи Futuri, можно сдѣлать выводъ, что и предполагаемая форма аориста ἔσαμ могла подвергаться опущенію буквы ε, такъ что осталась только—σαμ и вслѣдствіе дальнѣйшаго отпаденія σ образовалось—αμ, гдѣ на основаніи звуковыхъ законовъ греческаго языка μ въ концѣ слова опускается". Какъ тутъ не спутаться ученику, тѣмъ болѣе, что звуковые законы, на которые ссылается составитель, нигдѣ имъ не изложены! § 74: „Къ чистой основѣ приставляется въ качествѣ примѣты Perfecti κ, а затѣмъ древнѣйшія формы личныхъ окончаній, для перваго лица—μα, изъ котораго вслѣдствіе перестановки произошло—αμ, а затѣмъ осталось только α". § 79: „Окончаніе ει-ν произошло изъ praeteritum вспомогательнаго глагола εἰμί=ἔσαμ=eram; когда σ между двумя гласными выпала, то ε+α слилось въ η и μ перешло въ ν; затѣмъ η подверглась растяженію въ ει". Подобныя объясненія должны казаться ученику совершенно произвольными и не могутъ не уничтожить въ немъ вѣру въ законность явленій греческаго языка, въ которомъ все оказывается возможнымъ: одинъ разъ ἔσαμ превращается въ α, другой разъ то же самое ἔσαμ превращается въ ειν, а почему это такъ—ученику не извѣстно. И какая отъ всего этого польза? О научности изложенія можно позаботиться инымъ образомъ, чѣмъ помѣщая въ учебную грамматику предположенія ученыхъ о происхожденіи той или другой формы, а именно—слѣдуетъ избѣгать того, что̀ противорѣчитъ наукѣ, каковы слѣдующія мѣста книги г. Мареша:

въ § 11 междометіе ὦ принимается за звательный падежъ члена; въ § 12 сказано: „окончаніе α въ женскомъ родѣ послѣ ε, ι, ρ называется α purum“; въ § 21 составитель полагаетъ, что въ аттическомъ склоненіи къ основѣ, оканчивающейся на ω, прибавляются окончанія οο, ῳ, ον и т. д., и затѣмъ сливаются съ ω основы въ одинъ слогъ. Въ § 23 онъ различаетъ въ 3-мъ склоненіи основы, оканчивающіяся „1) на согласныя, 2) на гласныя и 3) на буквы выбрасываемыя“. Въ § 24 сказано, что именительный падежъ бываетъ „1) сигматическій, когда къ основѣ приставляется окончаніе именительнаго падежа—ς, 2) асигматическій, когда—ς въ именительномъ падежѣ отбрасывается“. § 29, искл. 3: „Степени сравненія образуются посредствомъ прибавленія къ основѣ—έστερος,—έστατος“ а примѣръ—ἄκρατος, основа котораго не ἀκρατ, а ἀκρατο. Та же самая неточность въ опредѣленіи основы повторяется относительно прилагательныхъ, принимающихъ окончанія—ίστερος,—ίστατος. Не научно также говорить (стр. 57), что ῃ „растягивается“ въ ει, или что ιη „смягчается“ въ ιε; и то, и другое правильнѣе разсматривается какъ сокращеніе.

Порядокъ, въ которомъ изложены склоненія, общепринятый. Въ спряженіи авторъ разбираетъ каждое время отдѣльно со всѣми относящимися къ нему особыми явленіями; полной парадигмы глагола на ω не представляется. Значитъ, слѣдуя строго порядку, принятому въ учебникѣ г. Мареша, ученики не могутъ проспрягать ни одного глагола раньше, чѣмъ они не прошли все до § 92 и не изучили всѣ особенности спряженія различныхъ классовъ глаголовъ, не имѣя при этомъ изученіи въ твердо усвоенномъ образцѣ простаго спряженія той необходимой нормы, которая могла бы служить имъ аріадниною нитью въ лабиринтѣ формъ греческаго спряженія. При томъ, и внѣшній видъ таблицъ затрудняетъ заучиваніе парадигмъ; эти таблицы спряженія напечатаны такъ разгонисто, что не даютъ возможности охватить однимъ взглядомъ даже формы различныхъ наклоненій одного и того же времени; напримѣръ, на стр. 79 помѣщаются только Ind. и Conj. aoristi глагола παιδεύω, а optativus, imperativus, infinitivus и participium напечатаны уже на оборотѣ листа. Такая непроизводительная трата бумаги до крайности доведена въ таблицѣ глагола ἵστημι, спряженіе котораго занимаетъ не менѣе 10 страницъ (стр. 116—125). Неудобнымъ также слѣдуетъ признать способъ, принятый при печатаніи таблицъ на стр. 36 и 37 и 154—167, гдѣ таблицы идутъ поперекъ листа, такъ что для пользованія ими надо поворачивать книгу къ себѣ бокомъ.

Въ концѣ книги на 38 страницахъ (стр. 170—208) помѣщена глава о гомерическомъ нарѣчіи; въ томъ обширномъ видѣ, въ которомъ тутъ излагается этимологія гомеровскаго языка, она не можетъ проходиться послѣдовательно; для справокъ же она годится и годилась бы еще болѣе, еслибы содержаніе ея вошло въ составъ указателя, прибавленнаго авторомъ на послѣднихъ четырехъ листахъ книги.

Указавъ на недостатки книги, мы по справедливости должны и отмѣтить ея достоинства. Начиная съ внѣшняго ея вида, мы не можемъ не признать, что она напечатана четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и почти безъ типографическихъ ошибокъ, какъ въ русскомъ текстѣ, такъ и въ греческихъ словахъ, въ которыхъ тщательно соблюдены надстрочные и подстрочные знаки. Особеннымъ преимуществомъ книги является прибавленный къ ней index; это драгоцѣнная вещь для ученика, желающаго въ случаѣ недоумѣнія справиться по грамматикѣ. Если принять, кромѣ того, во вниманіе, что книга содержитъ въ себѣ все необходимое изъ греческой этимологіи, что сообщаемыя правила вообще вѣрны и изложены удобопонятно, и что не совсѣмъ удобное распредѣленіе ученія о глаголѣ можетъ быть безъ особеннаго труда исправлено преподавателемъ, проходящимъ этотъ отдѣлъ грамматики въ нѣсколько иной послѣдовательности параграфовъ, то можно признать книгу г. Мареша хотя и не удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ хорошаго учебника, но все-таки пригодною къ преподаванію греческой грамматики.

Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевелъ *И. Мейеръ.* Изданіе четвертое. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 283. Цѣна 1 р.

Предыдущія изданія учебника г. Мейера представляли переводъ съ перваго изданія грамматики греческаго языка, составленной извѣстнымъ чешскимъ филологомъ Г. Нидерле, послѣ смерти котораго пятое изданіе его труда обработалъ профессоръ Пражскаго университета д-ръ I. Краль, принявшій во вниманіе всѣ новѣйшіе результаты науки на основаніи работъ Бругмана, Густава Мейера и др. Исправленія и дополненія, сдѣланныя Кралемъ, относятся преимущественно къ статьямъ о фонетикѣ, такъ какъ, благодаря успѣхамъ сравнительнаго языковѣдѣнія, эта часть этимологіи наиболѣе нуждалась въ пересмотрѣ для того, чтобы поставить трудъ покойнаго ученаго на уровень современнаго научнаго взгляда. По усовершенствованному такимъ образомъ чешскому учебнику г. Мейеръ исправилъ и дополнилъ четвертое изданіе

своего труда, которое, по внѣшнему виду, почти совершенно совпадаетъ съ третьимъ. Число отдѣловъ (3), главъ (XXII), параграфовъ (464) и приложеній (III) не измѣнилось; въ нумераціи параграфовъ кое-гдѣ встрѣчаются отступленія отъ предыдущаго изданія; но г. Мейеръ сумѣлъ, каждый разъ, новымъ распредѣленіемъ матеріала возстанавливать прежній порядокъ, такъ что въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, сохранилась нумерація третьяго изданія. Самая большая часть измѣненій и дополненій въ разсматриваемомъ изданіи, по образцу подлинника, выпала на долю фонетики. Въ прочихъ же отдѣлахъ замѣчаются лишь незначительные выпуски, какъ напримѣръ, въ § 185 (таблица), въ § 186 (сравненіе всѣхъ склоненій) и пр., или дополненія, какъ напримѣръ, въ § 223 и др. Вообще съ § 79 матеріалъ, какъ въ главномъ текстѣ, такъ и въ приложеніяхъ, почти не тронутъ. За то послѣ § 373 прибавлены весьма цѣлесообразныя объяснительныя примѣчанія къ отдѣльнымъ параграфамъ (стр. 204—217), и оба указателя приноровлены къ сдѣланнымъ въ книгѣ измѣненіямъ.

Однимъ словомъ, четвертое изданіе труда г. Мейера представляетъ несомнѣнныя улучшенія и въ то же время, сохранивъ видъ прежняго изданія, не вытѣсняетъ его изъ класснаго употребленія. Какъ по формѣ, такъ и по содержанію, оно не только является весьма хорошимъ руководствомъ въ рукахъ опытнаго преподавателя, но въ особенности, какъ учебное пособіе, можетъ приносить не малую пользу ученикамъ старшихъ классовъ для разъясненія и дополненія пріобрѣтенныхъ ими по другимъ учебникамъ въ классѣ свѣдѣній по греческой этимологіи.

Lucianus Samosatensis. Избранные разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ для употребленія въ гимназіяхъ издалъ *Ив. Млинаричъ*, инспекторъ Тульской гимназіи. Изданіе третье исправленное. Москва. 1890. Стр. 128. Цѣна 70 коп.

Если и слѣдуетъ признать комментированныя изданія классическихъ авторовъ за весьма важныя и безсомнѣнно полезныя для пониманія текста пособія, то нельзя не заявить, что одни словари, приложенные къ тексту, въ виду существующихъ уже полныхъ словарей въ родѣ греческо-русскаго словаря А. Д. Вейсмана, оказываются не только лишними, но могутъ считаться даже вредными, такъ какъ они съ намѣреніемъ устраняютъ употребленіе одного изъ главныхъ источниковъ для изученія языка и облегчаютъ трудъ учаща-

гося прямо на счетъ прочнаго расширенія филологическихъ его свѣдѣній и умственнаго его развитія. Къ послѣдней категоріи школьныхъ изданій принадлежитъ вышеозначенная книга г. Млинарича, вышедшая нынѣ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ. Она содержитъ въ себѣ 8 діалоговъ боговъ и 24 діалога въ царствѣ мертвыхъ Лукіана. Выборъ статей удаченъ и по содержанію цѣлесообразенъ для школьнаго употребленія.

Словарь, прибавленный къ греческому тексту, почти вдвое превосходитъ своимъ объемомъ самый текстъ (въ словарѣ 80 стр., а въ текстѣ 48 стр.). Этотъ словарь, съ одной стороны, даетъ слишкомъ много, заключая въ себѣ такія общеупотребительныя слова, которыя извѣстны уже ученикамъ 4-го и даже 3-го классовъ гимназій (см. ὁ, ἡ, τό; ὅς, ἥ, ὅ; εἰμί и т. д.), а съ другой стороны—въ немъ не помѣщено никакихъ указаній ни на фразеологическія, ни на грамматическія особенности самосатскаго сатирика. Кое-гдѣ, и то безъ всякаго видимаго основанія, г. Млинаричъ прибѣгаетъ къ совершенно общимъ ссылкамъ на грамматику, не считая нужнымъ указать на отдѣлъ и параграфъ (напримѣръ, s. v. ἄχρι см. грам. и т. д.). Если это напоминаніе въ такой неопредѣленной формѣ нужно было непремѣнно, зачѣмъ оно не помѣщено разъ навсегда въ предисловіи? Что же касается до фразеологіи, то, при настоящемъ устройствѣ словаря, найдя въ немъ сообщаемыя свѣдѣнія s. vv. ὡς, παντοῖος и δείδω, ученикъ врядъ ли, пойметъ, что значитъ фраза: ὡς παντοῖος ἦν δεδιώς (см. θεῶν διαλογ. 4, 2). Кромѣ того, нѣтъ словъ, какъ ἅτερα, τῷ-τίνι и друг. Слово μνᾶ въ словарѣ показано въ значеніи монеты, но ничего не сказано, что оно обозначаетъ и вѣсъ (см. νεκρίκ. διαλογ. 8, 9, πέντε μναῖ τριχῶν). Слово ἦν указано только въ значеніи ἐαν, si, тогда какъ въ оборотѣ ἦν ἰδού (см. νεκρικ. δ. 8, 10) ἦν имѣетъ другое значеніе. Особенно ощутительно отсутствіе существеннаго признака каждаго спеціальнаго словаря, отсутствіе указаній на то, гдѣ какое значеніе слова встрѣчается въ текстѣ. Равнымъ образомъ, въ приложеніи, подъ заглавіемъ: „Объясненіе собственныхъ именъ", замѣчаются не маловажные пропуски, какъ напримѣръ: s. v. Ἥλιος не указано, что у Геліоса былъ сынъ Φαέθων, между тѣмъ какъ онъ является предметомъ разговора (см. θεῶν διαλογ. 6); s. v. Κάδμος не сказано, что у него была дочь Σεμέλη, тогда какъ въ θεῶν διαλογ. 5. упомянуто просто: „τῆς Κάδμου θυγατρός; s. v. Τάνταλος не сообщается, за что Танталъ былъ наказанъ, а описаніемъ его страданій занятъ весь 14-й разговоръ въ цар-

ствѣ мертвыхъ; s. v. Ἄμμων не упоминается о путешествіи Александра Великаго къ этому божеству и о предсказаніи послѣдняго, хотя намекъ на это предсказаніе встрѣчается въ νεκρίκ. διαλογ. 12, 5; въ концѣ этого же діалога Александръ называется сыномъ Аммона, а на причину такого названія нѣтъ указаній ни s. v. Ἀλέξανδρος, ни s. v. Ἄμμων и т. д. Въ виду русскихъ учебныхъ изданій классическихъ писателей, которыя въ послѣднее время начали появляться уже цѣлыми серіями, г. Млинаричу придется измѣнить дидактическую форму своего изданія, имѣвшаго кое-какое значеніе въ 1878 г., но принявшаго въ 1890 г. видъ анахронизма.

Типографская сторона въ трудѣ г. Млинарича весьма хороша; шрифтъ отчетливъ; текстъ обличаетъ добросовѣстность корректора; лишь кое-гдѣ встрѣчаются опечатки, и то не важныя, какъ на стр. 11, строк. 2 сверху ποὺς вм. τοὺς; на стр. 39, строк. 5 сверху ςοριστής вм. σοφιστής; на стр. 24, строк. 16 сверху; τροϊόντες вм. προϊόντες и т. д.

Классная библіотека греческихъ и римскихъ авторовъ: Ксенофонтъ. Отступленіе десяти тысячъ грековъ. (Κύρου ἀνάβασις). Греческій текстъ съ введеніемъ и двумя указателями: предметовъ (съ рисунками) и собственныхъ именъ, составленными *Андреемъ Адольфомъ*, учителемъ Московской 8-й гимназіи. Съ приложеніемъ карты Малой Азіи. Москва. 1890. Стр. 222. Цѣна 1 р.

Составитель означенной книги, которая является первымъ выпускомъ серіи школьныхъ изданій, имѣющихъ выходить въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: Классная библіотека греческихъ и римскихъ авторовъ,— руководствуется благоразумнымъ дидактическимъ принципомъ, по которому трудъ учащагося долженъ быть облегченъ лишь на столько, на сколько это возможно безъ ущерба для умственной его дѣятельности и безъ вреда для основательности научныхъ его успѣховъ. Изданіе г. Адольфа непремѣнно требуетъ употребленія общаго греческаго словаря и руководства греческой грамматики. На этомъ основаніи онъ сообщаетъ одинъ только греческій текстъ Анабазиса и вмѣсто такъ-называемыхъ спеціальныхъ словарей или, лучше сказать, сборниковъ вокабулъ, онъ прилагаетъ два реальныхъ указателя, въ которыхъ объяснены встрѣчающіеся въ текстѣ предметы и упомянутыя въ немъ собственныя имена. Безусловно соглашаясь съ г. Адольфомъ въ томъ, что общій словарь и грамматика составляютъ необходимыя руководства при осмысленномъ изученіи какого-либо языка, и прибавляя отъ себя, что уклоненіе отъ этого единственно вѣрнаго взгляда рѣшительно мѣшаетъ прочному усвоенію учениками

древнихъ языковъ, мы позволимъ себѣ однако же указать на комментированныя изданія Тейбнера и Вейдеманна, въ которыхъ трудныя по смыслу и по конструкціи мѣста текста объясняются отчасти намеками, отчасти ссылками. Такихъ объясненій, къ сожалѣнію, въ разсматриваемомъ изданіи не оказывается, а такого рода помощь учащемуся, безъ сомнѣнія, увеличила бы достоинство книги.

Самый греческій текстъ Ксенофонтова Анабазиса, заимствованный изъ изданія Тейбнера, по редакціи Арнольда Гуга (Hug), отличается вѣрностью и отчетливостью. Каждой главѣ повѣствованія греческаго писателя предшествуетъ на русскомъ языкѣ краткое изложеніе содержанія текста, чѣмъ составитель весьма цѣлесообразно вводитъ ученика въ сущность слѣдующаго разказа, предоставляя затѣмъ ему самому вникать въ подробности дѣла.

Указатели составлены по нѣмецкому учебнику Фольбрехта (Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. 6 Ausg. 1886) и по реальнымъ словарямъ: Рича (Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer mit stäter Berücksichtigung der griechischen von A. Rich, aus dem Englischen übersetzt von C. Müller. Paris und Leipzig. 1862) и Любкера въ русскомъ переводѣ. Передача подлинниковъ произведена совершенно вѣрно, и сообщаемый матеріалъ доставитъ довольно поучительнаго тому, кто пожелаетъ изучить Анабазисъ Ксенофонта по книгѣ г. Адольфа. Тѣмъ болѣе надобно и тутъ пожалѣть, что составитель русскаго изданія, относительно иллюстрацій, не вполнѣ воспользовался спеціальнымъ словаремъ Фольбрехта, у котораго помѣщено гораздо больше рисунковъ, чѣмъ у г. Адольфа; особенно ощутительно отсутствіе многихъ изображеній по части военныхъ снарядовъ, разныхъ видовъ боеваго строя, тактическаго размѣщенія войскъ и способа ихъ движеній, обусловленнаго мѣстностью (см. между прочимъ s. vv. ἅμαξα, ἀναπτύσσω, γίγνεσθαι ἐπὶ φάλαγγος, δίφρος, ζώνη, θρόνος, ἐχμηρύομαι, κέρας, ὄρθιοι λόχοι, παράγειν, προμαχεών, στάδιον, στρέφειν, τριήρης, φάλαγξ и т. д.); графическое изображеніе вѣдь гораздо болѣе разъясняетъ и гораздо сильнѣе запечатлѣваетъ обстановку дѣла, чѣмъ какое бы ни было описаніе.

Приложенная къ книгѣ карта Малой Азіи по Фольбрехту или Гертлейну (Xenophons Anabasis, erklärt von F. K. Hertlein. Leipzig. Weidmannsche Buchhandlung) наглядно показываетъ путь, по которому совершились походъ и отступленіе десяти тысячъ грековъ.

Наконецъ, введеніе, предпосланное труду, содержитъ въ себѣ очеркъ жизни Ксенофонта и перечень его сочиненій по „Исторіи греческой ли-

тературы" Криста (Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians von Wilhelm Christ. Nördlingen. 1889; см. Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, herausgegeb. von Jwan Müller. Bd. 7).

Типографская отдѣлка книги въ высшей степени удовлетворительна и обнаруживаетъ крайнюю тщательность корректора.

Греческіе классики. Текстъ для учащихся, провѣренный русскими учеными подъ главною редакціей *В. М. Краузе*. Ἡροδότου ἱστορίαι. *Herodoti historiae* in usum scholarum recognitae. Vol. II. Petropoli. 1890. Стр. 305. Цѣна 60 коп.

Означенная книга, явившаяся безъ всякаго предисловія, судя по заявленію на заглавномъ листѣ, представляетъ собою первый выпускъ какой-то серіи школьныхъ изданій, имѣющихъ выходить въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ: Scriptores Graeci cura Volodemeri Crause in usum scholarum editi. Дѣло предпринято г. Краузе по образцу многихъ выходящихъ за границею изданій, какъ, напримѣръ, изданія Тейбнера (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana), но отличается отъ него тѣмъ, что изданіе Тейбнера имѣетъ назначеніе доставлять полный текстъ издаваемыхъ писателей вообще ученому міру, тогда какъ г. Краузе своимъ изданіемъ преслѣдуетъ школьныя цѣли. Разсматриваемый нынѣ выпускъ, не извѣстно почему, содержитъ въ себѣ только пять послѣднихъ книгъ (V—IX) Геродотовой Исторіи. Главнымъ основаніемъ сообщаемаго текста легло нѣмецкое изданіе: Herodotos erklärt von Heinrich Stein. Bd. 3. 4. 5. Berlin 1859—1862. Измѣненія, которыми текстъ Краузе отступаетъ отъ текста Штейна, сдѣланы въ дидактическихъ видахъ по критическому изданію, составленному Альфредомъ Гольдеромъ (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum edita curante Carolo Schenkl. Herodoti historiae, recens. Alfred Holder. Lipsiae. 1886). Гольдерова книга снабжена весьма обильнымъ сборникомъ конъектуръ новѣйшихъ филологовъ, и изъ этого сборника въ изданіе Краузе перешли тѣ исправленія текста, которыя наиболѣе облегчаютъ пониманіе дѣла и представляютъ мысль въ наиболѣе доступномъ для учащихся видѣ. Типографское исполненіе книжки весьма удовлетворительно: шрифтъ четокъ и чистъ, и корректура добросовѣстна.

Изъ всего сказаннаго усматривается, что книга, составленная подъ главною редакціей г. В. Краузе, есть трудъ полезный для учащагося юношества, могущій замѣнять иностранныя изданія текста пяти послѣднихъ книгъ Исторіи Геродота.

Въ заключеніе, можетъ быть, не лишнимъ будетъ указать на неудачность заглавія: „текстъ, провѣренный русскими учеными". Вѣрнѣе было бы сказать: „просмотрѣнный русскими учеными", потому что громкое слово: „провѣренный", по общепринятому въ ученомъ мірѣ значенію, наводитъ на мысль, будто бы г. Краузе и его сотрудники возстановили текстъ Геродота,—или снова подвергнувъ сличенію извѣстныя уже филологамъ рукописи, или воспользовавшись вновь открытыми памятниками греческой письменности.

Бойезенъ. Краткое руководство по греческимъ древностямъ. Перевелъ со втораго нѣмецкаго изданія, обработаннаго *Эмиліемъ Санто*, *К. Земберъ*, и. д. инспектора Одесской 2-й гимназіи. Рига. 1890. Стр. 76.

Переведенное съ датскаго языка нѣмецкое учебное пособіе, явившееся въ печати подъ заглавіемъ: Handbuch des Griechischen Antiquitäten von Dr. E. E. Bojesen usw. Zum Gebrauch für Gymnasien und Schulen aus dem Dänischen übersetzt von T. Hoffa usw. Giessen. 1843, нашло русскаго переводчика въ лицѣ г. К. Земберга, выпустившаго свой трудъ въ свѣтъ въ 1874 г. Прекрасныя свойства датскаго подлинника открыли ему дорогу въ германскія училища и заставили г. Земберга предложить его воспитанникамъ русскихъ гимназій. Хотя уже прошло около полувѣка съ перваго появленія нѣмецкаго перевода, однако же недостатокъ въ руководствахъ равнаго ему достоинства на столько сталъ ощутителенъ въ Германіи, что представилась надобность приступить къ второму изданію труда Гоффы, которое вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Kurzgefasstes Handbuch der griechischen Antiquitäten von Bojesen - Hoffa. Zweite Auflage bearbeitet von Emil Szanto. Wien. 1887. Для того, чтобы поставить свой трудъ на уровень современной науки, составитель втораго изданія, не уклонившись ни отъ основнаго плана, ни отъ принятаго его предшественникомъ способа изложенія, прибѣгалъ лишь къ исправленіямъ и дополненіямъ. Къ первымъ слѣдуетъ отнести перестановку немногихъ параграфовъ перваго изданія (см. §§ о судопроизводствѣ и финансахъ) и сокращеніе нѣкоторыхъ другихъ (см. §§ 14, 41, 52, 124, 134 и др.); ко вторымъ—новые факты, или внесенные въ самыя рамки прежнихъ отдѣловъ (см. §§ 3, 6, 8, 9, 13, 14, 16, 49, 21, 22, 24, 29, 32, 45—39, 41, 44, 46, 86—89, 117, 119, 121—123, 147, 155, 160, 165, 167, 191), или въ видѣ новыхъ самостоятельныхъ параграфовъ (см. § 35, пища, § 58, устройство Пе-

лопоннесскаго союза, § 99, льготы, §§ 102—107, чиновники финансовые, военные и другія должностныя лица, §§ 108—110, устройство государственнаго союза, § 113, судопроизводство, § 150, вѣсъ, § 151, денежныя дѣла, § 162, домашняя утварь, § 163, игры, § 164, божества, § 166, молитвы и жертвоприношенія, § 175, празднества аѳинянъ, §§ 184—190, театральныя древности и т. д.). Уже изъ перечня вновь прибавленныхъ статей легко усматриваются обиліе общаго содержанія и превосходство втораго изданія предъ первымъ; однимъ словомъ, оно представляетъ собою полный сборникъ греческихъ древностей въ объемѣ гимназическаго курса. Поэтому нельзя не благодарить г. Земберга за то, что посредствомъ перевода онъ далъ возможность воспитанникамъ и нашихъ гимназій пользоваться трудомъ Войезена въ усовершенствованномъ видѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ школьному развитію, между тѣмъ какъ прекрасный трудъ В. В. Латышева по этому же предмету, съ одной стороны, еще не конченъ, а съ другой, какъ г. Зембергъ вѣрно замѣчаетъ (см. Предисловіе), уже по значительному объему своему не вполнѣ удобопримѣнимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Переводъ г. Земберга, отличаясь вѣрностью, воспроизводитъ нѣмецкій подлинникъ совершенно точно. Добросовѣстность составителя обличается и типографскою безгрѣшностью текста; но между очень немногими опечатками нельзя не указать на одну, исказившую смыслъ, а именно на стр. 7, въ строкѣ 1, сверху, мы читаемъ: „откуда были вытѣснены карійцами“ вмѣсто „вытѣснены карійцы“.

Греческая фразеологія для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Москва. 1890. Стр. 94. Цѣна 65 коп. (въ переплетѣ).

Г. Семеновичъ, составившій въ 1889 году краткую латинскую фразеологію, нынѣ принялся за трудъ такого же рода по греческому языку. Это — сборникъ греческихъ словъ, оборотовъ и фразъ, знаніе которыхъ необходимо какъ для чтенія авторовъ, такъ и для перевода связныхъ статей съ русскаго языка на греческій. Сообщаемый г. Семеновичемъ матеріалъ, не выходящій изъ предѣловъ аттической прозы, взятъ изъ сочиненій Ксенофонта, Ѳукидида, Демосѳена, Исократа и Платона посредствомъ словарей общихъ (Чернаго, Вейсмана, Пассова) и спеціальныхъ Эрбе (Dr. Max Erbe. Griechisches Lesebuch, nebst deutschen Uebersetzungsstücken, hauptsächlich nach Arrians Anaba-

sis. Lpzg. 1886, Тимана (K. Thiemann. Wörterbuch zu Xenophons Hellenica mit bes. Rücksicht auf Sprachgebrauch und Phraseologie. Lpzg. 1887), Аста (Fr. Ast. Lexicon Platonicum. Lpzg. 1835—1838) и Фольбрехта (A. Vollbrecht. Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. Lpzg. 1886). Все содержаніе разсматриваемой книги раздѣлено на отдѣлы, а каждый отдѣлъ содержитъ въ себѣ слова и фразы, связанныя между собою единствомъ понятія, въ объемъ котораго онѣ входятъ. Оглавленія отдѣловъ слѣдующія: Видимый міръ. Человѣкъ. Государство. Война и миръ и т. п.; отдѣлы же распадаются на подраздѣленія; такъ, напримѣръ, „Видимый міръ" обнимаетъ группы: 1) Земля, вода, огонь, воздухъ; 2) Пространство, движеніе въ пространствѣ. 3) Время; или въ отдѣлѣ „Государство" разсматриваются 1) Гражданская жизнь. Администрація. 2) Законъ и правосудіе, и т. д. Сообщаемое вообще вѣрно и точно; передача греческихъ выраженій большею частью весьма удачна и мѣтка; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло не обошлось безъ недосмотровъ, какъ, напримѣръ:

Стр. 7. „Пользоваться временемъ, не терять времени—χρόνον οὐδένα ἐμποιεῖν". Это, вѣроятно, даже недосмотръ корректора, потому что въ виду предыдущей фразы: „выигрывать время—χρόνον ἐμποιεῖν", составитель не могъ допустить въ означенной фразѣ греческій текстъ, совершенно противорѣчащій русскому обороту.

Стр. 16. „Давать кому пить—προςφέρειν τινι πιεῖν". Гораздо проще „ποτίζειν".

ibid. „Утолять жажду—κατασβέννυσθαι τὸ δίψος". Обыкновенно τὴν δίψαν.

Стр. 49. „Не признавать боговъ—ἄθεον εἶναι". Точнѣе οὐ νομίζειν θεούς.

Стр. 57. „Быть возвращену въ отечество—εἰς πατρίδα ἀνασωθῆναι". Гораздо чаще κατέρχεσθαι.

Стр. 57. „Терпѣть убытокъ—ζημιοῦσθαι". Упущена замѣтка: pass.

Стр. 81. „Строить или растягивать фалангу въ длину — βαθύνειν τὴν φάλαγγα". Слѣдовало бы перевести: удлиннять фалангу вглубь (см. βαθύς), и т. д.

Хотя въ педагогическомъ мірѣ фразеологическіе сборники не находятъ себѣ безусловнаго одобренія, однако трудъ г. Семеновича, не смотря на указанные недосмотры, заключаетъ въ себѣ много интереснаго и поучительнаго и даетъ ученику возможность ознакомиться съ цѣлыми группами сродственныхъ выраженій.

Словарь Гомеровской миѳологіи и географіи адъюнктъ-профессора Парижскаго университета *Э. Леру*. Перевелъ съ французскаго *И. Боговскій*. Кіевъ. 1890. Въ 16-ю д. л. стр. 115. Цѣна 60 коп.

Dictionnaire de la mythologie d'Homère par Elie Lerou, professeur agregé de l'université (Paris. 1884) составленъ на основаніи болѣе обширныхъ трудовъ Тейля (Dictionnaire d'Homère et des Homerides de Theil), Бернара (Dictionnaire universel de Jacobi, trad. par Bernard), и Дешарма (Decharme), который весьма удачно сумѣлъ составить сводъ изслѣдованій Отфрида Мюллера, Герарда, Велькера, Преллера, Кокса, Куна и Майнгардта. Леру, задавшись мыслью составленіемъ своей книги облегчить пониманіе Гомеровскаго текста, строго ограничилъ предѣлы своей задачи одними лишь миѳологическими и географическими данными, которыя вошли въ составъ Иліады и Одиссеи, почему изъ его словаря исключены даже Гомеровскіе гимны. Всѣ статьи, расположенныя по алфавиту, снабжены ссылками на тѣ мѣста Иліады и Одиссеи, въ которыхъ упомянуто о трактуемыхъ въ статьѣ имени, личности или мѣстности, съ тою цѣлью, чтобъ ученики имѣли возможность собственными изслѣдованіями и чтеніемъ пополнять классныя объясненія и самостоятельно расширять свои свѣдѣнія о содержаніи главныхъ произведеній эпической поэзіи грековъ. Особенное вниманіе Леру обращаетъ на смыслъ миѳовъ, показывая, какія явленія физическаго или нравственнаго міра скрываются подъ образами, созданными творческимъ воображеніемъ греческаго народа. Весь сообщаемый матеріалъ изложенъ ясно, точно и въ весьма сжатомъ видѣ, такъ что книжка Леру можетъ считаться полезнымъ учебнымъ пособіемъ, и г. Боговскій нисколько не ошибся въ своемъ предположеніи (см. предисловіе), что его русскій переводъ вышеозначенной французской книги явится трудомъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей педагогической литературѣ пополняется имъ пробѣлъ, давно ощущаемый при чтеніи Гомера. Притомъ русское воспроизведеніе французскаго подлинника въ общемъ весьма удачно; добросовѣстность переводчика высказывается и тѣмъ, что онъ, отказавшись отъ Гораціева jurare in verba magistri, вслѣдствіе тщательной провѣрки помѣщенныхъ у Леру цитатъ, нашелъ много опечатокъ, которыя и исправилъ, а во многихъ случаяхъ и дополнилъ отъ себя новыми; посредствомъ этихъ исправленій и дополненій ему удалось поставить переводъ выше подлинника. Тѣмъ болѣе жаль, что г. Боговскій не распространилъ повѣрки и на самый текстъ; а то ему пред-

ставилась бы возможность исправить кое-гдѣ недосмотры французскаго составителя, напримѣръ, s. v. Eurystheus сказано: „fils de Sthénelos et de Necippe", а s. v. Alcmènè. „Elle eut de son mari Eurystheus et de Zous Heraclès". Тутъ слѣдовало бы указать на миѳологическій варіантъ, какъ это сдѣлалъ Леру s. v. Léda и др.; s. v. Tyndaréos сказано: „il eut de Léda Clytemnestra, Hélène, Castor et Polydeucés"; г. Боговскій, хотя въ скобкахъ прибавилъ къ имени Елены слова: отъ Зевеса, но упустилъ такую же замѣтку при имени Полидевка; s. v. Posèidon читается: „il reconnait cependant la supériorité de Zeus, qui est son ainé". Извѣстно, что Зевесъ считался самымъ младшимъ изъ всѣхъ дѣтей Кроноса, и т. д.

Самый переводъ г. Боговскаго также не совсѣмъ свободенъ отъ недосмотровъ, хотя не очень важныхъ, напримѣръ, s. v. Деметра: „если она ничего не будетъ ѣсть" вм. „если она ничего не съѣла въ Гадесѣ" (франц. текстъ: si elle n'avait rien mangé); s. v. Елена: „далеко отъ сына ея" вм. „далеко отъ дочери ея", то-есть, Герміоны (франц. текстъ loin de son enfant); s. v. Кадмъ: „сынъ Агинфа" вм. Агенора; s. v. Мелеагръ: „братьевъ своей жены" вм. „матери" (фр. т. frères de sa mère). Кромѣ того, нельзя не замѣтить непослѣдовательнаго способа русской транскрипціи греческихъ именъ собственныхъ; напримѣръ: Ἡλιός=Геліосъ; Ἑρμῆς=Гермесъ, и въ то же время Ἑλένη=Елена и наконецъ Ἕλλην=Эллинъ; Οἰχαλίη=Эхалія; Οἰνεὺς=Иней; Προῖτος=Пройтъ; Σκύρος=Скиросъ, а Σκύλλα=Сцилла; Θίσβη=Тизба; Θόας=Тоасъ, а Θέμις=Ѳемида, Θέτις=Ѳетида и т. д.

Встрѣчаются и нѣкоторыя опечатки, напримѣръ, s. v. Кидоны: Санеа вм. Канеа; s. v. Самосъ: Эбро вм. Эбросъ; s. v. Панахейцы: свое вм. все и т. д.

Къ книгѣ приложенъ составленный г. Ѳомицкимъ указатель именъ, изображенныхъ греческимъ шрифтомъ.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum Catonis et Attici. Cum adnotationibus et indice geographico, compositis cura *B. Z.* (Корнелія Непота біографіи знаменитыхъ полководцевъ, съ примѣчаніями, составленными *Б. Залесскимъ*). Москва. 1888. Стр. 164. Цѣна 60 коп.

При скудости въ нашей литературѣ школьныхъ комментированныхъ изданій древнихъ авторовъ, можно было бы привѣтствовать всякое изданіе, которое содѣйствовало бы учащемуся юношеству въ пониманіи древнихъ текстовъ, стоя при этомъ на высотѣ современныхъ

требованій, предъявляемыхъ къ трудамъ подобнаго рода. Главныя изъ этихъ требованій суть слѣдующія: текстъ автора долженъ представлять собою такъ-называемую вульгату, въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена въ наиболѣе распространенныхъ новѣйшихъ изданіяхъ; текстъ долженъ быть отпечатанъ съ надлежащею исправностью и съ соблюденіемъ общепринятой ороографіи. Примѣчанія должны имѣть въ виду исключительно учащихся и ихъ степень познаній и развитія и представлять лишь то, до чего, при помощи грамматики и лексикона, не можетъ дойдти ученикъ среднихъ способностей; въ потребныхъ случаяхъ, комментаторъ обязанъ представлять соотвѣтствующее древнему—русское выраженіе. Въ такихъ экзегетическихъ объясненіяхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимо соблюденіе извѣстной мѣры, руководимое педагогическимъ тактомъ комментатора: не должно давать ученику слишкомъ много, и этимъ черезъ мѣру облегчать его трудъ, не должно, съ другой стороны, оставлять его безъ помощи тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно въ ней нуждается. Большаго педагогическаго такта требуетъ и самый способъ этой помощи: иногда достаточно бываетъ указать параграфъ грамматики, иногда нужно войдти въ разъясненіе той или другой конструкціи или оборота, иногда просто обратить вниманіе учащагося, иногда помочь ему переводомъ. Посмотримъ, на сколько трудъ г. Залѣсскаго удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Что касается текста, то вмѣсто общепринятой вульгаты, установленной Гальмомъ, г. Залѣсскій предпочелъ текстъ Кубарева (М. 1867), „много и серьезно потрудившагося для возстановленія болѣе подходящаго къ истинному чтенію Корнелія Непота". Не умаляя нисколько заслугъ почтеннаго профессора, мы должны однако замѣтить, что критическіе пріемы, приложенные имъ къ тексту Непота, не могутъ быть признаны вѣрными, вслѣдствіе чего и работа его по критикѣ текста не можетъ быть названа удавшеюся: принципіальная ошибка Кубарева состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, дѣло критика вовсе не въ возстановленіи такъ-называемыхъ codices archetypi, а въ возстановленіи текста самого автора, и что первое часто бываетъ даже невозможно. Дѣйствительно, посильнымъ возстановленіемъ архетипа не рѣшена еще вся задача критика, но, съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это первый — и необходимый шагъ раціональной критики, безъ котораго, всѣ исправленія, какъ бы заманчивы они ни были, теряютъ подъ собою почву и превращаются въ шаткіе домыслы. Что не мало такихъ домысловъ нашло себѣ мѣ-

сто въ текстѣ Непота, установленномъ Кубаревымъ, было своевременно доказано критикой (рецензія Р. Фохта въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1868), но, къ сожалѣнію, не принято г. Залѣсскимъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ первому требованію, удачному выбору текста, трудъ г. Залѣсскаго не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Не рѣшимся признать его таковымъ и въ передачѣ этого текста по отношенію къ орѳографіи и интерпункціи: въ первой г. Залѣсскій удерживаетъ такіе способы написанія, которые давно уже признаны не вѣрными: въ родѣ intelligere, coelum, coena и т. д. Хотя новаторство въ орѳографіи перешло въ послѣднее время дозволенныя границы, однако, новыя изслѣдованія успѣли установить нѣкоторые, общепризнанные факты, которыхъ не можетъ игнорировать издатель древнихъ текстовъ. Изъ многихъ примѣровъ упомянемъ одинъ: извѣстное правило, установленное Лахманномъ: post longam vocalem e duabus *l* alteram subtrahi si sequatur *i* littera, nisi ea casualis sit, сдѣлалось теперь общеобязательнымъ, между тѣмъ, г. Залѣсскій продолжаетъ писать millia. Не менѣе важна интерпункція, составляющая одинъ изъ пріемовъ экзегезы: къ сожалѣнію, и въ ней г. Залѣсскій оказывается не послѣдовательнымъ.

Переходя къ примѣчаніямъ, прежде всего мы должны заявить, что въ нихъ есть много излишняго, представляющаго не болѣе какъ балластъ: это—масса указаній на разночтенія, въ большинствѣ случаевъ не сопровождаемыхъ никакими объясненіями и нерѣдко касающихся такихъ мелочей, какъ особенности правописанія: напримѣръ, стр. 20: conveniendi—conveniundi; стр. 21: venereo—venerio; стр. 71: concurrentes—concurrentis и др. Для учителя такія указанія не нужны, а для ученика и прямо вредны. Затѣмъ, въ примѣчаніяхъ являются нерѣдко указанія, совсѣмъ не приспособленныя къ пониманію и развитію учениковъ III-го класса, въ которомъ читается Корнелій Непотъ: что вынесетъ, напримѣръ, ученикъ изъ замѣчаній, въ родѣ слѣдующихъ: стр. 146: „apprime, весьма, у лучшихъ писателей не встрѣчается"; стр. 140: „клубъ согласившихся устроить кассу"; стр. 135: „медимнъ—немного болѣе германскаго шеффеля"; стр. 120: „Греки и римляне давали свои названія чужимъ богамъ, не придавая имъ настоящаго значенія"; стр. 109: „этимъ епархамъ соотвѣтствовали въ Римѣ тріумвиры уголовныхъ дѣлъ"; стр. 28: „такъ какъ продолженіе этого разказа потеряно, то издатели пополняютъ его обыкновенно въ замѣчаніяхъ разказомъ изъ Стратагемы (?) Поліэна", кн. 1 гл. 45: „Здѣсь въ текстѣ предложено чтеніе Гейзингера", и т. д.

Замѣтимъ кстати, что г. Залѣсскій очень любитъ объяснять факты изъ древней жизни фактами изъ современной, нерѣдко тоже мало понятными для учениковъ: такъ, у него являются: губернаторы персидскіе (стр. 19), полковники лейбъ-гвардіи (стр. 45), генералъ-адъютанты (стр. 99), судебные пристава (стр. 109), капитаны лейбъ-гвардіи (стр. 115), и т. д. Нѣкоторыя примѣчанія формулированы не вѣрно, напримѣръ, стр. 1: „у Непота не по грамматикѣ при quin вин. съ неопр. вм. сослаг.", какъ будто древніе римскіе авторы приспособляются къ грамматикѣ, а не грамматика выводитъ свои правила изъ ихъ рѣчи; стр. 97: „interficere въ смыслѣ: находиться въ предсмертной агоніи"—значеніе, которое глаголъ interficere имѣть не можетъ; стр. 151: „въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ говорится о римскихъ и византійскихъ императорахъ, divus часто значитъ: покойный, умершій". Divus всегда прилагается только къ именамъ тѣхъ императоровъ, которые получили апоѳеозу.

Опечатокъ въ книгѣ очень много.

Краткая латинская фразеологія для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ *Ив. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. М. 1889. Стр. 80. Цѣна 50 коп.

Исходя изъ того наблюденія, что ученики старшихъ классовъ нашихъ гимназій нерѣдко затрудняются въ переводѣ извѣстныхъ оборотовъ латинской рѣчи, не смотря на то, что обороты эти встрѣчались уже при чтеніи авторовъ и при переводахъ съ русскаго на латинскій, г. Семеновичъ видитъ причину этого въ плохомъ усвоеніи фразеологическаго матеріала и полагаетъ, что изученіе фразеологіи должно продолжаться и въ старшихъ классахъ гимназіи. Сначала оно должно идти безъ особаго, систематическаго порядка, и ученикъ, при встрѣтившемся оборотѣ, обязанъ, по указанію учителя, запомнить и другіе обороты, относящіеся къ той же области, и только въ одномъ изъ старшихъ классовъ приступаетъ къ систематическому повторенію фразеологическаго матеріала, причемъ восполняются пробѣлы, допущенные при усвоеніи ad hoc.

О томъ, что обладаніе возможно большимъ количествомъ фразъ и оборотовъ составляетъ одно изъ существенныхъ условій успѣшнаго изученія языка, спорить нельзя, и потому въ принципѣ врядъ ли возможно возразить противъ замѣчаній г. Семеновича. Можно только поставить вопросъ: не будетъ ли болѣе полезнымъ, вмѣсто того, чтобы давать учащимся въ руки готовую фразеологію, пріучать ихъ

къ самостоятельному подбору фразеологическаго матеріала, при помощи и подъ руководствомъ наставника, который можетъ при этомъ дѣлать потребныя дополненія и тѣмъ придавать этимъ сборникамъ большую полноту и систематичность?

Въ разсматриваемой книжкѣ г. Семеновичъ старался собрать весь, такъ-сказать, насущный запасъ оборотовъ, которые могутъ встрѣтиться учащемуся при переводѣ съ русскаго на латинскій, и притомъ въ отрывкахъ по преимуществу содержанія историческаго. Обороты эти сгруппированы по содержанію въ слѣдующихъ отдѣлахъ: a) видимый міръ: земля, вода, огонь, воздухъ, пространство, движеніе въ пространствѣ, время; b) человѣкъ: рожденіе, жизнь, смерть, части тѣла, органы чувствъ, состояніе тѣла человѣка, положеніе человѣка, отношенія людей, духъ и его функціи, дѣятельность и покой, состояніе духа, добродѣтели и пороки, науки и искусства, рѣчь и письмо, религія и богослуженіе, домашній бытъ; c) государство: гражданская жизнь, политика, администрація, законъ и правосудіе; d) война и миръ: войско, война, войско во время похода, лагерь, осада, сраженіе, миръ, покореніе, морское дѣло. — Во всѣхъ этихъ рубрикахъ собраны наиболѣе употребительные обороты и фразы, съ ихъ русскимъ значеніемъ. Матеріалъ достаточно полонъ и доброкачественъ.

Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій, съ приложеніемъ примѣчаній и синонимическаго и фразеологическаго словаря. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. И. Гинтовтъ*, преподаватель С.-Петербургской 9-й гимназіи. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку, стр. 66 + 56. Цѣна 75 коп.

Книга г. Гинтовта предназначается для трехъ старшихъ классовъ гимназій и содержитъ въ себѣ 121 прозаическую статью, болѣе или менѣе законченную по содержанію и представляющую обильный матеріалъ для упражненій въ разнообразныхъ грамматическихъ правилахъ. Въ ряду другихъ подобныхъ же пособій трудъ г. Гинтовта отличается сравнительною самостоятельностью, какъ въ выборѣ отрывковъ и ихъ изложеніи, такъ и въ сопровождающихъ ихъ указаніяхъ и объясненіяхъ. Русское изложеніе текстовъ довольно гладко, и только изрѣдка встрѣчаются выраженія мало понятныя или не совсѣмъ удачныя, въ родѣ: „Архимедъ первый помѣстилъ на шарѣ движеніе солнца и пяти планетъ (стр. 16), или: „Однако, какъ мало было, какъ въ древнее, такъ и въ новое время, такихъ, которые соединяли бы въ себѣ всѣ эти качества“ (стр. 17), или:

„Цезарь пригласилъ Лаберія, какъ самаго знаменитаго сочинителя мимовъ, состязаться на премію съ соперникомъ его Публиліемъ, не только какъ поэта, но и какъ актера" (стр. 23) и т. д. Гораздо больше замѣчаній вызываютъ приложенныя къ тексту объясненія и облеченныя въ форму словаря синонимическія указанія. Хотя они въ общемъ даютъ довольно обильный и надежный матеріалъ, но изложены не въ мѣру кратко, такъ что нерѣдко принимаютъ форму намековъ, могущихъ не всегда быть правильно понятыми учениками, напримѣръ: „Какъ = въ качествѣ; выраженія, обозначающія должность, званіе, возрастъ (въ званіи консула, въ бытность, въ старости, будучи кѣмъ или чѣмъ-либо) переводятся приложеніемъ („какъ" опускается). Ut (какъ) при приложеніи или указываетъ на причину (= какъ можно ожидать отъ), или ограничиваетъ сказуемое (=для)" (стр. 4); или: „сочиненіе liber, — о чемъ просто de или: въ которомъ говорится, рѣчь идетъ, которое трактуетъ (esse) о чемъ—н.", стр. 9; „Cicero noster значило бы—близкій намъ, нашъ соотечественникъ и т. п. Полное нашъ = hic (is) de quo nunc agimus" и т. п. Иногда встрѣчаются замѣчанія и указанія недостаточно точныя и нэрѣдка даже излишнія, напримѣръ, стр. 1: „Supplicium — первоначально мольба объ отвращеніи чего-либо, потомъ казнь, наказаніе". — Supplicium первоначально обозначаетъ колѣнопреклоненіе, затѣмъ уже мольбу или моленіе, причемъ нѣтъ необходимости предполагать, чтобъ оно непремѣнно было моленіемъ объ отвращеніи божескаго гнѣва; стр. 3: „copiae Gallicae — войска Галловъ; legiones Hispanienses — легіоны римскіе въ Испаніи"; не худо было бы привести, въ ограниченіе и поясненіе сказаннаго, и такія названія, какъ legio Gallica, legio Hispana; стр. 7: Thapsus и Tapsus въ Африкѣ (другой въ Сициліи)—объясненіе не понятное; стр. 8: „assentio у Цицерона въ болѣе раннихъ произведеніяхъ" — указаніе излишнее; ibid. „Только прилагательныя, не выражающія ни похвалы, ни порицанія, присоединяются, какъ прозвища, къ имени собственному, безъ словъ: vir, homo, ille и другіе, напримѣръ, Alexander Magnus, Laelius Sapiens, Crassus Dives". Объясненіе не совсѣмъ точное, потому что и Magnus и Sapiens выражаютъ похвалу; стр. 24: „plus (отъ multum), magis (отъ valde, magnopere)" — такое указаніе не удачно, заставляя предполагать, будто plus произошло отъ multum, a magis отъ valde; стр. 28: „государственный преступникъ perduellio" — собственно говоря, perduellio обозначаетъ самый преступный актъ, а преступникъ есть perduellis; стр. 35:

„saltem при gradatio a maiore ad minorem"; лучше было бы сказать: a maiore ad minus; стр. 51: „concilium для обсужденія государственныхъ дѣлъ (consilium publicum = сенатъ)". Здѣсь смѣшаны два слова: concilium и consilium; ibid. при опредѣленіи термина comitia, не излишне было бы прибавить, что они собирались и для рѣшенія судебныхъ вопросовъ, и т. д.

I. О заговорѣ Катилины (de conjuratione Catilinae). *Саллюстія.* Съ словаремъ и объясненіями издалъ для гимназій *Д. Нагуевскій*, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Изданіе 2-ое, переработанное и дополненное. Рига. 1889. Стр. XXIV + 53 + 38. Цѣна 60 коп., съ словаремъ 80 коп. и II. О Югуртинской войнѣ (de bello Jugurthino). *Саллюстія.* Съ введеніемъ и объясненіями издалъ *Д. Нагуевскій.* Изд. 2-ое, исправленное. Казань. 1889. Стр. XIV+107. Цѣна 80 коп.

Первое изданіе этихъ книжекъ заслужило одобрительные отзывы спеціалистовъ, хотя и требовало въ частностяхъ нѣкотораго усовершенствованія. При настоящемъ изданіи авторъ воспользовался сдѣланными ему указаніями и внесъ въ свой трудъ не мало исправленій. Слѣдуетъ надѣяться, что авторъ не остановится и передъ дальнѣйшимъ улучшеніемъ своего изданія и обратитъ вниманіе на выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „Cat. p. 3. r." Quae etc. Послѣ отступленія рѣчи къ военнымъ дѣламъ, С. возвращается къ нравственной сторонѣ человѣка и рекомендуетъ ея участіе въ частной жизни"; стр. 6: „mores здѣсь въ усиленномъ значеніи: нравственное состояніе, огражденное законами"; стр. 12: „signatores falsos у Cic. они названы testamentorum subiectores „подставные прикладыватели печати при духовныхъ завѣщаніяхъ"; стр. 14: „консулы приступали къ исполненію своихъ обязанностей въ началѣ новаго года, назначеніе же ихъ происходило за два, за три, даже за четыре мѣсяца до вступленія въ должность". Здѣсь слово „назначеніе" удобнѣе замѣнить словомъ: „избраніе"; стр. 15: „Внѣ Рима или римской республики кліентами назывались не только цѣлые народы, покровительствуемые кѣмъ-либо изъ римлянъ, но и отдѣльныя лица римскихъ провинцій"; стр. 26: „Въ силу закона Л. Валерія Флакка... несостоятельнымъ должникамъ дозволялось уплатить только четвертую часть долга, то-есть, вмѣсто sestertius (серебряной монеты) его четвертую часть, а именно as (мѣдную монету)"; между тѣмъ на стр. 23 читаемъ, что сестерцій равнялся $2^1/_2$ ассамъ, и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что комментарій г. Нагуевскаго нуждается и въ настоящемъ видѣ въ тщательномъ пересмотрѣ.

Д. Нагуевскій. Энеида Виргилія (Vergilii Aeneis). Часть вторая. Книга IV—VI. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Казань. 1890. Стр. 132. Цѣна 80 коп. Часть третья. Книга VII—IX. Казань. 1890. Стр. 130. Цѣна 1 р.

Первая изъ разсматриваемыхъ книжекъ выходитъ уже вторымъ изданіемъ и носитъ на себѣ слѣды тщательнаго пересмотра. Вторая книжка является вновь и составляетъ продолженіе предпринятой г. Нагуевскимъ серіи изданій латинскихъ классиковъ съ примѣчаніями. Она не отличается отъ предыдущихъ выпусковъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону: къ числу достоинствъ ея слѣдуетъ отнести краткость и приспособленность объясненій, сравнительную дешевизну изданія, его типографскую исправность; существеннымъ его недостаткомъ, присущимъ и другимъ выпускамъ предпринятой г. Нагуевскимъ серіи, — оказывается значительная зависимость комментарія отъ иностранныхъ, преимущественно французскихъ и нѣмецкихъ изданій,—въ приложеніи къ Виргилію отъ изданія Бенуа,—ведущая нерѣдко къ недоразумѣніямъ и промахамъ. Ихъ не мало и въ разбираемомъ выпускѣ, и свойство ихъ можетъ быть усмотрѣно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Стр. 1: servat honos sedem tuus, „Честь оказанная тебѣ, хранитъ мѣсто твоего погребенія". Объясненіе не понятное: Виргилій говоритъ не о храненіи мѣста, а о томъ, что память Кайсты сохраняется въ томъ мѣстѣ, гдѣ она погребена.

Стр. 5: „cum primum, здѣсь почти въ значеніи простаго cum" это „почти" здѣсь не понятно и ничего не даетъ ученику.

Стр. 12 (v. 152): delectos ordine ab omni, „ordo" здѣсь въ общемъ значеніи: „рать", какъ ниже ст. 681 legio". Но тогда что же будетъ значить omni? Сервій объясняетъ: ex omni qualitate dignitatum quod apud Romanos in legatione mittenda hodieque servatur.

Стр. 13 (v. 160): iamque iter emensi turris ac tecta Latini. Г. Нагуевскій дѣлаетъ примѣчаніе: versus hypemeter. Объясняется эта странность тѣмъ, что въ источникѣ, откуда черпалъ составитель, въ данномъ случаѣ, изданіи Бенуа, стоитъ въ текстѣ Latinorum.

Ibid. (v. 164): „acris... arcus. Здѣсь „остро бьющіе". Предлагаемый г. Нагуевскимъ переводъ не возможенъ.

Ibid. (v. 171): Laurentis regia Pici „не Латина, но храмъ или жилище, посвященное Пику". Помимо странной редакціи (ибо что значитъ: „жилище, посвященное Пику"?), это примѣчаніе совершенно

излишне, ибо прибавка: Laurentis Pici дѣлаетъ совершенно невозможнымъ пониманіе regia, какъ жилища Латина.

Стр. 14 (v. 179): „У подножія виносадителя Сабина... находился и серпъ". Невозможный эпитетъ „виносадитель" соотвѣтствуетъ латинскому vitisator.

Ibid. (v. 180): „Двуликій Янусъ, древнѣйшій и наиболѣе національный богъ Италіи". Янусъ такой же національный богъ, какъ и Faunus, Picus, Vertumnus и др., и потому не понятно, почему онъ зовется наиболѣе національнымъ. Точно также не понятно, почему въ примѣчаніи къ стиху 185 cristae зовутся „лучшимъ" украшеніемъ шлема.

Стр. 15 (v. 187): „Старинная trabea... была коротка и узка (brevis)". Въ текстѣ говорится лишь о parva trabea, слѣдовательно объ ея узкости нѣтъ рѣчи.

Стр. 18 (v. 249): „Obtutu abl. modi, зависитъ отъ defixa и указываетъ, какимъ образомъ Латинъ устремилъ, потупилъ взоры". Устремить взоры и потупить ихъ не одно и то же. Точнѣе Бенуа: „Obtutu dépend de defixa comme ablatif de manière, et indique de quelle façon Latinus a les yeux fixés.

Стр. 19 (v. 277): „ostro pictisque tapetis, hendiadis (?) вмѣсто tapetis ostro pictis: пурпуровыя покрывала лошадей шиты золотомъ". Читатель въ правѣ недоумѣвать, съ которыхъ поръ ostrum стало обозначать золото. Разгадку даетъ тотъ же Бенуа: „instratos astro pictisque tapetis. Hendiadyin pour instratos tapetis ostro tinctis pictisque. Plus loin, on trouve tecti auro, c'est le développement de pictis. Les couvertures qui enveloppent les chevaux sont brodées d'or".

Стр. 20 (v. 286): „Инахъ, сынъ Океана и Ѳетиды". Инахъ былъ сынъ Теѳисы (Tethys).

Стр. 26 (v. 417): induit albos cum vitta crinis. „Накладываніе фальшивыхъ сѣдинъ было обычнымъ пріемомъ богинь, принимавшихъ видъ старухъ". Примѣчаніе излишнее и, въ добавокъ, неудачно изложенное.

Ibid. (v. 422): „transcribi" здѣсь „уступать". Въ текстѣ стоитъ не transcribere, а transcribi.

Стр. 28: „Наносить удары бичемъ было аттрибутомъ фурій". Неловкое выраженіе.

Стр. 31: „Specula", собственно „подворная башня". Такъ по русски не говорится, точно также, какъ и „Nar съ бѣлесою водою" (ibid.)

Ibid. „Velinus составляетъ границу между Умбріей и Сабинскою страною и впадаетъ въ Тибръ; онъ соотвѣтствуетъ теперь рѣкѣ Velino и озеру Pic di Luco". Читатель недоумѣваетъ, какимъ образомъ

древняя рѣка соотвѣтствуетъ теперешнимъ рѣкѣ и озеру; недоумѣніе разрѣшается, если обратимся къ Бенуа, который говоритъ: Le fleuve et le lac Velinus, aujourd'hui le fleuve Velino et le lac de Pic di Luco.

Стр. 36: Описаніе такъ-называемаго cinctus Gabinus не вразумительно; г. Нагуевскій говоритъ: „cinctus Gabinus состоялъ въ томъ, чтобы одинъ уголъ (?!) тоги, опоясывая (?!) человѣка, былъ на столько перетянутъ черезъ плечо, что могъ служить покрышкой самой головѣ". Понятнѣе у Бенуа: „On nommait cinctus Gabinus la disposition de la toge rejetée en arrière, de telle façon qu'une extrémité ramenée par devant ceignit l'homme et qu'un autre pan couvrit sa tête". Рѣчь идетъ о двухъ концахъ, а не объ одномъ.

Можно привести еще много неточностей и ошибокъ въ комментаріи г. Нагуевскаго, но и отмѣченныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что онъ требуетъ тщательнаго исправленія.

Латинская грамматика. По Штегману составилъ *В. Никифоровъ*, преподаватель шестиклассной прогимназіи въ Москвѣ. М. 1890. Въ 8-ку стр. III+300. Ц. 1 р. 25 коп.

Учебникъ Штегмана занимаетъ видное мѣсто въ нѣмецкой педагогической литературѣ по древнимъ языкамъ: онъ отличается сравнительною краткостью, разумнымъ ограниченіемъ матеріала, ясностью, съ которою формулированы въ немъ правила, и стремленіемъ привести ихъ въ согласіе съ результатами научной разработки латинской грамматики. Эта послѣдняя особенность выгодно отличаетъ книгу Штегмана отъ многихъ другихъ учебниковъ, твердо еще держащихся на почвѣ прежнихъ школьныхъ традицій. Мы сказали, что трудъ Штегмана отличается сравнительною краткостью, потому что безусловно краткимъ его назвать нельзя, и есть учебники, которые при достаточной полнотѣ, имѣютъ меньшій объемъ, какъ напримѣръ, учебникъ Гарре. Это зависитъ отъ того, что Штегманъ ввелъ въ свою книгу не мало объясненій, предназначенныхъ скорѣе для справокъ, чѣмъ для послѣдовательнаго изученія, какъ, напримѣръ, на стр. 6-й и 7-й подробности о родѣ предметовъ одушевленныхъ, на стр. 26 о substantiva abundantia, на стр. 28 и сл. прибавленіе къ ученію о склоненіяхъ, и т. д.

Русское изданіе труда Штегмана не представляетъ простаго его перевода, но должно быть названо скорѣе передѣлкою, такъ какъ г. Никифоровымъ сдѣланы, на основаніи практическихъ соображеній, довольно многочисленныя и существенныя измѣненія и дополненія. Такъ, въ этимологіи прибавлено правило для образованія abl. sing.,

gen. plur., nom. acc. voc. neutr. plur. отъ именъ существительныхъ третьяго склоненія; глаголы съ основой на согласный звукъ отнесены къ третьему, а съ основой на гласный *i* къ четвертому спряженію (у Штегмана наоборотъ); при перечисленіи такъ-называемыхъ уклоняющихся глаголовъ, переводчикъ, при случаѣ, указываетъ и ихъ конструкцію; въ отдѣлѣ о предлогахъ увеличено число выраженій. Въ синтаксисѣ, кромѣ измѣненій и дополненій, вызванныхъ требованіями русскаго языка, обращено особенное вниманіе на переводъ относительныхъ и вопросительныхъ предложеній въ конструкціи acc. c. infin. Отдѣлъ о сослагательномъ будущихъ временъ изложенъ нѣсколько иначе, чѣмъ у Штегмана, преимущественно по Гарре. Что касается наклоненій, то, въ отличіе отъ подлинника, гдѣ они разсматриваются въ совокупности, переводчикъ разсматриваетъ каждое изъ нихъ отдѣльно и затѣмъ прилагаетъ таблицу ихъ употребленія въ простыхъ предложеніяхъ. Отдѣлъ о союзахъ dum, quoad, antequam и priusquam изложенъ по Зейфферту и Гарре. Затѣмъ указаны нѣкоторыя особенности въ употребленіи именъ существительныхъ и степеней сравненія, и прибавленъ отдѣлъ объ отрицаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ параграфахъ, особенно въ синтаксисѣ сложнаго предложенія, увеличено число примѣровъ. Наконецъ, при случаѣ, переводчикъ вводилъ сравненіе съ явленіями языка греческаго. Всѣ эти измѣненія вполнѣ разумны и оправдываются съ дидактической точки зрѣнія.

Въ общемъ книга г. Никифорова производитъ пріятное впечатлѣніе, и нѣкоторые недостатки не препятствуютъ ей служить учебнымъ руководствомъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства. Вотъ нѣсколько замѣчаній:

Въ § 1 въ примѣч. 1-мъ сказано, что римляне писали только большими или прописными буквами, что̀ не точно, потому что уже на помпейскихъ граффитахъ мы видимъ слѣды вполнѣ установившагося курсива; въ § 41 и слѣд. Штегманъ удерживаетъ еще терминъ соединительной гласной, который теперь большинствомъ грамматиковъ не признается, такъ какъ не даетъ раціональнаго объясненія грамматическихъ явленій; ibid. сказано, что слѣды окончанія abl. sing. *d* видны въ гласномъ звукѣ ě у согласныхъ основъ, напримѣръ, reg-ě. Выражено это не вполнѣ вразумительно, и учащійся будетъ недоумѣвать, почему ě указываетъ на выпаденіе *d*; на стр. 31 сказано, что въ именахъ на ter *e* не принадлежитъ основѣ. Правильнѣе было бы сказать, что *e* здѣсь выпадаетъ; а что оно входитъ въ основу, видно, напримѣръ, изъ такихъ формъ, какъ paternus, πατέρων и др.

Издана книжка опрятно и по цѣнѣ (1 р. 25 коп.) не дорога.

А. Воронецкій. Учебникъ всеобщей географіи въ трехъ курсахъ. Курсъ третій. Европа. 1890. Стр. 62. Ц. 40 коп.

Въ первомъ изданіи 3-й части Учебника всеобщей географіи г. Воронецкаго европейскія государства обозрѣвались не въ томъ порядкѣ, въ какомъ требуется дѣйствующею объяснительною запискою къ учебному плану географіи, и составителемъ была изгнана буква ѳ,—поэтому написаніе многихъ географическихъ названій представлялось страннымъ. Что же касается до другихъ, то-есть, внутреннихъ недостатковъ учебника, то въ первомъ изданіи таковые встрѣчались, но они были не особенно важны. Главныя же достоинства книги состояли (и состоятъ), вопервыхъ, въ исключеніи такого матеріала, который не можетъ быть изученъ при помощи географической карты, то-есть, разныхъ описаній, характеристикъ, фактовъ изъ геологіи, этнографіи, статистики и исторіи; вовторыхъ, въ нѣкоторомъ сокращеніи числа городовъ и въ опущеніи изъ характеристикъ ихъ всего, что̀ не имѣетъ отношенія къ торговлѣ, вообще къ промышленности, къ образованію и къ оборонительнымъ средствамъ страны. Къ второстепеннымъ достоинствамъ книги относится, вопервыхъ, то, что она снабжена хорошими и большею частью полезными рисунками; вовторыхъ, напечатана крупнымъ шрифтомъ и, втретьихъ, относительно дешева.

Во второмъ изданіи книги авторъ сдѣлалъ измѣненія, какъ въ отношеніи расположенія отдѣльныхъ частей книги, такъ и относительно содержанія, транскрипціи названій и состава рисунковъ. Словомъ, второе изданіе является болѣе усовершенствованнымъ; но во всякомъ случаѣ, и оно не безъ недостатковъ, хотя и мелкихъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ:

Стр. 9. „Наиболѣе плотно населенныя мѣстности Европы (отъ 2 до 5 тысячъ человѣкъ на квадр. милю) находятся по бассейнамъ Вислы, Эльбы, Рейна и Сены". На стр. же 42 сказано, что „по рѣкамъ Майну, верхнему Везеру и Эльбѣ приходится до 10,000 человѣкъ на квадр. милю". Такимъ образомъ, максимумъ плотности населенія гдѣ-нибудь не вѣренъ.

Стр. 25. При обозрѣніи отдѣльныхъ владѣній Пиренейскаго полуострова не показана крѣпость Гибралтаръ; въ отдѣлѣ Англіи, при обозрѣніи европейскихъ владѣній англичанъ (стр. 53) Гибралтаръ тоже не пріурочивается ни къ какой мѣстности, и даже не сказано, что̀ такое Гибралтаръ, какъ и Мальта.

При описаніи Франціи не упомянуто, что она дѣлится на департаменты. Тамъ же встрѣчаются неудачныя выраженія:

Стр. 29. „Въ южной Франціи, находящейся подъ вліяніемъ Средиземнаго моря, климатъ еще теплѣе“.

Стр. 30. „Всѣ виды фабрично-заводской промышленности во Франціи достигли высокой степени совершенства“. Почти то-же самое выраженіе, черезъ 4 строки, по отношенію къ Парижу: „Всѣ роды фабрично-заводской и ремесленной промышленности въ Парижѣ достигли высокой степени совершенства“.

Стр. 33. „Населеніе Швейцаріи смѣшанное; на сѣверо-востокѣ говорятъ на нарѣчіи нѣмецкаго языка, на западѣ, на нарѣчіи французскаго языка, на югѣ—на италіанскомъ“. Къ чему здѣсь говорить о нарѣчіяхъ, когда вопросъ идетъ о населеніи? Если же имѣть въ виду оттѣнки въ нарѣчіяхъ, то скорѣе слѣдовало бы указать на ретоладиновъ, не говорящихъ ни на одномъ изъ поименованныхъ языковъ.

Стр. 40. При физическомъ описаніи Германіи безъ всякой нужды къ одной и той же мѣстности, прилагается „плато“ и „плоскогоріе“; такъ, въ текстѣ называется „Швабо-баварское плоскогоріе“, а въ примѣчаніи Швабо-баварское плато; въ текстѣ Швабо-франконское плато и—плоскогоріе. На той же страницѣ неудобное выраженіе: „Шварцвальдъ, сопровождающій справа долину Рейна, до впаденія въ него Некара“.

Стр. 51. О Лондонѣ сказано, что онъ имѣетъ около 5 милліоновъ жителей; слѣдовательно, прибавленъ 1 милліонъ приблизительно.

Нельзя назвать удобными встрѣчающіяся въ книгѣ новыя слова: „скотоводческая страна“, „всхолмленная страна“ и т. д.

Удержалась также неправильная транскрипція нѣкоторыхъ названій: Парна*съ*, Не*к*аръ, Ше*ф*ильдъ, Христі*я*нія, чехо-м*а*рав*я*не и т. д.

Учебный атласъ по Русской исторіи. Составилъ по новѣйшимъ пособіямъ *Н. Д. Малашкинъ*, преподаватель Рязанской прогимназіи. Рязань. 1889. Цѣна 85 коп.

Учебный атласъ по Русской исторіи г. Малашкина заключаетъ въ себѣ всего семь листовъ картъ. Первая карта изображаетъ „Русь съ 862 до 1015 г.“; вторая—„Русь отъ 1015 г. до Іоанна Калиты (1328 г.)“; третья—„Княжество Московское (отъ 1328 до 1533 г.) и Литовское (отъ XIII до XV ст.)“; четвертая—„Государство Московское (отъ 1533 до 1682 г.)“; пятая—„Русь-имперію (отъ 1682 до 1801 г.)“; шестая—„Россію въ XIX ст.“ и, наконецъ, на седьмомъ листѣ находятся четыре дополнительныхъ карты, содержаніе которыхъ будетъ указано ниже.

При атласѣ г. Малашкина нѣтъ ни введенія, ни какого бы то ни было объяснительнаго текста. Самыя карты съ ихъ внѣшней стороны исполнены не вполнѣ удовлетворительно. Общій рисунокъ картъ довольно грубоватъ; на нѣкоторыхъ картахъ неудачно сдѣлано распредѣленіе красокъ, которыми обозначены племена, земли (княжества) и области: очень часто сосѣднія географически территоріи окрашены или двумя оттѣнками одного и того же цвѣта, или же двумя близкими одинъ къ другому цвѣтами (напримѣръ, желтымъ и зеленоватымъ или коричневатымъ). На первой картѣ (862—1015) мѣста, занятыя литвою, славянами и Хозарскимъ царствомъ, по окраскѣ такъ неявственно различены, что г. Малашкинъ счелъ необходимымъ литву отдѣлить отъ славянъ еще и красною пограничною чертою. На той же картѣ, окрасивъ Славянскія земли въ зеленый цвѣтъ, г. Малашкинъ узкою зеленоватою же чертою обозначилъ и первоначальныя поселенія славянъ въ финскомъ Поволжьѣ; эта зеленоватая черта, идя по Волгѣ, а затѣмъ по Окѣ, упирается въ Донскія степи, окрашенныя въ желтый цвѣтъ, какъ и Хозарское царство. Разница между этимъ желтымъ цвѣтомъ и зеленоватою чертою на столько ничтожна, что не воспринимается глазомъ, и учащійся не сразу можетъ догадаться, кому—хозарамъ или новгородцамъ—принадлежали поселенія по Окѣ и Волгѣ. Совершенно также и на третьей картѣ (1328—1533) находимъ неудачное смѣшеніе оттѣнковъ зеленаго и желтаго цвѣта, которыми отмѣчены земельныя пріобрѣтенія Московскихъ князей въ XIV вѣкѣ. При вечернемъ освѣщеніи пользоваться этою картою, руководясь ея окраскою, нѣтъ никакой возможности. На второй картѣ (1015—1328) земли (княжества) удѣльно-вѣчевой эпохи обозначены каждая своимъ цвѣтомъ, причемъ десять земель изображены всего въ четырехъ краскахъ. При такомъ условіи цвѣта нѣскольких земель должны, конечно, совпадать, и очень жаль, что у г. Малашкина совпадаютъ цвѣта сосѣдствовавшихъ или близкихъ одна къ другой земель: Кіевской, Переяславской, Галицкой.

Неудовлетворительную внѣшность разбираемаго атласа мы можемъ до нѣкоторой степени извинить въ виду его цѣны (35 коп.), которая заставляетъ насъ предполагать экономію въ издержкахъ ради достиженія дешевизны изданія. Но это соображеніе не можетъ относиться къ внутренней сторонѣ труда г. Малашкина. Г. Малашкинъ не всегда удачно слѣдовалъ указаніямъ тѣхъ „новѣйшихъ пособій", по какимъ онъ составлялъ свой атласъ. Отсутствіе всякихъ поясненій, кромѣ объясненія находящихся на картахъ атласа красокъ и

цифръ, не служитъ, конечно, къ пользѣ дѣла: чѣмъ болѣе пояснена карта, тѣмъ большую пользу можетъ она принести и тѣмъ легче усвоивается. Лучшій изъ существующихъ у насъ учебныхъ историческихъ атласовъ, профессора Замысловскаго, даетъ пространный объяснительный текстъ къ каждой картѣ, и г. Малашкинъ, не производя собственныхъ изысканій, могъ бы воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ у его ученаго предшественника. Историко-географическимъ матеріаломъ Е. Е. Замысловскаго могъ бы руководиться г. Малашкинъ внимательнѣе, чѣмъ онъ это дѣлалъ, и въ частностяхъ выполненія той или другой карты; это позволило бы ему избѣжать нѣкоторыхъ недостатковъ его работы, къ указанію которыхъ теперь мы обращаемся.

На первой картѣ (862—1015) среди литовскихъ племенъ не находимъ имени жмуди, а ятвяги, народецъ неизвѣстнаго происхожденія, отнесены безъ оговорокъ въ число литовскихъ племенъ. (Учебникъ г. Иловайскаго не дѣлаетъ этихъ промаховъ: онъ называетъ жмудь и о происхожденіи ятвяговъ говоритъ нерѣшительно). Далѣе, на первой картѣ не находимъ вовсе Византійской имперіи и Царяграда, на которые безусловно необходимо указать ученикамъ при изученіи первыхъ вѣковъ Русской исторіи. Имени Дунайскихъ болгаръ на картѣ нѣтъ; не нанесены цѣликомъ и области, ими занятыя; указаны только города ихъ Переяславецъ и Доростолъ, чѣмъ едва-ли можно удовлетвориться. Изъ племенъ собственно славянскихъ названы только тѣ, которыя есть въ учебникѣ г. Иловайскаго, и пропущены бужане и волыняне (дулѣбы), связывавшіе поднѣпровскихъ славянъ съ прикарпатскими; вмѣсто же нихъ преждевременно нанесена „Червонная Русь (Галиція)". Славяне Новгородскіе или Ильменскіе отождествлены съ кривичами, что̀ наука не позволяетъ еще утверждать категорически. Въ славянскихъ поселеніяхъ по Волгѣ и Окѣ указаны Ростовъ и Муромъ и безъ основанія пропущенъ Суздаль. Среди финскихъ племенъ не указана водь (пропущенная и у г. Иловайскаго) и не совсѣмъ вѣрно нанесено имя мери: у г. Малашкина оно помѣщено у р. Сухоны въ системѣ Сѣверной Двины, а между тѣмъ Сухона была крайнею сѣверною границей поселеній мери, жившей въ области верхней Волги и лѣвыхъ притоковъ Оки: Клязьмы и Москвы.

Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя о первой картѣ, можно отнести и ко второй (1015—1328): на ней, напримѣръ, также нѣтъ жмуди и нѣтъ води, причемъ мѣсто води занимаетъ чудь. Но вторая карта вообще удачнѣе первой. На ней, правда, есть свои недочеты: не указана столица Миндовга Новгородокъ (Новогрудокъ), хотя ука-

зана позднѣйшая Вильна; не обозначены вовсе владѣнія Тевтонскаго ордена; не указаны сѣверныя Новгородскія поселенія: Вологда, Тотьма, Устюгъ, хотя указанъ еще очень сомнительный для той эпохи Хлыновъ (Вятка). Но главное содержаніе карты—положеніе древнерусскихъ земель (княжествъ)—изображено удовлетворительно: авторъ вполнѣ слѣдовалъ атласу г. Замысловскаго при обозначеніи границъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ XI, XII и первой половинѣ XIII вв. (у г. Замысловскаго карта вторая). Для этого времени карта г. Малашкина и можетъ считаться хорошею. Но г. Малашкинъ дѣлаетъ эту же карту пособіемъ при изученіи событій и конца XIII и начала XIV в.; а при такомъ условіи необходимы были бы кое-какія измѣненія. Слѣдовало бы, напримѣръ, на этой картѣ изобразить первоначальное Литовское княжество Миндовга; г. Малашкинъ изобразилъ его лишь на третьей картѣ, а на разбираемой второй нанесъ одинъ только городъ Вильну, возникшій по всѣмъ преданіямъ позже Миндовга, при Гедиминѣ. Далѣе, слѣдовало бы на этой картѣ или вполнѣ очертить границы первоначальнаго Московскаго княжества, или же оставить рубежи Суздальской, Смоленской и Рязанской земель такъ, какъ они существовали въ XIII вѣкѣ, до образованія княжества Московскаго; авторъ же Смоленскій Можайскъ присоединилъ къ Москвѣ, а Рязанскую Коломну оставилъ за Рязанью, между тѣмъ какъ оба эти города почти одновременно и во всякомъ случаѣ до 1328 г. перешли къ Московскимъ князьямъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на третьей картѣ, изображающей Литву и Московскую Русь до 1533 г. Неудовлетворительная окраска этой карты указана нами раньше, по содержанію же своему эта карта можетъ считаться разработанною достаточно хорошо. Однако и здѣсь можно указать нѣкоторыя неточности: напримѣръ, городъ Хлыновъ названъ Вяткою; имена Новгородскихъ земель Заволочья и Двинской земли слѣдовало бы перемѣстить: Заволочье помѣщено слишкомъ далеко отъ тѣхъ „волоковъ“, отъ которыхъ произошло это названіе; что же касается до Двинской земли, то этимъ именемъ назывался не только лѣвый берегъ Сѣверной Двины, какъ это выходитъ по картѣ г. Малашкина.

Четвертая карта, „Государство Московское (1533—1682)“, гораздо менѣе удачна, чѣмъ двѣ предыдущія. Бѣдность ея номенклатуры бросается въ глаза: на ней нѣтъ Нарвы, Яма-города, Чернигова, Воронежа, Черкаска, Уфы и многихъ другихъ городовъ, которые приходится упоминать при преподаваніи; нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на владѣнія Строгоновыхъ, откуда вышелъ Ермакъ для поко-

ренія Сибири; не обозначены границы Литвы и Польши, знакомство съ которыми необходимо при изученіи Люблинской уніи. Рядомъ со всѣми этими пробѣлами нельзя однако не отмѣтить, что авторъ постарался нанести на карту всѣ тѣ второстепенные географическіе пункты, которые стали памятны или битвами (какъ Клушино, Калязинъ монастырь), или мирными переговорами (какъ Столбово, Бѣлая церковь) и т. д.

Этого послѣдняго замѣчанія нельзя сдѣлать относительно слѣдующей, пятой карты („Русь-имперія 1682—1801"). При поразительной бѣдности общаго ея содержанія, она не богата и спеціально-военными указаніями. Для того, чтобы указать на общую бѣдность номенклатуры, достаточно помянуть, что на сѣверъ отъ Москвы карта называетъ, кромѣ С.-Петербурга съ его окрестностями, всего шесть населенныхъ пунктовъ, а именно: Казань, Ярославль, Лодейное поле, Архангельскъ, Холмогоры и Пустоверскъ. Для того, чтобы характеризовать неполноту спеціально-военныхъ показаній карты, укажемъ, что на ней нѣтъ Эрестфера, Гуммельсгофа, Дерпта, Батурина, Хотина, Праги. Кромѣ того, изъ городовъ и мѣстъ, присоединенныхъ по тремъ раздѣламъ Польши, авторъ назвалъ только Могилевъ, Баръ, Балту, Умань, Тарговицу, Митаву и ошибочно Мемель, — и пропустилъ всѣ другіе. Далѣе, на своей картѣ авторъ ничѣмъ не отдѣлилъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ императрицею Екатериною отъ Польши, и пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ею отъ Турціи: смотря на карту г. Малашкина, можно подумать, что по второму раздѣлу Польши Россія получила вмѣстѣ съ Баромъ и Уманью Очаковъ и Кинбурнъ. Въ виду всего сказаннаго, пятую карту въ атласѣ г. Малашкина нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительною.

На двухъ послѣднихъ листахъ атласа нѣтъ нужды останавливаться. Шестая карта изображаетъ походъ Наполеона I на Россію и пріобрѣтенія Россіи въ XIX в.,—то и другое въ самыхъ главныхъ чертахъ, въ самыхъ общихъ контурахъ. Седьмой листъ атласа заключаетъ въ себѣ четыре карты: 1) Балканскаго полуострова съ его нынѣшнимъ политическимъ устройствомъ, 2) Кавказа, 3) Сибири и 4) русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Всѣ четыре карты не содержатъ въ себѣ никакихъ собственно историческихъ указаній и, будучи очень бѣдны именами, знакомятъ только съ границами государствъ и областей.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ ВЪ 1886—1888 ГОДАХЪ.

Въ составъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ; 2) библіотека; 3) отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей; 4) отдѣленіе древностей доисторическихъ; 5) отдѣленіе древностей христіанскихъ; 6) отдѣленіе русскихъ древностей; 7) Дашковскій этнографическій музей; 8) минералогическій кабинетъ, и 9) Дашковское собраніе изображеній русскихъ дѣятелей. Такой составъ музеевъ образовался постепенно — по мѣрѣ того, какъ обстоятельства давали возможность открывать то или другое отдѣленіе. И въ настоящее время, не смотря на крайнюю ограниченность суммъ, которыми располагаетъ управленіе музеевъ для пополненія коллекцій, размѣры послѣднихъ продолжаютъ постоянно увеличиваться. Вслѣдствіе того, въ помѣщеніи музеевъ уже замѣчается нынѣ нѣкоторое стѣсненіе, которое со временемъ—должно будетъ повести или къ сооруженію новыхъ пристроекъ къ зданію музеевъ, или же къ преобразованію внутренней организаціи послѣднихъ. Не касаясь здѣсь важнаго вопроса о такихъ улучшеніяхъ, нельзя однако не замѣтить, что и нынѣ нѣкоторыя отдѣленія музеевъ развиваются болѣе успѣшно, чѣмъ другія, и что эти успѣхи могутъ быть преимущественно приняты во вниманіе, когда представится возможность привести все учрежденіе въ полное соотвѣтствіе съ непрерывно возростающими потребностями общественнаго образованія.

Особенно счастливо идетъ обогащеніе отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Этотъ отдѣлъ музеевъ, вообще принадлежащій къ числу замѣчательнѣйшихъ нашихъ собраній рукописныхъ и старопечатныхъ, увеличился въ теченіе 1886—1888 годовъ, новыми весьма цѣнными пріобрѣтеніями.

Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій въ него поступили слѣдующія:

1) Пожертвованное коммерціи совѣтникомъ Я. П. Гарелинымъ собраніе историко-юридическихъ актовъ XVI—XVIII вѣковъ; весьма значительная часть этихъ актовъ, идущая до первыхъ годовъ прошлаго столѣтія, писана на столбцахъ, коихъ насчитывается до 2900, число же самыхъ документовъ вдвое большее; такъ какъ почти всѣ эти акты, какъ офиціальные (въ томъ числѣ грамоты царскія и духовныхъ властей, отписки административныхъ учрежденій и лицъ, челобитныя и т. д.), такъ и частные, относятся къ одной мѣстности, къ Суздальской области, то и составляютъ весьма богатый матеріалъ для внутренней исторіи этого края.

2) Собраніе черновыхъ рукописей 32 драматическихъ произведеній Ал. Н. Островскаго, переданное его вдовой М. В. Островскою; всѣ эти рукописи, кромѣ одной, суть автографы знаменитаго драматурга; почти всѣ рукописи имѣютъ обозначеніе времени начала и окончанія каждаго произведенія; при нѣкоторыхъ піесахъ изложено, въ видѣ программы, ихъ содержаніе; нѣкоторыя произведенія имѣются въ нѣсколькихъ редакціяхъ; такимъ образомъ, эта коллекція представляетъ драгоцѣнное пособіе для изученія литературной дѣятельности нашего знаменитаго драматурга.

3) Документы фамильнаго архива Ал. Ив. Кошелева, переданные въ музеи супругою покойнаго О. Ѳ. Кошелевою; въ этомъ собраніи находятся, частію въ подлинникахъ, частію въ копіяхъ, цѣлыя дѣла и отдѣльные акты по владѣнію имѣніями, указы, прошенія, разнаго рода сдѣлки, ревизскія сказки, хозяйственныя вѣдомости и записки и т. д.; документы эти относятся къ XVIII и XIX вѣкамъ и касаются имѣній не только Кошелевыхъ, но и нѣкоторыхъ родственныхъ имъ фамилій.

Изъ новыхъ розничныхъ пріобрѣтеній рукописнаго отдѣленія особеннаго вниманія заслуживаютъ:

1) „Мои воспоминанія", собственноручная рукопись барона Андрея Ивановича Дельвига, заключающая въ себѣ его записки съ 1813 по 1876 годъ, въ пяти томахъ, запечатанныхъ въ одномъ пакетѣ и переданныхъ авторомъ съ условіемъ не выдавать ихъ въ чтеніе въ

теченіе двадцати-пяти лѣтъ; на печатаніе же этихъ записокъ отъ имени музеевъ жертвователемъ оставлена особая сумма; 2) сдѣланныя А. Е. Викторовымъ извлеченія изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Московской синодальной типографіи и реестры ея изданій, имъ составленные; 3) рукописи нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній А. Ѳ. Писемскаго, частію въ его автографахъ, частію въ копіяхъ, но съ поправками автора; 4) рукопись сочиненія М. П. Погодина: „Петръ I отъ начала самодержавія до Шведской войны", въ двухъ редакціяхъ, и собранные имъ матеріалы для біографіи Н. М. Карамзина; 5) рукописныя лекціи профессоровъ Московскаго университета Ѳ. И. Буслаева, Н. А. Попова, Н. С. Тихонравова и М. М. Троицкаго; сверхъ того: нѣсколько русскихъ сборниковъ XVI—XVIII вѣковъ, представляющихъ новые списки памятниковъ старинной русской литературы свѣтской и духовной; нѣсколько рукописей, содержащихъ въ себѣ произведенія старинной повѣствовательной литературы (Повѣсть о семи мудрецахъ; Исторія объ Александрѣ и Вѣнѣ и т. п.); сборники переписки съ разными лицами Н. Ѳ. Грамматина и Е. Ѳ. Корша, автографы многихъ русскихъ писателей текущаго столѣтія и т. д.

Изъ 73 старопечатныхъ и церковно-печатныхъ книгъ, поступившихъ въ отдѣленіе въ теченіе 1886—1888 годовъ, особенно замѣчательны по рѣдкости: а) Полууставъ, изданный въ Супраслѣ въ 1757 году, въ 8-ку, и б) Псалтырь (учебная), въ листъ, печатанная около 1560—1570 гг., но безъ выходнаго листа.

По библіотекѣ печатныхъ книгъ пріобрѣтенія за 1886—1888 гг. составляютъ, въ общей сложности, 28,512 томовъ, брошюръ, атласовъ и картъ. Въ число этихъ поступленій вошли получаемыя изъ цензурныхъ учрежденій экземпляры всѣхъ книгъ, изданныхъ въ имперіи въ 1886—1888 годахъ, принесенныя въ даръ значительныя библіотеки А. И. Кошелева, Е. Ѳ. Корша, И. К. Ренара, Н. Ѳ. Ярцова и С. С. Румянцова, и наконецъ, болѣе 700 томовъ разныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, купленныхъ по распоряженію управленія музеевъ; для такихъ покупокъ, количество которыхъ крайне ограниченно вслѣдствіе ограниченности средствъ музеевъ, избираются обыкновенно капитальныя явленія современной ученой литературы или такія ученыя изданія прежняго времени, которыхъ отсутствіе не можетъ быть терпимо ни въ одной значительной библіотекѣ.

В ъ отдѣленіи изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей пріобрѣтенія состояли изъ картины И. К. Айвазовскаго

„Разрушеніе Геркуланума" и изъ двухъ писанныхъ масляными красками портретовъ—покойнаго писателя Н. П. Гилярова-Платонова и партизана 1812 года А. Н. Сеславина, а также изъ значительнаго количества гравюръ, литографій и т. п.; въ числѣ гравюръ особеннаго вниманія заслуживаетъ собраніе изъ 291 оттиска съ гравировальныхъ досокъ, хранящихся въ Императорской Академіи Наукъ.

По отдѣленіямъ древностей доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ новыя пріобрѣтенія были крайне немногочисленны и не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго.

Въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, напротивъ того, прибавилось, въ теченіе отчетнаго періода, 765 бытовыхъ предметовъ и 7 манекеновъ народностей Россіи. Предметы эти частію переданы изъ Политехническаго музея, частію принесены въ даръ г. директоромъ музеевъ и частными лицами. Важнѣйшія изъ этихъ пріобрѣтеній суть предметы изъ быта кавказскихъ народовъ, населенія сѣверо-западной и сѣверной Россіи, а также изъ быта инородцевъ южной и восточной Россіи.

Наконецъ, Дашковское собраніе изображеній русскихъ дѣятелей умножилось, въ теченіе 1886—1888 гг., 16 портретами слѣдующихъ лицъ: адмирала Д. Н. Сенявина, синолога І. Бичурина, митрополита Московскаго Иннокентія, профессора П. М. Леонтьева, М. Н. Каткова, М. Д. Скобелева, Н. М. Пржевальскаго, гр. А. И. Румянцова, самоучки-инженера М. И. Сердюкова, инженера барона І. Любераса, гр. П. И. Шувалова, гр. П. И. Панина, адмирала А. И. Нагаева, морехода Г. И. Шелихова, генерала П. Д. Еропкина и гр. Я. И. Ростовцева. Послѣдніе девять портретовъ исполнены покойнымъ И. Н. Крамскимъ. Во всей этой коллекціи къ концу 1888 года былъ 301 портретъ.

По всѣмъ отдѣленіямъ музеевъ, въ теченіе отчетнаго періода, производились служащими въ нихъ библіографическія и другія ученыя работы: не прерывалась каталогизація новыхъ пріобрѣтеній и приводились въ порядокъ прежнія коллекціи. По рукописному и старопечатному отдѣленію особенныхъ трудовъ потребовало описаніе коллекціи Я. П. Гарелина; она поступила въ отдѣленіе въ хаотическомъ безпорядкѣ но, будучи разобрана и разсмотрѣна хранителемъ отдѣленія Д. П. Лебедевымъ, составила предметъ весьма интереснаго обозрѣнія ея состава, которое помѣщено въ печатномъ Отчетѣ музеевъ за 1886—1888 года. По отдѣленію изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей за это

время обработаны и изданы въ свѣтъ каталоги восточныхъ монетъ, римскихъ монетъ отъ Марка Аврелія до Юлія Непота и гравюръ италіанской, нѣмецкой, голландской, фламандской и французской школъ; первый изъ этихъ трудовъ принадлежитъ В. К. Трутовскому, второй—А. М. Подшивалову, а третій—И. В. Цвѣтаеву. По отдѣленіямъ доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей хранителемъ ихъ Г. Д. Филимоновымъ продолжаемо было ихъ ученое описаніе; по самому свойству хранимыхъ предметовъ трудъ этотъ требуетъ тщательныхъ изслѣдованій, а потому исполненіе его нѣсколько замедляется; тѣмъ не менѣе, каталогъ отдѣленія христіанскихъ древностей уже приготовленъ къ изданію. Въ Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ главныя работы заключались въ новомъ размѣщеніи коллекцій, возростаніе которыхъ потребовало увеличенія помѣщенія для этого отдѣленія; въ предоставленной ему новой залѣ сосредоточены предметы изъ быта кавказскихъ народовъ, состоявшіе къ концу 1888 года изъ 21 манекена, 86 отдѣльныхъ частей одежды и 220 отдѣльныхъ вещей. Кромѣ этихъ работъ, хранителемъ В. Ѳ. Миллеромъ предпринято „Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея", котораго I-й выпускъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1887 году. Изданіе это задумано, какъ пособіе къ изученію внѣшняго быта населяющихъ Россію народностей, по скольку типы и бытъ ихъ представлены коллекціями музея; поэтому, въ „Описаніи" собственно каталогу коллекцій предпосланы географическія и статистическія свѣдѣнія о данной народности и библіографическія указанія. Такъ какъ въ составъ этнографическихъ коллекцій музея входятъ главнымъ образомъ одежды и вообще убранство разныхъ народовъ, то предпринятое „Описаніе" должно дать богатые матеріалы для сравнительной исторіи одежды. Въ I-й выпускъ его вошло введеніе, содержащее въ себѣ очеркъ исторіи Дашковскаго музея, и описаніе коллекцій, относящихся до 25 народностей трехъ группъ—арктической, урало-алтайской и семитской. Всѣхъ выпусковъ „Описанія" должно быть четыре. Съ Дашковскимъ музеемъ связано еще изданіе „Сборника матеріаловъ по этнографіи", печатаемое на средства г. директора музеевъ подъ редакціей В. Ѳ. Миллера. О содержаніи двухъ выпусковъ этого „Сборника" (II-го—1887 г. и III-го—1888 г.) уже было говорено на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Что касается пользованія коллекціями музеевъ, то къ сожалѣнію

„Отчетъ", изъ котораго извлечены вышеизложенныя свѣдѣнія, представляетъ по этому предмету очень мало данныхъ. Въ немъ не сообщено цифры посѣтителей, осматривавшихъ музейныя собранія, ни число читателей въ библіотекѣ, ни число выданныхъ имъ книгъ. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является лишь рукописное и старопечатное отдѣленіе; какъ видно изъ „Отчета", въ теченіе 1886—1888 годовъ въ немъ занималось до 200 лицъ, коими было вытребовано въ чтеніе до 1500 рукописей и 243 книги церковной печати.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1889 ГОДУ.

Къ концу 1889 года наличное число штатныхъ преподавателей въ С.-Петербургскомъ университетѣ было слѣдующее: профессоръ богословія 1; по историко-филологическому факультету—ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 5, лекторовъ новыхъ языковъ 3; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 6; по юридическому—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 5; по факультету восточныхъ языковъ—ординарныхъ профессоровъ 3, экстраординарныхъ 3, лекторовъ восточныхъ языковъ 3. Общее число штатныхъ преподавателей къ концу 1889 года было: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 29, экстраординарныхъ 19, лекторовъ новыхъ языковъ 3, восточныхъ языковъ 3,—всего 55 преподавателей. Сверхъ того, при университетѣ состояли отчисленные, по выслугѣ 30 и болѣе лѣтъ, изъ штатныхъ преподавателей ординарные профессоры: по историко-филологическому факультету 2, по физико-математическому 7, по юридическому 3, по факультету восточныхъ языковъ 4, и того вмѣстѣ съ штатными 71. Число приватъ-доцентовъ къ 1-му января 1890 года было слѣдующее: на историко-филологическомъ факультетѣ—по философіи 1, по классической филологіи 3, по сравнительному языковѣдѣнію 3, по русскому языку и словесности 3, по славянской филологіи 1, по всеобщей исторіи 3, по русской исторіи 3, по исторіи западно-европейскихъ литературъ 4, по теоріи и исторіи искусствъ 1; на физико-математическомъ—по чистой математикѣ 4, по астрономіи и геодезіи 1,

по физикѣ и физической географіи 4, по минералогіи и геологіи 3, по зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи 8, по ботаникѣ 1, по агрономіи 1; на юридическомъ—по гражданскому праву и судопроизводству 2, по государственному праву 2, по уголовному праву и судопроизводству 2, по политической экономіи и статистикѣ 2; по факультету восточныхъ языковъ—по санскритской словесности 2, по китайской и маньчжурской словесности 3, по египтологіи 1 и преподаватель японскаго языка 1; на всѣхъ факультетахъ такимъ образомъ состояло 58 приватъ-доцентовъ и одинъ преподаватель. Общее же число преподавателей всѣхъ разрядовъ и категорій къ концу 1889 года было 130.

Изъ числа штатныхъ профессоровъ не имѣли требуемой уставомъ ученой степени доктора слѣдующія лица: на историко-филологическомъ факультетѣ—экстраординарные профессоры Ернштедтъ и Незеленовъ, по физико-математематическому—экстраординарные профессоры Будаевъ и Петри, по юридическому и. д. ординарнаго профессора Дорнъ и экстраординарные профессоры Бершадскій и Ведровъ, по факультету восточныхъ языковъ—экстраординарный профессоръ Веселовскій.

Въ теченіе 1889 года командированы были за границу съ ученою цѣлью слѣдующіе профессоры и приватъ-доценты; профессоры—Мартенсъ—на конференцію въ Брюсселѣ, созванную для обсужденія международныхъ мѣръ относительно прекращенія торговли неграми въ предѣлахъ африканскаго материка; Докучаевъ—для ознакомленія съ минералогическими и почвенными коллекціями Парижа, Берлина и Вѣны; Боргманъ—для ознакомленія съ заграничными физическими институтами и для осмотра электрическаго отдѣла на Парижской выставкѣ; Хвольсонъ и Цагарели—въ Стокгольмъ на съѣздъ оріенталистовъ. Приватъ-доценты: Коркуновъ—въ Германію и Францію, для пополненія собраннаго имъ матеріала для магистерской диссертаціи; Форстенъ—въ Любекъ и Данцигъ для занятія въ тамошнихъ архивахъ. Кромѣ того, съ разными научными цѣлями, командированы были за границу 6 профессоровъ и 3 приватъ-доцента, изъ послѣднихъ одинъ—въ Китай.

Въ теченіе года никакихъ измѣненій въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія сдѣлано не было. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія ихъ занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей. Такъ, въ историко-филологическомъ факуль-

тетѣ—занятія со студентами по классической филологіи велись въ порядкѣ, указанномъ въ обозрѣніи преподаванія за оба семестра 1889 года, и независимо отъ сего, подъ руководствомъ профессора, студенты двухъ старшихъ семестровъ упражнялись въ работахъ по латинской стилистикѣ и въ чтеніи и толкованіи избранныхъ латинскихъ надписей. По русскому языку и словесности студенты-спеціалисты по русской словесности занимались изслѣдованіемъ памятниковъ русской литературы XVIII и XIX столѣтій, и изъ нихъ пять представили слѣдующія изслѣдованія: а) „Журналъ 1769 года „Пустомеля", б) „Письмо Фонвизина изъ-за границы", в) литературную критику Карамзина, г) „Отношенія русской критики къ народному героическому эпосу", д) „Мертвыя души" Гоголя въ связи съ біографіей поэта". По всеобщей исторіи профессоръ велъ со студентами занятія, состоявшія въ разработкѣ по источникамъ и пособіямъ отдѣльныхъ вопросовъ западно-европейской исторіи съ середины XVIII вѣка до первой четверти XIX. Подъ руководствомъ профессора по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ два студента и вольнослушатель начали занятія по изданію греческаго подлинника Діонисія съ комментаріями, одинъ студентъ готовилъ ученый трудъ по древностямъ Кавказа классической эпохи, а два кандидата Новороссійскаго университета, прикомандированные къ С.-Петербургскому, напечатали ученый трудъ „О живописи Кіево-Софійскаго собора". Студенты-латыши, подъ руководствомъ одного изъ приватъ-доцентовъ, занимались переводомъ на латышскій языкъ этнографической программы Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и выработкою программы, примѣнительно къ латышамъ, по юридическимъ обычаямъ. Въ физико-математическомъ факультетѣ: въ теченіе 1889 года въ физическомъ кабинетѣ ведены были практическія занятія со студентами 3-го и 4-го семестровъ; въ оба полугодія занимались 128 студентовъ: они дѣлали измѣренія и наблюденія съ приборами и давали отчетъ отчасти письменный, отчасти устный о сдѣланныхъ ими задачахъ. Общее наблюденіе за этимъ дѣломъ имѣлъ профессоръ физики и физической географіи, ближайшее же руководство занятіями принадлежало тремъ лаборантамъ и препаратору. Кромѣ того, студенты 3-го и всѣхъ послѣдующихъ семестровъ собирались подъ руководствомъ профессора чистой математики для сообщенія другъ другу различныхъ вопросовъ по математикѣ и физикѣ. Одинъ студентъ 7-го семестра занимался изученіемъ электрооптическихъ явленій, изъ студентовъ 8-го семестра—одинъ

занимался изслѣдованіемъ различныхъ способовъ напряженія магнитнаго тока; а два другіе повторяли опыты Гертца надъ радіаціей электричества. По химіи спеціально занимались три кандидата: одинъ изслѣдовалъ измѣненія растворимости газовъ, другой изучалъ азотистый и азотноватый ангидриды, послѣдній производилъ наблюденія надъ осмотическимъ давленіемъ. По геологіи и минералогіи одинъ студентъ занимался изученіемъ микроскопическаго строенія раковинъ пластинчатожаберныхъ моллюсковъ, а другой изучалъ методы отдѣленія составныхъ частей горныхъ породъ; подъ руководствомъ приватъ-доцента происходили занятія по опредѣленію показателей преломленія минераловъ и химическихъ продуктовъ по различнымъ способамъ, въ связи съ читаннымъ курсомъ кристаллографіи. По зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи студенты старшихъ семестровъ, раздѣленные на группы, проходили практическій курсъ по мышечной и нервной физіологіи и такой же курсъ физіологической химіи; эти краткіе курсы проходятся въ два мѣсяца, цѣль ихъ— дать студентамъ понятіе объ основныхъ пріемахъ физіологическаго изслѣдованія. Одинъ изъ студентовъ произвелъ и напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ экспериментальную работу „О дѣйствіи свѣта и теплоты на рефлексы спиннаго мозга", другой студентъ въ томъ же изданіи напечаталъ работу „Двоякое дѣйствіе высыхающаго нерва на мышцу". Подъ руководствомъ профессора географіи и этнографіи успѣшно продолжались занятія въ кабинетѣ географіи и антропологіи, имѣвшія цѣлью пріучить студентовъ путемъ изученія источниковъ и составленія рефератовъ къ самостоятельной и критической разработкѣ научнаго матеріала. Помимо литературныхъ работъ, въ которыхъ участвовало 8 студентовъ, посѣтители практическаго курса занимались антропологическими измѣреніями, знакомились съ новѣйшими литературными и картографическими произведеніями и съ современною періодическою литературою по этимъ предметамъ, посѣщали, подъ руководствомъ профессора, музеи и участвовали въ разработкѣ программъ для каникулярныхъ работъ. Практическія занятія по анатоміи человѣка происходили ежедневно въ свободное отъ лекцій время, подъ руководствомъ приватъ-доцента. Студенты 1-го семестра раздѣлены были на четыре группы, каждой группѣ демонстрировалось по два часа въ недѣлю все, что проходилось въ систематическомъ курсѣ. Начиная со 2-го семестра студенты занимались практически и приготовляли препараты мышцъ, верхней, нижней конечности, туловища и головы, а также внутренностей, сосудистой

и нервной системъ. Въ юридическомъ факультетѣ производились, подъ руководствомъ трехъ профессоровъ и одного приватъ-доцента, практическія занятія по уголовному праву, уголовному судопроизводству, римскому праву и гражданскому судопроизводству. Въ статистическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора, пять студентовъ занимались разработкою данныхъ, русскихъ и иностранныхъ, по движенію населенія; кромѣ того, однимъ студентомъ вычислена таблица смертности петербургскаго населенія по переписи 1881 года и о умершихъ за 1881 и 1882 годы. Приватъ-доцентъ по предмету судебной психопатологіи читалъ студентамъ демонстративныя лекціи въ больницѣ св. Пантелеймона; демонстраціи и разборъ душевнобольныхъ оказали большую пользу изучающимъ психіатрію. На факультетѣ восточныхъ языковъ, въ силу свойствъ большинства предметовъ этого факультета, почти каждая лекція необходимо заключала въ себѣ и элементъ практическихъ занятій. Сверхъ того у приватъ-доцента по каѳедрѣ санскритскаго языка происходили на дому чтенія драмы Рашнавали съ наиболѣе подготовленными слушателями.

На предложенныя факультетами темы представлено было въ концѣ 1889 года 49 сочиненій; изъ числа ихъ 12 удостоены наградъ золотыми медалями (4 физико-математическаго факультета, 6 юридическаго и 2 факультета восточныхъ языковъ), 17—серебряными медалями (1 ист.-фил. фак., 6 физ.-мат., 9 юрид. и 1 фак. вост. яз.), 14 — почетныхъ отзывовъ (4 ист.-фил. фак., 2 физ.-мат., 7 юрид. и 1 фак. восточ. яз.). Сверхъ того одинъ студентъ удостоенъ преміи въ память перваго съѣзда естествоиспытателей и врачей.

На основаніи существующихъ постановленій утверждены въ теченіе 1889 года въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: Ѳ. Ф. Вержбовскій и К. Я. Гротъ — славянской словесности, А. М. Ждановъ — астрономіи и геодезіи, В. Н. Великій, В. М. Шимкевичъ, А. М. Никольскій и Н. Н. Полежаевъ, всѣ четверо—зоологіи, В. В. Ефимовъ—гражданскаго права, А. В. Жуковскій — персидской словесности, С. М. Георгіевскій и А. О. Ивановскій — китайской словесности; б) въ степени магистра: И. И. Холоднякъ — римской словесности, В. Г. Дружининъ — русской исторіи, А. Н. Деревицкій — греческой словесности, А. Н. Красновъ — ботаники, П. А. Землтченскій и С. Ѳ. Глинка — минералогіи и геогнозіи, Д. А. Граве — чистой матема-

тики, А. А. Жандръ — зоологіи; в) степени кандидата — 209 (историко-филологическаго факультета 38, физико-математическаго 108 [математиковъ 62, естественниковъ 46], юридическаго 54, факультета восточныхъ языковъ 9); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—121 (ист.-филол. фак. 3, физ.-мат. 19 [матем. 4, естеств. 15] юридич. 93, фак. вост. яз. 6). Выпускныя свидѣтельства получили 322 (ист.-филол. фак. 29, физ.-мат. 127 [матем. 78, естеств. 49], юридич. 154, фак. вост. яз. 12).

Для приготовленія къ профессорскому званію и для усовершенствованія въ наукахъ находилось въ теченіе 1889 года въ командировкѣ за границей слѣдующее число лицъ: по историко-филологическому факультету — 3, по физико-математическому — 2 и по факультету восточныхъ языковъ — 3; три изъ нихъ въ томъ же году вернулись изъ-за границы. Для приготовленія же къ профессорскому званію при университетѣ оставлялись кандидаты съ выдачею имъ стипендій по 600 руб., а нѣкоторые не пользовались стипендіей. Такъ, а) на счетъ штатной суммы состояло: на историко-филологическомъ факультетѣ—4, на физико-математическомъ — 6, на факультетѣ восточныхъ языковъ — 3; б) Демидовскія стипендіи получали 5 кандидатовъ юридическаго факультета; в) изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія получали стипендіи два кандидата, а изъ средствъ Новороссійскаго университета — одинъ.

Къ 1-му января 1889 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ состояло 1,661 студентъ и 37 постороннихъ слушателей; въ теченіе года вновь поступило 609 (475 изъ гимназій, 55 изъ другихъ учебныхъ заведеній, 33 изъ другихъ университетовъ и 46 бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета); въ тотъ же періодъ выбыло 511 (по окончаніи курса 405, до окончанія курса 106), такъ что къ 1-му января 1890 года находилось 1,759 студентовъ и 36 постороннихъ слушателей. Студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 115, на физико-математическомъ 689 (въ математическомъ разрядѣ 437, на естественномъ 252), на юридическомъ 875, на факультетѣ восточныхъ языковъ 80; б) по вѣроисповѣданіямъ — православныхъ 1.228, армяно-грегоріанъ 21, католиковъ 172, лютеранъ 181, реформатовъ 18, евреевъ 125, магометанъ 8, единовѣрцевъ 3, англиканскаго исповѣданія 3; в) по сословіямъ — сыновей дворянъ и чиновниковъ 1.135, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 148, духовнаго званія 116, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи -

ремесленниковъ 280, крестьянъ 51, казачьяго сословія 8, иностранныхъ подданныхъ 21; г) по предварительному обученію — гимназистовъ 1.728, семинаристовъ 5, изъ другихъ учебныхъ заведеній 26; д) по учебнымъ раіонамъ, гдѣ получено предварительное образованіе—С.-Петербургскій учебный округъ 974, Московскій 102, Дерптскій 95, Кіевскій 70, Казанскій 31, Харьковскій 58, Виленскій 176, Одесскій 44, Оренбургскій 31, Варшавскій 74, Кавказскій 80, Сибирскій 24. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались 249, на сумму 79.207 руб. 57 коп., въ томъ числѣ: 54.735 руб. 52 коп. изъ государственнаго казначейства, 12.460 руб. 41 коп. отъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, и 12.011 руб. 64 коп. на счетъ пожертвованныхъ капиталовъ. Единовременными денежными пособіями воспользовались 142 студента на сумму 4.193 руб., изъ которыхъ 1.552 руб. — изъ государственнаго казначейства, а 2.041 руб. — изъ разныхъ источниковъ. Освобожденныхъ отъ платы за ученіе было 736 студентовъ. Такимъ образомъ на всѣ способы вспомоществованія 1.127 студентовъ было израсходовано 82.800 руб. 57 коп.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ слѣдующія ученыя общества: а) Филологическое общество, учрежденное въ 1869 году; б) С.-Петербургское общество естествоиспытателей (1868 г.); в) Юридическое общество (1877 г.); г) Русское физико-химическое, образовавшееся въ 1878 году, чрезъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ обществъ — физическаго и химическаго, и состоящее нынѣ изъ двухъ отдѣленій; д) Русское антропологическое общество (1887 г.). Кромѣ того, въ 1889 году учреждены два новыя общества: Неофилологическое и Историческое. Составъ и дѣятельность въ 1889 году первыхъ пяти изъ названныхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Историко-филологическое общество: отдѣленіе романо-германской филологіи. Въ отдѣленіи въ теченіе года состоялось 13 засѣданій, на которыхъ прочитаны были 18 сообщеній по нижеслѣдующимъ отдѣламъ: а) по сравнительному изученію литературныхъ сказаній три доклада: А. Н. Веселовскаго — эпизодъ изъ старофранцузскаго романа Grand St. Raal и славянскій апокрифъ объ Амфилохѣ, П. А. Сырку — нѣмецкій переводъ повѣсти о Дракулѣ, С. Ѳ. Ольденбурга — персидская редакція повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ; б) по народовѣдѣнію 6 докладовъ: дуалистическія повѣрья о міросозданіи, параллели къ русскимъ былинамъ, параллели въ народныхъ преданіяхъ къ поэмѣ Данте, германскія повѣрья о

„дикой охотѣ", легенды о св. Николаѣ, о миѳическихъ элементахъ въ русской народной поэзіи; в) по вопросамъ грамматики 3 доклада о формахъ французскаго глагола сравнительно съ русскими спряженіями; г) по кельтской литературѣ 2 доклада о трудахъ d'Arbois de Jubainville, Loth et Cerquant; д) по общимъ вопросамъ теоріи литературныхъ эволюцій — 2 доклада; е) по новѣйшей литературѣ 2 доклада: о Викторѣ Гюго и по поводу новаго романа Бурже. Съ декабря 1889 года отдѣленіе романо-германской филологіи преобразовано въ самостоятельное общество неофилологіи.

Русское физико-химическое общество. Бюро физическаго отдѣленія состояло изъ предсѣдателя, дѣлопроизводителя, казначея и редактора журнала. Отдѣленіе имѣло въ 1889 году 8 очередныхъ засѣданій и два общихъ собранія съ химическимъ отдѣленіемъ. Число научныхъ самостоятельныхъ сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ отдѣленія, было 26. Въ изданномъ отдѣленіемъ Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества собственно по отдѣлу физики имѣется 26 печатныхъ листовъ. Отдѣленіе состоитъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ французскимъ физическимъ обществомъ: въ Journal de Physique помѣщаются рефераты всѣхъ статей, появляющихся въ Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общ. Дѣлами отдѣленія химіи завѣдывало бюро изъ предсѣдателя, дѣлопроизводителя и казначея. Отдѣленіе считаетъ въ своемъ составѣ 243 члена; оно имѣло 9 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ было доложено 75 оригинальныхъ изслѣдованій. Отдѣленіе издало въ 1889 году XXI томъ своего журнала объемомъ около 80-ти печатныхъ листовъ. Журналъ по прежнему давалъ не только все сдѣланное по химіи въ Россіи, но заключалъ рефераты о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ за границей.

Общество естествоиспытателей. Общество состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій и комитета для изслѣдованія Крыма въ естественно-историческомъ отношеніи. Дѣятельность общества выражалась въ общихъ собраніяхъ, которыхъ въ 1889 году было 4,—въ засѣданіяхъ отдѣленій, въ снаряженіи экскурсій въ разныя мѣстности Россіи и въ изданіи Трудовъ. Бюро Общества составляли: президентъ, предсѣдатели отдѣленій и члены совѣта отъ отдѣленій (6 лицъ), секретарь, казначей и дѣлопроизводитель. Къ 1-му января 1890 года въ обществѣ числилось членовъ: по отдѣленію ботаники—80 (почетныхъ 4, дѣйствительныхъ 60, членовъ-сотрудниковъ 16), по отдѣленію минералогіи и геогнозіи—100 (почетныхъ 7, дѣйствительныхъ 83, чле-

новъ-сотрудниковъ 10); по отдѣленію зоологіи—169 (почетныхъ 11, дѣйствительныхъ 133, членовъ-сотрудниковъ 25). По предложенію Крымскаго комитета были командированы въ Крымъ два члена, одинъ для зоологическихъ, другой—для геологическихъ изслѣдованій. На средства Общества были командированы на сѣверную окраину Усть-Урта, въ Мугоджарскія горы (Тургайской области) три члена, изъ нихъ два для геологическихъ изслѣдованій, а третій для изученія фауны этой мѣстности. По порученію отдѣленія ботаники были произведены ботаническія изслѣдованія по линіи Закаспійской желѣзной дороги и въ Полтавской губерніи. Одинъ членъ отдѣленія минералогіи и геологіи изслѣдовалъ, на собственныя средства, берега р. Виндавы въ геологическомъ отношеніи. Отдѣленіе зоологіи имѣло въ теченіе года 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 18 сообщеній, и издало 3 выпуска XX тома Трудовъ общества. Отдѣленіе ботаники имѣло 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 22 оригинальныхъ сообщенія и 1 рефератъ, и приготовило къ изданію 4-й выпускъ Трудовъ. Отдѣленіе минералогіи и геологіи имѣло также 6 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 14 сообщеній, и издало въ свѣтъ одинъ выпускъ Трудовъ. Совѣтомъ общества изданъ также одинъ выпускъ Трудовъ, содержащій протоколы общихъ собраній, отчеты секретаря и казначея за 1888 годъ и доклады, сдѣланные на общихъ собраніяхъ членами. Наконецъ, въ 1889 году изданъ обществомъ 6-й выпускъ Трудовъ арало-каспійской экспедиціи, содержащій дневникъ путешествія черезъ Мангышлакъ и Усть-Уртъ въ Туркестанскій край извѣстнаго геолога Барботъ-де-Марни и отчетъ о совершенной въ 1887 году экспедиціи въ Закаспійскій край Андрусова.

Юридическое Общество. Составъ Общества слѣдующій: совѣтъ, ревизіонная коммиссія и 3 отдѣленія: гражданское, уголовное и административное. Къ 1-му января 1890 года состояло въ обществѣ членовъ: почетныхъ 2, дѣйствительныхъ 363, членовъ-сотрудниковъ 14. Составъ совѣта и ревизіонной коммиссіи составляютъ: предсѣдатель, помощникъ предсѣдателя, два члена совѣта, 5 членовъ ревизіонной комиссіи и казначей общества. Редакціонный комитетъ гражданскаго отдѣленія имѣлъ три засѣданія, посвященныя разсмотрѣнію вносимыхъ въ отдѣленіе докладовъ. Отдѣленіе это имѣло четыре засѣданія: въ первыя два засѣданія слушались сообщенія: „О гражданскомъ уложеніи Черногорскаго княжества“ и „О договорѣ запродажи съ точки зрѣнія будущаго гражданскаго уложенія“, въ 3-е и 4-е засѣданія происходили пренія по второму изъ названныхъ

сообщеній. При Отдѣленіи образована особая комиссія для разсмотрѣнія переданнаго изъ министерства юстиціи проекта устава о несостоятельности. Уголовное отдѣленіе имѣло три засѣданія: въ двухъ изъ нихъ доложены были рефераты: „Предѣлы изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи по судебнымъ уставамъ" и „Ограниченіе виндикаціи плодовъ преступленія", на 3-мъ засѣданіи происходило избраніе особаго Комитета для участія въ занятіяхъ международнаго пенитенціарнаго конгресса 1890 года. Въ сентябрѣ окончено печатаніе замѣчаній редакціоннаго комитета въ усиленномъ составѣ на проектъ особенной части уголовнаго уложенія о посягательствахъ имущественныхъ.—Административное отдѣленіе имѣло семь засѣданій: первыя два засѣданія посвящены были преніямъ по двумъ докладамъ: „О книгахъ барона П. Л. Корфа" и „Замѣтки о мѣстной реформѣ", два слѣдующіе—докладу „Объ устройствѣ гминъ и гминныхъ судовъ въ Царствѣ Польскомъ", 5-е и 6-е засѣданія—выслушиванію и преніямъ по докладу „Правила фабричнаго найма и надзоръ за отношеніями хозяевъ и рабочихъ", послѣднее — докладу „Компетенція мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ европейскихъ государствъ". — Совѣтъ Общества имѣлъ семь засѣданій, въ которыхъ разсматривались представленія кандидатовъ въ члены общества, утверждались расходы и рѣшались другія дѣла. Въ одномъ изъ засѣданій, вслѣдствіе заявленія предсѣдателя комиссіи по участію Юридическаго Общества въ международномъ тюремномъ конгрессѣ въ С.-Петербургѣ, что членами Общества изложены доклады по всѣмъ вопросамъ конгресса,—совѣтъ постановилъ издать въ особой книгѣ, на средства общества, всѣ приготовленные доклады. Въ томъ же засѣданіи объявлено состоявшееся по всеподданнѣйшему докладу г. министра юстиціи Высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе Юридическому Обществу печатать въ 1890 году Журналъ гражданскаго и уголовнаго права безвозмездно въ сенатской типографіи и получать изъ этой типографіи безплатно 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.—Общихъ собраній въ 1889 году было четыре. Въ годовомъ собраніи выслушаны были отчетъ совѣта, заключеніе ревизіонной комиссіи, постановленіе совѣта по этому заключенію и произнесена однимъ дѣйствительнымъ членомъ рѣчь: „Объ общихъ распоряженіяхъ министровъ по русскому праву". Одно изъ общихъ собраній посвящено было памяти умершаго А. Д. Градовскаго. Оно открылось заявленіемъ предсѣдателя общества, предложившаго почтить память покой-

наго, какъ одного изъ учредителей Юридическаго Общества, какъ лица, по мысли котораго образовано административное отдѣленіе, какъ высоконравственнаго наставника и писателя, потеря котораго глубоко принята къ сердцу Обществомъ. Послѣ того, какъ собраніе почтило память усопшаго общимъ вставаніемъ съ мѣстъ, пять дѣйствительныхъ членовъ Общества произнесли рѣчи о личности и ученыхъ заслугахъ А. Д. Градовскаго.

Историческое Общество. Уставъ этого общества утвержденъ въ октябрѣ 1889 года, а въ ноябрѣ и декабрѣ оно имѣло первыя свои засѣданія, изъ коихъ два заняты были работой устройства Общества, а третье посвящено чтенію нѣсколькихъ научныхъ сообщеній.

II.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887 И 1888 ГОДАХЪ [1]).

Открытіе въ Кавказскомъ округѣ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года и преобразованіе бывшихъ уѣздныхъ и начальныхъ училищъ въ городскія началось съ 1874 года, то-есть, со времени выпуска воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ, и закончилось преобразованіемъ послѣдняго уѣзднаго училища—Закатальскаго—въ 1886 году и начальнаго приходскаго училища—Пятигорскаго—въ 1888 году. Только городское училище при самомъ институтѣ открыто раньше, а именно въ 1872 году, одновременно съ преобразованіемъ учительской школы въ институтъ. Къ началу 1887 г. всѣхъ городскихъ училищъ, съ преобразованіемъ Закатальскаго, имѣлось въ округѣ 30, а съ преобразованіемъ Пятигорскаго, ихъ стало въ 1888 г. 31. Эти училища распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) по числу классовъ: четырехклассныхъ—7, трехклассныхъ—22, и двухклассныхъ—2; къ категоріи четырехклассныхъ училищъ принадлежало еще Кизлярское училище, но съ 1887 года оно преобразовано въ двухклассное, вслѣдствіе отказа городскаго общества производить училищу пособіе; б) по времени открытія или преобразованія: не считая училища при

[1]) *Продолженіе.* См. іюльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

институтѣ, 30 училищъ возникли: въ 1874 году — 1, Владикавказское, въ 1875 году — 3, Моздокское, Ахалцихское, Шушинское, въ 1876—2, Сигнахское и Александропольское, въ 1877—4, Кизлярское, Нухинское, Шемахинское, Дербентское, въ 1878 — 3, Майконское, Анапское, Телавское, въ 1879—2, Мингрельское, Нахичеванское, въ 1880—8, Ейское, Баталпашинское, Темрюкское, Ставропольское, Георгіевское, Горійское, Новобаязетское, Карсское, въ 1881—1, Батумское, въ 1882—1, Кутаисское, въ 1884—3, Тифлисское, Озургетское, Елисаветпольское, въ 1886 — 1, Закатальское и въ 1888 — 1, Пятигорское; изъ 31 училища 15 преобразованы изъ уѣздныхъ, 8— изъ начальныхъ, а 8 учреждены вновь; нѣкоторыя изъ преобразованныхъ уѣздныхъ училищъ принадлежатъ къ числу старѣйшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ: такъ, Моздокское было основано въ 1820 году, а Горійское, Телавское и Кутаисское — въ 1830 году; в) по мѣстностямъ: въ Тифлисской губерніи — 6 училищъ, въ Кубанской и Терской областяхъ—по 5, въ Кутаисской губерніи—4, въ губерніяхъ Елисаветпольской и Эриванской — по 3, въ губерніяхъ Ставропольской и Бакинской, областяхъ Дагестанской и Карсской и въ Закатальскомъ округѣ—по 1; всего на сѣверномъ Кавказѣ—11 и въ Закавказскомъ краѣ—20.

Нормальныхъ классовъ по 31 училищу было въ 1887 году 94; въ 1888 году число ихъ увеличилось до 97, вслѣдствіе открытія IV класса при Закатальскомъ училищѣ и двухъ классовъ во вновь преобразованномъ Пятигорскомъ; изъ классовъ I-й и II-й существуютъ при всѣхъ училищахъ, III-й — во всѣхъ, кромѣ 3 (Кизлярскаго и Новобаязетскаго, а также Пятигорскаго, которое состоитъ пока только изъ двухъ классовъ), IV-й же — при 7 училищахъ; сверхъ того, при 14 закавказскихъ училищахъ, для мальчиковъ-туземцевъ, поступающихъ почти безъ всякаго практическаго знакомства съ русскимъ языкомъ, имѣются особыя подготовительныя отдѣленія, поручаемыя учительскимъ помощникамъ, а въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ училищахъ имѣются параллельныя отдѣленія, числомъ 18; наконецъ, при 7 училищахъ заведены ремесленные классы. Всѣхъ классовъ и отдѣленій къ концу 1887 года считалось 126 и 200, а къ концу 1888—129 и 204.

Въ 29 училищахъ (не считая Закатальскаго, въ которомъ IV-й классъ открытъ только въ 1888 году, и вновь открытаго Пятигорскаго), съ основанія ихъ, окончило курсъ 1.983 ученика, изъ коихъ

234 составляютъ выпускъ 1887 года и 259 — выпускъ 1888 года. Больше всего выпущено за оба года окончившихъ курсъ въ училищахъ: при учительскомъ институтѣ—256 и 246, и въ Шушинскомъ—241 и 224; затѣмъ, по числу окончившихъ курсъ, слѣдуютъ училища Озургетское—128 и 118, Ахалцихское—126 и 111, и Нухинское—118 и 109; въ остальныхъ училищахъ число окончившихъ курсъ не достигло еще 100.

Городскія училища сѣвернаго Кавказа руководствуются учебными планами и программами, изданными министерствомъ въ 1872 году, а училища Закавказскаго края—программами, выработанными педагогическимъ совѣтомъ Александровскаго учительскаго института въ 1874 году. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ оба отчетные года допущены были небольшія отступленія отъ нормальной таблицы распредѣленія недѣльныхъ уроковъ въ 15 училищахъ, преимущественно Закавказскаго края; отступленія эти заключаются въ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку въ тѣхъ училищахъ, гдѣ много учащихся изъ инородцевъ, а также уроковъ по исторіи и географіи, такъ какъ выполненіе программъ по этимъ предметамъ признается въ большинствѣ училищъ затруднительнымъ при положенномъ числѣ уроковъ. Въ общей сложности, въ разныхъ классахъ прибавлено уроковъ за оба года: по русскому и церковно-славянскому языку—65 и 56, по исторіи и географіи—20 и 22 и по разнымъ предметамъ—24 и 19, а всего: въ 1887 году—109, въ 1888 году—97 уроковъ. Прибавленіе уроковъ только отчасти дѣлается на счетъ часовъ, назначенныхъ на другіе предметы; всего убавлено было уроковъ въ 1887 году 37 и въ 1888 году—34, преимущественно по геометріи, черченію и естественной исторіи, по которымъ программы считаются удобовыполнимыми даже при уменьшенномъ, противъ нормальнаго, числѣ учебныхъ часовъ.

Въ теченіе 1887—1888 учебнаго года, съ разрѣшенія г. министра, во II-мъ и III-мъ классахъ трехклассныхъ училищъ Владикавказскаго, Шемахинскаго и Дербентскаго классная система преподаванія замѣнена предметною.

Библіотеки, которыми снабжены всѣ городскія училища округа (за исключеніемъ состоящаго при учительскомъ институтѣ и пользующагося книгами и учебными пособіями отъ сего послѣдняго, а также училища Батумскаго, въ которомъ имѣется лишь одна фундаментальная библіотека), и физическіе кабинеты (не имѣютъ ихъ

только Батумское и вновь открытое Пятигорское), а также прочія учебныя пособія, представляли въ общей сложности слѣдующія цифры къ 1-му января:

		1888 г.	1889 г.
библіотеки	названій	24.706	26.831
	въ томахъ	58.804	63.124
	на сумму	66.895 р.	71.122 р.
кабинеты	приборовъ	3.899	4.680
	на сумму	15.829 р.	17.959 р.
другія учебныя пособія	нумеровъ	11.836	12.089
	на сумму	22.009 р.	24.150 р.

Общая цѣнность всѣхъ библіотекъ, кабинетовъ и остальныхъ учебныхъ пособій составляла въ 1887 году 104.733 р., что̀ для каждаго училища, въ среднемъ, даетъ 3.611 р., а въ 1888 году—113.231 р., или въ среднемъ на одно училище — 3.774 р. На пріобрѣтеніе новыхъ книгъ и другихъ предметовъ въ 1887 году израсходовано было 6.579 р. и въ 1888 году — 8.474 р. Самыя большія библіотеки имѣютъ училища Баталпашинское, Моздокское и Нахичеванское, стоимостью болѣе 4.000 р.; болѣе 3.000 р. составляетъ цѣнность библіотекъ въ 5 училищахъ, болѣе 2.000 р.—въ 12 училищахъ, болѣе 1.000—въ 6 и менѣе 1.000 р.—въ 4 училищахъ. Лучшіе физическіе кабинеты принадлежатъ училищамъ Шушинскому, Анапскому и Новобаязетскому. Остальныхъ учебныхъ пособій только 8 училищъ имѣютъ на сумму свыше 1.000 р., а именно: Ейское, Анапское, Ставропольское, Георгіевское, Елисаветпольское, Шушинское, Нухинское и Нахичеванское.

Почти при всѣхъ училищахъ Кубанской и Терской областей и при нѣкоторыхъ Тифлисской губерніи учреждены книжные склады, изъ которыхъ учащіеся могутъ пріобрѣтать всѣ необходимыя книги и учебныя пособія по нарицательнымъ цѣнамъ. Самый значительный изъ нихъ находится при Баталпашинскомъ училищѣ, почетный смотритель котораго Э. К. Плотниковъ еще въ 1881 году пожертвовалъ для операцій склада 1.000 р.

На содержаніе 29 училищъ въ 1887 году поступило 184.241 р., что̀, вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, составило сумму въ 243 р., а въ 1888 году на содержаніе 30 училищъ поступило 186.887 р., съ остатками же отъ прежнихъ лѣтъ — 253.122 р. Между источниками содержанія главнѣйшіе были слѣдующіе:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
отпускаемые изъ государственнаго казначейства	105.294 (57,2%)	106.017 (56,8%)
сборъ платы за право ученія . .	34.987 (19,0%)	36.399 (19,5%)
субсидіи городскихъ обществъ. .	30.121 (16,4%)	32.321 (17,3%)

Городскія училища въ Закавказскомъ краѣ содержатся почти исключительно на казенный счетъ; исключеніе составляетъ одно только Елисаветпольское училище, на которое казна отпускаетъ всего 975 р., а городское общество—2,510 р.; изъ остальныхъ училищъ получаютъ отъ городовъ субсидіи: Мингрельское, Ахалцихское, Батумское, и Кутаисское. На Сѣверномъ Кавказѣ 6 училищъ существуютъ безъ всякаго пособія отъ казны; Баталпашинское содержится на средства Кубанскаго казачьяго войска, Ейское, Майкопское, Темрюкское, Владикавказское и Пятигорское—на средства, отспускаемыя городскими обществами, Моздокское и Георгіевское училища—на совмѣстныя средства казны и городовъ, а Ставропольское, Анапское и Кизлярское—почти исключительно на казенныя средства, съ небольшими субсидіями отъ городскихъ обществъ и изъ земскихъ сборовъ.

Расходъ на содержаніе городскихъ училищъ составлялъ въ 1887 г. сумму въ 177,129 р., а въ 1888 году—181,883 р.; изъ этихъ суммъ употреблено было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
на содержаніе личнаго состава	107,263 р.	103,115 р.
на выдачу прибавочнаго жалованья . . .	2,197 „	1,556 „
на вознагражденіе учителей въ параллельныхъ отдѣленіяхъ	4,109 „	7,725 „
на наемъ и ремонтъ помѣщеній	16,968 „	18,155 „
на хозяйственныя нужды	18,859 „	20,867 „
на учебныя пособія	6,333 „	8,075 „
на содержаніе пансіонеровъ въ училищахъ:		
Закатальскомъ, конвикта въ Шушинскомъ и стипендіатовъ въ Озургетскомъ	7,955 „	7,500 „
на пособія служащимъ и учащимся . . .	5,602 „	7,605 „
отчисленія въ Кавказскій Учебный Округъ	1,432 „	1,372 „
на другіе расходы	6,411 р.	5,907 р.

Въ эти суммы (обоихъ годовъ) не вошли расходы на содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при училищахъ Баталпашинскомъ (2,850 р. и

5,161 р.) и Ейскомъ (600 и 800 р.). Средняя стоимость обученія одного ученика въ 9 училищахъ (не считая Пятигорскаго, какъ основаннаго только въ 1888 г.) не превышала 30 р., въ 11 училищахъ составляла отъ 30 до 40 р., а въ 7 училищахъ—отъ 40 до 50 р.; значительно дороже обошлось обученіе только въ училищахъ Кизлярскомъ—62 р. и Закатальскомъ—100 р. Средній расходъ на одного учащагося во всѣхъ училищахъ въ оба отчетные года равнялся 31 р.

Плата за право ученія установлена въ размѣрѣ отъ 4 до 16 р. Всего же учебной платы поступило: въ 1887—34,987 р., или по 1,206 р. на каждое училище, и въ 1888 году—36,399 р., по 1,213 р. въ среднемъ на одно училище. Кромѣ того, поступило взносовъ почетныхъ смотрителей, пожертвованій, процентовъ съ капиталовъ и другихъ случайныхъ поступленій въ 1887 году—7,425 р. и въ 1888 г.—5,093 р., а всего спеціальныхъ средствъ разныхъ категорій, въ томъ числѣ и сбора за право ученія, было въ началѣ годовъ:

	Въ 1887 г.		Въ 1888 г.
въ процентныхъ бумагахъ	39,409 р.		46,645 р.
наличными	18,599 „		19,590 „.
всего . . .	58,008 р.	всего . . .	66,235 р.
вновь поступило . . .	42,412 р.		41,492 р
изъ нихъ израсходовано	38,789 „		40,528 „
остается къ 1-му января 1888 г.	61,631 „	къ 1-му января 1889 г.	67,199 „
то-есть, среднимъ числомъ на одно училище по	2,125 р.	по . . .	2,240 р.

Учениковъ, не вносившихъ платы, было въ 1887 году 1,179, то-есть, 22,1$^0/_0$ всего числа учащихся, а въ 1888 году—1,208 учениковъ, или 21,8$^0/_0$ общаго числа учащихся.

Для пособія учащимся существуютъ благотворительныя общества при училищахъ Анапскомъ, Горійскомъ, Телавскомъ, Сигнахскомъ, Ахалцихскомъ, Шемахинскомъ, Дербентскомъ, а съ 1887 года учредилось еще такое же общество при училищѣ Темрюкскомъ. Сверхъ того, номинально существуетъ съ 1880 года благотворительное общество при Моздокскомъ училищѣ, однако ничѣмъ не проявляетъ своей дѣятельности. Всѣ 8 учрежденій имѣли въ кассѣ: въ началѣ 1887 года 4,870 р., получили въ теченіе года изъ разныхъ источниковъ—

3,192 р., израсходовали на пособія учащимся—875 р. и имѣли къ 1-му января 1888 года въ остаткѣ—7,187 р.; въ 1888 году поступленій было 1,375 р., а израсходовано на вспомоществованія учащимся 976 р.; къ 1-му января 1889 года остатокъ былъ въ 7,363 р. Наибольшими средствами обладаетъ общество при Шемахинскомъ училищѣ, которое имѣетъ 5,100 р. неприкосновеннаго капитала въ процентныхъ бумагахъ. Капиталы остальныхъ обществъ не превышаютъ нѣсколькихъ сотенъ рублей.

Изъ городскихъ училищъ собственными помѣщеніями пользуются Моздокское, Георгіевское, Ахалцихское и Карсское; сверхъ того, въ 1888 году Батумское училище перешло изъ наемнаго во вновь отстроенное собственное помѣщеніе, а на ремонтъ казеннаго дома Шемахинскаго училища отпущено было изъ государственнаго казначейства болѣе 3 тысячъ рублей; въ домахъ, принадлежащихъ городскимъ обществамъ, помѣщаются 5 училищъ Кубанской области, а также Ставропольское, Владикавказское и Мингрельское; для Елисаветпольскаго и Новобаязетскаго училищъ помѣщенія нанимаются городскими обществами; наконецъ, остальныя 14 училищъ помѣщаются въ домахъ, за которые наемная плата вносится изъ штатныхъ суммъ училищъ, съ нѣкоторою доплатой изъ спеціальныхъ средствъ. Стоимость 6 собственныхъ помѣщеній составляетъ около 100 тысячъ руб., а наемная плата за 14 помѣщеній—12,950 руб. Изъ собственныхъ помѣщеній вполнѣ удобными могутъ быть признаны только зданія Карсскаго и Батумскаго училищъ, а прочія страдаютъ, большею частью, тѣснотою. Изъ отводимыхъ обществами помѣщеній вполнѣ удобны помѣщенія Ейскаго и Баталпашинскаго училищъ; за то изъ отводимыхъ городами помѣщеній особенно неудовлетворительны по своей ветхости дома училищъ Владикавказскаго и особенно Ставропольскаго; при открытіи сего послѣдняго городское общество предложило, въ замѣнъ ежегодной субсидіи, домъ, оцѣненный въ 20,000 р., и приняло на себя ремонтъ его, но это обязательство городомъ не выполняется, и ремонтъ откладывается изъ года въ годъ, подъ предлогомъ недостатка средствъ. Общій недостатокъ училищъ—тѣснота; средній объемъ воздуха на одного учащагося 12,4 куб. арш. составляетъ только ²/₃ требуемаго школьною гигіеною объема, а въ 5 училищахъ онъ не достигаетъ и ¹/₂ этой нормы. На ученическихъ квартирахъ въ 1887 году проживало 715, или 13% общаго числа учащихся; въ 1888 году—658, или 12%.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ,

сочувствуя распространенію ремесленнаго образованія въ казачьемъ населеніи, изволилъ пожертвовать Кубанскому казачьему войску 5.000 р., съ тѣмъ чтобы проценты съ этого капитала выдавались ежегодно въ пособіе двумъ бѣднѣйшимъ ученикамъ Баталпашинскаго городскаго училища, казачьяго сословія, окончившимъ курсъ въ ремесленномъ отдѣленіи при училищѣ, для снаряженія ихъ на службу.

Въ теченіе 1887 и 1888 годовъ многія училища были посѣщены мѣстными губернаторами, начальниками областей, и архіереями, и всѣ безъ исключенія неоднократно осматриваемы директорами и инспекторами народныхъ училищъ; ученическія квартиры посѣщены были служащими въ 1887 году 1.034 раза, а въ 1888 году—883 раза.

Всего служащихъ въ городскихъ училищахъ состояло къ 1-му января

	1888 г.	1889 г.
почетныхъ смотрителей	16	15
учителей-инспекторовъ и завѣдующихъ училищами	29	30
законоучителей	51	54
учителей	73	75
учительскихъ помощниковъ	35	36
прочихъ должностныхъ лицъ	32	37
Итого	236	247

Въ числѣ служащихъ есть три женщины: учительница французскаго языка въ Мингрельскомъ училищѣ и помощницы учителей въ училищахъ Тифлисскомъ и Ставропольскомъ. Вновь назначенныхъ лицъ было:

	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
почетныхъ смотрителей	3	3
инспекторовъ	8	6
законоучителей	6	6
учителей	9	17
помощниковъ	10	15
другихъ должностныхъ лицъ	8	11
Всего	44	58

Вакантныхъ должностей оставалось къ концу 1887 года 22, въ томъ числѣ: 13 почетныхъ смотрителей, 3 законоучителя, 1 помощника учителя и 5 прочихъ должностныхъ лицъ, а въ 1888 году, при томъ

же числѣ вакантныхъ мѣстъ (22), не замѣщенными оставались должности 15 почетныхъ смотрителей и только 7—прочихъ должностныхъ лицъ.

Изъ 110.218 уроковъ, которые слѣдовало дать въ 1887 году во всѣхъ 30 училищахъ, пропущено учителями 4.012, или 3,64%, и болѣе половины пропусковъ приходится на болѣзнь; значительнѣйшее число манкировокъ было въ училищахъ Моздокскомъ, Александропольскомъ, Баталпашинскомъ и Дербентскомъ. Въ 1888 году слѣдовало дать 109.991 урокъ, и изъ нихъ пропущено было 3.886, или 3,54%, главнымъ образомъ по болѣзни. Пропущенные уроки законоучителей, большею частью, замѣнялись учителями соотвѣтственныхъ классовъ; въ случаѣ же пропуска уроковъ самими учителями, отсутствовавшихъ замѣняли, по возможности, инспектора, или же незанятымъ классамъ давались письменныя работы подъ надзоромъ учителей сосѣднихъ классовъ, или преподавателей, свободныхъ отъ уроковъ. Отпусковъ домой, за невозможностью устроить для учениковъ цѣлесообразныя занятія, пришлось въ 1887 году только 510, а въ 1888 году еще менѣе—455.

Педагогическіе совѣты 29 городскихъ училищъ (не считая училища при институтѣ) имѣли въ 1887 году 744 засѣданія, а въ 1888 году 768 засѣданій; на нихъ обсуждались разные учебно-воспитательные вопросы, и кромѣ того, совѣтамъ приходилось производить испытанія постороннимъ лицамъ на право производства въ первый классный чинъ и на званіе учителей начальныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ. Такія испытанія происходили въ 1887 году въ 17 училищахъ, причемъ проэкзаменовано 71 лицо, изъ коихъ удовлетворительно выдержало экзаменъ 57, или 80%, въ томъ числѣ: на учительскія званія—23 и на классный чинъ—34; въ 1888 году испытанія происходили въ 21 училищѣ, экзаменовалось — 93 лица, выдержали испытанія—75, или 81%, и изъ нихъ 34 на разныя учительскія должности и 41 на право производства въ первый чинъ. Вообще, судя по отзывамъ директоровъ народныхъ училищъ и по личнымъ наблюденіямъ самого г. попечителя округа во время его ревизій, дѣятельность служащихъ въ городскихъ училищахъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Принимая во вниманіе многолюдство классовъ кавказскихъ городскихъ училищъ, непросвѣщенность среды, въ которой вращается большинство учащихся, особенно въ маленькихъ городахъ, невозможность для учителя городскаго училища, при существующей классной системѣ преподаванія, сосредоточить свои силы

на одномъ учебномъ предметѣ, — нельзя не согласиться, что даже добросовѣстное исполненіе прямыхъ преподавательскихъ и воспитательскихъ обязанностей инспекторовъ и преподавателей — дѣло не легкое. Между тѣмъ многіе совѣты, отчасти по собственной иниціативѣ, отчасти по требованіямъ дирекцій, находятъ возможнымъ примѣнять у себя даже такія мѣры, которыя выработаны практикою среднихъ учебныхъ заведеній, и для приведенія которыхъ въ этихъ заведеніяхъ есть иногда и особыя должностныя лица. Такъ, почти повсемѣстно учреждены очередныя дежурства учителей для наблюденія за учащимися во время перемѣнъ между уроками и для помощи ученикамъ, оставляемымъ въ училищѣ послѣ классовъ на лишній часъ за неприготовленіе уроковъ; заведены кондуитные и штрафные журналы, а также адресныя книги учащихся, въ которыя вносятся наблюденія, сдѣланныя учителями при посѣщеніи ученическихъ квартиръ; для сближенія школы съ семьей и обществомъ устраиваются акты, литературныя утра, дѣтскія вечера и собранія родителей учащихся; сверхъ того, родители извѣщаются объ успѣхахъ и поведеніи дѣтей посредствомъ дневниковъ и раздачи четвертныхъ табелей. Не остались также безъ вліянія на дѣятельность персонала городскихъ училищъ и нѣкоторыя практическія указанія, данныя г. попечителемъ въ циркулярномъ предложеніи отъ 10-го сентября 1886 года относительно необходимости всесторонняго развитія учащейся молодежи, не одного только умственнаго, но также нравственнаго и физическаго. Не оставляются также безъ вниманія санитарныя и гигіеническія условія домашней обстановки учащихся, и принимаются мѣры къ тому, чтобъ ученики не слишкомъ были обременены домашними занятіями.

Изъ числа служащихъ въ городскихъ училищахъ заявили себя особыми трудами въ отчетные годы слѣдующія лица: учитель инспекторъ Телавскаго городскаго училища В. Кикнадзе, выпустившій 2-е изданіе учебника географіи Кавказскаго края для городскихъ и начальныхъ училищъ (1887 г.), приготовившій совмѣстно съ учителемъ И. Ростомовымъ, къ печати „Краткій учебникъ русской исторіи для городскихъ училищъ" (1888 г.) и составившій для „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа" статью: „О памятникахъ древности Телавскаго уѣзда"; учителя городскихъ училищъ: Ахалцихскаго — В. Е. Воробьевъ, Закатальскаго — И. В. Митаревскій и Сигнахскаго — Д. Гулисовъ, по предложенію главной физической обсерваторіи занимавшіеся метео-

рологическими наблюденіями; учитель Ахалцихскаго училища В. П. Ивановъ, составившій для „Сборника матеріаловъ" „Описаніе города Ахалциха, Тифлисской губерніи"; учитель-инспекторъ Майкопскаго Александровскаго городскаго училища А. П. Никольскій, составившій для того же „Сборника" статью: „Городъ Гори въ орнитологическомъ отношеніи"; учитель того же училища П. К. Петровъ, по предложенію главной физической обсерваторіи производившій наблюденія надъ грозами, зарницами, и атмосферными осадками; учитель-инспекторъ Темрюкскаго училища Ѳ. Ф. Арканниковъ, напечатавшій нѣсколько статей въ кавказскихъ газетахъ, занимавшійся метеорологическими наблюденіями по предложенію главной физической обсерваторіи и Русскаго Географическаго Общества и собиравшій на Таманскомъ полуостровѣ и въ другихъ мѣстахъ памятники древности, отправленныя имъ въ Кубанскій статистическій комитетъ; учитель Темрюкскаго училища А. А. Теръ-Егіазаровъ, составившій: „Концентрическій курсъ элементарной геометріи для городскихъ училищъ" и собравшій свѣдѣнія о кустарной промышленности въ городѣ Шушѣ; учитель - инспекторъ Ейскаго Александровскаго городскаго училища Е. О. Передѣльскій, собравшій свѣдѣнія объ уходѣ за новорожденными и о кустарной промышленности въ городѣ Ейскѣ; учитель Ейскаго того же училища П. А. Горбаневъ, собравшій свѣдѣнія о производствѣ азіатскихъ башмаковъ и о приготовленіи кирпича въ городѣ Александрополѣ; учитель Анапскаго училища И. Е. Дулинъ, собравшій свѣдѣнія объ уходѣ за новорожденными въ городѣ Анапѣ, и Е. И. Цѣловальниковъ, описавшій состояніе кустарной и ремесленной промышленности въ городѣ Анапѣ; помощникъ учителя Шемахинскаго училища А. Захаровъ, собравшій народныя сказки закавказскихъ татаръ и переведшій на русскій языкъ программу армяно-григоріанскихъ церковно-приходскихъ училищъ; учителя Шемахинскаго училища І. Н. Мегвинетауцесовъ, приготовившій описаніе города Шемахи для „Сборника матеріаловъ", и Н. И. Шестопаловъ, занимавшійся производствомъ метеорологическихъ наблюденій; наконецъ, Дербентскаго училища учитель-инспекторъ Л. Д. Григорашвили, печатавшій статьи въ мѣстныхъ газетахъ и учителя: М. Коптѣловъ, производившій метеорологическія наблюденія надъ грозами и атмосферными осадками и собравшій матеріалы для описанія мѣднаго производства въ городѣ Дербентѣ, и А. Б. Азатовъ, собравшій свѣдѣнія о мыловареніи въ городѣ Дербентѣ; помощникъ учителя Дербентскаго училища Е. Л. Семеновъ,

составившій описаніе производства серебряныхъ и золотыхъ вещей въ городѣ Дербентѣ.

Общее число учащихся во всѣхъ 30 городскихъ училищахъ въ началѣ 1887 года было — 5.212, а въ концѣ года — 5.417. Такимъ образомъ, число учащихся увеличилось на 205, или на 3,9%. Изъ этого общаго приращенія на училища Тифлисской дирекціи приходится 97, Эриванско-Елисаветпольской—65, Кубанской—19, Бакинско-Дагестанской—17 и на Ставропольское училище—33; въ училищахъ Кутаисской дирекціи общее число учащихся осталось безъ измѣненія, а въ Терской дирекціи уменьшилось на 26, главнымъ образомъ вслѣдствіе преобразованія Кизлярскаго четырехклассннаго училища въ двухклассное. Увеличеніе числа учащихся продолжалось и въ 1888 году, въ концѣ котораго въ 31 городскомъ училищѣ всѣхъ учениковъ состояло 5.609; такое значительное увеличеніе, объясняется главнымъ образомъ, открытіемъ новаго училища Пятигорскаго, въ которомъ учащихся 141; въ остальныхъ училищахъ прибавилось учениковъ 51, или 0,9%. Въ училищахъ Эриванско-Елисаветпольской дирекціи число учащихся уменьшилось на 99, что отчасти можетъ быть объяснено открытіемъ большаго числа армянскихъ церковно-приходскихъ школъ. Въ остальныхъ дирекціяхъ число учащихся увеличилось, а именно: въ Кутаисской—на 59, Кубанской на 32, Терской, не считая Пятигорскаго училища—на 31, Ставропольской—на 18 и Бакинско-Дагестанской—на 11. Самыя многолюдныя училища суть Озургетское—въ 325 учениковъ, Мингрельское—въ 316, Кутаисское—въ 299 и Ахалцихское—въ 263; изъ остальныхъ 7 имѣютъ свыше 200 учениковъ, 11—свыше 150, 6—свыше 100 и 3—менѣе 100 учениковъ, именно: Закатальское—85 и два двухклассныя: Новобаязетское—63 и Кизлярское—46. На каждое училище, среднимъ числомъ, приходится по 181 учениковъ, отдѣльно на училища Сѣвернаго Кавказа—по 149 и на каждое закавказское—по 198.

Распредѣленіе учащихся въ городскихъ училищахъ было слѣдующее къ 1-му январю:

	1888 г.	1889 г.
а) по сословіямъ.		
дворянъ	1.008	1.030
духовнаго званія. . . .	306	258
сословій городскихъ. . .	2.694	2.803
„ сельскихъ . . .	974	1.000
нижнихъ чиновъ	391	478
иностранцевъ	44	40

б) по исповѣданіямъ.

православныхъ	3.216	3.470
армяно-григоріанъ	1.626	1.547
католиковъ	136	133
лютеранъ	35	41
раскольниковъ	29	29
мусульманъ	307	296
евреевъ	68	93

в) по національностямъ.

русскихъ	1.593	1.847
грузинъ	1.502	1.484
армянъ	1.694	1.608
татаръ	259	264
горцевъ	105	104
евреевъ	68	89
иностранцевъ	196	213

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ оба года половина учащихся принадлежала къ городскимъ сословіямъ—49,7% и 50,0%; изъ вѣроисповѣданій преобладали православное—59,4% и 61,9% и армяно-григоріанское — 30,0% и 27,5%, изъ національностей: русскіе — 29,4% и 33,0%, армяне — 31% и 28,7% и грузины — 27,7% и 26,5%. Закавказскіе туземцы составляютъ вообще въ училищахъ 61,8% общаго числа учащихся, а отдѣльно въ училищахъ Закавказскаго края — 83,2%. Распредѣленіе учащихся по классамъ во всѣхъ городскихъ училищахъ не представляетъ интереса, такъ какъ, напримѣръ, классы двуклассныхъ училищъ не соотвѣтствуютъ по курсу своему одноименнымъ классамъ трехкласснаго или четырехкласснаго училища. Если изъ общаго числа исключить учащихся въ подготовительныхъ отдѣленіяхъ (въ количествѣ 572 учениковъ за 1887 годъ и 573 учениковъ за 1888 годъ), то остальные распредѣлялись по классамъ слѣдующимъ образомъ:

		въ 1887 г.	въ 1888 г.
въ четырехклассныхъ приходится на:	I классъ.	51,5%	49%
	II „	32,1%	34%
	III „	10,3%	11%
	IV „	6,1%	6%

въ трехклассныхъ „ „	I „	49,°/₀	49°/₀
	II „	35,°/₀	36°/₀
	III „	16,°/₀	15°/₀
въ двухклассныхъ „ „	I „	79,2°/₀	78°/₀
	II „	20,8°/₀	22°/₀

Отсюда видно, что въ училищахъ всѣхъ трехъ категорій число учащихся быстро убываетъ отъ младшихъ классовъ къ старшимъ, то-есть, масса учениковъ, выбывающихъ изъ училищъ до окончанія курса, довольствуется пріобрѣтенною въ низшихъ классахъ элементарною грамотностью.

Въ 1887 году подано прошеній о поступленіи въ городскія училища — 2.157, принято по нимъ 1.663 или 77,1°/₀, а отказано— 494, или 22,9°/₀, большею частью по недостатку мѣста, именно 319. (65°/₀), въ томъ числѣ наибольшее число отказовъ за неимѣніемъ мѣстъ пришлось на Кутаисское училище—110. Изъ остальныхъ 175 не принятыхъ—130 не попали по невыдержанію испытанія и 34 по другимъ причинамъ. Въ 1888 году прошеній о пріемѣ подано 2.339, по нимъ принято 1.696, или 73°/₀ подававшихъ прошенія, а изъ 643 не принятыхъ 470 было отказано по недостатку мѣстъ и опять больше всего въ училищѣ Кутаисскомъ—142, затѣмъ въ Елисаветпольскомъ—67 и Майкопскомъ — 51. Прочимъ 173 отказано: за невыдержаніе испытаній — 139 и по другимъ причинамъ — 34. Принятые же въ училища поступили:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
по свидѣтельству.	68	26
изъ казенныхъ учебныхъ заведеній	135	153
„ общественныхъ „ „ . .	356	529
„ частныхъ „ „ . .	271	190
по домашней подготовкѣ . . .	833	798
всего. . .	1.663	1.696

По классамъ вновь принятые распредѣлены:

въ подготовительныя отдѣленія . .	568	384
„ I	877	1.022
во II.	165	263
въ III.	48	25
„ IV.	5	2

Выбывшихъ изъ училищъ было: въ 1887 г. 1.458 учениковъ, то-есть, 26,9% общаго числа учащихся въ концѣ года и въ 1888 г.—1.504 ученика, или 26,8%, и въ томъ числѣ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
за окончаніемъ курса. . . .	234	259
„ неуспѣшность	47	43
„ поведеніе	35	40
по прошенію.	1.079	1.085
за болѣзнью	46	64
„ смертью	17	13
изъ выбывшихъ, на сколько извѣстно, поступили:		
въ другія учебныя заведенія .	273	294
„ военную службу	23	21
„ гражданскую „	73	92
на частную дѣятельность. . .	444	497
итого. . .	813	904
свѣдѣній не имѣется о . . .	628	587

Успѣхи учащихся были слѣдующіе: Изъ бывшихъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года 4.859 учениковъ переведено въ слѣдующія отдѣленія и окончило съ успѣхомъ курсъ 3.191, или 65,7%, а изъ бывшихъ въ концѣ 1887 — 1888 учебнаго года 5.074 учениковъ окончили курсъ и переведены въ высшія отдѣленія 3.356 или 66,1%. Въ отдѣльности, успѣвающихъ было:

а) по классамъ:	въ IV	97%	99%
	„ III	75%	75%
	во II	63%	63%
	въ I	64%	66%
	въ подготовительныхъ	67%	59%
б) по національностямъ:	русскихъ. . .	65%	71%
	грузинъ . . .	66%	62%
	армянъ . . .	67%	67%
	татаръ . . .	61%	62%
	горцевъ . . .	81%	66%
	евреевъ . . .	71%	85%
	европейцевъ .	59%	61%

в) по сословіямъ:	дворянъ . . .	67°/₀	69°/₀
	духовныхъ . .	70°/₀	71°/₀
	сосл. городск.	62°/₀	63°/₀
	„ сельскихъ	72°/₀	66°/₀
	нижнихъ чиновъ	71°/₀	73°/₀
	европейцевъ .	60°/₀	64°/₀

За неуспѣшность было уволено: въ теченіе перваго отчетнаго года изъ 8 училищъ 47, а въ теченіе втораго года—изъ 10 училищъ—48.

Къ обязательнымъ предметамъ въ городскихъ училищахъ относятся пѣніе, гимнастика и рисованіе. Кромѣ класснаго пѣнія, въ нѣсколькихъ училищахъ Кубанской и Терской областей, Елисаветпольской и Тифлисской губерній введено церковное пѣніе, и образовавшіеся ученическіе хоры поютъ во время богослуженія въ приходскихъ церквахъ. Въ 4 училищахъ ученики занимаются, сверхъ того, музыкой, а именно въ оба отчетные года обучающихся ей было въ Ейскомъ училищѣ—64 и 40, въ Анапскомъ—13 и 21, въ Елисаветпольскомъ—13 и 24 и въ Нухинскомъ—30 и 27. Къ необязательныхъ предметамъ относятся языки и ремесла. Французскому языку въ 1887 г. обучалось 157 человѣкъ въ трехъ училищахъ: Горійскомъ (25), Ахалцихскомъ (32) и Мингрельскомъ (100), но въ 1888 году этотъ языкъ преподавался лишь въ Мингрельскомъ училищѣ, и учащихся ему было всего 72 ученика. Ново-греческому обучалось въ 1887 году 89 учениковъ Карсскаго училища, а въ 1888 году таковыхъ было только 14. Грузинскому учатся въ 8 училищахъ Тифлисской и Кутаисской губерній 1.139 мальчиковъ; армянскому—1.371 (въ 1887 году ихъ было 1454) въ Моздокскомъ училищѣ, въ 5 училищахъ Тифлисской губерніи и всѣхъ въ 9 училищахъ дирекцій Эриванско-Елисаветпольской и Бакинско-Дагестанской; татарскому—235 и въ слѣдующій годъ—247 учениковъ въ 7 училищахъ, тѣхъ же двухъ дирекцій. Занятія ремеслами введены въ 7 училищахъ: Ейскомъ, Баталпашинскомъ, Моздокскомъ, Георгіевскомъ, Горійскомъ, Закатальскомъ и Нахичеванскомъ; во всѣхъ этихъ училищахъ желающіе занимаются столярно-токарнымъ мастерствомъ—всего 172 человѣка, а сверхъ того, въ Моздокскомъ и Нахичеванскомъ—слесарнымъ 21, въ Горійскомъ и Закатальскомъ—переплетнымъ 31, а въ Баталпашинскомъ—слесарнымъ 21, кузнечнымъ 5, переплетнымъ 19, сѣдельнымъ 16 и шорнымъ 6. Въ Георгіевскомъ училищѣ желающіе изъ учащихся привлекаются къ занятіямъ въ саду и огородѣ.

Поведеніе учащихся въ городскихъ училищахъ за оба отчетные года было слѣдующее: изъ 5.417 учениковъ всего подвергавшихся болѣе строгимъ взысканіямъ было 699 учениковъ, или 12,9°/₀ общаго числа учащихся, и изъ 5.609—840, или 15,0°/₀, въ томъ числѣ:

	за 1887 г.	за 1888 г.
аресту свыше двухъ часовъ . . .	378	397
выговору совѣта	286	403
исключенію съ правомъ поступленія.	32	26
„ безъ права поступленія.	3	14

Отмѣтки за поведеніе ученики имѣли:

высшую 5. .	4.487 (82,8°/₀)	4.663 (83,1°/₀)
4. .	772 (14,3°/₀)	775 (13,8°/₀)
3. .	146 (2,7°/₀)	160 (2,9°/₀)
2. .	12 (0,2°/₀)	11 (0,2°/₀)

Число пропущенныхъ учениками уроковъ было въ 1887 году 130.269, что на одного ученика составитъ среднимъ числомъ 24,0°/₀, и въ томъ числѣ болѣе всего по болѣзни—14,1°/₀ (76,392 случая), по причинамъ уважительнымъ—6,3°/₀ и неуважительнымъ—3,6°/₀; въ 1888 году пропусковъ уроковъ было 126.281, или среднимъ числомъ на ученика 22,5°/₀, въ томъ числѣ по болѣзни 13,7°/₀ (76.868 разъ), и по другимъ причинамъ—уважительнымъ 5,9°/₀ и неуважительнымъ 2.9°/₀. Случаевъ заболѣванія разными болѣзнями было въ 1887 году 3.850, или по 71 на каждые 100 учащихся, а въ 1888 году—4.306, или по 77 на 100 учащихся, и въ томъ числѣ наибольшее число случаевъ приходилось на заболѣванія лихорадками—1.120 и 1.410 случаевъ, а изъ эпидемическихъ болѣзней было случаевъ въ оба года: корью—110 и 32, скарлатиной—18 и 12, оспой—38 (больше всего въ Елисаветпольскомъ училищѣ—12 и Шушинскомъ—10) и 17, дифтеритомъ—4 и 9 (изъ нихъ въ Ейскомъ—6) и тифомъ—13 и 9. Смертныхъ случаевъ было въ 1887 17 (0,3) въ 12 училищахъ, изъ коихъ въ одномъ Телавскомъ 4, въ Ейскомъ и въ училищѣ при институтѣ по 2 и въ остальныхъ 11 по 1; въ 1888 году такихъ случаевъ было 13 (0,23): по 2 въ училищахъ Темрюкскомъ, Ставропольскомъ и Пятигорскомъ и по 1 въ 7 училищахъ.

Кромѣ ученическихъ квартиръ, на которыхъ проживало въ 1887 году 715, или 13°/₀, общаго числа учащихся, а въ 1888—658, или 12°/₀, существуютъ еще: пансіонъ при Закатальскомъ училищѣ, который перешелъ къ училищу отъ бывшаго уѣзднаго, и въ которомъ

воспитывается 25 казенныхъ пансіонеровъ, 1 экономическій и 10 воспитанниковъ-конвиктеровъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 6-го мая 1875 года мнѣнія государственнаго совѣта о мѣрахъ для доставленія средствъ къ образованію дѣтямъ бѣдныхъ дворянъ и другихъ почетныхъ сословій Закавказскаго края. Въ силу этого закона, производившееся съ 1836 года пособіе отъ казны школамъ при нѣкоторыхъ частяхъ войскъ кавказской арміи замѣнено отпускомъ по 36.350 р. въ годъ на содержаніе Сацхенисскаго начальнаго училища, устройство конвиктовъ и выдачу стипендій. Такой конвиктъ существуетъ при Шушинскомъ городскомъ училищѣ, а стипендіи — при Озургетскомъ. Въ Шушинскомъ конвиктѣ положено 20 вакансій, изъ которыхъ въ 1887 году были заняты всѣ, а въ 1888 году только 18. На содержаніе конвикта отпускается изъ государственнаго казначейства 2.600 р. и изъ спеціальныхъ средствъ на наемъ помѣщенія—250 р. Въ Озургетскомъ училищѣ, по выбору педагогическаго совѣта, 20 изъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ по успѣхамъ учениковъ привиллегированныхъ сословій пользуются стипендіями по 60 р. въ годъ.

Горскія школы учреждены на Кавказѣ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го октября 1859 года для распространенія гражданственности и образованія между покорившимися мирными горцами и для доставленія служащимъ на Кавказѣ семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ средствъ къ воспитанію и обученію дѣтей. Такихъ школъ 5: въ Терской области—Нальчикская окружная трехклассная, открытая въ 1861 году, въ замѣнъ существовавшей въ Нальчикѣ съ 1851 года аманатской школы, начальная Грозненская двухклассная, открытая въ 1863 году, и начальная же Назрановская, учрежденная въ 1870 году; въ Кубанской области—Майкопская начальная двухклассная, переведенная сюда въ 1871 году изъ укрѣпленія Каладжи, гдѣ была основана въ 1866 году подъ названіемъ Лабинской, и въ Кутаисской губерніи—Сухумская начальная двухклассная, основанная въ 1863 году. Всѣхъ классовъ въ горскихъ школахъ въ 1887 году было 15, въ томъ числѣ 10 основныхъ и 5 приготовительныхъ; отдѣленій же было 25, такъ какъ каждый изъ приготовительныхъ классовъ имѣетъ по три прогрессивныя отдѣленія; въ 1888 году число классовъ увеличилось до 16 вслѣдствіе открытія приготовительнаго класса въ Сухумской школѣ, число же отдѣленій возросло до 28 вслѣдствіе открытія двухъ отдѣленій при Сухумской школѣ и одного при Грозненской. При всѣхъ школахъ имѣются пансіоны,

а при Нальчикской предположено было учредить особое агрономическое отдѣленіе, которое однако еще не осуществилось за неимѣніемъ желающихъ поступить въ него по окончаніи общаго курса въ школѣ.

За все время существованія въ 5 горскихъ школахъ окончило курсъ 948 учениковъ, въ томъ числѣ 194 въ Нальчикской окружной и 754—въ 4 начальныхъ. Изъ горцевъ, оканчивающихъ курсъ, только очень немногіе поступаютъ для продолженія образованія въ среднія учебныя заведенія, военныя и гражданскія, хотя для облегченія имъ поступленія въ такія училища въ Нальчикской школѣ введено даже преподаваніе французскаго языка; большинство же возвращается въ свои аулы и обращается къ частной дѣятельности или, по достиженіи соотвѣтственнаго возраста, поступаетъ на службу, предпочтительно военную.

Всѣ горскія школы имѣютъ фундаментальныя и ученическія библіотеки, и даже довольно значительныя, такъ какъ книги въ нихъ накоплялись въ теченіе 20—30 лѣтъ. Къ 1-му января 1889 года въ фундаментальныхъ библіотекахъ числилось названій 2.393 въ 5.638 томахъ, на сумму 8.546 р., а въ ученическихъ—1.045 названій въ 2.427 томахъ, на сумму 2.220 р. Всего же, во всѣхъ 10 библіотекахъ находилось 3.438 сочиненій, въ 8.065 томахъ, стоимостью въ 10.766 р. Въ отдѣльности библіотеки Нальчикской, Грозненской и Майкопской школъ имѣютъ болѣе 900 названій каждая, въ Назрановской 338 и въ Сухумской—289. Небольшіе физическіе кабинеты имѣлись только при двухъ школахъ—Нальчикской и Сухумской, и въ нихъ было 238 приборовъ, стоимостью въ 722 р. Кромѣ того, школы имѣли еще 1.419 другихъ учебныхъ пособій, стоимостью 1.878 р. Общая стоимость всѣхъ библіотекъ и пособій къ 1-му января 1888 года опредѣлялась въ 13.174 р., а къ 1-му января 1889 года она возросла до 13.366 р.

Горскія школы содержатся почти исключительно на счетъ казны, и опредѣленныя по штату суммы отпускаются имъ отъ военнаго вѣдомства; въ отчетные годы на содержаніе ихъ было отпущено 45.588 р. и 46.443 р., въ томъ числѣ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
изъ государственнаго казначейства. . . .	36.691 р.	36.697 р.
изъ земскихъ сборовъ (съ горскихъ племенъ).	4.720 „	5.521 „
отъ городскихъ обществъ	100 „	—
сбора за право ученія	1.050 „	1.147 „
за содержаніе частныхъ воспитанниковъ. .	1.595 „	1.729 „

отъ почетныхъ попечителей и пожертвованій.	—	240 „
процентовъ съ капиталовъ	254 „	29 „
изъ другихъ источниковъ	1.178 „	1.080 „

Изъ этихъ суммъ израсходовано:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
на наемъ и ремонтъ помѣщеній. . .	2.824 р.	2.815 р.
„ хозяйственные расходы.	7.299 „	7.148 „
„ учебныя пособія	838 „	741 „
„ содержаніе личнаго состава . . .	14.408 „	14.312 „
„ „ воспитанниковъ пансіона.	16.153 „	14.509 „
„ пособія служащимъ и учащимся .	789 „	944 „
„ отчисленія и другіе расходы. . .	3.970 „	5.843 „
всего. . .	46.276 р.	46.312 р.

Средняя стоимость обученія одного ученика составляла въ 1887 году 42 р, а содержанія въ пансіонѣ—117 р.; въ 1888 году стоимость обученія обходилась въ 45 р., а содержаніе въ пансіонѣ—120 р. Согласно уставу 1859 года, приходящіе вносятъ въ окружной школѣ по 5 р. за право ученія, а въ начальныхъ—по 3 р.; въ одной только Сухумской школѣ размѣръ платы увеличенъ до 6 р. На содержаніе пансіонеровъ казной отпускалось въ отчетные годы: въ Сухумской школѣ — 147 р. и 171 р., въ Назрановской — 90 и 98 р., въ остальныхъ трехъ—по 60 р.; съ частныхъ воспитанниковъ взималось: въ Сухумской — 100 и 120 р., въ Назрановской — 60 и 75 р., въ остальныхъ—по 80 р. Изъ приходящихъ учениковъ освобожденныхъ отъ платы было: въ 1887 году—33, или 10%, въ томъ числѣ 7 дѣтей училищныхъ чиновниковъ, въ 1888 году — 29, или 9,5%, изъ коихъ 7 дѣтей служащихъ чиновниковъ. Въ числѣ пансіонеровъ въ 1887 году изъ 205 своекоштныхъ было всего 13, а въ 1888 году изъ 198 учениковъ воспитывались на свой счетъ — 9, остальные же 192 и 189 пользовались безплатнымъ содержаніемъ.

Общая стоимость обученія и воспитанія всѣхъ неплатящихъ исчисляется приблизительно для каждаго отчетнаго года въ 16.000 р. Спеціальныя средства горскихъ школъ были слѣдующія: три школы Нальчикская, Майкопская и Грозненская имѣли къ началу 1887 года отъ прежнихъ лѣтъ 4.464 р., получили въ теченіе года 1.997 р., израсходовали 2.785 р., и къ 1-му января 1888 года оставалось спеціальныхъ средствъ разныхъ категорій 3.676 р., изъ коихъ 2.470 р. принадлежащія Грозненской школѣ обращены были въ процентныя бумаги.

Въ теченіе 1888 года по тѣмъ же школамъ вновь поступленій было на 3.145 р., расходу на 3.014 р. и къ концу года оставалось 3.807 р., въ томъ числѣ наличными 1.337 р. и въ процентныхъ бумагахъ—2.470 р. принадлежащія Грозненской школѣ. Въ школахъ Сухумской и Назрановской въ началѣ 1887 года не имѣлось никакихъ остатковъ спеціальныхъ средствъ, и поступившія въ теченіе этого года незначительныя средства—1.002 р. на обѣ школы, равно и поступленія въ теченіе 1888 года въ размѣрѣ 1.004 р. израсходованы сполна.

Горскія школы, за исключеніемъ Грозненской, помѣщаются въ казенныхъ домахъ, изъ которыхъ только одинъ, занимаемый Майкопскою школой, можетъ быть признанъ вполнѣ удобнымъ и достаточно просторнымъ. Помѣщенія остальныхъ трехъ школъ тѣсны, и кромѣ того, зданіе Сухумской школы на столько ветхо, что главный корпусъ совершенно оставленъ, классы и пансіоны переведены во флигеля, гдѣ прежде были квартиры для служащихъ, для которыхъ нынѣ нанимаются квартиры въ частныхъ домахъ. Собственныя помѣщенія 4 горскихъ школъ оцѣниваются въ 155.900 р.; кромѣ того, для помѣщенія больницы при Нальчикской школѣ нанимается частная квартира за 180 руб. Единственное наемное помѣщеніе для Грозненской школы, за которое платится 1.650 р. въ годъ, также имѣетъ много недостатковъ, но къ сожалѣнію въ Грозномъ, нѣтъ лучшихъ домовъ. Среднее количество воздуха въ классахъ равняется 15,5 куб. арш., а въ спальняхъ—32,4 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ проживало въ 1887 году изъ 329 приходящихъ всего 17, или 5,2%, а въ 1888 году изъ 304—14, или 4,6%.

Въ хозяйственномъ отношеніи горскія школы подчинены военному вѣдомству, а въ остальныхъ—учебному. Такой порядокъ, по мнѣнію г. попечителя, оказывается на практикѣ весьма неудобнымъ, такъ какъ ведетъ часто къ излишней сложной перепискѣ, а иногда и къ недоразумѣніямъ и даже столкновеніямъ между представителями обоихъ вѣдомствъ. Въ особенности неудобства эти сказываются во всѣхъ вопросахъ, касающихся улучшенія помѣщеній горскихъ школъ; такъ, напримѣръ, въ 1887 году изъ-за тѣсноты помѣщенія въ Назрановской школѣ было отказано въ пріемѣ 63 мальчикамъ, а въ 1888 году изъ 34 подавшихъ прошеніе о пріемѣ — отказано по той же причинѣ 29. Между тѣмъ такія крупныя цифры желавшихъ поступить и не принятыхъ доказываютъ, что это учебное заведеніе вполнѣ отвѣчаетъ насущной потребности; о необходимости расширенія, какъ курса школы, такъ и ея помѣщенія, высказался князь главнона-

чальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, при посѣщеніи имъ школы 28-го августа 1887 года.

Въ продолженіе отчетныхъ годовъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, посѣтилъ Назрановскую и Нальчикскую школы. Вообще же всѣ горскія школы, были неоднократно посѣщаемы начальниками областей, а особенно окружными начальниками, которые, по уставу горскихъ школъ, состоятъ въ званіи почетныхъ попечителей и предсѣдательствуютъ въ педагогическихъ совѣтахъ школъ. Осмотры школъ производились также директорами и инспекторами начальныхъ училищъ, а равно и ученическія квартиры посѣщались служащими; таковыхъ посѣщеній было въ 1887 году 80, въ 1888 году—104.

Наличный составъ горскихъ школъ къ 1-му января 1888 года состоялъ изъ 46 лицъ, въ томъ числѣ: 5 почетныхъ попечителей, 5 смотрителей, 6 законоучителей, 18 учителей и 12 на прочихъ должностяхъ. Изъ этого числа вновь назначенныхъ въ теченіе года было 4 лица: 1 смотритель, 1 законоучитель православнаго исповѣданія и 2 учителя. Вакантными оставались двѣ должности законоучителей—1 православнаго и 1 мусульманскаго. Почти тотъ же составъ служащихъ былъ и къ 1-му января 1889 года, только учителей вмѣсто 18 стало 20, и того всѣхъ служащихъ было 48. Между ними вновь назначенныхъ лицъ было 9: 4 попечителя, 1 смотритель, 1 учитель, 2 врача и 1 фельдшеръ. Вакантныхъ должностей было 2, законоучителя православнаго и законоучителя мусульманскаго исповѣданій.

Изъ 14.298 уроковъ пропущено учителями въ 1887 году 663, или 4,64%, а въ 1888 году изъ 14.734—1.074, или 7,29%, и въ томъ числѣ больше всего пропускалось по болѣзни (65% и 37%) вообще же манкировокъ по разнымъ причинамъ больше всего было въ Сухумской школѣ—10,0% и 16,2%. Отсутствующихъ учителей большею частью замѣняли смотрителя или другіе преподаватели, свободные отъ уроковъ; такимъ образомъ, изъ общаго числа 663 пропущенныхъ уроковъ въ 1887 г. только 44 (4%) и изъ 1.074 въ 1888 г. лишь 23 (2%) пропали для учащихся.

Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ было въ 1887 году 129, а въ 1888 году—142.

Изъ преподающихъ въ горскихъ школахъ только одинъ заявилъ себя особыми трудами, именно смотритель Сухумской горской школы К. Д. Мачаваріани, помѣщавшій разныя статьи въ мѣстныхъ и другихъ газетахъ.

Число учащихся въ горскихъ школахъ въ началѣ 1887 года

было 499, а въ концѣ его—534, въ томъ числѣ 205 пансіонеровъ, такъ число ихъ за годъ увеличилось на 35, или 7,0°/₀. Въ теченіе 1888 года число учащихся уменьшилось до 502, между коими было 198 пансіонеровъ; особенное уменьшеніе послѣдовало въ Назрановской школѣ—на 23. По числу учащихся школы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Въ 1887 году.		въ томъ числѣ пансіонеры:	Въ 1888 году.		въ томъ числѣ пансіонеры:
Грозненская .	146	47	Грозненская .	127	46
Назрановская	105	22	Сухумская . .	111	30
Сухумская. .	103	36	Майкопская .	91	40
Нальчикская .	92	62	Нальчикская .	91	62
Майкопская .	188	38	Назрановская .	82	20

Отсюда видно, что число основныхъ классовъ имѣетъ мало вліянія на число учащихся, и въ 1887 году одноклассная Назрановская, напримѣръ, имѣла больше учениковъ, чѣмъ трехклассная Нальчикская. Это происходитъ оттого, что главная масса учащихся сосредоточена въ приготовительныхъ классахъ; ученики распредѣлялись за оба отчетные года по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительныхъ было 400, или 74,9°/₀ и 356, или 70,9°/₀—всего 9°/₀ числа учащихся; въ I-хъ классахъ—89 и 92, или по 182, среднимъ числомъ въ каждомъ, во II—36 (по 9) и 49 (по 12) и въ III—9 и 5 учениковъ. Между ними пансіонеровъ было въ оба года: въ приготовительныхъ классахъ — 125 и 127, въ I—42 и 38, во II—27 и 29 и въ III—11 и 4.

Учащіеся въ горскихъ школахъ распредѣлялись:

а) по сословіямъ:

	Въ 1887 г.	пансіонеры:	Въ 1888 г.	пансіонеры:
дворянъ.	144	92	142	97
духовнаго званія	10	1	8	1
городскихъ сословій . . .	158	11	143	12
сельскихъ „	171	88	159	74
нижнихъ чиновъ	40	13	34	13
иностранцевъ	11	—	16	1

б) по исповѣданіямъ:

православныхъ.	299	85	285	80
армяно-григоріанъ	8	—	8	—

лютеранъ	—	—	1	—
раскольниковъ	—	—	1	—
мусульманъ	201	120	184	118
евреевъ	26	—	23	—

в) по національностямъ:

русскихъ	197	41	179	38
грузинъ	39	4	41	2
армянъ	8	—	8	—
горцевъ	252	158	234	156
евреевъ	26	—	23	—
европейцевъ	12	2	17	2

Въ частности, въ Майкопской и Грозненской школахъ больше русскихъ учениковъ, чѣмъ горцевъ, а именно въ оба отчетные года было: въ первой 54 и 57 русскихъ и 28 и 31 горцевъ, во второй—91 и 72 русскихъ и 34 и 36 горцевъ; въ остальныхъ школахъ, наоборотъ, горцы берутъ перевѣсъ надъ русскими: въ Сухумской школѣ, кромѣ русскихъ — 15 и 19 и горцевъ — 39 и 36, обучается значительное число мингрельцевъ—33 и 36; въ Нальчикской — русскихъ было 33 и 28, горцевъ — 50 и 52; въ Назрановской племенной составъ учащихся особенно однороденъ: въ 1887 году изъ 105 учениковъ было 101 горецъ (ингушъ) и 4 русскихъ, а въ 1888 году изъ 82 учениковъ было только 3 русскихъ, остальные горцы.

Прошеній о принятіи въ горскія школы подано въ 1887 году всего 240, и изъ нихъ больше всего въ Назрановскую школу — 97. Кромѣ 63 мальчиковъ, не принятыхъ въ Назрановскую школу по недостатку мѣста (65%), еще отказано въ пріемѣ въ Грозненской школѣ: 5—по недостатку мѣста, и 1 — по невыдержанію испытанія; въ остальныхъ 3 школахъ не было случаевъ отказа въ пріемѣ: принято всего 171, или 71%, изъ общаго числа желавшихъ поступить, и въ томъ числѣ 160 въ приготовительные классы и только 11 въ I-е. Въ 1888 году подававшихъ прошенія о пріемѣ было 158, въ Нальчикскую школу приняты всѣ желавшіе поступить, числомъ 18, въ Сухумской, Майкопской и Грозненской школахъ отказано въ пріемѣ 12 изъ 108 (11%); наконецъ, Назрановская, по недостатку мѣста, могла принять только 3 мальчиковъ изъ 32 подававшихъ прошенія; всего же принято 117, и изъ вновь поступившихъ 109 приняты въ приготовительные классы, 6—въ I и 2—во II (въ Сухумской школѣ).

Выбыло изъ горскихъ школъ въ 1887 году 136 учениковъ (25,5°/₀), въ томъ числѣ окончившихъ курсъ— 48 (9,0°/₀) и не окончившихъ курса—86 (16,5°/₀); между послѣдними было уволенныхъ за неуспѣшность—12, исключенныхъ за дурное поведеніе—3 и умершихъ—3, по болѣзни—8, остальные 62—по прошенію. Въ 1888 году выбывшихъ учениковъ было 149 (29,5°/₀), изъ коихъ 40 окончили курсъ, 20 были уволены за неуспѣшность, 2 — за дурное поведеніе, 8—по болѣзни, 4—за смертью и 75—по прошенію. Изъ выбывшихъ, на сколько извѣстно, поступили:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
въ другія учебныя заведенія. . . .	8	24
„ военную службу	1	„
„ гражданскую „	2	5
на частную дѣятельность.	44	39
всего . .	55	68

Изъ 474 учениковъ, бывшихъ въ горскихъ школахъ въ концѣ 1886—1887 учебнаго года, удостоены свидѣтельствъ объ окончаніи курса и перевода въ слѣдующіе классы и отдѣленія — 333, или 70,3°/₀, а по классамъ, начиная отъ приготовительнаго—60, 59, 90 и 100°/₀; въ теченіе 1887 — 1888 учебнаго года изъ общаго числа 522—таковыхъ было 335, или 64,2°/₀, по классамъ же, начиная отъ приготовительнаго—63, 66, 69 и 100°/₀. Изъ двухъ преобладающихъ національностей, за оба отчетные года, горцы оказывались болѣе успѣвающими, чѣмъ русскіе. Во всѣхъ школахъ обращено особенное вниманіе на усвоеніе учениками-инородцами русскаго языка, и для этой цѣли, между прочимъ, требуется постоянное употребленіе, и въ свободное отъ занятій время, русской разговорной рѣчи, и поощряется внѣклассное чтеніе русскихъ дѣтскихъ книгъ. За неуспѣшность уволено было въ 1887 году 12, или 2,2°/₀, общаго числа учащихся, а въ 1888 году—20, или 4,0°/₀.

Кромѣ предметовъ, положенныхъ по уставу 1859 года, въ горскихъ школахъ преподаются еще нѣкоторые необязательные предметы. Такъ, французскому языку обучаются всѣ ученики II и III классовъ Нальчикской школы, числомъ 18, арабскому — 110 учениковъ въ школахъ Нальчикской и Назрановской, чеченскому — 36 въ Грозненской школѣ. Пѣнію обучалось въ 1887 году 286 учениковъ во всѣхъ школахъ, кромѣ Сухумской, а въ 1888 году 284 ученика— лишь въ трехъ школахъ Терской области; въ тѣхъ же трехъ шко-

лахъ преподается столярно-токарное мастерство; оно же съ 1888 г. введено и въ Майкопской школѣ, и всѣхъ учениковъ обучается ему 120; переплетному, введенному въ Майкопской и Назрановской школахъ, учатся 16 мальчиковъ. Кромѣ того, во всѣхъ школахъ Терской области нѣкоторые учащіеся, до 160 человѣкъ, упражняются въ работахъ въ саду и огородѣ, подъ руководствомъ особаго садовника, или же кого-либо изъ наставниковъ.

О поведеніи учащихся можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	въ 1887 году.	въ 1888 году.
Подвергались аресту	26	46
выговору педагогическаго совѣта.	14	20
увольненію съ правомъ перехода.	2	—
въ другія училища.	2	2
„ безъ онаго права .	1	„
всего изъ 534 учениковъ.	43 (8,1%) изъ 502	—68 (13,5%),

		въ 1887 году.	въ 1888 году.
имѣли за поведеніе отмѣтки въ концѣ года	5 .	400 (74,9%)	368 (73,3%)
	4 .	114 (21,3%)	111 (22,1%)
	3 .	14 (3,2%)	22 (4,4%)
	2 .	3 (0,6%)	1 (0,2%) .

Пропущенныхъ уроковъ приходится въ 1887 году по 16,1 на одного ученика, и въ 1888 году по 16,8, въ томъ числѣ 10 по болѣзни на каждый годъ, 4,3% и 4,8% по другимъ уважительнымъ причинамъ и 1,8% и 2,0% по причинамъ неуважительнымъ. Больше всего пропусковъ было въ школахъ Грозненской и Назрановской.

Всѣхъ заболѣваній было: въ 1887 году 689, или по 129 на 100 учениковъ, а въ 1888 году—830, или по 165 на 100 учениковъ, и изъ нихъ почти $^{2}/_{3}$ случаевъ приходятся на лихорадки; большее число заболѣваній приходится на Назрановскую школу, что и понятно, такъ какъ въ ней пансіонеры составляютъ всего 21% общаго числа учащихся, а изъ приходящихъ многіе живутъ въ 5—6 верстахъ отъ Назрани и подвергаются постояннымъ простудамъ въ ненастную погоду. При своемъ посѣщеніи означенной школы князь главноначальствующій обратилъ вниманіе на это обстоятельство и указалъ, что полезно было бы для такихъ мальчиковъ учредить при школѣ нѣчто въ родѣ общежитія. Смертныхъ случаевъ было въ 1887 году 3 (0,56%)—по 1 въ Сухумской, Грозненской и Нальчикской школахъ, а въ 1888 году—4 (0,80%) 2 въ Сухумской школѣ и по 1 въ Наль-

чикской и Назрановской школахъ. Заболѣваній въ пансіонахъ въ 1887 году было всего 205, то-есть, по 1 на каждаго пенсіонера, и 2 смертныхъ случая (въ Сухумской и Грозненской школахъ); въ 1888 году заболѣваній было 225, или по 114 на 100; смертный случай былъ одинъ (въ Нальчикской школѣ).

Въ 1887 году въ Кавказскомъ округѣ существовало пять ремесленныхъ училищъ: Ставропольское, Владикавказское, Елисаветпольское, Тифлисское и Закатальское. Въ 1888 году прибавилось шестое — Бакинское императора Александра II, офиціально открытое 8-го ноября этого года.

По времени возникновенія старѣйшее изъ ремесленныхъ училищъ — Владикавказское графа Лорисъ-Меликова, открытое 1-го августа 1868 года и подвергавшееся въ теченіе 20-ти лѣтъ разнымъ преобразованіямъ и перемѣнамъ въ своей организаціи. Въ настоящее время, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 20-го мая 1886 года положенія и штата, оно состоитъ изъ 3 общеобразовательныхъ классовъ съ однолѣтнимъ и дополнительнаго ремесленнаго съ двухлѣтнимъ курсомъ. Общеобразовательные предметы, по уставу училища, предполагается проходить примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ по положенію 1872 года, но въ дѣйствительности курсъ ниже курса городскаго училища, такъ какъ на прохожденіе однихъ и тѣхъ же предметовъ назначено значительно меньше уроковъ, а нѣкоторые предметы, какъ всеобщая географія и исторія, зоологія ботаника и минералогія, не проходятся вовсе. Въ теченіе 5 лѣтъ ученики имѣютъ 74 недѣльныхъ урока въ классахъ и 128 часовъ занятій въ мастерскихъ. Ремесленный курсъ составляютъ ремесла столярно-токарное и кузнечно-слесарное и нѣкоторые прикладные предметы, какъ-то: черченіе, счетоводство, бесѣды по естествовѣдѣнію и технологіи и т. п. Окончившіе курсъ воспитанники пользуются льготою III-го разряда по воинской повинности и могутъ, по прошествіи одного года, если представятъ удостовѣреніе о своихъ работахъ гдѣ-либо въ мастерской, на заводѣ или на желѣзной дорогѣ, получить званіе мастера. Ставропольское Михайловское ремесленное училище открыто 8-го ноября 1872 года, имѣетъ 3 общеобразовательныхъ класса и по правамъ служащихъ и оканчивающихъ въ немъ курсъ учениковъ также приравнено къ городскимъ училищамъ. Кромѣ столярнаго и слесарнаго мастерства, въ училищѣ сдѣланъ опытъ введенія плетенія корзинъ изъ ивовыхъ прутьевъ, для чего на принадлежащей городу дачѣ посажено было въ 1887 году до 13

тысячъ черенковъ ивы 26 равныхъ сортовъ, и этотъ первый опытъ далъ превосходные результаты: побѣги ивы нѣкоторыхъ сортовъ въ первый же годъ достигли 4 и 5 аршинъ въ длину, и въ 1888 году ученики изготовили до 200 корзинъ, но особенныхъ успѣховъ пока отъ этихъ занятій ожидать нельзя, за неимѣніемъ въ училищѣ опытнаго мастера. Тифлисское городское ремесленное Михайловское училище открыто 28-го сентября 1880 года и состоитъ изъ 4 классовъ. Особенность организаціи общеобразовательнаго курса въ немъ заключается въ томъ, что каждый изъ четырехъ классовъ дѣлится по національностямъ учащихся на три отдѣленія: русское, грузинское и армянское, и въ каждомъ отдѣленіи преподаваніе ведется на родномъ языкѣ учащихся по всѣмъ предметамъ, кромѣ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и технологіи въ старшемъ классѣ, которые преподаются на русскомъ языкѣ. Въ теченіе 4 лѣтъ ученики имѣютъ 73 часа классныхъ и 126 часовъ ремесленныхъ занятій. Изъ ремеслъ введены: столярное, токарное по дереву, слесарное, токарное по металлу, кузнечное и литейное, причемъ токарное и кузнечное преподаются только какъ вспомогательныя для столяровъ и слесарей, а литейное составляетъ особую спеціальность. Оканчивающимъ курсъ съ хорошими успѣхами выдаются аттестаты на званіе подмастерья, а лучшимъ ученикамъ, пробывшимъ въ послѣднемъ классѣ не менѣе двухъ лѣтъ—свидѣтельства на званіе мастера. Елисаветпольское Михайловское профессіональное училище, открытое 8-го ноября 1884 года состояло въ 1887 году изъ 3 профессіональныхъ классовъ и приготовительнаго, имѣющаго 4 послѣдовательныя отдѣленія; въ 1888 же году послѣдовало въ немъ открытіе еще 4-го профессіональнаго класса. Занятія въ приготовительномъ классѣ организованы по учебному плану сельскихъ одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Ученики профессіональныхъ классовъ занимаются въ классахъ въ зимнее полугодіе по 3 часа, въ лѣтнее—по 2 часа въ день; на практическія занятія назначается зимою по 30, лѣтомъ — по 48 часовъ въ недѣлю, а для учениковъ приготовительнаго класса зимою—18 часовъ, лѣтомъ—отъ 36 до 42, смотря по возрасту. Практическія занятія происходятъ въ мастерскихъ: токарно-слесарной, кузнечно-слесарной, бондарной и колесной, открытой въ 1888 году. Сверхъ того, при училищѣ имѣется шелководня, а для занятій по садоводству и огородничеству училище пользуется казеннымъ Воронцовскимъ садомъ и небольшимъ участкомъ городской земли, прилегающимъ къ училищу. Елисаветпольское ре-

месленное училище пока нельзя еще считать вполнѣ сформированнымъ: оно до сихъ поръ не имѣетъ устава, матеріальные рессурсы его въ точности не опредѣлились, нѣтъ ни опредѣленнаго учебнаго плана, ни программъ, ни инструкціи для дѣятельности служащихъ. Закатальское ремесленное училище, открытое 15-го мая 1882 года, съ основанія своего и до настоящаго времени руководствуется уставомъ, введеннымъ въ дѣйствіе, съ разрѣшенія г. попечителя, въ видѣ опыта на три года. Общеобразовательный курсъ училища предположено было приравнять къ курсу двухклассныхъ нормальныхъ училищъ Закатальскаго края, но на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ существуетъ только одинъ классъ съ 3 отдѣленіями, къ которымъ прибавилось еще 4, открытое въ 1888 году, и двѣ мастерскія — столярная и слесарная. Объ организаціи въ немъ классныхъ и ремесленныхъ занятій свѣдѣній не имѣется. Наконецъ, Бакинское ремесленное Императора Александра II училище, основанное только въ 1888 году, будетъ имѣть 4 класса и мастерскія плотнично-столярную, слесарную и кузнечную. Въ 1888 году открытъ только I классъ съ плотнично-столярною мастерской.

Въ ремесленныхъ училищахъ, за все время ихъ существованія, окончило курсъ 277 учениковъ: во Владикавказскомъ — 115 (изъ нихъ въ отчетные года 10 и 2), въ Тифлисскомъ — 80 (13 и 29), въ Ставропольскомъ—61 (4 и 1) и въ Закатальскомъ — 21 (1 и 7). Елисаветпольское и Бакинское училища еще не имѣли выпусковъ. О дальнѣйшей судьбѣ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, имѣются свѣдѣнія только изъ Владикавказскаго и Тифлисскаго училищъ. Изъ 115 воспитанниковъ перваго училища 21 имѣютъ собственныя мастерскія, 14 служатъ на желѣзныхъ дорогахъ, 21 — въ полковыхъ и частныхъ мастерскихъ, 17 занимаютъ должности учителей грамотности и ремеслъ, а 10 продолжаютъ образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ 80 окончившихъ курсъ въ Тифлисскомъ училищѣ 32 служатъ на Закавказской желѣзной дорогѣ, 5 — въ учительскихъ должностяхъ, и до 20 въ частныхъ мастерскихъ.

Библіотеками и пособіями для классмаго преподаванія ремесленныя училища вообще не богаты, а Закатальское училище даже вовсе не имѣетъ ни библіотеки, ни физическаго кабинета, Бакинское же только-что начинаетъ ими обзаводиться. Кромѣ того, изъ училищъ имѣющихъ библіотеки, въ Ставропольскомъ училищѣ существуетъ лишь фундаментальная. Къ 1-му января 1889 года въ четырехъ фундаментальныхъ библіотекахъ находилось книгъ ,819, въ 1.571 томѣ,

стоимостью 2.036 р.; въ трехъ ученическихъ число названій было 354, въ 1.489 томахъ, на сумму 893 р., и того 1.173 названія въ 3.060 томахъ, стоимостью 2.929 р. Вновь пріобрѣтеній въ 1888 году было сдѣлано библіотеками фундаментальными на 260 р., а ученическими—на 134 р., всего на 394 р. Физическіе кабинеты и то незначительные, имѣютъ только два училища: Сухумское и Тифлисское; въ нихъ числится 170 приборовъ, стоимостью 911 р., и вновь сдѣлано пріобрѣтеній однимъ Тифлисскимъ училищемъ въ 1888 г. на 19 р. Наибольшую же цѣнность представляютъ учебныя пособія, къ которымъ причисляется и инвентарь мастерскихъ. Лучше всѣхъ въ этомъ отношеніи обставлено Тифлисское училище, мастерскія котораго снабжены всѣми необходимыми приборами въ такомъ избыткѣ, что училище даже выдаетъ нѣкоторые изъ нихъ на время своимъ ученикамъ, желающимъ по окончаніи курса открыть собственныя мастерскія. Само же училище имѣетъ 4 отдѣльныхъ мастерскихъ: столярную, слесарную, въ которыхъ болѣе 400 приборовъ въ каждой, литейную, гдѣ не считая до 300 богатыхъ приборовъ,—универсальная столярная машина, 6 токарныхъ, строгательный и сверлильный станки, 2 точила и вентиляторъ приводятся въ движеніе локомобилемъ въ 5 силъ, стоимостью одинъ въ 1.200 р., и кузницу, устроенную на 7 горновъ, отапливаемымъ каменнымъ углемъ и нефтью и снабженную до 250 приборами. Общая стоимость всѣхъ пособій составляетъ во всѣхъ 6 училищахъ 45.341 р., изъ которыхъ почти $^2/_3$ приходится на Тифлисское училище—28.697 р.; во Владикавказскомъ училищѣ стоимость приборовъ и инструментовъ въ мастерскихъ, считая и паровую машину въ 6 силъ, цѣною въ 1.927 р., пожертвованную училищу ея почетнымъ членомъ А. П. Саркисовымъ, не превышаетъ 7.000 р., а въ остальныхъ училищахъ не достигаетъ и 5.000 р. Пополненій приборами въ мастерскихъ училищъ было сдѣлано въ 1888 году на 2.077 р., и болѣе всего во Владикавказскомъ—на 811 руб.

На содержаніе свое, въ общей сложности, ремесленныя училища располагали въ 1887 году суммою въ 104.911 р., изъ которой 6.349 р. составляютъ остатки отъ прежнихъ лѣтъ, а 98.562 р. поступили въ теченіе года. Въ слѣдующій годъ на содержаніе 6 училищъ поступило 104.316 р., а именно:

	въ 1887 году	въ 1888 году
изъ государственнаго казначейства съ добавочнымъ жалованьемъ. . .	5.078 р.	13.493 р.
„ сборовъ земскихъ.	35.253 „	8.044 „

изъ сборовъ городскихъ	35.625 „	66.629 „
отъ казачьихъ войскъ	2.200 „	2.160 „
сбора за право ученія	811 „	919 „
за содержаніе частныхъ пансіонеровъ	2.545 „	2.050 „
другіе источники	17.050 „	11.021 „

расходы по училищамъ были:

на содержаніе личнаго состава . .	38.714 р.	42.959 р.
„ „ пансіонеровъ . . .	11.381 „	15.485 „
„ „ параллелей	400 „	1.155 „
„ наемъ помѣщеній	—	1.458 „
„ ремонтъ помѣщеній	2.180 „	7.810 „
„ расходы хозяйственные. . . .	19.120 „	19.560 „
„ пособія учебныя	3.180 „	1.955 „
„ пособія служащимъ и учащимся	1.038 „	1.751 „
отчисленіе въ Округъ	264 „	—
другіе расходы.	19.368 „	12.662 „
итого .	95.645 р.	104.795 р.

Въ числѣ расходовъ за 1887 годъ были экстренные, которые собственно не могутъ быть отнесены къ расходамъ по содержанію заведеній въ этомъ году. Такъ, Владикавказское училище внесло 600 р. на окончательное пополненіе своего долга въ 2.319 р. Терскому областному правленію, а Елисаветпольское употребило 7.438 р. на достройку зданія, 5.144 р. на обзаведеніе училища и пансіона и 1.934 р. на уплату долга по содержанію училища въ 1886 году. Изъ общаго расхода 1887 года на 5 училищъ 82.442 р., или 86,2% употреблены на содержаніе самыхъ училищъ, а остальные 13.203 р., или 13,8%, на содержаніе (3) пансіоновъ при нихъ. Средняя стоимость обученія одного ученика составляла 199 р., содержаніе одного пансіонера—88 р. Изъ общаго расхода 1888 года на содержаніе 6 училищъ израсходовано 87.157 р., и на 3 пансіона — 17.638 р. Средняя стоимость обученія въ этомъ году составляла 186 р., воспитанія въ пансіонѣ—106 р.

Спеціальныхъ средствъ въ отчетные годы поступило:

	въ 1887 году	въ 1888 году
сбора за право ученія	811 р.	919 р.
за частныхъ пансіонеровъ. . . .	2.545 „	2.050 „
пожертвованій и случайныхъ поступленій.	493 „	1.708 „

процентовъ съ капиталовъ . . .	2.515 „	2.502 „
заработной платы съ доходомъ отъ садовъ и фермъ	8.754 „	5.704 „
итого .	15.118 р.	12.883 р.

Изъ первой суммы израсходовано было въ 1887 году 13.189 р. и осталось—1.929 р., которые, вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, составляли сумму въ 4.888 р.; въ 1888 году потребовалось израсходовать 13.758 р., такъ что остатокъ спеціальныхъ средствъ уменьшился до 4.013 р. Въ эту цифру не входятъ принадлежащіе двумъ училищамъ—Владикавказскому и Тифлисскому—неприкосновенные капиталы; первому таковой капиталъ былъ пожертвованъ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ въ размѣрѣ 20.000 р., и Тифлисскому училищу пожертвованы: на учрежденіе стипендій имени княгини Е. А. Гагариной 3.000 и коммерціи совѣтника С. З. Абессаломова 5.000 р., затѣмъ капиталъ въ 1.200 р. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ М. Е. Алихановымъ и 4 билета 2-го внутренняго займа, завѣщанные ему докторомъ Маркузовымъ.

За исключеніемъ вновь открытаго Бакинскаго училища, помѣщающагося въ нанимаемомъ за 2.500 р. частномъ домѣ, всѣ ремесленныя училища имѣютъ собственные дома, которые въ общей сложности оцѣниваются въ 177 тысячъ руб. Изъ этихъ помѣщеній наименѣе удовлетворительное то, которое имѣетъ Ставропольское училище: оно на столько ветхо и тѣсно, что никакой ремонтъ не мыслимъ, и для улучшенія его въ 1888 году ничего не сдѣлано; между тѣмъ оба эти недостатка являются главнымъ препятствіемъ къ исполненію большихъ и выгодныхъ заказовъ, которые могли бы значительно улучшить матеріальныя средства учебнаго заведенія. Помѣщеніе Владикавказскаго училища довольно удобно и просторно, за исключеніемъ флигеля для слесарной мастерской и кузницы, на замѣну котораго новымъ зданіемъ была получена въ 1887 году отъ казны субсидія въ 3.000 р. и въ 1888 году уже возведенъ новый двухъэтажный флигель, обошедшійся болѣе 6.000 р. Кромѣ того, училищу принадлежатъ: пожертвованная въ 1887 году дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Д. С. Кодзоковымъ ферма, расположенная около самаго города, въ 22 десятины земли, съ небольшимъ каменнымъ домомъ и старымъ садомъ, въ которомъ до 1.600 фруктовыхъ деревьевъ, сданная въ аренду за 400 р. въ годъ; другой участокъ земли въ 8 десятинъ также находится подъ городомъ, съ домомъ и

почти весь засаженъ плодовыми деревьями (до 1.200) и обрабатывается самими воспитанниками. Помѣщенія Тифлисскаго и Елисаветпольскаго училищъ находятся въ удовлетворительномъ состояніи: первое помѣщается въ очень удобныхъ и просторныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ на городскія средства, а второе на улучшеніе своего помѣщенія затратило въ 1888 году 3.000 р. О помѣщеніи Закатальскаго училища свѣдѣній не имѣется, на устройство же фермы и образцовой червоводни, которая имѣется при училищѣ, съ разрѣшенія князя главноначальствующаго, отпущено было до 4.000 р. изъ суммъ Закатальскаго округа. Объемъ воздуха былъ на одного ученика: въ классахъ—24,7, въ мастерскихъ 57,1. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, при посѣщеніи Владикавказскаго училища въ 1887 году, остался настолько доволенъ его состояніемъ, что сдѣлалъ запись о томъ въ книгѣ для ревизующихъ и посѣтителей. Въ 1888 году князь посѣтилъ училище Елисаветпольское, а Владикавказское—г. министръ Государственныхъ Имуществъ, въ сопровожденіи члена совѣта министерства И. П. Архипова, уполномоченнаго отъ министерства на Кавказѣ И. И. Тихѣева и начальника Терской области. Въ теченіе же обоихъ годовъ всѣ ремесленныя училища неоднократно были осматриваемы директорами и инспекторами народныхъ училищъ, а ученическія квартиры и дѣти, живущіе при родителяхъ, посѣщаемы были служащими въ училищахъ въ 1887 году—62 раза и въ 1888—43 раза.

Личный учебный составъ ремесленныхъ училищъ состоялъ въ 1887 году изъ 77 лицъ, а въ 1888 году—изъ 84. Училищами завѣдывали: Тифлисскимъ—директоръ, Елисаветпольскимъ и Бакинскимъ—инспектора, Ставропольскимъ и Владикавказскимъ — смотрителя и Закатальскимъ—учитель-надзиратель. Кромѣ 5 за 1887 годъ и 6 за 1888 завѣдывающихъ училищами, остальной персоналъ составляли за оба года: законоучителя—7 и 9, почетные попечители — 3, учителя 21 и 26 и на прочихъ должностяхъ состояло 41 и 40 лицъ. Изъ числа 77 лицъ вновь было назначено 8 лицъ, въ томъ числѣ учителей наукъ 3, и изъ 84—16 лицъ, изъ нихъ учителей 1 и членовъ попечительнаго совѣта 1. Вакантныхъ должностей за оба года по всѣмъ училищамъ не было вовсе.

Въ училищахъ (кромѣ Закатальскаго за оба года) преподавателями было пропущено уроковъ: въ 1887 году 455 изъ 11.695, или 3,89%, въ томъ числѣ по болѣзни 201, или 44% всего числа пропусковъ, и въ 1888 году—365 уроковъ изъ 11.435, или 3,19%, и

въ томъ числѣ по болѣзни 171, или 47%. Пропущенные уроки большею частью замѣщались завѣдывающими училищами или другими служащими, или же ученики отправлялись для занятій въ мастерскія. Домой же отпущены были учащіеся только въ 67 и въ 69 случаяхъ.

Педагогическіе совѣты и комитеты при училищахъ (кромѣ Закатальскаго) имѣли въ 1887 году 186 и въ 1888 году—120 засѣданій. Кромѣ текущихъ дѣлъ по хозяйственной, учебной и воспитательной части, въ этихъ засѣданіяхъ обсуждаемы были, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: въ Тифлисскомъ училищѣ — о введеніи форменной одежды для учащихся и о повѣрочныхъ испытаніяхъ вновь поступающихъ; а во Владикавказскомъ — о замѣнѣ переводныхъ испытаній репетиціями и о расширеніи курса по кузнечному и токарному мастерствамъ.

Всѣхъ учащихся въ 5 ремесленныхъ училищахъ къ 1-му января 1888 года было 415 учениковъ, а къ 1-му января 1889 годъ въ 6 училищахъ — 469, то-есть, число учащихся увеличилось на 54, или 13,0%, и, если не считать 39 учениковъ вновь открытаго Бакинскаго училища, то все-таки увеличеніе произошло на 15, или 3,6%. По числу учащихся училища располагались въ слѣдующемъ порядкѣ за оба года: 1) Тифлисское, имѣвшее учениковъ 193 и 205, 2) Елисаветпольское — по 90 учениковъ въ каждый годъ, 3) Владикавказское — 79 и 74, 4) Бакинское — 39, 5) Ставропольское — по 32 въ каждый годъ и 6) Закатальское — 23 и 29 учениковъ. Въ мастерскихъ Ставропольскаго училища, кромѣ учениковъ, обучаются еще постороннія лица, такъ-называемые практиканты, коихъ было въ 1887 году 23, а въ 1888—16 лицъ. Пансіоны имѣются при 3 училищахъ: Владикавказскомъ, Елисаветпольскомъ и Закатальскомъ. Во всѣхъ училищахъ пансіонеры составляютъ значительное большинство учащихся. Всего пансіонеровъ было въ концѣ 1887 года 150, а въ 1888 году число ихъ увеличилось на 17, или 11,1%, и того было 167.

Распредѣленіе учащихся было слѣдующее:

а) по сословіямъ:	въ 1887 году:	изъ нихъ пансіонеровъ:	въ 1888 году:	изъ нихъ пансіонеровъ:
дворянъ.	54	18	64	19
духовнаго званія. . .	17	5	19	6
городскихъ сословій. .	133	13	154	19
сельскихъ „ . .	158	95	174	106

нижнихъ чиновъ. . .	52	19	58	17
иностранцевъ	1	—	—	—
б) по испов**ѣ**даніямъ:				
православныхъ . . .	217	67	253	72
армяно-григоріанъ . .	137	38	158	49
католиковъ	4	—	8	—
лютеранъ	6	1	7	1
раскольниковъ . . .	9	5	12	6
мусульманъ	41	39	40	39
евреевъ.	1	—	1	—
в) по національностямъ:				
русскихъ	150	64	180	69
грузинъ.	73	6	74	6
армянъ.	138	39	154	50
татаръ	19	17	18	17
горцевъ.	25	24	25	25
евреевъ.	1	—	1	—
европейцевъ	9	—	8	—
г) по классамъ:				
въ приготовительномъ (Елисаветпольскаго училища). . . .	78	56	66	62
въ I-хъ.	162	40	221	41
во II-хъ	78	26	76	20
въ III-хъ	54	15	59	23
въ IV-хъ	43	13	47	21

Относительно распредѣленія учениковъ по спеціальностямъ имѣются свѣдѣнія только о Ставропольскомъ и Тифлисскомъ училищахъ и за 1888 годъ: въ первомъ изъ училищъ слесарей—25 и столяровъ—7, во второмъ столяровъ—70, слесарей—106 и литейщиковъ—29. Преобладаніе слесарей надъ прочими группами объясняется тѣмъ, что слесаря вообще скорѣе и лучше пристраиваются на мѣста, особенно на желѣзныхъ дорогахъ.

Прошеній о пріемѣ въ ремесленныя училища поступило въ теченіе 1887 года 239, отказано въ пріемѣ 101 (42%) и въ томъ числѣ 23 по недостатку мѣста, а именно: 3 — въ Ставро-

польскомъ, 7 — во Владикавказскомъ и 13 — въ Закатальскомъ училищахъ, остальные 138 (58%) приняты и поступили въ классы: въ приготовительный—24, въ I—110 (80%), во II—3 и въ IV—1; въ теченіе 1888 года—317; изъ нихъ не приняты были: 18 по недостатку мѣстъ и всѣ, кромѣ одного, въ Закатальскомъ училищѣ, 64 по невыдержанію экзамена и 23 по другимъ причинамъ, а всего 105, или 33%. Изъ 212 (67%) принятыхъ, 25 поступили въ приготовительный классъ, 1 — во II классъ и остальные 186 — въ 1 классы.

Принятые поступили:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
по свидѣтельству	2	1
изъ казенныхъ учебныхъ заведеній . .	40	51
„ общественныхъ „ „ . .	48	82
„ частныхъ „ „ . .	—	26
по домашней подготовкѣ.	48	52

Выбыло изъ училищъ въ 1887 году 165 учениковъ, или 39,8% общаго числа учащихся, въ томъ числѣ 28 по случаю окончанія курса и 137 до окончанія курса. Въ теченіе 1888 года выбывшихъ было 158 учениковъ, въ томъ числѣ 39 по случаю окончанія курса. Между выбывшими въ оба года было уволенныхъ за неуспѣшность—30 и 39, за поведеніе—4 и 7, по прошенію—87 и 61, по болѣзни—15 и 9 и за смертью—1 и 3. Изъ выбывшихъ, на сколько извѣстно, поступили: въ другія учебныя заведенія по 16 за каждый годъ, въ военную службу — по 3, въ гражданскую — 1, на частную дѣятельность—76 и 102, а объ остальныхъ 69 и 39 ничего не извѣстно.

Успѣшность занятій за 1886 — 1887 учебный годъ выражается числомъ 59,9% переведенныхъ въ высшіе классы и удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса; число успѣвавшихъ въ 1887 — 1888 учебномъ году составляло 73,0% общаго числа учащихся.

Успѣвающіе могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

а) по училищамъ:

въ 1887 году:		въ 1888 году:	
во Владикавказскомъ . .	80%	въ Закатальскомъ. . . .	79%
въ Елисаветпольскомъ . .	71%	въ Елисаветпольскомъ . .	77%
въ Ставропольскомъ . . .	71%	во Владикавказскомъ . .	73%
въ Тифлисскомъ	53%	въ Тифлисскомъ	73%
въ Закатальскомъ. . . .	4%	въ Ставропольскомъ . . .	54%

(Въ Закатальскомъ училищѣ, очевидно, не приняты въ первый

годъ во вниманіе ученики, перешедшіе изъ одного отдѣленія класса въ другое, такъ какъ слѣдующій годъ показалъ, что это училище по числу успѣвающихъ стало во главѣ всѣхъ другихъ).

б) по классамъ:

въ IV	92%	въ IV	100%
въ III	80%	въ приготовительномъ	78%
въ приготовительномъ	72%	во II	75%
во II	67%	въ III	74%
въ I	39%	въ I	62%

в) по національностямъ:

армяне	69%	грузины	80%
русскіе	67%	армяне	77%
грузины	35%	русскіе	66%
остальныя національности	55%	остальныя національности	74%

г) по сословіямъ:

сельскія сословія	66%	городскихъ сословій	78%
дѣти нижн. чиновъ и казаки	65%	дѣти нижн. чиновъ, казаки	77%
городскія сословія	55%	сельскихъ сословій	73%
дворянскаго сословія	54%	дворянскаго сословія	68%
духовнаго званія	45%	духовнаго званія	56%

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при удостоеніи аттестатами и при переводѣ изъ класса въ классъ принимаются во вниманіе не только успѣшность въ общеобразовательныхъ предметахъ, но и успѣхи въ практическихъ, ремесленныхъ занятіяхъ, и даже, по уставамъ всѣхъ ремесленныхъ училищъ, эта сторона ученической дѣятельности имѣетъ преобладающее значеніе. А такъ какъ цифры переведенныхъ и окончившихъ курсъ не даютъ достаточнаго понятія о результатахъ, достигаемыхъ обученіемъ мастерствамъ, то не лишне будетъ привести еще слѣдующія (хотя далеко неполныя) свѣдѣнія собственно объ успѣшности ремесленныхъ занятій въ школахъ за оба года: Ставропольское училище, не смотря на ограниченное число учащихся (32) въ немъ, исполнило въ теченіе 1887 года заказовъ на сумму 5.394 рубля, а въ слѣдующій годъ—на 3.000 рублей слишкомъ, такъ что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на матеріалы, топливо, жалованье мастерамъ, чистаго заработка осталось 1.052 рубля. Во Владикавказскомъ училищѣ ученики достигли въ столярномъ и слесарномъ мастерствахъ такихъ успѣховъ, что могли изготовить нѣсколько ве-

щицъ для поднесенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Экзаменаціонныя работы оканчивавшихъ курсъ дополнительнаго класса въ 1887 году состояли изъ крупныхъ предметовъ (2 письменныхъ стола, 2 складныхъ пюпитра, привертные тиски, трехколесный велосипедъ, складная желѣзная кровать, рѣшетка для лѣстницы, вѣсомъ въ 10 пудовъ, американскій дверной замокъ). Время отъ времени въ училищѣ устраиваются выставки и распродажа ученическихъ издѣлій, которыя охотно покупаются публикой; на двухъ выставкахъ, устроенныхъ въ февралѣ и ноябрѣ 1887 года, выставлено было до 360 предметовъ, оцѣненныхъ до 1000 р., и изъ которыхъ около половины вещей было продано въ первый же день открытія выставокъ, и, сверхъ того, получены были новые заказы. За слесарныя издѣлія своихъ учениковъ, бывшія на Харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ 1887 года, училище удостоилось малой серебряной медали. Въ слесарно-кузнечной мастерской Тифлисскаго училища за 1887 годъ исполнено 24 заказа, между которыми заслуживаютъ вниманія: 4 токарныхъ станка, изъ нихъ одинъ чугунный для Закатальскаго ремесленнаго училища, и 77 пудовъ желѣзныхъ воротъ и рѣшетокъ; а въ столярномъ отдѣленіи приготовлено по заказу болѣе 400 предметовъ, большею частью домашней и классной обстановки. За 1888 годъ учениками Тифлисскаго училища исполнено разныхъ работъ по городскому водопроводу на 1.520 р. и изготовлено предметовъ по заказу: въ слесарной мастерской — на 729 р., въ кузнечной—на 217 р. и въ столярной—на 987 р. Въ Елисаветпольскомъ училищѣ, гдѣ еще не было выпуска, о результатахъ занятій въ столярной и слесарной не могло быть еще точныхъ данныхъ за 1887 годъ; что же касается работъ по бондарному ремеслу, введенному въ училищѣ лишь съ этого года, то ученики за короткій срокъ сдѣлали въ немъ такіе успѣхи, что самостоятельно было приготовлено ими 32 штуки разной утвари (бочекъ, кадокъ, ушатовъ и проч.). Въ 1888 году уже во всѣхъ мастерскихъ этого училища были производимы работы, которыя дали слѣдующіе результаты: въ слесарно-кузнечной изготовлено 267 предметовъ, стоимостью 918 р., въ столярной 165, на сумму 415 р., въ бондарной—88 вещей, стоимостью 181 р. (не считая работъ той же мастерской, сдѣланныхъ по ремонту зданія и по починкѣ училищной мебели), и даже въ колесной, открытой только съ начала года, приготовлены всѣ части для 12 колесъ различной величины. Закатальское училище въ 1888 году выручило отъ продажи ученическихъ издѣлій 472 р.

Кромѣ занятій въ классахъ и мастерскихъ изъ необязательныхъ предметовъ—во Владикавказскомъ и Елисаветпольскомъ училищахъ ученики пріучаются къ садоводству и огородничеству. Въ червоводнѣ, существующей при Елисаветпольскомъ училищѣ, произведена была выкормка червей, которая шла вполнѣ удачно и дала въ результатѣ за 1887 годъ изъ 8 золотниковъ грены 3 пуда сырыхъ коконовъ и въ 1888 году—изъ 6 золотниковъ 110 фунтовъ коконовъ. О результатахъ же занятій по шелководству на образцовой фермѣ Закатальскаго училища свѣдѣній не доставлено. Класснымъ пѣніемъ въ 1887 году занимались въ двухъ училищахъ, гдѣ организованы церковные хоры, пѣвшіе въ приходскихъ церквахъ: въ Елисаветпольскомъ гдѣ обучалось 32 ученика, и во Владикавказскомъ—31 ученикъ; въ 1888 году такой хоръ существовалъ лишь въ послѣднемъ училищѣ, гдѣ имѣлся еще ученическій оркестръ, состоявшій изъ 22 человѣкъ, а потомъ изъ 11, обучаемый безвозмездно учителемъ рисованія г. Дынникомъ.

Поведеніе учащихся видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	за 1887 годъ.	за 1888 годъ.
получившихъ отмѣтку 5 . .	334 (80,5%)	408 (87,0%)
» » 4 . .	81 (19,5%)	61 (13,0%)

Болѣе серьезнымъ взысканіямъ за проступки подвергалось:

аресту свыше двухъ часовъ . . .	22	44
выговору совѣта	17	30
исключенію съ правомъ поступленія.	4	7
всего. . .	43 (10,4%)	81 (17,3%)

Пропущенныхъ учениками уроковъ было въ 1887 году 10,660, что приходится на каждаго по 25,7%, а въ 1888 году—12.347, или по 26,3%, въ томъ числѣ за оба года: по болѣзни—9,0% и 12,0%, по другимъ уважительнымъ причинамъ—12,3% и 10,9% и по причинамъ неуважительнымъ—4,4% и 3,4%.

Случаевъ заболѣваній въ 1887 году было 449, или по 108 на 100, и между пансіонерами—216, или по 144 на 100 учениковъ, и въ 1888 году—415 заболѣваній, или по 88 на 100 и у пансіонеровъ—256, или по 153 на 100 учениковъ. Смертныхъ случаевъ за оба года было 4, всѣ въ Елисаветпольскомъ училищѣ. Въ 1887 году въ двухъ училищахъ былъ сдѣланъ медицинскій осмотръ учениковъ: при этомъ въ Тифлисскомъ у 16 учениковъ вовсе не оказалось привитою оспа,

4 воспитанника оказались съ порокомъ сердца, почему имъ поданъ совѣтъ избрать другаго рода занятія, и наконецъ, замѣчены ученики съ слабымъ зрѣніемъ, кои и переведены изъ слесарной и литейной мастерскихъ въ столярную; во Владикавказскомъ училищѣ врачъ Рогалевичъ, произведя тщательный общій медицинскій осмотръ учащихся, нашелъ, что изъ 77 учениковъ обладаютъ тѣлосложеніемъ крѣпкимъ—59, посредственнымъ—15 и слабымъ—3; въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, къ сожалѣнію, находится зрѣніе учащихся: по изслѣдованію г. Рогалевича и двухъ другихъ врачей, число имѣющихъ болѣзненное или порочное зрѣніе достигаетъ 77%, причемъ замѣчено, что порча зрѣнія произошла уже въ самомъ училищѣ; причину этого печальнаго явленія врачи отнесли отчасти къ неосторожности самихъ учениковъ, отчасти къ пыли въ мастерскихъ, особенно во время уборки, и къ дурному освѣщенію классовъ. Немедленно принятыя мѣры относительно освѣщенія, а также представлявшій въ скоромъ времени переходъ изъ старыхъ въ новыя мастерскія, а еще болѣе то вниманіе, которое обращается на постоянное содержаніе въ чистотѣ рукъ и всего тѣла учениковъ, дали уже къ повторенному въ 1888 году медицинскому изслѣдованію учениковъ Владикавказскаго училища утѣшительные результаты, какъ въ общемъ состояніи здоровья, такъ и въ состояніи глазъ: изъ 77 учащихся оказались съ нормальнымъ зрѣніемъ 35, а съ болѣе или менѣе порочнымъ состояніемъ глазъ—42.

Существующіе на Кавказѣ мореходные классы поступили въ вѣдѣніе учебнаго округа по Высочайшему повелѣнію 17-го апрѣля 1881 года; къ тому времени классовъ было 2: Анапскій, открытый 1-го ноября 1879 года, и Потійскій Михайловскій, основанный 8-го ноября 1880 года; третій мореходный классъ—Бакинскій Императора Александра II—возникъ 8-го ноября 1881 года.

Цѣль учрежденія мореходныхъ классовъ—привлечь жителей приморскихъ городовъ къ мореходству и дать дѣтямъ ихъ нѣкоторую теоретическую подготовку по этой части,—достигается въ названныхъ классахъ, повидимому, въ слабой степени, судя по незначительному числу поступающихъ и по совершенно ничтожному числу оканчивающихъ въ нихъ курсъ. Такъ, въ Анапскомъ, за 9 лѣтъ, окончило курсъ 16 человѣкъ, въ Потійскомъ, за 8 лѣтъ—31, въ Бакинскомъ, за 7 лѣтъ—56, а всего 103.

Потійскій мореходный классъ состоитъ изъ двухъ классовъ, шкиперскаго и штурманскаго, въ 3 отдѣленіяхъ, Анапскій и Бакинскій,

каждый, изъ 1 класса въ 3 отдѣленіяхъ, причемъ 3-е отдѣленіе Бакинскаго училища открыто было въ 1888 году; всего же 4 класса и 9 отдѣленій. Мореходные классы снабжены небольшими библіотеками, состоящими большею частью изъ справочныхъ книгъ и научныхъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ мореходству, а также навигаціонными кабинетами, заключающими необходимые астрономическіе инструменты, морскія карты и т. п.

На содержаніе каждаго мореходнаго класса отпускается ежегодно изъ государственнаго казначейства по 1.000 рублей.; отъ городскихъ обществъ въ оба отчетные года поступило: на содержаніе Бакинскаго класса—по 3.000 р., Потійскаго—по 600 р. и Анапскаго—по 100 р.; сверхъ того, кромѣ 44 р. процентовъ съ капитала, въ пользу Потійскаго класса пожертвовано было въ 1887 году 11 р., а въ 1888 году—121 р., такъ что всего на свое содержаніе мореходные классы располагали въ 1887 году суммою въ 6.755 р., а съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ—7.666 р., а въ 1888 году—6.821 р. или, съ прежними остатками—7,618 р. Израсходовано было въ первый годъ 6.869 р. во второй—6.448 р. изъ коихъ 55,4% и 59,1% на содержаніе личнаго состава, 38,4% и 32,3%—на наемъ и ремонтъ помѣщеній и другіе хозяйственные расходы и 6,2% и 8,6% на прочіе расходы. Средняя стоимость обученія одного ученика составляла въ 1887 году 106 р. (въ Потійскомъ 147 р., въ Бакинскомъ—98 р. и въ Анапскомъ—92 р.) а въ 1888 году—81 р. (въ Потійскомъ 148 р., въ двухъ другихъ—по 69 р.). Небольшія спеціціальныя средства, образовавшіяся, главнымъ образомъ, изъ пожертвованій частныхъ лицъ, имѣетъ только Потійскій мореходный классъ: въ началѣ 1887 года этихъ средствъ состояло 911 р., поступило въ теченіе года 55 р., израсходовано 169 р. и оставалось къ 1-му января 1888 года—797 р.; въ этомъ году вновь поступило 121 р., израсходовано—180 р. и осталось къ 1-му 1889 года 738 р. Платы за ученіе въ мореходныхъ классахъ вовсе не полагается.

Всѣ три класса помѣщаются въ наемныхъ домахъ, довольно удобныхъ и просторныхъ. Плата за наемъ помѣщеній въ оба отчетные года была одинакова: Бакинскій классъ уплачивалъ—по 700 р., Потійскій—по 450 р. и Анапскій—по 200 р., а всего по 1.350 р. въ годъ. Среднее количество воздуха въ классахъ на одного ученика составляло въ оба года 37,0 и 30,1 куб. арш. На ученическихъ квартирахъ проживало въ 1887 году изъ 65 учениковъ 32, остальные 33 у родителей, а въ 1888 году изъ 80 учениковъ—53 жили на частныхъ квартирахъ и 27 при родителяхъ.

Всѣхъ служащихъ въ трехъ мореходныхъ классахъ состояло въ оба года по 6 лицъ, въ томъ числѣ: 3 завѣдывающихъ классами и 3 учителей. Пропущенныхъ учителями уроковъ почти не было.

При мореходныхъ классахъ образуются въ концѣ учебнаго года испытательныя коммиссіи, назначаемыя губернаторомъ. Коммиссія при Бакинскомъ классѣ въ 1888 году экзаменовала 48 и изъ нихъ удостоила званія штурмана каботажнаго плаванія—26 человѣкъ, (изъ нихъ 14 учениковъ и 12 постороннихъ лицъ), званія штурмана дальняго плаванія—3 (въ томъ числѣ 2 бывшихъ ученика Бакинскаго мореходнаго класса) и званія шкипера каботажнаго плаванія—8, всего 37; 11 же экзаменовавшимся отказали за неудовлетворительность познаній.

Число учащихся въ началѣ $18^{86}/_{87}$ учебнаго года было 72 и уменьшилось къ концу года до 65, въ учебный же $18^{87}/_{88}$ годъ оно достигло 80 человѣкъ; такимъ образомъ за оба года было въ классахъ учащихся: въ Бакинскомъ—41 и 52, въ Анапскомъ—12 и 16 и Потійскомъ—по 12. Между учащимися большинство принадлежало по сословіямъ—горожанамъ—57% и 54%, и дворянамъ—25 и 15, по исповѣданіямъ—православному—85 и 80 и по національностямъ—русскимъ—78 и 76%.

Желавшихъ поступить въ мореходные классы было въ 1887 году 29 человѣкъ, изъ нихъ принято было 27, а въ 1888 году—45, изъ коихъ принято было 43. Въ виду малочисленности учащихся, въ Потійскій классъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, допускались и лица, еще вовсе не бывшія въ плаваніи на судахъ. Выбывшихъ за первый отчетный годъ было 34 ученика, изъ которыхъ 18 окончили курсъ, а 2 были уволены за неудовлетворительное поведеніе (изъ Потійскаго класса). Изъ выбывшихъ 19 поступили на суда, а о 15 не имѣется свѣдѣній. Въ 1888 году всѣхъ выбыло изъ трехъ классовъ 28 лицъ, изъ коихъ 20 по случаю окончанія курса, 3 уволены были за неуспѣшность и 3 за поведеніе, за тѣмъ остальные выбыли 1 по неизвѣстной причинѣ и 1 за смертью.

Изъ числа 67 учениковъ, бывшихъ въ мореходныхъ классахъ въ концѣ 1887 учебнаго года и изъ 69 учениковъ, бывшихъ въ концѣ 1888 года, окончили курсъ и переведены въ высшія отдѣленія—43, и 42. Пропущенныхъ учениками уроковъ было всего 186 въ первый отчетный годъ и 263 во второй годъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюнь 1890 года.

I.

Древній университетъ города Монпелье только-что отпраздновалъ шестисотлѣтнюю годовщину своего существованія. По этому случаю состоялся цѣлый рядъ блестящихъ торжествъ. Двѣсти профессоровъ и студентовъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, отозвались на приглашеніе стараго университетскаго города: полтораста пріѣхало изъ разныхъ городовъ Франціи и человѣкъ пятьдесятъ изъ-за границы; четыре нѣмецкіе университета (Берлинскій, Лейпцигскій, Гейдельбергскій, Фрейбургскій въ Брисгау) имѣли тутъ своихъ представителей; впервые послѣ войны 1870 года можно было видѣть нѣмецкіе флаги подлѣ французскихъ. Италія, Англія, Бельгія, Греція, Португалія, Швеція, Швейцарія и Россія прислали своихъ депутатовъ. Отъ нѣкоторыхъ иностранныхъ университетовъ (между прочимъ—отъ Московскаго) получены были поздравительные адресы. Президентъ республики и министръ народнаго просвѣщенія прибыли въ Монпелье ко дню празднества. Въ ихъ присутствіи профессоръ Морисъ Круазе произнесъ весьма замѣчательную рѣчь объ исторіи праздновавшаго свой юбилей университета, въ который въ средніе вѣка стекались ученики со всѣхъ концовъ Европы; въ числѣ ихъ были между прочими Петрарка и Рабле. Затѣмъ г. Буржуа, новый министръ народнаго просвѣщенія, сказалъ также весьма замѣчательную рѣчь, въ которой офиціально объявилъ намѣреніе правительства внести законопроектъ объ учрежденіи университетовъ. „Многими выражалось нѣкоторое опасеніе по этому поводу", сказалъ онъ;—„говорили, что въ старину университеты своими привиллегіями создавали

для государства затрудненія, которыя легко могутъ возобновиться. Республика не страшится такого рода затрудненій. Въ нашемъ демократическомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи о привиллегіяхъ, и никто не помышляетъ возстановлять тѣ замкнутыя корпораціи съ ихъ особымъ управленіемъ, являвшіяся городами въ городахъ и государствами въ государствахъ. Самостоятельность, которую предполагается дать университетамъ, есть самостоятельность въ сферѣ науки. Народное образованіе на всѣхъ степеняхъ своихъ должно оставаться національнымъ. Преподаватели зависятъ отъ государства, которое и будетъ по прежнему назначать ихъ, утверждать расходы университетовъ и сохранять надъ преподаваніемъ высшее наблюденіе. Съ другой стороны, для образованія университетовъ необходимы извѣстныя условія, необходимо существованіе рядомъ нѣсколькихъ факультетовъ, одинаково процвѣтающихъ". Это офиціальное заявленіе было принято съ живымъ сочувствіемъ; остается только рѣшить когда проектъ этотъ будетъ внесенъ въ парламентъ, и на какіе города падетъ выборъ для устройства университетовъ. Можно впрочемъ предвидѣть, что первыми изъ городовъ, для того избранныхъ, будутъ Парижъ, Монпелье, Тулуза, Бордо, Ліонъ, Канъ и Нанси. Правительство должно дѣйствовать осторожно, такъ какъ въ странѣ, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ, не слѣдуетъ раздражать избирателей; города не предпочтенные несомнѣнно будутъ высказывать свое недовольство и величайшее соперничество. Такъ недалеко отъ Монпелье находятся два города, имѣющіе притязанія на устройство тамъ университетовъ. Въ городѣ Э. (Aix) существуютъ словесный и юридическій факультеты, въ Марсели—физико-математическій факультетъ и медицинская школа. На сторонѣ котораго изъ этихъ городовъ окажется предпочтеніе?

Возвращаюсь къ празднествамъ въ Монпелье. Профессоръ Болонскаго университета Гауденци говорилъ отъ лица иностранныхъ делегатовъ; онъ напомнилъ, что въ средніе вѣка Болонья и Монпелье обмѣнивались нерѣдко и профессорами, и студентами. Затѣмъ Буассье говорилъ отъ имени Французскаго института, а Греаръ—отъ имени академій. Изъ празднествъ, данныхъ студентами, очень любопытное зрѣлище представило историческое шествіе, изображавшее процессію студентовъ XVI вѣка. Въ числѣ ихъ, разумѣется, фигурировалъ Рабле. Затѣмъ состоялся торжественный пріемъ студентовъ въ городахъ Марсели, Э и Ліонѣ. Нѣкоторые изъ студентовъ побывали даже въ Женевѣ и Лозаннѣ. Всѣ, кого я видѣлъ, вынесли прекрасное впе-

чатлѣніе отъ состоявшихся празднествъ. По случаю этого юбилея вышелъ сборникъ документовъ для исторіи университетовъ въ Монпелье и Парижѣ. Въ немъ заключаются документы отъ 1181 до 1400 года. Введеніе къ нему написано недавно умершимъ ученымъ Жерменомъ.

Я не разъ сообщалъ вамъ о томъ, что въ послѣдніе годы у насъ большое вниманіе обращается на физическое воспитаніе юношества. Въ 1888 году образовалась такъ-называемая лига физическаго воспитанія юношества, подъ предсѣдательствомъ Бертело; она насчитываетъ теперь въ своемъ составѣ 500 человѣкъ преподавателей, располагаетъ значительными средствами и издаетъ спеціальную газету. Лига устраиваетъ ежегодно въ Парижѣ торжественное состязаніе молодежи въ физическихъ упражненіяхъ. Состязаніе это носитъ офиціальное названіе lendit (отъ латинскаго слова indictum, ярмарка); такъ называлась въ средніе вѣка ярмарка, происходившая въ окрестностяхъ Парижа, на которую собиралось множество студентовъ. Конкурсъ lendit, учрежденный съ прошлаго года, имѣетъ большой успѣхъ въ средѣ учащихся. Въ 1889 году различныя школы прислали для участія въ немъ 439 конкуррентовъ, а въ нынѣшнемъ году явилось уже 3.726 человѣкъ. Празднества длились восемь дней. Состязались въ игрѣ rallie-papier (англійская игра rally-paper, состоящая въ преслѣдованіи воображаемой дичи по пути, отмѣченному кусочками бумаги), въ бѣгѣ, фехтованіи, греблѣ, верховой ѣздѣ, плаваніи, прыганіи, стрѣльбѣ въ цѣль, во французскомъ кулачномъ боѣ и скороходствѣ. Президентъ республики присутствовалъ при послѣднемъ состязаніи. Конкурсъ далъ хорошіе результаты и доказалъ неоспоримое развитіе физической силы у молодыхъ людей, принимавшихъ въ немъ участіе.

Я писалъ вамъ въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ объ основаніи національной ассоціаціи для преобразованія средняго преподаванія. Ассоціація эта намѣрена вести борьбу противъ классическаго образованія, которое она признаетъ не соотвѣтствующимъ требованіямъ современнаго общества. Она окончательно устроилась подъ предсѣдательствомъ Жоржа Берже, президента всемірныхъ выставокъ 1878 и 1889 годовъ. Общество это только-что издало въ свѣтъ свой первый бюллетень. Оно сильно нападаетъ на наши нынѣшнія школьныя программы и жалуется, что современная школа отвращаетъ молодежь отъ занятій промышленностью и торговлею, которыя обогащаютъ націю. Оно требуетъ, чтобы всѣ дѣти прежде всего получали общее

образованіе, въ которое входили бы правила гражданской нравственности, изученіе французскаго языка и литературы, иностранныхъ языковъ, исторіи, географіи и начальной математики.

Число студентовъ, слушающихъ нынѣ лекціи въ Парижѣ, достигаетъ до 10.000 человѣкъ, и изъ нихъ до 1000 иностранцевъ. Недавно въ Парижѣ основанъ попечительный комитетъ, съ цѣлью привлекать во Францію студентовъ изъ иностранцевъ и доставлять имъ, во время пребыванія ихъ тамъ, всякаго рода свѣдѣнія, какія имъ могутъ понадобиться. Комитетъ начнетъ свою дѣятельность только въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ; предсѣдателемъ его назначенъ Пастеръ. Въ Ліонѣ общество друзей Ліонскаго университета, недавно основанное, насчитываетъ уже 500 членовъ и владѣетъ капиталомъ въ 22.000 франковъ. Любопытно отмѣтить, что даже въ Германіи начинаютъ оцѣнивать старанія Франціи развить всѣ степени народнаго образованія; объ этомъ можетъ свидѣтельствовать недавно изданное сочиненіе д-ра Карла Лауберта „Pädagogische Skizzen aus Frankreich“, въ которомъ авторъ заявляетъ, что изъ всѣхъ государствъ Европы съ 1878 года Франціи принадлежитъ наибольшій успѣхъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

II.

Я уже много разъ писалъ вамъ о замѣчательномъ изданіи, выходящемъ подъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и носящемъ названіе „Собраніе инструкцій, данныхъ посламъ и посланникамъ Франціи со времени Вестфальскаго договора до Французской революціи“. Только-что появился новый томъ этого сборника, особенно любопытный для вашихъ читателей; это—первый томъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ при русскомъ дворѣ. Онъ изданъ подъ наблюденіемъ Альфреда Рамбо. Вамъ извѣстна спеціальная компетентность Рамбо во всемъ касающемся исторіи дипломатіи и особенно исторіи Россіи. Собраніе инструкцій, имъ издаваемыхъ, займетъ собою два тома: первый томъ обнимаетъ періодъ съ половины XVII вѣка до 1748 года. Первый посолъ французскій въ Россіи послѣ 1648 года былъ Деминьеръ (1657—1658); въ 1680 году маркизъ де-Бертонъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію; въ 1683 году Людовичъ XIV имѣлъ намѣреніе послать въ Москву де-ла-Пикельера для попытки сближенія съ Россіей противъ Швеціи, но не успѣлъ въ этомъ. Въ 1702 году посѣтилъ Москву въ качествѣ

чрезвычайнаго посланника Балюзъ, и онъ же снова пріѣзжалъ туда въ 1710—1711 годахъ; въ 1715 году на негоціанта Лави возложено было дипломатическое порученіе, а затѣмъ онъ сдѣланъ былъ французскимъ консуломъ въ Петербургѣ. Въ 1717 году маркизу де-Шатонефу, состоявшему посломъ въ Голландіи, поручено было вести переговоры съ Петромъ Великимъ, заявившимъ о намѣреніи своемъ посѣтить Францію. Рамбо сообщаетъ инструкціи, посланныя де-Шатонефу, а также и инструкціи, данныя Либри, который былъ назначенъ встрѣтить Русскаго государя въ Парижѣ, и наконецъ инструкціи, данныя маршалу де-Тессе, который долженъ былъ вести переговоры съ русскими государственными людьми, сопровождавшими царя. Затѣмъ слѣдуютъ инструкціи, данныя де-Шатонефу и де-Кампредону. Собраніе документовъ, относящихся къ поѣздкѣ Петра Великаго въ Парижъ, занимаетъ около ста страницъ этой любопытной книги. Начиная съ 1721 года, за исключеніемъ рѣдкихъ и краткихъ перерывовъ, Франція имѣла постоянныхъ представителей въ Петербургѣ. Вотъ перечень французскихъ дипломатовъ, находившихся въ Россіи за то время: Кампредонъ—полномочный министръ (1721—1726 гг.), Маньянъ—повѣренный въ дѣлахъ (1726—1733 гг.), де-Виллардо — консулъ и повѣренный въ дѣлахъ (1734 г.); въ томъ же году аббатъ Бернадони получилъ секретное порученіе, а въ 1734—1735 годахъ Фонтону де Летану поручены были особые переговоры о возвращеніи французовъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ; въ 1737—1738 годахъ графъ Лалли-Толландаль имѣлъ секретное порученіе; маркизъ де-ла-Шетарди состоялъ чрезвычайнымъ посломъ отъ 1739 до 1742 года и возвратился на свой постъ въ 1743 г.; въ 1744—1747 годахъ д'Аліонъ (замѣщавшій Шетарди въ 1742—1743 годахъ) назначенъ былъ полномочнымъ министромъ. Вотъ дипломаты, служившіе интересамъ Франціи при русскомъ дворѣ въ продолженіе ста лѣтъ, слѣдовавшихъ за Вестфальскимъ миромъ. Ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ Шетарди, не игралъ значительной роли въ исторіи. Въ своемъ замѣчательномъ ученомъ введеніи Рамбо очень хорошо объясняетъ роль французской дипломатіи относительно Россіи; главною чертой ея было недовѣріе: Франція имѣла на востокѣ и на сѣверѣ союзниками Швецію, Польшу, Турцію, а всѣ эти государства были противниками Россіи. Въ томъ же введеніи Рамбо повѣствуетъ о первыхъ сношеніяхъ Франціи съ Россіей и о происхожденіи русской дипломатіи. Второй томъ, въ который войдетъ время царствованія Екатерины II, будетъ еще любопытнѣе, чѣмъ первый.

Одновременно съ книгою Рамбо вышелъ въ свѣтъ второй томъ сочиненія Эрнеста Лера (Lehr): „Начала русскаго гражданскаго права" (Les Eléments du droit civil russe); первый томъ этого сочиненія изданъ былъ въ 1877 году. Бывшій профессоръ права въ Лозаннской академіи, а нынѣ совѣтникъ французскаго посольства въ Швейцаріи, Эрнестъ Леръ—большой знатокъ сравнительнаго законодательства. Во второмъ томѣ своего сочиненія онъ подвергаетъ изученію, какъ русское право, такъ и мѣстные законы Польши и балтійскихъ провинцій. Въ книгѣ говорится о наслѣдствѣ по духовнымъ завѣщаніямъ, объ обязательствахъ и о правѣ собственности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наше министерство народнаго просвѣщенія предприняло изданіе общаго указателя рукописей публичныхъ библіотекъ Франціи, которое теперь значительно подвинулось впередъ. Еще въ 1841 году Вилльменъ, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, постановилъ начать такого рода изданіе, но легче было задумать его, чѣмъ исполнить. École des Chartes основана была только въ 1821 году и еще не дала достаточнаго числа опытныхъ палеографовъ. Такимъ образомъ, въ началѣ дѣло шло медленно; съ 1849 по 1889 годъ издано было въ свѣтъ всего семь томовъ въ четверку, заключающихъ въ себѣ каталогъ 19 библіотекъ. Съ 1884 года порѣшили оставить этотъ форматъ, слишкомъ дорогой и тяжелый, и предприняли новое изданіе въ восьмушку, которое и редактировано Улиссомъ Роберомъ, главнымъ инспекторомъ библіотекъ и однимъ изъ ученѣйшихъ нашихъ архивистовъ; рядомъ съ нимъ слѣдуетъ назвать Молинье и Омона; первый—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой палеографіи, а другой—хорошій эллинистъ. Благодаря рвенію этихъ ученыхъ и ихъ сотрудниковъ вышло въ свѣтъ уже двадцать томовъ новаго каталога: 5 томовъ каталога рукописей библіотеки Арсенала и 3 тома каталога рукописей собранія Мазарини въ Парижѣ; 12 томовъ посвящены департаментскимъ библіотекамъ и заключаютъ въ себѣ описаніе рукописей 118 городовъ. Въ то же время составленъ каталогъ рукописей, хранящихся въ архивахъ управленія общинъ и благотворительныхъ учрежденій.

Жюль Зеллеръ продолжаетъ свою „Исторію Германіи", начатую имъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ; до сихъ поръ вышло въ свѣтъ шесть томовъ ея. Въ первомъ томѣ изложена начальная исторія Германіи, во второмъ повѣствуется объ основаніи Германской имперіи, въ третьемъ—о Германской имперіи и ея отношеніяхъ къ церкви при Генрихѣ IV и Григоріи VII; четвертый томъ посвященъ Гер-

манской имперіи при Гогенштауфенахъ, пятый — императору Фридриху II и упадку Германской имперіи въ средніе вѣка, шестой— императорамъ XIV вѣка (домъ Габсбурговъ и Люксенбурговъ). Сочиненіе Зеллера есть самое обширное изъ появившихся у насъ въ новѣйшее время трудовъ по исторіи Германіи; каждый томъ его составляетъ отдѣльное цѣлое. Чтобы довести эту „Исторію" до XIX вѣка потребуется еще пять или шесть томовъ. Рядомъ съ этимъ большимъ трудомъ Зеллеръ печатаетъ его сокращеніе, первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году. Оно доходитъ до XIII вѣка. Но я уже писалъ вамъ о немъ.

Если прошлое Германіи любопытно, то настоящее ея положеніе еще болѣе интересуетъ насъ. Рядомъ съ памфлетами, не имѣющими значенія, выходятъ сочиненія серьезныя, потребовавшія много труда; таково, напримѣръ, сочиненіе Андре Лебона: „Этюды о политической Германіи" (Études sur l'Allemagne politique). Это конспектъ лекцій, читанныхъ имъ въ школѣ политическихъ знаній. Авторъ излагаетъ происхожденіе нѣмецкой конституціи въ періодъ съ 1815 по 1870 годъ, нынѣшнее значеніе рейхстага и императорской власти, говоритъ о прусскихъ учрежденіяхъ, которыя тяготѣютъ теперь надъ всею Германіей, и о настоящемъ положеніи Эльзаса и Лотарингіи. Взгляды Лебона отличаются замѣчательнымъ безпристрастіемъ; онъ не думаетъ, чтобы нынѣшняя конституція Германіи была окончательною, и высказываетъ убѣжденіе, что въ будущемъ она подвергнется передѣлкѣ.

Леви-Брюль, подобно Лебону, профессоръ школы политическихъ знаній, напечаталъ любопытный этюдъ о развитіи національнаго сознанія въ Германіи. Въ началѣ XVIII вѣка это сознаніе, казалось, не существовало: безсильная съ точки зрѣнія политики, Германія въ нравственномъ отношеніи была космополитическою или французскою. Наконецъ, стала проявляться реакція такому направленію идей—въ произведеніяхъ Лейбница, Томазія, Вольфа. Политическая система Фридриха II пробудила умы изъ состоянія оцѣпенѣнія, которое ихъ сковывало. Побѣды Фридриха вдохновляютъ поэтовъ, которые, по словамъ Лессинга, воспѣваютъ въ нѣмецкихъ стихахъ нѣмецкаго героя, воюющаго за нѣмецкое дѣло. Въ 1761 году поэтъ Абтъ издалъ въ Берлинѣ трактатъ о смерти за отечество: разумѣлось прусское отечество, но нѣкоторые принимали его уже за нѣмецкое. Нѣмецкое національное чувство высказалось горячо въ произведеніяхъ Клопштока, Лессинга и Гердера; борьба противъ Франціи и особенно противъ Наполеона I еще болѣе усилила его. Арндтъ провоз-

гласилъ, что Германіи необходимо національное единство. Нѣсколько позже, Гегель создалъ теорію государства, осуществленіе которой онъ видѣлъ въ Пруссіи; а пока подготовлялось политическое единство, слагалось въ формѣ таможеннаго союза единство экономическое. Леви-Брюль доводитъ свое сочиненіе до собранія парламента во Франкфуртѣ въ 1849 году; быть можетъ, авторъ напишетъ и второй томъ — объ исторіи германскаго единства въ послѣдующую эпоху. Книга его весьма поучительна; нѣкоторыя главы читались имъ раньше въ видѣ лекцій въ школѣ политическихъ знаній и очень нравились слушателямъ.

Публицистъ Массера въ книгѣ своей „Вашингтонъ и его дѣло" задаетъ себѣ вопросъ: какъ образовались Соединенные штаты. Массера, бывшій главный редакторъ Courrier des Etats-Unis, долго жилъ въ Америкѣ. Въ книгѣ своей онъ излагаетъ не жизнь Вашингтона, достаточно извѣстную во Франціи (напримѣръ, по труду Корнелиса де-Витта), а его политическую дѣятельность. Онъ полагаетъ, что великая заатлантическая республика можетъ иногда служить примѣромъ для республиканской Франціи. Онъ излагаетъ также американскую конституцію и настоящее финансовое положеніе Соединенныхъ штатовъ.

Я уже не разъ говорилъ вамъ о появляющихся у насъ сочиненіяхъ по исторіи цивилизаціи. На этотъ предметъ обращено въ послѣднее время большое вниманіе въ нашемъ преподаваніи. Я указывалъ вамъ труды Ранбо, Дюкудрэ, Сеньобоза. Сеньобозъ, читающій лекціи въ Сорбоннѣ, только-что издалъ „Исторію современной цивилизаціи", трудъ весьма серьезный и поучительный (Histoire de la Civilisation contemporaine). Въ исторію цивилизаціи онъ включилъ и исторію политическихъ преобразованій, обновившихъ видъ Европы. Противъ обыкновенія нашихъ и вообще западныхъ историковъ, онъ старался дать Россіи болѣе широкое мѣсто, и посвятилъ ей любопытную главу, но все-таки недостаточно сказалъ о замѣчательномъ развитіи славянскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ. Говоря объ Америкѣ, онъ особенно долго останавливается на Соединенныхъ штатахъ. Подобно Ранбо и Дюкудрэ, Сеньобозъ издалъ также свой трудъ въ сокращенномъ видѣ, небольшою книжкою: „Краткая исторія цивилизаціи для употребленія въ начальныхъ школахъ" (Histoire de la civilisation abrégée à l'usage des écoles primaires).

Вышелъ шестой томъ любопытнаго сочиненія Альфреда Франклина: „La vie privée d'autrefois, arts et métiers, modes, moeurs

des Parisiens du XII au XIII siècle". Онъ посвященъ гигіенѣ. Авторъ разказываетъ въ немъ о постепенномъ видоизмѣненіи Парижа съ того времени, когда Филиппъ-Августъ повелѣлъ впервые вымостить улицы. Грустно читать описаніе столицы въ средневѣковую эпоху; имъ достаточно объясняются страшныя эпидеміи, посѣтившія городъ въ 1348, 1379, 1466, 1510, 1597, 1606, 1638 годахъ. Парижъ былъ тогда настоящею клоакой; распоряженія правительства о соблюденіи чистоты почти никогда не соблюдались; болѣзни приходили часто, а госпитали были совершенно негодны. Франклинъ даетъ любопытныя подробности объ исторіи прокаженныхъ, о кладбищахъ среди города, весьма многочисленныхъ и исчезнувшихъ только въ концѣ XVIII вѣка. Какъ и предшествующіе томы, послѣдній томъ снабженъ нѣсколькими гравюрами, воспроизведенными съ малоизвѣстныхъ подлинниковъ.

Еще вышло новое сочиненіе о Маріи Стюартъ, написанное барономъ Кервиномъ де-Леттенгофъ: „Marie Stuart, l'oeuvre puritaine, le procès, le supplice". Авторъ, бывшій министръ въ Бельгіи и корреспондентъ Французскаго института,—замѣчательный историкъ. Онъ написалъ прекрасную „Исторію Фландріи" и еще нѣсколько сочиненій по исторіи Нидерландовъ; онъ же издалъ Комминя и Фруассара. Два тома, только-что вышедшіе, заключаютъ въ себѣ исторію не всей жизни Маріи Стюартъ, а только двухъ послѣднихъ годовъ (1585—1587 гг.), времени ея заточенія. Ревностный католикъ, Леттенговъ доказываетъ, что Марія была жертвою фанатизма пуританъ. Онъ собралъ все, что̀ можно сказать противъ Елизаветы, и что̀ можетъ вызвать сочувствіе къ Маріи Стюартъ. Книга его, написанная съ жаромъ, особенно драгоцѣнна по многочисленнымъ документамъ, къ ней приложеннымъ. Она читатся съ интересомъ, и каковы бы ни были заключенія автора, она несомнѣнно даетъ много полезныхъ указаній.

Амедей Тардьё, помощникъ библіотекаря Французскаго института, окончилъ свой значительный трудъ, который хорошо встрѣченъ будетъ географами всего свѣта. Это переводъ географіи Страбона. Авторъ началъ его въ 1886 году. Онъ былъ увѣнчанъ Французскою академіей и обществомъ поощренія занятій греческимъ языкомъ. Страбонъ былъ уже переведенъ на французскій языкъ Ла Портъ дю-Тейлемъ, Кораемъ и Летронномъ. Но этотъ переводъ, оконченный въ 1819 году, не соотвѣтствуетъ требованіямъ науки. Съ того времени текстъ греческаго географа былъ значительно исправленъ, благодаря трудамъ Гроскурда, Крамера, Пикола, Мейнеке и К. Мил-

лера. Кромѣ того, прежнему переводу недоставало указателя, приложенія необходимаго для столь значительнаго географическаго сочиненія. Тардьё взялъ за основаніе для своего перевода изданіе Мейнеке и широко пользовался указателемъ варіантовъ Мюллера. Трудныя мѣста онъ объясняетъ хорошо составленными примѣчаніями.

Барбье де-Менаръ окончилъ свой турецко-французскій словарь, который начатъ печатаніемъ въ 1881 году. Второй томъ, послѣдній выпускъ котораго только что вышелъ въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ 900 страницъ. Словарь этотъ особенно важенъ тѣмъ, что въ него внесено множество словъ разговорнаго турецкаго языка, не помѣщенныхъ въ другіе словари; кромѣ того, составитель помѣстилъ въ немъ всѣ арабскія и персидскія слова, употребляемыя османлисами, и ввелъ географическія названія Оттоманской имперіи. Этотъ словарь входитъ въ составъ превосходныхъ изданій школы восточныхъ языковъ, о которыхъ я не разъ сообщалъ вамъ. Любопытно, что онъ напечатанъ не въ Парижской національной типографіи, а въ Вѣнѣ у Гольцгаузена.

Вотъ уже скоро два года, какъ мы потеряли одного изъ замѣчательнѣйшихъ преподавателей санскрита—Абеля Бергэня. Имъ было напечатано превосходное руководство классическаго санскритскаго языка: онъ имѣлъ намѣреніе пополнить его еще руководствомъ къ языку ведъ и для этой цѣли взялъ къ себѣ въ сотрудники отличнаго филолога Анри, автора хорошаго руководства сравнительной грамматики трехъ классическихъ языковъ. Они работали вмѣстѣ нѣкоторое время, а затѣмъ Бергэнь внезапно умеръ въ августѣ мѣсяцѣ 1888 года. По смерти его, Анри читалъ курсъ сравнительной грамматики въ Сорбоннѣ и закончилъ одинъ дѣло, начатое вмѣстѣ со своимъ покойнымъ учителемъ. Изданное имъ руководство къ языку ведъ заключаетъ въ себѣ краткую грамматику, просодію и метрику, хрестоматію, преимущественно извлеченія изъ Ригъ-Веды и Атарва Веды, и словарь. Тексты ведійскіе напечатаны латинскимъ шрифтомъ, но нѣсколько образцовъ приведены санскритскимъ шрифтомъ. Это сочиненіе особенно будетъ полезно для студентовъ. Анри выставилъ на книгѣ имя учителя, съ которымъ началъ работу.

Вскорѣ за Бергэнемъ, въ ноябрѣ 1888 года, скончался другой профессоръ Сорбонны, отличный знатокъ романской филологіи, Арсенъ Дармштеттеръ. Кромѣ нѣсколькихъ большихъ сочиненій, онъ оставилъ

много статей и этюдовъ, разбросанныхъ въ различныхъ ученыхъ сборникахъ. Ихъ собрали въ два тома подъ заглавіемъ „Reliques Scientifiques". Еврей по происхожденію, Дармштеттеръ зналъ прекрасно еврейскій языкъ; онъ готовился быть раввиномъ, но увлекся изученіемъ романской филологіи, которой и посвятилъ себя. Однако онъ не забылъ прежнихъ своихъ занятій, такъ что первый томъ его сборника весь занятъ этюдами о евреяхъ въ средніе вѣка, главнымъ образомъ во Франціи; второй томъ заключаетъ въ себѣ опыты по философіи языка и по исторіи французскаго языка. Всѣ эти статьи замѣчательны по научной основательности и тонкому критическому анализу.

Л. Л—ръ.

ѲУКИДИДЪ—СТОРОННИКЪ АѲИНСКОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Характернѣйшую черту древне-еллинской исторіографіи, особенно ярко выраженную въ сочиненіи Ѳукидида, составляетъ субъективизмъ, — особенность изложенія, состоящая въ томъ, главнымъ образомъ, что древній авторъ не считаетъ нужнымъ дать самому читателю въ руки тотъ матеріалъ, на основаніи котораго составлена историкомъ картина того или другаго историческаго событія, который внушилъ автору высказываемые имъ выводы и общія положенія. Древне-еллинскій историкъ, и Ѳукидидъ въ частности, считалъ задачу свою выполненною наиболѣе удовлетворительно въ томъ случаѣ, если ему удалось съ помощью личнаго опыта, показаній заслуживающихъ вѣры свидѣтелей и извѣстій предшественниковъ возсоздать рядъ историческихъ событій въ такомъ видѣ и съ такою степенью вѣроятности, что читатель безъ колебанія принималъ предлагаемыя извѣстія за достовѣрныя и раздѣлялъ вполнѣ тѣ мысли и чувства, какія вызывались и слагались въ душѣ самого историка подъ впечатлѣніемъ разказанныхъ имъ перипетій внѣшней и внутренней политики даннаго государства или нѣсколькихъ государствъ.

Этою едва-ли не существеннѣйшею чертою древне-еллинской исторіографіи объясняются многія особенности изложенія въ трудахъ важнѣйшихъ историковъ того времени: прежде всего крайняя скудость или даже полное отсутствіе документальныхъ свидѣтельствъ въ ихъ подлинномъ видѣ, передача дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей словами не ораторовъ, произносившихъ эти рѣчи, но самого автора, который считалъ для себя обязательнымъ сохранить вѣрно лишь общій смыслъ сказаннаго, остальное восполняя отъ себя по силѣ собственнаго разумѣнія характера и цѣлей оратора, а равно обстоятельствъ, вызвавшихъ ту или другую рѣчь. Къ тому же самому осно-

ванію сводится недостатокъ точныхъ, систематическихъ указаній на источники, малочисленность и недостаточная опредѣленность хронологическихъ данныхъ, наконецъ, пополненіе фактическихъ извѣстій такими подробностями, которыя могли быть добыты авторомъ только путемъ собственныхъ умозаключеній при помощи прежде пріобрѣтеннаго запаса свѣдѣній о человѣческой природѣ вообще, о характерѣ различныхъ политическихъ дѣятелей, о военныхъ стычкахъ и т. п. Благодаря всему этому древне-еллинская исторіографія представляетъ много точекъ соприкосновенія съ произведеніями художественнаго творчества; и понятнымъ становится, почему столь серьезный и строгій писатель, какъ Ѳукидидъ, не находитъ ниже своего достоинства обратиться къ читателю съ воззваніемъ—довѣрять ему больше, чѣмъ его предшественникамъ-историкамъ и поэтамъ (I, 21).

Если при оцѣнкѣ достовѣрности новаго историка, обыкновенно дающаго читателю возможность самому провѣрить заключенія автора, не малую важность имѣетъ вопросъ о личномъ настроеніи историка, объ его общественныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, то въ виду выше сказаннаго этотъ самый вопросъ получаетъ гораздо большее значеніе при опредѣленіи степени достовѣрности историка древне-еллинскаго. Требованіе это примѣнимо къ Ѳукидиду больше, чѣмъ къ другому еллинскому историку, такъ какъ въ своемъ изложеніи онъ не ограничивается разказомъ о внѣшнихъ событіяхъ, но ставитъ себѣ задачею постигнуть и раскрыть передъ читателемъ сокровенныя причины событій, подлинные мотивы поведенія выдающихся политическихъ дѣятелей,—словомъ, стремится внести въ Исторію пелопоннесской войны такіе предметы, въ то или иное пониманіе которыхъ привходитъ неизбѣжно личное умонастроеніе автора, прежде всего его политическія убѣжденія.

Вотъ почему современная критика, при повѣркѣ ли отдѣльныхъ фактовъ, сообщаемыхъ Ѳукидидомъ, или при общей оцѣнкѣ древняго историка со стороны достовѣрности его показаній, касается вопроса и о политическомъ образѣ мыслей историка, о преимущественномъ расположеніи его къ той или иной формѣ правленія, къ той или иной изъ тогдашнихъ политическихъ партій.

Вопросъ этотъ по настоящее время рѣшается относительно Ѳукидида различно. Разногласіе въ отвѣтахъ обусловливается не тѣмъ только, что въ трудѣ историка нѣтъ прямаго и сколько-нибудь обстоятельнаго выраженія его собственныхъ политическихъ воззрѣній и что поэтому новый изслѣдователь вынужденъ возстановлять ихъ

путемъ косвенныхъ доказательствъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что толкованіе и оцѣнка этихъ косвенныхъ свидѣтельствъ опредѣляется заранѣе общимъ отношеніемъ критика къ имѣющемуся у древняго писателя изображенію историческихъ дѣятелей и событій. Если какое-нибудь лицо или событіе представляется новому изслѣдователю изображеннымъ не достаточно или въ чемъ-либо не вѣрно,—объясненіе этого онъ старается подыскать въ лицепріятіи автора, въ его пристрастіи къ той или другой политической партіи, или къ вождямъ ея; полученное такимъ способомъ заключеніе распространяется изслѣдователемъ и на всѣ другіе случаи, хотя бы они въ меньшей еще степени давали основаніе для желательнаго изслѣдователю вывода. Получается своего рода circulus vitiosus. Обыкновенно Ѳукидиду приписывается олигархическій образъ мыслей, откуда стараются объяснить и отрицательное отношеніе историка къ Клеону, и снисходительный тонъ въ сужденіи о Никіи, и похвалы Антифонту [1]). Между тѣмъ заключенія объ олигархическихъ симпатіяхъ историка дѣлаются въ сущности не на чемъ иномъ, какъ на этихъ же отзывахъ Ѳукидида объ отдѣльныхъ личностяхъ, хотя безпристрастный историкъ могъ высказываться о нихъ въ такомъ именно смыслѣ независимо отъ личнаго расположенія къ той или иной формѣ общественнаго устройства. Въ очеркѣ „Ѳукидидъ и его сочиненіе“ (вып. II, М. 1888, стр. CXLV сл.), мы старались собрать данныя, совокупность которыхъ свидѣтельствуетъ въ пользу сочувствія древне-еллинскаго историка аѳинской демократіи съ Перикломъ во главѣ, слѣдовательно — такому общественному строю Аѳинъ, при которомъ всѣ граждане республики безъ различія званія и состоянія пользовались равнымъ правомъ дѣятельнаго участія въ политическихъ судьбахъ страны: или непосредственнаго въ народныхъ собраніяхъ и въ геліэѣ, или посредственнаго черезъ избираемыхъ народомъ и отвѣтственныхъ передъ нимъ должностныхъ лицъ.

Въ историко-критическомъ своемъ этюдѣ о Периклѣ, обличающемъ въ авторѣ и любовь къ предмету, и широкое знакомство съ литературой вопроса, проф. Бузескулъ находитъ не возможнымъ согласиться съ нашими доказательствами относительно демократизма Ѳукидида [2]). Знатность происхожденія историка, высокое соціальное по-

---

[1]) Относящіяся сюда мѣста исторіи означены въ нашемъ указателѣ къ переводу Ѳукидида подъ соотвѣтствующими именами.

[2]) „Периклъ“. Харьковъ. 1889, стр. 46 сл. Сравн. 39 сл.

ложеніе, аристократическія связи, потомъ неодобрительные отзывы о толпѣ, нерасположеніе къ демагогамъ, наконецъ, сочувствіе историка ограниченному народному правленію, смѣнившему собою въ 411 г. до Р. Х. господство Четырехсотъ, — все это приводитъ уважаемаго автора къ заключенію, что Ѳукидидъ не сочувствовалъ чистой демократіи и „въ строгомъ смыслѣ слова не могъ быть политическимъ сторонникомъ Перикла, вождя партіи именно демократической, чуть не демагога“. Г. Бузескулъ старается доказать безпристрастіе и достовѣрность Ѳукидидовыхъ свидѣтельствъ о Периклѣ: если историкъ, не будучи сторонникомъ вождя демократіи, тѣмъ не менѣе говоритъ о немъ съ полнымъ сочувствіемъ и похвалою, значитъ, личныя достоинства Перикла пересиливали въ историкѣ нерасположеніе къ проводимой Перикломъ политикѣ, и въ благопріятномъ отзывѣ о Периклѣ мы должны видѣть сужденіе политическаго противника, который—при всемъ, быть можетъ, нежеланіи — вынужденъ былъ признать и высокія личныя достоинства демократическаго вождя, и цѣлесообразность его государственныхъ мѣропріятій. Пфлукъ-Гарттунгъ, съ которымъ полемизируетъ г. Бузескулъ и которому желательно умалить, елико возможно, достовѣрность показаній Ѳукидида, старается доказать, что древній историкъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ всецѣло принадлежалъ Перикловской партіи, и потому свидѣтельства его о Периклѣ должны быть признаны односторонними и лицепріятными [1]).

Вопросъ о степени достовѣрности и безпристрастія Ѳукидида мы оставимъ на сей разъ въ сторонѣ, замѣтивши только, что, воспитавшись и вращаясь въ извѣстномъ кругу привычекъ, симпатій и теоретическихъ воззрѣній, историкъ, какъ и всякій смертный, безсиленъ былъ подняться на высоту безусловной истины и правдивости, отрѣшиться не въ сужденіяхъ только, но отчасти и въ самомъ изображеніи современныхъ личностей и событій отъ тѣхъ понятій и сочувствій, какія сопутствовали ему въ различные періоды жизни. Пора безусловнаго довѣрія къ показаніямъ древне-еллинскихъ писателей, не исключая и Ѳукидида, прошла безвозвратно. Въ послѣднее время является даже необходимость отстаивать реальное значеніе нѣкоторыхъ классическихъ писателей, во имя строго-исторической точки зрѣнія на предметъ, противъ нападокъ критики, руководящейся въ своихъ приговорахъ нынѣшними понятіями и требованіями правди-

---

[1]) *Pflugk-Harttung*, Perikles als Feldherr. Stuttg. 1884, стр. 115 сл.

щоя исторіи и бытописанія. Въ частности, по отношенію къ Ѳукидиду нѣтъ нужды прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ экзегетики, чтобы спасти отъ осужденія значительнѣйшую долю его литературнаго достоянія. Равнымъ образомъ нѣтъ нужды доказывать олигархическій образъ мыслей Ѳукидида съ тѣмъ, чтобы въ похвалахъ историка Периклу находить свидѣтельство его безпристрастія съ одной стороны и высокихъ достоинствъ общепризнаннаго вождя аѳинской демократіи съ другой.

Ссылка г. Бузескула на знатное происхожденіе и общественное положеніе нашего историка, какъ на обстоятельства, благопріятствовавшія будто бы его олигархическимъ симпатіямъ, не доказательна. Главные виновники демократическихъ учрежденій аѳинской республики, Солонъ, Клисѳенъ, Периклъ, одинаково принадлежали къ знатнѣйшимъ аѳинскимъ родамъ. Демократическій строй аѳинской республики не былъ чѣмъ-либо искусственнымъ, насильственно привитымъ жителямъ Аттики; онъ коренился глубоко въ исконныхъ родовыхъ отношеніяхъ, почему въ Аѳинахъ имѣли успѣхъ и благотворное дѣйствіе только тѣ политическія мѣропріятія, которыя обезпечивали правильное, по возможности всестороннее отправленіе началъ народнаго самоуправленія. Вожди демократическаго движенія,—проницательный Периклъ не меньше, если не больше другихъ,—не могли не замѣчать присущихъ массѣ слабостей, о которыхъ въ разныхъ мѣстахъ Исторіи пелопоннесской войны говорится и у Ѳукидида; но они находили возможнымъ и стремились такъ организовать народное самоуправленіе, чтобы неизбѣжное при этомъ зло давало себя чувствовать возможно рѣже и слабѣе, чтобы въ самыхъ учрежденіяхъ страны содержались гарантіи противъ поспѣшности рѣшеній, несвоевременнаго увлеченія и прочихъ недостатковъ. О единоличномъ веденіи государственныхъ дѣлъ, каковымъ въ эллинскихъ городскихъ общинахъ могла быть только тираннія, они, конечно, и не помышляли; вѣковой опытъ олигархіи въ Аѳинахъ и въ другихъ республикахъ не могъ располагать благомыслящихъ гражданъ и преданныхъ своей родинѣ дѣятелей къ сосредоточенію законодательной, судебной и правительственной власти въ рукахъ привиллегированнаго меньшинства. Что Ѳукидидъ былъ ненавистникъ олигархіи въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, доказываютъ многія выраженія его Исторіи, отмѣченныя и нами въ „Послѣсловіи къ Ѳукидиду“. Все это необходимо принимать въ соображеніе, чтобы понять, почему живучестью и плодотворностью отличались въ аѳинской

республикѣ только преобразованія въ демократическомъ направленіи, почему съ другой стороны наиболѣе даровитые и безкорыстнѣйшіе дѣятели въ Аѳинахъ посвящали свои таланты и энергію на совершенствованіе демократическихъ учрежденій; при этомъ богатство и знатность рода лишь облегчали имъ осуществленіе реформъ, клонившихся къ поднятію всей массы гражданскаго населенія Аттики. На сколько осторожно слѣдуетъ обращаться съ критическими замѣчаніями нашего историка о толпѣ или народѣ (τὸ πλῆθος, ὁ δῆμος), лучше всего видно изъ того, что наименѣе лестныя сужденія объ аѳинскомъ народѣ вложены историкомъ въ уста Клеона (III, 37—41). Справедливо-ли было бы заключать отсюда, что демагогъ Клеонъ не сочувствовалъ демократическому строю республики и предпочиталъ возвращеніе къ олигархіи?

Но говорятъ еще такъ: осуждая притязанія олигарховъ, Ѳукидидъ не былъ расположенъ и къ „неограниченной“ демократіи въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ силу реформъ Перикла и Ефіальта, что поэтому онъ привѣтствовалъ измѣненія въ аѳинской конституціи, послѣдовавшія въ 411 г. до Р. Х. за низверженіемъ Четырехсотъ. Къ этому собственно мнѣнію склоняется и г. Бузескулъ; въ доказательство приводятся собственныя выраженія историка.

Но прежде чѣмъ идти дальше, мы должны отмѣтить недостатокъ точности въ употребленіи политическихъ терминовъ у новыхъ историковъ. Такъ, говоря объ олигархическихъ симпатіяхъ историка, одни готовы приписать Ѳукидиду чуть не сочувствіе тѣмъ олигархамъ, которые въ 411 г. водворили въ Аѳинахъ господство Четырехсотъ, и отсюда объясняютъ его благопріятный отзывъ объ Антифонтѣ. Другіе подъ олигархіей разумѣютъ въ этомъ случаѣ ограниченную аѳинскую демократію. Г. Бузескулъ высказывается о томъ же предметѣ довольно неопредѣленно. Сочувствуя самъ реформамъ Перикла и Ефіальта, давшимъ широкое осуществленіе демократическимъ началамъ, онъ разумѣетъ, очевидно, эту самую демократію подъ различными наименованіями: то „чистой демократіи“, то „крайней“ то „неограниченной“ и др. Однако въ послѣдней главѣ своего сочиненія почтенный авторъ выражается, что Периклъ „не пошелъ по пути крайней, необузданной демократіи: онъ правилъ умѣренно, въ духѣ соглашенія интересовъ большинства съ интересами общегосударственными; онъ старался ввести демократическое движеніе въ опредѣленныя, законныя границы“ (стр. 331). Рядомъ и въ оппозиціи съ Перикломъ существовала, по словамъ автора, незадолго до пелопоннесской войны

другая партія „крайняя (подчеркнуто авторомъ) демократическая, которой эта политика казалась ужъ недостаточно демократическою. Напротивъ, именно въ Периклѣ крайніе демократы и новые демагоги начинаютъ видѣть главное препятствіе къ господству настоящаго (?) народовластія, полной (?) свободы и равенства". Немного ниже г. Бузескулъ замѣчаетъ, что противъ Перикла соединились двѣ крайнія партіи — демагоговъ и олигарховъ: тѣ и другіе видѣли въ Периклѣ представителя „умѣренной демократіи, носителя духа свободы и равенства, но въ то же время и законности" (стр. 332). Прежде всего, намъ кажется, слѣдовало бы воздерживаться отъ такихъ ничего не говорящихъ опредѣленій, какъ „чистая" демократія, „настоящее" народовластіе, „крайняя" или „не обузданная" демократія, „полная свобода" и т. п. Тогда, навѣрное, и не вышло бы такъ, какъ будто Ѳукидидъ въ одно и то же время и сторонникъ, и противникъ перикловской партіи и политики, какъ будто эта послѣдняя политика въ одно и то же время и умѣренная, и крайняя. Въ настоящемъ случаѣ новый историкъ имѣетъ дѣло съ системою извѣстныхъ политическихъ учрежденій, въ томъ или другомъ смыслѣ опредѣляющихъ политическую жизнь страны; на обязанности историка лежитъ опредѣленіе какъ системы, въ данное время господствующей, такъ и тѣхъ измѣненій въ ней, во имя которыхъ дѣйствуетъ въ то же время оппозиція; въ обоихъ случаяхъ предполагается установленіе опредѣленныхъ гарантій правильнаго мирнаго общежитія; все, что выходитъ за предѣлы этихъ установленныхъ или предлагаемыхъ гарантій, что является дѣломъ произвола отдѣльныхъ личностей или котерій, все это не входитъ въ понятіе никакого политическаго строя. Реформами и учрежденіями Ефіальта и Перикла создана была въ Аѳинахъ демократическая конституція, всему гражданскому населенію республики обезпечивавшая политическое равенство и активное участіе въ законодательствѣ и управленіи; по сравненію съ перикловской демократіей не могло быть, и дѣйствительно не было въ Аѳинахъ, никакой другой, крайней или необузданной; такъ называемая демагогическая оппозиція Периклу имѣла своимъ объектомъ не систему общественныхъ учрежденій, но текущую политику Перикла внѣшнюю и отчасти внутреннюю, больше всего—слишкомъ вліятельную роль первенствующаго народнаго вождя. Что касается Ѳукидида, то въ сочиненіи его содержатся ясныя свидѣтельства его сочувствія и политикѣ Перикла, и перикловской демократіи. Важнѣйшія показанія

въ этомъ смыслѣ заключаются въ надгробной рѣчи Перикла (II, 35—46).

Въ „Послѣсловіи къ Ѳукидиду" (стр. LXII сл.) мы старались показать, что надгробная рѣчь не только по содержанію, но и по расположенію матеріала, и по отдѣльнымъ оборотамъ представляетъ произведеніе самого историка гораздо больше, нежели дѣйствительно произнесенную рѣчь оратора. Въ дополненіе къ сказанному въ „Послѣсловіи" мы отмѣтимъ здѣсь еще нѣкоторые пункты рѣчи, сближающіе ее съ собственными выраженіями Ѳукидида. Исконною и характернѣйшею чертою общежитія аѳинянъ историкъ нашъ считаетъ приволье жизни, непринужденность и взаимное довѣріе въ отношеніяхъ гражданъ. Эта особенность аѳинскихъ нравовъ называется имъ во введеніи къ Исторіи ἀνειμένη διαίτη — „вольный образъ жизни" (I, 6,₃). То же самое почти въ тѣхъ же словахъ говоритъ объ аѳинянахъ Периклъ въ надгробной рѣчи: ἡμεῖς δὲ ἀνειμένως διαιτώμενοι (II, 39,₁). Въ другомъ мѣстѣ той же рѣчи ораторъ выражается такъ: ἀνεπαχθῶς δὲ τὰ ἴδια προσομιλοῦντες—„при всей вольности въ частныхъ отношеніяхъ" (II, 37,₃). Потомъ, въ общей весьма сочувственной оцѣнкѣ личности Перикла, Ѳукидидъ обращаетъ вниманіе на то, что управленіе въ Аѳинахъ при Периклѣ „было по имени народовластіемъ, а на дѣлѣ властвовалъ первый гражданинъ" (ἐγίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή—II, 65,₉). Въ рѣчи Перикла ясно оттѣнена мысль, что народовластіе въ Аѳинахъ было по имени, на самомъ же дѣлѣ управленіе принадлежало достойнѣйшимъ гражданамъ (ὄνομα μὲν... δημοκρατία κέκληται—κατὰ δὲ τὴν ἀξίωσιν, ὡς ἕκαστος ἔν τῳ εὐδοκιμεῖ, οὐκ ἀπὸ μέρους [1]) τὸ πλέον ἐς τὰ κοινὰ ἢ ἀπ' ἀρετῆς προτιμᾶται—II, 37,₁). Разумѣется, самъ о себѣ Периклъ въ рѣчи къ народу не могъ выразиться такъ, какъ высказывается о немъ отъ своего лица историкъ; выраженная въ видѣ общаго правила мысль оратора нашла себѣ примѣненіе, по сознанію историка, на самомъ же ораторѣ: первый въ республикѣ ораторъ и первый по своимъ заслугамъ гражданинъ былъ по тому самому и вліятельнѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ. Интересно отмѣтить, что словамъ Перикла κατὰ τὴν ἀξίωσιν соотвѣтствуетъ въ словахъ историка о Периклѣ τῷ ἀξιώματι (II, 65,₈). По словамъ Перикла аѳиняне свободно живутъ въ своемъ государствѣ (ἐλευθέρως δὲ τά τε

---

[1]) Поправка *Herwerden'a* ἀπὸ γένους вмѣсто ἀπὸ μέρους суживаетъ понятіе рукописнаго термина. Нельзя принять и переводъ *Классена*: eine politische Partei.

πρὸς τὸ κοινὸν πολιτεύομεν—II, 37,2); по словамъ Ѳукидида, Periклъ свободно сдерживалъ народную массу (κατεῖχε τὸ πλῆθος ἐλευθέρως—II, 65,8).

Въ виду вышесказаннаго надгробная рѣчь получаетъ важное значеніе для характеристики собственнаго политическаго настроенія автора. Новый историкъ можетъ относиться сочувственно или отрицательно къ политической дѣятельности Перикла, можетъ пользоваться воззрѣніями Ѳукидида для такого или иного рѣшенія вопроса о степени достовѣрности его показаній, но онъ не въ правѣ закрывать глаза на очевидные факты, доставляемые самымъ сочиненіемъ древняго историка. Рѣчь Перикла содержитъ въ себѣ краснорѣчивѣйшее признаніе и похвалу того общественнаго строя Аѳинъ, въ созданіи и сохраненіи котораго руководящая роль принадлежала самому оратору. Чего-либо похожаго на осужденіе Перикла или его политики мы не находимъ въ сочиненіи Ѳукидида; напротивъ, во всемъ, что говоритъ историкъ отъ себя о Периклѣ, мы видимъ только признаніе высокихъ личныхъ достоинствъ вождя демократіи, оправданіе его образа дѣйствій внутри и внѣ аѳинской республики.

Что же въ аѳинской республикѣ служитъ предметомъ восхваленія оратора? Чтобы отвѣчать на вопросъ, намъ нѣтъ нужды излагать цѣликомъ содержаніе рѣчи; достаточно отмѣтить въ ней указанія на аѳинскую конституцію и на обусловленныя ею явленія общественной жизни въ Аѳинахъ. Ораторъ превозноситъ дѣятельное участіе всѣхъ гражданъ, безъ различія званія и состоянія, въ управленіи страною, свободу публичнаго обсужденія государственныхъ начинаній, разносторонность способностей и навыковъ въ одной и той же личности, любовь къ изяществу въ соединеніи съ простотою, къ просвѣщенію безъ изнѣженности (II, 40—41): „Общественное устройство по имени зовется, правда, народовластіемъ, ибо зиждется не на меньшинствѣ, а на большинствѣ, причемъ равенство передъ законами обезпечено для всѣхъ, не взирая на личныя преимущества (ὄνομα μὲν διὰ τὸ μὴ ἐς ὀλίγους, ἀλλ' ἐς πλείονας οἰκεῖν δημοκρατία κέκληται, μέτεστι δὲ κατὰ μὲν τοὺς νόμους πρὸς τὰ ἴδια διάφορα πᾶσι τὸ ἴσον) [2]); что же касается

[2]) Слова πρὸς τὰ ἴδια διάφορα обыкновенно толкуются такъ, какъ и мы передали въ нашемъ переводѣ: „въ частныхъ дѣлахъ", „интересахъ", „столкновеніяхъ" и т. п. („in Privatsachen", „in Ansehung besonderer Angelegenheiten", „bei persönlichen Streitigkeiten", „in besonderen Rechtshändeln", „in den Streitigkeiten der einzelnen Bürger", „in ihren persönlichen Angelegenheiten", „ad ea, quae hominibus privatis agenda sunt", „pour les affaires privées и т. п.). Въ нынѣш-

почета, то каждый пользуется имъ по стольку, по скольку отличился въ какомъ-либо дѣлѣ, и одинъ имѣетъ въ общественныхъ дѣлахъ преимущество передъ другимъ больше въ силу заслугъ, нежели по принадлежности къ извѣстному классу; для бѣдняка, если онъ способенъ къ какой-либо дѣятельности на пользу государства, безвѣстность положенія не служитъ помѣхою. Въ управленіи государствомъ мы свободны, въ повседневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ не страдаемъ подозрительностью, не гнѣваемся, если кто даетъ себѣ волю въ чемъ-либо, не напускаемъ на себя досады, хотя и безвредной, но тягостной для глаза. Вольные въ частныхъ отношеніяхъ, мы блюдемъ учрежденія государственныя больше всего изъ уваженія къ нимъ, повинуемся предержащимъ властямъ и законамъ, всѣмъ тѣмъ преимущественно, которые существуютъ ко благу обижаемыхъ и, не будучи писанными, навлекаютъ въ сознаніи всѣхъ позоръ на нарушителя. Кромѣ того мы доставили многообразныя средства душевнаго отдохновенія отъ трудовъ въ публичныхъ состязаніяхъ и длящихся весь годъ жертвоприношеніяхъ, а равно въ благолѣпіи частныхъ жилищъ, повседневное наслажденіе коимъ прогоняетъ угрюмость" (II, 37—38).

Въ рѣчи Перикла, какъ ни сжаты относящіяся къ нашему предмету выраженія оратора, мы не можемъ не узнать той аѳинской демократіи, которая инымъ писателямъ, древнимъ и новымъ, казалась неограниченнымъ, необузданнымъ господствомъ толпы. Не такъ смотрѣли на нее Периклъ и Ѳукидидъ. Называясь народовластіемъ (δημοκρατία), аѳинская республика съ помощью законовъ охраняла равныя права всѣхъ гражданъ безъ различія, руководящее вліяніе на дѣла предоставляя способнѣйшимъ и достойнѣйшимъ изъ гражданъ. На дѣлѣ власть въ этой республикѣ принадлежала не толпѣ, а лучшимъ людямъ, которые обязаны были постигать нужды большинства, дѣйствовать въ его интересахъ, подъ страхомъ отвѣтственности передъ нимъ за свои дѣйствія. По сознанію Перикла и Ѳукидида, это было народовластіе по имени; ораторъ воздерживается отъ наименованія аѳинской конституціи, приличествующаго ей по существу; но, какъ справедливо замѣчаетъ схоліастъ, названіемъ этимъ могла

немъ толкованіи мѣста мы приближаемся къ *Крамеру*: „was die Gesetze anlangt so steht gegenüber den persönlichen Unterschieden der einzelnen allen das gleiche Recht zu" (*Rhein. Museum.* 1885, стр. 455). Все содержаніе рѣчи, равно какъ и ближайшія мѣста ея, показываютъ, что ораторъ подъ словами τὰ ἴδια διάφορα разумѣетъ принадлежность къ извѣстному классу (μέρος), личныя заслуги (ἀρετή), имущественный достатокъ (πενία) и т. д.

быть только аристократія (ἐπειδὴ φαῦλον δοκεῖ ἡ δημοκρατία—ἐπάγει λέγων, ὅτι τῷ μὲν ὀνόματι δημοκρατία, τῷ δὲ ἔργῳ ἀριστοκρατία ἐστὶν ἡμῶν ἡ πολιτεία),—терминъ, употребляемый Исократомъ для обозначенія первоначальной аѳинской демократіи съ должностными лицами, выбранными голосованіемъ, а не жребіемъ, и съ сенатомъ, вѣдающимъ важнѣйшія дѣла (Panathen. § 131). То же самое устройство Исократъ въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи называетъ демократіей, смѣшанной съ аристократіей (ἡ δημοκρατία ἡ ἀριστοκρατίᾳ μεμιγμένη—§ 153 сл.). По мнѣнію Перикла, аѳинская конституція и въ его время оставалась управленіемъ лучшихъ, то-есть, достойнѣйшихъ гражданъ; первенствующее въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ лишнимъ положеніе оратора въ аѳинской республикѣ было краснорѣчивѣйшимъ тому свидѣтельствомъ. Ѳукидидъ раздѣляетъ убѣжденія Перикла и сочувствуетъ защищаемой имъ формѣ правленія; въ неудачахъ аѳинской политики историкъ винитъ не учрежденія, а нравы, исчезновеніе со смертью Перикла государственныхъ дѣятелей, которые подобно ему стояли бы на уровнѣ потребностей своего времени (II, 65, $_{10-13}$. Срвн. III, 82—83).

Однако въ сочиненіи Ѳукидида есть одно мѣсто, на которое главнымъ образомъ опирается и г. Бузескулъ, и которое, повидимому, противорѣчитъ и воздаваемымъ Периклу похваламъ историка, и его сочувствію перикловской демократіи. По низверженіи олигархіи Четырехсотъ (411 г. до Р. Х.) возстановлена была аѳинская демократія въ ограниченномъ видѣ: членами верховнаго народнаго собранія (ἡ ἐκκλησία) были теперь зажиточнѣйшіе граждане въ числѣ 5,000, отбывавшіе военную службу въ тяжеломъ вооруженіи; жалованье должностнымъ лицамъ, а равно и прочимъ гражданамъ за участіе въ народномъ собраніи и въ геліэѣ отмѣнялось; потомъ рѣшено было выбрать законодательную коллегію и организовать во всѣхъ частяхъ государственное управленіе. „Особенно въ первое время аѳиняне,—заключаетъ историкъ,—имѣли прекрасное государственное устройство за моей по крайней мѣрѣ жизни (καὶ οὐχ ἥκιστα δὴ τὸν πρῶτον χρόνον ἐπί γ'ἐμοῦ Ἀθηναῖοι φαίνονται εὖ πολιτεύσαντες), ибо это было соединеніе въ мѣру господства немногихъ и народа, и оно-то впервые вывело государство изъ жалкаго положенія“ (VIII, 97,$_{2}$).

Если допустить разновременное составленіе Ѳукидидомъ двухъ частей исторіи,—архидамовой войны вскорѣ по окончаніи ея (421 г.) и послѣдовавшей за нею послѣ шестилѣтняго перерыва сицилійско-

іонійской, завершившейся въ 404 г. до Р. Х., если, далѣе, принять возможность перемѣны въ настроеніи историка въ промежутокъ времени въ 20 слишкомъ лѣтъ, то прежде всего сама собою напрашивается мысль, что Ѳукидидъ въ различные періоды жизни относился не одинаково къ одному и тому же политическому строю. Сочиненіе Ѳукидида осталось не оконченнымъ: оно обрывается чуть не полуфразою на описаніи событій 411 года, хотя несомнѣнно, что авторъ пережилъ всю пелопоннесскую войну (431 — 404 до Р. Х.) и продолжалъ работу надъ своимъ сочиненіемъ и по окончаніи войны. Сочиненіе не только не закончено по содержанію, но и дошедшая до насъ часть исторіи не вездѣ равномѣрно отдѣлана. Отсюда легко объяснить присутствіе въ Исторіи пелопоннесской войны разногласій въ сужденіяхъ объ одинаковыхъ событіяхъ, непослѣдовательность въ самомъ способѣ обработки матеріала и т. п. Къ числу признаковъ незаконченности труда можетъ быть безо всякой натяжки отнесено и остающееся безъ разъясненія нѣкоторое разнорѣчіе въ оцѣнкѣ двухъ порядковъ политическаго общежитія въ Аѳинахъ. Ѳукидидъ провелъ въ изгнаніи не менѣе 20 лѣтъ (424 — 404 г. до Р. Х.), вдали отъ родины, въ средѣ новыхъ отношеній, вліявшихъ на его прежніе взгляды; въ самихъ Аѳинахъ за этотъ промежутокъ времени многое измѣнилось; смерть Перикла расчистила путь новымъ народнымъ вождямъ, уступавшимъ ему и по даровитости, и по непреклонной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ; возвратившемуся изгнаннику многое на родинѣ должно было казаться чуждымъ; источникъ обрушившихся на страну бѣдствій онъ могъ искать, между прочимъ, въ тѣхъ самыхъ политическихъ учрежденіяхъ, которыя раньше восхищали его и вызывали въ немъ удивленіе къ главному виновнику ихъ.

Въ результатѣ анализа получается такимъ образомъ наличность двоякаго отношенія историка къ демократической конституціи Аѳинъ: съ одной стороны сочувствіе Перикловой политикѣ, дававшей самое широкое примѣненіе началамъ народнаго самоуправленія, съ другой— привѣтствіе демократіи, ограниченной имущественнымъ цензомъ и отрицавшей тотъ принципъ всеобщаго равенства передъ закономъ и всеобщаго участія гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ, который, по словамъ Перикла, лежалъ въ основѣ аѳинскаго „народовластія“ (δημοκρατία). Но различныя политическія воззрѣнія Ѳукидида выражены въ различныхъ частяхъ его труда, написанныхъ въ разное время, и характеризуютъ настроеніе автора въ различные періоды его жизни. Ошибка новыхъ

біографовъ и критиковъ нашего историка состоитъ въ томъ, что они по собственному усмотрѣнію и ради достиженія заранѣе поставленной цѣли стараются смѣшать различные взгляды автора въ одинъ, олигархическій или демократическій, и затѣмъ опредѣляютъ вліяніе личныхъ симпатій или антипатій Ѳукидида на все изложеніе исторіи пелопоннесской войны. На самомъ дѣлѣ то, что пишетъ Ѳукидидъ о Периклѣ и о событіяхъ его времени, не находится въ зависимости отъ того настроенія историка, которое выражено имъ въ VIII-й книгѣ, по времени составленія отдѣленной отъ II-й, III-й, IV-й книгъ промежуткомъ лѣтъ въ двадцать, къ тому же наименѣе обработанной; окончательной отдѣлки не достаетъ вообще всему сочиненію Ѳукидида.

Это послѣднее обстоятельство необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ выраженій историка объ умѣренной демократіи, приведенныхъ выше. Вопервыхъ, выраженія эти слишкомъ кратки, чтобы можно было поставить ихъ на-ряду съ пространнымъ сужденіемъ автора о политикѣ Перикла и съ яснымъ сочувственнымъ изображеніемъ ея въ надгробной рѣчи оратора; вовторыхъ, выраженія эти не на столько ясны, чтобы можно было сказать навѣрное, что̀ въ данномъ мѣстѣ желалъ сказать авторъ. Мы не можемъ рѣшить, въ какой формѣ предстала бы передъ нами нынѣшняя восьмая книга Исторіи въ окончательной редакціи; тѣмъ менѣе можно сказать это относительно отдѣльныхъ выраженій, содержащихся въ этой части труда. Наконецъ, втретьихъ, тѣ воззрѣнія историка, которыя нашли себѣ мѣсто въ VIII-й книгѣ, не должны быть обобщаемы и распространяемы на тѣ части, которыя были написаны раньше и не сведены съ позднѣйшими въ единую редакцію.

На нашъ взглядъ, разнорѣчіе между сочувствіемъ Ѳукидида Периклу и его политикѣ и похвалою демократіи 5,000 аѳинянъ вовсе не такъ значительно, какъ толкуютъ обыкновенно. Нужно только не насиловать текста и не внѣдрять въ него желательнаго для насъ смысла. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что и Перикловская демократія представлялась нашему историку „народовластіемъ“ лишь по имени; по существу онъ признавалъ ее правленіемъ достойнѣйшихъ. Умѣренному смѣшенію господства немногихъ и народа историкъ приписываетъ силу и главныя достоинства установленной по низверженіи Четырехсотъ формы правленія (μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ ἐς τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο). Читатель видитъ, что историкъ противопоставляетъ эту возстановленную демократію только что низверженной олигархіи, умалчивая объ отношеніи ея къ демократіи

болѣе ечистаго типа. Выраженія историка даютъ намъ полное право сдѣлать одинъ выводъ, именно, что историкъ безповоротно осуждалъ низверженный олигархическій строй родной республики и съ радостью привѣтствовалъ поворотъ Аѳинъ къ болѣе широкому участію народа въ управленіи. Любопытно сопоставить въ этомъ отношеніи Ѳукидида съ Геродотомъ. Можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрно, но „отецъ исторіи" видѣлъ причину быстраго усиленія Аѳинъ передъ войною съ персами въ упраздненіи тиранніи и замѣнѣ ея народнымъ правленіемъ (Ἀθῆναι ἐοῦσαι καὶ πρὶν μεγάλαι, τότε ἀπαλλαχθεῖσαι τυράννων ἐγίνοντο μέζονες—V, 66; ἀπαλλαχθέντες δὲ τυράννων μακρῷ πρῶτοι ἐγένοντο—V, 78). Подобно этому Ѳукидидъ приписываетъ возстановленіе могущества республики паденію олигархіи и замѣнѣ ея демократіей (καὶ ἐκ πονηρῶν τῶν πραγμάτων τοῦτο πρῶτον ἀνήνεγκε τὴν πόλιν—VIII, 97,2). Словомъ, въ этомъ мѣстѣ Исторіи содержится противопоставленіе не одной формы демократіи другой, организованной Перикломъ и его партіей, но олигархіи, насильственно навязанной Аѳинамъ кучкою честолюбцевъ. Нельзя не отмѣтить и того, что Ѳукидидъ хвалитъ соблюденіе мѣры (μετρία μετρίως) какъ въ демократіи 411 г., такъ равно и въ Перикловомъ управленіи. Такимъ образомъ для читателя ясно, что между двумя мнѣніями древняго историка, находящимися въ началѣ и въ концѣ его труда, не существуетъ того противорѣчія, на которомъ настаиваютъ новые критики.

Потомъ напрасно г. Бувескулъ утверждаетъ, будто сущность дѣла не измѣняется отъ того, понимаемъ ли мы слова τὸν πρῶτον χρόνον въ смыслѣ „въ теченіе перваго времени", или такъ, какъ понимаетъ ихъ Классенъ вслѣдъ за К. Ф. Германомъ [1]),—„впервые", „въ первый разъ" въ жизни Ѳукидида, „zum ersten Mal während sein es Lebens". Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ только о демократіи пяти тысячъ гражданъ, измѣнившейся къ худшему впослѣдствіи, при уступившей мѣсто иной формѣ правленія, безъ отношенія къ прежнимъ болѣе широкимъ формамъ народнаго самоуправленія; если новый порядокъ вещей съ чѣмъ-либо и сравнивается, то вопервыхъ, съ упраздненной только что олигархіей, вовторыхъ, съ наступившимъ впослѣдствіи положеніемъ дѣлъ. Во второмъ случаѣ (Германъ-Классенъ) мы получаемъ рѣшительный приговоръ историка надъ всѣми ранѣе пережитыми имъ формами правленія, прежде всего надъ Перикловской демократіей. Такъ понимаютъ дѣло Гербстъ [2]) и позднѣйшій издатель

[1]) *Berl. Jahrb.* 1842, № 16—19, стр. 144.

[2]) Въ Приложеніи къ монографіи Die Schlacht bei den Arginusen, стр. 71, сл.

Ѳукидида, Круазе. Этотъ послѣдній во введеніи къ тексту историка такъ переводитъ наше мѣсто: Alors pour la première fois, au moins de mon vivant, les Athéniens furent bien gouvernés [1]). Но Круазе не выводитъ отсюда осужденія историкомъ Перикла. Однако сила въ томъ, что слова τὸν πρῶτον χρόνον, какъ видитъ самъ читатель, не могутъ никакимъ образомъ означать „впервые", „въ первый разъ": τὸν πρῶτον χρόνον означаютъ „первое время", „въ теченіе перваго времени",—и ничего болѣе.

Далѣе, начальныя слова того же предложенія καὶ οὐχ ἥκιστα соединяются обыкновенно съ далеко отстоящимъ отъ нихъ εὖ πολιτεύσαντες, и такимъ образомъ получается особенное превознесеніе демократіи 411 года. Намъ кажется, нѣтъ нужды раздѣлять рядомъ стоящія слова καὶ οὐχ ἥκιστα δὴ τὸν πρῶτον и переводить: „особенно въ первое время". Такъ, вѣроятно, понимаетъ это мѣсто Круазе, въ приведенномъ выше переводѣ употребляя выраженіе „bien gouvernés", тогда какъ у Классена „ganz besonders gut, vorzüglich gut eingerichtet haben". Мало того: что Ѳукидидъ не отдавалъ безусловнаго предпочтенія этой ограниченной демократіи,—показываютъ слова ἐπί γ'ἐμοῦ, именно частица γέ „по крайней мѣрѣ". Выраженіе это не поддается окончательному толкованію: тогда какъ одни (Германъ, Классенъ, Гербстъ) усматриваютъ въ немъ оправданіе той своей мысли, что историкъ сравниваетъ демократію 5,000 съ Перикловской къ невыгодѣ этой послѣдней,—другіе (Петеръ, Шейбе, Фишеръ [2]), видятъ въ немъ намекъ автора на измѣненія въ управленіи или въ самой конституціи еще при жизни Ѳукидида. Мы склоняемся больше ко второму толкованію, хотя сознаемъ трудность настаивать на немъ. На нашъ взглядъ относящееся сюда мѣсто Исторіи принадлежитъ къ числу тѣхъ признаковъ незаконченности авторской редакціи, которые особенно многочисленны въ нынѣшней VIII-й книгѣ. Единственное, что съ увѣренностью можно извлечь изъ VIII, 97,2, это— осужденіе олигархіи Четырехсотъ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: вопервыхъ, сочувствіе Ѳукидида Периклу, его внутренней и внѣшней политикѣ, не подлежитъ сомнѣнію; поэтому, если новый критикъ или историкъ старается доказать безпристрастіе и

---

[1]) Thucydide. P. 1886, стр. 10.

[2]) Прекрасная статья *Фишера* Untersuchungen über die Verfassung von Athen in den letzten Jahren d. peloponn. Krieges (Kleine Schriften I, 205—238) дополняется упомянутымъ выше изслѣдованіемъ Гербста.

правдивость свидѣтельствъ Ѳукидида о Периклѣ, онъ обязанъ искать основаній для своего мнѣнія или въ другихъ источникахъ, или въ особенностяхъ Ѳукидидовскаго изложенія вообще, но никакъ не въ похвалахъ Периклу, исходящихъ будто бы отъ писателя, олигархически настроеннаго и потому заслуживающаго полнаго довѣрія въ сочувственныхъ отзывахъ о вождѣ демократіи. Вовторыхъ, при разновременности составленія различныхъ частей Исторіи и отсутствіи окончательной общей редакціи труда со стороны автора, произвольно было бы распространять сужденія Ѳукидида, высказанныя въ VIII-й книгѣ, на II-ю, написанную гораздо раньше, при иномъ положеніи вещей, подъ иными вліяніями. Втретьихъ, нынѣшняя VIII-я книга дошла до насъ въ наименѣе законченномъ и обработанномъ видѣ; интересующее насъ сужденіе историка въ этой книгѣ изложено весьма кратко, въ видѣ замѣтки, подлежащей дальнѣйшему развитію, а потому строить на немъ какое-либо заключеніе о политическомъ исповѣдываніи автора вообще кажется намъ большою смѣлостью. При этомъ нельзя оставлять безъ вниманія и того, что похвалы Ѳукидида ограниченной демократіи 411 г. по существу мало отличаются отъ того, что раньше говорилъ историкъ въ похвалу Перикловой демократіи, изображаемой у историка самыми сочувственными чертами; къ тому же похвалы правленію пяти тысячъ ограничиваются у самого автора выраженнымъ „за моей по крайней мѣрѣ жизни (ἐπί γ' ἐμοῦ)".

Настоящія замѣчанія о Ѳукидидѣ мы пріурочили къ сочиненію русскаго ученаго больше всего изъ желанія поддержать въ русскомъ читателѣ интересъ къ первостепенному историку древности, послужившему главнымъ источникомъ для г. Бузескула. Только тогда занятіе античными писателями и пріобрѣтетъ себѣ почву у насъ, когда отдѣльные работники на этой нивѣ постараются соединять свои силы къ уясненію многообразныхъ вопросовъ такъ называемой классической древности. Къ тому же сочиненіе г. Бузескула есть плодъ широкаго и старательнаго ознакомленія съ иностранной литературой предмета: въ большинствѣ случаевъ авторъ стоитъ въ немъ на уровнѣ европейской науки.

Ѳ. Мищенко.

ЭЛЕКТРА,

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА

(переводъ съ греческаго).

Явленіе I.

Орестъ, Пиладъ и Пидагогъ.

Пидагогъ (передъ дворцомъ).

Взгляни, сынъ Агамемнона, подъ Трою
Водившаго полки свои, на то,
Къ чему ты такъ стремился пылко. Вотъ онъ,
Предметъ твоей печали—Аргосъ древній;
Вотъ роща бѣдной дочери Инаха,
Въ неистовствѣ отъ овода бѣжавшей,
Волкоубійцы Аполлона площадь,
А слѣва Геры знаменитый храмъ.
Взгляни, куда пришли мы. Передъ нами
Сады Микенъ златообильныхъ. Видишь—
Тотъ самый домъ, убійствомъ оскверненный,
Откуда я, когда погибъ отецъ твой,
Пріялъ тебя изъ рукъ твоей сестры,
Унесъ и спасъ, чтобъ на чужбинѣ дальней
Въ твоей груди съ годами крѣпло мщенье.
Итакъ, Орестъ, и ты, Пиладъ, должны вы
Рѣшить, что предпринять намъ: лучъ разсвѣта
Ужъ пробудилъ пернатыхъ голоса,
И звѣздной ночи сладкій мракъ сокрылся,

Но изъ дворца пока никто не вышелъ,
И намъ теперь благопріятный часъ,
Чтобъ приступить немедленно же къ дѣлу.

ОРЕСТЪ.

Любезнѣйшій изъ слугъ моихъ! Какъ явно
Сказалась здѣсь мнѣ истинная доблесть
Души твоей! Какъ добрый старый конь
Стоитъ въ бою, насторожившись уши
На звукъ трубы, въ спокойномъ выжиданьи,—
Ты предъ лицомъ опасности являешь
Намъ мужества холоднаго примѣръ.
Такъ выслушай же то, что я задумалъ,
И обсуди. Когда я прибылъ въ Дельфы
И вопросилъ оракула, желая
Изъ устъ его узнать про способъ мести,
Мнѣ Богъ изрекъ: „Безъ войска и щита,—
Коварствомъ нанеси ударъ законный".
Итакъ, согласно съ прорицаньемъ, только
Представится удобный случай,—ты
Войдешь вовнутрь чертога, разузнаешь,
Что дѣлается тамъ, и сообщишь намъ.
Не бойся: вѣдь подъ этой сѣдиной,
Въ чертахъ лица, давнымъ давно забытыхъ,
Ничто тебя не выдастъ предъ врагами.
Ты скажешь имъ, что прибылъ изъ Фокиды,
Что посланъ къ нимъ ихъ другомъ Фанотеемъ,
Первѣйшимъ ихъ союзникомъ въ бояхъ,
И съ клятвой сообщишь имъ, что, по волѣ
Судьбы неотразимой, поразила
Ореста смерть во время игръ пиѳійскихъ,
Когда онъ палъ случайно съ колесницы.
Такъ и скажи. А мы пойдемъ къ холму,
Гдѣ прахъ отца; указанныя Фебомъ
Тамъ возліянья совершимъ, красою
Своихъ кудрей почтимъ его могилу,
А на пути обратномъ завернемъ
За мѣдной урной, какъ тебѣ извѣстно,
Запрятанной теперь въ кусты. Возьмемъ

Её съ собой,—и, усыпивъ ихъ ложью,
Вдругъ поразимъ открытіемъ, что въ урнѣ
И не бывало праха моего.
Бѣда ли въ томъ, что, будучи живымъ,
Я прослыву за мертваго? Ужели
То дурно, что̀ полезно намъ? Вѣдь часто
Мнѣ приходилось слышать, какъ такой-то
Великій мужъ погибнетъ мнимой смертью,
А послѣ славой большею вѣнчаетъ
Его отчизна. Льщу себя надеждой
Блеснуть потомъ звѣздою лучезарной!
Прими жъ меня, земля моя родная,
И вы, пенаты мѣстные, съ удачей
Во всѣхъ моихъ дѣлахъ. Будь благосклоненъ
Мнѣ, отчій домъ, въ который я вступлю
По волѣ божьей—мститель правосудный,
Возстановитель и богатствъ, и рода,—
Да не уйду отсюда посрамленнымъ!
Я всё сказалъ. Теперь, старикъ, за дѣло!
А мы пойдемъ: успѣхъ въ рукахъ минуты.

ЭЛЕКТРА (за сценой, въ покояхъ).

О, горе мнѣ! о, горе!

ПЕДАГОГЪ.

Слышишь, сынъ мой,
За дверью кто-то стонетъ изъ рабынь.

ОРЕСТЪ.

Ужъ не сестра-ль несчастная, Электра?..
Послушай-ка, останемся, узнаемъ!

ПЕДАГОГЪ.

Нѣтъ, не свершивъ велѣній Аполлона,
Предпринимать не должно ничего.
Почтимъ отца сначала возліяньемъ,
И богъ намъ дастъ побѣду и успѣхъ.

(Уходятъ)

Явленіе II.

Электра и хоръ.

Электра (одна, выходитъ на крыльцо).

О, свѣтъ святой,
О, эѳиръ всеобъемлющій!
Какъ часто слыхалъ ты
Слезные вопли мои,
Какъ часто ты видѣлъ
Со тьмой убѣгающей,
Какъ я терзала себя, колотя
До крови въ грудь свою!..
Знаетъ отлично
Ложе постылое
Тризны ночныя мои!
Какъ горько я плакала
О бѣдномъ отцѣ моемъ!..
Не жаждущій крови Аресъ
Принялъ его на чужбинѣ,
Но, какъ дубъ, въ лѣсу подсѣченный,
Онъ палъ отъ рукъ моей матери,
Вступившей въ союзъ
Съ любовникомъ гнуснымъ Эгистомъ,—
И только я одна плачу
О смерти постыдной твоей, отецъ!..
Не перестану
Ни плакать, ни заливаться въ стонахъ.
Пока только свѣтятъ звѣзды
И ходитъ свѣтило дня,—
Но, какъ пташка-сиротка, громко
Предъ отцовскимъ дворцомъ рыдая,
Разглашу свою скорбь я всѣмъ!
Внемлите жъ мнѣ Персефона, Аидъ,
И Гермесъ, въ подземную тьму вводитель,
И грозная кара, и дщери божьи,
Святыя Эринніи: видите
Не право убитыхъ? Явитесь,
Отмстите за смерть отца,

И,—бремя печали сносить не могущей,—
Пошлите мнѣ брата!

Хоръ.

Строфа 1-я.

Электра, ужаснѣйшей матери дочь
Къ чему ненасытно
Ты плачешь, отца вспоминая,
Что́ хитрой супруги обманомъ захваченъ
И преданъ безбожнѣйшимъ образомъ
Злодѣйской рукою? Погибель виновнымъ,
Когда мнѣ позволено молвить!

Электра.

О, дочери знатныхъ! ко мнѣ вы явились,
Неся утѣшеніе въ скорби...
Всё знаю, всё вижу: меня вамъ нельзя обмануть,—
Но я не хочу, не хочу я сама отказаться
Отъ воплей и плача. Я васъ заклинаю
Отзывчивой дружбою вашей,
Оставьте меня,
Позвольте мнѣ плакать,—молю васъ!

Хоръ.

Антистрофа 1-я.

Но изъ водъ роковыхъ Аида,
Ни слезой, ни моленьемъ страстнымъ
Ужъ не вызовешь близкихъ сердцу.
Ты себя лишь губишь, стеная:
За границы умѣренной скорби
Переходишь ты къ невозможной,—
Въ ней же нѣтъ намъ отъ зла спасенья...
Что жъ стремишься ты къ непосильному?

Электра.

Безумецъ одинъ забываетъ родителей,
Плачевно погибшихъ!
Но сердце мое услаждаетъ хоть нѣсколько

Всё Итія, Итія съ плачемъ зовущая,
Крылатая Зевсова вѣстница,
Тебя же, Ніоба, о всепретерпѣвшая, чту я
Богиней, потому что въ могилѣ скалистой
Ты точишь безсмертныя слезы!

Хоръ.

Строфа 2-я.

Но не одна же, дитя мое, ты
Этимъ постигнута горемъ,
Хоть предана ты печали и болѣе,
Чѣмъ однокровныя сестры твои,
Хризотемида и Ифіанасса,
И, наконецъ, твой любезный,
Юностью пышной, не знающей горя, цвѣтущій
Братъ твой, Орестъ,—да прибудетъ
Подъ покровительствомъ Зевса
Онъ въ достославную землю Микенъ!

Электра.

Вотъ его-то я, бездѣтная,
Незамужняя, несчастная,
Я, на скорбь лишь обреченная,
Жду, слезами обливаяся....
Чтò я сдѣлала ему,—
Все забылъ, неблагодарный, онъ....
Чтò ни вѣсть о немъ—обманъ одинъ....
Только хочетъ онъ пріийдти.

Хоръ.

Антистрофа 2-я.

Полно, мужайся, дитя мое!
Живъ еще нà небѣ
Зевсъ громовержецъ, всевидящій,
Всеуправляющій.
Не раздражая враговъ своихъ,
Не забывая обиды ихъ,
Гнѣвъ свой великій ему поручи ты.

Жди: благодѣтельно время!
Не позабудетъ тебя Агамемнона сынъ,
Ни Ахеронта богъ-мститель!

ЭЛЕКТРА.

Но пол-жизни безнадежно я
Прожила—и силъ нѣтъ болѣе
Выносить: осиротѣлая,
Изнываю я одна.
Жалкимъ рубищемъ прикрытая,
Я чертоги убираю ихъ,
Да слоняюсь у столовъ пустыхъ,
Какъ презрѣнная раба!

ХОРЪ.

Строфа 3-я.

Какъ громокъ и страшенъ былъ вопль,
Когда надъ вернувшимся съ дальней чужбины
На ложѣ завѣтномъ въ упоръ занесенъ былъ
Топоръ смертоносный....
Коварство взлелѣяло замыслъ преступный,
А похоть свершила:
Ужасное дѣло, кто бъ ни былъ виновный—
Самъ богъ или смертный!

ЭЛЕКТРА.

О, этотъ день—лютый врагъ мой,
День, изо всѣхъ самый злѣйшій!
О, ненавистная ночь
Тяжкаго пиршества!
Тогда-то отецъ мой
Увидѣлъ позорную смерть
Изъ рукъ, погубившихъ меня
И жизнь мою—на вѣтеръ брошенную!
Пусть самъ Олимпіецъ съ небесъ
Ихъ горько накажетъ,
Пускай за дѣяніе злое
Не знаютъ отрады они!

ХОРЪ.

Антистрофа 3-я.

Не жалуйся больше. Подумай,
Ты знаешь, какая причина
Тебя повергаетъ
Въ сильнѣйшую скорбь?
Не ты ли сама и раздула
Несчастья свои,
Лелѣя на сердцѣ уныломъ
Угрюмую злобу,
Тогда какъ съ могучими спорить не должно!

ЭЛЕКТРА.

Несчастье меня приневолило,
Несчастье одно!
Я знаю, что злобствую.... Но,
Пока меня жизнь не покинетъ,
Страданій своихъ
Скрывать я не стану.
И что бы вы мнѣ ни сказали,—
Какая же польза отъ слова?
Оставьте жъ меня, съ утѣшеньемъ пришедшія:
Я все буду сѣтовать,
И все убиваться,
Лія безпрестанныя слезы!

ХОРЪ.

Эподъ.

Повѣрь, о тебѣ лишь радѣя,
Какъ вѣрная мать, говорю я:
Не умножай горя горемъ!

ЭЛЕКТРА.

Гдѣ же мѣра для бѣдствій моихъ?
Хорошо ли забыть и погибшихъ?
Изъ людей поступалъ ли кто такъ?
Но пускай же я чести лишусь

И не буду спокойна со счастьемъ своимъ,
Если къ близкимъ забывъ уваженье,
Малодушная, крылья сложу я
Своихъ воплей летучихъ!
Если будетъ умершій во гробѣ лежать,
А злодѣй ликовать безъ возмездья,—
Вѣдь тогда пропадутъ на землѣ
Благочестье и стыдъ!

Хоръ.

Съ заботою объ общемъ нашемъ благѣ
Явились мы, и если мы ошиблись,
А ты права, то докажи: охотно
Мы за тобой послѣдуемъ тогда!

Электра.

Простите мнѣ. Быть можетъ, эти слезы
И жалобы становятся вамъ въ тягость,
Но я вашъ слухъ терзаю противъ воли,
Хоть стыдно мнѣ. И кто жъ, въ комъ не заглохла
Святая честь, не поступилъ бы такъ
При видѣ бѣдъ отца, что̀ съ каждой ночью
И каждымъ днемъ растутъ, границъ не зная?
На долю мнѣ безславье пало. Первымъ
Позорнѣйшимъ несчастьемъ стало—быть
Отъ матери-преступницы рожденной;
Второе—жить въ чертогахъ, обагренныхъ
Отцовской кровью и въ рукахъ злодѣевъ,
А третье.... О, поймите,—горько видѣть,
Что на отцовскомъ тронѣ возсѣдаетъ
Эгистъ предатель подъ порфирой царской
И дерзко льетъ вино на оскверненный,
Запятнанный злодѣйствомъ ихъ очагъ,
И наконецъ,—о худшая изъ худшихъ
Ихъ низостей!—онъ съ матерью,—когда
Возможно такъ назвать прелюбодѣйку,—
Онъ съ ней, несчастной, на отцовскомъ ложѣ
Покоится, и никакихъ Эринній
Она не знаетъ въ наглости своей,

Но, какъ въ насмѣшку, въ годовщину смерти
Супруга своего, приноситъ жертвы
И шумный праздникъ правитъ для народа.
Я жъ, бѣдная, все это видя, плачу,
Томлюсь, слоняясь по пустымъ покоямъ,
И не даютъ мнѣ вдоволь натомиться,
Не позволяютъ выплакаться вдоволь!
Хвастливая своимъ великодушьемъ,
Она меня такой поноситъ бранью:
„Ахъ, мерзкая! одна ли ты несчастна?
Одна ли ты лишилася отца?
Иль не скорбитъ никто объ этомъ больше?
О, еслибъ смертью срамной умерла ты
И у боговъ подземныхъ безъ конца
Стенала бы и плакала, какъ здѣсь!“
Вотъ такъ-то и честитъ меня! Когда же
Ей объ Орестѣ кто-нибудь напомнитъ,
То въ бѣшенствѣ, представъ передо мною,
„Твое“, она кричитъ: „все это дѣло!
Вѣдь ты его изъ рукъ моихъ украла
И тайно выслала отсюда. Знай же,
Поплатишься ты карою достойной!
Такъ лается она,—супругъ же славный,
Онъ—воплощенье пагубы, воитель
Лишь съ бабами,—ее же подстрекаетъ.
А я? я мстителя Ореста,
Несчастная, все жду еще—и гибну!
Создавъ надежды для меня, онъ первый
И рушитъ ихъ. Въ условіяхъ такихъ
Умѣренности или благочестья
Не сохранить, но среди зла, напротивъ,
Намъ и самимъ приходится быть злыми.

Хоръ.

Скажи-ка, вотъ ты съ нами говоришь
Въ отсутствіе Эгиста, иль онъ дома?

Электра.

Конечно, нѣтъ! Не думай, чтобъ при немъ
Могла я за дверь выйти. Нѣтъ, онъ въ полѣ.

Хоръ.

Такъ значитъ, въ самомъ дѣлѣ, я смѣлѣе
Поговорить могу теперь съ тобой.

Электра.

Да, безъ него ты можешь говорить
Все, что угодно.

Хоръ.

Я бъ спросить хотѣла,
Какъ полагаешь ты на счетъ Ореста?

Электра.

Онъ только много говоритъ, дѣла же
Не соотвѣтствуютъ его словамъ.

Хоръ.

Медлительность предшествуетъ великимъ
Дѣламъ.

Электра.

Но я жъ спасла его, не медля!

Хоръ.

Мужайся. Онъ на столько благороденъ,
Чтобъ защитить друзей своихъ.

Электра.

Иначе
Могла ли бы и жить я?

Хоръ.

Тс! ни слова!
Идетъ твоя сетра, Хризотемида,
И, слѣдуя обычаю родному,
Несетъ съ собой въ рукахъ дары умершимъ.

Явленіе III.

Тѣ-же и Хризотемида.

Хризотемида.

Сестра! зачѣмъ опять ты вышла въ сѣни
И подымаешь крики? неужели
Твой тщетный гнѣвъ еще не остудился?
Вѣдь вотъ же я не менѣе страдаю,
И—дай мнѣ волю—я бы показала
Тогда себя... но знаю я, что въ бурю
Плыть надлежитъ, сложивши паруса,
И предъ врагомъ безпомощную ярость
Благоразумнѣй подавить въ груди.
Желаю и тебѣ такъ поступать;
Хоть намъ судья нашъ собственный разсудокъ,—
Но, если я хочу жить на свободѣ,
Должна повиноваться власть имущимъ.

Электра.

Ужасно мнѣ, что дочь, отца забывъ,
О матери-преступницѣ печется!
Въ устахъ твоихъ *ея* звучали рѣчи,
А не твои! Бери жъ себѣ на выборъ
Одно изъ двухъ: быть честной, или низкой.
Не ты ль сама сейчасъ здѣсь говорила
Про гнѣвъ свой негодующій, но мнѣ
Не только ты не помогаешь,—даже
Отговорить стараешься; ну, развѣ
Не низость это, кромѣ злодѣянья?
Но объясни, иль выслушай, какая
Мнѣ польза отъ молчанья. Развѣ я
Ужъ не живу,—хоть и безславной жизнью?
Достаточно и этого съ меня!
Я, чествуя умершаго, который,
Быть можетъ, всё тамъ чувствуетъ такъ ясно;
Его убійцамъ досаждаю этимъ,
А ты ихъ ненавидишь на словахъ,
На дѣлѣ же ты съ ними. Никогда бы

Я имъ не уступила за всѣ блага,
Которыми гордишься ты. Ликуй,
Пей, веселись, живи себѣ во славу!
А мнѣ отрада—вѣрной быть себѣ!
Твоихъ богатствъ и чести мнѣ не надо,
И еслибъ ты была благоразумной, —
То также ихъ отвергла бы. Ты дочь
Великаго, но дочерью гнуснѣйшей
Зовись отнынѣ, чтобъ, по крайней мѣрѣ,
Предавъ отца и съ нимъ своихъ друзей,
Съ убійцами позоромъ подѣлиться!

Хоръ.

Безъ гнѣва, умоляю васъ богами!
Вы обѣ правы и не правы обѣ:
Вамъ другъ у дружки можно поучиться.

Хризотемида.

Дѣвицы! я къ рѣчамъ ея привыкла
И безъ вниманья выслушала бъ, если
Мнѣ не было бъ извѣстно, что грозятъ ей
Несчастія и слёзы пуще прежнихъ.

Электра.

Скажи же! можетъ быть, передъ страшнѣйшимъ,
Чѣмъ настоящее, я замолчу.

Хризотемида.

Скажу тебѣ, что̀ знаю. Если только
Не перестанешь ты вопить, то ими
Порѣшено сослать тебя подальше
Отъ солнца и отъ свѣта, на чужбину,
Въ холодную и мрачную темницу.
Обдумай же, пока еще есть время,
И въ черный день не попрекни меня.

Электра.

Ужели же они такъ и рѣшили?

ХРИЗОТЕМИДА.

Конечно, лишь воротится Эгистъ.

ЭЛЕКТРА.

Такъ пусть же, видя въ этомъ прокъ, спѣшитъ онъ.

ХРИЗОТЕМИДА.

Что̀ ты, несчастная, сказать дерзнула?

ЭЛЕКТРА.

Чтобъ онъ не медлилъ, коль на то пошло!

ХРИЗОТЕМИДА.

Въ умѣ ли ты, бѣды себѣ желая?

ЭЛЕКТРА.

По крайней мѣрѣ, я уйду отъ васъ.

ХРИЗОТЕМИДА.

И ты не думаешь уже о жизни?

ЭЛЕКТРА.

Да, жизнь моя такъ дивно хороша...

ХРИЗОТЕМИДА.

Была бы и такой—съ благоразумьемъ.

ЭЛЕКТРА.

Ахъ, не учи ты низости меня!

ХРИЗОТЕМИДА.

Не низости—уступкѣ передъ силой.

ЭЛЕКТРА.

И обольщайся. Я иначе мыслю.

ХРИЗОТЕМИДА.

Но скверно гибнуть жертвой неразумья!

ЭЛЕКТРА.

Я и хочу погибнуть, за отца
Отмстивъ сперва.

ХРИЗОТЕМИДА.

Отецъ простилъ мнѣ, знаю.

ЭЛЕКТРА.

Такую рѣчь похвалитъ только подлость.

ХРИЗОТЕМИДА.

Такъ ты меня послушаться не хочешь?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ, никогда! безумной не хочу быть.

ХРИЗОТЕМИДА.

Итакъ, прощай. Пойду своей дорогой.

ЭЛЕКТРА.

Куда жъ? и чтò это за жертвы?

ХРИЗОТЕМИДА.

Почтить отца могилу пожелала мать.

ЭЛЕКТРА.

Его-то, кто ей ненавистнѣй всѣхъ?

ХРИЗОТЕМИДА.

Убитаго, сказать ты хочешь, ею?

ЭЛЕКТРА.

Какой же другъ склонилъ её къ тому?

ХРИЗОТЕМИДА.

Мнѣ кажется, видѣніе ночное.

Электра.

О, боги! хоть теперь-то помогите!

Хризотемида.

Такъ ты надѣешься на страшный сонъ?

Электра.

Разказывай сначала, и увидимъ.

Хризотемида.

Но я не многое могу сказать.

Электра.

Хоть что нибудь. Спасеніе и въ маломъ.

Хризотемида.

Передаютъ, что будто бы ей снилось,
Какъ нашъ отецъ воскресъ и съ нимъ вторично
Она живетъ. И видѣлося ей —
Усопшій взялъ ему принадлежащій,
Похищенный Эгистомъ, скипетръ снова
И утвердилъ надъ очагомъ домашнимъ, —
И тотъ прозябъ, многовѣтвистой тѣнью
Покрывши всю страну Микенъ. Въ молитвѣ
Такъ Гелію она передавала,
А мнѣ свидѣтель разказалъ. Но больше
Я ничего не знаю, развѣ только,
Что это-то причиною и было
Послать меня. Но умоляю богомъ,
Послушайся, чтобъ жертвой безразсудства
Не погубить себя, не обратиться
Ко мнѣ тогда, когда ужъ будетъ поздно!

Электра.

О, милая! не требуетъ могила
Его тѣхъ жертвъ; дары изъ рукъ враждебныхъ
Тебѣ и не прилично брать. Развѣй

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-СЕМИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Министерскія распоряженія.

Определения ученаго комитета министерства народнаго просвѣщения.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994